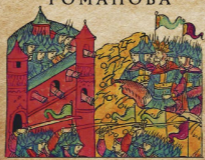

АЛЕКСАНДР
НЕЧВОЛОДОВ

**КАЗАНИЯ
О ЗЕМЛЕ
РУССКОЙ**

ОТ ТАМЕРЛАНА
ДО ЦАРЯ МИХАИЛА
РОМАНОВА

НАШЕСТВИЕ ТАМЕРЛАНА
ИВАН ШИ СОФИЯ ПАЛЕОЛОГ
ИВАН ГРОЗНЫЙ. ВОЙНА СО ШВЕДАМИ
ГОДУНОВ-ПРАВИТЕЛЬ
ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА

Сказания о земле Русской. От Тамерлана до царя Михаила Романова
//Центрполиграф, Москва, 2019
ISBN: 978-5-227-07809-4
FB2: "Alesh ", 2018-12-10, version 1.0
UUID: dae84220-fbf5-11e8-861b-0cc47a5453d6
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Дмитриевич Нечволодов

Сказания о земле Русской. От Тамерлана до царя Михаила Романова

Автор знаменитого труда «Сказания о земле Русской» Александр Дмитриевич Нечволодов – боевой генерал, действительный член Императорского русского военно-исторического общества. В семье последнего русского императора Николая II первое издание «Сказаний» стало настольной книгой. В разных учебных заведениях царской России исследование долгие годы являлось историческим пособием.

Содержание

#1	0005
#2	0006
Часть первая. Образование Московского государства при преемниках Димитрия Иоанновича Донского	0007
Глава 1	0007
Глава 2	0154
Глава 3	0343
Часть вторая. Иоанн Грозный и Смутное время. Избрание на царство Михаила Феодоровича Романова	0561
Глава 1	0561
Глава 2	0753
Глава 3	1032
Глава 4	1300
Источники первой части	1700
Источники второй части	1712
Список иллюстраций	1730
Часть первая	1730
Часть вторая	1731

Александр Нечволодов
Сказания о земле Русской.
От Тамерлана до царя
Михаила Романова

© «Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление,
«Центрполиграф», 2019
* * *

Посвящается светлой памяти Ивана Егоровича Забелина, благодаря многолетним трудам которого, созданным его глубокою душою и проникновенным умом, каждый русский человек получил драгоценное право гордиться своими отдаленнейшими предками и с уверенностью взирать на грядущие судьбы нашего великого народа

Часть первая. Образование Московского государства при преемниках Дмитрия Иоанновича Донского

Глава 1

Великое княжение Василия Димитриевича. Присоединение к Москве Нижегородского княжества. Подвиг отца Патрикия. Нашествие Тамерлана. Чудесное заступничество Царицы Небесной за Русскую землю. Турки в Европе. Битва на Косовом поле. Сражение на Ворскле. Витовт захватывает Смоленск. Нашествие Едигея. Славяне бьют немцев на Зеленом поле. Городельская уния. Великий князь Василий Темный. Смута. Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Казанское и Крымское царства. Свидригайло. Сигизмунд. Казимир. Флорентийский собор. Святой митрополит Иона. Взятие Царьграда турками. Русская земля в XV веке. Святые Савватий и Зосима – соловецкие чудотворцы

Димитрий Иоаннович Донской оставил

Русской земле в лице своего старшего сына достойного преемника для выполнения тех великих заветов, которые передавались московскими князьями от одного к другому, по умильному выражению Симеона Гордого, «для того, чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла».

Несмотря на свой 17-летний возраст, Василий Димитриевич вступил на отцовский престол уже достаточно умудренным большим и

разнообразным жизненным опытом. Еще 11-летним отроком он был послан отцом в Орду, чтобы отстаивать великокняжеский стол от притязаний князя Михаила Тверского. Насильно задержанный там заложником за московский долг в 8 тысяч рублей, деятельный и предприимчивый Василий, «умысли крепко с верными своими доброхоты», как выражается летописец, бежал из своего плена, получил после многих скитаний приют у великого князя литовского Витовта, обещал ему в благодарность за это жениться на дочери и наконец благополучно прибыл в Москву.

Огромную помощь и поддержку молодому великому князю в занятиях государственными делами оказывали, конечно, его умная мать, беззаветно преданная Русской земле и православию великая княгиня Евдокия Дмитриевна, а также и верные бояре, доблестные сподвижники его великого отца.

Из этих бояр особенно замечательны были славный начальник засадного полка во время Куликовской битвы князь Димитрий Михайлович Боброк-Волынский; великий воевода Тимофей Васильевич Вельяминов; боярин

Иван Родионович Квашня, сын известного боярина Ивана Калиты Родиона Нестеровича, и, наконец, знаменитый боярин Феодор Андреевич Кобылин, носивший прозвание Кошка, предок царствующего дома Романовых, на попечение которого во время Куликовской битвы была оставлена в Москве вся великокняжеская семья; впоследствии такой же близостью к великому князю пользовался сын Феодора Андреевича Иван; на дочери же Феодора Андреевича Кошки, отличавшегося большим умом, спокойствием и ласковостью обращения, был женат сын великого князя тверского Михаил Александрович.

Это преданное московское боярство составляло ближайший круг советников Василия Димитриевича.

Что же касается двоюродного дяди молодого великого князя – знаменитого Владимира Андреевича Храброго, то, по-видимому, он был несколько обижен слишком большой близостью перечисленных выше бояр к своему племяннику, почему вскоре после вокняжения Василия, в том же 1389 году, он отправился с семьей из Москвы в свой удел Серпу-

хов, а затем и в Торжок, принадлежавший Новгороду. Но эта размолвка длилась весьма недолго и закончилась в начале 1390 года искренним примирением дяди и племянника, после которого Владимиру Андреевичу не раз представлялся случай верно послужить своим мечом на пользу молодого московского великого князя.

В том же 1390 году была отпразднована в Москве, к большому удовольствию народа, свадьба Василия Дмитриевича с юной Софьей Витовтовной. Затем Василий Дмитриевич отправился в Орду, где был принят с необыкновенным почетом и где ознаменовал свое пребывание крупным шагом в деле собирания Русской земли под единую власть Москвы. А именно он приобрел себе ярлык, разумеется за деньги и богатые дары, на княжество Нижегородское, которое незадолго перед этим купил себе в Орде князь Борис Константинович Городецкий, а также на Городец, принадлежавший последнему, Мещёру, Муром и Тарусу.

Этот поступок Василия Дмитриевича вполне оправдывался государственной необ-

ходимостью, тем более что у всех русских людей было еще свежо в памяти, как нижегородские князья в угоду Тохтамышу сопровождали его Орду до самой Москвы, причем город при их посредстве был взят лестью и страшно опустошен.

Сами нижегородцы сильно тянули к Москве, и поэтому когда, возвратившись из Орды, Василий Димитриевич послал в Нижний татарского посла и своих бояр объявить волю хана, то нижегородские дружинники и народ, собранный по звону колоколов, обеими руками выдали московским людям своего князя.

Поступок нижегородцев наглядно показывает, как велико было уже у всех русских людей сознание необходимости сплотиться вокруг московского великого князя, чтобы создать несокрушимую народную твердь для возрождения Русской земли от всех тех бед и невзгод, которые постигли ее вследствие губельного разделения власти над ней при преемниках Ярослава Мудрого.

Но, разумеется, утверждение нового порядка вещей в Нижегородском княжестве не обо-

шлось без некоторого сопротивления, и Василий Димитриевич вынужден был содержать князя Бориса Константиновича под стражей до конца его жизни; племянники же Бориса Василий и Семен, а впоследствии и сыновья Иван и Даниил делали целый ряд попыток, чтобы вернуть себе Нижний, и прибегали для этого к помощи различных татарских царевичей, которых приводили в пределы московских владений.

Последняя из этих попыток была в 1411 году, когда сын Бориса Константиновича Даниил тайно привел татарский отряд к Владимиру на Клязьме с целью его захватить. Татары подкрались к городу в полдень, во время послеобеденного отдыха жителей, и без труда овладели им, избив множество людей; затем они зажгли его со всех концов и предались грабежу. При этом значительная часть их жадно устремилась к соборной церкви Владимирской Божией Матери, чтобы разграбить ее сокровища. Но в ней затворился доблестный священник, отец Патрикий. Он собрал сколько мог драгоценной церковной утвари и казны, спрятал их в укромном месте храма,

запер двери, затем отбросил от церкви лестницы и стал молиться, проливая горячие слезы, перед образом Пречистой. Скоро татары вломились в собор, ограбили его, схватили Патрикия и стали пытаться, допрашивая, где спрятана казна. Они ставили его на пылающую сковороду, вбивали щепы за ногти, сдирали кожу, но Патрикий не сказал им ни слова. Тогда поганые привязали его за ноги к лошадиному хвосту, и доблестный пастырь, влекомый по земле своими мучителями, испустил наконец свой дух, оставив навеки в сердцах русских людей светлую память о своем подвиге. Такие отдельные разбойнические набеги татарских царевичей и князей постоянно имели место и в других частях нашей Родины.

Так, в самый год поездки великого князя Василия Дмитриевича в Орду, в 1392 году, один из царевичей разорил независимую русскую общину Вятку, основанную в конце XII века Новгородом, за что через несколько месяцев новгородцы, соединившись с устюжанами, спустились по реке Вятке на больших лодках и разорили татарские города Жуко-

тин, Казань и Болгары.

Вслед за присоединением Нижегородской земли Василию Димитриевичу пришлось вступить в борьбу и с Господином Великим Новгородом. Причиной этой борьбы был вопрос о церковном суде. Как мы знаем, новгородский архиепископ всегда зависел от митрополита Московского, причем право церковного суда над новгородцами принадлежало последнему. В 1385 году новгородцы вздумали освободиться от митрополичьего суда, созвали вече и постановили на нем не ходить на суд в Москву к митрополиту, а судиться у своего владыки, после чего написали об этом грамоту и целовали на ней крест. Но с этим никак не хотел согласиться митрополит Киприан, и в 1391 году он самолично прибыл в Новгород, чтобы уговорить его жителей подчиниться его суду, причем разорвал означенную грамоту как незаконно составленную. Однако новгородцы упорно не соглашались на его требования, и Киприан уехал от них в большой обиде. Василий Димитриевич, хорошо понимая, что отделение Новгорода от митрополита знаменовало бы и отпадение этого

города от Москвы, решил поддержать требование Киприана высылкой своей рати к Торжку, который она и заняла. Вскоре жители Торжка возмутились и убили московского боярина Максима, а новгородцы из Заволочья взяли великокняжеский город Устюг. За это Василий велел схватить убийц Максима и предал их суровой казни в Москве. Тогда новгородцы, убедившись в непреклонной твердости великого князя, не замедлили запросить у него мира и согласились на митрополичий суд.

Скоро этой твердости духа молодого великого князя пришлось перенести весьма тяжелое испытание. Новое вторжение с востока огромнейших полчищ варваров грозило нашей Родине повторением ужасов Батыева нашествия.

В недрах Азии появился новый грозный завоеватель, не менее знаменитый и ненасытный, чем Чингисхан, от которого он и происходил по женской линии. Это был Тамерлан, или Темир-Аксак, прозванный также за свою хромоту Железным хромцом. Будучи мелким монгольским князьком, Тамерлан терпел в

юные годы различные испытания и невзгоды, среди которых закалялся его дух и зрели его замыслы о повторении времен Чингисхановых. В 1352 году все достояние Тамерлана, укрывавшегося в пустыне от врагов, заключалось в тощем коне и дряхлом верблюде, а несколько лет спустя благодаря своим удивительным военным и государственным дарованиям, соединенным с бесчеловечной кровожадностью, он был уже повелителем 20 держав в трех частях света – Азии, Европе и Африке. В числе этих подвластных ему держав были владения Персидские, Индийские, Сирийские, Египетские, а также Волжская, или Золотая, Орда, в которой Тохтамыш занял престол после Мамаю именно благодаря покровительству Тамерлана.

Однако через несколько лет Тохтамыш, надеясь на свои силы, решил отложиться от Тамерлана, имевшего свое главное пребывание в Самарканде. Но Тамерлан в 1393 году быстро двинулся против него со своими страшными полчищами, смело прошел через огромные Киргизские степи, причем войска его, уподобляя свое шествие роду непрерывной

охоты, питались главным образом мясом уби-
ваемых во множестве диких коз, сайгаков и
других степных животных. После этого в пре-
делах нынешней Астраханской губернии Та-
мерлан наголову разбил Тохтамыша, бежав-
шего затем за Волгу, и вернулся к себе в Са-
марканд. Два года спустя, в 1395 году, Тамер-
лан вновь двинулся против Тохтамыша,
опять поднявшегося против него. Решитель-
ная битва обоих противников произошла
между реками Терек и Кубанью, близ ны-
нешнего города Екатеринодара. Долго успех
сражения колебался то в ту, то в другую сто-
рону. Сам Тамерлан подвергся величайшей
опасности. Окруженный врагами, расстреляв
все свои стрелы и изломав копье, он все же не
потерял своей твердости и хладнокровия, то-
гда как Тохтамыш, имея в своем распоряже-
нии свежие силы, вдруг побежал, объятый
ужасом.

Тамерлан преследовал его до Волги, поса-
див на его место в Золотой Орде другого хана,
а затем, к великому ужасу всех русских лю-
дей, вместо того чтобы повернуть назад, про-
должал свое наступление к северу и, перейдя

Волгу, вступил в наши юго-восточные пределы. Подступив к городу Ельцу, он без труда взял его, внося всюду по пути ужас и опустошение.

В эти бедственные дни великий князь Василий Димитриевич показал себя достойным преемником своего великого отца. Подобно ему, он начал созывать русских людей на страшный бой с грозным врагом, и на призыв его стали отовсюду собираться полки. Многие старцы, славные участники Куликовской битвы, сели вновь на коней и явились под знамена, чтобы умереть за свою Родину и за веру православную. Сам великий князь начальствовал над войском и расположился близ Коломны, на берегу реки Оки, бодро ожидая дальнейших действий врага и оставя престарелого князя Владимира Андреевича для защиты Москвы, где народ денно и нощно молился во всех храмах. Желая успокоить жителей столицы, Василий Димитриевич написал из своего стана митрополиту Киприану, чтобы он перенес в Москву славную икону Божией Матери из стольного города Владимира.

В самый день Успенья владимирцы с вели-

ким плачем и слезами проводили свою защитницу, а 26 августа весь московский народ, старые и малые, богатые и бедные, здоровые и убогие, во главе с духовенством, князьями и боярами и, конечно, великой княгиней Софьей Витовтовной вышли навстречу чудотворному образу. «И сретоша далече за градом, – рассказывает летописец, – и яко узреша Пречюдный образ Богоматери и на пречистых Ея дланех Пречистый образ Иисус Христов, и вси падоша на землю, со многосугубыми слезами из сердца вздыхающе и молящися прилежно...»

Эта горячая молитва московского народа была услышана Многомилостивой Покровительницей земли Русской.

Тамерлан, с лишком две недели стоявший на своем месте, не подвигаясь «ни семо, ни онамо», вдруг побежал без оглядки в свои степи, именно в тот самый день и час, когда Москва торжественно встречала чудотворную икону. Перед этим он спал и видел во сне огромное воинство в блистающих доспехах, а над ним несравненный облик Царицы, погруженной в жаркую молитву. Вместе с тем ему

предстали святые старцы и грозно потребовали отойти от пределов Русской земли. До глубины души смущенный этим видением, Тамерлан немедленно же отдал распоряжение об отступлении своих войск.

Вскоре Тамерлан обратил свои усилия для того, чтобы сломить могущество турок, грозные победы которых возбуждали уже сильнейшую тревогу во всей Европе.

Первоначальной родиной турок была Средняя Азия, где они с давних времен славились своей большой воинственностью. Страшные перевороты среди азиатских народов, вызванные завоеваниями Чингисхана, привели в движение и турецкие племена, которые благодаря военному устройству своего быта быстро стали господами в Малой Азии, всюду проповедуя огнем и мечом учение Магомета, а затем ряд хищных турецких султанов начали сильно теснить слабую Византийскую империю, раздираемую к тому же внутренними усобицами.

Перебрасывая свои войска через узкий Босфорский пролив, турки направляли свои

удары и на православные славянские племена, обитавшие на Балканском полуострове, на болгар и на сербов.

Город Царьград, охваченный со всех сторон турками, благодаря своим крепким стенам и постоянным богатым дарам, подносимым султанам, сохранял еще до времени тень своей независимости и свободы, но уже в 1361 году султан Мурат I захватил Адрианополь и перенес сюда свою столицу из Азии. Этот Мурат основал знаменитых янычар, отборную турецкую пехоту, набиравшуюся исключительно из христианских детей, воспитывавшихся турками в самой большой ненависти к вере своих отцов.

Утвердившись в Адрианополе, Мурат стал деятельно готовиться к полному порабощению южных славян, и в 1389 году, в самый год смерти Донского героя, нанес этим славянам страшное поражение на Косовом поле, несмотря на изумительное мужество сербов, босняков, болгар, валахов и албанцев. В битве этой пали и вожди обоих воинств: славный король сербский Лазарь и сам Мурат. Его убил серб исполинской силы Милош Кабило-

вич: чтобы сразить страшного врага своего отечества, он явился в турецкий стан под видом перебежчика, выпросил позволение поклониться в ноги султану и затем, представ пред ним, поразил его насмерть, за что, конечно, был тут же убит.

Мурату наследовал еще более жестокий и хищный сын его Баязет I. После смерти отца тут же на поле сражения он повелел воздвигнуть множество пирамид из голов убитых христиан, а затем, покорив всю Болгарию и Сербию, он взял себе в жены дочь покойного короля Лазаря. В 1396 году Баязет нанес под Никоподем страшное поражение ополченцам нового Крестового похода, созванного против него папою Бонифацием IX. После этих побед самоуверенность и зверства турок не знали никаких границ, и Баязет устремил все свои усилия, чтобы окончательно покорить Царьград, причем в течение пяти лет держал несчастный город в осаде, от которой тот, без сомнения, должен был пасть. Но вдруг неожиданно Баязету пришлось снять эту осаду и помериться всеми своими силами с Тамерланом.

Ненасытный Железный хромец, осведомленный о подвигах Баязета в Европе и Малой Азии, отправил к нему послов со следующим высокомерным требованием: «Знай, – писал он Баязету, – что мои воинства покрывают землю от одного моря до другого, что цари служат мне телохранителями и стоят рядами перед шатром моим; но судьба у меня в руках и счастье всегда со мною. Кто ты? Муравей Туркоманский, дерзнешь ли восстать на слона?.. Если робкие европейцы обратили тыл перед тобою – славь Магомета, а не храбрость свою... Внемли совету благоразумия: останься в пределах отеческих, как они ни тесны; не выступай из оных или погибнешь».

Гордый Баязет отвечивал на это послание короткими словами: «Давно желаю воевать с тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь на меч мой».

Столкновение обоих противников произошло в 1402 году в Малой Азии, на полях близ Ангоры. Здесь, несмотря на свое мужество и на отчаянную храбрость янычар, Баязет был наголову разбит и, захваченный в плен, принесен в клетке к Тамерлану, который вслед за

тем богато одарил его, глубокомысленно рассуждал с ним о тленности мирского величия и отпустил своим данником. Эта победа Тамерлана над турками отсрочила на полстолетия переход Царьграда под владычество последних.

Покорив Баязета, Тамерлан пребывал большею частью в Самарканде, причем он, по примеру Чингисхана, сея всюду ужас и разорение, проливая потоки крови, воздвигая огромные пирамиды из человеческих черепов и обращая в груды пепла цветущие города, любил беседовать с учеными, лицемерно показывал себя другом науки и пускался в длинные рассуждения о ничтожестве человеческой жизни, о добродетели и о бессмертии. Он умер и погребен в Самарканде же, входящем ныне в состав нашего Туркестанского военного округа. Посреди великолепной мечети, выстроенной для упокоения его останков, находится роскошная гробница, но она заключает в себе лишь прах его учителя. Сам же Тамерлан, до конца жизни оставаясь лицемером, смиренно приказал себя похоронить у его ног.

Таков был Тамерлан, от ужасов нашествия которого 26 августа 1395 года спасло Русскую землю заступничество Царицы Небесной.

В память этого чудесного события на Кучковом поле, где был встречен жителями Москвы чудотворный образ, воздвигнут Сретенский мужской монастырь, причем день Сретенья до сих пор всенародно празднуется всею Россией, а в Москве установлен и крестный ход из Успенского монастыря в Сретенский.

В Богородичной же церкви во Владимире вместо присланной в Москву иконы была поставлена другая, в меру и подобие подлинной, причем она, по преданию, была написана еще святым митрополитом Петром.

Вскоре после того, как полчища Тамерлана отхлынули от наших пределов, великому князю Московскому опять пришлось вступить в борьбу: новгородцы вновь отказались от митрополичьего суда, а затем и отказались разорвать свое соглашение с ливонскими немцами, когда этого потребовал Василий Дмитриевич.

Это послужило поводом к открытию

неприятных действий со стороны Москвы, причем главное внимание Василия было обращено на богатую Новгородскую область – Двинскую землю, откуда получалось так называемое закамское серебро и дорогие меха, шедшие из Сибири; славилась также Двинская земля и многими другими промыслами, особенно же птицеводством, и лучшие соколы или кречеты для великокняжеских охот ловились именно в ней.

Жители Двинской земли и сами воеводы новгородские, находившиеся в ней, весьма охотно объявили себя за московского великого князя, войска которого заняли уже Вологду, Торжок и некоторые другие города. Встревоженные этим, новгородцы поспешили отправить в Москву посольство, чтобы умиливать Василия Димитриевича. Но последний, оказав ласку посольству, не хотел и слышать о возвращении Двинской земли. Этот отказ пробудил былой воинский дух новгородцев. Они снарядили рать, вошли в Двинскую землю и, произведя там великое опустошение, захватили бояр, передавшихся Москве, после чего, вернувшись в Новгород, главного из них

сбросили с моста в Волхов. Вслед за тем новгородцы послали просить мира у великого князя, и Василий, несмотря на внутреннюю досаду, согласился на него, до времени отказавшись от мысли присоединить Двинскую землю к Москве. Причиной этой уступчивости были дошедшие до него слухи о сношении Новгорода с его тестем, великим князем Литовским Витовтом.

Отношения к Витовту являлись важнейшим государственным делом за все 36-летнее великое княжение Василия ввиду того значения, которое приобрел первый на Литве. Мы видели, что в 1386 году Ягайло, вступив в брак с Ядвигой Польской и перейдя в латинство, в которое он окрестил и свой народ, соединил в своем лице власть над Королевством Польским и Великим княжеством Литовским. Но соединение власти над Литвой под польской короной скоро оказалось ему не под силу. Потеря самостоятельности Литвы была сочтена за обиду сидевшими в ней удельными князьями и боярами, причем во главе недовольных стал двоюродный брат Ягайлы Витовт. Он считал себя лично оби-

женным Ягайлой, в угоду которому он разорвал свои сношения с Немецким орденом, а также вторично перешел из православия в католичество, и был обижен именно тем обстоятельством, что Ягайло назначил своим наместником на Литве не его, а своего родного брата Скиргайлу.

Скоро Витовт открыто поднялся против Ягайлы, вновь заключив договор с немецкими рыцарями, которые, чтобы обеспечить себе его верность, взяли в заложники двух малолетних сыновей Витовта и брата Кондрата.

Поднятая Витовтом борьба с Ягайлой продолжалась с 1389 по 1392 год и велась с большим ожесточением, причем в ней принимали деятельное участие немцы. Витовт рассчитал, что ему выгоднее будет примириться с Ягайлой, который со своей стороны также очень желал мира и шел на большие уступки. Но этому примирению мешал договор Витовта с немцами: для них борьба его с Ягайлой была как нельзя более на руку. Тогда Витовт, чтобы разорвать с ними, решил пожертвовать своими сыновьями и братом. Он вероломно напал на один рыцарский отряд, раз-

бил его, захватил несколько немецких укрепленных замков и 4 августа 1392 года заключил с Ягайлой мирный договор, по которому получил достоинство великого князя Литовского на правах самостоятельного государя, обещая польскому королю неразрывный союз и свое содействие в случае надобности. За это немцы, в отместку Витовту, отравили его обоих детей и заковали в оковы брата. Бывший же наместник Ягайлы на Литве, брат его Скиргайло, получил княжество Киевское, вскоре перешедшее после его смерти также под власть Витовта.

Таким образом, пожертвовав двумя сыновьями (а других детей у него не было) и братом, Витовт стал могущественным князем Литовским, причем в состав его владений входило вдвое больше чисто русских земель, собранных еще Гедимином и Ольгердом, чем литовских. Будучи человеком громадного честолюбия, при этом чрезвычайно скрытным и весьма вероломным, «неверником правды», по выражению летописца, Витовт успешно освободился разными средствами от большинства из своих подручных крупных удель-

ных литовских князей, а затем направил все свои усилия к дальнейшему собиранию Русской земли, причем в этом деле он непременно должен был встретить соперника в лице другого собирателя Русской земли, своего зятя – великого князя Московского.

Здесь будет уместно отметить большую разницу в собирании Русской земли со стороны московских князей и литовских. Для московских князей это было делом священного завета их предков и митрополита Петра-чудотворца – собрать воедино наследие святого Владимира – православный русский народ, разбитый на множество отдельных частей вследствие губительного порядка владения землей целым родом, установившегося после Ярослава Мудрого. Литовские же князья собирали то, что им никогда не принадлежало, то есть были простыми хищниками. Они были чужды как русскому народу, так и православию и с необыкновенной легкостью меняли при надобности свою веру и на язычество, и на латинство.

При этих условиях принятие Ягайлой польской короны и католичества повлияло,

конечно, самым неблагоприятным образом на православных подданных литовского князя, так как на него скоро возымело сильнейшее влияние польское католическое духовенство. И вот после казни двух своих придворных, не захотевших изменить православию, Ягайло издал в 1387 году указ, предписывавший всем литовцам знатного рода принимать католическую веру, причем в эту веру должны были непременно переходить и русские, бывшие в браке с литовцами; упорствующих же приказано было жестоко сечь розгами.

Вместе с тем всем литовским и русским панам, принявшим латинство, Ягайло даровал важные преимущества и льготы против оставшихся в православии. Таким образом, на Литве все льготы перешли к католикам, а гонения и притеснения – на православных. Большим соблазном к переходу в латинство служило для литовских бояр и дворян то льготное и независимое положение, которым пользовалось в Польше как высшее дворянство – магнаты, так и мелкое – шляхта.

В Польше вследствие слабости королев-

ской власти высшее сословие давно уже забрало в свои руки огромную власть в делах государства и владело большой земельной собственностью. В XIV же столетии король Владислав Локетек, также по причине своей слабости, должен был дать большие права и мелкой шляхте. Вместе с тем благодаря близости к Западу в высшем польском сословии сильно развилось иноземное, преимущественно немецкое, влияние, которое оторвало по взглядам, воспитанию, привычкам и вкусам это сословие от простого сельского люда. При этом иноземные заимствования и обычаи требовали более разнообразной и роскошной жизни, и поэтому в Польше стало быстро образовываться городское, промышленное население, преимущественно из ремесленников, иноземцев и жидов, которым покровительствовал ряд польских королей, особенно же Казимир Великий под влиянием своей возлюбленной – жидовки Эстерки. Скоро польские города получили особое самостоятельное управление с большими вольностями и правами по немецкому, или так называемому Магдебургскому, праву. Самым же бес-

правным сословием в Польше было крестьянство.

Порядки, близкие польским, стали устанавливаться и в Великом княжестве Литовском. Как мы уже говорили, бояре, или паньы, перешедшие в латинство, получили большие права против православных. Город Вильна тоже получил, подобно большим польским городам, Магдебургское право и стал быстро заселяться немцами и жидами, причем последним Витовт оказывал особое покровительство. По грамоте его от 1388 года «за увечье и убийство жида христианин отвечает так же, как за увечье и убийство человека благородного звания; за оскорбление жидовской школы полагается тяжкая пеня; если же христианин разгонит жидовское собрание, то кроме наказания по закону все его имущество отбирается в казну. Наконец, если христианин обвинит жида в убийстве христианского младенца, то преступление должно быть засвидетельствовано тремя христианами и тремя жидами добрыми; если же свидетели объявят обвиненного жида невинным, то обвинитель сам должен потерпеть такое

наказание, какое предстояло обвиняемому». Все эти порядки шли, разумеется, в ущерб православному населению великого княжества, то есть большинству его сельских обитателей.

Прочно утвердя свое положение в Литве, Витовт прежде всего устремил свой взор на город Смоленск, бывший предметом вожделений и его дяди Ольгерда. Скоро представился удобный случай попытаться овладеть им. В 1395 году великий князь Московский Василий Дмитриевич был озабочен страшным нашествием Тамерлана, а в Смоленске шла в это время сильная усобица между удельным князем Юрием Смоленским со своими братьями, причем Юрий должен был временно уехать из города к своему тестю, престарелому Олегу Рязанскому, тому самому, который был противником Дмитрия Донского в вечнопамятные дни Мамаева нашествия.

Этим воспользовался Витовт. Распустив слух о своем движении против татар, он неожиданно подступил к Смоленску; затем под видом родства (его вторая жена была дочерью одного смоленского князя) он зазвал к

себе в стан всех бывших в городе смоленских князей, обещая им посредничество при дележе волостей, а когда те, ничего не подозревая, собрались к нему, то велел их заковать и отправить в Литву. Смоленск же он занял литовским отрядом, захватившим и кремль. Олег Рязанский пытался было заступиться за своего зятя, но Витовт вторгся в его владения и, «пролив кровь, как воду, и побив людей – сажая их улицами», по выражению летописца, – с торжеством вернулся к себе в Литву.

Видя все происходящее, Василий Димитриевич, конечно, внутренне сильно досадовал на тестя; однако он не признавал себя достаточно сильным, чтобы вступить с ним в борьбу за Смоленск. Витовт был в это время на вершине своей славы и считался одним из могущественных государей Европы. Скоро между ним и Ягайлой опять возникли нелады. Ягайло, по настоянию Ядвиги, стал требовать от Литвы уплаты прежнему жениху своей жены, принцу Вильгельму Австрийскому, 200 000 червонцев, согласно данному ему обещанию при расторжении с ним брака. Это требование сильно оскорбило Витовта; он со-

брал в Луцке своих бояр и с негодованием объявил им о нем, сказав: «Мы не рабы Польши, предки наши никому не платили дани. Мы люди свободные, и наши предки кровью приобрели нашу землю».

Все это, разумеется, было передано Ягайле и Ядвиге, которая так огорчилась поведением Витовта, что вскоре умерла, причем, ввиду своей бездетности, взяла с Ягайлы обещание вступить по ее смерти в брак с одной из внучек Казимира Великого.

Витовт же, готовясь к разрыву с Польшей и также имея виды на Новгород, где у него были сторонники, питавшие вражду к Москве, опять вошел в соглашение с немцами и заключил с ними договор, причем за помощь, которую ему обещал орден в деле овладения Великим Новгородом, Витовт согласился на подчинение немцам Пскова.

Вот почему, по-видимому, великий князь Василий Димитриевич, проведав про сношение новгородцев с Витовтом, которые готовы были ему передаться, согласился заключить с вольным городом мир и отказался при этом временно от видов на Двинскую землю.

Захватив Смоленск, будучи готовым к разрыву с Польшей и простирая свои виды на Великий Новгород, Витовт, упоенный своими успехами, считал себя достаточно сильным, чтобы помериться силами и с татарами. Он приютил у себя в Литве Тохтамыша[1], разбитого Тамерланом, и желал восстановить первого в его прежних владениях, с тем чтобы он помог затем Витовту добыть Москву. Эта поддержка Тохтамыша привела Витовта в столкновение с новым ханом Золотой Орды Темир-Кутлуем, ставленником Тамерлана. Собрав огромное ополчение из своих литовских и русских подданных и присоединив к ним отряды поляков, немцев, тохтамышевых татар и других народностей, Витовт выступил с этой ратью в 1399 году к южным степям, по тому пути, по которому ходил некогда Владимир Мономах на половцев, мечтая нанести татарам поражение, подобное куликовскому.

Однако большая разница была в целях обоих вождей, Дмитрия Донского и Витовта, и в чувствах, воодушевлявших их воинства. Для Дмитрия Донского и его доблестных сподвижников, сынов православной Руси, Кули-

ковская битва была страшным и великим подвигом во имя своей веры, народности и земли. Все они шли в бой, связанные взаимным общим согласием и горячей надеждой на заступничество Божие, обещанное святым Сергием Радонежским.

Витовт же и его разнородное воинство, идя на татар, вовсе не были одушевлены каким-либо великим или чистым помыслом. Рать шла для восстановления Тохтамыша, с тем чтобы при его посредстве можно было управиться затем и с Москвой.

Перед выступлением Витовта в поход к нему явился посол Темир-Кутлуя с требованием выдать ему Тохтамыша. Но Витовт отвечал: «Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам». При подходе Витовта к берегам реки Ворсклы Темир-Кутлуй послал его спросить: «Зачем ты на меня пошел? Я твоей земли не брал, ни городов, ни сел твоих». Высокомерный Витовт отвечал: «Бог покорил мне все земли, покорись и ты, будь мне сыном, а я тебе буду отцом и плати мне ежегодную дань; а не захочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся Орда твоя будет

предана мечу». На это требование хан, по-видимому чтобы выиграть время для подхода всех своих отрядов, дал свое полное согласие. Тогда Витовт, видя такую уступчивость, послал новое требование, а именно: чтобы на всех ордынских деньгах чеканилось клеймо литовского князя в знак подданства ему татар. Хан соглашался и на это, прося лишь три дня на размышление для окончательного ответа. Витовт дал ему три дня.

А за эти три дня к Темир-Кутлую подошел поседевший в боях сподвижник Тамерлана, князь Едигей, также распорядившийся самовластно в Орде именем хана, как это в свое время делал Мамай.

Узнав о предложении Витовта, Едигей пожелал иметь с ним личное свидание. И вот они съехались на противоположных берегах Ворсклы. «Князь храбрый! – насмешливо начал свою речь Едигей. – Наш царь справедливо мог признать тебя отцом, он моложе тебя годами; но зато я старше тебя, а потому теперь ты признай меня отцом, изъяви покорность и плати дань, а также изобрази на литовских деньгах мою печать». Речь эта приве-

ла, разумеется, Витовта в неистовую ярость, и он приказал тотчас же готовиться к битве.

Спытко, воевода краковский, видя огромные полчища татар (их было до 200 000 человек), имел благоразумие настойчиво советовать Витовту, не вступая в бой, искать с ними примирения; но остальные военачальники встретили его совет с пренебрежением, причем дерзкий польский пан Щуковский хвастливо сказал Спытке: «Если тебе жаль расстаться с твоей красивой женой и с большими богатствами, то не смущай по крайней мере тех, которые не страшатся умереть на поле битвы». – «Сегодня же я паду честной смертью, а ты трусливо убежишь от неприятеля», – ответил ему на это Спытко. Предсказание его оправдалось: татары нанесли страшное поражение воинству Витовта, причем первыми бежали Тохтамыш и пан Щуковский, а затем Витовт. Дстойный же Спытко пал смертью героя. Ужасное кровопролитие продолжалось до глубокой ночи. «Ни Чингисхан, ни Батый, – говорит Н.М. Карамзин, – не одерживали победы совершеннейшей». Едва одна треть Витовтовой рати вернулась домой,

татары преследовали ее до Киева, опять разграбив несчастный город и Печерскую обитель.

Разгром Витовта на берегах Ворсклы был, конечно, на руку великому князю Московскому, но вместе с тем он показал, какую огромную силу представляют татары, с которыми мы после Тамерланова нашествия перестали вовсе считаться и прекратили всякие сношения.

Одним из следствий поражения Витовта татарами было обратное овладение Смоленском в 1401 году его бывшим князем Юрием при помощи тестя – Олега Рязанского. Но, севши вновь в Смоленске, Юрий не сумел его долго удержать. Он скоро восстановил против себя городских жителей своими жестокостями по отношению к сторонникам Витовта, и когда в 1402 году умер Олег Рязанский, то Юрий был вынужден обратиться за защитой против Витовта к московскому великому князю. «Тебе все возможно, – говорил Юрий Василию Димитриевичу, – потому что он тебе тесть. Если же он ни слез моих, ни твоего совета не послушает, то не отдавай меня на съе-

денье Витовту, а помоги мне или же возьми город мой за себя: владей лучше ты, а не поганая Литва». Василий обещал помочь, но, пока он собирался, Витовт, узнав об отъезде Юрия в Москву, быстро подошел к Смоленску, причем его доброхоты, которых было много, сдали ему город вместе с княгиней Юрия. Захватив Смоленск, Витовт казнил всех сторонников Юрия среди бояр и посадил своих наместников; горожанам же дал большие льготы, чтобы привлечь их на свою сторону.

Узнав о взятии Смоленска Витовтом, Василий, предполагая, что это было сделано по тайному уговору Юрия и Витовта, сильно рассердился и сказал Юрию: «Приехал ты сюда с обманом, приказав Смоленску сдаться Витовту». После чего Юрий выехал из Москвы в Новгород.

Так захватил Витовт в свои руки Смоленск, древнее наследие Ростиславовичей, овладев им в первый раз путем обмана, а во второй – добыв изменой. Как мы увидим, огромное количество русской крови лилось впоследствии в течение более двух веков у Смоленска, пока он вновь не был окончательно возвращен в

состав наших владений.

После неожиданного захвата Витовтом Смоленска Василий Димитриевич не счел уже своевременным вступить из-за него в борьбу с тестем, но когда Витовт вслед за тем стал явно стремиться к овладению Новгородом и Псковом, то Василий Димитриевич двинул свои полки на Литву, и военные действия между зятем и тестем продолжались в течение трех лет, причем за это время из Литвы выехало в Москву много знатных людей, недовольных новыми установившимися там порядками. В числе их был и родной брат Ягайлы, Свидригайло Ольгердович, получивший в удел от Василия Димитриевича город Владимир на Клязьме. За все эти три года русские и литовские войска сильно опустошали неприятельские пограничные области, но до решительного сражения дело не доходило ни разу. Наконец в 1408 году сошлись обе противные рати на реке Угре. Но и тут боя не произошло. Витовт и Василий решили заключить здесь мир, по которому каждый оставался при своих владениях; мир этот не нарушался до конца их жизни.

Помирившись с Витовтом, Василий Дмитриевич затем выдержал нашествие татар, оказавшееся по своим последствиям значительно бедственнее Тамерланова.

Старый князь Едигей после своей победы при Ворскле забрал еще больше силы в Орде и негодовал на московского князя, не славшего ни даров, ни послов. Он сильно рассчитывал, что Витовт нанесет последнему поражение и, с огорчением узнав об их примирении, решил сам выступить против Москвы. Но напасть на нее открыто или вызвать московские войска на бой в чистом поле татары после Куликовской битвы уже не отваживались. Поэтому они решили действовать украдкой. Обманувши великого князя ложной вестью, что хан идет со всеми силами на Витовта, Едигей, подобно Тохтамышу, с большой скрытностью и быстротой устремился на Москву и подошел к ней 30 ноября 1408 года. Василий Дмитриевич, вверив ее защиту Владимиру Андреевичу Храброму, отправился в Кострому собирать ополчение и приказал выжечь кругом Москвы все посады. «Зрелище было страшно, – говорит Н.М. Карамзин, – вез-

де огненные реки и дым облаками, смятение, вопль, отчаяние. К довершению ужаса, многие злодеи грабили в домах, еще не объятых пламенем, и радовались общему бедствию».

Подступив к Москве и окружив ее со всех сторон, Едигей отрядил 30 тысяч татар следом за Василием на Кострому и приказал тверскому князю Ивану Михайловичу, сыну знаменитого соперника Дмитрия Донского, идти со своим пушечным нарядом, или, как теперь говорят, артиллерией, бывшим в то время одним из самых могущественных в целой Европе, на Москву. Но доблестный Иван Михайлович, не желая поднимать руки на своих единокровных братьев, выступив в поход, притворился больным и так и не подошел на помощь Едигею, который распустил свои отряды во все стороны, чтобы жечь и грабить Московское княжество. Татарами были взяты и разорены Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец. Поганые всюду предавались ужасным неистовствам и брали в плен беззащитных жителей тысячами, так что иногда, по словам летописца,

один татарин гнал перед собою человек сорок пленных, связанных на свору, как псов. Москва между тем твердо противостояла Едигею под руководством маститого старца князя Владимира Андреевича, укрепившего стены и вооружившего их пушками и пищалями, то есть тяжелыми ружьями.

Наконец после месячной осады Едигей получил из Орды тревожные вести, что, пользуясь его отсутствием, какой-то царевич хотел занять ханскую столицу. Тогда он, взяв с Москвы выкуп в 3 тысячи рублей, с радостью ему уплаченный, поспешно стал отходить, захватив, впрочем, по дороге Рязань. Достоин замечания, что Едигей поспешно ушел от стен Москвы 20 декабря, в канун празднования памяти святого митрополита Петра. В жизни города Москвы немало было случаев, где чудесная, таинственная помощь святителя Петра с очевидностью подтверждала и укрепляла глубокую веру в него московского народа. С дороги Едигей написал гневное письмо Василию Димитриевичу, в котором выговаривал ему его гордость и советовал смириться. Но письмо это не подействовало

на московского государя, и он возобновил сношения с Ордою лишь в 1412 году, когда отправился в нее с дарами приветствовать нового хана, причем враждебные действия с татарами, кроме обычных разбойнических набегов с их стороны, более не возобновлялись до конца жизни великого князя.

Примирившись в 1408 году на реке Угре с Василием Дмитриевичем, Витовт стал деятельно готовиться вместе с Ягайлой, с которым он тоже сблизился после своего поражения на Ворскле, против немецких рыцарей, не перестававших стремиться к захвату пограничных с орденом литовских земель, особенно же Жмудской, или Жемоитской, волости, так как волость эта связывала владения рыцарей Немецкого ордена в Пруссии с владениями Ливонскими в одно целое. Рыцари также усиленно готовились к предстоящей борьбе, и 15 июля 1410 года противники сошлись друг с другом близ деревни Домровно в Пруссии.

Здесь произошла знаменитая битва между славянами и немцами на местности, носившей название Зеленого поля (также Таннен-

берг или Грюнвальд).

В состав рыцарского воинства, численностью до 100 тысяч человек, входили отряды, собранные со всех областей Германии, а также из Венгрии, Швейцарии, Голландии, Франции и даже Англии. Все эти отряды были превосходно вооружены и обучены ратному делу, причем обладали и многочисленной, но малоподвижной для действий в поле артиллерией.

У Ягайлы и Витовта было тоже не менее 100 тысяч войска из русских, поляков, литовцев, чехов, тохтамышевых татар, моравов и армян. Рать эта делилась на 91 хоругвь (в каждой до 300 человек конницы и около 800–1000 человек пехоты); при этом из 51 польской хоругви 7 состояло целиком из уроженцев русских областей, подпавших под власть Польши, а именно: хоругви львовская, перемышльская, холмская, галицкая и 3 подольских, а в 40 литовских хоругвях только 4 было собственно литовских, остальные же 36 были также чисто русские, набранные из уроженцев русских областей, подвластных Литве. Таким образом, русские составляли боль-

шинство в собранной польско-литовской рати. Несмотря, однако, на это, начальниками над всеми чисто русскими хоругвями были исключительно польские и литовские паны, и только тремя доблестными смоленскими хоругвями, покрывшими себя, как увидим, в этот день неувядаемой славой, предводительствовал князь Юрий Лугвениевич Мстиславский, в жилах которого текла русская кровь, так как отец его князь Лугвений Ольгердович был женат на княжне Марии Димитриевне Московской, дочери Димитрия Донского.

У Ягайлы и Витовта были также взяты с собою пушки, отличавшиеся такою же малой подвижностью, как и немецкие, но их было значительно меньше. Польско-литовская рать уступала немецкому воинству в смысле выучки, но зато значительно превосходила его в нравственном отношении, так как в рыцарской среде давно уже были утрачены прежние суровые добродетели Немецкого ордена, и вместо них теперь царили безбожие, пьянство, обжорство, игра в кости и разврат.

Перед столкновением осторожный и нерешительный Ягайло пытался покончить дело

мирными переговорами, но надменный великий магистр Немецкого ордена Ульрих фон Юнгинген с презрением отверг их и перед самой битвой послал с целью насмешки два меча Ягайле и Витовту, причем принесший их держал им такое слово: «Пресветлейший король, великий магистр прусский Ульрих прислал тебе два меча: один тебе, другой брату твоему в помощь, чтобы ты не робел, но осмелился драться. Если тебе тесно, то великий магистр уступит тебе место». Ягайло, воздев глаза к небу, ответил, что Бог рассудит, кто прав.

Битва началась стрельбой артиллерии обеих сторон, причем пушкари действовали так неумело, что все снаряды пошли вверх, не причинив никому вреда. После этого пылкий Витовт двинул вперед татар на крестonosцев; Ягайло же расположился поодаль и все время молился, стоя с воздетыми к небу руками. Видя наступление татар, рыцари, закованные в железо, стройно двинулись против них и быстро их опрокинули, татары кинулись бежать. Витовт повел тогда в бой литву и жмудь, но рыцари опрокинули и их. Скоро

все поле было усеяно бегущими, которых беспрестанно рубили немцы. Никакие просьбы Витовта остановиться, никакие угрозы, даже удары не помогали.

Спасли честь польско-литовских знамен доблестные русские войска. Три смоленские хоругви, со всех сторон окруженные огромным количеством рыцарского войска, долго и мужественно отбивались, причем одна из них была поголовно истреблена, но не сдалась. Две же другие пробились с большими потерями и вышли на выручку к польским хоругвям, которым приходилось плохо: немцы добивались к королевскому знамени, выпавшему из рук знаменосца; в это же время и сам Ягайло был чуть не убит наскочившим на него смелым рыцарем. Своевременный выход доблестных смолян на помощь полякам, к которым направились затем на поддержку и другие русские хоругви, переменял положение дел на поле сражения.

Скоро славяне со всех сторон окружили крестоносцев и довершили их поражение, радостно восклицая: «Литва возвращается» при виде Витовта, ведшего с собой отряд своих

беглецов. Великий магистр Ульрих был ранен два раза и наконец сбит с коня ударом рогатины по шее. Множество рыцарей падало на колени, моля о пощаде, но некоторые сами убивали друг друга, не желая попасть в руки врагов. Победа была самая полная. Взяты были все 52 немецких знамени, все пушки и весь богатый обоз. Убитых крестоносцев было 18 тысяч человек; раненых до 30 000; пленных до 40 000; а разбежалось около 27 тысяч. Такова была блистательная победа над немцами, одержанная соединенными силами славян, действовавших на Зеленом поле с редким единодушием и взаимной поддержкой, причем львиная доля славы выпала русским хоругвям, особенно же трем смоленским.

«Битва на Зеленом поле была одна из тех битв, – говорит историк С. Соловьев, – которые решают судьбу народов: слава и сила ордена погибли в ней окончательно». Битва эта показала также всему миру, что могут сделать соединенные силы славянских народов. Прусские рыцари могли быть тогда совершенно уничтожены, и только чрезвычайная ярость Ягайлы после сражения дала возмож-

ность оправиться ордену и продолжать свое существование в течение еще некоторого времени.

Ближайшим же следствием этой победы было усиление сближения Польши с Литвой, конечно за счет выгод православного населения последней.

В 1413 году было созвано общее собрание, или сейм, для поляков и литовцев в Городле, недалеко от Владимира-Волынского, где было выработано так называемое Городельское соединение, или уния, по которой Польша и Литва соединялись в одно государство, с тем, однако, что Литва будет всегда иметь своего особенного великого князя и свое особенное управление. При этом литовское дворянство сравнивалось во всех своих правах с дворянством польским и получало также право присоединяться к польским гербам[2]; вместе с тем оно могло получать звания и должности подобно польским. Наконец, в Литве, по примеру Польши, устанавливались сеймы, или общие собрания дворян, для решения государственных дел. При этом, однако, всеми означенными преимуществами, или привилеги-

ями, могли пользоваться только католики; православные же, или схизматики (еретики), как их презрительно называло латинское духовенство, никаких прав не получали и никаких высших должностей занимать не могли.

Победа на Зеленом поле очень подняла значение Витовта, поникшее после поражения на Ворскле. У татар же не прекращались взаимные раздоры, и сила их быстро падала. Престарелый Едигей, уступив в конце концов Волжскую, или Золотую, Орду сыновьям Тохтамышу, властвовал сам над ордами, занявшими черноморское побережье. Он вел еще некоторое время борьбу с Витовтом и в 1411 году, подойдя к Киеву, ограбил его и разорил все церкви, в том числе и Печерскую лавру. Но затем он отправил к Витовту посольство с богатыми дарами и следующим словом: «Князь знаменитый! В трудах и подвигах честолюбия застигла нас унылая старость; посвятим миру остаток жизни. Кровь, пролитая нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранные, какими мы друг друга огорчали, развеяны ветрами; пламя войны очистило сердца наши от злобы. Во-

да угасила пламя». Они заключили мир.

Большой сравнительно мир и тишина наступили вслед за отступлением Едигея от Москвы и для Василия Дмитриевича; отношения его с Ордой были почти все время мирные. Рязань же и Тверь после смерти знаменитых соперников Донского – Олега Рязанского и Михаила Тверского – не могли и думать о борьбе с Москвою и все более и более подчинялись ее влиянию, чему способствовали внутренние усобицы, происходившие в них.

Великий Новгород и Псков также должны были держать княжение Василия Дмитриевича честно и грозно; Новгород, несмотря на постоянную борьбу партий и желание уйти из-под власти Москвы, хотя бы для этого пришлось передаться Литве, должен был считаться с волею Василия, боясь за свою богатую Двинскую землю. Псков же стал уже постоянно принимать своих князей из рук великого князя Московского, за что Василий Дмитриевич оказывал ему свою неизменную помощь в борьбе с Ливонским орденом, который участил свои нападения на Псковские владения именно в то самое время, когда со-

единенная славянская рать разгромила рыцарей Прусского ордена на Зеленом поле. Доблестные псковичи, не встречая в этой борьбе никакой поддержки от своего старшего брата – Новгорода, сами неоднократно смело вторгались в Ливонские владения, и после целого ряда опустошительных походов в 1417 году между ними и немцами был заключен мир по старине, при посредстве посла великого князя Василия, причем в мирном договоре Василий был называем рыцарями «королем Московским и императором Русским».

Со шведами в княжение Василия Димитриевича было лишь несколько мелких столкновений, причем новгородцы в 1411 году ходили до Выборга и взяли его наружные укрепления, а из Двинской земли в том же году русские молодцы совершили поход на норвежцев, на далекий север – в Лапландию.

При Василии Димитриевиче произошло несколько важных событий и в нашей церковной жизни. Митрополит Киприан, за свою великую добродетель и праведность причтенный по смерти к лику святых, имел под своею властью все епархии как в Московской, так и

в Литовской Руси, причем, пользуясь большим расположением со стороны Василия Дмитриевича, сумел снискать себе в то же время и полное доверие Витовта и Ягайлы.

Преемником Киприана был ученый грек Фотий, также праведной и святой жизни человек. Однако Фотий не обладал всеми дарованиями Киприана; он не умел ладить с Витовтом и никогда не ездил в свои литовские епархии. Хитрый Витовт, давно мечтавший для своих православных подданных о митрополите, независимом от Москвы, с тем чтобы последний был всецело под его влиянием, искусно воспользовался тем, что Фотий не посещает литовских епархий, и стал хлопотать у царьградского патриарха о поставлении особого киевского митрополита для Западной Руси, причем ходатайствовал за своего ставленника, болгарина Григория Цамблака. Указывая на нерадение Фотия и выставляя себя горячим ревнителем православия, Витовт уверял, что хлопочет только для того, чтобы сторонние люди не могли говорить: «Государь Витовт иной веры; он не печется о Киевской церкви».

Тем не менее патриарх не согласился на поставление Цамблака. Тогда Витовт собрал в 1415 году подвластных себе православных епископов в Новогрудек и заставил их поставить Цамблака киевским митрополитом. Так этим самовластным поставлением Цамблака разделилась надвое бывшая до сих пор единая Русская митрополия, издревле объединявшая своим благотворным влиянием всех православных обитателей Русской земли.

Конечно, следствия этого разделения не замедлили сказаться. Витовт тотчас же послал Цамблака с литовскими панами в Швейцарию на происходивший там под председательством папы известный Констанцкий собор, чтобы хлопотать об унии или присоединении греческой веры к латинской, но Цамблак прибыл, когда уже собор кончался, и успеха в своем посольстве не имел.

В 1419 году после смерти Цамблака Витовт помирился с Фотием и опять подчинил ему свои епархии, но пример разделения митрополии оставил по себе сильный след и, как увидим, повел впоследствии к окончательному ее распадению на восточную, или Москов-

скую, и западную, или Киевскую.

Что касается Северо-Восточной Руси, то там дело святого Сергия Радонежского и его учеников усердно продолжали многие святые подвижники, проповедуя православную веру и насаждая иноческое житие, особенно на востоке и на севере нашего Отечества.

К концу XIV века корелы, обитатели берегов Ладожского озера, исповедовали уже православную веру благодаря трудам преподобных Сергия и Германа, первоначальных основателей Валаамской обители. Спустя некоторое время преподобный Арсений положил начало монастырю на острове Коневец. Дикая чудь в стране Каргопольской имела своим благовестником преподобного Кирилла Челмгорского, а обитатели Крайнего Севера – лопа-ри и мурманская чудь – слышали евангельскую проповедь от великого подвижника и чудотворца Саввы Лазаря.

В конце XIV века жили в Новгороде, раздираемом постоянными усобицами, двое угодников Божиих, подвизавшиеся в юродстве, блаженные Феодор и Николай Кочанов. Соблюдая строго пост и чистоту, не имея нигде

постоянного житья, они бегали босые и полунагие в жестокие морозы по улицам, терпеливо снося поношения, а иногда и побои. Блаженный Николай юродствовал всегда на Софийской стороне, а Феодор – на Торговой. Оба они вполне понимали друг друга, но показывали вид непримиримой вражды, обличая тем постоянную распрю двух сторон великого города.

Ревностно занимаясь государственными делами, великий князь Василий Дмитриевич заботливо относился также к возведению новых церквей в своей столице и к украшению уже существующих. Он построил в Кремле церковь Благовещения, где стали совершаться крестины и бракосочетания членов великокняжеской семьи. Сюда же он перенес найденную заделанной в стене Суздальского собора святыню: страсти Господни, именно – часть крови Спасителя, камень от гроба Его и терновый венец.

Расцвело при Василии Дмитриевиче и русское иконописное искусство, заведенное в Москве собственной рукой святого Петра-митрополита. Лучшие образа знаменитого

иконописца Троицкой лавры Андрея Рублева написаны им именно во время великого княжения Василия, причем Рублев в 1405 году расписал своими дивными иконами новопостроенный Благовещенский собор.

За храмом Благовещения, на башне великокняжеского дворца Василий Димитриевич устроил в 1404 году первые в России часы с боем, которые за 150 рублей (около 30 фунтов серебра) поставил пришедший с Афона сербин Лазарь. На часах был сделан искусственный человек, выбивавший молотком каждый час. Летописец так говорит об этих часах: «Сей же часник наречется часомерье: на всякий же час ударяет молотом в колокол, измеряя, и рассчитал часы ночные и денные, не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтанно и преухищренно».

Во времена Василия стали развиваться в Москве также ремесла литейное и чеканное и искусство делать украшения из дорогих металлов, камней и жемчуга. Особенно славился в последнем искусстве сам великий князь;

в своем завещании он упоминает о золотом поясе с кошельком, лично им скованном. До нас дошло чрезвычайно любопытное современное изображение великого князя Василия Димитриевича с супругой; оно вышито шелками на саккосе митрополита Фотия, хранящемся в московской патриаршей ризнице.

Рядом с этим изображением вышиты также шелком греческий император Иоанн Палеолог и его супруга императрица Анна, дочь Василия Димитриевича и Софьи Витовтовны, выданная замуж в 1414 году за царя Иоанна, отцу которого задолго до этого брака московский великий князь широко приходил на помощь деньгами в его борьбе с турками.

Василий Димитриевич скончался 27 февраля 1425 года среди общего уныния и слез, во время страшного мора, свирепствовавшего по всей Русской земле.

Следуя в течение своего 36-летнего великого княжения высоким заветам предков – собирать Русскую землю, он, как мы видели, достиг весьма многого; а именно: примыслил княжество Нижегородское и другие богатые

волости на берегах Оки и Волги, подчинил своему влиянию Тверь, Рязань и Псков, заставил новгородцев держать свое великое княжение честно и грозно, остановил дальнейшие стремления Литвы к овладению русскими землями к востоку от Смоленска и, когда было необходимо, брался за оружие против татар.

Но отец Василия, незабвенный герой Куликовской битвы, завещал и новый порядок престолонаследия от отца к старшему сыну, порядок, столь необходимый для возрождения могущества нашей Родины. Следуя этому новому порядку, Василий Димитриевич также завещал столы Московский и Владимирский сыну своему Василию II, оставшемуся после смерти отца 10-летним мальчиком.

Конечно, уже ни тверской, ни рязанский князья не могли и думать оспаривать старший великокняжеский стол у юного московского князя. Но зато тотчас же после смерти Василия Димитриевича вспыхнула смута в среде самих московских князей; она была первой и последней в потомстве Иоанна Калиты, но ознаменовалась жестокой борьбой и

кровопролитием.

Дело заключалось в том, что у Василия Дмитриевича оставались братья, из которых старший, Юрий Дмитриевич Звенигородский, по всем обычаям старины имел неоспоримое право на великокняжеский престол, а потому не хотел согласиться на передачу его своему 10-летнему племяннику, отказываясь вместе с тем признавать, что согласно воле отца его, Дмитрия Донского, в Московском княжестве должен был утвердиться новый порядок престолонаследия от отца к сыну. При этом Юрий ссылался на духовную Донского, в которой последний, завещая великое княжение своему юному сыну Василию Дмитриевичу, еще не успевшему вступить в брак, писал: «А отнимет Бог сына моего старейшего Василия, а кто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему стол Васильев, великое княжение». Ясно, что Дмитрий Иоаннович Донской писал это на тот случай, если Василий Дмитриевич умрет бездетным. Но Юрий криво толковал в свою пользу это завещание и, когда умер старший брат, не хотел признавать его сына, малолетнего Василия

Васильевича, преемником на великом княжении Московском.

В ту же ночь, как умер Василий, митрополит Фотий послал за Юрием звать его в Москву присягать новому великому князю. Юрий отказался; однако, боясь принуждения, он не хотел даже оставаться поблизости от Москвы и бежал в отдаленный Галич, где стал собирать войска. Но московские бояре, посадив на коня своего маленького великого князя, сейчас же пошли на Юрия; тогда последний, видя, что сочувствие земли не на его стороне, запросил перемирия на год. По совету матери Василия Васильевича, дядей и даже деда – Витовта Литовского – митрополит Фотий отправился в Галич уговаривать Юрия к вечному миру. Но, несмотря на все усилия митрополита, Юрий не соглашался на вечный мир, и Фотий, разгневавшись, выехал обратно в Москву. Между тем тотчас же после его отъезда в Галиче открылся сильный мор. Тогда Юрий испугался; он вернул митрополита, после чего мор сразу же стих, и послал двух своих бояр для переговоров в Москву, где они и заключили мир на том условии, что вопрос, быть

ли дяде или племяннику великим князем, должен решить хан Золотой Орды, для чего оба они отправятся к нему.

Поездка эта по разным причинам состоялась только в 1432 году, то есть через семь лет, после смерти святителя Фотия, которая развязала руки всем враждам и крамолам, сдерживаемым при его жизни.

В Орде ловким и красноречивым защитником прав Василия явился хитрый и изворотливый московский боярин Иван Димитриевич Всеволожский. На ханском суде Юрий доказывал свои права на основании старых порядков и приводил в свидетельство летописи и криво толкуемое им завещание Донского. Боярин же Всеволожский обошел хана, польстив ему, что Юрий ищет великого княжения и доказывает на него свои права, а московский князь Василий всецело уповает на ханскую милость, благодаря которой княжил его отец и он сам княжит уже семь лет. Эта лесть подействовала: хан дал ярлык Василию и даже хотел, чтобы дядя Юрий в знак подчинения вел бы коня под племянником, но Василий не желал напрасно унижать дядю и от-

казался от этого; боярину же Всеволожскому за оказанную услугу он обещал жениться на его дочери.

Однако по возвращении в Москву великий князь по настоянию своей матери Софьи Витовтовны, которая никак не соглашалась на этот брак, женился на другой, на внучке Владимира Андреевича Храброго – княжне Марии Ярославне. Тогда боярин Всеволожский, до глубины души оскорбленный этим, отъехал к Юрию в Галич. Вскоре затем на свадьбе великого князя Софья Витовтовна нанесла сильнейшую обиду и детям Юрия – Василию Косому и Димитрию Шемяке, снявши при всех с первого из них золотой пояс. Об этом поясе один из старых бояр рассказал ей, что он был уворован еще у деда великого князя, у Димитрия Донского, и, перейдя через несколько рук, попал к Василию Косому. Эта боярская сплетня и нанесенная Косому обида страшно возбудила Юрия и его сыновей против Василия и дала повод к новой неслыханной и жестокой усобице, которая тотчас же поднялась.

Скоро Василий Московский был наголову

разбит дядей и захвачен им в плен (в апреле 1433 года), после чего Юрий въехал в Москву победителем, отпустив, по совету своего старого боярина Морозова, Василия с почетом и давши ему в удел Коломну.

Но едва Василий приехал в Коломну, как к нему со всех сторон стали стекаться князья, бояре, воеводы и слуги, отказываясь от службы Юрию. Этим, конечно, все население ясно показывало, к чему клонятся его стремления и привязанности и насколько всем дорог законный государь, хотя временно и попавший в беду. Юрий же увидел себя в Москве оставленным почти всеми. Тогда его два старших сына – Василий Косой и Димитрий Шемяка, люди коварные и жестокие, с душою злодеев, а не князей, – убили в сердцах боярина Морозова, уговорившего отца выпустить Василия, затем, опасаясь отцовского гнева, они бежали из Москвы. Юрий же послал звать Василия обратно приехать на великое княжение, а сам уехал в Галич, сопровождаемый только шестью всадниками. Въезд Василия в Москву представлял необыкновенно трогательное зрелище: вся дорога из Коломны до Москвы

превратилась как бы в сплошную улицу многолюдного города, где пешие и конные обгоняли друг друга, стремясь вслед за Василием, «как пчелы за маткой».

Затем Юрий заключил с Василием договор, по которому признавал его старшим братом и отказывался за себя и за своего младшего сына, кроткого Димитрия Красного, принимать Косого и Шемяку.

Скоро, однако, договор этот был нарушен Юрием же. Он простил своих старших сыновей, как только они успели разбить московское войско близ Костромы, и вместе с ними двинулся с большою силою на великого князя Василия. Последний встретил их в Ростовской области и опять потерпел сильнейшее поражение. Тогда Юрий снова занял Москву. Василий Васильевич вынужден был уйти сперва в Новгород, а потом и в Нижний, откуда хотел отправиться даже в Орду, но узнал о смерти в Москве дяди Юрия. Смерть эта была совершенно неожиданна и, конечно, всех чрезвычайно смутила.

Пользуясь этим смущением, старший сын Юрия, Василий Косой, поспешил сам, уже без

всяких прав, сесть на освободившийся за смертью отца Московский великокняжеский стол. Однако этого не захотели его родные братья Димитрий Шемяка и Димитрий Красный и сами призвали Василия Васильевича занять Москву, получив за это от него богатые уделы. Изгнанному же ими из столицы Василию Косому не оставалось ничего другого, как прибегнуть к самым отчаянным средствам, что он и поспешил сделать.

Успев собрать войско в Костроме, Косой встретился в 1435 году с великим князем Василием в Ярославской волости, где был разбит наголову; тогда он запросил мира, на что великий князь согласился, причем дал Косому в удел город Дмитров. Прожив спокойно только один месяц в Дмитрове, Косой опять начал усобицу, при этом, не будучи в состоянии овладеть великокняжеской крепостью Гledenом в Устюжской волости, он взял ее обманом и бессовестным образом убил московского воеводу князя Оболенского, а также перевешал многих устюжан. Затем Косой встретился с великим князем Василием в Ростовской области и хотел захватить его тоже об-

маном, заключив перемирие. Но Василий Васильевич вовремя спохватился, причем Косой сам был взят в плен и отвезен в Москву. Вслед за тем пришло известие о разбойном захвате сторонниками Косого – вятчанами – воевод великого князя. Тогда по приговору московских бояр решено было наказать Косого так, чтобы он не мог больше вредить, и его ослепили. Решившись на эту меру, обычную в Греции, но совершенно не в духе русских людей, советники великого князя понимали, конечно, какой грех они берут на свою душу; но вместе с тем они также отлично понимали, что за человек был Косой и что если он случайно одержит верх, то не помилует Василия Васильевича, а вместе с тем погубит и все дело московских князей, вновь предав Русскую землю всем ужасам безначалия и крамолы, и поставит ее на край гибели.

По ослеплении Косого московская между княжеская усобица прекратилась, так как Дмитрий Шемяка был в союзе с великим князем и держал себя осторожно, выжидая, однако, в глубине души удобного случая, чтобы подняться на него.

Этот удобный случай предоставили через несколько лет татары.

Золотая Орда, теряя все больше и больше свою силу от внутренних усобиц, продолжала тем не менее приносить немало бед Русской земле. Беспокойные татарские царевичи постоянно появлялись в наших пограничных областях, и редкий год не отмечен в летописи их хищными набегами. С целью противодействовать этим набегам Василий Васильевич искусно пользовался раздорами между татарскими князьками и по примеру отца Владимира Мономаха – Всеволода – старался наиболее из них преданных селить в пограничных областях, где они служили в виде первой охраны при набегам других враждебных нам татар. Одному из таких служилых царевичей, Касиму, был пожалован Мещёрский городок на левом берегу Оки; он дал начало подвластному нам Касимовскому ханству, которое впоследствии сослужило нам немалую службу.

Самым беспокойным из враждебных нам татарских царевичей в эти времена был Улу-Магомет. Он засел в Казани, опустошенной в

1392 году новгородцами за разгром татарами Вятки, укрепил и заселил ее и тем положил прочное начало новому разбойничьему гнезду – Казанскому царству, откуда уже в 1439 году Улу-Магомет нечаянно явился под Москвой, стоял под ней 10 дней и, погубив множество народа, безнаказанно ушел назад, так как Василий Васильевич не успел собрать войска.

Другим постоянным врагом русских был татарский султан Мустафа. Зимой 1444 года Василий Васильевич выслал против него князя Василия Оболенского и Андрея Голтыева, и наши войска, совершив поход на лыжах, наголову разбили татар, причем Мустафа был убит. Сам же великий князь в ту же зиму изгнал Улу-Магомета из Нижнего Новгорода и уничтожил несколько из его отрядов.

За это в 1445 году Улу-Магомету удалось жестоко отплатить Василию Васильевичу. Он неожиданно напал на великого князя на реке Нерли, где тот стоял всего с 1500 человек.

Василий Васильевич смело двинулся во главе своей маленькой рати на врагов и, сражаясь впереди всех, по древнему обычаю

предков, обратил татар в бегство, но затем они оправились, собрались опять и задавили совершенно русских своими огромными силами. Великий князь дрался как лев, ему прострелили руку и отрубили несколько пальцев; 13 ран зияло на голове, плечи и грудь были синие от ударов, бешено сыпавшихся на него со всех сторон; наконец он изнемог и был захвачен татарами в плен. Они сняли с него нательные кресты и в знак своей победы отправили их в Москву супруге и матери Василия.

Вся столица затрепетала от этой неожиданности. Жители окрестных селений и посадов в ужасе сбегались в нее, ожидая ежечасно нашествия татар, и огромное их количество столпилось в Кремле. Скоро новое бедствие постигло Москву – ночью вспыхнул жестокий пожар. В Кремле не осталось ни одного деревянного здания, стены многих каменных церквей упали, сгорело около трех тысяч человек и множество всякого имущества.

При этих бедственных обстоятельствах Шемяка, конечно, торжествовал. Он поспешил предложить Улу-Магомету заключить с

ним условие – держать Василия Васильевича в вечном заточении у татар, а самому сесть великим князем в Москве, под рукою казанского царя. Однако Улу-Магомет предпочел выпустить Василия Московского из плена, удовольствовавшись значительным выкупом (по-видимому, 25 тысяч рублей).

В тот самый день, когда Улу-Магомет отпускал от себя Василия, 1 октября 1445 года, в Москве произошло весьма сильное землетрясение, необычное для северных стран: колебались Кремль и посады, дома и церкви. Все считали это предзнаменованием каких-либо ужасных событий, поэтому когда пришла весть, что великий князь отпущен из плена, то жителей Москвы охватила необычайная радость и он был встречен ими еще радушнее и торжественнее, чем при возвращении своем из Коломны.

Однако Шемяка продолжал свои козни. Он вступил в тайную связь с князьями Иваном Можайским и Борисом Тверским, а также с некоторыми московскими изменниками, во главе которых стоял боярин Старков, и усердно распускал слух, что Василий выпущен из

плена на условии, что Улу-Магомет сам сядет на царство в Москве и на всех городах, а Василию в удел отдана будет Тверь. Этой выдумкой Шемяка хотел уверить всех остальных владетельных князей, что они лишатся своих отчин, а потому и должны подняться на Василия Московского.

Между тем последний, ничего не ведая об этом заговоре, отправился на богомолье в Троице-Сергиеву обитель в начале февраля 1446 года. Пользуясь его отсутствием в Москве, в ночь на 12 февраля Шемяка неожиданно овладел стольным городом, причем захватил мать и жену Василия Васильевича, оковал верных ему бояр, ограбил казну и в ту же ночь послал князя Можайского с большою толпою людей к Троице-Сергиевскому монастырю, чтобы пленить и великого князя.

Василий стоял у обедни, когда его приближенные сообщили, что Шемяка и можайский князь идут на него с ратью. Он не поверил и с негодованием заявил, что это гнусная клевета на Шемяку. Но ему скоро пришлось воочию убедиться в печальной новости при виде ска-

чущих к монастырю во всю прыть неприятелей. Василий кинулся к конюшне, но здесь не было ни одной оседланной лошади, а все люди его оторопели от страха. Тогда он заперся в Троицкой церкви. К ней не замедлили подскочить его враги и, несмотря на то что великий князь встретил их с иконой с гроба подобного Сергия и с горячей молитвой на устах, они грубо взяли его за плечи, связали и, посадив в сани, повезли в Москву.

Злодеи перехватывали также великокняжеских бояр, но о двух малых сыновьях Василия, Иоанне и Юрии, они впопыхах забыли. Эти двое детей убежали следующей ночью с верным слугою к князю Ивану Рязанскому в его село, откуда он, взявши всех людей и своих братьев, Семена и Димитрия, ушел в Муром, где заперся.

Между тем пленного великого князя ослепили в Москве и сослали в Углич с женою; мать же, Софью Витовтовну, отослали в Чухлому.

Брат жены великого князя – князь Василий Ярославович Серпуховский – вместе с князем Семеном Оболенским бежали в Литву, где их

приняли с честью и дали богатые волости для кормления. Часть бояр Василия убежала в Тверь, другая же присягнула Шемяке, но один из них, доблестный Феодор Басенок, смело объявил, что не будет служить варвару и хищнику, вокняжившемуся в Москве. Шемяка велел его заковать в железо, но Басенок сумел бежать в Литву и соединиться с Василием Ярославовичем Серпуховским и Семеном Оболенским.

Скоро Шемяка должен был убедиться, что все благомыслящее население против него. Опасаясь всеобщего негодования, он не дерзнул послать войска против 6-летнего сына Василия Иоанна и его младшего брата Юрия, находившихся в Муроме с Ряполовскими, а хотел заманить их в свои руки путем коварства. Для этого он призвал всеми уважаемого рязанского епископа Иону и сказал ему: «Поезжай в Муром, свою епископию, и возьми на свою епитрахиль детей великого князя Василия, а я с радостью их пожалую, отца выпущу и вотчину дам достаточную». Владыка поверил этому и отправился в Муром. Здесь князь Ряполовские после краткой думы решили

исполнить волю Шемяки, так как они опасались, что иначе он возьмет город приступом. Тогда Иона пошел в церковь, отслужил молебен Богородице, взял детей и привез их Шемяке. Но Шемяка его обманул. Он ласково принял малюток, угостил их обедом, а затем отправил в Углич в заточение вместе с отцом.

Однако у Василия Васильевича осталось, несмотря на свое ослепление и заточение, много верных и преданных слуг. Во главе с доблестным Ряполовским и князем Иваном Стригою-Оболенским они составили заговор, в котором участвовало много детей боярских, причем сговорились сойтись в Угличе в Петров день, чтобы освободить своего природного государя. Хотя освобождение это не удалось, так как Шемяка заблаговременно проведал про их замыслы, но вместе с тем последний испугался этого всеобщего движения в пользу заточенного им Василия и стал думать, что ему делать с ним дальше.

Громче всех против Шемяки говорил Иона, исполнявший в это время обязанности митрополита. Он прямо укорял Шемяку в коварстве и лжи и настойчиво требовал освобожде-

ния Василия.

Наконец, видя, что весь народ на стороне несчастного слепца, заточенного в Угличе, Шемяка решил в 1446 году с ним примириться и посадил Василия с семьей на удел в Вологду, что, конечно, было тоже родом заточения, взявши с него клятвенную запись, или так называвшуюся тогда проклятую грамоту, не искать великого княжения. Но, как только Василий прибыл в Вологду, тотчас же его приверженцы кинулись к нему со всех сторон. Вскоре он поехал помолиться в Кирилло-Белозерский монастырь. Игумен этого монастыря Трифон от своего имени и всех старцев прямо объявил Василию, что долг его, завещанный предками и святым чудотворцем Петром, идти искать великого княжения Московского для пользы Русской земли. Что же касается до проклятой грамоты, данной Шемяке, то она, будучи вынужденной, не есть законная, при этом он добавил: «Да будет грех клятвopеступления на мне и на моей братии! Иди с Богом и правдою на свою отчину, а мы, государь, за тебя будем молить Бога».

Успокоенный насчет проклятой грамоты и усиленный ежедневно прибывавшим к нему множеством людей, Василий двинулся из Вологды к Твери, где князь Борис Александрович обещал помочь ему с условием, чтобы Василий женил своего старшего сына, 7-летнего Иоанна, на его дочери Марии. Торжественное обручение двух малюток состоялось тотчас же, а затем тверские полки усилили Васильевы.

По мере приближения войск великого князя к Москве Шемяка все более и более терял своих доброхотов. Между тем князь Василий Ярославович Серпуховский, князь Семен Оболенский, Феодор Басенок и другие московские люди, ушедшие в Литву, еще не зная об освобождении великого князя, решили со своей стороны двинуться ему на помощь. В смоленских местах, у города Ельни, они встретили татар с двумя царевичами. Завязалась перестрелка. Кто-то с татарской стороны крикнул: «Что вы за люди, куда идете?» – «Мы москвичи, – отвечали русские, – идем искать своего государя, великого князя Василия. А вы что за народ?» – «А мы, – отвечали татары, – слыша-

ли, что великий князь Василий обижен братьями, идем его искать за давнее добро и за его хлеб, что много добра нам сделал». Случай этот очень ярко рисует нам тогдашнее народное настроение: со всех сторон собирались полки помогать Москве за ее старое добро.

Крамола Шемяки быстро теряла почву и скоро совсем была разрушена общенародным движением в пользу Василия, на защиту законного порядка. Действительно, положение Шемяки в Москве было самое незавидное. Окруженный людьми подозрительной верности и самой сомнительной нравственности, он, разумеется, должен был им уступать, мирволить; те пользовались этим, грабили и обирали граждан, которые обращались к княжескому суду Шемяки и не находили в нем правды. «От сего времени, – говорит летописец, – в Великой Руси про всякого судью грабителя и насильника говорили с укоризною, что это судья Шемяка, что его суд – шемякин суд».

Наконец, видя себя оставленным всеми, Шемяка запросил у великого князя мира, который тот дал как ему, так и союзнику Шемя-

ки, князю Ивану Можайскому, взяв с обоих клятвенные записи в верности. Затем Василий торжественно въехал в Москву.

Возвращением его, разумеется, все были довольны, кроме Шемяки. Он очень скоро нарушил свою клятвенную запись и стал вновь строить козни против Василия. Тогда последний отдал рассмотрение этого дела на суд духовенству. Достойные русские пастыри во главе с митрополитом Ионою, человеком великой души и святой жизни, так же беспредельно преданным Русской земле, как и его предшественники, святые митрополиты Петр и Алексей, отправили к Шемяке грозное послание, укоряя его в нарушении установившегося нового порядка престолонаследования и в отсутствии любви к Родине.

Однако Шемяка не послушался увещаний духовенства, и великий князь должен был выступить против него в 1448 году в поход, после чего Шемяка опять дал на себя проклятую грамоту и опять нарушил ее в следующем же, 1449 году, неожиданно осадив Кострому, где сидел доблестный князь Иван Стрига-Оболенский с Феодором Басенком.

Слепой великий князь вновь выступил против Шемяки с войсками, при которых находились также митрополит и епископы. Шемяка смирился опять, написал проклятую грамоту и опять ее нарушил в 1450 году, успев собрать войско против Василия Васильевича. Но ему нанес страшное поражение великокняжеский воевода, князь Василий Оболенский. Тогда Шемяка бежал в Новгород, где ему оказали приют; из Новгорода он кинулся в Устюг и страшно злодействовал над теми, кто не желал ему присягнуть; оттуда, преследуемый великокняжескими войсками, он бежал опять в Новгород, где, наконец, в 1453 году умер, говорят, от яду. Известие о его смерти было встречено с великой радостью как в Москве, так и по всей земле.

«Шемякина смута, – говорит И.Е. Забелин, – послужила не только испытанием для сложившейся уже крепко вокруг Москвы народной тверди, но была главной причиной, почему народное сознание вдруг быстро потянулось к созданию московского единодержавия и самодержавия. Необузданное самоуправство властолюбцев и корыстолюбцев,

которые с особой силой всегда поднимаются во время усобиц и крамол, лучше других способов научило народ дорожить единством власти, уже много раз испытанной в своих качествах на пользу земской тишины и порядка. Василий Темный, человек смирный и добрый, который все случившиеся бедствия больше всего приписывал своим грехам, всегда уступчивый и вообще слабовольный, по окончании смуты, когда все пришло в порядок и успокоилось, стал по-прежнему не только великим князем или старейшиной в князьях, но, помимо своей воли, получил значение государя, т. е. властелина земли, земледержца, как тогда выражались. Шемякина смута, упавшая на землю великими крамолами, разорениями и убийствами, как причина великого земского беспорядка перенесла народные умы к желанию установить порядок строгою и грозною властью, вследствие чего личность великого князя, униженная, оскорбленная и даже ослепленная во время смуты, тотчас после того восстанавливает свой государственный облик, и в еще большей силе и величии».

Еще при жизни Шемяки, чтобы после своей смерти отбить всякий повод к смуте по вопросу о престолонаследии, Василий Темный, как его стали звать после ослепления, назначил в 1449 году своим соправителем старшего своего сына и наследника, 10-летнего Иоанна, который с тех пор стал тоже носить звание великого князя.

Маленький Иоанн Васильевич, проведя свое детство в самый разгар шемякинской смуты, смолоду должен был испытать много бедствий и насилий, много страха и ужаса, хотя всегда находился в большом бережении у преданных его отцу боярских детей. Он воспитывался в превратностях судьбы, в земском беспорядке и, конечно, вынес недоброе чувство против всех тогдашних тревог и крамол. Эти чувства разделялись, как мы видели, в те времена и всеми русскими людьми, и в народных сердцах закрепилось стремление истребить насилие, мятеж, смуту и крамолу в самом корне. «Власть великого князя получает новые силы, и его самодержавие повсюду оправдывается как единое спасение от земских неурядиц. Послушание и повиновение

со стороны земства сознается как неизбежное требование восстанавливаемого порядка. Молодой Иоанн Васильевич продолжает свое воспитание именно в развитии этих новых отношений земства», – говорит И.Е. Забелин.

После смуты Шемяки Василий Темный, как и следовало ожидать, пошел на его союзника, вероломного князя Ивана Андреевича Можайского, который, не сопротивляясь, бежал в Литву. Можайск же был присоединен к Москве. Затем по поводу какой-то крамолы, «вероятно, немаловажной», замечает И.Е. Забелин, был схвачен и заточен в Угличе князь Василий Ярославович Серпуховский, бывший одним из самых видных деятелей против Шемяки. Удел его тоже перешел к великому князю. Это случилось в 1462 году. Таким образом, к этому времени из всех уделов Московского и Суздальского княжеств остался только один – князя Михаила Андреевича Вере́йского, двоюродного брата Василия Темного, так как уделы Шемяки и Василия Косого были присоединены еще раньше, равно как и удел их младшего брата Димитрия Красного, скончавшегося в 1440 году.

Смерть его сопровождалась необыкновенными обстоятельствами: он лишился слуха, вкуса и сна; хотел причаститься Святых Тайн и долго не мог, так как кровь, не переставая, лила у него из носа. Тогда ему заткнули ноздри, чтобы дать причаститься. Вскоре после этого он заснул, и все признали его мертвым; положили в гроб и стали читать над ним Псалтырь. Вдруг, к общему ужасу, мнимый мертвец скинул с себя покров и начал петь стихиру, не открывая глаз. Целых три дня Дмитрий Красный пел и говорил о душеспасительных предметах, наконец действительно умер с именем святого.

Великий Новгород во время Шемяки неоднократно оказывал последнему покровительство, причем держал его у себя до самой смерти. Поэтому, управившись с Можайским князем, Василий двинулся в 1456 году и против Новгорода, чтобы наказать его за неисправление. С ним вместе шли все князья и воеводы со множеством войска. Новгородцы испугались и выслали посадника с челобитьем – переменить гнев на милость. Но Василий этого челобитья не принял и шел дальше. остано-

вившись в Яжелбицах, великий князь выслал к Руссе князя Ивана Стригу-Оболенского и Федора Басенка.

Захватив в этом городе богатую добычу, воеводы отпустили главную рать назад, а сами поотстали с немногими боярскими детьми. Вдруг перед ними неожиданно показалось 5-тысячное новгородское войско. Храбрые москвичи, которых не было и 200 человек, решили, что лучше всем погибнуть в честном бою, нежели бежать. «Если не пойдём против них биться, – говорили эти доблестные люди, – то погибнем от своего государя, великого князя; лучше помереть». При этом, видя на новгородцах крепкие доспехи, они стали стрелять по их лошадям, которые начали беситься от ран и сбивать своих всадников. И вот 200 московских людей одержали решительную победу над 5 тысячами новгородцев и взяли в плен их посадника. Поражение это, конечно, ясно показывало, насколько новгородцы уже утратили свою прежнюю доблесть и как самоотверженно храбры и стойки были в это время московские войска. Вслед за этим успехом к великому князю в

Яжелбицы прибыл из Новгорода владыка Евфимий и стал усиленно просить мира. Василий Темный согласился на него, но взял 10 тысяч рублей выкупа и, кроме того, поставил условием, чтобы впредь вечевым грамотам не быть, а печати быть великих князей Московских. Кроме того, Новгород обязался без спора платить «черный бор» по требованию великого князя и не давать пристанища его врагам. Этими условиями, конечно, наносился сильнейший удар самостоятельности вольного города, поэтому понятно, что Яжелбицкий договор возбудил во многих новгородцах страшную злобу против великого князя. Когда он приехал в 1460 году в Новгород с двумя младшими сыновьями, то граждане задумали его убить с детьми и верным слугою Феодором Басенком. Новгородский владыка насилу успел отговорить их от этого замысла.

После Новгорода Василием была приведена в порядок и Вятка, населенная новгородскими выходцами, за то, что она всегда стояла на стороне московских врагов и постоянно воевала с великокняжеским городом Устюгом.

Иначе сложились у великого князя отношения со Псковом. Псковичи всегда помнили, что Москва их верный союзник против немецкого засилья. В 1460 году они отправили Василию знатных послов с подарками и били ему челом, чтобы он жаловал свою отчину и печаловался о ней. «Обижены мы от поганых немцев, – говорили послы, – водою, землею и головами; церкви Божии пожжены погаными на миру и на крестном целовании». На это великий князь обещал оборонять Псков от немцев, так дельвали отцы его и деды, и вскоре послал к ним наместником сына своего Юрия.

Княжества Тверское и Рязанское во время Шемякиной смуты постоянно колебались между Москвой и Литвою, но затем, как мы видели, тверской князь Борис примкнул к Василию, сосватав свою дочь за его старшего сына, 7-летнего Иоанна. Рязанский князь Иван Феодорович, видя, что Москва берет верх над Шемякой, тоже примкнул к ней и, умирая в 1456 году, отдал своего 8-летнего сына на руки великому князю Василию. Последний перевез малютку к себе в Москву, а в Рязань и

другие города княжества послал своих наместников.

Так быстрыми шагами шло возвышение Москвы и объединение вокруг нее Северо-Восточной Руси в последние годы великого княжения Василия Темного.

Слепой великий князь до конца своей жизни сохранил большую живость нрава, веселое расположение духа и страсть принимать личное участие в воинских походах, которых ему пришлось совершить немало как в борьбе со смутой, так и действуя против татар, не перестававших нападать на наши владения. Кроме набегов Улу-Магомета, в 1449 году неожиданно появился на берегах реки Пахры сильный татарский отряд, причинивший много беды православному люду, но затем он был наголову разбит нашим служилым царевичем Касимом, а в 1451 году к самой Москве подошел из-за Волги татарский царевич Мазовша. Укрепив город и оставив в нем мать, жену и митрополита Иону, Василий отправился вместе со старшим сыном Иоанном, 12-летним мальчиком, в Вологду собирать войска.

Мазовша подошел к Москве 2 июля и зажег все посады. Время было сухое, и пожар распространился с необыкновенной быстротой, из-за дыма ничего нельзя было видеть, но все приступы были мужественно отбиты. Когда же москвичи на другой день проснулись, то увидели, что татары уже исчезли: они быстро побежали, побросав захваченные тяжелые товары. Народ прозвал набег Мазовши «скорою татарщиной».

В 1454 году татары пытались опять быстро подойти к Москве, но были разбиты великокняжескими войсками. В 1459 году они вновь собрались на Москву, но на берегах реки Оки им нанес жестокое поражение наследник престола – великий князь Иоанн Васильевич.

В 1460 году хан Золотой Орды Ахмат подошел к Переяславлю-Рязанскому, однако скоро должен был отступить с большим стыдом. Наконец, в 1461 году великий князь объявил войну Казани, но к нему явились от казанского хана послы, и он заключил с ними мир.

Во времена Василия Темного, кроме царства Казанского, окончательно образовалось из черноморских улусов и ханство Крымское,

где стал царствовать род Гиреев. Это было новое грозное разбойничье гнездо, причинившее впоследствии немало бед Русской земле, первоначально же направлявшее свои хищные набеги главным образом на Литву.

Со стороны Литвы за все время великого княжения Василия, несмотря на тяжелое время шемякинской смуты, не было враждебных действий по отношению к Москве.

Причинами этому были те сложные и подчас тяжелые обстоятельства, которые в это время переживало само Великое княжество Литовское. Мы видели, что Ягайлой и Витовтом была подписана так называемая Городельская уния, по которой все литовские пань, принявшие латинство, были сравнены в правах с польскими. Они плотным кольцом окружили Витовта и составили его думу, или раду, а также имели важнейшее значение на общих съездах, или сеймах. Вместе с этим Витовт стал сажать исключительно католиков своими наместниками и в чисто русских областях Литовского княжества. Кроме того, латинские епископы – виленский, луцкий,

брестский, жмудский и киевский – получили важное значение при решении всех государственных дел. Все это, конечно, не могло не повлечь за собой сильного недовольствия всех русских подданных Витовта, но он мало обращал на это внимания, будучи всецело занят осуществлением своих честолюбивых мечтаний, несмотря на то что был стар и не имел сыновей.

Он стал замышлять не только совершенно уничтожить зависимость Литвы от Польши, но еще и подчинить себе последнюю. Для этого он начал уверять, что дети Ягайлы от его четвертой жены происходят на самом деле от другого отца, а потому после его смерти, согласно договору, заключенному между ними ранее рождения этих детей, он, Витовт, и наследует польскую корону. Но этот оговор не удался 80-летнему честолюбцу, тогда он стал хлопотать о королевском венце для себя лично и просил об этом немецкого императора Сигизмунда, обещая ему ратную помощь в борьбе последнего с турками. Сигизмунд охотно согласился дать могущественному литовскому великому князю королевский венец

и для переговоров об этом деле сам прибыл в 1429 году в город Луцк, где Витовт устроил блестящий съезд различных государей.

Сюда, кроме Сигизмунда, приехали молодой внук Витовта – великий князь Московский Василий Васильевич, престарелый Ягайло, князя Тверской и Рязанский, хан Перекопской (Крымской) Орды, магистры орденов Немецкого и Ливонского, легат, или посол, папы, византийский посол и многие из удельных князей русских и литовских. Витовт старался удивить гостей великолепием приема и роскошнейшими пирами, для которых из княжеских погребов ежедневно отпускалось 700 бочек меду, кроме вина, романеи и пива, а на кухню привозили 700 быков и яловиц, 1400 баранов и по 100 зубров, лосей и кабанов. В это же время устраивались, конечно, огромнейшие охоты для приглашенных.

Съезд, однако, не привел к желаемой Витовтом цели. Сигизмунд легко уговорил Ягайлу дать согласие на венчание Витовта короной, но этому воспротивились могущественные польские паны во главе с краковским епископом Збигневом Олесницким. Они от-

лично понимали, что обращение Литвы в королевство навеки оторвет ее от Польши, и так подействовали на слабодушного Ягайлу, что тот залился слезами, благодарил их за верность и затем ночью тайно бежал из Луцка, чем привел в немалое смущение Витовта и его гостей. Тем не менее Витовт был убежден, что будет королем, и пригласил в следующем году многих гостей на свою коронацию в Вильну. Сюда же прибыл по особо усердной просьбе Витовта и Ягайло. Все было готово для совершения торжества, недоставало только короны, давно высланной императором Сигизмундом. Но она не появлялась: поляки, узнав, что корона находится в пути, послали ее перехватить. После напрасного и долгого ожидания коронации гости, приглашенные на нее, стали разъезжаться. Это так подействовало на Витовта, что он расхворался и скончался в октябре того же 1430 года. Так умер этот честолюбивый и могущественный князь, бывший наряду с Гедимином и Ольгердом одним из главных объединителей Западной Руси под властью Литвы. Но сильно покровительствуя латинянам и тесня правосла-

вие, он, может быть, против своей воли работал для будущего поглощения Польшей всего Литовского княжества.

Со своим внуком, великим князем Василием Московским, Витовт не имел непосредственных столкновений, но воевал в 1426 году с Псковом, а в 1427 году с Новгородом. В 1426 году он подошел с многочисленным войском к псковскому городу Опочке, жители которого, установив мост на канатах, набили под ним кольев, а сами спрятались в крепости. Татары, приведенные Витовтом, не видя никого на стенах, бросились на мост; он тотчас же рухнул, как только гражданами были подрезаны канаты, и огромное количество татар упало на колья, после чего жители истребили их почти поголовно. Тогда Витовт отошел от Опочки и стал осаждать другой московский город Воронач; граждане его оборонялись очень крепко, но стали уже изнемогать. Вдруг на помощь им пришло само небо: сделалась гроза, притом такая страшная, что все литовское воинство ожидало своей гибели, а Витовт, взявшись за столб в своем шатре, в ужасе кричал: «Господи помилуй!»

Вслед за этой грозой Витовт поспешил заключить мир с Псковом, тем более что этого же требовал и его внук – Василий Московский.

Поход его против новгородцев был удачнее: в 1428 году он осадил их город Порхов, и, хотя при этом разорвалась огромная литовская пушка по названию «Галка» и убила множество своих, новгородцы запросили мира и получили его за 11 тысяч рублей. «Вот вам за то, что называли меня изменником и бражником», – сказал Витовт, принимая деньги.

Смерть Витовта обрадовала как поляков, опасавшихся его честолюбивых замыслов, так и русских, особенно же в его владениях. Правящая же католическая литовская знать, добивавшаяся для Витовта королевской короны с целью отделения Литвы от Польши, была недовольна как Ягайлой, так и поляками. Это обстоятельство привело их к выбору литовским князем брата Ягайлова – Свидригайлу, человека с весьма независимым и крутым нравом, который, как мы помним, побывал при Василии Димитриевиче в Русской земле

и одно время владел у нас богатым уделом, но затем, вернувшись в Литву, долгое время провёл в тюремном заключении. Избрание Свидригайлы вполне обеспечивало знатным литовским панам, что при его жизни Литва не будет зависеть от Польши. Вместе с этим Свидригайло Ольгердович был желанным человеком и для всех русских обитателей Литвы за свою искреннюю любовь ко всему русскому и доброе отношение к православию, хотя он и был католиком. К несчастью, однако, Свидригайло был человеком грубым, буйным, приверженным к вину и до крайности несдержанным. Возведение его на Литовский стол было, разумеется, тяжёлым ударом для поляков, так как он тотчас стал заявлять о своей полной независимости от Польши, доказывая, что союз Литвы с Польшей вреден для первой, и ссорился с Ягайлой, особенно во время попоек. Скоро литовские католические паны вознегодовали на Свидригайлу за то, что он явно благоволил русским, православным «схизматикам», раздавая им важные должности.

Это привело к обширному заговору против

Свидригайлы, в который был посвящен и его родной брат Ягайло. Во главе заговорщиков стал свирепый, подозрительный и мстительный князь Сигизмунд Кейстутович, родной брат Витовта, сильно приверженный латинству и ненавидящий православие. Покушение на жизнь Свидригайлы не удалось, но он должен был бежать с великого княжения с несколькими преданными панамми.

Великим же князем Литовским, конечно, при усердном содействии католического духовенства, был избран Сигизмунд Кейстутович. Ягайло подтвердил это избрание, за что Сигизмунд уступил Польше литовскую волюсть – русскую Подолию, а после своей смерти обещал отдать ей и другое исконно русское владение – Волынь. Затем, чтобы привлечь к себе литовских бояр и панов православного исповедания, Сигизмунд дал им почти те же льготы, что и католикам. При этом панам этим было также предоставлено брать польские гербы, что было разрешено на Городельском сейме только литвинам-католикам.

Но, несмотря на все эти льготы, данные Сигизмундом, большинство русских земель, а

именно: земли Полоцкая, Витебская, Смоленская, Чернигово-Северская, Киевская и часть Волыни и Подолии, остались верны Свидригайле, который с ополчением, собранным в них, стал вести борьбу против Ягайлы и Сигизмунда. Русские люди дрались за Свидригайлу с большим одушевлением, надеясь освободиться от латинского засилья. Особенно был грозен для поляков мужественный защитник Волыни, православный князь Феодор Острожский, принявший впоследствии иноческий чин и причтенный к лику святых.

Предпринятая борьба могла бы окончиться в пользу Свидригайлы, если бы в 1431 году в Витебске он не совершил ужасного преступления: он позволил себе сжечь православного митрополита Герасима, заподозренного им в измене; вслед за тем обнаружили и его сношения с папою, у которого он искал поддержки, обещая за это соединить Русскую церковь с Римскою. Приведенные два обстоятельства отшатнули, конечно, большинство западно-русских людей от Свидригайлы, вскоре он потерпел сильное поражение от Сигизмунда и в конце концов удержал за собою только Кре-

менец и восточную часть Подолья.

Ягайло умер во время этой борьбы со Свидригайлой, достигнув 86-летнего возраста. Сохранив до глубокой старости страсть к охоте и лесной природе, он вышел в холодную весеннюю ночь послушать пение соловья, простудился и скончался недалеко от Львова.

Плодом долговечного царствования этого достопамятного государя была, с одной стороны, Польско-литовская уния, а с другой — дальнейшее ослабление королевской власти в Польше. По своему беспечному, уклончивому нраву он был именно тем государем, которого желали польские дворяне и духовенство, чтобы приобретать себе все больше и больше прав за счет крестьян и королевской власти и расхищать государственное достояние. По их стопам старались идти и окатоличенные литовские бояре, почему скоро они сделались богаче и влиятельнее своих же природных князей, потомков Рюрика и Гедимины.

Ягайле наследовал на Польском столе его 10-летний сын Владислав. Разумеется, королевская рада во главе с епископом Збигневом Олесницким, любимцем молодой вдовы Ягай-

лы, всецело захватила в свои руки управление страной и еще деятельнее стала поддерживать Сигизмунда.

Сигизмунд, однако, недолго правил в Литве. Его мстительность к сторонникам Свидригайлы, притеснение православных и неслыханные жестокости скоро возбудили против него множество недовольных, и в 1440 году он был убит русским удельным князем Иваном Чарторийским в Троках. Престарелый Сигизмунд, не выходя из своей опочивальни, слушал обедню, совершавшуюся в соседнем покое. При нем в качестве верного сторожа была ручная медведица, которая в это время как раз гуляла по двору. Медведица имела обыкновение, возвращаясь в покои Сигизмунда, царапать лапою о дверь, после чего он ее отворял. Зная это, Чарторийский с одним сообщником стали подражать царапанью медведицы. Сигизмунд впустил их и был тотчас же убит железными вилами.

Смерть Сигизмунда подняла опять вопрос об избрании князя. После многих пререканий и козней выбор остановился на младшем брате юного польского короля Владислава – Ка-

зимире Ягайловиче. Поляки согласились его отпустить в Вильну только наместником польского короля и отправили его туда с целым сонмом польских советников. Но литовцы, которые хотели иметь не наместника, а своего венчанного великого князя, очень ловко обманули польских гостей. Они усердно их угостили на роскошном пиршестве и напоили всех допьяна, а на следующее утро, когда хмельные польские паны-сенаторы еще спали, они посадили Казимира на великокняжеский стол в соборе, надели на него шапку Гедимина, подали меч и покрыли великокняжеским покрывалом. Проведенным таким образом польским панам ничего больше не оставалось, как уехать домой. Юный же Казимир стал княжить, окруженный литовскими вельможами.

О союзе с Польшей, а тем более о подчинении ей Литовского княжества не было и помину. Поляки, разумеется, страшно негодовали против этого порядка вещей и стремились к расчленению владений Казимира на несколько частей, но вдруг случилось событие, неожиданно изменившее дальнейшие

судьбы Польши и Литвы. Молодой король Польский Владислав был избран в 1439 году и королем Венгрии, поэтому он должен был вести войну с турками, наседавшими уже с Балканского полуострова на пограничные владения Венгрии и Австрии, и в 1445 году – во время этой войны с турками – Владислав был неожиданно убит у крепости Варны, не оставив потомства. Тогда поляки выбрали на его место Казимира, который остался при этом и великим князем Литовским, чем поставил себя на всю свою долголетнюю жизнь в крайне затруднительное положение, так как должен был все время колебаться между притязаниями поляков на литовские владения, с одной стороны, и стремлениями литовцев к полной независимости от поляков – с другой. Часто Польша и Литва бывали им недовольны, и подымался порой вопрос об избрании нового короля для первой и нового великого князя для второй.

Быстро подпавший под влияние католического духовенства и опасаясь потерять свою польскую корону, Казимир делался все более и более уступчивым по отношению к латин-

ской знати. В его время распущенность и изнеженность польских панов, когда-то храбрых и бесстрашных воинов, дошла до невероятных пределов: попойки, бахвальство и щегольство чисто женского пошиба были отличительными чертами их жизни; они одевались в шелк и бархат и проводили целые часы перед зеркалом, расчесывая свои длинные волосы и завивая их в затейливые кудри. Так же одевались и причесывались богатые польские жида. Но что к лицу торговцу-иудею, то не подобает воину, и в царствование Казимира же польские паны понесли жестокое наказание за свою изнеженность. Во время одного сражения в Венгрии, в Буковине, они потерпели поражение, причем, быстро отступая через густой лес, множество знатных панов, подобно библейскому Авессалому, повисло своими кудрями на сучьях и было безжалостно избито врагами. Как это зачастую бывает, изнеженность мужчин повела за собой огрубение нравов среди женщин. В Польше в описываемое время появилось много разбойниц, грабивших по большим дорогам, причем среди них были и принадлежавшие к шляхет-

скому сословию. «Каждый в Польше, – говорит польский историк Иоахим Лелевель про это время, – мог поступать как хотел, поэтому многие злоупотребляли своей свободой».

Что касается отношения к русским, то Казимир, подобно своим предшественникам и, как увидим, подобно многим из преемников, играл в две руки. Одной рукой он старался привлечь к себе обитателей Восточной России, соприкасавшихся с его владениями в Литве, и так же, как Витовт, заигрывал с Новгородом, стремясь подкапываться под московских князей и не брезгая для этого тайными сношениями с татарами. В то же время другой рукой он разрушал первейшую основу западнорусской жизни – православие – и всеми силами старался покровительствовать унии, то есть присоединению Греческой церкви к Латинской, вопрос о чем неоднократно подымался папами и раньше, но с особенной силой разгорелся в XV столетии, во время великого княжения Василия Васильевича на Москве.

К XV веку папы потеряли значительную часть своей силы и обаяния в Западной Евро-

пе; с ними давно уже вели борьбу светские властители: князья, короли и германские императоры, которым было крайне тягостно вмешательство в их государственные дела целого ряда властолюбивых пап. Борьба эта шла успешно для светских властей, так как большинство населения было возмущено распущенностью нравов католического духовенства, хотя в числе его представителей встречалось, конечно, немало людей и с самыми высокими нравственными качествами. Тем не менее существование таких монашеских орденов, как орден «Веселых братьев» в Италии, открыто пользовавшийся для мотовства и распутства своими преимуществами, данными ему папой, должно было разрушать в народной среде веру в непогрешимость Латинской церкви. Еще более ужасен был орден монашествующих рыцарей Гроба Господня, или храмовников; создан он был предварительно в Святой земле с самыми высокими целями, а затем под влиянием разных тайных восточных учений, в том числе и иудейской каббалы, о которой подробнее мы скажем ниже, не только отрекся от христиан-

ства, но даже кощунствовал над Святым Крестом в своих обрядах и занимался при этом беспощадным ростовщичеством. Французский король Филипп Красивый положил конец этому возмутительному ордену: по его настоянию храмовников судили и затем многих из них сожгли. К сожалению, однако, в Западной Европе есть еще и до настоящего времени тайные последователи их возмутительного учения, о чем мы будем говорить впоследствии.

Следствием описанных беспорядков в самом корне латинства было возникновение опасных для него ересей, с которыми папы начали бороться учреждением особых страшных судилищ, так называемых инквизиционных, где подозреваемых в ереси предавали ужаснейшим и утонченным пыткам, а добившись от них признания в виновности, сжигали затем на кострах. Начало этих судилищ относится к XIII веку, и в XV столетии костры, на которых сжигали еретиков, пылали уже во всех концах католической Европы, причем в Литве инквизиция была введена в 1436 году, во время великого княжения мрачного и же-

стокого Сигизмунда Кейстуовича.

Однако, несмотря на инквизицию, крупные нестроения и ереси в Католической церкви продолжались. В XIV веке один из французских королей занял Рим и силой вывез из него пап к себе во Францию, в город Авиньон, где они прожили 70 лет. В начале же XV века возникли учения Виклифа в Англии, а затем и Иоанна (Яна) Гуса в Чехии, имевшие множество последователей.

Учения эти осуждали невоздержание католического духовенства и указывали на крайне соблазнительное для нравственности пастырь поведение пап. Действительно, в это время как раз были сразу три папы, которые низлагали и взаимно проклинали друг друга.

Для прекращения всех этих беспорядков был созван в 1414 году Констанцский собор, осудивший, между прочим, Гуса и его друга Иеронима Пражского на сожжение. На собор этот, как мы говорили, Витовт отправил поставленного им митрополита Западной Руси Григория Цамблака хлопотать об унии или присоединении Греческой церкви к Латинской. Конечно, эта мысль об унии была как

нельзя более на руку папам ввиду сильного падения их обаяния в это время в Западной Европе: присоединение к латинству всех исповедующих православие сулило им огромное влияние в обширных владениях Литвы и Руси, сопряженное вместе с тем с получением с этих земель богатейших денежных средств. Как мы видели, Цамблак приехал к концу Констанцского собора и успеха в своем посольстве не имел.

Тем не менее папы продолжали лелеять мысль о полном подчинении себе православия под видом унии. Скоро для этого представился благоприятный случай. Мы видели, что уже к началу XV века турки овладели Балканским полуостровом и держали в осаде несчастную Византию, причем только крепкие стены Царьграда, а затем и разгром Тамерланом Баязета отсрочили на несколько десятилетий падение этой когда-то великой державы. С целью спасти себя от предстоящего ужасного порабощения турками византийский император Иоанн VIII Палеолог, предшественники коего на протяжении многих веков были столь крепкими ревнителями пра-

вославия, решил искать сближения с папой, рассчитывая при его помощи поднять всю Западную Европу против турок. Такого же образа мыслей держался и царьградский патриарх Иосиф. Желание их встретило горячий отклик в лице папы Евгения IV, низложенного как раз в это время громадным большинством голосов на Базельском соборе, причем на его место был избран другой папа (Мартин V).

Не обращая никакого внимания на свое низложение, Евгений IV поспешил собрать другой собор в Италии, в городе Ферраре, перенесенный затем во Флоренцию, для решения вопроса столь огромной важности, как соединение греческой церкви с Латинской. На собор этот прибыл византийский царь Иоанн VIII Палеолог с патриархом Иосифом, множество высшего латинского духовенства и 22 представителя Православной церкви, в том числе и преданный всецело папе митрополит всея Руси.

Кто же был этим митрополитом?

После смерти митрополита Фотия великий князь Василий Васильевич Московский вме-

сте со всеми другими князьями решил поставить в митрополиты уже знакомого нам Иону, бывшего тогда епископом Рязанским и снискавшего святостью своей жизни общую любовь и уважение, причем еще митрополит Киприан, увидя его в первый раз молодым монахом, предсказал ему в будущем этот великий сан. Однако святому Ионе суждено было не скоро стать действительно митрополитом всея Руси. Как мы знаем, назначение митрополита зависело от патриарха Царьградского. А в том же 1432 году, когда Василий избрал Иону, Свидригайло Литовский, очевидно, не связавшись с московским князем, самостоятельно просил патриарха Иосифа назначить в митрополиты его избранника – епископа Литовского Герасима, что и было исполнено в Царьграде. Когда же Свидригайло сжег Герасима в Витебске, подозревая его в сношении с врагом своим Сигизмундом, то великий князь Василий Васильевич отправил Иону в Царьград с просьбой поставить его в митрополиты всея Руси. Но, очевидно, в Царьграде, где уже замышлялась уния с папой, не мог быть по душе такой крепкий православный человек,

как Иона, а потому его встретили там известием, что митрополит для Руси уже поставлен. Это был ловкий и хитрый грек Исидор, всецело посвященный в замыслы Иоанна Палеолога и патриарха Иосифа и уже успевший побывать у папы и снискать его расположение. Поэтому смиренный Иона должен был отправиться из Царьграда обратно в Русскую землю вместе с Исидором в качестве простого спутника последнего.

Прибыв в Москву, Исидор стал тотчас же собираться на собор во Флоренцию, который он выставлял как восьмой Вселенский. Конечно, этот собор, созываемый в неправославной стране, должен был показаться подозрительным великому князю Василию, но отклонить Исидора от поездки на него он не мог. Однако, предчувствуя недоброе, великий князь, отпуская митрополита, сказал ему: «Смотри же, принеси к нам древнее благочестие, какое мы приняли от прародителя нашего Владимира, а нового, чужого, не приноси; если же принесешь что-либо новое и чужое, то мы не примем».

Исидор поклялся великому князю не изме-

нять православия и отправился в дорогу в сентябре 1437 года, сопровождаемый большой свитой, в коей был и суздальский священник Симеон, оставивший любопытные записки об этом первом путешествии русских в Италию.

Когда Исидор прибыл в Дерпт (Юрьев), то он с благоговением приложился сперва к латинскому кресту, а затем уже к православным иконам. Спутники его ужаснулись и потеряли к нему всякое доверие, со страхом ожидая его вероотступнической деятельности на соборе, но само путешествие произвело на них очень благоприятное впечатление.

В это время Западная Европа, надежно прикрытая грудью православных восточных славян – руси, болгар и сербов – от убийственных вторжений азиатских кочевников, не испытывала вовсе тех ужасных опустошений, которым подвергались они, и могла свободно развивать свою торговлю, а также совершенствоваться в науках, искусствах и ремеслах. Уже город Юрьев, переименованный немцами в Дерпт, поразил наших путешественников своим видом: «Палаты в нем чудные, мы таких не видывали и дивились», – писал свя-

ценник Симеон. Еще больше им понравился Любек, главный город Ганзейского торгового союза, к которому, как мы знаем, примыкал и Новгород. «Город Любек очень дивен; сады прекрасные, палаты чудные с позолоченными верхами; товара в нем много всякого; воды проведены в него, текут по всем улицам по трубам, а иные из столпов, студены и сладки». Славный город Нюрнберг в Баварии показался им хитрее всех прежде виденных городов: «Сказать о сем убо не можно и недомысленно». Но больше всего удивили русских путешественников итальянские города: Венеция и Флоренция. Про Венецию отец Симеон писал: «А той град стоит в море, а сухого пути к нему нет; а среди его проходят корабли, а по всем улицам воды, и ездят на барках... Есть в граде том церковь Святого Евангелиста Марка, каменная, столпы в ней чудные, гречин писал мусией». Про Флоренцию же он говорит: «Град Флоренция велик весьма, и такого не обретохом в прежде писанных градах... Есть же во граде том лечебница велика, и есть в ней за тысячу кроватей, и на последней кровати перины чудны и одеяла драгие... И

есть во граде том икона чудотворна: образ Пречистой Божией Матери, и есть пред иконою тою, в больнице, исцеливших людей за шесть тысяч dospety воцаны, во образ людей тех... И суть во граде том Божница устроена велика, камень мрамор бел да черн; а у Божницы той устроены столп и колокольница, и хитрости ей недоумевают ум наш».

Однако, недоумевая своим умом о хитростях строения флорентийских зданий, суздальский иерей Симеон своим чистым сердцем сразу постиг измену митрополита Исидора и не дал себя обмануть его хитрыми и сладкими речами на соборе, где, как мы говорили, кроме папы и царя Иоанна Палеолога [3], собрались патриарх Константинопольский, 22 православных митрополита и епископа и множество высшего латинского духовенства. Этот собор сразу же оказался таким, каким его себе и представлял Василий Темный. Он вовсе не задавался целью искреннего соединения церквей, о чем у нас молятся за каждой обедней и для чего латиняне должны бы были отстать от своих уклонений от православия, а задался исключительно целью

подчинить папе всю Греческую церковь; самыми главными и опасными предателями в этом деле были митрополиты: наш Исидор и Виссарион Никейский.

Достоинным же их противником выступил епископ Эфесский Марк, причинивший своею твердостью огромные досады папе. Тем не менее после долгих и жарких прений уния, то есть союз Православной церкви и Латинской, при полном подчинении первой последней, состоялась на этом соборе решением всех голосов против одного – Марка Эфесского, наотрез отказавшегося, несмотря на все угрозы, подписать грамоту об унии. Когда об отказе Марка узнал папа, то он воскликнул с негодованием: «И так мы ничего не сделали».

Исидор больше других старался об унии и уехал из Флоренции с великим пожалованием от папы: он был назначен папским кардиналом – «легатом (наместником) от ребра апостольского». Заковав в железо бежавшего было от него бесстрашного иерея Симеона, который постоянно спорил с новым кардиналом и, ходя с ним по божницам, не хотел «приклякать» (приседать) по-латински перед извая-

ниями святых, Исидор торжественно вернулся в Москву в 1441 году, приказав нести перед собою большой латинский «крыж» (крест) и три серебряные палицы.

Прибыв в Успенский собор, куда собралось вместе с великим князем Василием Васильевичем все боярство и высшее духовенство, он стал служить обедню по-новому: поминать на ектении вместо вселенского патриарха папу, а по ее окончании велел читать грамоту о соединении церквей, в коей было указано, вопреки православному Символу веры, что Святой Дух исходит от Отца и Сына, что хлеб бесквасный и квасный одинаково может претворяться в тело Христово, и прочие латинские новизны. Все растерялись. «Все князи умолчаша и бояре и инии мнози...» – говорит летописец.

Не растерялся только один великий князь Василий Васильевич, обыкновенно столь уступчивый. Он назвал Исидора латинским «ересным прелестником» и лютым волком, а не пастырем, велел свести с митрополичьего стола и заключил под стражей в Чудовом монастыре.

После этого был собран собор русских епископов, которые, рассмотрев подробно дело, осудили Исидора. Вскоре, однако, он нашел случай бежать из своего заточения и обратиться к папе, при котором занял очень приближенное место. Великий князь не преследовал его, но вновь решил возвести Иону митрополитом собором наших святителей и отправил об этом письмо в Царьград к патриарху, прося иметь право и впредь ставить митрополита из русских же собором русских епископов.

Письмо его не дошло до Царьграда: в Москву скоро пришло известие о присоединении патриарха Иосифа к унии, а затем началась усобица с Шемякой; поэтому Иона был поставлен митрополитом лишь после окончательного утверждения Василия Темного на Московском столе. Сообщая о сем императору в Византию, Василий писал: «Собравши своих русских святителей, согласно с правилами, поставили мы вышеупомянутого Иону на митрополию русскую, на Киев и на всю Русь. Мы поступили так по великой нужде, а не по гордости или дерзости; до скончания века

пребудем мы в преданном нам православии... Мы хотели обо всех этих делах церковных писать и к святейшему патриарху православному... но не знаем, есть ли в вашем царствующем граде патриарх или нет...»

Это было последнее письмо московского великого князя в Царьград о поставлении митрополита: с тех пор они уже всегда выбирались в Москве собранием русских епископов. Царьград же в 1453 году был окончательно взят турками.

Флорентийская уния не принесла никакой пользы византийскому императору Иоанну; известие о ней было встречено в Константинополе народным бунтом, а папа дал Иоанну всего 300 воинов и несколько десятков тысяч золотых, обещая, впрочем, созвать крестовый поход. Но его уже плохо слушали в Европе, а деятельный султан Магомет II неослабно готовился между тем к завладению великим городом. Царь Иоанн не дождал до этого: Царьград пал при преемнике Иоанна – его родном брате императоре Константине.

Турки вели приступ с моря и с суши непрерывно в течение семи недель. Наконец

Магомет перетащил на колесах по суше свои корабли во внутреннюю гавань – Золотой Рог, вход в которую из Босфора был заперт цепью, и 29 мая с восходом солнца начался страшный приступ. Турок было около 300 тысяч человек; из ста же тысяч жителей Царьграда вооружили только 5 тысяч граждан и монахов, кроме того, было 2 тысячи иностранных войск под начальством храброго генуэзского рыцаря – Джустиниани. Турки как бешеные вломились в город, после чего началась страшная резня. Император Константин сражался геройски, но пал под ударами неприятеля; его последние слова были: «Отчего я не могу умереть от руки христианина?»

Этому падению Царьграда предшествовало много предзнаменований, между прочим замечательное пророческое видение болгарскому царю Симеону, воевавшему в X веке с византийским императором Романом и давшему ему легкий мир, несмотря на то что болгары могли овладеть Константинополем: когда Симеон уходил от Царьграда, то ему явился старец и предсказал, что за то, что он не взял этого города, будучи в состоянии им овладеть,

а оставил его во власти лукавых греков, болгарский народ и Византия подпадут под турецкое иго. Взятие Константинополя турками поразило всю Европу. Для русских же людей эта потеря была так же тяжела, как поражение своей собственной родной земли. Слишком много связей и преданий было у нас с несчастной, некогда славной Византией. Печалуясь о судьбе Царьграда, летописец наш замечает: «Царство без грозы есть конь без узды. Константин и предки его давали вельможам утеснять народ; не было в судах правды, ни в сердцах мужества; судии богатели от слез и крови невинных, а полки греческие величались только цветною одеждой; гражданин не стыдился вероломства, а воин бегства, и Господь казнил властителей недостойных, умудрив царя Магомета, коего воины играют смертью в боях и судии не дерзают изменять совести. Уже не осталось теперь ни единого царства православного, кроме русского. Так исполнилось предсказание святых Мефодия и Льва Мудрого, что измаильтяне (турки) овладеют Византией; исполнится, может быть, и другое, что россияне победят измаильтян и

на семи холмах ее воцарятся».

Действительно, после падения Византии Москва с ее государем, митрополитом и народом сделалась, так сказать, средоточием истинной Христовой веры, к которому все более и более начали стремиться сердца всех православных людей. Она стала скоро в сознании этих людей Третьим, и последним Римом, так как в Первом – древнем Риме – православие образовалось впервые, во Втором – Византии – оно укрепилось и распространилось на многие народы, а в Третьем Риме – Москве – оно должно сохраняться до скончания века. Четвертому же Риму не быть.

Этому значению Москвы в деле сохранения православия русские люди обязаны, конечно, всецело Божией благодати, осенившей благодушного и слабого Василия Темного восстать, как скала, против Флорентийской унии. «Это одно из тех великих решений, – говорит наш историк С. Соловьев, – которые на многие века вперед определяют судьбы народов. Верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность Ру-

си в Смутное время 1612 года, сделала (как мы увидим) невозможным вступление на Московский престол польского королевича, повела в борьбе за веру в польских владениях, произвела соединение Малой России с Великой, условила падение Польши, могущество России и связь последней с единоверными народами Балканского полуострова». Мы, православные русские люди, живущие в настоящее время, должны постоянно об этом помнить.

Флорентийская уния, отвергнутая в Москве, была, конечно, встречена с живейшей радостью католиками в Польше и Литве. Польский король Владислав Ягайлович дал жалованную грамоту присоединенному русскому духовенству Западной Руси «ввиду соединения церквей», рассчитывая, что его митрополитом будет Исидор. Но Исидор бежал из Москвы, нигде не останавливаясь, ни на Руси, ни в Литве; после же того, как Владислав был убит под Варной, брат его Казимир, не желая ссоры с Москвой, признал Иону митрополитом и над Западнорусской церковью, в которой поэтому, конечно, не было и речи об

унии.

Но папы не так легко хотели от нее отказаться, и в 1458 году отправившийся в Рим, после взятия Царьграда турками, константинопольский патриарх Григорий Мамма, заискивая к папе, поставил митрополитом для Западной Руси некоего епископа Григория, ученика и ревностного последователя кардинала-митрополита Ионы из северо-восточных владок, которые отправили западнорусским епископам увещание не принимать к себе Григория. На это Казимир, ведя свою обычную игру в две руки, не согласился и даже предложил Василию Темному избрать Григория вместо Ионы и для северо-восточных епархий, ссылаясь на то, что Григорий привез с собой грозное послание папы, в котором тот повелевал: «Поймать и сковать нечестивого отступника Иону». Но Василий, разумеется, не согласился. Русская же митрополия вновь разделилась, и на этот раз окончательно.

Разделение это крайне горестно подействовало на святого Иону, который, поставив себе преемником епископа Феодосия Ростовского, преставился в 1461 году, прославив-

шись еще при жизни чудотворением. После же кончины народ почитал его за крепкую любовь к православию и Русской земле наравне со святителями Петром и Алексием. В следующем, 1462 году сошел в могилу на 47-м году жизни и великий князь Василий; он умер от прижигания тела трутом, что делал по совету тогдашних врачей, полагавших, что у него «сухотная болезнь».

Из лиц, занимавших видное положение при Василии Темном и стяжавших по себе память за верность своему государю, обращают на себя внимание князья Рязполовские и Оболенские. Последние были потомками святого Михаила Черниговского, и многие из них оказались весьма искусными в ратном деле. Затем удержали свое значение и бояре Кобылины-Кошкины; члены этой семьи отличались особой преданностью Василию в самые тяжелые времена, вместе со знаменитым Феодором Басенком. Верными слугами Темного были также члены древнего рода Плещеевых, из которого происходил святой Алексей, митрополит Московский, а именно: бояре Феодор Челяднин и Василий Кутузов. Запятнал же

свое имя черной изменой боярин Иван Старков, предавший Василия в тяжелое время и перешедший на сторону Шемяки.

Василий Темный оставался в течение всей своей жизни почтительным сыном по отношению к Софье Витовтовне и безупречным мужем, завещав после смерти своей вдове, по обычаю предков, богатые земли с деревнями и селами, из которых некоторыми великие княгини могли распоряжаться совершенно по своему произволу и завещать в свою очередь кому угодно. Такие владения, составлявшие полную собственность великих княгинь, назывались «опричинами».

Княжеские доходы при Василии Темном состояли, как и в древние времена, из судебных пошлин и различного рода податей. Весьма крупную статью их составляли, кроме того, и доходы от произведений земли, так как потомки Калиты, как мы видели, усердно собирая Русскую землю, употребляли значительную часть своих денег на скупку земельных участков у мелких удельных князей и других лиц[4]. Затем крупные доходы приносили также рыбная ловля, пчеловодство, охо-

та и ловля бобров; для охоты посылались на север целые ватаги звероловов, а бобровыми гонами заведовали особые бобровники. В большом ходу была и ловля кречетов для охоты, а также и медведей, которых во множестве водили по Руси для потехи народа. Князья держали тоже большие стада коней и имели обширные сады.

Первенствующее значение в государственной жизни имела, как и прежде, княжеская дружина, то есть военно-служилое сословие, причем, как и в старину, старшие в этом сословии, бояре, составляли ближайших советников князя, так называемую Боярскую думу. Им же князь приказывал ведать и внутренними отраслями государственного управления.

Так как в Московском княжестве князья сидели на одних и тех же местах, то дружина, конечно, также приобрела оседлость, причем члены ее скоро сделались значительными землевладельцами, главным образом, потому, что награды военно-служилому сословию производились в то время преимущественно пожалованием земель, причем если земли

давались во временное пользование, то они назывались поместьями, а если, напротив, в вечное и потомственное владение, то вотчинами.

Но были, впрочем, и другие виды жалованья за службу, а именно: боярам давались на кормление или доходы с целых городов, или же доходы в данной местности с какой-либо одной отрасли великокняжеского хозяйства; первые бояре, получавшие города на кормление, назывались введенными, а вторые, получавшие только доход с известной статьи хозяйства, – путными (старинное слово путь и настоящее доход – от доходить – выражают одно и то же понятие). Ниже бояр стояли боярские дети и дворяне, самым же младшим служилым сословием были «вольные княжеские слуги, или люди дворовые», таможенники, приставы и прочие, получавшие разного вида жалованье; под ними были уже слуги полусвободные: бортники, садовники, конюхи, псары, ловчие и другие. Остальное население, не принадлежащее к служилому сословию, составляло так называемое земство, или тяглое население. К верхнему слою этого со-

словия принадлежали наиболее крупные торговцы – гости, за которыми следовали собственно купцы, делившиеся на сотни – гостиную, суконную и другие.

Низшее городское население имело наименование черных людей; они делились на черные сотни.

Сельское население, как и теперь, носило название крестьян; слово это происходит, вероятно, от древнеарийского слова – крст – борозда (откуда бороздить – крстить – пахать). Весьма замечательно, что оно почти совпадает со словом «христианин», почему многие простые люди и смешивают эти названия, и в этом смешении кроется глубокий внутренний смысл, так как русский человек по природе сельский житель и горячий христианин. Назывались крестьяне в XV веке также сиротами; слово это показывало, разумеется, сочувственное к ним отношение других слоев населения. Крестьяне были по-прежнему свободны, но, чтобы обрабатывать землю, должны были заключать условия с ее владельцами: частными собственниками, монастырями или государством; при этом, ввиду того, что

частые переходы хлебопашцев от одного владельца к другому являлись крайне убыточными для народного хозяйства, в XIV–XV веках начали уже делать некоторые попытки к ограничению этих переходов. Так, в Московской Руси для них был назначен срок – именно осенний Юрьев день, то есть окончание полевых работ; кто же уходил раньше этого дня, того возвращали к прежнему владельцу земли.

Кроме свободного сельского населения, по-прежнему были и несвободные, или холопы. Общее обеднение, наступившее во время татарщины, значительно увеличило число холопов; многие закладывались в холопы за долги, а иные, как это делалось и в Западной Европе, шли добровольно в холопы к сильным и богатым людям, просто потому, что за их спиной им жилось легче и они могли скорее найти защиту от лихих людей.

При Василии Темном встречаются первые известия о казаках, именно о казаках рязанских, населяющих украинные рязанские места и живших бок о бок с хищниками, хозяйничавшими постоянно в наших южных сте-

пях. В казаки шли, конечно, самые бедные, но притом и самые выносливые и воинственные люди, потерявшие надежду на сносную жизнь в родных местах и шедшие искать лучшей доли в пограничное приволье, с тем чтобы с оружием в руках отстаивать ее от татар и иных лихих людей.

Нравы населения отличались во времена Василия Темного той же грубостью, которая явилась последствием нашествия татар; в высшем сословии женщины редко показывались на улицах и жили почти исключительно в тесном семейном кругу. Любимыми занятиями народа были бои кулачные и на дрекольях; среди бояр же устраивались «игрушки», подобно рыцарским поединкам (турнирам) Западной Европы; игрушки эти иногда оканчивались смертью.

Грубость нравов отразилась также и на законодательстве: участилось применение смертной казни, причем она полагалась во многих случаях за воровство, разбой и конокрадство. Часто употреблялись также телесные наказания, которые на Руси применялись ко всем преступникам, невзирая на их

звание; на Западе же благородные были от них освобождены. Из этих телесных наказаний наиболее употребительным было битье кнутом; оно происходило обыкновенно на торгу, то есть на городских площадях, и носило поэтому название «торговой казни».

Отмечая это огрубение нравов в Русской земле, следует, однако, отнюдь не забывать, что в Западной Европе они были еще значительно более жесткими. Смертная казнь и жестокие пытки применялись там во множестве случаев, не говоря уже об ужасе инквизиционных судилищ и десятках тысяч костров, ею зажженных.

Вместе с тем если мы находим несомненное огрубение нравов во время шемякинской смуты, то следует помнить, что в Западной Европе XV век ознаменовался общим крайним упадком нравов, а шедшие там войны и усобицы сопровождались прямо ужасающими жестокостями и злодействами. Мы уже видели, какое полное отсутствие нравственности проявлялось в поступках наших ближайших соседей – Ягайлы, Витовта и Свидригайлы; не менее безнравственны были ливон-

ские и прусские рыцари, крайне бесчеловечно относившиеся к побежденным им народностям. Современный немецкий летописец говорит, что «наши собаки пользуются лучшим обращением, нежели эти побежденные люди».

В остальной Европе нравы были не лучше.

В первой половине XV века закончилась знаменитая Столетняя война между Англией и Францией, ознаменовавшаяся вместе с подвигами мужества и многочисленными жестокостями, коварством и низостями, из которых величайшей было сожжение католическим духовенством на костре якобы за сношение с нечистой силой святой девушки Жанны д'Арк. Она привела Францию к победе и затем была малодушно предана англичанам французами же, а в настоящее время, по прошествии 500 лет после ее сожжения, торжественно причтена к лику святых тем же латинским духовенством, которое осудило ее на сожжение.

Тогда же жил во Франции знаменитый барон Жиль де Ретц, более известный по прозвищу Синяя Борода, убивший нескольких

жен и в течение 14 лет похитивший огромное количество детей с тем, чтобы среди страшных истязаний медленно выпускать из них кровь и приносить этим жертву Сатане и прочим нечистым духам, «подателям золота, знания и могущества».

Наконец, во времена же Василия Темного царствовал во Франции мрачный король Людовик XI; он ознаменовал свою жизнь великим делом, так как собрал воедино почти всю Францию, разделенную до этого между несколькими владетелями, постоянно между собою враждовавшими; но ужасом веет при чтении о тех способах, к которым он прибегал для этого собирания. Людовик восстал против собственного отца, затем против благодетельствовавших его герцогов Бургундских и ознаменовал все свое царствование страшным вероломством и утонченными бесчисленными казнями, причем любимым его занятием было запираť своих врагов в небольшие железные клетки, в которых они могли помещаться только съежившись, и ежедневно приходиться любоваться их страданиями; мысль о таком изуверстве ему подал

один латинский кардинал, которого он первого же и засадил в клетку и выдержал в ней 12 лет.

На юге Европы, в Испании, Италии и Византии, нравы были нисколько не лучше; особенно же жестоки были они в Италии: убийства родных братьев были там делом самым обыденным, причем отравлялась так же часто, как и кинжал. Владетели итальянских городов постоянно враждовали как друг с другом, так и с партиями противников в своих собственных городах и изощрались до чрезвычайности в устройстве разного рода западней и тайных убийств. Совершенно по тому же направлению шли в XV веке и папы: борясь за власть с могущественными князьями Италии, они держали особых наемников, которые совершали неслыханные зверства во владениях их врагов и избивали тысячами совершенно невинных жителей; при этом особую известность своими преступлениями, из которых убийства и отравление были лишь одним из видов, приобрел во второй половине XV века папа Александр VI, из фамилии Борджиа. Мы встретимся с ним в нашем даль-

нейшем изложении.

Замечательно, что такое невероятное падение и ожесточение нравов в Западной Европе происходило в то время, когда науки, искусства и ремесла достигли в ней весьма большого развития и ученые пользовались повсеместно огромным влиянием, а многие города славились своими высшими учебными заведениями – университетами, которые вмещали в себе по несколько десятков тысяч слушателей.

Поэтому, рассматривая нравы Русской земли в XV веке, мы видим, что они были значительно мягче и неизмеримо чище, чем западноевропейские, несмотря на то что научное образование вследствие татарщины стояло у нас тогда крайне низко. Сам великий князь Василий Темный был неграмотен; при этом наши ближайшие западные соседи – Польша, Литва и орденские немцы – ревниво заслоняли от нас все, что могло идти к нам с Запада в целях истинного просвещения, а также для развития разного рода искусств и ремесел. Особенно недружелюбно относились купцы ганзейских городов, торговавшие с Великим

Новгородом, Псковом, Смоленском, Витебском и Полоцком, к тому, чтобы русские купцы сами ездили за море, и всячески старались им препятствовать в этом. Таким образом, жители перечисленных городов, соприкасавшиеся с иностранцами, могли заимствовать у них главным образом только плохое. В Новгороде и Пскове упали когда-то знаменитые искусства: иконопись и строительство, Москва в XV веке уже значительно их опередила. Одни лишь деревянные царские врата, сооруженные новгородцами в XV веке в церкви Спаса Нередицы, замечательны по своей высокохудожественной работе.

Конечно, высшее русское духовенство продолжало по-прежнему быть носителем и распространителем просвещения. В это время особенно развилось составление житий русских святых, что вместе со сказаниями о замечательных князьях и событиях родной земли (о нашествии Батыя, Евпатии Коловрате, Мамаевом побоище, об убиении в Орде Михаила Тверского и прочими) составляло любимое чтение наших предков. Имелись составленные русскими писателями и сказания о

путешествиях в разные страны, из которых особенной известностью пользовались уже упомянутые нами воспоминания суздальского священника Симеона о Флорентийском соборе и сказание «О создании Царьграда и взятии его турками». Вместе с тем у нас обращались и переводные сочинения с греческого, болгарского, персидского, арабского и даже индийского языков. Конечно, больше всего было переводов с языков греческого и болгарского благодаря усилившимся сношениям России с Константинополем и Афоном[5]. Среди упомянутых сочинений, наряду с духовно-нравственными книгами и историческими, видное место занимали также книги отреченные, то есть признанные Церковью вредными и запрещенными. Сюда относились разные ложные сказания из Ветхого и Нового Завета, порою и кощунственные, а также и различные книги о волхвовании и чародействе, чем очень жадно занимались в те времена во всей Западной Европе. Среди последних наибольшею известностью пользовались на Руси «Тайная Тайных, или Аристотелевы врата», ложно приписываемая ве-

ликому греческому мудрецу Аристотелю, воспитателю Александра Македонского; «Рафли» (гадание по черточкам и точкам); «Шестокрыл» (гадание по звездам); «Лопаточники» (волхование по лопаткам убитых животных); «Трепетники» (гадание по дрожанию мышц, зуду в различных частях тела, звону в ушах) и прочие.

Русское высшее духовенство продолжало, как мы видели, всецело следовать заветам святых митрополитов Петра и Алексия и в противоположность латинскому всячески заботилось не об усилении собственной власти, а об укреплении державы московских государей для собирания Русской земли воедино.

Конечно, только благодаря глубокой любви к православию, поддержанной в сознании всех высоким нравственным поведением высших пастырей Церкви, среди которых было немало святых, мог не обученный грамоте Василий Темный безошибочно решить вопрос об отвержении Флорентийской унии и тем навеки определить судьбу русского народа.

В одно время со святителем Ионою подви-

зались в Русской земле и другие угодники Божи, так же, как и он, причтенные нашей Церковью к лику святых.

В Новгороде особенно прославились своим благочестием и святостью архиепископы Евфимий и Иона. Святой Евфимий отличался редкой щедростью по отношению к сирым и бедным; он был горячим сторонником Василия Темного в борьбе его с Шемякой и скорбел душой, видя глубокое падение нравов Новгорода. Им были открыты нетленные мощи святого Варлаама Ухтынского, а также сооружена знаменитая звонница Софийского собора. Преемником святого Евфимия был святой архиепископ Иона. Он тоже отличался своею необыкновенно широкой помощью бедному люду и являлся всегда усердным печальником за Новгород перед великим князем Василием Васильевичем.

Такою же святостью жизни прославили себя святители церкви Пермской, преемники святого Стефана – святые Герасим, Питирим и Иона Пермские, положившие величайшие труды, полные высокого самоотвержения, на просвещение диких язычников.

Во второй половине XV века стяжали себе венец святости и многие иноки; некоторые из них жили отшельниками в отдаленных окраинах Русской земли, преимущественно на суровом севере; другие положили основание многолюдным обителям. Так, преподобный Дионисий положил начало знаменитой Глушицкой обители в Вологодской губернии, в которой подвизались многие святые. Из них особенно замечателен святой Григорий Пелыпемский, отличавшийся чрезвычайно праведной и суровой жизнью. Во время жестоких опустошений, которым предавал Димитрий Шемяка Вологодский край, у святого Григория находили приют множество несчастных, причем с целью их защиты он решил обратиться с увещательным письмом к Шемяке и был за это сброшен им с высокого моста в воду, отчего и принял смерть. Прославился своей святостью и святой Макарий Желтоводский, следовавший всю свою жизнь самому суровому посту и воздержанию; его подвижническая жизнь производила настолько сильное впечатление, что даже многие татары, видя ее, принимали христианство.

Особенной святостью жизни своих иноков славился также при Василии Темном Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, часто совершенно затиравшийся в зимнее время льдами.

Пустынные берега реки Ваги в дебрях Двинской земли озарились подвигами преподобного Варлаама Шенкурского, бывшего в миру новгородским посадником Василием Степановичем Своеземцевым.

Близ самого Новгорода сын тверского боярина Иван Борозда, в иночестве Савва, побывав на Афоне, основал обитель на реке Вишере, которая также дала Русской земле многих подвижников. Сам же преподобный Савва долгое время подвизался на столпе.

В то же время в пределах Московского великого княжества стяжал себе знаменитость великий подвижник преподобный Пафнутий Боровский. Пафнутий с ранней молодости отличался любовью к благочестию и основал свою обитель, подобно преподобному Сергию, в густом лесу, недалеко от города Боровска. Он вел такой строгий образ жизни, что вкушал ровно столько пищи, чтобы не умереть.

Принявши схиму и обрекши себя на уединенную молитву, он после этого не мог уже совершать литургию и только раз по нужде служил пасхальную обедню, причем совершал это с таким благоговением, что по окончании ее сказал своим ученикам: «Ныне душа моя едва осталась в теле».

Святой Пафнутий отличался неумолимой строгостью в соблюдении чистоты догматов нашей веры и обладал страшным даром проникать насквозь в души приходящих к нему и открывать все их тайные мысли. Во время своей земной жизни он совершил множество исцелений от болезней и ежедневно кормил до тысячи человек, когда случался голод.

Подвизались в это время и несколько знаменитых юродивых: блаженный Максим Московский, блаженный Исидор Ростовский и блаженный Михаил Клопский, живший в Новгороде. Михаил Клопский обладал даром прозорливости и чудотворения, смело обличал Шемяку в его злодеяниях и предсказал его смерть.

Наконец, во время Василия Темного жили и подвизались смиренные основатели первой

обитатели на Белом море – знаменитого Соловецкого монастыря. На устье реки Выга у бедной часовни проживал старец Герман, много постранствовавший на своем веку, причем в этих странствованиях он посетил как берега Белого моря, так и пустынный остров Соловки. Однажды к нему пришел другой старец, убеленный сединами. Это был Савватий, прошедший строгое подвижничество в Кирилло-Белозерской обители, но в поисках за более тяжкими трудами побывавший и в монастыре на Валаамском острове, откуда он направил свои стопы на север и дошел до часовни, где проживал Герман. Они поселились вместе. Узнав о существовании дикого Соловецкого острова, Савватий уговорил Германа идти с ним туда для подвижничества. Оба древних старца прибыли на остров в 1429 году, совершив в малой ладье переезд через бурное море в течение двух дней. Они построили своими руками убогую хижину и стали терпеливо сносить суровую северную природу, согреваясь любовью к Господу и проводя почти все время в молитве и пении псалмов.

Слух об отшельниках дошел до прибреж-

ных жителей, и они послали одну семью, чтобы ознакомиться ближе со средствами острова с целью устроить на нем поселение. Раз Савватий пел с Германом воскресную всенощную и вышел покадить крест, поставленный перед их кельей. Вдруг неожиданно слышались крики. Оградив себя крестным знаменем, дряхлый старец бросился смело на них и увидел горько рыдавшую женщину. «Я шла к мужу, – объяснила она, – и вдруг встретила двух светлых юношей, сказавших мне: „Бегите отсюда, не для вас это место; сонмы иноков будут здесь славить Бога; бегите, иначе скорая смерть постигнет вас“». Герман рассказал старцу об этой встрече, и оба прославили Господа за возвещенную им Его волю.

На шестом году совместной отшельнической жизни Герман отправился на берег к реке Онеге, для нужд кельи; после же его отъезда в том же году старцу Савватию было извещение о скором его разрешении от телесных уз. Он решил поспешить на твердую землю, чтобы приобщиться Святых Тайн и, пробыв два дня на море в ветхой лодке, достиг берега,

после чего отправился в часовню на реку Выг, где встретил нового игумена Нафанаила. Нафанаил причастил Савватия, и тот на другой день умер; Савватий скончался сидящим в куколе и мантии, с кадильницей в руках и молитвою на устах и был похоронен тут же, у часовни.

По кончине Савватия остров долго оставался необитаемым. Только в 1436 году старец Герман встретил на устье реки Сумы инока Зосиму, искавшего удобное место для безмолвия, и рассказал ему про свою жизнь с Савватием. Зосима предложил Герману вновь отправиться с ним на Соловецкий остров, куда оба старца и прибыли благополучно. Они тотчас же поставили себе кущи из ветвей и провели ночь в молитве.

Утром Зосима, выйдя из шалаша, увидел над собой необыкновенный свет и в воздухе церковь. Вначале он ужаснулся, так как еще не был знаком с видениями, но затем возблагодарил Господа за указание места для сооружения храма, после чего немедленно же стал с Германом рубить лес для постановки келий. На исходе лета Герман отправился на сум-

ский берег, чтобы запастись хлебом, и не смог из-за непогоды вернуться до весны на остров, на котором Зосима оставался совершенно один, причем хлеб ему приносили два каких-то неизвестных человека, бесследно затем скрывавшиеся.

По возвращении Германа к ним мало-помалу стали собираться другие иноки, и общими трудами была воздвигнута церковь во имя Преображения Господня, в которую блаженный Иона, архиепископ Новгородский, прислал антиминос и церковную утварь. Затем по просьбе братии он послал им и игумена; но игумен этот из-за суровой природы не мог оставаться на Соловках. Иона прислал другого; когда же и второй не выдержал тамошних условий жизни, то братия упросила Зосиму принять на себя игуменство, на что он согласился после многих отказов. Монастырь скоро прославился святостью жизни своих иноков, и к нему начали стекаться богомольцы и приношения.

Через несколько лет была построена другая церковь Преображения Господня, а потом и Успения Божией Матери.

Затем, к великой радости братии, удалось разыскать одного новгородца, который похоронил Савватия у устья реки Выг. Сам Зосима отправился за его телом и перевез в Соловки. Мощи Савватия оказались не только нетленными, но источали при этом благовонное миро.

По делам обители преподобному Зосиме пришлось побывать и в Новгороде. Нравы вольного города пришли в это время уже в полный упадок, и действительная власть над ним принадлежала алчной и властолюбивой женщине – знаменитой Марфе Посаднице из семьи Борецких. Она сурово приняла Зосиму и велела его выгнать из своего дома. Тогда он покачал головой и сказал: «Вот наступит день, когда в этом дворе исчезнет сила жителей его, и затворятся двери дома сего, и уже никогда не отворятся, и будет двор этот пуст». Новгородский же владыка принял сторону Зосимы и выхлопотал ему грамоту на владение Соловецким островом.

Тогда смилостивилась и Марфа; она просила у него прощения и пригласила на большой обед к себе. Зосима согласился. На этом пиру у

Марфы произошло замечательное явление. Святой старец взглянул на шестерых бояр, сидевших за столом, затрепетал и заплакал. Те поняли, что он видел нечто ужасное. «Я видел, – говорил он своему ученику Даниилу, возвратившись с пира, – страшное видение: шестеро этих бояр сидели за трапезой, а голов у них не было; и в другой раз я взглянул на них и то же увидел, и в третий – все то же. С ними сбудется это в свое время, ты сам увидишь, но никому не разглашай неизреченных судеб Божиих».

Старец Зосима скончался 17 апреля 1478 года, на 16 лет пережив великого князя Василия Темного, причем вскоре после его кончины исполнилось виденное им на пиру у Марфы Борецкой.

Он умер в полной памяти, завещав братии мир и соблюдение устава и назначив после себя игуменом отца Арсения.

Православная церковь причислила Савватия и Зосиму к лику святых.

Глава 2

Великое княжение Иоанна III Васильевича. Великий Новгород. Брак с Софией Фоминичной. Строительство Иоанна. Присоединение Твери. Менгли-Гирей Ахмат. Братья и внук. Война с Литвою. Победы на Востоке. Сношения с Западом. Внутренние дела Московского государства. Жидовствующице. О титуле русского государя

Василий Темный благословил своего старшего сына Иоанна III[6] Васильевича великим княжеством Московским и городами Коломной, Владимиром, Переяславлем, Костромой, Галичем, Устюгом, Вяткой, Суздалем, Нижним Новгородом, Муромом, Юрьевом, Боровском, Калугой, Алексином и некоторыми другими; остальные же четыре его сына – Юрий и Андрей Большой, Борис и Андрей Меньшой – получили лишь по два – по три второстепенных города в уделы. Таким образом, Иоанн Васильевич получил в наследство область в 30 раз большую той, которую завещал своим детям первый собиратель Москвы, его прапрадед Иоанн Калита.

Такое огромное увеличение московских владений было плодом преемственной деятельности целого рода умных, настойчивых и бережливых предков Иоанна III. Однако размеры этих владений все же составляли лишь незначительную часть всей Русской земли, бывшей под властью Владимира Святого и Ярослава Мудрого.

Во второй половине XV века почти весь Русский Север, с северо-западным углом у

Финского залива, составлял область вольного города – Великого Новгорода, к которому на юго-западе примыкала маленькая область другого вольного города – Пскова. Вся же Западная Русь, нынешняя Белоруссия, вместе с областью Смоленской, и вся Малая Русь (Галиция), Волынь, Подолия и Киевская область, с соседними к ней землями – нынешними великорусскими губерниями – Курской и Орловской и даже с частями Тульской и Калужской, входили в состав Литовско-Польского государства. За Тулой же и за Рязанской землей начиналось обширное степное пространство до берегов морей: Черного, Азовского и Каспийского, где оседлому русскому населению не удавалось основаться прочно и где господствовали татары, свившие себе разбойничьи гнезда в Крыму, надежно прикрытом со стороны русской степи Перекопским перешейком, и на южной Волге, в Сарае и Астрахани.

На средней Волге, как мы видели, обосновались татары Казанского царства; наконец, на нашем северо-востоке – вятчане хотя и числились за московским князем, но мало

слушались его.

Сам стольный город Москва лежал вблизи трех окраин княжества: на севере верстах в восьмидесяти начиналось княжество Тверское, самое враждебное Москве из всех русских княжеств; на юге верстах в ста шла по берегу средней Оки сторожевая линия против самого беспокойного врага – татар; а на западе – в ста же с небольшим верстах за Можайском, в Смоленской области, стояла уже Литва, самый опасный из всех врагов Москвы.

Таким образом, достаточно было нескольких переходов для неприятеля, чтобы он мог достигнуть Москвы с севера, запада и юга. Вместе с тем Московское княжество было далеко не самым крупным. Литовское государство, большинство населения которого состояло из русских, и области Новгорода Великого были гораздо обширнее его.

Заметим также при этом, что на всем огромном пространстве Русской земли, кроме крайнего севера и востока, не было деревни, которая не находилась бы под чужим, иноземным, игом: на западе они были под властью Литвы, а на востоке время от времени

русским князьям приходилось собирать дань, чтобы отправлять ее татарам в Золотую Орду, которые все же продолжали считаться верховными владетелями Северо-Восточной Руси.

Таким образом, несмотря на большие успехи, достигнутые напряженными трудами предков Иоанна III, при восшествии его на прародительский престол дело, завещанное ими, – собирание Русской земли – было далеко еще не закончено. Правда, он имел за собой лучшие чувства всех русских людей, всей народной тверди, тяготевшей к Москве, и огромную поддержку в лице нашего доблестного духовенства, а также ряд испытанных, верных слуг среди бояр и прочих чинов военно-служилого сословия. Однако немало предстояло трудов и самому 22-летнему великому князю Иоанну, чтобы вести государство по тому пути, который завещали ему его предшественники и первые митрополиты и чудотворцы московские.

К великому счастью для нашей Родины, он обладал для этого всеми необходимыми душевными свойствами. Это был истинный по-

томок Всеволода III Большое Гнездо и Иоанна Калиты. Человек твердый, умный и необыкновенно трудолюбивый, несомненно, отлично знакомый во всех подробностях с прошлым Русской земли, он чрезвычайно ясно усвоил себе великие заветы своих предков и всю свою жизнь настойчиво стремился приводить их в исполнение. При этом, испытав с юных лет превратности судьбы, он рано познал жизнь и людей и к каждому делу относился с необыкновенной обдуманностью, трезво взвешивая все обстоятельства, прежде чем принять какое-либо решение.

Принимая с детства участие в военных походах, он, едва достигнув 17-летнего возраста, уже одержал блистательную победу над татарами на берегу Оки; однако, ставши государем, Иоанн не увлекся славой завоевателя: обращая самое большое внимание на устройство своих вооруженных сил и искусно выбирая для начальствования над ними соответствующих военачальников, он тем не менее по примеру пращура своего Всеволода Большое Гнездо с большой неохотой обнажал свой меч, но когда делал это, то, подобно всем ве-

ликим полководцам, сразу назначал значительные воинские силы для похода, с тем чтобы быстро решить дело в свою пользу.

Если мы прибавим к этому большую почитительность к матери, нравственность в семейной жизни и истинное благочестие, то мы получим довольно полное представление о молодом великом князе Московском, призванном волею Божиею совершить великие дела для дальнейшего собирания Русской земли в продолжение 43 лет своего великого княжения.

При этом необходимо заметить, что Иоанном всегда очень разбирались средства для означенного собирания, и усиление Московского княжества имело всегда твердые поводы и причины, которые оправдывались обстоятельствами тогдашних княжеских отношений и общеземскими целями. Собрать землю было легко только после того, как были собраны умы народа в полное убеждение, что в земле, как и в каждом дворе, должно быть единое хозяйство и один хозяин – государь. Как только развилось и окрепло понятие о земском государе, так началось и прямое со-

бирание Русской земли, и потому настоящим ее собирателем в смысле земского соединения и настоящим государем всея Руси был Иоанн III Васильевич. Он с большим умением воспользовался силой, накопленной его предшественниками, которая заключалась не в земельных приобретениях, а в общенародном убеждении, что для спокойствия земли необходима единая крепкая власть.

К величайшему нашему сожалению, не сохранилось достоверного изображения Иоанна. Но из описания летописца мы знаем, что это был высокий, стройный князь, с пронзительным взглядом; он носил длинную бороду и был, кажется, несколько сутуловат.

С первых же шагов своего великого княжения Иоанн показал себя мудрым правителем, свято чтущим договоры и обязательства. Мы видели, что малолетний рязанский князь Василий воспитывался в Москве, а владениями его управляли московские наместники. Понятно, одним своим словом Иоанн мог присоединить его владения к своим, но он отнюдь не сделал этого, а, по достижении Василием 16 лет, отправил его в Рязань, женив предва-

рительно на сестре своей Анне, с которой был связан нежной дружбой. Этим он приобрел себе в рязанском князе верного и послушного сподвижника.

В то же время со своим шурином, князем Тверским Михаилом Борисовичем, Иоанн заключил договор, как с братом и равным себе великим князем. С Псковом и Новгородом он держал себя также по старине. Когда псковитяне просили у него ратной помощи против ливонцев, он тотчас же послал ее им, после чего немцы позорно бежали; когда же Псков попросил для себя отдельного от Новгорода епископа в надежде, что Иоанн примет их сторону, так как новгородцы по-прежнему делали многое, чтобы возбудить против себя гнев великого князя, то он, во имя справедливости, поддержал новгородского архиепископа, на стороне которого было право, освященное стариной.

Первый поход по вступлении Иоанна III на престол был на Казань. В 1467 году служилый татарский царевич Касим донес Иоанну, что его доброхоты в Казани предлагают ему самому сесть здесь на царство, и просил у Иоанна

помощи. Он выслал ему сильную рать под начальством князя Стриги-Оболенского. Рати, однако, из-за осеннего времени не пришлось сражаться с казанцами, причем вследствие наступившего ненастья она отходила с такими лишениями, что даже принуждена была есть в постные дни скоромное. Но князьям Даниилу Холмскому и Хрипуну Ряполовскому и некоторым другим воеводам удалось разбить отдельные татарские отряды в 1468 году, за что татары в том же году подошли к Вятке и заставили ее жителей передаться казанскому хану.

Тогда весной 1469 года великий князь послал на Казань большую рать из боярских детей на судах под начальством воеводы Константина Александровича Беззубцева, из славного рода бояр Кошкиных-Кобылиных; другая рать, собранная из московских городских людей, шла с князем Нагим-Оболенским. Она должна была соединиться с первой под Нижним Новгородом. Наконец, третья рать, под начальством князя Даниила Ярославского, была двинута из Вологды и Устюга на Вятку, чтобы заставить вятчан идти на казанско-

го царя.

Беззубцев и Нагой-Оболенский соединились в Нижнем. По-видимому, в это время казанская ханша, имевшая у себя огромное влияние на дела, успела прибыть в Москву и упросить Иоанна вступить в переговоры о мире, так как Иоанн послал Беззубцеву грамоту, в которой приказывал ему самому стоять в Нижнем, а отпустить на Казань только охотников. Но когда Беззубцев передал через князей и воевод эту грамоту рати, то все войско, как один человек, отвечало: «Все хотим на окаянных татар за святые церкви, за государя великого князя Иоанна и за православное христианство», – и поэтому Беззубцев, исполняя приказ великого князя, остался один в Нижнем.

Ратники же, отслужив молебен за государя и по силе раздав милостыню, на третьи сутки подошли к Казани. Здесь они неожиданно напали на посад, убили в нем и сожгли множество татар и освободили большое количество христианских пленников; затем они отступили на близлежащий остров в ожидании подхода главной рати хана Ибрагима, собравше-

го большие силы. Действительно, татары не замедлили появиться в огромном количестве; воеводы и ратники собрались крепко обороняться и начали отсылать от себя молодых людей с большими судами. Но молодежь также рвалась в бой; она стала нарочно в такое место, где должна была встретиться с татарами, и вместе со старшими ратниками прогнала неприятеля до города, после чего все благополучно отошли на соединение с Беззубцевым. Последний вскоре блестяще отбил нечаянное нападение татар, произведенное на него после того, как ханша Казанская, возвращавшаяся из Москвы, объявила ему о заключении мира.

Еще более блистательными подвигами ознаменовали себя войска князя Ярославского, шедшего к Казани реками Вяткой и Камой. Они подошли тогда, когда рать Беззубцева уже ушла из-под нее и вся казанская сила преградила им судами выход из Камы в Волгу. Тем не менее, несмотря на огромное неравенство сил, русские смело вступили в бой, чтобы пробить себе дорогу. Битва была ожесточенная; секлись, схватываясь руками;

несколько русских воевод пало на месте, но наши беззаветные храбрецы во главе с доблестным князем Василием Ухтомским, который скакал по связанным неприятельским судам и бил палицей неприятелей, наконец пробились и с честью прибыли к Нижнему, откуда послали бить челом Иоанну.

Великий князь до крайности обрадовался этим подвигам и дважды посылал Ухтомскому и Ярославскому по золотой деньге, что считалось в то время величайшей наградой. Скромные герои наши отдали эти деньги священнику, который был с ними под Казанью, прося его помолиться Богу о государе и обо всем его воинстве.

Эти блистательные подвиги не дали, однако, осязательных следствий, так как войска наши действовали порознь. Тогда летом того же 1469 года Иоанн послал под Казань двух своих братьев: Юрия и Андрея Большого, со всею силою московской и устюжской, конной и судовой, которая 1 сентября вогнала татар в город, обвела вокруг него острог и переняла воду. При таких обстоятельствах Ибрагим, видя себя в большой беде, заключил мир по

всей воле великого князя и выдал всех пленников, взятых за 40 лет, которых было, конечно, великое множество.

Усмирив Казань, Иоанну пришлось заняться Господином Великим Новгородом.

Мы видели, что только особое заступничество святого Ионы, архиепископа Новгородского, и смерть Василия Темного помешали последнему нанести окончательный удар новгородским порядкам, которые развились во время княжеских усобиц на Руси и которым необходимо было положить конец, когда земля вновь начала собираться к Москве. Однако Иоанн III, верный своему правилу – свято чтить договоры и без крайней нужды не прибегать к оружию, – тщательно соблюдал, как мы говорили, по отношению к Новгороду старину и мир, заключенный его отцом.

Конечно, новгородцы отлично понимали, что при первом же случае, когда они нарушат свои обязательства к Москве, то последняя поднимется грозной войной, которая сразу положит конец их независимости.

В вольном городе, как всегда раздираемом раздорами различных партий, к этому време-

ни возникло разделение между сторонниками Москвы и сторонниками другого собирателя Руси – Литвы, которая одна могла противостоять Москве. Литовские князья были католиками, а новопоставленный для Западной Руси митрополит Григорий человеком весьма сомнительного православия; поэтому отделение Новгорода от Москвы на сторону польско-литовского государя – Казимира – являлось, несомненно, изменою как русскому делу, так и православию.

Зато эта отдача себя под покровительство Литвы сулила сохранение старых вольностей, которыми пользовалось исключительно новгородское властолюбивое денежное боярство, почему среди этого боярства и образовалась сильная партия, решившая поддаться Казимиру, чтобы оградить себя его заступничеством от Москвы. Во главе ее стояла вдова умершего посадника Марфа Борецкая, на пиру у которой имел страшное видение святой Зосима. Эта алчная до власти старуха, несмотря на свой преклонный возраст, так как имела уже взрослых сыновей, изо всех сил старалась привлечь на сторону Литвы возможно

больше сторонников и не щадила для этого своих богатств, причем мечтала выйти замуж за того литовского сановника, который будет прислан Казимиром в Новгород наместником, и рассчитывала разделить с ним власть.

Подобное явно враждебное к Москве настроение не замедлило сказаться: скоро в Новгороде начались оскорбления великокняжеских людей и нападения на московские владения. Иоанн III, конечно, отлично понимал, в чем заключалось дело, но решил сначала действовать на новгородцев увещаниями. Он кротко послал им сказать: «Люди новгородские, исправьтесь, помните, что Новгород – отчина великого князя, не творите лиха, живите по старине!»

На это новгородцы оскорбили великокняжеских послов на вече и послали ему такое дерзкое слово в ответ: «Новгород не отчина великого князя. Новгород сам себе Господин».

Но и этот дерзкий ответ не вывел из терпения Иоанна.

Он послал на него сказать новгородцам: «Отчина моя Великий Новгород, люди новгородские! Исправьтесь, не вступайте в мои

земли и воды, держите имя мое честно и грозно, посылайте ко мне бить челом, а я буду жаловать свою отчину по старине».

Московские бояре заметили великому князю, что Новгород оскорбляет его достоинство. Но он хладнокровно отвечал им: «Волны бьют о камни и ничего камням не сделают, а сами рассыпаются пеною, как бы в посмеяние. Так будет и с этими людьми новгородскими».

Между тем в 1470 году умер глубокочтимый Иоанном новгородский владыка святой Иона, бывший, как мы видели, горячим защитником своего города перед Москвой, причем на его место был выбран Феофил, человек слабой воли и без связей в Москве, а к новгородцам прибыл из Киева на княжение, по их приглашению, Михаил Олелькович, внук Ольгерда, – человек православный, но подручник и сторонник Казимира. В это же время партия Марфы Борецкой стала настойчиво требовать заключения договора с Литвою о переходе Новгорода под ее власть. В городе по этому поводу начались оживленные сходки, совещания и споры.

Новгородцы в это время были уже далеко не такими доблестными людьми, которых мы видели во времена Ярослава Мудрого. Несмотря на то что земля их была всегда в особо благоприятных условиях сравнительно с другими русскими землями, так как она почти не страдала от княжеских усобиц и почти не знала половцев и татар, ведя при этом богатейшую торговлю и обладая богатейшими же владениями на северо-востоке Руси, население ее заметно выродилось к концу XV века. Уважение к великокняжеской власти пало, воинская доблесть граждан исчезла, и нажива и властолюбие были главнейшими нравственными двигателями всех, причем денежная знать всецело владела вечем путем подкупа «худых мужиков-вечников». Положение же новгородских крестьян было самое тяжелое по сравнению с крестьянами остальных местностей. Падение общей нравственности вызвало, конечно, сильные беспорядки во всех отраслях управления. Описывая новгородские злоупотребления, летописец с горечью замечает, что не было тогда в Новгороде правды и правого суда, был по всей области

раздор, крик и вопль, «и все люди проклинали старейшин наших и город наш».

В это время в подгородном новгородском урочище Клопске жил замечательный праведник, про которого мы уже говорили: это был юродивый – блаженный Михаил Клопский. Он еще в 1440 году, встретив новгородского владыку Евфимия, сказал ему: «А сегодня большая радость в Москве. У великого князя (Василия Темного) родился сын, которому дали имя Иоанн. Разрушит он обычаи Новгородской земли и принесет гибель нашему городу».

Приезд Михаила Олельковича, состоявшийся в 1470 году, и деятельность партии посадницы Марфы по переходу под власть Литвы совпали со страшными знамениями в Новгороде. Сильная буря сломила крест на Святой Софии; колокола в Хутынском монастыре сами по себе издавали печальный звук; на некоторых гробах появлялась кровь. Посадник Немир, также сторонник Марфы и Казимира, заехал однажды в монастырь к Михаилу Клопскому. Тот спросил Немира: «Откуда ты?» – «Был, отче, у своей пратеци (тещиной

матери)». – «Что у тебя, сынок, за дума, о чем это ты все еддишь думать с женщинами?» – «Слышно, – сообщил посадник, – летом собирается на нас идти князь Московский, а у нас есть свой князь Михаил». – «То, сынок, не князь, а грязь, – возразил блаженный. – Шлите-ка скорей послов в Москву, добивайте делом великому князю за свою вину, а не то он придет на Новгород со всеми своими силами. Выйдете вы против него, и не будет вам Божьего пособия, и перебьет он многих из вас, а еще больше того в Москву сведет, а князь Михаил от вас в Литву уедет и ни в чем вам не поможет».

Слова блаженного сбылись. Узнав о переговорах с Казимиром, Иоанн Васильевич опять послал кроткое увещание Новгороду, припоминая ему, что он издревле знает только княжеский род святого Владимира. Вместе с тем послал увещание новгородцам и митрополит Филипп.

Но оба увещания не помогли, и московские послы были отправлены назад с бесчестьем.

Иоанн и после этого не разгневался и еще

раз послал в Новгород своего посла Феодора Топоркова с таким словом: «Не отступай, моя отчина, от православия; изгоните, новгородцы, из сердца лихую мысль, не приставайте к латинству, исправьтесь и бейте мне челом; я вас буду жаловать и держать по старине». Митрополит Филипп также послал новое увещание. Но ничто не помогло. Многочисленное посольство из знатных новгородцев отправилось в Литву и заключило с Казимиром договор о переходе Новгорода под его руку, причем он обещал сохранить его вольности и не трогать православия. Вот начало этого навсегда позорного для Новгорода договора: «Честной король Польский и князь великий Литовский заключили дружеский союз с нареченным владыкою Феофилом, с посадниками, тысяцкими новгородскими, боярами, людьми житьими, купцами и со всем Великим Новгородом...»

Этот договор, как увидим, был вместе с тем и смертным приговором Новгороду.

Узнав про него, великий князь Московский решил наконец обнажить свой меч на изменников Русской земли.

В мае 1471 года Иоанн созвал на думу братьев своих, митрополита, архиепископов, бояр и воевод и, объявив, что решил идти на Новгород за его измену, предложил вопрос, выступать ли немедленно или ждать зимы, пока замерзнут болота и реки Новгородской земли. Решили выступить немедленно. Сам великий князь шел с главной ратью на Новгород, а воевода Образцов должен был идти завоевывать Двинскую область. В Москве был оставлен сын великого князя Иван Молодой. В Псков же и Тверь было послано предложение присоединить свои войска к великокняжеским.

Поход этот пользовался общим сочувствием. «Неверные, – говорит летописец, описывая его, – изначально не знают Бога, а эти новгородцы столько лет были во христианстве и под конец начали отступать к латинству; великий князь пошел на них не как на христиан, но как на иноязычных и на отступников от православия».

Скоро великокняжеские войска вступили с разных сторон на Новгородскую землю и стали страшно ее опустошать; к ним не замедли-

ли присоединиться полки псковские и тверские, а новгородцы между тем остались без князя и без помощи. Михаил Олелькович, как и предсказал Михаил Клопский, поспешил от них уехать в Киев, ограбив по дороге Старую Руссу. Король же Казимир не трогался с места и не послал им ни одного человека. Тогда новгородцы обратились за поддержкой к ливонским немцам; те начали пересылаться с великим магистром, а в это время головные московские полки под начальством князя Даниила Холмского сожгли Руссу и побили две передовые новгородские рати, среди которых господствовало то же раздвоение, как и в самом Новгороде. При этом московские ратные люди, овладев во множестве снаряжением новгородцев – кольчугами, щитами и шлемами, с презрением бросали их в воду, говоря, что войско великого князя богато собственными доспехами и не имеет нужды в принадлежавших изменникам.

Видя, что на постороннюю помощь рассчитывать трудно, новгородские приверженцы Литвы стали наспех собирать собственное войско: они силою выгнали в поход плотни-

ков, гончаров и других ремесленников, которые отроду и на лошадь не садились. Кто не хотел идти, тех грабили, били и бросали в Волхов. Таким образом набралось до 40 тысяч человек; войско это было вверено посаднику Димитрию Борецкому – сыну старухи Марфы. Оно двинулось по левому берегу Шелони, рассчитывая нанести отдельное поражение псковичам, шедшим с запада. Но великий князь предвидел это движение новгородцев и своевременно направил князя Даниила Холмского по правому берегу реки на соединение со псковичами.

Завидя новгородские полки, шедшие по левому берегу Шелони на псковичей, московские воеводы, несмотря на то что у них было всего лишь немного больше четырех тысяч человек, решили вступить в бой с в 10 раз сильнейшим противником, веря в искусство своих воинов и прекрасный дух, их оживлявший. Они обратились к ним со словами: «Настало время послужить государю; не убоимся и трехсот тысяч мятежников. За нас правда и Господь Вседержитель» – и затем во главе рати кинулись, «яко львы рыкающе, – говорит

летописец, – через реку ону великую», в глубоком месте, где не было брода. Мужественные московские воины последовали за своими вождями вплавь, причем никто не утонул. Достигнув же противоположного берега, они стремительно бросились на врага с победным кличем: «Москва!.. Москва!..» Новгородцы потерпели страшное поражение: 12 тысяч человек пало на месте, а 17 тысяч было взято в плен, в том числе и Димитрий Борецкий с двумя воеводами. Вместе с тем в обозе была найдена и изменническая договорная грамота с Казимиром.

Великий князь получил известие о Шелонской победе в Яжелбицах, в 120 верстах от Новгорода, откуда он перешел к Руссе, уверенный, что сюда не замедлят явиться новгородские послы с просьбой о мире. Но, к своему удивлению, он узнал, что Новгород волнуется по-прежнему и что литовская сторона, несмотря на все неудачи, держит верх. Тогда Иоанн, возмущенный, без сомнения, договорной грамотой с Казимиром, приказал казнить Димитрия Борецкого с тремя знатными пленниками. «Вы за короля задаваться хотели», –

сказал он им.

Скоро новгородцы увидели, что дальше сопротивляться им будет немыслимо; власть в городе перешла к московским сторонникам, и владыка Феофил был послан с челобитьем. Иоанн милостиво даровал мир по всей старине, взяв лишь за проступку 15 500 рублей деньгами, причем в своем договоре жители вольного города обязывались ни под каким видом не отдаваться Литве, а быть неотступно с Москвою; владык же своих тоже ставить по старине у гроба святого Петра-чудотворца в Москве.

Одновременно с поражением на Шелони новгородцы были наголову разбиты и в Двинской земле московским воеводой Образцовым, хотя он имел только 4 тысячи человек против 12 тысяч. Однако, несмотря на эту победу, Иоанн и здесь заключил мир по старине: отдал Новгороду его заволоцкие владения, потребовав лишь возвращения всех прежних захватов, сделанных там в московских владениях, преимущественно во время Шемякиной смуты.

Такое счастливое окончание борьбы с гроз-

ным московским князем не принесло никакой пользы Новгороду и никого в нем не обрало. Там опять немедленно начались распри сторон и бесчинства сильных денежных людей.

Скоро степенный посадник Василий Ананьин со своими приспешниками, в числе которых были все больше бывшие сторонники Литвы, напал на две улицы – на Славкову и Никитину, которые, видимо, доброхотствовали Москве, и переграбил и перебил их людей, многих даже до смерти.

Такие же бесчинства сторонниками Литвы производились и в других местах. Но теперь у обиженных был защитник – великий князь Иоанн, которому по старине принадлежало право суда в Новгороде. Правда, это право было предано забвению и никто им давно не пользовался, но обиженный и ограбленный люд, тяготевший к Москве, послал об этом напомнить Иоанну Васильевичу, отправив ему жалобу на своих засильников.

И вот 22 октября 1475 года Иоанн выехал из Москвы в Новгород миром, но в сопровождении множества людей. Начиная с Вышнего

Волочка великого князя встречали везде послы новгородские с дарами, но встречали также и челобитчики. Чем ближе он подъезжал к Новгороду, тем более высыпало ему навстречу жалобщиков, которые ждали от него суда праведного и нелицеприятного. 21 ноября великий князь въехал в Новгородский кремль и пробыл здесь до 26 января 1476 года. Он милостиво принимал обильное угощение и дары от архиепископа и многих новгородских людей и в то же время назначил великокняжеский суд, причем по старине потребовал, чтобы при разбирательстве, для полного беспристрастия, были бы как его приставы, так и новгородские. Суд состоялся в присутствии Феофила и старых посадников, причем все жалобы были признаны справедливыми. Тогда Иоанн велел взять обвиненных и главных из них посадить за приставами, а остальных отдать на крепкую поруку.

Владыка и посадники явились затем к нему просить помиловать схваченных бояр. Но Иоанн отвечал им: «Известно тебе, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчине нашей, сколько от этих бояр и прежде зла бы-

ло, а ныне что ни есть дурного в нашей отчине – все от них; так как же мне их за это дурное жаловать?» – и приказал в тот же день отправить скованными в Москву бывшего посадника Ананьина с тремя главными товарищами.

Впрочем, через несколько дней великий князь снизошел на новые ходатайства владыки и освободил некоторых бояр, отданных на поруки, а затем после ряда пиров, данных в его честь, отбыл в Москву. Строгий и беспристрастный суд великого князя понравился новгородцам. И вот, не ожидая, пока он вновь приедет к ним, они стали брать своих приставов и сами ехали судиться в Москву, забыв старинное свое право: «На низу новгородца не судить». Сюда за княжеским судом потянулись бояре, поселяне, житьи люди, монахини, вдовы и многое множество разного народа искать управу на свои обиды.

Это показывает, конечно, что сам новгородский народ стал смотреть на московского великого князя как на своего верховного судью. Литовская партия была, разумеется, сильно этим недовольна, но ничего не могла

сделать, так как ни Казимир, ни татары не проявляли враждебных действий против Москвы, а между тем в 1477 году случилось обстоятельство, давшее неожиданный оборот отношениям великого князя к Новгороду. В Москву приехало двое новгородских послов – Назар Подвойский и Захар, вечевой дьяк, – и назвали в своем челобитье Иоанна государем, тогда как прежде новгородцы ни одного великого князя не называли государем, а только господином. Иоанн, конечно, обратил внимание на это и отправил своих послов спросить в Новгород: «Какого там хотят государства? Хотят ли, чтобы в Новгороде был один суд государя, чтобы управители его сидели по всем улицам, хотят ли двор Ярославов очистить для великого князя?»

Неизвестно, по чьему поручению назвали новгородские послы Иоанна государем; некоторые летописцы говорят, что это было сделано ими по решению владыки и бояр, но без ведома веча. Во всяком случае, как только московские послы прибыли в Новгород с вопросом Иоанна, там встал жестокий мятеж, причем было убито несколько именитых лю-

дей, заподозренных в преданности Москве.

С этого времени, как говорит летописец, «новгородцы взбесновались, как пьяные, и опять захотели к королю». Московских послов, однако, отпустили с честью и приказали им передать Иоанну, что бьют ему челом как своему господину, но государем его не зовут, а просят жить по старине, как договорились в последний раз.

Получив этот ответ, великий князь пришел к митрополиту и объявил ему о клятвенном преступлении новгородцев: «Я не хотел у них государства, сами прислали, а теперь запираются и на нас ложь положили». Он объявил об этом также матери – инокине Марфе – и боярам, а затем, напутствуемый благословением всех, осенью того же 1477 года собрался в поход наказать Новгород и двинул к опальному городу сильные полки по разным дорогам.

23 ноября Иоанн стоял уже в 30 верстах от Новгорода. Здесь явился к нему владыка Феофил с посадниками и, назвав его государем, бил челом, чтобы он переложил свой гнев на милость, оставил бы все по старине и впредь

на суд новгородцев в Москву не звал. Вместо ответа Иоанн повелел своему войску подойти вплотную к городу и окружить его со всех сторон; затем он послал сказать в город, что они сами знают, что отправили к нему Назара Подвойского и Захара, вечевого дьяка, которые назвали его государем. При этом, выставив все вины новгородцев перед ним, Иоанн закончил свое слово так: «Князь великий вам говорит: захочет Великий Новгород бить нам челом, и он знает, как ему нам, великим князьям, челом бьют».

Новгородцы поняли, конечно, как им следует бить челом, но медлили до последней крайности. Великий же князь между тем окружил город тесным кольцом со всех сторон, вследствие чего там скоро настал недостаток в продовольствии, а московскую рать по приказу Иоанна обильно снабжали всякого рода продовольств вием псковичи: хлебом, калачами, пшеничной мукой, рыбою и медом.

4 декабря к Иоанну явился опять владыка Феофил с посадниками; они били челом, чтобы государь пожаловал, как Бог положит ему

на сердце, свою отчину жаловать. Но Иоанн неизменно отвечал: «Захочет наша отчина бить нам челом, и она знает, как бить челом».

Послы отправились назад в город и на другой день прибыли с повинной, что действительно Новгород посылал в Москву Назара да Захара называть великого князя государем и потом заперлись. Тогда Иоанн приказал им ответить: «Если ты, владыко, и вся наша отчина, Великий Новгород, сказались перед нами виноватыми и спрашиваете, как нашему государству быть в нашей отчине, в Новгороде, то объявляем, что хотим такого же государства, как и в Москве». 7 декабря послы явились с новыми речами. Они просили, чтобы великий князь брал дань с каждой сохи по полугривне, но чтобы все остальное было по старине. Иоанн, однако, решительно этому воспротивился. Тогда послы попросили его, чтобы он указал, как его государству быть в Новгороде: «потому что Великий Новгород низового обычая не знает».

На это великий князь отвечал им: «Государство наше таково: вечевому колоколу в Новгороде не быть, посаднику не быть, а госу-

дарство все нам держать; волостями, селами нам владеть, как владеем в низовой земле, чтобы было на чем нам быть в нашей отчине, а которые земли наши за вами, и вы их нам отдайте; воевод не бойтесь, в боярские вотчины не вступаемся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит».

После шести дней размышления новгородцы объявили, что согласны на снятие колокола и уничтожение посадника, но просят не выводить их в низовую землю и не звать туда на службу. Иоанн их всем этим пожаловал. Тогда послы просили написать об этом договор, с тем чтобы обе стороны целовали на нем крест. Но им объявили, что великий князь не станет целовать креста своим подданным.

«Пусть бояре поцелуют крест», – просили послы, но получили тоже отказ. Отказано было им и в целовании креста со стороны великокняжеского наместника.

После этого новгородцы должны были присягнуть на полное подданство московскому великому князю. Иоанн же, определив, что он будет брать по полугривне с сохи в год,

и оказав многие льготы владыке и бедным монастырям, выехал 5 февраля 1478 года в Москву, оставив в Новгороде своих наместников – князей Стригу и Ярослава Оболенских. Перед отъездом он велел схватить главных крамольников: Марфу Борецкую с внуком Василием Феодоровичем и еще шесть новгородцев и отвести их в Москву. Вслед за Иоанном отправили в Москву и вечевой колокол. «И вознесли его на колокольницу, – говорит летописец, – с прочими колоколами звонити».

Так закончилось вольное существование Великого Новгорода. Конечно, многие из его граждан не скоро могли забыть независимое житье и неоднократно заводили крамолу. Но Иоанн твердо подавлял ее своей властной рукой. В 1480 году, узнав о сношениях крамольных новгородцев с Казимиром и с немцами и о том, что в городе заводятся старые порядки, он подошел к нему со своими полками и пушками заставил отворить себе ворота. Затем все заговорщики были строго наказаны во главе с владыкой Феофилом: его взяли под стражу и отослали в московский Чудов монастырь, 100 главных крамольников были пре-

даны смертной казни, а 100 семей детей боярских и купцов переведено по низовым городам.

В 1481 году было опять схвачено четверо новгородских бояр, а затем 30 человек приговорено к смертной казни по клевету друг на друга в сношениях с польским королем, но когда они перед виселицей стали каяться в этих клеветах, то Иоанн даровал им жизнь.

В 1487 году пришлось перевести из Новгорода во Владимир на Клязьме 50 семей лучших купцов и, наконец, в 1488 году перевели из Новгорода в Москву больше 7 тысяч живых людей за то, что они хотели убить великокняжеского наместника. Их расселили по разным городам Московского княжества, а на их место были посланы в Новгород – из Москвы и других низовых городов – дети боярские и купцы. Эта мера оказалась самой действенной для окончательного приведения Новгорода под власть Москвы.

Во время описанных событий в Великом Новгороде Иоанн был деятельно занят также и многими другими важными делами. В числе их было и заключение нового брака.

В 1467 году скончалась его первая жена – великая княгиня Мария Борисовна, с коей он был обручен в Твери отцом своим Василием Темным, будучи еще маленьким мальчиком. От этой первой жены остался сын – Иван Молодой, которого государь, по примеру Василия Темного, назвал также великим князем с целью отнять у братьев своих всякий предлог к предъявлению старых прав старшинства перед племянником, причем все грамоты писались от обоих великих князей.

Вдовый 27-летний Иоанн Московский был, конечно, для всех весьма завидным женихом. Но особенные виды питались на него в Риме папой Павлом II. Дело в том, что в это время жила в Риме родная племянница последнего царьградского царя Константина Палеолога, убитого при взятии турками Константинополя, дочь его брата Фомы – София. София Фоминична была воспитана в правилах Флорентийской унии, и папа, уверенный, что она благоприятствует латинству, решил посвятить ее за Иоанна Васильевича, с тем чтобы при ее посредстве приобщить к унии и Московское государство.

Вдохновителем папы в этом деле был бывший православный никейский патриарх Виссарион, один из подписавших Флорентийскую унию и получивший звание римского кардинала. В феврале 1469 года в Москву прибыл грек Юрий с письмом от Виссариона, в котором последний предлагал Иоанну руку царевны, причем писал, что она отказала из преданности к православию двум женихам – французскому королю и медиоланскому (миланскому) герцогу. Великий князь отнесся к этому предложению с обычной своей обстоятельностью; он советовался с матерью, митрополитом и боярами, а затем отправил в Рим своего посла: монетного мастера, итальянца Ивана Фрязина (Джана Батиста делла Вольпе), принявшего в Русской земле православие. Иван Фрязин не замедлил вернуться в Москву, восхваляя Софию, и привез ее живописное изображение – портрет, или как в то время говорили на Руси, парсуну. Тогда Иоанн отправил вновь того же Фрязина в Рим, чтобы представить его лицо при обручении и привезти затем Софию в Москву.

В Риме ловкий, но не особенно щекотли-

вый в делах совести посол Иоанна представлял себя ревностным католиком и, умалчивая о своем переходе в православие, уверил всех, что Иоанн весьма склонен к латинству и с удовольствием поможет папе в крестовом походе против турок.

Папа дал Софии богатое приданое, и 29 июня 1472 года она выехала в Россию в сопровождении многих греков и нарочитого папского посла – кардинала Антония Бонумбре, посланного им, чтобы поднять вопрос об унии.

Достоверного изображения Софии Фоминичны, к сожалению, не имеется. Но сохранилось, и, вероятно, вполне достоверное, изображение ее брата Андрея, посетившего впоследствии два раза свою сестру в Москве.

Сохранилось также восторженное описание красоты и очаровательности Софии Фоминичны, составленное одним из граждан итальянского города Болоньи, куда она прибыла по пути в Москву. «София Фоминична, – рассказывает он, – носила плащ из парчи и соболей над пурпуровым платьем, а на голове золотое украшение с жемчугом. Ее свиту со-

ставляли самые знатные молодые люди, спорившие из-за чести держать ее лошадь под уздцы».

Невеста московского великого князя была встречена во всей Германии с большими почестями. 1 сентября она прибыла в Любек, где села на корабль, а 21-го числа того же месяца вышла на берег в Ревене. Гонцы великого князя тотчас же дали знать по всему пути о ее приезде.

В Юрьеве София была торжественно встречена московским послом, который почти-тельно приветствовал ее от имени жениха. Высокочтенную всюду приветствовали, разумеется самым сердечным образом, но с особенной любовью отнеслись к ней псковичи. На шести насадах, в сопровождении множества лодок, они поплыли по своему озеру к немецкому берегу, вышли из судов и, наполнив кубки и позолоченные рога, били ей челом – вином и медом. София Фоминична ласково их приняла и объявила, что сейчас же хочет ехать с ними дальше, чтобы скорее покинуть немцев.

Впереди Пскова ее встретило все духовенство с крестами и хоругвями и все посадники. Вступив на Русскую землю, будущая великая княгиня сразу показала себя строгой ревнительницей православия: она тотчас же подошла к благословению священников, а затем прямо отправилась со спутниками в Троицкий собор; вошел с ней туда и кардинал Антоний. «Не по нашему обычаю одетый – весь в красное, – говорит летописец, – в перчатках, которых никогда не снимает, и благословляет в них, и несут перед ним распятие литое, высоко взоткнутое на древке, к иконам не подходит и не крестится; в Троицком соборе приложился только к Пречистой, и то по приказанию царевны».

Когда до Москвы дошли сведения, что везде, где останавливается София, пред папским послом носят серебряное распятие – латинский крыж, то великий князь стал думать с боярами, можно ли допустить такое шествие по Москве, и наконец послал спросить митрополита Филиппа.

Тот отвечал: «Нельзя послу не только войти в город с крестом, но и подъехать близко;

если же ты позволишь ему это сделать, желая почтить его, то он в одни ворота в городе, а я, отец твой, другими воротами из города. Неприлично нам слышать об этом, не только что видеть, потому что кто возлюбит и похвалит веру чужую, тот своей поругается».

Получив этот ответ, Иоанн послал боярина отобрать крыж у Антония и спрятать его в сани; тот было воспротивился, но делать было нечего.

София въехала в Москву 12 ноября 1472 года и тотчас же была обвенчана с Иоанном. На другой день кардинал Антоний, как посол папы, был торжественно принят великим князем. Он сейчас же поднял вопрос о соединении церквей на основании Флорентийского собора; но митрополит выставил против него на спор русского книжника Никиту Поповича, который своими вопросами и ответами поставил папского посла в полный тупик; кардинал не нашелся что отвечать и поспешил кончить спор, с досадой промолвивши: «Нет книг со мной».

Таким образом, папская попытка привлечь Русскую церковь к латинству при по-

средстве брака Иоанна с царевной Софией сразу окончилась полной неудачей: София оказалась вполне преданной православию, а папский кардинал был посрамлен в споре нашим книжником Никитою Поповичем.

Брак Иоанна с Софией Фоминичной имел совершенно иные последствия, чем рассчитывал папа. Новая русская великая княгиня принесла с собой все заветы и предания Византийского царства, столько столетий славного своей крепкой православной верой и своим мудрым государственным устройством. Вместе с тем она принесла с собой в глазах всех православных людей и передачу всех прав византийских государей, после покорения их державы турками, как своему православному супругу – московскому великому князю, так и будущим своим от него православным потомкам.

А это наследие Византии в деле собирания Москвою православных русских земель имело, конечно, огромное нравственное значение.

После брака с Софией, по отзыву всех современников, в Иоанне произошла заметная

перемена. Он стал как бы выше, чем прежние великие князья, держал себя с большим величием, требовал к себе больших знаков внешнего почитания и безусловного повиновения от всех. Перемена эта, конечно, была совершенно необходима, когда Москва из небольшого Московского княжества стала развиваться в могущественное государство, причем общее стремление всей земли и духовенства было, чтобы во главе его стоял неограниченный и самодержавный государь, Божией милостию всем своим подданным в отцов и праотца место поставленный.

Нет сомнения, что прибывшие с Софией Фоминичной из Италии греки также во многом способствовали установлению взглядов на сущность верховной власти в государстве.

Первым видимым знаком преемственности Московской Руси от Византии было принятие государственным гербом двуглавого орла, бывшего гербом греческих царей. Со времени брака Иоанна с Софией Фоминичной двуглавый орел вместе с всадником, поражающим копьём змея, делается навсегда нашим Государственным гербом, причем всадник

изображает как святого великомученика и победоносца Георгия, так и государя, поражающего своим копьём всех врагов Отечества и всякое противогосударственное зло.

Наряду с важными делами по собиранию Руси Иоанн неутомимо старался также об украшении своего стольного города Москвы и в этом отношении шел совершенно по стопам своего прапрадеда Иоанна Калиты. При Иоанне III Москва из деревянной стала белокаменной.

В деле этом, конечно, важнейшей заботой великого князя было попечение о Божьем храме, который являлся как бы основным камнем для создания народного государственного единства, о кремлевском соборе Успения Божией Матери, заложенном при Иоанне Калите собственными руками первосвященника всея Руси, святым Петром-чудотворцем, в нем и погребенным. Храм этот от времени и многих пожаров сильно обветшал и грозил падением. И вот в 1471 году в ту же летнюю пору, когда войска Иоанновы одержали славную Шелонскую победу над изменниками новгородцами, митрополит Филипп

заложил сооружение нового каменного собора и отпустил для этого немалое количество денег из своих доходов. Конечно, и великий князь, получив от новгородцев 15 500 рублей за их вину, тоже вложил свою лепту в эту постройку, которая была поручена московским мастерам камнесечцам – Иоанну Кривцову да Мышкину.

При разборке старого храма были открыты мощи погребенных там митрополитов. Когда приступили ко гробу святого Ионы и сняли с него доску, в тот час «изыди из гроба благоухание много по всему храму; мощи же его явились все целы и нерушимы, прилипе бо плоть кости его и не двигнушася составы его», – говорит летописец. Вскоре у этих мощей последовало два случая чудесного исцеления. С великим освящением и с установлением даже особого праздника были перенесены и мощи святого Петра-чудотворца. Когда митрополит Филипп со многим страхом и слезами повелел разобрать надгробницу, то увидели гроб, весь распавшийся от бывшего пожара, «а мощи, яко свет, блестяшия, ничто к ним не прикоснулось, и благоухание многое

исходящее от них». Народ с напряженным вниманием следил за всеми мельчайшими подробностями перенесения мощей святых, почивавших в Успенском соборе, и вообще за всем ходом его сооружения. К весне 1474 года церковь была уже «чудна вельми и превысока зело»; ее вывели до сводов, которые оставалось только замкнуть, чтобы на них соорудить большую среднюю главу, как вдруг 20 мая в час солнечного заката храм внезапно разрушился, не повредив, однако, гробов святых Петра и Ионы; сохранились также все иконы, святые сосуды, книги и паникадило в сооруженной рядом временной деревянной церкви.

Причиной такого несчастья и такой печали для всего города послу жило плохое искусство мастеров, так как старый способ постройки каменных храмов, коим была так знаменита Русь XI и XII веков, был совершенно забыт в это время. Вместе с глубокой скорбью о разрушении храма весь московский народ видел преславное чудо и благодатное заступление Божией Матери в том обстоятельстве, что при разрушении церкви никто из

людей не пал жертвою этого несчастья, хотя весь день в ней усердно работали камнесечцы, а на подмости всходили до темноты многие любо знательные посмотреть, как подвигается работа. Чтобы начать вновь строить церковь, великий князь послал было за псковскими мастерами, славившимися своим искусством, но когда они отказались от столь ответственной работы, то он решил отправить для сего нарочитого посла в Италию, в город Венецию, и выбрал Семена Толбузина.

Семен Толбузин, первый из русских, отправленный послом к иноземному государю, успешно выполнил свое поручение и в 1475 году возвратился в Москву, привезя славного мастера Рудольфа Фиораванти дельи Альберта, прозванного за его хитрость Аристотелем, по имени знаменитого греческого ученого мужа – воспитателя великого царя Александра Македонского. Правитель Венеции никак не хотел отпускать от себя Аристотеля, которого приглашал также и турецкий султан в Царьград, и только после многих просьб, в знак особой дружбы к Иоанну, разрешил ему ехать в Москву за жалованье 10 рублей в месяц, це-

ну по тому времени огромную. Помимо знания строительного искусства Аристотель мог также отлично лить колокола и пушки и стрелять из последних. Подробно осмотрев разрушенный храм, он похвалил гладкость сооружения, но похулил известь, что не клеевата, да и камень, сказал, что не тверд.

Аристотель решил все сломать до основания, чтобы начать строить из кирпича. Для этого 16 апреля 1475 года последовало новое перенесение мощей святых митрополитов Петра, Феогноста, Киприана, Фотия и Ионы в церковь Святого Иоанна, что под колокола.

В течение недели Аристотель особым дубовым брусом, окованным с конца железом, который раскачивали на канатах, развалил все оставшееся сооружение, а затем приступил к своей работе. На четвертое лето в 1478 году славная постройка была окончена вчерне, а совсем – в 1479 году, а 12 августа торжественно освящена митрополитом Геронтием.

Радость в этот день всего города Москвы была неопишима. Великий князь повелел раздать милостыню на весь город всем нищим, а духовенство с боярами угостил знат-

ным обедом. Через несколько дней состоялось торжественное перенесение в новый храм мощей святых митрополитов, а также и праха князя Юрия Даниловича, старшего брата Иоанна Калиты, здесь похороненного.

В 1482 году Успенский собор был украшен иконописью мастерами-иконниками: Дионисием, попом Тимофеем, Ярцем и Коною, на что дал средства владыка Ростовский Вассиан, знаменитый своим благочестием и любовью к Родине. «Бысть же та церковь чудна, – говорит про Успенский собор летописец, – величеством, и высотой, и светлостью, и звонностью, и пространством, яко же и прежде того не бывало в Руси, опричь Владимирская церкви».

Сооружением заново соборного храма было положено только начало новому устройству города, причем великий князь имел немало забот и трудов по вызову мастеров из Италии, где в это время был полный расцвет так называемой поры возрождения наук и искусств, чему очень сильно способствовали греки, которые после взятия Царьграда турками во множестве поселились в Италии и про-

будили в среде ее образованных жителей любовь к изучению греческого языка, а вместе с тем и всех памятников древней греческой жизни, среди коих было много образцов высокого искусства. Правители городов и сами папы римские стали ревностно изучать древнеязыческое искусство; скоро в Италии появились замечательные живописцы, ваятели и искусные зодчие, украсившие ее города знаменитыми и поныне храмами, картинами и статуями.

Конечно, вместе с поклонением древнему искусству эта пора возрождения наук и искусств принесла в латинские государства, где с падением обаяния папы сильно падало благочестие, также и чисто языческие взгляды и понятия, причем совершенно по-язычески высшей целью жизни было поставлено наслаждение.

К этой цели – наслаждению земными благами – западные народы неуклонно стремятся и по сей день, успев, к несчастью, привить эти взгляды и многим русским людям. Но в XV веке перед нашими предками стояли столь огромные по своей трудности и столь

высокие по своему значению насущные задачи – собираться вокруг православного московского государя и грудью своею и кровью служить оплотом для Западной Европы против нашествия мусульманского Востока, что они не могли даже и думать о наслаждении жизнью; развитие же в Италии искусств дало нам возможность приглашать опытных зодчих для устройства Москвы и необходимых других мастеров.

Однако вследствие отдаленности Москвы от других государств, а главное, вследствие враждебности наших соседей – поляков и немцев, не желавших к нам пропускать нужных людей, проходили годы, пока в Москве стали появляться эти очень желанные и необходимые итальянские художники. В ожидании их Иоанн воспользовался искусством псковских мастеров и в 1484 году приказал построить новый каменный дворцовый храм Богоявления, а митрополит в том же году – церковь Ризоположения.

В 1485 году прибывшими первыми после Аристотеля итальянцами – мастерами Петром Антонио и Марком Фрязиными – стали

сооружаться новые кремлевские стены, постройка которых с башнями, или стрельницами, и тайниками (подземными ходами) продолжалась до 1495 года. В самом Кремле за это время было сооружено несколько храмов, в том числе разобраны старые и заложены новые каменные церкви первоначальной постройки Иоанна Калиты: Святого Иоанна Лествичника, что под колокола, и собор Святого архангела Михаила для могил прародителей государевых; строителем последнего был Фрязин Алевиз Новый.

Вместе с тем великий князь решил выстроить для себя в Кремле каменные палаты на месте деревянных. Сооружение их началось одновременно с перестройкой Благовещенской церкви мастерами Марком и Петром Антонием Фрязиными, которые в 1491 году построили большую палату, названную Грановитой по случаю обделки ее наружных стен по-итальянски – гранями.

Постройка же остальных дворцовых палат затянулась надолго и окончилась уже при преемниках Иоанна.

С этого времени Кремль, жилище великих

государей московских, представлял собою как бы большой монастырь, потому что был наполнен большими и красивыми церквями, среди которых, как игуменская келья в монастырском дворе, расположен был государев дворец. Великолепная белокаменная ограда с затейливыми стрельницами, окаймлявшая Кремль, имела несколько ворот, причем благочестивая народная мысль, почитавшая обители своего государя в качестве святыни, осветила и главные кремлевские ворота – Спасские – народным обычаем входить в них, снимая шапки, с непокрытой головой. Когда и как установился этот обычай, не выяснено, но, по-видимому, он установлен не по государеву указу, а именно по благочестивой воле всенародного множества; рассказывают, что в старину кто, проходя воротами, не снимал шапки, того народ заставлял класть перед образом Спасителя 50 поклонов.

Достоинно особого замечания, что итальянцы, устраивавшие каменную Москву и ее сердце Кремль, бывшие учениками великих мастеров итальянской блестящей поры возрождения наук и искусств, придя со своими

большими научными знаниями в деревенскую и деревянную Москву, тем не менее возводили в ней все новые каменные сооружения отнюдь не по итальянским, а по старорусским образцам и заветам. Так, Успенский собор был построен по образцу славного собора Владимирского, сооруженного Андреем Боголюбским; по тому же образцу построен Архангельский собор Алевизом Новым; по образцу и складу новгородских церквей сооружена церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот и колокольница, стоящая рядом с Иваном Великим; по образцу древних одноглавых русских храмов выстроены были и церкви: Рождества Богородицы на государевых сенях и Благовещения на Старом Ваганькове.

Даже Грановитая палата, отделанная по итальянскому способу гранями, была только частью государева помещения, состоявшего по старому русскому обычаю из ряда палат и помещений, соединенных между собой сенями и переходами. Таким образом, пригласив итальянских мастеров, чтобы воспользоваться их знаниями и искусством в строительстве, или, как говорят ныне, их техническими

знаниями, Московская Русь во главе со своим великим князем Иоанном Васильевичем крепко и во всем держалась своего ума и обычая и вовсе не желала отворять широко двери таким нововведениям, которые могли бы изменить коренные черты ее старинных вкусов и укладов.

Украшая и перестраивая свой стольный город, Иоанн Васильевич, разумеется, продолжал ревностно свое великое служение Родине и на всех других поприщах.

Вместе с полным подчинением Москве Новгорода ему пришлось окончательно подчинить себе и новгородских выходцев – непокорных вятчан, которые, пользуясь своей отдаленностью, мало признавали свою принадлежность к общему всем русским людям Отечеству; мало того, они стали держать прямо сторону Казани против Москвы. Конечно, это уже была явная измена и православию, и Родине. Митрополит два раза писал вятчанам увещательные грамоты: «Называетесь вы именем христианским, а живете хуже нечистивых: Святую церковь обижаете, законы церковные старые разоряете, господарю вели-

кому князю грубите и пристаєте к его недругам издавна, с поганством соединяетесь да и одни, сами собою, отчину великого князя воюете беспрестанно...» Но митрополичьи грамоты не помогли, и в 1489 году великий князь послал против вятчан 64-тысячную рать под начальством князя Даниила Щени и Григория Морозова. Это подействовало: как только московские полки подступили к городу Хлынову, большие люди Вятской земли вышли им бить челом – просить мира и покорились великому князю на всей его воле, после чего три главных изменника были биты кнутом и повешены; кроме того, было выведено много лучших людей с семьями, которых великий князь пожаловал именьями близ Москвы; в Вятку же были посланы его наместники.

Псков удержал свои старинные вольности во все время великого княжения Иоанна, который ценил, конечно, его постоянную покорность, а также и его неизменную преданность православию и русскому делу.

Действительно, с тех пор, как в непосредственном соседстве со Псковской землей объ-

единилась Литва и основался Ливонский орден, Псков, стоя на рубеже Русской земли, в продолжение трех веков вел с ними упорную двухстороннюю борьбу, располагая по большей части лишь средствами своей небольшой области, простиравшейся верст на триста неширокой полосой с юга на север, от верховьев реки Великой до реки Наровы.

Рязань во все время великого княжения Иоанна III тоже сохраняла свою самостоятельность благодаря тому, что рязанский князь во всем поступал согласно видам Москвы.

Долгое время продолжались добрые отношения у Иоанна Васильевича и с его шурином – тверским князем Михаилом Борисовичем, который по договору с Иоанном обязан был бить Орду, немцев и поляков заодно с Москвой. Однако в 1485 году, вероятно вследствие зависти Михаила к Москве, он стал держать дружбу с Казимиром Литовским и женился на его внучке, причем заключил с ним договор, по которому оба они обязывались помогать друг другу при всех обстоятельствах.

Этот договор был, разумеется, прямой из-

меною Москве. Узнав о нем, Иоанн тотчас же объявил Твери войну, и рать его вторгнулась в ее область. Так как помощь от Казимира не являлась, то Михаил стал просить о мире, который Иоанн не замедлил ему дать; по этому миру тверской князь обязался считать Иоанна и его сына своими старшими братьями, сложить свое крестное целование к Казимиру и вперед без ведома Москвы с ним ни в какие сношения не вступать.

Скоро после этого многие тверские бояре начали переезжать к великому князю Московскому; конечно, этим не мог быть доволен Михаил; он завел опять тайные сношения с Литвой, но гонец его был перехвачен, и грамота к Казимиру доставлена в Москву.

Тогда Иоанн вновь собрал войско и 8 сентября 1486 года обложил Тверь, причем всем пушечным нарядом руководил славный мастер Аристотель; 10-го числа были зажжены посады, а 11-го приехали в московский стан все тверские бояре и били челом Иоанну; Михаил же Тверской бежал в Литву. При этих обстоятельствах Иоанн присоединил Тверь к своим владениям и посадил в ней своего сы-

на Ивана Молодого, причем, по-видимому, обошелся очень сурово с тверскими боярами, предавшими своего князя, так как главного из них, князя Михаила Холмского, он послал в заточение в Вологду за то, что, поцеловавши крест своему князю Михаилу, он отступил от него. «Нехорошо верить тому, кто Богу лжет», – сказал при этом государь.

Кроме Твери, при Иоанне Васильевиче были окончательно присоединены княжества Ярославское и Ростовское, владельцы которых уступили их за деньги Москве. Наконец, при Иоанне же был присоединен и Верейский удел; старый князь Михаил Андреевич Верейский ходил в полном послушании московского государя, но сын Михаила Василий, женатый на племяннице Софии Фоминичны, разгневал по вопросу о приданом великого князя и бежал в Литву, причем отец его завещал Верейское княжество после своей смерти Иоанну, который в свою очередь предложил Михаилу вернуться в Москву, но уже в качестве служилого князя.

Немало огорчений пришлось перенести Иоанну Васильевичу и от своих родных бра-

тьев: старший из них, Юрий, умер в 1473 году бездетным, причем в завещании ни слова не сказал о своем уделе – Дмитрове, Можайске и Серпухове. Иоанн присоединил его к московским владениям, что, конечно, вполне совпало с высшими государственными потребностями. Но на это обиделись остальные три брата: Андрей Большой, Борис и Андрей Меньшой; недовольна была и старая великая княгиня, инокиня Марфа. Иоанн уступил матери и братьям и дал последним несколько городов, однако не из удела умершего Юрия, и обязал их иметь, в случае своей смерти, сына своего Ивана Молодого старшим братом и не искать под ним великого княжения. Братья не были довольны этим договором, но должны были смириться, выжидая более благоприятных обстоятельств.

Между тем поддерживаемый в своих великих замыслах по собиранию Руси под сильную власть московского государя молодой супругой своей Софией Фоминичной, Иоанн искусно и деятельно вел свои дела по отношению к соседям. Казимир, король Польский и великий князь Литовский, был, конечно, са-

мым злейшим врагом Москвы и охотно делал все от него зависящее, чтобы нанести ей возможно более вреда. К счастью для нас, он не обладал для этого достаточной силой, и главным образом потому, что не имел большой власти в своих собственных владениях: когда в 1470 году он прибыл на сейм, собранный в Петрокове, и требовал денежного вспоможения, польские паны ему отвечали: «Ты нам о денежном вспоможении не говори до тех пор, пока не выдашь нам подтверждения прав и не означишь верно в грамоте, какие области принадлежат Польше и какие Литве».

Разумеется, при таких условиях, когда все отношения подданных к государю основываются на их правах, Казимиру немыслимо было вести борьбу с Московским государством, вся сила которого именно и состояла в глубоком сознании всеми подданными своих обязанностей по отношению к государю и к Родине; для них они не задумывались жертвовать не только деньгами, но и жизнью.

Но если Казимиру была не под силу открытая борьба с Москвой, то он всюду, где мог, действовал против нее исподтишка, своими

злыми кознями. Он, как мы видели, возбуждал против Москвы Новгород и Тверь и, несомненно, пытался входить в сношения с младшими братьями Иоанна; наконец, он всеми способами старался наводить на Москву татар, которые, как мы знаем, были разделены на несколько отдельных Орд, из коих главными были: Золотая, Крымская и Казанская.

Между ханом Золотой Орды Ахматом и ханом крымских татар Менгли-Гиреем шла смертельная вражда. Иоанн Васильевич очень искусно воспользовался ею и сумел приобрести себе в умном и предприимчивом Менгли-Гирее Крымском верного союзника на всю свою жизнь, который помогал нам не только своими действиями против Ахмата, но также и своими набегами на Литву. Казимир пытался несколько раз привлечь на свою сторону Менгли-Гирея, но напрасно. В отношении же хана Золотой Орды Ахмата и Ибрагима Казанского происки Казимира против Москвы имели больше успеха.

В 1478 году, когда Иоанн окончательно привел под свою державу Новгород, в Казань пришло ложное известие, что он потерпел по-

ражение от новгородцев и сам убежал раненый. Хан Ибрагим воспользовался этим, собрал рать и вторгся в московские владения; когда же к нему пришла справедливая весть об успехах Иоанновых под Новгородом, то он отдал приказ своему войску немедленно вернуться назад, причем оно исполнило этот приказ так ревностно, что побежало, бросивши даже пищу в котлах.

Чтобы наказать его, Иоанн послал свои войска к самой Казани, и Ибрагим должен был заключить мир по всей его воле. Скоро Ибрагим умер, оставив двух сыновей от разных жен: старшего Алегама и младшего Магмет-Аминя; последний был сыном честолюбивой и умной ханши Нур-Салтан, не замедлившей выйти замуж за Менгли-Гирея Крымского, верного союзника Москвы. В Казани началась между братьями усобица, и младший – Магмет-Аминь – лично прибыл в Москву просить содействия против Алегама. Иоанн принял его сторону и в 1487 году послал на Казань большую рать под начальством князей Даниила Холмского, Александра Оболенского, Семена Ряполовского и Семена Ярославского,

которые, овладев городом, посадили в нем Магмет-Аминя; Алегам же был послан в заточение в Вологду. Этим Казань была приведена в полную зависимость от Москвы, причем и Менгли-Гирей Крымский был благодарен ей за возведение на Казанский стол его сына Магмет-Аминя.

Иначе сложились дела у Иоанна Васильевича с ханом Золотой Орды Ахматом. Казимир Литовский хотел остановить успехи Иоанна над Новгородом посредством этого Ахмата и подговорил его идти на Москву, но последний собрался только летом 1474 года, когда первый новгородский поход окончился и Иоанн вернулся со своими войсками в Москву. Узнав, что хан уже в Алексине, великий князь в тот же час, отслужив обедню и ничего даже не вкусив, двинулся с полками к Коломне, к Берегу, как тогда называлась река Ока, за которой действительно, как за берегом, расстилалась, как океан, необъятная степь.

Другие полки успели также вовремя собраться на Оке. Увидя множество русских полков, как море колеблющихся в светлом во-

оружении, Ахмат быстро побежал домой, сжегши, к сожалению, по пути город Алексин, жители которого героически защищались.

После этого Иоанн заключил мир с Ахматом, и в том же 1474 году пришло в Москву большое татарское посольство да 3200 купцов привели 40 тысяч лошадей на продажу.

В 1476 году прибыло в Москву новое посольство от Ахмата; оно, как рассказывает «Казанский летописец», опираясь на давний обычай, потребовало дани и предъявило при этом Иоанну ханское изображение, или «басму», с тем чтобы он ей поклонился.

«Великий же князь, – говорит летописец, – нимало не убоясь страха царева, но прием басму лица его и, изломаша ее, на землю поверже и потопта ногами своими», после чего приказал послов убить, а одного отправить к Ахмату с таким словом: «Ступай и объяви хану: что случилось с его басмою и послами, то будет и с ним, если не оставит меня в покое». Таким образом, Иоанном III было окончательно свергнуто с московских великих князей позорное татарское иго; есть известие, что он поступил так под влиянием Софии Фоминич-

ны, гордость которой не могла переносить унижительной зависимости от татар и платежа дани хищникам Московского государства.

Однако Иоанну пришлось вскоре пережить немало треволнений из-за этого разрыва с Золотой Ордой.

В 1480 году Ахмат собрал против Москвы огромное войско, получив уведомление от Казимира Литовского о начавшейся в это время ссоре Иоанна с братьями: Андреем Большим Углицким и Борисом Волоцким.

Причиной этой ссоры было их недовольство тем обстоятельством, что Иоанн, всецело занятый своим великим делом собирания Руси вокруг Москвы, естественно, стал преследовать старинное право отъезда бояр к другому князю в случае их недовольства великим князем. Один из его наместников, князь Лыко-Оболенский, так притеснял подведомственных ему жителей, что Иоанн по жалобе последних отнял у него наместничество и приказал вернуть им все, что было незаконно забрано. Лыко обиделся и отъехал к Борису Волоцкому. Государь приказал брату выдать ему виновного боярина, но Борис отказался.

Тогда Иоанн повелел схватить Лыко и отвести в оковах в Москву. Борис вознегодовал на это и послал сказать брату Андрею Углицкому: «Вот как он с нами поступает: нельзя уже никому отъехать к нам», – после чего братья решили защищать свои права вооруженной рукой, для чего собрали рать в своих владениях.

В это время государь был в Новгороде; узнав о выступлении войск Андрея и Бориса в Тверскую область, он поспешил в Москву, где весть о начинающейся усобице подняла большую тревогу. Иоанн тотчас же отправил боярина к братьям уговаривать их кончить дело миром, но те не послушались, и в 20-х числах июля рать их двинулась к новгородским волостям. Тогда Иоанн вторично послал уговаривать их к примирению известного епископа Вассиана Ростовского, и последнему удалось склонить Андрея и Бориса послать своих бояр для переговоров в Москву; но сами они направились к литовскому рубежу и, остановившись в Великих Луках, стали пересылаться с Казимиром, прося помощи против старшего брата. Казимир в непосредственной

помощи им войсками отказал, но дал город Витебск на прокормление их женам и вместе с тем поспешил известить Ахмата, что в Московском государстве усобица и чтобы поэтому он скорее шел на Москву.

Узнав о движении Ахмата, Иоанн быстро собрал свои войска на берегу Оки и сам отправился в Коломну. Тогда хан, видя, что река эта крепко занята, взял направление к западу, к Литовской земле, чтобы войти в московские владения, переправившись через реку Угру.

Иоанн зорко следил за его движениями и своевременно послал приказ сыну своему Ивану Молодому и младшему брату Андрею Меньшому перейти от Оки к реке Угре, так что, когда хан подошел туда, то также нашел занятыми все броды и перевозы. В Москве между тем сели в осаде мать великого князя инокиня Марфа, митрополит Геронтий, ростовский владыка Вассиан и наместник московский князь Иван Патрикеев, из знатных литовских выходцев, пришедших в Москву при Василии Темном. Великая же княгиня София Фоминична была послана вместе с каз-

ною на Белоозеро.

Иоанн Васильевич как только узнал о наступлении Ахмата, так тотчас же, кроме выдвижения главной рати к Оке, послал приказание воеводе звенигородскому – князю Василию Ноздреватому – сесть с небольшим отрядом и с войсками крымского царевича Нордоулата на суда и спуститься вниз Волгою, чтобы разгромить беззащитную Золотую Орду, зная, что Ахмат оставил в ней только жен, детей и старцев; великий князь был уверен в том, что, как только хан узнает об этом нападении, тотчас же кинется назад защищать свои улусы.

Вместе с тем Иоанн сообщил о наступлении Ахмата своему верному союзнику Менгли-Гирею, и тот поспешил напасть на литовские владения, чтобы отвлечь Казимира от наших границ. Отдав таким образом все распоряжения для преграждения дальнейшего наступления Ахмата и для защиты Москвы, Иоанн, в ожидании действий князя Ноздреватого и царевича Нордоулата в Золотой Орде, оставил при войске князя Даниила Холмского с сыном Иваном Молодым; сам же

он отправился в Москву, чтобы повидаться с матерью, а также, без сомнения, и для того, чтобы употребить все свои силы для примирения с братьями, отъехавшими к литовскому рубежу в Великие Луки. Пылкое московское население, уже привыкшее к целому ряду побед, одержанных мудростью и искусством своего великого князя, было недовольно его возвращением в столицу и настоятельно желало, чтобы он скорее вступил в большое сражение с татарами на реке Оке. Такого же взгляда держалось и духовенство.

Не успел Иоанн въехать в Кремль, где его встретил митрополит и епископ Вассиан Ростовский, как последний обратился к нему со следующим горячим словом: «Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними; зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный, а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войска в руки и увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами». Великий князь с подобающим уважением к сану и возрасту Вассиана

на выслушал это горячее слово, но, разумеется, не изменил своего решения, а, поселившись в Красном Селе близ Москвы, стал выжидать развития событий; при этом, без сомнения, опасаясь за излишнюю пылкость Ивана Молодого, он послал грамоту, чтобы тот немедленно ехал в Москву.

Но последний решил лучше навлечь на себя отцовский гнев, чем отъехать от войска. Видя, что сын не слушает грамоты, Иоанн приказал князю Холмскому схватить его силою и привезти в Москву. Однако Холмский не решился употребить насилие над молодым великим князем и стал его уговаривать исполнить приказание отца; но на это тот отвечал решительно: «Умру здесь, а к отцу не поеду» – и скоро одержал блестящий успех над отрядом татар, пытавшимся тайно переправиться через Угру.

Через две недели государь отправился обратно к войскам, успевши за это время примириться с братьями, причем Андрей Большой получил Можайск, а Борис Волоцкой крупные земельные угодья; они также отправили свои войска на Угру. При отъезде Иоанн

на из Москвы митрополит Геронтий благословил его следующими словами: «Бог да сохрани царство твое силою честного креста и даст тебе победу на врагов, только мужайся и крепись, сын духовный! Не как наемник, но как пастырь добрый, полагающий душу свою за овцы, потщись избавить врученное тебе словесное стадо Христовых овец от грядущего ныне волка; и Господь Бог укрепит тебя и поможет тебе и всему твоему христолюбивому воинству». Все же духовенство после этого слова сказало: «Аминь, буди тако, Господу ти помогающе!»

Прибыв к своим войскам, Иоанн, разумеется, по-прежнему отнюдь не спешил вступать в сражение всеми силами с татарами; при этом, без сомнения, чтобы выиграть время в ожидании успеха действий князя Ноздреватого и Нордоулата, он начал даже переговоры с Ахматом. Хан обрадовался этому и отвечал: «Жалую Ивана; пусть сам приедет бить челом, как отцы его к нашим отцам ездили в Орду». Но Иоанн не поехал. Тогда Ахмат послал ему сказать: «Сам не хочешь ехать, так сына пришли или брата». Не получивши от-

вета, хан послал опять сказать: «Сына и брата не присылаешь, так пришли Никифора Басенкова», которого очень любили в Орде. Иоанн, искусно выигрывая время переговорами, не послал и Басенкова.

Между тем среди московского воинства немногие могли знать истинные причины столь скромного и несоответствующего на первый взгляд поведения великого князя и роптали на его нерешительность вступить в решительное сражение, причем обвиняли его близких бояр Ощера и Мамона, которые советовали ему не вступать с татарами в бой.

Волновалась и Москва, а пылкий старец Вассиан, узнав о переговорах с ханом, прислал государю на Угру красноречивое послание, в котором между прочим писал:

«Молю величество твое, боголюбивый государь! Не прогневайся на мое смирение, что прежде дерзнул устами к устам говорить твоему величеству твоего ради спасения, потому что наше дело напоминать вам, а ваше слушать нас... Ныне слышим, что басурманин Ахмат уже приближается и христианство губит; ты пред ним смиряешься, молишь о ми-

ре, посылаешь к нему, а он гневом дышит, твоего моления не слушает, хочет до конца разорить христианство... Дошел до нас слух, что не перестают шептать тебе в ухо льстивые слова, советуют не противиться супостатам, но отступить и предать на расхищение волкам словесное стадо Христовых овец... Не слушай, государь, этих людей, хотящих честь твою преложить в бесчестие и славу твою в бесславие, хотящих, чтобы ты сделался беглецом и назывался предателем христианским; выйди навстречу безбожному языку агарянскому, поревнуй прародителям твоим великим князьям, которые не только Русскую землю обороняли от поганых, но и чужие страны брали под себя. Говорю об Игоре, Святославе, Владимире, бравших дань на царях Греческих, о Владимире Мономахе, который бился с окаянными половцами за Русскую землю, и о других многих, о которых ты лучше нашего знаешь. А достохвальный великий князь Дмитрий, твой прародитель, какое мужество и храбрость показал за Доном над теми же сыродцами окаянными! Сам наперед бился, не пощадил живота своего для избавления

христианского. Так и ты поревнуй своему прародителю, и Бог сохранит тебя. Если же вместе с воинством своим и до смерти пострадаешь за Православную веру и Святые церкви, то блаженны будете в вечном наследии... Не столько за грехи и неисправление к Богу, сколько за недостаток упования на Бога, Бог попустил на прародителей твоих и на всю Землю нашу окаянного Батыя, который разбойнически попленил всю Землю нашу, и поработил, и воцарился над нами, не будучи царем... Тогда мы прогневали Бога, и Он на нас разгневался как чадолюбивый отец; а теперь, государь, если каешься от всего сердца и прибегнешь под крепкую руку Его, то помилует нас Милосердный Господь».

Это красноречивое послание все же не подействовало на крепкого духом и волей Иоанна. Он отнюдь не желал без крайней надобности вступать в большое кровопролитное сражение, успех которого всегда может быть сомнителен, но, зорко следя за татарами, терпеливо ожидал воздействия на Ахмата извещения о делах, которые будут творить в Орде Ноздреватый и Нордоулат.

В конце октября стали крепкие морозы, и реки покрылись льдом, почему Угра уже перестала служить преградой. Иоанн приказал всем войскам, своим и братьев, отойти несколько назад к Кременцу, где можно было, в случае надобности, биться соединенными силами. Это приказание было встречено с большою печалью и унынием в русских войсках, считавших постыдным такое отступление от татар.

Однако через несколько дней сказала вся великая мудрость в действиях Иоанна. 11 ноября Ахмат поспешно побежал назад, не пролив русской крови и не выведя ни одного пленника из пределов нашей земли. Бегство Ахматова, по объяснению «Казанского летописца», последовало, как и ожидал мудрый Иоанн, вследствие полученных ханом известий о разгроме Золотой Орды отрядом князя Ноздреватого и царевича Нордоулата. Конечно, и наступившие жестокие морозы тоже заставили татар поспешить домой.

Спустя два месяца Ахмат, подобно Мамаю, погиб от руки убийцы: он был сонным зарезан ханом Тюменской Орды Иваком. Иоанн

же с великой честью и славой вернулся в Москву.

Рассматривая за время нашествия Ахмата поведение московского народа, воинства и духовенства – с одной стороны, а с другой – поведение самого Иоанна, которое было столь несоответственно с чувствами всех его подданных, мы видим, что оно было вызвано исключительно нежеланием без крайней нужды вступать в решительное сражение всеми силами. Народная гордость требовала немедленной расправы с татарами, готовая для этого пролить кровь множества доблестных сыновей Отечества; мудрый же Иоанн, не гоняясь за ратной славой и уповая, что «сердце царево в руке Божией», твердо решил щадить, насколько будет возможно, эту драгоценную кровь своих доблестных подданных, невзирая на то что он не был понят ни ими, ни знаменитыми отцами Русской церкви, и достиг в этом блистательного успеха.

После благополучного отражения Ахмата и заключения мира с братьями Иоанну в том же 1480 и следующем, 1481 году пришлось воевать с ливонскими немцами, чинившими

обиды псковичам, которые, впрочем, неоднократно и сами наносили немцам жестокие поражения.

Иоанн и прежде заступался за Псков, и еще в 1477 году его славный воевода князь Даниил Холмский навел на ливонцев такой страх, что они заключили перемирие на 30 лет по всей воле Пскова и Иоанна, но в 1480 году немцы нарушили его. Тогда Иоанн послал свою сильную рать, которая вторгнулась в Ливонию, чиня всюду большие опустошения; когда в начале 1482 года она взяла два укрепленных города Феллин и Тарваст и бесчисленное количество пленных, то ливонцы били челом Иоанну и заключили с ним десятилетнее перемирие до 1492 года.

Вместе с заботами о восстановлении обаяния русского имени на крайнем западе своих владений Иоанн не переставал утверждать свое владычество и на крайнем востоке и северо-востоке, строго следуя в этом отношении по стопам своих предков. Мы говорили уже, что святые Стефан, Питирим и Иона были первыми просветителями диких обитателей Пермской земли; Иоанну III при-

ходило уже посылать свои войска на пермяков за их неисправление и привести всю Пермскую землю под свою руку.

Точно так же покорил он и обитателей далекой Югры, вогуличей и остяков; они числились подвластными Новгороду, но мало подчинялись ему. В 1483 году государь послал свои войска против вогуличей, которые были наголову разбиты на устье Пелыми; отсюда московская рать пошла вниз по реке Тавде (мимо Тюмени) в Сибирскую землю; затем она двинулась вниз по Иртышу, а с Иртыша на Обь в Югорскую землю и вернулась к осени в Устюг, взявши в плен много князей, людей и всякого добра.

Конечное покорение этих земель завершено было в 1499 году. Князь Семен Курбский с другими воеводами, предводительствуя 5 тысячами человек, плыл разными реками до Печоры, заложил здесь крепость и 21 ноября отправился на лыжах к Уральским горам, к знаменитому Каменному поясу. «Сражаясь с усилием ветров и засыпаемые снегом, – говорит Н.М. Карамзин, – странствующие полки великокняжеские с неописанным трудом восходи-

ли на сии во многих местах неприступные горы, где и в летние месяцы не является глазам ничего, кроме ужасных пустынь, голых утесов, стремнин, печальных кедров и хищных белых кречетов, но где под мшистыми горами скрываются богатые жилы металлов и цветные камни драгоценные». Пройдя таким путем 4650 верст и совершая свои передвижения зачастую при свете северного сияния, наши неустрашимые воины достигли городка Ляпина (ныне Вогульское местечко в Березовском уезде), где съезжались все местные владельцы, предлагая мир и вечное подданство московскому великому государю. Каждый из этих князьков сидел на длинных санях, запряженных оленями. Воеводы Иоанновы ехали также на оленях, а воины – на собаках. Всего за этот поход было взято 40 укрепленных городов. Таким образом, благодаря необыкновенному мужеству русских воинов и их преданности своему государю они покорили за много тысяч верст от Москвы обширную область.

В 1484 году Иоанн потерял свою мать инокиню Марфу; к этому времени из братьев его

остались в живых только двое: Андрей Углицкий, или Большой, и Борис Волоцкой, так как Андрей Меньшой умер еще в 1480 году. Смерть матери была, конечно, большой утратой для Иоанна, но неизмеримо большей явилась она для Андрея Углицкого, который был ее любимцем, почему, уважая мать, государь и прощал ему многое. К несчастью для себя, Андрей не хотел понять перемены в своем положении после кончины матери, как не понимал и глубоких перемен, происходивших во всем Московском государстве во время великого княжения своего мудрого брата. Он боялся его, хотел бежать в Литву и вместе с тем не исполнял его воли. Наконец в 1491 году в явное нарушение договора с Иоанном Андрей не послал свои полки вместе с великокняжескими на помощь Менгли-Гирею против татар Золотой Орды; тогда Иоанн решил его заточить. Он пригласил к себе Андрея, спокойно поговорил с ним, потом вышел, а в горницу вошел князь Семен Ряполовский со многими князьями и боярами и, обливаясь слезами, едва мог сказать Андрею: «Государь Андрей Васильевич! Пойман ты Богом, да государем,

великим князем всея Руси, братом твоим старшим», – после чего Андрей был лишен свободы до конца своих дней.

Митрополит, памятуя святую обязанность православных пастырей печаловаться за несчастных, стал просить об освобождении Андрея. Но государь отвечал ему: «Жаль мне очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрека; но освободить его не могу, потому что не раз замышлял он на меня зло, потом каялся, а теперь опять начал зло замышлять и людей моих к себе притягивать. Да это бы еще ничего, но когда я умру, то он будет искать великого княжения над внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и полонить, и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и все мои труды останутся напрасны, а вы будете рабами татар». Так, для блага своего государства подавлял в себе Иоанн родственные чувства к брату. Что же касается Бориса Волоцкого, то он держал себя сравнительно сносно и его не тронули до конца жизни; он

оставил свои удельные владения двум сыновьям, которые перешли к великому князю Московскому только после их смерти.

Немало забот и волнений доставлял Иоанну и вопрос о престолонаследии. Как мы знаем, от его первого брака у него был сын Иван Молодой, который с детства был назначен его преемником, с наименованием великим князем, причем грамоты обыкновенно писались от обоих великих князей и государей всея Руси.

В 1482 году Иоанн женил сына на Елене, дочери славного Стефана, господаря Молдавского княжества, возникшего в древней отчине князя Даниила Романовича Галицкого, в низовьях Прута и Днестра, из остатков римских поселенцев и нескольких других народностей, приведенных в движение нашествием татар. В XV веке Стефан Молдавский доблестно противоборствовал завоевательным стремлениям турок, «творя», по выражению Карамзина, «с малыми силами великое». При этом он опасался также поляков и крымских татар и потому искал дружбы Иоанна, зная, что его боится Казимир и что с ним дружит

Менгли-Гирей.

От брака Ивана Молодого и Елены родился сын Димитрий, а от брака Иоанна III с Софией Фоминичной родился в 1472 году сын Василий.

В 1490 году Иван Молодой, будучи 32 лет от роду, разболелся ломотой в ногах и вскоре умер.

После смерти сына перед государем естественно явился вопрос: кто должен наследовать великое княжение: сын Василий или внук Димитрий? По старому обычаю, конечно, должен был наследовать Василий по отчине и по дедине; но по новым московским порядкам больше прав имел на наследство Димитрий, как сын старшего сына, еще при жизни отца названного великим князем и соправителем. С другой стороны, однако, и Василий имел огромное преимущество: он родился от греческой царевны, принесшей с собою в Москву как бы царское наследие Византийской империи.

Мнения по этому поводу разделились. Старые бояре, которым были не по душе все новшества, привезенные Софией, а главное, мыс-

ли, внушаемые ею мужу и сыну о высоком значении московского государя перед прочими князьями и боярами, были за Димитрия; наоборот, люди менее родовитые и знатные, дети боярские и дьяки, были за Софию и Василия, так как знали, что они ставят личную усердную службу своему государю выше древней породы и знатности. Среди последних в 1491 году составилась заговор в пользу Василия, причем они решили тайно погубить Димитрия, но заговор этот открылся, возбудив, конечно, сильное негодование Иоанна, который казнил нескольких виновных и при этом рассердился на жену свою и сына: 19-летнего Василия он заключил под стражу, а Софии стал остерегаться. Его же сноха Елена и бояре торжествовали.

Чтобы закрепить в глазах народа права малолетнего Димитрия на престол, Иоанн решил торжественно венчать его на великое княжение, что не делалось со времен Владимира Мономаха. 4 февраля 1492 года в Успенском соборе пред аналоем, на котором лежали Мономахова шапка и бармы, были поставлены три седалища: для великого князя, вну-

ка его и митрополита. После молебна Богородице и святому Петру-чудотворцу Иоанн обратился к владыке с просьбою благословить внука на великое княжение, указывая на пример прародителей, завещавших свои столы старшим сыновьям: «Отцы наши, великие князья, сыновьям своим старшим давали великое княжение; и я было сына своего первого Ивана при себе благословил великим княжением; но Божиею волею сын мой Иван умер, а у него остался сын первый Димитрий, и я его теперь благословляю при себе, а после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским, и ты бы его, отец, на великое княжение благословил».

Митрополит благословил Димитрия, затем старый великий князь венчал его шапкой и бармами Мономаха, а по окончании молитвы и многолетия митрополит сказал Иоанну: «Божиею милостию радуйся и здравствуй преславный царь Иван, великий князь всея Руси, самодержец, и с внуком своим великим князем Димитрием Ивановичем всея Руси на многая лета». Затем он обратился с поучением к юному Димитрию, которое повторил и

Иоанн, сказав ему: «Внук, князь Димитрий! Пожаловал я и благословил тебя великим княжением; и ты имей страх в сердце, люби правду и суд праведный и попечение от всего сердца о всем православном христианстве!» После этого Димитрий вышел из церкви в шапке и бармах; его трижды осыпал в дверях золотыми и серебряными деньгами один из младших сыновей Иоанна; то же повторили и перед Архангельским и Благовещенским соборами.

Однако торжество Елены и Димитрия и унижение Софии и Василия продолжалось недолго. В 1499 году открылась важная крамола среди бояр, поддерживавших Елену; значнейших из них после расследования дела, князей Патрикеевых и Ряполовского, приговорили к смертной казни, причем князю Семену Ряполовскому отрубили голову на Москве-реке; князей же Патрикеевых Иоанн, снисходя на просьбы духовенства, помиловал: отец и старший сын постриглись в монахи. В чем состояла крамола бояр, неизвестно, но несомненно одно, что эта крамола была важная; притом она находилась в связи с дей-

ствиями Елены против Софии, и бояре были наказаны за высокоумничанье, то есть за самовольные действия против распоряжений великого князя. Вслед за опалой Ряполовского и Патрикеевых последовала и опала Елены, которая была, как выяснено, ярой последовательницей ереси жидовствующих, о чем мы скажем подробнее несколько ниже.

После этого Иоанн стал мало-помалу возвращать свои добрые чувства Василию и не радеть о Димитрии. После тяжелой душевной борьбы и тщательно обдумав, что более послужит ко благу государства, Иоанн решил окончательно назначить своим преемником Василия, а для предупреждения смуты пожертвовать внуком; он наложил на него и его мать опалу и приказал заключить под стражу, не велев впредь поминать их на ектеньях.

Василий же 14 апреля 1502 года был торжественно посажен на великое княжение Владимирское, Московское и всея Руси самодержцем по благословию Симона-митрополита. Отправляя посла своего к старому союзнику своему Менгли-Гирею, Иоанн дал такой наказ в случае, если посла спросят о причинах опа-

лы Димитрия: «Внука своего государь наш было пожаловал, а он стал государю нашему грубить; но ведь всякий жалует того, кто служит и норовит, а который грубит, того за что жаловать?» Такой же ответ должен был дать и посол, отправленный в Литву, в случае вопроса о перемене наследника.

Несмотря на эти тяжелые семейные обстоятельства, несомненно сильно отозвавшиеся на престарелом великом князе, он неустанно вел дела своего обширного государства с обычной ему ясностью взгляда, осмотрительностью и, где нужно, необычайной настойчивостью и твердостью.

Отношения к Менгли-Гирею Крымскому продолжали быть неизменно хорошими. Ими очень дорожил Иоанн Васильевич, имея в виду не только Золотую Орду, но и Литву; поэтому он отправлял послами в Крым всегда самых знатных бояр, которые должны были оказывать Менгли-Гирею отменную честь и величание, но, по возможности, отговариваться от поминков, то есть подарков, на которые так были падки алчные татары.

Менгли-Гирей тоже очень ценил дружбу

Иоанна и заключил с ним договор, чтобы последний дал ему пристанище на Руси, если с ним случится какая-либо беда. В 1475 году Крым был завоеван турками, и Менгли-Гирей остался в нем ханом в качестве подручника султана; это нисколько не изменило его добрых отношений с Москвою, причем чрез его посредство завелись и наши первые сношения с Турцией. Поводом к ним послужило притеснение русских купцов турками в Азове и Кафе, торговых городах, населенных генуэзцами, татарами и турками. В 1492 году Иоанн послал через Менгли-Гирея грамоту султану Баязету II, которая начиналась так: «Султану великому Царю! Между басурманскими государями ты великий государь, над Туркскими и Азымскими государями ты волен, ты польский (сухопутный) и морской государь. Султан Баязет! Иоанн, Божию милостию единый правый государь всея России, отчич и дедич и иным многим землям от севера и до востока государь, величеству твоему слово наше таково...» Далее следовали жалобы на утеснения русских купцов от турок в Кафе и Азове и предложение, какие установить правила во

время их пребывания в этих городах. Грамота оканчивалась так: «Еще одно слово: отец твой славный и великий был господарь; сказывают, хотел он, чтобы наши люди между нами ездили здоровье наше видеть, и послал было к нам своих людей, но, по Божией воле, дело не сделалось; почему же теперь между нами наши люди не ездят здоровье наше видеть?..»

В ответ на эту грамоту Баязет отправил в Москву посла, но его не пропустили литовцы. Тогда в 1497 году Иоанн отправил в Турцию своего посла Михаила Плещеева. Чрезвычайно любопытен наказ, данный Плещееву: он рисует нам, так же как и наказы другим послам, насколько внимательно относился Иоанн к их выбору и с каким достоинством он предписывал им держать себя, чтобы не уронить в глазах иноземцев «высокую особу русского государя», лицо которого они «изображали», по словам Иоанна, а также какие обстоятельные сведения должны были собирать послы, находясь за границей. Плещееву было наказано править поклоны султану и сыну его, наместнику в Кафе, стоя, а не на коленях, не уступать места никакому другому

послу и сказать посольские речи только султану, а не пашам. И Плещеев в точности исполнил этот наказ: он не хотел иметь никакого дела с пашами, не поехал к ним обедать и с гордостью отверг все предложенные ему подарки. После его посольства торговля с турками возобновилась.

Гораздо важнее, чем посредничество в наших сношениях с турками, была услуга, оказанная Менгли-Гиреем Москве по отношению к Золотой Орде. Мы видели, что Ахмат был убит ханом Ногайской Орды Иваком вскоре после бегства своего с реки Угры. Вражда между Ахматовыми сыновьями и Менгли-Гиреем продолжалась, несмотря на то что, подчинив себе Крым, турецкий султан, как верховный повелитель всех мусульман, потребовал их при мирения; в 1502 году Менгли-Гирей напал на сына Ахмата Шиг-Ахмата и нанес Золотой Орде тяжелый и окончательный удар. Шиг-Ахмат бежал в Турцию, но не был там принят, как враг Менгли-Гирея; тогда он направился к недругу последнего – к польскому королю, но король вероломно заключил его в неволю, желая иметь в руках узника,

освобождение которого могло постоянно страшить Менгли-Гирея.

Таков был конец Золотой Орды, столь грозной и знаменитой на протяжении более трех веков!

Предметом постоянных сношений Иоанна с Менгли-Гиреем были также дела казанские. Мы видели, что Иоанн посадил там при помощи русских войск Магмет-Аминя; это был человек буйный, жестокий и до крайности корыстолюбивый, который вскоре возбудил против себя общее негодование казанских вельмож, вынудивших его бежать из нее в Москву, где ему дали Каширу и Серпухов, а в Казань послали его родного брата Абдыл-Летифа. Абдыл-Летиф тоже недолго сидел в Казани; в 1502 году он был схвачен Иоанном Васильевичем за измену и привезен на Белоозеро, где и заточен; в Казань же был опять послан Магмет-Аминь. По поводу этих перемен великий князь приказал своему послу сказать Менгли-Гирею: «Великий князь пожаловал Абдыл-Летифа, посадил на Казань, а он ему начал лгать, ни в каких делах управы не чинил, да и до земли Казанской стал быть

ЛИХ».

Магмет-Аминь, несмотря на благодеяния государя, был ему также неверным слугою, и в 1505 году, схватив великокняжеского посла и внезапно ограбив русских купцов, он подошел к Нижнему Новгороду, причем Иоанн не успел его наказать, так как, как увидим ниже, умер в том же 1505 году.

С Литвой у Иоанна были за все время его великого княжения далеко не дружеские отношения, хотя при жизни Казимира дело до открытой войны не доходило. Повод ко взаимным неудовольствиям подавали мелкие пограничные князья, постоянно между собою ссорившиеся, а также и пограничные разбои; кроме того, ввиду утеснения Казимиром православных, русские князья, имевшие свои владения в Литве, большею частью потомки черниговских князей, стали в большом количестве переходить в московское подданство; так перешли на сторону Москвы князья Вортыньские, Белевские и многие другие, чем Казимир был крайне недоволен и неоднократно выражал это Иоанну.

Казимир умер в 1492 году, и владения его

разделились между сыновьями: Яну Альберту досталась Польша, а Александру – Литва.

Иоанн тотчас же известил о Казимировой смерти Менгли-Гирея и предложил ему открыть совместные военные действия против Литвы; скоро московские отряды стали брать пограничные литовские города.

В Литве же, видя, что будет крайне трудно бороться с Иоанном и Менгли-Гиреем, начали думать, как бы примириться с Москвою, причем, чтобы склонить Иоанна к миру, решили просить руки его дочери Елены Иоанновны для великого князя Литовского Александра.

Но на это предложение был получен ответ, что нечего и думать о сватовстве до заключения мира, который должен быть по всей воле великого князя Московского, то есть ему должны быть отданы все его приобретения за эту войну: города Мещовск, Серпейск, Вязьма и другие, а также и земли всех перешедших в Москву литовских князей, число которых постоянно увеличивалось.

Во время этих пересылок о мире и сватовстве в Москве открылся заговор на жизнь Иоанна, вследствие чего в январе 1493 года на

Москве-реке были сожжены в клетке литовский князь Иван Лукомский да Матвей Поляк, латинский переводчик. Лукомского послал в Москву еще Казимир, взявши с него клятву, что он или убьет великого князя Иоанна, или ядом окормит, причем Казимир прислал к нему свой яд, который был найден и послужил уликой. Схваченный Лукомский оговорил еще нескольких человек, которые были также казнены, и, таким образом, гнездо литовских доброхотов в Москве было в корне разрушено.

Дело Лукомского не помешало дальнейшим переговорам о мире. С литовской стороны усердным ходатаем был пан Ян Заберезский, наместник Полоцкий; он деятельно переписывался с московским первым боярином князем Иваном Патрикеевым.

Наконец, в 1494 году в Москву явились большие литовские послы, которые объявили, что они уполномочены заключить мир, и для укрепления вечной приязни просят руку княжны Елены для Александра. Затем начались оживленные переговоры об условиях этого мира, причем Иоанн не только настоял

на том, чтобы за ним остались все его приобретения, но также чтобы в договоре он был написан «государем всея Руси», что имело чрезвычайно важное значение, так как в то время Русь, как мы знаем, была разорвана на две части, из которых одна была под властью Литвы.

Еще до переговоров об условиях мира послы были у великой княгини Софии и перед тем спрашивали, увидят ли они дочерей ее. Им отвечали, что они их не увидят. Только по окончании мирных переговоров Иоанн объявил, что согласен на брак дочери с Александром при соблюдении неременного условия, что «ей неволи в вере не будет». Послы поручились в этом головой. На другой день они были вновь приняты Софией Фоминичной и увидели старшую княжну Елену Иоанновну; затем последовало обручение: пан Станислав Гаштольд, староста Жемоитский, заменял жениха. После этого Иоанн отправил своих послов к Александру подписать мирный договор и особую клятвенную грамоту относительно Елены, в которой, между прочим, было сказано: «Нам его дочери не нудить к Рим-

скому закону; держит она свой Греческий закон».

Александр хотел видоизменить последнюю грамоту и написать ее так: «Александр не станет принуждать жены к перемене закона; но если она сама захочет принять Римский закон, то это ее воля». Однако Иоанн решительно отказался признать это видоизменение, и Александр должен был написать грамоту именно так, как требовал государь; только после этого было позволено литовским послам явиться за невестой.

Послы прибыли в Москву в январе 1495 года. Иоанн держал им такое слово: «Скажите от нас брату и зятю нашему: на чем он нам молвил и лист свой дал, на том бы и стоял, чтобы нашей дочери никаким образом к Римскому закону не нудить; если бы даже наша дочь и захотела сама приступить к Римскому закону, то мы ей на то воли не даем, и князь бы великий Александр на то ей воли не давал же, чтобы между нами про то любовь и прочная дружба не рушилась. Да скажите великому князю Александру: как даст Бог, наша дочь будет за ним, то он бы нашу дочь, а свою ве-

ликую княгиню жаловал, держал бы ее так, как Бог указал мужьям жен держать, а мы, слыша его к нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да чтобы сделал для нас, велел бы нашей дочери поставить церковь нашего Греческого закона на переходах у своего двора, у ее хором, чтобы ей близко было к церкви ходить...»

13 января после обедни в Успенском соборе Елена была торжественно передана литовским послам. Перед отъездом Иоанн дал ей ряд обстоятельных наставлений, как ей быть в дороге и вести себя при встрече с женихом.

Он наказывал ей, чтобы во всех городах, через которые придется проезжать, она посещала соборные храмы и слушала бы молебны; если по дороге какие-либо паны захотят дать в ее честь обед, то приглашать на него их жен, а самим панам не велеть быть; Шемячичей и других князей-изменников, отъехавших из Москвы, ни под каким видом не допускать к себе бить челом, даже и после того, когда она станет великой княгиней Литовской. Если встретит Елену сам великий князь Александр, то ей из тапканы (повозки) выйти

и челом ударить и быть ей в это время в наряде; если позовет ее к руке, то к руке идти и руку дать; если велит ей идти в свою повозку, но там не будет его матери, то ей в его повозку не ходить, ехать ей в своей тапкане. В латинскую божницу не ходить, а ходить в свою церковь; захочет посмотреть латинскую божницу или монастырь латинский, то может посмотреть один раз или дважды. Если будет в Вильне королева, мать Александрова, ее свекровь, и если пойдет в свою божницу и ей велит идти с собой, то Елене провожать королеву до божницы и потом вежливо отпроситься в свою церковь, а в божницу не ходить.

Александр встретил Елену верхом за три версты от города; от его коня до ее тапканы было разослано сукно, а по нем камка с золотом. Поздоровавшись с невестой, Александр велел ей опять идти в тапкану, а сам сел на коня, и все вместе въехали в Вильну. Венчание происходило в тот же день, причем во время его совершения уже стали происходить споры из-за разницы вероисповеданий: латинский епископ и сам Александр не хотели позволить, чтобы русский священник Фома,

приехавший с Еленой, говорил бы молитву, а княгиня Мария Ряполовская держала венец, но главный из наших бояр князь Семен Ряполовский настоял, чтобы по приказу Иоаннову означенный священник Фома говорил молитву, а княгиня Мария держала венец.

Это начало не предвещало ничего доброго в отношениях зятя с тестем, несмотря на то что молодая великая княгиня Литовская Елена Иоанновна делала все от нее зависящее, чтобы сохранить мир между отцом и мужем.

Отпуская бояр, сопровождавших его невесту, Александр отказал построить домовую православную церковь для жены, говоря, что в городе имеются близко греческие храмы. Затем он стал требовать отозвания в Москву и всех русских людей, оставленных Иоанном при дочери. Это, конечно, вызывало неудовольствие великого князя Московского, который не переставал требовать постройки православной церкви для дочери; он настаивал также, чтобы Александр продолжал именовать его в грамотах государем всея Руси, от чего последний уклонялся. В свою очередь Александр выражал неудовольствие, что, же-

нившись на дочери Иоанна, друзья последнего – молдавский господарь Стефан и Менгли-Гирей – по-прежнему тревожили литовские владения.

В ноябре 1497 года Иоанн отправил в Литву своего посланника, который должен был сказать Елене: «Я тебе приказывал, чтобы просила мужа о церкви, о панах и паньях Греческого закона, и ты просила ли его об этом? Приказывал я тебе о попе, да и о боярыне старой, и ты мне ответила ни то ни се. Тамошних панов и паней Греческого закона тебе не дают, а наших у тебя нет. Хорошо ли это?»

Но Александр не только не думал строить греческой церкви для жены, но и старался, вопреки своей клятвенной грамоте, данной Иоанну, побудить ее к переходу в католичество. В этом его поддерживало все латинское духовенство во главе с папой Александром Борджиа, знаменитым клятвопреступником и отравителем, который писал Александру Литовскому, что совесть последнего останется совершенно чиста, если он употребит все возможные средства, чтобы склонить Елену к латинству.

В 1498 году Иоанн получил достоверные сведения, что Александр не только неволит жену принять латинство, но вместе со смоленским епископом Иосифом, изменившим православию, собирается обратить в латинство и всех наших единоверцев, православных подданных Литвы, за что папа обещает Александра причесть к лику святых. Подьячий Шестаков писал по этому поводу из Литвы наместнику города Вязьмы, князю Оболенскому, следующее: «Здесь у нас произошла большая смута между латинами и нашим христианством: в нашего владыку Смоленского дьявол вселился да в Сапегу еще, встали на православную веру. Князь великий неволит государыню нашу, великую княгиню Елену, в латинскую проклятую веру; но государыню нашу Бог научил да помнила науку государя отца своего, и она отказала мужу так: „Вспомни, что ты обещал госу дарю, отцу моему; а я без воли государя, отца моего, не могу этого сделать. Да и все наше православное христианство хотят окрестить; от этого наша Русь с Литвою в большой вражде. Этот списочек послал бы ты к государю, а государю самому не

узнать“».

Получив эти сведения, Иоанн тотчас же отправил в Литву Ивана Мамонова и велел сказать дочери наедине от себя и от матери Софии Фоминичны, чтобы она пострадала до крови и до смерти, а греческой веры не меняла.

«Так и поступила сия юная добродетельная княгиня, – говорит Н.М. Карамзин, – ни ласки, ни гнев мужа, ни хитрые убеждения коварного отступника, смоленского владыки, не могли поколебать ее твердости в законе: она всегда гнушалась латинством, как пишут польские историки».

Между тем гонение в Литве на православие продолжалось, причем Александр обещал Киевскую митрополию епископу Иосифу Смоленскому. Этот неверный пастырь в угоду Александру ездил с виленским католическим епископом и бернардинскими чернецами из города в город и старался склонить православных жителей в латинство, ложно извращая слова Христовы: «Да будет едино стадо и один пастырь», а папа Александр Борджиа послал объявить в красноречивой булле (посла-

нии) свою радость о том, что еретики наконец озаряются светом истины.

Неразумное усердие Александра к латинству вызвало большое возмущение среди его православных подданных, как простых людей, так и знатных вельмож, которые, видя утеснение своей вере, стали поддаваться московскому государю вместе со своими отчинами еще в больших размерах, чем прежде. Первым из них был именитый князь Семен Бельский; за ним последовали князья Мосальские и Хотетовские и многие бояре; наконец, по причине гонений за веру перешли к московскому князю и бывшие до сих пор его заклятые враги: князь Василий Иванович Рыльский, внук Шемяки, и сын приятеля Шемяки князь Семен Иванович Можайский. Оба они поддались со своими огромными владениями на Литве: князь Василий с городами Рыльском и Новгородом-Северским, а князь Семен Можайский с Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем.

Наконец Александр спохватился, увидя, что зашел слишком далеко в преследовании православия. Чтобы отвратить войну с Моск-

вой, он послал к Иоанну своего наместника смоленского Станислава, написав в грамоте полностью все наименование Иоанна и назвав его государем всея Руси; при этом он требовал, чтобы и Иоанн Васильевич исполнил со своей стороны их договор, по которому московский великий князь не мог принимать впредь переходивших из Литвы князей вместе с их волостями. Александр требовал также выдачи князя Семена Бельского и других, которых будто бы «он никогда не думал гнать за веру».

«Поздно брат и зять мой исполняет условия, – отвечал Иоанн Васильевич. – Именует меня наконец государем всея России; но дочь моя еще не имеет придворной церкви и слышит хулу на свою веру от Виленского епископа и нашего отступника Иосифа. Что делается в Литве? Строят латинские божницы в городах русских; отнимают жен от мужей, детей у родителей и силою крестят в закон Римский. То ли называется не гнать за веру? И могу ли видеть равнодушно утесняемое православие? Я ни в чем не преступил условий мира, а зять мой не исполняет их!»

Вслед за этим Иоанн отправил своего гонца к Александру передать ему складную грамоту, коей государь складывал с себя крестное целование и объявлял войну Литве за принуждение княгини Елены и всех наших литовских единоверцев к латинству. Грамота кончалась словами: «Хочу стоять за христианство, сколько мне Бог поможет».

Так объявил Иоанн своему зятю войну, решив обнажить свой грозный меч на защиту православия.

Получив складную грамоту, Александр, всячески желая отклонить войну, объявил, что он каждому своему подданному дает полную свободу в вере и намерен отправить новых послов в Москву. Иоанн позволил им приехать, но между тем уже брал города в Литве. Московские войска были разделены на две рати: одной начальствовал знакомый нам Магмет-Аминь, вместо которого сидел в это время в Казани Абдыл-Летиф, причем в действительности именем Магмет-Аминя действовал и управлял всем воевода Яков Захарьевич из знаменитого рода бояр Кошкиных-Кобылиных; рать эта шла на Серпейск,

Мценск, Брянск, Путивль, беря по дороге города, которые в большинстве случаев добровольно ей передавались; с радостью также передались ей князья Трубчевские, или Трубецкие, потомки Ольгерда. Усиленный их дружиною, воевода Яков Захарьевич занял без кровопролития всю Литовскую Русь от нынешней Калужской и Тульской губернии до Киевской. Другая московская рать под начальством родного брата Якова Захарьевича, боярина Юрия Захарьевича Кошкина, вступила в Смоленскую область и заняла Дорогобуж.

Не имея опытных полководцев среди латинян-литовцев, Александр решил верить свои войска православному русскому князю, потомку Даниила Романовича Галицкого, Константину Острожскому, чрезвычайно искусному воину. Вступив в начальствование вооруженными силами Александра со званием гетмана Литовского, он двинулся к Смоленску.

В это время Иоанн прислал к Дорогобужу и тверскую рать под начальством князя Даниила Щени, причем велел ему начальствовать над большим полком, а Юрию Захарьевичу

Кошкину – над сторожевым. Юрий Захарьевич обиделся и написал в Москву, что ему нельзя быть ниже князя Даниила в сторожевом полку: «То мне стеречь князя Даниила!» Эта обида весьма замечательна: она прямо указывает на уже существовавшее среди бояр местничество, развившееся впоследствии до весьма значительных размеров, о чем нами своевременно будет подробно рассказано. Узнав об обиде Юрия Захарьевича, великий князь велел ответить ему: «Гораздо ли так делаешь? Говоришь, что тебе непригоже стеречь князя Даниила: ты будешь стеречь не его, а меня и моего дела; каковы воеводы в большом полку, таковы и в сторожевом, так не позор это для тебя». После этого Юрий Захарьевич успокоился.

Между тем Константин Острожский со своими литовцами смело наступал через болотистые и лесистые места на наши войска, расположенные у речки Ведроши на Митьковом поле. 14 июля 1500 года, в славную годовщину Шелонской битвы, передний московский полк, теснимый литовцами, стал отступать за Ведрошь, чтобы заманить противника на дру-

гой берег реки. Этим началось сражение. Долго успех его колебался между той и другой стороной, так как у противников были приблизительно равные силы, по 80 тысяч человек, бившихся с большим одушевлением. Но опытные в ратном деле воеводы Иоанна искусно расположили тайную засаду, которая внезапным ударом смяла неприятеля. Тогда литовцы стали искать спасения в бегстве; однако наша пехота успела зайти им в тыл и подрубила мосты. Началось страшное побоище: 8 тысяч неприятелей пало на месте и множество утонуло в реке; князь Константин Острожский, смоленский наместник Станислав, князья Друцкие, Мосальские и огромное количество панов и простых воинов было взято в плен; весь обоз и огнестрельные снаряды также достались русским.

Великий князь Иоанн получил известие о победе в Москве. Радость его и всего стольного города была неопишима; он тотчас же послал спросить о здоровье своих главных воевод, что почиталось великою честью. Пленных разослали по разным городам, а князя Константина Острожского отправили в око-

вах в Вологду, где за ним крепко смотрели, но отлично содержали. Скоро государь предложил ему перейти в русскую службу; Константин присягнул Иоанну и получил чин воеводы вместе с большими поместьями, но, как увидим, через несколько лет изменил и был затем злейшим нашим врагом.

Вслед за известием о Ведрошской победе Иоанн получил донесение и о других блистательных успехах русского оружия: войска новгородские, псковские и великолукские под начальством племянников великокняжеских Ивана и Феодора Борисовичей взяли Торопец; всеми делами в этом отряде, подобно Якову Захарьевичу Кошкину у Магмет-Аминя, ведал опытный боярин Андрей Челяднин. Вместе с тем новые подданные московские, князя Семен Можайский и Василий Рыльский-Шемятич, с боярами, князем Ростовским и Семеном Воронцовым наголову разбили литовцев под Мстиславлем, положив 7 тысяч на месте. Этим закончились решительные действия Москвы против Литвы; один из младших сыновей великого князя, Димитрий Иоаннович, был послан под Смоленск, но не

мог им овладеть, а ограничился взятием Орши и опустошением литовских областей.

Война тем не менее продолжалась еще четыре года, в течение которых шли переговоры о мире, начатые Александром; вместе с тем Москве приходилось вести действия и против ливонцев, которых успел поднять на нее тот же Александр.

Мы видели, что ливонцы заключили в 1482 году перемирие с Иоанном на 10 лет; когда срок его приближался к концу, то в 1492 году государь заложил против Нарвы на русском берегу реки Наровы каменную крепость с высокими башнями – Ивангород. Немцы возобновили перемирие еще на 10 лет, но через несколько месяцев они всенародно сожгли в Ревеле русского купца, уличенного в преступлении, причем когда другие русские жаловались на это, то легкомысленные ревельцы отвечали: «Мы сожгли бы и вашего великого князя, если он сделал бы то же». Эти слова были переданы государю, который пришел от них в большой гнев; он изломал свою трость и молвил: «Бог суди мое дело и казни дерзость». Затем он потребовал, чтобы ему

были выданы чины ревельского городского самоуправления, но получил отказ. Наш летописец говорит, что ревельцы обижали новгородских купцов, грабили их на море, без отсылки с Иоанном, и без расследования дела варили его подданных в котлах, и чинили несносные грубости его послам, ездившим в Италию и Немецкую землю.

При этих обстоятельствах Иоанн вступил в союз с датским королем, врагом Ганзейского союза, в состав которого входили приморские немецкие города. Датский король предложил государю свою помощь против шведов, с которыми Иоанн был в войне, но потребовал, чтобы за это были открыты враждебные действия против немецких купцов в Новгороде. Ввиду этого, то есть чтобы наказать ревельцев за неисправление и оказать помощь союзнику, Иоанн приказал в 1495 году схватить в Новгороде всех немецких купцов (49 человек), посадить их по тюрьмам, а товары отнять.

Ливонские немцы, несмотря на полученную обиду, не решились поднять оружие против Иоанна, который в это время как раз вы-

дал дочь за Александра Литовского и был с ним в мире, так как они понимали, насколько грозна стала теперь для них Москва. Орден вместе с ганзейскими городами начал только упрашивать Иоанна об освобождении задержанных купцов, что и было исполнено последним, однако без возвращения товаров.

Кенигсбергский командор, или военачальник, писал своему магистру (Немецкого ордена) по этому поводу: «Старый государь Русский вместе со своим внуком управляет всеми Землями, а сыновей своих не допускает до правления; не дает им уделов; это для магистра Ливонского и для ордена очень вредно: они не могут устоять перед такой силой, сосредоточенною в одних руках».

Когда же у Москвы началась война с Литвою, то немцы решили тоже воевать с нами, и в 1501 году ливонский магистр Вольтер фон Плеттенберг заключил союз с Александром Литовским, после чего открыл враждебные действия против нас задержанием псковских купцов. Иоанн выслал псковичам на помощь двух своих воевод, над которыми, однако, немцы в 10 верстах от Изборска одержали

верх благодаря значительному превосходству их пушечного наряда перед русским. Затем ливонцы сожгли город Остров и хитростью избили многих жителей Изборска, заманив их в засаду. Но эти удачные действия оказались бесполезными, так как в ливонских войсках открылся сильный кровавый понос, которым занемог и сам Плеттенберг, и они поспешили вернуться домой, справедливо опасаясь Иоанновой мести. Действительно, он не замедлил выслать против них в 1502 году новую рать под начальством князя Александра Оболенского и отряд служилых татар; рать эта встретила немцев под городом Гелмедом и разбила их наголову, несмотря на то что перед началом боя был убит Оболенский. «И биша поганых немцев, – говорит псковский летописец, – на десяти верстах и не оставиша им ни вестоноши (вестника, чтобы дать знать о несчастье), а не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и татарове, аки свиной шестоперы».

В том же году Плеттенберг снова явился под Изборском и Псковом, но, заслышав о приближении князей Даниила Щени и Васи-

лия Шуйского, стал отходить.

Русские войска настигли его у озера Смолин, где произошла одна из кровопролитнейших битв, в которой Плеттенберг отбивался со славою и мог бы одержать победу, если бы не случилось измены. Орденский знаменосец Шварц, будучи смертельно ранен стрелой, закричал своим: «Кто из вас достоин принять от меня знамя?» К нему кинулся один из рыцарей – Гаммерштет, но Шварц ему знамени не отдал; озлобленный этим, Гаммерштет отрубил ему руку; однако умирающий Шварц все-таки ему знамени не отдал, а схватил его другой рукой и стал грызть зубами; тогда Гаммерштет бежал к русским и помог им истребить значительную часть немецкой пехоты. Немцы тем не менее успели отойти к своей границе в порядке и очень гордились этим. Русские же воеводы, несмотря на оказанную им Гаммерштетом услугу, с таким презрением относились к нему, что он должен был уехать от них в Данию.

Этими действиями закончилась помощь, оказанная Александру Литовскому Ливонским орденом в борьбе его с Москвой.

Небольшим было и содействие, оказанное Александру его естественными союзниками – королями Польским, Чешским и Венгерским, которые были его родными братьями.

Прося о поддержке против Москвы, посол Александра говорил его брату Владиславу, королю Венгерскому, что он должен оказать ему помощь не только по кровному родству, но и во имя латинской веры, утвержденной в Литве Ягайлой: «С тех пор до последнего времени Русь покушается ее уничтожить: не только Москва, но и подданные княжата Литовские; на отца вашего Казимира они вставали по причине веры; по той же причине встают теперь и на нас, сыновей его. Брат ваш Александр некоторых из них за это казнил, а другие убежали к московскому князю, который вместе с ними и поднял войну, ибо до него дошли слухи, что некоторые князья и подданные нашего государя, будучи русской веры, принуждены были принять Римскую».

Братья войск своих не послали, но обещали Александру ходатайствовать перед Иоанном. Как мы говорили выше, государь при начале войны также разрешил Александру при-

слать своих послов в Москву для продолжения переговоров о мире. Прибывший в 1500 году смоленский наместник Станислав Кишка стал от имени Александра оправдываться во взводимых на последнего обвинениях.

Но Иоанн отвечал, что ему доподлинно известно о принуждении Александром всех православных в Литве к переходу в латинство: «К дочери нашей, к русским князьям, панам и ко всей Руси посылает, чтобы приступали к Римскому закону! Сколько велел поставить римских божниц в русских городах, в Полоцке и других местах? Жен от мужей и детей от отцов с имением отнимают, да сами крестят в Римский закон: так-то зять наш не принуждает к Римскому закону?..»

В 1501 году в Москву приехали послы королей Венгерского и Польского, которые просили Иоанна о мире, утверждая, что война его с Александром приносит большой вред христианству, так как все христианские государи хотят быть заодно против турок, причем они грозили помочь своими войсками брату, если государь не заключит с ним мира.

На это Иоанн отвечал, объясняя причины

войны: «Мы зятю своему ни в чем не выступили; он нам ни в чем не исправил. Так если король Владислав хочет брату своему неправому помогать, то мы, уповая на Бога, по своей правде против недруга хотим стоять, сколько нам Бог поможет: у нас Бог помощник и наша правда». Тем не менее Иоанн обещал заключить с зятем мир на условиях, которые он сочтет приемлемыми.

Александр прислал нового посла, который объявил Иоанну, что за смертью Яна Альбрехта его государь провозглашен и королем Польским, каковое обстоятельство, впрочем, нисколько не увеличивало силы Александра, так как между литовскими и польскими паннами шла крупная вражда и раздоры. Вслед за послом великого князя Литовского прислал свою грамоту Иоанну и папа Александр VI Борджиа, усердно прося заключить мир, чтобы соединиться всем христианам против турок. Грамоту эту привез венгерский посол, который от имени своего короля говорил, что общий поход против турок задерживается исключительно из-за войны Москвы с Литвою.

На это Иоанн ему отвечал: «Мы с Божиею

волею, как наперед того за христианство против поганства стояли, так и теперь стоим и впредь, если даст Бог, хотим, уповая на Бога, за христианство против поганства стоять, как нам Бог поможет, и просим у Бога того, чтобы христианская рука высока была над поганством». Затем, указав на причины войны, Иоанн продолжал: «Короли Владислав и Александр объявляют, что хотят против нас за свою отчину стоять. Но короли что называют своею отчиной? Не те ли города и волости, с которыми князья русские и бояре приехали к нам служить и которые наши люди взяли у Литвы? Папе, надеемся, хорошо известно, что королей Владислава и Александра – отчины Польское королевство да Литовские земли от своих предков, а Русская земля от наших предков, из старины наша отчина...»

Наконец, Иоанн дал опасную (охранную грамоту) для больших литовских послов, которые приехали для мирных переговоров. Вместе с ними и Елена Иоанновна, ставшая королевой Польской, прислала с Иваном Сапегою горячее письмо к отцу, умоляя его заключить с мужем мир и уверяя, что он не

принуждает ее к латинству.

«Государю отцу моему Ивану, – начиналось оно, – Божьею милостью государю всея Руси и Великому князю Володимирскому, Московскому, Новгородскому, Псковскому, Тферскому, Югорскому, Пермскому, Болгарскому и иных, Олена, Божьею милостью, Королева Полскаа и Великаа Княгиня Литовскаа, Русскаа, Прусскаа, Жемотскаа и иных, дочи твоа, тебе, государю и отцу своему, челом бьет...» – а заканчивалось, после уверений в правоте своего мужа, словами: «...со плачем тебе, государю моему, челом бию: смилуйся надо мною, убогою девкой своею, не оставь челобитья моего, не дай недругом моим радоватись о беде моей и веселитись о плачи моем. Бо, господине государю, коли увидят твое жалованье на мне, служебници твоей, ото всих буду честна и всим грозна; а не будет ласки твоее, сам, государь и отец мой, можешь разумети, что ж вси мя отпустят прирожденные и подданные государя моего. И для того послала есмь до тебе, государя и отца моего, челом биючи канцлера своего, наместника Брянславского и Жижморского, пана

Ивашка Сопегу; и ты бы, государь и отец мой, пожаловал, выслушал его, и учинил на челобитье мое, и смиловался надо мною. А я, до моей смерти, богомолица и служебница твоя и подножье твое. Писан у Вильни, Генваря 2 день... Служебница и девка[7] твоя, Королева и Великаа Княгиня Олена, со слезами тебе, государю и отцу своему, низко челом бьет».

Такие же письма были написаны Еленой Иоанновной к матери Софии Фоминичне и братьям Василию и Юрию.

Отправляя послов, Александр поручил им не соглашаться на то, чтобы писать Иоанна государем всея Руси, по крайней мере, хотя бы на тех грамотах, которые будут посылаться в Польшу или Литву, и затем постараться заключить мир на таких условиях, какие были до войны.

Но московские бояре объявили им решительно: «Тому нельзя статься, как вы говорите, чтобы по старому dokonчанию быть любви и братству. То уже миновало. Если государь ваш хочет с нашим государем любви и братства, то он бы государю нашему отчины его, Русской земли, поступился».

Делать было нечего, послы Александра уступили, и 25 марта 1503 года было заключено перемирие на шесть лет.

Перемирная грамота была написана от имени великого князя Иоанна, государя всея Руси, сына его великого князя Василия и остальных детей. По грамоте этой Александр делал Москве громадные уступки. Он обязывался не трогать земель Московских, Новгородских, Рязанских, Пронских и уступал земли князя Семена Можайского (Стародубского), Василия Шемячича, князя Семена Вельского и князей Трубецких и Мосальских; города Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белую, Торопец, Остер, всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел. Таковы были блистательнейшие следствия войны, предпринятой Иоанном для защиты православия среди русского населения литовских областей и выигранной благодаря славным победам его доблестных воинов и их искусных в ратном деле и верных своему государю вождей.

После того как договор был скреплен крестным целованием, Иоанн потребовал у послов, чтобы Александр непременно поставил у дочери в сенях греческую церковь и дал православных слуг, добавив при этом: «А начнет брат наш дочь нашу принуждать к Римскому закону, то пусть знает: мы этого ему не спустим, будем за это стоять, сколько нам Бог пособит».

Затем он призвал посла Елены Ивана Сапегу и держал ему такое слово: «Ивашка! Привез ты к нам грамоту от нашей дочери, да и словами нам от нее говорил: но в грамоте иное не дело написано, и не пригоже ей было о том нам писать. Пишет, будто ей о вере от мужа никакой присылки не было, но мы наверное знаем, что муж ее, Александр-король, подсылал к ней, чтобы приступила к Римскому закону. Скажи от нас нашей дочери: „Дочка! Памятуй Бога, да наше родство, да наш наказ, держи свой Греческий закон во всем крепко, а к Римскому закону не приступай ни которым делом; церкви Римской и папе ни в чем послушна не будь, в церковь Римскую не ходи, душой никому не норови, мне

и всему нашему роду бесчестия не учини; а только по грехам что станется, то нам и тебе, и всему нашему роду будет великое бесчестие, и закону нашему Греческому будет укоризна. И хотя бы тебе пришлось за веру и до крови пострадать, и ты бы пострадала. А только, дочка, поползнешься, приступишь к Римскому закону волею ли, неволею, то ты от Бога душою погибнешь и от нас будешь в неблагословении; я тебя за это не благословлю, и мать не благословит; а зятю своему мы того не спустим; будет у нас с ним за то беспрестанно рать“».

Со своими послами, отправленными в Литву для взятия присяги с Александра в соблюдении договора, Иван послал дочери слово совершенно такого же свойства, как и наказ, отправленный чрез Ивана Сапегу.

Кроме того, он дал ей и поручение: разведать, не найдется ли в Западной Европе невесты среди царствующих домов для старшего его сына Василия; при этом послам наказывалось: «Если королева Елена укажет государей, у которых дочери есть, то спросить, каких лет дочери да о матерях их и о них не было ли ка-

кой дурной молвы?» Елена отвечала: «Разведывала я про детей деспота Сербского, но ничего не могла допытаться. У маркграфа Бранденбургского, говорят, пять дочерей, большая осьмнадцати лет хрома, нехороша; под большею – четырнадцать лет, из себя хороша... Есть дочери у Баварского князя, каких лет, не знают, матери у них нет; у Стетинского князя есть дочери, слава про мать и про них добрая. У Французского короля сестра обручена была за Альбрехта, короля Польского, собой хороша, да хрома, и теперь на себя чепец положила, пошла в монастырь...»

После заключения перемирия у Иоанна с мужем Елены происходили весьма частые пересылки, главным образом по поводу взаимных недоразумений пограничных жителей, причем отношения между тестем и зятем были по-прежнему далеко не дружественные. Александр, разумеется, не мог простить Москве отторжения стольких волостей от Литвы и однажды даже послал сказать Иоанну, что пора ему возвратить Литве земли, взятые у нее по перемирному договору, так как ему жаль своей отчины. На это государь ве-

лел ответить Александру, что и ему также жаль своей отчины, Русской земли, которая за Литвою, – Киева, Смоленска и других городов.

Из этих слов ясно видно, как смотрел Иоанн на будущие отношения Руси к Литве. Он предвидел, что предстоит кровавая и продолжительная борьба, пока не будет собрана воедино его отчина, вся Русская земля, под рукою православных самодержцев московских, и в этом же духе наказывал своим послам говорить и Менгли-Гирею, чтобы последний не мирился с Литвой, а если Менгли-Гирей скажет, что великий князь сам перемирие взял, то отвечать ему: «Великому князю с Литовским прочного мира нет; Литовский хочет у великого князя тех городов и Земель, что у него взяты, а князь великий хочет у него своей отчины, всей Русской земли; взял же с ним теперь перемирие для того, чтобы люди отдохнули да чтобы взятые города за собой укрепить...»

Одновременно с приездом в 1503 году больших литовских послов в Москву за миром Иоанн разрешил приезд и послам Ливон-

ского ордена, причем дал им опасный лист такого рода: «Иоанн, Божией милостью, царь и государь всея Руси, и великий князь, и сын его, князь великий Василий Иванович, царь всея Руси, магистру Ливонской земли, архиепископу и епископу Юрьевскому и иным епископам и всей земли Ливонской: присылали вы бить челом к брату нашему и зятю Александру, королю Польскому и великому князю Литовскому, о том, что хотите к нам слать бить челом своих послов. И мы вам на то лист свой опасный дали». Послы, приехав в Москву, ожидали заключения перемирия с Литвой, а затем их отправили по старине в Новгород подписать перемирие с наместниками великокняжескими, так как заключать с ними мир самому великому князю в Москве считалось для немцев слишком большой честью.

Мы видели, что Иоанн еще до окончания войны с Литвой заключил союз с королем Датским Иоганном, который искал шведского престола. Вследствие этого союза наши войска в 1496 году ходили к Выборгу, но не могли его взять, хотя употребляли при осаде огром-

ные пушки – в три с половиной сажени длины. А в 1497 году русские вторглись в Финляндию, опустошили ее до Тавастуса и наголову разбили шведские войска, положив 7 тысяч человек на месте. В то же время наши полки, составленные из устюжан, двинян, онежан и ваян, отправились от устьев Северной Двины Белым морем в Лапландию, завоевали берега восьми рек и привели в русское подданство обитателей побережья реки Лименги.

Война со шведами окончилась, когда Иоганн Датский стал шведским королем.

Создание Иоанном III обширного и могущественного Московского государства повлекло за собой, как мы видели, и частые сношения с различными государями, причем в Западной Европе только впервые узнали, что восточнее Польши и Литвы существует большая, независимая от них держава. Это открытие сделал немецкий рыцарь Николай Пошпель, путешествовавший из любопытства по отдаленным странам и захвативший в 1486 году в Москву. Возвратясь домой, он объявил германскому императору Фридриху, что великий князь Московский не только не подвла-

стен польскому королю, но гораздо сильнее и богаче его.

Вследствие этого в 1489 году Поппель вновь прибыл в Москву уже в качестве императорского посла, причем просил Иоанна разрешить говорить с ним наедине. Иоанн в этом ему отказал; тогда Поппель в присутствии бояр стал просить руку одной из дочерей великого князя от имени императора для племянника последнего, владетельного маркграфа Баденского. Иоанн ответил на это, что хочет с императором любви и дружбы и отправит к нему своего посла. Поппель вновь стал просить позволения говорить с великим князем наедине. Иоанн наконец согласился и, поотступив от бояр, стал его слушать, а дьяк Феодор Курицын записывал посольские речи. Поппель начал с просьбы, чтобы его слова не были переданы полякам или чехам, иначе ему придется поплатиться головой, а затем продолжал так: «Мы слышали, что ты посылал к римскому папе просить у него королевского титула (звания) и что польскому королю это очень не понравилось, и посылал он к папе с большими дарами, чтобы папа не со-

глашался. Но знай, что папа в этом деле не имеет никакой власти, а только император. Поэтому, если желаешь быть королем своей земли, то я буду верным слугой твоей милости и буду хлопотать перед императором, чтобы твое желание исполнилось».

На эту хитрую речь императорского посла Иоанн велел сказать ему следующие достопамятные слова: «Сказываешь, что нам служил и впредь служить хочешь, за это мы тебя здесь жалуем да и там в твоей земле тебя жаловать хотим. А что ты нам говорил о королевстве, то мы, Божию милостию, государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы; просим Бога, чтобы нам и детям нашим всегда дал так быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления, как прежде, мы не хотели ни от кого, так и теперь не хотим».

Пристыженный Поппель больше не заикался о поставлении Иоанна в русские короли немецким императором.

В том же 1489 году из Москвы был отправлен посол к императору Фридриху и сыну его

Максимилиану грек Юрий Траханиот, коему было наказано: «Если спросят: цесарь (император) спрашивал у вашего государя, хочет ли он отдать дочь за племянника императорского маркграфа Баденского, то отвечать: за этого маркграфа государю нашему отдать дочь неприлично, потому что государь наш многим землям государь великий, но где будет прилично, то государь наш с Божиею волею хочет это дело делать. Если начнут выставлять маркграфа владельцем сильным, скажут: отчего неприлично вашему государю выдать за него свою дочь, то отвечать: во всех землях известно, надеемся, и вам ведомо, что государь наш великий государь, урожденный изначала, от своих прародителей; от давних лет прародители его были в приятельстве и любви с прежними римскими царями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии... так как же такому великому государю выдать дочь свою за маркграфа? Если же станут говорить, чтобы великому князю выдать дочь за императорского сына Максимилиана (будущего императора), и послу не отговаривать, а сказать так: захочет этого це-

сарь, послал бы к нашему государю своего человека. Если же станут говорить накрепко, что цесарь пошлет своего человека, и посол возьмет ли его с собой, отвечать: со мной об этом приказа нет, потому что цесарский посол говорил, что Максимилиан уже женат, но государь наш ищет выдать дочь свою за кого прилично: цесарь и сын его Максимилиан — государи великие, наш государь тоже великий государь; так если цесарь пошлет к нашему государю за этим своего человека, то я надеюсь, что государь наш не откажет».

Траханиот был принят императором с величайшими почестями и в 1490 году вернулся вместе с послом Максимилиана Делатором, который от его имени просил Иоанна о союзе против польского короля, а затем начал говорить о сватовстве, просил видеть дочь великого князя и спрашивал, сколько за ней дадут приданого. Бояре отвечали ему, что великий князь согласен на брак дочери с Максимилианом (овдовевшим в это время), но с условием, чтобы тот дал грамоту, что жена его останется православной и будет иметь православную церковь и священников до смерти; относи-

тельно же позволения видеть великую княжну и приданого, ему было сказано: «У нашего государя нет такого обычая: не пригоже тебе прежде дела дочь его видеть. Государь наш – государь великий, а мы не слышали, чтобы между великими государями были ряды о приданом. Если дочь нашего государя будет за твоим государем, королем Максимилианом, то государь наш для своего имени и для своей дочери даст с ней казну, как прилично великим государям».

После этого ответа Иоанн приказал боярам заключить союзный договор с Максимилианом, стремившимся тогда добыть венгерский стол, свою отчину, на который намеревался сесть Владислав, сын Казимира Польского. В договоре этом говорилось: «Если король Польский и дети его будут воевать с тобою, братом моим, за Венгрию, твою отчину, то извести нас и поможем тебе усердно без обмана. Если же и мы начнем добывать великого княжения Киевского и других земель Русских, которыми владеет Литва, то уведомим тебя, и поможешь нам усердно, без обмана».

Перед отъездом Делатор был принят вели-

кой княгиней Софией, которой он поднес от Максимилиана серое сукно и попугая, а великий князь пожаловал его в «золотоносны», то есть дал ему золотую цепь с крестом, горностаевую шубу и золоченые серебряные остроги, или шпоры, как бы в знак посвящения в рыцарское достоинство.

Описанные посольства не привели к каким-либо важным последствиям. Брак великой княжны с Максимилианом не состоялся, конечно, из-за решительного требования Иоанна насчет сохранения дочерью православия; что же касается союза против Польши, то Максимилиан скоро примирился с ней. Однако отношения с русским двором продолжали оставаться дружескими, и в 1504 году Максимилиан опять прислал своего посла в Москву, спрашивая, не нужно ли нам его ратной помощи или совета, а также прося прислать несколько белых кречетов, водившихся на нашем крайнем севере и высоко ценившихся для охоты.

Иоанн отвечал Максимилиану, что он уже удачно окончил войну с Ливонией, и послал ему одного белого и четырех красных крече-

ТОВ.

В 1505 году Максимилиан опять прислал две грамоты, от себя и сына своего Филиппа, в коих Иоанн и сын его Василий названы царями, с просьбой освободить пленных ливонских немцев, взятых в последнюю войну. Государь приказал на это ответить: «Если магистр, архиепископ, епископы и вся земля Ливонская от нашего недруга литовского отстанут, пришлют бить челом в Великий Новгород и Псков к нашим наместникам, и во всем нашим отчинам, Новгороду и Пскову исправятся, то мы тогда, для вашей братской любви, посмотря на их челобитье и исправление, дадим пленным свободу».

Кроме сношений с европейскими государями, Иоанну при ходилось также принимать послов и от некоторых азиатских владетелей; но главное свое внимание он обращал на запад, и постоянной его заботой было выписывание искусных мастеров по различным отраслям производства, которым наши добрые соседи – поляки, литва, немцы и шведы – старались всячески затруднить проезд в Русскую землю.

Помимо поименованных выше итальянцев зодчих, известность по себе оставили: пушечный мастер Фрязин Павлин Лебосис, отливший великую пушку в 1488 году; колокольный мастер Фрязин Петр; органный игрец католический священник белых чернецов Августинова закона Иван Спаситель (Сальватор), принявший у нас православие; серебряные мастера Олберт Немчин и Карл из Медиолана и лекари: Антон-немец и жидовин Мистро Леон из Венеции.

Особенно ценил Иоанн хороших мастеров, знавших руду золотую и серебряную и умевших отделять от земли золото и серебро.

Посланные по его приказу на Печору два таких мастера-немца, Иван да Виктор, отыскали в 1490 году на реке Цильме серебряную и медную руду на пространстве 10 верст.

Предположения Иоанна найти среди царствующих западноевропейских домов невесту для сына и жениха для одной из дочерей не увенчались успехом вследствие разницы вероисповеданий. Тогда государь решил сочетать их браком дома – в Русской земле. При этом, находя неприличным иметь зятем вла-

детельного маркграфа Баденского, племянника императора, Иоанн нашел вполне соответствующим для себя породниться с одним из своих верных слуг; он выдал вторую свою дочь Феодосию замуж за сына своего доблестного военачальника князя Даниила Холмского; великий князь Василий Иоаннович тоже женился в 1504 году на русской – на Соломонии Сабуровой, девушке незнатного рода, но пришедшейся ему по душе на смотринах, на которые, по византийскому обычаю, было собрано со всей земли около 1500 девиц благородного звания.

27 октября 1505 года великий князь Иоанн III Васильевич окончил свой многотрудный жизненный подвиг на 67-м году жизни и на 44-м – великого княжения, пережив Софию Фоминичну на два года.

Чувствуя приближение конца, Иоанн собрал детей и бояр и приказал громко читать духовную; в то же время он велел освободить много заключенных в темницах, а должников между ними выкупить за свой счет. После причащения и соборования митрополит Симон хотел постричь его, но он отказался,

очевидно желая умереть государем, а не монахом.

Всегда следуя в течение своей жизни преданиям старины, он и в завещании своем, по обычаю предков, наделил волостями всех пятерых сыновей. Но тогда как старшему великому князю Василию было дано 66 городов и в том числе самые значительные, остальным четверем – Юрию, Димитрию, Семену и Андрею – были оставлены лишь небольшие уделы с весьма ограниченными правами и полным подчинением старшему брату, великое княжение которого они должны были держать честно и грозно, а после него и того из сыновей Василия, кто будет его преемником. Свято соблюдая заветы предков по собиранию Русской земли и всегда проявляя во всех своих действиях удивительную обдуманность и замечательное чувство меры, Иоанн в течение своей долгой жизни сделал ряд огромных земельных приобретений и оставил своему наследнику уже весьма могущественное государство, превосходящее по своим размерам по крайней мере в три раза то, которое он получил от отца своего Василия Темного.

Как мы видели, деятельным помощником Иоанна во всех его делах был сам русский народ, стремившийся объединиться в крепкое государство вокруг стольного города Москвы, которая представляла столько дорогого и заветного для каждого русского сердца и ума. Это горячее чувство любви к Родине отразилось, конечно, на всех многочисленных походах, которые предпринимал Иоанн во имя собирания Русской земли: мы постоянно видели в его ратях необыкновенное воодушевление и замечательное стремление к смелым наступательным действиям, причем слово «Москва» было боевым кличем, объединявшим всех.

Вместе с тем мы видели также, что войска Иоанна и их державный вождь были всегда воодушевлены самыми возвышенными понятиями о чувстве долга и благородстве; так, московские воины побросали в воду захваченные доспехи новгородцев, не желая пользоваться добром изменников русскому делу и православию; московские воеводы гнушались общения с немецким изменником Гаммерштетом, несмотря на оказанную им нам

большую услугу в битве с немцами; сам великий князь велел заточить князя Холмского, предавшего ему своего господина – тверского князя, не желая иметь в числе своих слуг предателя; наконец, наши военачальники князя Ухтомский и Ярославский после победы над татарами в 1469 году, дважды получив от Иоанна высшие в то время знаки отличия – по золотой деньге для ношения на груди, отдали их священнику, чтобы он молился о государе и о всем его воинстве. Мужество, бескорыстие и горячая любовь к Родине были отличительными свойствами сподвижников Иоанна III.

Постоянная потребность в многочисленной воинской силе, доходившей иногда до 180 тысяч человек, и необходимость содержания бдительных сторожевых отрядов в степи заставляли, разумеется, Иоанна уделять военному делу немало своих забот.

Помимо служилых людей или старшей дружины, бояр, детей боярских и дворян, в походы посылались сурожане, суконники, купчие люди и прочие москвичи, «которые пригоже по их силе», а также брались люди

посошные, по одному с нескольких сох, казаки в полки татарские – служилых татарских царевичей, поселенных в разных московских волостях.

Кроме жалованья деньгами и отдачи городов на кормление или же некоторых статей великокняжеских доходов (путей) в пользование – в награду за военную службу, самым могущественным средством для вознаграждения военно-служилого сословия и для его увеличения являлась по-прежнему широкая раздача поместий.

Вообще, с половины XV века все личные землевладельцы были обязаны нести военную службу в Московском государстве, и в нем было как бы правилом, что, кто владеет землею, тот должен и проливать кровь для ее защиты.

Высшим военным сословием было, разумеется, как и прежде, боярство, причем все бояре, занимая различные государственные должности, оставались по-старинному прежде всего соратниками своего государя.

Однако при Иоанне III в среде самого боярства начала происходить важная перемена

вследствие поступления на государеву службу многих князей Рюриковичей и Гедиминовичей, которые становились выше старого московского боярства; наплыв в среду этого боярства многочисленных служилых князей из бывших удельных, как увидим ниже, повлек за собой весьма крупные последствия.

Несмотря на многочисленные войны, благодаря счастливому их окончанию и отсутствию внутренних усобиц 43-летнее время правления Иоанна было одним из счастливейших и самых спокойных для Московского государства; торговля развилась весьма сильно и вообще очень поднялось благосостояние жителей.

По свидетельству итальянца Иосифа Барбаро, в Москве было такое изобилие в хлебе и мясе, что говядину продавали не на вес, а по глазомеру; зимой же в нее привозилось великое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, продававшихся по крайне низкой цене. При этом право варить мед и пиво и употреблять хмель перешло при Иоанне III, как рассказывает Барбаро, с целью уменьше-

ния пьянства в исключительную собственность казны.

Заботясь о сохранении народного здоровья и нравственности, Иоанн строго следил также, чтобы к нам не заносились заразные болезни, и все приезжающие из-за границы подвергались тщательному надзору. Это было важной заботой и последующих московских государей.

От времен Иоанна III до нас дошла древнейшая переписная, или писцовая, окладная книга; в книгах этих подробно описывались пригороды, волости, погосты и села с указанием количества земли, принадлежащей каждому владельцу, с целью ее обложения податью в пользу великого князя. Земля для этого обложения делилась на сохи, причем величина сохи менялась от качества земли: так, соха доброй земли определялась величиной ее, потребной для посева 800 четвертей, средней – 1000 четвертей, а худой – 1200 четвертей. После покорения Новгорода Иоанн установил там размер подати до полугривны с сохи, что, вероятно, соответствовало размеру земельной подати и в других частях госу-

дарства. Посадские и слободские люди платили подати в зависимости от величины и степени зажиточности их дворов. Наконец, были обложены податью, или тамгою, и всякого рода товары.

Крестьяне при Иоанне III оставались по-прежнему свободными, но было точно и окончательно установлено, что переходы от одного владельца к другому могли происходить только один раз в году, именно за неделю до Юрьева дня и неделю спустя его.

Определение это вошло в так называемый Судебник Иоанна III, или Судный устав, составленный в 1497 году дьяконом Гусевым. В начале Судебника говорится: «Посулов (взятки) боярам и окольниковым и дьякам от суда не брать и судом не мстить и не дружить никому». Судебник Иоанна III значительно отличается от Русской Правды Ярослава Мудрого: месть и самоуправство не допускаются, но наказания гораздо суровее, чем по Русской Правде. Смертная казнь и торговая (битье кнутом) полагались по Судебнику за многие преступления: за второе воровство, разбой, убийство, душегубство и разные другие лихие

дела, причем по-старому оставлено как судебное доказательство «поле», или «судебный поединок», а также введены пытки. Введение в Судебник смертной казни и разного рода пыток явилось всецело заимствованием из Западной Европы. Сравнивая Судебник Иоанна с Судебником Казимира Польского 1468 года, мы встречаем в последнем виселицу и пытки, причем виселица полагалась уже за первое воровство свыше полтины, а по Магдебургскому праву, данному литовским великим князем западнорусским городам Полоцку, Минску и Смоленску, употреблялись постоянно как наказание отсечение головы, посажение на кол и потопление.

Важным преимуществом русского законодательства перед западноевропейским было то обстоятельство, что у нас перед уголовным законом были все безусловно совершенно равны. Так, в 1491 году по приговору суда всенародно секли кнутом князя Ухтомского, дворянина Хомутова и бывшего архимандрита Чудовского монастыря за составление подложной грамоты, сочиненной ими, чтобы получить в собственность чужую землю.

Сурово наказывал Иоанн Васильевич и приезжих иностранных мастеров, если они этого заслуживали. Мы говорили, что сын великого князя Иван Молодой умер в 1490 году, разболевшись ломотой в ногах. Его взялся лечить приехавший из Венеции жидовин Мистро Леон, объявивший великому князю: «Я вылечу сына твоего, а не вылечу – вели казнить смертной казнью». Иоанн согласился на это условие и позволил лечить сына. Жидовин стал давать ему вовнутрь зелье и жег ноги стеклянными сосудами, причем лечил так усердно, что Иван Молодой сперва слег, а затем и умер. Похоронив его, великий князь во исполнение условия приказал отрубить голову Мистро Леону, как минуло 40 дней по смерти сына. Другой врач, немец Антон, которого Иоанн держал в большой чести, лечил служилого татарского князя Каракучу и уморил его смертным зельем «на посмеих», как говорит летописец; за это Иоанн выдал лекаря Антона сыну Каракучи, и он был зарезан татарами на Москве-реке. Меры эти, конечно, поражают нас своею крайней суровостью; но не надо забывать, что в XV и XVI веках среди инозем-

ных лекарей было множество самых отъявленных шарлатанов.

Заботясь о привлечении в свое государство сведущих мастеров-иноземцев, великий князь отлично понимал при этом, что если восточные пришельцы – монголы завоевали Русскую землю силою, то пришельцы с запада будут стараться завладеть ею хитростью, и потому зорко следил за всеми ними. Первым попался услужливый монетчик Иван Фрязин, через которого велись переговоры о сватовстве Софии Фоминичны. Он взялся доставить венецианского посла Тревизана к хану Золотой Орды Ахмату через московские владения и выдал его за своего родственника-купца. Когда обман открылся, то великий князь приказал посадить Тревизана в тюрьму, откуда он был выпущен только после усиленных просьб управителя Венеции, а Иван Фрязин был взят под стражу перед самым въездом Софии Фоминичны в Москву, затем закован в железо и заточен.

Когда завязались наши сношения с Германией, то в 1492 году король Максимилиан прислал в Москву немца Снупса с письмом к

великому князю, в котором он просил оказать означенному Снупсу содействие в изучении Русской земли и в путешествии за Каменный пояс к реке Оби. Иоанн принял Снупса ласково, но решительно отказал ему в просимой помощи под предлогом трудности пути; в действительности он видел наши недавно приобретенные северо-восточные земли, где открылся новый источник богатства для России, так как, несомненно, был хорошо осведомлен о том, что в Западной Европе во второй половине XV века развилась необыкновенная жажда открытий новых земель с целью обогащения. Теперь вместо Крестовых походов там стали предприниматься походы промышленные в надежде найти золото, драгоценные камни и другие богатства. Особенно привлекали жажду наживы всех западных европейцев рассказы о баснословных богатствах Индии. В поисках морского пути в Индию была открыта в 1498 году Америка смелым итальянским мореплавателем Христофором Колумбом, а португальский мореплаватель Васко да Гама в том же 1498 году, обогнув с юга Африку, дошел до Индии.

Но еще за 30 лет до Васко да Гама около 1470 года наш тверской купец Афанасий Никитин без всякой посторонней помощи также открыл путь в Индию, и притом при гораздо более трудных обстоятельствах, чем Васко да Гама. Афанасий Никитин, имея в России долги, решил пробраться с дорогим жеребцом в Индию, надеясь выгодно его продать там и вернуться затем на родину с богатыми и редкими товарами.

До нас дошло чрезвычайно любопытно составленное им описание его «Хождения за три моря». От Твери до Астрахани он плыл Волгой и через Дербент и Баку пробрался в Персию. Будучи по дороге ограблен татарами и подвергаясь все время огромным опасностям, он прибыл наконец в Индию, где посетил множество городов и славный Эллорский храм. «Вер в Индии всех 84, – рассказывает он, – и все веруют в Будду, а вера с верою не пьет, не ест, не женится». Что нам особенно дорого в повествовании Афанасия Никитина – это горячая вера в Бога, которая не оставляла этого замечательного русского человека в самые тяжелые времена, и необыкновенно

трогательная привязанность его к православию и к своей Родине. Описывая свои злоключения, он говорит: «Мне, рабу Божию Афанасию, взгрустнулось по вере; уже прошло четыре Великих поста, четыре Светлых Воскресенья, а я, грешный, не знаю, когда Светлое Воскресенье, когда пост, когда Рождество Христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы; книг у меня нет; когда меня пограбили, то книги у меня взяли; я с горя пошел в Индию, потому что на Русь мне не с чем было идти, не осталось товару ничего... Господи Боже мой! На Тя уповаю, спаси мя! Пути не знаю, как выйти из Индостана; везде война! А жить в Индостане – все истратишь, потому что у них все дорого: я один человек, а по два с половиною алтына в день издерживаю, вина и сыты не пью». Наконец Никитин благополучно вернулся домой через Персию, Черное море и Кафу.

Огромное значение, как и в прежние времена, имело при Иоанне III наше духовенство.

В начале его великого княжения митропо-

литом Московским был Феодосий, старец ревностный и добродетельный, который чрезвычайно способствовал своим усердием охранению в неприкосновенности величайшей христианской святыни – храма Гроба Господня. В Иерусалиме в это время как раз было большое землетрясение, от которого пал купол в означенном храме. Когда об этом узнал египетский султан, коему была подвластна Святая земля, то он решил уничтожить храм до самого основания и поставить над Гробом Господним мечеть. Иерусалимский патриарх Иоаким умолил его, однако, не делать этого, и султан согласился на его просьбу при условии, если ему внесут огромные по тогдашнему времени деньги: 5500 итальянских золотых. Для сбора этих денег патриарх намерен был сам ехать в Россию, но по дороге заболел и скончался в Кафе, а вместо него прибыл его племянник Иосиф, которому Феодосий своим усердным старанием и помог собрать на Руси нужные деньги и тем спасти Гроб Господень от мусульманского поругания.

Будучи крайне недоволен многими священниками, ведшими неправедную жизнь,

Феодосий очень вооружался против этого, еженедельно собирал многих из них для поучения, постригал вдовых в монахи, расстригал нераскаявшихся и в конце концов навлек на себя сильное неудовольствие паствы, так как многие церкви остались без священников. Тогда ожидали конца мира, и великое множество частных людей имело свои домовые церкви. Крайне удрученный этим неудовольствием, Феодосий отказался от митрополии, заключился в Чудовом монастыре и, взяв себе в келью одного прокаженного старца, ходил за ним до конца жизни, сам оmyвая его смрадные струпья.

Ближайшим преемником Феодосия были Филипп, а затем Геронтий; Филипп, как мы помним, не допустил, чтобы несли латинский крыж пред кардиналом, приехавшим с царевной Софией, а Геронтий был одним из увещавших Иоанна вступить в битву с Ахматом на реке Угре.

Из епископов, святительствовавших при Иоанне III, кроме известного уже нам Вассиана, знаменитого своим горячим словом во время того же нашествия Ахмата, стяжал себе

неувядаемую память чудовский архимандрит, а впоследствии новгородский архиепископ Геннадий как горячий ревнитель православия, немало пострадавший за него своей непоколебимой стойкостью, но успевший к концу своей деятельности оградить Русскую церковь от крайне пагубного и тлетворного вторжения в ее недра жидовства[8].

Во время управления русской митрополией преемником Феодосия Филиппом I, занимавшим митрополичий стол с 1464 по 1474 год, какой-то иудей Феодор, прибыв в Московское государство, вероятно, из Литвы, крестился и так повел свои дела, что митрополит поручил ему, как знающему иудейский язык, перевести на славянский Псалтырь, что тот и сделал. Псалтырь эта сохранилась в собрании рукописей Кирилло-Белозерского монастыря и, по новейшим исследованиям наших ученых, оказывается иудейской молитвенной книгою «Махазор», причем, по словам одного из исследователей, М.Н. Сперанского, «ни в одном из псалмов этого перевода нет пророчеств о Христе», которых так много в истинной Псалтыри, так как Феодор-жид, «фанати-

чески преданный иудейству... перевел вовсе не Псалтырь Давида, а молитвы иудейские, употребляемые при богослужении, в которых ярко просвечивает иудейская оппозиция (неприязнь) учению о троичности лиц Божества».

Темная личность Феодора-жида была только предшественником гораздо более опасных разрушителей нашей веры.

В 1470 году, как мы говорили, новгородцы пригласили себе литовского князя Михаила Олельковича. С ним вместе из Киева прибыл и ученый жид Схария, который был хорошо научен «чародейству же и чернокнижию, звездознанию и астрологии», как его впоследствии описывает один из обличителей. Этот Схария и взялся за прочное насаждение жидовства в лоне нашей Церкви. Первым его учеником был священник Дионисий, которого он, без сомнения, привлек тайнами иудейского чернокнижия, или каббалы, являющимися смесью вавилонских и египетских тайных учений, переделанных иудейскими учеными раввинами на свой лад. В каббалу входит астрология, то есть искусство узнавать

судьбу каждого человека посредством наблюдения за звездами и различных таинственных вычислений над ними, а также магия, или искусство производить чары с помощью заклинаний и других волхвований. Заманчивые и таинственные сведения, которые сулит изучение каббалы, служат на протяжении множества веков, вплоть до настоящего времени, сильнейшей приманкой для людей легковверных и не особенно твердых в христианстве, причем по мере углубления в занятия эти у них мало-помалу в корне разрушается вера во Христа, так как наставники-каббалисты, пользуясь своим влиянием на учеников, постепенно убеждают их, что полное посвящение в тайные науки возможно лишь при условии отречения от Христа.

XIV и XV столетия ознаменовались особенным увлечением западноевропейского общества занятиями каббалистическими науками, преимущественно же астрологией. Уже упомянутые нами в предыдущей главе отреченные книги, во множестве появившиеся на Руси в XIV и XV веках, в переводах с западноев-

ропейских языков: «Аристотелевы врата, или Тайная Тайных», «Рафли», «Шестокрыл», «Трепетники» и «Лопаточники», хотя и приписывались египетским и арабским мудрецам, но, как выяснено целым рядом исследований, имеют самую близкую связь с иудейской каббалой, и, по-видимому, значительная часть их составлена жидовскими раввинами, из коих в Средние века особой известностью пользовался некий Моисей Маймонид; странствовавшие под видом врачей и знахарей раввины во множестве распространяли его сочинения на разных языках и рассказывали чудеса про его врачебное искусство и необыкновенные познания в тайных науках. Одним из таких странствующих раввинов-каббалистов, которых в это время имелось много в Западной Европе, и был, очевидно, Схария. Дионисий не замедлил совершенно поддаться опытному жиду-совратителю и привел к нему вскоре другого священника – Алексея, тоже ставшего усердным учеником Схарии; последний, видя успех своего растления православных священников, выписал еще двух жидов-учителей из Литвы: Шмойлу Скарявого и

Моисея Хапуша.

Оба новообращенных священника так усердствовали в новом учении, что хотели даже обрезать, но жидаы их до этого не допустили, говоря, что, в случае падения на них подозрений, обрезание будет служить уликою и что жидовства они должны держаться тайно, явно же оставаться христианами и строго исполнять наружное благочестие. Это наружное благочестие первых еретиков обратило на них общее внимание и содействовало быстрому распространению их учения, причем новообращенные жидовствующие всеми силами старались получать священнические места, чтобы успешно действовать на свою паству.

При этом, если они «видели человека твердого в православии, – говорит известный наш историк С. Соловьев, – перед таким и сами являлись православными; перед человеком, обличающим ересь, они и сами являлись строгими ее обличителями, проклинали еретиков; но где видели человека слабого в вере, тут были готовы на ловлю». Еретики отличались ученостью и имели книги, каких не бы-

ло у православного духовенства, которое по-
тому и не могло успешно бороться с ними. Ко-
нечно, они не сразу открывались своим уче-
никам в жидовстве, а предварительно стара-
лись возбудить их сомнение в некоторых ме-
стах Нового и Старо го Заветов, криво толкуя
их, и в то же время заманивали их воображе-
ние недомолвленными рассказами о преле-
стях каббалистики и только после того шаг за
шагом переходили к полному отрицанию и
хуле христианства, не признавая ни Божества
Спасителя, ни Божественного Его Воскресе-
ния. При этом жидовствующие, строго блюдя
наружное благочестие на людях, когда оста-
вались одни между собой, самым возмути-
тельным образом надругались над православ-
ной святыней – иконами и крестами, позво-
ляя себе над ними неслыханные кощунства.
Увидя, что дело разрушения православной ве-
ры благодаря усердию новообращенных,
несомненно обольщенных прелестью откры-
тий, которые им сулила каббала, стало на
вполне прочные основания, жид Схария счел
благоразумным скрыться со своими жида-
ми-помощниками из Русской земли.

Русские же жидовствующие безвозбранно продолжали свое развращающее и преступное дело. Скоро слава о благочестивой жизни и мудрости двух главных новгородских еретиков – Дионисия и Алексия – достигла до того, что обратила на них внимание великого князя Иоанна Васильевича, когда он был в Новгороде в 1480 году, и оба они были им взяты в Москву, причем одному было велено быть протопопом в Успенском соборе в Кремле, а другому – в Архангельском.

Таким образом, гнусная ересь заползла в самое святое место для русских людей. Отсюда оба попа стали усердно распространять пагубное учение среди известнейших и могущественнейших людей, окружавших великого князя, и скоро приобрели себе многих усердных сообщников, в числе которых были невестка великого князя Елена, вдова Ивана Молодого и мать наследника престола Дмитрия, симоновский архимандрит Зосима и славный своею грамотностью и ученостью думный дьяк Феодор Курицын, пользовавшийся величайшим и особо трогательным расположением великого князя; он заведовал

сношениями с иностранными государями и сам ездил к ним послом; к нему примкнул и другой Курицын – Волк.

Конечно, самым могущественным соблазном для уловления жидовствующими этих славных людей было завлечение их в занятия астрологией.

Вместе с этими занятиями астрологией жидовствующие, без сомнения, стали также всеми мерами распространять и отреченные книги.

В продолжение 17 лет секта существовала в Новгороде, Москве и других местах, куда ее разнесли, оставаясь совершенно неизвестной правительству, так как упорное запирательство и употребление при этом всевозможных клятв составляло одно из основных правил еретиков. Наконец, в 1487 году она была случайно открыта в Новгороде. Пьяные еретики затеяли между собою ссору и в ней стали нарекать друг на друга, причем выдали и свою тайну о принадлежности к секте.

Об этом сообщили архиепископу, которым был в это время Геннадий. Он донес сейчас же в Москву великому князю и митрополиту

Геронтию.

Великий князь с обычным своим здравомыслием отвечал ему: «Того береги, чтобы то лихо в земли не распростерлося». Геннадий немедленно нарядил следствие, в котором ему помогло раскаяние священника Наума, отрекшегося от жидовства и сообщившего важные сведения о существовании и учении секты. Но обыск, произведенный Геннадием, вследствие решительного заперательства сектантов привел к немногому: было задержано только четыре человека (два священника и два дьякона), которых он отдал на поруки. Скоро они нашли случай бежать в Москву, где, как мы видели, у них имелись могущественные покровители. Геннадий послал за бежавшими все обыскное дело в Москву. Здесь, несмотря на настойчивые заперательства сектантов, великим князем и митрополитом было признано, что трое из них в пьяном виде надругались над святыми иконами. Государь приказал бить их на торгу кнутъем и отправил затем к Геннадию с приказанием: «Ты созови собор, обличи их ересь и дай им наставление: если не покаются, то отошли их

к моим наместникам, которые казнят их гражданской же казнью» (битье кнутом на торгу).

Вместе с тем Геннадию предписано было производить дальнейший розыск об ереси. Он усердно занялся этим и открыл новых еретиков, причем на покаявшихся накладывал епитимью, а упорствующих отсылал к наместникам для гражданской казни. Все свои розыски о нераскаявшихся еретиках Геннадий направлял в Москву, прося окончательно осудить их, созвав для этого собор. Но на эти просьбы он не получал никакого ответа. Без сомнения, московским жидовствующим духовенством и дьяком Феодором Курицыным дело было выставлено перед великим князем и митрополитом как сильно преувеличенное, а сам Геннадий – беспокойным человеком. Эта московская ослаба послужила большим соблазном для раскаявшихся новгородских еретиков; они побежали в Москву, стали здесь беспрепятственно ходить в церковь и алтарь, а некоторые даже и служить литургию, надругиваясь над святынею. В этом протопоп Дионисий, взятый великим князем в Москву

вместе с Алексием из Новгорода, дошел до крайней дерзости: во время богослужения он плясал за престолом и ругался над крестом. Причиной такого надругательства, говорит известный ученый Е. Голубинский в своей «Истории Русской церкви», была «не одна только прямая и простая ненависть к христианству как к вере, но и тот языческий взгляд, существовавший у волхвов (и доселе остающийся у колдунов), что чем сильнее будут оскорбления христианской святыни, тем действеннее будут волхвования».

Между тем умер митрополит Геронтий, и на его место был поставлен тайный последователь жидовствующих – симоновский архимандрит Зосима, человек распутный и пьяный. На это поставление уговорил великого князя пользовавшийся его большим доверием соборный протопоп Алексей, «своими волхвованиями подоиде державного, да поставить на престоле святительском скверного сосуда сатанина, его же он напои ядом жидовского».

Таким образом, во главе всей Русской церкви стал жидовствующий митрополит.

Опасность была воистину велика.

Как только Зосима сел на митрополичьем столе, он начал сейчас же теснить Геннадия; прежде всего, он потребовал от него исповедания веры. Это прямо означало, что Геннадий подозревался в неправоверии. Конечно, последний отлично понимал, кто строит против него козни, но не только не устрасился своих врагов, а, наоборот, усилил против них свою ревность. Он отказался послать Зосиме свое исповедание, объяснив, что он уже дал его по обычаю, при поставлении в архиепископский сан, и со своей стороны напоминал Зосиме, что последний обещал настаивать перед великим князем о преследовании еретиков и казни их: «Если князь великий того не обещает и не казнит этих людей, то как нам тогда срам свести со своей Земли? Вон фряги, смотри, крепость какую держат по своей вере; сказывал мне цезарский посол про Шпанского короля, как он свою Землю-то очистил». При этом Геннадий прямо указывал на государева дьяка и любимца Феодора Курицына как на корень всего зла: «От него вся беда стала; он отъявленный еретик и заступник ере-

тиков перед государем».

Вслед за письмом к митрополиту Геннадий отправил послание и к архиереям: Ростовскому, Суздальскому, Тверскому и Пермскому; он убеждал их всех требовать безотлагательного созвания собора и самого строгого суда над еретиками ввиду того, что они держат свою ересь в тайне, а явно остаются ревностными православными. «От явного еретика человек бережется, – писал он, – а от сих еретиков как уберечься, если они зовутся христианами? Человеку разумному они не обьявятся, а глупого как раз съедят».

Геннадиево послание оказало немедленно же свое действие. Зосима не мог противиться общему требованию духовенства, и собор открылся 17 октября 1490 года, хотя, по проискам митрополита, Геннадия на него не пригласили. Тем не менее собор обвинил еретиков и проклял их; часть сослал в заточение, а некоторых отправили Геннадию в Новгород, причем сам Зосима во главе собора вынужден был вынести им приговор, начинавшийся так: «Речью глаголю вам, прелестником и отступником веры Христовы, тебе, За-

харию чернью, и тебе, Гаврилу, протопопу Новгородскому, и тебе, Максиму-попу, и тебе, Денису-попу, и тебе, Василию-попу, и тебе, Макару-дьякону, и тебе, Гриди-дьяку, и тебе, Васюку-дьяку, и тебе, Самухе-дьяку, и всем вашим единомысленником, мудрствующим с вами злую вашу окаянную и проклятую ересь, что есте чинили в Великом Новгороде злая и проклятая дела неподобная: мнози от вас ругались образу Христову и Пречистые образу, написанном на иконах, и инии от вас ругались кресту Христову, а инии от вас на многиа святыя иконы хулные речи глаголали, а инии от вас святые иконы щепляли и огнем сжигали, а инии от вас крест силолоен (крест из дерева алоэ) зубы искусали, а инии от вас святыми иконами и кресты о землю били и грязь на них метали, а инии от вас святыя иконы в лоханю метали, да иного поругания есте много чинили над святыми образы написанных на иконах. А инии от вас на самого Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия и на Пречистую Его Богоматерь многиа хулы изрекли... Ино все то чинили есте по обычаю жидовскому, противясь божествен-

ному закону в вере христианстей...»

Геннадий велел посадить осужденных на лошадей лицом к хвосту в вывороченном платье и в берестовых остроконечных шлемах с надписью: «Се есть сатанино воинство». В таком виде их провезли по всему Новгороду, выставляя на позор народонаселения, и в заключение сожгли на их головах шлемы. Однако собор 1490 года нисколько не обессилил ереси в Москве, где главные жидовствующие, и в том числе митрополит, остались неоткрытыми.

Дерзость еретиков особенно усилилась, когда прошел 1492 год: на этот год падало седьмое тысячелетие со времени сотворения Земли по библейскому счислению, и многие, по суеверию, ожидали конца мира, а между тем год благополучно окончился, и все оставалось по-прежнему. «Если Христос был Мессия, – говорили еретики православным, – то почему же он не явился в славе, по вашим ожиданиям».

Но в это время на поддержку Геннадию для борьбы с жидовством выступил могущественный союзник, знаменитый игумен Воло-

коламского монастыря Иосиф Санин, с ранней молодости прославивший себя подвигами сурового подвижничества и не утрашившийся просить пострижения у Пафнутия Боровского, страшного старца, который, как мы говорили, имел особый дар отгадывать по лицу приближавшегося к нему человека все, что у того делается на душе.

Пафнутий, увидя павшего к его ногам юношу, узнал тотчас же, с кем имеет дело, и постриг его в тот же день. Избранный после смерти Пафнутия игуменом Боровского монастыря, Иосиф хотел ввести устав еще гораздо более строгий и когда увидел, что братия этим недовольна, то ушел в Волоколамские леса, где основал обитель с правилами строжайшего общежительного устава: он запретил женщинам всякое сношение с братией, а сам, подчиняясь этому, отказал себе в свидании с престарелой матерью. Здесь он скоро прославил себя особо трудными подвигами высшего подвижничества и, кроме того, приобрел славу как муж, знаменитый своей ученостью и начитанностью.

Видя возрастающую наглость жидовствующей

щих и соблазнительное поведение митрополита, Иосиф решительно поднялся против него и в самых сильных выражениях написал послание к суздальскому епископу Нифонту, призывая его с остальными русскими иерархами стать на защиту православия. «В великой церкви Пречистой Богородицы, на престоле Святых Петра и Алексия сидит скверный, злобный волк в пастырской одежде, Иуда-предатель, бесам причастник, злодей, какого не было между древними еретиками и отступниками... Если не искоренится этот второй Иуда, то мало-помалу отступничество утвердится и овладеет всеми людьми. Как ученик учителя, как раб государя молю тебя: поучай все православное христианство, чтобы не приходили к этому скверному отступнику за благословением, не ели и не пили с ним». Всех обличительных посланий, или «Слов», против жидовствующих преподобный Иосиф Волоцкой написал 16; собрание их известно под именем «Просветителя», причем они написаны настолько сильно и живо, что до сих пор нельзя равнодушно читать те места «Просветителя», в которых говорится о

нечестивых мнениях и действиях жидовствующим.

Приведенное выше послание Иосифа к Нифонту Суздальскому, написанное, вероятно, заодно с Геннадием, возымело свое действие. В 1494 году Зосима, отговорившись немощью, добровольно сложил с себя звание митрополита и удалился в монастырь, а на его место был поставлен Симон, игумен Троице-Сергиевой лавры.

Поставление Симона митрополитом было произведено самим великим князем Иоанном в Успенском соборе. Знаменуя, что соизволение государя дает Русской церкви первосвятителя, Иоанн торжественно повелел Симону «принять жезл папства и взойти на седалище старейшинства».

Тем не менее и удаление Зосимы несколько не ослабило ереси в Москве. Искусно влияя на великого князя через дьяка Феодора Курицына и невестку Елену, к которой он как раз в то время особенно благоволил, охладев к Софии Фоминичне, жидовствующие добились назначения архимандритом новгородского Юрьева монастыря инока Кассиана, держав-

шегося жидовства, с тем чтобы он опять поднял на ноги новгородских еретиков, сильно ослабленных деятельностью Геннадия. Скоро Юрьев монастырь сделался средоточием жидовствующих: там происходили их совещания и совершались надругания над священными предметами.

Геннадий, конечно, знал о беспорядках в Юрьевом монастыре, но многого сделать не мог, так как московские еретики, а вместе с ними и бояре князя Патрикеевы, благожелатели Елены и ее сына, настраивали великого князя, постоянно нуждавшегося в земле для раздачи ее военно-служилому сословию в виде поместий, отнять часть новгородских архиепископских земель для боярских детей.

Тем не менее Геннадий продолжал, насколько мог, свою борьбу с жидовством. Сознавая при этом, что с ним надо бороться не только наказанием, но и убеждением, и что для этого нужны просвещенные священники, он первый начал говорить о необходимости училищ для духовных, созданных в Древней Руси святым Владимиром и Ярославом и исчезнувших при страшном татарском иге.

«Бил я челом, – писал он митрополиту Симону, – государю великому князю, чтобы велел училища устроить; ведь я своему государю напоминаю для его же чести и спасения, а нам бы простор был: когда приведут ко мне ставленника[9], грамотного, то велю ему ектенью выучить, да и ставлю его и отпускаю тотчас же, научив, как божественную службу совершать. Но вот приведут ко мне мужика, я велю ему Апостол дать читать, а он и ступить не умеет; велю дать Псалтырь – он и по тому едва бредет; я ему откажу, а они кричат: «Земля, господине, такая, не можем добыть человека, чтобы грамоте умел»; но ведь это всей Земле позор, будто нет в Земле человека, кого бы можно в попы поставить!.. Для того-то я и бью челом государю, чтобы велел училища устроить: его разумом и грозю, а твоим благословением это дело исправится...»

Усердно заботясь о просвещении священников и о борьбе с ересью, Геннадий вместе с тем успешно руководил огромным трудом, который довел до конца. Это был полный новый перевод Старого Завета на церковнославянский язык.

Торжество еретиков продолжалось, к счастью, недолго. Смерть их главы Феодора Курицына, умершего после 1497 года, была для них огромной потерей, так как, несомненно, главным образом он усыплял бдительность Иоанна, уверяя его, что никакого жидовства нет, а есть невинное занятие угадывания судьбы по звездам, к каковому занятию, по естественному стремлению знать свою судьбу, были склонны почти все государи в тот век.

«Звездозаконию бо прилежаху, – говорит Иосиф Волоцкой про Феодора Курицына и протопопа Алексея, – и многим баснотворением и астрологии и чародейству; сего ради мнози к ним уклонишася и погрязоша в глубине отступления».

Затем в 1499 году опала поразила Патрикеевых и их партию. Иоанн охладел к невестке и внуку и примирился с Софией Фоминичной, постоянной горячей ревнительницей православия, которая с сыном Василием поддерживала частые отношения как с Геннадием, так и с Иосифом Волоцким. С возвращением доверия Иоанна Васильевича к жене последняя устроила доступ Иосифу к великому князю,

который и без того его высоко чтит. Оставшись с государем наедине, Иосиф стал усердно упрашивать его о принятии строгих мер против еретиков.

«Прости меня, отче, как простили меня митрополит и владыка. Я знал про новгородских еретиков», – сказал Иоанн, каясь, без сомнения, в том, что он взглянул на них слишком легко, полагая, что главным их занятием была астрология. «Мне ли тебя прощать?» – отвечал Иосиф. «Нет, отче, пожалуй, прости меня». – «Государь, – сказал ему на это Иосиф, – если ты подвигнешься на нынешних еретиков, то и за прежних Бог тебе простит». В том же духе действовали на Иоанна и его духовник с митрополитом.

Наконец в конце 1504 года был созван собор на еретиков. Но в нем уже не мог принять участия Геннадий. Дело в том, что в предыдущем, 1503 году был тоже созван церковный собор, на котором участвовал и он, для рассмотрения вопроса о повышении нравственности среди духовенства, вопроса, поднятого самим же Геннадием. Собор этот постановил ряд суровых определений, в числе коих было

воспрещение служить вдовым священникам обедню, ввиду того, что они часто вели жизнь недостаточно чистую по их сану, а также запрещение митрополиту, архиепископам и епископам брать за поставление духовных лиц всех степеней какую-либо плату, причем за нарушение сего полагалось лишение сана. Лицо, которое первое подверглось во всей строгости этому соборному постановлению, был сам Геннадий!.. Едва он прибыл в Новгород, как на него последовало обвинение, что он ставит священников «за мзду», и он должен был, сложив свой сан, удалиться в Чудов монастырь. «Догадываются, что свержение Геннадия было делом еретиков», – говорит С. Соловьев.

На соборе 1504 года обличителем жидовствующих явился Иосиф. Главнейшие виновные – дьяк Волк Курицын, Димитрий Коноплев и Иван Максимов – были переданы в руки гражданского суда, а затем сожжены в клетке 28 декабря в Москве. Некрасу Рукавову отрезали язык и отправили в Новгород; там его сожгли вместе с архимандритом Касьяном, братом и некоторыми другими. Менее

виновных отправили в заточение в тюрьмы, а еще менее виновных – в монастыри. Иосиф Волоцкой не одобрял отправления еретиков в монастыри и говорил Иоанну: «Этим ты, государь, творишь мирянам пользу, а инокам погибель» – и требовал более суровых наказаний.

Удар, нанесенный ереси собором 1504 года, был очень силен, но, однако, не окончательно искоренил ее, как мы увидим в нашем последующем изложении.

Кроме участия в соборе 1504 года, созванном для разбора ереси жидовствующим, Иосиф Волоцкой принимал также участие и в соборе 1503 года, на котором, как мы говорили, рассматривался вопрос о поднятии нравственности среди духовенства. На этом же соборе был поднят вопрос и о владении монастырями землею.

Мы видели, как образовывались многие из русских монастырей. Обыкновенно благочестивый человек, чувствовавший в себе призвание к подвижничеству, удалялся в пустынь – дремучий лес, ставил себе здесь убогую келью и начинал свой подвиг. Скоро к

нему стекалось несколько братии, таких же подвижников, рубилась церквица, и возникало общежитие, где все были заняты суровой работой для снискания себе пропитания. Вслед за этим вблизи новой обители начинали селиться крестьяне; образовывались небольшие починки, превращавшиеся мало-помалу в населенные деревни. Правительственная власть всегда охотно шла на поддержку возникавшим обителям и уступала им обширные земли, на которые садились крестьяне и начинали их обрабатывать. Это был один из источников появления земельной собственности у монастырей.

Другим источником были вклады в монастыри, делаемые многими богатыми и благочестивыми людьми на строение души, то есть чтобы в память их после смерти совершались бескровные жертвы на литургиях и производилась раздача милостыни бедным. Вклады эти состояли весьма часто из земельных пожертвований. Таким образом, бедные обители, основанные благочестивыми подвижниками, стали мало-помалу богатеть, и к концу XV века монастыри являлись уже очень круп-

ными земельными собственниками на Руси, и многие из них имели весьма сложное хозяйство. Конечно, иноки, назначаемые для ведения этого хозяйства, отвлекались от чисто монашеской жизни, но зато, владея земельным имуществом, монастыри могли идти навстречу народным нуждам, не отказывать просящим в помощи и кормить в неурожайные годы голодающих.

К воротам монастыря преподобного Иосифа Волоколамского прибыло во время голода до семи тысяч человек из окрестных сел, прося хлеба. Другие побросали перед монастырем своих голодных детей, а сами разошлись. Иосиф приказал келарю ребят подобрать и содержать в монастырской странноприимнице и взрослым раздавать хлеб. Через несколько дней келарь доложил: ржи нет, и братию кормить нечем; на это Иосиф приказал казначею купить ржи, но тот ответил: «Денег нет». Тогда игумен велел занимать деньги и покупать рожь, а братскую трапезу сократить до крайней скудости. Конечно, подобное отношение монастырей к бедным вполне оправдывало владение ими земель.

Однако среди русского духовенства были и другие взгляды на этот предмет, и на соборе 1503 года по этому поводу был поднят вопрос знаменитым Нилом Сорским, мужем праведным и кротким (в миру Майковым), положившим начало на реке Соре новому на Руси виду монашеского жития, именно скитскому, который состоял в том, что иноки поселялись вдвоем или втроем, питались от плодов собственных рук и поддерживали друг друга в «умном делании», то есть в борьбе с дурными помыслами и страстями, и непрестанной внутренней молитве. Скит, по учению Нила Сорского, мог состоять из нескольких келий, где жило по два или по три пустычника, но затем обитель не имела права владеть землею и казною и даже принимала милостыню лишь в случае крайней нужды. Взгляд Нила на то, что монастыри не должны владеть землею и вообще имуществом, поддерживали и так называемые заволжские старцы, жившие подобно ему в скитах, лесах и болотах.

Против взглядов Нила и заволжских старцев горячо восстал не менее их знаменитый своим подвижничеством Иосиф Волоцкой, ко-

торый смотрел на монастырь как на прибежище для сырых и голодных, а также как на рассадник властей церковных. «Если у монастырей сел не будет, – говорил Иосиф, – то как честному и благородному человеку постричься? Если не будет честных старцев, то откуда взять на митрополию, или архиепископа, или епископа? Если не будет честных старцев и благородных, то вера поколеблется». Мнение Иосифа превозмогло на соборе, и земли были оставлены монастырям, но спор между приверженцами Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, или «осифлянами», как их называли, продолжался еще долгое время среди духовенства.

Как мы говорили, собор 1503 года обратил также свое особое внимание на поднятие нравственности среди духовных лиц, не останавливаясь перед весьма суровыми мерами.

От описываемого же времени до нас дошли и некоторые замечательные поучения священнослужителям. «В церкви разговаривать не давай, – говорится в одном из них, – приноса не приноси на Божий жертвенник от неверных еретиков, развратников, воров, раз-

бойников, грабителей и властителей немилосердных, корчемников, реззоимцев (рез – процент), ротников (рота – клятва), клеветников, поклепников, лжепослухов, волхвов, потворников, игрецов, злобников или кто томит челядь свою голодом, и ранами, и наготой. К убогим сиротам, болеет ли кто-нибудь из них или умрет или родит, приходи прежде, чем позовут... Стой на страже день и ночь... Кого изгубишь ленью или нерадением, мука их на тебе взыщется; к троеженцу не входи в дом, разве только будет на одре смертном».

Это поучение показывает, конечно, насколько должны были быть близки отношения приходского священника к его прихожанам и как высшие духовные власти ставили ему в обязанность принимать дары на церковь только от достойных и чистых людей и вместе с тем людей милосердных к своей меньшей братии – слугам и челяди. Тот же взгляд о милосердии к рабам очень определенно высказал Иосиф Волоцкой в послании к одному вельможе: «Слух до меня, господине, дошел... будто велико твое немилосердие и нежалование к рабам и сиротам домашним,

теснота, скудость в телесных потребах, голодом тают, наготой страждут... Писание повелевает рабов, как братии, миловать, питать и одевать и о душах их заботиться, научать на всякие добрые дела; если же раб и сироты у тебя в такой тесноте, то не только им нельзя добрых дел делать, но, умирая с голоду, они не могут удержаться от злых обычаев...»

Такое истинно христианское отношение духовенства к своей пастве не оставалось, конечно, без самого благотворного влияния на прихожан: имеется известие, что во времена Иоанна III граждане Москвы содержали для погребения странников село Скудельничье, причем у них был трогательный обычай ходить туда в четверть седьмой недели поста (семик), покупать каноны, свечи и молиться об умерших, после чего они засыпали старую яму, наполненную мертвецами, и выкапывали новые; копали и засыпали все, Бога ради, мужчины и женщины.

Заканчивая обзор главнейших событий в жизни Русской земли при Иоанне III и дел, совершенных им лично за свое 43-летнее великое княжение, нам остается помянуть еще од-

но, которое он сам считал в числе важнейших, начальных, – об именовании русского государя в торжественных случаях, или о его титуле.

Мы видели, что Иоанн продолжал себя называть великим князем, хотя при нем пределы Московского государства расширились уже до великой державы, и что после падения Царьграда и женитьбы его на Софии Фоминичне именно к нему, как к верховному защитнику православной веры, переходило наименование императора.

Мы видели также, что иногда его и величали как императором, так и царем. Однако не в этих новых величественных наименованиях он видел большое начальное дело. Он видел его в выражении «всея Руси» и непременным условием мира с Литвой ставил включение этих слов в перемирную грамоту.

Это требование Иоанна было основано на том, что царский титул русского государя заключает в себе сокращенно всю историю Русской земли и задачи ее верховных властителей, смысл деятельности которых может быть кратко выражен словами: «умиротворе-

ние или собирание земель и народов», продолжающееся и неоконченное еще и поныне, так как нет еще до сих пор ни полного собирания, ни совершенного умиротворения.

Самодержец, царь, обладатель, повелитель – все эти наименования, заключающиеся в титуле, сливаются и завершаются в одном слове: «миротворец». На основании этого титул царский и прочитывается, по древнему обычаю, в храме собирания Русской земли – в Успенском соборе в Москве, куда, как известно, перенесены иконы и даже иконостасы из присоединенных городов, а также в областных соборах накануне праздника Рождества Христова, пришедшего водворить мир во всей земле. И это ежегодное чтение царского титула указывает и напоминает всем, что русский государь, расширяя и увеличивая свой титул, является исполнителем Его святой воли, чтобы на земле был мир[10]. Так, несомненно, смотрел Иоанн III на свою задачу, которую Божьим промыслом он призван был исполнить, и, несомненно, точно так же смотрел на него русский народ, как на Божию милостию данного ему государя, всем сво-

им подданным в отцов и праотца место поставленного. Отсюда понятна та огромная, неограниченная власть, которую имел Иоанн в своем государстве. Он мог объявить псковским послам: «Разве не волен я, князь великий, в своих детях и в своем княжении», в то время как по смерти Казимира Литовского сын его Александр писал, «что паны радные великого княжества Литовского заблагорассудили оставить его, Александра, в Литве и на Руси для защиты от неприятеля, на то время, пока не выберут великого князя».

Русский народ дал Иоанну III наименование Грозного, так же, как увидим впоследствии, и внуку его Иоанну IV. И действительно, Иоанн был грозный царь и, когда было нужно, казнил и заточал виновных против порядка и тишины в своей земле, при этом для блага земли он, как мы видели, не останавливался даже перед тем, чтобы жертвовать своими чувствами к самым близким людям: братьям и внуку. Это наименование Иоанна Грозным понималось народом в смысле его требовательности и строгой спра-

ведливости; в этом же смысле писал, как мы указывали, и архиепископ Геннадий к митрополиту об устройстве церковных школ: «Для того-то я и бью челом государю, чтобы велел училища строить: его разумом и грозой, а твоим благословением это дело исправится...»

Вместе с тем, несмотря на прозвание Грозный, Иоанн, по свидетельству современников, отличался чрезвычайной почтительностью при сношении с духовными лицами, а в Боярской думе любил «встречу», то есть высказывание мнений, несогласных с его личными, чтобы можно было полнее и разностороннее разобрать вопрос, подлежащий рассмотрению Думы. Чрезвычайно отзывчивым был он также и ко всем общественным бедам: мы видели, что когда в 1472 году пришла на Москву весть о движении хана Ахмата со всей Ордой, то Иоанн в тот же час, ничего не вкусив, двинулся с полками к Коломне, чтобы преградить ему дорогу. Так же ретиво и самоотверженно принимал он участие в тушении больших пожаров, неоднократно случавшихся в Москве.

«Иоанн оставил государство, удивительное пространством, – говорит Н.М. Карамзин, – сильное народами, еще сильнейшее духом правления, то, которое ныне с любовью и гордостью именуем нашим любезным Отечеством. Россия Олегова, Владимирова, Ярославова погибла от нашествия монголов, Россия нынешняя образована Иоанном... Немецкие, шведские историки XVI века согласно приписали ему имя Великого, а новейшие замечают в нем разительное сходство с Петром Первым. Оба, без сомнения, велики. Но Иоанн, включив Россию в число государств Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного склада подданных... Призывая художников для украшения столицы, для успехов воинского искусства, хотел единственно великолепия, силы; и другим иноземцам не заграждал пути в Россию, но единственно таким, которые могли служить ему орудием в делах посольских или торговых, любил изъяслять им только милость».

Глава 3

Великий князь Василий III Иоаннович. Казань. Псков. Смоленск. Орша. Хабар Симский. Последние уделы. Брак с Еленой Глинской. Новое боярство. Максим Грек и Вассиан Косой. Старец Филофей Лютер. Быт Московского государства. Болезнь и кончина великого князя

Известие о кончине великого князя Иоанна Васильевича Московского пробудило у всех врагов нашей Родины, особенно же у его

зятя, короля Александра, живейшие надежды, что вслед за ней у нас поднимется усобица; рассчитывали на неопытность 25-летнего наследника старого великого князя, пользуясь которой сторонники Димитрия, сына покойного Ивана Молодого, начнут делать попытки добывать последнему великое княжение. Но надежды эти не оправдались. Василий Иоаннович явился вполне достойным преемником своего отца. Он был проникнут совершенно теми же заветами, как и предки его – московские князья, и отличался ясным пониманием обстоятельств, при которых ему приходилось действовать; при этом, будучи, как увидим, менее счастливым, чем покойный родитель, Василий III благодаря своей необыкновенной твердости и настойчивости всегда с честью доводил до конца задуманное им на благо земли, а потому, невзирая на некоторые неудачи и трудные обстоятельства, успешно продолжал святое дело собирания Русской земли под властью московских государей. Отлично сознавая, что дарование свободы племяннику даст повод всем врагам земли завести тотчас же крамолу и смуту, Василий ре-

шил продолжать держать несчастного Дмитрия узником, но, не будучи по природе человеком жестоким, он старался скрасить эту неволю тем, что щедро дарил племянника, почему Дмитрий и оставил после себя богатейшее имущество в деньгах и драгоценностях, находившееся при нем в месте его заключения.

Вместе с тем Василий решил тотчас же наказать казанского царя Магмет-Аминя, дерзко поднявшегося на нас незадолго до кончины Иоанна III, и весной 1506 года отправил против него на судах войско. Поход этот был неудачен. Наши высадились на берег, построились для боя и пошли под Казань, но татарская конница зашла им в тыл и отрезала от судов; бой кончился полным поражением русских. Получив известие об этом, Василий, нимало не смутясь, в тот же день отдал распоряжение о движении новой сильной рати под Казань, которая подошла туда через два месяца и вновь потерпела полную неудачу. На этот раз казанцы пустились на хитрость: они притворно бежали перед нашими полками и увлекли их за собою на пригородное Арское

поле, где в это время как раз была ярмарка, ежегодно собиравшая под Казань торговцев со всего Востока. Русские думали, что казанцы бегут, бросили их преследовать и кинулись на грабеж, которому предавались до ночи. На рассвете же Магмет-Аминь внезапно двинул свои войска на наших, беспечно расположившихся на ярмарочном поле, и нанес им жесточайшее поражение; при этом были убиты князья Курский и Палецкий. Оставшиеся от погрома бросились на суда и поспешно отступили, преследуемые казанцами, которые были остановлены только близ реки Суры московской конницей, шедшей под начальством доблестного Феодора Киселева.

Всех вернувшихся из похода воевод Василий встретил без всякого гнева; он только сложил главное начальствование над ратью с брата своего Димитрия, проявившего оба раза под Казанью полную неспособность распоряжаться войсками, и тотчас же приказал знаменитому полководцу своего отца князю Даниилу Холмскому готовиться идти в третий поход под Казань. Поход этот, однако, не состоялся: Магмет-Аминь поспешил принести

повинную, очевидно уstraшенный настойчивостью и твердостью великого князя; он вернул всех наших пленных и по-старому признал себя подручником Москвы.

Отправив своих послов осенью 1507 года заключить с Казанью мир, Василий вместе с тем двинул свои войска на запад – воевать Литовскую землю. Причины этой войны заключались в следующем: узнав о смерти тeстя, король Александр стал сейчас же готовить свои полки к войне с Москвою, рассчитывая на усобицу, которая там поднимется, так как предполагал, как мы уже говорили, что у сидевшего в заключении Димитрия довольно сильная партия. При этом Александр не замедлил известить и ливонского магистра Плеттенберга, что теперь настала самая подходящая пора, чтобы ударить соединенными силами «на неприятеля веры христианской». Плеттенберг согласился с этим, но отвечал, что надо дожидаться конца перемирия и наверное узнать, как будут молодые князья управляться в своем государстве, так как он тоже ждет несогласий между ними.

Рассчитывая, что приготовления Литвы к

походу страшат Василия и заставят поднять головы всех недовольных им в Московском государстве, Александр послал вместе с тем в Москву послов своих, Глебова и Сапегу, требовать возвратить Литве все наши прежние завоевания для заключения вечного мира. На это бояре московские вежливо, но твердо объявили, что великий князь владеет только своими землями и их не уступит. Вслед за тем Василий послал напоминание Александру, чтобы он не принуждал жену свою королеву Елену Иоанновну к латинству.

В августе 1506 года Александр умер, не оставив после себя детей.

Это навело Василия Иоанновича на мысль, что в своем лице он мог бы соединить как Восточную Русь, так и Западную, притом совершенно мирным путем. Для этого он отправил сестре Елене тайный наказ, в котором говорил, что она может прославить себя навеки этим великим делом, и предложил ей переговорить с епископами, панами, всей радой и земскими людьми об избрании государем на Литве своего брата – московского великого князя. Однако этому мудрому замыслу Васи-

лия не суждено было осуществиться. Елена прислала ответ, что королем Польским и великим князем Литовским уже выбран брат Александра – Сигизмунд.

В связи с этим избранием Сигизмунда в Литве встала сильная смута и усобица.

При покойном Александре первое место в Литве занимал некий князь Михаил Глинский, потомок татарского князя, перешедшего вместе с Тохтамышем к Витовту. Этот Глинский родился православным, но, воспитываясь в Германии, принял затем латинство; он много путешествовал, был прекрасно образован и славился большою храбростью и знанием военного дела, которое изучил, прослужив несколько лет в войсках германского императора. Вернувшись в Литву, Глинский снискал себе дружбу Александра, но возбудил против себя своим высокомерием недовольство множества панов. Когда Александр был выбран королем Польским, то Глинский получил еще большее значение в Литве, хотя и не носил этого звания. Когда же в 1506 году Александр умер, то литовцы сильно опасались, чтобы Глинский, владевший огромны-

ми землями и богатствами, не стал бы искать для себя великого княжения, и поспешили выбрать себе в великие князья брата Александра – Сигизмунда, не снесясь вовсе с поляками, которые очутились вследствие этого в необходимости избрать себе в короли того же Сигизмунда, чтобы не расстаться с Литвой.

Первым делом литовских панов после избрания Сигизмунда было, разумеется, постараться возбудить в последнем холодность и недоверие к Глинскому, чего они скоро и достигли. Но властолюбивый Глинский отнюдь не желал мириться со своим новым положением. Между тем Сигизмунд, человек смелый, предприимчивый и коварный, вступив на престол, стал тотчас же деятельно готовиться к борьбе с Москвой, не желая упускать благоприятного, как казалось ему, времени, наступившего после двух наших неудач под Казанью, и рассчитывая на содействие со стороны Крыма, где в это время верный друг Иоанна III – Менгли-Гирей – сильно одряхлел, а все дела вершили его алчные до наживы сыновья, причем походы Василия под Казань на пасынка Менгли-Гиреева – Магмет-Аминя –

возбудили и старого крымского хана против нас. Послав подговаривать крымцев и ливонцев собраться против Москвы, Сигизмунд отправил Василию Иоанновичу послов с извещением о своем вступлении на престол и с новым требованием возвращения литовских областей, взятых Иоанном III.

Но в это время как раз благодаря твердости Василия в Москву уже прибыли казанские послы с просьбою о мире, и наши бояре дали послам Сигизмунда обычный ответ, что великий князь чужих земель и вотчин не держит, а только свои: «Чем нас пожаловал и благословил отец наш, князь великий, и что нам дал Бог, а от прародителей наших и вся Русская земля наша отчина». К этому ответу было прибавлено, что перемирие покойным великим князем было заключено с Александром, «а с Сигизмундом королем нам перемирия не было. Если же Сигизмунд хочет с нами мира и доброго согласия, то и мы хотим с ним мира, как нам будет пригоже». Затем Сигизмунду было послано подтверждение и о том, чтобы он берег вдовую королеву Елену Иоанновну и отнюдь не принуждал бы ее к латин-

ству.

Получив этот ответ, Сигизмунд удвоил усилия, чтобы возбудить против нас ливонцев и крымцев, причем, посылая последним большое количество золота, он не устыдился раболепно испросить у Менгли-Гирея ярлык не только на те земли, которыми владел: Киевскую, Волынскую, Подольскую и Смоленскую, но и на те западнорусские города, которые уже были за Москвой: Чернигов, Новгород-Северский, Курск, Путивль, Брянск, Мценск, а также и на Новгород Великий, Псков, Рязань и Пронск.

Однако все замыслы Сигизмунда не удались. Ливонцы, видя, что в Москве дела идут хорошо, от войны отказались; крымцы ограничились небольшими набегами на наши владения, а в самой Литве скоро встала страшная смута, которую поднял Глинский. Он несколько раз жаловался Сигизмунду на своих врагов, но, не найдя у него управы, сказал королю: «Ты заставляешь меня покушаться на такое дело, о котором оба мы после горько жалеть будем», – после чего завел пересылку с Москвой; затем он неожиданно напал на

своего главного врага, пана Заберезского, убил его и, удалившись в восточные области Литовского княжества, стал покорять их под свою власть, потянув при этом за собой и многих русских, в том числе князей Мстиславских и Друцких, чтобы перейти на сторону Москвы.

Этими благоприятными обстоятельствами, разумеется, не замедлил воспользоваться Василий Иоаннович, войска которого начали воевать литовские пределы со стороны Смоленска.

Так началась первая война с Литвой во время его великого княжения. Она продолжалась два года, в течение которых Сигизмунд, видя, что хотя решительных сражений и не было, но дела складываются не в его пользу, тщетно пытался поднять против Василия его брата Димитрия Иоанновича Углицкого; затем он прислал в Москву своих послов с предложением вечного мира, так как ему необходимо было заняться подавлением внутренних усобиц.

Василий охотно пошел навстречу этому предложению, и по заключенному между ни-

ми вечному миру Сигизмунд навсегда уступал Москве все приобретения в Западной Руси, сделанные Иоанном III.

Таким образом, благодаря своей твердости Василий заключил мир с Литвой по всей своей воле и закрепил за Москвой все огромные завоевания его отца.

Но этот вечный мир с Литвой был, конечно, только временным перерывом борьбы и притом на короткий срок, что отлично сознавал Василий; он понимал, что Сигизмунд употребит все свои усилия, чтобы отторгнуть от нас новоприобретенные владения, после того как оправится от смуты, поднятой Глинским. Поэтому государь не переставал зорко следить за всем происходящим в Литве и усиленно готовился к продолжению борьбы.

Вместе с этими приготовлениями к новой войне с Литвою Василий должен был заниматься и другими важными делами, из коих на первом месте стояли отношения с Крымом. Отношения эти, как мы видели, начали сильно портиться: Менгли-Гирей впал в дряхлость, а угодничество и богатые дары Сигизмунда пришлись очень по сердцу его сыно-

вьям и всем крымским мурзам. Они быстро поняли, что для них будет выгоднее всего торговать своей дружбой с обоими соперниками – Москвой и Литвой, брать с обоих богатые дары и, вероломно нарушая договоры, нападать при каждом удобном случае на пограничные области то того, то другого государства. Таким образом, с этого времени Крым надолго делается настоящим разбойничьим гнездом, добраться до которого через степи и Перекопскую насыпь в те времена было невозможно, почему московским государям и пришлось защищаться от внезапных набегов этих хищных татарских орд устройством по границе сильных укрепленных линий, наподобие тех, какие были возведены на Руси против печенегов еще во времена святого Владимира, и вместе с тем, по возможности, стараться жить в мире с крымскими ханами, не тратя, однако, на это больших средств и не позволяя татарам чрезмерно заноситься в своих требованиях.

Эта трудная и неблагодарная задача лежала тяжелым бременем на Василии Иоанновиче во все время его великого княжения.

Летом 1507 года крымцы, несмотря на существовавший союз с нами, произвели как бы без ведома Менгли-Гирея неожиданный набег на белевские, одоевские и козельские места и увели с собой богатейшую добычу и множество полона. Но московские воеводы пустились за татарами вслед, нагнали их на реке Оке и нанесли сильное поражение, отняв всю добычу.

Такие разбойничьи нападения крымцев на наши украины не мешали им считать себя по-прежнему в союзе с нами и нагло выпрашивать огромные подарки.

Обыкновенно их послы привозили в Москву множество грамот от всех царевичей и царевен, которые слали тяжелые поклоны с легкими поминками (подарками), а себе требовали тяжелых поминков. Так же нагло обращались и с нашими послами в Крыму хищные татарские царевичи и мурзы.

Отправляя своего посла, знатного боярина Морозова, к Менгли-Гирею, Василий писал хану, что если Морозов потерпит такое же насилие и бесчестие, как его предшественник Заболоцкий, то впредь будут посылаться в

Крым не бояре, а молодые люди. При этом Морозову был дан наказ: если станут у него просить какой пошрины, то ему пошрину никому ничего не давать, кроме того, что с ним послано от великого князя в поминках.

Сохраняя по возможности добрые отношения с Крымом, Василий склонился на усиленные ходатайства старого Менгли-Гирея освободить его пасынка Абдыл-Летифа, заточенного при Иоанне III за неисправление, и дал ему город Юрьев, причем обязал его клятвенной грамотой быть верным слугой Москвы и без ее ведома не выезжать из пределов государства.

На предложение же Менгли-Гирея идти воевать для него Астраханское царство Василий ответил вежливым, но решительным отказом. Так были установлены на время отношения с Крымом.

По окончании войны с Литвою ливонские немцы тоже прислали в 1509 году в Москву бить челом о перемирии, которое и было заключено с ними новгородскими и псковскими наместниками на 14 лет.

Таким образом, через четыре года после

вступления своего на прародительский престол Василий Иоаннович заставил всех своих соседей встать в такие отношения к Москве, какие он признавал полезными для своего государства.

Вместе с этим он приступил к большому русскому домашнему делу, которое не было еще совершено его предками при собирании земли, а именно к присоединению вольного города Пскова к Московскому государству. Мы видели, какие огромные заслуги имел в своем прошлом Псков, являясь всегда мужественным защитником православия и русской народности против немцев, литовцев и чуди; мы видели также, насколько в более выгодную сторону отличались все псковские порядки от новгородских и как всегда псковичи были верны московским князьям.

Эта огромная заслуга Пскова нашла себе, разумеется, справедливую оценку и в Иоанне III, который, присоединив Новгород, оставил Пскову всю его старину. Но, конечно, небольшая независимая область могла существовать самостоятельно рядом с могущественным Московским государством лишь до тех

пор, пока с ее стороны не было дано московскому великому князю повода к изменению ее древних, уже отживших порядков.

Повод этот явился в княжение Василия. На беду Пскова, последнее время его самостоятельности сопровождалось сильными распрями и смутами. Как прежде в Новгороде, так и во Пскове вечем овладела чернь – «худые мужики-вечники»; правосудие упало, лихие люди оставались безнаказанными, и пошло хищение общественных денег, о чем ранее никогда не было слышно; кроме того, псковичи начали ссориться с великокняжеским наместником князем Репнею-Оболенским, присланным к ним в начале 1509 года. Когда осенью того же года Василий Иоаннович прибыл в Новгород, то получил от Оболенского жалобу, что псковичи держат его нечестно. Вслед за этой жалобой прибыли в Новгород псковские посадники и бояре и, поднеся, по обычаю, дары великому князю, стали в свою очередь жаловаться на Репню-Оболенского. Чтобы разобраться это асао, великий князь отправил во Псков князя Петра Васильевича Великого и дьяка Далматова и приказал им: вы-

слушать порознь князя Оболенского и псковичей, а затем помирить их. Но посланники донесли ему, что псковичи с наместником не мирятся, а просят другого.

Тогда Василий вызвал к себе в Новгород Оболенского и псковских посадников, сам разобрал это дело и, признав, что виновны в нем псковичи, а не его наместник, положил опалу на посадников: он велел их схватить и раздать детям боярским по подворьям. Устрашенные посадники и другие псковичи стали бить челом Василию, что сознают свою вину, и просили, чтобы государь пожаловал отчину свою, Псков, устроил, как ему, государю, Бог известил.

На это челобитье Василий объявил им через бояр свою волю: «Вечевой колокол свесите, чтобы впредь вечу не быть, а быть во Пскове двум наместникам, и по пригородам быть также наместникам; государь сам хочет быть во Пскове, помолиться Святой Троице и всему указ чинить, как судить наместникам во Пскове и по пригородам...»

Известие об участии посадников привело жителей Пскова в ужас. Они собрали вече и

стали думать: «ставить ли щит против государя» и приготовляться к обороне, или, памятуя крестное целование, что нельзя на него поднять рук, подчиниться его воле. Последнее мнение взяло верх. Скоро прибыл во Псков великокняжеский дьяк Третьяк-Далматов, собрал вече и передал на нем требование Василия относительно колокола и наместников. Делать было нечего. Псковичи горько плакали, прощаясь со своими старыми правами, бросались друг другу на шею и обливались слезами, а на рассвете другого дня в последний раз по звону своего колокола собрались на вече и держали Далматову такое слово: «В летописях наших написано, с прадедами, дедами и с отцом великого князя крестное целование положено, что нам, псковичам, от государя своего великого князя, кто бы ни был в Москве, не отойти ни в Литву, ни к немцам; отойдем в Литву, или к немцам, или станем жить сами собой без государя, то на нас гнев Божий, голод, огонь, потоп и нашествие поганых; на государе великом князе тот же обет, какой и на нас, если не станет нас держать в старине; а теперь Бог волен, да государь в сво-

ей отчине городе Пскове, и в нас, и в колоколе нашем, а мы прежней присяги своей не хотим изменять и на себя кроволитие принимать, мы на государя рук поднять и в городе запереться не хотим; а хочет государь наш, князь великий, помолиться Живоначальной Троице и побывать в своей отчине во Пскове, то мы своему государю рады всем сердцем, что не погубил нас до конца».

После этой речи, полной достоинства и скорби, вечевой колокол был снят; через несколько дней прибыли во Псков московские воеводы, которые привели жителей к присяге, а затем и сам Василий. Жители вышли ему навстречу за три версты от города и ударили челом в землю. Василий вежливо спросил их о здоровье. «Ты бы, государь наш, князь великий, царь всея Руси, здрав был», — отвечали они ему.

После этого Василий поехал помолиться к Святой Троице, а на другой день отдал распоряжение о переводе 300 самых влиятельных семей в Москву. Это было, очевидно, сделано, чтобы предупредить те крамолы, которые так долго шли в Новгороде после присоединения

его Иоанном III и окончились только тогда, когда была принята такая же мера – вывод всех влиятельных и недовольных людей в московские волости.

Действительно, мера эта оказалась очень разумной.

Присоединение Пскова к Москве обошлось без капли крови и без единой казни и не вызвало никакой крамолы в будущем. Василий прожил в городе четыре недели, устраивая в нем новое управление, и выехал в Москву, оставя своими наместниками бояр Григория Морозова и Ивана Челяднина, при дьяке Мисюре Мунехине, а в виде засады или гарнизона – 1000 московских боярских детей и 500 новгородских пищальников.

«Так, – говорит летописец, – исчезла слава псковская». По его мнению, эта беда постигла псковичей «за самоволие и непокорение друг другу, за злые поклепы и лихие дела, за кричанье на вечях; не умели своих домов устраивать, а хотели городом управлять».

Проявив необходимую твердость, чтобы слить Псковскую землю с остальными частями Московского государства, Василий, желая

сделать удовольствие псковичам, выбрал из них 12 старост, которые должны были судить вместе с московскими наместниками и тиунами во Пскове и пригородах.

Эти наместники и их пристав ознаменовали себя скоро великими неправдами и хищениями. Когда слух об этом дошел в 1511 году до Василия, то он, как человек высокосправедливый, тотчас же сместил Морозова и Челяднина и прислал князей Петра Великого и Семена Курбского. Умный же дьяк Мисюрь Мунехин, искренно привязавшийся к отчине святой Ольги и принесший ей, как увидим, немало добра, остался в ней до своей смерти, случившейся в 1528 году.

Вечный мир, заключенный между Москвой и Литвой в 1509 году, как и следовало ожидать, продолжался недолго. Начались взаимные жалобы на пограничные обидные действия; вместе с тем Сигизмунд настоятельно требовал, чтобы Василий выдал ему Михаила Глинского. Василий, конечно, на это не соглашался, а Глинский зорко следил из Москвы за всеми действиями Сигизмунда и побуждал великого князя деятельно готовиться к новой

войне. Со своей стороны и Сигизмунд употреблял все усилия, чтобы поссорить нас с Крымом, и наконец достиг этой цели. В 1510 году знаменитая ханша Нур-Салтан, жена престарелого Менгли-Гирея Крымского, приехала в Московское государство, чтобы навещать своих сыновей от первого брака своего с бывшим казанским царем Ибрагимом-Магмет-Аминя Казанского и Абдыл-Летифа, и была принята Василием с большим почетом. Прожив около года в Казани, Нур-Салтан вернулась в Москву, где прожила шесть месяцев, и рассталась с Василием, уверяя его в глубокой преданности своих сыновей и второго мужа – Менгли-Гирея.

Вероятно, старая ханша была вполне искренна, но за ее отсутствие дела в Крыму сильно изменились. Сигизмунд убедил Менгли-Гирея и его сыновей окончательно перейти на сторону Литвы, обязавшись ежегодно платить хану дань в 15 тысяч червонцев; за это крымцы без объявления войны должны были произвести внезапное вторжение в наши пределы. Этот тайный договор был приведен в исполнение немедленно:

в мае 1512 года огромные полчища крымцев, предводимые сыновьями Менгли-Гирея, появились в Белевских и Одоевских областях, предаваясь всюду неслыханным злодеяниям. Однако, несмотря на то, что нападение было совершено неожиданно, оно не застало нас врасплох. Полки наши в это время постоянно находились в пограничных областях, только сменяя друг друга по очереди. Знаменитый воевода князь Даниил Щеня, а за ним и другие тотчас же выступили против татар, и последние, успев опустошить одну только Рязанскую землю, не замедлили поспешить уйти в Крым.

Вслед за тем государь послал усовещивать Менгли-Гирея за это разбойничье нападение. Тот отвечал, что царевичи воевали Русскую землю без его ведома; последнее могло быть справедливым, но, во всяком случае, с 1512 года столь выгодный для Москвы союз с Крымом, заключенный Иоанном III, порвался уже окончательно и навсегда.

При этом в Москву не замедлили, конечно, прийти сведения от ее крымских доброхотов, что разрыв Менгли-Гирея с нами был делом

рук Сигизмундовых. Вместе с тем и из Литвы пришли известия о страшных оскорблениях, которым подверглась там, очевидно с ведома Сигизмунда, вдовствующая королева Елена Иоанновна; она жаловалась брату, что виленский воевода Николай Радзивилл вместе с Трокским не только не пустили ее ехать по своим делам в город Бреславль, но насильно вывели ее из православной церкви, взявши за рукава, говоря, будто она хочет ехать со своей казной в Москву, после чего стали держать ее в неволе. Василий немедленно послал по этому поводу запрос Сигизмунду, но вскоре пришла весть о том, что Елена внезапно скончалась в своем заключении. По собранным Михаилом Глинским справкам по этому делу, изложенным им в особой выписке, поданной государю, виновником ее смерти был тот же виленский воевода Николай Радзивилл, подкупивший ее людей, чтобы они подсыпали ей в кушанье лихое зелье.

Несколько раньше этого младший брат Василия Симеон Калужский, человек пылкий и необузданный, тяготясь положением подданного своего старшего брата и мечтая о старых

удельных порядках, хотел передаться Литве и завязал с ней пересылку. Великий князь узнал про это вовремя, хотел было заточить его, но потом снизошел на принесенное раскаяние и просьбы митрополита и ограничился тем, что переменял у него всех бояр, так как, несомненно, старые бояре были виновны в пересылке молодого Симеона Калужского с Сигизмундом. Все это, вместе взятое, должно было, конечно, привести Василия к разрыву с Литвой, причем обстоятельства для нас складывались весьма благоприятно: великим магистром Немецкого, или Тевтонского, ордена был в это время родной племянник Сигизмунда – Альбрехт, сын маркграфа Аншпах-Байретского; не желая уступать дяде земель Прусской и Поморской, которые тот от него требовал, он готовился к войне с ним; поэтому и ливонские немцы, зависевшие от Немецкого ордена, также должны были объявить войну Сигизмунду.

Наконец Михаил Глинский, пылая ненавистью к Сигизмунду и отлично зная все европейские дела, убедил Василия войти в союз с германским императором Максимилианом,

который хотел добывать Венгерское королевство, где сидели брат и племянник Сигизмунда, и поддерживать Немецкий орден против притязаний Польши на Прусские и Поморские земли.

Скоро Василий узнал, что король Польский готовит свои полки к походу и побуждает Менгли-Гирея совершить одновременное наступление в русские пределы со стороны Крыма. На собранной по этому поводу великокняжеской думе решено было предупредить замыслы Сигизмунда и начать самим военные действия против него. Василий послал ему «складную грамоту», в которой, перечислив все знаки его непримиримой вражды к Русской земле, складывал с себя крестное целование, данное при заключении вечного мира, и закончил ее следующими словами: «Взяв себе Господа в помощь, иду на тебя и хочу стоять, как будет угодно Богу; а крестное целование снимаю».

Вслед за тем войска наши выступили в поход. Находившиеся при этом в Москве ливонские послы доносили Плеттенбергу, что никогда Москва не имела многочисленнейшего

войска и сильнейшего огнестрельного наряда и что великий князь, пылая гневом на короля, сказал: «Доколе конь мой будет ходить и меч рубить, не дам покоя Литве». Сам государь предводительствовал ратью и покинул Москву с братьями Юрием и Димитрием и зятем своим, мужем сестры Евдокии – крещеным татарским царевичем Петром; при нем находился, разумеется, и Михаил Глинский. Главными воеводами были князья Даниил Щеня и Репня-Оболенский. Войска шли прямо на Смоленск, который решено было взять приступом. Приступ этот, однако, не удался и, несмотря на все усилия великого князя взять город, в марте 1513 года он должен был вернуться в Москву, не достигнув своей цели. Но неудача эта отнюдь не поколебала его решимости во что бы то ни стало овладеть Смоленском.

14 июня того же 1513 года государь вторично выступил в поход; когда воевода князь Репня-Оболенский и окольный Сабуров подходили к Смоленску, их встретил впереди городских валов сидевший в Смоленске наместник Сигизмунда Юрий Соллогуб со всеми

своими войсками; он вступил с нами в битву, но потерпел решительное поражение и сел затем в осаду. Получив весть о победе, Василий поспешил к Смоленску и сам руководил действиями войск; осада, однако, и на этот раз была неудачна: что московские пушки разрушали днем, то жители заделывали ночью и, несмотря на частые предложения о сдаче, упорно отказывались от нее. В ноябре Василий отступил и вернулся домой, но и эта вторая неудача также совсем не повлияла на его решение непременно взять Смоленск.

Летом 1514 года государь опять выступил со всеми своими войсками к Смоленску и 29 июля вновь начал его осаждать. На этот раз дела пошли успешнее. Действием всего пушечного наряда распорядился пушкарь Стефан; он удачно ударил из огромной пушки по городу, причем пущенное им ядро разорвало крепостное орудие и перебило много смолян; затем он выстрелил по городу мелкими ядрами, окованными свинцом, которые нанесли еще больше потерь жителям. Когда Стефан ударил по городу третий раз, то смоленский владыка Варсонофий вышел на мост и стал

бить челом великому князю и просил срока до следующего дня.

Но Василий срока не дал, а велел продолжать пальбу из всех пушек. Скоро городские ворота отворились; из них вышел Варсонофий в полном облачении и с крестом, вместе с наместником Соллогубом, панами и черными людьми. Подойдя к ставке великого князя, они держали ему такое слово: «Государь князь великий, много крови христианской пролилось, земля пуста, твоя отчина; не погуби города, но возьми его с тихостью». Василий подошел под благословение владыки, пригласил Соллогуба и других именитых людей к себе в шатер, а черным людям приказал возвратиться в город. 30 и 31 июля жителей приводили к присяге, а 1 августа последовал торжественный въезд государя в древнюю отчину русских князей, бывшую в течение последних 110 лет под властью Литвы.

«Божиею милостью радуйся и здравствуй, православный царь Василий, великий князь всея Руси, самодержец на своей отчине, городе Смоленске, на многие лета!» – приветствовал его в соборной церкви владыка Варсоно-

фий.

После обедни государь отбыл на княжеский двор и сел на своем месте; он ласково спросил прибывших сюда знатных смолян о их здоровье и предложил сесть, после чего смоленским князьям, боярам и горожанам объявил свое жалованье – уставную грамоту, назначив им в наместники боярина князя Василия Васильевича Шуйского. Затем все были приглашены к обеду, после которого каждый получил богатые дары. Бывшему королевскому наместнику Соллогубу и его сыну Василий сказал: «Хочешь мне служить, и я тебя жалую, а не хочешь, волен на все стороны». Соллогуб просил разрешения ехать к королю и был отпущен; но как только он прибыл к Сигизмунду, то последний в страшном гневе за потерю Смоленска приказал ему отрубить голову как изменнику.

Кроме Соллогуба, государь предложил и всем остальным служилым королевским людям остаться служить ему; многие из них согласились и получили по два рубля денег и по сукну; те же, которые хотели вернуться к королю, были отпущены и получили сверх того

по рублю, деньги по тем временам, когда целая изба стоила от 30 до 50 копеек, весьма большие.

Устроив дела в Смоленске, великий князь выступил в обратный поход к Дорогобужу. Но воевод с войсками послал на запад, чтобы прикрыть Смоленск от короля: в Орше был оставлен Михаил Глинский, а к Борисову, Друцку и Минску были также двинуты наши отряды.

В это время и сам Сигизмунд выступил из Минска к Борисову; он был уверен одержать успех над московскими отрядами, так как рассчитывал на содействие своего недавнего заклятого врага – Михаила Глинского!

Дело в том, что этот властный человек никак не мог помириться с тем почетным, но вполне подчиненным положением, которое он занял при московском государе, и мечтал, что после взятия Смоленска, под которым он, несомненно, оказал большие услуги, в награду за них государь отдаст ему этот город на правах удельного князя под властью Москвы. Имеется даже известие, что после взятия Смоленска Глинский будто бы сказал Василию

Иоанновичу: «Нынче я дарю тебе Смоленск; чем ты меня отдаришь?» – и что на это государь отвечал ему: «Я дарю тебе княжество в Литве». Конечно, великий князь, отлично зная нрав Михаила Глинского, мог ответить ему только таким образом, так как отдать драгоценный Смоленск, древнее русское достояние и ближайшую теперь крепость к враждебной Литве, в почти независимое владение такому честолюбивому и сомнительной верности человеку, каковым являлся Глинский, было бы величайшей ошибкой.

Очевидно, под влиянием обманутых надежд Глинский и решил предать Василия Сигизмунду, чему последний был очень рад, также хорошо зная, каким опасным человеком был Глинский, и понимая, что его гораздо выгоднее иметь на своей стороне.

Переславшись с королем, Глинский тайно покинул вверенный ему московский отряд и побежал литовцам навстречу. Но один из его слуг в ту же ночь прискакал к соседнему московскому воеводе Михаилу Голице, который сообщая с другим воеводою, Челядниным, успел перенять дорогу Глинскому и захватить

его. После этого его немедленно доставили к великому князю в Дорогобуж. Здесь был произведен обыск у беглеца, и найденное письмо Сигизмунда послужило явной уликой его измены.

Государь приказал заковать его в железо и отправить в Москву; своим же воеводам он велел двинуться против наступавшего короля, войска которого шли под главным начальством великого литовского гетмана князя Константина Острожского. Этот Константин Острожский, человек русский и православный, начальствовал, как мы помним, над литовской ратью в битве под Ведрошем, выигранной нами, и попал в плен к Иоанну III, которому вскоре присягнул на верность, после чего получил большие земельные владения. Однако он не мог забыть привольной панской жизни в Литве и, пользуясь своей свободой, бежал при удобном случае из Русской земли. Теперь за добро и за ласку, оказанные ему Москвой, он шел на нее войной во главе латинского воинства короля.

Обе рати сошлись близ Орши: русские стали на левом берегу Днепра, литовцы – на пра-

вом. Константин Острожский завел переговоры с нашим главным воеводою боярином Челяднинным о мире, но в это время тайно навел мост в 15 верстах и стал переправлять свои войска на наш берег. Когда Челяднину донесли, что половина литовской рати уже перебралась, почему и наступило время ударить на нее всеми силами, чтобы разбить раньше, чем переправится другая ее половина, он самоуверенно отвечал: «Мне мало половины: жду их всех и тогда одним разом управлюсь с ними».

Вслед за тем литовские войска перешли реку, устроились для боя, и началось кровопролитнейшее сражение, которое к вечеру окончилось ужасным поражением русских.

По одним сведениям, главные московские воеводы Челяднин и князь Булгаков-Голица не хотели из зависти помогать друг другу; по другим – Константин Острожский употребил хитрость: отступил притворно, навел русских на пушки и в то же время зашел им в тыл. Как бы то ни было, такой блестящей победы литовцы никогда не одерживали над русскими.

ми: они гнали, резали и топили их в Днепре, усеяли телами все окрестные поля и захватили огромный полон: Челяднина, Булгакова-Голицу и 6 других воевод, 37 князей, более 1500 дворян, все знамена, пушки и обоз – одним словом, вполне отомстили нам за свое Ведрошское поражение.

Сигизмунд оковал тяжелыми цепями Челяднина и главных воевод и подверг всех взятых в плен суровому заключению, причем часть из них он послал затем в подарок папе и другим европейским государям. Всюду рассылая радостные известия о своем успехе, он мечтал, что скоро вернет обратно Смоленск и нанесет ряд других поражений Москве. Тогда же, вероятно по его заказу, была исполнена великолепная картина художником – очевидцем боя, находящаяся ныне в городском музее города Бреславля в Германии. На ней изображено последствие выстрела из польской пушки: часть наших всадников, увлекаемая испуганными лошадьми, срывается с обрывистого берега в воду и тонет; их преследуют польские гусары, вооруженные длинными копьями и щитами; другие русские всадники бес-

страшно подскакивают вплотную к польским орудиям и в упор выпускают свои стрелы в пушкарей, закованных в броню; несколько позади виден русский военачальник из боярских детей, делающий знак рукою своим войнам; все изображение чрезвычайно любопытно, так как с полной достоверностью показывает нам во всех подробностях строй, вооружение и одежду русских во время битвы под Оршею.

Однако Сигизмунд ошибся. Торжество его ограничилось одной только Оршинской победой, и других вредных последствий, как увидим, она нам не принесла.

Узнав о поражении нашем под Оршей, смоленский владыка Варсонофий, только что приветствовавший Василия Иоанновича в его древней отчине и присягнувший ему, послал к Сигизмунду своего племянника с письмом, в котором говорил: «Если пойдешь теперь к Смоленску сам или воевод пришьешь со многими людьми, то можешь без труда взять город». Но смоленские бояре и простые люди хотели остаться за Москвой и сообщили великокняжескому наместнику князю Васи-

лию Васильевичу Шуйскому об измене Варсонофия. Этот Василий Васильевич Шуйский был человеком решительным; он тотчас же схватил изменника-владыку вместе с соумышленниками и посадил под стражу, а когда к городу подошел Константин Острожский только с 6-тысячным отрядом, надеясь захватить Смоленск благодаря сочувствию жителей, то он и его воины были поражены страшным зрелищем: они увидели висевшими на смоленских стенах всех изменников, причем на них были и все подарки, недавно полученные от великого князя Василия Ивановича; кто получил соболью шубу, тот был и повешен в этой шубе; кто получил серебряный ковш или чару, тому они тоже были привязаны на грудь; только один Варсонофий из уважения к его сану был оставлен в живых. Эта решительная мера подействовала, разумеется, на остальных смолян самым отрезвляющим образом, если в некоторых из них и шевелилось желание передаться королю. Константин Острожский тщетно посылал к ним грамоты с предложением передаться Литве и тщетно же делал приступы к городу;

все горожане бились крепко и без лести; когда же он решил отступить, то Шуйский с московскими ратными людьми и смолянами вышел из города, чтобы преследовать его, и взял значительную часть обоза.

Этим закончились наступательные движения литовцев после их победы под Оршей; вслед за тем обе стороны надолго прекратили военные действия. Москва, очевидно, нуждалась в отдыхе, а в Литве, несмотря на блестящий успех под Оршей, королю не было никакой возможности собрать необходимое количество войска, так как своевольным панам война уже надоела и мало кто из них хотел идти под королевские знамена. Вот что, между прочим, писал по этому поводу Литовской раде киевский воевода Андрей Немирович: «Крымский царевич прислал ко мне с известием, что он со всеми людьми своими уже на этой стороне реки Тясмина, и требовал, чтобы я садился на коня и шел бы вместе с ним на землю Московскую; в противном случае он один не пойдет на нее. Я писал к вашей милости не раз, чтобы вы научили, как

мне делать; но до сих пор вы мне не отвечали... Писал я к старостам и ко всем боярам киевским, чтобы ехали со мной на службу господарскую; но никто из них не хочет ехать...»

Несколько деятельнее литовских панов служили Сигизмунду его крымские друзья за ежегодную дань в 15 тысяч червонцев. Когда в 1515 году умер Менгли-Гирей, то его наследник Магмет-Гирей прислал в Москву посла с упреком, что великий князь нарушил с ним договор и без позволения Крыма взял Смоленск: «Ты нашему другу королю недружбу учинил: город, который мы ему пожаловали (Смоленск), ты взял от нас тайком; этот город Смоленск к литовскому юрту отец наш пожаловал, а другие города, которые к нам тянут – Брянск, Стародуб, Почеп, Новгород-Северский, Рыльск, Путивль, Карачев, Радогощ, отец наш, великий царь, твоему отцу дал. Если хочешь быть с нами в дружбе и в братстве, то помоги нам казною, пришли нам казны побольше...» Затем хан требовал кречетов и других драгоценностей. Московский же доброхот, крымский мурза Аппак писал великому князю: «У тебя хан просит восемь городов, и если ты

ему их отдашь, то другом ему будешь, а не отдашь, то тебе другом ему не бывать: разве пришлешь ему столько же казны, сколько король посылает, тогда он эти города тебе уступит. А с королем им друзьями как не быть? И летом и зимою казна от короля, как река, беспрестанно так и течет, и малому, и великому, всем уноровил...»

Вместе с этими наглыми требованиями крымцы не переставали грубо обращаться с нашими послами; в 1516 году они опустошили Рязанскую Украину, а в 1517 году 20 тысяч татар появились в тульских окрестностях. Но здесь князя Одоевский и Воротынский нанесли им жесточайшее поражение и всех истребили; одновременно с этим и другой татарский отряд был разбит под Путивлем. Вслед за тем Василий Иоаннович собрал Боярскую думу и предложил ей высказаться, нужно ли после этого продолжать сношения с Крымом или вовсе порвать их. Дума, однако, решила на том, что продолжать сношения нужно, чтобы удержать хана от прямого разрыва с Москвой.

Война с Литвой привела Василия Иоанно-

вича к оживленным сношениям с магистром Немецкого ордена маркграфом Альбрехтом; как мы видели, он хотел воевать с дядей своим Сигизмундом и сдерживал ненависть против нас подчиненного ему Ливонского ордена, магистр которого, известный нам Плеттенберг, воевал с войсками Иоанна III и сознавал, какую страшную опасность представляет для его владений усиление Москвы, где русские люди громко выражали, что город Рига построен на их земле.

Иначе смотрел на Москву Альбрехт Прусский и смиренно бил челом чрез послов Василию Иоанновичу: «Чтобы великий государь меня жаловал и берег и учинил меня с собой в союзе». По договору, заключенному в Москве в 1517 году, Альбрехт должен был выставить 10 тысяч пехотинцев и 2 тысячи всадников, за что просил от нас на содержание ежемесячно 60 тысяч немецких золотых, кроме того, что понадобится на артиллерию («что пристроить к хитрецам и пушкам»). Василий на эти условия согласился, но добавил, что деньги будут выданы тогда, когда немцы начнут войну и вторгнутся в польские владения.

ния.

Пока Альбрехт готовился к войне, другой союзник Москвы, германский император Максимилиан I, выступил в 1517 году уже посредником о мире. Мы видели, что перед началом войны с Литвой благодаря усилиям Глинского был заключен союзный договор между Василием Иоанновичем и Максимилианом против Сигизмунда, так как Максимилиан решил искать венгерско-чешской короны под братом Сигизмунда Владиславом и его сыном. Для заключения этого договора в 1514 году прибыл в Москву императорский посол Георгий Шницен-Памер, а с ним обратно в Вену отбыли из Москвы грек Димитрий Ласкирев и дьяк Елеазар Суков. Максимилиан крайне радушно принял русских послов и 4 августа 1514 года собственноручной подписью и золотой печатью утвердил договор с Москвой для совместных действий против Сигизмунда; в этом договоре он называл Василия императором, на что, между прочим, впоследствии и ссылался Петр Великий, принимая наименование императора.

Ратной помощи, однако, Москве Максими-

лиан не оказал, а только возбуждал против поляков других их врагов, почему Сигизмунд и стал искать с ним примирения; при этом посредником в этом деле явился брат Сигизмунда венгерско-чешский король Владислав, так как в 1515 году решено было, что Владислав обручит своего 10-летнего сына Людвига с внучкой Максимилиана Марией, а свою 13-летнюю дочь Анну – сразу с обоими внуками того же Максимилиана – Карлом и Фердинандом, с тем чтобы впоследствии окончательно решить, кто из них будет ее мужем. Эта ловкая политика Максимилиана приготовила в будущем переход Венгрии и Чехии в руки его потомков – в немецкий род Габсбургов, из ко-его он сам происходил.

В следующем, 1516 году Владислав Чешско-Венгерский умер, и Максимилиан, оставаясь союзником Москвы, уже сообща заведовал со своим врагом Сигизмундом опекою над малолетним Людвигом, сыном покойного Владислава; скоро после этого Сигизмунд, при посредстве того же Максимилиана, стал свататься к его внучке – принцессе Боне из дома миланского герцога Сфорца, а затем и женил-

ся на ней.

При таких обстоятельствах Максимилиан из союзника Москвы решил стать посредником для заключения мира между ней и Сигизмундом, за которого он уже готов был, по собственному выражению, «идти и в рай, и в ад». С целью этого посредничества в начале 1517 года он отправил чрезвычайное посольство в Москву во главе с родовитым и ученым немцем, знавшим славянский язык, бароном Сигизмундом Герберштейном, оставившим весьма любопытные, хотя и недоброжелательные по отношению нас «Записки о московитских делах».

Василий Иоаннович знал, разумеется, о двусмысленном поведении своего союзника Максимилиана и, конечно, не мог быть им доволен, но посла его принял с отменной учтивостью и торжественностью, как это было принято в подобных случаях.

Герберштейн прибыл в Москву 18 апреля 1517 года и через три дня представил государю свои верительные грамоты, после чего был приглашен к его столу и щедро одарен. Посольство помещалось в доме князя Ряпо-

ловского, куда доставляли все нужные припасы в изобилии, но особые пристава были назначены, чтобы следить за всеми действиями посла и его спутников. Переговоры велись при посредстве бояр и грека Юрия Малого Траханиота, которого государь очень ценил за его большой ум и опытность в делах.

Герберштейн не сразу приступил к цели своего посольства, а начал издалека; в длинной и вычурной речи он восхвалял блага мира, говорил, что надо всем христианским государям соединиться, дабы бороться с турками, которые отобрали уже у египетского султана Иерусалим, а затем подробно рассказал про могущество и родственные связи Максимилиана.

Великий князь через бояр отвечал ему, что готов заключить мир с Сигизмундом, если последний пришлет ему своих послов. На это Герберштейн предложил, чтобы послы обеих сторон съехались на границе или, так как там города выжжены, в Риге. Но в Москве, как мы знаем, крепко держались старины и послу императора ответили, что раз прежде польские послы приезжали за миром в Москву, то

и теперь они должны приехать сюда же, и что от этого обычая Москва не отступит. Многоглаголивый Герберштейн долго на это не соглашался и в длиннейшей речи настаивал, чтобы съезд послов был непременно на границе, причем приводил примеры из жизни Александра Македонского и других древних царей. Однако все примеры не помогли. Василий неуклонно стоял на своем: «Нам своих послов на границу и никуда в другое место посылать не пригоже, а захочет Сигизмунд король мира, и он бы послал к нам своих послов, а прежних нам своих обычаев не рушить, как повелось от прародителей наших, как было при отце нашем и при нас; что нам Бог дал, мы того не хотим умять, а с Божиею волею хотим повышать, сколько нам милосердный Бог поможет. И нам своих послов на границы и никуда посылать не пригоже. А что польский король собрался с своим войском и стоит наготове, то и мы против своего недруга стоим наготове и дело свое с ним хотим делать, сколько нам Бог поможет».

Наконец в начале октября 1517 года Сигизмунд решил отправить своих послов марша-

лов Яна Щита и Богуша Боговитинова в Москву, но вместе с тем, чтобы произвести давление на Василия, он приказал Константину Острожскому осадить город Опочку.

Однако Сигизмунд ошибся. Известие о наступлении Острожского к Опочке в то именно время, когда литовские послы подъезжали к Москве, тогда как до этого Сигизмунд в течение трех лет после Оршинской битвы не вели никаких военных действий против Москвы, ясно показывало Василию, что наступление Острожского имеет исключительной целью произвести на нас давление. И вот вместо того, чтобы сделаться более уступчивым, Василий вовсе не разрешил литовским послам въехать в Москву, причем Герберштейну было объявлено, что они останутся в подмосковной слободе Дорогомилове до тех пор, пока великокняжеские воеводы «не переведаются» с Острожским у Опочки.

Последний две недели громил с нанятыми чешскими и немецкими пушками эту ничтожную крепость, наместником в которой сидел доблестный Василий Салтыков. «Стены падали, – говорит Н.М. Карамзин, – но Салты-

ков, воины его и граждане не ослабели во бодрой защите, отразили приступ, убили множество людей и воеводу Сокола, отняв у него знамя». А между тем к Опочке, пылая жаждою наказать Острожского за его измену и за Оршинское поражение, быстро шли с разных сторон московские полки и в трех местах нанесли поражение литовцам; кроме того, наш воевода Иван Ляцкий разбил отряд, шедший на соединение с Острожским, и отнял у него все пушки с обозом. При этих обстоятельствах Острожский решил снять осаду Опочки и вернулся домой, а Василий разрешил Сигизмундовым послам въехать в Москву и устроил им самый торжественный прием. «Король предлагает нам мир и наступает войной, – сказал он, – теперь мы с ним управились и можем выслушать мирные слова его».

Переговоры начались в ноябре 1517 года. Московские бояре потребовали у послов Сигизмунда вернуть прародительские отчины их государя – Киев, Полоцк, Витебск и другие города, которые король «держит за собой неправдою», и это требование с той поры предъявлялось нами постоянно при всех пе-

реговорах с Литвой; оно показывает, с какой неуклонной настойчивостью шли московские государи к достижению своей заветной цели – собрать воедино Русскую землю.

Вместе с тем наши бояре требовали казни всех тех панов, которые были непочтительны к покойной королеве Елене Иоанновне и причастны к ее смерти. Литовские послы со своей стороны потребовали сначала половины Новгородской земли, Твери, Вязьмы, Дорогобужа, Путивля и всей Северной стороны.

Так как Герберштейн явно держал их сторону, то его призвали во дворец, где бояре держали ему такое слово: «Сницен Памер заключил договор, чтобы императору и великому князю быть заодно на короля Сигизмунда и великому князю доставать своей отчины, русских городов: Киева, Полоцка, Витебска и других, а императору доставать прусских городов: так ты размысли, хорошо ли это королевские послы говорят, будто великий князь держит за собой королевские города, а король будто за собой государевой отчины не держит?»

Конечно, словами этими Герберштейн был

поставлен в весьма трудное положение. Тем не менее он продолжал быть посредником между обеими сторонами. Наконец после долгих переговоров и взаимных уступок дело остановилось из-за Смоленска: литовцы непременно требовали его возвращения, а русские бояре не хотели об этом и слышать. Герберштейн держал все время сторону послов, написал огромную велеречивую записку, в которой убеждал государя уступить литовцам Смоленск, опять ссылаясь на примеры разных древних царей, а также и на пример самого Максимилиана, который завоевал город Верону, а затем вернул ее венецианцам. Вместе с тем он сослался и на пример Иоанна III, который, взяв Казань, отдал ее под власть туземных ханов. В конце записки, уговаривая отдать литовцам Смоленск, Герберштейн говорил, что Василий превзойдет при этой отдаче мудростью и щедростью отца своего Иоанна: «Всякий человек будет провозглашать тебя прибавителем делу христианскому, и щедрость твоя обнаружит ту любовь, которую питаешь к цесарскому величеству (Максимилиану)».

Но и эта высокопарная записка ученого немецкого посредника не подействовала. Государь приказал ему коротко ответить на нее: «Говорил ты, что брат наш Максимилиан Верону город венецианцам отдал; брат наш сам знает, каким обычаем он венецианцам Верону отдал, а мы того в обычае не имеем и впредь не хотим, чтобы нам свои отчины отдавать».

«В сих любопытных прениях, – говорит Н.М. Карамзин, – видны искусство и тонкость разума Герберштейнова, грубость литовских послов и спокойная непреклонность Василиева: язык бояр его учтив, благодарен и доказывает образованность ума».

Вслед за решительным ответом великого князя Герберштейну переговоры о мире были прекращены, и литовские послы вместе с последним уехали. При прощании Василий Иоаннович встал с места, приказал кланяться Сигизмунду и в знак ласки дал послам руку. Герберштейн стал просить от имени Максимилиана отпустить к нему на службу Михаила Глинского. Но Василий на это не согласился и объявил, что он уже велел казнить

Глинского за его великую вину, но последний, вспомнив, что был крещен в православии, а затем пристал к римскому закону, бил челом митрополиту о том, чтобы его опять вернули в лоно Православной церкви, и что теперь митрополит, взяв его от казни, допытывается: «не поневоле ли он приступает к нашей вере, и уговаривает его, чтобы подумал хорошенько».

Вскоре прибыли новые послы от Максимилиана – Франциск да Колло и Антоний де Конти с неперемной целью уговорить Василия заключить мир с Литвою для общего похода на турок. Но Василий твердо стоял на своем, что Смоленск остается за Москвой, а Сигизмунд на это не соглашался. Тогда австрийские послы предложили заключить перемирие на шесть лет.

Государь объявил, что дает перемирие на шесть лет, но при условии, чтобы пленные обеих сторон были бы отпущены. Сигизмунд, однако, очень дорожил множеством русских знатных пленных и не соглашался их отпустить. Перемирие не состоялось, и вторые императорские послы, так же как и Гербер-

штейн, должны были уехать ни с чем. Таким образом, союз, а затем и посредничество Максимилиана не принесли Москве никакой пользы; да и трудно было ожидать пользы от такого союзника, как Максимилиан, который явно держал сторону Сигизмунда и откровенно писал Альбрехту Прусскому: «Нехорошо, если король будет низложен, а царь Русский усилится».

Между тем военные действия продолжались; наши войска несколько раз ходили в литовские владения и опустошали их, причем доходили даже до Вильны. В 1520 году двинулся наконец против поляков и Альбрехт Прусский, после чего Василий Иоаннович выслал ему обещанные деньги.

Перед началом открытия военных действий против Сигизмунда Альбрехт просил Василия уведомить французского короля Франциска I о его союзе с Прусским орденом. Василий согласился и послал грамоту во Францию, которая была первою, писанною в эту страну из Москвы; в ней между прочим говорилось: «Наияснейшему и светлейшему

королю Галлийскому. Прислал к нам Альбрехт... высокий магистр, князь Прусский, бил челом о том, чтобы мы изъявили тебе, как мы его жалуем. И мы даем тебе знать об этом нашею грамотою, что мы магистра жалуем, за него и за его землю стоим и впредь его жаловать хотим... Объявил нам также высокий магистр Прусский, что предки твои тот чин (орден) великим жалованьем жаловали; и ты бы теперь, вспомнив своих предков жалованье, магистра жаловал, за него и за его землю против нашего недруга Сигизмунда короля стоял и оборонял с нами заодно». Грамота эта последствий не имела. Василий помог Альбрехту еще раз своею казною, но сильно ослабевший Немецкий орден был совершенно не в состоянии бороться с Сигизмундом и вскоре должен был заключить с ним мир, по которому Альбрехт получил в свое наследственное владение все орденские земли, но становился уже подручником польского короля. Так приобрела Польша Пруссию и вместе с тем часть балтийского побережья.

Воюя с Литвою, Василий Иоаннович был все время отнюдь не прочь заключить с нею

мир, так как постоянное содержание сильных ратей было страшно тяжело для государства; но, разумеется, мир мог быть заключен лишь с сохранением нами Смоленска и возвращением русских пленных, взятых под Оршей. С другой стороны, и Сигизмунду мир был не менее нужен, чем нам, а потому в 1520 году в Москву опять приезжали литовские послы; они предложили заключить перемирие, с тем чтобы Смоленск остался за Москвой, но пленных, взятых под Оршей, никак не соглашались возвращать. Великий князь, однако, непременно настаивал на последнем, и послы опять уехали ни с чем. А между тем в следующем, 1521 году дела приняли для Сигизмунда благоприятный оборот: он, как мы говорили, окончательно овладел Немецким орденом, и, кроме того, в это время как раз свершилось то, против чего так сильно боролись Иоанн III и Василий Иоаннович и чего так желал сам Сигизмунд: Крымская и Казанская Орды соединились вместе и заключили союз против Москвы.

Произошло это так: Магмет-Аминь Казанский после принесения повинной Василию

Иоанновичу в 1506 году оставался до своей смерти верным союзником Москвы и усердно хлопотал, чтобы после него в Казань был посажен брат его Абдыл-Летиф, бывший, как мы видели, у нас на службе. Но Магмет-Аминь умер в конце 1518 года, а Абдыл-Летиф скончался еще за год до него. Таким образом, необходимо было найти нового царя для Казани. Магмет-Гирей Крымский непременно желал, чтобы там был посажен кто-либо из его братьев, но, разумеется, Москва отнюдь этого не хотела, а решила посадить в Казань нашего служилого царевича Шиг-Алея, внука последнего хана Золотой Орды Ахмата, кровного врага крымских Гиреев. Этот Шиг-Алей и был отправлен Василием в Казань; скоро, однако, он возбудил против себя общее неудовольствие казанцев, видевших в нем чересчур усердного слугу Москвы. И вот, тайно переславшись с Магмет-Гиреем Крымским, казанцы решили пригласить его младшего брата Саип-Гирея, который в 1521 году внезапно появился с крымским войском под стенами Казани, изгнал Шиг-Алея и сам сел на его место.

После этого Шиг-Алей вернулся в Москву,

где вслед за тем было получено известие, к сожалению несколько запоздалое, что сам Магмет-Гирей идет на нее из Крыма во главе огромных сил; к нему на соединение шел и брат его, новый казанский царь Саип-Гирей, уже опустошивший Нижегородскую и Владимирскую области. Чтобы задержать неприятеля, был выслан наспех к реке Оке отряд под начальством князя Димитрия Бельского и брата великого князя Андрея. Татары разбили этот отряд без труда, а затем, произведя повсюду страшное разорение, быстро подошли к Москве. Великий князь, как в подобных случаях всегда делали его предки, отправился собирать полки на север, а жители столицы сели в осаду под начальством шурина Василия, мужа его сестры Евдокии Иоанновны – упомянутого нами крещеного татарского царевича Петра.

Население, давно уже отвыкшее от наше- ствий варваров, с ужасом устремилось со всех сторон в Кремль, давя в воротах друг друга. От страшной тесноты заразился воздух (было очень жарко – конец июля), а когда стали готовиться к защите, то оказалось, что мало по-

роха для пушек. При этих обстоятельствах царевич Петр и бояре вступили в переговоры с ханом, который и сам не думал вести осаду города, а хотел урвать что можно, а затем быстро уйти назад, захватив возможно больше полону. Поэтому Магмет-Гирей согласился тотчас же уйти от Москвы, если будет выдано письменное обязательство, что великий князь согласен платить ему дань. Царевич Петр и бояре, подумав, прислали ему просимую грамоту, скрепленную великокняжеской печатью с обязательством платежа дани, после чего хан быстро отошел от Москвы, направляясь к Рязани, где в это время сидел московский окольный Хабар Симский.

Вместе с татарами в их разбойничьем набеге на Москву участвовал и русский человек: это был некий Евстафий Дашкович. Он отъехал при Иоанне III из Литвы в Москву, затем при Василии убежал опять в Литву, сделался там атаманом днепровских казаков и теперь пришел с крымцами грабить и жечь своих единоверных и единокровных братьев. Дашкович уговорил Магмет-Гирея взять Рязань хитростью: подойдя к городу, татары послали

сказать Хабару Симскому, что война окончилась, а затем открыли под ее стенами огромное торжище, где стали продавать жителям награбленное добро и пленников, причем многие из последних без всякого выкупа уходили в город. Тогда по совету Дашковича хан, будто бы для поимки ушедших в Рязань пленников, стал приближать свои войска к самому городу, а чтобы успокоить бдительность Хабару Симского, послал к нему московскую грамоту как доказательство, что война действительно уже окончилась.

Но Хабар Симский вместе с мужеством соединял редкую проницательность. Он честно выдал татарам всех их пленных, укрывшихся в городе, а затем когда увидел, что противники продолжают все более и более скопляться под его стенами, то приказал немецкому пушкарю Иордану выстрелить в них из пушки, причем множество татар и казаков было положено на месте. Видя, что хитрость не удалась, и узнав, что против него двигаются его враги – астраханские татары, Магмет-Гирей поспешил уйти из-под Рязани, оставив в руках ее умного и решительного воеводы грамо-

ту об уплате дани, подписанную растерявшимися царевичем Петром и московскими боярами. За эту выдающуюся заслугу Хабар Симский был возведен в сан боярина, и, кроме того, описание самой заслуги его было занесено в особые книги государевы: Родословную и Разрядную для сохранения памяти о ней на все времена.

Последствия набега Магмет-Гирея были ужасны; говорят, что он увел до 800 тысяч человек полону, в том числе много знатных женщин, девиц и детей. Вскоре все рынки в Астрахани, Кафе и других городах черноморского побережья были полны нашими пленными; старых же и больных, которые не шли на продажу, татары или морили голодом, или отдавали своим детям, чтобы они учились на них искусству убивать людей саблями и стрелами.

Когда Василий вернулся в Москву, то он произвел строгое расследование о всем происшедшем, после чего лишил сана и поместья воеводу князя Ивана Воротынского, человека весьма искусного в ратном деле, но обвиненного в том, что он из зависти не давал

надлежащих советов молодому князю Бельскому, начальствовавшему над войсками при первой встрече с татарами на берегу реки Оки. Конечно, это было огромное преступление, и строгая кара, постигшая виновного, показывает нам, с каким вниманием следил государь за всеми действиями своих воевод.

Громадная добыча, взятая в Московском государстве, разожгла алчность Магмет-Гирея: он объявил в своих владениях, чтобы его войска готовились вторично вторгнуться в Русскую землю. Но великий князь тоже принял свои меры, и к весне следующего, 1522 года московские полки заняли берега Оки, куда прибыл и сам Василий Иоаннович; он остался очень доволен видом и обучением нашего воинства и отличным артиллерийским нарядом, который прежде употребляли только при защите и осаде укреплений и городов. Хан, однако, не пошел на нас, и великий князь вернулся в Москву, где было наконец в том же 1522 году заключено перемирие с Литвой на пять лет; по этому перемирию Смоленск после долгих споров остался за Москвою, но русские пленные, взятые в Оршин-

ской битве, к прискорбию Василия, не были отпущены из Литвы.

Окольничий Морозов и дворецкий Бутурлин были посланы в Краков с перемирной грамотой. Литовские летописцы рассказывают, что они прибыли с большой пышностью, имея под собой до 500 коней. Сигизмунд два раза приглашал их к обеденному столу, но они два раза уходили из дворца, чтоб не сидеть за одним столом с присланными поверенными в делах папы римского, германского императора и венгерского короля. Так высоко ценили в те времена русские люди свое звание послов великого князя Московского. Этим перемирием окончилась 10-летняя война с Литвою; нам она дала возвращение древней русской отчины – Смоленска, а Сигизмунду – громкую, но бесполезную по последствиям славу Оршинской победы.

Заключенное в 1525 году перемирие было вновь продолжено до 1533 года, а затем и еще на один год, причем переговоры велись опять в Москве при посредстве послов нового германского императора – сына Максимилиана, Карла V. Им были присланы граф Нугароль и

уже знакомый нам барон Сигизмунд Герберштейн; ход переговоров был прежний: Герберштейн настаивал на том, чтобы для заключения вечного мира Москва уступила Литве Смоленск, а Василий на это не соглашался; со своей стороны и Сигизмунд не отдавал нам оршинских пленных, хотя в 1525 году многие из них уже умерли, так как их содержали в Литве крайне жестоко; в списке этих пленных, составленном для короля, сами же литовцы писали: «Оброку им ничего не дают, кормятся тем, что сами Христа ради выпросят; все сидят покованы, стража к ним приставлена крепкая».

Заключение перемирия с Литвой, конечно, развязывало Москве руки для действий против татар. Впрочем, против самого злейшего нашего врага Магмет-Гирея Крымского действовать не пришлось. С помощью ногайского мурзы Мамай он завоевал царство Астраханское, жившее в мире с Москвой, но затем сам Мамай вероломно убил Магмет-Гирея и вторгся со своими ногаями в Крым, произведя там сильнейшие опустошения, в то время как другой союзник Магмет-Гирея – Евстафий

Дашкович – сжег принадлежавший крымцам Очаков и многие татарские улусы около устьев Днепра. После убийства Магмет-Гирея на ханский престол в Крыму был возведен турецким султаном брат убитого – Сайдет-Гирей.

Ввиду описанных происшествий в Крыму Василий Иоаннович обратил все свои силы против Саип-Гирея Казанского, вероломно убившего московского посла и пленившего всех наших купцов. Летом 1523 года государь лично отбыл из Москвы в Нижний Новгород, откуда отправил воевод под Казань. Они вернулись благополучно и привели множество пленных.

При этом по приказанию великого князя в устье реки Суры на Казанской земле наши воеводы срубили город Васильсурск, ставший как бы передовым оплотом Москвы для всех последующих действий против Казани. Это была чрезвычайно важная мера, которую сразу же оценил и митрополит Даниил, говоря, что новопостроенным городом государь возьмет затем и всю Казанскую землю.

Летом следующего, 1524 года Василий

Иоаннович отправил под Казань новую рать, более 150 тысяч человек, под начальством князя Ивана Бельского. Саип-Гирей испугался и убежал в Крым к брату Сайдет-Гирею, а в Казани оставил своего самого младшего брата – Сафа-Гирея. Однако, несмотря на большие силы, русским вследствие неудачных действий князя Бельского не удалось взять Казани, почему Василий и согласился на то, чтобы в ней остался ханом Сафа-Гирей в качестве его подручника. Сафа-Гирей сидел в Казани спокойно до 1529 года, но затем нанес сильное оскорбление московскому послу; вследствие этого в 1530 году Василий двинул к Казани новую рать – судовую и конную; последней начальствовал знаменитый князь Михаил Глинский, успевший наконец заслужить прощение великого князя. 10 июля произошел сильный бой, в котором русские одержали полную победу и начали добывать уже самый город. Тогда из него вышли трое знатных казанцев и стали просить мира. Государь согласился на мир и оставил в Казани по-прежнему Сафа-Гирея; скоро, однако, сами казанцы, видя, что Сафа-Гирей своими кознями

против Москвы может вызвать новый поход великокняжеской рати, изгнали его от себя и попросили себе из рук московского государя нового хана. Тогда Василий дал им нашего служилого царевича Еналея, младшего брата уже сидевшего у них Шиг-Алея. Еналеем были довольны в Москве, но назначением его был обижен старший брат Шиг-Алей, получивший от государя после своего изгнания из Казани Серпухов и Каширу; он начал пересылаться с Казанью и другими местами без ведома великого князя; однако его изобличили и сослали на Белоозеро.

Так благодаря удивительной настойчивости и твердости Василия Иоанновича ему удалось опять привести Казань в полное подчинение Москве. При этом, чтобы обезопасить на будущее время своих купцов от варварских захватов со стороны казанцев, он запретил им ездить на богатейшую ежегодную ярмарку в Казань, а приказал им съезжаться в новооснованном городе Васильсурске. Это распоряжение вызвало вначале большую заминку в торговле, но затем повело к созданию известной ярмарки в Макарьеве на Вол-

ге, перенесенной впоследствии в Нижний Новгород.

Пересылка между Крымом и Москвой, после того как султан назначил в Бахчисарай ханом Сайдет-Гирея, продолжалась, причем крымцы были по-прежнему наглы в своих требованиях, а послы Василия по-прежнему мало склонны к таким уступкам, которые могли бы иметь хотя слабый вид зависимости Москвы от Крыма. «В пошлину никому ничего ни под каким видом не давать, – наказывалось московскому послу, отправлявшемуся к Сайдет-Гирею, – кроме того, что послано к нему в подарках или что посол от себя кому даст за его добро, а не в пошлину. В пошлину ни под каким видом ни царю, ни царевичам, ни князьям, ни царевым людям не давать. Если бросят перед послом батога и станут просить пошрины у батога – не давать, а идти прямо к царю чрез батога; если у дверей царевых станут просить пошрины – и тут ничего не давать; пусть посол всякий позор над собой вытерпит, а в пошлину ничего не должен дать...»

В 1527 году Сайдет-Гирей отправил своих

послов в Москву, а в то же время приказал племяннику Ислам-Гирею совершить вторжения в наши области; к счастью, на берегах Оки стояли московские воеводы и заставили его быстро повернуть назад. Когда же весть об этом изменническом набеге дошла до Москвы, то Василий Иоаннович приказал в сердцах утопить Сайдетовых послов. Вскоре после этого Сайдет-Гирей был изгнан из Крыма, а его место занял Саип-Гирей, бывший прежде в Казани и, как мы видели, бежавший туда при приближении большой великокняжеской рати.

В 1533 году Саип-Гирей выслал двух своих племянников к московской Украине. Государь немедленно же собрался в поход, послал за братьями Юрием и Андреем, велел расставлять пушки и пищали в Кремле, и 15 августа, отстояв обедню у праздника в Успенском соборе, лично выступил к Коломне, выдвинув отряды за Оку для добывания языков, причем князь Димитрий Палецкий и Иван Овчина-Телепнев-Оболенский разбили передовые части татар; тогда их главные силы, опасаясь встречи с великокняжеской ратью, поспешно

отступили назад. Этот поход был последним для Василия Иоанновича; он вскоре занемог и скончался, как об этом будет сказано ниже.

Как мы видели, за все время своего великого княжения ему приходилось быть постоянно наготове против ненасытных крымских разбойников. С целью их обуздания он придавал важное значение своим сношениям с турецким султаном, и для поддержания их он отправил в 1513 году послом в Константинополь Алексева, который должен был напомнить султану Селиму дружеские отношения, существовавшие между их отцами; при этом Алексееву дан был наказ: «Поклониться султану, руки пригнув к себе выше пояса, по их обычаю, а на колени ему не становиться и в землю челом не бить».

В 1515 году из Москвы был отправлен другой посол в Константинополь – Коробов – с поручением постараться заключить союз против Литвы и Крыма.

С этою же целью в 1517 году настойчивый Василий Иоаннович послал и третьего посла к Селиму, дворянина Голохвастова. Султан уклонился от заключения союза с Василием,

но запретил крымскому хану нападать на Москву. «Слышал я, – писал он последнему, – что хочешь идти на Московскую землю, так береги свою голову, не смей ходить на Московского, потому что он мне друг великий, а пойдешь на Московского, так я пойду на твою землю». Такие же добрые отношения поддерживал Василий и с преемником Селима – султаном Солиманом.

Мы говорили уже, что в целях повлиять на Литву Василий продолжал по смерти Максимилиана дружескую переписку с его сыном императором Карлом – хитрым и алчным до власти юношей, который мечтал создать по примеру Карла Великого огромную империю. Как мы видели, Карл прислал в Москву графа Нугароля и барона Герберштейна, при посредстве которых и было заключено перемирие с Литвой. Эти добрые отношения Василия с молодым германским императором вызвали, разумеется, большое неудовольствие короля Сигизмунда; при проезде упомянутых послов в Русскую землю через его владения он сказал им, что может сам унять Москву, и промолвил с досадой: «Какая дружба у князя Москов-

ского с императором? Что они, близкие соседи или родственники?» Но, однако, затем отправил также своих послов в Москву, которые и заключили перемирие.

Римские папы дважды пытались склонить Василия присоединиться к Флорентийской унии. В 1517 году папа Лев X, прославивший себя возведением в Риме многих памятников искусства, но вечно нуждавшийся в деньгах, поручил сказать великому князю через посла магистра Альбрехта Прусского: «Папа хочет великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с Римской церковью, не умаляя и не переменяя их добрых обычаев и законов, хочет только подкрепить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь Греческая не имеет главы; патриарх Константинопольский в турецких руках; папа знает, что на Москве есть духовнейший митрополит, хочет его возвысить, сделать патриархом, как был прежде Константинопольский, и наияснейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем. При этом папа не желает себе никакого прибытка, хочет только хвалы

Божией и соединения христиан».

Вместе с этим предложением папа предлагал Василию также помочь ему в добывании его отчины – Константинополя, побуждая начать войну против турок.

На эту тонкую речь Василий приказал вежливо ответить послу Льва X: «Государь наш с папою хочет быть в дружбе и согласии, но, как прежде государь наш с Божиею волею от прародителей своих закон Греческий держал крепко, так и теперь с Божиею волею закон свой держать крепко хочет».

На предложение же о союзе против турок ответ был такой: «Мы, с Божиею волею, против неверных за христианство стоять будем. А с вами и с другими христианскими государями хотим быть в любви и докончании, чтобы послы наши ходили с обеих сторон наше здоровье видеть». Не больше успеха имело подобное же предложение от преемника Льва X – Климента VII; Василий принял его посла с величайшим уважением, честил его два месяца в Москве и отправил с ним вместе в Италию своего гонца Димитрия Герасимова, о котором известный итальянский историк Павел

Иовий отзывался с великой похвалой как о человеке весьма образованном, знавшем латинский язык, и при этом очень разумном и приветливом; качествами этими, как мы видели, отличались и все остальные московские люди – бояре и дьяки, назначавшиеся для сношения с иноземными государями и их послами.

Кроме Литвы и татар, борьба с которыми заполнила почти все время княжения Василия Иоанновича, с остальными державами отношения наши были дружественными: со Швецией в 1518 году был заключен мирный договор на 60 лет, а с Ливонией перемирие в 1509, 1521 и 1531 годах; кроме того, в 1514 году было подписано 10-летнее перемирие с 70 городами ганзейскими, «с сей стороны Поморья и с оной стороны Заморья», причем была возобновлена старинная взаимная свободная торговля с Новгородом. Наконец, с Данией у нас был союзный договор, по которому датским купцам было позволено выстроить дворы и в них церкви в Новгороде и Ивангороде.

Приезжало во времена Василия в Москву

посольство и от знаменитого индийского царя Бабур, основавшего империю Великие Моголы.

Важным внутренним делом при Василии Иоанновиче было присоединение к Москве после Пскова Великого княжества Рязанского. Мы видели, что Иоанн III имел уже своих наместников в Рязани во время малолетства рязанского князя Ивана Ивановича, но затем посадил его там, причем последний ходил в его полном послушании; сын же этого князя Ивана Ивановича не желал исполнять того же в отношении сына Иоанна III – великого князя Василия – и не замедлил войти в соглашение с заклятым врагом Москвы крымским ханом Магмет-Гиреем и даже хотел жениться на его дочери. Узнав про это, Василий вызвал его в Москву и заключил под стражу, откуда он вскоре бежал в Литву; Рязанское же княжество было окончательно присоединено к Москве, причем наместником в Рязани был назначен Хабар Симский, так доблестно отбивший Магмет-Гирея от ее стен.

Кроме Пскова и Рязани при Василии же Иоанновиче к Москве были присоединены и

два больших удельных княжества – Новгород-Северское и Стародубское, перешедшее при Иоанне III под руку Москвы из-под власти Литвы. Произошло это так: в княжествах этих сидели два заклятых врага – князь Василий Иванович Новгород-Северский, внук Шемяки, и князь Василий Иванович Стародубский, внук князя Ивана Можайского. Вражда их окончилась тем, что Василий Иванович Новгород-Северский изгнал Василия Ивановича Стародубского из его отчины, но затем в 1527 году был вызван в Москву и заключен под стражу, так как было перехвачено его письмо к киевскому воеводе, в котором он предлагал свою службу королю Сигизмунду. Обе волости же, Новгород-Северская и Стародубская, которыми он владел, были присоединены к Москве.

Во время заключения Шемячича по московским улицам ходил юродивый с метлой в руках и громко говорил: «Государство не совсем еще очищено – пришла пора вымести последний сор».

Эти слова юродивого были прямым выражением взглядов народа на власть москов-

ских государей и на оставшихся последних удельных князей; действительно, присоединение Рязани, Новгорода-Северского и Стародуба не вызвало никаких волнений у населения; только часть рязанцев по примеру Новгорода и Пскова была расселена по другим областям. Вслед за тем и удел дяди Василия – Бориса Васильевича Волоцкого – тоже отошел к Москве после смерти его бездетного сына Федора.

Таковы были дела Василия III Иоанновича в отношении исполнения прародительского завета – собирания Русской земли. Надо заметить, что во всей своей деятельности он никогда не встречал никакой поддержки со стороны своих братьев. Мы видели, что один из них, Симеон Калужский, хотел бежать в Литву и только благодаря заступничеству митрополита был прощен Василием. Другой, Дмитрий Иоаннович, как мы знаем, крайне неудачно начальствовал над войсками при первом походе Василия на Казань; при этом он не мог забыть старинного своеволия князей, за что старший брат и вынужден был посылать ему выговоры. Самый старший, Юрий

Иоаннович, также был недоволен порядками, установившимися в Москве, где вся власть принадлежала великому князю, и собирался тоже уйти в Литву, почему Василий должен был установить за ним надзор. Наконец, младший, Андрей, был человеком ничем не замечательным, ни в хорошую, ни в плохую сторону; таким образом, Василию Иоанновичу не на кого было опереться из своих близких в тяжелые времена, которые ему приходилось неоднократно переживать.

Не был счастлив он и в своей семейной жизни. Великая княгиня Соломония была бесплодна, и престол должен был перейти после него к брату Юрию, человеку совершенно неспособному продолжать успешно трудное служение Родине. Все это, конечно, сильно печалило и озабочивало Василия.

Будучи однажды за городом и увидев птичье гнездо, он, по словам летописца, сильно заплакал и начал говорить сквозь слезы: «Горе мне! На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что и они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты; и на воды не похож, потому что и

воды плодovиты; волны их утешают, рыбы веселят! Господи! Не похож я и на землю, потому что и земля приносит плоды свои во всякое время, и благословляют они тебя, Господи».

Несчастливая великая княгиня, конечно, всей душой хотела принести своему супругу наследника и прибежала для этого к знахарям и знахаркам, но ничего не помогало. А между тем Василий обратился в Думе к боярам и с плачем стал говорить им: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать, но они и своих уделов строить не умеют». Вопрос, поставленный Василием, был, конечно, огромной важности для всей будущности государства. И вот из боярской среды послышался ответ: «Государь, князь великий! Неблoдную смоковницу посекают и измещут из винограда». Этим боярским ответом определилась судьба Соломонии. Великий князь решил дать ей развод. Сторонниками этого решения был митрополит Даниил, бывший игумен знаменитого Иосифо-Волоколамского монастыря, и большинство бояр; но были и про-

тивники, в том числе князь Семен Курбский и бывший князь Василий Косой Патрикеев, в иночестве Вассиан, постриженный, как мы помним, еще при Иоанне III, вместе с отцом своим князем Иваном Патрикеевым, взамен смертной казни «за высокоумие», которой был подвергнут только князь Ряполовский; против развода был и приезжий с Афона для исправления церковных книг инок Максим Грек.

Объявление о разводе состоялось в ноябре 1525 года, после чего Соломонию постригли под именем Софии в Рождественском девичьем монастыре, а затем перевели в суздальский Покровский монастырь.

Известия, дошедшие до нас, о пострижении Соломонии разноречивы: по некоторым из них, развод и пострижение последовали по желанию и даже по просьбе и настоянию самой великой княгини, а по другим – она будто бы этому противилась.

Получив развод, Василий в начале 1526 года женился на дочери умершего князя Василия Львовича Глинского, брата знаменитого Михаила, – на княжне Елене Васильевне, де-

вушке красивой и умной, получившей, как западнорусская уроженка, более широкое образование, чем тогда было в обычае относительно московских боярышень. Об этой свадьбе сохранилось подробное описание в данных по ее поводу «Нарядах», которые для нас тем более любопытны, что свадебные обычаи русских людей были приблизительно одинаковы как у простолюдинов, так и у князей, отличаясь только степенью пышности.

Вот несколько выписок из «Нарядов» для свадьбы Василия Иоанновича:

«Наряд великого князя в Брусяной избе. Лета 7034 (1526) января в 21 день, в воскресенье, великий князь повелел бытии большему наряду для своей, великого князя, свадьбы в Брусяной избе. А как великий князь нарядясь пойдет в Брусяную избу за стол, а брату его, князю Андрею Ивановичу, быти тысяцким, а поезд изготовить из бояр, кому великий князь укажет. Среднюю палату нарядити по старому обычаю, а место оболочи бархатом с камками, как князь великий велит. А столовья на месте положить шитые, а на столовьях класти по сороку соболей, а третий сорок дер-

жати, кому укажет великий князь, чем бы опахивать великого князя и великую княгиню. А в средней палате, у того же места, поставить стол, и скатерть послати, на столе калачи, соль поставить на блюде деда князева, великого князя Василия Васильевича, что в кладовой».

«Наряд, как идти Елене Васильевне на свое место. Княжну Елену Васильевну нарядить в большой убор, как ей идтить на место, и сидети ей во своих хоромех. А тысяцкаго жене, свахам и боярыням быти у ней во всем готовом, как исстари уряжено. Как изготовят каравай, также туто поставить обе свечи. А князь великий пришлет к боярыням, а велит княжне идти на свое место, и княжне пойти из своих хором в среднюю палату, направо, в сенные двери, а с ней идти тысяцкаго жене, обеим свахам и боярыням...»

Когда невеста шла в среднюю палату, перед ней несли венчальные свечи жениха и невесты и каравай, на котором были положены золотые деньги; придя в эту палату, она села на свое место, а на место жениха – ее младшая сестра Настасья. Затем вошел в па-

лату брат великого князя Юрий Иоаннович с боярами и детьми боярскими, рассажал их по местам и послал звать жениха. Василий Иоаннович вошел со своим тысяцким и свадебными боярами, поклонился иконам, а затем сел подле невесты, где раньше сидела ее младшая сестра. После этого священник стал читать молитву; во время молитвы свечи с обручами (обручальными кольцами), перевязанные соболями, зажгли от свечки, принесенной с Богоявленского навечерья; в то же время жена тысяцкого, расчесав голову невесты, возложила на нее «кику с покровом» – головной убор замужних женщин, а потом осыпала Василия Иоанновича житом из золотой мисы, в которой были положены три девять соболей, «да три девять платков бархатных, камчатных и атласных с золотом, и без золота...». Затем дружка великого князя, благословясь, резал «перепечу» и сыры, ставил их перед женихом и невестой и рассылал приглашенным, а дружка невесты раздавал ширинки.

После этого все поехали к венцу в Успенский собор, сперва Василий, а за ним Елена,

причем на место, где он сидел, положили сорок соболей, а на ее – два сорока. Елена ехала в больших санях с женою тысяцкого и большими свахами; перед санями несли караваи и свечи. Венчал сам митрополит Даниил. После венца предпи сывалось по наряду: «И как митрополит даст пити вино великому князю и великой княжне, и как еще великий князь будет допивать вино, и он ударит скляницу о землю, и ногой потопчет сам, а иному никому не топтать, опричь князя, а после венчанья собрав, кинуть в реку, как прежде велось».

После поздравления новобрачных великий князь отправился объезжать монастыри, а затем, вернувшись в свои палаты, послал звать молодую великую княгиню к обеденному столу; на коня же его садился конюший, который должен был ездить кругом палат с обнаженным мечом во все время свадьбы. Тем временем была приготовлена опочивальня для молодых, называвшаяся «сенником»; постель стлалась на тридевяти снопах, обкладывалась дорогими тканями, и в четырех ее углах втыкались четыре стрелы, на которые

вешали по сорока соболей; свечи же и каравай ставились в головах в кади с пшеницею. По окончании обеда дружка уносил со стола в опочивальню жареную курицу, куда еще прежде были принесены шесть икон: Рождества Христова, Рождества Богородицы и четыре образа Божией Матери. В опочивальне молодых встречала жена тысяцкого, одевши на себя две шубы, одну шерстью вверх, и осыпала их из золотой мисы хмелем. На другой день молодой супруг, по особому наряду, ходил в мыльню.

Так женился Василий Иоаннович на княжне Елене Глинской.

Мы говорили, что брак этот вызывался необходимостью для государя иметь потомство и был одобрен митрополитом и большинством бояр, но что были также недовольные им. Последние принадлежали, главным образом, к тому разряду людей, которому выгодно было иметь слабого и малоспособного великого князя в Москве. Люди этого разряда составляли высшее московское боярское сословие.

Мы видели, что во времена первых собира-

телей Москвы верными сподвижниками своих великих князей были их старые бояре, про которых еще князь Симеон Гордый говорил, чтобы их слушали его наследники, причем бояре эти, в малолетство своих великих князей, самоотверженно служили им и умно и твердо вели государственные дела.

Подобного положения дел во времена великого княжения Василия Иоанновича, к сожалению, уже не было в Московском государстве. Мы уже не раз указывали, что к предкам его и к нему самому по мере собирания Русской земли приезжали в Москву не только служилые люди присоединяемых земель, но, в силу необходимости, приезжали также и князья – бывшие владельцы этих земель.

Поэтому со второй половины XV века в старое московское боярство, в среду доблестных семей Кошкиных-Захарьиных, Морозовых, Вельяминовых, Воронцовых, Бутурлиных, Ховриных, Головиных и других, входит более 150 родов нового боярства, преимущественно из бывших великих и удельных князей – потомков Рюрика и Гедимины, почему мы и начинаем встречать во всех отраслях москов-

ского управления все больше княжеские имена; многие из этих князей стали сразу выше старого московского боярства; только знаменитый род Захарьиных-Кошкиных сохранил свое первенствующее положение и исключительную близость к великим князьям благодаря особым качествам, передававшимся Захарьиными-Кошкиными из поколения в поколение как бы по наследству. Качества эти были беззаветная преданность своим государям и крупные военные дарования, наряду с исключительными способностями для исправления всех важнейших государственных должностей.

Среди остального именитого боярства из бывших удельных князей, занявшего теперь первые места, имелось, конечно, также немало истинных сынов своей Родины и преданных слуг московским великим князьям, но вместе с тем было и много таких, для которых удельные предания были еще слишком свежи и кружили их головы при всяком удобном случае. Старые московские бояре при первых собирателях приезжали в Москву своей охотою, и усиление московских князей было их

прямой выгодой, так как приносило им только добро; новые именитые бояре шли в Москву уже потому, что оставаться больше в своем уделе было нельзя, когда вся народная твердь требовала собирания земли под высокой рукой московского великого князя. Отсюда огромная разница в чувствах бояр к своему государю: старые бояре, его верные слуги, ему беззаветно преданные, смотрели на свое звание как на пожалование за службу, а новые, из бывших удельных князей, были часто людьми недовольными и крамольными, причем они смотрели на звание боярина как на наследственное свое право, и многие мечтали об утраченных правах и вольностях, посматривая при всяком удобном случае на соседнюю Литву, где большим панам так привольно жилось.

А между тем как раз в то время, когда среда московского боярства стала пополняться людьми, в которых были свежи все притязания удельного времени, сам московский государь вследствие сильного роста своей державы при Иоанне III и его сыне, получив при этом по наследию и заветы византийских им-

ператоров, высоко возвысился в своем положении над всеми подданными – князьями и простыми людьми.

Эта перемена отношений между великим князем и высшим боярством вызвала, конечно, немало неудовольствий, причем нужна была властная рука Иоанна III и Василия Иоанновича, чтобы обуздывать некоторых из бояр; тем не менее и эти оба государя, отличившиеся столь твердой волей, все-таки должны были считаться с известными порядками, сложившимися в боярской среде, когда в состав ее вошли потомки бывших великих и удельных князей.

Мы видели, что в старые времена бояре, приезжая к князю, заключали с ним условие относительно того, каково будет их служебное положение. Теперь в среде московского боярства, занимавшего все высшие должности, сложился совершенно иной порядок. Все боярские и дворянские роды составляли как бы лестницу, в которой они размещались отнюдь не по личным заслугам, а по знатности своих предков, и их взаимное положение определялось очень сложным путем, причем

потомки бывших великих князей заняли первые места; все остальные князья из удельных и старые московские боярские роды стали уже ниже, за исключением, как мы говорили, одного только рода бояр Захарьиных-Кошкиных; роды же бояр, служивших у удельных князей, стали еще ниже; за ними шли дворяне разных областей и так далее. Этот сложный порядок боярских взаимоотношений известен под наименованием местничества и определялся многочисленными правилами. При этом, по местническому счету, при совместной службе член старшего рода должен был занимать и старшее место перед младшим родом; так, например, князья Одоевские на службе по одному ведомству ставились всегда выше Бутурлиных, а Бутурлины выше Волконских; поэтому если бы почему-либо кто-нибудь из Бутурлиных был поставлен выше Одоевского, то это составляло как бы «находку» для всех Бутурлиных и бесчестье всему роду Одоевских; со стороны последних немедленно шли жалобы на понесенную «потерьку» и делались справки в составленном при преемнике Василия Иоанновича «Госуда-

ревом родословце» или Разрядном приказе, ведавшем воинскими делами, был ли когда-нибудь кто из Бутурлиных при совместной службе выше Одоевских.

Конечно, этот порядок местничества представлял страшное зло: он вызывал бесконечные споры и раздоры, а главное, лишал возможности назначать на соответствующие должности людей по их заслугам, не обращая внимания на родовитость, что особенно необходимо при назначении для начальствования над войсками. Однако порядок этот держался, как мы увидим, не одно столетие, и хотя московские государи всегда всеми силами боролись с ним, но очень не скоро могли сломить его.

Из сказанного выше делается также понятным, почему Василий Иоаннович приближал к себе дьяков – людей незнатного происхождения и лично ему всем обязанных за свое возвышение, а также почему он указывал, что у русского народа существует три врага: басурманство (нехристианский Восток), латинство (хитрый, завистливый Запад) и сильные люди своей земли.

Тем не менее сам Василий называл этих сильных людей своими «извечными боярами» и признавал все их родовые счета; только в самых исключительных обстоятельствах, в военное время, им иногда приказывалось «быть без мест». Но, считаясь с установившимся порядком местничества, Василий Иоаннович по примеру отца беспощадно карал своих бояр за всякую попытку к измене, к чему большим соблазном являлась близость Литвы и стремление недовольных московскими порядками бежать туда. Для предупреждения этого с ненадежных бояр брались клятвенные записи: «от своего государя и от его детей из их Земли в Литву, также к его братьям, и никуда не отъезжать до самой смерти»; кроме клятвенных записей великий князь требовал также с подозрительных бояр поруки духовенства и денежного ручательства; так, за Михаила Глинского поручилось трое в 5 тысячах рублей, а за этих трех – еще 47 человек.

Недовольство части московского боярства новыми порядками, сложившимися с увеличением могущества государства и усилением

великокняжеской власти, отразилось до известной степени и на церковной среде того времени. Мы видели, что при Иоанне III в нашем духовенстве резко обнаружилось два течения, как в вопросе о жидовствующих, так и в вопросе о монастырском землевладении. Иосиф Волоцкой выступил ревностным обвинителем еретиков и настаивал на суровых мерах против них; он же доказывал необходимость и пользу монастырского землевладения. Наоборот, заволжские старцы, во главе с кротким Нилом Сорским, считали, что нужно действовать на еретиков мягкими средствами и мирным внушением, и высказывались против того, чтобы монастыри обладали земельной собственностью. Соборы 1503 и 1504 годов вынесли определение относительно еретиков и монастырского землевладения — согласно с мнением Иосифа и его сторонников, или, как их тогда называли, осифлян, праведный Нил Сорский, как и подобает истинному сыну Церкви, подчинился соборному решению и больше не делал возражений по этим вопросам.

Но в это же время был и другой инок, дер-

жавшийся взглядов Нила Сорского; это был уже помянутый нами Вассиан Косой – в миру князь Василий Иванович Патрикеев, постриженный с отцом при Иоанне III по известному делу о престолонаследии, когда высшее боярство строило свои козни против Софии Фоминичны и ее сына Василия. Вступив на родительский престол, Василий Иоаннович не помнил старого зла и, снисходя к знатности рода Вассиана Косого и родству своему с ним (они были троюродными братьями по бабке Вассиана, приходившейся сестрой Василию Темному), приблизил его к себе и перевел в Москву, где он проживал то в Симоновом, то в Чудовом монастыре и часто виделся с великим князем. Вот этот Вассиан Косой, человек начитанный и образованный, но крайне высокомерный, выступил с едкими нападками на Иосифа Волоцкого и на его взгляды. Иосиф, конечно, горячо отстаивал свои убеждения, но борьба, которую ему пришлось вести, была нелегка, так как взглядов Вассиана Косого придерживался и митрополит Варлаам, избранный, по-видимому, государем по совету князя-инока.

Кроме того, тех же взглядов был и приехавший с Афона для исправления книг ученый монах Максим Грек, человек высокоправедной жизни. В молодости Максим Грек много путешествовал по Италии, где в это время был самый расцвет «поры возрождения искусств и наук», и находился в дружеских отношениях со знаменитым флорентийским монахом Савонаролой, мужественно выступившим против всеобщей роскоши и растления нравов, чему пример подавали сами папы, и за свои резкие обличения попавшим в конце концов на костер. Постригшись на Святой Афонской горе, Максим Грек был приглашен в Россию Василием Иоанновичем и прибыл в 1515 году в Москву, где ему был поручен перевод Толковой Псалтыри, а затем и других книг; так как он не знал русского языка, то переводил на латинский, а с последнего на русский переводили два московских переводчика – Димитрий Герасимов и Власий.

Вассиан Косой быстро сошелся с Максимом Греком и стал пользоваться его знанием греческого языка, чтобы переделать древний перевод Кормчей книги, где были изложены

все церковные порядки; при этом Вассиан стал громко называть правила о монастырском землевладении не правилами, а «кривилами» и еще более резко нападать на них, проповедуя для монахов полное нестяжание и бедность, хотя сам, по местному преданию, сохранившемуся в Симоновом монастыре, жил в нем весьма привольно, как богатый боярин. «Он не любил ржаного хлеба, – говорит предание, – щей, свекольника, каши и промозглого монастырского пива, но питался сладким кушаньем, иногда с великокняжеского стола, и пил, нестяжатель, романею, мушкатное и рейнское вино».

Простодушный Максим Грек, человек по складу своего ума и чувств действительно нестяжатель и отшельник, не зная ни русских отношений, ни значения монастырей и их земельных имуществ, быстро подпал под влияние своего нового приятеля, родовитого инока-князя, и стал писать вместе с горячими статьями против занятия чернокнижием и астрологией также и разные обличительные послания, или тетрадки, против корыстолюбия и других пороков среди духовенства, при-

чем касался личностей некоторых русских иереев. Вместе с тем к Максиму Греку начали собираться многие опальные бояре, недовольные государем; был с ним близок и турецкий посол грек Скиндер, как впоследствии открылось, тайный враг Москвы.

Все это не могло не возбудить против Максима Грека подозрений, особенно когда вместо Варлаама, сведенного за какую-то вину с митрополичьего стола, преемником его стал один из учеников Иосифа Волоцкого Даниил. Новый митрополит, человек весьма умный и образованный, отличался особою преданностью взглядам на самодержавную власть московских государей, которая так не нравилась многим именитым боярам, собиравшимся у Максима Грека. В числе последних был старый боярин Иван Берсень-Беклемишев, отличавшийся грубостью и большим высокоумием; он позволял себе в Боярской думе недостаточно почтительно говорить с Василием Иоанновичем и вступать с ним в спор, за что и был в конце концов подвергнут опале потерявшим терпение великим князем, в сердцах удалившим его из Думы со словами: «Пооди

прочь, смерд, ты мне не надобен».

Этот Берсень-Беклемишев, вместе с дьяком Феодором Жареным часто бывая у Максима Грека, всячески хулил как Василия Иоанновича, так и мать его Софию Фоминичну, принесшую новые порядки в Русскую землю на смену старым удельным. Такие речи не замедлили дойти до государя; было назначено строгое следствие, а затем и суд, после которого Берсеню отрубили голову на Москве-реке, а дьяку Жареному вырезали язык. Вслед за тем начался суд и над Максимом Греком; главное обвинение против него заключалось в допущении разных еретических вставок при переводе книг. Действительно, вследствие недостаточного знания русского языка в переводе Максима Грека вкрались важные неправильности. Его обвинили и сослали в Иосифо-Волоцкой монастырь, откуда он не переставал писать свои обличительные тетрадки; тогда его подвергли новому суду и заточили в тверском Отрочем монастыре.

Не избежал суда над собою в 1531 году и именитый приятель Максима Грека инок Василий Косой, отзывавшийся вместе с ним весь-

ма неодобрительно против второго брака государя. Главным обвинением против Вассиана было самовольное исправление Кормчей книги, некоторые правила которой он называл, как мы видели, «кривилами»; на суде он держал себя крайне дерзко и вызывающе и позволил себе именовать русских чудотворцев «смутотворцами» за то, что они разрешали монастырям владеть селами и землей. Его также сослали в Иосифо-Волоцкой монастырь. За много лет до суда над своими слишком страстными и резкими последователями, в 1508 году, мирно сошел в могилу тихий старец Нил Сорский, завещав перед смертью бросить его тело в пустыни, «потому что оно согрешило перед Богом и недостойно погребения; пусть растерзают его звери и птицы». Основным правилом его, как мы говорили, было «умное делание», то есть пребывание в сосредоточенном молитвенном настроении, чем достигается высшее духовное состояние, та «неизреченная радость... когда умолкает язык и даже молитва отлегает от уст... тогда не молитвой молится ум, но превыше молитвы бывает». Мощи преподобного Нила до сих

пор покоятся под спудом в убогой часовне. Его же великий противник во взглядах на значение монастырей преподобный Иосиф Волоцкой скончался в 1515 году, оставя свою обитель весьма благоустроенной; из нее вышло впоследствии много ревностных пастырей Русской церкви и больших подвижников. Защищая всю жизнь права монастырского землевладения, Иосиф в своих наставлениях братии строго требовал от них постничества и труда: «Трудись руками своими, – говорил он, – не засматривайся на жизнь ленивых, а ревнуй житию святых... Читай священные книги, а отнюдь не читай запрещенных... Ищи небесного и не жаждай земных благ; над ними растянута сеть – увязнешь, как птица... Подумай, сколько людей было после Адама и все прошли без следа... Каждое веселие света оканчивается печально. Нынче играют свадьбу, завтра плачут над мертвецом. Ныне рождается, завтра погребается. Ныне радость, завтра слезы. Ныне богат, завтра нагой. Ныне знатен, завтра труп, поеденный червями... Покайся теперь, после смерти нет покаяния. Что сделал здесь, то и найдешь там: что посе-

ешь, то и пожнешь».

Во времена Василия III жили и другие святые нашей церкви; из них особенно прославились обитавшие в северных пределах нашего Отечества: святой Александр Свирский и великий подвижник Корнилий Комельский, подвизавшийся в глухом и диком лесу в 45 верстах от Вологды и устроивший здесь обширную обитель. Наконец, при Василии же Иоанновиче жили преподобные Феодорит, Митрофан и Трифон Кольский – просветители лопарей, язычников, обитавших на крайнем севере и поклонявшихся небесным светилам, гадам и камням. Они были посланы в эти страны по благословению знаменитого Макария, архиепископа Новгородского, человека строгого в делах веры и славного своей беспредельной любовью к Русской земле, как мы это увидим в нашем последующем изложении.

Жил также во времена Василия Иоанновича и старец Елизарова монастыря Филофей, от которого осталось несколько замечательных посланий, в том числе и к Мисюрю Мунехину, бывшему, как мы уже говорили, долгие

годы дьяком при великокняжеском наместнике во Пскове. Как Филофей, так и Мисюрь Мунехин являются представителями лучших русских людей того времени. Знакомство с личностью Мисюря Мунехина наглядно показывает нам, какое значение имели тогда дьяки, люди, выходившие из простого народа и духовенства, отлично изучившие грамоту и занимавшие важные места по ведению писмоводства как в Боярской думе, так и в различных отраслях управления Московского государства. Михаил Григорьевич Мунехин занимал до отправления своего во Псков должность государева казначея и ездил послом в Египет, отчего и получил прозвание Мисюрь, то есть Египтянин, причем с его слов было составлено любопытное описание Египта, Константинополя и других городов.

Будучи назначен дьяком при воеводах во Пскове после присоединения его к Москве, Мунехин всей душой полюбил Псковский край и скоро соединил в своих руках управление почти всеми его делами; он руководил отношениями с соседними ливонцами и заведовал сооружением новых укреплений. Ему же

обязан своим возникновением и Псковско-Печерский монастырь, лежащий верстах в пятидесяти от Пскова. Полюбив небольшую обитель, здесь находившуюся и, очевидно, основанную в подражание Киево-Печерской, Мисюр Мунехин стал усердно ее посещать и собственным иждивением начал строить монастырь, обнесенный затем каменной оградой; скоро монастырь этот стал одной из святынь Псковской земли, а его крепкие стены с башнями – важным оплотом против Литвы и немцев.

Вот с этим Мисюрем Мунехиным и вел переписку Филофей, старец Елизарова Трехсвятительского монастыря близ Пскова. Старец Филофей писал Мисюрю, а также и другим лицам, в том числе великому князю Василию Иоанновичу и его преемнику Иоанну Грозному, по различным поводам: между прочим по случаю морового поветрия во Пскове утешительное послание к сущим в беде, таковое же послание к опальному вельможе и послание против звездочетов, направленное, вероятно, против некоего Николая Латинянина, распространителя астрологии при Василии Иоанно-

виче, против которого писал и Максим Грек. Послания Филофея тем драгоценны для нас, что в них ясно видны душевный склад и взгляды русских людей того времени, их глубокая вера в Бога, а также замечательно проникновенное понимание тех высоких задач, которые лежат на русских государях по собиранию под своей рукою земель во имя утверждения православной веры и мира среди народов.

«Да веси христороубче и боголюбче, – писал Филофей Мисюрю Мунехину, – яко вся христианская царства приидоша в конец и снисдошася во едино царство нашего государя. По пророческим книгам то есть росейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

И этот взгляд смиренного старца Филофея, кроме части бояр из недовольных удельных князей, глубоко разделял весь русский народ.

Барон Герберштейн, далеко не дружелюбно описывавший Московское государство, где его высокопарное велеречие разбилось о точные и ясные ответы бояр и непреклонную твердость Василия, говорил про последнего,

что он «властью своею над подданными превосходит всех других государей в целом свете; они (подданные) открыто заявляют, что воля государя есть воля Божия, и что ни сделает государь, он делает это по воле Божией». Равным образом, если кто-нибудь спрашивает о каком-нибудь сомнительном деле, то обычно получает ответ: «Про то ведает Бог да великий государь». Когда, подъезжая к Москве со своим посольством, Герберштейн спросил выехавшего к нему навстречу старого дьяка, бывшего раньше послом в Испании, о причинах обильного пота, струившегося по его лицу, то дьяк этот тотчас ответил ему: «Сигизмунд! Мы служим своему государю не по-вашему».

Полную противоположность в этом отношении представляла, как мы видели, Литва. В то время как Северо-Восточная Русь складывалась вокруг Москвы медленно, но прочно и крепко, сильные пань в Литве продолжали и при Сигизмунде захватывать все более и более в свои руки всю власть над страной и выпрашивали себе, по примеру польской знати, все новые и новые льготы, или «привилеи»;

скоро они стали владельцами обширнейших земельных пространств и имели в них совершенно таких же подданных, как сам великий князь, с правом суда и жизни и смерти над ними. Литовские вельможи захватили также и все высшие должности в государстве, как военные, так земские и придворные: гетманов, канцлеров, маршалов, воевод, каштелянов и старост.

Одновременно с этим шло сильное ополячивание всей литовской знати и шляхты и усиленный переход в латинство тех русских панов, которые оставались еще верными вере своих отцов, так как при Сигизмунде ревность латинского костела и польской sprawy к подавлению православия и русской народности развилась до невероятных размеров. В сопредельных с Москвой владениях Сигизмунд еще стеснялся угнетать православных чересчур сильно, так как понимал, что это может усилить их желание передаться Москве, но в старых червенских городах святого Владимира, в далекой древней отчине пламенного ревнителя православия великого Романа Мстиславовича, в Галицкой земле, со-

вершенно теперь оторванной от Московского государства, Сигизмунд обращался с православными не лучше, чем турки с христианами. В Галиции русские православные люди не имели права свидетельствовать против поляка-латинянина, и на них была наложена особая поголовная подать за принадлежность к схизме, таким именем, как мы говорили, католики презрительно называли святую нашу веру. В тех случаях, когда православные вместе с латинянами составляли цеховое братство, первые при различных цеховых торжествах обязаны были идти к костелу, но не имели права входить в него, а должны были стоять в ограде и за это платили определенный взнос; вместе с тем зачастую с них брали десятину в пользу латинского прихода и латинского ксендза. Конечно, подобные неправды творились и в Литве, но там, по крайней мере, они не узаконились, как в Галиции.

Если в правление Сигизмунда православные в Польше и в Литве подвергались гонению, то жида пользовались полнейшим довольством. При короле Александре, в конце XV столетия, против них было в течение

непродолжительного времени гонение, как и в Западной Европе, но так же, как и в Западной Европе, оно скоро сменилось в Литве и Польше восстановлением всех их прежних прав. Так, в 1495 году Александр Польский отдал короткий приказ: «жидову с земли вон выбить», если они не перейдут в христианство, но уже в 1503 году, «помысливши с паны радами», он принял их опять в свое государство и вернул все права, причем впоследствии они были освобождены и от военной службы; а права эти были еще большие, чем во времена Витовта. Самое важное право заключалось в том, что жида считались «вольными людьми», непосредственными подданными великого князя Литовского, и власть всемогущих панов на них не распространялась. По уголовным делам они подчинялись особому «жидовскому судье», назначаемому великим князем, а между собою они судились сами своим «жидовским сбором», или «кагалом». За убийство жида полагалась смертная казнь и отнятие всего имущества; право же на владение землею они получили еще со времен Витовта. Вместе с тем жида, обладав-

шие значительными денежными средствами, которыми они ссужали литовских панов, привыкших жить на широкую ногу, стали брать на откуп право взимания налогов с христианского населения, что возбуждало неудовольствие последнего. Один же из таких иудейских откупщиков, Авраам Езофович, заведовал даже всеми денежными средствами государства, занимая при Сигизмунде важную должность «земского подскарбия», что ныне соответствует званию министра финансов, благодаря особому покровительству иудеям со стороны супруги Сигизмунда – королевы Боны, бравшей с них за это, конечно, громадные деньги.

Королева Бона была чрезвычайно алчная женщина, весьма низкой нравственности, причем она не останавливалась для достижения своих целей перед самыми чудовищными преступлениями, отравы была ее излюбленным средством против врагов. Беря взятки, она не брезговала ничем; так, с бедных православных галичан, чтобы спасти от приговора к вечному заключению их епископа Макария, твердо стоявшего за свою паству

против посягательств костела, Бона не постыдилась потребовать 200 волов. От брака со старым Сигизмундом у Боны был единственный сын – Сигизмунд-Август, человек, несомненно, с большими дарованиями, но получивший от своей порочной матери крайне дурное воспитание. Она умышленно старалась развивать в нем качества, вредные для государя, с тем чтобы после смерти мужа самой захватить всю власть в свои руки. Королева Бона была причиной многочисленных недоразумений между королем и панами как в Польше, так и в Литве, причем Сигизмунд, чтобы приобрести расположение литовских панов, предоставил им возможность управляться в своем княжестве вполне самостоятельно и назначил в 1529 году в качестве правителя Литвы своего малолетнего сына, 13-летнего Сигизмунда-Августа, с полным наименованием великим князем Литовским, позволив даже возвести его на литовский престол. К этому же 1529 году относится и составление первого литовского судебника, или «Статута», который был написан на русском языке.

Огромные вольности, приобретенные знатью и иудеями, не пошли на пользу Литовскому государству. До нас дошло написанное в половине XVI столетия сочинение одного весьма образованного литвина-католика по имени Михалон: «О нравах татар, литовцев и москвитян».

В сочинении этом Михалон горько упрекает порядки и обычаи своей страны и ставит в пример порядки московские и даже татарские. Вот некоторые отрывки из его произведения: «На обязанность судьи татары смотрят не как на средство к наживе, а как на службу ближнему. Они тотчас отдают всякому то, что ему принадлежит, а у нас судья берет десятую часть цены спорной вещи с невинного истца... Если обе стороны помирятся, судья все-таки берет деньги, с виновного – штрафные, а с истца – десятинные; отыскивающему свою украденную вещь приходится потратить на суд больше, чем она стоит, и потому многие не решаются заводить тяжбы. <...>

Древние литовцы, – по замечанию Михалона, – отличались мужеством и воинской де-

ательностью, а ныне предаются роскоши и праздности. Вместо того чтобы самим идти в неприятельские земли, или оберегать свои пределы, или упражняться в воинском искусстве, обязанные военной службой молодые шляхтичи литовские сидят в корчме, пьянствуют и, весьма склонные к взаимным ссорам, убивают друг друга, а военное дело и защиту отечества предоставляют татарам (поселенным при Витовте), беглым людям из Московии и вообще наемным отрядам».

Так же как и Михалон, отзывается о литовцах и Себастиан Мюнстер, составитель известной «Космографии», или описания различных земель и государств. Помещая в своей «Космографии», изданной в 1550 году, рисунок литовской корчмы, он замечает: «Среди литовской шляхты распространен весьма дурной обычай: если только они соберутся в корчме, то сидят в ней с утра до полуночи».

Порицая литовских панов за изнеженность нравов, Михалон ставит им в пример москвитян. «Москвитяне, — говорит он, — изобилуют мехами, но дорогих соболей запросто не носят, а сбывают их в Литву, получая

за это золото. Они не употребляют также дорогих привозных пряностей; у них не только простолюдины, но и вельможи довольствуются грубой солью, горчицей, чесноком и плодами своей земли; а литовцы любят роскошные привозные яства и пьют разные вина, отчего у них всевозможные болезни. В городах литовских нет более распространенных заводов, чем те, на которых варится из жита водка и пиво. Эти напитки берут с собой и на войну, а если случится пить только воду, то по непривычке к ней гибнут от судорог и поноса. Крестьяне дни и ночи проводят в шинках, заставляя ученых медведей увеселять себя пляской под волынку и забыв о своем поле. Посему, растратив имущество, они нередко доходят до голода и принимаются за воровство и разбой. Таким образом, в любой Литовской области в один месяц больше людей казнят смертью за эти преступления, нежели во всех землях Татарских и Московских в течение 100 или 200 лет. Попойки часто сопровождаются ссорами. Ленъ начинается у них питьем водки; еще в постели кричат: «Вина, вина!» – и пьют этот яд мужчины, женщины и юноши

на улицах, на площадях и, напившись, ничего не могут делать, как только спать. Между тем в Московии великий князь Иоанн III обратил свой народ к трезвости, запретив везде кабаки. Поэтому там нет шинков, а если у какого-нибудь домохозяина найдут каплю вина, то весь его дом разоряется, имение отбирается, прислуга и соседи, живущие в той же улице, наказываются, а сам навсегда сажается в тюрьму. Вследствие трезвости города московские изобилуют разного рода мастерами, которые, посылая нам деревянные чаши и палки для опоры слабым, старым и пьяным, седла, копья, украшения и различное оружие, отбирают у нас золото». Далее Михалон говорит, что вследствие распространения роскоши и пьянства на Литве московские государи завоевывают у нее целые области и города, так как московский народ всегда трезв и всегда при оружии, а в крепостях всегда находятся постоянные войска; другие же по очереди занимаются охранением границ.

«В Литве, – продолжает он, – один чиновник занимает десять должностей, а прочие удалены от правительственных дел. Москви-

тяне же соблюдают равенство между своими и не дают одному многих должностей. Управление одним городом на год или на два поручают они двум начальникам вместе и двум дьякам. От этого придворные, надеясь получить начальство, ревностнее служат своему государю, и начальники лучше обращаются с подчиненными, зная, что они должны отдать отчет и подвергнуться суду, так как обвиненный во взятках бывает принужден выходить на поединок (поле) с обиженным, даже если этот последний принадлежит к низшему словию. Князь их бережливо распоряжается домашним хозяйством, не пренебрегая ничем, так что продает даже солому. На пирах его подаются большие кубки золотые и серебряные, называемые «соломенными», то есть приобретенными за проданную солому. От расчетливого распределения должностей он имеет еще и ту выгоду, что те, которых посылает исправлять различные общественные дела и даже в самые далекие посольства, исполняют все это на свой счет. За хорошее исполнение они награждаются не деньгами, а местами начальников и землю. У нас же, на-

против, если кто посылается куда-либо, даже не заслужив того, получает обыкновенно в излишестве деньги из казначейства, хотя многие возвращаются, ничего не сделав. На пути люди эти бывают в тягость тем, через владения которых идут, истощая их подводами. В Московии же никто не имеет права брать подвод, кроме гонцов по государственным делам; благодаря быстроте езды и часто меняя усталых лошадей (ибо везде стоят для этого в готовности свежие и здоровые лошади), они чрезвычайно скоро доставляют известия. У нас же придворные употребляют подводы на перевозку своих вещей, отчего происходит недостаток в подводах, и мы, не готовые, терпим нападения врагов, предупреждающих вести об их приходе».

Приведенная выше выдержка из сочинения Михалона о чрезвычайно быстрой езде в Московском государстве совершенно совпадает и с записками барона Герберштейна, который говорит, что 600-верстный переезд от Новгорода до Москвы был сделан в 72 часа благодаря отличному устройству почтовой части в Московии.

Про литовских женщин Михалон выражается так: «Татары держат жен своих в сокровенных местах, а наши жены ходят по домам праздные, в обществе мужчин, в мужском почти платье. Отсюда страсти... У нас некоторые женщины владеют многими мужчинами, имея села, города, земли, одни на правах временного пользования, другие по праву наследования, и по этой страсти к владычеству живут они под видом девства или вдовства необузданно, в тягость подданным, преследуя одних ненавистью, губя других слепую любовью».

В крайне мрачных чертах описывается Михалоном и угнетение простого народа шляхтою: «Мы держим в непрерывном рабстве людей своих, добытых не войною и не куплею, принадлежащих не к чужому, но к нашему племени и вере, сирот, неимущих, попавшихся в сети чрез брак с рабынями; мы злоупотребляем нашей властью над ними, мучая их, уродуя, убивая без суда, по малейшему подозрению. У татар и московитян ни один человек не может убить человека, даже при очевидном преступлении. Это право

предоставлено только судьям в главных городах, а у нас по всем селам и деревням делаются приговоры о жизни людей».

Особенно же удручает Михалона та кабала, в которую попало христианское население Литвы вследствие покровительства великих князей и знатных панов жидам. «В страну нашу, – говорит он, – собрался отовсюду самый дурной из всех народов – иудейский, распространившись по всем городам Подолии, Волыни и других плодородных областей. Народ вероломный, хитрый, вредный, который портит наши товары, подделывает деньги, печати, на всех рынках отнимает у христиан средства к жизни, не знает другого искусства, кроме обмана и клеветы».

В таких же красках несколькими годами позже литвина Михалона описывает польский писатель Кленович жидовское засилье на своей родине: «Может быть, ты спросишь, что делают жидаы в этом славном городе? А то же, что делает волк, попавший в полную овчарню. Посредством долгов к нему попадают в заклад целые города; он утесняет их ростами и сеет нищету. Червь медленно точит де-

рево и понемногу съедает дуб, но быстро заводит гниль; от моли погибают ткани, от ржавчины – железо. Так непроизводительный жид съедает частное имущество, истощает общественное богатство. Поздно брались за ум разоренные государи, и начинало стенать государство, наученное бедствием; оно повержено долу, как тело, лишенное крови; нет более сил и жизненных соков...»

Таково было внутреннее состояние Польши и Литвы в XVI веке по отзыву двух их современных писателей.

В это же самое время в среде католичества происходили важные и глубокие потрясения, оказавшие сильное влияние на польско-литовское общество и отразившиеся даже и в Московском государстве. Эти потрясения произвела ересь латинского чернеца Мартина Лютера.

Мы видели постепенное падение папской власти в Западной Европе под влиянием причин, главнейшими из которых были недостойное поведение некоторых лиц, занимавших папский стол, усиление власти светских государей за счет власти пап над ними и, на-

конец, то стремление к изучению языческой древности и поклонение языческим понятиям и взглядам на жизнь, которые с особой силой проявились в конце XV и начале XVI века, в расцвет так называемой «поры возрождения искусств и наук». Охлаждение европейского общества к делам веры и отображение светскими государями многих статей дохода, шедших прежде в папскую казну, вызвало, разумеется, ее оскудение; а между тем именно в конце XV и начале XVI века папы более чем когда-нибудь нуждались в деньгах, так как стали главными деятелями «поры возрождения искусств и наук», тратя огромнейшие деньги на украшение Рима величественными памятниками.

Стяжавшего навсегда известность своими пороками папу Александра VI Борджиа сменил в 1503 году папа Юлий II, человек с очень воинственными наклонностями и громадным честолюбием. Будучи одновременно главой Латинской церкви и светским государем Римской области, он вел ряд ожесточенных войн с соседями, руководствуясь в своих действиях приемами, общепринятыми тогда сре-

ди правителей Италии и изложенными знаменитым флорентийцем Макиавелли в его книге «О князе», где предательство, убийство из-за угла и всякого рода коварство признавались вполне законными и необходимыми для правителя средствами.

Чтобы оставить по себе на долгие века память, Юлий II приступил к сооружению в Риме, на месте разобранной им древней церкви Святого Петра, нового огромнейшего храма, в честь того же святого, причем и до сей поры храм этот считается самым величественным из всех существующих латинских соборов.

Первоначальное построение его было поручено славному зодчему Браманту, а затем в нем принимали участие и два величайших итальянских художника – Микеланджело и Рафаэль Санти.

Юлия II сменил в 1513 году папа Лев X, ревностно продолжавший сооружение и украшение храма Святого Петра и отличавшийся вместе с тем самым необузданным мотовством.

Чтобы удовлетворить возможности изыскивать громадные средства для папской каз-

ны, еще Александр VI Борджиа пригласил в Рим, давши огромные льготы, богатейших торговцев деньгами, или банкиров, немецкого города Аугсбурга Фугтеров.

Эти Фугтеры быстро обосновались в Риме, а глава их дома Яков Фуггер приобрел уже при Юлии II настолько выдающееся положение, что папские деньги стали чеканиться с его торговым клеймом. Избрание Льва X в папы было произведено при помощи денег Фугтеров; из 197 же латинских епископов, назначенных с 1495 по 1520 год в Германии, Швеции, Польше и Венгрии, 88 получили свое звание тоже благодаря содействию Фугтеров.

Для удовлетворения страсти к деньгам Лев X торговал всем, чем мог: званием кардинала, епископскими местами и разными должностями при своем дворе, которые он создавал исключительно с целью их немедленной продажи; вместе с тем он расширил до огромных пределов и продажу индульгенций, или разрешительных от грехов грамот.

Продажа этих грамот производилась Римской церковью и в прежние времена и была основана на том предположении, что так как

святые Латинской церкви совершили гораздо более добрых дел, чем это требовалось для спасения их душ, то от избытка этих дел составилось особое «сокровище церкви», которое и распродавалось за деньги всем желающим купить себе отпущение грехов.

Часто папы давали право производить продажу индульгенций на известный срок властителям разных латинских стран с целью сбора денег на сооружение храмов или же на крестовые походы против неверных; так, в 1502 году Александр VI Борджиа дал право продажи индульгенций в Ливонии магистру Плеттенбергу для борьбы с Москвой, причем в 1509 году Юлий II дал вновь это право на сбор средств для «крестового похода против русских схизматиков и еретиков».

Решив прибегнуть к усиленной продаже индульгенций для сбора денег на пополнение своей казны, Лев X поручил это дело в 1516 году в Германии некоему Тецелю, приобретшему в нем большой навык в Ливонии, где он продавал их, собирая деньги на войну против русских. Тецель повел продажу индульгенций в Германии на широких началах и стал

разъезжать со своими подручниками по всем городам и весям; они являлись в церкви, раскрывали свои тюки с грамотами, ставили столы для счетчиков и корзины для денег и зазывали покупателей так же, как и обыкновенные торговцы, обещая за установленную плату полное отпущение грехов, не только прошедших, но и будущих. Торговля шла успешно; однако истинно верующие люди были глубоко возмущены этим недостойным способом обогащения папской казны.

Среди негодующих был и монах Августинского ордена Лютер, человек горячо преданный латинству и положивший в молодые годы немало труда на изучение богословия и других наук. Когда его назначили преподавать в Виттенбергском университете, в Саксонии, то он скоро приобрел славу превосходного проповедника и человека высокой нравственности. В 1511 году Лютер совершил паломничество в Рим; подходя к знаменитому городу воодушевленным самыми лучшими чувствами, он пал на колени и в благоговейном порыве воскликнул: «Привет тебе, священный Рим!» Но четырехнедельное пребы-

вание в Риме открыло ему глаза на истинное положение дел, и он с ужасом убедился, какие страшные пороки царят среди всего папского двора. По возвращении своем в Виттенберг Лютер стал все более и более задумываться над вопросом о том, насколько правильны и соответствуют духу христианства все латинские установления, тем более что у него с раннего детства были по этому поводу сомнения, которые он тщательно старался отогнать от себя, приписывая их внушению нечистой силы.

Между тем в Виттенберг приехал продавать индульгенции уже упомянутый нами Тецель. Приезд этот послужил началом открытой борьбы Лютера против папской власти. Он прибил к дверям соборной церкви грамоту, в которой оспаривал права пап торговать отпущением грехов и многие другие положения.

Скоро поступок молодого проповедника стал известен всей Германии и папскому двору, причем на стороне Лютера оказалось чрезвычайно много лиц, державших его сторону, особенно среди северогерманских князей, тя-

готившихся частыми папскими поборами. Между тем умер старый император Максимилиан I, и на съезде германских князей, пользовавшихся правом избрания императора, или так называемых курфюрстов, был выбран 19-летний сын Максимилиана, уже знакомый нам Карл, король Испанский, причем весьма существенную поддержку в этом избрании ему оказал своими деньгами знаменитый дом Фуггеров. Этот император Карл, принявший наименование V, назначил в 1521 году съезд в городе Вормсе для решения различных государственных дел; сюда был приглашен также для объяснений и Лютер. По ходатайству его могущественных друзей Карл V обещал ему полную неприкосновенность и дал охранную грамоту; на сейме этом, впрочем не без предварительных колебаний, Лютер торжественно и окончательно высказался против папы.

Но, осудив порядки Латинской церкви, Лютер не остановился на этом, и вместо того, чтобы указать на необходимость возвращения к древнему православию, установленному христианскими святителями на семи Все-

ленских соборах, он положил начало великому расколу в католичестве, носящему название реформации, или переустройства, а также протестантства, то есть выражения недовольства существующим порядком; при этом он считал возможным совершенно порвать с отеческим преданием, идущим с первых веков христианства, и пренебрег всеми постановлениями отцов Церкви, а установил по своему собственному разумению новые основания христианской веры, которые он считал истинными и непреложными.

В числе этих новых оснований было отрицание им некоторых Таинств, святых, монашества и необходимости для спасения души добрых дел.

Из присутствующих на Вормском сейме многие тогда же высказались против Лютера, и он был объявлен Карлом V «вне закона»; но нашлись и приверженные друзья, которым выгодно было освободиться из-под власти пап; они горячо приняли его сторону, и скоро по всей Германии поднялась ужаснейшая смута, быстро перешедшая и на народные низы, где она выразилась сильнейшими восста-

ниями во многих местностях. В этой смуте Лютер принимал самое горячее участие; в благодарность за поддержку, оказанную ему северогерманскими князьями, он встал всецело на их сторону в деле подавления крестьянских мятежей и выпустил в свет сочинение «Против крестьян-мятежников», в котором высказывал: «Каждый, кто может, действуй против них, дави и коли их тайно и явно, как при пожаре, лишь бы погасить его какими бы то ни было способами».

С той же необычайной страстностью относился Лютер и ко всем другим своим врагам: английский король Генрих VIII написал против него богословское сочинение; Лютер отвечал на него с невероятной грубостью. Еще резче относился он к некоему швейцарцу Цвингли, который, по примеру самого Лютера, тоже задумал преобразовать христианскую веру так, как ему это казалось правильным и верным, причем, разумеется, взгляды Цвингли расходились со многими взглядами Лютера, почему между ними и началась ожесточеннейшая борьба.

Крестьянские мятежи были вскоре подав-

лены вооруженной силою; реформация же Лютера делала все большие и большие успехи. Проповедуя уничтожение монашества, он женился на расстриженной чернице, и примеру его не замедлили последовать многие латинские священники и инокини, особенно в северогерманских княжествах, где владельцы охотно поддерживали новое учение, вследствие которого с уничтожением монастырей земельные владения последних поступали в их собственность.

В конце концов благодаря расколу, внесенному Лютером в лоно латинства, Германия разделилась, и притом на несколько веков, на две части: на католическую, в которую вошли Австрия, Бавария и южногерманские княжества, и на протестантскую – с Саксонией, Богемией и большим количеством областей и городов на севере.

Ересь, созданная Лютером, не ограничилась пределами Германии; вскоре после Цвингли появились новые преобразователи и реформаторы, из которых замечательнейшими были жестокий и безнравственный английский король Генрих VIII, писавший спер-

ва против Лютера, но затем, поссорившись с папою, отделившийся от него и образовавший Англиканскую церковь, и француз Ковен, или Кальвин, человек чрезвычайно сурового и воинственного нрава, прибегавший к сожжению на костре несогласных с его учением. Кальвинизм распространился в Швейцарии и Франции, а также проник весьма быстро вместе с лютеранством и в Польшу, высшее сословие которой находилось в постоянном общении с Европой и жадно воспринимало все новые учения, шедшие из нее.

Проникновению этих учений в Польшу и Литву способствовало также большое количество немцев, живших в городах, и то обстоятельство, что ближайший сосед Польши, бывший магистр Немецкого ордена Альбрехт Бранденбургский, также отпал от латинства и перешел в протестантство, сделавшись, как мы видели, светским владельцем и подручником своего дяди Сигизмунда I.

Вскоре после Немецкого ордена отпали от католичества и перешли в лютеранство также и рыцари Ливонского ордена.

В Литве и Польше новая ересь не замедли-

ла вступить в успешную борьбу с латинством, особенно когда ее усердными проповедниками явились некоторые природные литовцы, перешедшие в протестантство, к которым примкнул и знаменитый виленский пан Николай Радзивилл Черный. Что же касается православного населения в Литве, то успехи лютеранской ереси среди католиков были для него даже выгодны, так как протестанты не преследовали православных так, как латиняне.

Много толков возбудила реформация и в Москве. Максим Грек написал слово «О Лютеровой ереси», где, не хваля мирского властолюбия пап, строго осуждал новшества в исповедании веры, внушенные человеческими страстями.

Несмотря на то что к учению Лютера примкнули многие истинно религиозные люди, в общем распространение реформации сопровождалось всюду сильным понижением общественной нравственности, что особенно отразилось на ближайших соседях Московского государства – ливонских рыцарях: потеря воинской доблести, любовь к роскоши,

пьянство и распутство стали их отличительными чертами. Вот как отзывается о них в половине XVI столетия уже упомянутый нами германский ученый Себастиан Мюнстер в своей «Космографии»: «Московский царь постоянно должен отражать нападения татар. У ливонцев с татарами дела нет, а потому их самая главная забота и работа – постоянно пьянствовать и объедаться».

Слова немца Себастиана Мюнстера лишний раз подтверждают уже высказанное нами, что в то время, когда обитатели Западной Европы, Польши, Литвы и Ливонии могли ставить целью жизни удовлетворение своих личных удовольствий и страстей, а также заниматься развитием искусств и наук, русские люди должны были нести тяжелую службу охраны этой Европы кровью и жизнью своих сынов от хищных орд азиатов, и службу эту они несли с честью.

По словам Герберштейна, мир для Московии был случайностью, а война постоянным занятием, особенно же во времена Василия Иоанновича, непрерывно занятого борьбой с Казанью и с алчным и вместе с тем недоступ-

ным Крымом, который лежал за широкими пустынными степями и отделялся, кроме того, так называемую Перекопью, широким и глубоким шестиверстным рвом, прорытым поперек перешейка между Черным и Азовским морями, с высоким укрепленным валом. Собственно Крым выставлял обыкновенно не больше 30 тысяч всадников, но к ним всегда готовы были присоединиться бесчисленные татарские орды различных наименований, кочевавшие по нашим прикаспийским и черноморским степям, на огромном пространстве от Урала до Дуная, и великолепно знавшие все удобные пути, или шляхи, как к границам Московского государства, так и к русским областям, бывшим за Литвой. Лучшим из этих шляхов по направлению к Москве был Муравский, шедший от Перекопа до Тулы, по местности между притоками Днепра и Донца.

Татары всегда старались незаметно подойти к русским или литовским границам и затем, быстро развернувшись, охватывать своими отрядами громаднейшие пространства, производя всюду грабежи и пожары, захваты-

вая скот, всякое добро, а главное, людей, особенно же мальчиков и девочек; у них для пленных были всегда наготове особые ременные своры и большие корзины, чтобы сажать в них детей. Главным рынком для пленников была Кафа, где их грузили на суда и затем везли продавать в Константинополь, Анатолию и другие города Европы, Азии и Африки. В XVI веке в городах по берегам Черного и Средиземного морей можно было встретить немало рабынь, которые укачивали хозяйских ребят польской или русской колыбельною песнью. Московские пленники, движимые горячей любовью к Родине, совершали постоянно побегии или, по крайней мере, делали постоянно попытки к этим побегам, и потому ценились на рынках дешевле рабов из Литвы и Польши. Вот что говорит по этому поводу уже известный нам Михалон: «Хотя перекопцы имеют обильно плодящиеся стада, а рабов только из пленных, однако последними они богаче, так что снабжают ими и другие земли. Корабли, часто приходящие к ним с другой стороны моря и из Азии, привозят им оружие, одежды и лошадей, а отходят от них нагруженные ра-

бами. Все их рынки знамениты только этим товаром, который у них всегда под руками и для продажи, и для залога, и для подарка, и всякий из них, хотя бы не имеющий раба, но владеющий конем, обещает заимодавцам своим заплатить в известный срок за платье, оружие и живых коней – живыми же, но не конями, а людьми, и притом нашей крови. И эти обещания верно исполняются, как будто наши люди находятся у них всегда на задворьях в загонах. Один иудей-меняла, сидя у ворот Тавриды (под крепостью Перекопом) и видя бесчисленное множество привозимых туда пленников наших, спрашивал у нас, остаются ли еще люди в наших странах или нет, и откуда такое их множество. Так, всегда имеют они в запасе рабов, не только для торговли с другими народами, но и для потехи своей дома и для удовлетворения своей злости. Наиболее сильные из сих несчастных часто лишаются ушей и ноздрей, клеймятся на лбу и на щеках и связанные или скованные мучатся днем на работе, ночью в заключении; жизнь их поддерживается небольшим количеством пищи из гнилой падали, покрытой червями,

отвратительной даже для собак. Только женщины, которые понежнее и покрасивее, со-держатся иначе; которые из них умеют петь и играть, те должны увеселять на пирах. Для продажи выводят рабов на площадь гуськом, как будто журавли в полете, целыми десятками прикованных друг к другу около шеи, и продают такими десятками, причем громко кричат, что это рабы самые новые, простые, нехитрые, только что привезенные из народа королевского, а не Московского (московское племя полагается у них более дешевым, как коварное и обманчивое). Этот товар ценится в Тавриде с большим знанием и покупается дорого иностранными купцами для продажи еще высшей ценою более отдаленным и более темным народам, каковы сарацины, персы, индийцы, арабы, сирийцы и ассирийцы. Несмотря на чрезвычайную осторожность покупателей, тщательно осматривающих все качества рабов, ловкие продавцы нередко их обманывают. Мальчиков и девочек они сначала откармливают, одевают в шелк, белят и румянят, чтобы продать их подороже. Красивые девушки нашей крови покупаются на вес

золота и иногда тут же на месте перепродают-ся с барышом. Это бывает во всех городах полуострова, особенно в Кафе. Там целые толпы сих несчастных невольников отводятся с рынка прямо на корабли. Она лежит на месте, удобном для морской торговли; то не город, а ненастная и незаконная пучина, поглощающая нашу кровь».

Мы говорили уже, что против этих внезапных набегов крымских разбойников из их неприступной берлоги московские люди должны были постоянно нести так называемую береговую службу, по берегу реки Оки, куда по государеву приказу к ранней весне, обыкновенно в Благовещение, собирались ратные люди, причем городовые дворяне и дети боярские должны были выступать за право пользования своими поместьями, «конны, людны и оружны», с указанным числом коней и вооруженных дворовых людей, укрывавшихся же наказывали кнутом.

После осмотра на сборном месте ратники, по получении тревожных вестей из степей, располагались по полкам: большой полк становился у Серпухова, полк правой руки – у Ка-

луги, левой – у Каширы, передовой – у Коломны, а сторожевой – у Алексина. Вместе с тем выдвигался вперед и шестой полк – «летучий ертоул» для высылки к стороне противника разъездов. Таким путем ежегодно собиралось до 65 тысяч человек, стоявших на местах до глубокой осени, когда уже нечего было опасаться набегов татар. Кроме высылки полков для береговой службы, были устроены украинские линии, или черты, состоявшие из ряда городов, острогов и острожков, обнесенных рублеными стенами и усиленных рвами, валами, засеками и завалами из подпиленных деревьев. Древнейшая и ближайшая к Москве из таких линий шла по Оке от Нижнего Новгорода до Серпухова, а оттуда поворачивала на Тулу и доходила до Козельска. Другая черта шла от Рязани на Венев, Тулу, Одоев и Жиздров. Впереди украинских линий устанавливались наблюдательные сторожи и станицы, имевшие задачей непосредственное наблюдение за местностью с целью своевременно извещать стоящие позади войска о приближении неприятеля. Эту службу несли главным образом казаки, выходцы из Московско-

го государства на Украину, искавшие, как мы говорили, в пограничной степи привольной жизни и не боявшиеся постоянных тревог, державших их всегда в полной готовности перевестись со степными хищниками. Древнейшие известия в летописях имеются, как мы уже указывали, о казаках рязанских, которые при Василии Иоанновиче и несли эту станичную службу; в его же княжение упоминаются и казаки смоленские, сидевшие по литовской границе. Затем в те же времена было обширное казачье поселение на окраине Днепровской чисто русского происхождения, из русских областей, подвластных Литве, и пришлого люда из Москвы. Эти казаки, так называемые малороссийские, были подчинены польской короне, и первым малороссийским гетманом с правами наместника был зять известного нам князя Константина Острожского и свойственник короля Александра – Предслав Ланцкоронский. Южнее малороссийских казаков сидели уже совершенно вольные обитатели нижнего Днепра, лишь временно входившие в соглашение с польским правительством, тоже русские люди, собиравшиеся

со всех сторон и устроившие впоследствии военное братство – знаменитую Запорожскую Сечь, оттуда они совершали лихие набеги на конях и ладьях, преимущественно на татар и турок; их первый атаман, по некоторым сведениям, был уже знакомый нам Евстафий Дашкович.

Бесперывные войны вынуждали князя Московского иметь многочисленное войско, по свидетельству некоторых иностранцев, будто бы даже до 400 тысяч человек, преимущественно конницы, сидевшей на небольших, но крепких лошадях и совершавшей чрезвычайно быстро все свои передвижения, причем при встрече с противником она обыкновенно старалась зайти ему в тыл.

Барон Герберштейн говорит о русских войсках следующее:

«Каждые два или три года государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у них лошадей и служителей. Затем он определяет каждому жалованье. Те же, кто могут по достатку своего имущества, служат без жалованья. Отдых им дается редко, ибо го-

сударь ведет войну или с литовцами, или с ливонцами, или со шведами, или с казанскими татарами, или, если он не ведет никакой войны, то все же каждый год обычно ставит караулы в местностях около Танаида (Дона) и Оки... для обуздания набегов и грабежей перекопских татар... Лошади (у русских) маленькие, не подкованы; узда самая легкая; затем седла приспособлены с тем расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и натягивать лук... Большинство пользуется плеткой, которая висит всегда на мизинце правой руки, так что они могут всегда схватить ее, когда нужно, и пустить в ход, а если дело опять доходит до оружия, то они оставляют плетку, и она висит по-прежнему. Обыкновенное оружие у них составляет: лук, стрелы, топор и палка, наподобие булавы, которая по-русски называется кистень... Саблю употребляют более знатные и более богатые. Продолговатые кинжалы, висящие наподобие ножей, спрятаны у них в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно коснуться до верхней части рукоятки или схватить ее в случае надобности.

Хотя они вместе и одновременно держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими. Некоторые из более знатных носят латы или кольчугу, сделанную искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма немногие имеют шлем, заостренный кверху наподобие пирамиды. Некоторые носят платье, подбитое ватой, для защиты от всяких ударов. Употребляют они и копьа...

Пожалуй, кому-нибудь могло бы показаться удивительным, что они содержат себя и своих на столь скудное жалованье и притом, как я сказал, столь долгое время; поэтому я разъясню в кратких словах их бережливость и воздержанность. Так, у кого есть шесть лошадей, а иногда и больше, пользуется только одной из них в качестве подъемной или вьючной, на которой везет необходимое для жизни. Прежде всего такой человек имеет в мешке, длиною в две или три пяди, толченое просо, потом восемь или десять фунтов соленой свинины; есть у него в мешке и соль, и притом, если он богат, смешанная с перцем. Кроме того, каждый носит с собой топор, ог-

ниво, котел или медный горшок, чтобы, если он случайно попадает туда, где не найдет ни плодов, ни чесноку, ни луку или дичи, имел возможность развести там огонь, наполнить горшок водою, бросить в него полную ложку проса, прибавить соли и варить; довольствуясь такой пищей, живут и господин, и слуги... Если же господин хочет пиршествовать роскошно, то он прибавляет маленькую частицу свиного мяса. Я говорю это не о более знатных, а о людях среднего достатка. Вожди войска и другие военные начальники время от времени приглашают к себе других, победнее, и, получив хороший обед, эти последние воздерживаются иногда потом от пищи два или три дня. Точно так же, если у москвитя есть плоды, чеснок или лук, то он легко может обойтись без всего другого».

Описав подробно порядки в русском войске при Василии Иоанновиче, Герберштейн рассказывает про обычаи, царившие среди подростков и детей.

После знакомства с этими обычаями делается совершенно понятной та беззаветная удаль, мужество и выносливость русских лю-

дей в бою и при суровых невзгодах походного времени.

«Юноши, – говорит Герберштейн, – наравне с подростками сходятся обычно по праздничным дням в город на обширном и известном всем месте, так что большинство может их там видеть и слышать; они созываются вместе диким свистом, который является как бы условным знаком; созванные, они тотчас сбегаются вместе и вступают в рукопашный бой; начинают они борьбу кулаками и вскоре без разбору и с великой яростью бьют ногами по лицу, шее, груди, животу, и вообще каким только можно способом, одни поражают других, состязаясь взаимно о победе, так что часто их уносят оттуда бездыханными. Всякий, кто победит больше народу, дольше других останется на месте сражения и весьма храбро выносит удары, получает особую похвалу в сравнении с прочими и считается славным победителем. Этот род состязания установлен для того, чтобы юноши привыкали сносить побои и терпеть какие угодно удары».

Главной наградой за службу военно-служилому люду при Василии была, так же как и

при его предках, раздача поместий, переходивших после смерти владельца, если у него не было сыновей на службе, в другие руки. Семьям же умершего выдавались из этого поместья известные доли на прожиток.

Поземельным устройством всех служилых людей ведал Поместный приказ, который вместе с Разрядным, или Военным, приказом, а также и некоторыми другими, о которых мы будем говорить ниже, составляли, так сказать, высшее управление всеми делами Московского государства. Приказами управляли бояре, но важное значение в них имели дьяки, заведовавшие всей письменной частью и являвшиеся часто с докладами в Боярскую думу, которая собиралась под председательством самого государя. Василий Иоаннович, как мы говорили, очень ценил умных и образованных дьяков и некоторых особо приблизил к себе, причем наибольшим его доверием и любовью пользовался тверской дворецкий – дьяк Шигона Поджогин; способности другого дьяка Юрия Малого Траханиота государь ценил так высоко, что когда тот бывал нездоров, то его приказано было привозить

на тележке в царский дворец для совещания о делах.

Василием Иоанновичем были установлены некоторые новые придворные должности – оружейничего, ловчего, кравчего и рынд; рындами назначались знатные молодые люди, носившие в торжественных случаях длинное одеяние из белого шелкового атласа и серебряные топоры и находившиеся непосредственно при великом князе. Все эти придворные чины при первом же сборе в поход тотчас садились на коней и отправлялись на войну, так как все высшее служилое сословие, какие бы оно должности ни занимало, было прежде всего военным и службу эту несло от молодых лет до смерти.

«Зато, – говорит помянутый нами итальянский историк Павел Иовий, – несущие воинскую службу пользуются свободой от податей, имеют преимущество над поселянином и во всех делах сильны царским покровительством. Во времена войны открывается благородное поприще для истинной доблести, и вообще, во всякой области управления имеются превосходные и полезные учреждения, так

что каждый за совершенный им поступок получает в удел или вечную награду, или вечный стыд».

Следуя во всем заветам своего великого родителя, Василий Иоаннович, так же как и он, ревностно продолжал заботиться об украшении стольного города и его святынь.

Через несколько месяцев по смерти Иоанна III он начал строить в Кремле церковь Николая Гостунского, а затем в 1508 году было окончено сооружение нового Архангельского собора и начата постройка великой колокольницы церкви Ивана Лествичника. Всего в Москве при Василии Иоанновиче было построено 11 каменных церквей, причем самым замечательным сооружением почитается Новодевичий монастырь, основанный в благодарность за взятие Смоленска.

В 1508 году было закончено сооружение новых каменных Государевых палат, куда Василий и перешел на житье; они сохранились до настоящего времени и составляют два нижних яруса так называемого Теремного дворца.

Наконец, в том же 1508 году Василий Иоан-

нович приказал Фрязину Алевизу Новому выкопать вокруг Кремля глубокий ров и выложить его камнем и кирпичом, а со стороны реки Неглинной (ныне засыпанной) устроить обширные глубокие пруды, причем Неглинная была соединена со рвом и с Москвой-рекой, так что крепость со всех сторон окружалась водою, а Кремль стал островом.

Павел Иовий по этому поводу рассказывает:

«Город Москва по своему положению в самой середине страны, по удобству водяных сообщений, по своему многолюдству, по крепости стен своих есть лучший и знатнейший город в целом государстве...

Дома в нем вообще деревянные, не слишком огромны и не слишком низки, а внутри довольно просторны; каждый из них обыкновенно делится на три комнаты: гостиную, столовую и кухню. При всяком почти доме есть свой сад, служащий для удовольствия хозяев и вместе с тем доставляющий им нужное количество овощей; от этого город кажется необыкновенно обширным. В каждом почти квартале есть своя церковь, на самом же воз-

вышенном месте стоит храм Богоматери, славный по своему строению и великолепию... В самом городе впадает в реку Москву речка Неглинная, приводящая в движение множество мельниц. При впадении своем она образует полуостров, на конце которого стоит весьма красивый замок с башнями и бойницами, построенный итальянскими мастерами. Москва по выгодному своему положению перед всеми другими городами заслуживает быть столицею, ибо мудрыми основателями своими построена в самой населенной стране, в середине государства, ограждена реками, укреплена замком и, по мнению многих, никогда не потеряет первенства своего».

С особенным старанием украшал Василий Иоаннович иконами и стенописью построенные отцом церкви, подобно тому, как поступал Симеон Гордый по отношению церквей, выстроенных его отцом Иоанном Калитою.

Поселившись в 1508 году в новом дворце, Василий Иоаннович повелел подписывать дворцовую церковь Благовещения мастеру Феодосию Денисьеву с братией, а в 1514 году и Успенский собор, в котором древняя икона

Андрея Боголюбского – Владимирская Божия Матерь – была благоговейно поновлена самим митрополитом Варлаамом; затем она была богато украшена серебром и золотом, а весь собор расписан стенописью, которая была «вельми чудна и всякой лепоты исполнена».

Во время великого княжения Василия Иоанновича в Западной Европе имелись уже довольно подробные сведения о Московском государстве. В помянутом нами землеописании Себастиана Мюнстера от 1550 года имеется весьма любопытное изображение русского пахаря. Начиная свое описание Московского государства, Мюнстер приводит картинку, под которой подписано «Довольство русского». Русский изображен варящим пищу в огромном котле; далее им приводятся изображения превосходного русского быта: как русская женщина берет на дереве рой; как она вынимает мед из улья, закрывши себе лицо корзиной, и медведя, яростно отбивающегося от диких пчел, в дупло которых он залез, очевидно, чтобы полакомиться. На рисунке, изображающем финских инородцев, покорен-

ных Иоанном III на северо-востоке нашей земли, Мюнстер помещает также зверей, водившихся в этих краях, и изображает, как дикие инородцы, уже просвещенные Христовой верой нашими бесстрашными проповедниками, показывают своим детям на небо, жилище Господа Бога. Наконец, обитатели крайнего русского севера представлены еще язычниками, поклоняющимися солнцу и луне.

Вообще, по описанию иностранцев, Московское государство представлялось весьма здоровой для жизни страной и вместе с тем очень плодородной и богатой как рыбой, так и дорогим пушным зверем.

Приводя наименования разных зверей, в изобилии водившихся в нашей земле, и рассказывая про охоту на них с помощью собак, кречетов и тенет, Павел Иовий говорит между прочим: «Там ловится также черноватая птица с красными бровями, величиною с гуся, мясо которой по вкусу и достоинствам превосходит фазанов; на московском языке она называется тетер».

Места для охоты в те времена были везде богатейшие, особенно же под самой Москвою,

где в окрестных полях и лесах водилось необычайное множество зайцев и диких коз, охота на которых была строго воспрещена, так как составляла особую потеху самого государя и приближенных бояр.

Подъезжая к Москве, большею частью из Смоленска, по Можайской дороге, западные европейцы приходили в неопиcуемый восторг, когда с Поклонной горы им открывался действительно восхитительный вид на Москву и ее окрестности. Некоторые благочестивые немцы прямо сравнивали ее с Иерусалимом, считая, что с этим именем связано все прекрасное и великолепное, чем только может отличаться город.

По свидетельству иноземцев, число домов в Москве в 1520 году доходило до 41 500. Дома строились из бревен очень крепко, дешево и скоро. При этом, как мы уже говорили, можно было купить целую избу за 30 или 50 копеек; лошадь стоила рубль, корова – 3 четвертака, сани с упряжью – около гривенника, а рабочему платили за сутки копейку; цена хлеба была раз в восемьдесят дешевле, чем теперь; правда, и тогдашний рубль был почти в семь

раз тяжелее нынешнего.

Однако мягкая рухлядь, до которой были так падки иностранцы: меха соболей, бобров, горностаев, лисиц, особенно черно-бурых, была сравнительно дорога; так, собольи меха, продававшиеся обыкновенно сороками, ценились от 40 до 400 рублей за 40 штук и выше. «Иногда меха, пригодные для пошивки всего одной одежды, – говорит Павел Иовий, – продаются за тысячу золотых монет».

Иностранцы привозили нам большею частью серебро в слитках, шелковые и золотые ткани, жемчуг, золото, а также произведения своих стран. Привозимый товар подвергался осмотру, и с него взималась пошлина. Кроме того, все редкие и дорогие вещи прежде всего отправлялись во дворец, где они показывались государю. Делалось это для того, чтобы государь имел возможность награждать и дарить своих людей за службу, а также иноземных послов самым лучшим и редким товаром, так как государи наши имели обычай дарить только то, что нельзя было достать ни за какие деньги на рынке.

Из Москвы же западные купцы вывозили

кожи, меха, воск и рыбу; седла, узды, одежды, ножи и топоры шли больше к татарам. Особенно оживлялась торговля зимой, когда мороз сковывал все реки; длинные вереницы возов, нагруженных всяким добром, тянулись тогда к Москве, причем главный торг происходил на крепком льду Москвы-реки, чему очень дивились иноземцы. Из иностранных купцов только поляки и литовцы могли свободно приезжать в Москву прямо от своего лица; шведам и немцам разрешалось торговать только в Новгороде; а туркам и татарам — на ярмарке Холопьего городка на устье Мологи, куда съезжались и все прочие иноземцы. Только будучи принятыми под покровительство какого-либо посольства, иностранные купцы, кроме поляков и литовцев, могли въезжать в Москву для торговли. Исключение составляли жидаы; в половине XVI века им вовсе был запрещен въезд в Москву и вообще во все государство вследствие тайной торговли запрещенными товарами.

К иностранцам Василий Иоаннович был вообще крайне приветлив, но так же, как и покойный отец, зорко следил за тем, чтобы

они отнюдь не ездили осматривать разные местности в нашем государстве с целью разведывать новые торговые пути и местонахождение драгоценных руд и камней. Так, в 20-х годах XVI века прибыл в Москву с письмом от папы и ливонского магистра некий итальянский путешественник – капитан Павел; он убедительно просил разрешения отпустить его водой в Астрахань, дабы открыть путь в Индию, суля нам при этом через несколько лет золотые горы от пошлин, которые мы будем взимать с иностранцев за провоз индийских товаров, но государь отклонил это ходатайство.

По замечанию Герберштейна и некоторых других иностранцев, русские купцы почитались очень хитрыми и лживыми и непомерно запрашивали за свои товары.

Продать по добровольному соглашению за рубль то, что себе стоило копейку, – в этом заключалась высшая торговая мудрость или тот московский обман, на который негодовали иностранцы. Но они же говорили: «Странно, однако же, что между русскими, которые вообще обман не считают делом совести, но,

напротив, скорее называют его делом разумным и достойным похвалы, есть много таких людей, которые почитают грехом, если они не возвратят покупателю, передавшему им по ошибке при расчете лишние деньги. Возвратить такие деньги они почитают себя обязанными, потому что передача случилась по неведению и против воли покупателя, но передача в цене по доброй воле почиталась обыкновенным барышом и не возвращалась».

Дурному мнению заезжих иностранцев о нравственности русских способствовало, конечно, то обстоятельство, что, не зная страны и приезжая в какой-либо город, особенно же в Москву, они прежде всего попадали в руки хитрых пройдох из среды гостиного двора или подьячих. С другой стороны, несомненно, что «московская торговая вороватость, – говорит И.Е. Забелин, у которого мы заимствуем все приводимые здесь сведения о быте Московского государства в XVI веке, – выросла и была воспитана вследствие сношений и встреч с вороватыми же иноземцами. Каждый сам себя оберегал».

Вот что писал про русских приехавший в Москву в конце XVI века посол германского императора Варкоч: «Некоторые писатели изображают москвитян непостоянными и грубыми до варварства, а потому не советуют вступать с ними ни в какие дела, но я должен заметить, что они имеют тонкий, сметливый ум и отличаются особенною приверженностью к христианской церкви, что доказывается уже тем, что клятвопреступление нигде не наказывается так строго, как у них».

Самой торговой частью Москвы и вместе с тем серединой ее, как и в настоящее время, был Китай-город, или Большой посад, у Кремля, который, по мысли Василия Иоанновича, приведенной в исполнение уже после его кончины, был обнесен земельными стенами, устроенными, по словам летописца, весьма мудро: сплетали тонкий лес между столбами и бревнами, а внутри таких плетеных стен были построены еще деревянные стены, уже по обыкновенному в то время способу. Огороженный таким образом Большой посад был назван Китаем, что могло значить оплетенный, плетеночный, потому что по местному

наречию кит, кита – веревка, сплетенная из травы или хвороста, которой перевязывают соломенные кровли. Вскоре после постройки деревянных стен были заложены вместо них белокаменные, но название Китай-город осталось.

«Трудно вообразить, какое множество там лавок, – говорит один иностранец про Китай-город, – коих там до 40 000; какой везде порядок, ибо для каждого рода товаров, даже для последнего ремесленника, самого ничтожного, есть особые ряды лавок; даже цирюльники бреют в своем ряду».

Павел Иовий рассказывает, что при Василии Иоанновиче всякий московский квартал имел ворота и рогатки, коими запирали на ночь улицы, так как по ним запрещалось бродить без дела; у рогаток этих ставились сторожа, пропускавшие только лиц знакомых и почтенных, которых даже провожали до дому.

Следуя примеру своего родителя, Василий Иоаннович бдительно следил за тем, чтобы не была занесена какая-нибудь заразная болезнь из других государств; вследствие этого приезжих иноземцев иногда подолгу задер-

живали на границе.

Немало внимания обращали эти иноземцы на необычайное для них в Московском государстве запрещение простолюдинам употреблять крепкие напитки с целью уничтожения пьянства; это было установлено также покойным отцом Василия – Иоанном III и строго поддерживалось его преемником. При этом «великий князь Василий, – рассказывает один иностранец, – выстроил для своих телохранителей, за рекой, новый город «Наливайки», название коего происходит от русского слова «наливай», потому что им одним дозволено пить мед и пиво, когда хотят, поэтому они и удалены за реку, чтобы не заражать других своим примером».

Вид народной толпы, относительно одежды, на улицах древней Москвы сильно отличался от нынешнего. Как одинаковы были у всех нравы и обычаи, начиная от великого князя и кончая простым человеком, так и покрой одежды был также у всех одинаков; разница состояла лишь в том, что убранный бедных был попроще; богатые носили иноземное сукно, шелк и дорогие меха, а простой на-

род сермягу, армячину и другие сукна деревенского изделия да одевались зимой в овчину.

При этом, по отзыву иностранцев, русская одежда была сходна с греческой, а не с татарской, как теперь думают многие, даже из русских.

Мужчины брили на голове своей волосы гладко, что считалось щегольством; люди достаточные всегда носили небольшую шапочку – тафью, покрывавшую темя и богато вышитую шелком и золотом, а иногда драгоценными камнями и жемчугом, которого вообще в те времена на Руси употребляли превеликое множество.

В такой тафье изображался иногда еще Александр Македонский, а брили себе голову также и балтийские славяне в древние времена; поэтому считать тафью и бритье головы как заимствование от татар нет оснований. На тафью надевали шапку с меховой опушкой и удлиненной кверху тульей, или «вершком». Этот вершок на шапках богатых людей шивался также из дорогих тканей и украшался золотыми запонами и жемчугом. Бояре

же носили высокие «горлатные шапки», в три четверти аршина вышиной, из меха черно-бурой лисицы. В летнее время носили полярковые колпаки и круглые шапки.

Полотняные или шелковые сорочки доходили до колен; у богатых людей они расшивались по воротнику и рукавам разноцветным шелком и золотом и украшались, кроме того, стоячим воротником из бархата, богато расшитым жемчугом и пристегивавшимся к сорочке особыми петельками. Порты, вверху широкие, кроились из легких тканей.

Поверх сорочки надевался зипун, короткий и узкий кафтан до колена с узкими рукавами. К зипуну также пристегивался стоячий воротник – богато украшенное ожерелье, вышиною около трех вершков; оно выпускалось наружу из-под верхней одежды и твердо стояло под затылком. Называлось это ожерелье козырем и было наиболее казистою частью русского наряда. Отсюда и поговорка – «ходить козырем», то есть нарядно, важно, франтом.

Сверх зипуна надевался длинный кафтан, иногда на вате, который застегивался спере-

ди пуговицами с нашивками-петлицами и подпоясывался поясом, богато изукрашенным у достаточных людей. К кушаку привешивали пояс в ножнах и ложку в особом чехле, который назывался «лжичнем».

Верхнее выходное платье называлось фрезеею, или фрезью; это был распашной, длинный, до пят, кафтан, у богатых из шелковой или золотой ткани, отороченный кружевами, а зимою на меху, с длинными рукавами, у которых под мышками оставляли прорехи для вдевания рук. Такая же летняя выходная одежда со стоячим воротником называлась охабнем.

Род охабни без подкладки из сукна назывался однорядкой.

Богатые люди носили сапоги из сафьяна черного, красного, зеленого, голубого или желтого; шились они до колен, с длинными острыми носками, на высоких каблуках с железными подковками.

Мужчины чулок или носков не носили, а заворачивали ноги в полотняные онучки.

Ткани употреблялись всех цветов, кроме черного, носившегося чернецами и черница-

ми, и пестрого, который употребляли азиаты.

В большую зиму одевались в шубы с огромными широкими воротниками, ниспадавшими до половины спины.

Из сказанного выше видно, что русские достаточные люди, когда выходили на улицу, имели много одежд, надетых одна на другую; поэтому у некоторых иностранцев и могло явиться мнение о непомерной толщине москвичей. Но мнение это ошибочно, особенно же про боярское сословие. Мы говорили уже выше, какой непомерной быстротой, по отзыву тех же иностранцев, отличались в движении русские войска, главная часть которых состояла из конницы; конечно, толстым и дородным людям невозможно было служить в таких подвижных войсках; надо сказать также, что все мужчины из боярского сословия, кроме дряхлых стариков, никогда не выходили из дому пешими и не выезжали в повозках, но появлялись на улице всегда верхом на коне, а верховая езда, как известно, не способствует ожирению.

Женский убор был, в общем, весьма схож с мужским. Замужние женщины носили на го-

лове тафтяные повойники, плотно облежавшие, так как обнажать свои волосы для замужних считалось большим стыдом. По повойнику искусно повязывалось тонкое полотняное покрывало – убрus. При выходе на улицу надевали развалистую широкую шапку из парчовой или атласной ткани, шитую жемчугом и золотом, с опушкой из бобрового меха; зимой носили треухи – шапки на меху с тремя ушами для защиты ушей и затылка, и каптуры – меховые собольи шапки, со всех сторон закрывавшие голову, кроме глаз. От каптуров произошли впоследствии капоры, которые носят и теперь еще.

Летом надевали на голову белые валеные круглые шляпы мужского образца с широкими полями, перевязанные по тулье цветными лентами или шнуром с жемчугом, каменьями и кистями, или же, чаще всего, надевали поверх убруса более тонкое полотняное или кисейное покрывало, унизанное жемчугом, которое подвязывали у подбородка.

В ушах носили длинные серьги, на шее ожерелье вроде воротника, шириною в четыре пальца, а на груди – крест или монисто, то

есть ожерелье из бус и запон.

Одежду женщин составляли длинная белая сорочка, на которую надевали сорочку красную (платье), шитую из какой-либо легкой ткани разных цветов или же полосатую, они очень искусно вышивались у богатых шелком, золотом и жемчугом. Нарядная сорочка отличалась невероятно длинными рукавами, от 4 до 6 аршин длины и более, которые собирались на руке во множество складок. Вместо нарядной сорочки употреблялась иногда и платно, такого же покроя, но шитая по большей части из тонкого сукна. Это была одежда комнатная, домашняя. Выходя со двора, надевали телогрею, верхнее распашное платье, также с длинными, до подола, рукавами, отделанное кружевом. Полы телогреи застегивались спереди от ворота до подола 15–30 пуговицами. Зимой они подшивались мехом.

Другая верхняя одежда, употреблявшаяся вместо телогреи, называлась летником; летник не был распашным, имел широкие рукава до локтей и надевался с головы. Затем носили женщины также опашни, или охабни,

сходные с мужскими того же названия. Зимний опашень на меху назывался шубой.

При летниках и шубах носили бобровые ожерелья, круглые, широкие, в пол-аршина воротники, которые в ходу у наших щеголих и по нынешнее время.

Девичья одежда не отличалась от женской, кроме одного головного убора. Девушки ходили с открытыми волосами с пробором и заплетали одну или две косы, повитые лентами или украшенные накосником, золотой подвеской и кистью.

Девичий головной убор состоял из венца, сплетенного из золотых, жемчужных или коралловых прядей, или же из особой повязки, унизанной сверкающими звездочками и жемчугом; на улице носились кики с рясками, шапки и шляпы.

Наиболее употребительной женской обувью были сапожки-чеботы из цветного сафьяна на высоких каблучках, надевавшиеся поверх шерстяных чулок, очень косматых.

Роскошно вышитые богатые носовые платки, ширинки, брались московскими женщинами и девушками при выходе их в церковь

или в гости. Носить перстни с драгоценными камнями на пальцах считалось большим щегольством.

Свои лица женщины и девушки всех сословий усиленно румянили и белили, и притом многие весьма неискусно: брови же и ресницы сурьмили черной и коричневой краской.

Люди среднего быта, дети боярские и посадские употребляли ткани более дешевые, суконные, бумажные и шелковые, а в праздники и золотые.

Простые люди наряжались, конечно, в совершенно дешевые ткани. Мужчины носили однорядки белого или синего толстого сукна, под которые поддевали зимой тулуп, а летом ходили в одних рубахах и портах; обувались же в сапоги черного товара или лапти. Простые женщины ходили по праздникам зимой в суконных телогреях, поверх меховых кафтанов, а летом в красных сорочках или сарафанах, причем без серег и без креста на шее нельзя было увидеть ни одной русской женщины, ни замужней, ни девицы.

Описывая московские нравы, иностранцы

неодобрительно отзывались о затворничестве наших женщин в теремах, но зато единодушно признавали удивительную религиозность русских людей. Герберштейн рассказывает, что он сам видел, как за обедней во время выноса даров многие из богомольцев плакали.

Отношения к духовенству остались при Василии Иоанновиче такими же, как и при его покойном отце. Когда он опалился на брата своего Юрия за злой умысел, то последний обратился с просьбой к Иосифу Волоцкому ходатайствовать за него перед государем, дав слово не строить против него ков. Иосиф согласился и послал двух своих старцев в Москву. Увидя их, Василий, догадываясь, что они приехали с целью печалования за крामольного брата, не поздоровался с ними и не спросил о здоровье игумена, как всегда водилось, а сказал им сердитым голосом: «Зачем пришли, какое вам до меня дело!» – на что один из старцев стал выговаривать ему, что государю не подобает так выходить из себя, не раз узнав наперед, в чем дело, а следует расспросить хорошенько и выслушать с кротостью и

смирением. Выслушав это наставление, государь смутился, встал и, улыбаясь, сказал: «Ну, простите, старцы, я пошутил». После этого он снял шапку, поклонился им, спросил о здоровье игумена, выслушал ходатайство и уважил его, то есть простил брата и примирился с ним.

От времен Василия Иоанновича имеется также известие о трогательном обычае устраивать братские трапезы по случаю больших праздников, на которые собирались бедные и богатые, поровну распределяя между собою расходы.

Мы знаем, что веселый пир, обед, почетной стол занимал важное место в жизни Древней Руси. На него сходились люди всякого звания по старому русскому завету.

Эти заветы Древней Руси отразились и на нравах Московского государства, основной чертой которых было самое задушевное и ласковое гостеприимство. Важным делом почиталось, кого посадить на какое место, чтобы не обидеть; при этом почетных, знатных гостей сажали на большом месте, в переднем углу, рядом с хозяином, под иконами. Самый

пир начинался особым обрядом: хозяин дома призывал супругу из ее покоев здороваться с гостями. Она приходила и становилась в переднем углу, то есть на большом месте, а гости размещались у дверей. Хозяйка кланялась им малым обычаем, то есть до пояса, а гости кланялись ей большим обычаем до земли. Затем хозяин кланялся гостям большим обычаем до земли с просьбою, чтобы гости изволили его жену целовать. Но гости в свою очередь просили хозяина, чтобы он первый поцеловал свою жену. Он уступал их просьбам и целовал ее; после него все гости по очереди подходили к хозяйке, кланялись ей большим обычаем, целовали ее и, отойдя, опять кланялись ей в землю. Хозяйка же отвечала каждому из них поясным поклоном. Затем она подносила им по чарке государева горючего винца, то есть водки, право торговли которой принадлежало, как и в наше время, правительству. Кто не пил горючего винца, тому предлагали кубок какого-либо легкого заграничного питья – виноградного, романеи или рейнского. При этом хозяин кланялся каждому гостю до земли, прося выпить вина.

Но они отвечали, что просят, чтобы выпили хозяева. Когда это было исполнено, то хозяева обносили гостей, из которых каждый кланялся опять хозяйке большим обычаем, пил вино и делал после этого опять поклон до земли. Затем хозяйка удалялась на свою половину, где она угощала жен приезжих гостей.

Во время обеда хозяин приглашал жен своих сыновей или замужних дочерей прибыть в комнату, где шел пир, и гости чествовали их описанным уже выше порядком, причем целовали их не в уста, а в обе щеки. Женщины же, подавая гостю чарку, всегда сами ее пригубливали.

Государево горючее вино было различной крепости – простое, двойное, тройное и различного же приготовления – коричневое, гвоздичное, кардамоновое и других наименований.

После водки приступали к закускам, коих было великое множество; в постные дни подавались квашеная капуста, разного рода грибное и всевозможное рыбное, начиная от икры и балыка и кончая паровыми стерлядями, сига́ми и различными жареными рыба-

ми. При закуске же полагалось и ботвинье борщовое.

Затем переходили к горячей ухе, которая подавалась тоже самого разнообразного приготовления – красная и черная, щучья, стерляжья, карасевая, сборная, с шафраном и прочая. Тут же подавали и другие блюда, приготовленные из лососины с лимоном, белорыбицы со сливами, стерляди с огурцами и так далее.

Затем шли тельные к каждой ухе, то есть тесто из рыбной мякоти с приправою, запеченное в виде различного рода животных, также пироги и пирожки, приготовленные на ореховом или конопляном масле со всевозможными начинками.

После ухи следовали росольное или просольное, всякая свежая рыба, приходившая из различных краев государства, и всегда под зваром (соусом) с хреном, чесноком и горчицею.

Обед заканчивался подачей хлебного: разного рода печений, пышек, пирожков с коринкою, маком, изюмом и другим.

Особенно разнообразно было хлебное во

время Масленицы; оно было известно под именем масленицких яств; это были оладьи различной величины, хворост и пирожки из всевозможных тест; на Масленице же подавался губчатый сыр и разного рода кисели.

В мясоед первым блюдом за столом были свиные окорока, тетерева со студенью, язык провесный, гусиные потроха и холодная говядина разного приготовления. Затем шло жаркое: баранина, гусь, индюк, рябчики, куропатки, зайцы; при этом у богатых всегда подавался жареный лебедь, раскладывавшийся на шесть блюд, а также журавли и цапли. Есть же телятину под каким бы то ни было видом почиталось в Московском государстве великим грехом. Все жаркое приготавливалось на вертеле и подавалось с различными зварами.

После жаркого следовали горячие щи и ухи (супы): куриные, из лосиных губ или ушей, лапши с зайцем и так далее.

Затем подавались рубцы, желудки, сальники, потроха бараньи и из хлебного: блины сырныи, караваи блинчатые, оладьи, кисель, каша со сливками, сыры губчатые и другое.

Зелень в русском столе того времени как

отдельное блюдо не употреблялась.

Напитки во время стола подавались простые питья, различные квасы, кислые шти, брусничная вода, малиновый морс и разные другие из ягод; пьяное же питье было брага, пиво, особенно мартовское, ячневое, овсяное, ржаное и мед всевозможных приготовлений. Из иностранных вин более других употреблялись раманя, рейнское, канарское, мушкатель, алкан (аликанте), мармазея (мальвазия), кинарес (канарское) и церковное. Вино пилось из кубков и братин, иногда вкруговую.

Богатый обед оканчивался сладостями: сахарами (конфетами), всякого рода леденцами, орехами и сушеными плодами: ягодами винными, изюмом, черносливом и финиками.

В постные дни вместо сахаров в изобилии подавали пряники в виде различных зверей, которые и теперь еще изготавливаются на Руси.

Приведенная выше роспись главнейших блюд и напитков не изменялась как в XVI столетии, так и в следующем, XVII; при этом роспись эта была одинакова и для царского стола, ибо государи Московские жили по тем же обычаям и нравам, как и их подданные; вла-

дения их составляли как бы огромную вотчину, заселенную родственными между собою семьями, почему великих князей Московских называли также государями, то есть хозяевами, владельцами своей вотчины – Русской земли.

Ввиду этого и служба московских бояр была очень сходна со службою дворовых людей своему хозяину – вотчиннику. Они служили до последней возможности, пока хватало силы, и обязаны были ежедневно с раннего утра являться во дворец, чтобы ударить челом государю; также без его разрешения они не могли выехать из Москвы даже на один день в свои ближайшие села и дачи.

Браки своих детей бояре устраивали всегда тоже с ведома и, конечно, доброго согласия государя, и на другой день молодые являлись пред его светлые очи со всем своим свадебным поездом бить ему челом, а он благословлял новобрачных иконами, дарил их и знатно угощал всех приехавших.

Точно так же в день своих именин каждый боярин ехал к государю с именинным калачом и обходил с такими же калачами и всю

его семью; то же делали жены и дочери бояр на половине государыни. Со своей стороны и государи ласково и чрезвычайно внимательно относились к своим боярам; все бояре и савночники получали каждый день с царского стола поденную подачу, что считали особою для себя честью, а если по ошибке или по другой причине ее не получали, то принимали это как опалу и великое для себя бесчестие. Государи также строго требовали, чтобы рассылаемые ими блюда непременно доходили по назначению, и виновных в неисправности наказывали батогами и тюрьмой.

Сходство Московского государства с большою вотчиною сказывалось и в самом устройстве столицы. Действительно, царский двор – Кремль, обстроенный деревнями, слободами и посадами, был как бы подобием большою вотчинной усадьбы. В совершенно таких же усадьбах жило и боярство в Москве. Хоромы их ставились посреди огромных дворов, на которых можно было поместить по 3–4 тысячи человек, и затем во дворе этом богатые люди строили решительно все потребное для своих нужд, начиная от Божьего храма и кон-

чая баней: в многочисленных избах и клетях жили дворовые люди разного наименования; затем шли конюшни, сараи, хлевы; при этом, разумеется, в каждом дворе были свои огромные сады. Барские хоромы строились выше других и так и назывались хозяйским верхом, и очень затейливо украшались, особенно окна и кровли, по присущей каждому русскому человеку потребности украшать свое жилище, особенно же его наружное покрытие, как бы головной убор – кровлю, а также и окно, которое, как око, смотрит на свет Божий; при этом стекла в XVI и XVII веках почти не употреблялись, а заменялись слюдою. Богатые боярские кровли и купола были покрыты золотом, а все украшения окон, дверей и стен были испещрены цветною травлей и узорчатой резьбой по камню и дереву и горели разными красками.

Великокняжеские хоромы как в XVI, так и в следующем, XVII веке разделялись на три части по своему назначению: к первой части принадлежали хоромы постельные или жилые – 3–4 небольших покоя, из которых один был опочивальнею, другой – рядом с ней –

крестовой, или моленною, третий назывался собственно комнатою, а самый наружный — передней; к ней примыкали сени, из которых был, в свою очередь, ход в мыльню и на сенник; так же была устроена и княгинина половина и хоромы государевых детей и родни.

Ко второй части относились хоромы непокоевые, назначенные для торжественных собраний; из них главное значение принадлежало Грановитой палате, где принимались иностранные послы и собирались по другим особо выдающимся случаям.

К третьему отделению принадлежали все хозяйские постройки и службы, расположенные по большей части особыми дворами или дворцами: конюшенным, житным, кормовым, или поваренным, хлебным, сытным и другими. Великокняжеская казна, состоявшая из драгоценных сосудов, дорогих мехов и редких тканей, сохранялась, по древнему обычаю, в подвалах каменных церквей. Кроме того, для этого же между Благовещенским и Архангельским соборами был выстроен особый казенный двор.

Отдельные хоромы в государевом дворе со-

единялись между собой, как и в Древней Руси, переходами или открытыми сенями. Из дворца было несколько выходов с лестницами и крыльцами, из которых особенной известностью пользуется и до наших времен Красное крыльцо; на него выходят русские государи показатья ликующему народу в торжественные дни их священного венчания на царство и при других важных событиях русской жизни.

Со стороны, выходявшей на Москворечье, к дворцу примыкало два сада, расположенные над каменными сводами огромного здания Запасного двора: верхний и нижний; в садах этих, называемых красными и обнесенных красивыми решетками, кроме обыкновенных фруктов воспитывались также виноград, грецкий орех и разводились арбузы. В них же по углам стояли особые беседки, чердаки, или терема, затейливо украшенные, а в нижнем саду был, кроме того, устроен и пруд с дном, обитым свинцом; в этом пруду впоследствии Петр Великий, будучи ребенком, стал впервые заниматься потешным мореходством. В летнее время в садах висели клетки с

канарейками, соловьями и попугаями.

Что касается убранства царского дворца, то главным его украшением была роспись стен, преимущественно разными назидательными картинами и притом большею частью из церковной жизни, по издревле присущей русскому человеку склонности всему учиться и научаться посредством изображения и картины.

Подъезжая к царскому дворцу, который являлся в глазах русских людей как бы Божьим храмом, всякий слезал с лошади на довольно далеком от него расстоянии и затем приближался уже пешком; только высшие сановники имели право слезать с коня в нескольких сажнях от крыльца; также разрешено это было и иноземным послам в дни их приема.

В своей домашней жизни московские государи являлись образцом умеренности и простоты. Они вставали обыкновенно в 4 часа утра и убирались при посредстве постельников, спальников и стряпчих. Умывшись и одевшись, государь шел прямо в крестовую, где его ожидали духовник или крестовой поп и крестовые дьяки; здесь он молился около

четверти часа, причем на налое ставился образ того святого, память которого праздновалась в тот день. По окончании молитвы священник кропил государя святой водой, называвшейся «праздничной»; она привозилась из разных монастырей и церквей всего государства, прославленных чудотворными иконами, и освящалась там в дни храмовых праздников; затем крестовой поп читал духовное слово из особых сборников, составленных из поучений отцов Церкви, преимущественно Иоанна Златоуста.

Прослушав поучение, государь посылал ближнего человека спросить государыню о ее здоровье, если почивал особо, а затем и сам шел к ней здороваться, после чего они вместе отправлялись в одну из своих домашних церквей слушать заутреню, а иногда и раннюю обедню. В это время все бояре, окольные, думные и ближние люди собирались уже во дворец, чтобы ударить челом государю, а затем и присутствовать в Государевой думе.

Поздоровавшись с боярами, государь шел в сопровождении их всех к поздней обедне, служившейся часу в девятом в одной из при-

дворных церквей. Тут же иногда он принимал и доклады бояр.

Затем государь возвращался в комнату и слушал доклады и челобитные, а в известные дни присутствовал и в Думе, в которой обыкновенно бояре сидели, а дьяки стояли; когда же случалось долго заниматься, то государь приказывал садиться и дьякам.

После приема докладов или сидения в Думе государь шел обедать, обыкновенно после полудня, а бояре разъезжались по домам.

Обеденный стол государя отличался крайней умеренностью; хотя на нем и подавали около 70 блюд, но они почти все расходились на «подачи» боярам, окольниковым и другим лицам, причем для близких людей государь иногда сам выбирал известное ему любимое их блюдо.

Послеобеденное время назначалось для отдыха; государь почивал до вечера, часа три. К вечеру во дворец съезжались снова все чины, и в сопровождении их он выходил в верхнюю или внутреннюю церковь к вечерне, а затем иногда опять собиралась Дума и слушались дела; обыкновенно же по окончании

церковной службы до вечернего кушанья государь проводил время со своей семьей и самыми близкими людьми в домашних развлечениях, причем этими развлечениями, кроме чтения и рассказов бывалых людей о далеких землях, были и беседы с так называемыми верховыми (придворными) богомольцами, древними стариками, весьма уважаемыми за их благочестивую жизнь и глубокую старость. Кроме них были слепцы – домрачеи, распевавшие былины и песни при звуке домры, а также и бахири – рассказчики сказок и басен. В числе любимых развлечений государей была и игра в шахматы. Имелась во дворце и особая потешная палата, в которой жили разного рода потешники, плясуны, скоморохи, гусельники и другие, а также дураки-шуты, а у государыни дураки-шутихи, карлы и карлицы; они пели веселые песни, кувыркались и особенно развлекали юных князей и княжон.

Зимой по праздникам государь любил смотреть на бой человека с медведем, а иногда хаживал на него на охоту и сам; любимой охотой государей была также на зайцев и с

ловчими птицами – соколами и кречетами; последние водились, как мы знаем, на Крайнем нашем Севере и очень дорого ценились как в Московском государстве, так особенно за границую.

Свой день государь оканчивал в крестовой комнате; он молился в ней перед сном около четверти часа.

В каждый церковный праздник совершалось торжественное богослужение в одном из кремлевских соборов или же в приходской церкви, на которое государь совершал богомольный выход в полном блеске и великолепии своего наряда и в сопровождении всего двора.

Особенно торжественно праздновалось Светлое Христово Воскресение, причем в течение всей Святой недели государь принимал поздравления от людей различного рода занятий и званий, жаловал каждого к руке и одарял всех крашеными яйцами.

Накануне или в самые дни великих праздников – на Рождество, на Светлый день, в прощальные дни Масленицы и Страстной недели, особенно же в Великую пятницу – госу-

дарь скрытно, только в сопровождении небольшого отряда доверенных слуг выходил из дворца в городские тюрьмы и богадельни, где и раздавал из собственных рук милостыню всем заключенным преступникам и пленным иноземцам, а в богадельнях – дряхлым, увечным, малолетним сиротам и всякого рода беднякам, каждому не меньше полтины, а многим по рублю, иным же по два, по три и по пять рублей – деньги огромные по тому времени. Проведав об этом выходе государя, нищие собирались во множестве по пути его следования, и каждому из них особо он также подавал щедрую лепту из своих рук. Затем нищие собирались тоже у Лобного места, на Красной площади и близ Иверских ворот, где их одежали от имени государя доверенные лица; кроме того, они приглашались по некоторым дням на обед во дворцовые палаты, причем государь иногда и сам обедал за столом «на нищую братию». В праздник же Благовещения кормление нищих происходило часто в его собственных комнатах.

Так жил Василий III по обычаям своих предков; так же жили московские государи и

после него – в XVI и XVII веках.

Особой торжественностью отличались приемы нашими государями иностранных посольств. Барон Герберштейн рассказывает об этом весьма подробно в своих записках. В день представления великого посла пред светлые очи государя запирались все лавки и мастерские, и большие толпы народа стояли на улицах; вся же кремлевская площадь была заполнена войсками. Сойдя с коней в некотором расстоянии от дворцовой лестницы и поднявшись по ее ступеням до половины, Герберштейн и его спутники были встречены государевыми приближенными, которые поцеловали их и повели дальше; наверху лестницы их встретили другие вельможи, более знатные, а войдя во дворец, послы застали в приемной палате уже в полном сборе все высшее боярство. Затем они увидели государя, сидевшего с непокрытой головой на царском месте, под образом в богатой ризе, причем справа от него на скамейке лежала шапка, а слева – посох и таз с двумя рукомояниками и полотенцем, для того, говорит Герберштейн, чтобы тотчас же умыть руки, когда послы бу-

дут отпущены.

Подходя к государю, послы били ему челом, а состоявшие при них бояре громко объявляли их имена, после чего государь жаловал гостей к руке, подавая ее для целования, а затем спрашивал о здоровье того лица, от кого послы приехали. Наконец, государь спрашивал и самих послов, поздорову ли они приехали. Совершив этот торжественный прием, государь звал посла к своему столу. Герберштейна Василий Иоаннович в первый его приезд сам пригласил словами: «Сигизмунд, ты откушаешь с нами нашего хлеба-соли». Торжественный обед давался обыкновенно в Грановитой палате, где чрезвычайно быстро дворовые служители, стряпчие и ключники расставляли столы и ставили поставцы. Государь обедал, сидя на своем царском месте, перед которым на его помосте или рундуке ставился для него стол, кованный золотом и серебром и накрытый аксамитом – золотым бархатом. К столу приставлялся приступ из двух ступеньках для кравчего, который входил на него, подавая пить и ставя есть на царский стол. От этого стола вправо накрывался

большой стол, а влево – так называемый кривой, так как влево от царского места стена образовала угол. За этими столами садились строго по порядку местничества бояре; если присутствовали великокняжеские братья, то они занимали места, ближайšie к государю. Стол же послов ставился обыкновенно против государева.

Вместе с расстановкой столов ставились и поставцы: государев – помещавшийся среди палаты, с драгоценной посудой, приводившей в восторг иностранцев; поставец сытного дворца, собственно питейный, с всевозможными ведрами, ковшами, кубками, чарами и другими сосудами с винами; поставец кормового дворца – с сосудами, заключавшими в себе уксус и лимонный рассол, а также и для постановки кушаний; разного же рода хлебные яства ставились на поставец хлебного дворца. Все поставцы обивались шелковыми полосатыми фатами; столы покрывались скатертями, и на них расставлялись судки, то есть перечницы, уксусницы, лимонники и солоницы, а затем раскладывались калачи. Тарелки, ножи и вилки подавались только по-

чтеннейшим особам, остальные же ели по-просту руками, тем более что кушанья подавались по большей части совсем уже готовые и порезанные; ложки же приносились вместе с горячим.

Когда все было готово, то докладывали государю, и он после молитвы садился за трапезу, причем все приглашенные, занимая места, били челом, касаясь правой рукой до земли. Затем боярин-дворецкий являл перед государем чашников, стольников и стряпчих, которые должны были служить у стола. Он шел впереди, а они чинно следовали за ним по двое, держась рука об руку, в одеждах из золотой и серебряной парчи, затем после низкого поклона государю они шли исправлять свои подачи.

Перед началом обеда иногда государь из собственной руки рассылал водку присутствующим. Перед началом же обеда он рассылал также почтеннейшим приглашенным хлеб, каждому особо, громко называя его по имени. Стольники, поднося хлеб, также называли по имени, кому он предназначался, и говорили затем: «Великий государь жалует тебя

своим государевым жалованьем – подает тебе хлеб». Принимая эту почесть, гость вставал и кланялся, а с ним вставали и кланялись и все присутствующие. Иногда государь рассылал и соль. Это считалось, по словам Герберштейна, высшею милостью, так как присылка хлеба означала только благосклонность, а присылка соли – любовь.

Обед начинался с жареных лебедей, а затем шли обычные русские блюда, уже нами упомянутые, число которых в торжественных случаях доходило до пятисот. В течение всего обеда государь милостиво рассылал почетным гостям подачи, а вместе с тем приказывал относить их на дом и своим сановникам, не присутствовавшим почему-либо за столом. Вместе с подачей блюд шла также подача вина и меда, причем при каждом сказывании царской подачи все вставали и кланялись государю. При приеме послов государь пил здоровье их повелителей; для этого он предварительно вставал и троекратно крестился.

Старинное русское радушие и гостеприимство требовало, чтобы гости были употчеваны допьяна, после чего они с особою бережно-

стью доставлялись на дом. Если же послы отправлялись домой трезвыми, то к ним вслед за обедом являлись столтники в сопровождении нескольких ведер вина и меда и объявляли, что присланы потчевать гостей. «Вслед за сим, – говорит Герберштейн, – приносят с напитками сосуды и кубки и всеми мерами стараются посланника сколько можно упоить. В сем искусстве русские весьма сведущи: если не имеют они способа заставить кого-нибудь выпить, то начинают пить за здоровье императора (от коего прибыл посол) или за здоровье великого князя и других знаменитых особ. Они думают, что отговариваться и не пить за чье-либо здоровье не должно и не можно. За здоровье пьют таким образом: тот, кто предлагает пить, становится посреди горницы и учтиво произносит имя, за чье здоровье он пьет, и говорит, что желает ему всякого благополучия. Выпив же, переворачивает кубок на голову, дабы показать, что он его опорожнил в знак желанья совершенного благополучия тому, чье имя перед тем произнес. Потом идет в передний угол, в большое место, приказывая налить многие кубки, под-

носит их каждому и произносит имя того, за чье здоровье пить надлежит...»

Кроме подробного описания приема послов, барон Герберштейн оставил также любопытное описание царской охоты, которую очень любил Василий, бывший вообще страстным охотником, и притом, по-видимому, преимущественно с гончими и борзыми.

Описанная охота была под Москвой, в полях, изобиловавших, как мы говорили, огромным количеством зайцев. Послы (граф Нугароль и Герберштейн), завидя государя, сошли с коней и подошли к нему. Он ласково приветствовал их словами: «Мы выехали для своей забавы и позвали вас принять участие в этой забаве и получить от этого какое-нибудь удовольствие. Поэтому садитесь на коней и следуйте за нами».

С государем был бывший казанский царь Шиг-Алей и два молодых князя, из коих один держал топор с ручкой из слоновой кости, а другой – шестопер; у государя же на поясе висело два продолговатых ножа и кинжал; кроме того, на спине под поясом у него был так называемый буздыхан – булава с шарообраз-

ным законечником. Перед началом охоты Василий Иоаннович объявил послам, что, по обычаю, он и все бояре сами ведут своих собак, и советовал им сделать то же. Затем выстроились загонщики и охотники верхами, которых было много. Первыми спустили собак государь, Шиг-Алей и послы, а потом по приказу Василия Иоанновича спустили и все остальные охотники своих меделянских и ищейных (гончих) собак. «И подлинно, – говорит Герберштейн, – весьма приятно было слышать столько собак с их весьма разнообразным лаем. У государя имеется огромное множество собак, и притом превосходных; было там также очень большое количество соколов белого и красного цветов и отличавшихся своей величиною». С охоты государь отправился к одной деревянной башне, отстоящей от Москвы на 5 тысяч шагов, где было разбито несколько шатров; там, переменяя платье, он принимал своих гостей и угощал их вареньем, орехами, миндалем и сахарами (конфетами), а затем милостиво отпустил их.

Мы видели, что причиной развода Васи-

лия с бесплодной Соломонией было желание иметь потомство. Однако и второй его брак с Еленой Глинской был первые три с лишним года бесплодным, что очень печалило государя, сильно привязавшегося к своей молодой жене; в угоду ей он даже сбрил себе бороду, что вообще не было принято у наших князей, кроме самых первых – Рюрика и Игоря. Великая княгиня Елена ездила со своим супругом во многие дальние обители и ходила пешком в ближние, усердно моля Бога о даровании ей сына. Наконец какой-то юродивый предсказал ей, что она будет матерью и родит сына широкого ума. Действительно, 25 августа 1530 года, в 7 часов утра, во время ужаснейшей бури и грозы Елена родила первенца, будущего Иоанна Грозного; вскоре затем у нее родился и другой сын – Юрий.

Радость государя по случаю рождения старшего сына была неопишная. Через десять дней он отвез его в Троице-Сергиеву лавру, где младенца окрестил игумен Иосаф, а воспитателями были 100-летний инок праведной жизни Кассиан Босой и известный подвижник святой Даниил Переяславский. Взяв

из купели сына, Василий положил его на раку преподобного Сергия и, обливаясь слезами, просил святого быть ему заступником во всей последующей жизни. По возвращении в Москву были оказаны щедрые милости: снята опала со всех князей и бояр, бывших у Василия под гневом за ясное намерение предаться польскому королю или за недоброжелательство к Елене; все темницы были открыты; золото сыпалось без счета для раздачи бедным; народ постоянно толпился в Кремле, принося поздравления великому князю; сюда же слали из далеких обителей и скитов пустынники и отшельники благословение державному младенцу. Затем в знак признательности первым чудотворцам московским великий князь повелел сделать богатые раки: золотую для митрополита Петра, истинного духовного основателя Московского государства, и серебряную – для святого митрополита Алексия. Наконец в 1531 году по древнему умирительному обычаю руками всего народа во главе с великим князем был выстроен в один день обыденный храм во имя Иоанна Предтечи на Ваганьковом поле.

Само собою разумеется, что счастливый отец окружил нежнейшими заботами как молодую мать, так и своего наследника.

Будучи крайне подвижным человеком и отлучаясь часто из Москвы, то по делам, то на богомолье, то на охоту, Василий Иоаннович вел с женой во время отлучек оживленнейшую переписку. Вот отрывки нескольких дошедших до нас писем его к ней: «...А ты бы ко мне и вперед о своем здоровье отписывала, и о своем здоровье без вести меня не держала, и о своей болезни отписывала, как тебя там Бог милует, чтобы мне про то было ведомо...» В ответ на письмо Елены Васильевны, что у маленького Ивана появился на шее гнойник, государь писал с тревогой: «Ты мне прежде об этом зачем не писала? И ты бы теперь ко мне отписала, как Ивана сына Бог милует и что у него такое на шее явилось, и каким образом явилось, и как давно, и как теперь? Да поговори с княгинями и боярынями, что это у Ивана сына явилось, и бывает ли это у детей малых? Если бывает, то отчего бывает? С роду или от иного чего? Обо всем бы об этом с боярынями поговорила и их выспросила, да ко мне отпи-

сала подлинно, чтобы мне все знать. Да и вперед чего ждать, что они придумают, и об этом дай мне знать; и как ныне тебя Бог милует, и сына Ивана как Бог милует, обо всем отпиши». Когда был получен ответ от Елены, что гнойник у Ивана прорвался, то Василий все же не успокоился и писал ей: «И ты бы ко мне отписала теперь, что идет у сына Ивана из больного места, или ничего не идет? И каково у него это больное место, поопало или еще не опало, и каково теперь? Да и о том ко мне отпиши, как тебя Бог милует, и как Бог милует сына Ивана? Да побаливает у тебя полголовы и ухо, и сторона; так ты бы ко мне отписала, как тебя Бог миловал, но баливало ли у тебя полголовы, и ухо, и сторона, и как тебя ныне Бог милует? Обо всем этом отпиши ко мне подлинно...»; «Да и о кушанье сына Ивана вперед ко мне отписывай: что Иван сын покушал, чтобы мне было ведомо», – читаем мы в другом письме.

Василий Иоаннович недолго наслаждался своим семейным счастьем. После того как в августе 1533 года было благополучно отражено нападение крымского хана Саип-Гирея на

Рязанскую Украину, великий князь отправился со всей своей семьей поклониться Живоначальной Троице – в Сергиеву лавру и выехал затем в Волок-Ламский[11], где рассчитывал «тешиться» осеннею охотой. Но по дороге он занемог в селении Езерецком; на левом его стегне появилась «мала болячка с булавочную головку: верху у нее нет, ни гною в ней нет же, а сама багрова», как сказано в так называемой «Царственной книге», заключающей в себе описание кончины Василия Иоанновича и часть царствования его преемника.

Несмотря на сильное недомогание, великий князь продолжал поездку верхом и прибыл в Волок-Ламский «в болезни велицей» в «неделю» (воскресенье) после Покрова и принял в тот же день приглашение на пир у своего любимого дядяка Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогины, очевидно не желая огорчить его отказом. На пиру этом он перемогался через силу, а на следующий день с большим трудом дошел до мыльни и так же с большими усилиями заставил себя сидеть за обедом в постельных хоромах. Тем не менее на другой день во вторник, видя, что на дворе стоит

чудесная погода для охоты, великий князь не вытерпел, приказал ловчим собраться и отправился верхом с собаками в свое село Колпь. По пути охотились, конечно, мало; из Колпи Василий Иоаннович послал за братом своим Андреем и выехал с ним в поле; однако, не проехдив и двух верст, он принужден был вернуться опять в Колпь, где он и слег окончательно. Отсюда ввиду усиления болезни было послано в Москву за князем Михаилом Глинским и великокняжескими врачами-иноземцами – Николаем Люевым и Феофилом, которые стали прикладывать к болячке пшеничную муку с пресным медом и печеным луком; от этого средства она начала рдеть и из нее появилось немного гною. Прожив две недели в Колпи, государь решил вернуться в Волок, но уже сесть на лошадь он не мог, и боярские дети несли его всю дорогу на руках.

В Волоке ему сделалось хуже – в груди появилась тягость, и больной стал принимать очень мало пищи; к болячке же он приказал прикладывать мед, и из нее начал вытекать обильный гной – по полутазу и по тазу. При

таких обстоятельствах Василий Иоаннович решил распорядиться насчет смерти и послал в Москву дьяков Якова Мансурова и Григория Путятина тайно привезти ему духовные грамоты отца и деда, а также свою, приказав ничего не говорить ни митрополиту, ни боярам, очевидно чтобы их не тревожить без крайней необходимости. Эти грамоты были доставлены в Волок также тайно от бывшей с государем великой княгини Елены и братьев его Андрея и Юрия; свою духовную, написанную еще до вступления во второй брак, Василий приказал немедленно сжечь, а затем стал советоваться с дьяками Шигоною и Путятиным, кого из бояр пригласить в Думу и кому «приказати свой государев приказ»; из бояр при нем в Волоке были князь Димитрий Бельский, князь Иван Шуйский, князь Михаил Глинский и дворецкие, князь Иван Кубенский да Иван Шигона. В Волоке же во все время болезни находились и братья великого князя – Юрий и Андрей. Юрий хотел остаться при нем до конца болезни, но Василий решительно этому воспротивился, так как не доверял ему; младшему же брату Андрею разре-

шено было остаться. Затем решено было вызвать из Москвы очень почитаемого старца Мисаила Сукина ввиду того, что великий князь возымел желание принять схиму, и близкого и преданного боярина Михаила Юрьевича Захарьина (Кошкина).

Между тем из болячки вышло более тазагною и огромный стержень в полторы пяди, но не весь. Когда приехал Михаил Юрьевич Захарьин, великий князь собрал бояр и стал с ними думать, как ему вернуться в Москву. «И приговорил князь велики с бояре ехать ему с Волока в Осифов монастырь к Пречистой молиться». Переезд в Иосифов монастырь (18 верст от Волока) был чрезвычайно труден для больного; он ехал в каптане, лежа на постели, вместе с князьями Шкурлятевым и Палецким; они же поддерживали его под руки, когда он, опираясь на костыль и имея впереди себя своего горячо любимого сына Ивана, направился в церковь, откуда ему вышли навстречу игумен с братией; когда дьякон стал читать ектенью за Василия, то не мог продолжать ее от слез, а все присутствующие – великая княгиня, бояре и иноки – с горьким пла-

чем и рыданием молились об исцелении больного. Великий князь ночевал в монастыре, а на другой день продолжал свой путь. При этом решено было, что он въедет в Москву тайно, так как там много было в это время иноземных послов. 21 ноября он остановился в селе Воробьеве, все время невыносимо страдая от боли; здесь он пробыл три дня и принимал митрополита, епископов и бояр, приезжавших навещать его. Так как лед на Москве-реке был еще не крепок, то приказано было навести мосты против Новодевичьего монастыря, через который Василий и решил въехать в Москву. Но когда санники (лошади, приученные ходить в санях), запряженные в каптану, въехали на мост, то он обломился и каптану подхватили на руки боярские дети, поспешив отрезать гужи у лошадей, «и оттуду же князь великий возвратися и покручинися на городских прикащиков, а опалы на них не положил. И поиде князь великий в славный град Москву в ворота в Боровитцкие (через паром у Дорогомиловской заставы), и внесоша его в постелные хоромы, и тако изволением Божиим, аще и крепце болезнуа, но обаче

адамантская (алмазная) его царева душа, крепчайшее благодарение и молитвы иже к Богу непрестанно бяху в устех его». Прибыв в Москву, государь призвал бояр – князя Василия Васильевича Шуйского, Михаила Юрьевича Захарьина, Михаила Семеновича Воронцова, казначея Петра Ивановича Головина, дворецкого Шигону – и стал говорить им о своем сыне Иване, о своем великом княжении и о своей духовной грамоте, «и како строится царьству после него». Затем он приказал писать при себе дьякам своим Григорию Путятину Меньшому и Федору Мишуруину новую духовную грамоту, прибавив в думу об этой грамоте еще князя Ивана Васильевича Шуйского, Михаила Васильевича Тучкова и князя Михаила Львовича Глинского, дядю великой княгини. В это же время приехал в Москву и брат великого князя Василия – Юрий; Андрей приехал еще ранее.

Вслед за написанием духовной Василий Иоаннович стал думать о пострижении с митрополитом Даниилом, коломенским владыкою Вассианом и духовником своим протопопом Алексеем; последнему и старцу Мисаилу

Сукину он говорил еще в Волоке: «Смотрите, не положите меня в белом платье, хотя и выздороветь – нужды нет, мысль моя и сердечное желание обращены к иночеству».

Через несколько дней великий князь тайно приобщился и соборовался маслом, а за неделю перед Николиным днем «явственно свящался маслом»; на другой день, в воскресенье, он приказал принести себе Святые Дары. Когда дали знать, что их несут, государь встал, опираясь на Михаила Юрьевича Захарьина, и сел в кресло; когда же его начали причащать, то он встал совсем на ноги, благоговейно принял, проливая слезы, Святые Дары и, вкусив просфору, лег опять на постель. К ней он призвал братьев Андрея и Юрия, митрополита и всех бояр и начал говорить:

«Приказываю своего сына, великого князя Ивана – Богу, Пречистой Богородице, святым чудотворцам, и тебе, отцу своему Даниилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которым меня благословил отец мой; а вы бы, мои братья князь Юрий и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем мне крест целовали, о земском строении и о рат-

ных делах против недругов сына моего и своих стояли сообща, чтобы рука православных христиан была высока над басурманством и латинством; а вы бы, бояре, и боярские дети, и княжата, стояли сообща с моим сыном и с моею братиею против недругов и служили бы моему сыну, как мне служили прямо».

Отпустив братьев и митрополита, умирающий государь продолжал свое слово боярам: «Знаете и сами, что государство наше ведется от великого князя Владимира Киевского, мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре; так постоит, братья, крепко, чтобы сын мой учинился на государстве государем, чтобы была в земле правда, а в вас розни никакой не было; приказываю вам Михаила Львовича Глинского; человек он к нам приезжий; но вы не говорите, что он приезжий, держите его за здешнего уроженца, потому что он мне прямой слуга, будьте все сообща, дело земское и сына моего дело берегите и делайте заодно; а ты бы, князь Михайло Глинский, за сына моего Ивана и за жену мою, и за сына моего князя Юрия кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал».

Государь продолжал скорбеть и изнемогать; особенно же удручал его тяжелый дух из раны – «идущее же из нея нежид смертный». Призвав Михаила Глинского и двух врачей, он приказал им что-нибудь приложить или пустить в рану, чтобы уничтожить этот дух. Михаил Юрьевич Захарьин, утешая его, сказал на это: «Государь князь великий! Как тебе полегчает немного, тогда бы в рану водки пустить бы». Государь же обратился к лекарю Николаю со следующим словом: «Брат Николай! Ты пришел ко мне из своей земли и видел мое великое к себе жалованье, можно ли что-нибудь сделать, чтобы облегчить мою болезнь?» И отвечал на это Николай: «Видел я, государь, великое твое жалованье ко мне и ласку, и хлеб и соль, но могу ли я, не будучи Богом, сделать мертвого живым?»

Услышав это, Василий сказал присутствующим: «Братья! Николай определил мою болезнь – я уже не ваш». Все начали горько плакать, но сдерживались перед ним; выйдя же из его покоев, громко зарыдали и были сами как мертвые.

Государь заснул и вдруг запел во сне: «Ал-

лилуйя, аллилуйя, слава тебе Господи», затем проснулся и промолвил: «Как Господу угодно, так и будет: буди имя Его благословенно отныне и до века».

3 декабря был последний день его земной жизни. Он с утра приказал держать наготове запасные Дары, но мысли его были все еще заняты судьбами своего государства и малолетнего преемника.

Когда к нему вошел троицкий игумен Иосаф, Василий сказал ему: «Помолись, отец, о земском строении и о сыне моем Иване». Днем его причастили; после этого он приказал позвать бояр: князей Василия и Ивана Шуйских, Михаила Юрьевича Захарьина, Воронцова, Тучкова, князя Михаила Глинского, Шигону, Головина и дьяков Путятина и Мишурина; с ними от третьего до седьмого часа он вновь беседовал о сыне, об устройении земском и как быть и править государством. После ухода бояр остались трое самых приближенных к нему: Михаил Юрьевич Захарьин, Глинский и Шигона и пробыли до самой ночи; умирающий приказывал им о великой княгине Елене, как ей без него быть, как к

ней боярам ходить с докладом и обо всем им приказывал, как без него царству строиться.

Затем вошли братья Андрей и Юрий и уговорили его съесть немного миндальной каши. Василий стал говорить: «Вижу сам, что скоро должен буду умереть, хочу послать за сыном Иваном, благословить его крестом Петра-чудотворца, да хочу послать за женою, наказать ей, как ей быть после меня. Но нет, не хочу посылать за сыном, мал он, а я лежу в такой болезни – испугается он». Присутствующие, однако, стали уговаривать его послать за ним. Государь согласился. В комнату вошел брат великой княгини Иван Глинский, держа ребенка на руках, а вместе с ними и мамка его, Аграфена Васильевна Челяднина. Великий князь перекрестил сына, призывая на него милость Божию и Пречистой Богородицы и благословение Петра Чудотворца, и наказал мамке: «Смотри, Аграфена, от сына моего Ивана не отступай ни пяди».

Затем вошла вся в слезах и рыдая великая княгиня Елена. Государь стал утешать ее, говоря: «Жена, перестань, не плачь, мне легче, не болит у меня ничего, благодарю Бога».

Придя в себя, Елена сказала ему: «Государь великий! На кого меня оставляешь? Кому детей приказываешь?» На это Василий отвечал: «Благословил я сына своего Ивана государством и великим княжением, а тебе написал в духовной грамоте, как писалось в прежних грамотах отцов наших и прародителей по достоянию, как прежним великим княгиням».

Тогда Елена начала просить, чтобы он благословил и младшего сына Юрия. Василий согласился, и когда малютка был внесен в комнату, то он благословил его золотым крестом и сказал, что записал и Юрия в духовной грамоте, как следует.

Умиравший хотел поговорить еще с женой, но с ней сделался сильный припадок плача, перебиваемый криком; тогда он поцеловал ее в последний раз и велел вывести из комнаты.

Устроив все земные дела и простившись с дорогими ему существами, государь спешил успеть исполнить свое заветное желание: лечь в схиме. Он послал за владыкой коломенским Вассианом и старцем Мисаилом Сукиным; в это же время в его покое собрались

митрополит, братья Андрей и Юрий, бояре, дьяки и дети боярские. Сюда же принесли из храмов чудотворный образ Владимирской Божией Матери и икону святого Николая Гостунского. Государь приказывал спросить своего духовника, бывал ли он при том, когда душа разлучается от тела. Тот отвечал, что мало бывал. Тогда великий князь велел ему войти в комнату и стать против него рядом со стряпчим Феодором Кучецким, бывшим при кончине великого князя Иоанна III; дьяку же крестовому Даниилу велел петь канон мученице Екатерине и канон на исход души и приказал говорить себе отходную. Когда дьяк запел канон, государь немного забылся и стал в бреду поминать святую Екатерину, но затем быстро очнулся, приложился к ее образу и мощам и, подозвав к себе боярина Михаила Семеновича Воронцова, поцеловался с ним и простил ему какую-то вину.

После этого государь приказал своему духовнику дать ему причастие как раз тогда, когда он будет умирать, прибавив при этом: «Смотри же рассудительно, не пропусти времени». Сказав затем несколько слов брату Ан-

дрею по поводу приближающегося смертного часа, он подозвал к себе всех присутствующих и обратился к ним со словами: «Видите сами, что я изнемогаю и к концу приближаюсь, а желание мое давно было постричься, постригите меня».

Тут, вместо того чтобы немедленно исполнить волю умирающего, возникли вдруг споры. Митрополит и боярин Михаил Юрьевич Захарьин выразили полное сочувствие желанию Василия, но против этого восстали брат его Андрей Иоаннович, Михаил Семенович Воронцов и Шигона и стали говорить: «Князь великий Владимир Киевский умер не в чернецах, однако сподобился праведного покоя. И иные великие князья не в чернецах преставились, а не с праведными ли обрели покой?» «И бысть промеж ими пря велика», – говорит летописец. Между тем великий князь подозвал к себе митрополита и сказал ему: «Я поведал тебе, отец, всю свою тайну, что хочу быть чернецом; чего же мне так долежать? Сподоби меня облечься в монашеский чин, постриги меня». Затем, подождав немного, он опять сказал: «Так ли мне, господин митропо-

лит, лежать?» После этого он начал креститься и говорить: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже!» – а также и слова из церковной службы. Скоро у Василия уже стал отниматься язык, но он все просил, с трудом произнося слова, пострижения, брал в руки простыню и целовал ее; затем отнялась и правая рука. Боярин Михаил Юрьевич Захарьин поднимал ее и помогал своему умирающему государю креститься, а споры о пострижении продолжались. Наконец митрополит Даниил решил поспешить исполнить волю великого князя и послал за монашеским платьем; необходимое же для пострижения в монахи отрицание Василий исповедал митрополиту еще в воскресенье во время причастия, сказав ему: «Если не дадут меня постричь, то на мертвого положите монашеское платье, это мое давнишнее желание!» Когда старец Мисаил Сукин пришел с платьем, то государь уже отходил, и Даниил, взявши епитрахиль, подал платье через великого князя троицкому игумену Иосафу, чтобы тот начал службу пострижения.

Однако и тут князь Андрей Иоаннович и боярин Воронцов стали противиться этому;

тогда возмущенный Даниил обратился над самым телом умирающего государя с грозным словом к Андрею: «Не буди на тебе нашего благословения ни в сей век, ни в будущий; хорош сосуд серебряный, но лучше позолоченный» – и затем стал поспешно постригать уже испускавшего дух Василия Иоанновича. «И положи на него, – говорит летописец, – переманатку и ряску; а манатии не бысть, занеже бо, спешачи и несучи, выронили; и возьми с собою келарь Троецкий – Серапион Курцов манатию и положи на него, и схиму ангельскую и Евангелие на груди положиша... И абие причастиша великого государя Василия Ивановича Святых Тайн – животворящего Тела и Крове Христа Бога нашего... И тогда просветися лицо его, яко свет, вкупе же и душа его с миром к Богу отъиде; и стояще же близ его Шигона, и виде Шигона дух его отшедш, аки дымец мал».

Скоро плач и рыдания наполнили все палаты. Смерть великого князя последовала в 12-м часу ночи с 3 на 4 декабря 1533 года. Он умер, едва достигнув 54 лет. Митрополит тотчас же привел в соседнем покое к присяге

братьев покойного Юрия и Андрея служить великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси, матери его, великой княгине Елене, и стоять в правде в том всем, в чем целовали крест покойному великому князю. Затем после присяги Даниил с остальными присутствующими отправился к великой княгине утешить ее в постигшем горе, но она, увидя их, упала замертво и два часа была без чувств.

Известие о кончине Василия Иоанновича произвело чрезвычайно глубокое впечатление: люди всех званий шли во дворец с великим плачем проститься с усопшим. Когда же вынесли его тело в Архангельский собор для погребения, то народный вопль заглушал звон кремлевских колоколов. «Лети хоронили своего отца, – говорит летописец, – называя его добрым, ласковым государем».

Действительно, память о Василии Иоанновиче не должна умирать в сердцах русских людей. Он до последнего своего часа был исключительно занят заботами о строении государства и о собирании Русской земли по заветам отцов и за свою сравнительно недолгую

жизнь достиг многого: присоединил Псков и вернул Смоленск; смирил Казань, посадив там хана из наших рук, и выстроил для облегчения ее завоевания в будущем город Васильсурск; вместе с тем Василий сдерживал, насколько было сил, Крым и всегда держал себя с большим достоинством по отношению его ханов; он был грозой ливонских немцев, Литвы и Польши и с честью поддерживал отношения с папами и государями Западной Европы. Будучи горячо предан православию и древнему благочестию, он отличался и большой ласковостью к иностранцам.

В управлении государством Василий шел во всем по стопам своего великого отца; при этом самым тяжелым для него делом было подавление старых удельных стремлений у нового родовитого боярства, собравшегося в Москве.

«Василий, – говорит Н.М. Карамзин, – имел наружность благородную, стан величественный, лицо миловидное, взор пронизательный, но не строгий; казался и был действительно более мягкосердечен, нежели суров по тогдашнему времени. Наказывал вельмож и

самых близких, но часто и миловал, забывал вины. Снискав любовь народа, он, по словам историка Иовия, не имел воинской стражи во дворце, ибо граждане служили ему телохранителями».

Владея обширной державою и обладая огромной властью над своими подданными, Василий Иоаннович, величаемый иностранными государями императором и царем, довольствовался следующим титулом: Великий государь Василий, Божию милостию государь всея Руси и великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Низовской земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волоцкий, и Ржевский, и Вельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский и иных.

В титуле этом, так же как и в титуле Иоанна III, нет царского наименования, но в него уже включены все разновластные земли Северо-Восточной Руси, которые были собраны Москвой при четырех преемниках Дмитрия

Донского – при Василии Димитриевиче, Василии Темном, Иоанне III и Василии Иоанновиче.

Все эти государи были, конечно, людьми различных душевных складов, но они неуклонно шли, как один человек, вместе со всей народной твердью к единой великой цели – к собиранию родной земли под властью Москвы, несмотря на неустанную борьбу, которую им пришлось вести с многочисленными врагами.

В 1380 году после победы на Куликовом поле Москва стала близким и родным словом для всех обитателей различных отдельных владений Северо-Восточной Руси, а через полтора столетия, к концу великого княжения Василия Иоанновича, та же Москва образовала уже обширное государство, обитатели коего глубоко верили, что оно является Третьим Римом, который, по пророческим словам старца Елизарова монастыря Филофея, не «прейдет» вовеки и соберет под властью своих государей все остальные державы.

И вера эта укреплялась сознанием, что русские люди строят свое государство на незыб-

лемых основаниях. Они строили его на самодержавной власти своих государей, почитаемых ими превыше всего на земле, на горячей приверженности к заветам отцов, «чтобы не перестала память родителей наших и наша и свеча бы не угасла», на своей крови, непрерывно проливаемой ими.

Часть вторая. Иоанн Грозный и Смутное время. Избрание на царство Михаила Феодоровича Романова

Глава 1

Правление великой княгини Елены. Правление бояр. Детство и юность Иоанна. Венчание на царство и женитьба. Митрополит Макарий. Сильвестр и Адашев. Иван Пересветов. Соборы и преобразования. Казанский поход. Астрахань. Крым. Ливонская война. Начало сношений с Англией

После похорон великого князя Василия Иоанновича, при торжественном собрании духовенства, бояр и народа, митрополит Даниил благословил в Успенском соборе 4-летнего великого князя Иоанна IV на властвование над Русской землею; правительницей же, за его малолетством, являлась, естественно, по древнему русскому обычаю, его мать – великая княгиня Елена Васильевна. Свое вступление в управление государством она начала

с милостей: сидевший в тюрьме за самовольный отъезд к брату покойного великого князя Юрию князь Андрей Михайлович Шуйский был выпущен на свободу; затем богатые дары готовились для раздачи в память об усопшем великом князе его братьям и близким людям.

Но уже через неделю великой княгине пришлось начать беспощадную борьбу с врагами государства, которые, видя малолетство

великого князя, не замедлили поднять свои головы. По рассказу одних летописцев, только что выпущенный из тюрьмы князь Андрей Михайлович Шуйский стал уговаривать князя Горбатова отъехать к дяде малолетнего великого князя Юрию, которому, как мы помним, сильно не доверял и покойный Василий Иоаннович; «Пойдем со мной вместе, – говорил Андрей Шуйский Горбатову, – а здесь служить – ничего не выслужишь; князь великий еще молод, и слухи носят о Юрии; если князь Юрий сядет на государство и мы к нему раньше других отъедем, то мы у него этим выслужимся». Горбатов не согласился; тогда Андрей Шуйский поспешил отправиться к правительнице и оклеветал Горбатова – будто он его сманивал к отъезду; но правда выяснилась, и князя Шуйского посадили вновь в тюрьму. Вместе с тем близкие бояре посоветовали Елене Васильевне лишить свободы и князя Юрия Иоанновича, на что она им ответила: «Как будет лучше, так и делайте», после чего Юрия посадили в ту же палату, где сидел и его племянник Димитрий, внук Иоанна III.

Другие летописцы рассказывают иначе:

будто сам князь Юрий прислал к Андрею Шуйскому своего дьяка звать его на службу; Шуйский передал об этом князю Горбатову, тот боярам, а от них узнала и правительница, которая приказала схватить обоих. Разбирая подробно вопрос о том, было ли достаточно причин у великой княгини согласиться с боярами посадить в заключение князя Юрия Иоанновича, наш известный историк С. Соловьев говорит, что «правительство не было расположено верить всякому слуху относительно удельных князей», так как строго наказывало за ложные доносы и потому, «если оно решилось заключить Юрия, то имело на то основания».

Скоро затем молодой правительнице государства пришлось проявить свою твердость и по отношению своего родного дяди – знаменитого князя Михаила Глинского, прощенного по ее просьбе покойным мужем за измену. Михаил Глинский и дьяк Шигона Поджогин были на первых порах, после смерти Василия Иоанновича, самыми близкими к ней людьми. Мы уже видели, каким необузданным властолюбием обладал Михаил Глин-

ский, правивший почти единолично целой Литвой при короле Александре и затем дважды изменявший своим государям, сперва Сигизмунду Польскому, а затем и Василию Иоанновичу Московскому, за то, что те не давали достаточно простора его честолюбию; ясное дело, что теперь, как родной дядя правительницы Московского государства, он желал сам править всеми делами; что же касается Шигоны Поджогина, этого дьяка, облагодетельствованного покойным великим князем Василием, то мы также видели, что он, стоя у смертного одра своего государя, позволил себе оспаривать его последнюю волю – желание облечься в схиму перед смертью.

Несомненно, великая княгиня Елена Васильевна, глубоко проникнутая всеми заветами собирателей Русской земли, весьма скоро убедилась, что Михаил Глинский и Шигона Поджогин намерены преследовать свои личные цели и вовсе не будут верными и беззаветными слугами ее малолетнего сына, как от них требовал этого умирающий Василий. Всю свою привязанность и доверие правительница перенесла на мамку маленького великого

князя – Аграфену Челяднину и на ее брата, князя Ивана Овчину-Телепнева-Оболенского. По-видимому, Аграфена Челяднина с братом были вполне искренно привязаны к своему государю и его матери, причем князь Иван Оболенский обладал при этом чрезвычайно твердой волей и большими воинскими дарованиями.

При означенных условиях не замедлила, разумеется, вспыхнуть борьба между властолюбивым Михаилом Глинским и его племянницей; скоро он был обвинен в том, что хотел держать государство вместе с боярином Михаилом Семеновичем Воронцовым, тоже властным и строптивым человеком, которому, как мы помним, Василий Иоаннович перед самою смертью простил какую-то вину; в августе 1534 года Глинский был схвачен и посажен в ту же палату, в которой он сидел до своего освобождения; в ней он скоро и умер.

Одновременно с этим объявились и другие крамольники: двое из самых знатных бояр – князь Семен Бельский и Иван Ляцкий – убежали в Литву; великая княгиня велела схва-

тить их соумышленников: князя Ивана Федоровича Бельского, брата бежавшего Семена, и князя Ивана Воротынского с детьми; но другого брата Семена – князя Димитрия Бельского – не тронули, «и это обстоятельство отнимает у нас право предполагать, – говорит С. Соловьев, – что Иван Бельский и Воротынский были схвачены без основания».

Затем правительнице пришлось прибегнуть к крутым мерам и против второго брата своего умершего мужа, князя Андрея Иоанновича, человека, как казалось, безобидного. По смерти Василия III Елена Васильевна богато одарила этого князя Андрея вещами, оставшимися после покойного, но Андрей стал припрашивать городов к своему уделу, и когда ему в этом отказали, то он уехал из Москвы очень обиженным. Скоро о его недовольстве передали правительнице, а Андрею сообщили, будто его хотят схватить; узнав про это, Елена поспешила рассеять его подозрения, вызвала его в Москву и просила его: «Ты бы в своей правде стоял крепко, а лихих людей не слушал да объявил бы нам, что это за люди, чтобы впредь между нами ничего дур-

ного не было». Андрей сказал, что он ничего ни от кого не слышал, и дал запись, в которой подтверждал свой клятвенный договор с великим князем, и обязывался ссорщиков не слушать, а объявлять о их речах великому князю и правительнице; затем он уехал к себе в Старицу и продолжал по-прежнему опасаться Елены и сердиться на нее, что она ему не прибавила городов. Скоро стали опять доносить в Москву, что он собирается бежать. Елена, по свидетельству летописца, не поверила этому и пригласила его на совет по случаю войны с Казанью, о чем мы будем говорить ниже. Но Андрей отказался под предлогом нездоровья. Тогда Елена послала к нему великокняжеского врача, который, возвратясь, доложил ей, что болезнь – простой предлог не ехать в Москву. Это, разумеется, возбудило против Андрея подозрения. К нему опять послали приглашение приехать, но он опять отказался, причем между прочим писал малолетнему Иоанну, от имени которого Елена всегда сносила по всем делам: «Нам, государь, скорбь и кручина большая, что ты не веришь нашей болезни и за нами посыла-

есть неотложно; а прежде, государь, того не бывало, чтобы нас к вам, государям, на носилках волочили...»

Письмо это не успело еще дойти до Москвы, как туда дали знать, что князь Андрей непременно побежит на другой же день из своего удела. Тогда правительница отправила к нему трех духовных отцов для увещания от имени митрополита и вместе с тем выслала сильные полки к Волоку, с которыми пошел и князь Иван Овчина-Оболенский, для того чтобы перехватить Андрею путь в Литву. Узнав про это, Андрей выбежал из Старицы в направлении к Новгороду, причем по пути он писал грамоты к помещикам, детям боярским и в погосты: «Князь великий молод, держат государство бояре, и вам у кого служить? Я же рад вас жаловать». Многие откликнулись на его зов, но зато в его собственных полках нашлось еще больше недовольных его изменою государю. А между тем решительный князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский настиг Андрея. Тут вместо боя обе стороны вступили в переговоры, и князь Иван Телепнев, не снесясь с правительницей, дал Андрею клятву,

что если последний поедет в Москву, то Елена большой опалы на него не положит и не посадит в заключение. Андрей согласился; но когда они прибыли в Москву, то правительница сделала князю Ивану Телепневу строгий выговор за то, что он сам без ее ведома дал такую клятву; через два дня, в течение которых были, без сомнения, рассмотрены все улики против Андрея, он был схвачен и посажен в темницу вместе с женой и сыном Владимиром; его бояре – князь Пронский, двое Пенинских-Оболенских, князь Палецкий и другие – были пытаемы, а затем казнены торговою казною и заключены в оковы; 30 же новгородских помещиков, перешедших на сторону Андрея, были биты кнутом в Москве, а потом повешены по Новгородской дороге в большом расстоянии друг от друга, вплоть до самого Новгорода.

Так расправилась, твердо и решительно, молодая правительница от имени своего малолетнего сына с внутренними его врагами – сильными людьми Русской земли.

Конечно, и внешние враги нашей Родины – западное латинство в лице Литвы и во-

сточное басурманство в лице Крыма и Казани — не замедлили попытаться воспользоваться восшествием на московский престол малютки Иоанна и крамолой, возникшей в среде его близких лиц.

Перед самой смертью Василия Иоанновича старый Сигизмунд, желая заключить вечный мир с Москвою или продолжить истекающее перемирие, послал сказать московским боярам через посредство литовских радных панов, что пусть великий князь Василий пришлет в Литву гонца с опасной грамотой на королевских послов для поездки их в Москву, как это исстари водилось.

Теперь, со смертью Василия, Сигизмунд сообщил московскому послу Заболоцкому, прибывшему к нему для извещения о восшествии на прародительский престол малолетнего Иоанна, что он хочет быть с Иоанном в братстве и приязни, для чего «пусть он и шлет к нам своих великих послов, да чтобы не медлить».

Это требование посылки московских послов на Литву, чего прежде никогда не водилось, не было, разумеется, нами исполнено, и

правительница, видя неизбежность войны, деятельно к ней готовилась. Сигизмунд же, обрадованный слухами о возникшей крамоле среди высшего боярства в Москве, замыслил отнять у нас все приобретения Иоанна III и Василия на Литве. Он стал деятельно сноситься с крымским ханом Саип-Гиреем, побуждая его вторгнуться в наши пределы, и с особенной милостью принял наших изменников, князя Семена Бельского и Ляцкого, жадно вслушиваясь в их рассказы о неурядицах, господствующих в Москве.

Между тем перемирие с Литвою, заключенное при Василии, окончилось в 1534 году, после чего литовские войска и крымские татары вторглись в наши владения. Татары, вошедшие в Рязанскую область, были скоро наголову разбиты лихими князьями Пунковым и Татовым, а многочисленная литовская рать под начальством киевского воеводы Андрея Немировича вступила в Северские пределы и осадила Стародуб, выжегши его предместья; тогда из Стародуба была произведена смелая вылазка под начальством храброго Андрея Левина, и вся литовская сила в беспорядке от-

ступила от города, оставив в наших руках 40 пушек, с торжеством доставленных в Москву.

Чтобы загладить эту неудачу, литовцы подошли к плохо укрепленному городу Радогощу, но сидевший в нем мужественный воевода Матвей Лыков не хотел сдаться и предпочел сгореть вместе со своими воинами, когда литовцы подожгли Радогощ. Затем они двинулись к Чернигову и стали обстреливать его из пушек; но и в Чернигове также сидел храбрый и искусный воевода князь Феодор Мезецкий; держа под огнем своих орудий неприятеля, он не допустил его в течение дня подойти близко к городским стенам, а ночью, выйдя из Чернигова, произвел внезапное нападение на неприятельский стан; утомленные литовцы, спавшие глубоким сном и в ужасе пробудившись под страшными ударами русских, стали в темноте избивать друг друга и наконец бежали во все стороны, оставя нам в добычу все пушки и обоз; воевода же их Андрей Немирович со стыдом вернулся в Киев.

В то же время другой литовский воевода — князь Вишневецкий, посланный Сигизмундом под Смоленск, также потерпел неудачу.

Славный наш наместник князь Никита Оболенский вышел из города ему навстречу, разбил его и гнал на протяжении нескольких верст. Так начатая Сигизмундом с большими надеждами на успех война с Москвой привела на первых же порах к полной неудаче.

Когда сведения о враждебных действиях литовских войск пришли к великой княгине, то была собрана Боярская дума в присутствии малолетнего великого князя; на ней было приговорено – воевать с Литвою, и митрополит Даниил, обратясь к 4-летнему Иоанну, сказал ему: «Вы, государи православные, пастыри христианству; тебе, государю, подобает оборонять христианство от насилий, а нам и всему священному собору за тебя, государя, и за твое войско Богу молиться. Гибель зачинающему рать, а в правде Бог помощник!»

Войска наши, отвлеченные к стороне Крыма, могли выступить против Литвы лишь глубокой осенью; с ними шел и любимец Елены мужественный князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, начальствовавший передовым полком. Не встречая нигде войск противника, которых, как мы знаем, было всегда

весьма трудно собрать вовремя литовским великим князьям, наша рать, разорив неприятельские области, подошла, невзирая на страшные снега и жестокие морозы, почти к самой Вильне, где сидел встревоженный Сигизмунд, и затем, не предполагая осадить этот сильно укрепленный город, она торжественно вернулась назад. В то же время воеводы князя Феодор Телепнев и Тростенские ходили с таким же успехом от Стародуба к Турову и Могилеву, также нигде не встречая неприятельских войск и всюду внося ужас и опустошение. «К чести русских, – примечает Н.М. Карамзин, – летописец рассказывает, что они в грабежах своих не касались церквей Православных и многих единоверцев великодушно отпускали из плена».

В следующем, 1535 году Сигизмунду удалось собрать значительные военные силы; московские войска смело выступили им навстречу, причем передовым полком начальствовал опять князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский.

Рать, шедшая из Москвы, имела назначением добыть лежащий к югу от Смоленска

город Мстиславль, а другая наша рать из Пскова и Новгорода, под начальством Бутурлина, должна была поставить город на Литовской земле у озера Себеж.

Литовское же войско, под начальством Юрия Радзивилла, Андрея Немировича, Яна Тарновского и нашего изменника князя Семёна Вельского, двинулось опять в Северскую область и взяло без сопротивления Гомель, где сидел малодушный князь Щепин-Оболенский, тотчас же сдавший его без боя и отправившийся со всем своим отрядом и пушечным нарядом в Москву; его не замедлили свергнуть в темницу. После взятия Гомеля литовцы встретили сильнейший отпор у Стародуба; здесь сидел воеводой мужественный князь Феодор Телепнев-Оболенский, и только тайно подведя подкоп и взорвав город, литовцам удалось овладеть им, причем погибло 13 тысяч жителей и был взят в плен геройски защищавшийся до конца князь Феодор Телепнев. От Стародуба литовцы пошли на Почеп, весьма плохо укрепленный. Сидевший здесь воевода Феодор Сукин велел жителям сжечь его дотла и уйти, так что «литовцы, – говорит

Карамзин, – завоевав единственно кучи пепла, ушли восвояси». Московские же полки, назначенные на выручку Северской земли, не успели туда вовремя, так как должны были отразить набег крымцев на Рязанскую область, где нанесли последним ужаснейшее поражение.

В следующем, 1536 году Сигизмунд послал свои войска под начальством Андрея Немировича взять крепость Себеж, выстроенную Бутурлиным, но литовские пушки действовали плохо и били своих, а затем русские сделали смелую вылазку и наголову разбили врага; при этом множество литовцев погибло на Себежском озере, лед которого подломился под ними. Затем московские воеводы ходили воевать Литовскую землю под Любеч, сожгли посады у Витебска и полонили множество людей. Стародуб и Почеп, покинутые литовцами, были нами восстановлены, а кроме Себежа мы построили на литовском рубеже также города Заволочье и Велиж.

Таким образом, надежды Сигизмунда на успешную войну с Москвой с целью вернуть себе все завоевания, сделанные в Литве Иоан-

ном III и Василием Иоанновичем, несмотря на помощь крымцев, должны были рухнуть.

Он резко переменял свое обращение с нашими изменниками, князем Семеном Бельским и Ляцким, столь им обласканными ранее, и начал хлопотать о заключении мира, причем опять хотел, чтобы наши послы поехали к нему в Литву или, по крайней мере, на границу обоих государств, указывая, что он стар, а московский государь еще ребенок. «Рассудите сами, – писал пан Юрий Радзивилл князю Ивану Овчине-Оболенскому, – кому приличнее отправить своих послов – нашему ли государю, который в таких преклонных летах, или вашему, который еще так молод?»

Но на это ему передали от Москвы, что государи сносятся друг с другом, считаясь с достоинством своих государств, а не летами... «Государь наш теперь в молодых летах, а милостию Божиею государствами своими в совершенных летах. А что ты писал о съезде посольства на границах, то это кто-нибудь, не желая между государями доброго согласия, такие новизны выдумывает; от предков на-

ших государей повелось, что от королей к нам послы ходили и дела у нас делали».

Старый Сигизмунд не сразу согласился на эти доводы, но в конце концов твердость Москвы пересилила, и к Рождеству 1536 года его послы прибыли к нам, причем правительницей было поручено ведение переговоров с ними боярину Михаилу Юрьевичу Захарьину. Литовские послы начали с обычных споров о том, кто виноват в начавшейся войне, и стали предъявлять обычные же чрезмерные требования, причем больше всего настаивали на возвращении Смоленска – для заключения вечного мира. Конечно, в этом им было отказано. Тогда на втором совещании они решили отвечать на все молчанием. Наскучив этим, Михаил Юрьевич Захарьин сказал им: «Паны! Хотя бы теперь дни были и большие, то молчанием ничего не сделать; а теперь дни короткие, и говорить будете, так все мало времени».

Тогда послы отвечали: «Мы уже говорили два дня и все по приказу господаря нашего спускаем, а вы ни одного слова не спустите; скажите нам, как ваш государь с нашим гос-

подарем в вечном мире быть хочет?» Бояре отвечали, что по вечному миру Смоленск должен быть за Москвой. Но литовские паны никак на это не соглашались; наконец после немалых препирательств они предложили, чтобы вместо Смоленска королю был отдан какой-либо другой город. Бояре пошли с этим предложением к своему 6-летнему государю и возвратились к послам со следующим его словом: «Отец наш ту свою отчину с Божиею волею достиг и благословил ею нас: мы ее держим, королю никак не уступим; а другой город за нее для чего нам давать? Смоленск наша отчина изначала, от предков; и если наши предки случайно ее потеряли, то нам опять дал ее Бог, и мы ее не уступим».

На это слово послами было предложено перемирие, которое, после многих переговоров, было заключено на пять лет, до 25 марта 1542 года, причем Гомель был оставлен за Литвой, а Себеж и другие города, сооруженные русскими на Литовской земле, – за нами.

Решая в Думе вопрос о перемирии, великий князь говорил с боярами: «Пригоже ли взять перемирие на время?» И приговорил,

что «пригоже для иных сторон недружных». Этими недружными сторонами были Крым и Казань.

Крым вел себя по отношению нас, как и прежде, чисто по-разбойничьи: алчно, лживо и вероломно. Скоро по вступлении Иоанна на престол между ханом Саип-Гиреем, явно к нам нерасположенным, и старшим из всех Гиреев – Исламом – возникла вражда, и Крымская Орда разделилась между ними, что, разумеется, было весьма полезно Москве, хотя Ислам был таким же бесчестным грабителем, как и Саип-Гирей: сойдясь с Сигизмундом против нас, он в то же время отправил в Москву послов, предлагая свой союз и прося казны и поминков.

Скоро к Исламу прибыл наш изменник Семен Бельский. Этот злодей, видя, что Сигизмунд к нему переменился после ряда неудач в войне с Москвой, отпросился у него в Иерусалим, но вместо этого отправился к турецкому султану и стал уговаривать последнего напасть вместе с Крымом и Литвою на Москву. Не успели послы Сигизмунда заключить с нами перемирие, как Бельский писал ему, что

султан приказал Саип-Гирею Крымскому и двум своим пашам с 40-тысячным войском идти на помощь Литве против Москвы.

Получив эти сведения, уже запоздалые ввиду перемирия, Сигизмунд приказал Бельскому поспешить приездом в Литву, но по пути последний был задержан Ислам-Гиреем, который сообщил о его замыслах в Москву, разумеется в надежде получить за это от нас какую-либо выгоду. Московское правительство благодарило Ислама за сведения присылкой богатых даров и, чтобы отвлечь Бельского от его опасных замыслов, предложило ему вернуться, обещая прощение. В то же время, на случай если он приехать не согласится, бояре отправили к Исламу просьбу выдать им Бельского или даже убить его. Так как Бельский в Москву не ехал добровольно, то Ислам обещал его выдать, но был неожиданно убит сам одним из ногайских князей, другом Саип-Гирея.

Последний не замедлил отпустить Бельского на свободу по приказанию султана и стал опять единовластно править всей Крымской Ордой. Он сейчас же послал известить

об этом в Москву вместе с требованием не вмешиваться в дела казанские, так как постоянной мыслью Гиреев было, как мы видели, соединение всех татарских орд в одну или, по крайней мере, под одним владетельным родом, а в Казани в это время сидел уже родной брат Саип-Гирея – известный нам Сафа-Гирей.

Произошло это так: при вступлении на престол Иоанна IV Васильевича в Казани был ханом вполне покорный Москве царь Еналей, посаженный там Василием Иоанновичем. Но скоро крымские сторонники в Казани нашли, что наступило подходящее время свергнуть Еналея; он был убит, и на его место провозгласили царем Сафа-Гирея Крымского.

Однако в Казани была также сильная сторона, державшаяся Москвы. Сторона эта прислала сказать Елене Васильевне, что она надеется изгнать Сафа-Гирея, и просила ее дать им в цари Шиг-Алея, заключенного, как мы помним, Василием Иоанновичем на Белоозере. Тогда, по совету бояр, Елена послала объявить Шиг-Алею государеву милость, и его позвали в Москву.

Обрадованный Шиг-Алей был принят 6-летним Иоанном, торжественно восседавшим на троне в присутствии своих бояр; Шиг-Алей пал перед ним на колени и смиренно исповедал свои вины перед покойным Василием Иоанновичем. Выслушав эту речь, государь милостиво приказал ему встать, позвал его к себе поздороваться (карашеваться, по татарскому выражению) и велел сесть на лавке с правой стороны от себя, а затем подарил богатую шубу.

Шиг-Алей желал представиться также и правительнице. Она спросила бояр, прилично ли ей принять царя; те решили, что прилично, так как она правит государством за малолетством сына; затем Шиг-Алей был принят ею на торжественном приеме, на котором присутствовал также и маленький Иоанн, вышедший ему навстречу. «Государыня, великая княгиня! – начал свою речь Шиг-Алей, ударив правительнице челом в землю. – Взял меня, государь мой, князь Василий Иоаннович, молодого, пожаловал меня, вскормил, как щенка, и жалованьем своим великим жаловал, как отец сына, и на Казани меня царем

посадил». Затем, перечислив свои вины, Шиг-Алей дал клятву до смерти верно служить Москве. Елена отвечала на это милостивым словом. После Шиг-Алея ею была принята и жена его, Фатьма-Салтан; у саней и на лестнице ханшу встретили боярыни, а в сенях сама великая княгиня. Когда в комнату вошел маленький государь, то ханша встала со своего места, а Иоанн сказал ей по-татарски: «Табуг-Салам» – и карашевался; затем сел рядом с матерью и присутствовал на почетном обеде, данном ею в честь гостя.

Пока в Москве принимали Шиг-Алея, Сафа-Гирей Казанский уже вторгся в наши пределы и злодействовал в Нижегородской области; храбрые, но малоопытные в ратном деле жители города Балханы вышли ему навстречу, но были разбиты; затем нижегородские воеводы, князь Гунодров и Замыцкий, сошлись было с татарами для боя, но скоро отступили от них. Узнав про это, правительница приказала обоим примерно наказать и заключить в тюрьму, а на их место отправила Сабурова и Карпова, которые разбили наконец татар и бывших с ними черемис.

С целью наказать как следует казанцев Москвою и было заключено перемирие с Литвой, после которого мы не замедлили отправить в начале 1537 года свои войска на восток против Сафа-Гирея, тщетно пытавшегося взять Муром. Заслышав о приближении московских полков, он поспешил удалиться в Казань. В это время как раз пришло известие в Москву об убийстве Ислама Крымского, а затем и требование Саип-Гирея, объединившего под своей властью всех крымских татар, не вмешиваться в казанские дела.

В собранной Думе правительница и бояре порешили, что не следует начинать войны с Крымом из-за Казани в данное время и что можно будет помириться с Сафа-Гиреем, если он пришлет своих послов в Москву просить мира. В таком смысле и был составлен ответ Саип-Гирею Крымскому, в котором государь писал:

«Для тебя, брата моего, и для твоего прошения я удержал рать и послал своего человека к Сафа-Гирею; захочет он с нами мира, то пусть пришлет к нам добрых людей, а мы хотим держать его так, как и отец наш держали

прежних казанских царей. А что ты писал к нам, что Казанская земля юрт твой, то посмотри в старые твои летописцы, не того ли Земля будет, кто ее взял? А как дед наш милостию Божиею Казань взял и царя свел, того ты не помнишь! Так ты бы, брат наш, помнил бы свою старину и нашей не забывал».

Таким образом, Москва, вынужденная силой обстоятельств на уступку Крыму, сделала это, по обычаю, так, чтобы ничем не уронить своего достоинства.

Отношения с Литвой, Крымом и Казанью были важнейшими внешними делами в правление Елены; кроме того, она подтвердила со шведским королем Густавом Вазою перемирие на 60 лет, причем по старине шведские послы отправились в Новгород и вели там переговоры с московскими наместниками; Густав Ваза обязался не помогать ни Литве, ни ливонским немцам в случае их войны с нами.

Затем был подтвержден и прежний договор с Ливонией, причем магистр ордена и рижский архиепископ убедительно молили великого князя о дружбе и покровительстве.

Искали также союза с Москвой воевода Молдавский и хан Астраханский.

Деятельно занимаясь подавлением крамолы среди близких себе сильных людей и сложными внешними отношениями, Елена Васильевна обращала большое внимание и на внутренние дела; особенно заботилась она о создании новых крепостей и городов, а также о восстановлении сгоревших от пожара Перми, Устюга, Ярославля, Владимира и Твери. Ею же, по мысли покойного мужа, был обнесен стеной Китай-город в Москве.

В числе распоряжений Елены Васильевны необходимо отметить запрещение обращения в народе поддельных и обрезанных денег, которые во множестве развелись еще при жизни Василия Иоанновича и причиняли страшное зло в торговле; незадолго до его смерти много людей было предано за это в Москве лютой казни: иным отсекли руки, а другим вливали кипящее олово в рот. Правительница, воспретив вовсе обращение поддельных денег, приказала их перечеканить и выделывать из гривенки 3 рубля, или по 300

денег новгородских, тогда как в старых было только 250. «Прибавлено было в гривенку новых денег для того, – говорит летописец, – чтобы людям был невелик убыток от испорченных денег». При этом вместо прежних изображений на монетах великого князя с мечом в руке он стал изображаться теперь с копьем, а новые деньги называться копейными (копейками).

Так правила государством за малолетством Иоанна великая княгиня Елена Васильевна до 3 апреля 1538 года; в этот же день, в два часа дня, будучи в полном цвете лет, она неожиданно скончалась. Барон Герберштейн говорит, что ее отравили, и этому, конечно, можно верить. Мы видели, что Москва, собирая Русскую землю под свою власть, собрала также у самого государева престола и все ядовитые пережитки древней удельной Руси, принесшей столько зла Русской земле. У многих новых московских бояр из бывших удельных князей осталось глубокое сожаление об утраченных правах своих предков и явилось чувство жгучей зависти к московскому великому князю. Мы видели, с какой злобой

вспыхнула эта боярская крамола, как только скончался Василий Иоаннович, и как твердо и беспощадно, поддерживаемая князем Иваном Овчиной-Телепневым-Оболенским, подавляла ее правительница: зная злобу против себя, она, вероятно, постоянно ожидала смерти от лихого зелья и не ошиблась в этом.

Рассматривая беспристрастным оком четырехлетнее правление Елены Васильевны, мы должны почтить ее память заслуженным уважением, так как деятельность ее была направлена исключительно ко благу государства и во всем согласовывалась с заветами предшественников ее сына; жестокие же и суровые кары, к которым она прибегала, конечно, вполне вызывались обстоятельствами и, насколько можно судить, налагались всегда только после должного расследования, а не под влиянием гнева или личного раздражения. Что касается ее любимца князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского, то, как мы видели, это был человек выдающихся государственных качеств и верный слуга своего государя. Будучи беспощадно твердой ко всем врагам государства, Елена отличалась боль-

шой набожностью и благотворительностью. Она постоянно разъезжала по монастырям на богомолье и всюду раздавала щедрые милостыни. Чтобы заселить пустые местности наших владений, она привлекала переселенцев из Литвы, разумеется православных русских, и давала им земли и много льгот; особенно же заботилась она о выкупе пленных, попавших в руки татар. Елена Васильевна тратила на это огромные деньги и требовала пожертвований от духовенства и богатых монастырей; в 1535 году новгородский архиепископ Макарий, святитель выдающихся чувств и образа мыслей, прислал ей для выкупа пленных 700 рублей от своей епархии при грамоте, в которой говорил: «Душа человеческая дороже золота».

Узнав о смерти матери, 7-летний государь с громким рыданием кинулся в объятия ее любимца и своего друга – князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского. Но тот с кончиной своей покровительницы очутился в еще более печальном положении, чем малолетний великий князь. Ровно через неделю после смерти Елены Васильевны князь Иван Ов-

чина был без суда ввержен в тюрьму и заморен в ней голодом; сестра же его – мамка великого государя всея Руси – Аграфена Челяднина, несмотря на горькие слезы, которые проливал, разумеется, ее питомец, была силою отторгнута от него и окована цепями, а затем, после пребывания в тюрьме, сослана в Каргополь и там против воли пострижена. Виновником этих насильственных поступков был первый боярин в государевой думе, князь Василий Васильевич Шуйский, потомок суздальских князей, уже знакомый нам по суровой расправе с изменниками-смолянами, которых он повесил после Орешинского сражения, с надетыми государевыми подарками, на городских стенах.

Устранив князя Ивана Телепнева, Василий Шуйский, может быть причастный и к отравлению Елены Васильевны, пожелал, чтобы забрать возможно более власти в свои руки, породниться с государем; для этого он, несмотря на то что перешел уже 60-летний возраст, вступил в брак с юной двоюродной сестрой великого князя Анастасией, дочерью крещеного татарского царевича Петра и сест-

ры Василия III Евдокии. Затем Василий Шуйский поспешил освободить из темницы заключенных Еленой Васильевной родственника своего князя Андрея Михайловича Шуйского и князя Ивана Бельского, брата известного нам изменника князя Семена. Скоро, однако, Иван Бельский, негодуя на самовластие Василия Шуйского, стал обнаруживать к нему вражду и собирать вокруг себя недовольных; тогда Шуйский со своими приспешниками решили опять засадить Бельского в тюрьму, причем его сторонников разослали по деревням, а одному – дьяку Феодору Мишурину, любимцу Василия III, – отрубили голову.

После этих дел Василий Шуйский жил недолго и умер, может быть, тоже от отравы. Высшая же власть в государстве перешла в руки его брата – князя Ивана Шуйского, который сейчас же поспешил насильно свести с митрополичьего престола Дионисия, сторонника Ивана Бельского, и сослать его в Волоколамский монастырь; вместо него митрополитом был поставлен собором епископов Иосаф, игумен Троицкой лавры.

Безурядица, наступившая после смерти

Елены, начала сейчас же сказываться во всей жизни Московского государства. Известный зодчий Петр Фрязин, видя это, бежал на родину и так объяснял свой поступок: «Великого князя и великой княгини не стало; государь нынешний мал остался, а бояре живут в своей воле, и от них великое насилие, управы в земле никому нет, между боярами самими вражда, и уехал я от великого мятежа и безгосударства».

Сам Иван Шуйский был совершенно неспособен к ведению государственных дел, но отличался большой спесью, грубостью и крайней алчностью. «По смерти матери нашей Елены, – вспоминал впоследствии Иоанн в переписке своей с князем Курбским, – остались мы с братом Юрием круглыми сиротами; подданные наши хотение свое улучили, нашли царство без правителя: об нас, государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы, начали враждовать друг с другом. И сколько зла они наделали! Сколько бояр и воевод, доброхотов отца нашего умертвили! Дворы, села и именья дядей наших взяли себе

и водворились в них! Казну матери нашей перенесли в большую казну, причем неистово ногами пихали ее вещи и спицами кололи; иное и себе побрали... Нас с братом Георгием начали воспитывать как иностранцев или нищих. Какой нужде не натерпелись мы в одежде и в пище: ни в чем нам воли не было, ни в чем не поступали с нами так, как следует поступать с детьми. Одно припомню: бывало, мы играем, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель нашего отца, ногу на нее положив. Что сказать о казне родительской? Все расхитили лукавым умыслом, будто детям боярским на жалованье, а между тем все себе взяли; и детей боярских жаловали не за дело... Из казны отца нашего и деда наковали себе сосудов золотых и серебряных и написали на них имена своих родителей, как будто это было наследственное добро; а всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая, зеленая на куницах, да и те ветхи: так если бы у них было отцовское богатство, то чем посуду ковать, лучше бы шубу переменить. Потом на города и на се-

да наскочили и без милости пограбили жителей, а какие напасти от них были соседям, исчислить нельзя... везде были только неправды и нестроения, мзду безмерную отовсюду брали, все говорили и делали по мзде».

Эти воспоминания Иоанна вполне соответствуют действительности. Угодники Ивана Шуйского, назначенные им наместниками в городах, «свирепствовали, как львы», по словам летописца, и самым бессовестным образом грабили и утесняли жителей.

Вместе с тем «мы были, – говорит Н.М. Карамзин, – жертвой и посмешищем неверных: хан Крымский давал нам законы, царь Казанский нас обманывал и грабил. Саип-Гирей задержал гонца, направленного из Москвы к молдавскому государю, и писал Иоанну: «...У меня больше ста тысяч рати: если возьму в твоей земле по одной голове, то сколько твоей земле убытка будет, а сколько моей казне прибытка? Вот я иду; ты будь готов: я украдкой не иду. Твою землю возьму; а ты захочешь мне зло сделать – в моей земле не будешь». На это дерзкое письмо из Москвы бы-

ло отправлено к Саип-Гирею большое посольство с богатыми дарами и согласием не вмешиваться в дела Казани, откуда Сафа-Гирей не переставал производить разбойнические нападения в областях Нижнего, Балахны, Муром, Владимира, Костромы, Галича, Устюга, Вологды, Вятки и Перми, производя опустошения хуже, чем Батый во время своего нашествия».

«И кто бы тогда изрещи может беды сия... паче Батыя», – говорит летописец, так как Батый, по его словам, прошел молнией по Русской земле, казанцы же не выходили из ее пределов и лили кровь, как воду. Беззащитные жители укрывались в лесах и пещерах, тогда как татары «великие монастыри и святые церкви оскверниша лежаще и спяще... и святые образа секирами рассекающе...».

«Что же делали правители государства – бояре? – вопрошает Карамзин. – Хвалились своим терпением перед ханом Саип-Гиреем, изъясняясь, что казанцы терзают Россию, а мы в угодность ему не двигаем ни волоса для защиты своей земли. Бояре хотели единственно мира и не имели его».

К большому для нас счастью, перемирие с Литвой еще продолжалось, и окончательно одряхлевший Сигизмунд I мечтал только о том, чтобы в покое дожить свой век; иначе же и Литва, конечно, не упустила бы случая напасть на нас.

Описанное выше позорное поведение Ивана Шуйского возбудило против него его же ставленника, митрополита Иосафа. Этот старец, без сомнения вспоминая с горечью в сердце недавние славные времена Московского государства, решился в 1540 году на смелый шаг: он стал печаловаться в Боярской думе перед 10-летним великим князем о прощении князя Ивана Бельского и, поддерживаемый боярами, державшими сторону Бельского, успел выхлопотать его освобождение.

Видя торжество своих противников, Иван Шуйский в гневе устранился от дел и перестал присутствовать в Думе; власть же перешла в руки Бельского, после чего дела приняли тотчас же другой оборот: князь Иван Бельский никого не преследовал и не заточал; напротив, вместе с митрополитом Иосафом он ходатайствовал об освобождении из заключе-

ния жены умершего в темнице дяди великого князя Андрея Иоанновича Старицкого и его малолетнего сына Владимира. Затем для прекращения алчных вымогательств воевод и наместников, так развившихся во время Ивана Шуйского, правительство стало выдавать в большом количестве так называемые губные грамоты горожанам, пригородам и волостям; грамотами этими самим жителям давалось право выбирать из боярских детей губных старост и голов для разбора всех душегубных дел и для ловли разбойников и татей. Эти же губные головы вместе с земскими присяжными людьми, или целовальниками (целовавшими крест при вступлении в свои обязанности), приводили в исполнение и приговоры по уголовным делам. Наконец правительство во главе с Иваном Бельским решило дать отпор и татарам.

Против Сафа-Гирея Казанского, стоявшего под Муромом, была выслана рать; услышав о ее движении, он поспешил вернуться в Казань. Это было зимой 1540 года, а летом 1541 года от наших степных сторожей, или станичников, пришла на Москву весть, что Саип-Ги-

рей Крымский идет со всей ордой, оставя дома только детей и старцев; шло тысяч сто, если не больше, причем и турецкий султан прислал крымцам в помощь свой отряд с артиллерией; наш изменник, князь Семен Бельский, служил татарам путеводителем.

Но московские полки, в предвидении этого похода, еще с весны были собраны у Коломны на левом берегу Оки. Сюда же приезжали их осматривать и 11-летний государь.

При вести о движении хана со всей ордой юный Иоанн вместе с братом Юрием со слезами молился в Успенском соборе пред иконою Владимирской Божией Матери и ракою святого Петра-чудотворца. Затем, призвав митрополита в Думу, он предложил вопрос: где ему быть ввиду приближения врага: оставаться ли в Москве или удалиться? После обсуждения митрополит и бояре приговорили: «Ввиду малых лет великого князя ему оставаться в Москве, надеясь на милость Божию, покровительство Пречистой и московских угодников».

Столица, при общем одушевлении жите-

лей, стала деятельно готовиться, чтобы выдержать крепкую осаду; в войска же на Оку великий князь послал грамоту, в которой требовал, чтобы между воеводами не было розни, а когда крымцы переправятся за Оку – то чтобы они за святые церкви и за православных христиан крепко постояли, с царем Саипом дело делали бы, а он, великий князь, рад жаловать не только их, но и детей их; которого же Бог возьмет, того он велит в помянник записать, а жен и детей будет жаловать. Прочтя эту грамоту, воеводы умилились душою, прослезились и решили все умереть за государя; у которых же между собой распри были, те просили смиренно друг у друга прощения. Когда грамота великого князя была сообщена войскам, то ратные люди отвечали: «Рады государю служить и за христианство головы положить; хотим с татарами смертную чашу пить».

Между тем Саип-Гирей быстро двигался, но не смог взять Зарайск благодаря храброй защите воеводы Нестора Глебова; хан подошел к Оке 30 июля 1541 года и, готовясь к переправе, открыл огонь из пицалей и пушек.

Встретя, однако, сильный отпор и видя огромное количество русских, он со стыдом побежал назад, выразив свой гнев Семену Бельскому, обещавшему ему легкий успех, и оставив в наших руках часть турецких пушек. Это были первые взятые нами турецкие орудия, которые в последующих столетиях русские доблестные войска брали в огромном количестве.

После отступления татары подошли к городу Пронску; Саип-Гирей обступил его и хотел непременно взять. Но в Пронске начальствовал храбрый Василий Жулебин. Он с презрением отверг предложение сдаться, а для защиты города вооружил всех граждан и женщин.

Видя непреклонную решимость Жулебина защищаться и узнав о приближении высланных для преследования татар князей Микулинского и Серебряного, Саип побежал дальше.

Конечно, вся Москва радостно встретила весть о поспешном бегстве крымцев, и малолетний великий князь щедрой рукой сыпал милости воеводам и ратным людям.

Светлые дни, наступившие после перехода власти в руки Ивана Бельского и митрополита Иосафа, продолжались недолго. Скоро против них составилась заговор во главе с Иваном Шуйским, которому Бельский не только оставил свободу, но даже дал воеводство во Владимире. Здесь Шуйский вступил в сношения со многими боярскими детьми и со своими сторонниками, которых особенно много было среди новгородцев, так как в Новгороде в последние дни его вольности сидел приглашенный его жителями князь Шуйский-Гребенка, почему потомки этих вольных новгородцев и сохранили особую преданность роду Шуйских. И вот, собрав 300 надежных всадников, Иван Шуйский поручил их своему сыну Петру, который ночью 3 января 1542 года внезапно появился в Кремле, произведя там ужасную тревогу; заговорщики схватили Ивана Бельского и посадили его в тюрьму, а также и верных его друзей Хабарова и князя Щенятева, взятого в самой палате государя. Митрополит Иосаф был разбужен камнями, которые стали кидать в его келью; он бежал во дворец

и хотел спрятаться в спальне великого князя; но наглые заговорщики ворвались и сюда, приведя в ужас Иоанна, после чего Иосаф был увезен в Троицкое подворье, где его чуть не убили новгородцы; затем он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Бельский был тоже сослан на Белоозеро и через три месяца умерщвлен по приказанию Шуйского; на место же Иосафа был поставлен новгородский владыка, уже знакомый нам архиепископ Макарий.

Иван Шуйский, вернувшись вторично ко власти, недолго пользовался ею, так как скоро сильно заболел; важнейшим из дел, совершенных за это время, было заключение нового перемирия с Литвой на семь лет, с 1542 по 1549 год.

Власть от заболевшего Ивана Шуйского перешла к трем его родственникам, князьям Ивану и Андрею Михайловичам Шуйским и Феодору Ивановичу Скопину-Шуйскому, людям корыстным и властолюбивым, причем особой властью отличался князь Андрей Шуйский.

Этим новым временщикам, конечно,

должны были быть крайне неприятны все люди, к которым имел склонность подрастающий государь; и вот 9 сентября 1543 года они вместе с другими своими приспешниками стали нападать в Думе в присутствии великого князя и митрополита на любимца Иоаннова Феодора Семеновича Воронцова, обвиняя его во многих преступлениях; затем они вскочили как неистовые, силою вытащили его в другую комнату, стали там мучить и хотели тут же убить. Взволнованный государь просил митрополита спасти несчастного, и только благодаря настоянию святителя и бояр Морозовых Шуйские, как бы из милости к Иоанну, обещали оставить Воронцову жизнь, но били его, а затем заключили в тюрьму. Иоанн просил их вторично, если нельзя оставить его любимца в Москве, то хоть послать на службу в Коломну, но государя не послушали, и Воронцов был сослан в Кострому; эти переговоры за Воронцова вел от имени великого князя митрополит Макарий, причем ему пришлось вынести от Шуйских немало оскорблений; один из их сторонников, Фома Головин, споря с Макарием, в

знак презрения даже наступил ему на мантию и изодрал ее ногами.

Торжество Шуйских продолжалось после этого возмутительного насилия над Воронцовым, совершенного с полным пренебрежением к личности государя, до 29 декабря 1543 года. В этот день Иоанн, еще не достигший 14-летнего возраста, встал во время заседания Думы и, неожиданно для всех, твердым и властным голосом начал перечислять вины и беззакония временщиков, захвативших власть, а затем приказал схватить главного из виновных – князя Андрея Шуйского – и передать его в руки псарям, чтобы отвести в тюрьму. Но псари переусердствовали и по дороге убили Шуйского. Его же сообщников, Федора Скопина, Фому Головина и других, разослали по разным местам.

«С той поры, – говорит летописец, – начали бояре от государя страх иметь и послушание».

Конечно, Иоанн, умный и впечатлительный от природы ребенок, оставленный после смерти матери без всякого призора и постоянно оскорбляемый в своих лучших чувствах, должен был уже с самого раннего детства за-

думываться над своим положением: во время приема послов и при других торжественных случаях ему оказывались величайшие почести, но в обыденной обстановке он видел, что бояре, оказывавшие ему такое почтение при народе, обращались с ним в высшей степени пренебрежительно. Рано выучившись грамоте и проявив к ней большие способности, государь, по-видимому, уже с детства стал охотно читать Священное Писание, русские летописи, Римскую историю, Творения Святых отцов и с жадностью искал в них ответы на мучивший его вопрос о том, что же собственно такое государь великой державы, какие его права и как к нему должны относиться другие люди?

Конечно, он задавал эти вопросы и окружавшим его боярам, захватившим власть в свои руки; они же вместо того, чтобы стараться воспитывать в своем повелителе те душевные свойства, которые столь необходимы правителям, и посвящать его в трудное дело устройства государства, как это делали старые доблестные московские бояре времен Димитрия Иоанновича Донского, старались, наобо-

рот, отвлечь его внимание в другую сторону и потакали развитию в нем любви ко всякого рода забавам, не исключая и самых жестоких. «Егда же начал приходити в возраст, аки лет в дванадесять, – говорит про малолетство Иоанна его современник князь Андрей Курбский, – начал первее бессловесных (животных) крови проливати, с стермнин высоких мечуще их (...с крылец або с теремов), також и иные многия неподобныя дела творити...» Когда же Иоанн приблизился к 15-му году, продолжает Курбский, то принялся и за людей. Собрав вокруг себя толпу знатных детей-подростков, он начал с ними носиться верхами на конях по площадям и улицам «и всенародных челоуеков, мужей и жен, бити и грабити, скачуще и бегающе всюду неблагочинне. И воистину дела разбойническия самыя творяше и иныя злыя исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно...». Ласкатели же все это, на свою беду, восхваляли, говоря: «О! Храбр будет этот царь и мужественен!» Таково было боярское воспитание.

Разумеется, оно вместе с чувством глубокой обиды за наносимые оскорбления как

ему, так и памяти родителей должно было развить в Иоанне большую сердечную жесткость и неуважение к человеческой личности; внезапные же и страшные потрясения, которым Иоанн стал подвергаться смолоду, когда от него насильно отторгали преданных ему лиц, причем, как мы видели, врывались для этого даже ночью в его покои, несомненно, должны были развить в нем крайнюю подозрительность и чрезвычайную раздражительность и гневливость, тем более что и по природе своей он отличался большой впечатлительностью.

С падением Шуйского власть перешла в руки князей Михаила и Юрия Глинских, родных дядей государя, людей так же неспособных к государственным делам, но тоже корыстных и жестоких. Под их влиянием последовала опала князей Кубенских, Петра Шуйского, Александра Горбатого, князя Палецкого и других.

При этом обращает на себя внимание, что Иоанн весьма быстро подвергал людей опале, но так же весьма быстро и снимал ее. По убийении псарями князя Андрея Шуйского любии-

мец государя Феодор Воронцов был, конечно, тотчас же возвращен из ссылки; скоро он стал думать, как бы занять положение Андрея Шуйского; но опала неожиданно постигла и его, вероятно, под влиянием дядей государевых; впрочем, она продолжалась недолго, и по ходатайству митрополита Макария в декабре 1545 года Воронцов был прощен вместе с другими князьями.

Однако в мае следующего, 1546 года этому же Феодору Воронцову пришлось сложить свою голову на плахе. Готовясь отразить нападение крымцев, Иоанн отправился к войску в Коломну; выехав погулять за город со своими приближенными, он был остановлен отрядом новгородских пищальников, которые стали ему о чем-то бить челом. Иоанн не был расположен выслушивать это челобитье и приказал своим боярским детям их отослать.

Как было исполнено это приказание, неизвестно, но пищальники начали кидать в посланных своими колпаками и грязью; те отвечали им, и скоро начался настоящий бой, причем человек десять с обеих сторон были

убиты; конечно, это произвело сильное впечатление на Иоанна, тем более что в разгаре свалки его не пропустили проехать к стану, и он вынужден был сделать окружной объезд. Разгневанный этим происшествием, которое легко можно было принять за настоящее возмущение, он послал близкого к себе дьяка Василия Захарова исследовать сущность дела. Захаров донес, и притом, по словам летописца, ложно, что пищальников под учили бояре: князь Кубенский да двое Воронцовых, Федор и Василий. Известие это привело Иоанна в чрезвычайную ярость, и он тотчас же приказал виновным отрубить головы.

Так шла юность Иоанна – 15, 16 и 17-й годы.

Предоставляя правление государством Боярской думе с Глинскими во главе, он был занят постоянными разъездами по своим владениям, то для осмотра войск, то по монастырям, то на охоту; но делами во время этих поездок не занимался. «Государь наш князь великий Иоанн Васильевич был в Великом Новгороде и с своим братом князем Юрием, – пи-

шет летописец против 1548 года, – да и во Пскове был в вотчине другую ночь на Вороночи был, а третью ночь был у Пречистей на Печорах, паки во Пскове в среду, и быв немного, и поеде к Москвы... а князь Юрьи брат его оста, и той быв немного и поеде и той к Москве, а не управив своей отчины ничего; а князь великий все гонял на мсках (ямских лошадях), а христианам много протор и волокиты учинили».

С Литвой за эти годы, ввиду перемирия, не было никаких дел. Крымцы же, после понесенного поражения 1541 года, продолжали тревожить московские границы; они были успешно отражаемы вплоть до 1544 года, когда татарам удалось увести из наших пределов большой полон, так как воеводы, высланные против них, князя Щенятев, Шкурлятев и Воротынский, рассорились между собою.

После этого успеха Саип-Гирей дерзко писал Иоанну: «Король (польский) дает мне по 15 000 золотых ежегодно, а ты даешь меньше этого; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, – захочешь заратиться – и то в твоих же руках; до сих пор

ты был молод, а теперь уже в разум вошел, можешь рассудить, что тебе прибыльнее и что убыточнее». Получив это письмо, Иоанн рассудил прервать сношения с Крымом и вместе с тем направить свои силы для овладения Казанью, которая после поражения Саип-Гирея в 1541 году присмирела.

В 1545 году государь объявил поход на Казань. Отряд князя Семена Пункова пошел водой на стругах; князь Василий Серебряный шел из Вятки, а воевода Лыков – из Перми. Пунков и Серебряный сошлись под Казанью в один день и час, как будто вышли с одного двора, и удачно опустошили ее окрестности, за что Иоанн щедро наградил всех участников похода; воевода же Лыков пришел позднее, потерпел неудачу и был убит.

Таким образом, этот поход был сам по себе незначительным, но он обострил и без того сильную борьбу сторон в Казани. Сафа-Гирей стал подозревать московских доброхотов, говоря им: «Вы приводили воевод московских», – и начал их избивать. Тогда многие из казанских вельмож приехали в Москву и просили Иоанна опять послать свою рать к Каза-

ни, обещая выдать Сафа-Гирея и его крымцев. Государь согласился и зимой отправился во Владимир, где получил известие, что с января 1546 года Сафа-Гирей уже изгнан из Казани. Тогда боярин князь Димитрий Бельский [12] посадил там царем, по желанию московской стороны, нашего старого знакомого Шиг-Алея. Однако не успел Бельский выехать из города, как в Казани снова восторжествовала крымская сторона; Сафа-Гирей появился на Каме, а Шиг-Алей бежал, чтобы отдаться под покровительство великого князя. Вернувшись в Казань, Сафа-Гирей стал, разумеется, избивать всех предводителей противной себе стороны; успевшие же бежать спешили искать себе спасения в Москве и вновь просить защиты против Сафа-Гирея. Через несколько месяцев и подвластная казанцам горная черемиса прислала бить челом Иоанну, чтобы он послал свои войска на Казань, обещая идти вместе с его полками. По этим челобитьям были высланы наши полки, успешно пововавшие казанские владения вплоть до устья реки Свияги.

Между тем Иоанн приближался к 17-му го-

ду своей жизни. 13 декабря 1546 года он призвал к себе митрополита Макария и долго с ним беседовал. Макарий вышел от него с веселым лицом, отпел молебен в Успенском соборе и послал за боярами, даже и за опальными, и вместе с ними был опять у государя. Бояре вышли от него, выражая так же, как и митрополит, на своих лицах радость.

Через три дня был назначен большой съезд митрополиту и всем знатным лицам к великокняжескому двору. Когда все собрались, то Иоанн, помолчав немного, сказал, обращаясь к Макарию, следующее: «Уповая на милость Божию и Пречистую Его Матерь и святых заступников Петра, Алексия, Ионы и прочих чудотворцев земли Русской, имею намерение жениться; ты, отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты в иных царствах; но, рассудив основательнее, отлагаю эту мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкой, и не будет у нас счастья; и вот я решил жениться в своем государстве, по воле Божией и по твоему благословению».

Митрополит и бояре, говорит летописец, слыша эти слова, заплакали от радости. Затем Иоанн, опять обращаясь к ним, продолжал: «По твоему, отца моего, митрополита, благословиению и с вашего боярского совета я хочу перед женьбой, по примеру наших прародителей и сродника нашего, великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха, который был венчан на царство, также исполнить тот чин венчания на царство и сесть на великое княжение. И ты, отец мой, Макарий-митрополит, благослови меня совершить это».

Это венчание на царство последовало ровно через месяц, 16 января 1547 года. Утром государь вышел в столовую комнату и передал своему духовнику на золотом блюде Животворящий Крест, царский венец и бармы Владимира Мономаха, которые были торжественно перенесены в Успенский собор. Туда же, сопровождаемый всеми вельможами, проследовал затем и Иоанн; он приложился к иконам, отслушал молебен, поднялся по 12 ступенькам на амвон посреди храма и сел на приготовленное здесь место, одетое золотыми паволоками; рядом с ним, на таком же ме-

сте, расположился митрополит. Затем Иоанн и Макарий встали; архимандрит передал последнему крест, бармы и венец; митрополит возложил их на государя, громогласно произнося слова молитвы, чтобы Господь оградил его силою Святого Духа, посадил его на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и милостивое око для послушных. После этого певчие пропели многолетие нововенчаному царю. При выходе же из церкви, в дверях и на лестнице, князь Юрий Васильевич осыпал старшего брата золотыми деньгами из мисы, которую нес Михаил Глинский.

Таким образом венчался на царство великий князь Московский, и с тех пор во всех сношениях своих он уже стал именоваться царем. В этом звании утвердил его и константинопольский патриарх Иосаф соборной грамотою 1561 года, подписанной 36 греческими митрополитами и епископами, в которой говорилось: «Не только предания людей достоверных, но самые летописи свидетельствуют, что нынешний властитель Московский происходит от незабвенной царицы Анны, сест-

ры императора Багрянородного, и что митрополит Эфесский, уполномоченный для того собором духовенства византийского, венчал российского великого князя Владимира на царство».

Вслед за венчанием на царство последовал 3 февраля и брак Иоанна. Еще в декабре по всем областям было разослано приказание – всех незамужних дочерей князей и боярских детей вести на смотр наместников. Выбор государя остановился на девушке одного из самых знатных и благородных боярских родов, знаменитого своею преданностью московским государям и непричастностию к боярским крамолам, – на Анастасии Романовне Захарьиной-Кошкиной, дочери умершего окольничего Романа Юрьевича Захарьина – близкого и преданного человека отцу Иоанна, помогавшему Василию III на смертном одре творить последнее крестное знамение.

Выбор государя оказался чрезвычайно удачным: помимо большой красоты, юная царица отличалась замечательной сердечной добротой, умом и большой привязанностью к своему супругу.

После свадьбы молодая чета, прервав пиры, отправилась пешком, несмотря на суровую зиму, в Троице-Сергиеву лавру и провела там первую неделю Великого поста, усердно молясь над гробом святого Сергия.

Иоанн горячо полюбил свою молодую жену, но ее благотворное влияние на его пылкий раздражительный нрав стало сказываться не сразу. Для этого потребовались особые обстоятельства; пока же управление государством по-прежнему оставалось в руках Глинских и их сторонников, позволявших себе всякие неправды, а Иоанн, несмотря на смиряющее влияние Анастасии, продолжал подвергаться при случае припадкам страшного гнева.

12 апреля вспыхнул в Москве большой пожар: сгорели все лавки в Китай-городе и множество домов; затем взлетела на воздух высокая башня с порохом и запрудила реку кирпичами; 20 апреля случился другой сильный пожар. Молодой царь, по-видимому, не особенно скорбел о народном бедствии. 3 июня того же 1547 года к нему явилось в село Островка 70 человек псковичей с жалобами на воеводу

князя Пронского, приятеля Глинских, непомерно угнетавшего их.

Эта жалоба, напомнившая, вероятно, жалобу новгородских пищальников, возбудила страшный гнев Иоанна; он приказал пытаться прибывших псковичей и готов уже был отдать распоряжение о их казни, как из Москвы неожиданно пришла весть, что упал большой колокол-благовестник. Встревоженный этим недобрым знамением, царь поспешил в город, и псковичи избегли своей участи.

Вслед за тем 21 июля во время страшной бури вспыхнул новый, еще невиданный на Москве пожар; он начался на Арбате, но затем огонь быстро перекинулся в Кремль и Китай-город и с ужасной силой начал все пожирать. «Вся Москва, – говорит Н.М. Карамзин, – представляла зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело, как в горниле, медь текла. Рев бури, треск огня и вопль людей от времени до времени был заглушаем взрывами пороха, хранившегося в Кремле и в других частях города. Спасали единственно жизнь; богатство,

праведное и неправедное, гибло. Царские палаты, казна, сокровища, оружие, иконы, древние грамоты, книги, даже мощи святых истлели. Митрополит молился в храме Успения, уже задыхаясь от дыма; силою вывели его оттуда и хотели спустить на веревке с тайника к Москве-реке; он упал, расшибся и едва живой был отвезен в Новоспасский монастырь». Из собора вынесли только образ Успенья Божией Матери, писанный святым митрополитом Петром, и Кормчую книгу; славная же Владимирская икона оставалась на месте; к счастью, огонь не проник во внутренность церкви. Пожар утих в три часа ночи, обратив почти весь город в пепел и развалины. Сгорело 1700 человек, не считая младенцев.

Во время пожара Иоанн удалился с супругой за Москву-реку в село Воробьево. На следующий день он навестил едва не сторевшего и сильно расшибленного митрополита Макария в Новоспасском монастыре. Здесь князь Феодор Скопин-Шуйский, Иван Челяднин, некоторые другие бояре и царский духовник, протопоп Благовещенского собора Феодор Бармин стали говорить, что Москва сгорела

волшебством; какой-то чародей вынимал человеческие сердца, мочил их в воде и затем кропил ею город, после чего и поднялся пожар. Царь придал этому веру и приказал произвести розыск. Розыск был произведен через два дня следующим образом: бояре приехали в Кремль на площадь и спросили окружающую их толпу: «Кто сжег Москву?» Тогда из толпы послышались голоса: «Глинские! Глинские! Мать их княгиня Анна вынимала сердца из мертвых, клала в воду и кропила ею все улицы, езда по Москве. Вот отчего мы сгорели».

Нет сомнения, разумеется, что весь рассказ об этих вынутых сердцах и ответы из толпы были подстроены боярской партией, недовольной господством Глинских. Сама княгиня Анна, бабка государя, с сыном Михаилом находилась в отъезде в своем поместье, но другой ее сын Юрий был на площади, слышал это нелепое обвинение и ужаснулся, увидя ярость черни. Он кинулся, чтобы спастись, в Успенский собор, но освирепевший народ бросился за ним, и родной дядя государя был убит тут же, в храме Божьем. Затем чернь на-

чала грабить двор Глинского, причем было убито множество его слуг и других людей; бояре же, видя эти неистовства, ничего не предпринимали, как будто в Москве не было в это время никакой власти. Мало того, они, очевидно, решили, что надо непременно освободиться и от всех остальных Глинских, так как на третий день после описанных убийств, вероятно по их наущению, огромная толпа народа двинулась к селу Воробьеву, остановилась перед царским дворцом и стала требовать выдачи ей бабки государевой, княгини Анны Глинской, и ее сына князя Михаила, спрятанных будто бы в царских покоях.

Молодой Иоанн, однако, не потерялся. Он приказал схватить несколько главных крикунов и тут же казнить их, после чего мятеж тотчас же утих и толпа отхлынула в Москву.

Узнав об этом происшествии, Михаил Глинский, бывший с матерью в деревне, хотел бежать в Литву, но был по дороге захвачен и затем заключен под стражу; его скоро простили; однако после описанных происшествий господство Глинских окончилось. Вместе с тем окончилось и своеволие бояр.

Последний пожар московский, убиение князя Юрия Глинского и вид мятежной толпы у самого дворца государева, требовавшей выдачи его бабки и дяди, сильно подействовали на впечатлительного Иоанна. Он решил править своим государством самостоятельно, как подобает самодержавному царю. Конечно, в этом решении он нашел полную поддержку как со стороны нежно любящей жены, так и в маститом старце митрополите Макарии, бывшем ему истинным отцом.

При этом Иоанн, окончательно разочаровавшись в старых боярах, стал заметно отличать двух, до той поры мало кому известных, но близких ему людей, которым он вполне доверял. Один из них был молодой Алексей Адашев, человек незначительного происхождения, занимавший должность царского постельничего, а другой был священник Благовещенского собора, именем Сильвестр; надо думать, что государь давно уже знал его с хорошей стороны; этот Сильвестр был очень дружен с двоюродным братом Иоанна Владимиром Андреевичем Старицким, который не замедлил сблизиться с Иоанном после своего

освобождения из темницы.

Скоро последовали две свадьбы в царской семье. Иоанн женил своего родного брата Юрия на княжне Ульяне Палецкой, а Владимира Андреевича Старицкого на девице Евдокии Нагой.

Дружба между Иоанном, Юрием и Владимиром Андреевичем была в это время так велика, что на важных правительственных грамотах писалось: «Царь и великий князь со своею братиею и бояры уложили».

Затем Иоанн решил лично выступить в поход против Казани, чтобы наказать или изгнать нашего непримиримого врага Сафа-Гирея. Он выехал в декабре 1547 года из Москвы во Владимир и приказал везти туда же пушки. Зима была теплая, и вместо снега шел дождь; поэтому, когда 2 февраля 1548 года государь выступил из Нижнего, то лед на Волге покрылся водой и много пищалей и пушек провалилось; поневоле пришлось ограничиться отправлением под Казань лишь нескольких легких отрядов. Сам же Иоанн вернулся в Москву в больших слезах, что не сподобил его Бог совершить поход.

В марте 1549 года пришла на Москву весть о смерти Сафа-Гирея; будучи пьяным, он умыл лицо, упал и разбил себе голову до мозга; по оставленному им завещанию Казанское царство досталось его 2-летнему сыну Утемиш-Гирею под опекою матери, дочери ногайского князя Юсуфа, красивой, умной и властной ханши Суюнбеки, бывшей ранее замужем за царем Еналеем.

В ноябре 1549 года Иоанн предпринял второй поход на Казань и лично явился под ее стенами; но первый приступ был неудачен, а наступившая в феврале 1550 года сильная оттепель и порча дорог вновь заставили нас отойти. На этот раз, однако, при отступлении было сделано важное дело: государь остановился на устье Свияги и здесь заложил новую крепость – Свияжск, подобно тому, как при отце его, Василии, был заложен Васильсурск. Свияжск, расположенный всего в 20 верстах от Казани, должен был иметь огромное значение для овладения Казанью в будущем. Здесь могли храниться пушки и все огнестрельные припасы, и сюда же должны были собираться войска и продовольствие при на-

ступлении к Казани. Вместе с тем построение Свяжска отрезало Казань от ее западных областей, лежащих на правом берегу Волги и населенных чувашами, мордвой и воинственной горной черемисой.

По возвращении в Москву государь, посоветовавшись с митрополитом Макарием и, вероятно, с Сильвестром и Адашевым, решил собрать собор от всей земли.

«Когда царь и великий князь Иоанн Васильевич, – говорится в записи, составленной по этому поводу, – достиг 20-летнего возраста, то, видя государство свое в великой скорби и печали от насилия и неправды, советовался с отцом своим Макарием-митрополитом, как прекратить крамолы и утолить вражду; после чего повелел собрать из городов людей всякого чину».

В воскресный день после обедни государь и митрополит вышли с крестным ходом на площадь, на Лобное место, где были собраны все чины собора и множество народа. Отслужили молебен. После него Иоанн, обращаясь к митрополиту, сказал громким голосом: «Молю тебя, святой владыко, будь мне помощни-

ком и любви поборником; знаю, что ты добрых дел и любви желатель. Знаешь сам, что я после отца своего остался четырех лет, после матери восьми; родственники обо мне не брегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мне не радели и самовластны были, сами себе саны и почести похитили моим именем и во многих корыстях, хищениях и обидах упражнялись, а я был глух и нем по своей юности и неразумию. О, неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите нам ответ, что многие слезы воздвигли на себя? Я же чист от крови сей, ожидайте воздаяния своего!» Затем государь поклонился во все стороны и продолжал, обращаясь к народу: «Люди Божии и нам дарованные Богом! Молю вашу веру к Богу и к нам любовь. Теперь нам ваших обид, разорений и налогов исправить нельзя вследствие продолжительного моего несовершеннолетия, пустоты и беспомощности, вследствие неправд бояр моих и властей, бессудства неправедного, лихоимства и сребролюбия; молю вас, оставьте друг к другу вражду и тяжбу, кроме разве очень больших дел; в этих делах и в новых я

сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать».

Разумеется, народ с величайшим вниманием слушал необычную речь своего молодого царя, и весть о ней принималась всюду с восторгом.

В тот же день Иоанн пожаловал Адашева в окольные, сказав ему при этом: «Алексей! Взял я тебя из нищих и самых незначительных людей. Слышал я о твоих добрых делах и теперь взыскал тебя выше меры твоей, для помощи души моей; хотя твоего желанья и нет на это, но я пожелал, и не одного тебя, но и других таких же, кто бы печаль мою утолил, и на людей, врученных мне Богом, призрел. Поручаю тебе принимать челобитья от бедных и обиженных и разбирать их внимательно. Не бойся сильных и славных, похитивших почести и губящих своим насилием бедных и немощных; не смотри и на ложные слезы бедного, клеветующего на богатых, ложными слезами хотящего быть правым: но все рассматривай внимательно и приноси к нам истину, боясь суда Божия; избери судей прав-

дивых от бояр и вельмож».

Так окончил Иоанн этот знаменательный для него и для его подданных день.

Всем было ясно, что время боярского самовластия окончательно миновало, хотя дума Боярская, разумеется, осталась, причем кроме думных бояр и думных дьяков в состав ее уже во время детства Иоанна входило также известное число окольных, думных дворян и детей боярских.

К величайшему сожалению, до нас не дошло точных сведений о том, каков был состав Земского собора 1550 года и чем именно он занимался. Мы знаем только, что, созвав в следующем, 1551 году Церковный собор, получивший название Стоглав, по числу глав, в которых были выражены его решения, Иоанн сказал при его открытии, что заповедь его на прошлогоднем соборе всем боярам, приказным людям и кормленщикам – помириться «со всеми хрестьяны» своего царства в срок – уже исполнена. Затем он тут же предложил владыкам утвердить новый Судебник, составленный на прошлогоднем соборе, на основании старого Судебника Иоанна III 1497 года, а

также и уставную грамоту, касающуюся некоторых законодательных вопросов.

Из этого следует, что на соборе 1550 года было положено начало ряду крупных преобразований, разработка которых продолжалась несколько лет.

Мы видели, что в Московском государстве за службу военно-служилому сословию, кроме пожалования поместий и вотчин, а также и денежного оклада, существовало назначение боярам городов на кормление, в которых эти кормленщики, разбирая судебные дела населения, брали в свою пользу все причитающиеся пошрины. Мы видели также, что вследствие страшных злоупотреблений воевод и волостелей, поставленных боярами за время малолетства Иоанна, всякого рода поборы и лихоимство развились до огромных размеров. Чтобы ослабить их, во время краткого правления князя Ивана Бельского правительство стало в большом числе раздавать населению губные грамоты, причем на выборных самим населением губных старост и целовальников возлагались обязанности вести все уголовные дела, отпадавшие, стало

быть, от суда кормленщиков.

Мера эта оказалась удачной: «и бысть крестьяном радость и льгота от лихих людей» и «была наместникам нелюбка велика на крестьян», – говорит летописец. Ввиду этого вся законодательная деятельность правительства Иоанна после созыва Земского собора 1550 года была направлена к расширению деятельности губного управления и вообще земства. Скоро губным старостам была поручена, кроме разбойных дел, татьба, или воровство, а затем было решено и вовсе отменить кормленщиков, назначая вперед военно-служилым людям в вознаграждение за службу только землю или денежное жалованье; их же обязанности по земскому управлению постановлено было передать людям, избранным самим земством; для этого во всех городах и волостях были учреждены излюбленные старосты, или выборные судьи, избираемые обществом; эти выборные старосты вместе с несколькими также выборными целовальниками (присяжными) должны были судить «беспосульно (без взяток) и безволочитно» те дела, которые не входили в ведение

губных старост, стало быть – все тяжбы, а также и менее значительные уголовные. Вместе с тем на излюбленных старост была возложена обязанность собирать с населения оброк, или откуп, в государеву казну, установленный взамен поборов кормленщиков, которым уже само государство платило за службу. Излюбленные старосты с целовальниками вели все дела за мирской порукой под угрозой строгого наказания; за неумелое же или недобросовестное ведение дел полагалась смертная казнь «без отпросу» – с отображением в казну всего имущества.

Вслед за созданием излюбленных старост, для собирания доходов государству от рыбных и соляных промыслов, питейного дела, таможенных сборов и прочих, земские общества обязаны были выбирать из своей среды или ставить по назначению правительства верных или присяжных голов и целовальников, которым вверялись сборы с этих доходов, причем за исправность их отвечали не только они сами, но и все общество.

Разумеется, все губные и излюбленные ста-

росты и верные головы были под строгим надзором высшего правительства – московских приказов, которые по существу своей деятельности делились на два больших отдела: а) приказы общегосударственные: Посольский, Разрядный, или Военный, Разбойничий, Холопий, Поместный, Большого прихода (ведавший государевыми доходами) и прочие и б) местные: Новгородский, Тверской и другие.

Приступив к крупным преобразованиям в гражданском быту, Иоанн решил также подвергнуть обсуждению и многие дела церковные.

Еще в 1547 и 1549 годах были созваны церковные соборы, провозгласившие 39 новых русских святых, которые до сих пор почитались только местно или же оставались даже совсем не прославленными.

На Стоглавом соборе, собранном в 1551 году, Иоанн, открывая его, отдал святителям длинный список беспорядков в церковной жизни и требовал от них содействия для их исправления, почему постановления этого собора и были направлены к поднятию нравственности духовенства, а также просвеще-

ния и благочиния среди прихожан.

По важному для тогдашней Московской Руси вопросу о правильном писании святых икон собор постановил: «Подобает быти живописцу смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу и не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабежнику, не убийце... Наипаче же хранить чистоту душевную и телесную, не могущим же до конца тако пребыти по закону браком сочетаться, и приходить к отцам духовным часто на исповедание, и во всем с ними совещасться, и по их наставлению жить, пребывая в посте и молитве, удаляясь всякого задора и бесчинства. И с превеликим тщанием писать на иконах и досках образ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери, Святых Небесных Сил, Пророков и Апостолов, Мучеников, Святителей и Преподобных и всех Святых по образу и по подобию и по существу, смотря на образ древних живописцев... А которые иконники по сие время писали не учась, самовольством, и не по образу, и те иконы променивали дешево простым людям, поселянам, невеждам, тем запрещение поло-

жить, чтобы учились у добрых мастеров. Которому даст Бог, учнет писать по образу и по подобию, тот бы писал, а которому Бог не даст, тому впредь от такого дела престати, да не похуляется имя Божие от такого письма. Если же ослушники будут говорить, «тем-де питаются», то от Бога даровано много других рукоделий, которыми может человек питаться и жить, кроме иконного письма».

По вопросу, поставленному царем о выкупе пленных из рук басурманов, собор определил: «Которых окупят царские послы в ордах, в Цареграде, в Крыму, в Казани, или Астрахани, или в Кафе, или сами откупятся, тех всех пленных окупать из царской казны. А которых пленных православных христиан окупят греки, турки, армяне или другие гости и приведут в Москву, а из Москвы захотят их опять с собой повести, то этого им не позволять, зато стоять крепко и пленных окупать из царской же казны, и сколько этого окупа из царской казны разойдется, и то раскинуть на сохи по всей земле, чей кто ни будь – всем равно, потому что такое искупление общею милостынею называется». Когда статьи соборно-

го определения были посланы в Троицкую лавру к бывшему митрополиту Иосафу и другим святителям, проживавшим там на покое, а также ко всем соборным старцам лавры, то они, утвердя все статьи, о выкупе пленных написали: «Окуп брать не с сох, а с архиереев и монастырей. Крестьянам, царь государь, и так много тягости; в своих податях, государь, положи им милость».

О призрении больных и бедных собор постановил: «Да повелит благочестивый царь всех больных и престарелых описать по всем городам и в каждом городе устроить богадельни мужские и женские, где больных, престарелых и неимущих, куда голову преклонить, довольствоваться пищей и одеждою, а боголюбцы пусть милостыню и все потребное им приносят... Священники должны приходиться к ним в богадельню, поучать их страху Божию, чтобы жили в чистоте и покаянии, и совершать все требы».

Наконец, Стоглавый собор обратил внимание на разные бесчинства и суеверия и запретил заниматься злыми ересями и волхвованием, а также уже знакомые нам «Рафли»,

«Шестокрыл», «Аристотелевы врата» и другие отреченные книги.

Таковы были глубокие и обширные преобразования, задуманные 20-летним Иоанном, для проведения которых в жизнь им были собраны соборы: 1550 года – Земский и 1551 года – Церковный.

Летописи, к сожалению, не дают нам никаких подробностей о жизни государя за это время, а также не дают и точных указаний о том, каким образом были подготовлены эти преобразования и кому именно из приближенных к нему лиц принадлежала та или иная мысль, так как, очевидно, сам Иоанн, не будучи еще достаточно знаком со строем государственного и церковного управления, не мог единолично наметить все преобразования.

Без сомнения, выдающееся значение во всех начинаниях Иоанна принадлежало митрополиту Макарию, старцу, уже подошедшему к 70-му году жизни и беспредельно преданному православию, Родине и своему молодому государю, причем величайшей заслугой Макария было возбуждение в Иоанне благо-

родного честолюбия путем указания ему великих задач, лежащих на московских государях. Конечно, по совету Макария Иоанн венчался на царство, что, может быть, было неприятно некоторым из его бояр, так как еще более возвышало его над ними, но должно было давно совершиться ввиду роста Московского государства, а главное, ввиду перехода к Москве, после взятия Царьграда турками, значения Третьего Рима, почему московский государь и являлся верховным охранителем единой истинной православной веры. Макарию же, без сомнения, принадлежала мысль о созыве Церковного собора, а может быть, также и Земского. Но, как и подобает истинному и верному царскому слуге, Макарий нигде не выставлял свою деятельность напоказ, а делал все так, что виновником всех благих преобразований являлся Иоанн, причем по существу дела это было вполне правильно, так как от царя зависело – принять или нет данный ему совет, и царь же нес все последствия за созданные им мероприятия.

К важным сторонам деятельности Мака-

рия следует отнести также составление по его поручению подробных житий, или Большой Четьи mineи, всех русских святых и написание Степенной книги, начатой митрополитом Киприаном, в которой последовательно, по степеням, изложено государство всех русских великих князей с древнейших времен.

По поручению Макария же было предпринято составление большой летописи, так называемой Никоновской, и, вероятно, также и Софийского (Новгородского) временника. Наконец, при Макарии же начался и расцвет русской живописи; большая часть житий святых была, несомненно, написана или начата своим написанием именно по благословению митрополита Макария.

Рассматривая в настоящее время, более чем через 300 лет, огромные тома этих лицевых летописей и житий святых, в которых каждое малейшее событие прошлого Русской земли не только тщательно записано, но и украшено соответствующим рисунком, невольно проникаешься великим уважением и сердечным умилением к составителям этих

летописей и живописцам за их горячую любовь к Родине, выразившуюся в этой огромной работе, и ясно понимаешь, чем именно Московское государство было крепко: глубокой преданностью и любовью к своей стране и заветам отцов. Ни в одном государстве Европы, да и вообще во всем мире, нет таких богато украшенных рисунками летописей или житий святых, как у нас. К сожалению, почти никто из составителей этих летописей и живописцев, украшавших их изображениями, не оставили нам на память, из смирения, своих имен на их удивительных произведениях. К сожалению также, строго придерживаясь в иконописании древних образов, они не выучились писать изображений с живых людей, почему у нас почти нет портретов русских государей и выдающихся личностей XVI века, а немногие из имеющихся едва ли передают правильно черты лица тех особ, с которых они писаны.

В том же 1551 году, когда состоялся Стоглавый собор, Макарий исходатайствовал у Иоанна разрешение освободить от заточения,

вероятно не весьма строгого, известного нам Максима Грека, противника монастырского землевладения и страстного обличителя всякой неправды, попавшего, как мы помним, вследствие несчастного стечения обстоятельств, под церковный суд и заточенного при Василии III.

Макарий не был сторонником Максима Грека по вопросу о владении монастырями землею и принадлежал к противоположной по взглядам партии осифлян, но высоко ценил его праведную жизнь и писал ему, когда тот был еще в заточении, что «узы твоя целует, яко единого от Святых».

В Максиме Греке, несмотря на многолетнее заключение, был так же, как и прежде, силен «огнь ревности яже по Бозе», и он, невзирая ни на что, продолжал писать свои обличительные тетради. Так, против дурного правления бояр во время юности Иоанна он написал беспощадно резкое «Слово пространнее излагающе с жалостью нестроения и безчиния царей и властелех последняго века сего», а затем написал и самому Иоанну замечательные по своей полной безбоязненности и

превосходным мыслям «Главы поучительны к начальствующим правоверно», которые, конечно, оказали большое влияние на молодого государя.

В этих «Главах» Максим Грек писал Иоанну, что государю необходимее всего правда: «Ничтоже убо потребнейше и нужнейше правды благоверно царствующему на земли»; при этом он сравнивает царя с солнцем: как солнце освещает и согревает вселенную, так и «душа благовидная благоверного царя, украшенная правдой и чистотой, украшает и согревает все ей подвластное».

На какие стороны преобразований Иоанна имел влияние Адашев, к сожалению, неизвестно; но он, как начальник Челобитного приказа, вроде Канцелярии его императорского величества по принятию прошений, имел, разумеется, непрерывные и постоянные сношения с государем.

Сильвестр, по-видимому, имел главным образом влияние на религиозное чувство Иоанна, причем он вмешивался и в домашнюю жизнь молодого государя. Но вместе с

тем, как увидим, Сильвестр был очень склонен оказывать свое влияние и на государственные дела.

Нет сомнения, что большое влияние на преобразования Иоанна оказали также взгляды и мысли некоего Ивана Пересветова, записки которого хранились в государевой казне. Иван Пересветов был уроженец русских областей, находившихся под властью Литвы. С разрешения великого князя Литовского он был одно время на военной службе у чешского и венгерского королей и у молдавского воеводы; затем он прибыл в Московское государство и поступил также на военную службу в малолетство Иоанна; здесь он прекрасно изучил весь строй нашей жизни, испытал при этом лично на себе многие великие неправды во время боярского правления.

Будучи православным и русским человеком и видя огромную мощь Московского государства, Иван Пересветов, скорбя душой о неурядицах, наступивших в правление бояр, в нескольких своих «книжках», переданных им Иоанну в 1549 и 1550 годах, стал горячо проводить мысли о необходимых, по его мне-

нию, преобразованиях.

Он настойчиво советовал взять Казанское царство, говоря, что и волошский (молдавский) воевода, у которого он служил, дивился, «что таковая земля невеликая, весьма удобная, у такого великого, сильного царя под пахую, а не в дружбе, а он ей долго терпит и кручину от них великую принимает...».

При этом Пересветов сильно нападал на русских бояр, начальствовавших на войне не по своим способностям, а в силу местнической лестницы. Вельможи русского царства, говорит он, потому только и называются слугами царя, что «цветно и конно и людно выезжают на службу его». Но на самом деле это плохие слуги, которые некрепко стоят за царя и веру «и люто против недруга смертной игрою не играют». Они обленились, боятся смерти и думают только о наживе, поэтому государь, давая им города на кормление, «особую войну на свое царство напускает».

Вследствие обогащения вельможи отвыкают от ратного дела, «ленивеют» и думают об «укрочении», то есть уменьшении власти своего государя, и строят для этого разные ковы,

стараясь лукавством и чародейством приблизиться к царю, уловить его сердце, и затем, приобретя доверие, употребляют его во зло. Таких вельмож, говорит Пересветов, которые приближаются к царю не по воинским заслугам и мудрости, надо «огнем жещи и иные лютые смерти им давати, чтобы зла не множилось». Царская же власть, продолжает он, должна быть неограниченной, без всякого «укрочения», и только такой власти возможно провести все преобразования.

Среди этих преобразований, говорит он дальше, на первом месте должна быть поставлена во всех делах правда. По словам волошского воеводы Петра, у которого он служил, если нет правды в Московском государстве, «то всего нет».

Затем, со слов того же воеводы Петра, Пересветов советует самому царю собирать доходы со всего государства, отменив раздачу городов в кормление, и большую часть этих доходов употреблять на содержание войска, так как войско – сила государства. «А царю без воиньства не мочно быти». «Воинниками царь силен и славен», – говорит он. При этом

сам царь должен быть грозен и мудр и иметь особое дарование: «мудрое и счастливое приращение к воинству». Пересветов настаивает, что необходимо особенно заботиться о воинстве, следует воинам «сердце веселить», и тогда царской казне конца не будет, и царство не оскудеет.

Вообще забота о войсках составляет заветную мысль Пересветова, и он необыкновенно красноречиво ее высказывает: «Воина держати, как сокола чередити (кормить), и всегда ему сердце веселити, а ни в чем на него кручины не допустити... Который воинник люте будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру христианскую стояти, ино таковым воинникам имяна възвышати и сердца им веселити, и жалования ис казны своей государевы прибавливати; и иным воинником сердца возвращати, и к себе их припушати блиско, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем, и любите их, яко отцу детей своих, и быти до них щедрю: щедрая рука николи же не оскудевает и славу царю собирает».

Пересветов также советовал создать по за-

падноевропейскому образцу постоянное войско, а не собираемое только в случае надобности, и с постоянными же начальниками, исключительно посвятившими себя военному делу.

При этом он говорил, что по отношению крымского хана следует ограничиться оборонной и держать на южной границе 20 тысяч отлично обученных солдат, получающих жалованье от казны. Эти 20 тысяч «юнаков храбрых со огненной стрельбою, гораздо учиненною», уверял Пересветов, будут лучше 100 тысяч обыкновенного войска, собираемого от земли. На Казань же он советовал вести самое решительное наступление с неременной целью совершенно покорить ее.

В общем, важнейшие мероприятия, предложенные Пересветовым в 1549 и 1550 годах, заключались в следующем: установить, чтобы в государстве делалось все по правде, причем царская власть должна быть неограниченна и грозна против боярского своеволия; отменить кормление; собирать все доходы в государеву казну и из нее платить жалованье всем служилым людям. Учредить постоянное,

отлично обученное и храброе войско из верных царских слуг, щедро награждать их и выдвигать только по личным достоинствам, а отнюдь не вследствие родовитости.

В такой войске и в военных людях, а не в вельможах и заключается, по мнению Пересветова, сила государства; оно обеспечит его внешнее могущество и будет способствовать внутреннему благосостоянию.

Как мы видели, в речи Иоанна перед открытием Земского собора 1550 года, многие из мыслей Пересветова прямо были высказаны молодым царем; очевидно, они вполне совпадали с его собственными; то же можно сказать по отношению и общего духа преобразований, предпринятых Иоанном.

Передавая исправленный Судебник на утверждение Стоглавomu собору, государь сказал: «И по вашему благословию Судебник исправил и великие заповеди написал, чтобы то было прямо и бережно, суд был бы правилен и беспосульно во всяких делах».

Вместе с тем тогда же царем был предпринят и ряд важных мер об устройстве военного сословия, а в 1550 году был издан указ о са-

мом крупном наделении служилых людей землею, какое только известно, а именно царь приказал им сразу раздать тысячу поместий в ближайших окрестностях Москвы, причем были выработаны правила о соответствующей раздаче имений в зависимости от заслуг, о вдовах военнослужащих и прочие.

Затем государь положил начало и постоянному войску: он создал стрельцов, собираемых из вольных людей; они получали земельные участки и жалованье и обязаны были служить пожизненно и наследственно. Стрельцы были пешие, и только незначительная часть из них имела лошадей, называемаясь стремянными (общее число стрельцов было невелико и к концу XVI века достигало 12 тысяч человек). Наконец, согласно с мыслями Пересветова, государь в 1550 году по приговору митрополита, братии и бояр ограничил случаи местничества в войсках, хотя уничтожить его вполне и не мог.

Все это, несомненно, показывает, что Иван Пересветов имел большое влияние на Иоанна, хотя в числе близких к нему лиц, в его избранной Раде, он и не состоял.

Ввиду решимости, с какой взялся молодой царь править сам своим государством, боярское своеволие, конечно, прекратилось, и недовольство новыми порядками высказывалось только глухо; так, наряду с «книжками» и посланиями Ивана Пересветова в это же время была в обращении и вымышленная «Беседа преподобных Сергия и Германа Валаамских Чудотворцев», написанная, несомненно, боярской рукой; в беседе этой, имея в виду митрополита Макария и Сильвестра, хотя они и не были названы, говорилось, что иноки не должны входить в дела управления государством, а царь должен править им с князьями и боярами, да с мирянами: «не с иноки Господь повелел Царство и гради и волости держати и власть имети, с князи и з боляры и с прочими миряны, а не с иноки».

Горячо отдавшись преобразованиям, Иоанн ревностно занимался и внешними делами.

Старый Сигизмунд умер в 1548 году, испытывав в последние годы своей жизни много неудовольствия от своих подданных – стропти-

вых польских вельмож и шляхты, поднявших против него открытый бунт, или рокош, когда он объявил общий поход, или посполитое рушение, против молдавского воеводы. Посполитое рушение собралось в количестве 150 тысяч человек у Львова, но затем, вместо того чтобы идти на неприятеля, шляхта стала шумно предъявлять королю требование различных прав, отказавшись выступить на свой счет за пределы государства; глубоко оскорбленный Сигизмунд вынужден был наконец распустить это воинство, ознаменовавшее свое пребывание во Львове страшным истреблением во всех окрестностях домашней птицы, почему в насмешку сами поляки и назвали этот сбор посполитого рушения куриной войной.

Наследником польской короны после Сигизмунда I был сын его Сигизмунд II Август, еще при жизни отца, как мы помним, посаженный им в Вильну на великое княжение Литовское. Сигизмунд-Август вследствие плохого воспитания, полученного от своей матери, королевы Боны, совершенно не был подготовлен к правлению, хотя отличался хороши-

ми природными способностями; ведя рассеянный и беспечный образ жизни, он всегда откладывал решение государственных дел, за что и получил от своих подданных прозвище «король-завтра».

Ко времени смерти отца Сигизмунд-Август был сильно занят своим вторым браком после смерти первой жены, австрийской принцессы, не оставившей ему детей; он влюбился в Вильне в молодую вдову трокского воеводы Гаштольда, прекрасную Варвару, урожденную Радзивилл, обладавшую, по единодушным отзывам современников, и всеми душевными качествами, и тайно женился на ней.

Когда незадолго до смерти отца он объявил о своем браке, то среди польской знати возникло сильное неудовольствие, что их будущая королева – родом литвинка; неудовольствие это поддерживала также королева Бона, и Сигизмунду-Августу, по занятии отцовского престола, пришлось вступить в упорную борьбу на защиту своего брака с Варварой; он успел наконец добиться признания ее королевой, но вслед за тем она умерла в

начале 1551 года, говорят, отравленная своей злою свекровью, и Сигизмунд-Август впал в самое мрачное отчаяние, от которого он перешел к чрезвычайно разгульной жизни.

Конечно, при указанном выше состоянии Польши и Литвы со слабовольным и изнеженным Сигизмундом-Августом во главе, Иоанну Московскому нечего было опасаться своего западного соседа.

В 1549 году ввиду окончания срока перемирия в Москву приехали литовские послы договариваться о вечном мире. Но вопрос о Смоленске служил, как и прежде, непреодолимым препятствием к этому. Литовские послы требовали его возвращения, а наши бояре и слышать об этом не хотели, и опять было решено продолжить перемирие на пять лет, причем при написании перемирных грамот встретилось новое затруднение: Иоанн желал подписаться в них титулом царя, а послы на это не соглашались; чтобы не ссориться с Литвой из-за одного слова и иметь развязанными руки против других врагов, Иоанн уступил, и постановлено было, что грамота от имени короля будет писаться без царского ти-

тула.

Но, конечно, отказ Сигизмунда-Августа признать Иоанна царем не способствовал установлению между ними дружеских отношений; Иоанн в свою очередь отказывался называть его королем, и при взаимных ссылках они обыкновенно писали друг другу отказы на просьбы по различным вопросам. Так, в 1550 году Сигизмунд-Август просил Иоанна: «Докучают нам подданные наши, жидаы, купцы государства нашего, что прежде изначала при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей Земле твоей с товарами ходить и торговать; а теперь ты жидам не позволяешь с товарами в государство свое въезжать»; Иоанн же отвечал на это: «Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья к ним привозили и пакости многие нашим людям делали: так тебе бы брату нашему не годилось и писать об них много, слыша их такие злые дела».

Обеспеченный перемирием со стороны Литвы, Иоанн по примеру своего великого

предка, Владимира Мономаха, которому в эту пору жизни он старался во всем следовать, решил направить свои силы на борьбу с погаными; разделяя при этом мнение, высказанное в посланиях Ивана Пересветова, молодой государь намерен был, действуя оборонительно против Крыма, обратить все свои усилия на окончательное покорение Казани.

Мы видели, что по возвращении из своего второго неудачного похода под Казань весной 1550 года Иоанн заложил у устья реки Свияги, всего в 20 верстах от Казани, новую крепость Свияжск, построение которой было произведено весной 1551 года царскими воеводами под общим начальством Шиг-Алея, причем лес для церквей и для городских стен был доставлен на судах дьяком Иваном Выродковым, срубившим его в Углицком уезде. Возведение Свияжска, поставленного в течение четырех недель, принесло немедленно же свои плоды. Старшины горной черемисы сейчас же ударили челом государю, прося, чтобы он их пожаловал; скоро их ополчения, вместе с чувашами и мордвой, также присягнувшими Иоанну, подошли по приказу государя под са-

мую Казань; здесь, после крепкой битвы с татарами, они вынуждены были отойти от нее с уроном, но были щедро награждены Иоанном за то, что показали свою верную службу.

Сооружение Свияжска и переход горной черемисы с чувашами и мордвой на сторону Москвы вызвали, конечно, ужас и смятение в Казани, в которой, за малолетством Утемиш-Гирея, всеми делами ведал любимец царицы Суюнбеки крымский улан (вельможа) Кощак; скоро русская партия в городе взяла решительный перевес, и Кощак с 300 крымцами должен был спастись из Казани бегством, причем по пути он попал в руки русских воевод, затем был приведен в Москву и там казнен.

Казанцы же отправили послов к Иоанну и просили его дать им царя из его рук – уже давно знакомого им Шиг-Алея, обязавшись выдать нам Утемиш-Гирея вместе с Суюнбекой и оставшимися крымцами. Иоанн согласился, поставив условием, что ему должны быть выданы и все русские, томящиеся в плену, а горная сторона, добровольно нам поддавшаяся, останется за Москвой; Казань же

по-прежнему будет владеть луговой стороной (по левому берегу Волги).

На этих условиях в августе 1551 года Шиг-Алей был опять торжественно посажен в Казани Алексеем Адашевым, который вывел оттуда до 60 тысяч человек русских пленников.

Затем был выведен в Москву и малолетний хан Утемиш-Гирей со своей прекрасной матерью Суюнбекой. Наш летописец очень трогательно рассказывает о ее великом горе, когда она узнала, что за ней прибыл воевода, князь Василий Серебряный; он «вшед в град и ять царицу со царевичем ея, яко смиренну птицу некую во гнезде со единым малым птенцем, в полатях ея, в превысоких светлицах, не трепещущи же ей, ни бьющися, со всеми ея любимыми рабынями, рожденными женами и отроковицами, жившими в полатях ея». Услышав о своей участи, Суюнбека за-мертво упала на землю, а затем отправилась ко гробу Сафа-Гирея и горько рыдала над ним.

Потеря горной стороны была, конечно, большой обидой для казанцев; недоволен был последним и Шиг-Алей, который стал просить Иоанна вернуть ее Казани. Но в

Москве с этим никак не могли согласиться, и Шиг-Алею был послан ответ, что горная сторона останется за нами; при этом ему также наказывалось непременно освободить всех пленных, так как имелись сведения, что часть русских людей продолжала томиться в Казани закованными и спрятанными в ямах. Положение Шиг-Алея ввиду требований Москвы, с одной стороны, и недовольства казанцев – с другой, было весьма тягостным, что он и высказывал московским воеводам. Скоро среди казанских вельмож возник против него заговор; они стали сноситься с ногайскими князьями и решили убить его вместе с бывшим при нем князем Палецким, но Шиг-Алей вовремя узнал об этом; он пригласил заговорщиков в числе 70 человек к себе на пир и перебил их там; остальные же бежали.

Однако эта кровавая расправа не утвердила его положения в Казани, что было хорошо понято и в Москве; по поручению Иоанна к Шиг-Алею прибыл Алексей Адашев и предложил ему ввиду измены в Казани укрепить город русскими людьми, то есть впустить в

него русские войска. На это Шиг-Алей ответил, что ему действительно очень тяжело жилось в Казани, но что ввести русские войска он не беретя, а предлагает самому Иоанну взять Казань при услови, что ему дадут обратно Касимов, где он сидел раньше, «так я здесь лихих людей еще изведу, пушки, пищали и порох перепорчу: государь приходи сам да промышляй».

Между тем ненависть казанцев к Шиг-Алею усилилась до такой степени, что они решили зависеть лучше от московского наместника, чем иметь его царем, и послали бить об этом челом Иоанну в январе 1552 года. Ввиду этого в феврале Алексей Адашев вновь отправился в Казань, чтобы свести Шиг-Алея; вместе с ним прибыли и татары, ездившие послами в Москву и привезшие оттуда грамоту с условиями перехода Казани под руку Иоанна.

6 марта Шиг-Алей выехал из города, а боярин князь Семен Микулинский отправил туда в тот же день извещение, что он назначен государевым наместником по челобитью казанцев, почему и приглашает их лучших людей приехать в Свяжск для принесения при-

сяги.

На следующий день казанцы прислали в Свияжск своих лучших людей, которые там и присягнули, после чего князь Микулинский отправил свой обоз в город под прикрытием отряда из боярских детей, казаков и 72 пища-лей; отряд этот благополучно вошел в Казань, и к городу уже подходил с остальной ратью сам Микулинский, уверенный, что все обстоят совершенно мирно, как вдруг дело приняло неожиданный оборот: трое вельмож, противников Шиг-Алея, успели возбудить казанцев против русских, уверяя, что мы хотим их всех перебить. Возбужденный народ, и без того недовольный переходом под власть православного царя, взялся за оружие и стал затворять ворота перед самым подходом к ним войск князя Микулинского. Вслед за тем Микулинский, тщетно простояв под Казанью полторы недели, вернулся назад в Свияжск и послал о происшедшем донесение государю, ожидая указаний для дальнейших действий.

Казанцы в это время взяли себе в цари астраханского царевича Едигера; судьба же бояр-

ских детей, прибывших в город с обозом князя Микулинского, была печальна: «тех же воеводских юнош, – говорит летописец, – в Казань впустивше, и яша всех, и понудиша их прежде ласканием отрещися веры христьянская и прияти веру басурманскую, яко в чести велицеи будут у них: князи нарекутся и со единого с ними на Русь воевати учнут ходити. Они же возопиша вси единым гласом купно: „Не даждь Бог отлучитися веры Христовы и попради святое крещение вас ради нечестивых и поганых человек“», после чего были преданы жесточайшим пыткам и казни.

Узнав о происшедшем, Иоанн отправил на помощь князю Микулинскому в Свяжск шурина своего Данилу Романовича Захарьина-Юрьева, а Шиг-Алею приказал ехать в Касимов; затем в апреле государь собрал совет по вопросу о большом походе на Казань; некоторые находили, что это повлечет за собой войну не только с Крымом, но и с ногайскими татарами, однако Иоанн, полагая, что настало время навсегда покончить с Казанью, решил лично отправиться к ней с большими

силами и приступил к их сбору.

Между тем вести с Поволжья были не хороши: горная черемиса стала волноваться, а затем и перешла вся на сторону Казани, причем истребила несколько небольших русских отрядов; в Свияжске же, где кроме войска было скопление большого количества освобожденных из Казани пленников и пленниц, начался сильный мор от цинги и вместе с тем шла весьма разгульная жизнь.

По получении об этом известия митрополит Макарий отправил в Свияжск послание, в котором уговаривал воинов крепко стоять за веру и блюсти чистоту душевную и телесную; послание это было прочитано после молебна и произвело сильное впечатление: разгул стих, а затем прекратился и мор.

Тем временем Иоанн усердно готовился к походу, то осматривая собиравшиеся полки, то занимаясь делами с боярами. Он вызвал в Москву Шиг-Алея и приказал ему идти также в поход с касимовскими татарами, причем дал ему в жены красавицу Суюнбеку. По-видимому, поводом к этому браку было нежелание Иоанна отпустить Суюнбеку к отцу, одно-

му из могущественнейших владетельных ногайских князей Юсуфу, который, имея в своих руках дочь и внука бывшего царя – младенца Утемиш-Гирея, мог бы предъявить тоже свои права вмешиваться в казанские дела, тем более что сведения о большом сборе московского царя на Казань были уже повсеместно известны и возбуждали сильную тревогу в мусульманских странах. Особенно близко к сердцу принимал их турецкий султан Сулейман II Великолепный, ревностный покровитель всех магометан, хотя и находился под сильным влиянием своей любимой жены Роксоланы, русской пленницы, дочери рогатинского попа в Галиции. Эта Роксолана втайне оставалась православной и навсегда оставила по себе добрую память необычайно участливым отношением к пленным сородичам, для облегчения судьбы которых она, втихомолку от мужа, тратила огромные деньги.

Узнав о приготовлениях Иоанна, Сулейман предложил новому крымскому хану Девлет-Гирею, племяннику знакомого нам Саип-Гирея, напасть на Москву и послал ему свои пушки и отряд янычар; такое же предложе-

ние было послано Сулейманом и к ногаям, в том числе и к отцу Суюнбеки Юсуфу, а также, конечно, и к астраханским татарам; но ногайские князья слишком враждовали друг с другом и не могли быть нам очень опасны; Астрахань же была прямо связана торговыми выгодами с Москвой и потому дружила с ней. Таким образом, Сулейману удалось поднять против нас только крымцев.

Между тем сборы Иоанна к походу закончились к наступлению лета. Шиг-Алей советовал отложить поход до холодного времени, указывая, что летом вокруг Казани топкие непроходимые болота, замерзающие зимой, когда можно быть спокойными и со стороны крымцев; но государь хорошо помнил свои два зимних похода, оба раза окончившиеся неудачей из-за не вовремя наступивших оттепелей, и, надеясь на помощь Всевышнего, решил не медлить с выступлением, рассчитывая, что Бог и непроходимые места проходимыми делает и острые пути в гладкие обращает.

Часть войска была собрана еще в мае 1552 года и после смотра, произведенного ей ца-

рем, направлена на судах вместе с большим стенобитным снарядом по Оке и Волге к Сви-
язьску; сюда же шли войска, также на судах, и
с северо-востока – по реке Каме.

Главная рать должна была идти вместе с
государем сухим путем. Воеводой большого
полка был назначен боярин князь Иван Фео-
дорович Мстиславский, а товарищем ему –
князь Михаил Иванович Воротынский, полу-
чивший от Иоанна в знак особой к нему ми-
лости звание слуги, считавшееся выше бояр-
ского и данное до того времени только двум
лицам: князю Семену Ряполовскому, отец ко-
торого спас детей Василия Темного во время
шемякинской смуты, и князю Ивану Воро-
тынскому, отцу Михаила, за знаменитую Вед-
рошскую победу. Передовой полк был поручен
князьям Ивану Турунтаю-Пронскому и
Димитрию Хилкову, сторожевой полк – князю
Василию Серебряному и Семену Шереметеву;
полк правой руки вели князья Петр Щенятев
и Андрей Курбский, а левой – князь Димитрий
Микулинский и Димитрий Плещеев. В
собственном полку Иоанна были князь Вла-
димир Воротынский и Иван Шереметев.

16 июня государь выступил из Москвы «на свое дело», как образно говорит летописец. Он нежно простился с царицей, которая была в ожидании первого ребенка, и заповедовал ей не грустить о нем, но молиться Богу «и многу милостыню творити убогим, и многим бедным и в наших царских опалах разрешати повелевай и в темницы заключены испущати повелевай, да сугубу мзду от Бога приемлем, аз за храбрство, а ты за сия благая дела». Затем он отправился в Успенский собор, где жарко и долго молился, проливая многие слезы пред образом Пречистой и у мощей московских чудотворцев святых Петра и Ионы. Здесь он принял последнее благословение от отца своего – митрополита Макария. Напутствуемый им, 22-летний государь бодро сел на своего коня и выступил по дороге на Коломну в главе воинства, блиставшего доспехами, подобно тому как некогда его великий предок Димитрий Иоаннович Донской выступил на страшный бой с Мамаем.

Еще до прихода на первый ночлег Иоанн встретил гонца с известием, что множество крымцев двигается к нашей украине и пере-

шли уже Донец. 19 июня в Коломну прибыл новый гонец с известием, что крымцы идут по путям на Коломну и Рязань. Вести эти несколько не смутили Иоанна. Он сейчас приказал идти полкам на берег – к Оке, лично отправившись туда же для обзора местности, и объявил, что если крымский хан придет, то он намерен «делать с ним прямое дело». Известие об этом наполнило сердца всех воинов большим воодушевлением.

21 июня пришли новые вести; из Тулы прибыл гонец и объявил, что к ней приходят татары, но немного, и, повоевав окрестности, отошли. Ввиду этого Иоанн отправил к Туле полки передовой и правой руки вместе с боярином князем Михаилом Воротынским, а сам остался в Коломне выжидать дальнейших известий. 23 июня прискакал гонец от тульского воеводы князя Григория Темкина-Ростовского с важной вестью, что к городу прибыл сам хан Девлет-Гирей со всеми силами и янычарами. Тогда Иоанн, «ни мало помешкав и не соверша стола», решил тотчас выступить ему навстречу; он приказал сейчас

же всем бывшим с ним войскам начать перевозиться через Оку, а сам отправился к вечерне, так как никогда и ни в каких случаях жизни не пропускал церковных служб.

Отстояв вечерню, государь выступил к Кашире, где была назначена перевозка; сюда прискакал опять новый гонец и привез ему радостную весть о новом блистательном деле русских людей: сидевший в Туле князь Григорий Темкин доносил, что накануне, 22 июня, Девлет-Гирей весь день бил изо всех своих орудий город, отчего во многих местах был пожар, и янычары делали несколько яростных приступов; однако несмотря на то, что у тульчан было немного ратных людей, все приступы были успешно отбиты при участии мужественных горожан. Утром же 23 июня, когда хан опять готовился к новому приступу, с севера показались большие облака пыли. Обрадованные жители поняли, что это идет царская помощь (высланные Иоанном полки передовой и правой руки), и с криками: «Боже Милостивый! Помоги нам! Царь православный идет», – открыли ворота и произвели стремительную общую вылазку, в которой

приняли участие вместе с воинами не только мужское население города, но даже женщины и дети. Множество татар было побито, и в том числе ханский шурина. Девлет-Гирей не стал мешкать и побежал в степь, а прибывшие воеводы Иоанна тотчас же погнались за ним; они успели застигнуть его отступавшие части, которых разбили наголову и захватили огромное количество пленных, верблюдов и пушек. Хан побежал еще быстрее, а Иоанн, так счастливо избавившийся от крымцев, вернулся в Коломну и стал думать там с двоюродным братом своим князем Владимиром Андреевичем, боярами и воеводами: как теперь идти дальше на Казань? Решено было двинуться двумя дорогами: самому государю с полками – своим и левой руки – идти на Владимир и Муром, а всем остальным – на Рязань и Мещеру, чтобы заслонить царя на случай внезапного нападения ногаев, и всем сходиться за Алатырем.

Когда надлежало уже выступать, то произошла неприятная заминка. Новгородские боярские дети ударили челом государю, прося их отпустить домой; они говорили, что уже с

весны находятся в Коломне, иные уже бились с татарами, а теперь впереди еще такой далекий путь. Это сильно опечалило Иоанна; наконец он приказал переписать всех челобитчиков и объявить им, что кто хочет идти за государем, тех он будет жаловать и под Казанью кормить, а кому нельзя идти, те пусть остаются в Коломне. Мера эта подействовала: все отвечали в один голос: «Готовы идти с государем; он наш промышленник и здесь и там, промыслит нами, как ему Бог известит». Затем войска выступили из Коломны.

Прибыв во Владимир, Иоанн горячо молился в соборной церкви над гробом своего предка святого Александра Невского, а в Муроме – над мощами князя Петра и княгини Февронии. По пути он получил известие от супруги и благословение от митрополита, а также сведения, что наши отряды имели несколько удачных столкновений с горной черемисой, которая вслед за тем опять присягнула нам. Русское воинство шло то густыми лесами, то чистыми полями и везде находило достаточное продовольствие: в реках ловилась превосходная рыба, в полях росли вся-

кие овощи, а в лесах было множество птиц и разной дичи, причем лоси, по словам летописца, как бы сами приходили на убой; когда рать вступила в землю чувашей, мордвы и горной черемисы, то жители, чтобы загладить свою недавнюю измену, приносили в множестве хлеб, мед и масло.

13 августа Иоанн прибыл в Свияжск, где его уже ожидали войска, отправленные на судах. Все радовались благополучному окончанию трудного похода и наслаждались обильными припасами, прибывшими водою вместе с пушками и военными снарядами.

Царь решил немедленно идти под самую Казань; вместе с тем он поручил Шиг-Алею написать грамоту новому царю Едигеру с предложением добровольно покориться без пролития крови; такие же грамоты были отправлены к казанским людям и их духовенству.

16 августа войска наши стали перевозиться у Свияжска через Волгу на луговую сторону, а 20-го числа сам Иоанн переправился уже за реку Казанку и получил здесь ответ Едигера, наполненный ругательствами и вызовом

на брань. В это же время к нам прибыл из Казани некий Камай-мурза, передавший на нашу сторону и оказавший нам немалую услугу своими полезными указаниями. Камай-мурза сообщил, что казанцы собрали до 60 тысяч войска и решили крепко биться, причем Едигер половину войска оставил в городе, а другую, под начальством отважного наездника Япанчи, состоящую преимущественно из конницы, скрытно расположил в некотором отдалении от города, в лесных засеках, чтобы действовать оттуда на тыл русских во время осады.

Казань, расположенная на левом луговом берегу Волги, верстах в шести от последней, была обнесена крепкими стенами из дубовых срубов, набитых землею, и вооружена пушками и пищалями; город был выстроен на холмистом левом берегу речки Казанки в том месте, где в нее впадает глинистый проток Булак, идущий из озера Кабан в Казанку. Крутые берега Казанки и Булака огибали город с трех сторон; с четвертой же стороны, там, где простиралось Арское поле, был проведен глубокий ров с валом. В городской стене имелось

10 ворот, а в вершине угла, у впадения Булака в Казанку, помещался сильно укрепленный царский двор с несколькими каменными мечетями.

Получив сведения от мурзы Камая, государь собрал совет, на котором окончательно было решено, как обложить город. Было приказано, чтобы во всей рати каждые 10 человек приготовили по туру, то есть по большой плетенке из хвороста, наполненной землей, да чтобы каждый имел по бревну для устройства тына. Затем настрого было приказано, чтобы без царского повеления, а в полках без воеводского, никто не смел бросаться к городу.

23 августа полки стали занимать назначенные им места; Иоанн повелел развернуть свое знамя с Нерукотворным Спасом и крестом, бывшим с Димитрием Иоанновичем на Дону, и начать служить молебен, после которого он собрал присутствующих и сказал им высокопрочувствованную речь, начав ее словами: «Приспело время нашему подвигу: потщитесь единодушно пострадать за благочестие, за святые церкви, за единородную нашу

братию, православных христиан, терпящих долгий плен... Не пощадите голов своих за благочестие, – продолжал государь, – я сам с вами пришел: лучше мне здесь умереть, нежели жить и видеть за свои грехи Христа хулимого и порученных мне от Бога христиан, мучимых от безбожных казанцев...» На это ему отвечал князь Владимир Андреевич обещанием от имени всех не щадить своих голов в борьбе с погаными. «Дерзай, царь, на дело, за которым пришел, да сбудется на тебе Христово слово: всяк просяй – приемлет и толкущему отверзется», – закончил он свой ответ. Тогда Иоанн, взглянув на образ Спаса, сказал во всеуслышание: «Владыко! О твоём имени движемся».

Войска наши обложили Казань так: сам государь со своим отборным полком, преимущественно из конных боярских детей, и двоюродным братом Владимиром Андреевичем расположился на так называемом Царевом лугу; полк левой руки стал по Булаку, примыкающая своим правым крылом к озеру Нижний Кабан; левее его, до впадения Булака в Казанку, стал сторожевой полк, а за Казанкой –

полк правой руки; на Арском же поле стал большой полк; связью между ним и полком правой руки должен был служить легкий конный отряд, или яртоул, из 7 тысяч конницы и пеших стрельцов, под начальством князей Пронского и Львова.

С утра город казался пустым, и неприятеля нигде не было видно; когда голова яртоула перешла Булак по наведенному мосту и стала двигаться к Арскому полю, то городские ворота отворились, и толпы конных и пеших татар бросились на русский передовой отряд: «и вылезли казанцы из города и пришли встречу государевым полкам; государева же заповедь – без веления да никто дрзнет на бой». Стрельцы наши стали отстреливаться от нападающих на них татар, а Иоанн, увидя это, двинул к ним на помощь князей Юрия Шемячича и Феодора Троекурова с конными боярскими детьми, после чего казанцы с большим уроном были откинута в город.

Скоро Казань со всех сторон была обложена нашими войсками, среди которых царил величайший порядок, или, как теперь гово-

рят – дисциплина; никто без царского указа не смел самовольно ничего предпринимать. Всюду ставились туры или устраивались тыны, а затем были расположены пушки: большие, или «верховые», кидавшие каменные ядра, и поменьше, но очень длинные, называвшиеся «огненными», так как они стреляли калеными ядрами и производили в городе пожары; кроме пушек, по Казани действовали также большие затинные пищали – длинные ружья (до сажени), стрелявшие со станков железными ядрами. Всех орудий и больших пищалей было выставлено нами до 150. Неприятель делал против нас непрерывные вылазки и отчаянно дрался из-за постановки туров, но был всюду успешно отбиваем.

Несравненно больше вреда наносил русским отряд князя Япанчи. Когда наше внимание привлекалось казанцами к стенам города, то обыкновенно в то же время на одной из башен появлялось татарское знамя: оно служило условным знаком для Япанчи; он быстро выносился со своими всадниками из лесных засек, находившихся за Арским полем, нападал на наш тыл и производил в нем

немало опустошений.

Между тем наступили и другие невзгоды: страшная буря потопила много судов на Волге с запасами продовольствия, а в воинском стане было снесено множество шатров, в том числе и царский; но Иоанн сохранял неизменно бодрое настроение духа; он приказал двинуть новые запасы продовольствия и постоянно объезжал войска и все осадные работы, подбодряя воинов своим словом и жалованием. Чтобы покончить с постоянными нападениями Япанчи, державшего в тревоге день и ночь русскую рать, на собранном Иоанном совете было решено выделить для этого особый отряд и вверить его князьям Александру Горбатову-Шуйскому и Петру Серебряному – из 30 тысяч конницы и 15 тысяч пеших воинов. Отряд этот искусно расположили в скрытном месте, где он стал выжидать появления Япанчи. 30 августа Япанча, по обыкновению, показался из лесу, быстро двинулся на Арское поле и ударил на стражу, охранявшую наши обозы, которая, как было заранее условлено, отступила к самым осадным работам. Татары кинулись ее преследо-

вать, но вдруг увидели себя отрезанными отрядом Горбатого и Серебряного, вышедшим из своего укрытия.

Тогда Япанча повернул назад и вынужден был вступить в неравный бой, в котором был наголову разбит. Наши преследовали его на протяжении 15 верст и захватили 340 пленных. Одного из них Иоанн послал в Казань с грамотой, в которой писал, что если казанцы ударят ему челом, то он их пожалует, в противном же случае велит умертвить всех пленников; казанцы ответа на это не дали – и пленники были перебиты перед городскими стенами.

31 августа государь призвал немца размысла (инженера) и велел ему сделать большой подкоп под Казань: «посем православный царь повелевает некоторому дохтуру именем размыслу учинить подкоп под стену на разрушение града». Затем, узнав, что казанцы берут воду из ключа-тайника, близ одних ворот, к которому ходят подземным путем, он приказал Алексею Адашеву с учеником размысла сделать другой подкоп под этот подземный путь у каменной Даировой башни, занятой

нашими казаками. К 4 сентября подкоп под тайник был готов; сам князь Серебряный вошел в него и слышал голоса людей, ехавших за водой; государь велел поставить в подкоп 11 бочек пороха, и тайник был взорван, причем взлетевшими камнями и бревнами было побито множество народа в городе; часть же нашего войска, воспользовавшись отверстием, сделанным взрывом, ворвалась в Казань и тоже посекала большое количество людей. После этого сильное уныние распространилось в городе, лишенном воды; однако о сдаче никто не думал; татары стали усиленно копать землю в нескольких местах для отыскания воды, но докопались только до одного ключа, и то со смрадной водой, от питья которой люди умирали и пухли.

Тем временем Иоанн деятельно подвигал вперед осадные работы и заботился вместе с тем о полном очищении окрестностей от неприятеля, так как и после поражения Япанчи луговая черемиса не переставала тревожить наш тыл. 6 сентября после кровопролитного боя московские войска взяли Арский острог, построенный казанцами в 15 верстах

от города, а затем воеводы наши пошли к Арскому городку в 65 верстах от Казани и, захватив по пути множество скота, продовольствия и драгоценных мехов в загородных дворцах казанских вельмож, вернулись обратно, повоевав всю Арскую сторону.

С наступлением сентября погода сильно испортилась; лили непрерывные дожди, и среди русских войск стали ходить слухи, что дождь накликали казанские чародеи – колдуньи и колдуны. По совету некоторых государь послал в Москву за Животворящим Крестом с частицей Древа, на коем был распят Спаситель. На переменных подводах, от Москвы до Нижнего, а оттуда на быстроходных вятских кораблицах Честное Древо скоро доставили в лагерь осаждающих.

Затем были отслужены молебны, а водой, освященной Животворящим Крестом, окропили все войска; после этого погода вскоре прояснилась.

Русская рать подвигала все ближе и ближе свои осадные работы к городу; дьяк Выродков по приказанию государя поставил против ворот, именуемых Царевыми, подвижную дере-

вянную башню в 6 саженой вышиной, которая была вооружена 60 большими пиццалями; башня эта была выше городских стен, поэтому когда открылась из нее стрельба вдоль улиц, то наши стали убивать множество народа. Тогда осажденные начали укрываться в ямах под самыми городскими стенами; они возвели также большие земляные тарасы, обитые деревом, против всех городских ворот и, вырыв под ними норы, выползали из этих нор, чтобы производить вылазки и мешать нашим осадным работам. Вообще, они оборонялись с величайшим ожесточением, как днем, так и ночью.

Однако, несмотря на все, князь Михаил Воротынский успел придвинуть туры к самому рву против Арской башни и Царевых ворот, так что между городскими стенами и нашими турами оставался только ров в 7 саженой ширины. Татары зорко следили здесь за нами, и однажды, заметив, что русские пошли обедать, оставя для защиты туров лишь слабую стражу, они тотчас же выползли из своих нор в больших силах и ударили на туры. Только после кровопролитного боя, где мы

потеряли много народа, нам удалось вогнать их обратно в город, причем были ранены сам князь Михаил Воротынский и несколько воевод.

Видя, что тарасы сильно мешают действию наших снарядов, государь приказал устроить подкоп под тарасы у Царевых ворот и после взрыва их немедленно придвинуть к ним туры. Взрыв этот последовал 30 сентября, и притом со страшной силой; множество народа было побито взлетевшими вверх бревнами, и защитники города на некоторое время оцепенели от ужаса; пользуясь этим, царские воеводы утвердили туры против трех ворот, а войска наши вошли в город и заняли после сильнейшего кровопролития Арскую башню и часть городской стены. Князь Михаил Воротынский послал сказать Иоанну, лично подъехавшему к самой Казани, что надо пользоваться удачей и вести общий приступ; к сожалению, остальные полки не были изготовлены к бою, и храбрые русские воины, вошедшие в город, были выведены из него силою; однако Арская башня и часть стены осталась в наших руках. Русские воеводы приказали

воинам, оставшимся здесь, прикрыться туррами и засыпать их землей. С своей стороны татары также деятельно работали; они ставили срубы против пробитых мест в стене и насыпали их тоже землею.

На следующий день, 1 октября Иоанн приказал всем нашим пушкам бить непрерывно по городу и устраивать переходы через рвы, наполнив их землею и лесом. К вечеру городская стена во многих местах была уже сбита до основания. Большой подкоп, над которым работал размысл, был также готов, и в него было вкачено 48 бочек пороху. Время решительного приступа пришло. Он был назначен на следующий день, в воскресенье, 2 октября. Однако, чтобы избежать кровопролития, Иоанн сделал последнюю попытку: он еще раз послал казанцам предложение сдаться; но те единодушно отвечали: «Не бьем челом; Русь уже на стенах и в башнях; ничего, мы другую стену поставим и все помрем или отсидимся».

Между тем в русских полках было велено всем воинам исповедаться и причаститься; сам Иоанн провел часть ночи со своим духов-

ником. Войска для приступа были разделены на несколько отрядов, за которыми должны были следовать особые поддержки; кроме того, часть войска была оставлена при государе как его охрана и главная поддержка (резерв), наконец, по дорогам была выставлена крепкая стража, чтобы осажденным не могла прийти помощь извне.

Перед рассветом, получив доклад князя Михаила Воротынского, что порох уже поставлен в подкоп и что мешкать нельзя, так как казанцы об этом осведомлены, Иоанн оповестил все полки, чтобы они готовились немедленно приступить к делу, как только раздастся взрыв, а сам, облаченный в юшман, или боевую броню, и имея коня наготове, отправился, по своему обыкновению, отслушать обедню в походной шатровой церкви. Здесь, когда дьякон, читая Евангелие, возгласил: «И будет едино стадо и един пастырь», государь и присутствующие услышали страшный гром от взрыва, причем задрожала земля. Иоанн выступил из церковных дверей и увидал, что стена уже взорвана, а бревна и люди летят в высоту; когда во время ектений

дьякон читал молитву за царя и провозгласил слова: «покорити под нозе его всякого врага и супостата», то раздались звуки от второго взрыва, еще оглушительнее, чем от первого, причем множество казанцев виднелось в воздухе, перерезанных пополам и с оторванными руками и ногами.

Войска наши с возгласами: «С нами Бог!» – двинулись на приступ. Казанцы встретили их на стенах, крича: «Магомет! Все помрем за юрт!» – и стали осыпать тучею стрел, поливать кипятком и скатывать на них бревна. Скоро у всех ворот и проломов началась страшная сеча.

Иоанн же продолжал слушать обедню; один из близких царю людей сказал ему: «Государь! Время тебе ехать; полки ждут тебя», но он отвечал: «Если до конца отслушаем службу, то и совершенную милость от Христа получим». Затем приехал вестник от бояр и доложил: «Велико время царю ехать, да укрепятся воины, видев царя». Государь из глубины своего сердца вздохнул, пролил многие слезы и стал молиться: «Не остави мене, Господи Боже мой, и не отступи от мене, вонми в

помощь мою». Когда обедня окончилась, он приложился к иконе святого Сергия Радонежского, выпил святой воды, вкусил просфоры и, приняв благословение от священника, наказал духовенству продолжать молиться о ниспослании победы. Затем Иоанн сел на коня и поспешил к своему полку.

Русские знамена развевались уже в это время на городских стенах. Прибытие царя придало нашим войскам новые силы; спешившись, так как двигаться верхом по улицам не было никакой возможности, они вступили в ожесточенную рукопашную схватку с казанцами и по грудам их тел пробивались вперед, приобретая каждый шаг пространства потоками пролитой крови. Иоанн велел своему полку тоже спешиться и помогать наступающим.

Русские взбирались на кровли домов и стали бить оттуда защитников города; уже сопротивление их казалось сломленным, но в это время наступил внезапный поворот в ходе дел. Многие из наших ратников, войдя во внутренность города и увидя гостиные дворы и лавки со множеством богатейших азиат-

ских товаров, прельстились ими и вместо того, чтобы добивать татар, кинулись на грабеж; скоро сюда же прибежали из обозов кашевары, пастухи и даже торговцы, чтобы поживиться неприятельским добром. А между тем казанцы передохнули и со свежими силами ударили на грабивших русских воинов; те не выдержали и побежали, причем некоторые малодушные, не попав в ворота, начали кидаться со стен и кричать: «Секут, секут!..» Увидя это неожиданное бегство наших, впечатлительный Иоанн сильно побледнел; ему показалось, что мы потерпели полное поражение. Но бывшие при нем поседелые в боях воины успокоили молодого государя; они водрузили большую хоругвь у Царевых ворот и, держа под уздцы коня Иоанна, поставили его под ней, а затем половина государева полка, в числе 6 тысяч человек, двинулась в город на помощь бежавшим. Этого было достаточно, чтобы повернуть дело сейчас же опять в нашу пользу. Татары отступили к своему царскому дворцу, и здесь у мечети произошла кровопролитнейшая схватка, в которой погиб главный мулла.

Едигер заперся с остальными своими войнами у себя во дворе и оборонялся в нем еще часа полтора; наконец он решил пробраться наружу; но русские плотно окружили его со всех сторон. Тогда татары взвели Едигера на башню и просили приостановить сечу. Просьба их была исполнена, и они стали говорить: «Пока стоял юрт наш и место главное, где престол царский был, до тех пор мы бились до смерти за царя и юрт; теперь отдаем вам царя живого и здорового; ведите его к своему царю, а мы выйдем на широкое поле испить с вами последнюю чашу». Затем татары выдали царя Едигера с тремя главными вельможами, а сами в числе до 6 тысяч человек начали бросаться прямо со стен на берег Казанки; однако здесь они были встречены залпом русских пушек; тогда татары повернули влево, бросили доспехи, разулись и стали перебираться через реку. Чтобы преградить им путь к бегству, князья Андрей и Роман Курбские с несколькимистами человек обскакали татар и смело врубались в их ряды, но были смяты, причем Андрей Курбский упал замертво с коня, и только четверем другим воеводам: кня-

зьям Семену Микулинскому и Михаилу Васильевичу Глинскому со Львом Салтыковым и Иваном Шереметевым удалось нанести уходящим казанцам окончательное поражение; лишь немногие раненые успели убежать в лес. В самой же Казани не осталось в живых ни одного из ее защитников. Иоанн приказал избивать всех вооруженных, щадя только женщин и детей.

Так пала Казань. Узнав, что город окончательно в наших руках, государь тотчас же приказал священнику служить молебен и собственноручно водрузил крест на том месте, где стояло царское знамя во время взятия города; вместе с тем он приказал соорудить тут же церковь во имя Нерукотворного Спаса. Когда молебен окончился, князь Владимир Андреевич со всеми боярами и воеводами принесли государю свои горячие поздравления. Иоанн скромно отвечал, что он обязан этим воле Господней и трудам своих доблестных сподвижников.

Затем Иоанн приказал очистить одну улицу от мертвых тел и, радостно приветствуемый своими победоносными войсками и ты-

сячами освобожденных русских пленных, проехал до бывшего дворца Едигера. Государь велел тушить пожары, а все взятые сокровища и пленников отдал своему воинству; себе оставил только пленного Едигера, его знамена и городские пушки. Побыв в городе, Иоанн вернулся в свой стан, горячо помолился в походном храме во имя святого Сергия, а затем отправился к столу и стал щедро раздавать всем награды.

4 октября государь опять посетил Казань, уже очищенную от трупов, и выбрал место для сооружения соборного храма во имя Благовещения; он собственноручно заложил его, после чего обошел с крестным ходом городские стены и приказал освятить город; здесь же он принял присягу и челобитье от луговых черемис и арских людей. Через день, 6-го числа, деревянный собор во имя Благовещения был уже закончен, сооружен и освящен.

Государь назначил в Казани своим большим наместником князя Александра Горбатого-Шуйского, дав ему в товарищи князя Василия Серебряного, и, оставив им значительный отряд из боярских детей, стрельцов и ка-

заков, отбыл 11 октября в обратный путь.

Не доезжая до Владимира, Иоанн был встречен боярином Траханиотом, который привез ему радостную весть от царицы Анастасии: о рождении ею сына-первенца – царевича Димитрия. Перед тем, чтобы въехать в столицу, Иоанн заехал в Сергиеву лавру, где горячо молился в храме Живоначальной Троицы у раки чудотворца. Вся Москва вышла встречать своего великого государя, славного победителя Казанского царства: огромное поле от реки Яузы до посада едва вмещало собравшийся народ, восторженно провозглашавший: «Многая лета царю благочестивому, победителю варваров, избавителю христианскому».

Митрополит Макарий с крестом встретил Иоанна у Сретенского монастыря. Царь, князь Владимир Андреевич и все войско поклонились духовенству до земли, причем Иоанн держал пространное, благодарственное слово, приписывая свои успехи милости Божией по усердной молитве Православной церкви. На это Макарий отвечал также речью, в которой, воздав благодарение Богу за дарованную по-

беду, сравнивал Иоанна с Константином Великим, святым Владимиром, Александром Невским и Димитрием Донским, после чего со всем духовенством в свою очередь пал в ноги государю, благодаря его за великие труды. Сойдя с коня, Иоанн снял свои воинские доспехи и облачился в царское одеяние; возложив на грудь Животворящий Крест, на голову шапку Мономаха, а на плечи его бармы, он пешком отправился за крестами в Успенский собор и со слезами умиления прикладывался к чудотворному образу Пречистой и мощам московских святителей Петра и Ионы. Затем государь отбыл во дворец, где был встречен кроткой и нежно любимой царицей и новорожденным сыном.

В течение 8, 9 и 10 ноября давались большие пиры в Грановитой палате. Иоанн праздновал с духовенством, боярами и воеводами свою славную победу и щедро награждал участников поместьями, деньгами, конями, доспехами, драгоценными кубками, ковшами, соболями, шубами и прочим царским жалованьем. Одних денег было роздано 48 тысяч рублей.

Чтобы увековечить память о взятии Казани, государь приказал приступить к сооружению против самых кремлевских стен соборного храма Покрова Пресвятой Богородицы, известного также под именем Василия Блаженного, по имени московского юродивого Христа ради, мощи коего покоятся в нем.

Этот дивный храм, возбуждающий восторг всех приезжих иноземцев своей чисто русской, очень сложной и вместе с тем удивительно изящной и стройной постройкой, был сооружен двумя русскими мастерами – Бармою и Постником; последнему в 1555 году государь поручил строить и новые каменные стены вокруг Казани.

Покорение Казанского царства было, конечно, величайшим событием в русской жизни после Куликовской битвы. На Куликовом поле Северо-Восточная Русь, начавшаяся собираться вокруг Москвы, разбив наголову полчища Мамай, показала, что она может успешно бороться с татарами и снять с себя их иго.

Казань же взяли войска собравшейся Северо-Восточной Руси в огромное Московское го-

сударство под предводительством самодержавного царя всея России, который уже не довольствовался возможностью успешно бороться с татарами, но пришел завоевывать и завоевал их могущественное царство. Русский народ глубоко почувствовал величие подвига, совершенного Иоанном, и в народной памяти Казанское взятие оставило по себе такой же сильный след, как и Мамаево побоище. Отпраздновав с большим торжеством свою великую победу, Иоанн скоро подвергся ряду больших огорчений. С октября 1552 до осени 1553 года во Пскове и Новгороде стала свирепствовать страшная язва – железа, вероятно, бубонная чума, унесшая до полумиллиона людей. Скоро и от воевод, оставленных в новопокоренной Казани, начали поступать дурные вести. Они доносили, что луговые и горные люди стали опять волноваться и избили на Волге наших боярских детей и купцов; виновные были отысканы и перевешаны, но затем вспыхнул опять бунт; для подавления его из Свияжска был выслан воевода Салтыков; тут случилась новая беда: Салтыков завяз с отрядом в глубоких снегах, а неприятель

на лыжах окружил его со всех сторон и перебил большую часть отряда; сам же воевода был взят в плен и зарезан.

Вести эти вызвали большое уныние в Москве; некоторые малодушные бояре предложили в Государевой думе навсегда отказаться от Казани и вывести из нее войска. Но Иоанн не согласился и зимой 1553 года отправил на восток сильную рать под начальством своих лучших воевод – князя Семена Микулинского, Ивана Шереметева, князя Андрея Курбского и Даниила Адашева, брата Алексея.

Пройдя все бывшие Казанские владения от края до края и терпя порой со своими войсками ужасные лишения, эти воеводы окончательно умиротворили, после пятилетних тяжких усилий, наше новое завоевание.

Иоанн милостиво наградил их за это высшими в то время знаками отличия – золотыми деньгами, которые носились в виде медалей, и послал весной 1557 года стряпчего Семена Ярцева объявить Казанской земле, что ратные ужасы кончились и его новые подданные могут мирно благоденствовать под властью московского царя.

Государев наместник в Казани князь Петр Иванович Шуйский, человек добрый и очень заботливый, стал ревностно заниматься устройством вверенного ему края; для просвещения же покоренных жителей Христовым учением была образована новая епархия – Казанская, первым епископом которой был назначен Гурий, бывший игумен Селижарова монастыря; он отправился к своей пастве с архимандритами Варсонофием и Германом и многими священниками. В наказе, данном Гурию митрополитом Макарием, говорилось, что татар надо привлекать к крещению отнюдь не страхом и жестокостию, а любовью и ласкою, и вообще очень заботиться о них. Преосвященный Гурий с большим рвением относился к своей трудной задаче и умел своей кротостью и истинно христианским отношением привлечь сердца многих татар к восприятию православия; после его блаженной кончины он был причтен, вместе с Варсонофием и Германом, к лику святых, и от их нетленных мощей совершились многие чудеса и исцеления.

В начале 1553 года, как раз в то время, как

из Казани стали поступать тревожные вести и получилось донесение о поражении отряда Салтыкова, случилось событие чрезвычайной важности в личной жизни государя.

Он неожиданно заболел жестокой горячкой, или, как тогда называли, «огневой болезнью». Скоро положение молодого 23-летнего царя было признано безнадежным, и дьяк его Иван Висковатый заявил ему, что настало время писать духовное завещание. Иоанн согласился и назначил своим наследником недавно родившегося сына Димитрия, после чего приказал собрать бояр в царской столовой комнате и, по обычаю, привести их к присяге.

Тут совершенно неожиданно у тяжело больного государя открылись глаза на людей, которых он приблизил к себе и считал своими преданнейшими и верными советниками. Полагая, что Иоанн не встанет со своего одра, его сановники начали, не стесняясь, выказывать свои истинные чувства. Среди них поднялся сильный спор и шум, что, конечно, стало тотчас же известно Иоанну. Одни хотели исполнить волю государя и присягнуть его

наследнику – младенцу Димитрию; это были князя Иван Мстиславский, Владимир Воротынский и Димитрий Палецкий, Иван Шереметев, Михаил Морозов, Даниил Романович и Василий Михайлович Захарьины. И несколько других, в том числе Алексей Адашев; но большинство бояр, имея во главе князей Ивана Михайловича Шуйского, Петра Щенятева, Ивана Турунтая-Пронского и Семена Ростовского, решительно от этого отказывались и стали держать сторону двоюродного брата Иоанна – Владимира Андреевича Старицкого, который вместе с матерью своею Евфросинией также открыто воспротивился присягать Димитрию и начал уже вербовать себе сторонников, раздавая им деньги. Что же касается брата Иоанна Юрия, то, ввиду его слабости и полной неспособности к управлению государством, о нем вовсе не говорили.

Узнав о мятеже в собственном дворце, больной потребовал к себе ослушников и слабым голосом стал выговаривать им их измену. На это князь Иван Михайлович Шуйский отвечал уклончиво, что они не целовали крест Димитрию, так как не видали перед со-

бой Иоанна; но отец царского любимца Алексея Адашева – Феодор Адашев, возведенный в сан окольничего, конечно, только из любви государя к его сыну, начал открыто говорить умирающему царю: «Тебе, государю, и сыну твоему мы усердствуем повиноваться, но Захарьиным-Юрьевым, Даниле с братией – мы не желаем служить; сын твой еще в пеленицах, а владеть нами Захарьиным – Данилу с братией; а мы уже от бояр до твоего возрасту беды видали многие».

Затем некоторые бояре, пошумев у одра государя, как некогда они шумели у одра умирающего отца его, Василия Иоанновича, споря о его пострижении в схиму, вышли из царской комнаты, так и не присягнув младенцу Димитрию. А между тем Иоанну донесли, что князья Петр Щенятев, Иван Турунтай-Пронский, Семен Ростовский и Димитрий Немой-Оболенский уже на площади славят Владимира Андреевича и говорят во всеуслышание: «Лучше нам служить старому, нежели малому и раболепствовать Захарьиным».

Напрягая последние силы, государь вызвал к себе двоюродного брата, столь им облагоде-

тельствовавшего, и потребовал от него присяги сыну. Но князь Владимир Андреевич, видя его умирающим, наотрез отказался. Изнемогающий государь сказал ему тогда с великой кротостию: «Знаешь сам, что станется на твоей душе, если не хочешь креста целовать; мне до того дела нет».

Бояре, присягнувшие Иоанну, хотели привести к кресту остальных своих товарищей и стали их уговаривать, но те по-прежнему упорствовали и отвечали им жестокой бранью: «Вы хотите владеть, а мы вам должны будем служить; не хотим вашего владения». Особенно вызывающе держал себя князь Владимир Андреевич Старицкий; он крайне резко отвечал дьяку Ивану Висковатому, предложившему ему поцеловать крест Димитрию, а также уже присягнувшим боярам, которые указывали, что ему и матери его неприлично, в то время как государь умирает, собирать боярских детей и раздавать им деньги. Видя явно враждебное отношение Владимира Андреевича к Иоанну, оставшиеся верными своему долгу бояре решили не допускать его более к больному. Но тут неожиданно выступил в

пользу Владимира Андреевича новый защитник. Это был не кто иной, как поп Сильвестр, занимавший исключительно близкое положение при государе и имевший такое большое на него влияние. Сильвестр, давний сторонник Владимира Андреевича, стал говорить вопреки очевидности: «Зачем вы не пускаете князя Владимира к государю? Он государю добра хочет». Тогда бояре, присягнувшие Димитрию, отвечали Сильвестру: «Мы дали присягу государю и сыну его, по этой присяге и делаем так, как бы их государству было крепче».

Смута во дворце продолжалась и на следующий день.

Иоанн собрал всех бояр и начал им говорить, чтобы они присягали его сыну в передней избе при князьях Мстиславском и Воротынском, так как самому ему ввиду болезни крайне тяжело присутствовать при этом; затем, обращаясь к уже присягнувшим, он им напомнил их присягу и сказал: «Если станется надо мной воля Божия и умру я, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чем мне и моему сыну крест целовали: не дайте боярам сына

моего извести, но бегите с ним в чужую землю, куда Бог вам укажет; а вы, Захарьины! Чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от них будете первые мертвецы; так вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали».

Услышав это, крамольные бояре, по словам летописи, испугались жестоких слов государя, страшась в случае его выздоровления получить суровую кару, и пошли приносить присягу Димитрию, но, конечно, неискренно.

Князь Иван Турунтай-Пронский, подходя к кресту и видя у него князя Воротынского, не удержался и сорвал на нем свою досаду за вынужденный привод к присяге. «Твой отец, – сказал он ему, – да и ты сам после великого князя Василия первый изменник, а теперь к кресту приводишь». – «Я изменник, а тебя привожу к крестному целованию, чтобы ты служил государю нашему и сыну его царевичу Димитрию; ты прямой человек, а государю нашему и сыну его креста не целуешь и служить им не хочешь», – отвечал на это Воротынский; Турунтай-Пронский смутился и молча присягнул. Позднее других бояр, под

предлогом болезни, присягнули близкие люди к Алексею Адашеву и Сильвестру – князь Димитрий Курлятев и царский казначей Никита Фуников. Наконец, видя, что государь не умирает, присягнул и князь Владимир Андреевич Старицкий, выдав особую грамоту не думать о царстве, а в случае смерти Иоанна признавать Димитрия своим законным государем; мать же князя Владимира долго не хотела прикладывать своей печати к этой грамоте, а когда ее приложила, то громко сказала: «Что значит присяга невольная?»

Из бояр, присягнувших добровольно, тоже далеко не все были тверды в своем крестном целовании. Так, князь Димитрий Палецкий, дочь которого была замужем за братом Иоанна Юрием, присягнул одним из первых, но послал тотчас же сказать князю Владимиру Андреевичу и его матери, что если они дадут Юрию удел, завещанный ему отцом, то он, Палецкий, тоже будет помогать им добывать царский престол.

Иоанн выздоровел. Очевидно, что поведение окружающих его должно было произвести на него самое глубокое впечатление. Он

ясно понял, что ему ни на кого безусловно полагаться нельзя. Даже самые близкие люди, которых он вывел из ничтожества, Сильвестр и Адашев, хотя и согласились присягнуть, но держали себя двусмысленно. Сильвестр горячо заступался за Владимира Андреевича, а отец Адашева прямо принял сторону последнего. Не могли внушать большого доверия и бояре, присягнувшие Димитрию по первому требованию, как князь Димитрий Палецкий: у многих это было, конечно, делом простого расчета в предвидении, что государь выздоровеет.

Во всяком случае, Иоанн имел полное основание убедиться в том, что боярская партия, временно смолкшая и как бы уступившая свое место новым людям, выдвинутым молодым государем, осталась по-прежнему чрезвычайно сильной, причем эти же новые люди, Сильвестр и Адашев, старались укрепить свое положение не беспредельной преданностью к Иоанну, его наследнику и супруге, а приобретением сторонников именно среди старой боярской партии.

Разочарование молодого государя в окру-

жавших его людях, на полную преданность которых он имел все основания рассчитывать, усугублялось еще тем обстоятельством, что при всем желании он не мог заменить их и найти соответствующих сотрудников в каком-либо другом слое общества. Вот, очевидно, почему Иоанн, после выздоровления, решил подавить свое недовольство в глубине души и ничем не выразил немилости как князю Владимиру Андреевичу Старицкому, так и другим боярам. Но нет сомнения, что с этой поры им овладел мучительный недуг недоверия, каковое душевное страдание особенно свойственно монархам.

По исцелении от болезни первым делом Иоанна было собраться по данному обету на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь – с женою и сыном. Советники государя отговаривали его от этого трудного путешествия, но он не внял им и отправился в путь, посетив по дороге Троице-Сергиеву лавру. Знаменитый старец Максим Грек, оканчивавший здесь свои дни, также говорил Иоанну, чтобы он отложил свою поездку, и при этом

предсказал, что если он поедет, то потеряет своего первенца; однако государь, желая свято исполнить данный обет во время болезни, не послушал и его.

Покинув обитель святого Сергия Радонежского, царь остановился в Пешножском монастыре, где посетил старца Вассиана Топоркова, бывшего коломенским епископом и лишенного этого звания во время правления бояр. Князь Андрей Курбский рассказывает, что будто бы Иоанн спросил Вассиана: «„Како бы могл добре царствовати и великих и сильных своих в послушестве имети“, на что последний шепотом отвечал государю: «Аще хочещи самодержцем быти, не держи себе советника не единого и мудрейшаго собя, понеже сам еси всех лучше; тако будещи тверд на царстве и все имети будещи в руках своих. Аще будещи иметь мудрейших близу себя, по нужде будещи послушен им». – «О, аще и отец был бы ми жив, такового глагола полезного не поведал бы ми!» – воскликнул Иоанн, целуя руку старца», – заканчивает свой рассказ об этом Курбский.

Поездка Иоанна на богомолье закончи-

лась, как и предсказал Максим Грек: младенец Димитрий не выдержал трудности пути и скончался; но через несколько месяцев государь был утешен рождением другого сына, нареченного при святом крещении Иоанном.

Вернувшись в Москву, царь продолжал действительно заниматься делами, из коих, мы видели, важнейшим было успокоение вновь завоеванного Казанского царства.

Покорение Казани глубоко взволновало весь магометанский мир, который, разумеется, с величайшим неудовольствием встретил весть об этом блистательном успехе русского оружия.

Ближайшими соседями казанцев были ногайские татары, занимавшие своими кочевьями все обширное пространство между Волгой, Каспийским и Аральским морями и разделенные на несколько враждовавших между собою орд. Эта взаимная вражда ногаев была как нельзя более на руку Москве. Во главе главной Ногайской Орды стоял в это время Юсуф, отец знакомой нам красавицы Суюнбеки.

Занятый все время упорной и кровопро-

литной борьбой с собственным братом, мурзой Измаилом, он мог оказывать Казани только ничтожную помощь и в конце концов пал от руки последнего. Измаил же, враждуя с Юсуфом, старался все время поддерживать добрые отношения с Москвой; его связывали с ней и большие торговые выгоды, главным образом по продаже лошадей, огромные табуны которых ежегодно пригонялись в Москву, иногда в несколько десятков тысяч голов.

Этот же мурза Измаил помог нам овладеть и Астраханским царством, возникшим на месте прежней Золотой Орды, в 70 верстах от устья Волги. Астраханское царство было значительно слабее Казанского, но имело важное торговое значение, так как лежало на большом Волжском водном пути.

В Астрахани так же, как и в Казани, происходили довольно частые перемены ханов в зависимости от того, какая партия брала верх: крымская, ногайская или московская. Отец знакомых нам Шиг-Алея и Еналея был астраханским царевичем, поступившим на русскую службу. Еще до покорения Казани, в 1551 году, к Иоанну прибыл другой изгнан-

ный из Астрахани царь – Дербыш-Алей; он тоже поступил на нашу службу, а в Астрахани сел Ямгурчей, который скоро показал себя недругом русских, подчинившись влиянию крымцев и ногайского князя Юсуфа, брата и врага мурзы Измаила.

Тогда Измаил стал просить Иоанна посадить Дербыш-Алея вместо Ямгурчей, вследствие чего весной 1554 года 30-тысячная русская рать под начальством князя Пронского-Шемякина, а также и вятские служилые люди пошли под Астрахань; Ямгурчей не стал сопротивляться и бежал; наши же воеводы посадили вместо него Дербыш-Алея, утвердили астраханских людей клятвенной грамотой в верности России и вернулись в Москву со множеством русских, освобожденных ими из плена, а также и с пятью пленными астраханскими царицами. Иоанн необычайно милостиво наградил своих воевод и с честью отпустил назад пленных цариц, кроме младшей, которая пожелала креститься со своим родившимся в пути сыном, после чего была выдана государем замуж за именитого дворянина Захария Плещеева.

Дербыш-Алей недолго сидел спокойно в Астрахани; скоро под влиянием Крыма он перебил своих вельмож, доброхотствовавших Москве, и изгнал нашего посла Мансурова, бывшего там с дружиною в 500 человек. Вследствие этого весной 1556 года Иоанн выслал новую рать к Астрахани под начальством стрелецких голов Черемисинова и Терина, которые, подойдя к городу, нашли его пустым; Дербыш-Алей, получив от крымского хана помощь только в тысячу человек, в том числе 300 турецких янычар с пищалями, решил, что сопротивляться невозможно, и бежал, потерпев поражение от казачьего атамана Ляпуна, еще до прихода наших главных сил; затем он был окончательно разбит сыновьями Юсуфа, успевшими уже помириться с своим дядей и с убийцей их отца Измаилом. Так дорезывали друг друга татары, некогда столь грозные, к великой выгоде Москвы.

Вступив в Астрахань, наши воеводы прочно ее заняли и привели всех вернувшихся в город черных людей, по их челобитью, к присяге непосредственно уже московскому государю.

Таким путем вслед за покорением Казани без особых трудов досталась нам Астрахань, и все течение Волги от истока до устья окончательно стало русской рекой, к великому ужасу живших здесь татар. В стане у сыновей Юсуфа рассказывали: «Государь взял всю Волгу до самого моря, скоро возьмет и Сарайчик, возьмет весь Яик, Шемаху, Дербент, и нам всем быть от него взятым. Наши книги говорят, что все басурманские государи русскому государю поработают». Люди же их дяди Измаила говорили последнему: «Не стыдись, князь Измаил, пиши Белого царя государем: немцы посильнее тебя, да и у них государь все города побрал».

Завоевание всего течения Волги поставило в непосредственные отношения московского государя с племенами, заселявшими Кавказ. Скоро к Иоанну стали прибывать различные посланники из этих далеких краев. Кабардинский и другие князья черкасские желали быть под его высокой рукой и просили помощи Москвы друг против друга; затем явились с челобитьем послы и из далеких Хивы и Бу-

хары, прося свободной дороги их купцам через Астрахань. Имя Белого царя, сидевшего на высоком Московском столе, делалось все более и более знаменитым по всему мусульманскому Востоку.

Конечно, необычайные успехи Москвы на востоке были крайне не по сердцу крымцам и туркам; султан, соблюдая наружную дружбу с Иоанном, не переставал стараться возбуждать против нас ногаев и Девлет-Гирея Крымского; и вот последний летом 1555 года, распустив слух, что идет воевать наших новых подданных, пятигорских черкесов, хотел, по обычаю, напасть врасплох на московские украины, но молодой царь, гордый своими победами над Казанью и Астраханью, сам решил, чтобы заступиться за черкесов, предпринять наступательное движение против крымцев, чего еще никто из московских государей не делал, и выслал с этой целью 13-тысячный отряд Ивана Шереметева, приказав напасть на пастбища крымцев и тем отвлечь их от черкесов. Скоро Шереметев донес, что хан идет не на черкесов, а на нас, во главе 60 тысяч человек. Узнав про это, Иоанн немедленно вы-

ступил в поход с князем Владимиром Андреевичем Старицким и всеми воеводами – с тем, чтобы встретить крымцев и дать им сражение.

Но Девлет-Гирей, получив об этом извещение, тотчас же повернул назад; между тем Шереметев шел за ним все время следом, причем отделил треть своего отряда, чтобы захватить крымский обоз, оставленный татарами позади себя, в пяти или шести днях пути; обоз этот был нами взят вместе с 60 тысячами лошадей, 2 тысячами аргамаков и 80 верблюдами.

Вскоре за тем последовала встреча самого Девлет-Гирея с Шереметевым на Судбищах, в 150 верстах от Тулы. Доблестный Шереметев, имея всего 7 тысяч человек, смело вступил в бой с 60-тысячным войском хана, сломил его передовой полк, отнял знамя ширинских князей и успешно дрался до ночи. Ночью к Девлет-Гирею привели двух русских пленных и стали их пытаться, допрашивая, сколько войска у Шереметева; один из них не вытерпел мук и показал, что наших совсем мало. Тогда Девлет-Гирей, узнав, что Иоанн еще далеко,

решил на следующий день во что бы то ни стало раздавить малочисленный русский отряд. В начале боя мы опять одолели татар, и было время, когда вокруг хана остались только одни янычары; однако вскоре Шереметев был тяжело ранен, и наши должны были отступить с большими потерями; тем не менее доблестные военачальники Алексей Басманов и Степан Сидоров с 2 тысячами человек засели в лесистом овраге и отразили все яростные приступы Девлет-Гирея, который ночью побежал восвояси, делая по 70 верст в сутки. Получив известия об этом при своем подходе к Туле, Иоанн решил вернуться домой, щедро наградив Шереметева и его славных сподвижников.

В следующем, 1556 году Девлет-Гирей снова задумал напасть на московские окраины; предвидя это, Иоанн решил его предупредить и отправил один отряд к Дону, а другому, под начальством дьяка Ржевского, приказал построить суда на реке Псёл и на них, выплыв на Днепр, спуститься по нему вниз – к владениям крымцев.

И вот в днепровских водах, уже много ве-

ков не носивших русских военных судов, с тех пор как наступила гибель нашей земли из-за разделения над нею власти, вновь появились ратные люди из далекой Москвы, собирательницы православной Руси в могучее государство под самодержавною царской властью.

Отряд дьяка Ржевского сделал очень удачное нападение на крепости Очаков и Ислам-Кермень, что произвело сильнейшее впечатление на Девлет-Гирея, который отложил из-за этого свое выступление к московским пределам, где его собирался встретить Иоанн с войском.

Сильное впечатление произвело появление московской судовой рати в днепровских водах и на православных обитателей его берегов, подданных польского короля.

Удалой атаман днепровских казаков, каневский староста князь Димитрий Вишневецкий решил тотчас же отъехать от Сигизмунда-Августа; он спустился к Хортицкому острову, укрепился здесь и послал бить челом Иоанну о принятии его на московскую службу. Иоанн согласился, и 1 октября того же 1556

года Вишневецкий взял уже крепость Ислам-Кермень.

Конечно, это появление русских людей на Хортицком острове, где впоследствии основалась знаменитая Запорожская Сечь, встревожило еще более Девлет-Гирея. Он пытался взять его весной 1557 года, но должен был отступить с большим уроном; только к осени того же года против Хортицы собралась огромная сила из крымского, турецкого и волошского войска, заставившая Вишневецкого покинуть остров и вернуться в свои города Канев и Черкассы, откуда он послал к Иоанну испросить его указаний. Иоанн приказал Вишневецкому сдать эти города польскому королю, с которым мы были в перемирии, а самому ехать в Москву, где ему дали город Белев.

Уход Вишневецкого из Хортицы приободрил Девлет-Гирея, и он написал Иоанну, чтобы тот прислал ему большие поминки, но когда в начале 1558 года государь опять отправил Вишневецкого с 5 тысячами человек по Днепру, то хан присмирел, запросил мира и прислал шертную грамоту, которая, впрочем,

не помешала ему осенью того же 1558 года собрать 100-тысячное войско и двинуть его на наши украины, так как в Крыму думали, что все московские войска направлены в Ливонию.

Однако ханские воеводы скоро узнали, что Иоанн в Москве, а страшные для них Иван Шереметев и Димитрий Вишневецкий тоже недалеко, и тотчас же повернули назад.

Весною 1559 года государь опять отправил Вишневецкого с 5 тысячами человек против крымцев, на этот раз по Дону, а по Днепру – окольничего Даниила Адашева с 8-тысячною ратью. Оба наши отряда действовали удачно, особенно Адашев, который спустился по Днепру в Черное море, взял 2 турецких корабля и наконец сделал смелую высадку на крымском побережье, где опустошил татарские улусы и освободил множество русских и литовских пленников.

Татары пришли в ужас от этих блестящих действий наших воевод, тем более что в Крыму свирепствовали страшный голод и мор, и Девлет-Гирей послал в Москву смиренно просить о мире. Видя трудное положение крым-

цев, советники, окружавшие Иоанна, настойчиво предлагали ему воспользоваться благоприятными обстоятельствами и совсем покончить с Крымской Ордой так же, как он покончил с Казанью и Астраханью, и предпринять для этого большой поход всеми силами.

Однако Иоанн резко разошелся с ними в этом вопросе; он удовольствовался заключением с Девлет-Гиреем мира и решил обратить свое внимание на Запад, чтобы прочно утвердиться на балтийском побережье.

По этому поводу среди русских историков до сих пор существует два мнения: одни находят, что Иоанн сделал крупную ошибку, не воспользовавшись благоприятным случаем покорить Москве и Крым; другие, наоборот, в том числе и С. Соловьев, полагают, что он поступил необыкновенно мудро, отказавшись от намерения завоевать Крым и направив все свои усилия для расширения московских пределов на запад. Последнее мнение следует считать справедливым. Мы видели, что покорение Казанского царства, несмотря на то что самый поход под Казань был делом сравнительно легким, так как к нашим услугам бы-

ла всегда Волга, сопровождалось тем не менее огромнейшим напряжением сил в течение целого ряда лет после взятия этого города, причем трудности покорения обитавших там племен были так велики, что некоторые из приближенных государя, отчаявшись в успехе, советовали ему вовсе оставить этот край. Поход же большой рати в Крым по степям представлял страшные затруднения, так как пришлось бы вести с собой все продовольствие сухим путем, на подступах к Перекопи явились бы еще большие трудности – преодолеть это естественное препятствие и двигаться затем по полуострову для его покорения. Как мы увидим впоследствии, только Екатерине Великой в XVIII столетии удалось окончательно завоевать Крым; в XVI же веке у Москвы совершенно не было для этого достаточных средств, и она могла с успехом посылать туда только легкие отряды Ржевского и Адашева. Наконец, если бы Иоанн и овладел Крымом, находившимся под рукою турецкого султана, то это привело бы его к неизбежной борьбе с турками, бывшими в XVI веке на вершине своего воинского могущества, почему

вся Западная Европа и трепетала перед ними. Ясно, что воевать с турками вовсе не входило в расчеты Иоанна; поэтому и Даниил Адашев тотчас же отпустил взятых им у Очакова в плен турок, послав сказать пашам, что его государь ведет войну только с крымцами, а отнюдь не с султаном.

Иоанн совершенно правильно решил обратить свое внимание на Запад, тесная связь с которым была нам необходима для торговли и в целях просвещения.

Как мы увидим впоследствии, Великий Петр преследовал совершенно те же задачи, что и Иоанн, и с величайшим уважением относился к его стремлениям утвердить и распространить наши владения на Балтийском море.

К тому же ведение Иоанном борьбы на наших западных границах вызывалось и сложившимися там обстоятельствами. В Швеции царствовал в это время престарелый король Густав Ваза, который достиг престола, свергнув с него короля Христиана II, бывшего в то же время королем Датским и отличавшегося необыкновенной жестокостью, с которой он

боролся против буйной шведской и датской знати. В своей борьбе с Христианом Густав Ваза испытал всевозможные, чисто сказочные превратности судьбы, причем должен был побывать и торговцем скотом, и простым работником у зажиточных крестьян.

Ставши шведским королем, Ваза считал для себя крайне унижительным старинный обычай, по которому он имел право непосредственно сноситься только с новгородскими наместниками московского государя, а отнюдь не с последним. Ввиду этого, нарушив крестное целование с Иоанном, в малолетство которого он заключил с его матерью перемирие на 60 лет, Ваза стал натравливать на Москву Литву и Ливонию и послал свои войска в 1554 году к Орешку, которые начали его осаждать, но безуспешно. Тогда Иоанн двинул русские полки к Выборгу; овладеть им нам тоже не удалось, но в поле мы дважды разбили шведов, и вся окрестная страна была нами страшно опустошена; пленных же было взято столько, что мужчину продавали за 1 гривну, а девку – за 5 алтынов.

При этих обстоятельствах и видя, что от Литвы и Ливонии помощи нет, Густав Ваза осознал свою ошибку и стал смиренно просить у Иоанна мира.

«Мы, Густав, Божию милостию, Свейский, Готский и Вендский король, – начиналось его письмо к Иоанну, – челом бию твоему велиможнейшеству князю государю Ивану Васильевичу о твоей милости. Великий князь и царь всея Русския Земли!..»

Иоанн отвечал ему, что он рад прекратить кровопролитие, «если король свои гордые мысли оставит и за свое крестопреступление и за все свои неправды станет бить нам челом покорно своими большими послами, то мы челобитье его примем и велим наместникам своим новгородским подкрепить с ним перемирие по старым грамотам. Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему с нашими наместниками новгородскими не ссылатся, то он бы к нам и послов не отправлял, потому что старые обычаи порушиться не могут. Если сам король не знает, то купцов своих пусть спросит: новгородские пригороды – Псков, Устюг, чай, знают, сколь-

ко каждый из них больше Стекольны (Стокгольма)?»

Большие шведские послы приехали и стали вновь просить о непосредственных сношениях с государем, а не с новгородскими наместниками. Но им отвечали, что наместники эти очень родовитые люди, «а про вашего государя в рассуд вам скажем, а не в укор, какого он рода и как животиною торговал и в Шведскую землю пришел: это делалось недавно, всем ведомо». Наконец перемирная грамота была написана, и в ней было оговорено, что как шведским купцам разрешается ездить через Московские владения для торговли во всякие государства, в Индию и Китай, так и нашим купцам была бы воля ездить чрез Шведскую землю в Любок и Антроп (Любек и Антверпен), в Испанскую землю, Англию и Францию.

Последнее условие считалось с нашей стороны очень важным, так как мы своих гаваней на Балтийском море не имели, а соседи наши, как мы уже говорили, всячески препятствовали, чтобы необходимые сведущие люди из иностранцев проникали к нам.

Особенно ревниво не допускали в Русскую землю этих сведущих иностранцев ливонцы, как это ясно видно по делу некоего саксонца Шлитте, которого Иоанн еще в 1547 году отправил из Москвы в Германию с тем, чтобы привезти оттуда как можно более ученых и ремесленников. Император Карл V разрешил Шлитте взять с собой в Московию набранных им людей, в количестве 123 человек[13], и он прибыл уже с ними в Любек, когда последовало ходатайство ливонцев к Карлу V о том, чтобы не пропускать этих людей, так как познания их могут послужить к усилению Московского государства, что представит страшную опасность для Ливонии и других соседних стран; Карл внял этому ходатайству и приказал не пропускать в Москву ни одного ученого, художника или мастера. Шлитте же был посажен в тюрьму; однако один из его людей, пушечный мастер Ганс, непременно хотел пробраться в Москву, но ливонцы так зорко стерегли свои границы, что он два раза попался им в руки, причем в первый раз его посадили в тюрьму, а во второй – отрубили голову.

С такой явной враждой относились ливонские немцы к Москве и во всех остальных делах; жителям своих городов они не позволяли под угрозой наказания давать московским купцам деньги в долг; проживавшим же в этих городах иностранцам было запрещено учиться русскому языку.

А между тем сама Ливония пришла уже в это время к полному внутреннему разложению, представляя собой страну, где царило сильнейшее разъединение сословное, церковное и племенное. Во главе управления Ливонией стояли четыре независимых друг от друга установления: 1) духовно-рыцарский орден меченосцев, владения которого были разбросаны по всем частям Ливонии, причем местопребыванием магистра ордена был замок Веден, а остальные орденские власти занимали около 50 других укрепленных замков; 2) чисто духовные владельцы, тоже обладавшие большими земельными поместьями; главным из этих владельцев был архиепископ Рижский, коему принадлежала половина города Риги, а под ним 4 других епископа; 3) чисто светское рыцарское сословие, владев-

шее замками на землях ордена или духовенства; 4) городские самоуправления больших городов, управлявшихся по Магдебургскому праву: Риги, Нарвы, Вольмара, Дерпта, переименованного так немцами из древнего Юрьева, и другие.

При этом все это было пришлое в страну, преимущественно немецкое, население, совершенно чуждое коренным обитателям земли – литовского и финского племени, с ненавистью сносившим иго своих поработителей.

Единственным объединяющим звеном перчисленных четырех установлений в XVI веке были так называемые общие съезды, или ландтаги, собиравшиеся обыкновенно в городе Вольмаре и не приводившие по большей части ни к какому соглашению ввиду крупных раздоров, разделявших между собой различные сословия немцев.

Лютеранство, появившееся в это время в Ливонии, еще более усилило общее разделение и взаимную ненависть. Новое учение приобрело себе наибольшее количество приверженцев у городских жителей, среди которых развилось к нему такое усердие и вместе

с тем такая нетерпимость к другим исповеданиям, что они стали разрушать храмы как латинские, так и православные. Конечно, против лютеранства сильно вооружились ливонские духовные власти; что же касается рыцарей, как принадлежавших к ордену меченосцев, так и светских, то они относились к новому учению очень сочувственно, так как считали его более подходящим к своим нравам. Вообще, «вся страна в это время представляла печальное и отталкивающее зрелище, — говорит один польский писатель, — прежний воинственный дух рыцарей исчез, не заменившись гражданскими доблестями». Самая страшная распущенность нравов царяла как среди них, так и среди духовенства, распространившись затем на горожан и на сельское население. Все предавались пьянству в чрезмерных размерах, и для питья пива, говорит ливонский летописец, употреблялись такие кружки и чаши, в которых можно было детей крестить; вместе с тем ливонские немцы облагали своих крестьян чрезмерными поборами, стараясь суровыми мерами получить с них как можно больше доходов, при-

чем о жестоком, мстительном нраве немецких баронов свидетельствуют многие человеческие остовы, находимые в ливонских замках, от замурованных в былое время в стенах людей или прикованных к цепям в подземельях.

Конечно, эта внутренняя слабость Ливонии в связи с крайней враждебностью к Московскому государству и кощунственным разграблением православных церквей, о чем свидетельствует сам ливонский летописец, в Дерпте, Ревеле, Риге и многих других местах, заставила Иоанна обратить свой взор на нее, тем более что балтийское побережье, столь нам необходимое, было исконным владением Русской земли, потерянным нами в тяжкие времена междукняжеских усобиц.

В 1553 году окончился срок 50-летнего перемирия между Москвой и орденом, причем послы последнего стали просить о его продлении еще на 15 лет. Государь через Алексея Адашева потребовал уплаты за истекшие 50 лет дани с Юрьевской волости, исстари установленной договорными грамотами между русскими и немцами. Орденские послы отго-

варивались сначала своим незнанием о такой дани, но затем написали перемирную грамоту, включив в нее эту дань (по немецкой гривне с каждого человека), с обещанием уплатить и недоимку за прошлые годы; кроме того, по той же грамоте они обязывались очистить разграбленные русские церкви, не помогать Польше и Литве против Москвы и допускать к нам свободный проезд иностранных купцов.

Однако когда послы вернулись в Ливонию, то там не хотели исполнить требований Иоанна, который, по свидетельству их летописца, послал им бич как знак исправления и следующее письмо: «Необузданные ливонцы, противящиеся Богу и законному правительству! Вы переменяли веру, свергнули иго императора и папы римского: если они могут сносить от вас презрение и спокойно видеть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мне и моему Богу. Бог посылает во мне вам мстителя, который приведет вас в послушание». Вслед за этим в Ливонию прибыл посол новгородских наместников келарь Терпигорев, кото-

рый потребовал, чтобы перемирный договор был скреплен безотлагательно; скрепа эта в те времена производилась так: скрепляющий договор, в данном случае епископ Юрьевский, должен был отрезать от грамоты посольские печати и вместо них привесить к ней свою и магистра ордена.

Опасаясь гнева Иоанна, а вместе с тем не желая подтверждать скрепой обязательства о ежегодном платеже юрьевской дани, немцы решили нас обмануть, полагаясь на простоту Терпигорева и самого государя, а именно: требуемые печати привесить, но объявить Терпигореву, что для окончательного решения дела они передают договор на усмотрение их верховного владыки, германского императора; Терпигорев, однако, отлично понял их хитрость и отвечал им: «А какое дело моему государю до императора? Не станет ему дани платить, он сам ее возьмет».

Срок для уплаты дани был назначен трехлетний. Когда он истек, ливонские послы прибыли в 1557 году в Москву, но не с деньгами, а с просьбой сложить с них эту дань. Иоанн не велел их пускать себе на глаза и

приказал ответить, что он сам будет искать на магистре и на всей Ливонской земле за ее неисправление. Послы поехали домой и по дороге видели, что русские усиленно готовятся к войне: строились мосты, чинились пути к западной границе, тянулись большие обозы с военными и съестными припасами; вместе с тем государь приказал строить в устье Нарвы, ниже Иван-города, «корабельное пристанище», или гавань.

Тогда испуганные немцы в декабре того же 1557 года прислали новое посольство с предложением внести сейчас же часть следуемой дани; однако когда Иоанн на это согласился, то денег у них не оказалось. Убедившись, что немцы только тянут время, и, без сомнения, узнав также, что они уже заключили оборонительно-наступательный союз с Литвою в явное нарушение перемирной грамоты, государь в январе 1558 года приказал вторгнуться в Ливонию нашим войскам, собранным во Пскове под начальством бывшего казанского царя Шиг-Алея, воеводы князя Михаила Васильевича Глинского, дяди государя, брата царицы – Даниила Романовича Захарьина и

других. Воеводам был дан наказ – не тратить время на осаду крепких замков и городов, а пройти несколькими отрядами страну до Ревеля и Риги, производя всюду опустошения, по обычаю тех времен. Этот поход окончился полным успехом; немцы пытались кое-где обороняться, но везде были без труда побиваемы за своею малочисленностью. Наши же вернулись во Псков с богатейшей добычей.

Бывший в числе воевод князь Андрей Курбский говорит по поводу этого похода: «Земля была богатая, а жители в ней гордые; отступили они от веры христианской, от обычаев и дел добрых праотеческих, ринулись все на широкий и пространный путь, на пьянство, невоздержание, на долгое спанье, лень, на неправды и кровопролитие междуусобное». Ливонский летописец тоже смотрел на этот карательный поход, предпринятый Иоанном, как на справедливое возмездие; по его словам, разврат в стране дошел до такой степени, что его не стыдились, но гордились им, причем правители подавали пример подчиненным.

Выйдя из Ливонии, Шиг-Алей и воеводы

отправили магистру грамоту, в которой говорили, что государь послал их наказать немцев за неисправление и клятвопреступление, но если они покаются, то Иоанн готов дать им мир.

Магистр Фюрстенберг не замедлил послать просить опасной грамоты для послов, во главе коих он решил отправить своего родного брата. Узнав об этом, государь тотчас же приказал выдать эту грамоту и приостановить все военные действия, пока будут идти переговоры.

Но не успели ливонские послы доехать до Москвы, как сами же ливонцы нарушили наступивший перерыв в военных действиях.

Был Великий пост, и в Ивангороде, выстроенном, как мы помним, Иоанном III против Нарвы, русские люди усердно посещали церковные службы, в то время как нарвские немцы, принявшие лютеранство, пили пиво и веселились. С Нарвской башни была видна вся внутренность Ивангорода, и вот пьяные немцы стали для потехи осыпать картечными выстрелами из пушек православных людей, собравшихся в храме Божиим, причем неко-

торых убили. Русские на выстрелы не отвечали, но тотчас же послали донесение об этом государю. Иоанн приказал стрелять по Нарве, но только из одного Ивангорода. Огонь наших пушек был таким действенным, что скоро нарвские граждане запросили пощады, обвиняя в нарушении перемирия своего «князьца» (правителя), и предложили перейти под власть Москвы, для чего снарядили особое посольство к Иоанну. Узнав об этом, государь тотчас же приказал прекратить стрельбу по городу и для приема его отправил Алексея Басманова и Даниила Адашева. Но в это время в город успело войти тысяча человек, присланных магистром в подкрепление, и нарвцы, ободренные этим, стали отпираться от собственного своего посольства к царю.

Однако город все-таки перешел в наши руки. 11 мая в нем вспыхнул страшный пожар, возникший следующим образом: один немец, в доме которого останавливались русские купцы, нашел икону Божией Матери; чтобы насмеяться над нею, он бросил ее в огонь под котел, в котором варил пиво; внезапно вспыхнуло огромное пламя, взвившееся до

потолка, немедленно же загоревшегося; в то же время налетел вихрь и разнес огонь во все стороны, произведя ужаснейшее смятение среди жителей. Видя это, русские люди в Ивангороде решили тотчас же воспользоваться благоприятным случаем; храбрые войска наши кинулись через реку к пылающей Нарве: кто плыл в лодках, кто на бревне или доске; они увлекли за собой воевод и после жестокого боя взяли ее, вместе с Вышгородом, или кремлем, где сидел гарнизон, выпущенный по условию сдачи на свободу. Жители же Нарвы присягнули Иоанну. Конечно, государь был крайне обрадован приобретением столь важного города; он дал жалованную грамоту гражданам и вернул в Нарву всех ранее взятых пленников, бывших из нее родом; вместе с тем он тотчас же послал из Новгорода священников для сооружения здесь двух православных церквей и постановил в одну из них чудотворную икону Божией Матери, кинутую немцем в огонь и найденную невредимой.

Вслед за этим успехом последовало взятие нашими войсками крепкого замка Нейшлота, при истоке Нарвы из Чудского озера, и города

Везенберга, древнего Раковора, где русские люди одержали в 1268 году свою знаменитую победу над немцами.

При этих обстоятельствах, когда в Москву прибыли большие ливонские послы, Иоанн потребовал уже подданства всей их земли и, отправив их домой, решил продолжать войну, с тем чтобы приступить к совершенному покорению Ливонии. Конечно, испытанные во многих боях, храбрые русские войска давали ему полную надежду на успех, и действительно, в войсках наших царили удивительные порядок и послушание, возбуждавшие удивление ливонских летописцев; вместе с тем ни у одного европейского государя не было тогда такого огромного количества пушек, как у Иоанна. Англичанин Дженкинсон рассказывает, что в 1557 году он присутствовал на учении русской артиллерии и любовался нашими пушкарями, которые отличались друг перед другом в быстроте и верности прицела из орудий.

Часть московских войск, назначенных для завоевания Ливонии, действовала к северу от Чудского озера в Эстляндии, а другая часть,

под начальством князя Петра Шуйского, двинулась из Пскова мимо южной оконечности Чудского озера и осадила крепчайший пограничный замок Нейгаузен, который взяла после месячных усилий; при этом магистр ордена Фюрстенберг, находившийся в 30 верстах от Нейгаузена с 8-тысячным отрядом, укрытый рвами и болотами, и не думал идти на помощь осажденным; когда же он узнал, что Нейгаузен взят, то поспешил отступить к Валку, открыв русским путь к Юрьеву, или Дерпту. Здесь было собрано по призыву епископа местное рыцарство; но как только в Дерпт пришла весть о приближении русских, большинство этих рыцарей поспешило покинуть город, а между жителями его, католиками и лютеранами, возникла жестокая распря, причем первые упрекали вторых, что нашествие русских ниспослано на Ливонию в наказание за отступление от латинской веры.

Дерптский городской голова Антоний Тиле, человек мужественный и великодушный, со слезами на глазах умолял граждан напрячь все их усилия для обороны города и предлагал пожертвовать всем их состоянием во имя

общего дела, чтобы на вырученные деньги нанять войско для борьбы с русскими. Но его никто не послушал.

К городу между тем в июле подошел князь Петр Иванович Шуйский и окружил его со всех сторон. Дерптский епископ с 2 тысячами наемных немецких солдат и частью граждан защищались вначале довольно мужественно и сделали несколько вылазок; одна ко, видя, что осадные работы русских безостановочно подвигаются вперед и стрельба наших орудий производит в городе большие разрушения, осажденные вынуждены были вступить с Шуйским в переговоры о сдаче, после того как на свою просьбу о помощи, обращенную к магистру, ими был получен отказ. Шуйский обещал жителям большие милости при добровольной сдаче города, грозя не оставить в живых и ребенка, если вынужден будет брать его приступом. Прикатив туры к самым стенам и заложив под ними подкоп, он объявил гражданам, что дает два дня на размышление, а на третий пойдет на приступ.

Это подействовало, и город сдался князю Петру Шуйскому, мужу, по словам ливонско-

го летописца, добролюбивому, честному и с благородной душой, причем сдача эта была произведена на крайне выгодных для жителей условиях: они получали полную свободу, как личную, так и своего исповедания, старое городское управление и право беспошлинной торговли с русскими. По свидетельству самих немцев, когда войско наше вошло в город, то в нем царил удивительный порядок и не было случая хотя бы малейшего насилия или какой-либо несправедливости по отношению к немцам. Шуйский объявил, что дом его и уши всегда будут отворены для всякого обиженного. Государь одобрил, за малым исключением, договор, заключенный Шуйским с жителями Дерпта, приказав называть его по-старому Юрьевом, а льготы, данные этому городу, распространил и на Нарву. Такое великодушие произвело, конечно, огромное впечатление на остальные ливонские города, и около двадцати из них выразили покорность Москве до наступления осени.

Шуйский предложил сдаться и Ревелю, но ревельцы от этого отказались; затем, с наступлением холодного времени, войска на-

ши, оставя гарнизоны во взятых городах и замках, вернулись домой.

Между тем ливонцы ввиду полной неспособности престарелого магистра Фюрстенберга передали начальствование над их войсками его молодому племяннику Готгарду Кетлеру, который, узнав, что князь Шуйский ушел на зиму домой, собрал 10 тысяч человек и пошел с ними брать обратно Юрьев; но на пути к Юрьеву он был задержан сопротивлением замка Рингена, в коем засело 90 наших храбрецов под начальством боярского сына Руссика Игнатьева. Кетлер в течение пяти недель осаждал замок и потерял при этом 2 тысячи человек; только когда русскими был расстрелян весь порох, оставшиеся в живых герои принуждены были к сдаче, причем Кетлер беспощадно всех их перебил.

Затем, несмотря на все усилия, взять Юрьев Кетлеру не удалось, и он должен был отойти от него, так как узнал о движении новой большой русской рати, вступившей с началом 1559 года в Ливонию под предводительством князя Микулинского и двинувшейся по обоим берегам Двины; рать эта доходила

ла до самой Риги и весной вернулась в наши пределы с огромной добычей. Кетлер не отважился вступить с нею в бой, но всеми силами старался привлечь на сторону Ливонии защитников и обратился за помощью к германскому императору и к королям Дании, Швеции и Польши, которые и отправили свои посольства к Иоанну с ходатайствами за Ливонию. В это время как раз внимание последнего было отвлечено крымцами, и поэтому он согласился на 6-месячное перемирие с Ливонией.

В течение же этого перемирия Кетлеру вместе с рижским епископом удалось заключить важный договор с польско-литовским королем. По этому договору Ливония отдавалась под его покровительство, а Сигизмунд-Август обязан был защищать ее против русских и получил в залог несколько замков, в том числе и Линабург, нынешний Двинск, которые весной следующего, 1560 года были заняты литовским воеводою Николаем Радзивиллом Рыжим. Против русских же Сигизмунд-Август свои войска не двигал под предлогом, что перемирие с нами оканчивается

только в 1564 году. Между тем Кетлер, наняв на занятые им деньги несколько тысяч наемного войска из Германии, двинулся за месяц до окончания своего перемирия с Москвой, осенью 1559 года, к Юрьеву, нечаянно напал на стоявший близ города отряд Плещеева и разбил его; но на этом вероломном нападении успехи немцев и окончились.

В Юрьеве сидел доблестный воевода князь Андрей Катырев-Ростовский; он заключил всех опасных граждан под стражу, встретил немцев сильным пушечным огнем и сделал стремительную вылазку из города. Скоро среди Кетлеровых наемников, которых постоянно тревожили русские, поднялось недовольство, и он стал отходить, причем решил, что, по крайней мере, отнимет у нас замок Лаис, где было всего 400 человек русского гарнизона; он осадил его, поставил туры, разбил стену и повел войска на приступ. Но русские воины под начальством неустрашимого стрелецкого головы Кошкарова дрались, как львы, и со славой отбили все приступы немцев, Кетлер же, потеряв множество народа, должен был отойти в Вендену как побежден-

ный. «Сия удивительная защита Лаиса, – говорит Н.М. Карамзин, – есть одно из самых блестящих деяний воинской истории древних и новых времен, если не число действующих, а доблесть их определяет цену подвигов».

Узнав о предательском нарушении перемирия Кетлером, Иоанн послал новую рать в Ливонию под начальством князей Мстиславского, Петра Шуйского и Василия Серебряного, которые в начале 1560 года выступили в поход и начали его очень удачно. Ливония запылала вновь. «Скоро начали сдаваться крепости... всюду царило малодушие и предательство: с этим согласны даже немецкие летописцы», – говорит один польский писатель.

Положение Ливонии было отчаянное. Русские после взятия Мариенбурга опустошили ее до моря. Крестьяне во многих местах поднимали мятеж против своих господ, а некоторые наемные отряды, не получая жалованья, бунтовали и нередко сами сдавали нам крепости. Весною Иоанн отправил на усиление войск, действовавших в Ливонии, двух близко стоявших к нему людей: князя Андрея Курбского и Даниила Адашева. По словам

первого, государь призвал его к себе в спальню, перечислил все его доблести и сказал: «Мне ли самому ехать в Ливонию, или вместо себя послать воеводу опытного, бодрого, смелого и вместе с тем благоразумного; избираю тебя, моего любимого, – иди и побеждай».

В мае воеводы наши выступили из Юрьева. Они настигли немецкие главные силы, с которыми был и старый Фюрстенберг, недалеко от Белого Камня, или Вейссенштейна, сразились с ними в самую полночь и нанесли страшное поражение; Фюрстенберг едва успел бежать, чтобы запереться в сильнейшей крепости Феллин, куда наши войска не замедлили отправиться вслед. Один из немецких военачальников, Филипп Белль, человек большой доблести, вздумал задержать наступление русских близ Феллина, но был разбит и взят в плен. Цня его мужество, воеводы наши не последовали примеру Кетлера, варварски избившего доблестных защитников Рингена, но отнесли к Беллю с величайшим уважением. Белль, по словам Курбского, так объяснял несчастье Ливонии: «Когда мы пребывали в католической вере,

жили умеренно и целомудренно, тогда Господь везде нас покрывал от врагов наших и помогал нам во всем. А теперь, когда мы отступили от веры церковной, дерзнули ниспровергнуть законы и уставы святые, приняли веру новоизобретенную, вдалились в невоздержание... теперь явственно обличает нас Господь за грехи наши и казнит нас за беззаконие наше...»

Подойдя к Феллину, войска наши немедленно приступили к его осаде; толстейшие стены крепости не поддавались действию русских орудий, запасов у осажденных было в изобилии, и осада могла продолжаться очень долго. Однако спустя три недели немецкие наемники, не получая в течение нескольких месяцев жалованья, решили сдать крепость русским, невзирая на мольбы старца Фюрстенберга продолжать ее защиту и на раздачу им всех своих сокровищ. Русские вошли в Феллин, а Фюрстенберг был отправлен в Москву, где его очень милостиво принял Иоанн и дал ему на кормление ярославский городок Любим, в котором он и окончил свой век. Храбрый Филипп Белль был также от-

правлен в Москву, но судьба его сложилась иначе. Представленный Иоанну, он сурово сказал ему: «Ты неправдой и кровопролитием овладеваешь нашим отечеством, не так, как прилично царю христианскому», за что разгневанный государь сторяча приказал отрубить ему голову; он скоро одумался и послал отменить казнь, но было уже поздно.

После Феллина пало еще несколько крепостей, и Ливония была приведена в такое расстроенное состояние, что дальнейшего самостоятельного существования она продолжать уже не могла.

Однако чрезвычайные успехи Иоанна в этой войне были все же недостаточны для ее окончания. Гром московских побед привлек к себе внимание всей Европы, в которой нашлось много охотников получить себе часть в государстве, для существования которого пробил смертный час. «Теперешняя Ливония – что девица, вокруг которой все пляшут», – говорил про нее один из современников.

Перед тем, чтобы перейти к изложению

новых, весьма сложных событий дальнейшей борьбы из-за стремления Иоанна стать твердой ногой на балтийском побережье с целью войти в непосредственную связь с Западной Европой, а также и к рассказу о не менее сложной и крупной перемене, произошедшей в самом государе, необходимо упомянуть о том, как одно из западноевропейских государств само добивалось в это время завязать непосредственные сношения с Москвой.

Государство это была Англия. Соперничая с могущественными морскими державами того времени – Испанией, Португалией, Венецией и Генуей, обладавшими огромными военными и торговыми флотами, Англия в поисках новых стран для развития своей торговли отправила в 1553 году три купеческих корабля в северные моря в надежде найти новые пути в Китай и Индию. Буря разнесла эти корабли, и два из них погибли у берегов Русской Лапландии, причем их самоотверженный начальник, Гуго Виллогби, был найден впоследствии замерзшим в шалаше, сидя за своим журналом. Третий же корабль капитана Ченслера вошел в Двинский залив и пристал

к берегу у монастыря Святого Николы, где ныне расположен город Архангельск. Доставленный по повелению государя в Москву, Ченслер со своими спутниками был торжественно принят Иоанном и подал ему написанную английским королем Эдуардом VI грамоту на разных языках «ко всем северным и восточным государям», в которой он просил радушно принять его подданных и оказывать им содействие для установления торговых сношений. Обласканный Иоанном, Ченслер отбыл в Англию и возбудил там живейшее любопытство к Московскому государству, о котором говорил как о вновь открытой стране; он рассказывал о великолепии царского двора, о величественной наружности нашего государя и об огромных богатствах мехами и другими произведениями Русской земли.

Преемники Эдуарда, его сестра королева Мария Тюдор и муж ее Филипп, сын Карла V, впоследствии знаменитый испанский король, отправили в 1555 году того же Ченслера уже послом к Иоанну для заключения торгового договора с нами. Государь опять принял Ченслера крайне милостиво, несколько раз

звал его к столу, обыкновенно сажая перед собой, и дал жалованную грамоту англичанам, по которой они могли беспошлинно торговать по всей земле, нанимать русских работников, судиться между собою при посредстве выбранных ими же из своей среды старшин, и другие льготы. Главным складочным местом для их товаров были назначены Холмогоры, куда англичане привозили свои товары, преимущественно сукно и сахар.

В Англию Ченслер отбыл в 1556 году, с четырьмя богато нагруженными судами и с государевым посланником, вологодским наместником Иосифом Непеей, везшим драгоценнейшие дары от Иоанна Марии и Филиппу.

К несчастью, Ченслер и три корабля погибли во время бури, но Непея благополучно прибыл в Лондон. Знатные государственные сановники и 140 купцов со множеством слуг, все на прекрасных лошадях, выехали ему навстречу. Он сел на великолепно украшенного коня и торжественно совершил свой въезд в город, приветствуемый громкими кликами жителей, толпившихся по улицам. Ему был

отведен один из лучших домов, «где богатство уборов, – говорит Н.М. Карамзин, – начало роскоши ежедневного угощения; угадывали, предупреждали всякое желание гостя; то звали его на пиры, то водили его обозреть все достопримечательности Лондона: дворцы, храм Святого Павла, Вестминстер[14]» и древний замок, или Тауэр. «Принятый Марией с отменным благоволением, Непея в торжественный день Ордена Подвязки[15] сидел в церкви на возвышенном месте близ королевы. Нигде не оказывалось такой чести русскому имени. Сей незнатный, но достойный представитель Иоаннова лица умел заслужить весьма лестный отзыв английских министров; они донесли королеве, что его ум в делах равняется с его благородной важностью в поступках».

Получив множество знаков самого лестного внимания от королевы и лондонских жителей, Непея в 1557 году вернулся в Москву, привезя с собой много ремесленников, врачей, рудознатцев и других искусных людей.

Преемница Марии, сестра ее Елизавета, вступившая на английский престол в 1558 го-

ду, также, как увидим, самым деятельным образом поддерживала сношения с Москвой и хлопотала о предоставлении англичанам права исключительной торговли с нами; Иоанн очень внимательно относился ко всем ее просьбам и не замедлил вступить с ней в дружескую пересылку, но закрыть путь в Россию другим иностранцам отказался, а потому наряду с английскими в Белом море, у пристани святого Николая, начали появляться также суда голландские, бельгийские и другие.

В свою очередь, вслед за Непеей и русские купцы стали показываться в столичном городе Лондоне, причем английские летописцы отметили и имена некоторых из них: Твердикова, Погорелова и других.

Глава 2

Кончина царицы Анастасии Романовны. Боярская измена. Переписка с Курбским. Казни. Опричнина. Святой Филипп. Поход на Новгород и Псков. Браки Иоанна. Полоцк. Борьба из-за Ливонии. Нашествие Девлет-Гирея. Люблинская уния. Иезуиты. Баторий и его успехи. Подвиг русских пушкарей под Венденом. Борьба со шведами. Оборона Чихачевым Падиса. Псков. Сыноубийство. Поссевин. Мария Гастингс. Ермак и завоевание Сибири. Смерть Грозного. Внутренние дела. Православие в Западной Руси

Тысяча пятьсот шестидесятый год принято считать роковым в жизни Иоанна. 7 августа в пятом часу дня скончалась нежно любимая им супруга, кроткая Анастасия Романовна, оставляя ему двух малолетних сыновей – Иоанна и Феодора. Незадолго до этого вспыхнул страшный пожар на Москве, и государь с величайшей опасностью для жизни принимал деятельное участие в его тушении, что вызвало сильнейшее беспокойство царицы, здоровье которой было уже значительно подорва-

Мнози естество редицаши мѡв, аплени оупорѡи, дчинили е(м)а.
 Нисодато оупо(а)ни о(р)ое(спис)а Тоеи(с)оупо(спиз)араою.
 И наипаче овозалиба еп(д)аро(р)о(справ)ица. А е(с)о(л)нон(ц)а(н)ам(о)про
 шени(е)т(о)е(о)е(с)о(сп)а(п)и(а) Нани(т)и(б)о(с) Н(ш)е(т)о(р)о(в)т(е)рт(и)а.
 И е(сп)и(ш)к(н)е(п)релод(ж)и(а). о(с)ем(д)т(о)е(с)о(с)т(л)о(сп)и(л)ю(д)им(а)нам(и)ц(о)с
 а(б)д(р)е(с)б(р)ол(с)о. И(т)о(б)е(ж)а(о)н(и)о(н)и(с) Ней(сп)ралес(и)а. И(с)р(т)и(н)о(т)о(р)е
 (т)д(а)лени(а). И(в)с(а)ин(н)е(п)р(а)с(р)в. И(т)о(с)о(е)г(н)т(б)а(а)р(о)ст(о)н(а)н(и)и(а)н
 (с)т(о)н(и)ца. И(с)в(а)д(ц)а(с)и(о)т(р)е(с)т(и)д(т)н(ц)в(з)и(о)н(а). За(н)е(с)е(с)начал(е)
 П(р)е(т)д(т)п(и)ш(а)д(а)п(о)с(е)б(ж)и(с) И(п)р(и)д(ш)а(д)т(е)п(и)л(ю)т(т)о(р)о(с)о. На(с)е.
 И(с)о(т)е(р)о(в)д(ж)а(р)о(т)т(е)н(ш)и. На(с)е(с)о(а)ед(н)и(о)р(о)р(и)на И(с)о(с)ел(е)п(о)л(е)
 ж(а)ш(а)р(а)м(и). ~~И(с)р(т)и(н)о(т)о(р)е~~ И(с)в(а)ин(и)т(п)о(л)с(ш)а(п)и(и). За(н)е

но, особенно после поездки на богомолье осенью 1559 года. Вся Москва с великим горем и плачем провожала ее прах в Вознесенский Новодевичий монастырь; народная горесть была так велика, что нищие отказывались принимать щедрую милостыню, назначенную им для раздачи по случаю ее кончины.

Конечно, народ хорошо знал ту, которую он так горько оплакивал. Все помнили буйную молодость Иоанна и перемену, происшедшую с ним под благотворным влиянием Анастасии Романовны.

Мы видели, что, изверившись в своих бо-

ярах, государь приблизил к себе нескольких людей скромного происхождения во главе с Сильвестром и Адашевым и составил из них свой близкий круг – «избранную раду», которой вполне доверял. Мы видели также, как в 1553 году, во время болезни Иоанна, у него должны были открыться глаза на этих людей, которые, пользуясь близостью к царю, тем не менее поспешили войти в самые тесные отношения с боярской партией, очевидно считая ее столь большой силой, с которой необходимо было жить в добром согласии.

Иоанн выздоровел и ничем не проявил своего гнева против ослушников-бояр, несмотря на то что бояре эти явно враждебно держали себя как относительно его сына, так и Анастасии Романовны и всей ее родни – Захарьиных. Все понимали, конечно, что не кто другой, как именно царица своею мудрою самоотверженной любовью сдерживала страстного, порывистого Иоанна от проявления какого-либо враждебного чувства по отношению людей, в которых он так глубоко и обидно для себя разочаровался.

Теперь, с ее кончиной, около царя уже не

было никого, с кем в задушевной беседе он мог бы изливать волновавшие его душу чувства и находить в этом нужное успокоение. Единственный человек, которому он доверял, как отцу, митрополит Макарий, был в это время 79-летним старцем, стоящим одною ногой в гробу; в силу одного этого он не мог быть постоянно с молодым 30-летним царем, деятельным и кипучим. Что же касается бывших прежде столь близкими к Иоанну лиц – Сильвестра и Адашева, то к 1560 году между ними и царем был уже полный разрыв. Причин этому было много.

Как мы уже говорили, партия Сильвестра и Адашева (то есть все боярство) явно не сочувствовала войне с Ливонией, полагая, что надо воевать с Крымом; при этом Сильвестр, человек, бесспорно, большого благочестия, но очень властный и мелочный, не только постоянно докучал Иоанну своими наставлениями, вторгаясь даже в его супружеские отношения, но не переставал укорять его и за Ливонскую войну. «Началась война с ливонцами, – писал впоследствии Иоанн князю Курбскому, – Сильвестр с вами, своими советника-

ми, жестоко за нее восставал; заболел ли я или царица, или дети – все это, по вашим словам, было наказание Божие за наше непослушание к вам».

Недовольство бояр новыми московскими порядками с самодержавным царем во главе продолжалось, разумеется, и после выздоровления Иоанна; Литва с ее огромными вольностями для больших панов служила им постоянной приманкой; начиная с 1554 года движение московского боярства на Литву принимает, по словам одного польского писателя, «угрожающие размеры».

В июле 1554 года был застигнут при побеге к Литовским пределам князь Никита Ростовский; при этом было обнаружено, что, кроме него, собрался также бежать думный боярин князь Семен Ростовский со всей своей обширной родней – Лобановыми и Приимковыми; они вступили в сношения с Сигизмундом-Августом, а князь Семен Ростовский водился в Москве с польским послом Довойной, поносил ему Иоанна и рассказывал, что говорилось в Государевой думе насчет мира с Польшей. Подобный поступок являлся, очевидно,

прямой изменой, за которую и в наше время полагается по закону смертная казнь. Царь и бояре осудили виновных к тому же наказанию, но затем, снисходя на просьбу духовенства, государь их помиловал и ограничился отправлением в ссылку на Белоозеро. К его большому неудовольствию, Сильвестр после этой ссылки относился с необыкновенным сочувствием к князю Семену Ростовскому и ко всему его роду. «Когда князь Семен Ростовский изменил и мы наказали его с милостию, то Сильвестр с вами, злыми советниками своими, начал его держать в великом бережении и помогать ему всяким добром, и не только ему, но и всему роду его», – читаем мы в письме Иоанна к князю Курбскому.

Сильное неудовольствие возбудило также в Иоанне поведение Сильвестра и его сторонников в отношении царицы Анастасии Романовны во время путешествия поздней осенью 1559 года, причем ее смерть он прямо приписывал огорчениям, претерпенным ею от дворцовых дрязг. «Зачем вы разлучили меня с женой? – спрашивал Иоанн Курбского в одном из своих последующих писем. – Если бы вы

не отняли у меня мою юницу, то кроновых жертв и не было бы (боярских казней). Только бы на меня с попом (Сильвестром) не стали, то ничего бы и не было, все учинилось от вашего самовольства...» «Как вспомню этот тяжкий обратный путь из Можайска с больной царицей Анастасией... – говорит царь в другом месте своей переписки с Курбским. – Молитвы, путешествия ко святым местам, приношений и обетов ко святыне о душевном спасении и телесном здравии – всего этого мы были лишены лукавым умыслением; о человеческих же средствах, о лекарствах во время болезни и помину не было...».

Главной же причиной недовольства государя на Сильвестра и Адашева являлось, конечно, все более и более возраставшее в нем убеждение, что они, войдя в сношение с боярской партией, стали за его спиною сами всем распоряжаться в государстве, что, разумеется, должно было казаться Иоанну особенно нестерпимым и обидным, так как он, испытав в детстве страшное своеволие бояр, необыкновенно чутко и болезненно относился к тому, чтобы никто не смел посягать на

полученную им от Бога царскую власть. «Подружился он (Сильвестр) с Адашевым и начали советоваться тайком от нас, считая нас слабоумными, мало-помалу начали они всех вас, бояр, в свою волю приводить, снимая с нас власть», – писал об этом царь Курбскому.

И действительно, нет сомнения, что Сильвестр и Адашев с боярами старались незаметно, но исподволь ограничить царскую власть. Они раздавали саны и вотчины самовольно и противозаконно и, по-видимому, даже старались отобрать у государя право жаловать боярство. «От прародителей наших данную нам власть от нас отъяша, – писал Иоанн, – еже вам, бояром нашим, по нашему жалованью честию председания почтенным быти».

Перед смертью царицы Анастасии Сильвестра и Адашева уже не было при дворе; Сильвестр, вследствие неприятностей в описанном государем последнем его путешествии с женою, добровольно удалился от двора и постригся в Кирилло-Белозерском монастыре, а Адашев был отправлен в Ливонию, как бы в почетную ссылку – третьим воеводою большого полка.

Удаление Сильвестра и Адашева глубоко всколыхнуло всю боярскую партию, и среди нее началось сильное движение в их пользу, которое, по-видимому, как раз совпало со временем кончины Анастасии Романовны.

Движение это, разумеется, могло только вызвать еще более сильное противодействие и раздражение в государе. «...Пребывая в таких жестоких скорбях, – писал он по этому поводу Курбскому, – не будучи в состоянии сносить такой тягости, превышающей силы человеческие, и сыскав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, мы наказали их милостиво: смертною казнью не казнил никого... но всем приказано было отстать от Сильвестра и Адашева, не иметь с ними сообщения, в чем и была взята со всех присяга; но советники их, которых ты называешь мучениками, приказ наш и крестное целование вменили ни во что, не только не отстали от изменников, но и больше начали им помогать и всячески промышлять, чтобы их на первый чин возвратить и составить на нас лютейшее умышление, и так как злоба обнаружилась неутолимая, то виновные по своей

вине суд и приняли».

Таким образом, по словам Иоанна, он старался действовать вначале на крамольных бояр легкими опалами, и только постепенно, видя их упорство вернуть Сильвестра и Адашева и удержать действительную власть в своих руках, царь стал прибегать к казням. Это утверждение Иоанна, надо думать, вполне справедливо, так как он никогда не отказывался от тех казней, которые были совершены по его приказанию. И действительно, несмотря на большое свое озлобление на Адашева, он его не казнил, а приказал только перевести в Юрьев, где последний умер через два месяца от горячки.

Не тронул он также и Сильвестра. «Поп Сильвестр, – писал Иоанн Курбскому, – видя своих советников в опале, ушел по своей воле, и мы его отпустили не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотели судить его здесь: хочу судиться с ним в будущем веке, перед Агнцем Божиим, а сын его и до сих пор в благоденствии пребывает, только лица нашего не видит».

Вообще, «с делом Сильвестра и Адашева

было связано много судебных разбира- тельств, – говорит польский писатель Вали- шевский[16], – и те достоверные письменные памятники, которые относятся к ним, решитель- но не говорят ни о пытках, ни о казнях».

Казни, вследствие которых потомство на- звало Иоанна Грозным, начались, по всем данным, позднее, причем им подвергались далеко не все виновные. Так, в 1561 году с князя Василия Михайловича Глинского, кото- рый «проступил», то есть, очевидно, хотел бе- жать в Литву, было лишь взято письменное обещание не отъезжать.

Такое же обещание не отъезжать было взя- то в 1562 году с князя Ивана Димитриевича Бельского, за подписью 29 человек, за коих поручилось еще 120 лиц; несмотря на это, в том же 1562 году князь Иван Димитриевич Бельский снова бил челом государю, что «пре- ступил крестное целование и забыл жалова- нье государя своего, изменил, с королем Си- гизмундом-Августом ссылался»; эту новую его измену Иоанн опять простил ему. В 1563 году был изобличен в желании бежать в Литву князь Александр Иванович Воротынский, и с

него тоже была только взята поручная грамота; такая же запись была взята в 1564 году и с Ивана Васильевича Шереметева, которого долго затем никто не трогал; впоследствии же он постригся в Кирилло-Белозерском монастыре и жил там с большой роскошью. Затем князь Михаил Воротынский, носивший, как мы помним, звание слуги государя, был сослан с семейством на Белоозеро, надо думать, также не за малую вину, причем с ним обращались там с большим береженьем; так, в конце 1564 года царские пристава, отправленные с Воротынскими, писали, что в прошлом году не дослано было ссыльным 2 осетров свежих, 2 севрюг свежих, полпуда ягод винных, полпуда изюму, 3 ведер слив – и все это велено было дослать; сам же князь Михаил бил челом, что ему не прислали государева жалованья: ведра романей, ведра рейнского вина, ведра бастру, 200 лимонов, 10 гривенок перцу, гривенки шафрану, 2 гривенок гвоздики, пуда воску, 2 труб левашных и 5 лососей свежих; деньгами шло князю, княгине и княжне 50 рублей в год; людям их, которых было 12 человек, 48 рублей 27 алтынов. Таким

образом, Иоанн, указывая в своем письме Курбскому, что он лишь постепенно перешел от опал к казням, говорил чистую правду; последнее он и сам высказывал Курбскому, отвечая на обвинение в оболгании подданных в измене: «Если уж я облыгаю, то от кого же другого ждать правды? Для чего я стану облыгать? Из желанья ли власти подданных своих, или рубища их худого, или мне пришла охота есть их?»

Что измена действительно постоянно царилась среди бояр, об этом определенно свидетельствуют иностранцы, посещавшие в те времена Московское государство. Так, англичанин Горсей говорит, что если бы Иоанн «не держал правления в жестких и суровых руках, то он не жил бы так долго; против него постоянно составлялись коварные, предательские заговоры, но он всегда открывал их». Доверенный же человек короля Сигизмунда-Августа, употреблявшего все меры, чтобы склонять наших бояр к измене, писал ему в своем донесении, что без суровых казней «Иоанн не мог бы удержаться на престоле».

Мы видели, что уже Иоанн III должен был рубить головы виновным боярам за их «высокоумие»; то же делал и отец Грозного – Василий, человек в общем доброжелательный и мягкий; во времена же сына Василия борьба старых удельных притязаний с царскою властью обострилась роковым образом до крайности как вследствие страстности самого Иоанна, так и вследствие действительной крамолы и измены, гнездившейся в боярской среде.

В борьбе этой Иоанн все время неуклонно шел по начертанному его предками пути – собирать воедино Русскую землю под сильною рукою московского самодержавного государя, отвечая этим прямому желанию всей земли; но, конечно, эта борьба была ему весьма тяжела и крайне пагубно отзывалась на его здоровье, по-видимому и без того некрепком; вот почему, неустанно ведя ее и считая своим долгом бороться до конца с боярской крамолой, он все более и более стал вносить в эту борьбу свою болезненную раздражительность и перехватывать, так сказать, через

край, доходя иногда до неистовств, граничивших с безумием.

Тоска и одиночество, охватившие Иоанна после смерти Анастасии Романовны, и все усиливающееся раздражение от борьбы с боярами заставляли его, конечно, искать утешения в усиленной молитве, так как он был, как мы знаем, человеком глубоко верующим. К сожалению, однако, одной молитвы оказалось недостаточно для его болезненно-страстной природы, и он стал, чтобы найти забвение, прибегать и к разгулу; настойчивые же его попытки найти потерянное семейное счастье в новых браках окончились все неудачно.

В 1560 году по совету митрополита и бояр Иоанн решил просить руки одной из сестер польского короля. В наказе послу, отправленному с этою целью, говорилось: «Будучи дорогою до Вильны, разузнавать накрепко про сестер королевских, сколько им лет, каковы ростом, как тельны, какова которая обычаем и которая лучше? Которая из них будет лучше, о той ему именно и говорить королю». Лучшей оказалась младшая – Екатерина, но Си-

гизмунд-Август задумал в это время, как мы уже говорили, начать против нас войну из-за Ливонии, и Екатерина была выдана замуж за сына Густава Вазы – шведского королевича Иоганна. В следующем, 1561 году государь женился на дочери черкасского князя Темрюка Марии, женщине красивой, но чуждой всему русскому, дикой и мстительной; конечно, она не могла действовать умиротворяющим образом на своего супруга, и он к ней скоро охладил. Так же несчастны были, как мы увидим, и его последующие браки.

К сожалению, до нас не дошло ни одного достоверного изображения Иоанна, но сохранилось несколько описаний его внешности, относящихся к рассматриваемому времени и составленных как русскими, так и иностранцами. Англичанин Горсей писал, что «великий князь всея Руси Иван Васильевич был красив собою, одарен большим умом, блестящими дарованиями, привлекательностью, одним словом, был создан для управления таким огромным государством».

Князь же Катырев-Ростовский говорит, что Иоанн имел серые глаза и длинный нос, «воз-

растом велик бьаше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты; муж чюдного разсуждения, в науке книжнаго поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен. На рабы своя, от Бога данныя ему, жестокосерд велми, и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многая грады свои поплени, и многая святительския чины заточи и смертию немилостивою погуби, и иная многая содея над рабы своими... Той же царь Иван многая благая сотвори, воинство велми любяше и требующая ими от сокровища своего неоскудно подаваше».

По мнению англичанина Дженкинсона, высказанному в 1557 году, ни один христианский властитель не был одновременно и так страшен своим подданным, и так любим ими – как Иоанн.

В том же духе высказывался про Иоанна и венецианский посол Фоскарини, хваля его твердое правосудие, основанное на простых и мудрых законах, приветливость, разнообраз-

зие познаний и отличное устройство русских войск.

Два последних приведенных мнения иностранцев об Иоанне ясно показывают, что его общительный и приветливый нрав стал изменяться только под влиянием неустанной борьбы с боярским засильем и изменой; при этом, по всем отзывам современников, несмотря на приступы исступленного ожесточения, которые им порой овладевали, он до конца жизни сохранил крайнюю доступность для всех, стремление самолично вникать во все дела, большую любознательность и особое пристрастие вести споры с приезжими лютеранами и католиками о вере, причем в спорах этих обнаруживал и свою обширную образованность, и свой острый и гибкий, немного насмешливый, чисто великорусский ум.

Таков был царь Иоанн Грозный во вторую половину своей жизни.

Непрекращавшиеся измены бояр раздражали его все более и более; несмотря на клятвенные записи за поручительством многих

лиц, бегство московских людей в Литву продолжалось. Так, туда убежали, привлеченные Сигизмундом-Августом, два князя черкасских, а затем и известный князь Димитрий Вишневецкий, бывший каневский староста и перешедший, как мы помним, в Москву на службу. «Притек он к нашему государю, как собака, и утек, как собака, а государю нашему и земле нашей от этого нет никакого убытка», – приказывал Иоанн говорить про него своему гонцу в Литве, если его спросят о Вишневецком.

Наконец, в 1564 году Иоанн испытал сильнейшее потрясение, получив весть, что его воевода князь Андрей Курбский, посланный в Ливонию, также бежал в Литву, с каковой державой мы, как увидим, были в это время уже в войне, причем стал вслед за тем водить польско-литовские войска против нас.

Мало того, не довольствуясь своей изменой, Курбский начал писать Иоанну глубоко оскорбительные письма, на которые не утерпел не отвечать страшно возмущенный ими царь. Эта переписка между двумя образованнейшими русскими людьми XVI века, уже ча-

стью приведенная нами, чрезвычайно любопытна и открывает нам, несмотря на многие темные места, в чем именно состояло противоречие во взглядах царя и его бояр, противоречие, приведшее Иоанна к столь ожесточенной борьбе с ними.

Князь Андрей Михайлович Курбский происходил из ярославских князей, прямых потомков Владимира Мономаха. Будучи одних лет с Иоанном, он был очень любим им и послан, как мы помним, в 1559 году воеводой в Ливонию с замечательно ласковым царским словом при расставании. Удаление Сильвестра и Адашева, с которыми Курбский был чрезвычайно близок, заставило его опасаться и за свою будущность, особенно после того, как он понес в 1562 году по своей вине поражение при Невеле от литовцев и его постигла, вероятно за это, опала Иоанна, выразившаяся, по видимому, в отобрании части его имения. Тогда вместо того, чтобы, как надлежит доброму царскому слуге, терпеливо снести наказание, им заслуженное, Курбский решил изменить Иоанну и Родине. Он завел какие-то подозрительные сношения со шведами, а затем и с

бывшим с нами в войне Сигизмундом-Августом при посредстве литовского гетмана Николая Радзивилла Рыжего и подканцлера Евстафия Воловича.

Сигизмунд-Август считал делом чрезвычайной важности переход Курбского на свою сторону; понимая это, Курбский со своей стороны выговорил себе очень почетное и обеспеченное положение в Литве и согласился на предложение короля только после того, когда тот заставил присягнуть своих радных панов, что все требования Курбского по вознаграждению его будут выполнены. Тогда, оставя свою жену и малолетнего сына на произвол разгневанного государя, Курбский тайно покинул вверенные ему войска и перебрался в Польшу; здесь он сейчас же получил в начальствование один из отрядов, действовавших против нас, и стал всячески побуждать Сигизмунда-Августа вести войну против Иоанна с возможно большим ожесточением. Таким образом, поступок Курбского был во всех отношениях глубоко обдуманной и тщательно заранее подготовленной изменой, ничем не оправдываемой.

Однако далеко не так смотрел сам Курбский на свой поступок, что ясно видно из его писем к Иоанну, где он вполне оправдывает себя и поносит самым непристойным образом как государя, так и его покойную мать. Общепринято думать, что Курбский послал свое первое письмо к Иоанну с верным своим слугою Василием Шибановым, причем Грозный царь, читая это письмо, в бешенстве воткнул свой жезл в ногу Шибанова, а затем отправил его на пытку. Но в действительности, по-видимому, этого не было, так как Шибанов не бежал в Литву со своим господином, а был схвачен в Москве; когда же его пытали с целью узнать про измену Курбского, то он отсылался о нем так, как подобает доброму и верному слуге говорить о своем господине, и это поведение Шибанова заслужило полное одобрение со стороны Иоанна.

Курбский в своих письмах, дерзких и грубых, возводит на Иоанна обвинение во всевозможных жестокостях, причем многие из этих обвинений были в действительности ложными, настаивает на благотворном действии боярского совета и оправдывает свою

измену старинным боярским правом отъезда, потерявшим, очевидно, в его время всякий смысл. Затем Курбскому крайне не нравится новый титул царя, принятый Иоанном, и он насмешливо называет его «прегордым и царским величеством»; не нравится также ему и то, что Иоанн приблизил к себе дьяков, «преимущественно из поповичей, или из простого всенародья», причем двум из них, как мы помним, Выродскому и Ржевскому, государь поручал даже воинские отряды. Сам Курбский высоко ставил свое происхождение и пытался в Польше величаться князем Ярославским.

Письма Курбского вызвали, как мы говорили, пространные возражения Иоанна, написанные страстно и горячо; в них он обнаруживает свою обширную образованность и приводит многочисленные выдержки из всего им прочитанного в жизни: Священного Писания, изречений древних мудрецов и греческой и римской истории с целью доказать основное положение своих поступков, что «нет власти, аще не от Бога»; «Самодержав-

ства нашего начало от Святого Владимира, – писал он, – мы родились на Царстве... а не чужое похитили, потому подобает ли попу и прегордым лукавым рабом владети, Царю же только председанием и царствия честью почтенну быти, властью же ничем же лучше быти раба? Тщюся с усердием людей на истину и на свет наставить, да познают единого истинного Бога, в Троице славимаго и от Бога данного им государя, а от междоусобных браней и строптиваго жития да отстанут, коими царства растлеваются. Ибо если Царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся...». По поводу измены Курбского, который объяснял ее получением от своих друзей известия, что Иоанн хочет его казнить, государь писал ему: «Зачем ты за тело продал душу? Побоялся смерти по ложному слову своих друзей? От этих бесовских слухов наполнился ты на меня яростью?.. Зла и гонений без причины от меня ты не принял, бед и напастей на тебя я не воздвигал; а какое наказание малое и бывало на тебе, так это за твое преступление: потому что ты согласился с нашими изменни-

ками, а ложных обвинений, измен, в которых ты не виноват, я на тебя не взводил, а которые ты проступки делал, мы по тем твоим винам и наказание чинили».

Курбский обвинял Иоанна в том, что он призвал к себе князя Репнина во время пира и заставил надеть шутовскую маску, причем Репнин сорвал ее с лица, растоптал и с гордостью ответил: «Чтобы я, боярин, стал так безумствовать и бесчинствовать», и что будто за это он был убит через несколько дней в церкви во время службы, равно как и князь Юрий Кашин, убитый в ту же ночь на церковной паперти. Иоанн отвечал на указанные обвинения, что люди, выставляемые Курбским столь невинными агнцами, были на самом деле клятвопреступниками и изменниками и заслуженно понесли свое наказание. «В церквях же, яко ты лжешь, этого не было; а было, как сказал выше, что виновные приняли казнь по своим делам».

Курбский в своем послании хвалился также перед Иоанном храбростью, кровью, пролитой за Родину, и говорил, что ради постоянных отлучек по ратным делам мало ви-

дел своих родителей и жену, а должен был проводить жизнь в дальних окраинных городах. Иоанн же в своем ответе высмеивает его за это, указывая, что бранная храбрость имеет цену только при соблюдении верности своему государю и Родине: «Аще строения в царстве благая будут... А что ты говоришь: кровь твоя пролилася от иноплеменных за нас и по твоему мнимому безумию вопиет на нас к Богу, то сие надлежит смеху. Если бы это и было так, то ты сотворил бы только должное отечеству; если же бы не сотворил, то не был бы христианин, а варвар; поэтому упрек этот к нам и не относится».

Укоряя Курбского в измене, Иоанн советовал ему брать пример с его же слуги Шибанова: «Как ты не постыдишься раба своего Васьки Шибанова? Он благочестие свое соблюл: перед царем и перед всем народом, при смертных вратах стоя, ради крестного целования тебя не отвергся, но хвалил тебя и был готов за тебя умереть...»

Наконец, сознавая, что переписка с изменником-подданным есть недостойная для царя слабость, Иоанн упоминает и про это в своем

ответе: «До сей поры Русские Государи не давали никому отчета в своих действиях и вольны были своих подвластных жаловать и казнить, не судились с ними ни перед кем; и хотя неприлично говорить о винах их, но выше было сказано».

Ответ Иоанна, изложенный весьма странно, вызвал новое письмо Курбского, озаглавленное им: «Краткое отвещание князя Андрея Курбского на зело широкую эпистолию (письмо) великого князя Московского». Умышленно не называя государя царем, Курбский начинает свой ответ словами: «Широковещательное и многошумящее твое писание принял и понял, что оно отрыгнуто от неукротимого гнева с ядовитыми словами, что недостойно не только Царя, но и простого убогого воина... воистину яко бы неистовых баб басни...»

Конечно, такое возмутительное отношение к себе со стороны изменника-боярина довело Иоанна до крайнего раздражения, особенно когда он узнал, что Курбский убедил слабого Сигизмунда-Августа действовать решительнее против Москвы, причем сам Курб-

ский во главе 70-тысячной рати предпринял в 1564 году движение к Полоцку, а Девлет-Гирей Крымский, подкупленный поляками, неожиданно напал на Рязань, в которой не было ни одного воина. Оба нападения окончились неудачей: Курбский во главе с литовцами был с позором отражен от Полоцка, после чего ограничил свои подвиги разорением сел и монастырей; Девлет же Гирей был разбит под Рязанью доблестным воеводой боярином Алексеем Басмановым с сыном Феодором, которые вместе с епископом Филофеем одушевили жителей редким мужеством и отразили все приступы татар с огромным уроном.

Крайнее недовольство государя против Курбского перенеслось на всех сторонников последнего, то есть на всех бояр, думавших совершенно одинаково с ним о своих правах и отношениях к престолу.

В это тяжелое для Иоанна время не было уже никого из прежних близких ему лиц, кто бы мог смягчить его раздражение своим умиротворяющим влиянием: последний человек, которому государь безусловно верил, вели-

кий старец митрополит Макарий, преставился в декабре 1563 года, а несколько месяцев спустя сошел в могилу и слабоумный брат Иоанна Юрий, не оставя после себя потомства.

Царя и царицу Марию Темрюковну окружали теперь уже совершенно новые люди и советники; это были, по словам англичанина Горсея, его «доверенные капитаны», по большей части незнатного происхождения, выдвинувшиеся своими воинскими подвигами и щедро награжденные Иоанном; по-видимому, они были ему всецело преданы и вполне разделяли его ненависть к боярству.

3 декабря 1564 года государь совершенно неожиданно выехал из Москвы, причем выезд этот не был похож на обыкновенные: он как бы навсегда покидал столицу, взяв с собой все свои иконы и драгоценности и приказав также людям своего двора выезжать с семьями и имуществом. Иоанн остановился в селе Коломенском, затем побыл в Троице-Сергиевой лавре, наконец прибыл в глухую Александровскую слободу (ныне город Александров Владимирской губернии). Вся Москва во

главе с новым митрополитом Афанасием и боярами была в полном недоумении относительно столь неожиданного и необычного царского отъезда.

Недоумение это разрешилось через месяц, 3 января 1565 года; в этот день митрополит получил от государя грамоту, в которой он перечислял все измены бояр, воевод и приказных людей за все время своего управления. При этом государь объявлял, что кладет гнев свой как на них, так и на все духовенство за то, что бояре и воеводы земли его государские разобрали и раздали лучшие вотчины друзьям своим и родственникам, не желая радеть о нем, о государстве и о всем православном христианстве и оборонять от недругов, а стали удаляться от службы, чиня при этом притеснения христианству (простому народу), а на духовенство – за то, что оно, сложась с боярами и придворными людьми, своим постоянным заступничеством покрывает их и мешает государю наказывать. Поэтому царь, от великой жалости сердца не могши их многих изменных дел терпеть, оставил свое государство и поехал где-нибудь поселиться, где

его Бог наставит.

Вместе с тем Иоанн прислал также грамоту к гостям, купцам и ко всему православному христианству города Москвы; он говорил в ней, чтобы они себе никакого сомнения не держали, так как гнева его на них и никакой опалы нет.

Обе грамоты были прочитаны и произвели сильнейшее впечатление как на бояр и духовенство, так и на народ и вызвали общий ужас и смятение. Все кинулись к митрополиту, прося его отправиться к Иоанну и умоливать царя, упросить остаться владеть государством, а лиходеёв и изменников, как ему будет угодно, казнить. Простой народ подтвердил то же самое, «чтобы государь государства не оставлял и их на расхищение волкам не отдавал, особенно избавлял бы их от рук сильных людей; а за государских лиходеёв и изменников они не стоят и сами их истребят».

Затем снарядилось посольство из духовенства и высших бояр и отправилось в Александровскую слободу – умолять Иоанна вернуться ко власти. После нескольких дней перегово-

воров государь согласился, сказав, что он объявит отцу митрополиту условия своего возвращения, и в начале февраля прибыл в столицу.

Все с изумлением смотрели на него; 35-летнего царя нельзя было узнать за два месяца отсутствия; он страшно осунулся и постарел, причем волосы с его бороды и головы исчезли. Очевидно, крайне близко принимая к сердцу боярскую крамолу, Иоанн чрезвычайно много переволновался за это время, и это подействовало весьма пагубно на его здоровье.

Скоро он объявил о своих условиях возвращения ко власти, которые повергли всех в недоумение своею большой странностью: царь устанавливал новое учреждение – опричнину.

К величайшему сожалению, указ об учреждении опричнины не сохранился, а потому мы можем иметь о ней только приблизительное понятие. Мы помним, что опричниками назывались в старой Руси те вдовьи части великих княгинь, которыми они могли распоряжаться вполне самостоятельно, опричь

(сверх, отдельно) от всего остального наследства, завещанного им или пожизненно, или на известных условиях пользования.

Теперь царь, опричь старого московского двора, в котором было сосредоточено и управление всем государством, учреждал свой «особный двор» из преданнейших ему слуг; во дворе этом должны были быть особые дворецкие, казначеи, дьяки, придворные, бояре, окольниковы, а также особые служилые люди и своя дворня во дворцах: сытном, кормовом, хлебном и других. Всего в опричнину государь приказал выбрать тысячу человек из бояр, князей, боярских детей и прочих людей разного звания, и для содержания как их, так и своего двора отделить свыше двадцати городов, а также и несколько улиц в самой Москве. Все это и составило первоначально опричнину. Остальные же части государства, в нее не вошедшие, образовали земщину, ведать коей Иоанн поручил Боярской думе с князьями Мстиславским и Бельским во главе, причем они должны были докладывать ему только о важнейших делах.

Учреждая опричнину, государь решил по-

кинуть свой кремлевский дворец и приказал строить новый, между Арбатом и Никитскою улицей, но большую часть своего времени стал проводить в Александровской слободе, взяв из Земского приказа за свой подъем 100 тысяч рублей.

Вслед за учреждением опричнины началось расследование о сторонниках Курбского, умышлявших с ним всякие лихие дела, после чего виновные были подвергнуты наказанию, но с разбором: так, князь Александр Горбатый-Шуйский с молодым сыном Петром и родственниками: двумя Ховриными, князьями Иваном Сухим-Кашиным, Димитрием Швыревым и Петром Горенским-Оболенским подверглись смертной казни, причем последний был пойман на отъезде. Казнены были также князья Иван Куракин и Димитрий Немой, но боярин Иван Яковлев, бивший челом за свой проступок, получил прощение; точно так же были выручены из-под опалы князь Василий Серебряный с сыном и Лев Салтыков с двумя сыновьями, а несколько позднее бил челом за проступок и был возвращен из ссылки с Белоозера знаменитый

князь Михаил Воротынский; были прощены также князь Иван Охлябинин и боярин Очин-Плещеев.

Поселившись в Александровской слободе, Иоанн стал вести со своим новым двором странный образ жизни: он устроил род общежительного монастыря, в котором сам был игуменом, князь Афанасий Вяземский – келарем, а Григорий Лукьянович Плещеев-Бельский, известный больше под прозвищем Малюты Скуратова, – пономарем; 300 же опричников составляли остальную братию и носили поверх своего платья черные монашеские рясы, а на голове – тафьи.

Отличавшийся большою набожностью, Иоанн вставал с царевичами в четыре часа утра, сам шел на колокольню и начинал благовестить.

Заслышав звон колокола, иноки-опричники, под страхом тяжкого наказания, спешили к заутрене, во время которой царь сам читал Апостол, пел на клиросе и молился так усердно, непрерывно кладя поклоны, что на лбу его зачастую появлялись синяки и ссадины. После заутрени следовала обедня. Отстояв ее,

все шли к общей трапезе; за ней Иоанн читал вслух различные поучения; затем долго беседовали по вопросам о вере, а вечером все опять отправлялись к вечерне. Днем, в промежутке между церковными службами, шли занятия государственными делами, причем подозреваемых в разных преступлениях пытали тут же в застенках. К ночи царь удалялся в свою опочивальню и часто призывал к себе стариков-сказочников, под рассказы которых он засыпал.

Царские опричники, разъезжая по Русской земле, чтобы искоренить измену и крамолу, скоро заслужили, по отзывам многих, своим дерзким и сварливым поведением общую ненависть; по рассказам двух немцев Крузе и Таубе, во многом, впрочем, явно недостоверных, опричники ездили всегда с собачьими головами и с метлами, привязанными к седлам, в ознаменование того, что грызут лиходеев царских и метут Россию.

Вот общее впечатление об опричнине, которое вынесли, по дошедшим о ней сведениям, некоторые исследователи русской жизни, полагавшие, что Иоанн создал ее исключи-

тельно под влиянием страшного озлобления, с тем чтобы, разделив свое государство на две части, одну, опальную земщину, оставить за Боярской думой, а другую взять себе, заповедав ей «оную часть людей насилovati и смерти предавати»; при этом он создал опричнину, по-видимому, по совету своих двух новых приближенных: Василия Юрьева и Алексея Басманова-Плещеева.

При таком взгляде на опричнину она представляется лишенным всякого государственного смысла. Но на самом деле это было не так. Странное учреждение, созданное Иоанном, несомненно, под влиянием сильнейшего болезненного раздражения, тем не менее заключало в себе глубокий смысл. Опричнина была учреждена им в целях ведения строго продуманной и беспощадной борьбы с боярством, сохранившим свои старые удельные притязания; борьба эта имела задачей совершенно уничтожить родовитое боярство и заменить его дворянством, сословием служилых людей, награждаемых государем исключительно за их верную службу.

Если мы припомним, что высказывал

Иван Пересветов в своих записках, поданных государю в 50-х годах, то увидим в учреждении опричнины преемственную связь с его мыслями.

Вернейшее средство сломить силу боярства заключалось, конечно, в сведении его с тех обширных земельных владений, которыми обладали бывшие потомки удельных князей, и притом обладали почти как независимые государи, имея свой двор, многочисленных вооруженных воинов (иногда в несколько тысяч человек) и большое количество поданных слуг, которых они жаловали и наказывали по своему усмотрению, мало считаясь с московским законодательством, обязательным для служилых помещиков и прочего тяглого люда.

Учреждая опричнину, как мы видели, государь отобрал на ее нужды более двадцати городов с волостями, а также часть города Москвы. Вскоре первоначальное число опричников с тысячи человек было увеличено до 6 тысяч. Весь этот люд, большею частью из военно-служилого сословия, или «доверенных капитанов», по выражению англичанина

Горсея, должен был, разумеется, награждаться за свою службу обычным в Московском государстве порядком, то есть получать земли в виде поместий.

Мы видели, что уже в 1550 году, вероятно под влиянием посланий Ивана Пересветова, Иоанн наделил вокруг Москвы тысячу ратных людей поместьями. Теперь, с учреждением опричнины, вошедшие в ее состав лица также награждались поместьями, причем им по большей части давались земельные участки, состоявшие во владении бояр; бояре же эти получали новые наделы, преимущественно на окраинах государства, с населением которых у них не было никаких связей. «Государь, – говорит летописец, – вотчинников и помещиков, которым не быти в опричнине, велел из тех городов вывести и подавати земли велел в то место в иных городах».

Таким образом, отписав первоначально в опричнину двадцать с лишком городов, Иоанн в последующие годы настолько увеличил ее владения, что они обнимали уже добрую половину государства; при этом опричнина захватила как раз те местности, где бы-

ли когда-то расположены владения удельных князей, землями которых обладали теперь их потомки бояре-княжата, в средней части Московского государства; кроме того, в состав опричнины постепенно перешли Поморье, то есть все обширные северные земли до Белого моря, а также города, лежащие на важнейших путях из Москвы: в направлении к Балтийскому морю – Старая Русса с Торговой стороной Великого Новгорода; Можайск и Вязьма – по дороге в Смоленск и Литву; Волхов и Карачев – также на дороге к Литве, и, наконец, среднее течение Волги – от Ярославля до Балахны. Таким образом, опричнина захватила все важнейшие части государства в свои руки, оставя земщине только окраины.

Все земли, переходившие в опричнину, попадали под строгий, непосредственный надзор Грозного царя. Старые владельцы, здесь сидевшие, как мы говорили, наделялись обыкновенно на окраинах новыми земельными участками, а их вотчины делились на поместья военно-служилых людей, причем в них тщательно выводились все бывшие удельные порядки и устанавливалось однооб-

разное для всех московское законодательство.

«Так, – говорит наш известный историк С.Ф. Платонов, – захватив в опричнину старинные удельные владения для испомещения своих новых слуг, Грозный производил там коренные перемены, заменяя остатки удельных переживаний новыми порядками, которые равняли всех перед лицом государя».

Учреждение опричнины достигло своей цели и в корне подорвало высшее боярство; от указанных земельных передвижений оно, конечно, страшно обеднело и лишилось почвы, которую имело в своих наследственных отчинах; борьба московского государя с этим боярством, как мы видели, была необходима, чтобы покончить с пережитками удельного времени, но она обошлась очень дорого; быстрое перераспределение земельных имуществ на огромном пространстве Русской земли повело за собой, разумеется, общее хозяйственное потрясение и вызвало значительное недовольство у большого количества людей; насильственные и дерзкие действия опричников способствовали развитию этого

недовольства в еще более сильной степени; наконец, постоянное противодействие своим распоряжениям и непрекращавшиеся измены и заговоры – все это в высшей степени болезненно действовало на уже подорванного в своем здоровье государя, доводя его временами до полного иступления; придя в себя, он, конечно, как глубоко верующий человек, искренно сокрушался о всем содеянном им, калялся и молился с чрезвычайным усердием, но затем, под влиянием своего страстного нрава, предавался опять кровавым казням или же искал забвения в разгуле.

Такова была причина и ее следствия. Не надо, однако, думать, что Иоанн, создавая ее, имел в виду вызвать разделение и взаимную вражду в государстве. Из дошедших до нас распоряжений того времени мы видим, что правительство вовсе не считало причиной и земщину врагами между собой; наоборот, оно часто предписывало обеим согласные действия по разным вопросам. Так, в одной грамоте 1570 года мы читаем: «Приказал государь о (литовских) рубежах говорити всем бояром, земским и из опришнины... и бояре

обои, земские и из опричнины, о тех рубежах говорили» и пришли к одному общему решению. Точно так же далеко не все жители Московского государства относились враждебно к опричнине, как это принято думать. Купцы в городах, лежавших на великих торговых путях, вовсе не были недовольны, когда они перешли к опричнине. Представители же Английского торгового общества добивались этого перехода как милости. Наконец, богатейшие люди, владевшие обширным земельным пространством у Урала, — Строгановы, также просили о подчинении их опричнине.

Но, несомненно, опричнина возбуждала неудовольствие весьма многих лиц, особенно же среди боярства; вскоре после ее учреждения посланный Сигизмундом-Августом к Иоанну гонцом какой-то Козлов донес королю, что успел склонить всех московских бояр к измене; вследствие этого Сигизмунд-Август отправил через того же Козлова грамоты князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему боярину Челяднину с приглашением перейти в Литву. Грамоты эти попались в руки Иоанна; он приказал составить

от помянутых бояр письмо Сигизмунду в резких выражениях и назначил строжайшее расследование; достаточных улик против Бельского, Мстиславского и Воротынского не было – и они наказаний не понесли, но старый боярин Челяднин был казнен вместе с женой и соумышленниками, князьями Куракиным-Булгаковым, Ряполовским, тремя Ростовскими, Щенятевым, Турунтай-Пронским и казначеем Тютиним.

Стоявший во главе земщины князь Иван Мстиславский дал в 1571 году следующую запись: «Я, князь Иван Мстиславский, Богу, Святым Божиим церквям и всему Православному христианству веры своей не соблюл, государю своему, его детям и его Земле, всему Православному христианству и всей Русской Земле изменил, навел с моими товарищами безбожного Крымского Девлет-Гирея царя...» Нашествие это, как мы увидим, чрезвычайно дорого стоило государству.

Однако Иоанн счел почему-то возможным простить Мстиславского; но последний не переставал заводить крамолу, и в 1574 году государь решил его заменить крещеным татарин-

ном касимовским ханом Симеоном Бекбулатовичем, причем по странной причуде, не выясненной и до настоящего времени, наименовал его царем. «Казнил царь на Москве у Пречистой на площади в Кремле, – говорит по этому поводу летописец, – многих бояр, архимандрита Чудовского, протопопа и всяких чинов людей много, а головы метали под двор Мстиславского. В то же время производил царь Иван Васильевич и посадил царем на Москве Симеона Бекбулатовича и Царским венцом его венчал, а сам назвался Иваном Московским, и вышел из города и жил на Петровке; весь свой чин Царский отдал Симеону, а сам ездил просто, как боярин, в оглоблях, и как приедет к Царю Симеону, ссаживается от Царева места далеко, вместе с боярами». Несмотря, однако, на этот неслыханный почет, Иоанн воли Симеону не давал и сам вел все важнейшие дела, а затем и свел его через два года с Москвы в Тверь, дав ему наименование великого князя Тверского.

Видя, что слово «опричнина» возбуждает много неудовольствия и лишние толки у иностранных государей, Иоанн решил его заме-

нить словом «двор», но по существу она оставалась той же и при новом своем наименовании.

Любопытные наставления давались гонцам, отправлявшимся в Литву; на случай, если их спросят об опричнине, им приказано было говорить: «Мы не знаем Опричнины; кому велит государь жить близко себя, тот и живет близко, а кому далеко, тот далеко. Все люди Божии да Государевы... Если же кто станет спрашивать: для чего государь велел поставить себе двор за городом? – отвечать: для своего Государского прохладу».

Злоупотребляя излишним царским доверием, опричники, усердно искореня боярскую крамолу, позволяли себе, как мы говорили, много насилий и своеволий, а также и оговаривали многих невинных людей, которые делались затем жертвами подозрительности Иоанна.

И вот на защиту этих невинных жертв смело выступил против Грозного царя святитель Филипп, выбранный самим Иоанном на Московскую митрополию, вслед за Афанасием и Германом – преемниками Макария. Фи-

липп происходил из боярского рода Колычевых, родственного с Захарьиными-Юрьевыми-Кошкиными и Шереметевыми.

В молодости своей он состоял при великокняжеском дворе, и Иоанн, будучи еще ребенком, знал его лично. Скоро Филипп, наскучив миром, постригся и, пройдя чрез самое суровое подвижничество в Соловецком монастыре, был поставлен в нем игуменом; в этом звании он быстро стяжал себе известность своими замечательными хозяйственными способностями, и бедная до него обитель, славная до той поры лишь святостью жизни своих иноков и многими чудесами, явленными ее первыми основателями святыми Савватием и Зосимою, быстро пришла в цветущее состояние. В 1566 году государь вызвал Филиппа в Москву и объявил о своем желании видеть его на митрополичьем столе. Последний ответил, что согласен – под условием уничтожения опричнины. Царь разгневался, однако настоял на своем, причем Филипп, принимая новый высокий сан, обязался особой записью: «в опричнину ему и в царский домовый обиход не вступаться, а после поставления, за

опричинну и за царский домовый обиход митрополии не оставлять».

Но, конечно, Филипп не отказался от истинного права русских святителей – печаловаться за несчастных, что не замедлило привести его к полному разрыву с Иоанном. Между ним и царем стали происходить по окончании обедни разговоры вроде следующего:

Филипп. От века не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоих предках не бывало того, что ты творишь; у самих язычников не происходило ничего такого.

Иоанн. Что тебе, чернецу, за дело до наших царских советов? Разве ты не знаешь, что ближние мои встали на меня и хотят меня поглотить? Одно тебе говорю, отче святой, молчи и благослови нас.

Филипп. Я пастырь стада Христова. Наше молчание умножает грехи твоей души и может причинить ей смерть.

Иоанн. Филипп! Не прекословь державе нашей, да не постигнет тебя мой гнев, или сложи свой сан.

Филипп. Не употреблял я ни просьб, ни ходоатаев, ни подкупа, чтобы получить сей сан. Зачем ты лишил меня пустыни? Если каноны для тебя ничего не значат, твори свою волю.

Или:

Филипп. Здесь мы приносим Богу бескровную жертву за спасение мира, а за алтарем безвинно проливается кровь христианская. Ты сам просишь прощения пред Богом; прощай же и других, согрешающих перед тобой.

Иоанн. О, Филипп, нашу ли волю думаешь изменить? Лучше было бы тебе быть единомысленным с нами.

Филипп. Тогда суетна была бы вера наша, напрасны и заповеди Божии о добродетелях. Не о невинно преданных смерти скорблю, они мученики. О тебе скорблю, о твоём спасении пекусь.

Иоанн. Ты противишься нашей державе; посмотрим на твою твердость.

Филипп. Я пришелец на земле, и за истину благочестия готов потерпеть и лишение сана и всякие муки.

28 июля 1568 года Филипп служил в Новодевичьем монастыре, куда прибыл и Иоанн

с опричниками, причем один из них был в тафье. Возмущенный святитель сказал об этом государю, но опричник успел уже спрятать тафью, а Иоанна уверили, что Филипп это выдумал, что, конечно, опять до крайности раздражило первого. А между тем многочисленные враги Филиппа среди опричников нашли себе союзников и в духовенстве, причем хитрый царский духовник Евстафий был в их числе; скоро преемник Филиппа в Соловецком монастыре, игумен Паисий, прислал на него донос, и святителя предали духовному суду. Филипп не оправдывался на клеветы, которые возводил на него Паисий с неслыханной дерзостью, а только тихо сказал ему, что злое сеяние не принесет ему вожделенно-го плода. Затем он снял с себя белый клобук и мантию и вместе с жезлом хотел передать их царю, но Иоанн принудил его взять их обратно и приказал служить еще обедню 8 ноября, в праздник Михаила-архангела.

В этот день во время службы в Успенский собор явился боярин Алексей Басманов с толпой опричников; он громко прочел приговор церковного суда, по которому Филипп лишал-

ся пастырского сана, а затем опричники с бесчестием вывели святителя из церкви и, посадив на сани, отвезли в обитель Святого Николая Старого, на берегу Москвы-реки. Толпы народа бежали за Филиппом, проливая слезы. Через восемь дней его перевели в тверской Отроч монастырь. Общепринято думать, что Филипп был задушен через год в этом монастыре свирепым Малютою Скуратовым; в Музее императора Александра III в Санкт-Петербурге имеется превосходная картина нашего выдающегося художника Новосельцева, где изображено, как Филипп в виде ветхого старца молится в своей келье, в которую входит, чтобы его задушить, Малюта Скуратов. Но, по видимому, эта картина не отвечает действительности; на всех древних иконах Филипп изображен нестарым человеком, значительно моложе святителей Петра, Алексия и Ионы, с темной окладистой бородой без седины; «святой Филипп-митрополит – рус, борода кругла, исчерна», – сказано в описании его изображения на тройном складне московских чудотворцев; имеются также известия, по которым Филипп был отправлен в Александров-

скую слободу и уже там замучен. Во всяком случае, вполне достоверно одно, что Филипп постоянно печаловался за осужденных, неустрашимо высказывал Иоанну порицание за его жестокости и образ жизни и за все это перенес страдание. Православная церковь причислила его к лику святых.

Место Филиппа заступил троицкий архимандрит Кирилл, человек добрый, но слабый.

Подвергая коренному пересмотру боярское землевладение, Иоанн не оставил сидеть на месте и двоюродного своего брата князя Владимира Андреевича: взамен Старицы и Вереи он дал ему в удел Дмитров и Звенигород. По одному иностранному известию, Владимир Андреевич замышлял поддаться в 1568 году Сигизмунду-Августу, но это ему не удалось; по-видимому, он погиб в начале 1569 года, хотя достоверных сведений и подробностей о его смерти не имеется.

В том же 1569 году страшный царский гнев обрушился и на Великий Новгород. Иоанн получил донос от некоего Петра Волынца, что новгородцы во главе с архиепископом Пименом и лучшими людьми хотят передаться

польскому королю, с которым мы были в войне, причем грамота об этом уже написана и положена за образом Богоматери в Софийском соборе. Чтобы удостовериться в справедливости полученного доноса, Иоанн послал доверенного человека с Волынцем в Новгород; грамота действительно была найдена в указанном месте, и подписи архиепископа Пимена и других лучших людей были признаны подлинными.

Это привело Иоанна в неопишемую ярость. Он лично выступил в поход в конце 1569 года из Александровской слободы, решив предать огню, мечу и пожару всех жителей виновной области; разгром начался уже с Клина, причем особенно пострадала Тверь.

2 января 1570 года передний царский отряд подошел к Новгороду и окружил его со всех сторон, чтобы никто не мог бежать. Затем начались страшные пытки, казни и убийства; множество священнослужителей было поставлено на так называемый правожзыскание, накладываемое на неисправных должников[17]. Сам Иоанн со старшим сыном

расположился на Городище. Игуменов и монахов, стоявших на правее, он приказал избить до смерти палками и развести по монастырям для погребения. Прибыв в воскресенье в кремль у Святой Софии, чтобы отслушать обедню, царь отстранил протянутый ему владыкой крест и грозно сказал Пимену: «Ты, злочестивый, держишь в руке не крест, а оружие, и этим оружием хочешь уязвить наше сердце со своими единомышленниками, здешними горожанами, хочешь нашу отчину, этот великий богоспасаемый Новгород, предать иноплеменникам, литовскому королю Сигизмунду-Августу; с этих пор ты не пастырь и не учитель, но волк, хищник, губитель, изменник нашей царской багряницы и венцу досадитель». После обедни, во время стола в архиерейском доме, Пимен по приказу Иоанна был отдан под стражу, а все его имущество взято в казну. Затем начался суд над новгородцами под непосредственным надзором самого царя. Их по очереди приводили к нему, пытали, жгли какою-то, по словам летописца, «составною мудростью огненной – поджаром», а затем лишали жизни,

сбрасывая в воду вместе с женами и детьми; боярские дети и стрельцы ездили в лодках по Волхову и кололи рогатинами и копьями всех выплывающих, чтобы никто не мог спастись. Вслед за этими казнями, от которых погибло, по-видимому, около 1500 человек, Иоанн приказал предать полному разгрому все местности вокруг города, причем уничтожалось не только имущество, но также и домашний скот.

13 февраля 1570 года Иоанн объявил оставшимся в живых новгородцам, что снимает с них опалу, а взыщет только с Пимена и его злых советников, после чего покинул город, направляясь во Псков.

Псковичи в трепете ожидали такой же участи, какая постигла Новгород, так как и они были обвинены в желании поддаться Сигизмунду-Августу. По совету своего наместника, князя Токмакова, при въезде Иоанна в город все жители встретили его хлебом-солью, каждый перед своим домом, стоя на коленях со всей семьей. Это, по-видимому, смягчило Грозного. Предание говорит, что после въезда в город Иоанн посетил юродивого Николая

Салоса, который предложил ему, несмотря на пост, кусок сырого мяса, укоряя в кровожадности и предсказывая великие несчастья, если он не пощадит жителей.

Приказав взять лучшие вещи в храмах, а также захватить имущество у псковских граждан и отобрать монастырскую казну, Иоанн чрез несколько дней покинул Псков и вернулся в Москву, где немедленно же началось следственное дело о новгородской измене.

Дело это для нас, к сожалению, не дошло, а осталась только запись о нем в переписной книге Посольского приказа, приведенная Н.М. Карамзиным в «Истории государства Российского»: «Статейный список из сыскного из изменного дела 78 (1570) году на ноугородцкого архиепископа на Пимина и на новгородских диаков, и на подьячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских, и на подьячих, как они ссылалися к Москве с бояры, с Алексеем Басмановым, и с сыном его Феодором, и с казначеем с Микитою Фуниковым, и с печатником с Ив. с Михайловым Висковатого, и с Семеном Василье-

вым сыном Яковля, да с дьяком Васильем Степановым, да с Ондреем Васильевым, да со князем Офонасием Вяземским, о сдаче Вел. Новгорода и Пскова, что архиеп. Пимин хотел с ними Новгород и Псков отдать литов. Королю: а царя и в. кн. Ив. Вас. вся Русь хотели злым умышлением извести, а на государство посадить кн. Володимера Ондреевича, в том деле с пыток про ту измену на новгородского архиепископа Пимина и на его советников и на себя говорили, и в том деле многие казнены смертью, разными казнями, а иные разосланы по тюрьмам; а до кого дело не дошло, и те с вобожены, а иные и пожалованы. Да тут же список, кого казнити смертью, и какою казнию и кого отпустить...» Казнены были князь Петр Серебряный-Оболенский, Висковатый, Фуников-Карцов, Очин-Плещеев, Иван Воронцов и многие другие; в том числе были лишены жизни и любимцы Иоанновы – столпы опричнины – Алексей Басманов и князь Вяземский; очевидно, царь, желая быть вполне беспристрастным, не пожалел и их; но 180 человек были прощены; архиепископ же Пимен, вероятно из уважения к его сану, был

только сослан в Венев. Так окончилось страшное Новгородское дело.

Некоторые высказывают предположение, что Петр Волынец сам сочинил грамоту о передаче Новгорода Литве, очень искусно подделав подписи Пимена и других лиц, и затем сам же спрятал ее за образ Богоматери. Решить этот вопрос в настоящее время не представляется никакой возможности; во всяком случае несомненно одно: Иоанн был вполне убежден в полной достоверности заговора; это ясно видно из наказа его князьям Канбарову и Мещерскому, отправленным в том же 1570 году заключить перемирие с Литвой. Им приказано было отвечать панам, если они спросят про Новгородское дело: «О котором лихом деле вы с государскими изменниками лазучеством ссылались, Бог ту измену государю нашему объявил, потому над изменниками так и случилось; нелепо было это и затевать: когда князь Семен-Лугвений (сын Ольгерда и отец доблестного князя Юрия Мстиславского, славного предводителя смоленских дружин в битве на Зеленом поле) и князь Михайло Олелькович в Новгороде были, и тогда Литва

Новгорода не умела удержатъ; а чего удержатъ не умеем, зачем на то и посягать? Если спросят: за что государь ваш казнил казначея Фуникова, печатника Висковатого, дьяков, детей боярских и подьячих многих? – отвечать: о чем государский изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государскими изменниками ссылались, о том Бог нашему государю объявил; потому они и казнены, а кровь их взыщется на тех, которые такие дела лукавством делали, а Новгороду и Пскову за Литвой быть не пригоже».

Из этого наказа совершенно ясно видно, что Иоанн был вполне убежден в измене Пимена и его соумышленников; в таком же случае казнь являлась совершенно заслуженной карой для виновных, и Иоанн следовал в этом отношении примерам своих предшественников – Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо, деда – Иоанна III и отца – Василия III, с той, однако, разницей, что предшественники эти во всем соблюдали чувство меры и казнили только действительно виновных; Грозный же, как мы говорили, в порывах своей ярости часто губил и невинных людей, в

чем постоянно горько каялся, когда приходил в себя, как свидетельствуют об этом поминальные записи, или синодики, оставшиеся от него в разных монастырях, для вечного поминовения имен казненных им людей; при этом когда он этих имен не знал или не помнил, то означал просто числом: «Семнадцать человек, четырнадцать человек, шездесять дву человек» и так далее.

Знакомясь с порой казней при Иоанне Грозном, не надо забывать, что нравы XVI века во всей Европе во многом отличались от тех, среди которых мы живем в настоящее время. Карл Смелый, герцог Бургундский, живший несколько раньше Грозного, и Людовик XI Французский, которого мы уже упоминали, совершили не менее кровавые, чем новгородский, разгромы городов Льеж и Аррас за измену их жителей; так же беспощадно жесток в борьбе с своим дворянством был известный король Датский и Шведский Христиан II, умерший за несколько лет до рождения царя Иоанна Васильевича. Современниками же Грозного были, между прочим, Карл IX, король Французский, устроивший в Париже по

совету своей матери, Екатерины Медичи, знаменитую Варфоломеевскую ночь в 1572 году, когда католики неожиданно напали на спящих в своих домах лютеран, носивших прозвание гугенотов, и беспощадно всех перебили; сын и преемник Густава Вазы, шведский король Эрик XIV, проявивший по примеру Христиана II в своей борьбе со шведской знатью нисколько не меньше жестокости, чем Иоанн; уже знакомый нам Генрих VIII, король Английский, не останавливавшийся перед казнью своих собственных жен, которых у него было несколько; наконец, дочь этого Генриха, знаменитая приятельница Грозного, английская королева Елизавета, унаследовавшая от отца его жестокость. «Чиновники королевы Елизаветы, – говорит известный историк Шлоссер, – действовали в 1570–1572 годах так, что запутали в дело (о мятеже) всех богатей и помещиков севера и запада Англии, чтобы обогатить государственную казну; число казненных католиков простиралось до 800, и в целом округе, на шестьдесят английских миль длины и на сорок ширины, не имелось местности, где не было бы кого-нибудь пове-

шено». Та же Елизавета не задумалась подписать смертный приговор своей красивой сопернице, попавшейся в ее руки, королеве Шотландской Марии Стюарт, причем сделала это, по словам Шлоссера, «с отвратительным лицемерием». Предшественница Елизаветы – королева Мария Тюдор и ее муж, король Филипп II Испанский, так ласково принимавшие нашего посла Иосифа Непею, были тоже весьма жестокими людьми; достаточно вспомнить, что Мария Тюдор, не стесняясь, рубила головы своим личным врагам, а Филипп для подавления восстания протестантов в Нидерландах отправил туда с неограниченными полномочиями свирепого герцога Альбу, который учредил знаменитый верховный Кровавый совет, приговоривший 18 тысяч человек к смертной казни.

Поэтому Иоанн Грозный вовсе не представлял разительного исключения среди своих современников. «Дай Бог, – писал английский путешественник Ченслер, посетивший Россию, про казни Иоанна, – чтобы и наших упорных мятежников можно было бы таким же образом научить их обязанностям по отно-

шению к государю».

Когда император Максимилиан II сообщил Иоанну о Варфоломеевской ночи, то государь отвечал ему, и, надо думать, вполне искренно: «Ты, брат наш дражайший, скорбишь о кровопролитии, что у Французского короля в его королевстве несколько тысяч перебито вместе и с грудными младенцами: христианским государям пригоже скорбеть, что такое бесчеловечие Французский король над стольким народом учинил и столько крови без ума пролил». Папа же Григорий XIII, узнав, что во время Варфоломеевской ночи погибло множество ненавистных ему протестантов, устроил на радостях великолепное ночное освещение Рима (иллюминацию) и приказал выбить по этому поводу медаль.

Не надо забывать также, что многие рассказы о жестокостях Грозного, как мы уже говорили, явно преувеличены. Так, англичанин Горсей, очевидно по слухам, рассказывает, что в Новгороде было убито 70 тысяч человек, какого числа жителей в нем, конечно, и не было; в синодике Иоанна точно сказано: «Помяни, Господи, души рабов твоих, числом

1500 жителей сего города (Новгорода)». Нельзя допустить, чтобы царь, вообще отличавшийся большой правдивостью и набожностью, стал лгать перед Богом.

Во всяком случае, Иоанн прибегал к казням в твердом убеждении, что он наказывает ими измену, и основанием всех его поступков была всегда борьба всеми своими силами за единство и процветание Русской земли. Поэтому, несмотря на жестокие казни, многие русские люди продолжали быть ему беспредельно преданными. Отправленный Иоанном в 1575 году послом к императору Максимилиану князь Сугорский сильно занемог в пути и все время говорил: «Если бы я мог подняться... Жизнь моя ничто, только бы государь наш здравствовал». – «Как вы можете так усердно служить такому тирану?» – спросили его. На это Сугорский отвечал: «Мы, русские, преданы царям и милосердным, и жестоким». «Напрасно Курбский, – говорит Валишевский, – старался представить Иоанна гонителем, «угнетателем невинности»; народное творчество приписало ему совсем иное значение; он был и остается доселе государем, кото-

рый искоренял крамолу из Русской земли».

Весьма любопытны переписка Грозного с Елизаветой Английской и единственное дошедшее до нас его духовное завещание, написанное им в 1572 году; как переписка с Елизаветой, так и завещание ярко рисуют душевное состояние Иоанна.

Царь писал Елизавете, чтобы она дала ему убежище в Англии, если он будет изгнан из Отечества; на это умная королева отвечала, что если когда-нибудь ее дорогой брат, великий император и великий князь, будет в такой крайности, то она примет его со всей семьей с великой радостью и честью, в чем и дает свое слово христианского венценосца.

В завещании 1572 года государь, едва достигший 42-летнего возраста, писал: «Тело изнемогло, болезнует дух, струпы душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы меня исцелил; ждал я, кто бы со мной поскорбел, – и нет никого, утешающих я не сыскал, воздали мне злом за добро, ненавистью за любовь». Далее царь высказывает убеждение, что он не прочен на царствовании также, как и его сыновья, и что им, весьма веро-

ятно, предстоит изгнание и долгое скитание по чужим странам. При этом, сознавая, без сомнения, свою страшную вспыльчивость, граничившую порой с безумием, он заповедовал сыновьям: «Людей, которые вам прямо служат, жалуйте и любите... а которые лихи, и вы бы на тех опалы клали не скоро, по рассуждении, не яростию...»

Но сам Грозный не был в силах следовать последнему завету, и казни по разным поводам продолжались вплоть до 1576 года, причем весьма дурное влияние на него имел в этом отношении голландский врач Елисей Бомелий, постоянно возбуждавший подозрительного царя против кого-нибудь, пока сам не подвергся казни, уличенный в сношениях с Польшей. За последние восемь лет жизни Иоанна сведений о казнях не имеется, хотя он продолжал оставаться таким же озлобленным и угрюмым, одинаково скорым на гнев и опалы. Этому мрачному душевному состоянию, помимо очерченной выше борьбы с крамолой, способствовали во многом, как мы говорили, и неудачи в семейной жизни.

Брак его с Марией Темрюковной не был

счастлив, и через семь лет после его заключения Иоанн все еще вспоминал царицу Анастасию и в память ее посылал богатые вклады в Афонские монастыри. Мария умерла в 1569 году; бояре, дворяне и приказные люди надели «смирненное платье», или траур (шубы бархатные и камлотовые без золота); всюду служились панихиды и раздавались богатые милостыни нищим. В 1571 году государь выбрал себе в жены Марфу Собакину, дочь новгородского купца, но она скончалась, не прожив и месяца. Тогда он женился в начале 1572 года, вопреки церковному уставу, в четвертый раз – на Анне Колтовской. Для объяснения своего поступка он собрал духовенство и слезно просил дать ему прощение, причем объяснял, что первых три жены были изведены и отравлены врагами, а что после кончины Марфы Собакиной он много скорбел и хотел постричься, но в силу государственной необходимости и для воспитания малолетних детей дерзнул вступить в четвертый брак. Духовенство решило: ввиду теплого умиления и раскаяния царя простить и разрешить ему этот брак, но наложить епитимию: не вхо-

дить в церковь до Пасхи; на Пасху в церковь войти, но затем стоять год с припадающими, затем стоять год с верными, и только после этого, на следующую Пасху, – причаститься Святых Тайн. Государь прожил с царицей Анной Колтовской три года, после чего она заключилась в монастырь; он же вслед за тем выбрал себе в жены сперва Анну Васильчикову и потом Василису Мелентьеву, с которыми, впрочем, не венчался, а брал только молитву, и, наконец, в 1580 году женился в последний раз на Марии Феодоровне Нагой; от нее у него родился сын Димитрий.

Очертив важные перемены, происшедшие в жизни государя по смерти Анастасии Романовны, вернемся теперь к прерванному рассказу о внешних делах Московского государства; из них, как мы видели, на первом месте стояла борьба за обладание Ливонией, распадом которой хотели воспользоваться и другие европейские державы. Этот распад последовал после похода русских в 1560 году, во время коего был взят Феллин и пленен престарелый магистр ордена Фюрстенберг, отправленный затем в Москву.

Один из крупных владетелей Ливонии – епископ острова Эзель Менниггаузен – тайно вошел в соглашение с датским королем Фридрихом III и продал ему все свои владетельные права на Эзель, после чего уехал в Германию, перешел в лютеранство и женился; Фридрих же Датский передал Эзель брату своему Магнусу, который и занял его своими войсками. Примеру Менниггаузена последовал и ревальский епископ Врангель; он продал свои владетельные права на прилегающие к Ревелю земли тому же Магнусу и тоже уехал в Германию; однако город Ревель и большая часть эстонских дворян тянули более к Швеции, с которой они были связаны лютеранством и выгодами торговли; поэтому они поддались в 1560 году преему нику Густава Вазы Эрику XIV. Против перехода острова Эзель и Ревеля с ближайшими округами в руки Магнуса и шведов сильно восстал заменивший Фюрстенберга Готгард Кетлер; он хотел всю Ливонию целиком передать Литве и быть под ее рукой владетельным князем Ливонским, сложив с себя духовное звание.

Вследствие всех этих противоположных

стремлений в 1562 году Ливония окончательно распалась на следующие пять частей: 1) Ревель с северными округами отошел к Швеции; 2) остров Эзель и часть прилегающего к нему побережья образовали владения герцога Магнуса; 3) средняя часть Ливонии присоединилась к Литве; 4) самые южные ее части – Курляндия и Семигалия – образовали наследственное герцогство, которое получил Кетлер, и 5) северо-восточная часть, с городом Юрьевом, осталась во владении Московского государства.

Конечно, создавшееся таким образом положение дел, при котором лучшие части Ливонии достались не нам, не могло удовлетворить Иоанна. В Польше и в Литве тоже понимали, что из-за этого будет война с Москвой, и на войну эту решались ввиду выгод, которые представляло собой приобретение Ливонии; особенно прельщало поляков большое обилие в ней укрепленных городов и обладание побережьем. «Ливония знаменита своим приморским положением, – говорили поляки в своем изложении причин необходимости ее присоединения, – обилием гаваней; если эта

страна будет принадлежать королю, то ему будет принадлежать и владычество над морем. О пользе иметь гавани в государстве засвидетельствуют все знатные фамилии в Польше: необыкновенно увеличилось благосостояние частных людей с тех пор, как королевство получило во владение прусские гавани, и теперь народ наш немногим европейским народам уступит в роскоши относительно одежды и украшений, в обилии золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманием податей торговых. Кроме этого, как увеличатся могущество, силы королевства чрез присоединение такой обширной страны! Как легко будет тогда управляться с Москвою, как легко будет сдерживать неприятеля, если у короля будет столько крепостей! Но главная причина, заставляющая нас принять Ливонию, состоит в том, что если мы ее отвергнем, то эта славная своими гаванями, городами, крепостями, судоходными реками и плодородием страна перейдет к опасному соседу. Или надобно вести войну против Москвы с постоянством, всеми силами, или заключить честный и выгодный мир; но условия мира не мо-

гут назваться ни честными, ни выгодными, если мы уступим ей Ливонию. Но если мы должны непременно изгнать москвитян из Ливонии, то с какой стати нам не брать Ливонии себе, с какой стати отвергать награду за победу? Вместе с москвитянами должны быть изгнаны и шведы, которых могущество также опасно для нас; но прежде надобно покончить с Москвою».

Конечно, Иоанну, у которого в руках была на морском побережье только одна Нарва, тогда как поляки владели и прусскими гаванями, Ливония была еще более необходима. Желая решить с Сигизмундом-Августом полюбовно вопрос о ней, Иоанн и возымел намерение вступить в 1560 году в брак с его сестрой Екатериной, но, как было уже помянуто, брак этот не состоялся, и Сигизмунд-Август поспешил выдать ее замуж за брата короля Эрика Шведского Иоганна, герцога Финляндского. Вскоре затем начались военные действия между русскими и польско-литовскими войсками, во время которых, однако, шли и пересылки о мире. В течение 1561 и 1562 годов не было решительных столкновений; но в са-

мом конце 1562 года государь собрал значительную рать, около 80 тысяч человек, с большим нарядом, то есть с осадными пушками, и совершенно неожиданно подошел к Полоцку, который был вслед за тем взят нами 15 февраля 1563 года; сидевший в нем польский воевода Довойна и латинский епископ были отсланы в Москву; наемные же королевские воины из иноземцев были щедро одарены Иоанном и отпущены домой; с горожанами он тоже обошелся очень милостиво; однако всех жидов приказал перетопить в Двине.

Радость Грозного по случаю взятия старинной русской вотчины Полоцка была чрезвычайна. Он писал об этом митрополиту: «Исполнилось пророчество Русского угодника, чудотворца Петра митрополита, о граде Москве, что взыдут руки его на плечи врагов его...» Затем он уведомил о своей победе и Девлет-Гирея Крымского, послав ему в дар несколько взятых в плен литовских дворян и богато убранных коней. Царское возвращение из-под Полоцка было обставлено такою же торжественностью, как и возвращение из-под Казани. Воеводами во вновь завоеванном

городе были оставлены князья Петр Шуйский и два Серебряных-Оболенских; им приказано было укрепить его, а также выстроить вокруг несколько небольших крепостей на главнейших путях, творить правый и безволокитный суд жителям и строго следить, чтобы не завелась и измена.

Взятие Полоцка поразило поляков, как громом. Сигизмунд-Август усилил свои тайные сношения с крымским ханом, чтобы навести его на наши границы, и с крамольными московскими боярами, всячески приглашая их к отъезду от Иоанна; в то же время он сносился с Эриком Шведским, побуждая его к союзу против нас, и, наконец, чтобы выиграть время, отправил своих больших послов в Москву для заключения перемирия. Иоанн согласился на перемирие и приказал прекратить военные действия до Успеньева дня. Но затем, убедившись в коварстве Сигизмунда-Августа, не дал согласия на вторичное перемирие до Благовещения 1564 года, а продлил его лишь до зимнего Николая того же 1563 года. «Это ли брата нашего правда, – писал он королю по

поводу перехваченной русскими грамоты его к Эрику, – что ссылается со Шведским на нас; а что он не бережет своей чести, пишется Шведскому братом ровным, то это его дело, хотя бы и водовозу своему назвался братом – в том его воля. А то брата нашего правда ли? К нам пишет, что Лифляндская Земля его вотчина, а к Шведскому пишет, что он вступается за убогих людей, за повоенную и опустошенную Землю; значит, это уже не его Земля! Нас называет беззаконником, а какие в его Землях безбожные беззакония совершаются (распространение лютеранства), о том не думает?..»

Во время перемирия польские послы, приехавшие в Москву, вели с боярами переговоры и о мире. По-видимому, Грозный искренно хотел его, так как уступал королю все бывшие Ливонские владения, лежавшие на левом берегу Западной Двины, и на этом условии соглашался заключить перемирие на долгий срок. Следуя живости своего нрава, царь, вопреки установившемуся веками обычаю, по которому только бояре говорили с послами, вызвал их к себе и начал сам с ними гово-

ритель, доказывая свои права на исконные владения русских государей, отошедшие после татарского нашествия к Литве. При этом Иоанн, укоряя Сигизмунда-Августа в нежелании называть его царем, говорил, что воевать из-за этого не будет, «то его воля, сам он про то знает. А прародители наши ведут свое происхождение от Августа Кесаря, так и мы от своих прародителей на своих государствах Государии... а если брат наш не пишет нас в своих грамотах полным именованием – то нам его описывание не нужно».

Говоря это послам, Иоанн искренно верил в свое родство с римским императором Августом, так как среди московских книжников того времени было распространено мнение, что Рюрик, призванный на княжение в 862 году с братией, был потомком брата Августа – Прусса (в действительности не существовавшего), посаженного Августом на княжение в местности между Вислой и Неманом.

Переговоры с литовскими послами окончились ничем; военные действия возобновились опять, и на этот раз неудачно для русских: близ Орши, где наши воеводы уже одна-

жды потерпели сильнейшее поражение в 1514 году при Василии III, литовский гетман Николай Радзивилл Рыжий произвел внезапное нападение на беспечно двигавшееся русское войско, причем доспехи и вооружение были сложены на санях, и нанес им поражение; наш главный воевода, доблестный князь Петр Иванович Шуйский был убит вместе с двумя князьями Палецкими; воеводы же Плещеев и Охлябинин попались в плен. Но этой второй победой под Оршей поляки воспользовались так же мало, как и первой; во всех остальных местах они встретили со стороны русских отпор, и едва ли не важнейшим ее следствием была измена князя Андрея Курбского, который, как мы видели, заручившись при посредстве Николая Радзивилла согласием на почетный прием в Польше, бежал, оставя при этом на произвол судьбы свою жену и 9-летнего сына.

После Оршинского сражения война Москвы с Литвою продолжалась без решительных действий с обеих сторон, и в 1566 году Сигизмунд-Август опять прислал своих послов для переговоров о мире. Король предлагал Гроз-

ному, чтобы за нами остался Полоцк, часть Ливонии, занятая московскими войсками, при условии, что мы согласимся оставить за Польшею все ее приобретения.

Конечно, это предложение было заманчиво и заставило Иоанна призадуматься над вопросом: вести ли дальше столь тяжелую войну или нет. И вот для его решения государь прибегает к средству, которое испытал уже в ранней молодости: он приказал созвать Земский собор, на котором духовенство, бояре, окольниковы, казначеи, государевы дьяки, дворяне, дети боярские, помещики с литовских границ, гости и лучшие купцы московские и смоленские должны были дать ему совет, мириться ли с королем на предложенных им условиях или нет?

Постановления этого собора замечательны: все высказались безусловно за продолжение войны. Духовенство в своем ответе выразило между прочим: «Велико смирение Государское! Во всем он уступает, уступает королю пять городов в Полоцком повете, по Задвинью уступает верст на 60 и на 70 на сторону, город Озерище, волость Усвятскую, в Ливон-

ской Земле, в Курской Земле (Курляндии), за Двиной 16 городов, да по сю сторону Двины 15 городов Ливонских с их уездами и угодьями, пленных Полочан отпускает без окупы и замены, а своих пленных выкупает: Государская перед королем правда великая! Больше ничего уступить нельзя, пригоже стоять за те города Ливонские, которые король взял в обеганье: Ригу, Венден, Вольмар, Ронненбург, Кокенгаузен и другие города, которые к Государским порубежным городам, Псковским и Юрьевским, подошли; если же не стоять государю за эти города, то они укрепятся за королем, и впредь из них будет разорение церквам, которые за государем в Ливонских городах; да не только Юрьеву, другим городам Ливонским и Пскову будет большая теснота: Великому Новгороду и других городов торговым людям торговля затворится... А в Ливонские города король вступился и держит их за собою не по правде... Когда государь наш на Ливонскую Землю не наступал, то король мог ли хотя один город Ливонский взять? А Ливонская Земля от прародителей, от великого государя Ярослава Владимировича (Мудрого) при-

надлежит нашему государю... И наш совет, что государю нашему от тех городов Ливонских, которые взял король в обереганье, отступить не пригоже, а пригоже за них стоять. А как государю за них стоять, в том его государская воля, как Бог вразумит, а нам должно за него государя Бога молить; а советовать о том нам непригоже...»

Остальные призванные на совет отвечали в том же смысле; помещики же из местностей, пограничных с Ливонией, заявили: «Мы, холопы государские, теперь на конях сидим и за государя с коня попрем... По-нашему: за ливонские города государю стоять крепко, а мы, холопы его, на государево дело готовы».

Царь согласился с мнением собора, и война с королем из-за Ливонии продолжалась. Иоанн прибыл в Новгород и хотел сам выступить в поход, но затем, по совету с воеводами, решено было ограничиться оборонительными действиями. Литовские же войска под начальством гетмана Хоткевича в начале 1568 года осадили небольшую московскую крепостцу Улу, но скоро принуждены были снять осаду. В своем донесении королю по этому по-

воду Хоткевич между прочим говорит:

«Прибывши под неприятельскую крепость Улу, я стоял под нею недели три, промышляя над нею всякими средствами. Видя, что наши простые ратные люди и десятники их трусят, боятся смерти, я велел им идти на приступ ночью, чтобы они не могли видеть, как товарищей их будут убивать, и не боялись бы: но и это не помогло. Другие ротмистры шли хотя и нескоро, однако кое-как волоклись; но простые ратные люди их все попрятались по лесу, по рвам и по берегу речному; несмотря на призыв, увещания, побои (дошло до того, что я собственные руки окровавил), никак не хотели идти к крепости, и чем больше их гнали, тем больше крылись и убегали: вследствие чего ночь и утро прошли безо всякой пользы... Тогда я отрядил немцев, пушкарей и слуг моих (между ними был и Орел-москвич, который перебежал ко мне из крепости): они сделали к стене примет и запалили крепость; но наши ратные люди нисколько им не помогли и даже стрельбою не мешали осажденным гасить огонь. Видя это, я сам сошел с коня и отправился к тому месту, откуда приказал рат-

ным людям двинуться к примету: хотел я им придать духу, хотел или отслужить службу вашей королевской милости, или голову свою отдать; но, к несчастью моему, ни того, ни другого не случилось. После долгих напоминаний, просьб, угроз, побоев, когда ничто не помогло, велел я, татарским обычаем, кидать примет, дерево за деревом. Дело пошло было удачно, но храбрость москвичей и робость наших всему помешали: несколько Москвичей выскочили из крепости и, к стыду нашему, зажгли примет, а наши не только не защитили его, но и разу выстрелить не смели, а потом побежали от шанцев (окопов). Когда я приехал к пушкам, то не только в передних шанцах, но и во вторых и в третьих не нашел пехоты, кроме нескольких ротмистров, так что принужден был спешить четыре конных роты и заставить стеречь пушки, ибо на пехоту не было никакой надежды».

Конечно, при таком отсутствии доблести в польско-литовских войсках у Сигизмунда-Августа пропала охота воевать; Иоанн ввиду страшного напряжения всех сил государства, истощенного столькими войнами, тоже был

не прочь помириться; поэтому вновь начались пересылки о мире.

Этим пересылкам о мире очень обрадовались поляки ввиду тревожного состояния здоровья бездетного короля Сигизмунда-Августа. Прибывший из Польши гонец для получения опасной грамоты большим послам, передавая государю на торжественном приеме поклон от короля, назвал Иоанна царем, а затем объявил боярам, что паны радные велели это сделать, чтобы оказать ему почести.

Затем, в 1570 году, приехали и большие послы литовские. Они испросили разрешение переговорить непосредственно с государем и высказали Иоанну, что теперь ему особенно выгодно заключить мир, так как: «Рады государя нашего короны Польской и великого княжества Литовского советовались вместе о том, что у государя нашего детей нет, и если Господь Бог государя нашего с этого света возьмет, то обе рады... желают избрать себе государя из Славянского рода по воле, а не в неволю и склоняются к тебе, великому Государю, и к твоему потомству».

Эта речь весьма замечательна: она пока-

зывает нам, что в умах лучшей части польско-литовских панов уже в то время ясно созрела мысль о необходимости соединения славянских государств под единою властью; показывает она также, что, несмотря на казни и опричнину Грозного царя, вольнолюбивые польско-литовские папы тем не менее желали иметь его своим государем. Иоанн отвечал послам: «И прежде этого слухи у нас были; у нас Божиим милосердием и прародителей наших молитвами государево наше и без того полно, и нам вашего для чего хотеть? Но если вы нас хотите, то вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели боярам своим с вами говорить, чтобы христианство было в покое...»

Вслед за тем было заключено перемирие на три года; по условиям его обе стороны остались при том, чем владели; в течение этих трех лет должны были вестись и переговоры о мире. Послам нашим, отправленным в Литву для подтверждения перемирия, между прочим наказывалось: «Если король умрет и на его место посадят государя из иного государства, то с ним перемирия не подтвер-

ждать, а требовать, чтобы он отправил послов в Москву. А если на королевство сядет кто-нибудь из панов радных, то послам на двор не ездить; а если силою заставят ехать и велят быть на посольстве, то послам, вошедши в избу, – сесть; а поклона и посольства не править, сказать: „Это наш брат: к такому мы не присланы; государю нашему с холопом, с нашим братом, не приходится через нас, великих послов, ссылатся“».

Послы наши доносили государю: «Из Вильны все дела король вывез, не прочит вперед себе Вильны, говорит: куда пошел Полоцк, туда и Вильне ехать за ним; Вильна местом и приступом Полоцка не крепче, а московские люди к чему приступятся, оттого не отступятся». Доносили они также, что обе рады – Литовская и Польская – хотят видеть на королевстве Иоанна, так как царь-государь – воинственный и сильный, может от турецкого султана и от всех земель оборонять и прибавление государствам своим сделать... «В Варшаве говорят, что, кроме московского государя, другого государя не искать; говорят, паны уже и платья заказывают по московскому

обычаю, и многие уже носят; а в королевнину казну собирают бархату и камку на платья по московскому же обычаю; королевне (некрасивой незамужней сестре Сигизмунда-Августа и Екатерины – Анне) очень хочется быть за государем царем».

Иоанн, конечно, милостиво принял эти донесения и в то же время деятельно напрягал все свои усилия, чтобы приобрести власть над Ливонией, что было для него самым важным делом. При этом, убедившись в большой трудности окончательно присоединить ее к Москве, ему пришла мысль, может быть, и по совету двух пленных ливонских дворян – Иоанна Таубе и Эккерта Крузе, умевших войти в его доверие, – дать Ливонии немецкого государя с тем, чтобы он был подручником Москвы. Выбор Иоанна пал предварительно на бывшего ливонского магистра – старца Фюрстенберга, проживавшего в наших владениях, но Фюрстенберг, собираясь отправиться в Ливонию, умер. Тогда вместо него Таубе и Крузе стали указывать Иоанну на двух лиц: на Кетлера, герцога Курляндского, и на герцога Магнуса, владельца острова Эзель. Таубе и

Крузе отправились в Юрьев и оттуда от имени царя сделали предложение Кетлеру; но Кетлер отказался, конечно, ввиду своих добрых отношений с польским королем, который был очень встревожен намерением Иоанна восстановить Ливонию под верховной властью Москвы. Тогда они обратились к Магнусу. Магнус согласился, приехал в 1570 году в Москву, удостоился торжественной встречи, был объявлен королем Ливонии и вместе с тем был объявлен женихом двоюродной племянницы Грозного – княжны Евфимии, дочери казненного около этого времени князя Владимира Андреевича Старицкого.

Новопоставленный король Магнус дал присягу в верности московскому государю, причем между ними был заключен договор, в число условий которого входило, что для завоевания Магнусом тех городов, которые не захотят поддаться ему добровольно, Иоанн высылает Магнусу свои войска, и последний ими начальствует совместно с московскими воеводами.

На основании этого договора военные действия должны были вновь начаться в Ливо-

нии; при этом, так как с Литвой и Польшей у нас было перемирие, то усилия Магнуса должны были быть направлены против Ревеля, перешедшего, как мы видели, к шведскому королю. Последнее привело нас к войне со шведами, чего Иоанн до сих пор избегал, не желая, с одной стороны, воевать одновременно с Литвой, Польшей и Швецией, а с другой – в силу отношений, установившихся между ним и шведским королем Эриком.

Первоначально эти отношения, когда Эрик вступил в 1560 году на престол после отца своего Густава Вазы, были не особенно дружескими; молодой король находил для себя унизительным иметь право сноситься только с новгородскими наместниками, а не непосредственно с московским государем и просил об изменении этих отношений, причем, чтобы сделать Иоанна более уступчивым, послал ему объявить, что поляки и датчане угрожают ему заключить с ними союз и начать войну с Москвой из-за Ливонии. Несмотря на это, московские бояре отвечали шведским вельможам: «Того себе в мыслях не держите, что государю нашему прародительские

старинные обычаи порушить, грамоты перемирные переиначить; Густав король таким же гордостным обычаем, как и государь ваш теперь с молодости помыслил, захотел было того же, чтобы ему ссылатся с государем нашим, и за эту гордость свою сколько невинной крови людей своих пролил и сколько земле своей запустенья причинил? Да то был человек разумный: грехом проступил, и за свою проступку великими своими и разумными людьми мог и челом добить; а вашего разума рассудить не можем: с чего это вы такую высьость начали?.. Нам кажется, что или король у вас очень молод, или старые люди все извелись, и советуется он с молодыми: по такому совету и такие слова...»

Получив этот ответ, Эрик принял очень дурно послов новгородских наместников, которые доносили: «От короля нам было великое бесчестие и убыток; в Выборге нас речами бесчестили и бранили, корму не дали и своих запасов из судов взять не дали ж, весь день сидели мы взаперти, не евши». Когда послы приехали в Швецию, им отвели помещение без печей и лавок и заставили идти пешком к

королю, который был с ними очень груб, а на обед поставили скромное кушанье, несмотря на постный день.

Скоро, однако, отношения Иоанна и Эрика улучшились. Мы говорили уже, что последний, подобно Иоанну, должен был вести жестокую борьбу со шведской знатью, а также и с родными братьями своими, из которых Иоганн, герцог Финляндский, женился на Екатерине, сестре Сигизмунда-Августа, той самой, руки которой добивался получить и Грозный царь. Иоганн Финляндский, породнившись с польским королем, стал всецело на его сторону и настаивал, чтобы старший брат уступил Польше все занятые шведами местности в Ливонии, вместе с городом Ревелем.

Эрик, конечно, на это не соглашался, и между братьями не замедлила возникнуть усобица, причем Иоганн поднял всю Финляндию и обратился за помощью к Польше и подвластной ей Пруссии; однако войска Эрика осадили его в городе Або, а затем, взяв в плен, привезли вместе с женой в Швецию, где он тотчас же был посажен в тюрьму и пригово-

рен государственными чинами к смертной казни. Эрик не решился казнить брата вопреки советам близких себе людей, но затем стал все время колебаться между страхом братоубийства и раскаянием, что он не казнил его, скоро у короля начали ясно обнаруживаться признаки безумия, что не мешало ему, однако, ревностно заниматься государственными делами. Враждуя с Польшей, Эрик, естественно, стал искать сближения с Москвой, тоже с ней воевавшей, и между ним и Грозным не замедлила возникнуть дружеская пересылка, причем царь Иоанн, по странной причуде, настаивал, чтобы Эрик непременно выдал ему и прислал в Москву жену заключенного брата Иоганна Екатерину, за что государь уступал ему Эстонию и обещал помощь в других делах.

Эрик вначале был удивлен необычайной просьбой Иоанна, но затем согласился выдать ему Екатерину, страстно любившую своего мужа; когда ей предложили разлучиться с ним, то она наотрез отказалась и показала свое кольцо с надписью: «Ничто, кроме смерти». Соглашаясь на выдачу Екатерины, Эрик

просил Иоанна, в случае надобности, дать ему убежище в Московской земле, так как чувствовал себя крайне непрочно в Швеции. Однако выдача Екатерины не состоялась. В припадке сумасшествия Эрик неожиданно освободил брата Иоганна из темницы, так как ему показалось, что он сам находится в заключении, а царствует Иоганн; после этого в сентябре 1568 года в Швеции вспыхнуло восстание, окончившееся низложением Эрика, причем на престол взошел тот же Иоганн. Конечно, между новым шведским королем и московским государем не могло быть дружеских отношений, и последние скоро перешли в открытую неприязнь, когда к Ревелю, занятому шведами, подошел Магнус с 25-тысячной русской ратью, при которой находились знакомые нам Таубе и Крузе, уверявшие Магнуса и Иоанна, что взятие этого города будет весьма легким делом. В действительности же это оказалось совершенно не так: Магнус простоял под Ревелем 30 недель и не мог ничего с ним сделать, так как стены города были очень крепки, а жители отлично снабжены всем необходимым при посредстве шведского

флота.

Эта неудача Магнуса вызвала опасение Таубе и Крузе за свою собственную судьбу; боясь царского гнева за легкомысленный совет приступить к осаде Ревеля, они начали тайно сношаться с Сигизмундом-Августом, обещая ему овладеть Юрьевом с помощью предательства начальника немецкой дружины Розена, находившейся в последнем городе на русской службе. Сигизмунд-Август согласился, и изменник Розен напал в воскресный день на русскую стражу; затем он отворил юрьевскую тюрьму, выпустил из нее заключенных, вооружил их и хотел захватить город. Однако дальнейшего успеха он не имел; горожане в ужасе заперлись в своих домах, а русские дети боярские и стрельцы выгнали немецких солдат Розена из Юрьева. Видя неудачу заговора, Таубе и Крузе бежали к Сигизмунду-Августу, который ласково их принял.

Напуганный всеми этими происшествиями, Магнус также поспешил уйти к себе на остров Эзель. Но Иоанн не переменил к нему своей милости и вызвал в Москву; а когда княжна Евфимия, его невеста, скончалась, то

предложил ему руку ее младшей сестры – Марии Владимировны.

Поведение Сигизмунда-Августа в момент попытки наших предателей Таубе, Крузе и Розена к захвату Юрьева ясно показывало, что, несмотря на заключенное перемирие, он по-прежнему не упускает случая вредить нам. Стараясь всеми силами отрезать нас от моря и прекратить морскую нашу торговлю и через Нарву, Сигизмунд-Август писал по этому поводу Елизавете Английской: «Московский государь ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву: ибо сюда привозятся не только товары, но и оружие, до сих пор никому неизвестное, привозятся не только произведения художеств, но приезжают и сами художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех. Вашему величеству небезызвестны силы этого врага и власть, какою он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств. Но если нарвская тор-

говля будет продолжаться, то что будет ему неизвестно?» Конечно, Елизавета не обратила никакого внимания на это письмо короля, но оно весьма замечательно, так как ясно показывает нам, насколько необходимо было для Москвы морское побережье и европейские науки и искусства и как враги наши всеми силами не хотели допустить к нам ни того ни другого.

Чтобы отвлечь Иоанна от Ливонии, Сигизмунд-Август не переставал натравлять на нас и крымского хана. Но мы видели, что набег Девлет-Гирея на Рязанскую область, предпринятый в 1564 году, вскоре после измены Курбского, окончился полной неудачей благодаря мужеству Алексея и Феодора Басмановых и епископа Филофея; в 1565 году Девлет-Гирей подступил внезапно к Волхову и был опять отражен нашими воеводами.

Несмотря на такие разбойнические нападения, Иоанн находил нужным поддерживать с Крымом сношения, и московский большой посол Афанасий Нагой несколько лет прожил в Крыму, терпя там крупные невзгоды, в надежде заключить с этими хищника-

ми прочный мир, необходимый нам, чтобы иметь вполне развязанными руки в борьбе за Ливонию. Живя в Крымской Орде и ведя нескончаемые препирательства с ханскими вельможами из-за требований поминков, умный Нагой следил оттуда и за действиями турок, которые не могли помириться с тем, что два магометанских царства – Казанское и Астраханское – достались Москве.

Еще в 1567 году султан Сулейман II соби-рался послать свое войско к нижней Волге че-рез южные степи. Девлет-Гирей, опасаясь, что вследствие этого похода еще более увеличит-ся зависимость Крыма от турок, отговорил от него Сулеймана, который вскоре затем умер. Но султан Селим, преемник Сулеймана, ре-шил совершить поход, задуманный отцом, и весной 1569 года в Кафу пришло на судах 17 тысяч турецкого войска; сопровождаемое 50 тысячами крымцев, оно должно было идти по Дону, до Переволоки, а оттуда начать строить канал к Волге, по которому затем спуститься к Астрахани и взять ее или же основать в ее близости крепость. На одном из турецких су-дов, везших по Дону пушки, в числе гребцов

находился Семен Мальцев, отправленный из Москвы послом к ногаям, но захваченный в плен по дороге. Доблестный Мальцев скрыл царский наказ, который он вез, в дереве и сдался в плен, уже полумертвый от ран; турки приковали его к пушке и затем ежечасно грозили смертью.

«Каких бед и скорбей не потерпел я от Кафы до Переволоки! – писал Мальцев. – Жизнь свою на каторге (гребном судне) мучил, а государственное имя возносил выше великого царя Константина. Шли каторги до Переволоки пять недель, шли турки с великим страхом и живот свой отчаяли; которые были янычары из христиан, греки и волохи, дивились, что государевых людей и казаков на Дону не было... хотя бы казаков было 2000 и они бы нас руками побрали; такие на Дону крепости (природные преграды) и мели».

Замысел Селима окончился полной неудачей; приступив к прорытию канала, турки тотчас же убедились, что это предприятие, ввиду невероятной трудности, им совершенно не под силу, и скоро в их войсках поднялся

ропот. Девлет-Гирей советовал турецкому папе Касиму вернуться назад, но Касим, бросив работы, пошел к Астрахани, предполагая зимовать под ней; однако турки, испуганные наступлением суровой зимы, для них непривычной, и слухами о приближении большой русской рати, искусно распускаемыми доблестным Семеном Мальцевым, подняли открытый бунт и вынудили Касима с Девлет-Гиреем побежать назад.

Несмотря на эту неудачу, Селим продолжал питать неприязненные замыслы против Москвы, хотя Иоанн, желая направить все свои силы на борьбу за Ливонию, и отправил к нему посольство с поздравлением по случаю вступления на престол. Особенно гневался султан Селим на Иоанна, что последний посылал московских ратных людей на помощь своему тестю князю Темрюку Черкасскому против кабардинцев, бывших под рукою султана, а также и за то, что царь велел поставить на Тереке русский город для утверждения здесь своего влияния.

Такое явное недоброжелательство султана заставляло московских людей зорко следить

за южной границей в ожидании нового набега крымцев. В течение всего 1570 года Девлет-Гирей не появлялся. Весною же 1571 года в Москву пришли тревожные вести о его наступлении; главные наши воеводы с 50 тысячами человек выступили к «берегу», а царь с опричниной двинулся в Серпухов. Хан действительно шел на Москву со 120 тысячами человек, причем какие-то изменники, боярские дети, провели его незаметно для русских войск через Оку; тогда воеводы наши быстро отступили к Москве и заняли ее предместья, а царь, отрезанный от главных своих сил, отправился на север для сбора войск, обвиняя бояр, что они пропустили беспрепятственно татар чрез Оку. Действительно, как мы видели, князь Мстиславский, стоявший во главе земщины, сам покаялся в том, что он навел крымцев.

Татары подошли 24 мая к Москве и беспрепятственно зажгли предместья: поднялся страшный пожар, уничтоживший в три часа весь город. Уцелел только один каменный Кремль. Народу же и войск сторело, по известию иностранцев, до 800 тысяч человек, оче-

видно, потому, что при наступлении татар все жители окрестных местностей спешили в великом множестве к Москве; первый боярин, князь Иван Бельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребе; погибло множество других князей и княгинь; мертвых тел было столько, что Москва-река не могла их пронести по течению. Забрав огромную добычу и до 150 тысяч пленных, Девлет-Гирей поспешил уйти, услышав о приближении сильного русского войска, но послал с дороги Иоанну грамоту, в которой хвастался своей победой и требовал возвращения Казани и Астрахани.

«Жгу и пустошу все из-за Казани и Астрахани, – писал Девлет-Гирей, – а всего света богатства применяю к праху... Захочешь с нами душевною мыслию в дружбе быть, так отдай наш юрт – Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесветное богатство нам давать – не надобно; желание наше – Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и спознал».

В этих тяжелых для себя обстоятельствах Иоанн предлагал хану уступить ему Астра-

хань, но Девлет-Гирей не довольствовался одной ею и настойчиво требовал и Казани; в следующем, 1572 году он вновь вторгся в наши пределы со 100-тысячным войском и ночью перешел Оку; однако на сей раз он был настигнут в 50 верстах от Москвы доблестным воеводою князем Михаилом Ивановичем Воротынским на берегу Лопасни, который нанес ему ряд поражений; хан, потерявши много людей, побежал домой и оттуда прислал Иоанну письмо с просьбой дать хотя одну Астрахань, без Казани. Но Иоанн не соглашался теперь и на Астрахань; он послал Девлет-Гирею в ответ письмо с небольшими подарками и с усмешкою вспоминал в нем первую грамоту хана, написанную после прошлогоднего набега на Москву, в которой тот говорил, что ему богатство – прах. «Посылаю я тебе поминки легкие, – писал Иоанн, – добрых поминков не послал; ты писал, что тебе не надобны деньги, что богатство для тебя с прахом равно».

В то время как внимание Москвы было занято Крымом, в Польше и Литве происходили события чрезвычайной важности.

Король Сигизмунд-Август, несмотря на три брака, заканчивал свою жизнь бездетным; вместе с ним оканчивалось и мужское поколение в роде Ягайлы: он был последним Ягеллоном. Как мы знаем, Великое княжество Литовское было наследственным владением Ягайлы, тогда как в Польском государстве, или в Речи Посполитой, корона предоставлялась каждый раз избранному Польской радой королю, причем на протяжении более чем столет таковыми избранниками неизменно были великие князья Литовские, совмещавшие в своем лице власть над обоими государствами.

Теперь, ввиду бездетности Сигизмунда-Августа и прекращения рода Ягайлы, польских панов очень занимал вопрос, чтобы еще при жизни его окончательно присоединить Литву к Польше; но этому сильно противодействовали могущественные литовские вельможи, старавшиеся во что бы то ни стало сохранить независимость своего государства; во главе их стояли Радзивиллы, бывшие в родстве с Сигизмундом-Августом по его второй жене, известной нам Варваре Радзивилл. Однако к

концу своей жизни слабовольный король подпал совершенно под влияние поляков и католического духовенства и стал предпринимать ряд мер для присоединения Литвы к Польше. Вопрос об этом соединении, или унии, обсуждался на нескольких сеймовых собраниях при участии поляков и литовцев, но приводил только к ожесточенным спорам; чтобы подвинуть дело, Сигизмунд-Август решил приобрести сторонников унии среди низшего литовского дворянства, не имевшего таких прав, как литовские вельможи, и для этой цели дал ему преимущества польской шляхты, совершенно сравненной по правам со своим высшим сословием – магнатами, которые, впрочем, всячески старались отгородиться от этой шляхты, для чего и начали приобретать себе в XVI веке от германского императора и папы княжеские и графские титулы.

Даровав литовской шляхте права польской, Сигизмунд пошел еще дальше: в 1563 году, к ужасу большинства литовских панов, он объявил, что так как Великое княжество Литовское составляет его наследственное владе-

ние, то он и дарит его польской короне.

Наконец, чтобы окончательно покончить с этим вопросом, 10 января 1569 года в городе Люблин был собран общий сейм для Литвы и для Польши. С первых же заседаний сейма обнаружилось непримиримое разногласие между поляками и литвинами. Литвины высказывались за братский союз с Польшей, основанный на равных правах и без малейшего нарушения литовской самобытности. Поляки же желали полного присоединения к себе Литвы. Вследствие этого заседания сейма приняли очень скоро самое бурное направление. Выведенные из себя требованиями поляков, литовские уполномоченные решили, наконец, покинуть сейм и уехали, рассчитывая, что без них он не состоится. Но они жестоко ошиблись. Поляки в их отсутствие поспешили объявить присоединение к Польше состоявших под властью Литвы чисто русских областей: Подлесья, Волыни и Киева – и немедленно же отправили туда польских чиновников для замены русско-литовских.

Тогда, узнав, что Юго-Западная Русь и

часть Северо-Западной оторваны от них Польшей, литовцы пришли в ужас и вновь отправили на сейм посольство. Но делать было нечего; крылья у них оказались отрезанными, как они говорили сами, и после многих горьких речей и напрасных слез, пролитых в присутствии Сигизмунда-Августа, 17 июля 1569 года они вынуждены были присягнуть на унию с Польшей. Этой Люблинской унией закончилось отдельное существование Великого княжества Литовского. Оно вошло в состав соединенного Польско-Литовского королевства, которое стало управляться под верховной властью короля уже одним общим сенатом и посольскою избою[18].

Последствия Люблинской унии не замедлили, разумеется, сказаться. Как на Литву, так и на богатейшие земли Подолии, Волыни и Киевской области нахлынули поляки, а вместе с тем и католическая пропаганда; скоро, как мы увидим, литовское дворянство, как высшее, так и низшее, совершенно ополячилось и окатоличилось; все же, что продолжало оставаться русским, пало и сделалось низким и позорным. С тех пор латинство оконча-

тельно стало в Западной России панской верою, а православие – холопской.

Сильному развитию в Литве католичества, кроме того, способствовали ослабление протестантства после смерти его главного ревнителя Николая Радзивилла Черного, возникновение на почве этого множества сект и появление в Польше и Литве иезуитов. Последнее обстоятельство имело громаднейшее влияние и на все дальнейшие судьбы Западной России.

Монашествующий католический орден братьев Христа, или иезуитов, возник по мысли благочестивого испанского воина Игнатия Лойолы, раненного в одном сражении в обе ноги. Цель его основания была борьба с развивающимся лютеранством – для восстановления прежнего значения католичества и папы. Для достижения этого иезуиты требовали безусловного послушания своих членов к старшим, строжайшего соблюдения тайн ордена и выработали правило, что «цель оправдывает средства», то есть что для святого дела, которому они служат, позволительны все мирские приемы борьбы: козни, коварство,

обман и другие преступления.

Папа после некоторых колебаний утвердил устав нового братства, и оно стало быстро делать необычайные успехи. Главный начальник иезуитов, генерал, имеющий пребывание в Риме, избирался братией на всю жизнь и вскоре приобрел власть, соперничавшую порой с папской. Под его управлением находились начальники иезуитских областей, так называемые провинциалы, распорядившиеся в них совершенно самостоятельно, причем в каждой области они прежде всего заботились об устройстве особых учреждений – иезуитских коллегий; назначение коллегий было воспитание юношества и проповедь Слова Божия, но под этими личинами иезуиты чрезвычайно искусно проводили в жизнь свою тайную цель – безусловно господствовать над умами во имя латинства – и пользовались для этого всеми подходящими случаями; если нужно было поразить общество необыкновенными делами самопожертвования, они выставляли из своей среды подвижников и мучеников; если нужно было войти в доверие какого-нибудь могуществен-

ного государственного человека, они достигали этого, не останавливаясь ни перед какими средствами; точно так же, если им необходимо было устранить какое-либо лицо, вредное их делу, то при надобности они прибегали и к преступлению. Иезуиты появились в Польше в 1565 году, а в 1569 году, в год Люблинской унии, они перебрались уже в Вильну, где немедленно приступили к устройству своей коллегии и привлечению в нее для обучения юношества. Скоро они приобрели особое доверие горожан, когда во время распространявшегося морового поветрия бесстрашно ухаживали за больными и самоотверженно хоронили умерших. Устроенная ими школа стала быстро приобретать известность; в нее посылали детей как католики, так и православные. По праздникам иезуиты устраивали в своей коллегии различные театральные представления, а также и уличные религиозные шествия, в которых ученики в соответствующих одеяниях изображали пророков, апостолов и ангелов, что возбуждало восторг толпы. Вместе с тем иезуиты устраивали народные прения, или диспуты, о вере, причем

представителями протестантов являлись зачастую сами же переодетые иезуиты, почему они на глазах всех и бывали без труда побиваемы в этих прениях католиками. Иезуиты не замедлили, конечно, приобрести ревностных последователей в среде польского народа, и самым известным из них был польский ксендз Петр Скарга. Это был человек глубоко верующий, безусловно горячо любящий свой народ и относившийся с большою заботливостью к бедному люду; но вместе с тем Скарга под влиянием иезуитов воспылал самой пламенной ненавистью к православию и ко всему русскому; благодаря своему большому красноречию он был прозван Польским Златоустом и имел чрезвычайно сильное влияние на умы своих современников.

Через несколько лет после появления иезуитов в Вильне стали быстро обращаться в латинство как бывшие ревнители лютеранства, так и искони православные люди. Только простой народ Западной Руси остался верен православию и претерпел за это, как мы впоследствии увидим, немало кровавых гоне-

ний.

При начале очерченных выше важных перемен, наступивших в Польско-Литовском государстве вслед за Люблинской унией, скончался в 1572 году Сигизмунд-Август, после чего настало так называемое бескорольевье – время, когда должен был решиться вопрос о выборе ему преемника. Это вызвало, разумеется, сильнейшую борьбу партий.

Протестанты хотели иметь королем протестанта или, по крайней мере, такое лицо, которое предоставило бы им полную свободу вероисповедания.

Православное же население Западной Руси желало видеть на польском престоле сильного московского государя или его младшего сына Феодора; выбор Грозного был по сердцу и части шляхты, надеявшейся, что Иоанн обуздает высшее сословие в Польше по примеру того, как он это сделал в Москве; наконец, и среди больших панов были сторонники Иоанна, понимавшие, какую огромную силу над немцами, турками и другими соседями приобретет обширное Московско-Польско-Литовское государство с близким между собой

по крови и духу славянским населением.

Но, конечно, выбору как протестанта, так и православного короля сильно противодействовала могущественная католическая партия, имея во главе папского посланника, или нунция, хитрейшего итальянца Коммендоне; он успел объединить между собою всех влиятельных поляков-католиков и умирить все раздоры, бывшие между ними.

Тем не менее Польско-Литовская рада, давши знать Грозному о смерти Сигизмунда-Августа, объявила ему через своего гонца Воропая о желании видеть королем царевича Федора.

На это государь отвечал, по своему обыкновению, длинной речью, из которой видно было, что он, не отказывая полякам в Феодоре, склонялся более к тому, чтобы быть избранным самому, причем признавал особенно желательным получить одно Великое княжество Литовское без Польши. То же говорил он и прибывшему впоследствии большому послу Михаилу Гарабурде. При этих переговорах Иоанн, как и подобало русскому государю, отнюдь не высказывал каких-либо за-

манчивых обещаний, чтобы привлечь избирателей на свою сторону, а, напротив, ясно и определенно ставил условием своего избрания уступку ему Ливонии до берегов Двины, а также Киева; Полоцк же он обещал возвратить Литве. Вместе с тем государь тут же указывал, что будет рад видеть на польском престоле австрийского принца Эрнеста, сына германского императора Максимилиана II, с которым он был в добрых отношениях.

Когда в Варшаве начался избирательный сейм, то Иоанн не послал туда ни своего посла, ни денег на подкупы. «Иоанн ждал к себе послов польских и литовских и никак не хотел унижаться до искательства и просьб», — говорит С. Соловьев. Против Эрнеста Австрийского сильно восстал турецкий султан, который не хотел видеть на польском престоле своего соседа и грозил в случае его избрания войной; кроме того, поляки вообще не любили австрийский дом. Поэтому на выборах одержала верх партия французского принца Генриха Валуа, брата короля Карла IX, знаменитого устроителя Варфоломеевской ночи. Ввиду последнего обстоятельства польские

протестанты были сильно встревожены выбором Генриха, но их всех успокоил ловкий французский посол Монлюк, давший за будущего короля торжественное обещание, что протестанты ни в чем не будут стеснены при отправлении своего богослужения. На выборах поднимался также вопрос и о короле из среды своих природных поляков, но против этого, чтобы не нарушить между шляхтой равенства, восстал славный муж, знаменитый своей ученостью, красноречием и обширными способностями Ян Замойский, хотя, без сомнения, он мог более чем другие рассчитывать быть избранным королем.

Новоизбранный король Генрих приехал в Польшу в 1574 году; это был весьма легкомысленный молодой человек, страстный поклонник карточной игры и всякого рода удовольствий, которым он предавался напролет целые ночи; днем же он должен был с невыразимой для себя тоской проводить время в занятиях государственными делами, в которых ничего не понимал, так как не знал ни латинского, ни польского языков. Затруднительность его положения усиливалась еще тем,

что протестанты настойчиво требовали, чтобы он повторил присягу, данную его послом в сохранении их прав; Генрих же, будучи всецело под влиянием латинского духовенства, уклонялся; вследствие этого отношения между партиями в Польше обострились до крайности, и редкий день проходил без драк и убийств, причем ненависть поляков направлялась и против французов, приехавших с королем: он проводил свое время почти исключительно с ними одними и с безумной расточительностью тратил королевскую казну; во дворце не замедлила наступить такая бедность и такой беспорядок, что иногда нечего было приготовить к обеду или накрыть к столу.

Скоро случай вывел Генриха из тягостного положения, в которое он попал, ставши польским королем. Брат его Карл IX умер, и Генрих получил приглашение от своей матери, Екатерины Медичи, как можно скорее приехать во Францию, чтобы занять освободившийся королевский престол; но польские сенаторы объявили ему, что разрешение на выезд из пределов Речи Посполитой может по-

следовать только по согласию сейма, который для этой цели нужно еще собрать. Тогда Генрих решил бежать и ночью тайно покинул границы Польши. Поляки, разумеется, были крайне смущены этим происшествием. Они дали ему 9-месячный срок для возвращения, но все ясно сознавали, что придется опять приступить к выбору нового короля.

Когда собрался сейм, то к гонцу Грозного Ельчанинову, приехавшему для приветствия Генриха по случаю его избрания, пришел тайно ночью литовский пан, староста жмудский, и стал говорить: «Чтобы государь прислал к нам на Литву посланника своего доброго и писал бы к нам грамоты порознь с жалованным словом; к воеводе Виленскому грамоту, другую ко мне, третью к пану Троцкому, четвертую к маршалку Сиротке Радзивиллу (сыну Николая Черного), пятую ко всему рыцарству... Если мы умолим Бога, а государя упросим, что будет у нас в Литве на государстве, то Поляки все придут к государю головами своими бить челом...»

Получив известие об этом, Иоанн очутился в очень трудном положении; он понимал все

выгоды своего избрания, но опять его гордость не позволяла ему предпринимать какие-либо меры, не соответствующие с царским достоинством; поэтому он опять ограничился обещанием прислать больших послов, но больше хлопотал об избрании австрийского эрцгерцога Эрнеста или его отца – императора Максимилиана II, надеясь за свою поддержку получить от него Ливонию, и в своих сношениях с Максимилианом прямо высказывался по этому поводу: «Так брат бы наш дражайший, Максимилиан цесарь, в Ливонскую Землю не вступался и этим бы нам любовь свою показал; а мы Ливонской Земли достаем и впредь хотим искать. К панам Польским пошлем, чтобы они выбрали в короли Эрнеста князя, а к Литовским – чтобы оставались за нами; если Литва не согласится отстать от Польши, то пусть и она выбирает Эрнеста; если же и Польша и Литва не согласятся иметь государем ни нас, ни Эрнеста, то нам с цезарем Максимилианом над ними промышлять сообща и в неволю приводить». С этим же поехал к Максимилиану и царский посол, уже упомянутый нами князь Сутор-

ский.

В ноябре 1575 года в Польше вновь начались выборы, на которые явились послы от имени соискателей освободившейся короны: от императора Максимилиана с сыном Эрнестом; от короля Шведского Иоганна (как супруга Екатерины Ягеллонки) с сыном Сигизмундом; от воеводы подчиненного Венгрии княжества Седмиградского – Стефана Батория, поддерживаемого султаном; от Альфонса, герцога Феррарийского, и от некоторых других; все эти послы не скупились на обещания в случае избрания их доверителей; не было только по-прежнему послов от великого государя московского. Поэтому, несмотря на значительное число сторонников Грозного царя, на выборах пересилили две партии: австрийская, состоявшая преимущественно из вельмож и избравшая королем императора Максимилиана, и партия шляхты, к которой примкнул и Ян Замойский; партия эта провозгласила королем Стефана Батория при условии, что он вступит в брак с 54-летней Анной Ягеллонкой.

Таким образом, в Польше оказалось сразу

два короля; при этом Максимилиан имел вначале более успехов восторжествовать над своим соперником; но надо было действовать смело, не останавливаясь перед тем, чтобы удержать права на свою новую корону оружием; Максимилиан же по своему душевному складу не был на это способен, тянул время в переговорах и не двигался с места, боясь войны с турками, поддерживавшими Батория. Не так действовал последний: он немедленно принял все предложенные ему условия и быстро двинулся с отрядом войск к польским границам. 18 апреля 1576 года Баторий совершил торжественный въезд в Краков, а затем тотчас же короновался и вступил в брак с Анной Ягеллонкой.

Выбор Батория особенно был не по душе литовцам, которые хотели Иоанна. Они прямо говорили русскому послу: «Ляхи обирают на государство Обатуру (Батория) и к нам уже в другой раз присылают, чтобы и мы его выбрали; но нам ни под каким видом Обатуру на государство не брать; Обатура Турецкий посаженник и как нам отдать христианское государство басурманам в руки?.. Паны за по-

сулы выбирают цесаря и Обатуру; но рыцарство всею землею их не хочет, а хочет Царя; паны радные увязли в посулах и сами не знают, как быть».

Крайне недоволен был избранием Батория и Иоанн; он совершенно правильно рассчитывал, что в случае избрания Максимилиана последний, опасаясь войны с Турцией, будет сильно дорожить дружбой Москвы и для ее сохранения не пожалеет отдать нам Ливонию. Узнав о приезде Батория в Краков, государь писал Максимилиану: «Мы твоему избранию порадовались, но после узнали, что паны помимо тебя выбрали на королевство Стефана Батория... который уже приехал в Краков и женился на королевне Анне... Так ты бы, брат наш дражайший, промышлял о том деле скорее, пока Стефан Баторий на тех государствах крепко не утвердился; и к нам отпиши со скорым гончиком, с легким, как нам своим и твоим делом над Польшей и Литвою промышлять...»

Но Максимилиан ни на что не решался, а раздражал только Иоанна своим заступничеством за Ливонию; скоро затем он умер.

Прибыв в Польшу, Баторий первым делом обратил все свои усилия против немецко-прусского города Данцига, не хотевшего его признавать, и приступил к его осаде; в Москву же он послал хлопотать о продолжении перемирия до 1578 года. Грозный согласился на это; пользуясь перемирием с Литвою и Польшею, он рассчитывал покончить с Ливонией, из-за обладания которой у него шла теперь жестокая борьба со шведами, так как их новый король Иоганн пылал самую жестокою ненавистью к Иоанну, как за попытку последнего отнять у него жену и за желание овладеть Ревелем, так и за унижительный обычай, по которому шведские короли имели право сноситься только с московскими наместниками в Новгороде.

В конце 1571 года Иоанн вздумал было вступить с Иоганном в переговоры с целью попытаться убедить последнего отдать нам Эстонию мирным путем; но эти переговоры повели только ко взаимному ожесточению. Царь и король обменялись друг с другом очень резкими грамотами, и в конце 1572 года Иоанн лично вступил в Эстонию во главе

80-тысячного войска; скоро после жестокого приступа, на котором геройски пал Малюта Скуратов, мы овладели сильной крепостью Вейссенштейном; вслед за тем нами были взяты также Нейгоф и Каркус; но в чистом поле московские воеводы, уступая искусству шведов в ратном деле, были разбиты близ Лодде, получив в то же время известие о восстании черемисы в Казанской земле.

Иоанн опять предложил шведскому королю покончить дело миром и послал своего гонца Чихачева с грамотою в Стокгольм. Поведение этого доблестного русского человека при исполнении своего поручения заслуживает величайшего уважения. Король, полагая, что привезенная Чихачевым грамота написана так же резко, как и последнее письмо его самого к Иоанну, не хотел ее брать, а приказал отдать своим вельможам для прочтения. Но Чихачеву был дан наказ передать грамоту непременно в руки короля, и вследствие этого между ним и шведами произошла крупная ссора.

«Приехал ты в нашего государя Землю, так и должен исполнять нашу волю, что нам на-

добно», – говорили шведы. «Приехал я в вашего государя Землю, а волю мне исполнять Царского Величества, своего государя, а не вашего», – отвечал Чихачев. Тогда шведы стали ему грозить, что не дадут съестных припасов. Чихачев отвечал на это: «Пусть умру с голоду; одним мною у государя не будет ни людно, ни безлюдно...» Видя, что Чихачев упорствует отдать царскую грамоту, один из шведских вельмож ударил его в грудь и, взяв топор, стал замахиваться над ним, говоря: «Отсеку голову», – причем бранил его непристойными словами. На это Чихачев отвечал ему с достоинством: «Если бы я, Царского Величества холоп, сидел теперь на своем коне, то ты бы меня, мужик, так не бесчестил, умел бы я тебе ответ дать, а я сюда не драться приехал».

Затем как самого Чихачева, так и всех его людей подвергли самому унижительному осмотру, раздели их донага, перерыли все вещи, изломали сундуки с образами, раскидав последние по лавкам, и, наконец, не найдя грамоты, пригрозили гонцу, что его будут пытать на огне, если он ее не отдаст. Но Чихачев все же не отдал грамоты и добился своего: ко-

роль принял ее лично из его рук.

Вслед за тем, летом 1575 года, начались переговоры о перемирии на пограничной реке Сестре; шведы непременно требовали переговариваться на мосту через нее, но русский уполномоченный князь Сицкий настоял на том, чтобы они перешли на наш берег. Переговоры эти не были особенно успешны. Грозный соглашался иметь непосредственные сношения с королем, но требовал за это уступки Эстонии и присылки 200 шведских пушкарей; Иоганн же настаивал на праве непосредственных сношений безо всяких уступок. Вследствие этого было заключено лишь перемирие на два года, до 20 июня 1577 года, и то только относительно Финляндии и Новгородской области; в Эстонии же война должна была продолжаться, если только король не пошлет своих больших послов к царю бить челом о мире.

Поэтому вслед за переговорами на реке Сестре (близ нынешнего Петербурга) войска наши открыли военные действия в Ливонии взятием Пернау после ряда сильнейших приступов, в которых мы потеряли до семи тысяч

человек; при этом главный воевода московский, боярин Никита Романович Юрьев, брат покойной царицы Анастасии, обошелся необыкновенно милостиво с гражданами взятого города: каждый из них сохранил все свое имущество. Тотчас по взятии Пернау нам сдались и другие города: Гелмет, Эрмес, Руэн, Пуркель; а в следующем, 1576 году, когда русские опять вторглись в Эстонию, им передались без выстрела Леаль, Лоде, Фиккель и Гапсаль, причем жители Гапсаля вечером того же дня, когда последовала сдача города, устроили пиры и пляски. Московские воины крайне удивлялись этому и говорили: «Что за странный народ немцы! Если бы мы, русские, сдали без нужды такой город, то не посмели бы поднять глаз на честного человека, а царь наш не знал бы, какую казнию нас казнить».

Чтобы закончить покорение Эстонии, необходимо было овладеть Ревелем, и в январе 1577 года 50-тысячное московское войско подошло к нему и начало осаду; у нас было 3 пушки, стрелявшие ядрами до 55 фунтов весом; 6 – ядрами до 30 фунтов, и 4 камнемета могли бросать тяжести до 225 фунтов; кроме

того, имелось значительное число мелких орудий. Но оборонительные средства Ревеля были во много раз сильнее, и после полуторамесячной осады московские войска, не взяв города, отошли от него.

Летом того же 1577 года Грозный лично выступил из Новгорода в поход, но пошел не к Ревелю, а вторгся в Польскую Ливонию, считая, что перемирие, заключенное с Баторием до 1578 года, касается только Литвы и Польши. Города в Польской Ливонии стали так же быстро сдаваться нашим воеводам, как и в Эстонии; с неменьшим успехом действовал и посаженный московским государем ливонский король Магнус, тоже бравший один город за другим. Скоро Магнус, отуманенный своими успехами, послал нам требование, чтобы ему, как ливонскому королю, были бы переданы все города, занятые русскими; вместе с тем он завел какие-то сношения с польским королем и курляндским герцогом Кетлером.

Известие об этом, конечно, сильно разгневало Иоанна. «Хочешь брать у нас города – бери, – насмешливо писал ему Грозный, – мы

здесь от тебя близко; ты об этих городах не заботься, их и без тебя берегут... Если не захочешь нас слушать, то мы готовы; а тебе от нас нашу отчину отводить не следовало. Если тебе нечем на Кеси (в Вендене) жить, то ступай в свою Землю за море, а еще лучше сослать тебя в Казань; если поедешь за море, то мы свою вотчину, Лифляндскую Землю, и без тебя очистим...» Подойдя к Вендену, где находился Магнус, царь потребовал его к себе; тот послал к Иоанну двух своих послов; но Грозный велел их высечь и отправить назад, настойчиво требуя самого Магнуса; последний, наконец, вышел, впустив в город русский отряд, и, явившись перед царем, пал на колени, прося прощения. Государь приказал его взять под стражу. На несчастье, в это время немцы, укрывшись в замке, который не был еще сдан русским, стали стрелять, причем одно ядро чуть не убило Иоанна. Он страшно разгневался и приказал сейчас же приступить к осаде замка, поклявшись, что не оставит в живых ни одного немца в Вендене. Тогда 300 знатнейших защитников крепости, видя, что спасения нет, взорвали себя на воздух. Взяв еще

несколько немецких укрепленных мест, Иоанн направился к Вольмару, где задал пир своим воеводам и знатным литовским пленникам, которых освободил.

С последними он был крайне ласков, в особенности же с князем Полубенским; одарив их шубами и кубками, он сказал на прощанье: «Идите к королю Стефану, убедите его заключить мир со мною на условиях, мне удобных; ибо рука моя высока! Вы видели, да знает и он!»

Пребывание в Вольмаре напомнило Иоанну, что отсюда бежал Курбский, и он не удержался, чтобы не написать этому изменнику приведенное нами письмо с укоризнами, в котором он, 17 лет спустя после смерти Анастасии Романовны, с горечью говорил: «Если бы вы не отняли у меня мою юницу, то кроновых жертв и не было бы...»

Из Вольмара государь направился в Юрьев; он простил по пути Магнуса, дав ему несколько городов и возвратив право называться ливонским королем; затем он отбыл в Александровскую слободу.

На этом и закончились успехи Грозного царя в Ливонии. Вскоре они приняли чрезвычайно неблагоприятный для него оборот. Шведы стали осаждать Нарву, а поляки явились в Южной Ливонии и начали брать город за городом; наконец, немцы, служившие полякам, изменою взяли Венден, подделав к нему ключи, и перерезали спящих русских, несмотря на отчаянное их сопротивление. Король же Магнус, только что прощенный Иоанном, бежал к Стефану Баторию.

В следующем, 1578 году русские воеводы осадили Венден и трижды водили войска на приступ, но затем сняли осаду, услышав о приближении поляков и шведов, и стали их выжидать перед городом, выстроив боевой порядок и распустив знамена. Скоро закипел бой. Поляки, литовцы, шведы и немцы поощряли друг друга и повели наступление. Татарская конница, бывшая при русских, не выдержала натиска и побежала; это произвело смятение среди наших, и они отступили к укрепленному лагерю, где были сосредоточены орудия и запасы. Ночью воеводы – князь Голицын, Федор Шереметев, князь Андрей Палец-

кий и дьяк Щелкалов – вместе с конницей незаметно покинули этот лагерь, пользуясь темнотой.

Но не так поступили остальные его защитники. «Другие двое (воевод), – рассказывает поляк Гейденштейн, описавший Ливонскую войну со слов очевидцев и, вероятно, по личным указаниям уже знакомого нам Яна Замойского, – коим вверены были пушки и снаряды, оставшись почти одни в лагере, охватили руками более важные военные орудия, дабы показать, что они до последнего вздоха охраняли лагерь, военные снаряды и верность государю; в таком положении они были найдены на другой день рано утром, когда наши ворвались в лагерь и окопы, и взяты живыми вместе с лагерями и с 30 приблизительно орудиями. Другое не менее значительное доказательство верности представили простые, бывшие при орудиях, пушкари. У москвитян такой способ управления орудиями: они зарывают пушки в землю; впереди их, там, где приходится дуло, проводят ров надлежащей глубины; в нем прячутся те, которые заряжают пушку; к жерлу дула прикрепляют

веревку, и когда нужно зарядить ее, то пушку пригибают ко рву, когда же нужно стрелять, снова отпускают... Когда у поставленных при этих орудиях пушкарей большая часть была перебита, а другие разбежались, то остальные, видя, что наши овладели лагерями, потеряв надежду на спасение орудий, и вместе с тем и любовь к жизни, добровольно повесились на веревках, которые, как мы выше сказали, спускались сверху жерл...»

Это поведение доблестных московских пушкарей, имена коих, к сожалению, не дошли до нас, показывало, конечно, полякам, что война за Ливонию с русскими будет крайне упорна. В следующем, 1579 году Иоанн сам решил идти под Ревель, и в Псков уже прибыл тяжелый наряд для его осады.

В это же время непосредственное участие в борьбе за Ливонию принял и новый польский король Стефан Баторий. Баторий был чистокровный венгерец, скромного дворянского рода, достигший к 38 годам жизни благодаря своим удивительным способностям в военном деле звания воеводы Седмиградского княжества. В своей молодости он окончил

знаменитый Итальянский университет в Падуе, ректором коего был одно время Ян Замоиский, и, вероятно, тогда же между ними возникли прочные дружеские отношения, скрепленные браком Замоиского на племяннице Батория – Гризельде. Нет сомнения, что главным образом благодаря стараниям Замоиского польская шляхта решила избрать Батория королем, мечтая, что мало кому известный венгерец будет ее послушным орудием. Но она жестоко ошиблась. Никто более Батория не был так способен быстро забрать в руки власть в королевстве; став королем, он немедленно приступил к самому ревностному занятию государственными делами, проявляя непреклонную настойчивость и беспощадную строгость. Вопреки обычаям, он осудил и приказал обезглавить одного буйного дворянина, принадлежавшего к влиятельнейшей польской семье, и не склонился на самые настойчивые просьбы о его помиловании. Когда один из польских выборных возвысил на сейме свой голос, то Баторий, схватившись за саблю, грозно крикнул ему: «Молчи, негодяй!» Когда же возмутилась часть

днепровских казаков, то он приказал казнить их десятками и, как передают, разрубать трупы на части.

Баторий говорил только по-венгерски и по-латыни и не давал себе труда изучить польский язык; со своей же престарелой супругой – Анной Ягеллонкой он находил достаточным вести все разговоры при посредстве переводчика, что очень обижало последнюю.

Будучи врожденным воином и страстным охотником, новый король вел изумительно простой образ жизни. Он не носил перчаток и пренебрегал чулками, употребление которых в то время уже распространялось. Несмотря на неважное здоровье и рану на ноге, которая никогда не заживала, Баторий легко переносил все невзгоды военного времени. «Король быстро двигается в коляске, – пишет про него один очевидец, – на ночь ему только палатка, а в ней ни лавки, ни столика; в полдень подкрепляется он едою в шалаше из веток; сидение ему делают, вбивая в землю несколько кольев и укладывая на них перекладинки; таким же способом устраивают и столик. О постели или пологе и не спрашивай. Если ко-

роль захочет после обеда заснуть или отдохнуть, то насекут мелко березовых веток с листьями, расстелят по земле вместо матраца, и вот на эти ветки ложится король и спит, как в самой лучшей опочивальне». «Выражая сочувствие протестантству в Седмиградии, он был ярым католиком в Польше, – говорит Валишевский, – он устроил так, что избирательному сейму его представлял арианец Бландрата. После же избрания в короли советниками его стали иезуиты».

Баторий был, конечно, особенно дорог тем полякам, которые видели в нем выдающегося полководца и мечтали, что при его мощном воздействии возродится прежняя их воинская доблесть, пришедшая благодаря распущенности и изнеженности магнатов и шляхты в сильный упадок. «Непохожи вы стали на ваших предков, – говорил полякам в сенате упомянутый нами папский посол Коммендоне, желая их возбудить к войне с турками, – они не на пирах за чашами распространяли государство, а сидя на конях, трудными подвигами воинскими; они спорили не о том, кто больше осушит стаканов, но о том, кто ко-

го превзойдет в искусстве ратном». Князь же Курбский, описывая польские нравы при Сигизмунде-Августе, говорит: «Здесьшний король думает не о том, как бы воевать с неверными, а только о плясках да о маскарадах; также и вельможи знают только пить да есть сладко; пьяные они очень храбры: берут и Москву, и Константинополь, и если бы даже на небо забился турок, то и оттуда готовы его снять. А когда лягут на постели между толстыми перинами, то едва к полудню проспят, встанут чуть живы, с головою болью. Вельможи и княжата так робки... что, услышав варварское нахождение, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол за кубки и болтают со своими пьяными бабами; из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагом и, походивши дня два или три, возвращаются домой, и что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот – все поедят и последнее разграбят».

Прибыв в Польшу, Баторий, без сомнения, быстро оценил этот печальный упадок воинского духа в стране; а между тем ему надо бы-

ло тотчас же управиться с городом Данцигом; вот причина, как мы говорили, почему он искал перемирия с Грозным.

Покончив же с Данцигом на довольно выгодных для города условиях, он вместе с Яном Замойским всецело отдался подготовке для нанесения сильных ударов Москве, в предстоящей решительной борьбе за Ливонию.

Как опытный воин, Баторий сразу оценил превосходные боевые качества днепровских казаков, лучших воинов среди своих новых подданных, но, как ставленник турецкого султана, он относился к ним с глубочайшей ненавистью и писал крымскому хану: «Мы не питаем любви к ним и намерены не охранять их, а, напротив, истреблять». Однако, нуждаясь в храбрых, испытанных воинах для борьбы с Москвой, король, несмотря на эту ненависть, положил прочные начала военного устройства днепровского казачества и набравал среди него несколько отрядов для создаваемых им новых польских вооруженных сил. Образовав королевский отборный полк, или гвардию, Баторий обратил особое внимание на создание постоянного войска, в кото-

ром главное значение должна была иметь пехота, выученная по образцу лучших западноевропейских воинств и поголовно вооруженная ружьями; до этого же времени польские пехотинцы, по словам одного из современников и сподвижников Батория, «более похожи были на шутов, нежели на воинов. Их одедали в клетчатые платья, сшитые из кусков сукна разных цветов; каждая куртка и каждые шаровары соединяли в себе несколько разных цветов сукна. Оружием пехотинца были: меч и алебарда, очень редко ружье. Пехотинцы не знали, как сооружать укрепления, или туры...». Чтобы создать постоянное войско по образцу западноевропейских государств, Баторий установил правильный набор новобранцев в своих королевских имениях и приохочивал богатых панов на свой счет вооружать и содержать пышно разодетые роты гусар и конных стрелков; наконец, он прибег к найму значительного числа полков закаленной в боях с турками венгерской пехоты и немецкой конницы.

Подготавливаемая таким образом Баторием постоянная польская рать должна была ока-

заться по своему обучению и искусству значительно выше московских войск, которые, несмотря на многие важные преобразования Грозного, не были, за исключением стрелецких полков, постоянными, а по старине собирались лишь при необходимости и распускались по домам тотчас по окончании похода; не мог в московских войсках вывести Грозный царь и местничества, и почти все воеводы по-прежнему назначались не по способностям, а по происхождению.

Наряду с заботами о наилучшем устройстве своего войска, Баторию приходилось преодолевать на каждом шагу многочисленные препятствия в этом деле со стороны своих своевольных подданных; поэтому он не торопился с открытием военных действий против Москвы и, узнав о походе Иоанна в 1577 году в Польскую Ливонию, ограничился посылкой ему упрека в том, что, пославши опасную грамоту на больших польских послов для приезда их в Москву с целью мирных переговоров, царь, не объявляя войны, стал забирать польские города в Ливонии. На это Грозный отвечал: «Мы с Божиею волею отчину свою Лиф-

ляндскую Землю очистили, и ты бы свою осадку отложил. Тебе было в Лифляндскую Землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с Седмиградского княжества на корону Польскую и на великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую Землю; о Лифляндской Земле с Польшею и Литвою что велось, то делалось до тебя; и тебе было тех дел, которые делались до тебя, перед себя брать непригоже. От нашего похода в Лифляндскую Землю наша опасная грамота не порушилась; неприязни мы тебе никакой не оказали, искали мы своего, а не твоего. Литовского великого княжества и литовских людей ничем не зацепили. Так ты бы кручину и досаду отложил и послов своих отправлял к нам не мешкая».

Послы эти прибыли в январе 1578 года, но переговоры с ними не привели ни к чему: в упоении своих успехов Грозный потребовал для заключения мира кроме Ливонии Курляндию и Полоцк, также Киев, Канев и Витебск и не скрывал своего пренебрежения к Баторию. «О Седмиградском же государстве мы нигде не слыхали, – передавал он послам, – и государю вашему Стефану в равном

братстве с нами быть непригоже; а захочет с нами братства и любви, так он бы нам почет оказал». Послы обиделись, указавши на царя Давида, избранного из низкого звания. Но Грозный приказал им ответить на это: «Давида царя Бог избрал, а не люди... В том ваша воля: мятежом человеческим, хотя бы кого и хуже родом выбрали – то вам государь; а нам с кем пригоже быть в братстве, тот нам и брат, а с кем непригоже, тот нам и не брат. Здесь слухи были, что вы хотели посадить на королевство и Яна Костку; и воевода Виленский Николай Радзивилл хотел также на государство; так неужели по вашему избранию и этих нам надобно считать братьями? Вы говорите, что мы вашего государя укоряем; но мы его не укоряем, пишем про него правду; можно было бы нам про него и хуже писать, да не хотим для христианства. Государь ваш сам себя укоряет, да и вы его укоряете, во всех грамотах пишете, что Бог его безмерным своим милосердием помиловал, вы его на государство взяли, хвалитесь, что по великому Божию милосердию полюбили его: из этого ясно видно, что он такого великого государства

был недостойн, но Бог его помиловал, да вы его полюбили не по достоинству».

При этих обстоятельствах решено было продолжить лишь перемирие еще на три года, от 25 марта 1578 года, причем в перемирной грамоте Иоанн назвал Стефана не братом, а соседом. Но в это время как раз в Варшаве на собранном сейме в феврале 1578 года после обсуждения вопроса о том, с которым из двух неприятелей – с крымцами или с Москвой – начать прежде войну, решено было воевать с последней. «Силы Москвы огромны, – говорили сторонники этой войны, – но чем могущественнее неприятель, тем славнее победа над ним, а наградой будет Ливония, край богатый, а по приморскому положению своему могущий принести большие выгоды».

Баторий решил начать войну наступлением в московские пределы; это требовало времени для сбора денег, припасов и других приготовлений. Поэтому, чтобы выиграть это время, король затянул переговоры о мире почти на целый год, в течение которого, как мы видели, московские войска потерпели ряд

неудач в Ливонии, вследствие чего в 1579 году наш тяжелый наряд прибыл во Псков, откуда он должен был идти против Ревеля вместе с сильной ратью под начальством царя. Но в это время Баторий, послав Иоанну разметную грамоту, уже сам вторгся в наши пределы. Многие советовали ему идти на Псков, заняв который он преграждал единственный путь, шедший в то время из Москвы в Ливонию. Король решил, однако, идти сперва к Полоцку, городу, недавно отторгнутому от Литвы и господствовавшему над путями, шедшими из Московского государства в Литву и Ливонию, а также и над течением Западной Двины. У Батория было 55 тысяч человек (40 тысяч конницы и 15 тысяч пехоты); при войсках его находилось также много печатных станков, на которых изготовлялись высокопарные воззвания войскам и жителям и заведомо извращенные сведения о русских, отправлявшиеся затем во множестве в Европу; состоял при Батории и наш изменник, датский полковник Фаренсбах, недавно занимавший должность воеводы в московских войсках, а теперь, без сомнения, дававший полез-

ные указания о расположении русских. Папа Григорий XIII прислал королю в подарок драгоценный меч вместе с благословением на успешную борьбу с «врагами христианства», как он нас величал.

Баторий выбрал очень искусно местом для сбора своих войск городок Свир, откуда он мог идти как на Полоцк, так и на Псков, что должно было держать Иоанна в полной неизвестности относительно его намерений. Государь полагал, что раз война ведется из-за Ливонии, то Баторий направится в Ливонию же, а потому из приблизительно 60 тысяч человек, которыми мы располагали для действия в поле, он направил значительную часть за Двину – в Курляндию.

Между тем Баторий, выступив из Свира, быстро направился к Полоцку и в начале августа осадил его, не дав нам времени привести город, обнесенный деревянной стеной, в крепкое оборонительное состояние. Царь, узнав об осаде Полоцка, двинул к нему передовые отряды под начальством окольного Бориса Шеина и Феодора Шереметева; увидя, что все пути к Полоцку заняты войсками Ба-

тория, воеводы эти расположились в крепости Сокол (одна из шести, выстроенных Иоанном после взятия им Полоцка) и старались препятствовать оттуда подвозу съестных припасов польским войскам, но избегали столкновения с ними в чистом поле.

В Полоцке сели в крепкую осаду князь Василий Телятевский, Петр Волынский, князь Димитрий Щербатый и дьяк Ржевский и держались в нем более трех недель с необычайным мужеством; все жители принимали участие в обороне: старики и женщины бросались всюду, где вспыхивал пожар, и для тушения его на веревках спускались со стен за водою; множество из них побивалось при этом неприятелем, но на смену убитым тотчас же являлись новые защитники. Между тем погода стояла дождливая, обозы с продовольствием запаздывали, и войска Батория начали терпеть сильную нужду, особенно немцы, привыкшие воевать в богатых странах.

При этих обстоятельствах король собрал военный совет, на котором большинство высказалось за то, чтобы немедленно идти на

приступ. Но Баторий не согласился на это. «Если приступ не удастся, – говорил он, – то что тогда остается делать? Отступить со стыдом». Он решил уговорить венгров за большое вознаграждение подобраться к деревянным стенам крепости и сразу зажечь их со всех сторон. Те так и сделали: выбрали день, когда не было дождя, бросились к стенам и зажгли их смоляными факелами. Это было 29 августа. Пожар быстро распространился, и жители целый день не могли его потушить; Баторий же на приступ не шел, а стал против Сокола, опасаясь, что русские воеводы, увидя зарево, поймут, что начался приступ, и двинутся в тыл полякам. Те, однако, не двинулись с места.

Наконец среди осажденных полочан некоторые стали думать о сдаче; 10 человек из них спустились со стен для переговоров, но были тотчас же убиты венграми, которым сдача была невыгодна, так как тогда не был бы разрешен грабеж жителей и церквей; из последних их особенно прельщал храм Святой Софии, где они рассчитывали на огромную добычу. Ввиду этого, убив спустившихся

для переговоров русских, венгры кинулись без королевского приказа на приступ сквозь пылающие стены, но с изумлением остановились перед рвом, который успели вырыть доблестные защитники города; они встретили нападающих залпами пушек и прогнали их. На следующий день пожар возобновился, а также и новые приступы, причем неприятельские орудия стали уже обстреливать внутренность наших укреплений.

«Когда таким образом, – говорит Гейденштейн, – у русских была отнята всякая надежда на защиту, то последние опять приступили к переговорам о сдаче», и разрушенный пожаром город был сдан на условии свободного выхода из него всех ратных людей. Добыча, взятая поляками, обманула их ожидания: она была невелика. Сокровища же соборной церкви Святой Софии заключались в редком собрании древнегреческих и славянских книг, которые все погибли.

В этом же храме заперлись для защиты и были взяты силою епископ Киприан и воеводы. «Епископ, или – как они говорят, владыка, – рассказывает Гейденштейн, – по имени

Киприан и воеводы, бывшие в крепости, одни только отговаривали от сдачи и настаивали, что лучше умереть, нежели отдаться живым в руки неприятелей; они уже раньше пытались поджечь порох и за один раз взорвать крепость, убить себя и всех находившихся в ней... Выходившим (из крепости москвитянам) было назначено на выбор два места: на одно шли те, которые желали поступить под власть и покровительство короля, на другое те, которые хотели возвратиться в Москву. Тем и другим была предоставлена свободная воля для решения вопроса о себе и о своих выгодах; большая часть избрала возвращение в отечество и к своему царю. Замечательны их любовь и постоянство в отношении к тому и другому; ибо каждый из них мог думать, что идет на верную смерть и страшные мучения...» Царь, однако, ограничился размещением вернувшихся ратников в пограничных крепостях: Великих Луках, Невеле, Заволочье и Усвяте, чтобы геройской защитой их они могли смыть с себя бесчестье за сдачу Полоцка.

Не щедро наградил Баторий русских, пере-

шедших из страха пред Грозным на его сторону. «Многие стрельцы и другие люди московские, – писал король своему дворному конюшему литовскому, – после взятия Полоцка... поддались нам, и мы их наделили пустыми участками земли в Гродненском старостве. Но им нечем обрабатывать эти участки. Так приказываем тебе взять у подданных наших в Литве кляч самых негодных и мелких, штук с полтора, и поделить их между этими москвичами».

Вслед за Полоцком был зажжен и взят после страшной резни Сокол, в котором особенно свирепствовали немцы, причем их «маркитанки» (женщины-торговки, следующие при войсках) вырезывали жир на лекарство у убитых русских, в том числе и у воеводы Шеина. «Повсюду происходило большое убийство, – рассказывает Гейденштейн, – так что многие и, между прочим, Вейер, старый полковник, говоря о своем участии во многих сражениях, не задумывался утверждать, что никогда ни в одном месте битвы не видел он, чтобы так густо и тесно друг с другом лежали трупы». Вслед за Соколом были взяты и

остальные пять деревянных крепостей, воздвигнутых Иоанном.

Удача под Полоцком сопровождалась успехом королевских войск и в других местах: князь Константин Константинович Острожский, сын победителя под Оршей, опустошил Северскую область до Стародуба и Почепа, а оршинский староста Кмита – Смоленскую. Вместе с тем и шведы опустошили Ижорскую землю и Карелию и осаждали также Нарву, последнюю, впрочем, неудачно.

При этих обстоятельствах Иоанн написал в Москву дьяку Андрею Щелкалову, чтобы он откровенно, но спокойно объявил жителям про успехи неприятеля. Созвав представителей города, Щелкалов сказал им: «Добрые люди! Знайте, что король взял Полоцк и сжег Сокол; весть печальная, но благоразумие требует от нас твердости. Нет постоянства в свете... Утешайтесь в малой невзгоде воспоминанием столь многих побед и завоеваний царя Православного». Это слово умного дьяка подействовало, и Москва отнеслась спокойно к известию о наших неудачах; только несколько неистовых баб стало громко вопить по

всем концам города о наших бедствиях и смущать сердца добрых граждан, возбуждая их к мятежу; тогда баб этих высекли, и они успокоились.

Гордый своими успехами, Баторий не замедлил отпечатать на походных станках, возимых с собой, ряд вычурных извещений для отсылки в Европу об одержанных им победах; вместе с тем, вероятно, в ответе на полученный от папы меч он послал в Рим сделанные по его приказанию точные планы как Полоцка, так и шести крепостей, его окружавших, и в следующем, 1580 году римские резчики по меди изготовили по ним доски.

Затем Баторий, желая выиграть время, чтобы подготовиться к походу будущего года, отправил к Грозному грамоту, в коей он укорял его, что кровь христиан проливается из-за Иоанновой гордости, и давал тем понять, что он не против мирных переговоров.

На это царь отвечал ему: «Другие господа, твои соседи, согласились с тобою жить в мире, потому что им так годилось; а нам как было пригоже, так мы с тобой и сделали; тебе это не полюбилось; а гордым обычаем грамо-

ты мы к тебе не писывали и не делывали ничего... О Лифляндской же Земле и о том, что ты взял Полоцк, теперь говорить нечего, а захочешь узнать наш ответ, то для христианского покоя присылай послов великих, которые бы доброе дело между нами по пригожу постановить могли...»

Но, как мы говорили, король хотел только протянуть время путем переговоров, а потому они и не привели ни к каким последствиям, хотя в начале 1580 года царь и писал Баторию: «Если нам теперь все эти дела между собою поминать, то никогда христианство покоя не получит; так лучше нам позабыть те слова, которые прошли между нами в кручине и гнев; ты бы, как государь христианский, дело гневное оставил, а пожелал бы с нами братской приязни и любви, а мы, с своей стороны, все дела гневные оставим, и ты бы, по обычаю, отправил к нам своих послов».

Вместе с этим московским гонцам, возившим царские грамоты, наказывалось держать себя очень вежливо и осторожно с поляками и притко не браниться, если они будут

испытывать тесноту и обиды.

В январе 1580 года Грозный созвал в Москве Церковный собор и торжественно объявил ему, что Церковь и православие в опасности, так как бесчисленные враги восстали на Россию: турки, крымцы, ногаи, литва, поляки, венгры, немцы и шведы – как дикие звери разинули челюсти, чтобы поглотить нас; что он с сыном Иоанном и боярами бодрствует день и ночь и что духовенство также должно прийти на помощь Отечеству; войска скудеют и нуждаются, монастыри же богатеют, владея громадными земельными имуществами, а потому он требует от них жертв.

Мы видели, что вопрос об ограничении монастырского землевладения поднимался еще при Иоанне III. Теперь внук его ввиду крайнего состояния, в котором находилось государство, вновь поставил его собранному собору, который приговорил грамотой, что земли и села княжеские, когда-либо отказанные митрополитам, епископам, монастырям и церквям или купленные ими, переходят во владения государя, а все другие остаются навсегда

их неотъемлемыми достояниями; точно так же было поставлено, чтобы впредь епископы и монастыри не должны присваивать себе земельных владений – ни по дарственным грамотам для устройства душ, ни покупкой, ни отдачей под них денег в залог. Это важное постановление собора приостановило дальнейший рост монастырского землевладения и давало, конечно, в руки государства большие земельные богатства; но, чтобы получить с них доход, нужно было время, а между тем издержки на войну требовались немедленно; поэтому епископы и монастыри внесли Иоанну также значительное количество денег на военные расходы.

Усиленно готовился к новому походу и Баторий. Несмотря на удачные действия под Полоцком, в Польше многие вместо благодарности встретили его с упреком, и только благодаря искусству и красноречию Яна Замойского, ставшего великим канцлером, упреки эти были опровергнуты на сейме. Денег для нового похода не было, и королю пришлось дать из своих и занять у частных лиц; Замойский

также много помог в этом деле.

Прислал и брат Стефана, ставший седмиградским воеводой, значительный отряд венгров; но все же пехоты было мало, а изнеженная шляхта не хотела в ней служить; тогда Баторий положил выбирать по одному самому крепкому и здоровому человеку из каждых 20 королевских крестьян, с тем чтобы, по выслуге в войсках, избранный и его потомство были навсегда освобождены от всяких крестьянских повинностей.

Послав сказать Иоанну в ответ на грамоту его, приведенную нами выше, что он садится на коня, но ожидает московских послов, Баторий в июне 1580 года двинулся со всеми своими войсками из Вильны на Часники; место это расположено на равном расстоянии от Великих Лук и Смоленска, и поэтому сосредоточение у него королевских сил скрывало также, как в прошлом году сосредоточение у Свира, намерения Стефана о его последующих действиях.

В гораздо более трудном положении находился Иоанн, вынужденный обороняться. Сильные полки были поставлены им на юге

против крымцев и двинуты на северо-запад против шведов; для встречи же Батория надо было держать войско наготове и у Пскова, и на Двине, и у Смоленска.

От Часников король во главе 50 тысяч человек (из них 21 тысяча приходилась на пехоту) направился к Великим Лукам. Скоро Ян Замойский зажег деревянную крепость Велиж и взял ее; затем поляки взяли и Усвят.

При этих обстоятельствах Иоанн, поборов свою гордость, приказал нашим послам, уже высланным к Баторию, но затем задержанным ввиду открытия им военных действий, продолжать свою поездку и вести переговоры о мире.

Эти послы, князь Сицкий, Роман Пивов и Фома Пантелеев, явились к королю, когда он подошел к Великим Лукам, и терпели от поляков большие дерзости, как только перешли нашу границу; в ответ на эти дерзости послы держали себя не вызывающе, но с большим достоинством; когда посланный к ним от оршинского воеводы Филона Кмиты назвал последнего воеводой смоленским, то Сицкий и Пивов сказали ему: «Филон затевает неле-

пость, называя себя воеводой Смоленским; он еще не тот Филон, который был у Александра Македонского; Смоленск – вотчина государя нашего; у государя нашего Филонов много по осторожным воротам». Еще грубее стали обращаться с послами, когда они прибыли в стан короля. Баторий сидел в шапке и не привстал, когда они передавали ему, по обычаю, царский привет. Послы предложили королю от имени Иоанна Полоцк, Курляндию и 24 города в Ливонии. Но Баторий ответил, что он может согласиться на мир, если ему будет уступлена вся Ливония, а также Псков, Новгород, Смоленск, Великие Луки, и деятельно вел осаду против последней крепости. После многих стараний Замойскому удалось зажечь ее деревянные стены; венгры так же, как под Полоцком, опасаясь лишиться добычи, в случае если осажденные вступят в переговоры о сдаче, самовольно кинулись на приступ, ворвались в город и начали резать всех, не щадя ни возраста, ни пола. Поляки последовали их примеру; тщетно Замойский напрягал все свои силы, чтобы остановить эти зверства; ему удалось спасти только двух воевод; все

же остальные русские были перебиты. «В бешеной схватке, – говорит Валишевский, – на этот раз не был пощажён никто. Даже были перебиты монахи, вышедшие крестным ходом с иконами и крестами».

Вслед за тем князь Збаражский с польской, венгерской и немецкой конницей разбил наш отряд князя Хилкова под Торопцом. Наконец поляки зажгли и взяли Невель, Озерище и Заволочье. Только над хвастливым Филоном Кмитой удалось нашему воеводе Ивану Михайловичу Бутурлину одержать блистательную победу; он настиг его в 40 верстах от Смоленска, взяв знамена, весь обоз, 10 пушек, 50 затинных пицалей и много пленных. С наступлением осени Баторий уехал в Польшу, но военные действия продолжались и без него; в феврале 1581 года поляки взяли Холм и выжгли Старую Руссу, а в Ливонии, вместе с изменником нашим, бывшим королем Магнусом, опустошили Юрьевскую область.

Вместе с тем и Иоганн Шведский, движимый ненавистью к Грозному, направил против него все свои силы. Его полководец Пон-

тус Делагарди успешно действовал в Карелии и взял Кексгольм, истребив там 2 тысячи русских. В Эстонии же шведы осади ли занятый нами замок Падис, геройская оборона которого прославила его доблестных защитников во главе с их воеводой – великим по своему мужеству старцем Данилой Чихачевым. Наши воины 13 недель день и ночь отбивались в Падисе от шведов, терпя при этом страшный голод; у них совершенно не было хлеба, и они переели всех лошадей, собак, кошек, сено, солому, кожи, а некоторые тайно питались и человеческим мясом, вероятно, с убитых товарищей и умерших младенцев. Шведы, отчаявшись взять это орлиное гнездо, отправили своего переговорщика с предложением сдачи, но он был тотчас же застрелен доблестными защитниками крепости. Наконец неприятель ворвался в Падис и нашел в нем не людей, а тени, которые были все перебиты, кроме одного, молодого князя Михаила Сицкого.

Вслед за взятием Падиса, в декабре 1580 года, Понтус Делагарди, неожиданно оставив Карелию, появился в Эстонии и в марте овладел Везенбергом. Успехи же московских вое-

вод ограничили за это время только удачным набегом в Литовские области, граничившие со Смоленском, причем, однако, был убит мужественный Бутурлин.

В это печальное время царь праздновал в Александровской слободе в среде близких лиц свой седьмой брак с Марией Нагой, а вместе с тем брак своего второго сына Феодора с Ириной, сестрой нового любимца, пожалованного недавно в бояре, – Бориса Годунова [19].

Баторий же по-прежнему деятельно готовился к новому большому походу на лето 1581 года, стараясь всюду занять деньги и убеждая собранный в феврале сейм в необходимости продолжения борьбы, чтобы во всяком случае овладеть Ливонией, а при удаче завоевать и несколько московских областей. Поляки, воодушевленные его победами, решили дать деньги для ведения войны еще на два года. Много помогали Баторию и его сильные связи с папой. «По следам короля, – говорит Валишевский, – шла другая армия. Это иезуиты вели религиозную пропаганду, успехи которой уже давали себя чувствовать в

Русско-Литовских областях до самой Ливонии... Их работа метила далеко и охватывала обширные области. Победоносное движение католицизма через Ливонию должно было достигнуть Швеции, где Рим вновь получал точку опоры благодаря Екатерине из рода Ягеллонов. Возвращением потерянной Земли в лоно католицизма думали замкнуть реформуляцию в круг, где она и задохнется. Подчиненная Москва, в свою очередь, подчинится тогда натиску торжествующего католицизма».

Иоанн, конечно, не знал всех этих тайных намерений Латинской церкви и ее прочной связи с новым польским королем; видя, что с появлением на польском престоле Стефана Батория наши дела пошли плохо, государь решил отправить еще в конце 1580 года своего посла Шевригина к новому германскому императору Рудольфу II и к папе в Рим, с жалобой на Батория и с просьбой принудить его к заключению мира с Москвою.

Вместе с тем переговоры о мире непосредственно между Иоанном и королем продолжались также, причем поляки не переставали обращаться с нашими послами самым воз-

мутительным образом: по дороге их бесчестили, бывших с ними людей били, грабили и не давали корму ни людям, ни лошадям. «В Варшаве паны радные Польские говорили послам великим задорные речи и непригожие слова, да и в раде сидя, говорили высокие и задорные слова... Послы (Пушкин и Писемский) против их разговоров молчали, а отговаривали им без брани, слегка, по Государеву наказу», – говорит С. Соловьев. Давая им этот наказ, Иоанн, чтобы добиться мира, приказал им требовать во что бы то ни стало приема у короля, не останавливаясь даже перед тем, если их будут бить. «Если паны станут говорить, чтобы государя царем не писать, и за этим дело остановится, то послам отвечать: «Государю нашему царское имя Бог дал и кто у него отнимет его? Государи наши не со вчерашнего дня государи, извечные государи...» Если же станут спрашивать: «Кто же это со вчерашнего дня государь?» – отвечать: «Мы говорим про то, что наш государь не со вчерашнего дня государь, а кто со вчерашнего дня государь, тот сам себя знает...» Послы должны были предложить Баторию за мир

всю Ливонию, исключая 4 города. Но он, уверенный в своих будущих победах, не согласился и на это, а еще повысил свои прежние условия: требовал уступки Себежа и уплаты 400 тысяч венгерских червонцев.

Узнав об этом, Иоанн рассердился, и когда к нему прибыл гонец от Батория, то он встретил его очень холодно, не спросив о здоровье короля, и послал в ответ грамоту, начинавшуюся словами, которые должны были уколоть Батория: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, по Божьему изволению, а не по многомятежному человеческому хотению...» Затем, изложив условия, на которых он признает возможным мириться, государь укорял Батория в нарушении перемирия и грубости его панов относительно наших послов и между прочим высказывал: «Когда на вашем государстве были прежние государи христианские, благочестивые... тогда паны рады с нашими послами разговорные речи говаривали и многие приговоры делывали, чтобы на обе стороны любо было. Мы бы тебе и всю Лифляндию уступили, да ведь тебя этим не утетишь; и после ты все равно бу-

дешь кровь проливать...»

В ответ на это, когда приготовления поляков к походу уже закончились, Баторий отправил к Иоанну письмо, наполненное грубыми ругательствами, где он его называл Фараоном Московским и волком, причем вызывал его на поединок. Получив его послание, Грозный, всегда уважавший представителей чужих государей, даже с которыми был в войне, ограничился тем, что гонца, привезшего письмо, не позвал обедать и не послал ему этот обед на дом.

Выступая в поход 1581 года, Баторий собрался идти уже в самое сердце русских владений и думал направиться прямо к Новгороду, получив известие, что служилые люди готовы отложиться от Иоанна; но затем решено было двинуться ко Пскову, взятие которого отдавало в руки поляков всю Ливонию. Овладев по пути городом Островом, Баторий во главе 100-тысячного войска подошел 26 августа к Пскову; завидя его, поляки были поражены размером и величественным видом древней отчины Святой Ольги. «Можно подумать, что это второй Париж», – писал в своих

записках состоявший при Батории ксендз Пиотровский.

На этот раз русские не были застигнуты врасплох. Государь предугадал, что Псков будет предметом действий короля, и заблаговременно принял меры к усилению обороны этой сильнейшей крепости во всем государстве. Для ее защиты было собрано 7 тысяч конницы и около 50 тысяч пехоты, считая при этом и обывателей, несших военную службу; на стенах имелась многочисленная артиллерия и в числе ее две огромные пушки: «Трескотуха» и «Барс». Главными воеводами были два славных мужа, оба князя Шуйские: Василий Феодорович Скопин-Шуйский и Иван Петрович, сын известного воеводы и внук знаменитого Ивана, правителя в малолетство Грозного.

Посылая воевод во Псков, царь взял с них клятву пред иконой Владимирской Божией Матери в московском Успенском соборе, что они не сдадут его, пока будут живы.

Доблестное псковское духовенство, во главе с протоиереем Троицкого собора Лукою и игуменом Псково-Печерского монастыря Ти-

хоном, прибывшим в город из своей обители, постоянно служило молебны и совершало вокруг города крестные ходы, поднимая наиболее чтимые иконы вместе с мощами святого Всеволода-Гавриила и воодушевляя псковитян крепко стоять за православную веру и Родину по примеру их славных предков.

Произведя исследование подступов к городу, Баторий увидел, что сведения, имевшиеся у него о Пскове, неверны и что со 100 тысячами приведенных им войск его едва ли можно будет взять; удивляла и сердила короля также меткая стрельба наших пушкарей, которые из «Трескотухи» и «Барса» посылали огромные каменные глыбы, долетавшие до самого королевского стана. Кроме того, оказалось, что поляки взяли с собой слишком мало пороха, из коего часть взорвалась к тому же по пути; некоторые польские историки полагают, что Баторий, угнетенный известием, полученным во время приготовления к походу, – о смерти брата своего, седмиградского воеводы, забыл отдать распоряжение о заготовлении достаточного количества пороха.

После совета с великим коронным гетманом Яном ЗамоЙским, получившим это звание при подходе ко Пскову, король решил сосредоточить все свои орудия против южного угла крепостной стены, на участке между Покровской башней и Великими воротами, посреди которого находилась другая башня – Свиная. 1 сентября поляки начали осадные работы – копали великие борозды (или, как теперь говорят, траншеи); 7-го они открыли стрельбу из орудий, а 8-го – пробили стену и пошли на приступ с распущенными знаменами и трубными звуками; для противодействия же вылазкам русских из города была выставлена многочисленная конница, во главе одного из отрядов которой был Юрий Мнишек, отец столь знаменитой впоследствии Марины, жены двух Лжедмитриев.

Приступ увенчался удачей: поляки заняли сбитую до половины выстрелами Свиную башню, а венгры – почти совершенно уничтоженную Покровскую. Радость неприятеля была велика; рассказывают, что перед приступом король угостил всех военачальников веселым обедом, и они дали ему обещание, что

вечером будут уже ужинать во Пскове. Однако побывать во Пскове им не пришлось вовсе. За разрушенной каменной стеной они встретили глубокий ров и другую деревянную стену, за которой стояли мужественные защитники города. Завязался жестокий бой; временами можно было думать, что наши не устоят, но доблестный князь Иван Петрович Шуйский поспевал ко всем наиболее угрожаемым местам и своими речами, просьбами, угрозами, а порой и слезами поднимал дух защитников.

По звону осадного колокола псковские граждане, простившись с женами и детьми, устремились к городским стенам, чтобы подкрепить сражающихся.

Между тем пушки наши, поставленные на стенах, гремели непрерывно, и «Барсу» удалось побить множество поляков, засевших в Свиной башне, после чего воевода велел подкатить под нее большую бочку с порохом и зажечь его. Скоро остатки Свиной башни взлетели на воздух.

Старики, женщины и дети горячо молились в это время в славном соборе Святой

Троицы. Вдруг туда приходит просьба Шуйского, посланная в самый тяжкий час: нести к проломному месту Печерскую икону Умиления Божией Матери вместе с другими чудотворными образами и мощами святого Всеволода-Гавриила. Необычайное одушевление охватило молящихся; все двинулись из храма с крестным ходом к самому месту боя; часть женщин несла веревки, чтобы тащить отбитые у неприятеля пушки; другие из них катили камни, чтоб убивать поляков; третьи — имели в руках сосуды с водой для утоления жажды наших воинов. Наконец поляки и немцы были выбиты из пролома, а после них побежали и венгры из Покровской башни. Битва окончилась позднею ночью; у нас было убито 860 человек и ранено 1600. Радость псковичей была неопишуемая: благодарственные молебны служились во всех церквах; убитых хоронили как мучеников, павших за православную веру. Неприятель потерял до 5 тысяч человек, в том числе храброго венгерского воеводу Бекеша.

Баторий был, конечно, страшно огорчен неудачей, но решил во что бы то ни стало

взять Псков. Ввиду отсутствия пороха он послал за ним в Ригу, к герцогу Курляндскому, а в ожидании его прибытия приказал вести подкопы под город в разных местах, но наши в свою очередь также вели свои подземные работы против подкопов и выводили так называемые слухи. Скоро к нам перебежал бывший полоцкий стрелец Игнат и указал, в каком направлении ведут поляки подкопы; тогда мы повели туда же наши слухи и переняли их.

Пытался также Баторий склонить русских воевод к измене и писал им льстивые грамоты, но они отвечали ему на них: «Мы не жиды: не предаем ни Христа, ни Царя, ни Отечества, не слушаем лести, не боимся угроз. Иди на брань: победа зависит от Бога» – и с великим старанием готовились к дальнейшей обороне: заготовляли котлы для горячей воды, чтобы обдавать кипятком неприятеля во время приступа; кувшины с порохом, чтобы бросать в него; известь, чтобы засыпать глаза, и прочее. Часто, чтобы не давать полякам покою, русские производили вылазки, обыкновенно успешные.

Наконец к полякам из Риги прибыл порох; но и после этого все попытки овладеть городом оставались тщетными.

Между тем погода портилась; настала глубокая осень, и начались морозы. 2 ноября Стефан Баторий повел свои войска на новый приступ, который окончился опять полной неудачей. Единственные успехи поляков заключались в том, что они перехватывали иногда стрельцов из отрядов, направляемых Грозным на подкрепление Пскова. Однажды им попался и предводитель небольшой партии стрельцов – Никита Хвостов. «Я не видел такого красивого и статного мужчины, – говорит один поляк в своих записках, – как этот Хвостов. Он мог бы поспорить со львом; еще молодой – лет под тридцать. Все войско ходит на него дивиться».

Не удалась Баторию и попытка овладеть Псково-Печерским монастырем, толстые стены которого и башни были вооружены пушками и геройски оборонялись стрельцами и иноками под начальством Юрия Нечаева. Наш изменник – датский полковник Фаренсбах, посланный для взятия обители, со сты-

дом должен был отступить от нее. В дневнике похода Стефана Батория, веденном одним поляком, под 16 ноября 1581 года значится: «Борнемиссе (одному из предводителей) с венгерцами и Фаренсбаху с немцами не везет в Печорах. Пробьют отверстие в стене, подойдут к нему, да и остановятся, далее идти не могут. Все удивляются, отчего это происходит. Одни говорят, что это колдовство со стороны русских, другие – что место свято. Уже второй приступ не удается. Эти монахи творят чудеса храбрости». Замойский, пораженный стойкостью обители, послал инокам в дар икону Благовещенья, писанную на стекле, и ласковую грамоту, уговаривая их сдаться и ручаясь при этом, что король всячески их будет жаловать и охранять православие. Но монахи, выслушав его льстивую грамоту, отвечали: «Не хотим жалования от короля и не страшимся угроз его, не принимаем и льстивого ласкательства канцлера... но умрем в дому Пречистая по своему иноческому обещания и по крестному целованию, за отчину своего государя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси». Этот ответ посланному Замойско-

го передал старец Патермуфий, облекшись во все схимническое одеяние, и сказал в заключение: «Как одного меня видите, так все мы готовы умереть».

Польская рать с наступлением стужи терпела большую нужду, и буйная шляхта стала сильно волноваться. Король решил, однако, оставить зимовать свое войско под Псковом; сам же он, по-видимому не рассчитывая на успех, хотел уехать, вероятно, для того, чтобы отступление было произведено без него; поводом для отъезда была выставлена необходимость присутствовать на сейме, хотя он еще и не собирался.

Баторию, как обычно, пришел на помощь Ян Замойский. Он ввел строжайшие порядки в королевском войске и особенно сурово наказывал буйных шляхтичей: держал их за проступки в оковах, выставляя на позор перед войсками, и употреблял порой телесные наказания. Конечно, шляхта его ненавидела: когда королю пришло время уезжать, то все кричали, что Замойский оставит войско на жертву холоду и голоду, а сам тоже уедет в Варшаву под предлогом необходимости при-

сутствовать на сейме. Но Замойский остался, хотя дальнейшее пребывание его и не подвинуло дела осады Пскова. Невелики были успехи польских отрядов и в других местах. Баторий послал Христофора Радзивилла, Филона Кмиту и Гарабурду к верхней Волге; они дошли до Ржева и Старицы, но затем повернули назад, поверив слуху, что против них с большими полками идет государь, чего, к сожалению, не было, так как, по-видимому, у Грозного совершенно не осталось под рукой свободных войск.

Если успехи поляков были незначительны в 1581 году, то шведы сумели нанести нам в это время ряд крайне чувствительных по своему значению ударов. Они взяли укрепленные города Лоде, Фиккель, Леаль, Вейссенштейн и Нарву, где пало 7 тысяч русских; потеря Нарвы была особенно для нас тяжела, так как после ее завоевания шведами вовсе прекращалась наша непосредственная торговля с Западом через Балтийское море. Успехи шведов этим не ограничились. Понтус Делагарди, перенеся войну на русскую почву, взял Ивангород, Яму и Копорье.

Как раз во время этих тяжелых для сердца Иоанна происшествий неожиданно произошло и событие, принесшее ему величайшее личное горе и имевшее своим последствием ряд неисчислимых бедствий для Русской земли.

Грозный царь, несдержанный и запальчивый, разгневавшись на старшего сына Ивана, в ярости ударил его в висок своим жезлом с железным наконечником, и царевич через четыре дня умер. За что разгневался государь на сына – в точности неизвестно; по-видимому, он рассердился сначала на свою сноху, жену Ивана Молодого, за то, что она, будучи нездоровой, лежала у себя в комнате в одном исподнем платье, что для знатных женщин считалось неприличным. Сын вступился за жену, ожидавшую вскоре ребенка, и был убит пришедшим в исступление от этого противоречия отцом. Конечно, горесть Иоанна была неопишуема.

Смерть Ивана Молодого была великим бедствием и для Русской земли: по отзыву современников, он мог бы быть вполне достойным государем на славном, но трудном мос-

ковском столе, так как отличался большим умом и твердостью духа, переходившей, по мнению некоторых, даже в жестокосердие, следовавший же за ним брат Феодор был человеком кротким, богобоязненным, но совершенно неспособным к правлению. К довершению беды, у Ивана Молодого не было детей, почему его два первых брака, с Евдокией Сабуровой и Параскевой Соловой, были расторгнуты; третья же его жена, в девицах Елена Ивановна Шереметева, родила через несколько дней после его кончины, вероятно под влиянием пережитых потрясений, мертвого младенца.

Глубокий ужас объял несчастного сыноубийцу. Неистово ведя борьбу с многочисленными внутренними и внешними врагами своего царства с целью укрепить державу московских государей по завету своих предков и великих святителей Петра, Алексия и Ионы, Иоанн в порыве бешенства собственными руками разрушил все, для чего трудился с таким непомерным напряжением всю свою жизнь. Он отлично понимал полную неспособность Феодора к правлению и, как

рассказывают, говорил про него, что ему следовало бы быть не царем, а пономарем, так как кроткий и набожный царевич любил сам благовестить к заутрене. Проводя после убийства сына дни и ночи в полном отчаянии, граничившем с умопомешательством, Грозный царь собрал своих бояр и объявил им, что не хочет больше царствовать, а так как Феодор не может править государством, то он предлагает им подумать, кто из них способен занять царский престол. Устрашенные этим вопросом бояре, предполагая, что их, может быть, лишь испытывают, объявили, что хотят видеть государем после Иоанна только его сына, и упростили Грозного, пока он жив, сидеть на царстве.

Во время этих непомерно тяжелых обстоятельств для Иоанна и для всего государства в наших пределах уже находился посредник, который вел переговоры о мире с Баторием.

Мы видели, что государь отправил своего гонца Шевригина к новому германскому императору Рудольфу II и к папе – жаловаться на Батория и объявить им, что он хочет быть с ними в любви и согласии на всех недругов.

Слабодушный Рудольф отвечал уклончиво, но иначе отнесся к этому знаменитый папа Григорий XIII, приказавший, как мы говорили, украсить Рим тысячами разноцветных огней, когда он узнал об избиении множества лютеран во время Варфоломеевской ночи, и пославший в 1579 году Стефану Баторию меч для борьбы с «врагами христианства» – русскими. Теперь, когда Иоанн – глава этих «врагов христианства» – обратился к нему за посредничеством, Григорий решил, что настало благоприятное время возобновить попытки обращения русских в латинство, и, с радостью согласившись на посредничество, назначил для этой цели надежного мужа – ученого иезуита Антония Поссевина, дав ему особый наказ, в котором между прочим говорилось: «Приобретя расположение и доверенность московского государя, приступайте к делу, внушайте, как можно искуснее, мысль о необходимости принять католическую религию, признать главою церкви первосвященника Римского, признаваемого таковым от всех государей христианских; наводите царя на мысль, как неприлично такому великому

государю признавать митрополита Константинопольского, который не есть законный пастырь, но ставленник и раб турок... Так как, может быть, монахи или священники московские, частью по грубости своей и отвращению к Латинской церкви, частью из опасения потерять свое значение, будут противиться нашему благочестивому намерению и употреблять все усилия, чтобы не допустить государя оставить греческую веру, то старайтесь всеми силами приобрести их расположение...»

Отправившись в путь, Поссевин заехал прежде всего к Баторию, которого застал еще в Вильне, до выступления в поход против Пскова. Нет сомнения, что он привез королю благословение папы на новые подвиги против «врагов христианства», что видно из грубого выражения самого Поссевина в письме к кардиналу де Кома, которому он писал: «Хлыст Польского короля, может быть, является наилучшим средством для введения католицизма в Московии». Однако, несмотря на явное пристрастие, которое оказывал поля-

кам Поссевин, даже в их стане он вызывал своим недостойным для посредника и пастыря поведением отталкивающие чувства. «Великий полководец, – говорит про Яна Замойского ксендз Пиотровский в своих записках, – никогда не встречал человека более отвратительного (чем Поссевин): он намеревается прогнать его палкой после заключения мира».

От Батория Поссевин приехал в августе 1581 года к Иоанну и, конечно, старался по пути, во исполнение данного наказа от папы, заговаривать о вере с приставленным к нему царским приставом; но последнему, в свою очередь, перед отправлением для встречи Поссевина, был тоже дан наказ: «Если посол станет задирать (поднимать вопрос) и говорить о вере, Греческой или Римской, то приставу отвечать: грамоте не учивался, да не говорить ничего про веру».

Поссевин объявил государю, что Баторий не хочет мириться без всей Ливонии, а затем стал просить о разрешении построить несколько католических церквей в Москве для приезжающих иностранных купцов, а

также приступить к вопросу о присоединении к латинству: «К царствам и богатствам, – говорил он царю, – которых у тебя много, к славе той, которую ты приобрел расширением Земли своей, прибавь славу единения с верой апостольской и тогда великое множество небесного благословения получишь». Иоанн на это отвечал: «Мы никогда не желали и не хотим, чтобы кровопролитие в христианстве было, и Божиим милосердием от младенчества нашего через много лет кровопролитие в христианстве не велось. Но ненавидящий добра враг с своими сосудами ввел в Литовской Земле новую веру, что называется Лютер Мартын; в ваших странах эта вера сильно распространилась; и как это учение утвердилось, так в христианстве и кровопролитие началось, а как и которым обычаем началось, и почему между нами и Стефаном королем не дружба стала, мы тебе об этом после скажем; а теперь извещаем тебя, как нам быть в дружбе и любви с папой и цесарем Рудольфом. Что наивышний папа Григорий хочет между всеми нами, государями, христианское мирное постановление утвердить, то нам приятно

и любительно... Венецианам в наше государство приезжать вольно с попами и со всякими товарами, а церквам Римским в нашем государстве быть непригоже, потому что до нас этого обычая здесь не бывало, и мы хотим по старине держать».

После этого государь объявил свои условия мира с Баторием. Он уступал полякам 66 городов в Ливонии и русские города: Великие Луки, Заволочье, Невель, Велиж, Холм, но требовал для себя 35 городов ливонских. «Потому, – объяснял Иоанн, – нам нельзя уступить королю всей Лифляндской земли: если нам ее всю уступить, то нам не будет ссылки ни с папою, ни с цесарем, ни с какими другими государями Италийскими (то есть западноевропейскими) и Поморскими местами, разве только, когда король Польский захочет пропустить наших послов. Король называет меня Фараоном (в последнем бранном письме Батория) и просит у меня 400 000 червонцев; но Фараон Египетский никому дани не давал».

По вопросу же о соединении с Римской церковью государь сказал: «Мы тебя теперь отпускаем к Стефану королю за важными де-

лами наскоро, а как будешь у нас от короля Стефана, тогда мы тебе дадим знать о вере». Поссевин, разумеется, и не думал склонять Батория на условия мира, предложенные Иоанном: наоборот, он, несомненно, уговаривал короля настаивать на требовании всей Ливонии, как ясно свидетельствует записка его, хранящаяся в папском книгохранилище в Ватикане: «Есть надежда, что, при помощи Божией, оказанной католическому королю (Баторию), вся Ливония скоро отойдет к Польше, и тогда не должно упускать случая к восстановлению здесь католической религии, при короле, который среди забот военных не оставляет святой мысли о поддержании и распространении истинной веры. Кроме того, на Руси, в Подолии, Волыни, Литве и Самогитии жители упорно держатся Греческого исповедания, хотя имеют господ католиков. Сенат, и особенно король, подозревающий их верность, желает обратить их в католицизм, ибо найдено, что жители этих областей, по приверженности к своим единоверцам, москвичам, открыто молятся о даровании им победы над поляками».

Записка эта ясно показывает нам, почему Поссевин, вторично прибыв к Иоанну от Батория после неудач последнего под Псковом, непременно требовал, чтобы полякам была уступлена вся Ливония. Так как к этому времени шведы овладели уже большею частью побережья в Эстонии, то Иоанн с сыном и боярами приговорили: «Теперь, по конечной неволе, смотря по нынешнему времени, что Литовский король со многими Землями и Шведский король стоят заодно, с Литовским бы королем помириться на том: Ливонские бы города, которые за государем, королю уступить, а Луки Великие и другие города, что король взял, пусть он уступит государю; а помирившись с королем Стефаном, стать на Шведского, для чего тех городов, которые Шведский взял, а также и Ревель, не писать в перемирные грамоты с королем Стефаном».

На основании этого приговора в декабре 1581 года в деревне Киверова Гора наши уполномоченные князь Елецкий, печатник Алферьев съехались с польскими, и начались переговоры о мире. Деятельное участие в них принимал и Поссевин, явно стоя заодно с по-

ляками и позволяя себе по отношению наших послов разные грубые выходки.

Замойский между тем продолжал вести бесполезную осаду Пскова и под конец ее омрачил свое светлое имя недостойным поступком: он послал князю Ивану Петровичу Шуйскому ящик с запиской, будто бы от одного нашего раскаявшегося изменника, немца Моллера, в которой было сказано, что в ящике находятся драгоценности. Славный русский воевода, однако, этому не поверил и приказал вскрыть ящик с предосторожностями, причем в нем оказались порох и заряженное огнестрельное оружие, уложенное таким образом, что при неосторожном открывании посылки должен был последовать выстрел и взрыв пороха. Возмущенный таким коварством, Шуйский вызвал Замойского на поединок, который, однако, не состоялся.

Наконец после того, как 4 января 1582 года доблестные защитники Пскова сделали 46-ю по счету успешную вылазку, избив множество осаждающих, Замойский сообщил своим уполномоченным в деревню Киверову Гору,

что более недели он не может держаться под Псковом. Ввиду этого 6 января 1582 года было заключено перемирие на 10 лет на условиях, предложенных Иоанном, то есть с потерей нами всей Ливонии, из-за обладания которой он так страстно боролся в течение более двадцати лет.

Вслед за тем Поссевин прибыл в Москву и застал Грозного в тех ужасных терзаниях, которые он испытывал после нечаянного убийства сына. Выгодно устроив дела Польши, иезуит хотел также склонить царя к соединению с Римом и стал просить позволения говорить с ним наедине о вере, но государь, хотя вообще очень любил вести прения о религии [20], отклонил это. «Мы с тобой говорить готовы, – сказал он, – только не наедине: нам без ближних людей в это время как быть? Да и то порассуди: ты, по наказу наивышнего папы и своею службою, между нами и Стефаном королем мирное постановление заключил, и теперь между нами, дал Бог, христианство в покое; а если мы станем говорить о вере, то каждый по своей вере ревнитель, каждый свою веру будет хвалить, пойдет спор, и мы боим-

ся, чтобы оттого вражда не воздвиглась». Антоний, однако, настаивал и уверял, что если царь перейдет в латинство, то получит не только Киев, но и царьградский стол. Иоанн не прельстился и этим и отвечал: «Нам с вами не сойтись о вере: наша вера христианская с давних лет была сама по себе, а Римская церковь сама по себе; мы в Христианской вере родились и Божию благодатью дошли до совершенного возраста; нам уже 50 лет с годом, нам уже не для чего переменяться и на большое государство хотеть... Ты говоришь, что ваша вера Римская с Греческою одна: но мы держим веру истинную Христианскую, а не Греческую; Греческая слывет потому, что еще пророк Давид пророчествовал: от Ефиопии предварит рука ее к Богу, а Ефиопия все равно что Византия[21]; Византия же просияла в Христианстве, потому и Греческая слывет вера, а мы веру истинную Христианскую исповедуем, и с нашей верой Христианской Римская вера во многом не сойдется, но мы об этом говорить не хотим, чтобы не было супротивных слов...»

Несмотря на такой ответ, Поссевин все же

продолжал просить государя продолжать разговор о вере. Тогда Иоанн ему сказал: «Мы о больших делах говорить с тобой не хотим, чтобы тебе не было досадно; а вот малое дело: у тебя борода подсеченная, а бороду подсекать и подбривать не велено не только попу, но и мирским людям; ты в Римской вере поп, а бороду сечешь, и ты нам скажи, от кого это ты взял, из которого учения». Иезуит смутился и объявил, что он бороды не бреет, а она у него смолоду не растет. Тогда царь продолжал: «Сказывал нам наш парубок, который был послан в Рим, что папу Григория носят на престоле, а на сапоге у папы крест, и вот первое, в чем нашей вере Христианской с Римской будет разница: в нашей вере крест Христов на врагов победа, чтим его, у нас не водится крест ниже пояса носить». Посевин смутился еще более и отвечал: «Папу достойно величать: он глава Христиан, учитель всех Государей, сопрестольник апостола Петра, Христова сопрестольника. Вот и ты, государь великий, и прародитель твой был на Киеве великий князь Владимир: и вас, Государей, как нам не величать и не славить и в ноги не

припадать». Промолвив это, иезуит поклонился Иоанну в ноги.

Но государь с укоризною отвечал Поссеви-ну:

«Говоришь про Григория папу слова хвастливые, что он сопрестольник Христу и Петру апостолу, говоришь это мудрствуя о себе, а не по заповедям Господним... Нас пригоже почитать по Царскому величию, а святителям всем, апостольским ученикам, должно смирение показывать, а не возноситься превыше Царей гордостью.

Папа не Христос; престол, на котором его носят, не облако; те, которые его носят, не ангелы. Папе Григорию не следует Христу уподобляться и сопрестольником ему быть, да и Петра апостола равнять Христу не следует же. Который папа по Христову учению, по преданию апостолов и прежних пап – от Сильвестра до Адриана – ходит, тот папа сопрестольник этим великим папам и апостолам, а который папа не по Христову учению и не по апостольскому преданию жить станет, тот папа – волк, а не пастырь». Так закончил свой ответ увлеченный спором Иоанн. «Если уже папа

волк, то мне нечего больше и говорить», – ответил обидевшийся иезуит и замолчал. Успокоившись, Грозный сказал ему: «Вот я говорил, что нам нельзя говорить о вере. Без раздорных слов не обойдется. Оставим это».

Видя неудачу в своем главном деле, Поссевин стал просить отпустить несколько русских людей в Рим – изучать латинский язык, очевидно, с целью совратить их в иезуитской школе в католичество и затем вести через них пропаганду на Руси. Иоанн понял это и отвечал: «Теперь вскорости таких людей собрать нельзя, которые бы к этому делу были пригодны... а что ты говорил о Венецианах, то им вольно приезжать в наше государство и попам их с ними, только бы они учения своего между русскими людьми не плодили и костелов не ставили; пусть каждый остается в своей вере; в нашем государстве много разных вер; мы ни у кого воли не отнимаем, живут все по своей воле, как кто хочет, а церквей иноверных до сих пор еще в нашем государстве не ставливали».

4 марта, в воскресенье Великого поста, государь пригласил Поссевина идти в церковь

смотреть наше богослужение. Последний, не желая показать своим присутствием в храме уважение к православию, нехотя согласился и постарался тотчас же незаметно скрыться из церкви. Все думали, что Иоанн разгневан; но он потер себе только лоб и сказал: «Ну, пусть делает, как знает». Вскоре затем иезуит уехал в Рим. Сопровождавшему его гонцу было вручено любезное письмо от Иоанна на имя папы и, кроме того, наказано: «Если папа или его советники начнут говорить: государь ваш папу назвал волком и хищником, то отвечать, что им слышать этого не случилось».

Мы видели, что Грозный согласился уступить Ливонию полякам с тем, чтобы сосредоточить все свои силы в борьбе со шведами для обратного завоевания балтийского побережья – Эстонии. Однако, к великому сожалению, этого не случилось.

Несмотря на то что русские двукратно отбили приступ шведов к Орешку, которых вёл туда наш изменник князь Афанасий Бельский, в августе 1583 года послы Иоанна заключили со шведами перемирие на три года, причем за ними остались русские города,

незадолго перед тем взятые у нас: Ям, Ивангород и Копорье. Это крайне невыгодное для нас перемирие было вызвано, несомненно, ввиду опасения новой войны с Польшей, а также и весьма тревожными вестями о восстании луговой черемисы в Казанской области, что требовало посылки туда значительных воинских сил; восстание в Казанской области постоянно поддерживал крымский хан, хотя, к счастью для нас, в наступившие тяжелые годы борьбы Иоанна с Баторием крымские татары ничем другим нам вредить не могли, так как принимали участие, по приказанию султана, в войне с Персией.

Потеряв Ливонию и балтийское побережье и убедившись, что поляки и шведы превосходят нас в ратном искусстве, Иоанн, несмотря на ужасные потрясения, пережитые им, отнюдь не оставлял мысли вновь стать твердой ногой на Балтийском море, причем рассчитывал достигнуть этого в союзе с каким-либо европейским государством, которое снабдило бы нас плодами западного искусства. Для этого он решил обратиться к своей давней приятельнице – Елизавете Английской, очень до-

рожившей дружескими отношениями с Иоанном и для поддержания их оказывавшей ему большие учтивости; так, летом 1581 года она прислала царю своего врача Роберта Якоби, причем писала: «Мужа искуснейшего в исцелении болезней уступаю тебе, моему брату кровному, не для того, чтобы он был не нужен мне, но для того, что тебе нужен. Можешь смело верить ему свое здравие. Посылаю с ним, в угодность твою, аптекарей и цирюльников, волею и неволею, хотя мы сами имеем недостаток в таких людях».

Пользуясь этими добрыми отношениями с Елизаветой, Иоанн решил отправить к ней в августе 1582 года дворянина Феодора Писемского, которому было наказано предложить королеве наступательный союз против Польши, а также и начать дело о сватовстве самого царя к ее племяннице – 30-летней девице Марии Гастингс, на которую указал Грозному как на подходящую для него невесту прибывший из Англии лекарь Роберт Якоби. Посланный должен был по последнему поводу сказать Елизавете: «Ты бы, сестра наша любительная, Елизавета королевна, ту свою пле-

мянницу нашему послу Феодору показать велела и парсону б ее (изображение) к нам при-
слала на доске и на бумаге для того: будет она
пригодиться к нашему Государскому чину, то
мы с тобой, королевной, то дело станем де-
лать, как будет пригоже». При этом Иоанн, с
присущей ему обстоятельностью, приказал
Писемскому взять меру роста Марии Гастингс
и рассмотреть хорошенько, дородна ли она,
бела или смугла, узнать, каких она лет и про-
чее. В случае, если скажут, что Иоанн уже же-
нат на Марии Нагой, то Писемский должен
был отвечать: «Государь наш по многим госу-
дарствам посылал, чтобы по себе приискать
невесту, да не случилось, и государь взял за
себя в своем государстве боярскую дочь, да не
по себе; и если королевнина племянница до-
родна и такого великого дела достойна, то го-
сударь наш, свою отставя, стоворит за коро-
левнину племянницу». Затем Писемский обя-
зан был передать, что Мария непременно
должна принять православие, равно как и те
бояре и боярыни, что с ней приедут, иначе им
нельзя будет жить при царском дворе; он дол-
жен был передать также, что после Иоанна

на престол вступит сын его Феодор; дети же от Марии Гастингс получают уделы, а иначе делу статья нельзя.

Писемский был принят Елизаветой 4 ноября в ее загородном дворце Виндзоре отменно любезно; она с веселой улыбкой спрашивала посла о здоровье Иоанна, но затем очень долго заставила его ждать второго приема, хотя и оказывала ему разные знаки внимания. Между прочим ее вельможи предложили ему поехать поохотиться на оленей на заповедные острова. На это Писемский вежливо и с достоинством отвечал: «На королевнине жалованье много челом бью, а гулять ездить теперь не приходится, потому: присланы мы от своего государя к королевне по их великим делам; мы у королевны на посольстве были, а Государеву делу до сих пор и почину нет; да нынче же у нас пост, мяса мы не едим; и нам оленья к сему пригодится?» Но когда послу сказали, что его отказ огорчит королеву, то он поехал на охоту. Только в половине декабря в селе Гринвич Писемский имел свидание с английскими министрами и говорил с ними о союзе против Польши, причем просил помо-

щи как ратными людьми и казной, так и тем, чтобы королева велела отпускать к государю снаряд огнестрельный, доспехи, серу, нефть, медь, олово, свинец, мастеров всяких, ратных и рукодельных людей, за что обещал от имени Иоанна свободно пропускать всякие товары из Московского государства. Министры отвечали на это уклончиво: говорили, что на союз согласны, но вначале Елизавета должна попробовать примирить Иоанна с Баторием путем посредничества, и требовали за это, чтобы русские торговали исключительно с одними англичанами, а купцов других стран к себе не пускали. Конечно, в посредничестве Елизаветы не было надобности, так как мир с Баторием был уже заключен, а нам нужен был наступательный союз, с целью начать новую войну из-за Ливонии. На предложение же предоставить право исключительной торговли в России одним англичанам Писемский весьма основательно отвечал, что так как Англия не может жить только торговлей с одной Русской землею, «то и русским людям об одном английском торгу пробывать нельзя же».

Так же неудачно окончилось и дело о сватовстве. Елизавета, без сомнения, страшась отдавать племянницу за Грозного ввиду его нрава, а также и потому, что получила известие о рождении у Марии Нагой в это время сына – царевича Димитрия, отвечала Писемскому: «Любя брата своего, вашего государя, я рада быть с ним в свойстве; но я слышала, что государь ваш любит красивых девиц, а моя племянница некрасива, и государь ваш навряд ее полюбит. Я государю вашему челом бью, что, любя меня, хочет быть со мной в свойстве, но мне стыдно списать портрет с племянницы и послать его к Царю, потому что она некрасива, да и больна, лежала в оспе, лицо у нее теперь красное, ямоватое; как она теперь есть, нельзя с нее списывать портрета, хоть давай мне богатства всего света»[22]. Но Писемский объявил на это, желая в точности исполнить данный ему наказ, что будет ждать, пока Мария Гастингс вполне не оправится, и добился того, что в мае 1583 года он увидел ее в саду, где мог рассмотреть как следует. «Мария Гастингс, – доносил он Грозному, – ростом высока, тонка, лицом бела,

глаза у нее серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках тонкие и длинные». После смотрин Елизавета обратилась к нему со словами: «Думаю, что государь ваш племянницы моей не полюбит; да и тебе, я думаю, она не понравилась?» Но Писемский отвечал на это: «Мне показалось, что племянница твоя красива; а ведь дело это становится судом Божиим».

При таких обстоятельствах хитроумная королева написала Иоанну самое ласковое письмо, которое поручила передать отъезжавшему Писемскому, но вместе с ним отправила и своего посла Боуса, давши ему очень трудный наказ: добиться от Иоанна права исключительной торговли для Англии и вместе с тем отклонить его как от заключения наступательного союза, так и от брака с Марией Гастингс.

Очевидно, посольство Боуса не могло окончиться удачно, тем более что и сам он был человеком грубым и невежливым. Когда он объявил Иоанну, что Мария Гастингс больна и от своей веры не откажется, то последний сказал ему: «Вижу, что ты приехал не дело де-

лать, а отказываться; мы больше с тобой об этом деле и говорить не станем; дело это началось от задора доктора Робертса». Тогда Боус стал говорить: «Эта племянница королевне всех племянниц дальше в родстве, да и некрасива, а есть у королевы девиц с десять ближе ее в родстве». Но когда его спросили, кто именно эти девицы, то он отвечал, что ему наказа о них не давали, а без наказа он их имен объявить не может. Такие же неудовлетворительные ответы давал Боус и по вопросу о наступательном союзе против Польши и Швеции. Конечно, и Иоанн, в свою очередь, не мог согласиться предоставить исключительное право торговли с Россией, чего так добивалась Елизавета, одной только Англии. Таким образом, посольство Боуса не вызвало ничего, кроме взаимного неудовольствия, и надежды государя на скорое возвращение потерянного побережья Балтийского моря должны были рухнуть.

Но в этих тяжелых обстоятельствах он был обрадован неожиданной вестью о блистательных подвигах русских людей, бивших ему челом новым огромным царством, без го-

сударева приказа и ведома завоеванным ими. Это было Сибирское царство.

Мы видели, что еще при Иоанне III московские войска перешли через Каменный пояс, или Урал, куда до них проникали только небольшие партии смельчаков, и, неустрашимо пройдя в зимнюю стужу на оленях и собаках огромные пространства, вторглись вглубь Сибирского царства, составлявшего один из многих осколков бывшей обширной империи Чингисхана, причем взяли дань с тамошних князьков, властвовавших над сибирскими инородческими племенами.

С той поры Сибирь посещали только отдельные служилые люди Московского государства, из которых наибольшую славу по себе оставили два храбрейших и умнейших казака – атаманы Иван Петров и Бурнаш Ялычев. Грозный царь послал их в 1567 году за Сибирь, на юг, с дружественными грамотами: «к неизвестным властителям неизвестных народов». Получив такое трудное и неопределенное поручение, наши доблестные атаманы выполнили его с честью; они представили царю замечательно обстоятельное описание

всех земель от Байкальского озера до Корейского моря, лично посетив Монголию и Китай, где побывали в Пекине, и собрав все доступные для них сведения о Туркестане, Бухарии, Кашгаре и Тибете.

Еще раньше их путешествия, в 1555 году, татарский князь Едигер – властитель Сибирской Орды, называвшейся так по имени столичного городка Сибири, заложенного подвластными ему татарами[23], прислал к Иоанну своих послов поздравить его с покорением Казанского и Астраханского царств, а также просить, чтобы государь взял его под свою высокую руку для защиты от врагов, которыми были другие татарские князья, ведущие с Едигером борьбу из-за верховной власти над местными инородческими племенами – остяками, вогулами, башкирами и другими, заселявшими необъятные пространства, простиравшиеся к востоку от Каменного пояса. Царь милостиво принял посольство Едигера и согласился признать его своим подручником, за что последний обязался платить нам дань по соболу и по белке с каждого из своих черных людей, число коих он опреде-

лил в 30 700 человек.

Несмотря на это, прочных отношений с Едигером у нас не установилось; он крайне неисправно платил дань, отговариваясь трудными временами, а Грозный, всецело отвлеченный борьбой на Западе, не высылал ему ратной помощи против его врагов. Скоро Едигер был убит своим противником, другим татарским князем – воинственным Кучумом, который обязался было тоже платить дань Иоанну, но затем, утвердившись в Сибири, стал проявлять явно враждебные против нас действия.

Но в это время близ самого Каменного пояса уже прочно и крепко сидели русские люди, не замедлившие не только дать дерзкому сибирскому князю отпор, но и положить начало покорению Сибири. Эти русские люди принадлежали к славному и отважному роду Строгановых, которые, по-видимому, издревле были богатыми новгородскими гостями; движимые отвагой и предприимчивостью, они, может быть, еще в XIV веке переселись в Двинскую землю; здесь, в дремучих лесах, по пустынным берегам диких рек и

озер, Строгановы приобрели большие владения в Сольвычегодском и Устюжском крае и наживали великие богатства, занимаясь соляным промыслом, рыбной ловлей, а также хлебопашеством и торговлею с инородцами — пермяками и югрою, у которых выменивали дорогие меха. Строгановы были при этом всегда верными слугами московских государей, и когда с великим князем Василием Темным случилась беда и он попал к татарам в плен во время Шемякиной смуты, то именно Строгановы ссудили его значительными деньгами на выкуп.

Конечно, и московские государи, ценя верность Строгановых и их высокополезную деятельность по заселению русскими людьми дальнего северо-востока, постоянно оказывали им свои милости.

При Иоанне Грозном главой этой замечательной семьи был Аникий Строганов, имевший трех сыновей: Якова, Григория и Семена; деятельность их в это время была уже распространена на Прикамский край, или на Великую Пермь, примыкавшую к Каменному поя-

су. В 1558 году Григорий Строганов бил челом государю, прося разрешения пожаловать ему дикие пространства, лежащие по Каме до реки Чусовой, за что обязывался поставить здесь городок и содержать в нем ратных людей, снабдив их пушками и пищалями. Царь согласился на уступку этих пространств, разрешив ставить слободы, варить соль, ловить рыбу и заселять их русскими людьми, не приписанными к другим городам и не несущими в других местах повинностей (не «письменными» и не «тяглыми» людьми), исключая воров и разбойников; все эти люди были освобождены на 20 лет от всяких повинностей и платежа податей, причем право суда над ними принадлежало Строгановым, которые сами были подсудны только одному царю и вошли потом, как мы видели, по собственной их просьбе, в состав опричнины. Если же Григорий Строганов «где найдет руду серебряную, или медную, или оловянную, – говорится в жалованной царской грамоте, – то дает знать об этом Царским казначеям, а самому ему тех руд не разрабатывать без Царского ведома». Самым важным правом, которое полу-

чил Григорий Строганов, было, разумеется, право содержать на свои средства ратных людей, что являлось совершенно необходимым для защиты новых владений от диких обитателей Приуралья и Зауралья.

Ввиду того что для заводимых в новом городке пушек и пищалей Строганов нуждался в селитре при приготовлении «зелия» (пороха), то государь позволил ему сварить селитру на Вычегодском посаде и в Усольском уезде, но не больше 30 пудов, причем отправил старостам тех мест любопытный наказ, ярко рисующий нам, как Грозный царь, доходя в своей яростной борьбе с боярской крамолой до жестоких казней, вместе с тем крайне заботливо относился к тому, чтобы никто из сильных людей не смел обижать простого крестьянина-хлебопашца. «Берегите накрепко, – писал Иоанн означенным старостам, – чтобы при этой селитряной варке от Григория Строганова крестьянам обид не было ни под каким видом, чтобы на дворах из-под изб и хором он у вас сору и земли не копал и хором не портил; да берегите накрепко, чтобы он селитры не продавал никому».

Городок, который построил Строганов, был назван Канкором; в 1564 году Григорий бил челом, прося разрешения поставить второй городок, названный Кергеданом, в 20 верстах от первого – для защиты на случай нападения из-за Урала сибирского султана. В 1568 году Яков Строганов от имени брата просил государя об отдаче им земли еще на 20 верст к прежнему пожалованию по реке Чусовой, а затем поставить здесь острожки для обороны края от соседей-инородцев, которых возбуждал против русских сибирский царь Кучум.

Вскоре неприязненные действия последовали непосредственно и со стороны последнего. В 1573 году племянник Кучума Маметкул напал на обитавших по Чусовой остяков, московских даньщиков, и убил государева посла, ехавшего в Киргиз-Кайсацкую Орду, образовавшуюся из части бывших необъятных владений Чингисхана. Строгановы донесли о действиях Кучума царю и просили разрешения распространить свои владения за Каменный пояс, по реке Тоболу и притокам, обязуясь за это не только оборонять московских даньщиков – вогулов и остяков – от татар, но да-

же предпринять при надобности поход и против самого Кучума.

Царь согласился на это, дал Строгановым право укрепляться за Уралом, по Тоболу, Иртышу и Оби, на тех же основаниях, на каких им это было разрешено по Каме и по Чусовой, и вместе с тем разрешил разрабатывать руду железную, медную, оловянную, свинцовую и серную.

По поводу же предложения Строганова вести наступательную войну против Кучума в царской грамоте говорилось: «...а на Сибирского салтана Якову и Григорию собирать охочих людей остяков, вогуличей, югричей, самоедов и посылать их воевать вместе с наемными казаками и с нарядом (пушками), брать Сибирцев в плен и в дань за нас приводить».

Но остяки, вогуличи, югричи и самоеды были плохими воинами, а потому для исполнения государева повеления, приведенного в упомянутой царской грамоте, Строгановым пришлось прождать около десяти лет, пока случай не привел к ним на службу казаков.

Мы говорили уже не раз, что еще со вре-

мен татарского ига многие предприимчивые русские люди в поисках лучшей жизненной доли переселялись на окраины государства – в широкое поле, расстилавшееся в сторону Черного моря, и образовали здесь особое сословие – казаков, из коих раньше других упоминаются в летописях казаки рязанские. Это казачье население оказывало Родине неоцененную услугу, неся мирную пограничную службу, частью пешую, частью конную и зорко следя за степными хищниками. Такие служилые казаки, состоявшие на службе у государства, назывались городовыми. Но рядом с городовыми казаками существовало и вольное казачество, селившееся в самой глубине степей. Это были уже полуоседлые люди, мало подчинявшиеся государственной власти и управлявшиеся своими выборными атаманами общинным кругом (родом древнерусского веча). При этом движение вольного казачества шло в двух направлениях: из Юго-Западной Руси оно направлялось главным образом на берега Днепра, а из Юго-Восточной – на Дон и его притоки; днепровское казачество считалось за польской короной, хотя, как мы

видели из письма Батория к крымскому хану, он сильно недолюбливал этих вольнолюбивых подданных. Донские же казаки числились за Москвой; московские государи также часто бывали недовольны их самовольством и запрещали городovým казакам уходить на Дон. «А ослушает кто и пойдет самодурью на Дон в молодечество, их бы ты, Агрипина, велела казнить», – писал Иоанн III рязанской великой княгине про ее казаков.

С берегов Дона казачья вольница распространилась на Терек и Волгу, а потом и на Яик, ведя постоянную борьбу с татарскими кочевниками, но занимаясь также и дерзкими грабежами не только иноземных купцов, но и царских караванов с товарами и образуя для этого целые отряды воровских казаков.

Особенно дерзко стали хозяйничать воровские казаки на Волге в 70-х годах XVI века; разгневанный Грозный царь послал своих воевод ловить их и казнить смертью. Часть этих казаков была поймана и перевешена, а другая – кинулась к северу, по Волге и Каме. Здесь к ним пришла в апреле 1579 года грамо-

та от Строгановых, приглашавшая их бросить воровскую жизнь, а поступить к ним на службу в Чусовые городки, чтобы воевать сибирских татар и других инородцев. Грамота эта была от сыновей уже умерших к этому времени Якова и Григория Строгановых – Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича и их дяди – Семена Аникиевича. На это приглашение откликнулись пять атаманов и пришли к ним со своими сотнями; атаманы эти были Иван Кольцо, приговоренный царскими воеводами к смерти за разбои, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк и Ермак Тимофеев, бывший главным вождем над всеми остальными и скоро стяжавший себе бессмертную память среди всех русских людей.

К величайшему сожалению, сведения о прошлом этого великого человека чрезвычайно скудны. По преданию, дед его был посадским человеком города Суздаля и занимался извозом, а затем удалился из родной земли, причем ставший столь знаменитым внук его родился где-то в Прикамской стране и получил при крещении имя Василий, а по иным известиям – Герман или Ермолай, отку-

да сокращенное прозвище – Ермак; другие, впрочем, утверждали, что последнее наименование идет с того времени, когда лихой атаман занимал еще скромную должность кашевара в Волжской станице и молот хлеб на ермаке – ручной мельнице. Ко времени появления его у Строгановых это был настоящий русский богатырь, отважный и решительный, предприимчивый и умный, отлично знающий людей и закаленный как в борьбе с суровой природой, так и со всеми житейскими невзгодами. Ермак, кроме того, отличался замечательным красноречием и умел вовремя сказанным словом, исходившим из глубины его исполинской души, побуждать своих смелых соратников на беспримерные подвиги.

Прибыв к Строгановым, казацкие атаманы два года оставались в Чусовых городках, обороняя их от соседних инородцев и предпринимая походы против вогуличей, вотяков и пелымцев.

В то же время они неустанно готовились к своему главному делу – большому походу на Кучумово царство – и тщательно собирали

все необходимые для этого сведения. Всех казаков для предстоящего им огромного предприятия было только 540 человек; Строгановы придали им еще 300 ратных людей, в числе коих, кроме русских, были наемные литовцы, немцы и татары. Решено было идти водой на стругах, которые должны были везти и запас продовольствия: ветчину, толокно, муку, крупу, соль, равно как и ружья, пищали, свинец и порох.

В этих приготовлениях к походу прошло все лето, и только в сентябре 1581 года отважные русские герои, напутствуемые пожеланиями Максима Строганова, при звуках военных труб и сопелей отплыли вверх по Чусовой. Отлично сознавая трудности и опасности, которые им предстоят, сподвижники Ермака во главе со своим доблестным атаманом решили искупить этим походом, предпринимаемым ими во славу родной земли, все свои прежние тяжкие преступления и постановили соблюдать строжайшее послушание своим начальникам и полную чистоту душевную под страхом тяжких наказаний.

«И обещаюся вси Максиму (Строганову), –

говорит летописец: – Аще Бог управит путь нам в добыче и здравии имамы быти, запла- тим и наградим по возвращении нашем; аще ли же избиени будем, да помянет нас любовь твоя в вечном успении, а чаем возвращения ко отцам своим и матерям... Были у Ермака сверстники, Иван Кольцо, Иван Гроза, Богдан Брязга, и выборных есаулов 4 человека, тож и полковых писарей, трубачи и сурначи, литаврщики и барабанщики, сотники и пятиде- сятники и десятники с рядовыми и знамен- щики чином, да 3 попа, да старец бродяга, хо- дил без черных риз, а правило правил, и ка- ши варил, и припасы знал, и круг церковный справно знал; и указ на преступление чини- ли жгутами, а хто подумает ототти от них и изменить, не хотя быти, и тому по-донски указ: насыпав песку в пазуху и посадя в ме- шок, в воду. И тем у Ермака вси укрепилися; а больши 20 человек с песком и камением в Сылве (название речки) угружены. Блуд же и нечистота в них в великом запрещении и мерска, а согрешившаго, обмывши 3 дни, дер- жать на чепах».

Проплыв четыре дня по Чусовой и два дня

по ее притоку – речке Серебрянке, наши удальцы достигли волока, который отделяет притоки Камы от притоков рек, впадающих в Обь, текущую уже по Сибири.

Построив на этом волоке для своей защиты земляной городок и назвав его Кокуем-городком, сподвижники Ермака стали перетаскивать на руках свои суда в ближайшую речку Жеравлю; но это удалось только относительно самых легких стругов; более же тяжелые безнадежно застряли на волоке; а между тем быстро наступили осенние холода и реки стали сковываться льдом. Но смелые русские люди, шедшие искать себе славы вглубь неведомой далекой страны, не смутились этим. Они решили перезимовать в Кокуе-городке и деятельно готовились к подвигам, предстоящим с наступлением весеннего половодья; часть из них взялась за топоры и строила новые струги по Жеравле, а другие на нартах и лыжах занимались охотой и предпринимали поиски в ближайшие вогульские становища – за съестными припасами.

Так наступила весна 1582 года. Когда лед

стоял, Ермак со своими казаками пустился в дальнейший путь; из Жеравли они вошли в Баранчу, из Баранчи в Тагил, а Тагилом выплыли в Туру, приток Тобола, и вступили в пределы владений Кучума.

Скоро произошла их первая боевая встреча с противником; на берегах Туры стоял юрт Тюмень, по-видимому родственника Кучума — князя Епанчи. Он встретил русских пришельцев тучей стрел с берега, но затем в ужасе бежал, услыша незнакомый ему гром ружейных и пушечных выстрелов. Вслед за тем наши герои, выйдя в Тобол, встретили татар у устья реки Тавды и опять наголову разгромили их, причем был захвачен один из принадлежавших к Кучумову двору, по имени Таузак. Получив от него все сведения, необходимые для дальнейшего похода, Ермак с честью отпустил его домой. Таузак же, придя к Кучуму, с ужасом рассказывал ему про храбрость русских и их огнестрельное оружие: «Таковы бо суть рустии воини сильнии: егда стреляют из луков своих, тогда огонь пашет и дым велик исходит и громко голкнет, аки гром на небеси, а стрел, исходящих от них, не видати;

уязвляют ранами и смертно побивают, а ущепитца от нея никакими ратными збуруями невозможно; куяки и бехтерцы и пансыри и колчюги наши не держат; все пробивают навывлет». Так говорит про это летопись, называемая Строгановской. Другая же летопись, Кунгурская, или Ремезовская, повествует, что после взятия Тюмени казаки захватили в плен Кучумова дворецкого Кутугая, который был затем милостиво отпущен Ермаком с подарками для Кучума и привез ему первые сведения о русских и об их страшном огнестрельном оружии.

Как бы то ни было, узнав о появлении казаков в своих пределах, Кучум сильно затужил, тем более что волхвы и разные знамения уже предрекали ему приход русских и скорое падение его царства. Однако Кучум не пал духом и решил обороняться до последней крайности. Это был глубокий старик, совершенно уже слепой, но смелый, решительный и коварный. Он послал тотчас же за князьями и мурзами, а также за подвластными инородцами – остяками и вогулами – и главное начальство над этим отрядом вверил своему

храброму племяннику Маметкулу, который двинулся навстречу нашей горсти удальцов, плывших на своих стругах, с целью преградить им, близ впадения Тобола в Иртыш, путь к столице – городу Сибири, лежавшему несколько ниже по Иртышу. Скоро начался ряд кровопролитных битв; по рассказу Ремезовской летописи, воины Кучума загородили Тобол в узком месте, близ урочища Караульный Яр, цепями в ожидании русских; Ермак со своими героями без отдыха дрался здесь трое суток и наконец пробился; следующая встреча произошла на берегу Тобола в урочище Бабасан. Казаки вышли на берег и смело вступили в сражение с конницей Маметкула, коей было свыше 10 тысяч человек; она понеслась во весь дух на окопы, сооруженные нашими смельчаками, но затем еще быстрее кинулась назад, пораженная громом выстрелов русских пищалей. Маметкул бежал, но затем татары заняли крутой берег Тобола у урочища Долгий Яр. При виде бесчисленного множества неприятеля у соратников Ермака упало было сердце, и они пристали к острову выше Долгого Яра. Но затем, сотворив горя-

чую молитву Святой Троице и Пречистой Богородице, они смело сели опять на ладьи и благополучно прошли мимо опасного места, осыпаемые бесчисленным количеством стрел, причем, по преданию, шедшее в передней ладье казацкое знамя с образом Всемилодивейшего Спаса само пошло впереди всех по воде, до тех пор, пока отряд не проплыл благополучно мимо врага. Идя дальше по Тоболу, казаки овладели городом Карачином, принадлежавшим одному из приближенных к Кучуму вельмож, и захватили там множество скота, меда и других припасов. Затем они вошли в Иртыш, взяли на его берегу городок, принадлежавший мурзе Аттику, и стали думать, что делать дальше.

Между тем Кучум, собрав все свои силы, расположился неподалеку, пылая жаждой раздавить наш ничтожный по числу отряд, еще уменьшившийся от потерь в боях; на дворе стояла поздняя осень, и все реки должны были скоро вновь надолго сковаться льдом. На собранном казачьем кругу некоторые советовали отступить, но более отважные, во главе с доблестным Ермаком, держали дру-

гую речь, подобную тем бессмертным словам, которые сказал великий Святослав своим воинам в канун битвы под Доростолом. Вот как рассказывает об этом казачьем круге, имевшем место 22 октября 1582 года, Строгановская летопись: «Инии начаша мыслити и глаголати: «Лутче бы нам было аще отъидем от них в отход». А инии же сопротив глаголаху жестостию твердо: «О братия наша единомысленная, камо нам бежати, уже осени достигши, и в реках лед смерзается; не дадимся бегству и тоя худые славы себе не получим, ни укоризны на себе не положим, но возложим упование на Бога; не от многих бо вой победа бывает, но свыше от Бога помощь дается; может бо и беспомощным Бог помощи... Воспомянем, братие, обещание свое, како мы честным людем пред Богом обеты и слово свое даша, и уверившися крестным целованием, елико всемогий Бог нам помощи подаст, а отнюдь не побежати, хотя до единого всем умрети, а вспять возвратитися не можем срама ради и преступления ради слова своего, еже с клятвою обещахомся; аще нам всемогий, в Троицы славимый Бог поможет, то и по смерти на-

шей память наша не оскудеет в тех странах, и слава наша вечна будет». Эта мужественная речь глубоко проникла в благородные сердца всех присутствующих. Атаманы и казаки единогласно постановили: «Вкупе готови умерети за святыя Божия церкви и за истинную православную веру пострадати и благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси послужим и постоим против поганых твердо и до самыя смерти, и того, братие, не пременим обета своего и вси единомудшно на том станем непоколебими». Затем все начали готовиться к предстоящему грозному бою.

Когда прошла ночь и стало светать, «Ермак же о деле своем зело печашеся и рече дружине своей со слезами: „О, друзи и братия, помолимся Богу и Пречистой Его Богоматери и всем небесным силам и угодникам Его, дабы сохранены были от нечестивых и окаянных врагов нашестия“». Затем он вывел своих храбрецов из городка Аттика-мурзы и смело двинул их на приступ против татар, засевших за крепкую засеку.

Начался страшный бой. Татары встретили

наших тьмою стрел сверху засеки и из бойниц и переранили ими и убили многих людей Ермака. После этого, ободренные своим успехом, поганые сами разобрали засеку в трех местах «и изыдоша на выласку, надеяхуся казаков невозвратному бегству предати. И в то время на выласке составишася брань велия, крепко бьющася, дондеже друг друга за руки емлюще сечахуся». Но доблестные казаки, воодушевляемые своим великим вождем, сражаясь один против 10 или 20 врагов, все же одержали верх, и татары бросились наконец назад. Наши ворвались за ними вслед в засеку и поспешили водрузить на ней свои знамена. Скоро был ранен храбрый царевич Маметкул и увезен татарами в ладье на другой берег Иртыша. Вслед за тем и остяцкие князья оставили татар и «отоидоша с своими людьми кождо восвояси». Престарелый Кучум находился на высокой горе, куда ему посылали донесения о ходе боя. Когда он убедился, что сражение бесповоротно проиграно, то он воскликнул с горьким плачем: «О, мурзы и улланове, побежим, не медлим; сами бо видим своего царства лишение; силнии наши

изнемогоша и храбрии воины вси побьени быша. О, горе мне... Покры срамота лицо мое: кто мя победи и царства моего лиши? Простых бо людей послаша на мя Строгановы... атаманов и казаков Ермака с товарищи, не со многими своими людми, и той нас нашед победи и толика нам зла сотвори: воинство мое избиша и сына моего уязвиша, еле жива от них увезоша, и мене самого посрами и от царства моего отгна...»

Эта беспримерная победа была одержана Ермаком и его сподвижниками 23 октября 1582 года, в день памяти святого апостола Иакова, брата Господня.

Кучум с поля битвы бросился к своей столице – городу Сибири и, захватив в нем часть драгоценностей, побежал дальше на юг – в Ишимские степи. Через три дня после боя, 26 октября, в день святого великомученика Дмитрия Солунского, Ермак со своим маленьким войском вошел вслед за Кучумом в город Сибирь; они застали его совершенно пустым, но нашли много ценной добычи: золото, серебро и редчайшие меха. Несколько дней спустя начали возвращаться жители и прино-

сить своим победителям дары и съестные припасы.

С завоеванием Кучумовой столицы огромное дело было сделано казаками, но впереди предстояли еще неменьшие подвиги и опасности.

Кучум с прежним упорством решил продолжать защиту своих владений, а царевич Маметкул быстро оправился от полученных ран и искал только случая, чтобы отомстить русским. Скоро случай этот представился: 20 казаков ловили рыбу на Абалацком озере, а затем беспечно предались сну. Маметкул подкрался к ним и вырезал 19 человек; только один спасся, чтобы привезти печальную новость, сильно огорчившую Ермака, отряд которого и без того уже очень уменьшился. Впрочем, храбрый атаман ревностно продолжал свое великое дело – распространять русское владычество в Сибири – и далеко рассылал своих помощников в разных направлениях для приведения сибирских инородцев под высокую руку московского государя и для сбора с них ясака, причем в этих походах отряды его должны были нередко вести кровавые

бои.

Наконец в апреле 1583 года Ермаку повезло узнать о местонахождении царевича Маметкула. Он немедленно выступил против него, внезапно напал ночью на его стан, перебил многих татар, а самого Маметкула захватил в плен. Это было страшным ударом для Кучума, так как Маметкул был для него незаменимым помощником в борьбе с казаками. Скоро и другие неудачи постигли престарелого и слепого сибирского царя: его бывшие враги, с которыми он воевал из-за обладания Сибирью, ополчились теперь на него, а подвластные люди покидали один за другим. Старый Кучум горько плакался на свою судьбу, но решил вести борьбу до конца. А между тем у его страшного врага – Ермака Тимофеевича – людей и запасов становилось все меньше и меньше.

Он давно уже послал весть Строгановым о своих успехах, а также решил снарядить посольство из нескольких казаков к самому Грозному царю, ударить ему челом Сибирским царством и просить прислать на подмогу царских ратных людей. Во главе этого по-

сольства был отправлен с дорогими сибирскими соболями атаман Иван Кольцо, приговоренный государем к смертной казни за прежние воровские дела на Волге. Между тем с друзьями и покровителями Ермака – Строгановыми – случилась беда. Не успел Ермак с товарищами выступить по Чусовой для покорения Сибирского царства, как на наши пермские места, Чердынь и строгановские владения, напал пелымский князь. Живший в Чердыни царский воевода Пелепелицын, не ладивший со Строгановыми, донес об этом государю с жалобой на них, что они вместо того, чтобы защищать пермские места, как обязывались перед правительством, за что и получили разрешение иметь своих ратных людей, отправили казаков воевать сибирского султана. Жалоба Пелепелицына возымела свое действие, и Иоанн прислал Строгановым грозную грамоту; повторив в ней изложенное в донесении своего воеводы, государь писал: «1 сентября от тебя из острогов Ермак с товарищами пошли воевать вогуличей, а перми не пособили. Все это сделалось вашим воровством и изменою; если бы вы нам служили,

то вы бы казаков в это время на войну не посылали, а послали бы их и своих людей из острогов Пермскую землю оберегать... Непременно, по этой нашей грамоте, отошлите в Чердынь всех казаков, как только они к вам с войны воротятся, у себя их не держите... А не вышлете из острогов своих в Пермь волжских казаков, атамана Ермака Тимофеева с товарищами, станете держать их у себя... то мы за то на вас опалу свою положим большую, атаманов же и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешать».

Ясное дело, как обрадовались Строгановы, получив неожиданную весть о необычайных успехах Ермака. Они лично поспешили в Москву доложить о них государю, который был, разумеется, тоже чрезвычайно обрадован и пожаловал их новыми землями и льготами. Затем прибыл в Москву и славный атаман Иван Кольцо. Конечно, о его прошлых грехах не было и помина. Сам царь принял посольство, милостиво расспрашивал про совершенные подвиги и пожаловал казаков своим великим жалованьем, деньгами, сук-

нами, камками; также пожаловал государь своим полным большим жалованьем и казаков, оставшихся в Сибири, а Ермаку особо послал с Иваном Кольцо два панциря, кубок, сукно и шубу со своего царского плеча. Для принятия от казаков завоеванных сибирских городов были отправлены воеводы: князь Семен Волховской и Иван Глухов с несколькими сотнями ратных людей. Пленного же царевича Маметкула государь приказал доставить в Москву, где он был пожалован вотчинами и поступил на нашу службу.

Пока Иван Кольцо с товарищами правил свое посольство в Москве, Ермак с остальными казаками не оставался праздным и ходил из города Сибирь по Иртышу и Оби, чтобы докончить обложением данью остяцкие и вогульские волости, входившие во владения Кучумова царства; при этом на приступе остяцкого города Казыма был убит один из пяти славных атаманов – Никита Пан.

Осенью 1583 года прибыли к Ермаку Иван Кольцо с государевым великим жалованьем и князь Семен Волховской с ратной помощью. Он привел с собой 300 человек; этого ко-

личества людей было, конечно, недостаточно, чтобы упрочить завоевание огромного Сибирского царства. Но прибытие их поздней осенью, когда нельзя уже было собрать продовольствия, донельзя стеснило соратников Ермака, которые сами были очень скудно снабжены запасами пищи. С наступлением зимы начались страшные лишения и голодовки, от которых много людей поболело цингой и померло; в числе последних был и сам князь Волховской. Только когда опять стала весна, обстоятельства маленькой дружины Ермака поправились: обитавшие по соседству татары и остяки начали носить им рыбу и овощи.

Однако вслед за тем для наших героев наступила полоса неудач.

Один из местных князьков-данников, бывший карача, или советник Кучума, прислал к Ермаку с просьбой защитить его от Кайсацской (Ногайской – сказано в летописи) Орды, причем клялся в своей верности. Ермак поверил и отправил к нему на помощь Ивана Кольцо с 40 казаками; но карача оказался изменником и вероломно убил доверчивого

Ивана Кольцо и его спутников. Потеря их была тяжелым ударом для Ермака, тем более что после этого убийства сейчас же вспыхнул мятеж среди многих из наших данников, соединившихся с изменником-карачей; по-видимому, всем этим делом руководил сам престарелый Кучум. Чтобы наказать за вероломное убиение своих сподвижников, Ермак выслал против карачи атамана Якова Михайлова с небольшой дружиной, но и Яков Михайлов со своими людьми также был убит, вероятно наткнувшись на засаду. Вслед за тем карача, собрав огромные полчища татар и остяков, подошел к самому городу Сибирь и осадил его.

У доблестного Ермака было в это время уже мало людей после всех понесенных потерь; поэтому он заперся в городе и сел в крепкую осаду. Скоро припасы стали приходиться к концу, и карача надеялся выморить всех русских голодом. Однако этого не случилось. В ночь на 9 мая, под праздник Святого Николы, казаки, усердно помолившись Богу и Его великому угоднику, разделились на две части: одна осталась оборонять город, а другая с атаманом Матвеем Мещеряком тайно

подобралась к лагерю самого карачи, находившемуся в некотором отдалении от главного стана поганых, и неожиданно ударила на спящих врагов; множество их было убито на месте, в том числе два сына карачи; сам же он спасся бегством. На рассвете неприятель вышел из своего главного стана и со всех сторон окружил казаков, засевших в карачинском лагере; но наши бесстрашные храбрецы огородили себя повозками и мужественно встретили врага метким ружейным огнем. Татары не выдержали и побежали.

Таким образом, город Сибирь освободился от осады, и окрестные племена вновь признали себя нашими данниками. Ермак же предпринял после этого еще один удачный поход вверх по Иртышу, чтобы распространить на восток наши владения.

Это было его последним подвигом. Едва он вернулся в город Сибирь и расположился для отдыха, как ему дали знать, что бывший царь Кучум преграждает путь караванам бухарских купцов, идущих к нам. Поверив этому известию, по-видимому вымышленному, бесстрашный атаман взял с собой 50 казаков и в

первых числах августа поплыл вверх по Иртышу навстречу бухарцам. Но ни о них, ни о Кучуме нигде не было никакого слуха. При этих обстоятельствах близ устья реки Вагай наших удальцов застигла ночь. Причалив свои струги к острову, образуемому рукавами Иртыша, казаки сочли себя в полной безопасности и расположились на ночлег, не приняв никаких мер предосторожности. А между тем коварный Кучум был недалеко и тайно следил за всеми их движениями. Узнав, что казаки решили заночевать на острове, старый хан послал одного татарина, приговоренного к смертной казни, разведать, нет ли к этому острову конного брода, обещая ему помилование в случае удачи. Татарин вернулся, сказав, что брод есть, и при этом сообщил о полной беспечности казаков. Кучум сначала не поверил, но когда тот же татарин вторично отправился на остров и принес три казацкие пищаля и три лядунки с порохом, то Кучум отправил туда своих людей. Они незаметно подкрались к спящим и начали их беспощадно убивать, причем спасся только один, привезший оставшимся в Сибири казакам печальную

весть о гибели их атамана. Сам Ермак, когда проснулся, кинулся к своему стругу, но не мог вскочить в него, одетый в тяжелый жалованный царский панцирь, и, попав в глубокое место, потонул.

13 августа тело Ермака было прибито к берегу, под епанчинские юрты. Ловивший в это время рыбу татарин Яныш, увидя человеческие ноги, накинул на них петлю и вытащил богатыря, одетого в панцирь. Когда сбежались все татары и стали снимать с него одежду, то изо рта и носа лихого атамана, по словам летописи, хлынула кровь, как из живого человека. Обнаженное тело Ермака было выставлено напоказ всем окрестным жителям, которые стали колоть его своими копьями и пронизывать стрелами из луков. Когда же они убедились, что кровь продолжает течь из него, как из живого, а вьющиеся над ним птицы не решаются начать клевать труп, то поганных объял ужас: они приняли Ермака за бога и похоронили по своему обряду под кудрявой сосной, после чего разделили его панцирь и одежду и устроили богатейшую тризну, заколов 30 быков и 10 баранов.

Так погиб Ермак.

Лишившись своего славного атамана, остальные казаки решили вернуться домой, и, севши на суда, они спустились вниз по Иртышу и Оби к Каменному поясу – вместе со стрелецким головой Глуховым и последним оставшимся в живых атаманом – Матвеем Мещеряком. Всего их было только 150 человек.

Однако, несмотря на уход казаков из Сибири, завоевание Ермака не было потеряно для Московского государства.

Еще до получения известия о гибели Ермака, летом 1585 года, был послан в Сибирь воевода Иван Мансуров с сотней стрельцов и пушкой, а затем были отправлены и другие отряды. В 1586 году была построена крепость Тюмень, а в 1587 году возник и Тобольск близ города Сибирь. У Тобольска в одной стычке пал последний из пяти атаманов, ходивших с Ермаком, – Матвей Мещеряк. Слепой же Кучум продолжал вести отчаянную борьбу с русскими, несмотря на свои преклонные годы и на то, что был окружен многочисленными врагами из своей же среды. Московские рат-

ные люди воевали с ним долгое время; дела его шли крайне плохо, и два сына были уже захвачены в плен, но упрямый старик ни за что не хотел склониться к покорности. Наконец 20 августа 1598 года воевода Воейков внезапно настиг Кучумово становище в Барабинской степи и после жестокого боя перебил множество его людей и захватил всю семью: 8 жен, 5 сыновей и несколько дочерей и снох с малыми детьми. Сам Кучум и на этот раз спасся, уплыв с несколькими верными людьми по Оби. Воейков узнал, где он находится, и послал одного доверенного татарина уговорить старика поддаться под государеву руку. Но последний оставался непреклонным. «Если я не пошел к московскому царю в лучшее время, то пойду ли теперь, когда я слеп, и глух, и нищий?» – отвечал он. Кучум недолго жил после этого и вскоре погиб жалким образом: он был убит ногами, к которым бежал, ища защиты от враждовавших с ним калмыков, после чего его семья была с торжеством и ласкою встречена в Москве. Сибирь же быстро заселялась русскими людьми; после Тобольска возникли Пелым, Березов, Обдорск,

Сургут, Нарым, Томск, Туринск и другие города. Отправляя в Сибирь переселенцев, правительство чрезвычайно заботливо относилось к их устройству на новых местах; они снабжались при отправлении лошадьми, овцами, свиньями, гусями, курами, мукой, толокном и зерном, а также деньгами. Высылались с ними и необходимые ремесленники, главным образом плотники, и устраивались ямские гонны. Вместе с тем отправлялись и священники с причтом для духовных потребностей поселенцев и для крещения инородцев.

Все это происходило уже не при жизни Грозного царя. Отпустив с богатыми дарами Ивана Кольцо обратно в Сибирь, Иоанн недолго жил после этого.

Убийство старшего сына не давало покоя его измученной душе; затем в начале 1584 года появилась страшная болезнь: все тело Грозного начало пухнуть, а внутренности гнить, причем нестерпимый смрад исходил от больного. Иоанн, уже передвигаясь с трудом, усердно посещал церковь, замаливая свои грехи, и рассылал по монастырям грамоты, прося братию, «чтобы вы пожаловали, о

моем окаянстве соборно и по кельям молили Бога и Пречистую Богородицу, чтобы... от настоящих смертных болезни свободили и здравие дали»; он прибегал также к астрологии и волхвованию, для чего были привезены на почтовых лошадях колдуньи, обитавшие между Холмогорами и Лапландией. Их поместили под стражей и кормили только постной пищей. Любимец царя Богдан Бельский ежедневно ходил с ними совещаться и наблюдать за небом, на котором появилась в это время большая блестящая звезда.

В начале марта колдуньи сообщили Бельскому, что государь умрет 18-го числа. Бельский не осмелился передать это царю и с гневом сказал им, что именно в этот день все они будут, наверное, сами сожжены.

Вот как описывает кончину Грозного англичанин Горсей, бывший в это время при нашем дворе: «Каждый день его (Иоанна) приносили на креслах в ту комнату, где находились его сокровища. Однажды Борис Феодорович (Годунов) сделал мне знак следовать за собой. Я стоял вместе с прочими, как пришлось, и слышал, как царь называл дорогие

камни и драгоценности. Он объяснял царице и присутствующим боярам свойство такого и такого-то камня; я следил за ним и передам его слова, как помню; прошу извинения, если не по порядку: «Вы все знаете, что в магните великая и тайная сила; без него нельзя было бы плавать по морям, окружающим мир, и знать положенные пределы и круг земной. Стальной гроб Магомета, Персидского пророка, дивно висит на воздухе посредством магнита...» Тут царь приказал слугам принести цепь из намагниченных иголок, висевших цепью одна на другой... «Видите этот прекрасный коралл и эту прекрасную бирюзу, возьмите их в руку; восточные ожерелья делаются из них. Теперь положите мне их на руку; я отравлен болезнью: вы видите – они теряют свое свойство, переменяют свой яркий цвет на бледный; они предсказывают мне смерть. Достаньте мне мой царский посох; это рог однорога, украшенный прекраснейшими алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими редкими дорогими камнями, купленными за семьдесят тысяч фунтов стерлингов от Давида Говера, выходца

из Аугсбурга. Отыщите несколько пауков». При этом царь приказал своему доктору Иоганну Лоффу выцарапать на столе круг, положить в него одного паука, потом другого – и они замерли; но некоторые из пауков быстро убежали прочь из круга. «Уже слишком поздно; это меня не спасет! – сказал царь. – Взгляни те теперь на эти драгоценные камни. Вот алмаз, самый драгоценный из восточных камней. Я никогда не любил его; он удерживает ярость и сластолюбие и дает воздержание и целомудрие; малейшая частица его может отравить лошадь, если дать его в питье, а тем более человека. – Указывая на рубин, он добавил: – О, как этот камень оживляет сердце, мозг, дает бодрость и память человеку, очищает застывшую испорченную кровь! – Потом, обращаясь к изумруду, он сказал: – А вот этот драгоценный камень радужной породы – враг всякой нечистоты... Вот сапфир: я очень люблю его; он охраняет, дает храбрость, веселит сердце, услаждает все жизненные чувствования, пленяет глаза, прочищает зрение, удерживает приливы крови, укрепляет мускулы, восстанавливает силы. – Потом,

взяв оникс в руку, он сказал: – Все это удивительные дары Божии, тайны природы, открываемые людям, им на пользу и созерцание. Они покровители милосердия и добродетели и враги порока. Я слабею, уведите меня... До следующего раза...»

Пополудни Иоанн прочитал свое завещание, но еще не думал умирать; его несколько раз околдовывали и расколдовывали; но теперь Дьявол стал бессилен. Иоанн приказал своему главному аптекарю и медикам приготовить баню ему в облегчение и наблюдать: на добро ли ему складываются приметы; и послал снова своего любимца к колдуньям узнать об их вычислениях. Бельский пришел к ним и сказал: «Царь зарует вас всех в землю живьем или сожжет за ложные предсказания и обман. День наступил (это было 18 марта), и царь так же крепок и невредим, как прежде был». – «Боярин, не гневайся, – отвечали колдуньи, – день только что наступил, а тебе известно, что он кончается солнечным закатом». Бельский поспешил к царю: делались большие приготовления к бане. Около третьего часа царь пошел в баню, мылся в

свое удовольствие и, по своему обыкновению, тешился приятными песнями. Вышел он оттуда около семи часов и чувствовал себя свежее; его привели и усадили на постель. Иоанн подозвал Родиона Биркена, дворянина, которого он любил, приказал ему принести шахматный столик и стал сам расставлять шахматы[24]. Главный любимец его, Борис Феодорович Годунов, и другие стояли кругом стола. Вдруг он ослабел и упал навзничь. Поднялся крик, смятение: кто посылал за водкой, кто – в аптеку, за «розовой водой» и золотом, кто – за духовником и медиками».

Над умирающим царем быстро совершили обряд пострижения в схиму и нарекли его Ионой.

Так умер Грозный, едва достигнув 54-летнего возраста. Память о многих славных делах, совершенных им, и рядом с этим и о многих жестоких казнях его навсегда будет жить в сердцах русских людей.

Иоанн был, конечно, вполне подходящим человеком для решения тех великих задач, которые достались ему в наследие от предков по собиранию Русской земли под единою вла-

стью московских государей.

К сожалению, многие печальные обстоятельства с раннего детства тяжело ложились на его впечатлительную и страстную душу и вызвали чрезмерную раздражительность, переходившую порой в необузданную ярость, проявления коей так омрачили вторую половину его царствования и привели наконец к сыноубийству, которым Грозный, но глубоко несчастный царь собственной рукой разрушил все то, что он созидал с таким страстным рвением в течение всей своей жизни.

Русский народ, чуткий и отзывчивый, оценил, конечно, все тяжелые условия, при которых царствовал Иоанн, а поэтому не дал ему названия Кровожадного или Жестокого, а прозвал только Грозным, так же, как и его великого деда – Иоанна III. Поэтому и мы в настоящее время не имеем права судить Иоанна строже, чем судили его современники и подданные. Надо всегда помнить, что он жил в XVI веке, когда взгляды на убийства и на казни были иные, чем в наше время; надо не забывать также, что казни эти совершались им только во имя блага своей земли – для искоре-

нения крамолы, и если при этом гибли иногда невинные, то справедливо карались и виновные; а что крамола и измена была велика, припомним только Курбского, не постыдившегося стать во главе польских отрядов, чтобы вторгнуться в нашу землю, князя Мстиславского, сознавшего, что он навел крымского хана на Москву, и князя Ф. Бельского, водившего шведов к Орешку.

Перед тем, чтобы перейти к изложению событий, наступивших после смерти Грозного, нам необходимо дать краткий очерк состояния Московского государства ко времени его кончины, а также упомянуть, что делалось в это время в Западной Руси, подвластной Польско-Литовскому государству.

Мы видели, что все долгое царствование Грозного было непрерывной борьбой с многочисленными внешними врагами; это вызвало, разумеется, сильнейшее напряжение всех сил населения, поставлявшего как людей для пополнения рядов московского войска, так и снабжавшего царскую казну средствами для содержания этого войска. Мало того, на население возлагались также заготовка ядер и

свинца для пушек и пищалей и выделка пороха; в 1555 году царь писал новгородским дьякам: «Как к вам пушкарки приедут, то вы немедленно велите новгородским кузнецам сделать 600 ядер железных по кружалам, какие посланы с пушкарками, и велите кузнецам ядра делать круглые и гладкие и как им укажут пушкарки... За пушкарками смотреть накрепко, чтобы они у кузнецов посулов и поминков не брали». Пороху в 1545 году приказано было брать в Новгороде «с 20 дворов по пуду зелья, со всех без исключения... К людям, объявлявшим, что им зелья добыть нельзя, посылались мастера ямчужные (селитряные) и пищальники – указывать им, как варить зелье».

Особенно тяжела была, разумеется, служба для обитателей пограничных с южными степями городов и станиц, которые зорко должны были следить за появлением татар; ввиду важности этой пограничной службы главное заведование ею поручалось самым близким к государю людям: в 1571 году ею ведал князь Михаил Иванович Воротынский, а после него – боярин Никита Романович

Юрьев.

Вот некоторые из распоряжений, относящихся к несению сторожевой пограничной службы: «А станичникам бы к своим урочищам ездить и сторожам на сторогжах стоять в тех местах, которые были бы усторожливы, где бы им воинских людей можно усмотреть. Стоять сторожам на сторогжах, с коней не ссаживаясь, попеременно, и ездить по урочищам попеременно же, направо и налево, по два человека, по наказам, какие будут даны от воевод. Станов им не делать, огонь раскладывать не в одном месте; когда нужно будет кому пищу сварить, и тогда огня в одном месте не раскладывать дважды; в котором месте кто полдневал, там не ночевать... А которые сторожа, не дождавшись смены, со сторогжи сойдут, и в то время государевым украинам от воинских людей учинится война, тем сторожам от государя быть казненными смертию... Воеводам и головам смотреть накрепко, чтобы у сторожей лошади были добрые и ездили бы на сторогжи о двух конях...»

Мы видели, что Грозный щедро жаловал своих военно-служилых людей – боярских де-

тей и дворян, число которых в его царствование выросло в чрезвычайно больших размерах, и что главным видом этого жалованья, как и при его предшественниках, было наделение их землею – поместьями, за что они обязаны были служить до конца своих дней; при этом, создав опричнину, Иоанн произвел огромную переборку землевладения во всем государстве: он переводил потомков бывших удельных князей из их родовых вотчин, расположенных преимущественно в середине Московского государства, на окраины, а освободившиеся таким образом земли раздавал на поместном праве военно-служилому сословию.

Эта всеобщая перетасовка, начавшая усиленно производиться вслед за учреждением опричнины, достигла своей цели: она сокрушила землевладение родовой знати и в корне подорвала ее силу и значение, выдвинув вместо нее военно-служилое сословие и создав во всем государстве однообразные порядки владения землею; в тех обстоятельствах, в которых находился Иоанн, перетасовка эта была, без сомнения, необходима; но, как мы говори-

ли, она производилась чересчур круто и быстро, и поэтому крайне тяжело отражалась на благосостоянии всего населения. Высшее сословие разорилось от этих невольных и внезапных перемещений. Но нелегко было положение и их рабочих – крестьян, которые попадали в зависимость к новым – мелким и бедным хозяевам. Так же тяжело это было для тяглых крестьян, сидевших на государственных землях, которые ввиду огромного роста военно-служилого сословия тоже раздавались в поместное владение боярским детям и дворянам. Ввиду всего этого крестьяне при всякой возможности спешили уходить на новые места, чтобы селиться на льготных для них условиях, причем первоначально само правительство поощряло их передвижения для заселения обширных земель, приобретенных завоеваниями на восточной окраине государства.

По этим причинам уменьшение крестьянского населения в самом сердце Московского государства достигло в последние годы Грозного весьма значительных размеров; по доро-

ге к Москве, «между Вологдой и Ярославлем, встречается по крайней мере до пятидесяти больших деревень, – говорит англичанин Флетчер, бывший там в конце XVI века, – которые совершенно оставлены, так что в них нет ни одного жителя. То же можно видеть и во всех других частях государства...». Конечно, при таком повальном уходе крестьянского рабочего люда на восточные и отчасти южные окраины положение военно-служилого сословия, получавшего поместья в местностях, где не было рабочих рук, стало крайне тяжелым, и оно лишалось необходимых средств, чтобы исправно являться на службу. Описанное явление, естественно, вызвало сильную тревогу правительства, и оно начало прибегать к различным мерам по стеснению крестьянских переходов, которые привели впоследствии к необходимости их полного прикрепления к земле, или к так называемому крепостному праву.

Общее оскудение Московского государства, истомленного непрерывными войнами и чересчур быстрою ломкою крупного землевладения, было одной из главных причин, поче-

му Иоанн решил окончить войну с Баторием и шведами, потеряв при этом Ливонию и морское побережье. У царя не было средств вести дальше борьбу, казна его опустела, и он оставил после себя крупные долги частным лицам. Потеря морского побережья повлекла, в свою очередь, сильное сокращение нашей внешней торговли. Флетчер в своей книге «О государстве Русском», изданной в 1591 году в Англии, указывает на это резкое падение нашей торговли и приводит некоторые любопытные данные, например: «Льном и пенькой ежегодно нагружались в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, теперь не более 5. Причина упадка... закрытие Нарвской пристани со стороны Финского залива, который находится теперь в руках и владении шведов; другая причина заключается в пресечении сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк, по случаю войн с Польшею...; воск, которого ежегодно отправляли в чужие края до 50 000 пудов... – теперь вывозят ежегодно только до 10 000 пудов... Несколько лет тому назад сала вывозилось ежегодно до 100 000 пудов, теперь не более 30 000...

Прежде иностранные купцы вывозили за границу до 100 000 кож, теперь это количество уменьшилось до 30 000 или около того...»

Конечно, разорение, внесенное перетасовкой землевладения и усугубленное страшным упадком торговли, вызвало общую тесноту, обеднение и злобу друг против друга. Знать была недовольна своим насильственным переселением и земельным разорением и виновника этого видела в военно-служилом сословии. В свою очередь, последнее негодовало на более крупных земельных собственников, которые всякими правдами и неправдами, а порой и силой, переманивали на свои земли крестьян из владений мелкопоместных людей. Недовольны были и крестьяне зависимостью, в которую они попали к новым, мелким земельным собственникам; наконец, недовольно было и посадское население городов, так как в городах этих стали во множестве размещаться войсковые части, выживавшие посадских людей из их усадеб и часто чинившие им насилия, хотя Иоанн строго наказывал воевод, которые позволяли своим ратным людям буйствовать в Русской земле.

Это недовольство тяглых людей своим положением заставило их усиленно уходить за рубеж, в вольное казачество на Дон, которое стояло в стороне от государства и высылало, как мы видели, временами большие партии воровских казаков, преимущественно на Волгу.

Тяжелому состоянию русского общества в последние годы жизни Грозного способствовал, помимо неудач в войне с Ливонией и страшного набега Девлет-Гирея, также и ряд ужасных моров, сильно опустошавших нашу Родину, хотя правительство, как и при прежних государях, крайне тщательно оберегало границы и прибегало к жестоким мерам для предупреждения занесения заразы; по рассказам англичан, во время язвы 1571 года все дороги были загорожены, а кто пытался проехать непозволенными путями, того сжигали.

Всеобщее обеднение, постоянные войны и частые казни вызвали заметное огрубение нравов, причем развилось сильно разбойничество. В это же время, по-видимому, прочно утвердился судебный правеж. «Правежом, – говорит Флетчер, – называется место, где

неисправных плательщиков бьют батогами по икрам. Каждый день от восьми до одиннадцати часов утра их ставят на правеже и бьют до тех пор, пока они не заплатят денег... После годичного стояния на правеже, если обвиняемый не захочет или не в состоянии удовлетворить займодавца, последнему дозволяется законом продать жену его и детей, совсем или на известное число лет...»

Но рядом с этими темными сторонами русской жизни отнюдь не надо забывать и многих светлых. Мы видели целый ряд подвигов необыкновенного героизма доблестных русских воинов – в борьбе с многочисленными врагами Родины, а также деяния славных сподвижников Ермака Тимофеева в Сибири.

«Что будет из русских людей, – говорит тот же Флетчер, – если они к своим способностям переносить суровую жизнь и довольствоваться малым присоединят еще искусство воинское? Если бы они сознавали свою силу, то никто не мог бы соперничать с ними и соседи не имели бы от них покою».

Не ослабевала во времена Грозного горячая любовь русских людей и к святой право-

славной нашей вере. Сам Грозный царь, совершив в своем исступлении немало кровавых поступков, был всегда горячо верующим и верным сыном Церкви и от глубины души каялся в своих тяжких грехах, когда на него находило молитвенное настроение. Мы указывали уже на заслуги митрополита Макария перед Родиной и на мученический подвиг святого Филиппа.

Жили в это время на Руси и другие подвижники. В новопокоренном Казанском царстве, как мы говорили, подвизались в деле просвещения Христовой верой обитавших там магометан и язычников святой Гурий, бывший первым казанским епископом, и его достойные помощники – святые Варсонофий и Герман. Все они отличались большою святостью при жизни и чудотворениями после смерти. Святой Антоний Сийский прославился своими суровыми подвигами в тундрах дальнего севера.

Преподобный Даниил, переяславский чудотворец, с детства подвергал себя самым суровым лишениям и истязаниям, а затем посвятил свою жизнь особому подвигу: отыски-

вать и погребать бездомных людей, умерших в пути, лесах и разных других глухих местах.

Святой Нил Столбенский подвизался в дремучих лесах острова, расположенного на озере Селигер, в 9 верстах от нынешнего города Осташков. После смерти преподобного на месте, где стояла его уединенная келья, возникла общежительная пустынь, в храме которой и поныне почивают открыто его нетленные мощи.

В самой Москве во времена Иоанна жил дивный подвижник, принявший на себя Христа ради тяжелые подвиги юродства; это был Василий Блаженный.

Сам Грозный царь с величайшим уважением относился к Блаженному, который всегда говорил ему правду в глаза. Однажды Иоанн стоял в храме и думал, как украсить ему свой новый дворец на Воробьевых горах. После службы Василий зашел к государю и сказал ему: «Я видел тебя в храме, только ты был не в нем, а на Воробьевых горах. А ведь церковь поет: „Всякое ныне житейское отложим попечение“». Будучи раз приглашен на именины Грозного, он три раза вылил подносимую ему

застольную чашу. Когда же государь рассердился на него, то Василий ответил ему: «Не кипятись, Иванушка, надо было заливать пожар в Новгороде, и он залит». И действительно, в это время как раз был огромный пожар в Новгороде.

Василий постоянно ходил почти нагой как в летнюю жару, так и в трескучие морозы; днем он скитался по московским улицам, а на ночь ложился на церковной паперти. Ни дружбы, ни знакомства у него не было ни с кем. В последние дни жизни Василия, когда он лежал уже на смертном одре, его пришли навестить царь с царицей Анастасией и с детьми Иоанном и Феодором и испросить молитвы за них. Блаженный, взглянув на малолетнего Феодора, пророчески сказал ему: «Все достояние прародителей твоих будет твоим, ты – наследник» – и вслед за тем скончался, имея 88 лет от роду. Царь с боярами нес гроб, а митрополит Макарий совершил погребение. Мощи его находятся под спудом в дивном храме Покрова Божией Матери, более известном под названием Василия Блаженного, причем на гробнице висят его тяжелые вери-

ги.

В последние годы царствования Грозного на улицах Москвы юродствовал и другой блаженный – Иоанн Большой Колпак, так как он носил на голове большой железный колпак и кроме того на теле – тяжелые вериги. Иоанн Большой Колпак посетил затворника Борисоглебского монастыря преподобного Иринарха, о котором мы будем говорить в нашем последующем изложении, и предсказал ему нашествие иноплеменников на Русскую землю в Смутное время. Затем Иоанн Большой Колпак совершил за свою жизнь несколько чудесных исцелений и был предуведомлен о своей кончине. Встречаясь на улице с Борисом Годуновым, он неизменно говорил ему: «Умная голова, разбирай Божьи дела. Бог долго ждет, да больно бьет».

Во времена Грозного царя было славное явление одной из русских величайших святынь – иконы Казанской Божией Матери. В 1579 году в Казани одна 9-летняя девочка по имени Матрона три раза видела во сне образ Божией Матери и слышала голос, настойчиво требовавший, чтобы она сообщила властям

об этой иконе, причем ей было точно указано местонахождение образа. Власти, однако, не обратили внимания на ее рассказ; тогда 8 июля того же года она с матерью и соседями стала сама разрывать землю в указанном во сне месте. Долго никто ничего не мог найти; наконец девочка стала копать в том месте, где находилась разрушенная печь, – и вдруг перед глазами всех явилась обернутая в ветхое сукно вишневого цвета дивная икона, сиявшая особым несказанным светом. Все присутствующие были глубоко поражены и славили имя Божие; Грозный же, узнав об этом, приказал на месте явления построить храм во имя Пресвятой Богородицы и основал женский монастырь, для чего прислал значительные деньги. В числе самовидцев явления иконы был один священник, впоследствии патриарх Гермоген, который навеки прославился, как увидим при описании Смутного времени, своей непоколебимой преданностью православию и Русской земле и принял за это мученическую кончину. «Сказание» о явлении и чудесах от иконы Казанской Божией Матери написано самим Гермогеном, и под-

линник его хранится ныне в Императорской академии наук в г. Санкт-Петербурге.

Крепкая привязанность русских людей к православию и пример великих подвижников, обитавших в разных концах нашей земли, были, разумеется, могущественным средством против вторжений к нам разного рода ересей, во множестве распространившихся в XVI веке как в Западной Европе, так и в Польше, Литве и Ливонии. За время Грозного у нас объявилась только одна ересь – Матвея Башкина, который имел весьма ограниченное количество последователей, хотя среди них были и некоторые иноки заволжских монастырей. Ересь этого Матвея Башкина, жителя города Москвы, было возродившееся учение жидовствующих; его наставниками в ней были литовские протестанты: аптекарь Матвей и Андрей Хотев. Постом 1553 года Башкин, под видом религиозного сомнения, пытался совратить во время исповеди своего духовника – придворного священника Благовещенского собора Симеона и, по-видимому, старался через него проникнуть ко всесильному тогда Сильвестру и даже к самому царю. Но это

ему не удалось. Во главе розыска о его ереси стал самолично митрополит Макарий, после чего был созван Церковный собор, осудивший Башкина и его последователей, причем суд этот был очень милостивый: Башкин был заточен в Иосифов монастырь, некоторые из его последователей сосланы в отдаленные монастыри, «да не сеют злобы своей роду человеческому», а менее виновные подвергнуты церковной епитимии; гражданских же казней не было. Из числа последователей Башкина замечательны распутный бродяга и вор – монах Феодосий Косой и его товарищ Игнатий. Они были захвачены за свои лихие дела в 1555 году в Москве, но затем бежали, и оба скрылись в Литве. Здесь, сбросив с себя монашество, они женились – Косой на жидовке, а Игнатий на польке – и стали усердно проповедовать свое учение, которое имело одно время значительное распространение.

Против учения Косого один из даровитейших учеников Максима Грека – монах Зиновий Отенский – написал целую обличительную книгу, в которой он между прочим говорит: «Восток развратил дьявол – Бахметом

(Магометом), Запад – Мартыном Немчиным (Лютером), а Литву – Косым».

Почти одновременно с розыском о ереси Матвея Башкина нашему высшему духовенству пришлось произвести розыск и о царском дьяке Висковатом, но по совершенно противоположному поводу. Во время страшного московского пожара 1547 года погибло множество драгоценных древних икон, в том числе и образа Благовещенского собора кисти Андрея Рублева. Ввиду этого под наблюдением митрополита Макария и Сильвестра стали писаться русскими иконописцами новые иконы, причем Сильвестр сам следил за этим делом и постоянно докладывал о ходе работ государю. Когда иконы были готовы, то дьяк Висковатый вдруг поднял шум и стал смущать народ, говоря, что они написаны несогласно с церковным преданием и правилами; действительно, на некоторых новых иконах было заметно влияние итальянских художников, а другие являлись прямо снимками с образов этих художников (с Перуджино и Чимбуэ), но тем не менее все они были написаны в строго церковном духе и отнюдь не заклю-

чали в себе ничего, что было бы несогласно с православием. Висковатый соблазнялся также тем, что царские палаты, расписанные заново с изображениями из Нового Завета, тоже грешили против старины и православия. Дело Висковатого было рассмотрено на церковном соборе 1554 года, причем Макарий, осуждая его за сильную приверженность к старине, между прочим сказал ему: «Ты восстал на еретиков, а теперь говоришь и мудрствуешь не гораздо о святых иконах; не попадись и сам в еретики; знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков (разрядных, которыми ведал Висковатый)». На него была наложена трехлетняя епитимия. Из дела Висковатого мы видим, что высшее русское духовенство XVI века, ревниво охраняя нашу веру от всякой ереси, вовсе не было против западных влияний в церковном искусстве, если они не противоречили основам православия. Висковатый же являлся представителем тех крайних ревнителей старины, которые считали каждое отклонение от нее прямым преступлением против православия и впоследствии стали из-

вестны под именем староверов.

Из людей, способствовавших книжному просвещению во времена Грозного царя, на первом месте, как мы уже говорили, необходимо поставить, конечно, митрополита Макария; ему помогали в составлении его трудов не только духовные лица, но также и миряне; так, часть Великой Четьи mineи написана доблестным воином – московским боярским сыном Василием Тучковым.

Из переписки Иоанна с князем Андреем Курбским мы видели, что оба они были очень начитанными людьми и отлично владели пером. Кроме писем к Курбскому, сохранилось весьма замечательное послание Грозного к старцам Кирилло-Белозерского монастыря. В монастыре этом постригся опальный боярин Иван Васильевич Шереметев, причем в нем проживали также сын знаменитого Хабарова Симского – боярин Хабаров и Варлаам Собакин. Шереметев имел под самым монастырем свой двор с поварней, любил жить хорошо, вкусно есть и угощать монахов. Узнав об этом, Грозный приказал, чтобы по отношению Шереметева не было никаких отступле-

ний от общего монастырского устава, и приказал ему питаться за общей трапезой. Но братия послала государю челобитье и ходатайствовала за Шереметева ввиду его болезненного состояния. На это государь отвечал ей посланием, в котором между прочим писал: «Подобает вам усердно последовать великому чудотворцу Кириллу, предание его крепко держать... Есть у вас Анна и Каиафа, Шереметев и Хабаров, есть и Пилат – Варлаам Собакин, и есть Христос распинаем – чудотворцево предание презренное. Отцы святые в малом допустите послабу – большое зло произойдет. Так от послабления Шереметеву и Хабарову чудотворцево предание у вас нарушено... Но тогда зачем идти в чернецы, зачем говорить: «отрицаюсь от мира, от всего, что в мире». Постригаемый дает обет: повиноваться игумену, слушаться всей рати и любить ее; но Шереметеву как назвать монахов братию? У него и десятый холоп, что в келье живет, есть лучше братии, которые в трапезе едят. Великие светильники – Сергей и Кирилл, Варлаам, Димитрий, Пафнутий и многие преподобные в Русской земле установили

уставы иноческому житию крепкие, как надобно спасаться, а бояре, пришедши к вам, свои любострастные уставы ввели: значит, не они у вас постриглись, а вы у них постриглись, не вы их учителя и законоучители, а они ваши. Да, Шереметева устав добр, держите его, а Кириллов устав плох – оставьте его!.. Прежде, как мы в молодости были в Кирилловском монастыре и поопоздали ужинать, то заведующий столом нашим начал спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы; подкеларник отвечал: «Об этом мне приказу не было, а о чем был приказ, то я и приготовил, теперь ночь, взять негде; государя боюсь, а Бога надобно больше бояться...» А теперь у вас Шереметев сидит в келье что царь, а Хабаров к нему приходит с другими чернецами, да едят и пьют что в миру; а Шереметев, невесть со свадьбы, невесть с родин, рассылает по кельям постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастырем у него двор, на дворе запасы годовые всякие, а вы молча смотрите на такое бесчиние? А некоторые говорят, что и вино горячее потихоньку в келию к Шереметеву приносили, но

по монастырям и фряжские вина держать зазорно, не только что горячее! Так это ли путь спасения, это ли иноческое пребывание? Или вам не было чем Шереметева кормить, что у него особые годовые запасы... А что Шереметев говорит, что его болезнь мне ведома, то для всех леженок не разорять стать законы святые! Написал я к вам малое от многого по любви к вам и для иноческого жития. Больше писать нечего, а впредь бы вы о Шереметеве и других таких же безлепицах нам не докучали: нам ответу не давать...»

Оставил о себе память как писатель и знаменитый Сильвестр. Обыкновенно ему приписывается составление так называемого «Домостроя», известного свода правил житейской мудрости XVI века. На самом деле, однако, книга «Домострой» составлялась постепенно из многочисленных древнерусских сборников церковного содержания (Златоустуи, Измарагды и прочих), и только последняя глава ее несомненно принадлежит Сильвестру. Эта глава написана в виде послания к его сыну Анфиму, служившему царским при-

ставом у таможенных дел, и его жене и вкратце повторяет содержание всех остальных глав, почему называется также «Малым Домостроем». Правила, помещенные в ней, относятся к быту зажиточного человека и отчасти напоминают известное «Поучение» Владимира Мономаха к его детям, с той большой разницей, что в Мономаховом «Поучении» видно в каждом слове, что его писал смелый и доблестный воин, который выше всего ставит отвагу и истинное благородство, для чего советует своим детям всегда прямо и бесстрашно смотреть в глаза смерти.

Чтение же «Домостроя» показывает, что хотя его писал человек очень добродетельной жизни и весьма добросердечный и верующий, но вместе с тем человек, сильно привязанный ко всем мирским благам, который не прочь был пользоваться своей добродетелью и для приумножения этих мирских благ. Вот некоторые выдержки из «Малого Домостроя»:

«Сын мой! Ты имеешь на себе и святительское благословение, и жалованье государя Царя, Государыни Царицы, братьев Царских и всех бояр, и с добрыми людьми водишься, и

со многими иноземцами большая у тебя торговля и дружба; ты получил все доброе: так умеи совершать о Боге, как начато при нашем попечении... Помни, сын, как мы жили: никогда никто не вышел из дому нашего тощ или скорбен... Жену люби и в законе с ней живи: что сам сделаешь, тому же и жену учи: всякому страху Божию, всякому знанию и промыслу, рукоделью и домашнему обиходу, всякому порядку. Умела б сама и печь и варить, всякую домашнюю порядню знала бы и всякое женское рукоделье; хмельного питья отнюдь не любила бы, да и дети и слуги у ней также бы его не любили; без рукоделья жена ни на минуту бы не была, также и слуги. С гостями у себя и в гостях отнюдь бы не была пьяна, с гостями вела бы беседу о рукодельи, о домашнем порядке, о законной христианской жизни, а не пересмеивала бы, не переговаривала бы ни о ком; в гостях и дома песней бесовских и всякого срамословия ни себе, ни слугам не позволяла бы; волхвов, кудесников и никакого чарования не знала бы. Если жена не слушается, всячески наказывай страхом, а не гневайся, наказывай наедине, да, наказав,

примолви, и жалуй, и люби ее. Также детей и домочадцев учи страху Божию и всяким добрым делам... Ты видел, как я был от всех почитаем, всеми любим; всякому старался я угодить, ни перед кем не гордился, никому не прекословил, никого не осуждал, не просмеивал, не укорял, ни с кем не бранился; приходила от кого обида – терпел и на себя вину полагал; от того враги делались друзьями. Не пропускал я никогда церковного пения; ничего, странного, скорбного никогда не презрел; заключенных в темнице, пленных, должных выкупал, голодных кормил; рабов всех своих освободил и наделил, и чужих рабов выкупал... Также и мать твою многих девиц, сирот и бедных воспитала, выучила и, наделив, замуж отдавала...

Поедешь куда в гости, поминки недорогие вези за любовь. На дороге, в пиру, в торговле отнюдь брани сам не начинай, а кто выбранит, терпи, Бога ради. Если людям твоим случится с кем-нибудь брань, то ты на своих бранись, а будет дело кручиновато, то и ударь своего, хотя бы он и прав был: тем брань утешь, также убытка и вражды не будет...»

Последние слова показывают – насколько Сильвестр, при всех своих добрых качествах, был человеком угодливым, себе на уме, почему он лаской и уступчивостью и мог собрать вокруг себя боярскую партию. Но так как всем угодить невозможно, то в конце концов он и навлек на себя гнев государя.

Нас неприятно поражают в приведенной выдержке советы сыну относительно жены, которая занимает в семье, по «Домострою», хотя и почетное положение хозяйки, но вместе с тем совершенно подчиненное по отношению к мужу; не то мы видели в древнерусском быте, изображенном в былинах. Это подчиненное положение женщины явилось, конечно, вследствие общего огрубения нравов, под влиянием татарщины; и Сильвестр, давая наставление, как наказывать жену – «наедине, да, наказав, примолви», – говорит это, разумеется, с целью смягчить имевшую место в народе грубость обращения с женщиной, что, к несчастью, мы можем встретить иногда и в настоящее время.

С той же, конечно, целью – смягчить существовавшие нравы – высказывался и про-

странный «Домострой»: «Мужья должны учить жен своих с любовью и благорассудным наказанием. Если жена по мужнему научению не живет, то мужу надобно наказывать ее наедине и, наказав, пожаловать и примолвить, друг на друга не должны сердиться. Слуг и детей также, посмотри по вине, наказывать и раны возлагать, да, наказав, пожаловать, а хозяйке за слуг печаловаться: так слугам надежно. А только жены, сына или дочери слово или наказание неймет, то плетью постегать, а побить не перед людьми, наедине; а по уху, по лицу не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колотить и ничем железным или деревянным. А если велика вина, то, сняв рубашку, плеткой вежливенько побить, за руки держа...» Нет сомнения, что эти советы применялись далеко не часто и многие семьи жили мирно и дружно – во взаимной любви и уважении, примеры чему мы еще будем видеть в нашем последующем изложении.

Все приведенные выше письменные труды обращались во время Иоанна Грозного ис-

ключительно в рукописных списках. Книгопечатание, великое изобретение немца Гуттенберга в конце XV века, появилось в Московском государстве лишь в 1553 году, хотя попытки к этому делались еще раньше; так, в 1548 году Иоанн поручил саксонцу Шлитте, про которого мы уже говорили, привезти в числе других мастеров и печатников, но их не пропустили к нам ливонские немцы. В 1553 же году, ввиду крайней надобности в исправных церковных книгах, по благословению митрополита Макария, царь решил открыть печатню, или типографию, в Москве, в которой сразу же стали заниматься два русских мастера – дьякон от Николы Гостунского Иван Федоров да Петр Тимофеевич Мстиславец; они закончили к 1564 году печатание первой книги «Деяний апостольских» и «Соборных посланий» вместе с «Посланиями апостола Павла». Книга по внешности была отпечатана отлично, но перевод не был сверен с греческими подлинниками, и в ней было много ошибок.

Появление труда наших славных московских первопечатников произвело большой

переполох среди многочисленных переписчиков, для которых печатные книги были, конечно, прямым подрывом их заработка.

Они сумели возбудить чернь против Ивана Федорова и Петра Мстиславца, обвиняя их в каких-то ересьях, и толпа подожгла печатные палаты; печатники же наши успели бежать в Литву. Однако дело, основанное ими, не погибло; его продолжал ученик их – Андрионик Невежа. Мастера же наши, прибыв в Литву, напечатали много книг, работая под покровительством литовских вельмож, оставшихся еще верными православию: в местечке Заблудове, близ Белостока, у великого гетмана Григория Александровича Хоткевича и в городе Остроге, у знаменитого ревнителя православия князя Константина Константиновича Острожского, у которого Иван Федоров успел напечатать Псалтырь, Новый Завет, а затем и Ветхий. Работали наши первопечатники также на Волыни и во Львове, где православные обитатели их завели книгопечатни. Тем не менее ввиду сильного угнетения православия в Западной Руси жизнь обоих тружеников не могла быть завидною; извест-

но, что Иван Федоров, человек семейный и больной, терпел страшную нужду. Он вынужден был заложить жидам все свои типографские снаряды за 411 злотых, и только после его смерти они были выкуплены галицким епископом.

Западнорусское духовенство, особенно высшее, в описываемые времена уже во многом отличалось от своих собратьев в Московском государстве. Гибельное разделение митрополии при Казимире Ягайловиче, с постановлением киевского митрополита в полную зависимость от литовско-польского короля, принесло свои плоды.

В дела Православной церкви стали все более и более вмешиваться католики: православными епископами короли часто назначали угодливых им и польской знати светских людей, только числившихся православными, по духу же совершенно преданных латинству и польщине; точно так же раздавались и игуменства в монастырях; все это, разумеется, вносило сильную порчу в нравы западнорусского духовенства, которое стало наполняться алчными и буйными людьми, ничего общего

не имеющими с тем высоким званием, которое они носили. Конечно, падение нравов среди православных священнослужителей было известно всем, и иезуиты при каждом случае старались в своих проповедях унизить нашу веру, указывая на недостатки православного духовенства; с особенной же ненавистью относился к нему знаменитый ксендз Петр Скарга, всячески понося в своих страстных проповедях православие. К этому присоединились при Стефане Батории и открытые гонения на нашу церковь. «При Батории, – говорит наш известный историк С.М. Соловьев, – церковь в Литве сильно почувствовала, чего она должна ожидать впредь от католического противодействия и главных проводников его – иезуитов: в 1583 году король велел отобрать землю у всех полоцких церквей и монастырей, кроме владычных, и отдать их иезуитам. В 1584 году во Львове накануне Рождества Христова католики по приказанию архиепископа своего с оружием в руках напали на православные церкви и монастыри, выволокли священников из алтарей, одних уже по освящении даров, других перед самым

причастием, запечатали церкви и настрого запретили отправлять в них богослужение».

Но, несмотря на эти преследования и падение нравов среди духовенства, в Западной Руси не переводились крепкие духом и глубокой привязанностью к православию русские люди.

Среди уже сильно ополяченных русских вельмож горячим ревнителем православия был упомянутый нами князь Василий-Константин Константинович Острожский; он был сыном знаменитого гетмана Константина Ивановича Острожского, победителя под Оршею московской рати, и сам по приказанию Батория воевал с полками Иоанна в Северной Украине.

Таким образом, оба князя Острожские – отец и сын, будучи русскими людьми и горячо преданными православию, могли служить польским королям и при этом вести ожесточенную войну с православным Московским государством. Это показывает, конечно, что в XVI веке не все русские люди сознавали еще потребность соединиться под единою сильною рукою православного русского царя, по-

чему, как увидим, наши государи должны были положить для этого немало трудов в последующие века.

Наряду с Константином Острожским другим большим ревнителем православия в Польско-Литовском государстве был наш изменник – князь Андрей Курбский. Этот своевольный и высокомерный человек получил на Литве и Волыни большие земельные владения от Сигизмунда-Августа, в том числе город Ковель, и гордо величал себя князем Курбским и Ярославским. Однако своей изменой он не приобрел себе расположения и на новой родине; оставив в Московском государстве мать, жену и сына-ребенка, которые, по его словам, были заморены Иоанном, Курбский вскоре после своего бегства вступил в брак со вдовой от двух мужей – рожденной княжной Голшанской и крайне дурно жил с ней, причем оба они обвиняли друг друга во всевозможных преступлениях; затем брак их был расторгнут, и он женился в третий раз, уже на девушке. Замечательно, что Курбский, заклеив свое имя гнусной изменой, ведя затем в Литве крайне бурную жизнь, ссорясь

постоянно с окружающими и не гнушаясь прибегать к насилию над своими недругами, сохранил тем не менее самую горячую любовь к православной вере и всячески старался ее поддержать; он написал историю Флорентийского собора, перевел с латинского языка на славянский беседу Иоанна Златоуста «О вере, надежде и любви», а также горячо обличал лютеран и иезуитов в своих письмах к разным лицам, в том числе и к православным горожанам Вильны и Львова.

Среди этих православных горожан Западной Руси, состоявших большею частью из мелкого посадского люда, весьма отрадным явлением было в наступившие тяжкие времена для нашей веры образование православных братств, из коих самыми знаменитыми являлись Львовское при Успенской церкви города Львова и Виленское при виленском Свято-Троицком монастыре. Возникновение этих братств в западнорусских городах следует отнести к уже упомянутому нами глубоко трогательному древнерусскому обычаю — устраивать складчинные братские пиры по большим праздникам, в которых принимали

участие на совершенно равных правах богатые и бедные, знатные и безродные. В западно-русских городах под влиянием притеснений православного населения католиками участники этих братских пиров начали входить друг с другом в более тесные отношения: они стали строить особые братские дома, в которых рассуждали о потребностях духовных и церковных, а также о нуждах больного и сирого люда; братства же и хоронили своих неимущих членов.

Для заведования делами и деньгами выбирались старосты, причем деятельность их определялась уставами братств. Так, по уставу Львовского братства всякий вступающий в него шляхтич или мещанин вносил в братскую кружку 6 грошей, а затем еще и известную ежегодную плату; за это братство обязано было приходить ему на помощь в случае нужды, провожать умерших братьев до могилы со свечами и так далее. Вместе с тем братство не только наблюдало за благочестием мирян и духовных лиц, но вскоре получило от царьградского патриарха важное право — входить в пререкания с самим епископом, ес-

ли он нарушал правила Церкви. Конечно, это было весьма существенно в деле поддержания православия ввиду того, что, как мы говорили, в среду западнорусского духовенства, при благосклонном содействии польских королей и латинских вельмож, стали проникать люди сомнительной нравственности. Царьградский патриарх благословил также Львовское братство на открытие своей школы и печатни на славянском и греческом языках. Такие же школы и печатни возникли как в Вильне при Свято-Троицком братстве, так и в Остроге, на средства князя Василия-Константина Константиновича Острожского. В школах этих проходили языки латинский и греческий и другие науки, так что из них выходили столь же образованные люди, как из иезуитских коллегий и протестантских школ. Скоро братские школы дали ряд способнейших и горячих борцов на защиту православия, направивших свои силы против иезуитской пропаганды; в числе их необходимо упомянуть учителей Львовской братской школы Стефана Зизания и Кирилла Транквиллиона. Таким образом, городские братства в Запад-

ной Руси явились для мелкой шляхты и мещанства крепким оплотом православия в наступившие для него тяжкие времена.

Другим оплотом нашей веры в те времена в Польско-Литовском государстве служил, конечно, простой русский сельский люд, беззаветно державшийся веры своих отцов.

Наконец, славное днепровское казачество было также всецело предано святой нашей вере.

Это днепровское казачество, как мы уже говорили, делилось на городовое, или оседлое, и низовое, или вольное, подобное вольным донским казакам, причем первым атаманом низовых днепровских казаков был, как мы тоже указывали, Евстафий Дашкович.

Мы видели также, что служивший одно время у Грозного князь Димитрий Вишневецкий задумал основать на лежащем ниже порогов обширном острове Хортица укрепление, где могли бы держаться низовые казаки, что сильно встревожило турок и крымцев, которые после больших усилий заставили казаков уйти из Хортицы. Но, несмотря на эту неудачу, низовое казачество усиленно стара-

лось утвердиться ниже порогов и скоро приобрело себе громкую известность под новым наименованием запорожских казаков. В Запорожье, так же как и в донское казачество, начал стекаться самый отважный и предприимчивый люд, недовольный тяжелыми условиями своей жизни на родине; отсюда казаки стали направлять свои лихие набеги на владения крымцев и турок, чем приводили их в великий ужас; зависимые от турок соседние с Поднепровьем области – Молдавия и Валахия – тоже сделались поприщем казацкой удали. Казацкие атаманы со своими дружинами являлись сюда или с тем, чтобы быть посредниками между различными воеводами, враждовавшими друг с другом, или же для того, чтобы самим захватить себе Молдавское воеводство.

В поисках этого воеводства погиб князь Димитрий Вишневецкий: он был посажен турками на кол. Затем на короткое время занял молдавский стол под видом наследника одного из бывших господарей славный казацкий атаман Иван Подкова, прославивший се-

бя рядом геройских подвигов и стяжавший сочувствие даже среди поляков за свою великую удачу и доброту. Однако Стефан Баторий по настоянию турецкого султана велел брату своему, седмиградскому воеводе, выступить против Подковы и двинул также против него несколько польских отрядов. Тогда Подкова вынужден был отступить из Молдавии, несмотря на ряд удачных действий против поляков. Затем, понадеявшись на речительство в безопасности, данное ему от имени Батория, Подкова имел неосторожность передать его воеводе – князю Николаю Збаражскому. Баторий, однако, слово свое нарушил и велел отрубить Подкове голову во Львове.

Так гибли в бою или на плахе многие отважные запорожские удалцы, но на смену погибшим являлись десятки других; и Баторий предугадывал, что здесь – на Днепре – скоро образуется грозная сила, с которой Польскому королевству придется вступить в тяжкую и продолжительную борьбу; поэтому, негодуя вместе с Яном Замойским на казаков, он постоянно старался подавлять их смелое своеволие и предавал их при всяком случае

суровым казням.

Негодовали на днепровских казаков и хищные крымцы. «...Казак – собака, – говорили их мурзы, – когда и на кораблях на них приходят турецкие стрельцы, то они и тут их побивают и корабли берут...»

Глава 3

Царствование Феодора Иоанновича. Годунов-правитель. Учреждение патриаршества. Убиение царевича Димитрия. Царь Борис. Брестская уния. Самозванец на Литве и в Польше. Его поход на Москву. Царствование Лжедмитрия. Брак его с Мариной Мнишек. Гибель самозванца

Грозному царю наследовал смиренно-блаженный. Феодор Иоаннович, вступивший на родительский престол 27 лет от роду, был человеком небольшого роста, приземистым и опухлым, с ястребиным носом, нетвердой походкой и постоянной улыбкой на устах; он был очень прост, по словам «Временника дьяка Тимофеева», «естеством кроток и мног милостех ко всем, и непорочен... паче же всего любя благочестие и благолепие церков-

ное», но совершенно не склонен к занятиям государственными делами. Очевидно, власть должна была перейти в руки тех, кто его окружали. Это были все близкие люди покойному государю, уцелевшие от разгрома, которому была подвергнута боярская среда, и выдвинутые или родственными связями с Грозным, или своею верною ему службою.

На первом месте стоял престарелый боярин Никита Романович Юрьев-Захарьин,

родной дядя молодого царя по матери, отличавшийся, по общему отзыву современников, такими же светлыми душевными качествами, как и покойная сестра его – царица Анастасия Романовна. Даже ливонские летописцы с восторгом рассказывали, как великодушный Никита Романович, взяв город Пернау, позволил его жителям удалиться со всем их имуществом. За ним следовали князь Иван Феодорович Мстиславский, сын двоюродной сестры Грозного, очень родовитый, но незначительный сам по себе человек, и Борис Феодорович Годунов, шурина государя и брат царицы Ирины, к которой молодой царь питал беспредельную привязанность.

Важное значение имел также решительный, смелый и честолюбивый Богдан Бельский – воспитатель царевича Димитрия, выдвинувшийся своею службою в опричнине и родством с Малютой Скуратовым и Борисом Годуновым.

Затем шло несколько князей Шуйских, во главе со знаменитым защитником Пскова князем Иваном Петровичем, заслужившим доверие Грозного своею верною службою. На-

конец, умные и хитрые думные дьяки – братья Андрей и Василий Щелкаловы – тоже принадлежали к самым близким людям царя Феодора.

Отдельно от описанного выше кружка держались Нагие, родные царицы Марии, матери царевича Димитрия.

По-видимому, окружающие царя Феодора опасались неприязненных действий со стороны Нагих; как только умер Грозный, то тотчас же они распорядились запретить все входы в Кремль, поставили на стенах стражу и держали пушки наготове с зажженными фитилями на случай народного движения в пользу младенца Димитрия. На другой день была принесена высшими чинами торжественная присяга Феодору, а Димитрия вместе с матерью и Нагими поспешили удалить в Углич, данный ему в удел. Это удаление не имело, однако, вида суровой опалы. Из Углича в день именин царевича, 19 октября, посылались, по обычаю, к государю и его семье пироги, а Феодор Иоаннович отдаривал царицу Марию Нагую дорогими мехами.

Богдан Бельский, воспитатель Димитрия,

оставался после его удаления в Углич некоторое время в Москве, но скоро в народе разнесся слух, что он хочет известить царя Феодора. Чернь заволновалась. К ней пристали находившиеся в это время в столице влиятельные рязанские люди – Ляпуновы и Кикины; огромная толпа подступила к Спасским воротам в Кремле, навела на них пушку и требовала выдачи Бельского. Тогда царь велел объявить, что последний сослан им в Нижний Новгород, и народ успокоился. Был ли действительно виноват Бельский в какой-либо крамоле или слух об этом был пущен недоброжелателями с целью вызвать его удаление от двора, неизвестно.

Первое время по воцарении Феодора наибольшее влияние на дела имел дядя его – боярин Никита Романович; вскоре, однако, он был разбит параличом, а затем и умер, вверив Борису Годунову перед кончиною своих детей от брака с Евдокией Александровной Горбатой-Шуйской – молодых братьев Никитичей, как их звали в народе, и взяв с него клятву на верность с ними «завещательному союзу дружбы».

После смерти Никиты Романовича Борис Годунов становится во главе правления и скоро сосредоточивает в своих руках небывалую власть над государством.

Жизнь этого человека, имевшего огромное значение в судьбах Русской земли, замечательна. Потомок крещеного татарского мурзы Чета, приехавшего в Москву при Иоанне Калите, Борис Годунов уже в молодых годах был близким человеком к Грозному, состоя при царском саадаке (лук и колчан со стрелами), и быстро вошел в его полную доверенность, чему способствовала женитьба Годунова на дочери Малюты Скуратова, а затем и брак его сестры Ирины с Феодором Иоанновичем.

Личные качества Бориса как нельзя более соответствовали тем благоприятным обстоятельствам, в которых он очутился. По общим отзывам современников, даже и его злейших врагов, Борис, оставаясь неграмотным до конца своей жизни, «грамотичного учения не сведый до мала от юности, яко ни простым буквам навычен бе», отличался тем не менее большими дарованиями: «он цвел благолепи-

ем, видом и умом, всех людей превзошел; муж чудный и сладкоречивый, много устроил он в государстве достохвальных вещей, ненавидел мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемство; был милостив и нищелюбив, но в военном деле был неискусен. Цвел он как финик листвием добродетели, и если бы терн завистой злобы не помрачал его добродетели, то мог бы древним царям уподобиться». В последних словах заключается вся разгадка души Бориса. Основной ее чертой было ненасытное честолюбие, готовое, как увидим, для своего удовлетворения идти на самые страшные преступления; при этом оно лицемерно прикрывалось личиною всевозможных человеческих добродетелей. При таких свойствах души и имея поддержку в безгранично преданной себе сестре, умной царице Ирине, всецело овладевшей чувствами и помыслами царя Феодора, Борис Годунов мог рассчитывать достигнуть всего.

В то самое время, когда Грозный царь, сидя за столом с шахматами, испустил свой дух, присутствовавший при этом Борис, предвду-

шая сладость своего будущего положения при смиренном Феодоре, с веселым видом обратился к бывшему тут же англичанину Горсею и сказал ему: «Будь верен мне и не бойся».

Захват Борисом власти не обошелся, разумеется, без борьбы, но долгая служба в опрочнине выучила Годунова не стесняться в средствах при ее ведении. Приближенные люди при царе Феодоре разделились за несколько времени до смерти Никиты Романовича на две партии: во главе одной был Борис Годунов, сблизившийся с братьями Щелкаловыми, верно оценившими, что сила на его стороне, причем Андрея Щелкалова Борис назвал даже себе отцом, хотя незадолго перед этим он назвал себе отцом и князя И.Ф. Мсти славского; к другой партии принадлежали упомянутый князь И.Ф. Мстиславский, князь Вортынский, Головины, Колычевы и князя Шуйские, очень любимые всем московским населением – купцами, горожанами и чернью.

Говорят, что Мстиславский после долгих отказов согласился извести Годунова отравой у себя на пиру; но это было вовремя открыто; его схватили и насильно постригли в Кирил-

ло-Белозерском монастыре, где он и умер. Воротынские же, Головины, Колычевы и многие другие были заточены по разным городам или отправлены в ссылку; при этом один из Головиных – Михайло – бежал за рубеж к королю Стефану Баторию.

Шуйских Борис пока не тронул, опасаясь, очевидно, большой любви к ним со стороны московских жителей; он даже пошел с ними на мировую. Посредником в этом был митрополит Дионисий, человек тонкого ума и сладкоречивый, но достойный и добрый пастырь, искренно служивший делу умиротворения. Когда после примирения своего с Годуновым князь Иван Петрович Шуйский вышел из Грановитой палаты, то был встречен на площади толпой торговых людей, причем два купца подошли к нему и сказали: «Помирились вы нашими головами; и вам от Бориса пропасть, да и нам погибнуть».

Слова их оправдались: оба купца были в ту же ночь схвачены и сосланы неизвестно куда, а затем скоро наступил черед и Шуйских. Произошло это следующим образом: Феодор не имел детей от царицы Ирины, так как все

роды ее были неудачны. Понимая, что могущество Годунова основано всецело на привязанности государя к Ирине, Шуйские с другими боярами и всеми московскими купцами решили подать царю челобитную, в которой просили его «приятн бы ему второй брак, а Царицу первого брака – Ирину Феодоровну – пожаловати отпустит в иноческий чин; и брак учинити ему Царьского ради чадородия». При этом была намечена и невеста для государя – дочь заточенного в Кирилло-Белозерском монастыре князя И.Ф. Мстиславского. Однако Борис, имея повсюду своих лазутчиков, вовремя узнал о готовящемся ему ударе и поспешил уговорить митрополита Дионисия, бывшего, по-видимому, на стороне Шуйских, не начинать дела о разводе; при этом он указывал, что царь Феодор и Ирина молоды и могут еще иметь детей; в случае же бездетности у Феодора имеется и прямой наследник, живущий в Угличе, – брат его царевич Димитрий.

Так пал вопрос о разводе царя. Годунов удовольствовался на первое время одной только жертвой: несчастная княжна Мсти-

славская, как возможная соперница его сестры, была насильно пострижена; но страшный удар обрушился вскоре и на Шуйских.

По рассказу летописца, Борис, злобясь на Шуйских, научил их дворовых людей – Феодора Старкова с товарищами – обвинить своих господ в «измене». Шуйские были перехвачены вместе с своими друзьями – князьями Урусовыми, Колычевыми, Быкасовыми и другими. Началось следствие, сопровождавшееся страшными пытками и великим кровопролитием, ничего, однако, не обнаружившее. Кроме перечисленных выше лиц, пытали также семь человек московских гостей, но и они ничего не показали.

После следствия доблестный князь Иван Петрович Шуйский был отправлен на Белозеро и там, по свидетельству летописца, удушен; другой Шуйский – князь Андрей Иванович, по тому же свидетельству, был удушен в Каргополе; сторонники Шуйских были разосланы по разным городам и тюрьмам, а семи московским гостям были отрублены головы.

«Лилась кровь на пытках, на плахе; лилась

кровь в усобице боярской, – говорит историк С. Соловьев, – и вот митрополит Дионисий вспомнил свою обязанность печалования; видя многое убийство и кровопролитие невинных, он вместе с Крутицким архиепископом (в Москве) Варлаамом начал говорить Царю о многих неправдах Годунова». Но что могли сделать эти пастыри, когда на стороне Бориса были его сестра и государь, во всем доверившийся своему шурину? Доблестно исполнив святой долг свой – печалования за невинных, Дионисий и Варлаам были свергнуты, обнесенные Годуновым, и заточены в новгородские монастыри. Вместо же Дионисия митрополитом был поставлен ростовский епископ Иов, человек всецело преданный Борису.

Таким образом, после низвержения Дионисия Годунов освободился от всех опасных себе людей и безгранично захватил власть в свои руки. Это было достигнуто им в течение трех с небольшим лет. Во всех отраслях управления, как в Москве, так и в городах, были поставлены люди, на безусловную преданность которых он мог рассчитывать. Английский

посол Флетчер, прибывший в Москву в начале 1589 года, говорит по этому поводу, что «в настоящее время многие из этих важных мест занимают и вместе с тем правят почти всем государством Годуновы и их приспешники».

Вместе с тем, чтобы выделиться от всех остальных подданных, Борис создал для себя несколько весьма пышных наименований и величался: «Царский шурин и правитель, конюший боярин, и дворовый воевода, и содержатель великих государств, царства Казанского и Астраханского». Доходы его были огромны: он получал до 93 700 рублей ежегодно и, говорят, мог с родственниками, которые все были щедро наделены, выставить со своих имений до 100 тысяч вооруженных людей.

Кроме того, для вселения в народе как можно больше уважения к царице Ирине и к ее роду Борис создал целый полк, весьма нарядно одетый, особых царицыных телохранителей, сопровождавших ее вместе со знатнейшими боярынями на всех выходах и во время богомольных походов. Наконец, по приговорам Боярской думы в 1588 и 1589 годах, Году-

нов получил важное право сноситься с иностранными государями от собственного имени, и в Посольском приказе были заведены особые «книги, а в них писаны ссылки Царского величества шурина» с иностранными правительствами.

Двор Бориса представлял точное подобие царского. Он с теми же обрядами, как и царь, принимал иностранных послов и, как истый выскочка, при всяком удобном случае давал им ясно понять, что собственно все зависит не от государя, а от его воли. Ловкие иностранцы, разумеется, быстро сообразили, с кем имеют дело; они рассыпались перед ним в льстивых выражениях, величали его «пресветлейшим вельможеством» и «пресветлым величеством» и получали от восхищенного этим Бориса огромные льготы, зачастую прямо в ущерб русским выгодам, причем на их челобитные ответ писался «по поведению великого государя, а по приказу Царского величества шурина».

Конечно, вступить при создавшейся обстановке в борьбу с Борисом никто не мог и думать, хотя, разумеется, в глубине души мно-

гие таили на него недовольство. «Мне грустно было видеть, – говорит про это время благодетельствованный Борисом и очень преданный ему Горсей, – как в сердцах и мнениях большинства возростала ненависть к правителю за его лицемерие и жестокость, которую еще более преувеличивали».

Несмотря, однако, на упомянутые выше казни и жестокость Бориса-правителя, царствование Феодора Иоанновича почиталось летописцами очень счастливым, особенно по сравнению с печальными временами, наступившими в последние годы жизни его отца, когда Баторий, а затем и шведы нанесли нам ряд тяжких ударов.

«И умилисердися Господь на люди своя, – говорит по этому поводу один из современников, князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский, – и время благополучно подаде, и возвеличи царя и люди, и повеле ему державствовати тихо и безмятежно, во благонравии живуще. Началницы же Московского государства, князи и бояре и воеводы, вкупе и все Православное христианство, начаша от скорби бывшия утешатися и тихо и безмятежно

житии, хваля всещедрого Бога за благодеяние Его».

Тишина и сравнительно мирное житие, наступившие с воцарением Феодора Иоанновича, во многом зависели от ряда удачных для нас перемен, произошедших в это время в соседних государствах, главным же образом в Польско-Литовском.

Стефан Баторий после кончины Грозного не только не думал прекратить борьбу с Москвой, но, напротив, вместе с своим сподвижником Яном Замойским питал обширнейшие замыслы о нанесении нам последнего решительного удара. К счастью для нас, все эти замыслы разбились о противодействие его могущественных панов, которые вовсе не желали тяжелой и разорительной войны, опасаясь, в случае ее удачного для Польши исхода, усиления королевской власти над ними. При этом Замойский возбудил против себя обширную партию во главе со знатным паном Зборовским, и вместо дружной подготовки к большому походу на Москву почти вся Польша разделилась на два лагеря – Замойского и Зборовского, причем дело доходило и

до кровопролития.

Тем не менее по воцарении Феодора Баторий послал в Москву своего посла Льва Сапегу, который, чтобы застрашать нас, объявил, что султан собирается воевать с Москвой, и требовал возвращения всех литовских пленников без выкупа, а за наших пленных запросил 120 тысяч золотых. В Москве очень не желали возобновления войны с Польшей, но отвечали послу Батория с достоинством: «Москва теперь не старая, и на Москве молодых таких много, что хотят биться и мирное постановление разорвать; да что прибыли, что с обеих сторон кровь христианская разливаться станет». В отношении же польских пленных Феодор Иоаннович, следуя внушению своего жалостливого сердца, поступил совершенно по-царски: он выпустил всех их без всякого выкупа, а о своих пленных приказал сказать, что предает решение вопроса об их участи на волю короля Стефана.

Баторий, однако, этим не удовлетворился: он обращался крайне грубо с нашим послом Измайловым, не отпустил русских пленных и продолжал упорно требовать Смоленска, Се-

верской земли, Новгорода и Пскова; во всем этом его поддерживал уже упомянутый нами Михаил Головин, который, убегая в Польшу от злобы Годунова, не постыдился стать там врагом своей земли и уверял Батория, что в Москве идет такая рознь, что ему нипочем будет одержать над нами победу. Впрочем, прибывшие скоро в Польшу новые московские послы, князь Троекуров и думный дворянин Безник, сумели подорвать доверие к Михаилу Головину; один из их слуг подружился с польским приставом, пил с ним вместе и, будто под пьяную руку, сообщил ему за великую тайну, что Михаил Головин – наш лазутчик, умышленно морочащий короля. Паны и шляхта, и без того сильно не желавшие войны, охотно поверили этому, тем более что ввиду плохого здоровья Батория (у него открылись старые раны на ногах) можно было ожидать скорой его смерти, что влекло за собой необходимость избрания нового короля.

Посланный в это время из Москвы через Польшу к немецкому императору Лука Новосильцев доносил, что встреченный им по до-

роге польский архиепископ, примас Карнковский, говорил ему между прочим за обедом: «А слышал я от пленников литовских, что государь ваш набожный и милостивый и государыня разумная и милостивая не только до своих людей, но и до пленных милостива; пленных всех государь ваш освободил и отпустил даром. И мы, и послы (выбранные в сейм) со всех уездов королю отказали, что с земель своих поборов не дадим, на что рать нанимать, а захочешь с государем Московским воеваться идти, нанимай ратных людей на свои деньги, и уговорили короля мириться на 2 года. И о том королю говорили, чтобы отпустил пленников так же, как и государь Московский... Король наш нам непрочен, а вперед думаем быть с вами вместе под государя вашего рукою, потому что государь ваш набожный, христианский».

Слова архиепископа о соединении польской короны с Москвой имели за собой весьма большое основание. В Польше в это время прошел слух, очень крепко державшийся, что ввиду бездетности Феодора Иоанновича австрийский двор хлопочет об избрании после

него на московский стол брата императора Рудольфа – эрцгерцога Максимилиана. Если бы это случилось, то Польша была бы окружена австрийским владычеством со всех сторон и после смерти Батория должна была бы тоже выбрать в короли кого-либо из членов австрийского дома, чего не хотел ни сам Баторий, ни Замоиский, вместе с очень многими поляками.

И вот, чтобы противодействовать замыслам венского двора, в Москву был отправлен послом очень любимый и притом православный литовец пан Михаил Гарабурда с предложением заключить прочный мир, но с тем условием, что если первым скончается Баторий, то Феодор становится королем Польским; в случае же, если прежде умрет Феодор, то на его место царем Московским избирается Баторий.

На это своеобразное предложение московские бояре отвечали с обычным своим достоинством и умением: «Нам про государя своего таких слов, что ты говорил, и помянуть непригоже; это дело к доброму делу не годится... Как нам про государя своего говорить? У

нас государи прирожденные изначала, и мы их холопы прирожденные; а вы себе выбираете государей: кого выбираете, тот вам и государь... Как нам про государя своего и помыслить это, не только что говорить? Мы и про вашего государя говорить этого не хотим... Ты, посол великого государя, пришел к великому государю нашему и такие непригожие слова говоришь о их государской смерти? Кто нас не осудит, когда мы при государе, видя его государское здоровье, будем говорить такие слова?»

Гарабурда уехал из Москвы ни с чем. Баторий же продолжал напрягать все свои усилия, чтобы иметь возможность начать новую войну с нами; кроме Замойского, он имел в этом отношении другого деятельного пособника: это был уже знакомый нам иезуит Антоний Поссевин, считавшийся духовником старой жены Батория Анны Ягеллонки и усердно сносившийся с Римом, чтобы завлечь нового папу Сикста V в замыслы короля против Москвы. Поссевин успел в этом, и Сикст V, несмотря на свою страшную скупость, послал Баторию щедрое вспомоществование для вой-

ны с нами (250 тысяч скудий).

Но в самый разгар приготовлений к этой войне, 12 ноября 1586 года, Баторий умер, а с его смертью рухнули, разумеется, и все его замыслы.

В Польше же снова наступило бескорольевье, ознаменовавшееся крайне обостренной борьбой между партиями Замойского и Зборовского. Зборовские стояли за избрание в короли брата немецкого императора Рудольфа – эрцгерцога Максимилиана, того самого, про которого был пущен в Польше слух, что его хотят избрать московские бояре после Феодора Иоанновича, а Замойские выставляли своим избранником королевича Сигизмунда, сына известной Екатерины Ягеллонки и Иоганна Шведского.

Обе партии расположились военными станами под Варшавой на левом берегу Вислы, готовые, в случае нужды, поддержать с оружием в руках своих ставленников; в это же время на правом берегу Вислы расположилась особым станом и третья партия – литовская, выставив своим избранником царя Феодора Иоанновича.

Московское правительство было очень озабочено возможностью избрания королеви-ча Сигизмунда, который должен был наследо-вать после короля Иоганна и шведский пре-стол и соединить, таким образом, в своем ли-це обоих наших врагов – Польско-Литовское королевство и Швецию. Ввиду этого в Варша-ву на избирательный сейм решено было от-править большое посольство во главе с бо-ярином Степаном Годуновым, князем Феодо-ром Троекуровым и дьяком Василием Щелка-ловым, которое должно было заявить, что в случае избрания Феодора Иоанновича поль-ско-литовским королем Литва и Польша бу-дут пользоваться полным внутренним само-управлением и, кроме того, Москва уплатит все долги, сделанные Баторием на содержа-ние войска. Это посольство встретило очень радушный прием в Варшаве со стороны мно-гих, но крупной его ошибкой было, что оно не привезло с собою денег.

«Надо было вам промыслить сейчас же, – посылали сказать паны радные литовские на-шим послам, – выдать с тысяч двести рублей для того, чтобы нам людей от Зборовского и

от воеводы Познанского Гурки и от канцлера, Яна Замойского, приворотить к себе на выбор вашего государя; как увидят рыцарские люди гроши вашего государя, то все от Зборовских и от канцлера к нам приступят, а только деньгами не промыслить, то доброму делу никак не бывать, а будут говорить про вас все: что же это за послы, когда деньгами не могут промыслить...»

Однако и без денег московская сторона была очень сильна не только среди Литвы, но и между поляками. Многие поляки высоко оценили милостивый поступок царя Феодора, отпустившего всех пленных без выкупа, и, конечно, тогда уже сознавали выгоды соединения двух родственных славянских государств. Когда выставили в поле три знамени – московское с изображением шапки, австрийское с немецкой шляпою и шведское с сельдью, то под русскою шапкою оказалось такое громадное большинство, что, по словам Н.М. Карамзина, – «друзья Австрии и шведов, видя свою малочисленность, от стыда присоединились к нашим».

Но иначе строились обстоятельства на со-

брании вельмож – в «рыцарском коле», когда дело коснулось, по выражению литовских панов, «трех колод», которые надо было пересечь. Поляки требовали: 1) чтобы государь короновался в Кракове в костеле; 2) чтобы в титуле он писался прежде королем Польским и великим князем Литовским, а потом уже царем Московским и 3) чтобы он перешел в латинство.

Разумеется, послы наши не могли согласиться на эти требования – «хотя бы, – говорили они, – и Рим старый, и Рим новый, царствующий град Византия начали прикладываться к нашему государю, то как ему можно свое государство Московское ниже какого-нибудь государства поставить?».

Переговоры с поляками об избрании кончились ничем.

Литовские же паны продолжали еще некоторое время настаивать на избрании Феодора Иоанновича; воевода виленский Христоф Радзивилл и трокский Ян Глебович тайно говорили нашим послам: «У нас писанное дело, что немецкий язык славянскому языку никак добра не смыслит: и нам как немца взять себе

в государи?.. Если поляки на избрание вашего государя не согласятся, то мы, Литва, Киев, Волынь, Подолье, Подлясье и Мазовия, хотим от Польши отодраться...»

Между тем борьба Замоиских и Зборовских продолжалась; наконец каждая из партий провозгласила королем своего избранника: Зборовские – эрцгерцога Максимилиана, а Замоиские – королевича Сигизмунда. Скоро Сигизмунд, переплыв море, высадился в Данциге; в это же время Максимилиан с отрядом войска подходил к самому Кракову. Но деятельный Замоиский не дремал: он быстро двинулся против Максимилиана, разбил его, а затем и взял в плен. Сигизмунд же между тем прибыл в Краков и короновался. Таким образом, сбылось то, чего более всего опасалась Москва, – соединение Польско-Литовского государства и Швеции.

Замоиский торжествовал и строил обширнейшие замыслы о том, как совместными усилиями поляки и шведы обрушатся на Москву и завершат дело, начатое им и Баторием, сокрушив навсегда наше могущество.

Однако Замоиский жестоко ошибся. Сигиз-

мунд оказался крайне ограниченным в умственном отношении человеком, всецело преданным папе и латинству, и при этом очень высокомерным и вероломным.

При первом же свидании с ним Замойский был поражен его надменной холодностью и упорным молчанием. «Что за негого прислали нам черти», – сказал он с досадой. Вслед за тем Замойский не замедлил испытать лично на себе самую черную неблагодарность со стороны избранного исключительно благодаря его стараниям нового короля. Нашлись люди, которые стали нашептывать Сигизмунду, что Замойский затмевает его личность, и тот стал показывать столь явное пренебрежение своему старому канцлеру, что последний должен был совершенно отдалиться от двора. Сигизмундом же всецело завладели иезуиты с не раз упомянутым нами Петром Скаргою во главе.

В Польше скоро разгадали нового короля, как об этом доносил подьячий, посланный в Литву для собирания сведений. «Короля Сигизмунда держат ни во что, – писал он, – потому что от него земле прибыли нет никакой:

владеют всем паны...»

Создавшееся таким образом положение вещей в Польше с избранием Сигизмунда было, разумеется, на руку Москве и позволило нам быть более настойчивыми в переговорах со шведами, с которыми было много неоконченных счетов.

В 1586 году у нас было заключено с ними перемирие на четыре года; не желая иметь в это время войны, мы временно оставили за шведами Нарву, Ивангород, Яму, Копорье и Корелу. При этом во время перемирных переговоров утонул, переправляясь через Нарову, наш злейший враг, известный Понтус Делагарди.

Теперь, по истечении срока перемирия, в 1589 году, Москва настойчиво потребовала от Швеции Нарвы, Ивангорода, Ямы, Копорья и Корелы. «Государю нашему, не отыскав своей отчины, городов Ливонской и Новгородской земли, с вашим государем для чего мириться? Теперь уже вашему государю пригоже отдавать нам все города; да и за подъем государю нашему заплатите, что он укажет». Шведы от-

вечали отказом, и мы объявили им войну.

В январе 1590 года сильная русская рать двинулась к шведским границам; ее вел сам царь, а при нем в качестве ближних воевод были Борис Годунов и двоюродный брат государя – Феодор Никитич Романов. Поход увенчался успехом: удалой начальник передового полка, князь Хворостинин, разбил шведского генерала Банера у Нарвы, и затем наши войска осадили самый город. Опасаясь потерять его, шведы предложили годовое перемирие, с уступкой нам Ивангорода, Ямы и Копорья. Мы потребовали также и Нарвы, но затем согласились на предложенные перемирные условия, оставив за шведами Нарву и Корелу; нет сомнения, что Нарва была бы нами взята, но, как мы говорили, Годунов, вершивший все дела, не обладал военными дарованиями.

Во всяком случае, поход этот принес немалые плоды: Польша и Швеция увидели, что Московское государство после неудач, испытанных в последние годы Грозного, вновь оправилось. В следующем же, 1591 году мы заключили 12-летнее перемирие с Польшей, а со шведами война возобновилась и тянулась

до смерти короля Иоганна. После нее сын его, Сигизмунд Польский, стал и королем Шведским, однако ненадолго. Он сейчас же вступил в борьбу с дядей своим Карлом, оставшимся правителем Швеции, и в скором времени вызвал к себе общую ненависть за крайнюю вражду, внушенную ему иезуитами, к лютеранскому населению Швеции, а затем лишился и отцовского престола, который занял Карл, с наименованием IX. Карл этот заключил с Москвой перемирие в 1593 году, а в 1595 году – вечный мир; Нарва была оставлена за шведами, а мы, кроме Иван-города, Ямы и Копорья, получили Корелу до города Колы; вместе с тем между обоими государствами была установлена вольная торговля.

Так благополучно сложились при царе Федоре наши отношения с Польшей и Швецией.

Не менее благополучно сложились в первые годы его царствования и наши дела с Крымом; там поднялись жестокие усобицы, причем о нападении на Москву не было и речи. Вместе с тем усилившееся казачество – запорожское, донское и терское – постоянно от-

влекало своими нападениями татар от похода на Москву.

Только в 1591 году, когда в Крыму прочно утвердился хан Казы-Гирей, последний задумал совершить внезапный набег на Москву. В июне неожиданно пришло известие, что он идет с 1500 человек прямо к столице. Тогда воеводам, стоявшим на Оке, спешно велено было тоже идти к самой Москве, и к 1 июля у Данилова монастыря войска наши сосредоточились в лагере, укрепленном телегами, или в так называемом «обозе». В этом лагере соорудили церковь во имя святого Сергия и поставили икону Божией Матери, бывшую с Дмитрием Донским на Куликовом поле. Вокруг же всех дальних городских слобод и посадов были поспешно заложены деревянные стены с воротами и башнями; этот деревянный город был метко прозван народом Скородомом или Скородумом.

Государь сам объезжал войска, жаловал воевод и всех ратных людей милостивыми словами, а затем, по обыкновению, удалился молиться.

4 июля татары появились под Москвой, на-

чали жечь окрестности и вступили в мелкие стычки с передовыми нашими войсками. Все находились в тревожном ожидании; один только царь был совершенно спокоен и, увидев слезы на глазах боярина Григория Годунова, сказал ему, чтобы он утешился, так как татар завтра же не будет. Слова его оправдались.

Хан, расположившийся на Воробьевых горах, был встревожен ночью большим шумом в Москве и выстрелами из множества пушек; он поверил сообщению пленных, что к нам пришла подмога из Новгорода, и опрометью побежал назад, не дождавшись рассвета.

Радость была общая; в память отражения хана был заложен Донской монастырь, и несколько дней подряд шли пиры в Грановитой палате; честь же победы над татарами была почти всецело приписана Борису Годунову; кроме множества подарков, он получил, вдобавок ко всем своим пышным наименованиям, звание слуги, пожалованное до него, как мы помним, только трем лицам: князю Семену Ряполовскому, отец которого спас юного Иоанна II от злобы Шемяки, князю

Ивану Воротынскому – за знаменитую Ведрошскую победу над Литвой, и при Грозном – князю Михаилу Воротынскому, отличившемуся при взятии Казани и нанесшему поражение крымцам на Донце.

Скоро убежавший из-под Москвы хан Казы-Гирей стал смиренно просить государя простить ему его набег, что, впрочем, было только хитростью; в следующем же, 1592 году он послал своего калгу (наследного царевича) произвести внезапное нападение на наши рязанские и тульские владения, откуда было уведено много пленных. Однако необходимость помогать туркам в войне последних с австрийцами заставила хана искать с нами прочного мира, и в 1594 году он выдал московскому послу князю Щербатову шертную грамоту.

Пересылки с турками при Феодоре Иоанновиче происходили главным образом из-за казаков. Усиление казачества, особенно же постоянные набеги донцов под турецкий город Азов, беспокоили султана, который требовал их усмирения и уничтожения московской крепости на реке Терек. На эти требования

московский посол в Константинополе Благов неизменно отвечал: «Сами знаете, что на Тереке и на Дону живут воры, беглые люди, без ведома государева, не слушают они никого, и мне до казаков какое дело!»

В 1586 году к царю Феодору явились послы от кахетинского (в Грузии) князя Александра, которому одновременно грозили турки и персы; Александр просил принять его в наше подданство и прислать ратную помощь, вследствие чего царь дважды посылал свое войско против его недруга и соседа – шамхала Тарковского, но воевать с турками Москва отказалась, хотя и вела переговоры об этом со знаменитым персидским шахом Аббасом Великим.

Вел с нами переговоры о войне с турками и немецкий император Рудольф II; он неоднократно посылал под этим предлогом своих послов к Феодору, из коих один – Варкоч – оставил весьма любопытные записки о своих поездках в Москву; однако истинной целью этих посольств была не война с турками, а желание получить от богатого московского государя крупное денежное вспомошествова-

ние. Денег в Москве Рудольфу не дали, но помогли иным образом. В 1595 году в Прагу прибыл целый караван с «вспоможением» от государя, который, «по прошению и челобитью шурина своего Бориса Феодоровича Годунова», прислал множество шкур соболей, куниц, лисиц, белок, бобров и лосиных кож, занявших в императорском дворце до 20 комнат.

Пражские купцы оценили посылку в 400 тысяч рублей, кроме трех сортов соболей, которым не умели наложить цены по их дороговизне.

Папы Григорий XIII, Сикст V и Климент VIII также вели пересылку с Москвой; они старались склонить ее к войне с турками и повторяли свои попытки о введении унии, причем предлагали вновь прислать уже знакомого нам иезуита Антония Поссевина, зорко следившего за всем, что делается в Москве.

Мы видели, что под конец царствования Грозного отношения наши с Англией испортились. Но честолобивый Борис Годунов, заискивавший в расположении иностранных государей, и умная и ловкая Елизавета Английская, искавшая выгод для своих купцов,

быстро их поправили.

Елизавета ласково называла Годунова в письмах «своим самым дорогим и любимым двоюродным братом» и прислала своих врачей и бабуку его неплодной сестре царице Ирине, а Годунов в угоду ей дал огромные преимущества английским купцам и освободил их от всякой пошрины, в явный ущерб государству, лишив при этом нашу казну, по исчислению Н.М. Карамзина, более 20 тысяч ежегодного дохода.

О том, насколько Годунов ухаживал за англичанами, можно судить по следующим словам их же соотечественника Гакльюта, составившего описание путешествий англичан в Россию: «Способ последнего отправления (из Московского государства) мистера Горсея в Англию был так почетен, что следует описать его. Ему дали открытый лист на почтовых лошадей для него самого и прислуги, запасы и все нужное для такого продолжительного путешествия. В каждом городе, через которые он проезжал от Москвы до Вологды, на расстоянии 500 верст по сухопутью, его щедро снабжали лошадьми и всем нужным, также и

по реке Двине, на протяжении 1000 верст, он везде получал свежие запасы от царских чиновников. Когда он прибыл в новоукрепленный город Архангельск, его встретил, по царскому приказу, князь Василий Андреевич Звенигородский; стрельцы были расставлены по обычаю рядами, и его прибытие праздновалось великолепно. Отсюда, снабдив его запасами и деньгами, отправили на княжеском судне с сотнею гребцов, а также с сотнею стрельцов, ехавших с их головою из дворян на других судах. Когда они доехали до места, где стояли на якоре английские, датские и французские корабли, стрельцы дали залп, а корабли выстрелили в свою очередь из 46 орудий; затем Горсея доставили на место жительства в Английский дом на Роз-Эйланд. Полнейшим и окончательным доказательством расположения царя и Бориса Феодоровича к мистеру Горсею было то, что на следующий день ему послали дальнейшие припасы на дорогу, которые заключались в следующем: 16 живых быков, 70 овец, 600 кур, 25 окороков, 80 четвериков муки, 600 караваев хлеба, 2000 яиц, 10 гусей, 2 журавля, 2 лебедя, 65

талонов меду, 40 галенок водки, 60 галенок пива, 3 молодых медведя, 4 сокола, запас луку и чесноку, 10 свежих семг и дикого кабана. Все это было доставлено Горсею одним дворянином от имени государя, а другим от Бориса Феодоровича».

Видя такую угодливость Годунова к англичанам, королева Елизавета стала требовать, чтобы мы запретили торговать в нашей земле всем другим иноземцам и даже англичанам, не принадлежащим к Английской торговой компании. На это, однако, ей отвечали из Москвы: «Это дело нестаточное и ни в каких государствах этого не ведется; если Елизавета королевна к государю об этом приказывает, то этим нелюбье свое объявляет Царскому Величеству, к убытку Государевой Земли хочет дорогу в нее затворить... которую дорогу Бог устроил – великое море океан, и ту дорогу как можно затворить...»

Оживленную переписку с Москвой по торговым делам вел также и знаменитый министр Елизаветы – лорд Вильям Сесиль Бэрлей, величавшийся Годуновым в своих грамотах к нему: «Вилим Сисель, честнейшего чина

рычард Подвязочный» (он имел английский орден Подвязки, жалуемый обыкновенно владельческим особам).

Удачно сложившиеся внешние отношения при царе Феодоре внесли, как мы говорили, по общему отзыву современников, большое успокоение в жизнь страны и дали возможность правительству заняться устройством внутренних дел.

Царь Феодор хотя и часто сидел в Думе, но, как мы знаем, делами не занимался, а или молился Богу, или же по праздничным дням тешился зрелищем боя человека с медведем, причем щедро награждал отважных молодцов, вступавших в борьбу со страшным зверем. Царица Ирина всецело отдалась самой щедрой благотворительности и широко оказывала милости заключенным в тюрьмах, пользуясь для этого всяким подходящим случаем. Всеми же делами правил, хотя и при посредстве Боярской думы, Борис Годунов, и правил ими, по общим отзывам, хорошо.

При этом для решения многих вопросов очень часто созывались соборы по тому же порядку, как и во времена Грозного; при от-

крытии этих соборов всегда присутствовал сам царь Феодор.

Борису Годунову обыкновенно приписывают, в бытность его правителем, прикрепление крестьян к земле, приведшее к известному крепостному праву. Как выяснили новейшие исследования, это не верно. Мы видели, в какое расстройство пришло земельное хозяйство в Московском государстве от крутой землевладельческой переборки, произведенной Иоанном Грозным по учреждению опричнины. С другой стороны, мы видели, раньше Грозного, был ряд распоряжений Московского правительства, начавшихся еще в XV веке, для затруднения перехода крестьян от одного владельца к другому, ввиду того, что эти переходы отражались крайне губительно на хозяйстве. Меры Бориса Годунова, чтобы поднять народное благоустройство, сильно упавшее в последние годы Грозного, шли в том же направлении – в стеснении перехода крестьян от одного владельца к другому; полное же их прикрепление к земле последовало при царе Василии Ивановиче Шуйском, причем главной причиной этого прикрепления были

те крупные долговые обязательства, которые связывали крестьян с землевладельцами. При царе Феодоре государство для управления было разделено на четыре чети: Посольскую, Разрядную, или Военную, Поместную и Казанского дворца. Четями ведали дьяки, причем первыми двумя – братья Щелкаловы. Кроме четей, остались и приказы, во главе которых стояли бояре; Дворцовый приказ, заведовавший царскими вотчинами, был поручен боярину Григорию Васильевичу Годунову; ежегодный доход, поступавший в царскую казну, доходил при нем до 1 млн 430 тысяч рублей.

В царствование Феодора было построено множество новых городов, особенно со стороны степи, для ограждения наших границ от татарских набегов. Так, были построены Курск, Ливны, Кромы, Воронеж, Белгород, Оскол, Валуйки; затем в Волжской стороне – Санчурск, Саратов, Переволока, Царицын; на Урале был поставлен город Яицк для сидевших здесь казаков, а в 1584 году был заложен на Белом море Архангельск, Астрахань и Смоленск были обведены каменными стенами; как увидим, это оказалось весьма предусмотр-

рительным по отношению Смоленска, «этого ожерелья» государства, по определению Н.М. Карамзина. Москва тоже укреплялась, для чего был заложен Белый, или Царев, город. Кроме того, как мы говорили в предыдущей главе, в Сибири, окончательно приведенной под власть Москвы при царе Феодоре, было тоже заложено несколько городов.

Для заселения вновь приобретенных обширных сибирских владений русскими людьми правительство прилагало большие заботы. Так, до нас дошло распоряжение, что в 1590 году велено было выбрать в Сольвычегодске для отправления в Сибирь на житье 30 человек пашенных людей с женами и детьми и со всем имением, «а у всякого человека было бы по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани, и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодские посадские и уездные люди должны были им дать по 25 рублей на человека», деньги громадные по тому времени.

Усердно строились при царе Феодоре и церкви, главным образом, конечно, в недавно приобретенных владениях; в деле этом особенно выдавался казанский епископ Гермоген, ревностно насаждавший православие среди татар, черемис и чувашей.

При царе же Феодоре произошло и важное событие в русской церковной жизни – учреждение патриаршего стола в Москве.

Мы видели, что после взятия турками Царьграда московские митрополиты получили совершенно самостоятельное значение и, начиная со святого Ионы, ставились собором русских епископов. Наследство и заветы Византии, перешедшие в Москву после брака Иоанна III с Софией Фоминичной, и самый рост Московского государства давно уже показывали, что в Москве, Третьем Риме, сохранившем в чистоте древнее православие, естественно, подобает быть и патриаршему столу.

Но как наши государи не торопились с принятием царского титула, так не торопились они с возведением митрополита Московского в патриархи.

Это совершилось только при царе Феодоре.

В 1586 году в Москву приехал антиохийский патриарх Иоахим и предложил переговорить об этом деле с другими восточными патриархами, после чего через два года к нам прибыл царьградский патриарх Иеремия в сопровождении митрополита Монеувасийского Иерофея и архиепископа Елассонского Арсения, оставивших записки об этой поездке в Москву.

Иеремия, терпя большую тесноту в Царьграде от султана, сам хотел быть у нас патриархом. Но Борис Годунов желал, конечно, провести в московские патриархи своего человека, преданного ему митрополита Иова, и для этого, с обычным своим лицемерием, прибегнул к следующему: московское правительство предложило Иеремии занять патриарший стол, но поставило непременно условием, чтобы он жил не в Москве, а в городе Владимире на Клязьме, потерявшем в это время всякое значение, то есть вдали от царя и всех государственных дел.

Конечно, при такой постановке вопроса Иеремия должен был отказаться от своего желания остаться у нас и согласился на постав-

ление патриарха из русских святителей; со-
званный для этого церковный собор наметил
трех лиц, из числа коих царь выбрал, разуме-
ется по совету Годунова, Иова. Торжественное
посвящение его в патриархи последовало 26
января 1589 года; вместе с тем архиепископы
Новгородский, Казанский, Ростовский и Кру-
тицкий были возведены в митрополиты, а
шесть епископов получили звание архи-
епископов: Владимирский, Суздальский, Нижего-
родский, Смоленский, Рязанский и Тверской.
После торжества в Успенском соборе был пир
в Государевом дворце, во время которого Иов,
встав из-за стола, отправился в сопровожде-
нии большой свиты на осляти вокруг Кремля,
осеняя крестом и кропя водой стены, а затем
вернулся к обеду. На другой день он объехал
опять на осляти только что построенный
большой каменный, или Белый, город, при-
чем его ослятю часть пути вел сам Борис Году-
нов.

Архиепископ Елассонский Арсений с вос-
торгом рассказывает о торжествах, данных по
поводу учреждения патриаршества; грече-

ские святители были приняты также и царицей Ириной, поразившей их своею красотой, ласкою и богатейшим убранством. Щедро одарив гостей, она особо просила патриарха Иеремию молить Бога о даровании ей наследника Русской державы.

Вопрос о наследнике был действительно самым жутким и острым для умной царицы; жуток и остер он был также и для безгранично развившегося честолюбия ее брата – Бориса Феодоровича Годунова, который отлично понимал, что после смерти болезненного и бездетного Феодора, с воцарением Димитрия, хотя и сына седьмой жены Грозного, но всеми признаваемого за законного царевича, наступит полный конец его благополучию: власть перейдет в руки Нагих, сестра Ирина пострижется в монастыре, а ему лично предстоит в лучшем случае опала, а то – тюрьма или смерть.

Все это его сильно тревожило и, по обычаю того времени, заставляло усердно прибегать к волхвованию. Особенно жаловал Годунов какую-то ворожею Варвару, которая вместе с другими гадалелями предсказала ему, что он

будет царствовать, только недолго – «всего лишь семь лет». «Он же рече им с радостью великою и лобыза их с радостью, – говорится в „Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича“, – глагола им: хотя бы семь дней, толко бы имя на себе царское положить и желание свое совершить».

«Годунов, – говорит Е.И. Забелин, – всеми правдами и неправдами расчищал и укреплял себе путь к царствованию: казнил или заточал всех опасных себе соперников из лиц, близких Царю Феодору». По-видимому, с той же целью и при этом обманным путем он выманил в 1586 году из Риги проживавшую там с малолетней дочерью вдову бывшего ливонского короля Магнуса – знакомую нам княгиню Марию Владимировну, а затем постриг ее и заточил в монастырь, где она скоро потеряла свою единственную дочь. Таким образом, и эта соперница была устранена.

Но тем не менее оставался в живых царевич Димитрий.

Посещавшие в это время Московское государство иностранцы, а также, без сомнения, и многие русские люди отлично понимали, на-

сколько царевич Димитрий стоит Годунову поперек дороги. Австрийский посланник при нашем дворе, бургграф Лона, прямо писал в своих донесениях императору Рудольфу II, что Годунов вполне самовластно управляет Московским государством и явно мечтает о престоле.

Еще замечательнее свидетельство английского посланника Флетчера, проведеншего в Москве лишь несколько месяцев в 1588–1589 годах. В составленной им вслед за возвращением в Англию книге «О государстве Русском» он говорит следующее: «Кроме нынешнего государя (Феодора), у которого нет детей и едва ли будет... есть еще один только член этого дома, именно: дитя шести или семи лет, в котором заключается вся надежда и все будущее поколение царского рода... Младший брат царя... содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих, но (как слышно) жизнь его находится в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя. Кормилица, отведавшая прежде него како-

го-то кушанья (как я слышал), умерла скоропостижно... Вот в каком положении находится царский род в России... который, по-видимому, скоро прекратится, со смертью особы, ныне живущих, и произведет переворот в Русском царстве...» Очертив затем общий ропот и взаимную ненависть, вызванную опричниной Грозного, а также, без сомнения, и разгромом боярской знати, произведенным Годуновым, Флетчер говорит, «что (по-видимому) этот вопрос окончится не иначе как всеобщим восстанием», хотя, пишет он несколько дальше, «никакого переворота быть не может, пока войско будет беспрекословно подчинено царю и настоящему порядку вещей».

Таким образом, наблюдательным иностранцам было ясно, что Димитрию долго жить не придется и что после его смерти наступит в жизни страны переворот, который повлечет за собой большие внутренние потрясения.

Нелюбовь Годунова к Димитрию выразилась не только в ссылке его в Углич, но даже и в запрещении поминать его на ектениях;

это, конечно, имело целью подчеркнуть, что он не настоящий царевич, как сын седьмой жены Грозного, почему и не может считаться в числе членов царского рода. Кроме того, в народе усердно распускались слухи, что малютка любит муки и кровь, с удовольствием смотрит на истязания животных и даже сам убивает их. «Сей сказкою, – говорит Н.М. Карамзин, – хотели произвести ненависть к Димитрию в народе; выдумали и другую для сановников и знатных; рассказывали, что царевич, играя однажды на льду с другими детьми, велел сделать из снега 20 изображений, назвал оных именами первых мужей государственных, поставил рядом и начал рубить саблею: изображению Бориса Годунова отсек голову, иным руки и ноги, приговаривая: „Так вам будет в мое царствование“».

Димитрий вместе с матерью и ее братьями Нагими жил в Угличе под строгим надзором царских чиновников, конечно, безусловно преданных Годунову, во главе с дьяком Михаилом Битяговским; вместе с последним в Угличе жил и сын его Данила, а также племянник – Никита Качалов. Битяговские были на-

значены в Углич по представлению окольного Андрея Лупп-Клешнина – преданнейшего Годунову человека, причем жена этого Лупп-Клешнина, урожденная княжна Волконская, была неразлучной приятельницей с царицей Ириною. Как рассказывают современники, Битяговский отличался зверским лицом и был послан в Углич нарочито с целью убиения Дмитрия, после того как Годунов получил отказ в этом от Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова, которым он предложил совершить преступление. Главная мамка царевича – Василиса Волохова, имевшая взрослого сына Осипа, была также ставленницей Бориса.

15 мая 1591 года царевича Дмитрия не стало.

Уже не раз помянутый нами англичанин Горсей, большой почитатель Годунова и всем ему обязанный, находился в это время в Ярославле; он рассказывает по поводу смерти царевича следующее: «Однажды ночью я думал, что уже совсем наступил мой конец, и молил Всевышнего о спасении моей души. Кто-то в полночь постучал в ворота моего дома. У ме-

ня был достаточный запас пистолей и оружия. Я и пятнадцать человек моих слуг, вооружившись этим оружием, вышли к воротам: «Мой добрый, благородный друг Джером, впустите меня, я должен поговорить с вами». Я узнал при лунном свете Афанасия Нагого, брата последней жены покойного царя и матери юного царевича Димитрия, который жил с ними в Угличе, на расстоянии 25 миль от Ярославля. Царевич Димитрий скончался в шестом часу, дьяки перерезали ему горло; слуга одного из них сознался перед пыткой, что они посланы Борисом...»

В другом месте своих записок Горсей говорит об этом так: «После смерти Ивана Васильевича перерезали горло его третьему десятилетнему сыну, царевичу, который был одарен острым умом и на которого возлагали большие надежды». Таким образом, преданный Годунову Горсей совершенно определенно говорит, что Димитрию перерезали горло, и ни единым словом не старается снять в этом обвинение с Бориса, прямо высказанное ему Афанасием Нагим. Однако узнать вполне достоверно, как именно произошла смерть

царевича в Угличе, к сожалению, не представляется возможным. Здесь начинается великая темнота в жизни Московского государства, темнота, несомненно, созданная преступной рукой Бориса Годунова и поведшая роковым образом, как и предсказал Флетчер, к страшной смуте, глубоко потрясшей все наше Отечество.

По всей вероятности, смерть царевича произошла следующим образом: в субботу, 15 мая, царица Мария Нагая, не спускавшая глаз с своего сына, возвратилась с ним от обедни и собиралась обедать. В это время старшая мамка – Василиса Волохова – позвала Димитрия гулять во дворе. Это было, по принятому в том веке счету времени, в шестом часу дня, то есть как раз в то время, на которое указывал Афанасий Нагой в своем рассказе Горсею.

Димитрий вышел с крыльца, причем, кроме Волоховой, с ним находились его кормилица Тучкова и постельница Колобова. Вслед за тем царица Мария, оставшаяся в горнице, услышала отчаянные крики женщин, на которые она тотчас же выбежала и увидела сына, уже бьющегося в предсмертных судорогах

с перерезанным горлом, в руках своей кормилицы.

По словам «Жития царевича», убиение его произошло так: Василиса Волохова вывела Димитрия за ручку на нижнее крыльцо, где передала его своему сыну Осипу Волохову, державшему в рукаве обнаженный нож. Осип повел его на середину двора и ласково спросил: «У тебя, кажется, государь, новое ожерельице?» Царевич доверчиво вытянул свою детскую шейку, чтобы ожерельице было лучше видно, и отвечал: «Это мое старое ожерелье». В то же мгновение убийца выхватил свой нож и вонзил его в подставленную шею, но, объятый страхом, горла вполне не перерезал, а кинулся бежать. Димитрий упал, обливаясь кровью. Видя это, кормилица Арина Тучкова, искренно ему преданная, кинулась к нему и припала на землю рядом с ним. На это и выбежала царица.

Очевидно давно подозревая мамку Волохову в злом умысле, она прямо бросилась на нее и схваченным поленом начала бить по голове, громко крича, что царевича убил Осип Волохов вместе с молодым Данилой Битягов-

ским и Никитой Качаловым. На происшествие сбежались дворовые. Кто-то кинулся к соборной церкви Спаса и распорядился, чтобы ударили в набат, а другие разбежались по улицам с криками: «Чего сидите? Царя у вас больше нет». Слух об убиении царевича быстро разнесся. Первыми прискакали во дворец братья царицы – Михаил и Григорий Нагие, причем последний набросился также на Василису Волохову.

Тем временем соборный колокол продолжал звонить набат; в него звонил вдовый поп, обращенный в пономаря, по прозванию Огурец. Дьяк Михаил Битяговский, услышав набат, поспешил во дворец, причем по дороге пытался взойти на колокольню, чтобы прекратить звон, так как, по всей вероятности, догадывался, что он означал; но Огурец в своем усердии заперся в ней и продолжал звонить.

Между тем огромная толпа народа успела уже собраться у дворца и находилась, разумеется, в величайшем возбуждении. Как только прибыл дьяк Битяговский, то Михаил Нагой тотчас же указал на него как на главного ви-

новника преступления; Битяговский хотел спастись в стоящей во дворе брусяной избе, но был вытащен из нее и тут же убит. Сын его Данила с двоюродным братом Никитой Качаловым думали скрыться в другой избе, но их тоже нашли и убили.

Наконец нашли и Осипа Волохова. Царица указала на него как на убийцу, и он тоже тут же был лишен жизни. Рассвирепевший народ убил также несколько слуг Битяговского и посадских людей, пробовавших вступить за них. Всего было убито толпой 12 человек. Совершив эту расправу, жители Углича с беспокойством стали ждать, как взглянут на это дело в Москве, куда был отправлен гонец к царю с подробным донесением о случившемся.

Тело же убиенного царевича было положено в гроб и поставлено в Преображенском соборе.

По рассказу летописца, когда гонец из Углича прибыл в Москву, то Борис Годунов заменил привезенную им грамоту другою, в которой было сказано, что Димитрий зарезался сам по недосмотру Нагих, и лично доложил ее государю, лицемерно проливая вместе с ним

слезы о случившемся.

Затем, 19 мая, спешно выехали из Москвы лица, назначенные для производства следствия. Этими лицами были всецело преданный Годунову окольничий Лупп-Клешнин, по указанию которого был отправлен в Углич Михаил Битяговский, затем дьяк Вылузгин, крутицкий митрополит Геласий, также человек, обязанный Годунову, и, наконец, боярин князь Василий Иванович Шуйский. Старший брат этого Шуйского, князь Андрей Иванович, был погублен, как мы видели, Годуновым, а другой брат – Димитрий Иванович – женат на родной сестре жены Годунова, на Екатерине Григорьевне Скуратовой; что же касается самого Василия Ивановича, то он находился в большом подозрении у всеильного временщика и ежечасно ждал своей гибели.

Назначение Шуйского во главе следствия имело вид беспристрастия, так как Василий Иванович не был человеком, принадлежащим к числу близких людей Годунова. Но вместе с тем Годунов, назначая его, конечно, отлично понимал, что Шуйский, оберегая себя, не посмеет идти против Лупп-Клешнина и

покроет своим именем все его действия в Угличе.

Так, по-видимому, и случилось. По прибытии в Углич следователи осмотрели тело царевича, причем Лупп-Клешнин, увидя его, затрепетал, обливаясь слезами, и затем оно было тотчас же предано погребению[25].

«Глубокая язва Димитриева, – говорит Н.М. Карамзин, – гортань, перерезанная рукой сильного злодея, не собственной, не младенческой, свидетельствовала о несомнительном убиении; для того спешили предать земле святыя мощи невинности».

Затем началось следствие. По рассказу летописцев, на вопрос Шуйского: «Каким образом Димитрий, от небрежения Нагих, заколол себя сам?» – все единогласно отвечали, что царевич был убит своими рабами Битяговскими и товарищами по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но по приезде в Москву Шуйский доложил государю, что царевич закололся сам, и представил следственное производство, сохранившееся до нашего времени.

По этому следственному производству вы-

ходило, что один только дядя царевича – Михаил Нагой, бывший будто бы в день убиения мертвецки пьяным, настаивал, что царевич убит; все же остальные, в том числе и брат Михаила – Григорий Нагой, утверждали, как заученный урок, что царевич закололся сам, в припадке падучей болезни, играя с товарищами в какую-то игру – тычку, при которой употреблялся ножик. Особенно много распространялась про болезнь Димитрия Василиса Волохова. Показаний же матери царевича во все нет в следственном производстве.

Подробно разобрав это следственное производство и указав на все несообразности и темные места, в нем встречающиеся, наш историк С. Соловьев говорит: «После всего этого не должны ли мы заключить, что следствие было произведено недобросовестно? Не ясно ли видно, как спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни, не обращая внимания на противоречия и на уккрытие главных обстоятельств».

Н.М. Карамзин же высказывается так по поводу этого следствия: «Одни сии допросы,

явно ознаменованные действием страха, угроз, принуждений, совести нечистой, свидетельствуют о заговоре Бориса Годунова».

Когда следователи вернулись в Москву, то был собран духовный собор; по прочтении на нем следственного производства митрополит Геласий добавил: «Царица Марья, призвав меня к себе, говорила, что убийство Михаила Битяговского с сыном и жильцов дело грешное, виноватое, просила меня довести ее челобитье до государя, чтобы государь тем бедным червям, Михаилу Нагому с братьями, в их вине милость показал».

Патриарх же Иов вынес такое решение собора: «Перед государем Михайлы и Григория Нагих и Углицких посадских людей измена явная: Царевичу Димитрию смерть учинилась Божьим судом; а Михайла Нагой Государевых приказных людей, дьяка Михайлу Битяговского с сыном, Никиту Качалова и других дворян, жильцов и посадских людей, которые стояли за правду, велел побить напрасно, за то, что Михайла Битяговский с Михайлом Нагим часто бранился за государя, зачем он, Нагой, держал у себя ведуна, Андрюшу Мо-

чалова, и много других ведунов. За такое великое изменное дело Михайла Нагой с братьею и мужики Угличане, по своим винам, дошли до всякого наказанья. Но это дело земское, градское, то ведает Бог, да государь, все в его царской руке, и казнь, и опала, и милость, о том государю как Бог известит».

Нагих привезли в Москву и крепко пытали; у пытки был сам Годунов, бояре и Лупп-Клешнин. Но, по свидетельству летописцев, Нагие и на пытке говорили, что царевич убит. Их разослали в заточение по дальним городам. Царица же Мария была пострижена в Выксинской пустыни, за Белоозером. С угличанами поступили также с беспощадной строгостью: до 200 человек было наказано смертью или отрезанием языка; многих посадили в темницы; большинство же было сослано в Сибирь для заселения города Пельм. Самый колокол, звонивший набат, был отправлен в Тобольск, где находится и по настоящее время. После этой расправы город Углич, бывший до того торговым и многолюдным, совершенно запустел и с той поры уже не поднимался.

«Когда известие об убиении царевича пришло в Москву, – рассказывает современник событий, иностранец Исаак Масса, – сильное смущение овладело и придворными, и народом. Царь (Феодор) в испуге желал, чтобы его постигла смерть. Его по возможности утешали. Царица также была глубоко огорчена и хотела удалиться в монастырь, так как она подозревала, что убийство совершено по внушению ее брата, сильно желавшего управлять Царством и сидеть на престоле».

Скоро, впрочем, внимание царя и народа было отвлечено в другую сторону.

Убиение царевича Димитрия произошло 15 мая, а 6 июня начался страшный пожар в Москве, причем выгорел весь Белый город. 4 же июля 1591 года, как мы видели, перед Москвой внезапно появились крымцы Сафа-Гирея. Хан на другой же день побежал назад, а погоревшим Годунов оказывал необыкновенные милости, с великой щедростью раздавая им деньги, «к себе вся приправливая и аки ужем привлачаше», но повсеместно упорно держался слух, что как пожар Москвы, так и набег хана были делом его рук, чтобы от-

влечь внимание всех от убийства Димитрия.

«Той же Борис, – говорит один летописец, – видя народ возмущен о царевиче убиении, посылает советники своя, повеле им многая дома в царствующем граде запалити, дабы люди о своих напастях попечение имели и тако сим ухищрением преста миром волнение о царевиче убиении, и ничтоже ино помышляюще людие, токмо о домашних находящих на ны скорбех».

Замечательно, что и И.Е. Забелин тоже разделяет мнение о том, что как пожар Москвы, так и нашествие Сафа-Гирея было делом рук Годунова: «...в действительности, – говорит он, – все обстоятельства этого нашествия заставляли угадывать, что оно было поднято теми людьми из Москвы же, которым до крайности было надобно направить народные умы в другую сторону от совершившегося злодейства в Угличе».

С убиением Димитрия надежды Бориса на занятие престола после смерти Феодора, конечно, значительно усилились. Правда, через год у царя родилась дочь Феодосия, но она скоро же умерла, вызвав общее горе и новые

толки о том, что ее уморил Годунов. Обвиняла народная молва Годунова и в ослеплении престарелого великого князя Тверского Симеона Бекбулатовича, которого Грозный поставил в былые времена царем на Москве, и теперь ослепшего.

Борис же все более и более открыто стремился к царской власти. Уже с 1595 года рядом с его собственным именем во всех важных случаях стали упоминать и имя его сына Феодора, причем юный Феодор сам начал принимать участие в приеме послов, торжественно встречая их «среди сеней» и ведя затем к отцу; когда Борис посылал подарки шаху Аббасу, то Феодор от себя тоже посылал подарки шахову сыну.

Через шесть лет после убиения Димитрия, в конце 1597 года, царь Феодор занемог смертельной болезнью и умер 7 января 1598 года. «Я вполне убежден, – говорит уже упомянутый нами весьма правдивый голландец Масса, живший в это время в Москве, – в том, что Борис ускорил его смерть, при содействии и по просьбе своей жены, желавшей скорее сделаться Царицей». Такие же толки упорно хо-

дили и в народе.

Дошедшие до нас сведения о подробностях кончины Феодора Иоанновича сбивчивы. По некоторым сказаниям, когда бояре приступили к нему с вопросом, кому царствовать после него, то он передал скипетр своему двоюродному брату Феодору Никитичу Романову, но тот отказался и вручил скипетр следующему брату – Александру; Александр в свою очередь передал его третьему брату – Ивану, а от того он был передан и четвертому – Михаилу; Михаил тоже отказался и передал дальше; в конце концов скипетр опять попал в руки царя. Тогда умирающий сказал: «Возьми же его, кто хочет; я не в силах более держать»; в это мгновение Борис Годунов протянул свою руку и взял его.

По другим сведениям, на вопрос патриарха и бояр: «Кому царство, нас, сирот и свою царицу приказываешь?» – Феодор отвечал тихим голосом: «Во всем царстве и в вас волен Бог: как ему угодно, так и будет; и в царице моей Бог волен, как ей жить, и об этом у нас уложено». Наконец, есть также свидетельство, что «после себя великий государь оста-

вил свою благоверную великую государыню Ирину Феодоровну на всех своих великих государствах».

Как бы то ни было, вслед за кончиной Феодора власть тотчас же перешла к царице, и ей беспрекословно присягнули.

Народ, услышав весть о смерти государя, толпами шел в Кремль; все выражали свою глубокую скорбь, и многие рыдали.

Феодор Иоаннович был последним царем из дома Рюрика, давшего столько великих государей Русской земле. Непомерное напряжение всех сил на пользу Родине, которое служило отличительной их чертой на протяжении веков, по-видимому, привело в его лице царский род к истощению, или, как теперь говорят, к вырождению. Крайняя впечатлительность и чрезмерная страстность и раздражительность Иоанна Грозного являлись, вероятно, также признаками уже начинающегося вырождения в потомстве Иоанна Калиты. Потеряв одно из отличительных свойств своих предков – большой ясный ум и исключительные способности к занятию государственными делами, царь Феодор все же полностью со-

хранил другие качества, отличавшие Рюриковичей: великое благочестие, сердечную доброту и большое душевное благородство. Рассматривая его изображение, мы поражаемся по первому взгляду некрасивыми и болезненными чертами лица Феодора, но затем находим в них чрезвычайно кроткое и милое выражение и начинаем понимать, почему смиренно-блаженный царь мог привлекать к себе сердца всех своих подданных.

Хилый и неспособный к правлению, он оставался все-таки с головы до ног царем. Такое же благоприятное впечатление производил он и на многих иностранцев. Горсей, описывая свое представление Феодору, рассказывает: «Царь говорил мало, но держал себя хорошо».

Скоро мы увидим, что его лукавый раб, замысливший занять после него высокий царский стол, благолепный с виду, умный и цветущий здоровьем Борис Годунов, будет говорить много, но держать себя нехорошо.

Усопшего государя похоронили, по обычаю, на другой день смерти, в Архангельском соборе. Царица Ирина была неутешна; она

громко причитала над гробом, восклицая между прочим: «Увы мне смиренной вдовице, без чад оставшейся... мною бо ныне единою ваш царский корень конец приял».

На девятый день после смерти мужа Ирина удалилась в Новодевичий монастырь, решительно отказавшись от царства, несмотря на все просьбы патриарха и бояр, и вскоре постриглась с именем Александры.

Наступило небывалое время в Московском государстве – оно осталось без царя. Во главе всего правления стал патриарх, хотя указы и продолжались писаться от имени царицы.

Вопрос же об избрании нового царя оставался открытым до истечения сорокового дня после кончины Феодора.

В ожидании этого «немедленно закрыли границы государства, – говорит наш известный историк С.Ф. Платонов, – никого через них не впуская и не выпуская. Не только на больших дорогах, но и на тропинках поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывез вестей из Московского государства в Литву и к немцам... Избрание царя должно было совершиться не только без постороннего уча-

ствия и влияния, но и в тайне от посторонних глаз. Никто не должен был знать, в какой обстановке и с какой степенью единодушия будет избран новый московский государь».

Вместе с тем было приказано съезжаться в Москву со всего государства членам созываемого собора для выбора нового царя.

Князя Шуйские, как прямые потомки Александра Невского, имели бы несомненно наибольшие права на престол, если бы было решено выбрать царя непременно из потомков Рюрика. Об этом, как увидим впоследствии, Ян Замоиский вполне определенно высказывался на сейме в Польше.

Имели также большие права на престол и Романовы, как двоюродные братья почившего Феодора и как члены знаменитой боярской семьи, на протяжении столетий прославившей себя особой верностью московским государям и целым рядом выдающихся заслуг на пользу Родине.

Наконец, мог быть поднят вопрос и о выборе члена какого-либо из царствующих домов в Европе, конечно, при условии принятия им православия. По-видимому, за неосторожные

разговоры с послом Варкочем о возможности избрания после смерти Феодора австрийского эрцгерцога Максимилиана был подвергнут опале знаменитый дьяк Андрей Щелкалов, тот самый, которого Борис назвал, пробираясь по смерти Грозного к власти, своим отцом.

Однако всем было ясно, что все клонилось к избранию Годунова. Этого прежде всего страстно желала сама царица-инокиня. Патриарх Иов, всецело обязанный Борису, конечно, также открыто стоял на его стороне и сам говорил, что имел по этому поводу немалые неприятности: «В большую печаль впал я о преставлении сына моего царя Феодора Иоанновича; тут претерпел я всякое озлобление, клеветы, укоризны, много слез пролил я тогда».

Немец Мартин Бер, живший в Москве и благодетельствованный Годуновым, рассказывает, что он (Годунов) и сестра его Ирина поступили весьма хитро: «Царица, призвав к себе тайно многих сотников и пятидесятников, склонила их деньгами и лестными обещаниями к убеждению воинства и граждан

не избирать на царство, если потребуются их голоса, никого, кроме Бориса...»

Когда дьяк Василий Щелкалов объявил собравшемуся в Кремле народу о пострижении царицы, требуя присяги на имя Боярской думы, то ему отвечали из толпы: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу», а затем раздались голоса: «Да здравствует Борис Феодорович!»

Сам патриарх с духовенством, боярами и гражданами отправился просить царицу Ирину благословить брата на царство, так как при царе Феодоре «он же правил и все содержал милосердным своим премудрым правительством по вашему царскому приказу». С такой же просьбой обратились и прямо к Годунову.

На это Борис отвечал: «Мне никогда и на ум не приходило о царстве; как мне помыслить на такую высоту, на престол такого великого государя моего пресветлого царя? Теперь бы нам промышлять о том, как устроить праведную и беспорочную душу пресветлого государя моего, царя Феодора Иоанновича, о государстве же и о земских всяких делах ра-

деть и промышлять тебе, государю моему святейшему Иову патриарху, и с тобой боярам. А если где работа моя пригодится, то я за святые Божии церкви, за одну пядь Московского государства, за все православное христианство и за грудных младенцев рад кровь свою пролить и голову положить». По-видимому, Борис отказывался так упорно, выжидая созыва великого Земского собора, вполне уверенный, что никто иной, кроме него, не будет избран.

Собор собрался в Москве 17 февраля. На него было созвано 474 человека – в том числе только 33 выборных от городов; остальные же принадлежали к духовенству, зависимому от патриарха Иова, и к служилому люду различного звания, в числе которого, как мы видели, большинство состояло из сторонников Годунова.

Собор был открыт речью патриарха Иова; в ней он прямо заявил, что надо выбрать Бориса Феодоровича, и заявил это не только от себя, но и от всего собора: «А у меня, Иова патриарха, митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего

освященного Вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и у всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам мимо государя Бориса Феодоровича иного государя никого не искать и не хотеть».

На эту речь собор тотчас же единогласно постановил: «Неотложно бить челом Борису Феодоровичу и, кроме него, никого на государство не искать».

18 и 19 февраля в Успенском кремлевском храме были отслужены торжественные молебствия, чтобы Бог даровал на царство Бориса Феодоровича, а 20-го, в понедельник, на Масленице – Иов со всем духовенством, боярами и всенародным множеством отправились в Новодевичий монастырь, где проживал Борис у сестры, и со многими слезами и челобитием молили его принять избрание.

Но он по-прежнему отвечал решительным отказом.

Все разошлись в недоумении. Тогда Иов предложил опять идти на другой день всенародно к Борису с иконами и крестами, с жена-

ми и грудными детьми, и притом с тем, что если Борис, несмотря на все просьбы, опять откажется, то отлучить его от Церкви, а духовенству снять с себя святительские саны, одеться в простые монашеские одежды и запретить службу во всех церквях.

Во вторник, 21 февраля, крестный ход, с несомой впереди иконой Владимирской Божьей Матери, двинулся к Новодевичьему монастырю. Оттуда ему навстречу вышел другой крестный ход с поднятой иконой Одигитрии Смоленской; при нем был и Годунов. Он пал ниц перед чудотворным образом Царицы Небесной Владимирской и возопил со слезами: «О милосердная Царица! Зачем такой подвиг сотворила, чудотворный Свой образ воздвигла с честными крестами и со множеством иных образов. Пречистая Богородица, помолись обо мне и помилуй меня». Борис долго лежал перед иконой, обильно омочая землю слезами, потом встал и начал выговаривать патриарху, зачем он воздвигнул иконы и кресты, на что Иов, залившись слезами, отвечал ему, что не он, а сама «Пречистая Богородица со своим Предвечным Младенцем и

великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прийти и святую волю Сына Своего на тебе исполнить. Устыдись пришествия Ее, повинись воле Божией и послушанием не наведи на себя праведного гнева Господня». Слушая эту речь, Годунов продолжал проливать обильные слезы. После обедни патриарх, бояре и духовенство вошли в келью царицы, у которой был и Борис, стали на колени и опять, с горьким плачем и челобитьем, начали просить ее и его, чтобы он согласился принять царство; народ, толпившийся у монастыря, также со слезами и рыданием, молил о том же.

Наконец глубоко растроганная царица-инокиня сказала: «Ради Бога, Пречистой Богородицы и великих чудотворцев, ради воздвигнутых чудотворных образов, ради вашего подвига, многого вопля, рыдательного гласа и неутешного стенания, – даю вам своего единокровного брата, да будет вам государем царем».

Услышав это, Годунов с тяжелым вздохом сказал в ответ: «Это ли угодно твоему человеколюбию, Владыко, и тебе, моей великой го-

сударыне, что такое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на такой превысочайший Царский стол, о котором и на разуме у меня не было? Бог свидетель и ты, великая государыня, что в мыслях у меня того никогда не было, я всегда при тебе хочу быть и святое, пресветлое, равноапостольное лицо твое видеть».

«Против воли Божией, – ответствовала ему царица, – кто может стоять? И ты бы, братец мой, безо всякого прекословия, повинуюсь воле Божией, был всему православному христианству государем». Годунов опять с плачем и рыданием стал отказываться, но в конце концов, обращаясь к патриарху, сказал ему: «Если будет на то воля Божия, то буди так».

Так рассказывает о воцарении Бориса «Грамота, утвержденная об избрании царем Бориса Феодоровича Годунова», подписанная всеми членами собора.

При чтении описания этого избрания с очевидностью выступает лицемерие главных действующих лиц: Бориса и Иова, причем первый зашел в нем так далеко, обильно проливая слезы («крокодиловы» – по словам Иса-

ака Массы), что не воздержался неоднократно произносить перед величайшими святынями Русской земли – ее чудотворными иконами – ряд страшных клятв о том, что у него никогда и в мыслях не было сесть на царство.

По некоторым дошедшим до нас известиям, Борис так долго отказывался от престола потому, что бояре хотели, чтобы он подписал грамоту, ограничивающую его права; не желая им отказать прямо, он и выжидал, чтобы народная толпа как бы насильно заставила его принять царство. При этом будто бы Шуйские, после ряда его упорных отказов, подняли вопрос о том, что неприлично более его упрашивать, а надо приступить к избранию другого царя; это и побудило Иова двинуться 21 февраля с крестным ходом в Новодевичий монастырь, подняв все чудотворные иконы. По тем же известиям, народ почти насильно стогнялся приставами для участия в крестном ходе, и эти же пристава давали ему знать, когда надо падать на колени и начинать рыдать, причем нежелающих били без милости: «Пристава понуждали людей, чтобы с великим кричанием вопили и слезы точили. Сме-

ху достойно! Как слезам быть, когда сердце дерзновения не имеет? Вместо слез глаза слюнями мочили».

Эти известия об истинной обстановке избрания Бориса на царство, расходящиеся с приведенным выше рассказом из «Утвержденной грамоты», составленной Иовом, по видимому, справедливы, так как Иов в чрезмерном угодничестве Борису не постеснялся, несмотря на свой высокий сан патриарха, прибегнуть и к явной лжи, сказав в «Соборном определении об избрании царем Бориса Феодоровича Годунова», что Иоанн Грозный на своем смертном одре обратился к Борису со словами: «Тебе предаю с Богом сына моего (Феодора Иоанновича), благоприятен буди к нему до скончания живота его; по его представлении тебе приказываю и Царство его».

Как бы то ни было, Борис Годунов стал царем, и царем вполне законным, как избранный общеземским собором, собранным на совершенно законных же основаниях.

Но, конечно, длинный путь преступлений, лицемерия и ложных клятв, по которому он шел для достижения престола, не мог давать

ему надежды, что Господь благословит его царствование; пособничество патриарха-лжеца и влияние супруги – царицы Марии Григорьевны, дочери Малюты Скуратова, по словам Исаака Массы, женщины жестокой, с сердцем ветхозаветной Иезавели, – также не могли сулить добра.

Отсутствие у новоизбранного царя истинного благородства и величия духа, столь необходимых для государей, и замена их личиной лицемерия должно было, несомненно, иметь на сердца его подданных самое развращающее влияние.

Вскоре после избрания Бориса была назначена присяга. При этом все, конечно, были поражены совершенно необычайной подкрестной записью на верность службы царю Борису Феодоровичу. В этой записи, состоящей из 2066 слов, ясно сквозило недоверие Бориса как к справедливости своего собственного избрания, так и к верности своих новых подданных; чтобы обязать их к этой верности, он подробно перечислил в записи все виды зла, какие могли быть сделаны ему и его семье; запись эта показывает нам совершенно ясно,

каким мелочным, суеверным и подозрительным человеком он был; так, присягавшие между прочим должны были клясться: «Также мне над государем своим, царем и Великим Князем Борисом Феодоровичем всея Руси, и над Царицей и Великой Княгиней Марьею, и над их детьми, над Царевичем Феодором и над Царевной Оксиньей, в евстве и питье, ни в платье, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не испортити, и зелья лихого и коренья не давати, и не велети мне никому зелья лихого и коренья давати. А кто мне учнет зелье лихое или коренье давати, или мне учнет кто говорити, чтобы мне над государем своим... и над Царицею, и над их детьми... какое лихо кто похочет учинити, или кто похочет портити, и мне того человека никак не слушати... да и людей своих с ведовством да и со всяким лихим зельем и с кореньем не посылати и ведунов и ведуний не добывати... на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насылати и следу не выимати, ни которыми делы, ни которою хитростью... а кто такое ведовское дело похо-

чет мыслити или делати, и яз то сведаю, и мне про того человека сказати государю своему... или его бояром, или ближним людем, а не утаити мне про то никак ни которыми делы... а у кого уведаю или с стороны услышу у какого человека нибудь, кто про такое дело учнет думати и умышляти... и мне того поминати и привести к Государю... или его бояром, или к ближним людем...»

Не был также забыт в подкрестной записи и несчастный слепец Симеон Бекбулатович: «Также мне, мимо государя своего... царя Симеона Бекбулатова и его детей, и иного никого на Московское государство не хотети видети, ни думати, ни мыслити, не семятись, не дружитись, не ссылатись с царем Симеоном ни грамотами, ни словом не приказывати на всякое лихо, ни которыми делы, ни которою хитростью...»

Конечно, клятва – по приведенной выше подкрестной записи – не способствовала развитию чувства любви людей Московского государства к своему новому государю.

Не менее необычно было первое выступле-

ние царя Бориса и в воинском деле.

1 апреля пришла весть, что крымский хан идет на Москву. Весть эта, по мнению некоторых современников, была пущена самим же Борисом, чтобы, по словам Н.М. Карамзина, «доказать, что безопасность отечества ему дороже короны и жизни». Он немедленно выступил в поход, приказав собираться войскам к Серпухову, где скоро в огромном лагере сосредоточилось, как говорят, до 500 тысяч человек.

Борис непрерывно объезжал собранное здесь воинство и награждал его с несказанной щедростью; почти ежедневно у него обедало до 70 тысяч человек. Воеводам же передовых полков и начальникам степных крепостей новый царь послал сказать: «Я стою на берегу Оки и смотрю на степи: где явится неприятель, там и меня увидите»; вместе с тем велено было «спросить о здоровье» всех начальных людей, что делалось прежними московскими государями только в знак особой награды после одержанной большой победы.

Между тем вместо крымской рати разъез-

ды наши обнаружили совершенно мирное посольство от хана, который был в неладу с турецким султаном, а потому искал дружбы Москвы. Тогда Борис совершил поступок, совершенно недопустимый для воина: он приказал стрелять из пушек ночью, чтобы напугать прибывших, а затем их привели к нему сквозь тесные ряды пехоты и конницы.

Обласкав послов, Борис задал роскошный пир своему 500-тысячному воинству, причем все военачальники были опять очень щедро одарены; сделано это было, конечно, с тем, чтобы привязать их к себе. Но расчет оказался не верен: «они все, – говорит летописец, – видя от него милость, обрадовались, чаяли и вперед себе от него такого же жалованья».

Так поставил себя Борис с первых же шагов своего царствования по отношению военно-служилого сословия: награды за подвиги на поле брани, которыми жаловали своих доблестных воинов прежние государи, превратились в задабривание войск, пользуясь для этого первым удобным случаем – благополучным окончанием смехотворного похода против несуществующего противника.

В Москву из-под Серпухова Борис вернулся победителем; весь город вышел ему навстречу, как некогда Иоанну после завоевания Казани. Патриарх Иов приветствовал его речью, начинавшеюся словами: «Богом избранный, Богом возлюбленный самодержец! Мы видели славу твою... Государство, жизнь и достояние людей целы; а лютые враги, преклонив колена, – молят о мире! Ты не скрыл, но умножил талант свой в сем случае удивительном, ознаменованном более нежели человеческою мудростью...»

1 сентября состоялось с необычайной пышностью венчание на царство нового царя.

Охваченный чрезмерной радостью, Борис не сдержался и во время литургии, приняв благословение патриарха, неожиданно для всех «не вемы, что ради, – рассказывает знаменитый впоследствии келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын, – испусти сиец глагол, зело высок и богомерзостен: се, отче великий Патриарх Иов, Бог свидетель сему: никто же убо будет в моем царьствии нищ или беден! И тряся верх срачицы (сороч-

ки) на себе и глаголя: и сию последнюю разделю со всеми!»

Первые два года царствования Бориса прошли, по отзывам современников, очень благополучно. Новый царь старался угодить всем. Он приказал выдать тройной оклад жалованья стрельцам, дьякам и прочим служилым людям. Весь сельский народ был освобожден от податей на один год, а инородцы от платежа ясака на тот же срок. В Новгороде, по просьбе жителей, были закрыты два казенных кабака, от которых они терпели убытки и оскудение. Была также облегчена участь и некоторых опальных предыдущего царствования.

Особенную же ласку и заботу проявил Борис в отношении иностранцев.

Немец Бер с восторгом рассказывает о милостях, которые он оказал прибывшим в Москву ливонцам, вынужденным покинуть родину вследствие тягостных для них порядков, заведенных в ней поляками. Никто из них не истратил ни гроша во время своего пути в Москву; здесь же они были торжественно приняты самим царем. В своей привет-

ственной речи Борис сказал им между прочим: «Меня трогает несчастье, которое принудило вас покинуть родину, – вы получите втрое более того, что потеряли в своем отечестве. Вас, дворяне, я сделаю князьями, вас, граждане, – боярами... одарю вас землею, слугами, работниками... одену в бархат, шелк и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами, я вам не царь, не господин, а истинный отец. Присягайте только Богом и верю своею не изменять ни мне, ни сыну моему... не скрывать, если узнаете какой против меня замысел; не посягать на мою жизнь ни ядом, ни чародейством...»

Когда ливонцы присягнули, Борис продолжал: «Молитесь, немцы, Богу о моем здоровье; пока я жив, вы не будете ни в чем нуждаться, – и, указав на жемчужное ожерелье свое, промолвил: – И этим поделюсь с вами».

Затем все немцы были наделены денежными подарками, одеждой, соболями, землей и крестьянами; даже каждый из их слуг получил по 15 рублей в подарок, столько же в жалованье, разные ткани, небольшую связку соболей и по 300 четвертей земли с 20 крестья-

нами. Большинство немцев поступило затем в особый иноземный отряд царских телохранителей, который составил Годунов, не доверявший своим русским.

«Ливонцы, – примечает про них храбрый французский капитан Маржерет, служивший в том же отряде телохранителей, – всегда оставались одинаковы; казалось, они были приведены в Россию только для того, чтобы высказывать свою гордость и высокомерие, чего не посмели бы сделать и в собственном отечестве...»

Огромные льготы приобрели также ливонские купцы, прибывшие в Москву еще при Иоанне Грозном; мало того что они были освобождены от всех повинностей, каждый из них получил ссуду по 300–400 рублей без роста и срока возврата, при условии не покидать России без позволения и не распускать за границей дурных слухов о Борисе.

Наибольшим же почетом у нового царя, трепетавшего за здоровье свое и своих детей Феодора и Ксении, пользовались врачи-иностранцы, которых было шесть; он позволил им даже построить лютеранскую божницу;

это была первая инославная церковь в Московском государстве.

Думал Борис завести в Москве и высшую школу с иностранными учителями, но это не состоялось ввиду того, что многие из духовенства высказывали по этому поводу свое неудовольствие; он ограничился лишь посылкой нескольких молодых людей учиться за границу. «Ереси же Арменстей и Латынстей последующим добр потаковник бысть, – говорил про Бориса не любивший его Авраамий Палицын, – и зело от него таковии любимы быша; и стари и мужи брады своя постризаху, в юноши пременяхуся...»

Нельзя сказать, чтобы в своих записках, оставленных иноземцами-современниками, посетившими Россию, все они были бы очень благодарны Борису за его отменное расположение к ним; многие из них бранят его, так же как и все московские порядки; но, впрочем, есть и такие, которые поминают добром русских людей. К числу последних следует отнести голландца Геритта де Веера, предпринявшего несколько путешествий в наши северные владения – на Новую Землю – для тор-

говли и охоты, причем однажды он и его сородичи совершенно уже погибали и были спасены лишь отважными русскими людьми, бесстрашно отправившимися им на помощь и привезшими запас продовольствия.

Ставши царем, Борис не мог настолько высосаться духом, чтобы отважиться на какой-либо крупный шаг на пользу своего государства.

При его воцарении между Швецией и Польшей шла жестокая борьба: Сигизмунд, как мы говорили, воевал с дядей своим Карлом, которого он считал похитителем отцовского престола. Таким образом, союз этих двух государств, обещавший нам столько бед, не только рухнул, но каждое из них было бы радо иметь Москву на своей стороне, чтобы успешнее бороться с другим. Конечно, этим благоприятным обстоятельством необходимо было воспользоваться с целью вернуть утраченную Ливонию. Заключив открытый союз или со шведами против Польско-Литовского государства, или с Сигизмундом против Карла, мы, несомненно, получили бы значитель-

ную часть морского побережья за предложенную помощь. Но Годунов не имел нужной твердости духа для такого решения.

Следуя внушению своей природы, он и тут прибегнул к лицемерию: пугал шведов своим союзом с поляками, а последних – союзом со шведами и, разумеется, не достиг ничего. Мало того, своим уклончивым и неискренним поведением он сильно возбудил против себя польского посла – литовского канцлера Льва Сапегу, прибывшего в 1600 году в Москву с предложением мира и полного союза, а эта нелюбовь Сапеге к Борису имела в будущем для последнего немалое значение. Не мог быть доволен им и Карл Шведский. Вместо того чтобы настоять путем переговоров о возвращении нам Нарвы, Борис желал достигнуть этого коварством: он подкупил нескольких нарвских жителей, которые должны были отворить ворота и впустить русских. Но заговор был открыт своевременно шведами, казнившими виновных.

Не удался также замысел Бориса образовать из Ливонии государство, подвластное России, посадив там правителем иностранно-

го принца, женатого на русской, подобно тому, как это задумал Грозный по отношению Магнуса, женив его на княжне Марии Владимировне.

Для этой цели Борис пригласил в 1599 году в Москву принца Густава Шведского, сына знакомого нам короля Эрика XIV, сверженного братом Иоганном, и хотел женить этого Густава на дочери своей Ксении. Но Густав оказался человеком неподходящим: видя, как за ним ухаживает Борис, он скоро до крайности возгордился, стал держать себя надменно и наотрез отказался принять православие; мало того, он выписал из-за границы большое число своих прислужников и какую-то замужнюю немку, которую возил по Москве в карете с превеликой пышностью.

Убедившись в полной непригодности Густава, Борис отправил его в разоренный Углич, который дал ему в удел.

Тем не менее, страстно желая породниться с каким-нибудь иностранным царствующим домом, он продолжал свои хлопоты, чтобы найти для дочери жениха за границей; наконец таковой нашелся в лице младшего брата

датского короля Христиана IV – герцога Иоанна.

В августе 1602 года жених был встречен в Ивангороде боярином Михаилом Салтыковым и думным дьяком Афанасием Власьевым, после чего он прибыл 19 сентября с большим торжеством и великолепием в Москву, где ему навстречу высыпал весь город в праздничном одеянии.

В тот же день состоялся большой обед в Грановитой палате, причем из устроенного около ее верхней части тайника царевна Ксения с матерью смотрели на жениха. Иоанн был высокий, красивый юноша, скромный и благонравный. Но, к сожалению, не прошло и месяца после его приезда, как он заболел от неумеренности в пище, а затем умер. Горесть бедной Ксении и Бориса была очень велика.

Окончилось также полной неудачей и другое предположение Бориса: найти невесту для сына и жениха для дочери среди детей владетельных единоверных нам князей Грузии, один из которых, Александр Кахетинский, предлагал было, как мы говорили, свое подданство царю Феодору Иоанновичу. Этот

Александр, теснимый могущественным персидским шахом Аббасом Великим, вынужден был признать себя его подручником и позволил своему сыну Константину принять магометанство.

Аббас Великий дружил с Борисом Годуновым и послал ему в подарок великолепный трон, осыпанный драгоценными камнями, но с неудовольствием смотрел на упрочение связей Грузии с Москвой; по его тайному приказу омусульманенный Константин убил своего отца Александра и занял его престол; вместе с тем и отряд наш, посланный против врага Александра – шамхала Тарковского – и изгнавший последнего из Тарков, был затем вероломно окружен многочисленным скопищем кавказских горцев и почти поголовно истреблен, причем русских погибло до 7 тысяч человек.

Сношения наши с немецким императором Рудольфом II не имели в описываемое время существенного значения. Но и в них Борис держал себя не с должным достоинством. Не зная, по-видимому, что между Сигизмундом Польским и Рудольфом состоялся тесный со-

юз, скрепленный браком первого на австрийской принцессе, Борис старался их поссорить, для чего поручил своему посланнику, думному дьяку Афанасию Власьеву, наговоривать Рудольфу на Сигизмунда; конечно, наговоры эти ни к чему не привели, но, без сомнения, произвели невыгодное впечатление на австрийский двор.

Отношения с Елизаветой Английской продолжали по-прежнему быть очень дружественными. Елизавета ревниво следила за тем, чтобы не потерять особых выгод, приобретенных ею в России для своих купцов, и всячески льстила Борису.

Когда в 1600 году в Англию прибыл наш посол дворянин Микулин, то ему оказывались отменные почести; Микулину разрешено было пристать на реке Темзе в том месте, где приставала только королева, а за обедом Елизавета посадила его рядом с собой, причем все остальные английские вельможи присутствовали на нем стоя; после же стола королева, вымыв руки, велела подать умывальник и Микулину. Умный Микулин с достоинством отвечал на это, что так как его ве-

ликий государь зовет королеву своей любительной сестрой, то ему перед ней умыть рук не годится. Так же хорошо держал себя он в Англии и в другом случае: когда его пригласили обедать к лондонскому лорд-мэру (городскому голове) и сказали, что, по старинному английскому обычаю, тот сядет выше его, так как всегда садится выше всех послов, то Микулин отказался ехать и отвечал: «Нам никаких государств послы и посланники не образец; великий государь наш над великими славными государями высочайший великий государь, самодержавный Царь. Если лорд-мэр захочет нас видеть у себя, то ему нас чтить для имени Царского Величества, и мы к нему поедем; а если ему чину своего порушить и меня местом выше себя почтить нельзя, то мы к нему не поедем». И не поехал.

Елизавета же, узнав о неудачных попытках Бориса найти жениха и невесту среди царствующих европейских домов для своих детей, предложила ему сосватать подходящих лиц среди семей, родственных с английским королевским домом, но ввиду ее смерти, последовавшей в 1603 году, переговоры об этом

не привели ни к чему.

Конечно, неудачи в устройстве соответствующих браков своих детей должны были сильно отзываться на Борисе; дети эти, по отзыву современника, князя Катырева-Ростовского, были «чудные отрочата», получившие тщательное воспитание; особенно старался Борис возбудить любовь среди подданных к сыну своему Феодору, для чего при всяком удобном случае выставлял его защитником и миротворцем.

Но старания приобрести себе и своей семье народную любовь были напрасны; они разрушались самим же Борисом. Став царем, он остался таким же малодушным и подозрительным, как и был. Ценя всех людей на свою мерку, он всюду видел измену и козни, причем для пресечения их прибегал к средствам, ярко рисуящим, как мы видели по подкрестной записи на верность, его невысокий нравственный облик. Подданные Годунова были, конечно, еще более чем удивлены, когда последовало необычайное распоряжение, которым приказывалось читать всем в частной домашней жизни, во время стола особую мо-

литву о Борисе – при питии заздравной чаши, чтобы он, Борис, «единый подсолнечный христианский царь и его царица и их царские дети на многая леты здоровы были и счастливы, недругам своим страшны... а на нас бы, рабах его, от пучины премудрого его разума и обычая и милостивого нрава неоскудная река милосердия изливалась выше прежнего».

Гораздо хуже была другая мера Бориса. Стремясь узнать тайные мысли своих врагов, которые ему мерещились повсюду, он развил до крайних пределов доносы и шпионство, что, конечно, не замедлило оказать самое развращающее влияние на население и вместе с тем возбудило против царя неудовольствие всех благомыслящих людей. Особенно поощрял он доносы слуг и холопов на своих господ; один из таких холопов князя Шестунова донес о чем-то на последнего и, по-видимому, несправедливо, так как Шестунова не постигла ни кара, ни опала; но тем не менее доносчику за его усердие было сказано жалованное царское слово перед всем народом на площади, а затем его наградили поместьем и велели служить в боярских детях.

С этого времени доносы со стороны прислуги приняли страшные размеры; оговариваемые ею господа шли в ссылку и тюрьмы, а холопы получали за это деньги и земли от Бориса. Таких же доблестных слуг, которые оставались верными своим господам и, несмотря на пристрастные допросы, не оговаривали их, тех мучили пытками и огнем, резали им языки, сажали по тюрьмам и казнили. Скоро доносами стали заниматься не одна только прислуга, но и люди знатного происхождения, потомки Рюрика; мужчины доносили друг на друга Борису, а женщины – царице. «И от таких доносов была в царстве большая смута: доносили друг на друга попы, чернецы, пономари, просвирни, жены доносили на мужей, дети на отцов, от такого ужаса мужья от жен таились, и в этих окаянных доносах много крови пролилось неповинной, многие от пыток померли, других казнили, иных по тюрьмам разослали и совсем дома разорили...»

Кажется, одной из первых жертв доносов был старый друг Бориса – умный и честолубивый Богдан Бельский, бывший воспитатель

покойного царевича Димитрия. По словам летописца, Годунов послал его на поле ставить город Царев-Борисов. При выполнении поручения Бельский, человек богатый и щедрый, сумел расположить к себе множество рабочих и ратных людей. Скоро Годунову донесли, что Бельский величает себя царем Борисовским. Он рассвирепел, приказал его схватить, разорить и сослать в тюрьму, подвергнув при этом позорному наказанию: один из иноземных царских лекарей вырвал у Бельского по волоску его длинную густую бороду.

Затем доносы сделали свое дело и относительно семьи Романовых, братьев Никитичей. Мы видели, какие большие права имели они на престол после смерти Феодора Иоанновича, вследствие чего сложился даже рассказ, что царь Феодор, умиряя, вручил свой царский жезл Феодору Никитичу, но, «чтобы избавить свое любезное отечество от внутренних междоусобий и кровопролитий, Феодор Никитич, – говорит Исаак Масса, – знавший, что он своими действиями может причинить отечеству великую опасность, передал корону и скипетр Борису».

Вообще, по всем отзывам, братья Никитичи отличались всеми высокими душевными свойствами, искони присущими членам благородного рода Кобылиных-Кошкиных-Захарьиных-Юрьевых-Романовых. Англичанин Горсей говорит про старшего из них, Феодора Никитича, что это был в начале царствования Феодора Иоанновича молодой, красивый, подающий большие надежды человек, весьма способный и при этом просвещенный; по просьбе Феодора Никитича Горсей составил учебник латинского языка славянскими буквами для его маленького сына Михаила. «Его другой брат, Александр Никитич, был, – по словам Горсея, – человек не менее благородной души...»

По-видимому опасаясь коварства Бориса Годунова, Никита Юрьевич Романов перед своей кончиной и устроил, как мы говорили, между ним и своими сыновьями «завещательный союз» дружбы и вверил первому «о чадах своих соблюдение». Но, конечно, этот дружеский союз не мог защитить Никитичей от злобы Бориса, как только последний признал необходимым их погубить для своего

спокойствия.

По словам летописца, произошло это так: один из дворовых людей Александра Никитича, второй Бартенев, пришел тайно к дворецкому Семену Годунову и объявил ему, что готов исполнить царскую волю над своим господином. По приказу Бориса Бартенев с Семеном Годуновым положили в мешок разных кореньев и подкинули их в кладовую Александра Никитича, а затем Бартенев донес, что его господин держит у себя отравное зелье.

После этого все Романовы были заключены под стражу со своей родней и друзьями: князьями Черкасскими, Шестуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Затем братья Никитичи и их племянник князь Иван Борисович Черкасский не раз были подвергнуты пытке. Пытали также и их людей, как мужчин, так и женщин, требуя, чтобы они показывали против своих господ. Но те, однако, ничего не показали. Тем не менее в июне 1601 года состоялся над Романовыми и их близкими приговор: Феодор Никитич, как старший, а потому наиболее опасный соперник на престол в глазах Бориса, был насильно

пострижен под именем Филарета и сослан в Антониево-Сийский монастырь на Северной Двине; нежно любимая жена его Ксения Ивановна, из рода Шестовых, была тоже насильно пострижена с именем Марфа и отправлена в один из Заонежских погостов; ее же шестилетний сын Михаил с маленькой сестрой были отняты от матери и сосланы на Белоозеро вместе с теткою их Настасьей Никитичной, мужем ее, князем Борисом Черкасским, и женой Александра Никитича; сам Александр Никитич был сослан к Белому морю в Усолье-Луду; Михаил Никитич – в Ныробскую область великой Перми, а Василий Никитич – в Яранск. Остальные их родственники и друзья были также разсланы по отдаленным местам.

Из пяти братьев Никитичей только двое пережили ужасы ссылки: невольный инок Филарет и Иван Никитич; Александр же, Михаил и Василий скончались почти одновременно – в феврале и марте 1602 года. Народная молва тогда же обвинила в их смерти Бориса Годунова. В дошедшем до нас деле о их ссылке нигде не видно, чтобы Годунов отда-

вал подобное приказание; приставам при узниках велено было только строго следить за тем, чтобы они не убежали и ни с кем не могли иметь сношений, причем о всяких мало-мальски подозрительных словах их приказывалось доносить в Москву. Но этим же приставам могло быть дано словесно и тайное поручение: держать заключенных в возможно большей тесноте и лишениях, причем в случае их смерти большой беды себе не ждать. На последнее предположение наводит зверское поведение пристава, состоявшего при Василии Никитиче и самовольно оковавшего его железными цепями. Василий Никитич, находясь уже при последнем издыхании, был переведен в Пелым и содержался вместе с больным своим братом Иваном. «Взял я твоего Государева изменника Василия Романова больного, чуть живого, – доносил о его смерти Годунову пристав, – на цепи, ноги у него опухли; я, для болезни его, цепь с него снял, а сидел у него брат его Иван, да человек их Сенька; и я ходил к нему и попа пускал; умер он 15 февраля... а изменник твой Иван Романов болен старой болезнию, рукой не владеет, на

ногу немного прихрамывает». Нигде нельзя найти никаких следов о том, чтобы этот зверь-пристав был подвергнут Борисом взысканию за свое обращение с Василием Никитичем.

Еще ужаснее была судьба Михаила Никитича. Этот богатырь по силе и по росту и святой по жизни человек был заточен в селе Ныробе, причем пристав оковал его двухпудовыми цепями и заключил в тесную яму, где он, по-видимому, умер от голода. Сердобольные крестьяне тайно подавали ему пищу некоторое время, но затем были в этом пойманы, и пять человек из них пострадало. Мощи Михаила Никитича были обретенны нетленными в 1606 году; среди же жителей села Ныроба, несмотря на то что со времени его кончины прошло более 300 лет, до сих пор жива память о его страданиях, и он почитается ими святым. Ежегодно тысячи богомольцев приходят помолиться в Ныробской часовне у ямы, где был замучен Михаил Никитич, а в 1902 году небогатые жители этого села собрали 6 тысяч рублей серебром, чтобы поставить колокол в его память, весом 300 пудов. Одним

из доказательств, что смерть Михаила Никитича входила в намерение Годунова, служит то обстоятельство, что истязавший его пристав Роман Тушин получил вслед за его кончиною повышение, будучи назначен воеводою в Туринск.

Несладко жилось и Филарету Никитичу, который, вероятно, был оставлен Борисом в живых как уже постриженный в иночество, а потому и почитавшийся не опасным, наравне с братом своим Иваном, хромым и не владевшим рукой. Пристав Воейков, состоявший при Филарете в Сийском монастыре, строго следил за ним, расспрашивал каждого, кто имел с ним какой-либо разговор, и обо всем доносил в Москву Борису, но ни о чем подозрительном донести не мог. «Я малога расспрашивал (жившего в келье у Филарета), – писал Борису Воейков, – что с тобой старец о каких-нибудь делах разговаривал ли, или про кого-нибудь рассуждает ли? И друзей своих кого по имени поминает ли? Малый отвечал: «Отнюдь со мной старец ничего не говорит». Если малому вперед жить в келье у твоего Государева изменника, то нам от него ничего не

слыхать; а малый с твоим Государевым изменником душа в душу... Велел я сыну боярскому Болтину расспрашивать малого... – пишет Воейков дальше, – и малый сказывал: со мной ничего не разговаривает; только когда жену вспомянет и детей, то говорит: „Малые мои детки! Маленьки бедные остались; кому их кормить и поить? Так ли им будет теперь, как им при мне было? А жена моя бедная! Жива ли уже? Чай, она туда завезена, куда и слух никакой не зайдет! Мне уже что надобно? Беда на меня жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце толкает; много они мне мешают; дай Господи слышать, чтобы их ранее Бог прибрал, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтобы мне Бог дал смерть, а мне бы уже не мешали, я бы стал промышлять одной своею душою; а братья уже все, дал Бог, на своих ногах“». Много лет спустя после этого Филарет Никитич, томясь в польском плену, говорил своим приставам: «Нас царь Борис всех извел: меня велел постричь, трех братьев уморил, велел задавить, только теперь остался у меня один брат Иван Никитич». Присутствовавший же

при этом Лев Сапега пояснил: «Для того царь Борис велел над ними это сделать, блюдяся от них, чтобы из их которого брата не посадили на Московское государство государем, потому что они люди великие и близкие к царю Федору».

В 1601 году Московское государство постигло страшное бедствие: вследствие полного неурожая наступил неслыханный голод, продолжавшийся целых три года.

«В сии три года, – говорит Маржерет, – случались злодейства, почти невероятные... я сам видел ужасное дело: 4 женщины... быв оставлены мужьями, решились на следующий поступок: одна пошла на рынок и, сторговавши воз дров, зазвала крестьянина на свой двор, обещая отдать ему деньги, но лишь только он сложил дрова и явился в избу для получения платы, женщины удавили его и спрятали тело в погреб, чтобы не повредилось: сперва хотели съесть лошадь убитого, а потом приняться за труп. Когда же преступление обнаружилось, они признались, что умерщвленный крестьянин был уже третьею жертвою».

От недостатка пищи люди щипали траву и ели сено, как скот; случилось, что дети поедали своих родителей, а родители – детей; от голода помирало великое множество народа, причем иногда у мертвых во рту находили навоз. Скоро наступило и моровое поветрие – холера, от которой в одной Москве погибло, как говорят, до 500 тысяч человек.

Борис старался помочь голоду самой щедрой раздачей денег бедным; но это только усилило бедствие: зная про милостыню, раздаваемую царем, толпы народа хлынули со всех сторон в Москву; сюда шли и те, которые смогли бы прокормиться на местах. От этого, разумеется, нужда в столице еще усилилась, а Борис, видя, что вследствие предпринятой им раздачи денег народ со всего государства стремится на явную смерть в Москву, решил прекратить эту раздачу, что повело к еще большим бедствиям.

Наступившей страшной нуждой старались воспользоваться некоторые алчные и жестокосердные люди, обладавшие большими запасами хлеба в зерне; они тщательно берегли его, ожидая еще большего повышения цен.

«Даже сам патриарх, – рассказывает Исаак Масса про Иова, – имея большой запас хлеба, говорил, что он не хочет еще продавать его в ожидании цен».

Но, к счастью, наряду с такого рода лютыми корыстолюбцами в эти бедственные времена были и люди, стяжавшие себе память высокими подвигами милосердия. К числу их принадлежала Ульяна Устиновна Осорьина, вдова зажиточного дворянина, причтенная нашей Церковью к лику святых под именем праведной Юлиании Лазаревской (по месту погребения в с. Лазареве, близ Мурома). «Это была простая обыкновенная добрая женщина Древней Руси, – говорит про нее известный русский историк В. Ключевский, – боявшаяся чем-нибудь стать выше окружающих. Она отличалась от других разве только тем, что жалость к бедному и убогому – чувство, с которым русская женщина на свет рождается, – в ней было тоньше и глубже, обнаруживалось напряженнее, чем во многих других... Еще до замужества, живя у тетки по смерти матери, она общивала всех сирот и немощных вдов в ее деревне, и часто до рассвета не гасла свеча

в ее светлице». Таким же милосердием отличалась Ульяна Устиновна и во все время своего супружества. «Бывало, ушлют ее мужа на царскую службу куда-нибудь в Астрахань, года на два или на три. Оставшись дома и коротая одинокие вечера, она шила и пряла, рукоделье свое продавала и выручку тайком раздавала нищим, которые приходили к ней по ночам...»

Овдовев и поставив сыновей своих на государеву службу, Ульяна Устиновна отдалась еще больше добрым делам. «Нищелюбие не позволяло ей быть запасливой хозяйкой. Ломовое продовольствие она рассчитывала только на год, раздавая остальное нуждающимся. Бедный был для нее какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она с ненасытным скопидомством все прятала да прятала – все свои сбережения и излишки. Порой у нее в доме не оставалось ни копейки от милостыни, и она занимала у сыновей деньги, на которые шила зимнюю одежду для нищих, а сама, имея уже под 60 лет, ходила всю зиму без шубы».

Страшный голод, наступивший в 1601 году, застал Ульяну Устиновну совершенно неприготовленной. Сама она не сжала ни одного зерна со своих полей. Но это нисколько не повлияло на нее. Она распродала все, что могла, и на деньги эти покупала хлеб для раздачи нищим.

«Тогда многие расчетливые господа, – рассказывает В. Ключевский, – просто прогоняли со дворов своих холопов, чтобы не кормить их, но не давали им отпускных, чтобы после воротить их в неволю. Брошенные на произвол судьбы среди всеобщей паники, люди эти принимались воровать и грабить. Ульяна больше всего старалась не допустить до этого своих челядников и удерживала их при себе, сколько было у нее силы.

Наконец, она дошла до последней степени нищеты; обобрала себя дочиста, так что не в чем стало выйти в церковь. Выбившись из сил, израсходовав весь хлеб до последнего зерна, она объявила своей крепостной дворе, что кормить ее она больше не может, кто желает, пусть берет свои крепости, или отпускные, и идет с Богом на волю. Некоторые

ушли от нее, и она проводила их с молитвой и благословением. Но другие отказались от воли, объявили, что не пойдут, скорее умрут со своей госпожой, чем покинут ее. Она разослала своих верных слуг по лесам и полям собирать древесную кору и лебеду и принялась из этого печь хлеб, которым кормилась с детьми и холопами, даже ухитрялась делиться с нищими... Окрестные помещики с упреком говорили этим нищим: «Зачем это вы заходите к ней? Чего взять с нее? Она и сама умирает с голоду». – «А мы вот что скажем, – говорили нищие. – Много обошли мы сел, где нам подавали настоящий хлеб, да и он не елся нам так всласть, как хлеб этой вдовы – как бишь ее?» Многие нищие не умели и назвать ее по имени. Тогда соседи-помещики начали подсылать к Ульяне за ее диковинным хлебом; отведав его, они находили, что нищие были правы...»

Голод стал стихать к 1604 году, когда Борис догадался предпринять соответствующие меры: послали скупать хлеб в отдаленные местности, где он сохранился в большом количестве, и продавать его затем за половинную

цену в Москве и других городах. «Бедным же вдовам, сиротам и особенно немцам, – говорит С. Соловьев, – отпущено было большое количество хлеба даром».

Вместе с тем, чтобы дать работу собравшимся в Москве людям, Борис предпринял большие постройки: он велел сломать деревянные палаты Иоанна Грозного в Кремле и возвел каменные. Наконец обильный урожай 1604 года положил конец бедствию. Но последствия его были крайне тяжелы: кроме общего обеднения, нравственность народа, и без того подорванная доносами и другими мероприятиями Годунова, пала от ужасной нужды и сопровождавших ее безурядиц до крайней степени. Страшные разбои стали обычным явлением. Разбойничьи шайки составлялись преимущественно из холопов, отпущенных своими господами во время голода; немало было также голодных и бесприютных холопов из бывших слуг опальных бояр – Романовых и других пострадавших с ними; холопы эти, как мы помним, не взводили поклепов на своих господ, и мстительный Борис запретил всем принимать их к себе. Вынужден-

ные крайней нуждой, они или прямо поступали в шайки разбойников, или двигались большими толпами в смежную с Литвою область, в Северскую Украину, которая и без того была наполнена беспокойными и ненадежными для государства людьми, так называемыми севрюками: еще Грозный царь позволил уходить сюда всем преступникам, осужденным на смерть, с тем чтобы заселить эту пограничную полосу воинственным населением, способным выдержать первое нападение татар или поляков.

В этой «прежепогибшей Украине», как ее именовали современники, собрались огромные шайки разбойников; они не замедлили соединиться вместе, выбрав себе в атаманы отважного Хлопку Косолапа, а затем решили двинуться к Москве; скоро, внося всюду ужас и разоренье, разбойничьи отряды стали уже появляться у ее стен. Обеспокоенный таким необычным нашествием, Борис выслал против них сильное войско под начальством воеводы Ивана Басманова; последнему после упорного боя удалось разбить разбойные полчища; при этом, однако, сам Басманов был

убит, чуть же живой Хлопка был захвачен царскими войсками в плен и затем повешен со многими товарищами. Это было в 1604 году.

В том же 1604 году стали появляться все более и более настойчивые слухи, шедшие через ту же «прежепогибшую Украину», что считавшийся убитым в Угличе царевич Дмитрий жив и скоро явится добывать Московский престол из рук его похитителя и своего злодея – Бориса Годунова.

Перед тем, чтобы продолжать наш рассказ о новых, необычайных событиях, наставших в жизни Московского государства, нам необходимо сделать краткий очерк положения дел в Польско-Литовском королевстве к этому времени.

Попавший всецело в руки иезуитов, король Сигизмунд наделал ряд крупных промахов: мы видели, что вследствие своей религиозной нетерпимости он лишился отцовского престола в Швеции, которым овладел его дядя Карл IX, причем возникшая между ними война затянулась на долгое время и была

несчастлива для поляков, не сумевших помешать шведам утвердиться в значительной части Ливонии.

Также под влиянием иезуитов Сигизмунд заключил тайный договор с Австрией на условиях, явно невыгодных для Польши; это вызвало крупную ссору между ним и польскими сенаторами, призвавшими его на сейм в 1592 году, на котором он был подвергнут настоящему следственному допросу и должен был выслушать крайне оскорбительные упреки от Яна Замойского, Радзивилла, примаса епископа Карнковского и других.

Во время своей коронации в Кракове Сигизмунд торжественно присягнул охранять свободу вероисповедания «диссидентов», то есть не католиков – православных и лютеран, но эта присяга нисколько не помешала ему теснить всеми мерами тех и других; при этом, руководимый отцами иезуитами, с Петром Скаргою и Антонием Поссевином во главе, он с особым рвением стал принимать все меры, чтобы в корне подорвать православие в своих владениях с русским населением.

Мы говорили уже о сильном падении нра-

вов среди высшего православного духовенства Западной Руси, избравшегося польским правительством из лиц, ему угодных, а также об успешном ополчении западнорусской знати и дворянства; при этом даже старший сын знаменитого ревнителя православия Константина Константиновича Острожского Януш был соращен иезуитами в латинство.

Лишь в сердцах низших слоев населения, сельских жителей и мещан, уцелела крепкая привязанность к вере отцов, что выразилось между прочим в образовании православных братств в Вильне, Львове и других городах.

Видя это, Сигизмунд, не довольствуясь соращением в латинство православной знати, задумал со своими советниками-иезуитами обратить в католичество и всех остальных своих подданных при посредстве церковной унии, к которой, как мы видели, давно уже стремились папы. При этом иезуиты, окружавшие Сигизмунда, повели вопрос об унии настолько хитро и ловко, что многие православные встретили мысль о ней благодушно, в том числе и князь Константин Константинович Острожский; это был по существу свое-

му благородный мечтатель, который искренно думал, что предполагаемая уния будет настоящим соединением церквей, и рассчитывал, что при ее посредстве поднимется крайне упавшая нравственность высшего духовенства западнорусской церкви. Митрополитом Киевским был в это время некий двоеженец Оницифор Левочка, а несколько православных архиереев ввиду проповеди лютеран о браке духовенства позволили себе завести законных и незаконных жен; особенно же зазорным поведением отличался Кирилл Терлецкий – епископ Луцкий, который был даже привлечен к гражданскому суду за совершенное им насилие над одной девушкой.

В 1589 году Западную Русь посетил константинопольский патриарх Иеремия. Ввиду многочисленных жалоб со стороны членов православных братств на митрополита киевского Оницифора Левочку, он возвел на его место по указаниям короля Сигизмунда, дававшего эти указания, конечно, не без ведома иезуитов, минского архиепископа Михаила Рагозу, человека двуличного и слабовольного.

При этом, будучи в полном неведении от-

носителем местных обстоятельств в Польше и Литве и никого там не зная, патриарх Иеремия, вслед за поставлением Михаила Рагозы, сделал и другой крупный промах: он назначил ему в наместники, или экзархи, «лукавого, как бес» Кирилла Терлецкого. Кирилл Терлецкий не замедлил войти в тайные сношения с иезуитами и начал деятельно подготавливать с ними дело об унии. Затем в 1593 году Сигизмунд возвел на Брестскую православную епископию сенатора Поцея, постригшегося с именем Ипатия, человека совершенно разоренного, но ловкого, умного и без всяких нравственных убеждений, уже несколько раз менявшего веру.

Ипатий Поцей и Кирилл Терлецкий немедленно стали действовать заодно; они обманом склонили на свою сторону других епископов и составили в 1595 году «грамоту на унию», притянув на свою сторону и Михаила Рагозу. Затем эту грамоту они повезли в Рим на утверждение папы.

Несмотря на тайну, окружавшую все это дело недостойных представителей западно-

русского высшего духовенства, православные жители Польско-Литовского государства скоро поняли, что сулит им уния. Двое епископов, подписавших грамоту на нее, поспешили заявить о своем отказе; у князя Константина Острожского тоже открылись глаза, и он предполагал собрать даже войско на случай насильного ее введения. Во многих городах готово было уже вспыхнуть восстание.

Между тем в 1596 году король созвал в Бресте духовный собор для окончательного решения вопроса об унии; на него, наряду с православным духовенством, прибыло и латинское, вместе со многими иезуитами, среди которых был, конечно, и Петр Скарга. Заседания собора шли при самой возмутительной для православных обстановке; наконец латиняне и русские епископы-отщепенцы «посредством обмана тайно, безо всякого совещания с православными, – говорит известный русский ученый М.О. Коялович, – приняли унию и объявили ее поконченной. Этим же путем они следовали и тогда, когда взялись распространять унию, прибавляя к обману и интригам (козням) самые разнообразные насилия».

Конечно, православные, как могли, старались противодействовать унии. Для этого между прочим они составили в 1599 году съезд в Вильне совместно с протестантами, также подвергавшимися гонению. Члены съезда решили бороться с латинянами на жизнь и на смерть и постановили, что каждый сильный православный или протестант должен при всех обстоятельствах защищать всякого страждущего православного же или протестанта. К сожалению, однако, некоторые члены Виленского съезда не ограничились этим и пошли еще дальше. Они задумали соединить православие и протестантство, отчего возникли страшные недоразумения и раздоры, бывшие, конечно, очень на руку латинянам и давшие пищу для усиления ересей, свивших себе прочное гнездо в Польско-Литовском государстве, – арианам, антиринитариям и другим.

Вообще, Брестская уния вызвала, по словам польского историка Лелевеля, «сильные волнения, насилия и даже кровопролитные восстания, которые легли темным пятном на царствование Сигизмунда».

Что же касается внутреннего управления и законодательства Польско-Литовского государства в начале XVII столетия, то, по словам того же Лелевеля, здесь царила полнейшая безурядица, «крестьяне оставались в самом забитом положении, а большие паны делались все более и более своевольными».

В 1599 году скончался униатский митрополит Михаил Рагоза. Король назначил ему преемником Ипатия Поцея, сохранив за последним и богатейшую Владимиро-Волынскую епархию, что сосредоточило в его руках огромные средства для успешной борьбы с православием. «„Помните, я вам не Рагоза“, – писал он в своих грозных грамотах слущкому духовенству, не желавшему присоединиться к униии». Чтобы подорвать Виленское братство, Ипатий Поцей отнял у него Троицкий монастырь, но овладеть Киево-Печерской лаврой благодаря заступничеству киевской православной шляхты ему не удалось.

Ярым противником униии выступил, конечно, князь Константин Константинович Острожский; но это был среди больших панов последний столп западнорусского правосла-

вия – «последний западнорусский дуб, – по словам М.О. Кояловича, – кругом которого падали другие русские дубы и у которого даже самого быстро увядали и засыхали в полонизме и латинстве его собственные молодые ветви – родные дети... Западнорусское шляхетство быстро сливалось с шляхетством польским и находило себе в этом слиянии смерть, воображая, что поддерживает жизнь».

Несколько лет спустя после Брестского собора духовный писатель Мелентий Смотрицкий превосходно изобразил это угасание западнорусской шляхты в написанном им от лица Православной церкви «Плаче»: «Где теперь тот неоцененный камень, который я (церковь) носила вместе с другими бриллиантами на моей голове, в венце, как солнце среди звезд, где теперь дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней (Православной) веры? Где и другие также неоцененные камни моего венца, славные роды Русских князей, мои сапфиры и алмазы: князя Слуцкие, Заславские, Збаражские, Вишневецкие, Сангушки, Чарторыйские, Пронские, Рожинские, Соломерец-

кие, Головчицкие, Коширские, Масальские, Горские, Соколинские, Лукомские, Пузыны и другие без числа? Где вместе с ними и другие роды – древние, именитые, сильные роды славного по всему миру силою и могуществом народа Русского: Ходкевичи, Глебовичи, Кишки, Сапеги, Дорогостайские, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкие, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Бокеи, Мышковские, Гурки, Семашки, Гулевичи, Ярмолинские, Челненские, Калиновские, Кирдеи, Заборовские, Мелешки, Боговитыны, Павловичи, Сосновские, Скумины, Поцеи и другие?.. Вы, злые люди (своею изменою), обнажили меня от этой дорогой моей ризы и теперь насмехаетесь над немощным моим телом, из которого, однако, вы все вышли – но помните: проклят всяк, открывающий наготу своей матери, прокляты будете и вы все, насмехающиеся над моей наготой, радующиеся ей. Настанет время, когда вы будете стыдиться своих действий».

Создавшиеся в Польско-Литовском государстве особо тяжелые условия для православного населения заставляли это население

уходить во множестве за рубеж – в степь, чтобы пополнять ряды вольного казачества по Днепру и его притокам, точно так же, как тяжкие времена, наступившие в Московской Руси, усилили движение ее обездоленных и озлобленных людей в Северскую Украину и на Дон.

Слухи о существовании истинного или ложного царевича Димитрия стали бродить в Московском государстве тотчас же вслед за смертью царя Феодора Иоанновича. Уже Лев Сапега, в бытность свою послом в Москве в 1600–1601 годах, сообщал в Польшу очень путаный и изобилующий явными несообразностями рассказ о том, что в Московском государстве существует некто – очень похожий на покойного царевича Димитрия.

Вслед за тем в 1601 году появился в пределах Польско-Литовского государства молодой человек, на вид несколько старше 20 лет, смуглый лицом, с заметной бородавкой или пятном около глаз и с одной рукой короче, чем другая; скоро этот молодой человек стал открыто заявлять, что он истинный царевич

Димитрий, чудесно спасшийся в Угличе от убийц, подосланных Борисом Годуновым.

Появление названного Димитрия в жизни Русской земли окутано до настоящего времени большой темнотой. И ответить с безусловной достоверностью на вопрос, кто именно он был, не представляется никакой возможности. Однако с большою уверенностью можно сказать, что он самозванно носил имя того, чьи святые мощи, прославленные многими чудесами, покоятся и поныне в Архангельском соборе Московского Кремля.

Вместе с тем, несмотря на весьма несхожие мнения, высказываемые об истинной личности этого Лжедимитрия различными исследователями, из коих иные принимали его то за побочного сына Стефана Батория, то за уроженца Западной Руси, наиболее вероятно предположение, что он был подданный Московского государства и принадлежал к семье небогатого служилого рода Отрепьевых-Нелидовых.

Один из этих Отрепьевых, галицкий боярский сын Богдан, был убит каким-то литовцем в Немецкой слободе в Москве и оставил

после себя вдову Варвару и сына Юрия; этот Юрий, по всей вероятности, и был тем лицом, которое выступило затем под именем убиенного царевича Димитрия; по некоторым известиям, Богдан и Варвара Отрепьевы только усыновили Юрия, который в действительности был побочным сыном какого-то очень знатного лица и получил при крещении имя Леонид; при этом он, по-видимому, рано узнал о своем высоком происхождении, но знал ли он точно, кто были его родители, или только строил об этом различные предположения – к сожалению, совершенно неизвестно.

Юрий с детства был обучен грамоте и обнаружил хорошие умственные способности; затем он служил некоторое время в холопах у бояр Романовых и у князя Бориса Черкасского. Очень вероятно, что сходство в наружности молодого холопа с покойным царевичем Димитрием, у которого, по-видимому, была тоже бородавка на лице и одна рука короче другой, обращало на него внимание многих лиц, посещавших Романовых и Черкасских, причем об этом не раз говорилось и самому

Юрию Отрепьеву; разумеется, разговоры эти производили на него весьма глубокое впечатление, особенно если он действительно знал о своем происхождении от какого-то очень именитого лица и тяготился бедным и зависимым положением, связанным с незначительным именем Отрепьева.

Будучи около 14 лет от роду, Юрий под влиянием каких-то опасностей со стороны подозрительного Бориса Годунова, может быть, и вследствие излишних разговоров о сходстве с царевичем Димитрием, исчезает из Москвы и начинает скитаться по разным монастырям, причем игумен Трифон, основатель Успенского монастыря в городе Хлынове (ныне Вятке), постригает его в 1595 году с именем Григорий. После этого юный инок Григорий пробыл около года в суздальском Спасо-Ефимиевом монастыре, где был под началом какого-то старца. Затем он переменял еще несколько обителей и возвратился в Москву, где в это время дед его, Замятия Отрепьев, был пострижен в Чудовом монастыре; ввиду бедности внука он взял его себе в келью. Здесь Григорий пробыл более года и был по-

священ в это время в дьяконы; скоро он обратил на себя внимание своею грамотностью и сочинением канонов чудотворцам самого патриарха Иова, который взял его к себе, а потом брал даже с собою ко двору – в Царскую думу, где Григорий мог ознакомиться с придворными порядками Московского государства. Честолюбивые замыслы молодого инока, по-видимому, в это время окончательно созрели; он, разумеется, должен был неоднократно слышать рассказы о том, как неправдой и преступлением достиг Годунов престола, а также о той ненависти, которую питали к нему весьма многие.

Пребывание Отрепьева при патриаршем дворе совпало с приездом в 1600–1601 годах посольства Льва Сапеги в Москву; вероятно, тогда в его свиту и проникли разговоры о сходстве какого-то инока с покойным Димитрием.

Вместе с тем к этому времени можно, по-видимому, отнести и имеющиеся известия о том, что Григорий особенно пристрастился к занятиям астрологией и принимал многих звездочетов и гадателей, которые уверяли

его, что он сядет на Москве государем и будет царствовать 34 года.

Вскоре Григория постигла беда, кажется, именно вследствие излишней его болтливости о том, что царевич Димитрий спасся и не замедлит появиться; многочисленные доносчики царя Бориса обратили внимание на молодого Отрепьева и донесли на него патриарху; когда же Иов не дал этому веры, то донос был сделан уже самому Борису. Борис всполошился и приказал дьяку Смирнову-Васильеву сослать Григория Отрепьева на Соловки, выставив предлогом этой ссылки его занятия чернокнижием. Но дьяка Смирнова-Васильева упросил другой дьяк, Семейка Ефимиев, бывший в свойстве с Отрепьевым, повременить с исполнением приказа о ссылке.

Тогда Григорий, проведав о грозившей ему опасности, решил бежать в Литву.

«...В Великий пост, на другой неделе в понедельник, иду, государь, я Варварским крестцом, и сзади меня пришел чернец молод, сотворив молитву и поклонився мне, и учал меня спрашивать: старец, которые честные обители? И сказал я ему, что постригся в немощи,

а начало имею Рожества Пречистой Пафнотиева монастыря (Боровского)... И он мне сказал, что жил в Чудове монастыре, а чин имею дьяконский, а зовут меня Григорием, а по прозвищу Отрепьев. – И яз ему говорил: что тебе Замятия да Смирной Отрепьевы? И он мне сказал, что Замятия ему дед, а Смирной дядя. – Да ему же я говорил: которое тебе дело до меня? И он сказал: ...У патриарха Иева жил-де я, и патриарх-де, видя мое досужество, и учал на царскую думу вверх с собой меня имати; и в славу-де вшел в великую; и мне-де славы и богатства земного не хочетца не токмо видети, но и слышати, и хочю с Москвы съехати в дальней монастырь; и есть монастырь в Чернигове, и мы пойдем в тот монастырь». Так рассказывает некий старец Варлаам в своем «Извете», составленном при царе Василии Ивановиче Шуйском.

По этому рассказу, на предложение, сделанное на улице старцу молодым иноком, Варлаам отвечал ему, что после жизни в Москве пребывание в глухом Черниговском монастыре покажется Григорию очень тягостным. Но Григорий на это сказал: «Хочю-де в

Киев в Печерской монастырь... пойдём до святого града Иерусалима...» – «И я ему говорил, – продолжает Варлаам, – что Печерский монастырь за рубежом в Литве, и за рубежом ехать не смети. И он мне сказал: государь де Московской с королем взял мир на 22 года, и ныне-де просто, и застав нет». Тогда Варлаам согласился. Они дали друг другу обещание сойтись на завтра в Иконном ряду и действительно сошлись там на другой день, причем Григорий привел и третьего спутника – инока Мисаила, в миру Михаила Повадина.

«И шед мы за Москву-реку, – рассказывает Варлаам, – и наняли подводы до Волхова, а из Волхова до Карачева, и с Карачева до Новгорода Сиверского. И в Новгороде принялся в Преображенской монастырь, и строитель Захарей Лихарев поставил нас на крылосе; а тот дьякон Гришка на Благовещениев день с попами служил обедню и за Пречистою ходил. И на третьей недели после Велика дни в понедельник вожа добыли Ивашка Семенова, отставленного старца, да пошли на Стародуб и на Стародубский уезд; и Ивашко вож за рубежом провел в Литовскую землю; и первый го-

род Литовской нам Лоева замка, а другой Любец, а третий Киев. И в Киеве в Печерском монастыри архимарит Елисей нас принял, и в Киеве всего жили 3 недели, и он, Гришка, похоте ехати к воеводе Киевскому ко князю Василию (Константину) Острожскому и у архимарита Елисея Плетенецкого и у братии отпросился».

По рассказу Варлаама, он предупреждал Елисея Плетенецкого, что Григорий «ныне идет в мир до князя Василия (Константина) Острожского и хочет платие иноческое скинути; и ему будет воровати, а Богу и Пречистой солгал», на что архимандрит отвечал, что в Литве земля вольная, в коей кто вере хочет, в той и пребывает, и затем будто бы отказал в просьбе Варлаама разрешить ему остаться в Печерской обители, сказав ему: «Четыре-де вас пришло, четверо и подите», почему все четверо – Григорий, Варлаам, Михаил и Ивашко Семенов – и пошли в Острог к князю Василию (Константину) Константиновичу Острожскому.

В этом рассказе старца Варлаама, несомненно, есть крупные недомолвки и неточно-

сти. Его неожиданная встреча с незнакомым иноком на Варварском крестце и данное тотчас же согласие ехать с ним за Литовский рубеж является, очевидно, вымыслом. Согласно данным так называемого «Нового летописца», Варлаам и Мисаил Повадин были еще до путешествия вполне посвящены в истинные замыслы Григория и являлись его ближайшими сообщниками. Об этом прямо говорит известный современник князь И.М. Катырев-Ростовский, а именно, что Григорий «отоиде во сторону Сиверских городов со двема некоима иноки, единомысленных ему и оттоле дошед Литовские земли града Киева». То же повторяет в своей «Повести», составленной не позднее середины XVII века, и князь С.И. Шаховской.

За свое трехнедельное пребывание в Киеве Григорий успел, по-видимому, завязать сношения с запорожскими казаками, которые во второй половине XVI века занимались поддержкой нескольких самозванцев в Молдавии; кроме упомянутого нами в предыдущей главе Ивана Подковы, в 1592 году при их содействии в Яссах утвердился на некоторое

время, выдавая себя за сына покойного князя Александра Молдавского, какой-то Петр казак, а ранее Подковы запорожцы помогли овладеть молдавским престолом греку Якову Василику; ввиду этого для прекращения подобного казацкого своевольтва Сигизмунд III наложил на них обязательство не принимать к себе разных «господарчиков».

В Остроге Григорий с Варлаамом и Мисаилом прожили все лето, «а на осень меня да Мисаила Повадина, – рассказывает Варлаам, – князь Василей послал во свое богомолие, к Живоначальной Троицы в Дерманский монастырь. А он, Гришка, съехал в Гощею город к пану к Госкому, да в Гощее иноческое платие с себя скинул и учинился мирянином, в Гощее учился в школе по-латынски и по-польски и люторской грамоте...». По-видимому, Григорий пытался открыть свои замыслы князю Константину Острожскому и привлечь его на свою сторону, но неудачно. Сам Константин Острожский, спрошенный об этом впоследствии королем Сигизмундом, отрицал свои сношения с Гришкой и даже отвечал, что совершенно не знает, о ком идет речь. Од-

нако в Загоровском монастыре Волынской епархии сохранилась книга «Василий Великий» со следующей весьма любопытной надписью: «Лета от сотворения миру 7110 (1602) месяца августа в 14-й день, сию книгу великого Василия дал нам Григорию с братию с Варлаамом, да Мисаилом Константин Костинович, нареченный во святом крещении Василей Божию милостию пресветлое Княже Острожское, воевода Киевский». Под словом «Григорию» внизу подписано тою же рукою, но несколько другими чернилами: «Царевичу Московскому»; вероятно, эти слова прибавлены позже, причем так как почерк подписи не сходен с известным почерком Лжедмитрия, то следует признать, что она сделана кем-нибудь из его двух спутников. Во всяком случае, эта подпись служит свидетельством, что Григорий Отрепьев с Варлаамом и Мисаилом были летом 1602 года у князя Константина Константиновича Острожского и получили от него в дар книгу, причем именно этот Григорий Отрепьев стал считаться впоследствии царевичем Димитрием.

Сын князя Константина, Януш, отправший

в латинство и занимавший должность каштеляна Краковского, в письме своем от 3 марта 1604 года совершенно определенно писал королю Сигизмунду: «Я знаю Димитрия уже несколько лет; он жил довольно долго в монастыре отца моего, в Дермане; потом он ушел оттуда и пристал к анабаптистам (секта перекрещенцев); с тех пор я его потереял из виду». Еще определеннее были слухи о названном Димитрии в Кракове, где их собирал папский нунций (посланник) Рангони; по этим слухам, как рассказывает современный нам писатель-иезуит, особо облюбовавший русскую историю, отец Пирлинг, «Димитрий пытался было открыть свои намерения Киевскому воеводе (Константину Константиновичу Острожскому)... однако старый князь вы проводил его безо всякого стеснения; рассказывали даже, будто бы один из гайдуков вельможи позволил себе грубые насилия над смелым просителем и вытолкнул его за ворота замка. Впрочем, Димитрий не впал в уныние от своей неудачи. Постигла она его в действительности или нет, во всяком случае, он не потерял своей бодрости и из Острога отпра-

вился в Гощу».

В Гоще, небольшом городе на Волыни, жили два знатных пана Гойских, отец и сын; они были ревностными последователями секты Ария и основали для распространения своего лжеучения две школы; в этих школах Григорий успел, по-видимому, нахвататься кое-каких верхов западноевропейского образования и выучился с грехом пополам латинской грамоте; при этом имеются сведения, что одновременно с занятиями в школе, чтобы снискать себе пропитание, он служил также и на кухне у пана Гойского.

Проведя зиму в Гоще, Отрепьев весной после Светлого воскресенья пропал без вести; по некоторым данным, он отправился в это время к запорожским казакам, с которыми, как мы говорили, завязал сношения уже в Киеве; вероятно, у запорожцев же он выучился превосходно владеть оружием и здесь же выработался из него лихой и бесстрашный наездник.

В том же 1603 году Григорий уже без рясы появляется вновь в пределах Польско-Литовского государства, где ему, наконец, улыбает-

ся счастье и его признают московским царевичем Димитрием. Обстоятельства, как это произошло, рассказываются различно: по одним сведениям, он поступил в «оршак» (придворную челядь) богатого пана Адама Вишневецкого, в городе Брагине, и открылся здесь, не то в бане, когда Вишневецкий ударил его, не то на исповеди какому-то священнику, во время будто бы постигшей его смертельной болезни. По другим известиям, имеющим за собой более достоверности, Григорий первоначально объявил себя царевичем Димитрием у польского воеводы города Остра (выстроенного когда-то князем Юрием Долгоруким) Михаила Ратомского и у панов Свирских, имевших большие связи с казаками. По-видимому, это произошло уже весной 1603 года, так как первая обличительная грамота против Лжедмитрия, где он прямо назван Григорием Отрепьевым, была отправлена не позже апреля 1603 года черниговским воеводою князем Кашиным-Оболенским именно к воеводе Остерскому. Вот почему наиболее вероятно предположение, что Ратомский был одним из первых польских панов, взявшихся помо-

гать Лжедмитрию, и что уже от Ратомского как названный царевич он был направлен в Брагин к именитому и богатому князю Адаму Вишневецкому.

Этот князь Адам Вишневецкий хотя и оставался еще в православии, но принадлежал к уже сильно ополяченной и окатоличенной семье и отличался большой ненавистью как к московскому государству, так и к Борису Годунову. «Между ним и Москвой, – говорит Пирлинг, – были давние счеты алчности и крови. Огромные владения князя были по обоим берегам Днепра; они тянулись вплоть до самой русской границы. Нередко на этом рубеже возникали споры о правах, или происходили враждебные столкновения: очень часто сабля являлась судьей этих тяжб двух соседей». Как раз в 1603 году московские войска вторглись в области князя и отняли у него два местечка, считая, что он владеет ими незаконно, причем дело не обошлось без кровавых схваток, с убитыми и ранеными. Конечно, воинственный Адам Вишневецкий возгорелся еще большим чувством непримиримой ненависти к царю Борису и жаждой

ему отмстить, а потому появление у него Лже-Димитрия было ему как нельзя более на руку. Он тотчас же торжественно признал его истинным царевичем и стал оказывать ему самую широкую поддержку. Как по мановению волшебства, недавний бродяга-инок, а затем и холоп в панской дворне превратился в сказочного принца. «А тот князь Адам, бражник и безумен, тому Гришке поверил и учинил его на колесницах и на конях ездить и людно», – говорит старец Варлаам в своем «Известе», хотя, вероятно, и сам принимал немалое участие в этом превращении Гришки.

Какие были беседы между новоявленным самозванцем и Адамом Вишневецким – осталось тайной; однако трудно допустить, чтобы приводимые первым доказательства своей тождественности с царевичем Димитрием были настолько вески, чтобы могли убедить в этом второго; гораздо вернее предположение, что Адам ухватился за самозванца с целью мести Годунову, надеясь извлечь из этого темного дела какую-либо выгоду и для себя.

После превращения Григория в царевича начались тотчас же сборы к походу на Бориса.

«И вот, – говорит Пирлинг, – в Днепровские и Донские степи полетели гонцы, чтобы вербовать там добровольцев. По слухам, дошедшим до Сигизмунда, сам Димитрий ездил к беспокойному казачеству...»

Вместе с тем Адам Вишневецкий послал донесение королю, что у него объявился царевич Димитрий, чудесно спасшийся от убийц Годунова, причем, кажется, в донесении этом был приведен и рассказ о спасении. По этому рассказу, весьма краткому и безо всяких подробностей, но согласно повторяемому всеми сторонниками Лжедимитрия, царевича спас в Угличе какой-то таинственный приближенный человек, его врач; он узнал о готовящемся покушении и незаметно подменил его в постели другим мальчиком, который ночью и был зарезан убийцами, подосланными Годуновым; благодетель же, при содействии некоторых доброхотов, скрытно проследовал со спасенным царевичем на север к Студеному морю и воспитал его там, после чего Димитрий много странствовал по разным монастырям и, наконец, открылся в Литве. Кто был спасший Димитрия благодетель, а также и

доброхоты, укрывавшие их, об этом не говорилось; указание же, что убийство царевича было совершено ночью, тогда как оно, несомненно, имело место днем в шестом часу, было сделано, вероятно, для того, чтобы выходил правдоподобнее рассказ о том, как можно было одного 10-летнего мальчика зарезать вместо другого и при этом не обнаружить ошибки.

Сигизмунд, разумеется, не поверил этому рассказу, но, очевидно, крайне сочувствуя появлению самозванца, очень желал, чтобы его убедили в том, что в пределах его владений появился истинный царевич; поэтому для разъяснения дела он обратился не к царю Борису, с которым был в мире, а к литовскому канцлеру, уже известному нам Льву Сапеге. Этот Лев Сапега родился православным, перешел затем в кальвинизм, а в 1586 году был возвращен Петром Скаргой в латинство и стал затем одним из ревностнейших слуг Римской церкви. Поэтому естественно, насколько заманчивой могла быть для него мысль – посадить именуемого царевичем Димитрием на московский стол, а затем приступить при

его посредстве к насаждению латинства в нашей земле, что, по-видимому, им имелось в виду еще тогда, когда он приезжал в Москву с предложением тесного союза с Польшей.

Какой-то беглый москвич Петровский находился в услужении у Сапеги и будто бы знал маленького царевича Димитрия в Угличе. Этого Петровского Сапега и послал к Вишневецкому, чтобы удостовериться в личности Димитрия. Увидев Григория, Петровский тотчас же воскликнул: «Да, это истинный царевич Димитрий!» – и пал ему в ноги.

Описанное признание царевича беглым московским холопом явилось достаточным. После него дела названного Димитрия в Польско-Литовском государстве пошли еще блистательнее. Из Брагина он поехал в Вишневец к Константину Вишневецкому, двоюродному брату Адама, тоже чрезвычайно богатому человеку, женатому на дочери сендомирского воеводы Юрия Мнишека Урсуле.

Юрий Мнишек пользовался крайне дурной славой у сородичей, хотя по своим связям и был очень силен и влиятелен. В молодости он был близок к королю Сигизмунду-Августу;

когда последний лишился горячо любимой им жены Варвары Радзивилл и стал с горя предаваться разгулу, то Юрий усердно оказывал ему предосудительные услуги в разных низменных утехах и широко пользовался за это королевскими деньгами; когда же Сигизмунд-Август умер, то в день его смерти Мнишек так обобрал королевскую казну, что не было во что одеть смертные останки покойного. Тем не менее благодаря своим связям как при дворе, так и среди духовенства, ибо, как об этом свидетельствует Пирлинг, Юрий был усерднейшим сыном Католической церкви, он сумел сохранить свое положение и при последующих королях; однако, ведя крайне суетную и роскошную жизнь, к 1603 году Мнишек уже совершенно разорился и наделал огромные долги, в том числе и в королевскую казну, причем Сигизмунд грозил ему в случае их неуплаты отнять данную ему в управление самборскую экономию. При таких трудных обстоятельствах только какой-либо исключительно благоприятный случай мог поправить дела Мнишека.

В это время как раз в доме его зятя князя

Константина Вишневецкого, у жены которого, Урсулы, гостила ее сестра Марина, неожиданно появился московский царевич. Марина была девушкой маленького роста, худенькая и смуглая, с высоким лбом и ястребиным носом; она имела острый подбородок и тонкие, плотно сжатые губы, но обладала большими красивыми глазами; по-видимому, она сразу сумела пленить Григория, впервые попавшего в общество знатной девицы, показывающей ему свое отменное расположение. По-видимому, также, в ловкой женской игре, веденной ею с мнимым царевичем, Мариной руководило исключительно непомерное честолюбие, которое, вместе с большой душевной сухостью и умственной ограниченностью, были всегда ее отличительными свойствами. Юрий Мнишек, конечно, тотчас же оценил все выгоды, какие ему мог сулить брак дочери с будущим московским царем, и не замедлил стать его горячим сторонником. По преданию, Лжедмитрий объяснился в своих чувствах к Марине уже в Вишневце, причем там же последовало в местной церкви и их тайное обручение.

Из Вишневецца Григорий отправился к родителям Марины в Самбор; в те времена там стоял богатый замок с великолепным садом. В Самборе Отрепьева принимали со всеми почестями как настоящего царевича; шумные пиры и другие увеселения шли одни за другими; тем временем шли и деятельные приготовления к походу в Москву, а также и к привлечению короля на сторону названного царевича. Без сомнения, в Самборе же Мнишек определенно поставил вопрос о том, что только обещанием отречения от православия и переходом в католичество его будущий зять может добиться помощи от всецело находившегося в руках иезуитов Сигизмунда. В одном из своих писем к папе Юрий Мнишек сообщал ему, что он пожалел душу Димитрия, увидя в царевиче злополучную жертву заблуждений (православия) и убедившись, что он коснеет в неправде, решил открыть глазам грешника свет истины, для чего составил, по словам иезуита Пирлинга, «благочестивый заговор» из придворного священника и секретаря Сигизмунда – ксендза Помасского и бернардинского чернеца Анзеринуса, польское

прозвание коего было Гусь. По мнению Пирлинга, этот Гусь был Замойским ордена бернардинцев, и в благочестивом заговоре против Димитрия ему принадлежало значение «главнокомандующего»; Валишевский же смотрит на него иначе и считает Гуся веселым малым и великим мастером выпить, а также большим любителем женского общества. На основании этих двух совершенно расходящихся мнений в настоящее время не представляется возможности решить, к каким именно приемам прибегал «главнокомандующий» Гусь, чтобы заставить мнимого царевича убедиться в превосходстве латинства над православием.

Ксендз Помасский был, по-видимому, первый, обративший внимание отцов иезуитов на самозванца и на выгоды, которые может приобрести Римская церковь, поддерживая его. Скоро упомянутый нами папский нунций Рангони, проживавший в Кракове, также вошел в это дело, рассчитывая получить в случае успеха кардинальскую шапку за свое усердие, и в ноябре 1603 года послал в Рим подробное донесение о появившемся москов-

ском царевиче. На полях означенного донесения папа Климент VIII сделал насмешливую пометку: «Это вроде воскресшего короля Португальского», намекая ею на самозванцев, явившихся в это время в Португалии после смерти короля Себастиана. Однако, несмотря на эту пометку, Рим с той поры начинает относиться в высшей степени благожелательно к Лжедмитрию.

Чтобы окончательно убедить короля Сигизмунда, что Григорий настоящий Димитрий, в январе 1604 года был послан опять какой-то ливонец в Самбор, тоже тотчас же признавший его за истинного царевича, которому он будто бы служил в Угличе. Вслед за тем в марте 1604 года Сигизмунд выразил желание, чтобы Димитрий прибыл в Краков. Последний, конечно, поспешил это исполнить и явился в Краков, сопровождаемый Константином Вишневецким и своим будущим тестем Юрием Мнишеком, где последний задал в своем доме большой пир для сенаторов и всей знати, чтобы ввести в их круг Отрепьева. Нунций Рангони, бывший на этом пиру, пришел в восторг от Григория. «Димитрий, – пи-

сал он в Рим, – молодой человек с хорошей выдержкой, смуглым лицом и большим пятном на носу против правого глаза; белая продолговатая кисть руки указывает на его высокое происхождение; он смел в речах, и в его поступках отражается поистине что-то великое». Мнение Рангони о подлинности царевича высказывали и некоторые другие. Но, к чести лучшей части польского общества, большинство его сразу же отрицательно отнеслось к затее оказать поддержку названному Димитрию, в самозванстве которого, по-видимому, мало кто сомневался. «У Гришки, – говорит в своих «Записках» очень умный и наблюдательный человек – польский коронный гетман Жолкевский, – было довольно ума, красноречия и смелости; он умел обходиться со всеми, выдавая себя за того, кем он не был».

Крайне неприязненным образом отнесся к Лжедимитрию и старик Ян Замойский. «Замойский, – рассказывает Пирлинг, – усиленно добивался случая свидеться с Димитрием до приезда его ко двору. Деятельность господарчика, как он называл царевича, казалась ему

несколько подозрительной: личность этого странного искателя престола не внушала ему никакого доверия». Мнение Замойского разделял брацлавский воевода князь Збаражский, литовский гетман Хоткевич, князь Януш Острожский и другие.

Но королю эта затея нравилась; его советники внушали ему, что, посадив Григория на московский престол, он приобретет в нем верного слугу для водворения там латинства и союзника для борьбы с дядей Карлом Шведским, и успели получить его согласие принять у себя Лжедмитрия. Прием этот состоялся 15 марта, через день после пира у Юрия Мнишека, который и повез Григория в королевский замок. На приеме присутствовали нунций Рангони и несколько высших сановников. Сигизмунд, со своим обычным надменным видом, принял самозванца стоя, имея на голове шляпу и опершись одной рукою на небольшой столик; когда он протянул другую руку вошедшему Григорию, то тот смиренно ее поцеловал, видимо смутился и начал что-то бормотать о своей судьбе и о правах на московский престол. Затем, придя

несколько в себя, Григорий стал просить короля оказать ему помощь. На это Сигизмунд сделал знак, чтобы он удалился, и стал совещаться с Рангони и своими приближенными. После этого Григорий был опять позван; когда он вошел, то ему было объявлено, что король признает его истинным царевичем, назначает ему денежное вспомоществование и позволяет искать помощи у его польско-литовских подданных для добывания себе престола. Конечно, это был огромный успех.

Король Польский, преступивший крестное целование к царю Борису, с которым он был в мире, прожившийся пан Юрий Мнишек и таинственный московский чернец-расстрига соединились теперь в тесный союз против Московского государства и православия. Русская земля ничего доброго от этого союза ожидать не могла.

«Политика, которой стал теперь следовать Сигизмунд, – говорит Пирлинг, – была крайне двулична, неустойчива, неискренна и лишена всякого благородства... Перед лицом народа король старался выказать себя неусыпным стражем государства и честным блюстителем

мира с Москвой. Так же держался он и по отношению к Борису Годунову и уверял его, что ни на одну букву не нарушит мирного договора. Но в действительности дело шло другим путем».

После приема у Сигизмунда Григорий уже открыто стал появляться на улицах Кракова как признанный царевич Московский, и толпы народа сбегались на него посмотреть. При этом в Краков же к нему стали прибывать и некоторые русские люди, почему-либо недовольные Борисом и спешившие записаться в ряды сторонников царевича.

Затем там же последовало и обращение Григория в католичество. Вероятно, чтобы показать, что он делает это по искреннему убеждению, самозванец заявил, что примет только тогда латинство, когда будут разъяснены некоторые из мучивших его сомнений. В деле этом ему пришел на помощь краковский воевода Николай Зебжидовский, сведший его, по указанию Петра Скарги, с двумя иезуитами – ксендзами Грозаицким и Савицким; оба ксендза имели несколько прений с Лжедмитрием о вере и убедились, что он напитан

арианской ересью, воспринятой им, вероятно, в Гоще.

Ловко ведя свою игру, Григорий не вдруг сдался на увещания иезуитов; потребовалось содействие бернардинских чернецов, после чего он наконец выразил желание воспринять католицизм, но тайно, чтобы не смущать приехавших москвичей. Он исповедовался и причастился по латинскому обряду в Светлое воскресенье католической Пасхи, приходившейся на 8 апреля 1604 года. Ксендз Савицкий оставил любопытные записки об этой исповеди Григория, прибывшего в костел Святой Варвары с паном Зебжидовским под видом нищих с целью не быть узванными. На вопрос иезуита, чтобы он открыл перед ним, как перед Божьим служителем, все свои тайные помыслы и рассказал о себе всю правду, Григорий смутился, но затем быстро пришел в себя и стал уверять, что он истинный царевич.

В тот же день Отрепьев написал на польском языке письмо папе Клименту; ошибки, которые он в нем сделал, послужили впоследствии несомненным доказательством, что

оно написано русским человеком. В этом письме, переведенном на латинский язык ксендзом Савицким, самозванец сообщает папе свою радость по поводу перехода в латинство, просит оказывать ему свое покровительство и обещает ввести унию в Московском государстве, но говорит, что с делом этим надо повременить, а пока он должен оставаться тайным католиком. Письмо папе было лично вручено Лжедмитрием нунцию Рангони, к которому он прибыл, чтобы проститься и вместе с тем, тайно от русской свиты, принять из его рук причастие. Рангони с великой радостью причастил его и совершил над ним миропомазание, после чего подарил ему позолоченное изображение агнца и 25 венгерских золотых. Расстрига горячо благодарил нунция, упал на колени и хотел облобызать его ноги.

Перед прибытием к Рангони самозванец побывал и у короля, также чтобы проститься с ним. Сигизмунд принял его очень ласково и подарил золотую шейную цепь со своим изображением и несколько кусков парчи на платье; касательно же денежного вспоможения

сказал, что назначает царевичу 4 тысячи золотых ежегодно, которые будет выплачивать Мнишек из доходов самборского имения, и извинился, что пока не может дать более. После этого в конце апреля самозванец со своим будущим тестем возвратился в Самбор для окончательных приготовлений к походу в Москву, на что ушло несколько месяцев.

Руку и сердце Марины он должен был получить только после того, когда сядет на московском столе. В ожидании же этих радостных событий Григорий выдал 15 мая своему будущему тестю запись, по которой он обязывался жениться на его дочери при условии: 1) по вступлении на престол выдать тотчас же Мнишеку миллион польских золотых для подъема в Москву и уплаты долгов, а Марине прислать бриллианты и столовое серебро из царской казны; 2) отдать в полное владение Марине Великий Новгород и Псков, со всеми жителями, местами и владениями, причем они остаются за Мариной, если она и не будет иметь потомства от него; Марина вольна строить в них католические церкви и монастыри, а равно держать при своем дворе ла-

тинское духовенство, ибо Димитрий, как уже тайно перешедший в католичество, будет всеми силами стараться привести свой народ к соединению с Римской церковью; 3) если дела пойдут неудачно и Димитрий не достигнет престола в течение года, то Марина может взять свое слово назад или ждать еще год.

22 июня Лжедимитрий дал другую запись, по которой уступал будущему тестю княжество Смоленское и Северское в потомственное владение, но ввиду того, что половину Смоленского княжества и шесть городов Северского он обязался уже отдать королю, то вместо этого Мнишек должен был получить из близлежащих областей такое количество городов и земель, доходы с которых равнялись бы доходам с областей, уступленных самозванцем королю. Так, продав веру отцов, продавал беглый монах Чудова монастыря пану Юрию Мнишеку и польскому королю достояние Русской земли, собиравшееся веками старанием московских государей и потом и кровью их подданных.

Сигизмунд, не будучи в состоянии открыто выступить на помощь Лжедимитрию, но же-

лая заручиться содействием наиболее влиятельных панов, разослал им письма, в которых предлагал высказаться, как они смотрят на царевича и на те выгоды, которые получит Речь Посполитая, оказывая ему содействие.

Ответы эти были большею частью неблагоприятны. Причем самыми решительными противниками самозванца выступили четверо знаменитейших вельмож: князя Збаражский и Василий (Константин) Острожский, гетман Жолкевский и старый Ян Замойский; последний открыто заявлял, что поддержку мнимого царевича он считает бесчестным и опасным делом, и настаивал, чтобы, во всяком случае, решение этого вопроса отложить до сейма, который должен был собраться в январе 1605 года.

На заседании же этого сейма, в то время когда Лжедимитрий уже находился в пределах Московского государства, Замойский произнес, обращаясь к королю, речь, полную благородного негодования, в которой он между прочим высказал: «Что касается Московского государства, то в прежние времена оно внушало нам большой страх. И теперь оно нам

внушает его, но прежде мы гораздо более боялись его, пока славной памяти король Стефан не усмирил Ивана Васильевича... Я советовал бы вашему величеству не только не нарушать самым делом условий мира с Москвою, но даже остерегаться давать повод подозревать нас в этом... Что касается личности самого Дмитрия, который выдает себя за сына известного нам (царя) Ивана, то об этом я скажу следующее: правда, что у Ивана было два сына, но тот, оставшийся, за которого он выдает себя, как было слышно, был убит. Он говорит, что вместо него задушили кого-то другого: помилуй Бог! Это комедия Плавта или Теренция, что ли?[26] Вероятное ли дело: велеть кого-либо убить, а потом не посмотреть, тот ли убит, кого приказано убить, а не кто-либо другой! Если так, если приказано лишь убить, а затем никто не смотрел, действительно ли убит и кто убит, то можно было подставить для этого козла или барана. Но и помимо Дмитрия, если мы уже желаем возвести на московский престол государя того же рода, есть другие законные наследники Московского княжества. Законными наследниками этого

княжества был род владимирских князей, по прекращении которого права наследства переходят на род князей Шуйских, что легко можно видеть из русских летописей...»

Еще более решительно, чем Ян Замоийский, высказался против самозванца на сейме великий канцлер Литовский Лев Сапега; он говорил, что не верит в подлинность Димитрия, и настаивал, что поддержка его нарушает договор с Москвой, скрепленный клятвами. Имеются, однако, данные, что Лев Сапега не был искренен в своей речи и тайно поддерживал названного царевича, находясь под сильным влиянием иезуитов.

Скоро в Западной Европе появилось печатное произведение на итальянском языке, тотчас же переведенное на немецкий, латинский, французский и испанский языки, в котором приводился тот же рассказ, который повторял и Отрепьев, о жизни царевича Димитрия и чудесном его спасении близким ему благодетелем от руки убийц Бориса. Произведение это принадлежало перу некоего Бареццо Барецци, за каковым именем скрывался наш старый знакомый – иезуит Антоний По-

ссевин, проживавший в то время в Венеции. «Четвертую бо часть всея вселенная, всю Европию, в два лета посланьми своими (расстрига) прельсти; и папа же Римский всему Западу о нем восписа...» – говорит Авраамий Палицын.

Вести о появлении Лжедмитрия, конечно, ужаснули Бориса. Первым его делом было скрыть их от народа, для чего, под предлогом предупредить занесение заразы из Литовского государства, по всем дорогам, шедшим из него, были устроены крепкие пограничные заставы, с целью перехватывать все идущие из Литвы вести о самозванце.

Мера эта, разумеется, оказалась недействительной. Слухи о появлении царевича Дмитрия проникали со всех сторон в народ, несмотря на то что уличенных в их распространении подвергали страшным пыткам и обрекали на жестокую смерть вместе со всеми родными.

Донские казаки ограбили одного из родственников Годунова и послали сказать Борису, что скоро будут в Москве с законным царем. В начале 1604 года было перехвачено и

доставлено Годунову письмо одного из жителей Нарвы, который сообщал в Финляндию, что сын Грозного чудесно избег смерти, воспитывался у казаков и теперь идет добывать отцовский престол; «грамота эта принесла мало радостей Борису», примечает один из его доброхотов, проживавший в Москве немец Конрад Буссов. 15 июля 1604 года к Годунову прибыл посол императора Рудольфа, который по дружбе сообщал ему о появлении самозванца и советовал принять меры против него, так как названный царевич нашел уже сильную поддержку в Польше. Борис, рассказывает Исаак Масса, отвечал послу, что он «может одним пальцем» уничтожить самозванца, но на самом деле все более и более приходил в ужас. Когда он тайком посетил московскую юродивую Елену, жившую в какой-то землянке, то она взяла обрубок дерева, позвала попов и велела им служить панихиду и кадить этому обрубку, что произвело на суеверного царя удручающее впечатление. В это же время как раз начали ходить в народе рассказы о разных знамениях, а летом на небе появилась огромная хвостатая звезда –

комета, и астролог Бориса сказал ему, что кометы эти служат для остережения государей: пусть он теперь внимательно смотрит за тем, кому верит, и бережет границы от чужеземцев.

На беду Борис никому не мог верить и чувствовал себя совершенно одиноким; малодушие, жестокость, подозрительность и другие свойства его лишенной благородства души приносили теперь свои страшные плоды. После разгрома семьи Романовых он успел оттолкнуть от себя и все другие влиятельные боярские семьи в государстве.

«Шуйские, Вельские, Голицыны, Мстиславские и многие другие, поведение которых во всех отношениях было безукоризненно и не давало повода к преследованию, также некоторые знатные люди – родственники Годуновых – очень скромно жили в своих имениях и не несли никакой службы...» – говорит Масса. Первое место в Царской думе принадлежало князю Феодору Ивановичу Мстиславскому, скромному и незначительному человеку; за ним следовал умный и деятельный князь Василий Иванович Шуйский, покрививший

своею душой, как мы видели, в Угличском деле, чтобы показать свою преданность Борису. Но Борис не доверял им обоим и мучил их своею подозрительностью, почему каждый из них должен был постоянно ожидать опалы, при этом как Мстиславскому, так и Шуйскому Годунов запретил жениться, чтобы не возбуждать в них, в случае появления детей, честолюбивых замыслов в пользу последних. За Мстиславским и Шуйским следовал по значению князь Василий Васильевич Голицын, ведший свой род от Гедимины; это был человек очень умный, но неразборчивый в средствах; он также всеми силами своей души ненавидел Годунова.

Темные пути, которыми достиг Борис престола, недостойный нравственный облик патриарха Иова и чрезмерное развитие доносов в связи с ужасами пережитого голода и мора оказали, как мы уже говорили, самое развращающее влияние и на все население. У каждого в сердце было сомнение насчет истинных прав Бориса на царство, что, конечно, влекло за собой упадок любви к государю, а вместе с тем и любви к Родине, так как оба

эти чувства неразрывно связаны между собой в сердцах русских людей; многие стали думать только о своих личных выгодах.

«Во всех сословиях воцарились раздоры и несогласия, – говорит Буссов, – никто не доверял своему ближнему; цены товаров возвысились неимоверно; богачи брали росты больше жидовских и мусульманских; бедных везде притесняли. Друг ссужал друга не иначе как под заклад, втрое превышавший занятое, и сверх того брал по четыре процента в неделю; если же заклад не был выкуплен в определенный срок, то пропадал невозвратно. Не буду говорить о пристрастии к иноземным обычаям и одеждам, о нестерпимом, глупом высокомерии, о презрении к ближним, о неумеренном употреблении пищи и напитков, о плутовстве и разврате. Все это, как наводнение, разлилось в высших и низших сословиях».

Так же отзываясь про обитателей Московского государства того времени и келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын: «Впали мы в объедение и в пьянство великое, в блуд, и в лихвы, и в неправды, и во всякие

злые дела...»

По-видимому, Борис был своевременно осведомлен, что под именем Димитрия скрывается Отрепьев. При этом он считал, что появление самозванца – дело рук бояр, и открыто высказал им это, но указать определенно на кого-либо из них он совершенно не мог[27]

Годунов приказал также привести в Москву, в Новодевичий монастырь, мать покойного Димитрия, бывшую царицу Марию Нагую – инокиню Марфу, и спрашивал ее вместе с патриархом Иовом, а затем и со своей женой, жив ли ее сын или нет. На это инокиня Марфа будто бы отвечала, что она точно сама не знает; тогда царица Мария Григорьевна, как истая дочь Малюты Скуратова, схватила горящую свечу и хотела выжечь старице глаза.

Чтобы окончательно удостовериться в личности самозванца, Борис послал в Литву гонцом ко Льву Сапеге родного дядю Григория – Смирного-Отрепьева с грамотой о пограничных делах и поручил ему повидаться с племянником, чтобы уличить его. Но Сапега отклонил все требования Смирного-Отрепье-

ва иметь очную ставку с Лжедмитрием под предлогом, что он не может решить это без сейма. На сейм, в заседании которого была произнесена приведенная нами речь Яна Замойского, прибыл посол Бориса Постник-Огарев и от имени царя прямо требовал у короля казни или выдачи Григория, но Лев Сапега отвечал Постнику-Огареву, что король не думает нарушать перемирия, а названному царевичу помогают только частные лица и казаки, причем в настоящее время он уже за пределами Польско-Литовского государства.

Тем временем в Москве Иов и князь Василий Иванович Шуйский уговаривали народ не верить появлению царевича, который погиб в Угличе, и указывали, что его имя принял на себя воррасстрига Гришка Отрепьев.

Вслед за тем в январе 1605 года патриарх Иов стал рассылать по областям длиннейшие грамоты. Он приказывал в них духовенству ежедневно петь молебны, чтобы Господь отворотил свой праведный гнев от Российского государства и избавил его от разорения, которое ему несут литовские люди и Гришка Отрепьев; в грамотах этих подробно рассказыва-

лось бегство Григория из Чудова монастыря, путешествие с Варлаамом и Мисаилом Повадиным и дальнейшие его приключения; в конце концов он предавался проклятию. Но народ мало верил писаниям Иова и с жадностью читал распространявшиеся во множестве подметные грамоты Лжедмитрия, который отправил и самому Годунову укоризненное письмо с убеждением покаяться в своем преступлении и просить у него прощения. «Жаль нам, – писал Лжедмитрий Борису, – что ты душу свою, по образу Божию сотворенную, так осквернил и в упорстве своем гибель ей готовишь: разве не знаешь, что ты смертный человек? Надобно было тебе, Борис, удовольствоваться тем, что Господь Бог дал; но ты в противность воле Божией, будучи нашим подданным, украл у нас государство с дьявольской помощью... мы были тебе препятствием к достижению престола, и вот, изгубивши вельмож, начал ты острить нож и на нас, подговорил дьяка нашего Михайлу Битяговского и 12 спальников с Никитою Качаловым и Осипом Волоховым, чтобы нас убили; ты думал, что заодно с ними был и доктор

наш Симеон[28], но по его старанию мы спасены были от смерти, тобой нам приготовленной. Брату нашему ты сказал, что мы сами зарезались в припадке падучей болезни; ты знаешь, как брат наш горевал об этом... Опомнись и злостью своей не побуждай нас к большему гневу; отдай нам наше, и мы тебе, для Бога, отпустим все твои вины и место тебе спокойное назначим: лучше тебе на этом свете что-нибудь претерпеть, чем в аду вечно гореть за столько душ, тобой погубленных».

Письмо это было написано в то время, когда Лжедмитрий находился уже в пределах Московского государства, куда он выступил из Самбора в половине августа 1604 года. Всего у него было собрано около 3 тысяч человек; одна половина их состояла из разных польских искателей приключений, избравших себе гетманом Юрия Мнишека, а другая – из казаков. Конечно, было бы нелепо и смешно идти завоевывать с такими ничтожными силами Московское государство, если бы Лжедмитрий и его сообщники не принимали в расчет глубокое недовольство, господствовавшее против Бориса среди его подданных, в особен-

ности же в Северной Украине, а также и между казаками.

Расчет этот оказался верен. Уже в конце августа к самозванцу прибыло посольство от донских казаков и привезло в оковах дворянина Петра Хруцова, которого послал Борис на Дон, чтобы вербовать этих самых казаков против самозванца.

При поездке Хруцова на Дон его встретили по пути бояре Петр Шереметев и Михаил Салтыков, посланные Годуновым с войсками в Ливны под предлогом преградить нашествие крымцев, которые сказали ему: «Трудно воевать против природного государя». Хруцов же как только был приведен к самозванцу, так тотчас же пал ему в ноги и признал его истинным царевичем.

Для наступления к Москве Лжедмитрий отказался от обычной дороги из Литвы на Оршу, Смоленск и Вязьму, а решил следовать в более южном направлении – через Северскую Украину, что давало ему выгоды двигаться по стране с благоприятствующим ему населением и не терять связи с обитателями поля – запорожцами и донцами. Его небольшое войско

выступило по нескольким дорогам к Днепру и подошло к нему в начале октября; следом за ним шло и войско князя Януша Острожского, по-видимому, с намерением помешать самозванцу перейти Днепр, но Юрий Мнишек уговорил Януша не препятствовать этому. Григория сопровождали, по выраженному самим им желанию, два иезуита – ксендзы Николай Чижовский и Андрей Лавицкий.

После трехдневного отдыха в Киеве Лжедмитрий перешел Днепр у Вышгорода. Вслед за этой переправой тотчас же начала подниматься и Северская Украина. Еще не достигнув московского рубежа, он получил радостную для себя весть, что пригород Чернигова – Моравск – сдался ему без боя. Слыша о приближении «царя и великого князя Димитрия Ивановича», жители Моравска, после некоторых размышлений, вместе с казаками и стрельцами перевязали своих воевод и выдали их передовым войскам самозванца. Через неделю то же самое повторилось и в Чернигове. Но у Новгорода-Северского Лжедмитрия ждала неудача. Сюда успел подойти доверен-

ный воевода Бориса Петр Феодорович Басманов с приведенными им московскими стрельцами. Когда поляки потребовали сдачи города, то им отвечали из него крупной бранью, а затем отбили их приступ.

Эта неудача очень раздражила самозванца, и он стал укорять поляков в недостатке храбрости; они рассердились и совсем уже хотели его покинуть, но в это время как раз была получена весть чрезвычайного значения, а именно, что царский воевода – князь Василий Рубец-Мосальский сдал войскам самозванца город Путивль, самый важный из городов в Северной Украине. Скоро по примеру Путивля стали передаваться и остальные города этой Украины: Рыльск, Севск с своим уездом – Комарницкой волостью, Курск и Кромы; в то же время делу самозванца сильно помогали и казачьи отряды, шедшие ему на помощь по «Крымской дороге» и заставившие перейти на его сторону города Белгород, Одоев, Ливны и другие. Таким образом, он стал обладателем огромного пространства по Десне, Сейму, Донцу и по верхней Оке.

Один только Новгород-Северский продол-

жал крепко держаться, где положение Басманова начинало становиться тяжелым; несмотря, однако, на это, стоявший у Брянска воевода князь Димитрий Шуйский, муж царицыной сестры – Екатерины Григорьевны – не шел ему на помощь, а просил Бориса усилить его войска. Ввиду этого царь приказал собираться новой рати у Калуги, но должен был сознаться в своем приговоре о ее наборе, что «войска очень оскудели; одни, прельщенные воров, передались ему; многие казаки, позабыв крестное целование, изменили, иные от долгого стояния изнурились и издержались, по домам разошлись; многие люди, имея великие поместья и отчины, службы не служат ни сами, ни дети, ни холопы, живут в домах, не заботясь о гибели Царства и Святой церкви».

Начальствование над собранной ратью, считавшей в своих рядах до 50 тысяч воинов, было вверено малоспособному и вялому князю Ф.И. Мстиславскому. 21 декабря под Новгородом-Северским он вступил в бой с войсками самозванца, у которого не было и 15 тысяч человек. Отсутствие воодушевления в мос-

ковских войсках и неспособность их главного вождя дало победу в руки Лжедмитрия; как только он ударил на царское войско, оно сейчас же дрогнуло; сам Мстиславский был сбит с лошади и получил несколько ран. «Казалось, у россиян, – говорит Маржерет, – не было рук для сечи, хотя число их простиралось от сорока до пятидесяти тысяч человек...» Если бы у самозванца или у его воевод было бы побольше искусства в военном деле, то он мог бы совершенно разгромить войско Годунова, которое отступило без особенно важных потерь. Тем не менее смятение московских воевод было так велико, что они не послали Борису донесения об этом сражении, и он узнал про него стороною.

Несмотря на столь постыдное поражение, Годунов выразил раненому Мстиславскому свою благодарность за пролитую им кровь и приказал «ударить ему челом»; воеводам – князю Димитрию Шуйскому и другим – были посланы также поклоны, лишь с легким замечанием, зачем они не донесли в Москву о сражении; у всего же войска, точно после одержанной блистательной победы, Борис от име-

ни своего и сына велел спросить о здоровье. Эти неожиданные и незаслуженные милости показывали всем, в каком жалком состоянии пребывал в это время Годунов.

У самозванца, несмотря на одержанную победу, дела также шли плохо; наступило ненастье, потом морозы, и избалованные поляки начали громко роптать на невзгоды и требовать от Лжедмитрия денег; он раздал что мог, ездил от одного польского отряда к другому, умоляя их остаться, бил им челом до земли и «падал крыжем» (крестом), но его мало слушали. «Дай Бог, чтобы тебя посадили на кол!» – крикнул ему один поляк. Названный царевич дал ему за это в зубы, но польское рыцарство не унялось и стащило с него соболью шубу. В это же время и Мнишек получил известие от Льва Сапеги, что в Польше смотрят очень дурно на его затею, и советовал ему возвратиться. Тогда Мнишек, под предлогом необходимости присутствовать на сейме, покинул своего будущего зятя; с ним вместе ушло и много поляков, так что при самозванце их осталось не более 1500 человек. Скоро, однако, убыль в поляках была с лихвой воз-

мещена прибытием 12 тысяч запорожцев, из коих было 8 тысяч конных, привезших с собой 12 исправных пушек.

Басманов тем не менее крепко держался, и Лжедимитрий вынужден был снять осаду Новгорода-Северского и отойти на отдых в богатую Комарницкую волость, расположившись сам в украинском городе Севске.

Тогда Басманов был вызван в Москву, где Борис устроил ему торжественный въезд и осыпал чрезвычайными милостями; в помощь же больному Мстиславскому был послан с подкреплениями, которые должны были довести московскую рать до 60 тысяч, князь Василий Иванович Шуйский, человек, как мы говорили, умный и деятельный, но военными дарованиями никогда не отличавшийся.

21 января 1605 года на рассвете последовала новая встреча царской рати с войсками самозванца у деревни Добрыничи близ Севска. Лжедимитрий сам распорядился боем и двинул вперед польскую конницу; однако она разбилась о стойкость московских стрельцов,

встретивших польских всадников залпами из ружей из-за саней с сеном, и сражение окончилось полным разгромом войск самозванца; он потерял почти всю свою пехоту, 15 знамен, 13 орудий и оставил на месте битвы 6 тысяч убитых, кроме пленных. Спасаясь с трудом от преследования, Лжедмитрий бежал сперва в Севск, а затем и в Путивль, где заперся.

Победа при Добрыничах чрезвычайно обрадовала Годунова: Михаил Борисович Шеин, привезший известие о ней в Москву, был пожалован в окольничии, войскам было роздано до 80 тысяч рублей, а воеводам были посланы золотые (медали), и Борис писал им, что готов разделить с ними свою последнюю рубашку.

После разгрома при Добрыничах предприятие Лжедмитрия, казалось, не имело более данных на успех, и сам он решил искать спасения в Польше. Но вышло иначе. Среди русских было уже большое количество людей, которые связали свою судьбу с судьбой самозванца, и уход его в Польшу грозил им гибелью от руки Годунова. Поэтому они удержали расстригу в Путивле, грозя ему, что могут его

живым выдать Годунову и тем обелить себя перед последним. Скоро к Лжедмитрию прибыло 4 тысячи казаков с Дона, и он быстро стал оправляться от поражения при Добрыничах. Путивль же принял вид многолюдной столицы. Чтобы убедить народ в своей приверженности к православию, несмотря на присутствие в стане поляков, Григорий приказал поднять из Курска чудотворную икону Божией Матери и по прибытии встретил ее с большим торжеством, а затем, на глазах у всех, ежедневно жарко молился ей.

«Димитрий находил, по его словам, – читаем мы в современном «Сказании» знаменитого французского государственного мужа, президента де Ту, написавшего свое произведение на основании источников, которые он считал вполне достоверными, – сильнейшую опору в своей совести: он молился усердно, так, чтобы все его слышали, и, воздев руки, обратив глаза к небу, восклицал: „Боже Правосудный! Порази, сокруши меня громом небесным, если обнажаю меч неправедно, своекорыстно, нечестиво; но пощади кровь христианскую! Ты зришь мою невинность;

пособи мне в деле правом! Ты же, Царица Небесная! Будь покровом мне и моему воинству“».

Кроме того, чтобы показать всем, что царевич вовсе не Отрепьев, в Путивле же появилась какая-то невыясненная до сих пор личность, которая выдавала себя за настоящего Григория Отрепьева.

Пребывание самозванца в Путивле продолжалось до весны 1605 года; он деятельно занимался устройством своих войск, а также рассылал во множестве грамоты к русским людям, убеждая их служить ему как своему законному государю; на этот призыв откликнулись многие, и под его знаменами собиралось все более и более народа. Тем временем Борис подслал в Путивль своих людей к Лжедмитрию с отравой, но это открылось, и два заговорщика были расстреляны жителями.

Из Путивля самозванец написал несколько писем к Рангони, в которых он хвастливо описывал свои успехи. В Путивле же в своих беседах с двумя бывшими при нем иезуитами он постоянно рассказывал о своих будущих преобразованиях в Московском государстве и

однажды объявил им, что желает учиться у них латинскому языку, философии и риторике. Но занятия эти продолжались всего три дня.

Между тем воеводы Бориса после своей победы при Добрыничах бездействовали. Вместо того чтобы преследовать разбитого самозванца, они пошли осаждать Рыльск, а затем при появлении одного только ложного слуха, пущенного поляками, что им на помощь идет королевский гетман Жолкевский, тотчас же отошли и от Рыльска и расположились в Комарницкой волости, которую стали жестоко опустошать, мстя жителям за приверженность Лжедмитрию, что еще более озлобило последних против Бориса. Видя бездеятельность своих воевод, Годунов наконец рассердился и послал им сказать, что они ведут свое дело нерадиво: столько рати побили, а Гришку не поймали. Тогда бояре и войско, уже привыкшие к заискиванию со стороны царя, тотчас же оскорбились, и «с той поры, – говорит летописец, – многие начали думать, как бы царя Бориса избыть и служить окаянному

Гришке».

Получив выговор Годунова, воеводы Мстиславский и Шуйский двинулись на помощь Феодору Ивановичу Шереметеву, безуспешно осаждавшему ничтожный город Кромы, занятый маленьким отрядом самозванца, причем в Кромы успел, несмотря на осаду, проникнуть донской атаман Корела. С прибытием в марте 1605 года московской рати Мстиславского и Шуйского осада Кром несколько подвинулась, но взять его деревянный кремль царские войска все же не смогли, конечно, ввиду полного нежелания воинов вести настоящую борьбу. «Соединенные войска, – говорит про них Маржерет, – остановились при сем городе (Кромах) и занимались делами, достойными одного смеха». Скоро осаждающие и осажденные стали обмениваться друг с другом вестями, посылая записочки, прикрепленные к стрелам, а один из царских воевод, Михаил Глебович Салтыков, не спросясь главных начальников, приказал отступить своим ратникам, занявшим городской вал. Конечно, это была уже прямая измена; но ни Мстиславский, ни Шуйский не покарали за это Салты-

кова и не отрешили его от начальствования.

Так бездеятельно и бесславно шла осада Кром. Вскоре наступила весенняя оттепель, и в царских войсках появились болезни и распространилось уныние. Казаки же, вырыв себе норы под самым городским валом, вновь занятым московскими ратниками, и имея с собой запасы продовольствия и водки, бодро выдерживали осаду; они делали иногда удачные вылазки и глумились над беспомощностью осаждающих.

При таких отношениях к себе со стороны своих ближайших сподвижников и войск положение Бориса стало, конечно, отчаянным, и прав летописец, говоря, что он пал вследствие «негодования чиновачальников Русской земли». К тому же он и сам наделал ряд промахов: вместо того чтобы послать деятельного Басманова начальствовать над войсками, он чествовал его в Москве и обещал за уничтожение самозванца выдать за него дочь свою Ксению, вместе с царствами Астраханским и Казанским, чему Басманов не мог особенно доверять, так как такая же награда была обещана и Мстиславскому, когда его посы-

лали против Лжедмитрия. Вместе с тем Борис продолжал деятельно прислушиваться ко всем доносам и рассылал приказания о пытках и тайных казнях подозреваемых в измене лиц. Так, получив весть о шатости жителей Смоленска, Годунов послал выговор его воеводам, зачем они совестятся пытаться людей духовного звания: «Вы это делаете не гораздо, что такие дела ставите в оплошку, а пишете, что у дьякона некому снять скуфьи и затем его не пытали; вам бы велеть пытаться накрепко и огнем жечь».

Дьяка Смирнова-Васильева, не исполнившего в свое время царский приказ о ссылке в Соловки чернеца Григория, Борис также извел: он приказал проверить дворцовую казну, находившуюся в ведении Смирнова-Васильева, и при этой проверке оказался большой недочет; тогда несчастный дьяк был выставлен на правеж до уплаты им недостающего, и его забили при этом насмерть.

Подозрительность и мстительность царя не оставила в покое и узника далекого Сийского монастыря – Филарета Никитича Рома-

нова. До него тоже, без сомнения, дошли слухи об успехах Лжедмитрия, и он стал обнаруживать при этом понятную радость в надежде на вероятное облегчение участи и на возможность свидеться с горячо любимой семьей; как страстный охотник, Филарет Никитич начал вспоминать при этом и про своих ловчих птиц и собак. Все эти разговоры тщательно записывались приставленными к нему для наушничества старцами и доводились до сведения Бориса; последний в марте 1605 года, выговаривая игумену Сийского монастыря Ионе за послабление, оказываемое Филарету Никитичу, сообщал между прочим: «Писал к нам Богдан Воейков, что рассказывали ему старец Иринарх и старец Леонид: 3 февраля ночью старец Филарет старца Иринарха бранил, с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел; а живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток, старцы приходят к Воейкову на старца Филарета

всегда с жалобой, бранить он их и бить хочет и говорит им: «Увидите, каков я вперед буду...» И ты бы старцу Филарету велел жить с собой в келье, да у него велел жить старцу Леониду и к церкви старцу Филарету велел ходить вместе с собой... А незнакомых людей ты бы к себе не пускал, и нигде бы старец Филарет с прохожими людьми не сходился».

Невыносимо тревожное состояние, в котором находился Годунов, совершенно неожиданно закончилось 13 апреля того же 1605 года. Когда царь встал из-за стола, то кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа; он умер через два часа, приняв пострижение под именем Боголеп; молва приписывала его смерть яду, им же самим приготовленному.

Внезапная смерть царя Бориса, разумеется, самым коренным образом меняла положение дел. Хотя Москва спокойно присягнула его 16-летнему сыну Феодору, а также царице Марии Григорьевне и царевне Ксении, но тут же во время присяги слышались уже голоса: «Недолго царствовать Борисовым детям! Вот Дмитрий Иванович придет на Москву...»

Юный царь Феодор, по отзыву современни-

ков, «хотя был и молод, но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественнословию». К великому его несчастью, не это было нужно в данное время. Необходимы были верные, преданные слуги, а их-то и не было. Вся надежда молодого царя и его матери сосредоточилась на Петре Басманове, которого они отправили 17 апреля с князем Катыревым-Ростовским принять начальство над ратью, стоявшей у Кром, отозвавши прежних воевод Мстиславского и Шуйского.

К Кромам же был послан и новгородский митрополит Исидор для привода войск к присяге, но оставшиеся в Кромах военачальниками братья Голицыны, Василий и Иван Васильевичи, а также Михаил Глебович Салтыков и представители крупных служилых людей Рязанской земли – братья Ляпуновы – решили уже перейти на сторону Лжедмитрия. К ним не замедлил примкнуть и последняя надежда семьи Годуновых – Басманов, как только он убедился, что дело их безнадежно проиграно.

Поводом для открытого перехода на сторо-

ну самозванца послужило приближение к Кромам высланного Лжедмитрием небольшого отряда, под начальством поляка Запорского, который пустил слух, что за ним движется 40-тысячная рать. Первым перешел на сторону Лжедмитрия начальник иноземного царского отряда лифляндец фон Розен. Затем Басманов громко объявил войскам, что надо переходить на службу своему прирожденному государю Дмитрию Ивановичу.

Василий же Васильевич Голицын поступил менее откровенно; он сказал Басманову: «Я присягал Борису сыну; совесть зазрит переходить по доброй воле к Дмитрию Ивановичу; а вы меня свяжите и ведите, как будто неволею».

Объявление Басманова о переходе на сторону самозванца произвело в войсках большой переполох, тем более что атаман Корела сделал в это время вылазку из Кром на лагерь москвитян. «Было такое смятенье, – говорит Масса, – что, казалось, земля и небо переходят... Один кричал: да здравствует Дмитрий, другой – да здравствует царь Феодор Борисович, третий, никого не называя, говорил: я пе-

рейду к тому, кто возьмет Москву». Самая большая часть войска передалась Димитрию; остальные разбежались в разные стороны. Оставшиеся верными царю Феодору Борисовичу князья Катырев-Ростовский и Телятевский также бежали в Москву. Басманов же, Голицын, Салтыков, Шереметев и другие воеводы, перешедшие на сторону Лжедмитрия, послали ему повинную. Тогда Григорий прибыл самолично 24 мая к Кромам, где обещал всем свои милости; однако, не доверяя вполне только что передавшейся ему рати, он распустил большую часть ее по домам.

Затем Лжедмитрий двинулся далее на Москву через Орел и Тулу, всюду встречаемый хлебом-солью и изъявлением покорности. Население с любопытством сбегалось со всех сторон посмотреть на своего истинного царя, чудесно спасшегося от козней Годунова. Под Тулой, где Лжедмитрий остановился на некоторое время, был разбит тот же великолепный шатер, в котором располагался семь лет тому назад Борис во время своего знаменитого Серпуховского похода.

С пути новый царь непрерывно посылал

гонцов с грамотами в Москву, призывая ее жителей изъявить ему покорность; хотя гонцов этих Годуновы и перехватывали, а затем и вешали, но тем не менее страшная потерянная царила в столице.

В конце мая разнесся слух, что царь Дмитрий уже подходит к Москве; множество людей стало тотчас же заготовлять хлеб-соль, чтобы встретить ими своего истинного государя; слух оказался ложным, но поведение граждан привело Годуновых в ужас, и на следующий день они начали ставить пушки на кремлевские стены при громких насмешках толпы.

Между тем 1 июня под Москву прибыли новые гонцы Лжедмитрия – дворяне Наум Плещеев и Гаврила Пушкин. Они остановились сперва в пригородном Красном селе, где жили богатые купцы и ремесленники, и прочли им грамоту нового царя, написанную на имя бояр: Мстиславского, Василия и Дмитрия Шуйских и других. Затем, сопровождаемые огромной толпой народа, Плещеев и Пушкин двинулись прямо на Красную площадь. Здесь

начались неистовая давка и шум. Из Кремля вышли было думные люди и закричали: «Берите воровских посланцев и ведите их в Кремль!» – но народ отвечал на это грозными криками и приказал громко читать грамоту Лжедмитрия, где он извещал о своем спасении и прощал московским людям их неведение.

Рассказывают, что толпа, донельзя возбужденная чтением этой грамоты, потребовала на Лобное место князя Василия Ивановича Шуйского, чтобы он сказал по правде, точно ли похоронен царевич в Угличе, и что будто бы он громко объявил: «Борис послал убить Дмитрия-царевича; но царевича спасли: вместо него погребен попов сын».

Обезумевшая чернь с неистовым криком: «Долой Годуновых! Всех их истребить... Буди здрав Дмитрий Иванович», – ринулась в Кремль, где стрельцы, стоявшие на страже, пропустили ее в царские покои. Царь Феодор поспешил в Грановитую палату и сел на престол; царица Мария Григорьевна и царевна Ксения стояли рядом с ним, держа в руках образа. Народ ворвался в палату и стащил

несчастливого Феодора с его трона; вместе с матерью и сестрой на водовозных клячах он был отправлен в прежний дом Бориса и заключен под стражу. Все родственники Годуновых были также перевязаны, а затем толпа приступила к неистовому грабежу. Всем этим делом руководил, по-видимому, знакомый нам Богдан Бельский, недавно возвращенный из ссылки. Ненавидя немцев, которых особенно жаловал покойный царь, он направил народ на погребя иноземных лекарей, говоря, что они набиты золотом и вином; лекаря были ограблены дочиста, а многие из толпы перепились их винами до бесчувствия и тут же испустили дух.

Затем к Лжедмитрию отправились бить челом избранные московские люди: князь Иван Михайлович Воротынский и князь Андрей Телятевский. Они везли своему законному государю Димитрию Ивановичу грамоту с приглашением занять его прирожденный стол. Грамота была написана от всех сословий, и первым подписался на ней патриарх Иов, только что рассылавший по всей земле грамоты по случаю войны с Гришкой Отре-

пьевым, в которых последний предавался проклятию со всеми своими сообщниками.

Московские послы прибыли в Тулу 3 июня, одновременно с посольством к самозванцу от его верных сподвижников – донских казаков. Лжедмитрий позвал к своей руке казаков, «прежде московских бояр», которых казаки «лаяли и позорили», а затем уже принял Воротынского и Телятевского; он встретил их грозной речью за долгое сопротивление законному царю, «наказываше и лаяше, яко прямой царский сын», после чего отправил Телятевского, избитого почти до смерти казаками, в тюрьму, вероятно за то, что он не хотел под Кромами перейти на сторону самозванца.

В Москву же были посланы князя Василий Васильевич Голицын и Рубец-Мосальский вместе с дьяком Сутоповым; им было приказано покончить с Годуновыми и свести Иова с патриаршества. Посланные прибыли 10 июня. Иов был свезен на простой тележке в Старицкий Богородицкий монастырь, а все родственники Годунова отправлены в ссылку в дальние города, кроме Семена Годунова,

главного руководителя казнями и доносами при царе Борисе: он был задушен в Переяславле.

С семьей Бориса покончили два отъявленных негодяя: Михаил Молчанов и Шерефединов; они взяли с собой трех дюжих стрельцов и в сопровождении князей Василия Васильевича Голицына и Рубца-Мосальского, лично пожелавших присутствовать при этой гнусной расправе, отправились в старый дом Бориса. Царица Мария Григорьевна была скоро задушена, но царь Феодор защищался отчаянно и был убит самым ужасным образом. Царевну же Ксению оставили в живых и отправили во Владимир, так как самозванец, узнав про ее красоту, приказал князю Рубцу-Мосальскому сохранить ее для себя. Народу было объявлено, что Феодор и его мать от испуга сами приняли яду; такое же донесение было послано и Лжедмитрию в Тулу. Тело Бориса Годунова было вырыто из Архангельского собора и похоронено в убогом Варсонофьевском монастыре, рядом с телами жены и сына.

Еще до получения известия об убиении Годуновых расстрига разослал грамоты, в кото-

рых объявлял о своем вступлении на царство и приказывал приводить народ к присяге себе и матери своей Марфе Феодоровне: по-видимому, пересылка с Нагими, его мнимыми родственниками, началась еще в Путивле. Между тем из Москвы к Лжедмитрию прибыли на поклон первые московские бояре: князя Феодор Иванович Мстиславский, Василий Иванович Шуйский и другие. Не замедлили прибыть к нему и иноземные телохранители Бориса, объявив, что они честно служили старому царю и так же честно хотят служить и новому. Самозванец принял их особенно ласково и сказал им: «Я вам верю более, чем своим русским».

В селе Коломенском для Лжедмитрия был приготовлен роскошный шатер, раскинутый на обширном поле. Сюда во множестве приходили поклониться ему люди Московского государства различного звания.

20 июня последовал торжественный въезд нового царя в столицу при несмолкаемом колокольном звоне и радостных кликах коленопреклоненного народа, встречавшего его возгласами: «Дай, Господи, тебе, государь, здоро-

вья! Ты наше солнышко праведное!» Он им ласково отвечал. Вдруг неожиданно поднялся, несмотря на совершенно ясный и тихий день, сильный вихрь. Многие сочли это за плохое предзнаменование.

У кремлевских соборов, в то время как новый царь прикладывался к мощам святителей, а духовенство пело молебны, сопровождавшие его поляки не слезали с коней и громко играли в трубы и били в бубны. Это тоже смутило благочестивых москвичей. «Увидели и другую непристойность, – говорит Н.М. Карамзин, – вступив за духовенством в Кремль и в соборную церковь Успенья, Лжедмитрий ввел туда и многих иноверцев – ляхов, венгров, чего никогда не бывало и что казалось народу осквернением храма. Так расстрига на самом первом шагу изумил столицу легкомысленным неуважением к святыне...»

Войдя в Архангельский собор, самозванец припал к гробу Иоанна Грозного и стал проливать обильные слезы над прахом своего родителя.

Затем Богдан Бельский, бывший воспитатель царевича Димитрия, торжественно вы-

ехал на Красную площадь, направился к Лобному месту и объявил народу, что новый царь есть истинный Димитрий, в доказательство чего целовал крест.

День закончился общим весельем. «Но плач был не далек от радости, и вино лилось в Москве перед кровью», – говорит один из современников.

Новое царствование началось с милостей: не только своим мнимым родственникам Нагим, но и всем подвергнутым опале при Борисе была дарована свобода; несколько лиц были пожалованы боярами и окольными, а также были учреждены некоторые новые должности по польскому образцу: молодой князь Михаил Скопин-Шуйский был назначен великим мечником; дьяки Сутопов и Афанасий Власьев великими секретарями; не был забыт и страдалец далекой Сийской обители Филарет Никитич; он был возведен в сан митрополита Ростовского, хотя и отклонял от себя это высокое звание; бывшую же его жену, старицу Марфу, с сыном Михаилом поместили в его епархии, в Ипатиевском Костромском монастыре, основанном в XIV веке пред-

ком Годунова – мурзою Четом. Слепой царь Симеон Бекбулатович был также возвращен ко двору; наконец, разрешено было перевезти тела Романовых и Нагих, погребенных в ссылке, и похоронить их с предками. Вместо сведенного Иова патриархом был назначен ловкий грек Игнатий, бывший рязанским епископом и первый из русских архиереев признавший Лжедмитрия. Затем всем служилым людям было удвоено содержание, а духовенству подтверждены старые льготные грамоты и даны новые.

Осыпая милостями Нагих, новый царь, однако, никого из них к себе не приближал; даже за его названой матерью – инокиней Марфой – был послан великий мечник князь Михаил Скопин-Шуйский не сразу. О том же, чтобы облагодетельствовать и приблизить к себе тех таинственных доброхотов, которые будто бы чудесно спасли юного царевича Дмитрия, не было и помину. Самым близким лицом к новому царю стал Басманов.

С Лжедмитрием прибыли не только поляки, но и атаман Корела со своими донцами. Те и другие стали, конечно, держать себя в

Москве как победители и своею наглостью, особенно же по отношению к женщинам, не замедлили вызвать неудовольствие жителей. Этим, по-видимому, поспешили воспользоваться Шуйские, которые, как имеющие наиболее прав на престол, особенно тяготились самозванцем, тем более что он с первых же шагов проявил себя очень надменным в отношении бояр. Почти немедленно после прибытия Лжедмитрия Басманов донес ему, что какой-то торговый человек Федор Конев и Костя-пекарь, научаемые князем Василием Ивановичем Шуйским, пускают в народе слухи, что новый царь – вор и расстрига, так как истинный царевич Димитрий погребен в Угличе. Шуйского схватили, и собор из духовенства и членов Думы осудил его к смертной казни, которая была назначена на 25 июня. Стоя у плахи уже с расстегнутым воротом рубахи, князь Василий Иванович с твердостью объявил окружавшей его толпе: «Братия, умираю за истину, за веру христианскую и за вас». Но в это время слышались крики «Стой!» – и к Лобному месту прибыл скачущий из Кремля гонец, привезший помилова-

ние Шуйскому. Народ приветствовал шумными кликами великодушие нового царя, а Шуйский с братьями был отправлен лишь в ссылку. Чем руководствовался самозванец в этом поступке – неизвестно: может быть, он хотел поразить всех своим великодушием, но вернее предположение, что он побоялся казнить одного из самых сильных бояр, имевшего множество сторонников среди московского населения. Вероятно, по этой же причине он вскоре совершенно простил Шуйских, вернул их в столицу и дал прежние должности при дворе.

Бывшая царица, инокиня Марфа, прибыла в Москву только 18 июля. Лжедмитрий выехал ей навстречу в село Тайнинское: здесь был раскинут шатер, в котором они имели свидание наедине. Из шатра оба вышли, оказывая друг другу самые нежные чувства; народ плакал при виде трогательной встречи матери с сыном. От Тайнинского до Москвы царь почтительно шел все время пешком рядом с материнской каретой. В Москве инокиня Марфа поместилась в Вознесенском мона-

стыре, где Лжедмитрий ежедневно ее посещал. Впоследствии перед мощами царевича Димитрия она сознавалась, что «долго терпела тому вору и расстриге... а делалось то от бедности; потому что с того времени, как убили сына ее повелением Борисовым, а меня держали в великой нуже, и весь мой род по дальним городам порассылан был, и в конечной злой нуже жили, и аз, по грехом, будучи в нестерпимой нуже, урадовшись вскоре не известила. А коли он со мной говорил, и он заклиал и под смертью приказал, чтобы никому того не сказывала, и меня хотел пожаловать».

Вслед за приездом мнимой матери расстрига венчался на царство, причем все присутствующие были немало удивлены, когда после совершения обряда его приветствовал один из прибывших с ним иезуитов речью на латинском языке.

Придавая излишнюю веру мнению о Лжедмитрии иностранцев, состоявших при нем и широко им благодетельствованных, некоторые русские исследователи склонны видеть в нем просвещенного государя, желавшего направить свою державу по каким-то новым

путям на началах широкого европейского образования; со слов этих иностранцев, Лжедмитрий всеми мерами искоренял взяточничество, неправосудие и ежедневно присутствовал в Боярской думе, где поражал всех необыкновенной быстротою и мудростью, с которой он решал самые сложные дела. «Сколько часов вы рассуждаете и все без толку, – будто бы говорил он смеясь боярам, – так я вам скажу: дело вот в чем». В великую заслугу ставили ему иностранцы его смелость и ловкость в верховой езде и на охоте, а также большую любовь к воинским упражнениям: он мог очень метко стрелять из пушек и сам иногда обучал ратников, устраивая им земляные крепости и заставляя их затем брать приступом.

Но беспристрастное исследование всех обстоятельств его царствования убеждает нас в полной справедливости слов знаменитого нашего историка Н.М. Карамзина, который говорит: «Первым врагом Лжедмитрия был сам он, легкомысленный и вспыльчивый от природы, грубый от худого воспитания, – надменный, безрассудный и неосторожный от сча-

ствия... Если некоторые из людей, ослепленных личным к нему пристрастием, находили в Лжедимитрии какое-то величие, необыкновенное для человека, рожденного в низком состоянии, то другие хладнокровнейшие наблюдатели видели в нем все признаки законной подлости, не изглаженные ни обхождением со знатными Ляхами, ни счастьем нравиться Мнишковой дочери... Самозванец был... худым лицедеем на престоле, не только без основательных сведений в государственной науке, но и без всякой сановитости благородной: сквозь великолепие Державства – проглядывал в царе бродяга. Так судили о нем и поляки беспристрастные».

Несмотря на хвастливые слова, обильно расточаемые иностранцам об обширных преобразованиях, которые он намерен был дать Московскому государству, деятельность Лжедимитрия по внутреннему управлению была крайне незначительна; мнение некоторых поляков, что он преобразовал Боярскую думу в сенат по образцу польского, совершенно неверно; Лжедимитрий советовался, как и прежние цари, с думными людьми так назы-

ваемого царского синклита и с высшим духовенством, с членами освященного собора, в состав которого входили патриарх, 4 митрополита, 7 архиепископов и 3 епископа; поводом же к мнению об учреждении им сената могло послужить то обстоятельство, что грамоты его часто писались его поляками-секретарями – Слонским и двумя братьями Бучинскими, почему в них иногда попадались польские выражения «сенаты, сенаторы».

Самым важным делом за все время правления Димитрия были два постановления Боярской думы: о кабалах и о холопах. Кабалы за долги было запрещено давать потомственные, то есть если умирал заимодавец, за долг которому кто-нибудь записался ему в кабалу, то с его смертью обязательство должника оканчивалось, и наследник умершего не имел более прав на личность этого должника.

Сущность же постановления относительно холопов заключалась в том, что господа теряли на них свои права, если не кормили их во время бывшего голода.

Беспредельная надменность и самомнение Лжедимитрия полностью развернулись в его

сношениях с иностранными государями. Опьяненный чисто сказочным успехом в достижении московского престола, он приписал это своим личным выдающимся качествам и необыкновенным полководческим талантам, каковых в действительности, как мы видели, не было вовсе.

Он не переносил, когда в его присутствии говорили о каком-нибудь выдающемся человеке, и равнял себя только с Александром Македонским, которого называл своим другом, выражая искреннее сожаление, что последний уже умер, чем лишает его возможности помериться с ним силами.

Лжедмитрий требовал, чтобы иностранные государи признали его императором, да притом еще «непобедимейшим», и стал подписываться этим новым титулом, хотя делал подпись эту на латинском языке безграмотно: вместо *imperator* он писал в два слова *in perator*.

«Скоро увидел и главный благодетель Лжедмитриев Сигизмунд лукавый, – говорит Карамзин, – что счастье и престол изменили того, кто еще недавно в восторге лобызал его ру-

ку, безмолвствовал и вздыхал перед ним, как раб униженный». Лжедимитрий настойчиво требовал от короля признания себя императором, но, впрочем, милостиво добавлял, что не забыл его добрых услуг и не будет грозить за это войною. Сигизмунд злобствовал, а поляки глумились над затеей Гришки, которого недавно видели таким смиренным в своей среде. Как раз в это время среди некоторых польских вельмож возник заговор с целью поднять восстание против Сигизмунда; есть данные, что Лжедимитрий решил воспользоваться этим и тайно предлагал заговорщикам в случае низложения Сигизмунда самого себя в короли.

Еще заносчивее, чем с Сигизмундом, держал себя самозванец с королем Шведским Карлом IX. О своем вступлении на престол он уведомил последнего следующим образом: «Всех соседственных государей, уведомив о своем воцарении, уведомляю тебя единственно о моем дружестве с законным королем Шведским, Сигизмундом, требуя, чтобы ты возвратил ему державную власть, похищенную тобою вероломно, вопреки уставу Боже-

ственному, Естественному и Народному праву – или вооружишь на себя могущественную Россию. Усовестись и размысли о печальном жребии Бориса Годунова: так Всевышний казнит похитителей – казнит и тебя».

В своих мечтаниях о громких завоеваниях, чтобы затмить или по крайней мере сравняться в славе со своим «другом» Александром Македонским, расстрига задумал поход против турок, что являлось совершенно лишённым смысла по тогдашним взаимным отношениям Московского государства к Турции, и не шутя начал к нему готовиться, желая стать во главе соединённого ополчения всех государей Европы.

Он рассчитывал на союз с поляками, германским императором, Венецией, персидским шахом и французским королем Генрихом IV, к которому выказывал свое благоволение, и обо всем об этом вел оживленные внешние сношения, особенно же с Римом. Расстрига убеждал папу не допускать императора Рудольфа II до мира с турками, а затем отправил к нему с письмом состоявшего при

нем иезуита Лавицкого.

Занимавший в это время папский стол папа Павел V, разумеется, относился самым внимательным образом к поддержанию добрых отношений со Лжедмитрием, рассчитывая, что он не замедлит обратиться в латинство по своему примеру и всех жителей Московского государства. Папа тотчас же согласился называть его «непобедимейшим императором», поздравил с победой над Годуновым и начал давать ряд наставлений своему нунцию Рангони, польскому кардиналу Мацеевскому, Юрию Мнишеку, Марине и другим лицам о том, как надлежит действовать, чтобы с успехом повести дело обращения москвитян в лоно католичества.

Когда в Рим приехал иезуит Лавицкий с письмом от Лжедмитрия, то папа писал расстриге в своем ответе: «Мы с таким нетерпением ждали от тебя писем, что даже упрекали в медленности Андрея Лавицкого, человека самого старательного: когда сильно чего-нибудь желаешь, то всякое замедление нестерпимо. Наконец он приехал, отдал нам твои письма, рассказал о тебе вещи достой-

ные; мы жалели только об одном, что лично он не мог нам сказать всего вдруг, как бы нам хотелось. Такое наслаждение доставил он нам своими речами, что мы не могли удержать радостных слез; мы твердо уверены теперь, что апостольский престол сделал самые великие приобретения, когда ты будешь твердо и мудро управлять теми странами...» Относительно брака с Мариною папа писал Лжедмитрию: «...мы не сомневаемся, что так как ты хочешь иметь сыновей от этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной в благочестивом католическом доме, то хочешь также привести в лоно Римской церкви и народ московский, потому что народ необходимо должен подражать своим государям и вождям. Верь, что ты предназначен от Бога к совершению этого спасительного дела, причем большим вспоможением будет для тебя твой благородный брак...» Марине же папа писал: «Мы оросили тебя своим благословением, как новую лозу, посаженную в винограднике Господнем; да будешь дочь, Богом благословенная, да родятся от тебя сыны благословенные, каковых надеется, каковых же-

дает святая мать наша церковь, каковых обещает благочестие родительское».

Посылая эти письма, папа Павел V был, конечно, совершенно вправе рассчитывать на их успех, так как он не мог знать, что московский царь будет считать ни во что клятвы, произнесенные им во время перехода своего в католичество. Но Лжедмитрий был именно таков: ложь и обман были основанием всех его действий. Конечно, об обращении в латинство своих подданных он и не думал и ловко обходил вопрос об этом при сношениях своих с папой.

Тем не менее расстрига продолжал держать при себе двух иезуитов, причем в день своего венчания на царство 21 июля он, по словам патера Андрея Лавицкого, тайно исповедовался по латинскому обряду и сказал им, что выбрал это число потому, что оно совпадает с днем памяти Игнатия Лойолы; в то же время его два польских секретаря – братья Бучинские – были протестантами, что немало смущало папу, опасавшегося их вредного влияния; наконец, чтобы показать себя истин-

ным православным, Лжедмитрий отправил во Львовское православное братство на 300 рублей соболей для сооружения церкви и в своей грамоте к тамошнему духовенству писал: «Видя вас несомненными и непоколебимыми в нашей истинной правой христианской вере Греческого закона, послали мы к вам от нашей царской казны».

Он посещал в Москве церковные службы и даже ел постное в положенные дни, но всем своим поведением проявлял легкое и пренебрежительное отношение как к вере, так к духовенству и старым обычаям. Он не мыл рук после еды, не отдыхал после обеда и не стеснялся есть телятину, что особенно возмущало всех, так как есть ее почиталось большим грехом. Однажды за столом Михаил Татищев, человек вообще с покладистой совестью, при виде блюда с телятиной настолько резко высказал царю свое негодование, что подвергся ссылке и был помилован лишь по просьбе Басманова.

Ввиду такого зазорного поведения расстриги в Москве не замедлили появиться слухи об измене царя православию, и что будто бы под

кроватю его спрятана икона Богоматери, а в сапоге крест; по рассказу одного иностранца, Лжедмитрий, узнав про эти слухи, снял со стены висевшую икону, приложился к ней и, обратившись к присутствующим, громко сказал: «Пусть сотворит Господь Бог надо мною или над этой иконой какое-нибудь знамение, если я когда-нибудь помышлял отступить от святой веры русской и принять другую, не говоря уже об оскорблении и сокрытии святой иконы под кроватю или в сапоге». Затем он снова повторил: «Да совершит Господь в глазах ваших знамение надо мною или иконою, если я мыслю что-нибудь иное».

По отзывам некоторых иноземцев, Лжедмитрий отличался вспыльчивым, но благодушным и доверчивым нравом и легко прощал виновных против своей личности. В действительности, однако, это было не так. Тотчас же после его въезда в столицу из Москвы было удалено до 70 семейств, бывших сторонников Годуновых. Многие иноки Чудова монастыря были также разосланы по дальним обителям; при этом замечено было, что царь ни разу не посетил этого монастыря, чтобы не

встретиться в нем со своими старыми товарищами.

Мы видели, что влиятельный князь В.И. Шуйский был великодушно прощен за распространение в народе слухов, что новый царь – расстрига и вор, но менее значительные люди подвергались за ту же вину ссылкам и казням.

«Вообще ежедневно доносили на многих людей, – говорит Масса, – некоторые, большею частью монахи и духовные, хорошо знавшие государственные тайны, были невоздержанны в речах, и те, на которых пало подозрение, или подвергались казни, или были удалены. Та же участь постигла многих простых людей. Обыкновенно ночью, тайно, пытали, убивали и казнили людей. На каждого, что-либо промолвившего против царя, доносили и обыкновенно лишали имущества и жизни».

Первым обличителем Лжедмитрия был, по свидетельству шведа Петрея, жившего в это время в Москве, какой-то инок, узнавший его и начавший громко говорить, что это Григорий Отрепьев. Его тайно умутили в тем-

нице.

Дядя самозванца – Смирнов-Отрепьев, посланный, как мы помним, Борисом Годуновым к Сигизмунду для уличения племянника, был сослан в Сибирь; но свою мать, Варвару Отрепьеву, тоже заявлявшую, что на престоле сидит ее сын, и ее братьев расстрига не тронул, подвергнув только, по некоторым свидетельствам, тюремному заключению.

Вскоре после помилования князя В.И. Шуйского на Лобном месте были схвачены дворянин Тургенев и мещанин Феодор, которые явно возмущали народ против лжецаря. Расстрига велел их казнить, и они мужественно приняли смерть, громогласно называя его антихристом и сатаной, в то время как чернь, подкупленная недавним великодушием царя по отношению к Шуйскому, ругалась над ними и кричала: «Умираете за дело».

Несколько позже среди стрелецкого отряда, бывшего под начальством преданного Лжедмитрию Григория Микулина, нашлись люди, ставшие открыто говорить, что на престоле сидит вор и враг нашей вере. Лжеди-

митрий, узнав про это, выдал виновных на расправу остальным стрельцам. Микулин, чтобы выразить свою преданность расстриге, сказал ему: «Освободи меня, государь, я у тех изменников не только что головы покусую, но и черева из них своими зубами повытаскаю». Затем он первый обнажил свой меч, и они были изрублены на куски, до конца упорно стоя на своем, что Лжедимитрий – расстрига и вор.

Неприятным обстоятельством для последнего должно было быть и известие о появлении нового самозванца. Волжские и терские казаки, завидуя успеху донцов, так удачно посадивших его на московском столе, объявили молодого казака Илейку сыном покойного царя Феодора Иоанновича Петром, будто бы подмененным Борисом Годуновым на девочку – княжну Феодосию. Скоро товарищи царевича Лжепетра, собравшись в количестве до 4 тысяч человек, объявили, что идут добывать ему Москву, и начали предаваться неистовым грабёжам на Волге, между Астраханью и Казанью. «Лжедимитрий не мешал им злодействовать, – говорит Карамзин, – и писал к

мнимому Петру, вероятно желая его заманить в свои сети, что если он истинный сын Феодора, то спешил бы в столицу, где будет принят с честью. Никто не верил новому обманщику, но многие еще более уверились в самозванстве расстриги, изъясняя одну басню другой; многие даже думали, что оба самозванца в тайном согласии: что Лжепетр есть орудие Лжедмитрия; что последний велит казакам грабить купцов для обогащения казны своей...»

В сношениях с приближенными расстрига был то непомерно надменен, требуя от бояр услуг, унижавших их достоинство, то становился с ними на чересчур приятельскую ногу. «Не было ни дьяка, ни чиновника, – говорит Масса, – который не испытал бы на себе его немилости. Уча их приличному обхождению и развязности, что им очень не нравилось, царь сломал об их ляжки несколько палок».

Для придания большей пышности своему двору, кроме слепого царя Симеона Бекбулатовича, Лжедмитрий вызвал к себе также и шведского королевича Густава, сына низложенного короля Эрика Безумного, который

был в дурных отношениях с своим дядей Карлом IX; но когда Густав отказался дать самозванцу присягу в безусловном повиновении, то он заключил его в тюрьму в Ярославле; старец Симеон Бекбулатович был тоже сослан скоро в Кирилло-Белозерский монастырь и пострижен в монахи за то, что он громко высказывал свое негодование по поводу приверженности нового царя к латинству.

Первое место при дворе и в Государевой думе занимали те же лица, что и при Борисе Годунове: князь Ф.И. Мстиславский и В.И. Шуйский, причем Лжедмитрий разрешил им обоим жениться. Но истинными друзьями царя были Басманов, князь Рубец-Мосальский и Молчанов, гнусный убийца молодых Годуновых.

В самых близких отношениях был также Лжедмитрий с поляками, прибывшими с ним. Он щедро наградил их и разрешил им ехать домой, но затем, не доверяя своей русской страже, расстрига задержал этих поляков, причем вся дворцовая прислуга была заменена ими. Царь окружил себя также осо-

бым отрядом телохранителей из 300 иностранцев. Он дал каждому воину, сверх поместья, от 40 до 70 рублей жалованья и никуда не ездил без этих телохранителей. «И по граду всегда со многим воинством ездяше. Спряди жи и создади его во бронях текуще с протазаны и алебарды и со иными многими орудии, един же он токмо посреде сих; вельможи же и боляре далече от него бяху», – говорит Авраамий Палицын. С капитанами этой иноземной стражи, в числе коих был и знакомый нам француз Маржерет, Лжедмитрий был очень хорош. Наконец, он особо приблизил к себе 15-летнего князя Хворостинина, который стал держать себя с нестерпимой наглостью по отношению к окружающим.

Все препровождение времени нового царя было основано на веселье и различных развлечениях. Вероятно, это и было истинной причиной, почему он в одно мгновение решал всякие дела в Думе, чтобы не проводить в ней долгие часы; с целью же забавы устраивались им, надо думать, и разные воинские упражнения, так как более глубоким преобразованием своих войск или устройством их

быта он не занимался.

«Зато „по всей стране“, – говорит Масса, – велено было отыскивать самых злых и лучших собак и ими почти каждое воскресенье травили медведей на заднем дворцовом дворе... Кому-нибудь из знатнейших дворян, большею частью отличных охотников, царь приказывал выходить с рогатиной на медведя. Некоторые поистине обнаруживали героическую отвагу... Он часто выезжал из Москвы охотиться в поле, на которое выпускали медведей, волков и лисиц. Преследуя их с необыкновенным мужеством, он в один день неоднократно менял платье и заганивал по несколько дорогих лошадей...»

Расточительность Лжедмитрия, к большой радости иноземных купцов, которым он оказывал огромные льготы, особенно англичанам, была чрезвычайна. «Страсть его к покупкам была так велика, – рассказывает Масса, – что он покупал вещи нисколько не замечательные, и те, кто их приносил, немедленно получали деньги и уезжали обратно. Над большой кремлевской стеною он велел построить великолепное здание, откуда была

видна вся Москва. Оно было построено на высокой горе, под которой протекала река Москва, и состояло из двух строений (деревянных), расположенных одно подле другого...»

Одно предназначалось для будущей царицы, а другое для царя. Дворец этот был обставлен самым роскошным образом, а свой престол Лжедмитрий приказал вылить из чистого золота и украсить его драгоценными камнями.

«...Лжедмитрий хотел веселья, – говорит Н.М. Карамзин, – музыка, пляска и зернь были ежедневною забавою Двора. Угождая вкусу царя к пышности, все знатные и незнатные старались блистать одеждою богатою. Всякий день казался праздником», хотя, по словам летописца: «многие плакали в домах, а на улицах казались веселыми и нарядными женщинами».

Между тем приспешники царя, особенно поляки, продолжали себя держать крайне нагло; они позволяли себе наносить неслыханные оскорбления женщинам, простым и знатным, и все это, несмотря на многочислен-

ные жалобы, сходило им с рук. «Ненависть к иноземцам, – рассказывает Н.М. Карамзин, – падая и на пристрастного к ним Царя, ежедневно усиливалась в народе от их дерзости: например, с дозволения Лжедмитриева, имея свободный вход в наши церкви, они бесчинно гремели там оружием, как бы готовясь к битве; опирались, ложились на гроба Святых».

«Попусти же всем жидом и еретиком невозбранно ходити во святыя Божия церкви; но и в самом в соборном храме Пресвятыя Владычица наша Богородица, честнаго и славнаго ея Успения приходящей, возлегаху локотма и возслоняхуся на чюдотворныя гробы целбоносных мощей великих чюдотворец Петра и Ионы», – читаем мы в «Сказании» Авраамия Палицына.

По свидетельству Масса, самые близкие к самозванцу люди, Басманов, Рубец-Мосальский и Молчанов, «сообща делали подлости и занимались распутством». Сам царь «бесчестил жен и девиц, Двор, семейства и святые обители дерзостью разврата, и не устыдился дела гнуснейшего от всех его преступлений, –

говорит возмущенный Н.М. Карамзин, – убив мать и брата Ксении, взял ее себе в наложницы. Красота сей несчастной царевны могла увянуть от горести; но самое отчаяние жертвы, самое злодейство неистовое казалось прелестью для изверга, который сим одним мерзостным бесстыдством заслужил свою казнь, почти сопредельною с торжеством его».

Безграничное мотовство и разгул нового царя постоянно требовали, конечно, обильного притока денежных средств. Для этого он наложил свою руку на казну и имущество монастырей, причем с одной Троице-Сергиевой лавры он взял 30 тысяч рублей, деньги по тому времени огромные.

«Как бы желая унижить сан монашества, – повествует Карамзин, – он срамил иноков, в случае их гражданских преступлений, бесчестною торговою казнью; занимал деньги в богатых обителях и не думал платить сих долгов значительных; наконец, велел представить себе опись имению и всем доходам монастырей, изъявив мысль оставить им только необходимое для умеренного содержания Старцев, а все прочее взять на жалованье

войску; то есть смелый бродяга, бурей кинутый на престол шаткий... хотел прямо, необыкновенно совершить дело, на которое не отважились Государи законные, Иоанны III и IV, в тишине бесспорного властвования и повиновения неограниченного. Дело менее важное, но не менее безрассудное также возбуждало негодование белого Московского Духовенства: Лжедмитрий выгнал Арбатских и Чертольских священников из их домов, чтобы поместить там своих иноземных телохранителей...» Вместе с тем, чтобы избавить этих телохранителей от труда ездить в Немецкую слободу, расстрига разрешил иезуитам служить обедни, а протестантским пасторам говорить проповеди в стенах Кремля, бывшего, как мы видели, в глазах обитателей Москвы как бы священным храмом, где обитал православный русский царь.

Широкий разгул, которому предавался самозванец, не мешал ему мечтать о браке с панной Мариной Мнишек. Это была одна из причин, наряду с замыслом о походе против турок, для поддержания добрых отношений как с папой, так и с польским королем.

В конце августа 1605 года Сигизмунд отправил в Москву своего посла Александра Гонсевского поздравить Лжедмитрия с вступлением на престол; вместе с тем Гонсевский должен был напомнить его обязательства по отношению к Польше. Но новый царь ловко воспользовался тем, что Сигизмунд называл его только великим князем; под этим предлогом, обласкав Гонсевского, он уклонился от дальнейших переговоров до признания его «непобедимейшим императором» и отправил в свою очередь к Сигизмунду своего великого секретаря – думного дьяка Афанасия Власьева «в Литву по Сердомирсково з дочерью», как выражается летописец. Власьев должен был испросить позволения короля на выезд Марины в Москву, а также и уговорить его к войне с турками.

К Юрию Мнишеку, который прислал московским боярам хвастливую грамоту, называя себя в ней началом и причиною возвращения Димитрия на престол предков и обещая им увеличить их права по своем приезде в Москву, был отправлен секретарь самозванца Ян Бучинский; Бучинский вез также пись-

мо и к нунцию Рангони, в котором расстрига просил его исходатайствовать в Риме разрешение причаститься Марине в день ее венчания на царство по православному обряду и поститься по средам. За услуги же, оказываемые Рангони, Лжедмитрий стал хлопотать у папы о возведении его в кардинальское звание.

Ослепленный успехами самозванца, Сигизмунд полагал, что ему следует жениться на девушке познатнее, чем Марина, и, кажется, выразил это Власьеву, желая, по-видимому, выдать за расстригу свою родную сестру; скоро, однако, король оставил эту затею, так как все более и более разочаровывался в своем ставленнике; к тому же из Москвы к нему прибыл какой-то швед с тайным поручением от царицы Марфы, который сообщил королю, что занявший московский стол не ее сын. Затем прибыл в Польшу и дворянин Безобразов, тайно передавший вернувшемуся из Москвы Гонсевскому, что Шуйский и Голицын жалуются на короля, зачем он навязал им в цари человека низкого и легкомысленного, притом тирана и распутного, ни в каком отношении

не достойного престола; Безобразов передал также, что бояре хотят свергнуть Отрепьева и посадить вместо него королевича Владислава – юного сына Сигизмунда. Узнав про это, Сигизмунд сообщил, что он очень жалеет, что ошибся в Димитрии, по вопросу же об избрании Владислава предоставляет все воле Божией.

Слухи о непрочности положения Лжедмитрия были переданы королем и Юрию Мнишеку; по-видимому, они его несколько смутили. Однако он сильно нуждался в деньгах, а потому переговоры о сватовстве продолжались: 1 ноября Афанасий Власьев вручил ему вместе с роскошными подарками от будущего зятя полмиллиона рублей чистыми деньгами, а несколько позднее секретарь Бучинский – еще 200 тысяч червонцев.

Наконец 10 ноября в Кракове состоялось в присутствии короля с большой торжественностью и пышностью обручение Марины по католическому обряду. Лицо жениха представлял Афанасий Власьев; он поражал всех своим простодушным поведением. Когда кар-

динал Мацеевский, совершавший обручение, спросил его: «Не давал ли царь обещания другой невесте», то Власьев отвечал: «А я почему знаю? Он мне не говорил этого». Когда же все присутствовавшие рассмеялись, то он добавил: «Если бы обещал кому-нибудь, то меня бы сюда не прислал». Во все время торжеств Власьев показывал чрезмерное уважение к будущей царице: он ни за что не хотел прикоснуться к ее руке своею обнаженной рукой и обертывал ее чистым платком. За обеденным столом он еле дал себя уговорить сесть рядом с Мариною и отказывался вкушать пищу, ответив королю, предлагавшему ему отведать подаваемые блюда, что холопу неприлично есть при таких высоких особах. Когда же провозглашались здравицы Димитрию и Марине, он вставал во весь рост и затем падал на землю.

Хитрый Афанасий Власьев вел себя таким образом, по-видимому, не без задней мысли: он хотел показать полякам и королю, как высоко чтут на его Родине звание государя, и этим как бы корил и Сигизмунда, что с ним его подданные обращаются чересчур запро-

сто. Отказ его от еды может быть также объяснен обидою Власьева, что королю и его семейству подали есть на золотой посуде, а Марине и ему, изображавшему лицо царя, – на серебряной.

Эта обида должна была возрасти в сильнейшей степени, когда после танцев, в которых участвовала Марина по окончании обеда, Мнишек подвел свою дочь к королю и приказал ей пасть ему в ноги, чтобы отблагодарить его за все благодеяния. Оскорбленный таким унижительным поведением будущей царицы Московской, Власьев тут же высказал это канцлеру Льву Сапеге.

После обручения Власьев требовал, чтобы Марина немедленно ехала в Москву. Но ни она, ни отец ее не спешили. Последний, несмотря на полученные огромные подачки, требовал все денег и денег для устройства своих дел и занимал их даже у Афанасия Власьева, а Марина была недовольна слухами о Ксении Годуновой, не отвечала жениху на письма и требовала ее удаления. Желание ее было исполнено: несчастная Ксения была пострижена под именем Ольга, а затем сослана

в далекую пустынь на Белоозеро, терпя затем в течение многих лет всевозможные унижения.

В это же время шла сложная переписка в среде католического духовенства относительно просьбы Лжедмитрия – разрешить Марине в день венчания на царство причаститься по православному обряду и поститься по средам; папа передал рассмотрение этого вопроса высшему инквизиционному судилищу в Риме, и оно высказалось против. Но, конечно, этот отказ нисколько не помешал предстоящему браку.

Приготовления к путешествию Мнишек заняли три месяца, «в течение которых, – говорит Валишевский, – отец Марины удвоил количество своих долгов. Но он добился королевского приказа, избавлявшего его от судебного преследования на все время отсутствия, и мог свободно разорить своих должников». Перед отправлением в Москву Юрий Мнишек получил напутственную грамоту от папы Павла V, который писал ему, что он больше всего полагается на его благочестие и нуждается в его совете и помощи, причем надеется,

что московский народ легко обратится в католичество, потому что он от природы кроток и до сих пор не заражен еще ересями. Марина же писала папе, что «только бы святые ангелы благоволили довести ее до Москвы, не будет у нее другой заботы, кроме торжества истинной веры».

Со Мнишеками выехало в Москву множество самого разнообразнейшего люда: ехал брат Марины – Станислав, брат самого Мнишека – Ян, Константин Вишневецкий, несколько членов семьи Тарло, родственников матери Марины, и другие представители польской знати. «Охмистром» (гофмейстером – управляющим двором) будущей московской царицы был пан Стадницкий, а «охмистриною» пани Казановская. Много было и латинского духовенства, в том числе иезуит Савицкий и, как его называет Валишевский, «веселый патер Анзеринус», знакомый нам ксендз Гусь. Затем было также 20 музыкантов и огромное количество торговцев, суконщиков, аптекарей, цирюльников – всего до 2 тысяч человек. Каждый из членов этого собори-

ца, сопровождавшего Марину к венцу, ехал с тем, чтобы возможно лучше поживиться в Московском государстве. Ксендзы рассчитывали обратить скоро весь русский народ в латинство, а остальные знатно повеселиться и нажить большую деньги.

Зная беспримерную страсть Лжедмитрия к мотовству, старая Анна Ягеллонка, вдова Батория, тоже хотела поправить свои дела за счет царской казны и послала важного пана Немоевского продать расстриге свои драгоценности по хорошей цене.

Отъезд из Самбора состоялся 20 февраля. Ехали неторопливо, с многочисленными остановками, причем на трех из них, в Минске, Смолевичах и Борисове, Мнишек получал от нетерпеливого жениха щедрые присылки денег.

10 апреля в Лубне, близ литовской границы, Михайло Нагой и князь Рубец-Мосальский приветствовали высоких гостей от имени царя и объявили Марине, что он ничего не пожалеет, чтобы обставить ее путь возможными удобствами; действительно, одних только мостов по дороге было выстроено 540.

В Смоленске Марину встретили великолепные сани, обитые соболями; в Вязьме Мнишек расстался с дочерью и поехал вперед в Москву.

В Можайск, во время остановки Марины, по некоторым известиям, к ней приезжал Лжедмитрий и провел с невестой двое суток. Наконец, перед самой Москвой, в деревне Мамоново, жених опять явился ночью и виделся с нею в присутствии ее спутниц.

24 апреля Юрий Мнишек прибыл в Москву и был встречен с большим торжеством. Лжедмитрий выслал ему навстречу Петра Басманова, одетого гусаром, с отрядом боярских детей, а также и великолепных коней, причем седло будущего царского тестя было окочено чистым золотом; при въезде в Кремль были расставлены войска.

Старого Мнишека поместили в бывшем доме Годуновых; обед, устроенный для него и приехавших с ним приятелей, подавался на золоте, а по его окончании гостей занимал молодой царский любимец – князь Иван Хворостинин.

На следующий день сандомирский воево-

да был торжественно принят царем. Расстрига сидел на своем золотом троне, в высокой короне на голове и со скипетром в правой руке, окруженный патриархом, высшим духовенством и боярами. Мнишек приветствовал его речью и так растрогал Лжедмитрия, по словам одного из прибывших в Москву поляков, «что он плакал, как бобр, утирая лицо платком». Затем начались веселые обеды, охоты и ночные попойки; польская музыка гремела в Кремле с утра до ночи, поражая москвичей своими необыкновенными звуками. Царь принимал самое деятельное участие во всех этих увеселениях, забавляясь все время переодеванием: он попеременно являлся то польским гусаром, то московским щеголем.

1 мая Марина прибыла под Москву и расположилась со свитой в великолепных шатрах, где была встречена знатнейшими сановниками. На другой день последовал ее торжественный въезд в столицу. Она ехала, приветствуемая звоном колоколов и громом пушечных выстрелов, в великолепной карете, отделанной серебром и запряженной десятью ло-

шадьми, расписанными краской под тигровую масть. Впереди кареты ехал верхом самый старый Мнишек и шли отряды польской пехоты и гусар, а по обеим сторонам улиц, сдерживая напор несметной толпы, стояли войска: московские стрельцы и дворяне, польские жолнеры, немецкие алебардчики и отряды казаков; их лично расставлял сам царь, скрытно разъезжавший затем среди народа, чтобы наблюдать за въездом своей нареченной. Говорят, москвичи опять, как год тому назад при въезде нового царя, были неприятно поражены внезапно поднявшимся сильным вихрем.

Необычайной должна была им казаться и внешность их будущей царицы: она была в бальном французском платье, узко перетянута в поясе, со взбитыми и поднятыми вверх волосами, и огромнейшим воротником, почти в аршин в поперечнике. Конечно, многочисленные драгоценные камни, которые носили прежние московские государыни, уже блистали на ней.

Невеста должна была жить в помещении инокини Марфы, мнимой матери царя, в

кремлевском Вознесенском монастыре. Когда поезд ее остановился у врат обители, то Марина, выходя из кареты, приказала сопровождавшему ее хору польских музыкантов сыграть польскую народную песню. Музыка, конечно, тотчас же грянула, к полному смущению всех присутствующих русских людей.

В тот же день, несколькими часами ранее въезда царской невесты, в Москву прибыли послы Сигизмунда – паны Олесницкий и Гонсевский для присутствия от его имени на торжестве бракосочетания.

Для размещения огромного количества польских гостей требовалось большое число помещений. Устроив Марину в Вознесенском монастыре, а Мнишека в доме Годуновых, для остальных взяли «все лучшие дома в Китае и Белом городе и выгнали хозяев, не только купцов, дворян, дьяков, людей духовного сана, но и первых вельмож, даже мнимых родственников царских, Нагих; сделался крик и вопль, – говорит Карамзин. – С другой стороны, видя тысячи гостей незваных, с ног до головы вооруженных, видя, как они еще из телег своих вынимали запасные сабли, копыя,

пистолеты, москвитяне спрашивали у немцев, ездят ли в их землях на свадьбу, как на битву, и говорили друг другу, что поляки хотят овладеть столицей».

Помещение Марины в монастыре было понято населением, что она будет готовиться к восприятию православия перед свадьбой. Но скоро все должны были в этом разочароваться. Марине с ее паннами и панами крайне не понравилось пребывание в «схизматической» обители. «Спутницы Марины нашли помещение зловещим, – говорит Валишевский, – не стало патера Анзеринуса, чтобы развлекать и подбадривать их: латинскому духовенству вход в монастырь строжайше воспрещался... Для полноты бедствий их отвратительно кормили в угрюмом монастыре и очень дурно обставили. Нежный вкус польских шляхтенок оскорблялся московскими приправами, а утонченная воспитанность страдала от сношений с грубыми монахинями».

Марина, разумеется, не замедлила пожаловаться на все это Лжедмитрию, и влюбленный жених поспешил ее утешить: он прислал

ей в обитель польского повара, а затем и польских музыкантов и песельников, вместе с ларцом, заключавшим в себе на 500 тысяч рублей драгоценностей. Невеста и ее спутницы развеселились: звуки музыки и песен стали оглашать стены тихой обители, а к столу им начали подаваться любимые польские блюда. Пан Мнишек был тоже доволен: будущий зять опять подарил ему 100 тысяч золотых. Вообще самозванец потратил на одни дары невесте и полякам около четырех миллионов рублей.

Оставшиеся дни перед бракосочетанием, которое должно было состояться 8 мая, шли между тем не совсем гладко.

На Освященном соборе у духовенства поднялся вопрос: можно ли допустить до брака с царем католичку Марину или ее необходимо крестить? Угодливый патриарх Игнатий полагал, что достаточно будет, если она приобщится Святых Тайн; другие святители молчали, но двое – Гермоген Казанский и Иосиф Коломенский – настаивали, что еретичка Марина непременно должна быть крещена. Возбешенный этим, Лжедмитрий выслал обоих

пастырей из Москвы в их епархии.

На следующий день после приезда Марины, 3 мая, Лжедмитрий торжественно принимал в Грановитой палате знатнейших поляков, свою будущую родню со стороны Мнишек и королевских послов – Олесницкого и Гонсевского.

Самозванец сидел на троне, в короне и со скипетром, имея у своих ног двух серебряных львов; на его правой руке виднелось кольцо с необыкновенным рубином в три пальца шириной; рядом с тронем стоял великий мечник князь М.В. Скопин-Шуйский, с обнаженным мечом, а по бокам 4 рынды в белоснежных одеждах; несколько же позади виднелся, как и во времена Герберштейна, серебряный вызолоченный умывальник с водою. Кругом палаты сидело на скамьях у стен около 70 бояр в высоких горлатных шапках из черной лисицы; патриарх находился справа от Лжедмитрия на особом кресле, а несколько подальше от него были расположены на скамье остальные владыки Освященного собора. Дворецкий князь Рубец-Мосальский и великий секретарь Афанасий Власьев вызывали поляков

по списку для целования расстригиной руки.

Первым приветствовал царя управляющий двором Марины, пан Мартын Стадницкий. Затем наступила очередь королевских послов. Когда те были еще в сенях, самозванец послал к ним Юрия Мнишека с требованием, чтобы они назвали его непременно цесарем (императором), но послы не соглашались на это, и Юрий Мнишек несколько раз возвращался в палату и опять уходил из нее. Наконец они были допущены пред очи Лжедмитрия. Олесницкий приветствовал его, но не назвал ни царем, ни императором, а затем вручил грамоту Сигизмунда Афанасию Власьеву. Последний подошел с нею к самозванцу и стал тихо читать ему ее надпись: в ней Лжедмитрий тоже не был назван ни царем, ни цесарем. Тогда Власьев вернул ее обратно послам и сказал им, что она написана какому-то князю Димитрию, а не цесарю, перед которым они стоят, а потому им надлежит с нею ехать домой.

«С благоговением принимаю обратно грамоту его величества и короля моего, – отвечал Олесницкий, обращаясь к Лжедмитрию, – но

ни от одного христианского государя не получали еще такого оскорбления ни король, ни Речь Посполитая, в которой ваша господарская милость еще недавно была осыпана ласками и благодеяниями, а теперь так скоро их забыла и с презрением отвергает письмо его величества с трона, на коем сидит благодаря дивному Божиему промыслу, моему государю и польскому народу...» «Эта дерзкая речь Олесницкого оскорбила всех россиян, – говорит Карамзин, – не менее Царя; но Лжедмитрий не мыслил выгнать дерзкого пана и как бы обрадовался случаю блистать своим красноречием...» Он снял с себя корону и вступил в спор с Олесницким, доказывая ему, что он не только князь и государь, но даже и не царь, а император или цесарь, причем все бывшие до него мидийские, ассирийские и римские императоры имели на это звание меньше прав, чем он, и что уже все европейские государи, кроме одного только Сигизмунда, признали его в этом новом звании. На это Олесницкий, извинившись в отсутствии красноречия, «с жаром и грубостью, – по выражению Карамзина, – упрекал Лжедмитрия

в неблагодарности, забвении милостей королевских, безрассудности в требовании титула нового, без всякого права...».

Затем в спор вмешался и Афанасий Власьев; все трое говорили одновременно, перебивая и не слушая друг друга. В Грановитой палате, где прежде торжественно восседали знаменитые русские государи Иоанн III, Василий III и Грозный царь, поднялся шум и гам, как на базарной площади, и все «признаки закоснелой подлости» сидевшего на троне царя с полной очевидностью обнаружилось в это время перед чинно сидящими в горлатных шапках членами Царского синклита и Освященным собором.

Видя, что Олесницкого не переспорить, Лжедмитрий не выдержал и постыдно уступил ему; чтобы кончить спор, он просил его подойти к своей руке не как посла, а как доброго знакомого. Но дерзкий пан упорствовал: «Или я посол, – сказал он, – или не могу целовать твоей руки», и Лжедмитрий сдался окончательно. Грамота Сигизмунда была принята тут же при всех, «для того, – пояснил Власьев, – что царь, готовясь к брачному весе-

лью, расположен к снисходительности и мирным чувствам».

Лжедмитрий спросил затем о здоровье короля, однако, чтобы показать свое недовольство, не привстал, как этого требовал обычай. «Вашему наияснейшему господарскому величеству следует встать при этом вопросе», – нагло заметил ему Олесницкий. «И расстрига, – говорит возмущенный Н.М. Карамзин, – исполнил его желание – одним словом, унизил, остыдил себя в глазах Двора явлением непристойным, досадив вместе и ляхам и россиянам». После этого, в знак своего особого расположения, Лжедмитрий послал Олесницкому и Гонсевскому к ним на дом до 100 кушаний на золотых блюдах со своего стола, а приехавших с Мариною поляков по-приятельски угощал обедом, подавая каждому руку и перед каждым снимая надетую на своей голове высокую шапку из драгоценной черной лисицы.

«В монастыре веселились, во дворце пировали... – рассказывает Карамзин. – Деньги из царской казны лились рекой... Знатные ляхи также не жалели ничего для внешнего блес-

ка, имели богатые кареты и прекрасных коней, рядили слуг в бархат и готовились жить пышно в Москве... Но самая роскошь гостей оскорбляла народ: видя их великолепие, москвитяне думали, что оно есть плод расхищения казны царской; что достояние Отечества, собранное умом и трудами наших государей, идет в руки неприятелей России».

7 мая, ночью, Марина при свете 200 факелов совершила в богатейшей колеснице переезд из Вознесенского монастыря на свою половину нового деревянного дворца, выстроенного Лжедмитрием.

Свадьба, с соблюдением всех старинных обрядов, описанных нами при венчании Василия III и Елены Глинской, состоялась на другой день, 8 мая, хотя это и был канун большого праздника – Святителя Николая, когда по церковному обычаю венчания не положено.

Невесту для обручения ввели в столовую избу княгиня Мстиславская и Юрий Мнишек. Тысяцким жениха был князь Василий Иванович Шуйский. Лжедмитрий весь сиял от блеска драгоценных камней, на нем надетых.

Марина, преодолев на сей день свое отвращение к русскому наряду, была в красном бархатном платье с широкими рукавами, причем оно было настолько густо обшито жемчугом, что едва можно было различить его цвет; повязка же на ее голове из драгоценнейших камней стоила до 70 тысяч рублей.

Перед совершением таинства бракосочетания Лжедмитрий вздумал венчать на царство свою невесту. В Грановитой палате было сооружено два престола: на один сел расстрига, на другой – Марина. К ней подошел князь Василий Иванович Шуйский и громко сказал: «Наияснейшая, великая государыня цесаревна Мария Юрьевна! Волею Божию и непобедимаго самодержца, цесаря и великаго князя всея России, ты избрана быть его супругою: ступи же на свой царский маестат (владычество) и властвуй вместе с государем над нами».

Из Грановитой палаты торжественное шествие направилось через Красное крыльцо в Успенский собор; там было тоже приготовлено три трона – для жениха, невесты и патри-

арха. Марина и сопровождавшие ее поляки начали прикладываться к иконам, причем, к великому соблазну присутствующих православных, целовали изображенных на них святых прямо в уста. «Поляки ее свиты подчинились сей необходимости с проклятием в душе», – говорит Валишевский. Затем началось беспримерное деяние: Марина была венчана патриархом на царство, чего не удостоивалась ни одна из прежних наших благочестивых цариц. Недостойный первосвятитель Игнатий надел на иноверку Марину Животворящий Крест, шапку и бармы Мономаха, помазал ее миром и причастил. Последнее обстоятельство, впрочем, иезуиты, во главе с отцом Пирлингом, отвергают. После принесения ей поздравлений всем духовенством, боярами и поляками, при пении певчими многолетия «благоверной цесаревне Марине», начался обряд бракосочетания. В течение этой службы расстрига крайне высокомерно требовал от окружавших его бояр разных унижительных, как это было замечено присутствующими поляками, услуг: подставить ему под ноги скамейку и прочее. После венца молодые, в коро-

нах на головах, вышли, держась за руки, из храма и в дверях были осыпаны, по обычаю, золотыми деньгами князем Мстиславским. Затем был небольшой обед, и наконец Юрий Мнишек и князь В.И. Шуйский проводили новобрачных до их покоев.

Торжества по случаю свадьбы царя начались на другой день. Вместе с тем начались и разного рода недоразумения.

Получив приглашение к царскому столу, послы Олесницкий и Гонсевский заявили, что они требуют, чтобы их посадили непременно за одним столом с царем и царицею, подобно тому, как сидел Власьев в Кракове на обеде у короля после своего обручения с Мариной по латинскому обряду. Им возражал на это тот же Власьев, указывая, что вместе с ним за королевским столом сидели послы императора и папы, следовательно, ему никакой особой чести оказано не было, «ибо государь наш не менее ни императора, ни римского владыки, – нет, великий цезарь Димитрий более их: что у вас папа, то у него каждый поп». «Так изъяснялся, – говорит Карамзин, – первый делец государственный и вер-

ный слуга расстригин, в душе своей не благоприиятствуя ляхам и желая, может быть, сей непристойной насмешкой доказать, что Лжедимитрий не есть папист».

Послы обедать не поехали. Торжество, впрочем, от этого нисколько не пострадало. За столом в Грановитой палате, где присутствовали высшие русские сановники и польская знать, Лжедимитрий появился одетый гусаром, а Марина в своем польском одеянии, которое она больше не снимала. В дверях же разместились польские музыканты. Расстрига постоянно пил здоровье поляков и оказывал им отменную честь. По окончании стола русские разошлись по своим домам, но поляков Лжедимитрий удержал в своих покоях и потребовал сюда еще вина и музыки. Здесь он опять пил здоровье каждого и по-приятельски шутил и беседовал с ними, причем, как истый потомок по духу второго сына Ноя, глумился в разговорах над императором Рудольфом, королем Сигизмундом и над папою, а себя называл другом Александра Македонского и выражал сожаление, что не может помериться с ним силами. Затем он пошел в поме-

щение польских солдат и пил за их здоровье и за славу польского оружия.

В воскресенье, 11 мая, польские послы подносили подарки Марине и опять были приглашены обедать, причем опять же возникли пререкания о местах. Благодаря вмешательству Юрия Мнишека Лжедмитрий уступил и согласился поставить особый стол для старшего из послов Олесницкого – несколько ниже своего, но за обедом продолжал держать себя невежливо по отношению к Сигизмунду и пил его здоровье сидя и с покрытой головой; когда же приглашенные поляки подходили к нему с чаркой, он перед каждым снимал с головы тафью.

По-видимому, в этот же день, 11-го утром, вышла неприятность для молодых. На дьяка Тимофея Осипова была возложена обязанность торжественно объявить Марину царицей, после чего должно было последовать принесение ей присяги. Готовясь к этому дню, Тимофей Осипов наложил на себя пост и двукратно причастился Святых Тайн. Затем, когда настало время, он, ничего не сказав жене, предстал перед царем и в присутствии

всех громогласно начал свою речь словами: «Велишь себя писать в титулах и грамотах царь непобедимый, а то слово по нашему христианскому закону Господу нашему Иисусу Христу грубо и противно: а ты вор и еретик подлинный, расстрига Гришка Отрепьев, а не царевич Димитрий». Мужественный дьяк объявил затем, что не желает присягать иезуитке, царице-язычнице, оскорбляющей своим присутствием московские святыни, и хотел продолжать свою речь дальше, но был тотчас же убит окружающими и выброшен из окна.

14 мая Марина принимала в своих покоях всех московских боярынь. Подробностей об этом приеме польские летописцы не сохранили.

15-го числа состоялось деловое совещание польских послов с князьями Димитрием Шуйским и Мосальским, Михаилом Татищевым и дьяками Власьевым и Грамотиным. Опираясь на обещание, данное расстригою королю, послы требовали, чтобы царь отдал Польше Смоленск и княжество Северское, а также Новгород и Псков или, по крайней мере, часть этих земель и оказал бы ему ратную

помощь для овладения Швецией. За это Сигизмунд обещал помогать ему в войне с турками. Далее послы настаивали, что в случае бездетности царя его престол должен перейти к польской короне, а пока в Московском государстве необходимо открыть костелы и завести школы и коллегии (иезуитские для детей). Им ответили, что царь вскоре сам будет говорить с ними про все эти дела.

В ожидании же этих разговоров Лжедмитрий пригласил в тот же день Олесницкого на пир, устраиваемый для друзей Марины, уверяя его, что на нем «не будет ни цезаря, ни посла», а только одни друзья. «Но потом далеко иначе было», – говорит один поляк-очевидец.

После обеда расстрига и Марина пустились в пляс; затем с ней начали танцевать и другие польские паны, а Лжедмитрий пошел переодеться. Между тем в палату стала набиваться прислуга находившихся в ней панов, чтобы взглянуть, как они веселятся. Марине это не понравилось, и, по словам пана Немоевского, «государыня» обратилась к трем своим приближенным со словами: «Скажите

тем, которые сюда влезли, и их панам, чтобы они убирались, иначе я их велю отхлестать кнутами, да не единожды, а трижды». Это были единственные слова, которые дошли до нас от Марины за время ее пребывания московской царицей. Они показывают нам ясно, насколько велика была «утонченная воспитанность» польской шляхтенки, которая, по словам Валишевского, «страдала от сношений с грубыми монахинями Вознесенского монастыря».

Между тем в палату вернулся расстрига; он скинул свое московское одеяние и явился теперь в красном польском жупане, богато вышитом зелеными и голубыми цветами и усыпанным жемчугом и брильянтами. Самозванец взял Марину и начал с ней какой-то танец, в котором за ними должен был ухаживать пан Олесницкий. Олесницкий ухаживал, не снимая с головы своей венгерской шапочки-магерки, и вызвал тем сильный гнев царя. «Скажите всем, кто танцует в шапках, – крикнул он пану Стадницкому, – что с тех я буду снимать их вместе с головой». – «Смотрите,

ваша милость, – сказал на это Олесницкий пану Немоевскому, снимая свою магерку, – господарь мне обещал, что тут не будет ни посла, ни цесаря, а теперь я вижу, что посла-то нет, но цесарь остался».

Пляски продолжались, но расстрига зорко следил, чтобы никто не смел быть в шапках, и требовал, чтобы по окончании каждого танца посол и все гости кланялись ему в ноги.

Часть вечера 16 мая самозванец провел с посланным королевы Анны Ягеллонки, паном Станиславом Немоевским, который принес ему показать привезенный для продажи железный ларец с брильянтами, рубинами и жемчугами. Лжедмитрий долго беседовал с ним, как с добрым приятелем, и оставил привезенные камни у себя, чтобы их лучше рассмотреть. Царь произвел отличное впечатление на Немоевского; он называет его высокопросвещенным, добрым, мягким и щедрым, впрочем, чаще на словах, чем на деле; «наобещав десятки тысяч, Лжедмитрий, – говорит Немоевский, – охотно искал предлога для гнева, чтобы освободиться от данного слова... Рост был ниже среднего, с круглым, смуглым

лицом и сумрачным взглядом маленьких глаз; с русыми волосами, без усов и без бороды, он, несмотря на молодость, имел в лице что-то бабье».

Вечер, проведенный с Немоевским, был последний в жизни расстриги.

Мы видели, какое страшное негодование должно было производить все поведение Лжедмитрия как на бояр и духовенство, так и на московское население.

«Прибытие Марины с поляками еще ускорило ход событий, – говорит иезуит Пирлинг, – они сами признавались впоследствии, что злоупотребляли своим положением и слишком предавались своим страстям. Самые возмутительные деяния начали твориться на глазах у всех. Поляки не ведали ни стыда, ни совести. Знать шляхетская распевала, плясала, пиновала в Кремле под звуки шумной музыки, непривычной для слуха благочестивых россиян... Эти надменные гости держали себя особняком, не желая смешиваться с русскими; понятно, такая исключительность оскорбляла многих и вызывала раздражение. Еще хуже знатных господ вела себя челядь.

Здесь были настоящие головорезы. Они положительно ни в чем не знали удержу. То бесчинствовали в православных церквях, то затевали буйство на улице, то оскорбляли честных девиц... При всем своем пристрастии к соотечественникам, Мартын Стадницкий не скрывает своего отрицательного отношения к их поведению в Москве... По его словам, поляки вызывали ярость москвичей своей распущенностью. Они обходились с русскими людьми как с быдлом (скотом); они оскорбляли их всячески, затевали ссоры, а в пьяном виде способны были нанести самые тяжкие обиды замужним женщинам.

Хуже всего было то, что сам царь уже не внушал к себе прежнего доверия. Димитрий, которым восторгались когда-то Рангони и о. Андрей (иезуит), был теперь неузнаваем. В нем совершился коренной переворот. Эта перемена сказалась и в тривиальных (пошлых) шутках, бестактных притязаниях и в каком-то поистине роковом ослеплении...

Столь же малоутешительны были и те сведения, которые получал из Москвы о. Савицкий (иезуит). Бывший духовник царя во-

лей-неволей должен был признаться, что его чадо стало совсем другим, чем было прежде. Пусть даже Димитрий не занимался черной магией, в чем некоторые его подозревали. Во всяком случае он был одержим бесами гордыни и любострастия. Он ставил себя выше всех государей Западного мира. Он был уверен, что ему суждено поразить свет подвигами нового Геркулеса. Он убежден был, что рано или поздно он пойдет во главе всехристианской армии, как вождь крестового похода и грядущий победитель ислама... Он до смешного носился с самозвано присвоенным титулом императора. Его уверенность в своих познаниях и ловкости не имела границ. Он тешился своим всемогуществом, словно царствование его должно было длиться вечно...»

Во главе недовольных новым царем стоял князь Василий Иванович Шуйский; он действительно служил самозванцу, постоянно находясь в непосредственной его близости, но вместе с тем столь же деятельно готовился к его низвержению, когда приспееет для этого должное время. Ближайшими товарищами

Шуйского по заговору были князя Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин; они еще на свадьбе расстриги решили его убить, «а кто после него будет у них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским государством».

К этим главным заговорщикам примкнули многие дворяне, в числе которых видное место принадлежало думному дворянину Михаилу Татищеву, затем большое количество московских обитателей, а также 18-тысячный отряд новгородского и псковского войска, назначенный для похода в Крым и стоявший близ столицы. Перед переворотом у Шуйского собрались ночью главнейшие заговорщики – бояре, купцы, горожане, и сотники, и пятидесятники от полков. Шуйский прямо заявил им, что Димитрий был посажен с целью освободиться от Годунова и в надежде, что храбрый молодой царь будет оплотом православия и старых русских заветов. Но, к сожалению, оказалось, что вышло иначе: расстрига всецело предан полякам, презирает нашу веру и все русское, почему страшная опасность

грозит православию и Отечеству.

Положено было, что заговорщики по звуку набата кинутся во дворец с криком: «Поляки бьют государя», как бы для его защиты, чтобы не возбуждать подозрительности не посвященных в заговор москвичей, и убьют расстригу; в то же время решено было ворваться в дома ненавистных поляков, отмеченных накануне русскими буквами, и перебить их. «Немцев, – говорит С. Соловьев, – положено не трогать, потому что знали равнодушие этих честных наемников, которые храбро сражались за Годунова, верны Димитрию до его смерти, а потом будут так же верны новому царю из бояр».

На 18 мая Лжедмитрий готовил военную потеху – примерный приступ к деревянному городку, сооруженному за Сретенскими воротами. Этим также воспользовались заговорщики и распустили слух, что царь во время потехи перебьет всех бояр, а затем хочет отдать Польше часть московских владений и ввести у нас унию. Слух этот, впрочем, имел некоторое основание, так как в этом замысле Лжедмитрия впоследствии признались бра-

тъя Бучинские – секретари расстриги.

Конечно, скрыть все следы готовящегося обширного заговора было невозможно; в ответ на вызывающие действия поляков москвичи тоже относились к ним враждебно, и однажды толпа в 4 тысячи человек стала осаждать дом, где жил Константин Вишневецкий; в пьяном виде многие горожане открыто ругали царя-еретика и поганую царицу. Сведения об этом доходили и до Лжедмитрия; но он в своем безумном ослеплении, по-видимому безгранично веря, что будет царствовать по предсказанию астрологов 34 года, не придавал им большого значения. Между тем настроение московских жителей становилось уже явно враждебным по отношению к полякам, а ночью 15 мая в Кремле было поймано каких-то шесть заговорщиков, из которых трое были убиты, а трое преданы пытке.

Олесницкий, Гонсевский и Мнишек предупредали царя о готовящемся возмущении; на это он пренебрежительно отвечал им: «Как вы, ляхи, малодушны!» – и только для успокоения тестя приказал расставить по улицам стрелецкую стражу. Чувал беду и вер-

ный приспешник самозванца – Петр Басманов, но и он также ничего не мог поделать с его ослеплением.

Ночью на 17 мая бояре, участвовавшие в заговоре, распустили по домам именем царя 70 иностранных телохранителей из 100, ежедневно державших стражу во дворце, так что в нем их осталось только 30 человек. В ту же ночь вошел в Москву 18-тысячный отряд войска, перешедший на сторону Шуйского, и занял все 12 городских ворот, никого не впуская в Кремль и не выпуская из него. Все это произошло совершенно незаметно. Лжедмитрий и поляки беспечно спали глубоким сном, тем более что истекшее 16-е число прошло спокойно.

В субботу, 17 мая, в четвертом часу утра ударил большой колокол у Ильи Пророка на Ильинке. Удар этот был условным знаком; вслед за ним загудели разом все московские колокола. Народ, вооруженный бердышами, самострелами, мечами и копьями, стал валить со всех сторон на Красную площадь. Туда же бежали и преступники, выпущенные накануне боярами из тюрем. Главные руково-

дители заговора: Шуйские, Голицын, Татищев и другие, в количестве до 200 человек, уже находились на Красной площади; все они были верхами и в полном вооружении. Когда народ собрался, то ему объявили: «Литва собирается убить царя и перебить бояр, идите бить литву». Этого было достаточно для озлобленных москвичей; они тотчас же бросились в разные концы города, чтобы избивать своих врагов. Заговорщики же спешили скорее покончить с Лжедмитрием. Василий Шуйский, с крестом в одной руке и мечом в другой, въехал через Спасские ворота в Кремль, приложился к образу Владимирской Божией Матери и сказал своим спутникам: «Во имя Божие идите на злого еретика во дворец».

Набат разбудил расстригу. Он быстро перешел из половины Марины на свою и встретил там Дмитрия Шуйского, который сказал ему, что, вероятно, в городе пожар. Самозванец пошел успокаивать Марину, но шум толпы делался все сильнее и сильнее. Тогда Басманов, ночевавший во дворце, выглянул из окна и спросил подъехавших заговорщиков, что им надобно. Они ему отвечали непечат-

ной бранью и кричали: «Отдай нам своего во-
ра, тогда поговоришь с нами». Поняв, в чем
дело, Басманов приказал немецкой страже
никого не пропускать и в отчаянии сказал
Лжедмитрию: «Ахти мне! Ты сам виноват,
государь! Все не верил; вся Москва собралась
на тебя». Между тем немецкая стража расте-
рялась и впустила толпу во дворец. Один из
заговорщиков ворвался в спальню самозван-
ца и крикнул ему: «Ну, безвременный царь!
Проспался ли ты, зачем не выходишь к наро-
ду и не дашь ему отчета?» На это Басманов
схватил палаш Лжедмитрия и разрубил во-
шедшему голову. Самозванец тоже взял меч
одного немца и кинулся с ним на ворвавших-
ся со словами: «Я вам не Годунов», однако раз-
давшиеся выстрелы заставили его поспешить
удалиться. Затем Басманов увидел вошедших
бояр; он начал их уговаривать не выдавать
народу Лжедмитрия, но получил в это время
удар ножом прямо в сердце. Его убил с пло-
щадной бранью Михаил Татищев, которого
он недавно спас от ссылки.

Самозванец снова показался толпе, потом
в отчаянии бросил свой меч, схватив себя за

волосы, и побежал к жене; крикнув ей по-польски: «Сердце, здрадза» (душа моя, измена), он кинулся в каменный дворец и, не находя выхода из него, бросился из окна на подмости, устроенные для потешных огней по случаю его свадьбы. С этих подмостков расстрига хотел перепрыгнуть на другие, но оступился и упал с высоты около пяти саженьей на землю – на Житный двор; он разбил себе грудь, голову и вывихнул ногу, причем на некоторое время лишился чувств.

Заговорщики же, быстро обезоружив немецкую стражу, проникли на половину Марины; несчастная хотела сперва спрятаться в подвале, но затем побежала опять наверх и попала в толпу заговорщиков, которые ее не узнали и столкнули с лестницы; наконец она как-то прошмыгнула в свои покои и, будучи маленького роста, спряталась под юбку своей толстой охмитрины пани Казановской. Напор толпы в комнаты Марины храбро сдерживал поляк Осмульский; когда же он был убит, чернь ворвалась в них и стала грабить и бесчинствовать, пока не прибыли бояре и не выгнали всех, приставив к женщинам для их

охраны стражу.

Между тем к лежащему без чувств на Житном дворе Лжедмитрию прибежали стрельцы, стоявшие неподалеку на страже. Они обмыли его водой и положили на каменное основание сломанного дома Бориса Годунова. Придя в себя, самозванец со слезами на глазах стал просить их заступиться за него, обещая в награду все достояние бояр и даже их жен. Стрельцы прельстились этим предложением; они решили принять его сторону и внесли Лжедмитрия в опустевший дворец; увидя своих немцев-телохранителей, уже обезоруженных, самозванец горько заплакал.

Скоро сюда явились и заговорщики; тогда стрельцы начали стрелять по ним из своих ружей. Для Шуйского и его товарищей наступили опасные мгновения, и дело внезапно могло принять совершенно другой оборот. Но заговорщики нашлись; они начали громко кричать: «Пойдем в Стрелецкую слободу, истребим их жен и детей, если они не хотят нам выдать изменника, плута, обманщика». Это подействовало; стрельцы стали говорить: «Спросим царицу, если она скажет, что это

прямой ее сын, то мы все за него помрем; если же скажет, что он не сын ей, то Бог в нем волен!» Бояре согласились, и выборные отправились к царице, а заговорщики тем временем ругали и били Лжедмитрия, спрашивая его, кто он таков. Он же отвечал им: «Вы все знаете, что я царь ваш, сын Ивана Васильевича. Спросите обо мне мою мать или выведите на Лобное место и дайте объясниться». Между тем царица, инокиня Марфа, говорила иное: «Она же все явнее исповеда; яко сын ея на Угличе убиен бысть повелением Бориса... Сего же смердящего пса и злаго аспида не веемы, откуда приде; исповедати же не смеюще долгое время боящися злаго прещения его, и женскою немощью одержима». При этом, чтобы еще больше удостоверить спрашивающих, Марфа показала им изображение младенческого лица своего сына, нисколько не схожее с чертами расстриги.

Князь Иван Васильевич Голицын прибыл сообщить это известие боярам и стрельцам, ожидавшим его у изнемогавшего Лжедмитрия. Тот пытался было еще возражать, но со всех сторон раздались крики: «Бей его; руби

его». Иван Воейков и Григорий Волуев подско-
чили к нему вплотную; последний выхватил
из-под своего армяка короткое ружье и со сло-
вами: «Вот я благословлю этого польского
свистуна», – застрелил Лжедмитрия. Затем
озверелая толпа бросилась рубить и колоть
его труп, после чего он был выкинут с крыль-
ца на тело Басманова со словами: «Ты любил
его живого, не расставайся с ним и мертвым».

Обоих покойников, совершенно нагих, на-
род сволок через Спасские ворота на Красную
площадь; у Вознесенского монастыря толпа
опять спросила инокиню Марфу, ее ли это
сын. Она, по одному польскому известию,
будто бы отвечала на это: «Вы бы спрашива-
ли, когда он был жив; теперь он, разумеется,
не мой». На Красной площади Лжедмитрия
положили на стол, бросили ему на грудь мас-
ку, найденную у него в спальне, воткнули
дудку в рот и всунули в руки волынку – в
знак его любви к музыке и скоморошеству.
Басманов же лежал у его ног на скамье.

Одновременно с убиением самозванца
шла расправа и с поляками. Прежде всего бы-
ли убиты столь ненавистные польские музы-

канты, размещавшиеся во дворце. Затем кинулись убивать поляков, расположившихся по частным домам, причем толпа всюду неистово грабила и творила насилия над ними. «Поляки не могли соединиться, – говорит Карамзин, – будучи истребляемы в запертых домах или на улицах, прегражденных рогатками и копьями. Сии несчастные, накануне гордые, лобзали ноги россиян, требовали милосердия именем Божиим, именем своих невинных жен и детей; отдавали все, что имели, клялись прислать и более из отечества; их не слушали и рубили». Но Юрий Мнишек и Константин Вишневецкий избежали гибели, так как имели в своих дворах достаточное количество вооруженных людей. Не тронули также и послов Сигизмундовых: Олесницкого и Гонсевского.

Покончив с Лжедмитрием, бояре сели на коней и всеми мерами старались прекратить убийство поляков; они хотели разделаться только с самозванцем, и в их расчеты вовсе не входило избиение множества польских людей, что могло вызвать столкновение с Сигизмундом. «Мстиславский, Шуйские, – рас-

сказывает Карамзин, – скакали из улицы в улицу, обуздывая, усмиряя народ и всюду рассылая стрельцов для спасения ляхов, обезоруженных честным словом боярским, что жизнь их уже в безопасности. Сам князь Василий Шуйский успокоил и спас Вишневецкого, другие Мнишека». Послам было тоже послано сказать от имени Боярской думы, что жизнь их в полной безопасности, Марина же была вскоре доставлена к отцу.

К 11 часам дня резня закончилась. Сведения о количестве убитых поляков и русских за это кровавое утро разноречивы: по одним известиям, поляков убито только 500 человек, а русских 400, а по другим – значительно больше: более двух тысяч поляков и почти столько же русских.

Тела Лжедмитрия и Басманова оставались трое суток на поругание толпе, которая всячески их оскорбляла. Затем их похоронили: Басманова у Николы Мокрого, а самозванца в «убогом доме» (кладбище для бездомных и безродных) за Серпуховскими воротами. Но вдруг по Москве пошел слух, что мертвый царь ожил и ходит; в то же время, несмотря

на приближение лета, ударили по ночам морозы. Все это было приписано волшебству расстриги; его тело выкопали, вывезли за Серпуховские ворота и сожгли, а пепел зарядили в пушку и выстрелили им из нее в ту сторону, откуда он появился на Москву.

Таков был конец этого необычайного по своей судьбе человека. «Описав историю сего первого Лжедмитрия, – говорит Карамзин, – должны ли мы еще уверять внимательных читателей в его обмане. Не явна ли для них истина сама собой в изображении случаев и деяний. Только пристрастные иноземцы, ревностно служив обманщику, ненавидя его истребителей и желая очернить их, писали, что в Москве убит действительный сын Иоаннов, не бродяга, а царь законный... Недовольные укоризной справедливой, зложелатели России выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрепили доводами благовидными, в пищу умам, склоненным к историческому вольнодумству, к сомнению в несомнительном, так что и в наше время есть люди, для которых важный вопрос о самозванце остается нерешенным».

Замечательно, что никто из русских летописцев и различных составителей «Сказаний» и «Повестей» о Смутном времени не обмолвился ни одним сочувственным словом в пользу Лжедмитрия. Даже в «Известии» о начале патриаршества в России и о поставлении в патриархи Филарета Никитича, несомненно составленном очень преданным семье Романовых лицом, о Борисе Годунове – главном враге Романовых – дается отзыв как о заботливом и способном правителе, а о Лжедмитрии, бывшем милостивым к Романовым, говорится: «Царствуя же точию едино лето и се беззаконно, по вся дни бо упиваяся и игры творя пустошныя, зело же гневлив и яр показуется, и народ, в нем же родися, ненавидя, и многих бедне житея улиши, и о вере христианской...»

Глава 4

Царствование Василия Ивановича Шуйского. Дальнейшее развитие смуты. Болотников. Появление Вора. Тушино. Перелеты. Князь М.В. Скопин-Шуйский. Настроение северных городов. Осада Троице-Сергиевой лавры. Сигизмунд под Смоленском. Свержение Шуйского. Междуцарствие. Патриарх Гермоген. Посольство под Смоленск. Поляки в Кремле. Смерть Вора. Прокофий Ляпунов. Пересылка городов между собой. Неудача первого Земского ополчения. Минин и Пожарский. Очищение Московского государства. Избрание и венчание на царство Михаила Феодоровича Романова

Расправившись с самозванцем, московские заговорщики поспешили приступить к выбору нового царя.

19 мая в 6 часов утра Красная площадь, на которой еще лежали неубранными поруганные тела Лжедмитрия и Басманова, была запружена огромной толпой.

Вышедшие из Кремля духовенство, бояре и другие начальные люди предложили народу избрать патриарха на место Игнатия, с тем

чтобы патриарх до созыва общеземского собора для избрания царя стал бы во главе правления. На это из толпы раздались крики, что теперь нужнее царь, а не патриарх, и что царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский. Крики эти были настолько внушительны, что вышедшие на площадь чиновники стали тотчас же приносить новому царю свои верноподданнические поздравле-

ния.

Так просто и скоро воцарился на Московском государстве Василий Иванович Шуйский, но далеко не так просты были события, разыгравшиеся в Русской земле по его воцарении.

Как прямой потомок Александра Невского и как первый вельможа, поднявшийся против Лжедмитрия, за что он чуть не сложил свою голову на плахе, Шуйский имел, разумеется, право более чем кто-либо другой из бояр рассчитывать быть выбранным на царство. Но он так опасался не попасть на престол, что решил не ставить вопроса о своем избрании великому Земскому собору, а предпочел быть выкрикнутым царем толпой своих приверженцев, собранных на Красной площади.

Прямо с этой площади новый царь проследовал в Успенский собор и стал там говорить, чего, по словам летописца, искони веков в Московском государстве не важивалось и от чего его отговаривали и присутствующие: «Целую крест на том, что мне ни над кем не делать ничего дурного без собора, и если отец виновен, то над сыном ничего не делать, а ес-

ли сын виновен, то отцу ничего дурного мне не делать, а которая была мне грубость при царе Борисе, то никому за нее мстить не буду».

Затем Василий Иванович стал рассылать по всему Московскому государству грамоты о своем избрании на царство. Одной из них подданные оповещались, что он учинился царем и великим князем на отчине прародителей своих «молением всего освященного собора и по прошению всего Православного христианства», причем, для пользы этого христианства, в ней говорилось: «...я, царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, целую крест всем Православным христианам, что мне, их жалуя, судить истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своей не класть, и недругам никого в неправде не подавать, и от всякого насильства оберегать».

Другая грамота от имени бояр, окольников, дворян и московских людей извещала о гибели самозванца; в ней говорилось: «Мы узнали про то подлинно, что он прямой вор Гришка Отрепьев; да и мать царевича Димит-

рия, царица инока Марфа, и брат ее Михайла Нагой, с братнею всем людям Московского государства подлинно сказывали, что сын ее царевич Димитрий умер подлинно и погребен в Угличе, а тот вор называется царевичем Димитрием ложно; а как его поймали, то он и сам сказал, что он Гришка Отрепьев и на государстве учинился бесовскою помощью и людей прельстил чернокнижеством...» Грамота эта оканчивалась оповещением, что «после злой смерти Гришки все духовенство, бояре и всякие люди Московского государства избирали всем Московским государством, кому Бог изволит быть на Московском государстве государем; и всеильный в Троице славимый Бог наш на нас и на вас милость свою показал, объявил государя на Московское государство – великого государя, царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца...».

В следующей грамоте новый царь объявлял от своего имени, что в хоромах Гришки были взяты «его грамоты многая ссыльные воровския с Польшей и Литвою о разорении Московского государства», и сообщал затем,

что самозванец хотел перебить всех бояр, а своих подданных обратить в люторскую и латинскую веру.

Наконец, была разслана грамота, в которой царица Марфа отрекалась от Лжедмитрия: «Он ведовством и чернокнижеством назвал себя сыном царя Ивана Васильевича, омрачением бесовским прельстил в Польше и Литве многих людей и нас самих и родственников наших устрасил смертью, – писала старица, – я боярам, дворянам и всем людям объявила об этом прежде тайно, а теперь всем явно, что он не наш сын, царевич Дмитрий, вор, богоотступник, еретик...»

Грамоты эти, конечно, произвели сильнейшее впечатление во всех концах государства, тем более что в каждой из них, по словам В. Ключевского, «заклучалось по крайней мере по одной лжи». Про самозванство Отрепьева и про насилия, чинимые его поляками, могли знать хорошо в одной только Москве, да и то далеко не все ее обитатели. Для большинства же областных жителей Лжедмитрий оставался «нашим солнышком праведным», недавно торжественно признанным закон-

ным царем – всею Москвою и боярами, во главе с тем же князем Василием Ивановичем Шуйским, который тайком от земли сел теперь на царство и объявлял, что Гришка Отрепьев прельстил всех ведовством и черно-книжеством, за что и погиб злою смертью.

О том, что в Москве произошло какое-то злое и нечистое дело, явно свидетельствовало ложное оповещение в разосланных грамотах об избрании Шуйского на царство «всякими людьми со всего Московского государства», тогда как в областях хорошо знали, что ни один выборный от них не был вызван в Москву для избрания царя. Наконец, крестоцеловальная грамота, в которой царь обязуется никому не мстить и судить всех судом праведным, тоже должна была казаться всем весьма странной, так как и без нее русские люди привыкли видеть в своих государях отцов земли, справедливо относящихся ко всем своим подданным и всегда строго смотревших за тем, чтобы суд защищал правого и осуждал виноватого.

Такие чувства и мысли должно было возбуждать воцарение Шуйского в сердцах и

умах всей народной тверди Московского государства; но с гораздо большим озлоблением встретили, конечно, известие о гибели Лжедмитрия те люди, которые крепко связали свою судьбу и благополучие с самозванцем, а таких было немало как среди служилых людей – высших и низших, так особенно среди обитателей «прежепогибшей Украины» и казаков. Продолжение царствования названного царя Дмитрия являлось совершенно необходимым для их дальнейшего благополучия.

«И устройся Россия вся в двоемыслие», – говорит Авраамий Палицын. С воцарением В.И. Шуйского смута начинает быстро охватывать Московское государство, и в нее, как увидим, постепенно втягиваются все слои населения. Усилению смуты способствовало также и сама личность нового 54-летнего царя, невзрачного и подслеповатого на вид. «Царь Василий возрастом мал, образом же нелепым, очи подслепы имея», – говорит про него князь И.М. Катыврев-Ростовский. Василий Иванович был, несомненно, вполне русским и православным человеком, при этом умным, опытным и достаточно решительным и твердым, хотя и

не обладавшим военными дарованиями. Но главный его недостаток заключался в отсутствии должного для государя величия души. Недоверчивость, мстительность, большая склонность к доносам, вероломство и жестокость омрачали его нравственный облик. К тому же он был очень скуп и крайне суеверен, постоянно прибегая к колдовству и астрологии.

Поспешив попасть в цари, Василий Иванович так же поспешно венчался и на царство; обряд этот был совершен уже 1 июня 1606 года. Вместе с тем он «вскоре по воцарении своем, не помня своего обещания, начал мстить людям, которые ему грубили». Царь наложил опалу на всех приспешников Лжедмитрия: князь Рубец-Мосальский был послан воеводою в Корелу, Салтыков в Иван-город, Богдан Бельский в Казань, великий секретарь Афанасий Власьев в Уфу, князь Григорий Петрович Шаховской в Путивль. Менее значительные сторонники Лжедмитрия были также отправлены из Москвы по разным областям. Мера эта была, разумеется, ошибочной, так как все высланные из Москвы люди стали

возбуждать недовольство против Шуйского в разных концах государства и способствовали, как увидим, отпадению от него многих городов.

Простых и незнатных поляков, оставшихся в Москве после кровавого утра 17 мая, Шуйский отпустил в Польшу; Марина же с отцом, послы Гонсевский и Олесницкий с их свитами, а также более знатные паны были задержаны в виде заложников на случай возможной войны с Польшею. «Сендомирсково ж з дочерью, – говорит летописец, – и всех литовских людей, которые пришли с ростригиною женою, посла по городом: в Ярославль, на Кострому, в Галич; и повеле их посадити на дворех и приставит к ним приставов и беречи велел накрепко». Вместе с тем в Польшу было снаряжено посольство для объяснения происшедшего избиения поляков воровством расстриги и их собственным наглым и буйным поведением. Сигизмунд пришел, конечно, в негодование при получении известия о случившемся, но предпринять против Москвы он ничего не мог в это время, так как был занят подавлением сильнейшего бунта, или

рокоша, поднятого против него паном Зебжидовским за то, что король, вступив во второй брак с австрийской принцессой, заключил при этом с Австрией ряд условий, крайне невыгодных для Польши.

Юрий Мнишек с дочерью и со свитой в 375 человек были помещены в Ярославле, где их охраняло до 300 человек стрельцов, причем у Марины были отобраны все драгоценности, похищенные Лжедмитрием из царской сокровищницы. Она отнеслась довольно безучастно к ужасной смерти своего мужа, но очень заботилась, чтобы ей возвратили бывшего при ней маленького арапчонка. Юрий же Мнишек, готовый на все, чтобы вернуть себе и дочери положение и деньги, стал пытаться поправить дело посредством брака Марины с новым царем, но Василий Иванович уже выбрал себе другую невесту – княжну Буйносову-Ростовскую.

Свадьба его состоялась, однако, не скоро за множеством неотложных дел и забот.

Одним из первых распоряжений Шуйского было торжественное перенесение мощей ца-

ревича Димитрия из Углича в Москву, тело которого было обретено нетленным. За мощами отправился из столицы заступавший место патриарха Филарет Никитич Романов с другими лицами высшего духовенства и бояре – князь И.М. Воротынский, П.Н. Шереметев и двое Нагих. Мощи царевича прибыли в Москву 3 июня и были перенесены с большим торжеством в Архангельский собор, где они почивают открыто и поныне, прославившись многими чудесами. Сам царь нес гроб, а инокиня Марфа всенародно каялась над мощами в своем грехе, что поддалась Гришке и признала его своим сыном.

Открытие и перенесение святых мощей царевича Димитрия произвело, конечно, большое влияние на жителей Московского государства, но при этом невольно каждый должен был вспомнить, как Шуйский несколько лет тому назад, находясь во главе следствия, свидетельствовал, что царевич закололся сам, играя в тычку.

Между тем еще до прибытия мощей в Москве уже обнаружили недовольствие и крамола против царя. В народе тотчас же по-

сле убийства Лжедмитрия пошли толки о том, что он спасся; его слуга, поляк Хвалибог, клялся всем, что на Красной площади с дудкой, волынкой и маской был положен другой человек – обросший волосами дюжий малый с бритой бородой, а его господин был худ и на теле и лице не имел волос; какой-то француз тоже распускал слух, что у трупа, лежавшего на Красной площади, он видел следы сбритой густой бороды.

25 мая, по рассказу приятеля секретаря Лжедмитрия, аугсбургского купца Паэрле, приехавшего вместе с Мариной Мнишек в Москву, в городе было страшное волнение; народ восстал на стрельцов, бояр и великого князя, обвиняя их как изменников в умерщвлении «истинного государя Дмитрия», и Шуйскому с приближенными стоило больших хлопот, чтобы успокоить это волнение и уверить народ, что он скоро увидит своими глазами мощи царевича, которые уже везут из Углича.

Через несколько дней Шуйский шел к обедне и увидал опять большую толпу народа, которую кто-то собрал, уверив, что царь

хочет с ней говорить. Шуйский заплакал с досады; он отдал боярам свой царский посох и шапку и, полагая, что это дело их рук, сказал, что если он им не угоден, то пусть попросту, не прибегая к коварству, они сведут его с престола и выберут другого царя. Но окружающие поспешили его успокоить в своей преданности, а пять крикунов из толпы были высечены кнутом и сосланы. Тем не менее царь заподозрил, что это было подстроено князем Мстиславским и его родными, из которых более всех улик было против П.Н. Шереметева; его послали воеводой во Псков. Тогда же Шуйский приказал отправить в Соловки из Кирилло-Белозерского монастыря недавно постриженного князя Симеона Бекбулатовича за то только, что он был женат на сестре Мстиславского. Подозрительность Шуйского не ограничилась и этим: считая опасным пребывание в Москве Филарета Никитича, по-видимому уже назначенного патриархом, он послал его опять на митрополию в Ростов, а для занятия патриаршего стола вызвал сосланного при Лжедимитрии в свою епархию знаменитого казанского епископа Гермогена.

Смиренному, но прямодушному Гермогену с его алмазно-чистой душой, конечно, не мог быть по сердцу Василий Иванович; тем не менее он твердо стоял за своего венчанного на царство царя, против всякой крамолы и воровства, но добрых отношений между ними не было. Наконец, не установились добрые отношения у Василия Ивановича и со столичным населением.

Московская чернь, привыкшая к буйству и участию в решении государственных дел, при каждом тревожном слухе тотчас же собиралась на Красную площадь, и уже в июне новый царь вынужден был привести Кремль на военное положение: расставить по стенам пушки и разобрать постоянный мост.

Но гораздо хуже, чем в столице, шли дела в других частях государства.

В тот же день, 17 мая, как был убит самозванец, известный негодяй Молчанов, один из убийц семьи Годуновых, бежал в Польшу, направляя свой путь в Самбор, к матери Марины – Ядвиге Мнишек, и всюду распуская слух, что Димитрий спасся, а вместо него был убит другой человек.

В этот же день, 17 мая, другой сторонник самозванца – князь Григорий Шаховской – тотчас же вслед за его убиением украл из дворца государственную печать, полагая, что она может ему пригодиться; когда же он был сослан Шуйским воеводою в Путивль, то немедленно собрал там жителей и объявил им, что царь Димитрий чудесно избежал смерти от своих врагов, но должен от них временно скрываться. Путивльцы тотчас же отпали от Шуйского, и их примеру последовали остальные северские города во главе с Черниговом, где воеводой сидел князь Телятевский, не хотевший год тому назад под Кромами переходить на сторону самозванца.

Вслед за Северной Украиной за царя Димитрия поднялось и все Поле. Восстали все те, которые были на стороне Отрепьева: «все мятежницы иже во время власти расстригины лакнувши крови христианския». Шаховской тотчас же уведомил об этих успехах Молчанова и требовал, чтоб он во что бы то ни стало прислал какого-нибудь самозванца для замещения убитого. Немедленное исполнение этой просьбы встретило, однако, затрудне-

ние. Самого Молчанова хорошо знали слишком многие, чтобы он мог сам изображать его лицо, но Молчанов очень ловко воспользовался встречей с одним замечательным человеком, которому выдал себя за царя Димитрия, и отправил его к Шаховскому своим большим воеводой. Человек этот был некий Болотников, бывший холоп князя Телятевского.

Болотников в молодости попал в плен к туркам, испытал там тяжкую неволю, затем очутился в Венеции и после многих скитаний, возвращаясь через Польшу на Русь, встретился с Молчановым; последний, познакомившись с этим отважным холопом, тотчас же решил им воспользоваться и отправить его в Путивль с письмом к Шаховскому. Шаховской встретил его как царского посланника и вверил ему отряд войска.

Появление Болотникова дало сильнейший толчок успехам восставших против Шуйского. К Болотникову шли толпами все беглые холопы, разоренные крестьяне, воры, разбойники, словом, все попавшие в число обездоленной гольтыбы вследствие ряда тяжелых

хозяйственных потрясений, испытанных Московским государством еще со времени Иоанна Грозного, когда он начал свою знаменитую земельную переборку, после устройства опричнины, для сокрушения старого боярского землевладения. Теперь Болотников именем царя Димитрия призвал всех под свои знамена не только против «боярского царя Шуйского», или «Шубника», как его презрительно называли, но также и против всех бояр и помещиков, посылая «воровские листы» с приглашением избивать их, захватывать имения и имущество и жениться на их женах и дочерях. «...Велят боярским холопам, – писал про эти «воровские листы» патриарх Гермоген, – побивати своих бояр и жены их, и вотчины и поместья им сулят; и шпыням и безымянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити; и призывают их, воров, к себе и хотят им давати боярство и воеводство и окольников и дьячество». К шайкам Болотникова не замедлили пристать отряды казаков и стрельцов, и скоро все сколько-нибудь зажиточное население южных частей госу-

дарства начало подвергаться ужасающим насилиям: «и начаша по градом воеводы имати и сажати по темницам, бояр же своих дома разоряху, и животы грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имяху».

Кроме Путивля, одним из главных опорных мест воровских отрядов стал Елец, куда первый Лжедмитрий приказал свезти всякого рода запасы для задуманного им похода против татар. Шуйский пытался уговорить ельчан отстать от воров и отправил им несколько грамот вместе с иконой новоявленного святого – царевича Димитрия – и посланием его матери – инокини Марфы. Но это не помогло. Болотников же, устроив свои войска, выступил с ними в направлении на Москву, по тому же пути, как шел и расстрига, через Комарницкую область, и двинулся к Кромам.

Тогда Шуйский послал против непокорного Ельца князя И.М. Воротынского, а против Болотникова князя Юрия Трубецкого. Но Болотников, имея всего 1700 человек, наголову разбил при Кромах 5-тысячное войско Трубецкого, а Воротынский, узнав про это, снял

осаду Ельца.

Этот успех сторонников еще не объявившегося нового царя Димитрия имел крупные последствия: в царских войсках стала обнаруживаться большая шатость, и служилые люди начали самовольно разъезжаться по домам. Восстание же распространялось по областям.

Худородный боярский сын Истома Пашков возмутил Тулу, Венев и Каширу, собрав вокруг себя всю мелкоту из боярских детей, естественных соперников крупных землевладельцев-бояр, посадивших теперь своего боярского царя на Москве и забравших власть над государством в свои руки.

Вместе с тем поднялось против Шуйского и бывшее княжество Рязанское; здесь во главе движения стали воевода Сунбулов и крупные дворяне Ляпуновы. Эти Ляпуновы, из которых особенно выделялись братья Захар и Прокофий, были очень заметными людьми, отважными и беспокойными, которые уже проявили себя во время московской смуты, начавшейся после смерти Грозного. Захар отличался при этом, как увидим, большой дер-

зостью и грубостью, а Прокофий был настоящим богатырь: красавец с виду, умный и храбрый, знаток воинского дела, но при этом порывистый и страстный, готовый принять решение раньше, чем он обдумает все его следствия. Очевидно, хорошо не зная, жив ли Лжедмитрий или нет и самозванец ли он или истинный царь, а также не принимая во внимание, что воровской сброд, собранный Болотниковым, прямо враждебен всякому порядку и собственности, Прокофий Ляпунов объявил себя за царя Дмитрия и поднял Рязанскую землю. Нет сомнения, что в поступке этом им руководила так же, как и Пашковым, нелюбовь к боярству, заслонявшему дворянам доступ к первым местам в государстве.

Таким образом, побуждения Ляпуновых и Сунбулова, Истома Пашкова с товарищами и разношерстного сброда Болотникова были совершенно различны, но они объединялись в одном стремлении: каждый, пользуясь смутой, хотел добыть себе более высокое положение, нежели то, которое он занимал в Московском государстве. «Всяк же от своего чину выше начаша всходити, – говорит Авраамий Па-

лицын, – раби убо господие хотяще быти, и невольнии к свободе прескачюще...»

Примеру Рязани последовало 20 городов в нынешних губерниях: Орловской, Калужской и Смоленской. В Поволжье также встали за царя Димитрия многие крестьяне и холопы. К ним присоединилась мордва, и скоро Нижний Новгород был осажден мятежными толпами под начальством Ивана Доможирова; наконец смута перешла на Вятку, Каму и в далекую Пермь; всюду чернь держала сторону Димитрия. Но в Астрахани случилось наоборот: здесь изменил Шуйскому царский воевода князь Хворостинин.

Усилившись дружинами Истома Пашкова и Ляпунова, Болотников не мешкая двинулся из Кром на Москву; переходя Оку, он взял и разграбил Коломну.

Молодой царский племянник, уже знакомый нам великий мечник Лжедимитрия, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, разбил один из воровских отрядов на реке Пахре, но зато главная московская рать, которой начальствовал князь Мстиславский, потерпела полное поражение от мятежников в

80 верстах от Москвы, после чего Болотников, как год тому назад расстрига, занял село Коломенское под самой столицей, которую с середины октября 1606 года он стал держать в осаде.

Население Москвы, ошеломленное этой осадой войсками «царя Димитрия», начало скоро терпеть нужду, и цены на хлеб страшно поднялись; в церквях стали служиться просительные молебны, и был установлен покаянный пост по видению одного святого мужа; всем казалось, что царствованию Шуйского скоро наступит конец. Но его спасли нелады, поднявшиеся в стане осаждающих.

Ляпунов, Сунбулов и Истома Пашков с приведенными ими дворянскими дружинами скоро поняли, с кем они имеют дело, сойдясь с Болотниковым. Последний не переставал рассылать грамоты, призывавшие чернь на грабежи и убийства всех, кто стоит выше ее по положению. Обсудив положение дел и решив, что выгоднее держаться «боярского царя» Шуйского, чем Болотникова и других сторонников неизвестно где скитающегося Димитрия, 15 ноября Григорий Сунбулов и

Прокофий Ляпунов со своими рязанцами ударили челом Василию Ивановичу, сознав свою вину, и были, конечно, им прощены, причем Прокофий Ляпунов получил звание думного боярина. Шуйский послал затем уговаривать и Болотникова отстать от самозванца, но тот отказался. «Я дал душу свою царю Димитрию, – отвечал он, – и сдержу клятву, буду в Москве не изменником, а победителем». Тогда 2 декабря из Москвы вышел с войском князь М.В. Скопин-Шуйский; он вступил в бой с мятежниками и разбил их у Данилова монастыря; казаки и холопы бились с большим ожесточением, но Истома Пашков во время сражения перешел на сторону Шуйского и тем дал его войскам победу. Болотников еще три дня упорно оборонялся в своем укрепленном стане у села Коломенского; затем он отступил на Серпухов, а оттуда на Калугу, где заперся, так как калужане объявили, что будут кормить его рать в течение года.

Шуйский же, не теряя времени, выслал свои войска к югу для осады Калуги и других городов, державшихся царя Димитрия. В это же время он получил ряд благоприятных све-

дений и с северо-запада. Когда в тверских местах появились грамоты от имени Лжедмитрия, то тверской епископ Феокист поспешил укрепить все духовенство, детей боярских, всех посадских и черных людей в верности Шуйскому; сторонники же Лжедмитрия были побиты. Другие города Тверской области, присягнувшие было самозванцу, не замедлили последовать примеру Твери, и их служилые люди отправились в Москву помогать Шуйскому. Крепких сторонников нашел себе Василий Иванович и в смолянах, не любивших все идущее из Литвы и Польши, а потому не признававших и ставленного поляками Лжедмитрия. Смоленские служилые люди также укрепились по примеру тверских, выбрали себе в старшие Григория Полтева и пошли помогать царю на Москву; по дороге они присоединили к себе служилых людей Дорогобужа, Вязьмы и Серпейска и укрепили эти города за Шуйским. Затем они сошлись в Можайске с воеводой Колычевым, успевшим выбить мятежников из Волоколамска.

Царские войска действовали так же удачно и на Волге: они взяли Арзамас, где сидели

воры, и освободили Нижний от осады; жители Свияжска, когда казанский митрополит отлучил их от церкви, тоже перешли на сторону Шуйского.

Тем не менее Болотников крепко держался. Царский брат, князь Иван Иванович Шуйский, несколько раз приступал к Калуге, но все неудачно; неудача постигла под Калугой и главные царские войска с князьями Мстиславским, Скопиным-Шуйским и Татевым. Болотников отбил все их приступы, несмотря на то что в городе был страшный голод. Венев и Тула тоже не сдавались, и только боярину Ивану Никитичу Романову с князем Мецецким удалось разбить князя Рубца-Мосальского, шедшего к Калуге на помощь Болотникову [29]; сам Мосальский был убит, а его ратные люди, не желая сдаваться, сели на бочки с порохом и взорвали себя, так как знали, что им не будет пощады от Шуйского; всех взятых в бою пленных он «сажал в воду», то есть топил.

При этих обстоятельствах наступил 1607 год. Конец зимы и начало весны прошли в деятельных приготовлениях Василия Ивановича

ча к подавлению смуты и в сборах возможно большего количества войск; для усмирения мятежа в далекой Астрахани был послан особый отряд Ф.И. Шереметева. Вместе с тем царь принимал также меры для нравственно-го воздействия на население: так, был составлен и разослан известный уже нам «Извест старца Варлаама», «Повесть 1606 года» и другие произведения, подробно рассказывавшие, как неправдою и ведовством Гришка овладел царским престолом. Тела жертв самозванца – Бориса Годунова и его семьи были торжественно перенесены из Варсонофиевской обители в Троице-Сергиеву лавру; за гробом родителей и брата шла, громко рыдая, инокиня Ольга, в миру несчастная Ксения Годунова. Наконец, с большим торжеством прибыл в Москву из Старицы бывший патриарх Иов, уже почти совершенно слепой старец, и 16 февраля от имени Гермогена и его была разослана по всему государству грамота; все добрые граждане оповещались ею о заклании царевича Димитрия и о злодеянии расстриги, который воровством достиг престола: «люто-рами и жидами Христианские церкви осквер-

нил и, не будучи сыт таким бесовским ядом, привез себе из Литовской земли невесту, люторской веры девку, ввел ее в соборную церковь, венчал царским венцом, в Царских вратах Святым миром помазал». Грамота оканчивалась разрешением всех жителей от их ложной присяги, данной Лжедмитрию, преступив крестное целование царю Борису Годунову и его сыну Феодору. Несколько дней спустя московский народ просил в Успенском соборе прощения у Иова за насильственное сведение его с престола.

Но эти церковные торжества, конечно, мало помогли Шуйскому: все отлично помнили, как он и Иов свидетельствовали, что царевич Димитрий закололся сам в припадке падучей, и как они же предали семью Годуновых, как только Лжедмитрий стал подходить к столице, и первые поспешили изъявить расстриге чувства своей преданности.

Не удалась и другая попытка Шуйского избавиться от Болотникова; он послал к нему немца Фиддера, который обязался страшной клятвой отравить его. «Во имя Пресвятой и Преславной Троицы я даю сию клятву в том, —

клялся Фиддер, – что хочу изгубить ядом Ивана Болотникова; если же я обману моего государя, тогда лишит меня Господь навсегда участия в небесном блаженстве; да отрешит меня навеки Иисус Христос, да не будет подкреплять душу мою благодать Святого Духа, да покинут меня все Ангелы, да овладеет телом и душой моей дьявол. Я сдержу свое слово и этим ядом погублю Ивана Болотникова, уповая на Божью помощь и Святое Евангелие». Но, приехав в Калугу, Фиддер тотчас же открыл все Болотникову, а между тем к последнему весной 1607 года подошли подкрепления: из Путивля пришел в Тулу князь Г.П. Шаховской, «всей крови заводчик», как его называли современники, с северскими отрядами и казаки с Сейма и Днепра; туда же шел и знакомый нам названный царевич Петр, ведя с собой казаков с Терека, Волги, Дона и Донца. Свое движение с Дона на усиление Болотникова царевич Петр ознаменовал страшными зверствами: он замучил до смерти нескольких воевод, оставшихся верными Шуйскому, и силой взял себе в наложницы княжну Бахтеярову, убив ее отца. Затем князь

Телятевский выступил из Тулы на выручку Болотникова и при селе Пчелна наголову разбил войска Шуйского, которые должны были снять осаду Калуги; при этом 15 тысяч человек царской рати перешли на сторону воров, а остальные московские войска отошли к Серпухову.

Болотников же перешел из Калуги в Тулу, где соединился с царевичем Петром и другими своими приспешниками.

Понесенная неудача заставила Шуйского напрячь все усилия для продолжения борьбы. Он собрал 100-тысячное войско и 21 мая выступил во главе его «на свое государево и великое земское дело», как оповещалось об этом в грамотах патриарха. Сидевшие в Туле воры вышли против него под начальством князя Телятевского и обрушились в количестве 30 тысяч человек на левое крыло царской рати, но после упорного боя на реке Восме близ Каширы были 5 июня наголову разбиты и бежали обратно в Тулу. За ними следом шел Шуйский. Под Тулой произошло новое сражение, удачное для царских войск, и «все воры» – Болотников, Шаховской и царе-

вич Петр – должны были сесть в осаду. Это, конечно, был важный успех для Шуйского. Осажденные опять начали терпеть крепкую нужду и слали гонцов к Молчанову и к старой пани Мнишек в Польшу, чтобы они выслали скорей какого-нибудь Лжедмитрия для спасения их дела; Шуйский же спешил жестоко наказать все восставшие против него места, занятые теперь его войсками: «по повелению царя Василья татарам и черемисе велено украинных и северских городов и уездов всяких людей воевать и в полон имать и живот их грабить за их измену и за воровство, что они воровали, против Московского государства стояли и царя Василья людей побивали». Кто хотел сохранить свое добро от разорения, должен был просить о выдаче ему особой охранной гра моты. Вместе с тем царские воеводы по приказанию Шуйского всех взятых в плен осуждали на казнь; иногда их целыми тысячами «сажали в воду».

Такая беспощадная жестокость со стороны Шуйского заставляла, конечно, сидевших в Туле воров сражаться с отчаянной храбростью. Только в октябре 1607 года удалось цар-

ским войскам взять этот город, и то благодаря хитрости боярского сына Кравкова. Он посоветовал затопить Тулу, устроив ниже ее запруду на реке Упе. Это оказалось действенным средством. Вода начала заливать город и разобщила его от всех окрестностей; скоро настал страшный голод, и Болотников с Лжепетром вошли с Шуйским в переговоры. Тот обещал им помилование, и они сдались ему. 10 октября Болотников приехал в царский стан, стал перед Василием Ивановичем на колени, положил себе на шею саблю и сказал ему: «Я исполнил свое обещание – служил верно тому, кто называл себя Димитрием в Польше – справедливо или нет, не знаю, потому что сам я прежде никогда не видывал царя. Я не изменил своей клятве, но он выдал меня, теперь я в твоей власти, если хочешь головы моей, то вот отсеки ее этой саблей; но если оставишь мне жизнь, то буду служить тебе так же верно, как тому, кто не поддержал меня». Шуйский не внял этим словам и нарушил свое обещание помиловать сдавшихся: Болотников был сослан в Каргополь и там утоплен, а Лжепетр погиб на виселице; князь

же Шаховской, «всей крови заводчик», отделался ссылкой на Кубенское озеро, а Телятевский, кажется, только подвергся опале. Наложением этих легких наказаний на князей Телятевского и Шаховского Шуйский ясно показал, насколько он был мелок сравнительно с природными московскими государями: Иоанном III, Василием III и Иоанном Грозным, которые всем одинаково рубили головы за измену, как своим первым боярам, так и их холопам.

Что касается людей взятых в Туле воровских шаек, то с ними поступили различно: казавшиеся наиболее опасными были посажены в воду, а те, у которых отыскивались прежние господа, возвращены им по старым крепостным записям. Всем дворянам и боярским детям царскою властью было разрешено взять военнопленных себе на «поруки», то есть, другими словами, брать их себе в кабалу. Таким образом, холопы, бежавшие в Поле и приставшие к шайкам разных воровских атаманов в поисках лучшей доли, вернулись опять к своему прежнему состоянию. Лучше других было положение тех «тульских си-

дельцев», которые сами добровольно целовали крест царю Василию и выдали своих военачальников. Их оставили на свободе и отпустили «восвояси». Но куда могли идти эти голодные и бездомные люди? Они потянули опять в свои же украинные места, с тем чтобы тотчас же, при первом подходящем случае, поднять вновь кровавое восстание.

Взяв Тулу и казнив Болотникова и Лжепетра, Шуйский торжествовал полную победу, полагая, что смута совершенно окончена, и, не придавая значения Северной Украине, он не послал свои войска, по словам современника, под те города, под «Путивль, под Бренск и под Стародуб... пожалев ратных людей, чтоб ратные люди попочинули и в домах своих побыли». Это была, как увидим, крупная ошибка.

Начиная с 1606 года Карл IX Шведский стал предлагать Шуйскому свою помощь, рассчитывая, разумеется, извлечь из этого большие выгоды для себя; ему приказано было отвечать, «что великому государю нашему помощи никакой ни у кого не надобно, против

всех своих недругов стоять может без вас и просить помощи ни у кого не будет, кроме Бога». Когда же Болотников был осажден в Туле, то Карлу сообщили, «что в наших великих государствах смуты нет никакой».

Вместе с тем, чтобы прекратить на будущее время широкие восстания холопов против господ и непрерывный уход крестьян с помещичьих земель, чем ознаменовало себя все движение, поднятое Болотниковым, Шуйский начиная с весны 1607 года издал несколько указов о холопах и об отношении их к господам, сущность которых свелась к полной крепостной зависимости крестьян от их господ. Соборное уложение 9 марта 1607 года, говорит С.Ф. Платонов, «устанавливает твердо начало крестьянской крепости: крестьянин крепок тому, за кем записан в писцовой книге; крестьянский «выход» впредь во все запрещается, и тот, кто принял чужого крестьянина, платит не только убытки владельцу вышедшего, но и высокий штраф, именно: 10 рублей на царя государя за то, что принял против уложения...».

Таким образом, взятие Тулы Шуйский при-

знал как окончательное торжество над врагами и не считал нужным делать побежденным какие бы то ни было уступки: крепостной порядок не только оставался в прежней силе, но получил в законе еще большую определенность и непреложность.

Прибыв в Москву, Василий Иванович отпраздновал 7 января 1608 года благополучное окончание похода и подавление смуты браком своим с княжной Марией Петровной Буйносовой-Ростовской.

А между тем в пределах Московского государства в это время уже находился новый названный царь Димитрий, появления которого так страстно ждали многие.

Он объявился в августе 1607 года в тюрьме небольшого северского городка, носившего незавидное название Пропойск.

Каково было происхождение этого человека, совершенно неизвестно: некоторые современники считали его поповым сыном Матвеем Веревкиным, другие – сыном князя Курбского, третьи – школьным учителем из города Сокола, а избранный впоследствии на царство Михаил Феодорович в письме своем к

принцу Морицу Оранскому говорил, что «Сигизмунд послал жида, который назвался Димитрием царевичем». Во всяком случае, своею внешностью он вовсе не походил на первого самозванца, но был человеком вполне подходящим, чтобы разыгрывать лжецаря, умным и ловким, когда можно, то наглым, а когда нельзя, то и трусливым, и лишенным, разумеется, всяких нравственных правил.

В Пропойской тюрьме, куда его засадили, приняв за лазутчика, он объявил себя первоначально родственником убитого царя Димитрия, Андреем Андреевичем Нагим, скрывающимся от мести Шуйского. Ему поверили и по его просьбе перевезли в Стародуб. Отсюда он послал своего товарища, какого-то подьячего Рукина, разглашать по северским городам, что царь Димитрий жив и скрывается в Стародубе. Известие это было встречено во всей «прежепогибшей Украине» с величайшей радостью, и из Путивля отправилось в Стародуб несколько боярских детей вместе с Рукиным повидать новоявленного государя. Рукин привел их к мнимому Нагому. Тот вначале запирался и начал говорить, что ничего

не знает про Димитрия, но когда жаждавшие узреть царя Димитрия стародубцы стали грозить ему пыткой и хотели его уже схватить, то он вдруг выпрямился, взял в руку палку и грозным голосом крикнул: «Ах вы, такие-сякие дети, еще меня не знаете: я государь». Этот окрик подействовал; простодушные стародубцы тотчас же повалились ему в ноги со словами: «Виноваты, государь, пред тобой» – и сейчас стали собирать для него деньги и рассылать во все стороны грамоты по городам, чтобы высылали людей и казну так счастливо отыскавшемся царю. Насколько ослепление жителей было велико и как многие глубоко верили, что новый самозванец – истинный царь Димитрий, показывает следующий случай: один боярский сын из Стародуба вызвался сам поехать в стан Василия Ивановича Шуйского под Тулу и по приезде спросил его, зачем он подыскался царства под своим природным государем, за что был, конечно, подвергнут мучительной казни: Шуйский приказал его поджарить на медленном огне, но он до конца остался при убеждении, что принимает мученическую смерть за своего

законного государя.

Около второго самозванца начала собираться дружина; ее устраивал некий поляк Меховецкий, который, по современным сведениям, и раздобыл нового царя. «На сей раз Димитрия воскресил Меховецкий и потом, хотя или нехотя, должен был помогать ему, ибо твердо знал все обычаи и дела первого Димитрия», – говорит поляк Маскевич в своем дневнике. Однако войско новоявленного лжецаря собиралось на первых порах довольно медленно, почему он и не мог поспеть на выручку Тулы к Болотникову; поэтому также Шуйский слишком легко отнесся к его появлению и не счел нужным тотчас же после взятия Тулы направить свои войска в Северскую Украину, чтобы сразу покончить с новым Лжедимитрием, которого русский народ очень метко прозвал Вором, так как все его личные стремления и собравшихся около него войсковых отрядов носили чисто воровской отпечаток.

Ближайшими и деятельнейшими сподвижниками Вора явились поляки. В это время как раз окончился знаменитый рокош,

поднятый паном Зебжидовским против Сигизмунда; рокошанам нанес сильнейшее поражение королевский гетман Жолкевский, и их разбитые отряды бродили около границ Московского государства. Известие, что объявился новый господарчик, чтобы идти добывать московский престол, было, разумеется, встречено многими предводителями этих отрядов с живейшей радостью: представлялся великолепный случай знатно поживиться за счет москалей. Вместе с тем и Сигизмунд был не прочь исподтишка наделать неприятностей Москве: старика Яна ЗамоЙского уже не было в живых, чтобы указать королю всю неблаговидность подобного поведения.

Мало-помалу к Вору стали собираться разные высокородные польские искатели приключений со своими войсками. «Вновь прибывшие, – говорит Валишевский, – прекрасно сознавали, что имеют дело с самозванцем. Весело принимая участие в комедии, они от самого царя не скрывали, что вовсе не обманываются на его счет...» На помощь к Вору двигался некий пан Лисовский, подвергнутый за разные «добрые» дела изгнанию из Польши,

«изгнанник и чести своей отсужен», ведя шайку хищных головорезов, получивших печальную известность под именем лисовчиков; сюда же к Вору шел знаменитый польский вельможа князь Роман Рожинский, человек бесстрашный и весьма искусный в воинском деле, а несколько позднее прибыл «за позволением Сигизмунда» столь же известный староста Усвятский, родственник великого литовского канцлера Льва Сапеги, по словам Валишевского, «один из самых блестящих польских аристократов того времени», но почти всегда пьяный пан Ян-Петр Сапега; наконец, к Вору не брезгали вести свои отряды знакомый нам князь Адам Вишневецкий, Тышкевич, Валавский, Будило и другие представители польской знати.

С другой стороны, к новому Лжедмитрию тянулись и все те русские люди, которые были недовольны порядками Московского государства: севрюки – обитатели «прежепогибшей Украины», казаки, беглые холопы и разная голытьба из только что рассеянных отрядов Болотникова. Скоро к Вору примкнуло 3 тысячи запорожских казаков и 5 тысяч дон-

ских, имевших своим атаманом западнорусского уроженца Ивана Мартыновича Заруцкого, человека смелого и неустрашимого, много испытавшего на своем веку и крайне безнравственного, но писаного красавца по виду. Донцы привели к Вору вместо повешенного царевича Петра его брата, также «сына царя Феодора Иоанновича» – царевича Федьку, но новый Лжедмитрий был менее склонен к родственным чувствам, чем первый, звавший Лжепетра к себе в Москву, и приказал убить приведенного племянника. «Однако, – как говорит Соловьев, – казакам понравились самозванцы: в Астрахани объявился царевич Август, потом князь Иван сказался сыном Грозного от Колтовской; там же явился третий царевич Лаврентий, сказался внуком Грозного от царевича Ивана; в степных юртах явились царевич Феодор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Ерошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка – все сыновья царя Феодора Иоанновича».

Разноплеменные и разнородные отряды, стекавшиеся к Вору, получили более или ме-

нее основательное воинское устройство лишь к весне 1608 года, причем начальники этих отрядов считались с лжецарем лишь настолько, насколько им это было выгодно, и нередко уходили от него по различным поводам. Меховецкий хотел быть гетманом польских отрядов, как первый начавший их образовывать, но с прибытием Рожинского он должен был уступить ему свое первенство; последний хотя и целовал руку Вору, однако при случае обращался с ним самым грубым образом. Скоро поляки составили рыцарское коло и выкрикнули своим гетманом Рожинского, а Меховецкого с некоторыми другими приговорили к изгнанию и послали объявить об этом Вору. Вор выехал сам к колу в золотом платье и на богато убранном коне и, видя, что шум с его прибытием не прекращается, попробовал закричать, так же как и на стародубцев: «Молчать, такие-сякие дети!» Коло сперва опешило, и Вор начал говорить, что не выдаст своих верных слуг с Меховецким во главе, но затем поляки опомнились, выхватили сабли из ножен и подняли страшный шум. «Бить негодяя, рассечь, схватить его», – разда-

валось со всех сторон. Вор должен был уехать назад, и Рожинский приставил к его дому стражу. Считая свое дело погибшим, самозванец с отчаяния выпил огромное количество водки и чуть было не умер, но затем он отошел; успокоились также и поляки; они поняли, что Вор им нужен, так как без наличия названного московского царя все предприятие их оказалось бы лишеным всякого смысла, и обе стороны примирились.

Козельск, Путивль, Кромы и некоторые другие северские города перешли во власть Вора уже к концу 1607 года; Брянск же и Карачев были крепко заняты воеводами Шуйского, и потому, чтобы обойти их и выйти на «польские» дороги, Вор перешел в январе 1608 года Орел, где и оставался до весны.

Когда Вор двинулся осаждать Брянск, то на подмогу этому городу подошли московские ратные люди, но остановились на противоположном берегу Десны, на которой был в это время сильный ледоход. Видя это, жители Брянска стали звать их к себе, крича: «Помогите, погибаем»; на этот призыв московские ратные люди сказали: «Лучше нам всем поме-

реть, нежели видеть свою братию в конечной погибели, если помрем за православную веру, то получим у Христа венцы мученические». Затем, простившись друг с другом, они бросились в реку и благополучно переплыли ее; ни один человек не погиб.

Не надеясь овладеть Брянском и Карачевом, Вор направил Лисовского на Рязанскую землю, чтобы поднять восстание против Шуйского по Оке, а сам с Рожинским двинулся с наступлением теплых дней из Орла прямо на Москву и в двухдневном бою под Волховом, 30 апреля и 1 мая, наголову разбил собранное здесь царское войско под начальством малоспособного боярина Димитрия Ивановича Шуйского и князя Василия Васильевича Голицына, тайного недоброжелателя Шуйских.

От Волхова Вор быстро пошел к Москве, но не по кратчайшему пути, а через Можайск, чтобы захватить в свои руки дорогу на Смоленск, по которой к нему шли подкрепления из Польши. Во время своего движения, так же как и Болотников, он рассылал грамоты во все города, чтобы крестьяне поднимались на господ, брали бы себе их имения и женились

бы на их женах и дочерях.

Беглецы царского войска из-под Волхова явились в Москву и стали распускать слухи, что истинный царь Димитрий ведет с собою бесчисленное воинство. «Он ведун, – рассказывали они про него, – по глазам узнает, кто виноват и кто нет». «Ахти мне, – отвечал на это один простодушный москвич, – мне никогда нельзя будет показаться ему на глаза. Этим самым ножом я зарезал пятерых поляков». Впрочем, были люди, говорившие, что у Вора войска мало.

Чтобы противодействовать самозванцу, Шуйский выслал против него к реке Незнани (между Москвой и Калугой) новую рать с племянником своим, князем М.В. Скопным-Шуйским и Иваном Никитичем Романовым. Но в рати этой «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменить князь Иван Катырев да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними», и она была отозвана назад.

Вор же, заняв Смоленскую дорогу, беспрепятственно подошел к столице и 17 июня 1608 года расположился в селе Тушине, в 13

верстах к северо-востоку от Москвы, в углу, образуемом реками Москвой и Сходней, между Смоленской и Тверской дорогами.

Высланный в Рязанскую землю Лисовский также действовал чрезвычайно удачно: он усилил свой польский отряд воровскими шайками, действовавшими отдельно во многих местах, причем одна из этих шаек успешно обороняла город Пронск против рязанцев, хотевших его взять под начальством Прокофия Ляпунова; сам Прокофий был ранен в ногу «из города из пищали». Брату же его, Захару, Лисовский нанес жесточайшее поражение под Зарайском, после чего захватил даже сильно укрепленную Коломну, разграбил ее и забрал затем в плен, привязав к пушке, коломенского епископа Иосифа, требовавшего вместе с Гермогеном крещения Марины; Коломна, впрочем, была вскоре взята обратно войсками Шуйского под начальством князя Ивана Семеновича Куракина, человека весьма искусного в военном деле; Куракин нанес вслед за этим поражение Лисовскому и освободил епископа Иосифа, но Лисовский быстро оправился от этого поражения и прибыл в Ту-

шино на соединение с Вором, ведя с собой 30 тысяч человек.

Таким образом, победоносные воровские войска отдаляло от Москвы всего 13 верст, и, казалось, достаточно было последнего усилия, чтобы взять Москву и тем положить конец власти Шуйского. Однако этого не случилось. Василий Иванович, кроме своего государева двора и стрельцов, собрал в Москву служилых людей из Новгорода и Пскова, северных и заволжских городов, а также и из некоторых других мест, оставшихся ему верными, и дал несколько боев воровским войскам под самой Москвой. Бои эти шли с переменным счастьем; тем не менее гетман Рожинский должен был скоро убедиться, что столицей овладеть нелегко. Передовые войска Шуйского под начальством храброго князя М.В. Скопина были расположены по Ходынке против самого Тушинского стана, а главные его силы стояли у Пресненских прудов и на Ваганькове. Чтобы оттеснить эти передовые московские части, Рожинский на рассвете 25 июня произвел на них внезапное нападение и имел вначале успех, но затем поспела поддержка

от Пресни и Ваганькова, и воровская рать должна была отойти назад с большим уроном.

После этого сражения на Ходынском поле в обоих станах под Москвой и в Тушине наступило затишье. Ни та ни другая сторона не считали себя достаточно сильной, чтобы отважиться произвести нападение всеми силами на противника.

Во время описанных военных действий шли все время деятельные сношения между Шуйским и Сигизмундом. Последний, как мы видели, занятый усмирением рокоша, вовсе не желал войны с нами и в октябре 1607 года прислал в Москву своих послов, пана Витовского и князя Друцкого-Соколинского, поздравить Василия Ивановича со вступлением на царство и вместе с тем требовал отпустить в Польшу как старых послов Олесницкого и Гонсевского, так и Мнишек и всех задержанных после убийства расстриги поляков. Переговоры с новыми послами затянулись до 25 июля 1608 года, после чего было заключено перемирие с Польшей на 3 года и 11 месяцев; по условию этого перемирия мы согласились

отпустить всех задержанных поляков; король же и Речь Посполитая обязывались не поддерживать каких бы то ни было самозванцев; Юрий Мнишек не должен был признавать второго Лжедмитрия своим зятем, а Марина – величаться московской государыней; вместе с тем новые послы должны были отозвать от Вора в Польшу Рожинского и всех остальных поляков, кроме Лисовского, который «изгнанник из отечества и чести своей отсужен».

Однако ни Рожинский и никто из остальных панов не думал подчиниться этому требованию и покинуть стан Вора. Марина же с отцом, привезенные к этому времени из Ярославля в Москву, были отправлены вместе с Олесницким и Гонсевским, а также с другими поляками, находившимися за приставами, в Польшу в сопровождении небольшого русского конвоя под начальством князя Долгорукого. Их повезли кружным путем через Углич и Тверь на Смоленск, чтобы они не попали в руки тушинцев.

Но Вор был осведомлен о поездке Марины и выслал 2 тысячи конницы с панами Зборов-

ским и Стадницким, чтобы перехватить ее. С своей стороны желали попасть в руки тушинцев и многие поляки, в том числе посол Олесницкий и старый Мнишек, надеявшийся опять нажить хорошую деньгу на продаже дочери Вору. Однако другие поляки, во главе с послом Гонсевским, были против этого и с частью русского конвоя благополучно добрались до Смоленска, откуда проследовали далее в Польшу. Мнишек же с Мариной, Олесницкий и все желавшие передаться Вору были застигнуты Зборовским во второй половине августа у Белой и после небольшой стычки с малочисленным русским конвоем, их сопровождавшим, попали в столь желанный плен.

В это время как раз подходил из Польши, чтобы пополнить ряды воровских войск «за позволением Сигизмунда», несмотря на только что заключенное королем перемирие, уже упомянутый нами двоюродный племянник канцлера Льва Сапеги – Ян-Петр Сапега, ведя с собой целый отряд пехоты, конницы и артиллерии. Стан его случайно оказался на пути обратного следования пана Зборовского с захваченными Мнишеками и прочими пленными

к Тушину.

Ян Сапега вел себя, по словам Валишевского, перед Мариною «рыцарем-покровителем, но не пытался отклонить ее от решения, которое она свободно приняла»; при этом, по словам того же писателя, «любезности его были довольно плохого свойства. Раз как-то он явился к государыне в таком пьяном виде, что, возвращаясь от нее, упал с лошади и довольно сильно расшибся... Остались ли у Марины какие-нибудь надежды встретить первого Лжедмитрия, – продолжает Валишевский, – это неправдоподобно и, по мнению Зборовского, Сапега, несомненно, рассеял бы их. Она знала почерк своего мужа, а Тушинский вор и не пытался подделывать свой, а ведь опять-таки они переписывались еще до встречи». По совету Вора Марина без колебаний отправилась на показное богомолье в православный Звенигородский монастырь. В своем дневнике Сапега косвенно изображал, что она была очень хорошо осведомлена, но как бы не вполне решилась. Послушав его, так даже было время, когда дух ее возмутился; раз как-то она вдруг не захотела ехать в

Тушино. Остаток ли стыда или, может быть, бессознательная осторожность еще смущали ее. Но отец старался преодолеть их. Дважды, 11 и 15 сентября, опережая дочь, воевода ездил в Тушино и там ни на что не жаловался. Он не мог забыть обещаний, вырванных у первого Димитрия, и потому был поглощен одной заботой, как бы завести исподтишка переговоры со вторым, чтобы не утратить своих выгод от первой сделки, с потерей которых не мог примириться. Если дочь проявила колебания, прежде чем выступить участницей торга, то отец, наверное, воспользовался ими только для того, чтобы придать важность своему вмешательству и повысить требования.

16 сентября состоялась в присутствии всего воровского войска нежная встреча мнимых супругов – Марины и Вора, а через четыре дня ксендз-иезуит тайно обвенчал их. 14 октября пан Юрий Мнишек получил от нового мужа своей дочери письменное обязательство, что последний выдаст ему 300 тысяч рублей и отдаст во владение Северское княжество с 14 городами, как только войдет в

Москву, после чего Сандомирский вскоре покинул дочь и уехал в Польшу, оставя ее на полный произвол судьбы. Впоследствии наследники Мнишекков предъявили это обязательство русскому правительству, и император Петр Великий уплатил по нему 6 тысяч золотых.

Пожились от Вора и другие поляки, захваченные в плен вместе с Мнишеками. «Бывший посол, – говорит Валишевский, – высокородный, прегордый и пребогатый Олесницкий не пренебрег обещанием обширных земель на польской границе».

Брак Марины с новым царем окрылил также надежды высшего католического духовенства на введение унии в Московском государстве. Еще в ноябре 1607 года кардинал Боргезе писал из Рима новому папскому нунцию в Польше Симонетти: «Сыновья Сандомирского палатина (Мнишека), которые находятся здесь в Риме, сообщили его святейшеству достоверное известие, что Димитрий жив и что об этом пишет к ним их мать. Горим желанием узнать истину». В августе же 1608 года Боргезе писал: «Димитрий жив и здесь во мне-

нии многих; даже самые неверующие теперь не противоречат решительно, как делали прежде. Жаждем удостовериться в его жизни и его победах... Если справедливо известие о победе Димитрия, то необходимо должно быть справедливо и то, что он настоящий Димитрий».

Вместе с тем заботливые польские иезуиты выработали и подробный наказ о том, как надлежит действовать второму Лжедимитрию и ввести в своем государстве унию. Вот некоторые выдержки из этого любопытного наказа, в котором прежде всего поляки хотели доказать Вору, отождествляя его все время с первым Лжедимитрием, что он не должен требовать императорского титула:

«1) ...Этот титул не достался ему в наследство от предков, следовательно, надобно доказать какое-нибудь новое, им самим приобретенное право... сами русские против этого титула, что же сказать об иностранцах? Для принятия этого титула необходимо новое венчание, которого патриарх совершить не может; нет и курфюрстов, для этого необходимых. Но царь может достигнуть желанного

через унию.

2) Хорошо, если бы государственные должности и сопряженные с ними преимущества раздавались не по древности рода: надобно, чтобы доблесть, а не происхождение получала награду. Это было бы побуждение для вельмож к верной службе, а также и к унии... Не худо бы это распоряжение отложить до унии, а тут раздавать высшие должности в виде вознаграждения более приверженным к ней, чтобы сам государь вследствие унии получил титул царский, а думные его сановники титул сенаторский, то есть чтобы все это проистекало от папы...

3) Постоянное присутствие при особе царской духовенства (православного) и бояр влечет за собой измены, происки и опасность для государя: пусть остаются в домах своих и ждут приказа, когда явиться.

4) Недавний пример научает, что его величеству нужны телохранители, которые бы без его ведома, прямо, как до сих пор бывало, никого не пропускали во дворец или где будет государь. Нужно иметь между телохранителями иностранцев, хотя наполовину со своими,

как для блеска, так и для безопасности. В комнатные служители надо выбирать с большим вниманием. В телохранители и комнатные служители надо выбирать таких людей, которых счастье и жизнь зависят от безопасности государя, или, говоря ясно, истинных католиков, если совершится уния. Москвитян брать в телохранители, приверженных к унии...

5) И москвитян не очень должно отдалять от двора государева: ибо это ненавистно и опасно для государя и чужеземцев...

6) Канцелярия должна употреблять скорее народный язык, чем латинский, особенно потому, что латинский язык считается у туземцев поганым. Однако государю нужно иметь при себе людей, знающих язык латинский, политику и богословие, истинных католиков, которые бы не затрудняли благого намерения, не сближали государя с еретиками, не подсовывали книг арианских и кальвинских на пагубу государству и душам, не возбуждали омерзения к Христову наместнику (папе)...

7) Перенесение столицы, по крайней мере на время, кажется необходимым по следующим причинам: а) это будет безопаснее для

государя; б) удобнее будет достать иностранное войско и получить помощь от союзного короля и других государей христианских; в) при перемене царя для царицы (Марины) удобнее получить помощь от своих, безопаснее и легче выехать с драгоценностями и свободою в отечество (Польшу); г) однако разглашать о перенесении столицы не нужно, ибо это ни к чему не послужит, надобно жить где-нибудь, только не в Москве; д) мир московский будет смиреннее; он чтит государя, вдалеке находящегося, но буйствует в присутствии государя и мало его уважает; е) обычные пирования с думными людьми могли бы удобнее исподволь прекратиться; ж) удобнее учреждать коллегии и семинарии подле границы польской; и) легче московских молодых людей отправлять учиться в Вильну и другие места...

8) Еретикам, неприятелям унии, запретить въезд в государство.

9) Выгнать приезжающих сюда из Константинополя монахов (православных).

10) С осторожностью должно выбирать людей, с которыми об этом говорить, ибо преж-

девременное разглашение и теперь повредило (намек на кровавое московское утро 17 мая 1606 года).

11) Государь должен держать при себе очень малое число духовенства католического. Письма, относящиеся к этому делу, как можно осторожнее принимать, писать, посылать, особенно из Рима.

12) Государю говорить об этом должно редко и осторожно, напротив, надобно заботиться о том, чтобы не от него началась речь.

13) Пусть сами русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразований, которые могут положить путь унии... При случае намекнуть на устройство Католической церкви для соревнования... Издать закон, чтобы все подведено было под постановление соборов и отцов греческих, и поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии. Возникнут споры, дойдет дело до государя, который, конечно, может назначить собор, а там с Божией помощью может быть преступлено и к унии.

14) Намекнуть черному духовенству о

льготах, белому о достоинстве, народу о свободе, всем о рабстве греков, которых можно освободить только посредством унии с государями христианскими.

15) Хорошо, если бы поляки набрали здесь молодых людей и отдали бы их в Польшу учиться отцам-иезуитам...»

Для исполнения присланного наказа Вору необходимо было овладеть Москвой и низложить Шуйского, но до этого было еще очень далеко, а между тем наступила осень; воровским войскам надо было прежде всего подумать, как удобнее провести зиму и запереть со всех сторон Москву, чтобы лишить ее подвоза продовольствия.

Тушино стало быстро обстраиваться: сперва рыли только землянки и делали стойла для лошадей из хвороста и соломы. Но полякам и другим воровским отрядам скоро надоело жить в землянках: тогда они начали разбирать в ближайших деревнях избы и перевозить их себе в «обоз»: иной ставил себе по две, по три избы; землянки же обращали в погреба для вина. Вору и Марине были выстро-

ны большие хоромы посреди стана. Всего воровских войск было: польской конницы 18 тысяч человек, польской пехоты – 2 тысячи человек, запорожцев – 13 тысяч человек, донцов – 15 тысяч и множество русских воровских шаек, которых поляки из опасения к себе в стан не пускали. Продовольствие доставлялось из завоеванных областей, для чего последние были поделены между отрядами. Как только выпал первый снег, огромные обозы потянулись по первопутку со всяким добром к Тушину. На роту приходилось по тысяче и более возов; «везли чего только душа хотела», – говорит один из поляков.

У Тушинского стана сходились все дороги на Москву, шедшие из Твери и Смоленска; дороги к столице через Тулу и Калугу шли также по местностям, охваченным мятежом, а поэтому продовольствие осажденным в Москве идти по ним не могло. Но оставались еще пути с севера и востока, которые спешили занять воровские воеводы, чтобы совершенно отрезать Шуйского и москвичей от сообщения с внешним миром.

Уже в сентябре 1608 года Сапега, соперничавший с Рожинским из-за первенства в воровском стане, был послан вместе с Лисовским в обход Москвы на северные дороги, а к Коломне двинулся пан Хмелевский, чтобы занятием этого города прекратить сообщение Москвы с богатой Рязанской областью; вероятно, Хмелевский должен был войти в связь с Сапегой и Лисовским к востоку от Москвы и, таким образом, совершенно замкнуть кольцо вокруг нее, но это удалось совершить полякам лишь отчасти. Сапега, выйдя из Тушина, наголову разбил на Ярославской дороге большое московское войско с князем Иваном Ивановичем Шуйским во главе, занял затем Дмитров и приступил к осаде Троице-Сергиевой лавры, этого «курятника», как называли ее с презрением поляки, а Лисовский двинул свой отряд на Суздаль и Шую и быстро подчинил власти Вора все суздальские и владимирские места, причем владимирский воевода Иван Годунов поспешил отправить сказать в Коломну, чтобы там не стояли «против Бога и государя своего прирожденного» – царя Дмитрия. Однако сидевшие в Коломне войска

оставались верными своей присяге Шуйскому. Они вышли против Хмелевского и разбили его. Присланный же из Москвы на подмогу в Коломну князь Димитрий Михайлович Пожарский двинулся из нее против воров, шедших к Коломне от Владимира, и также наголову разбил их. Затем, как увидим, все усилия поляков разбились и о «курятник» – об обитель Живоначальной Троицы.

Тем не менее утверждение Вора в Тушине и ряд успехов, одержанных его войсками, вызвали большое уныние как в самой Москве, так и в областях, остававшихся еще верными Шуйскому, и производили все большую и большую шатость. Особенно развилась эта шатость после сражения на Ходынском поле. «После того бою, – говорит один современник, – учили с Москвы в Тушино отъезжати стольники и стряпчие, и дворяне московские, и городовые дворяне, и дети боярские, и всякие люди».

Рядом с Москвой и сидевшим в ней нелюбимым всеми «боярским царем», или «получарем» Василием Ивановичем Шуйским выросла другая столица, где властвовал «царик»,

как называли Вора поляки, где было весело, шумно и пьяно и где всех принимали ласково и с большим пожалованием.

Многие ловкие люди начали устраиваться так, чтоб им было хорошо и в случае успеха Шуйского, и в случае успеха Вора: «Мнози же тако мятуще всем Российским государством не дважды кто, но и пять крат и десять в Тушино и к Москве переержажуху», появились так называемые «перелеты». Они то служили Вору, то опять приезжали в Москву к Шуйскому с повинной и получали от него прощение, «и паки у царя Василя болши прежняго почесть, и имениа, и дары восприимаху и паки к Вору отъержажуху...». В некоторых семьях отец служил одному царю, а сыновья другому, чтобы иметь сторонников и в том и в другом лагере. Часто бывало, что родственники, пообедав вместе, разъезжались затем на службу – одни к Шуйскому, а другие к Вору, с тем чтобы опять по-приятельски съехаться за следующей трапезой. «На единой бо трапезе сядяще в пиршестве в царьствующем граде, по веселии же убо ови в царьския полаты, ови в Тушинския табары прескакаху. И разде-

лишися на двое вси человецы, вси же мысляще лукавне о себе: аще убо взята будет Москва, то тамо отцы наши и братиа, и род, и друзи; тии нас соблюдут. Аще ли мы одолеем, то такожде им заступницы будем. Польския же и Литовския люди, и воры, и казаки тем перелетом ни в чем не вероваху – так бо тех тогда нарицаху – и яко волцы надо псами играюще и инех искушающе», – говорит Авраамий Палицын.

Одними из первых предавшихся Вору были князья А.Ю. Сицкий и А.М. Черкасский; за ними последовал видный князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой вместе с двоюродным братом Ю.Н. Трубецким, а также князья С.П. Засекин и Ф.П. Барятинский. Последнему, а также Д.Т. Трубецкому Вор пожаловал боярство, которое он, впрочем, дал тоже казаку Ивану Мартыновичу Заруцкому, а затем и крестьянину Ивану Феодоровичу Наумову. Его первым сановником, как бы министром двора, был князь С.Г. Звенигородский, а в воровском царском совете заседали рядом с князем Д.И. Долгоруким известный убийца, успевший вернуться от матери Марины и

быть пожалованным в окольнічьи Михаил Молчанов, а также бывший великий секретарь первого Лжедмитрия Богдан Сутупов.

Бегство из Москвы особенно усилилось, когда Сапега и Лисовский заняли области к северу от столицы; многие из находившихся в ней служилых людей стали собираться домой спасать свои семьи, не слушая увещаний Шуйского: «нашим-де домам от Литвы и от русских воров быть разоренным». Исключение составили рязанские служилые люди, которые еще весной, когда Лисовский двинулся в их области, перевезли, по приказанию Василия Ивановича, своих жен и детей в Москву, «чтоб в воровской приход женам и детям в осадное время какого утеснения не учинилось». Вследствие этого обстоятельства рязанские люди крепко бились за царя Василия и скоро приобрели в Москве большое значение во всех делах.

Как только Вор обосновался в Тушине, Шуйский тотчас же вполне правильно оценил положение дел и стал принимать со своей стороны меры, чтобы вести с ним упорную

борьбу: он начал отовсюду, откуда мог, призывать ратных людей в Москву, грозя жестокими наказаниями за уклонение от явки – «за нетство и за укрывание нетей»; воеводам Ф.И. Шереметеву из-под Астрахани и Михаилу Борисовичу Шеину от Смоленска приказано было идти с ратями к Москве. В северные заволжские города были отправлены послания, чтобы они сами «отстаивали» свои места и собрали ополчение в Ярославле. Наконец, видя, что король Сигизмунд вероломно нарушил перемирный переговор, по которому обязывался отозвать все польские шайки, кроме Лисовского, от Вора и не допустить Марину называться московской царицей, Василий Иванович решился обратиться за помощью к шведскому королю Карлу IX.

Этот Карл IX был крайне алчным и корыстолюбивым человеком; как мы говорили, он давно уже предлагал нам свою помощь, разумеется, не даром, что отлично понимал Шуйский; вместе с тем Шуйский понимал также, что, сходясь со шведами, мы неизбежно шли при этом на открытый разрыв с Польшей, так как жестокая вражда Сигизмунда с дядей про-

должалась по-прежнему. Овладев шведским престолом, Карл всеми силами старался получить в свои руки и Финляндию, которую искусно защищал от его покушений некто Флеминг, остававшийся неизменно верным Сигизмунду. Только когда Флеминг умер в городе Або, то Карл мог овладеть этим городом; при этом вражда короля к Флемингу была так велика, что, войдя в Або, он тотчас же приказал снять крышку с его гроба, и, взяв покойника за бороду, Карл дернул ее и с ненавистью сказал: «Да, если бы была жива эта голова, то не была бы теперь на плечах». – «Если бы она была жива, – с негодованием отвечала ему стоявшая тут же у гроба, вместе с дочерью, вдова Флеминга, – то вы не были бы здесь».

Овладев всей Шведской Финляндией, Карл, видя беду в Московском государстве, захотел и Корелы, исконное наше владение, а потому, придвинувши свои войска к границам, еще в 1607 году и завел с царем Василием Ивановичем переговоры о помощи, которую, как мы видели, последний дважды отверг.

Теперь же, когда Вор укрепился в Тушине, а царские рати были побиваемы воровскими, Шуйский вынужден был, наконец, обратиться к Карлу и отправил для этого в Новгород, чтобы «послати к немцы, нанимать немецких людей на помочь», своего племянника – знакомого нам князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Положение царя Василия Ивановича во второй половине 1608 года было в высшей степени безотраднo. Смута быстро охватывала все большие и большие пространства. После начала осады Троице-Сергиевой лавры поляками Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Вологда, Тотьма, Кострома и Галич целовали крест Вору; все пространство между Клязьмою и Волгою было тоже во власти тушинцев. Заволновалось вновь и все инородческое Понизовье, особенно земли горной и луговой черемисы, причем «воровские грамоты» проникали даже в Вятку.

Наконец, воровские передовые отряды направились и к Финскому заливу: на Новгород двинулся пан Кернозицкий, а на Псков – воровской воевода Федька Плещеев. Шатость во

Пскове обнаружилась еще как только появился Болотников; город разделился на две партии: крупные гости и лучшие люди были за Шуйского, а вся мелкота за Вора; «развращение бысть велие во Пскове, болшие на меньших, меньшие на болших и тако бысть к погибели всем», – говорит летописец. Сидевший во Пскове воевода Шереметев, как человек не прямой, играл в две руки и держал то сторону сильных людей, то мелких, беря себе тем временем вместе с дьяком Грамотиным в кормление лучшие дворцовые села, но когда пришел Федька Плещеев, то устоять против него не мог. Последний в начале сентября заставил псковичей целовать крест Вору, а Шереметева заключил в тюрьму. С той поры власть во Пскове перешла в руки мелкого городского люда и стрельцов, и борьба сторон затянулась на долгое время.

В Новгороде дела шли также плохо. Когда князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский прибыл туда осенью 1608 года, то он, по его выражению, должен был «сидеть в осаде в Великом Новгороде», так как там, вслед за его приходом, было получено известие о переходе

Псковца во власть Вора, что произвело сильнейшее впечатление на новгородцев; шато-сти в Новгороде, по-видимому, много способствовал своими поборами и хищениями бывший в нем вторым воеводой уже известный нам убийца Басманова Михаил Татищев. Он уговорил даже князя М.В. Скопина покинуть Новгород ввиду измены его людей и вести переговоры со шведами из Ивангорода или Орешка. Но Ивангород в это время уже поцеловал крест Вору, а сидевший в Орешке воеводой Михаил Глебович Салтыков тоже замышлял измену и не хотел впустить к себе Скопина. При этих трудных обстоятельствах митрополит Исидор, достойный владыка Новгородский, пытался всеми силами утишить мятеж, вспыхнувший в городе, и поддержать первого воеводу князя Куракина; после многих трудов ему удалось этого достигнуть, и новгородцы отправили посольство к князю Михаилу Васильевичу с просьбой возвратиться к ним, уверяя его, что «у них единодушно, что им всем помереть за православную христианскую веру и за крестное целование царя Василия». Тогда Скопин вернулся в Новгород

и приступил к трудному делу переговоров о найме шведских войск и о призыве русских людей идти на защиту Москвы.

К большому сожалению, сохранилось весьма мало сведений о личной жизни князя М.В. Скопина-Шуйского. До нас не дошло ни одного его слова, ни одного письма. Помещаемое здесь современное его изображение, писанное московским иконописцем, конечно, также весьма мало передает сходство с ним, так как, по общим отзывам, он отличался большой красотой. Князь Михаил Васильевич очень рано лишился своего отца, преследуемого подозрительностью Бориса Годунова, и воспитывался своею заботливою матерью; около семи лет от роду он начал обучаться грамоте, обнаружив при этом «большую быстроту ума». Когда молодой князь стал подрастать, то был зачислен в царские жильцы [30]; здесь, несмотря на свою юность, он обращал уже на себя внимание «многолетним разумом» и при этом истинным душевным благородством; он не был заносчив и дерзок перед низшими, отличался тихостью и скромностью и вместе с тем не запятнал себя с це-

лью выдвижения ни единым доносом, к чему было столько соблазнов в развращающее время царствования Бориса. Первый самозванец возвел 18-летнего Скопина, как члена семьи, сильно пострадавшей при Годунове, в звание великого мечника; вскоре же по воцарении дяди своего Шуйского князь Михаил Васильевич Скопин показал себя выдающимся военачальником в борьбе с Болотниковым. На 21-м году жизни он женился на Александре Васильевне Головиной, после чего, не прожив с молодою женою и трех месяцев, отправился в Новгород для сбора рати и приглашения иноземных наемников. Для последней цели в Новгород приехал из Швеции королевский секретарь Мопс Мартензон; с ним было условлено, что шведы поставят 5-тысячное войско, которому царь будет ежемесячно уплачивать по 100 тысяч золотых (ефимков). Для окончательного же заключения договора должен был состояться съезд уполномоченных обеих сторон в Выборге.

Между тем к Новгороду подходил отправленный из Тушина отряд пана Кернозицкого. Чтобы противодействовать ему, Скопин со-

брал сколько мог войска и отдал распоряжение выслать эту рать к Бронницам, причем начальником ее вызвался быть Татищев. Но когда все уже было готово к выступлению, то новгородцы донесли Скопину, что Татищев собирается изменить Шуйскому и сдать Новгород Кернозицкому. По-видимому, Татищев, несмотря на оказанные им услуги при свержении Лжедмитрия, был удален воеводой в Новгород за свой буйный и грубый нрав и теперь желал воспользоваться благоприятным случаем, чтобы выбраться из Новгорода и свергнуть затем царя Василия. Возмущенный известием об этой измене, Скопин объявил о ней ратным людям в присутствии самого Татищева; они же, в порыве негодования, тут же убили его. Что касается Кернозицкого, то он, получив сведения, что у Новгорода собирается войско, поспешил в начале января 1609 года отойти от него.

Переговоры со шведами требовали от Скопина много искусства, трудов и терпения; он тщательно скрывал от них истинное положение дел и выставлял его в гораздо лучшем свете, чтобы умерить алчность Карла IX. В это

же время он вел деятельную пересылку из Новгорода для подъема русских людей на защиту царя Василия Ивановича, сносясь для этого со всем севером государства.

Здесь, на севере, не было боярского и служилого дворянского землевладения, что, как мы видели, привело в южной части государства к обострению отношений между помещиками и крестьянами, причем последние легко поднимались против своих господ, смущенные льстивыми воровскими грамотами. Север был силен целым рядом знаменитых русских монастырей, постепенно обращавшихся как бы в крепости Московского государства и имевших обширные и хорошо устроенные хозяйства; здесь же, в северных городах и деревнях, по путям к Беломорскому торгу, сидел крепкий своим русским духом промышленный сельский и посадский торговый люд, сильно приверженный к земской тишине и порядку и привыкший управляться своим крестьянским или посадским миром. Люд этот скоро понял, что означают воровские грамоты и блага, сулимые ими, и решил крепко стоять за законного царя: все здесь яс-

но осознали, что тушинцы и поляки – хищники и грабители и что с ними надо бороться всеми силами. «Сапегу не раз извещали, – говорит наш историк С.Ф. Платонов, – что ему следует позаботиться о занятии Вологды «для того, что на Вологде много куниц и соболей и лисиц черных, и всякого дорогого товару и пития красного»; на Вологде лежал «товар английских немцев»; там «собрались все лучшие люди, московские гости с великими товары и с казною и Государева казна тут на Вологде великая от корабельные пристани, соболи из Сибири и лисицы и всякие оутри (меха)». И Сапега немедля требовал «на государя царя и великого князя Димитрия Ивановича» и красного пития, и прочих товаров, и изменничьих «животов»...

Дело не ограничивалось одними поборами. Паны из Тушинского стана и из лагеря Сапеги под Троицким монастырем размещались на поместных землях и в частных вотчинах, в чужих хозяйствах, для прокормления как самих себя, так и своей челяди, творя великие безобразия. Повсюду ходили польские разбойники и грабители вместе с русскими

лихими людьми, бывшими еще свирепее поляков. «У поляков, – говорит С. Соловьев, – не было побуждения свирепствовать в областях Московских; они пришли за добычею, за веселою жизнью, для которой им нужны были деньги и женщины; и буйство их не заходило далее грабежа и похищения женщин, крови им было не нужно; поживши весело на чужой стороне, попировавши на чужой счет, в случае неудачи они возвращались домой, и тем все оканчивалось... Но не таково было положение русских тушинцев, русских казаков-бездомовников. Русский человек, предавшийся Лжедмитрию, приобретший через это известное значение, известные выгоды, терял все это, терял все будущее в случае, если бы восторжествовал Шуйский, и понятно, с каким чувством он должен был смотреть на людей, которые могли дать Шуйскому победу, на приверженцев Шуйского: он смотрел на них не как на соотечественников, но как на заклятых врагов, могущих лишить его будущности, он мог упрочить выгоды своего положения, освободиться от страха за будущее, только истребляя этих заклятых врагов... По-

этому неудивительно читать в современных известиях, что свои свирепствовали в описываемое время гораздо больше, чем иноземцы поляки; когда последние брали в плен приверженца московского царя, то обходились с ним милостиво, сохраняли от смерти; когда же подобный пленник попадался русским тушинцам, то был немедленно умерщвляем самым зверским образом, так что иноземцы с ужасом смотрели на такое ожесточение...»

«И видяще поляки и литва, – рассказывает Палицын, – таковы пытки и злое мучительство от своих своим и единовѣрным и, уступающе, дивляхуся окаянной вражий жесточи, и сердцы своими содрагахуся и, зверски взирающе, отбегаху... Иде же бо поляки со изменники придут к непроходимым местом в лесех и на реках, и на топех, и на болотех, и на ржавцех, и ту поляки станут без ума, не ведуще, что сотворити: како прейти или како минути. Изменницы же... и мосты и перевозки им строяще и лесом – тропинами во едину степень беспакостно провождаху... Егда же корысть делити во градах и в весех, то вся лутчаа поляки у них силою отнимаху, измен-

ницы же, аще и множество их перед ними, но не пререковаху и всяко насильство от них радостно приемляху. Пленниц же, жен красных, и отроковиц, и юношь не токмо у худейших изменников, но и у начальствующих ими отимаху... Гнев же Божий праведно попущенный видим бываше. Мнози убо жены и девицы не хотяще со беззаконники разлучатися, и мнози по искуплении паки к ним отбегаху...

Бысть бо тогда разоренье святым Божиим церквам от самех правоверных, якоже капищем идольским прежде от великого Владимира; тогда на славу Божию, ныне же на утеху бесом с Люторы... Тогда убо во святых Божиих церквах скот затворяху и псов во алтарех питаху; освященныя же ризы не токмо на потребу раздираху, но и на обуцу преторгаху... И пременишася тогда жилища человеческая на зверская. Дивие бо некроткое естество: медведи, и волцы, и лисицы, и зайцы на пространнаа места перешедше, тако же и птицы от великих лесов на велицей пищи, на трупe человеческом, вселишася. И звери и птица малая в главах и в чревех и в трупех человеческих гнезда соделаша... И крыяхуся тогда человецы

в дебри непроходимыя и в чаще темных лесов и в пещеры неведомыя и в воде между кустов...»

Такое поведение поляков и тушинцев не замедлило поднять против них уже в конце 1608 года жителей многих мест на севере и северо-востоке, причем особенно прославилась своими действиями против воровских отрядов Устюжна Железнопольская.

Слух о том, что в Новгород прибыл известный своими победами над Вором царский племянник, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, наполнил, разумеется, сердца всех крепких людей Русского Севера живейшей радостью. «Для всего Поморья и северных частей Замосковья, – говорит С.Ф. Платонов, – Скопин был представителем государственной власти и военным руководителем с высшими полномочиями. Его «писания» имели силу указов, которым повиновались не только городские миры, но и государевы воеводы по городам. По его «отпискам» местные власти собирали ратных людей и готовы были отпустить их «в сход, где велит быти государев боярин и воевода князь М.В. Шуй-

ский...» Вместе с тем северные города и сами от себя деятельно сносились друг с другом «отписками», чтобы крепко стоять против тушинцев и воров.

Вот выдержки из одной отписки от 30 ноября 1608 года жителей города Устюга Великого к вологжанам:

«Господину Поспелу Елисеевичу и всем Усолским людям и волостным крестьяном, и старостам, и целовальником и всем людям, Иван Стрешнев до подьячей Шестой Копнин и все мирские люди Устюжане посадские, старосты и целовальники, и волостные крестьяне, челом бьют. Нынешнего, господине, 7117 году, ноября в 26 день приехал к нам на Устюг, из Ярославля, Московский жилец, а Устюжский кабацкий откупщик Михалко Иванов; да с Вологды приехал здешний Устюжской пристав Поспелко Усов... до того же дни приехал Устюжский же пристав Степанко Захарьин с Тотьмы... И кабацкий откупщик Михалко сказывал нам на совете, при всем народе, что Божиим изволением, грех ради наших, сделалось над Ростовом: пришед Литовские люди в Ростов, их пло-

штвом, потому что жили просто, совету-де и обереганья не было, и Литовские-де люди Ростов весь выжгли и людей присекли, и с Митрополита с Филарета (Никитича Романова) сан сняли и поругались ему, посадя-де на возок с женкой (распутной женщиной), да в полки свезли; а из Ярославля-де лутчие люди, пометав дома своя, разбежались, а чернь со князем Федором Борятинским писали в полки (тушинские) повинные и крест-де целовали, сказывают, Царевичу князю Дмитрею Ивановичу... Да пристав же Поспелко Усов нам, при всем же народе, сказывал: при нем же-де присланы из полков (тушинских) два сына боярские, Козма Кадников, а другому имени не упомнит, и чли (читали) при всем народе, а писана к мирским людям ко всей земле, на Вологду, грамота, и ту-де грамоту он слышал, как чли, недели с две, и в грамоте писано: велено собрата с Вологды, с посаду и со всего Вологодского уезда, и с архиепископских и со всяких монастырских земель, с сохи по осми лошадей, с саньми, и с веретен, и с рогожами, да по осми человек с сохи, а те лошади и люди велено порожье гонити в пол-

ки; да в той же-де грамоте написано: велено собрати с Вологды же с посаду и со всего Вологодского уезда, с выти со всякия[31], сколько в Вологодском уезде вытей есть, столового всякого запаса, с выти, по чети муки ржаной и по чети муки пшеничной, по чети круп грешневых, по чети круп овсяных, по чети толкна, по чети сухарей, по осмине гороху, по два хлеба белых, по два ржаных, да по туше по яловице по большой, да по туше по баранье, по два полти свинины свежия, да по два ветчины, да по лебедю, да по два гуся, да по два утят, по пяти куров, по пяти ососов (поросят), по два зайца, по два сыра сметанных, по ведру масла коровья, по ведру конопляного, по ведру рыжиков, по ведру груздей, по ведру огурцов, по сту ретек, по сту моркови, по чети репы, по бочке капусты, по бочке рыбы, по сту луковиц, по сту чесноку, по осмине снедков, по осмине грибков, по пуду икры черныя, да по осетру по яловцу, да по пуду красныя рыбы, да питей по ведру вина, по пуду меду, по чети солоду, по чети хмелю; то столько всякаго запаса с одной выти, а с иных со всякия выти по тому же, а запасы велено прова-

дिति Вологодским уездом, мирским людям, старостам и целовальником, на мирских подводах, опричь тех, что по осми лошадей с сохи. А по другой грамоте велено другому сыну боярскому на Вологде же переписать у торговых людей, которые торгуют рыбой, рыбу всякую и рыбных ловцов и ловли рыбныя всякия, а ловити велено свежую рыбу ловцом на него, который ся называет Князем Дмитрием, пять дней и пять ночей, а шестой день велено ловити на дворецкаго его, на князя Семена Звенигородского... И как те обе грамоты в народе прочли, и Вологжане против тех грамот ничего не сказали, а иные многие заплакали, а говорят-де тихонько друг с другом: хоти-де мы ему и крест целовали, а токоб-де в Троицы славимый милосердый Бог праведный свой гнев отвратил и дал бы победу и одоление на враги креста Христова государю нашему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси, и мы-де и всею душою ради все головами служить, токо буде иные города, Устюг и Усолье и Поморские, нам помогли, и нам всем также было безделно помереть же будет. Да тот же Поспелко сказывал и кабац-

кой откупщик: которые-де города возьмут (воры) за щитом, или хотя и волею крест целуют, и те-де все города отдают паном в жалованье, в вотчины, как и прежде сего уделья бывали... И мы, господине, поговорили с Устюжаны с посадскими людьми и с волостными крестьяны: как, коим обычаем, тем делом промыслит, токо к нам на Устюг так же, как и к Вологде и к Тотьме, пришлют наказы и целовальную запись, и нам целовать ли крест или стояти крепко? И Устюжане, господине, посадские люди и волостные крестьяне с нами говорили накрепко, что креста целовати тому, который называется царем Дмитреем, не хотят; а хотят стояти накрепко, и людей сбирати хотят тотчас со всего Устюжского уезда поворотню головами. А про Московское государство они же и иные люди сказывали, что Московское государство, дал Бог, стоит постарому здорово. – И тебе, господине Поспел Елисеевич, помыслити у Соли у Вычегоцкия с Строгановыми, с Максимом и с Никитою, и со всею Усольскою землею, что их мысль: хотят ли они с нами и с Устюжаны стояти крепко о том деле и совет с нами крепкой о том деле

держат ли? Да толко, господине, ваша мысль будет одинака с нами, и тебе бы, господине, поговоря с Строгановыми и со всею Усолскою землею, тебе, Пospелу, и вам, Максиму и Никите, и посадским и волостным лутчим людем, человек пяти, или шти, или десяти, приехать пожаловати к нам к Устюгу вскоре для того совету; а наша мысль то: будет вы к нам приедете и стоять с нами заодин похотите, и нам вам в том крест целовати меж собя, а вам также крест целовати, что нам с вами, а вам с нами и ожить и умереть вместе. А в Ярославле-де правят на Ярославцах (воры) и по осминадцать рублев с сохи, а у торговых людей у всех товары всякие переписали, а переписав, в полки отсылают».

Так переписывались между собой в конце 1608 года русские северные посадские и крестьянские миры, чтобы всеми силами стоять сообща против воров и того, кто называется «князем Дмитреем».

После бегства пана Кернозицкого из-под Новгорода Скопин отправил своих воевод Бороздина и Вышеславцева в Вологду, которая вследствие своего выгодного расположения в

узле главных путей из Поморья к Москве начала приобретать важное значение для действий против воров, особенно ввиду того, что в Вологде зимой 1608/09 года случайно собралось множество иностранных и русских купцов с товарами, шедшими через Архангельск и не попавшими в Москву из-за боязни тушинцев. Все купцы, разумеется, оберегая свое достояние, тотчас же перешли на сторону царя Василия Ивановича, который с своей стороны не переставал рассылать грамоты по северным областям.

Такое же значение, как Вологда, получил и Великий Устюг, к коему сходились пути из далеких северо-восточных наших владений и Москвы. Кострома и Галич были городами, где сосредоточивалась главная деятельность против воров на средней Волге; их жители целовали друг другу крест «за один умереть» и собирали ратных людей. В Нижнем Новгороде горячим противником воров и поляков являлся игумен Иоил, он писал через игумена Тихоновской пустыни Иону жителям Балахны, «чтобы они не стояли за воров, а действовали бы с Нижегородцами сообща и стояли

бы на том, кто будет на Московском государстве государь, тот всем нам и вам государь...».

Ополчения, выставляемые северными городами, были чисто мужицкими ратями; они избирали своих военачальников всем миром: иногда ими бывали боярские дети, но часто также вдовы попы, священники и другие крепкие люди, хорошо известные посадскому и крестьянскому люду, их выбиравшему.

Конечно, снаряжение этих ополчений от земли шло медленно, при этом они зачастую терпели и неудачи от воровских отрядов, не скоро мог и Скопин-Шуйский дожидаться прибытия нанятых им иноземцев и образовать свое воинство, чтобы двинуться на выручку Москвы, а между тем поляки и воры напрягли все свои усилия, чтобы овладеть главным оплотом православия и средоточием всех важнейших путей к северу – обителью преподобного Сергия, его лаврою, выстроенною во имя Живоначальной Троицы, в 64 верстах от Москвы.

Мы видели, что Сапега при своем движении к Троице наголову разбил на Ярославской дороге высланное против него войско

под начальством князя Ивана Ивановича Шуйского; затем вместе с Лисовским 23 сентября 1608 года он подошел к лавре, которая со времени Грозного была обнесена на протяжении 642 сажень каменными стенами, вышиной в 4 и толщиной в 3 сажени, с башнями, острогами и глубоким рвом. Вначале у Сапеги вместе с Лисовским было до 30 тысяч человек войска, но так как осада затянулась и Сапега вынужден был рассылать отряды в разные стороны, то иногда у него бывало не более 10 тысяч человек.

Защитников же лавры было всего около 1500 человек, в том числе дворян, боярских детей, казаков и разных собранных в нее людей – 1300 человек и до 200 человек иноков, способных носить оружие, из которых многие были прежде воинами и теперь поверхряс надели ратные доспехи. В лавру, кроме того, собралось множество стариков, женщин и детей из окрестных деревень и сожженных вокруг монастыря посадов, так что теснота в ней была большая. Затем здесь же находилась бывшая королева ливонская Мария Владимировна, в иночестве Марфа, и инокиня

Ольга – в миру царица Ксения Борисовна Годунова. Архимандритом монастыря был доблестный старец Иосаф, а воеводами – окольный князь Григорий Борисович Роща-Долгорукий и дворянин Алексей Голохвастов. Неоднократно упоминаемый нами Авраамий Палицын был келарем лавры, то есть представителем ее перед мирскими властями по всем хозяйственным и иным светским делам, во время осады он находился в Москве и оставил нам очень подробное и красноречивое ее описание, к сожалению, однако, далеко не беспристрастное по отношению всех тех лиц, с которыми он имел личные счеты. Вообще, этот Авраамий Палицын был очень ловким человеком, но далеко не прямым, а «кривым», по выражению И.Е. Забелина, и склонным приписывать лично себе чересчур выдающееся значение в важнейших событиях Смутного времени.

Продовольствием и боевыми припасами монастырь был снабжен довольно обильно, но было мало заготовлено дров.

Сапега расположился станом по западную сторону лавры, на Дмитровской дороге; с ним

были князь Константин Вишневецкий, пан Казановский, братья Тышкевич и другие именитые поляки, а Лисовский, в отряде которого находилось много казаков, стал по юго-восточной стороне обители; сильные польско-воровские отряды заняли остальные дороги, шедшие к Троице.

Архимандрит Иосаф привел воевод и всех ратных людей к присяге у гроба преподобного Сергия, что они будут биться крепко и «без измены» против врагов православия и Отечества, и затем повелел непрестанно совершать богослужение и пение молебнов святому Сергию. Защитники же его обители готовились всеми силами к отражению врага. Одна половина их всегда находилась на стенах и башнях, вооруженных пушками и пищалями, а другая предназначалась для замены убитых и больных и для производства вылазок; во главе этих вылазок часто становились храбрые иноки.

Вместе с тем иноки деятельно рассылали грамоты в неприятельский стан к казакам и русским вора́м, убеждая их покаяться и отложиться от врагов нашей веры. Сапега и Ли-

совский, как мы говорили, думали, что им легко будет управиться с обителью, но скоро должны были убедиться в противном. 23 сентября, в день подхода к лавре, неприятель был встречен смелой вылазкой из монастыря, а затем все его попытки овладеть ею приступом были отбиты. Скоро поляки с негодованием стали писать Вору в Тушино про иноков Сергиевой лавры, что эти черные вороны, сидя в каменном гробу, делают им великие пакости: «Доколе стужают великому твоему благородству граворонове сии возгнездившиеся во гроб каменный, и докуда седатые пакоствуют нам повсюду...»

29 сентября Сапега и Лисовский послали с русским изменником, боярским сыном Бессоном Руготиным, грамоты к Иосафу, монахам и воеводам со служилыми людьми, с предложением покориться «прирожденному» государю Димитрию Ивановичу, грозя в противном случае взять монастырь и предать всех его защитников смерти. «Вы беззаконники, – писали они монахам, – презрели жалованье, милость и ласку царя Ивана Васильевича, забыли сына его, а князю Василию Шуйскому

доброхотствуете, и учите в городе Троицком воинство и народ весь стоять против государя царя Димитрия Ивановича и его позорить и псовать неподобно и царицу Марину Юрьевну, также и нас. И мы тебе, архимандрит Иосаф, свидетельствуем и пишем словом царским, запрети попам и прочим монахам, чтобы они не учили воинства не покоряться царю Димитрию».

Грамоты эти, конечно, не подействовали на доблестных защитников лавры. «Да ведает ваше темное державство, – отвечали Сапеге из монастыря, – что напрасно прельщаете Христово стадо, Православных Христиан. Какая польза человеку возлюбить тьму больше света и преложить ложь на истину: как же нам оставить вечную Святую истинную свою Православную Христианскую веру Греческого закона и покориться новым еретическим законам, которые прокляты четырьмя вселенскими патриархами? Или какое приобретение оставить нам своего Православного государя царя и покориться ложному врагу, и вам, Латыне иноземной, уподобиться Жидам или быть еще хуже их?»

Сапега быстро убедился, что ему придется провести зиму под стенами обители, и приступил к осадным работам. 30 сентября польско-воровские войска поставили окопы и туры в Терентьевской роще, на горах Волкуше и Красной и выкопали большой ров с высоким валом от Келаревского пруда до Глиняного оврага. Утвердившись таким образом с южной и восточной стороны лавры, они открыли по ней 3 октября пальбу из 63 пушек, с тем чтобы разрушить ограду, и вели ее непрерывно в продолжение 6 недель. Однако, к великому для нас счастью, пальба эта не принесла большого вреда обители; ее доблестные защитники успешно заделывали повреждения в стенах от ядер и с радостью наблюдали, как большинство каленых ядер летело мимо зданий и падало в пустыри или монастырские пруды.

Видя в малоуспешных действиях вражеских пушек явное доказательство милости Божией к обители святого Сергия, все укрепились духом в ожидании приступа, исповедовались и приобщились Святых Тайн; многие

приняли пострижение, чтобы умереть в иноческом чине. Несмотря на неприятельский огонь, вдоль стен обители ежедневно совершались крестные ходы со святыми иконами.

Сапега между тем сильно надеялся на успешное действие своего пушечного наряда и уже в ночь на 13 октября решил идти на приступ лавры всеми силами. Для этого днем 12-го он задал обильное пиршество своим воинам, напоив их допьяна, а затем устроил конские ристалища. С наступлением сумерек полупьяные поляки и воры подошли к монастырю, а ночью устремились на приступ, неся лестницы и катя пред собою деревянные туры на колесах, или тарасы. Но храбрые защитники лавры не дремали и всюду успешно отбили осаждающих, которые поспешно отступили, бросив у стен свои лестницы и тарасы; они были втащены в монастырь и пошли там на дрова.

19 октября, видя незначительное количество воров и поляков, забравшихся в лаврский капустный огород, лежавший по наружной стороне ограды, несколько монастырских людей, «не по воеводскому велению, но сво-

им изволением», спустились по веревке со стены, бросились к огороду и смело кинулись на засевших в нем врагов, часть которых были убиты и ранены, а другие бежали. К сожалению, в числе защитников лавры оказался и изменник: Оська Селевин убежал в это время к ворам. Главные воеводы Долгорукий и Голохвостов ввиду успеха вылазки на капустный огород тотчас же вышли из монастыря с конницей и пехотой, чтобы разрушить неприятельские туры и укрепления на Красной горе; здесь произошла жестокая сеча, в которой пало много наших смельчаков; однако в плен никто не попался: доблестные участники этой большой вылазки вынесли из боя всех своих умирающих товарищей и вернулись с ними в лавру, где перед смертью последние успели принять пострижение; особенно сожалели все храброго слугу Троицкого монастыря Василия Брехова, сложившего в этот день свою голову на вылазке.

Вслед за тем пономарь Иринарх имел видение: ему явился преподобный Сергей и предсказал, что к Пивному двору «приступ будет зело тяжел», но чтобы защитники не

ослабевали. Действительно, ночью 25 октября поляки и воры пошли опять на приступ всеми силами, зажгли Пивной двор и окружающий его острог. Последнее послужило на пользу осажденным: пламя осветило нападающих, и множество ляхов было избито из крепостных орудий и пицалей. Когда же взошло солнце и неприятель увидел на крепостных стенах духовенство в полном облачении, иконы и развевающиеся хоругви, то на него напал страх и он бежал в свой стан.

Через несколько дней наши воеводы сделали удачную вылазку в Мишутин овраг, где захватили в плен литовского ротмистра Брушевского. Этот Брушевский на допросе в лавре показал, что Сапега решил во что бы то ни стало взять обитель и ведет под стены и башни в нескольких местах подкопы, но где именно, он, Брушевский, не знает. Известие о подкопах вселило большую тревогу в защитников обители. Выбрали знакомого с горным делом монастырского слугу Власа Корсакова и приказали копать под башнями так называемые слухи, чтобы слушать из них голоса или стук людей, ведущих подкопы, затем решено

было углубить ров, идущий от лавры с востока к северу. Последняя работа привела к двум кровопролитным боям, так как неприятель хотел помешать ей, но оба раза он был отогнан монастырскими пушками.

1 ноября поляки убили 190 защитников лавры и подвинули свои осадные работы к стенам обители, тем сильно стеснили осажденных, не позволяя им брать воду из прудов за оградой, вместе с тем неприятельские снаряды стали действовать удачнее: ими было разбито несколько икон, поврежден большой колокол и убиты инокия и инок – старец Корнилий. Сведений же о том, где именно поляки ведут подкопы, все еще не было, несмотря на то что взятые в плен литовские люди допрашивались под пытками. Тем не менее иноки поддерживали бодрость защитников. Святой Сергий вновь явился в Троицком соборе архимандриту Иосафу: он сказал ему, что Господь не оставит осажденных своей помощью, и приказал всем молиться. Вскоре после этого был взят на вылазке раненый дедиловский казак. Он точно указал место, где ведется подкоп, и перед смертью

успел причаститься. Затем перебежал в лавру другой казак, Иван Рязанцев, и подтвердил те же сведения о подкопе. Против того места, куда он велся, защитники стали тотчас же строить внутренний острог – деревянную стену сорвом и валом, вооруженный пушками, для замены той части монастырской ограды, которая будет взорвана. Вместе с тем после двух благоприятных случаев, а именно после того, когда монастырской артиллерии удалось подбить огромную литовскую пушку Трещеру и после перехода от воров на сторону защитников лавры 500 казаков с атаманом Епифанцем, решено было сделать большую вылазку, чтобы уничтожить работы Сапеги по ведению подкопа.

9 ноября, за три часа до рассвета, получив благословение архимандрита Иосафа у гроба святого Сергия, воеводы во главе отрядов ратных людей и монахов тихо вышли из монастырских ворот; затем, заслышав удары монастырского колокола, все бросились с трех сторон на неприятельские осадные работы с кличем «Святой Сергий!». Такие же вылазки, сопровождаемые каждый раз большим кро-

вопролитием, были произведены и в последующие две ночи, и наконец бесстрашным защитникам лавры удалось добраться до места, откуда велся подкоп. Двое смельчаков, кlementьевские крестьяне Шилов и Слота, бросились в него и подожгли порох; раздался страшный взрыв, не повредивший монастырских стен, но оба славных героя – Шилов и Слота – погибли. Вместе с уничтожением подкопа была разрушена и часть неприятельских окопов, а также взяты оружие, туры и тарасы, причем последние пошли опять на дрова для надобностей обители. Однако эти трехдневные вылазки стоили дорого и защитникам лавры: они потеряли до 350 человек убитыми и ранеными; многие из последних успели перед смертью принять пострижение.

В эти же дни погиб и Данило Селевин, брат изменника Оськи Селевина. «Хочу загладить смертью бесчестие нашего рода», – сказал Данило и во главе сотни ратников бесстрашно напал на воровских казаков атамана Чики, изрубил множество врагов, но наконец пал, получив несколько ран в рукопашном бою. Тогда же прославились своим мужеством дво-

ряне Внуков и Есипов, убитые врагами, и Ходырев и Зубов, оставшиеся в живых; монастырский же служка Меркурий Айгустов первым достиг неприятельских бойниц, но был тут же застрелен. Об этих удачных вылазках осажденные послали донесение царю Василию Ивановичу.

Между тем наступила зима. Сапега прекратил пальбу из пушек, но продолжал обложение монастыря, рассчитывая вынудить его к сдаче голодом, холодом, изменою и болезнями, и рассылал повсюду свои отряды для сбора продовольствия. В обители началась теснота и нужда, но смелые вылазки не прекращались, главным образом, чтобы раздобыть дров в соседних рощах, причем каждая вылазка оплачивалась кровью; когда варили пищу на добытых таким путем дровах, то в лавре обыкновенно говорили: «Сегодня мы напитались кровью таких-то наших братьев, а завтра другие напитаются нашей». Несколько человек вновь прославились своей особенной отвагой: некий Суета, крестьянин села Молокова, великан по росту и истый богатырь по силе и душевному складу, постоянно вступал

в жестокие схватки с врагом, увлекая своим примером других, и изрубил множество народа. Монастырский слуга Пимен Тененев ударил стрелой в левый висок Лисовского и свалил его с коня, а знатного польского князя Юрия Горского убил ратник Павлов и привез его труп в лавру.

Тем не менее положение защитников обители делалось все более и более тяжелым: начался недостаток припасов, что вызвало неудовольствие среди многих ратников, полагавших, что их обижают старцы, и об этом была даже послана жалоба царю; затем пошли болезни и сильная смертность: ежедневно хоронили по несколько десятков человек; вместе с тем часть защитников стала предаваться разгулу. «Крепкие меды, – говорит Н.М. Карамзин, – и молодые женщины кружили головы воинам; увещания и пример трезвых иноков не имели действия». Весною 1609 года Ольга Борисовна Годунова писала своей тетке, что лежит больная и ждет смерти, так как ежедневно хоронят по 20 и 30 человек (больше всего от цинги), и в обители завелась «шатость и измена большая». Последнее сообще-

ние являлось несколько преувеличенным, хотя, несомненно, шатость и измена появились при наступивших трудных обстоятельствах. Двое детей боярских передались неприятелю и сообщили ему, что монастырь получает воду посредством подземных труб, проведенных из нагорного пруда, и Лисовский послал тотчас же разрыть плотину у этого пруда, чтобы спустить из него воду. К счастью, об этом узнали осажденные; они открыли все трубы и наполнили водой запасные пруды в черте ограды, а затем выслали отряд, который перебил рабочих, разрывавших плотину.

Сильные раздоры царили также между старшими воеводами, князем Долгоруким и Голохвастовым, и каждый образовал свою партию. К партии Голохвастова принадлежал монастырский казначей Иосиф Девочкин, сторону которого держала и бывшая ливонская королева Мария Владимировна – старица Марфа. Сторонники Долгорукого подали ему донос, что Девочкин замышляет измену, и тот стал его пытаться; только ходатайство архимандрита Иосафа спасло его от казни. Жалобы на Девочкина и Голохвастова Долгору-

кий сообщил в Москву – своему приятелю, келарю Авраамию Палицыну; последний не постеснялся обвинить их обоих в измене в своем «Сказании». Но, по-видимому, обвинения эти были совершенно неосновательны: Голохвостов до конца осады оставался воеводой в обители и ничем не обнаружил попыток к измене.

Между тем вследствие сильной смертности количество защитников монастыря значительно уменьшилось, и к весне 1609 года их осталось менее трети.

Огнестрельные запасы также приходили к концу, и старцы слали усиленные просьбы царю Василию Ивановичу помочь им. Вследствие настойчивых убеждений патриарха Гермогена в половине февраля 1609 года Шуйский послал в лавру 60 человек казаков и 20 пудов пороха, да Авраамий Палицын выслал 20 человек. Люди эти успешно пробрались через воровское обложение монастыря, но четверо попались в плен; свирепый Лисовский велел убить их перед монастырской стеной. За это Долгорукий приказал в свою очередь

казнить на глазах неприятеля 61 пленного, что привело в ужас поляков и возбудило в них сильнейшее негодование против Лисовского, виновника этих казней; они кинулись было его убить, и только заступничество Сапеги спасло его от смерти.

Не видя возможности одолеть лавру силою, Сапега пытался достичь этого путем измены; к нам попался в плен некий лях Мартиас, который скоро вошел в полное доверие воевод, извещая их о всех намерениях Сапеги, и бился на вылазках с большим мужеством против своих. К счастью, в обитель перебежал от Сапеги литовский пан Немко, немой по природе; увидя Мартиаса в большой чести, он заскрежетал от ужаса зубами, а затем объяснил знаками, что это предатель. Мартиаса подвергли пытке, и на ней он сознался, что служит лазутчиком Сапеги, пуская ему стрелы с письмами, и готовится заколотить в одну ночь все монастырские пушки.

Несмотря на раздоры среди воевод, внутренние нелады и болезни, защитники лавры продолжали тем не менее делать свое дело, они день и ночь занимали стражу на мона-

стырских стенах и постоянно производили вылазки, в которых особенно отличались своим геройством Ананий Селевин, стрелец Нехорошев и крестьянин Никифор Шилов. Святые Сергей и Никон также не оставляли своим покровительством обитель и неоднократно являлись в видениях архимандриту и братии.

Таким путем дожили до мая; настало теплое время, и болезни стали затихать. Это, разумеется, сильно подняло дух осажденных. Со своей стороны Сапега и Лисовский, услышав о движении князя М.В. Скопина-Шуйского с севера, сочли нужным покончить скорее с лаврой и решили предпринять вновь общий приступ. 27 мая в польско-воровских войсках, по обыкновению, началось великое пьянство и веселие; музыка гремела весь день. К вечеру же неприятельские отряды окружили со всех сторон монастырь, придвинули к стенам большие тарасы, заготовленные за зиму, и с наступлением темноты, как змеи, поползли к ограде; затем они ударили в бубны и при пушечных выстрелах кинулись на приступ. Но защитники монастыря были наготове: архи-

мандрит и ветхие старцы-иноки пребывали в жаркой молитве перед гробом святого Сергия, а воины, все иноки, способные носить оружие, и женщины стояли на стенах с оружием, камнями, смолой, известкою и серою, чтобы грудью встретить врага.

Скоро закипел бой, который продолжался до самого рассвета; обе стороны дрались с ожесточением, но к утру малочисленные защитники лавры отбили все приступы ляхов и воров и, видя их бегущими от своих стен, тотчас же сделали смелую вылазку, забрав при этом множество пленных, оружия и стенобитных снарядов.

Сапега и Лисовский негодовали и настойчиво требовали из Тушина присылки подкреплений. Вор прислал им на помощь полк пана Зборовского, который стал корить ляхов за их «бездельное стояние» под таким ничтожным «лукошком». 28 июня последовал новый отчаянный приступ всех польско-воровских сил, но он окончился для них так же плачевно, как и предыдущие. Осажденные опять отбили его во всех местах, убив множество неприятеля, а затем опять сделали сме-

люю вылазку и забрали все вражеские «стенобитные хитрости».

После этих кровавых приступов Сапега и Лисовский не отваживались уже больше на их повторения, хотя, как увидим, продолжали еще в течение нескольких месяцев осаду лавры, число доблестных защитников которой уменьшилось до крайности: по словам летописца, их осталось не более 200 человек.

В то время как герои, засевшие в обители Живоначальной Троицы, со славою отбивали все вражеские приступы, борьба мужицких ополчений с поляками и ворами шла с переменным счастьем. Отряд князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского не был еще готов к действиям; шедший же из Астрахани с царскими войсками воевода Ф.И. Шереметев был сильно задерживаем в пути очищением поволжских городов от воровских ратей и двигался поэтому крайне медленно.

Неважно шли дела и в обеих вражеских столицах – в Москве и в Тушине. В Москве по-прежнему царем «играли», по выражению современников, «как дитятем», и позорные переезды перелетов из одного лагеря в другой

продолжались. Было и несколько попыток свергнуть Василия Ивановича с престола.

Первая из них была произведена 17 февраля 1609 года, на Масленой, беспокойным рязанским дворянином Григорием Сунбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным. Они собрали 300 человек заговорщиков и потребовали от бояр свержения Шуйского; но все бояре заперлись в своих домах, и только один князь Василий Васильевич Голицын вышел на Красную площадь. Затем заговорщики силою выволокли патриарха Гермогена на Лобное место, толкали его, обсыпали песком и сором, хватали за грудь, трясли и требовали, чтобы он высказался за низложение Шуйского, незаконно избранного своими сообщниками в цари. Но крепкий духом Гермоген, хотя и не любил Василия Ивановича и знал все грехи его избрания, тем не менее непоколебимо стоял за него как за единственную власть, поддерживающую еще порядок в государстве, и не поддавался на устрашивание заговорщиков, которые, отпустив его, двинулись затем во дворец, но были с такою же твердостью встречены и Шуйским.

«Зачем вы, клятвопреступники, – сказал он им, – ворвались ко мне с такою наглостью? Если хотите убить меня, то я готов; но свести меня с престола без бояр и всей земли вы не можете». Видя, что их не поддерживает народ, и встретив такой ответ, заговорщики убежали в Тушино. Гермоген же послал в Тушино две грамоты к ушедшим туда русским людям с предложением раскаяться и вернуться под власть царя Василия Ивановича, который их простит.

Первая грамота начиналась словами: «Бывшим Православным Христианам всякого чина, возраста и сана, теперь же не ведаем, как вас и назвать. Недостает мне сил, болит душа и болит сердце, все внутренности мои расторгаются, и все составы мои содрогаются, плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте свои души и души своих родителей, восстаньте, вразумитесь и возвратитесь»; вторая грамота начиналась так: «Бывшим братьям нашим, а теперь не знаем, как и назвать вас, потому что дела ваши в наш ум не вмещаются, уши наши никогда прежде о таких делах не слышали, и в летописях мы ничего

такого не читывали: кто этому не удивится? Кто не восплачет? Слово это мы пишем не ко всем, но к тем только, которые, забыв смертный час и Страшный суд Христов и преступив крестное целование, отъехали, изменив государю Царю и всей земле, своим родителям, женам и детям и всем своим ближним, особенно же Богу; а которые взяты в плен, как Филарет митрополит и прочие, не своею волею, но силою, и на Христианский закон не стоят, крови Православной братии своих не проливают, таких мы не порицаем, но молим о них Бога».

Вторая попытка свергнуть Шуйского должна была состояться в Вербное воскресенье: его предполагали убить в этот день. Во главе недовольных стал боярин Крюк-Колычев, но заговор был своевременно раскрыт, после чего Колычев был пытан и казнен.

Обложение Москвы тушинцами, хотя и не полное, вызвало весной 1609 года страшную дороговизну хлеба; цены на четверть ржи доходили до 7 рублей (23 $\frac{1}{3}$ нынешних серебряных); в этом деле Василию Ивановичу пришел на помощь Авраамий Палицын, имев-

ший, как келарь Троицкой лавры, обильные запасы хлеба в столице; он выпустил его в продажу по 2 рубля за четверть ($6\frac{2}{3}$ нынешних серебряных), и это сразу успокоило народ.

В Тушине вся зима 1608/09 года и весна прошли в распрях и восстаниях. Сюда вернулся изгнанный друг Вора – Меховецкий, бывший у него первым гетманом: но Рожинский приказал его схватить и убить; различные отряды, отправлявшиеся для сбора продовольствия, предавались отчаянным грабежам и часто восставали против своих начальников. Поддавшиеся Вору области приходили в ужас от поборов его шаек и докучали ему жалобами вроде следующей: «Царю государю и великому князю Димитрию Ивановичу всея Руси бьют челом и кланяются сироты твои Государевы, бедные, ограбленные и погорелые крестьянишки. Погибли мы, разорены от твоих ратных воинских людей; лошади, коровы и всякая животи́на побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши все выжжены, а что было хлебца ржаного, и тот хлеб сторел, а

достальной хлеб твои загонные люди вымолотили и развезли; мы, сироты твои, скитаемся между дворов, пить и есть нечего, помираем с женишками голодною смертью, да на нас же просят твои сотные деньги и панский корм, стоим в деньгах на правеже, а денег нам взять негде». Особенно злодействовал над крестьянами какой-то пан Наливайко, который побил множество людей, сажал их на кол, а жен и детей позорил и в плен брал. Слухи о неистовствах Наливайки возмутили даже Вора, и он приказал его казнить; когда же Сапега заступился за него, то «царь Димитрий» отправил последнему письмо с укоризнами.

Одним из важнейших событий в Тушинском стане за описываемое время было прибытие пленного Филарета Никитича. Мы видели уже из отписки устюжан к вологжанам, что он был захвачен ворами осенью 1608 года в Ростове. Когда к Ростову подошел отряд Сапеги, то жители города хотели бежать на север, но были остановлены Филаретом Никитичем и воеводою князем Третьяком Сеитовым; последний мужественно напал на во-

ровской отряд, но был, к несчастью, разбит, после чего еще три часа защищался в самом городе, в то время как митрополит Филарет молился с народом в соборном храме. Воры ворвались в собор, «сего убо митрополита Филарета, – говорит Авраамий Палицын, – исторгше силою, яко от пазуху материю, от церкви Божия и ведуще путем боса токмо во единой свите и ругающесе облекоша в ризы язычески и покрыша главу татарскою шапкою, инозе обувше во своя сандалиа». После этого, как мы знаем, его посадили вместе с «женкой» на возок и отвезли в Тушино, «где его ждали, – по словам С. Соловьева, – почести еще более унижительныя, чем прежнее поругание: самозванец, из уважения к его родству с мнимым братом своим царем Феодором, объявил его Московским патриархом». Несмотря на невыразимо трудное положение, в которое попал Филарет Никитич в Тушине, он и здесь продолжал себя держать с обычным своим достоинством. «Но сей Филарет, – говорит Палицын, – разумен сый, и не преклонися ни на десно, ни на шуюе, но пребысть твердо в правой вере». С таким же уважени-

ем, как мы видели, отзывался про него и патриарх Гермоген в своей грамоте, посланной в Тушино.

Стычки под Москвой с войсками Шуйского далеко не всегда кончались в пользу Вора, и в одной из них, в конце февраля 1609 года, гетман Рожинский получил тяжелую рану, от которой не мог оправиться до своей смерти.

В Троицын же день вновь произошло большое сражение на Ходынке: вначале поляки и воры имели успех; они подошли к самым городским стенам и овладели царским гуляй-городом (щитами, поставленными на телеги, из-за которых стреляли в отверстия стрельцы), но затем были опрокинуты, и московские войска захватили бы и Тушино, если бы их не задержал на речке Химке атаман Заруцкий со своими казаками. После этого сражения множество поляков попало в руки Шуйского. Одного из них, пана Пачановского, он послал в Тушино с предложением, чтобы все его сородичи ушли из Московского государства, и тогда он отпустит домой всех захваченных в плен. Но бывшие в Тушине по-

ляки не хотели уходить и отвечали: «Скорее помрем, чем наше предприятие оставим; дороги нам наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава». Пан Пачановский вернулся с этим ответом в Москву и был с честью принят Василием Ивановичем; вообще, пленных поляков содержали хорошо; особенно же ласков к ним был царский брат князь Иван Иванович Шуйский.

Между тем наступало лето 1609 года, и князь Михаил Васильевич Скопин был уже недалеко от Москвы.

По договору, заключенному в конце февраля 1609 года стольником Головиным и дьяком Зиновьевым-Сыдавным с Карлом IX, последний обязывался выставить на помощь Шуйскому 2 тысячи наемной конницы и 3 тысячи пехоты и, кроме того, неопределенное количество добровольцев, за что Московское государство заключало вечный мир со Швецией, отдавало ей город Корелу с уездом и должно было действовать сообща против Сигизмунда Польского. Вместе с тем содержание всех упомянутых наемников всецело ложилось на московскую казну.

Эта шведская сборная рать начала прибывать к Новгороду только с половины апреля 1609 года; она насчитывала в своих рядах около 15 тысяч человек шведов, шотландцев, датчан, англичан, немцев и французов; ее главнокомандующим был 27-летний Яков Делагарди, сын знакомого нам Понтуса Делагарди, уже побывавший, несмотря на свою молодость, в продолжительных походах, причем часть своей службы он прошел в Нидерландах под начальством лучшего европейского полководца того времени – принца Морица Нассауского.

В Новгороде между обоими молодыми вождями быстро завязались дружеские отношения. Скопин произвел и на шведов самое лучшее впечатление. «Имея от роду всего 23 года, – писал про него один из них, – он отличался статным видом, умом, зрелым не по летам, силою духа, приветливостью, воинским искусством и умением обходиться с иностранцами».

Делагарди хотел ждать окончания распутицы, но Скопин спешил с выступлением на выручку столицы; в конце апреля передовые

русско-шведские отряды разбили Кернозицкого под Старой Руссой, а затем быстро очистили от воров Торопец, Торжок, Порхов и Орешек; воевода последнего города, Михаил Глебович Салтыков, бежал в Тушино. Менее удачны были действия отряда князя Мещерского, высланного из Новгорода для занятия Пскова, в котором вражда между лучшими и меньшими людьми, стоявшими за Вора, обострилась до крайности; Мещерский не смог овладеть Псковом и был отозван назад князем М.В. Скопиным, который лично выступил из Новгорода 10 мая. Против него из Тушина был выслан к Торжку пан Зборовский и знакомый нам Григорий Шаховской, «всей крови заводчик», успевший освободиться из своего заключения на Белоозере и пробраться к Вору.

Под Торопцом передовой шведский отряд был разбит Зборовским, но последний поспешил затем отойти к Твери и соединиться с Кернозицким, узнав, что Скопин идет во главе большого войска.

Под Тверью в июле 1609 года Скопин настиг Зборовского и вступил с ним в упорней-

шее сражение. Долго успех его колебался то в одну, то в другую сторону, но в конце концов польско-воровские войска были разбиты, и Скопин собрался уже их преследовать всеми силами, как вдруг получил известие, что шведские наемники отказываются идти, так как получили жалованье только за два месяца, а требуют за четыре. Делая гарни принял сторону Скопина и грозил своим воинам даже смертью, но это мало помогло, и с той поры, помимо борьбы с Вором и поляками и устройства ополчений северных городов, на Скопина легла еще тяжелая задача – улаживать всеми мерами неудовольствия, возникшие среди вспомогательной шведской рати.

От Твери князь Михаил Васильевич не пошел прямо на Москву: он знал, что встретит под Троицей, у Дмитрова и Тушина сильные отряды Сапеги, Лисовского и других воров, в столкновении с которыми, в случае неудачи, все его дело может быть сразу погублено, и двинулся поэтому в направлении к Ярославлю, чтобы быть ближе к собравшемуся мужицкому ополчению северных городов. Дой-

дя до Калязина монастыря на Волге, он остановился, укрепил свой стан и стал обучать стекающихся к нему ратников, имея деятельным помощником шведского военачальника Зомме. Вместе с тем Скопин и царь Василий Иванович Шуйский рассылали по всему северу свои грамоты, требуя присылки людей и денег. Особенно горячо откликнулись на этот призыв иноки Соловецкого монастыря и именитые люди Строгановы. Соловецкие монахи переслали в Москву более 17 тысяч рублей и даже серебряную ложку, то есть, очевидно, всю свою казну дочиста; Петр же Семенович Строганов, как признал сам Шуйский, посылал многих ратных людей на царскую службу против воров, города от шатости укреплял и давал большие деньги в ссуду для раздачи жалованья служилым людям. За это радение царь приказал писать его во всех грамотах с «вичем», что считалось тогда великою честью.

Между тем Скопин, разбив у Калязина двинувшегося было против него от Троицы Сапегу и усилив свою рать заволжскими мужицкими дружинами, «создався с костромскими

и с ярославскими и с иных городов людьми», занял в октябре Переславль-Залесский и Александровскую слободу. Установив таким путем связь между Москвой и северными городами, он решил идти отсюда на освобождение столицы, закрепляя свое движение к ней устройством крепких «острожков», в которых оставляемые им небольшие отряды могли бы с успехом противодействовать воровским шайкам. Сюда же, к Александровской слободе, позднею осенью 1609 года стал подходить и шедший с Нижней Волги воевода Ф.И. Шереметев.

Движение Ф.И. Шереметева сильно подняло дух всех крестьянских и посадских миров в Поволжье и в местности между Волгой и Окой, начавших подниматься против воров с осени 1608 года.

Так, в Юрьевце-Поволжском черные люди собрались вокруг сотника Феодора Красного, на Решме во главе их стал крестьянин Григорий Лапша, в Балахнинском уезде – Иван Кувшинников, в Городце – Феодор Ногавицын, в Холуе – Илья Деньгин и, наконец, в Нижнем всеми действиями против воров руководил

доблестный воевода Андрей Алябьев. Тем не менее эти действия против воровских шаек и их предводителей – Лисовского, Федьки Плещеева, занявшего Суздаль, атамана Таскаева, князя Вяземского и других – были очень тяжелы для мужицких ополчений. Поэтому Ф.И. Шереметев, шедший от Астрахани с отрядом хорошо обученных воинов, число коих было едва ли более 3 тысяч человек, встречался всюду как избавитель. Вынужденный постоянно очищать свой путь от воров, Шереметев так же, как и Скопин, мог двигаться очень медленно. Только весной 1609 года он подошел и прочно утвердился в Нижнем. «Нижнегородцы же, – говорит летописец, – видя приход к ним ратным людем, возрадовашеся». Из Нижнего Шереметев двинул Алябьева к Мурому, где засели воры, а затем и сам направился к этому городу. После занятия Мурома Алябьев был послан к Владимиру; владимирцы, узнав о его приближении, схватили своего воеводу Вельяминова, передавшего Вору, и потащили его в соборную церковь, чтобы он там исповедался и причастился перед смертью. Соборный протопоп, дав ему прича-

стие, вывел Вельяминова к народу и сказал: «Вот враг Московского государства», – после чего он был тут же избит камнями до смерти.

Шереметев прибыл во Владимир лишь во второй половине 1609 года, взяв предварительно приступом Касимов; затем он пошел к Суздалю, где крепко засели воры, но овладеть этим городом ему не удалось, и он должен был опять отступить к Владимиру. Наконец, только к исходу 1609 года ему удалось соединиться со Скопиным.

Таким образом, к концу 1609 года благодаря действиям Скопина и Ф.И. Шереметева и подъему народного духа в посадских и крестьянских мирах на севере России и в Среднем Поволжье царь Василий Иванович Шуйский, казалось, мог рассчитывать на победу над непрошеными гостями, нагло вторгнувшимися в Московское государство как из Польши, так и с воровского Поля.

Но в это время в пределах Московского государства появился еще новый враг, одинаково опасный для Василия Ивановича Шуйского и для царика, засевшего в Тушине. Это был Сигизмунд – король Польский. Успешно спра-

вившись с домашним рокошем, он хотел воспользоваться теперь смутой, царившей в Московском государстве, и под предлогом, что Шуйский заключил союз с его заклятым врагом – Карлом IX Шведским, решил вторгнуться в наши пределы, обещав сенату и сейму, у которых он испросил войско и деньги на войну, что будет в своих действиях руководствоваться исключительно выгодами Польши. Прибывавшие из Московского государства поляки убеждали его, что лишь только он явится в наших пределах, то бояре тотчас же сведут Шуйского с престола и провозгласят царем королевича Владислава.

Иначе смотрел 63-летний королевский гетман Жолкевский, который был вообще против войны с Москвой. Видя же неперемное желание Сигизмунда вмешаться в наши дела, он убеждал его идти в Северскую Украину и овладеть ее плохо укрепленными городами, полагая, что королевских войск будет недостаточно для взятия крепкого Смоленска, обнесенного каменными стенами при Годунове. Но Сигизмунд во что бы то ни стало хотел овладеть как можно скорее именно Смолен-

ском, составлявшим в течение стольких лет предмет вожделений поляков, а затем подчинить Польше и все Московское государство. В намерении идти на Смоленск поддерживали короля бывший посол к первому Лжедмитрию Александр Гонсевский, ставший теперь старостой велижским, канцлер Лев Сапега, а также особо приблизившиеся к Сигизмунду во время рокотта братья Ян и Яков Потоцкие. Вообще, в это время в Польше смотрели на покорение Московского государства как на дело весьма легкое. «...Наши мало не всей Русской землей овладели, – писал один шляхтич другому, – кроме Москвы, Новгорода и других небольших городов... Я вам объявляю, что на будущем сейме постановят такое решение; видя лежкоумие и непостоянство московских людей, которым ни в чем верить нельзя, надобно разорить шляхту (русскую) и купцов и развести в Подолию и другие дальние места, а на их место посадить из наших земель достойных людей...»

В это же именно время в Польско-Литовском государстве особенно усилилась ненависть ко всему православному и русскому. В

1608 году латиняне и униаты хотели нанести смертельный удар Виленскому православному братству, имевшему свое средоточие в Троицком монастыре, и решили, как мы уже упоминали, передать этот монастырь униатам. Православные, конечно, сильно всполошились и послали жалобу в сейм, где у них были покровители, обещавшие принять их сторону. Но в следующем, 1609 году в Вильну прибыл Сигизмунд, шедший на завоевание Московского государства. «Православные, – говорит наш известный ученый М.О. Коялович, – обвинены были в мятеже, в оскорблении величества, и многие из них подверглись суду. Большая часть церквей обращена в унию. Православные мещане задавлены были жестоко... Где было русское братское училище, там редко когда ученики возвращались из училища домой с неповрежденными лицами. На них нападали и били иезуитские школьники, которые не давали житья никакому иноверцу, так что иноверцы даже объезжали обыкновенно на дальнем расстоянии иезуитские школы. Смутные времена в России, постоянные переходы поляков через За-

падную Россию по пути в Москву давали огромную силу всему польскому и латинскому и страшно давили все русское, православное. Везде стало изнемогать и падать и западно-русское мещанство...»

21 сентября 1609 года Сигизмунд стоял уже под стенами Смоленска, имея 5 тысяч пехоты, 12 тысяч конницы, 10 тысяч запорожских казаков и, кроме того, отряд литовских татар. Он послал складную грамоту В.И. Шуйскому и «универсал», или манифест, к жителям Смоленска и окрестных мест, в котором между прочим уверял, что шведы хотят искоренить православие, и он, Сигизмунд, пришел его спасти, почему обитатели Смоленска и должны отворить свои ворота и встретить его хлебом-солью. Но «виленские мещане-братчики, – говорит М.О. Коялович, – послали в Смоленск предостережение, чтобы русские знали, чего ожидать от польского короля, который хочет властвовать и в Восточной России; а когда Сигизмунд подошел к Смоленску и требовал сдачи, то поляки увидели на стенах крепости и некоторых мещан западно-русских.

В Смоленске сидел на воеводстве доблестный Михаил Борисович Шеин. Он зорко следил через своих лазутчиков за всеми действиями противника и был отлично осведомлен об истинных намерениях короля. На свой «универсал» Сигизмунд получил из Смоленска следующий ответ от архиепископа, воевод и народа: «Мы в храме Божьей Матери дали обет не изменять государю нашему Василию Ивановичу, а тебе, литовскому королю и твоим панам не раболепствовать вовеки». Вслед за тем были выжжены посады и слободы. «Многие описали и начертали положение крепости Смоленской, – говорит гетман Жолкевский в своих «Записках», – я кратко скажу об этом. Снаружи она кажется довольно обширна: окружность ее стен полагаю до восьми тысяч локтей, более или менее, не считая окружности башен; ворот – множество; вокруг крепости башен и ворот тридцать восемь, а между башнями находятся стены длиною во сто и несколько десятков локтей. Стены Смоленской крепости имеют толстоты в основании десять локтей, вверху же с обсадом (вероятно, зубцы, между коими бойни-

цы), может быть, одним локтем менее, вышина стены, как можно заключить на глазомер, около тридцати локтей».

Смоляне, кажется, в количестве не более 70 тысяч человек, считая старцев, женщин и детей, «заключились в крепости, – рассказывает Н.М. Карамзин, – и выдержали осаду, если не знаменитейшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнейшую и равно блистательную в летописях нашей славы».

Расставив орудия вокруг города, Сигизмунд велел открыть из них жестокую пальбу; затем 23 сентября, за два часа до рассвета, поляки повели приступ всеми силами, однако не могли вломиться в крепость, хотя разрушили взрывом Авраимьевские ворота; ночью 26 сентября они взяли острог у Пятницкого конца, а через сутки, пользуясь опять ночным покровом, повели новый приступ, причем пытались овладеть Большими воротами.

Но осажденные оборонялись с таким мужеством, что ляхи были всюду отбиты с огромным уроном. Они не пытались более выходить из своих станов, а ограничились ведением почти бесполезной для себя стрельбы

из орудий и устройством подкопов, которые своевременно взрывались нашими при посредстве выводимых ими «слухов». Смолене действовали все время в высшей степени решительно и постоянно производили на поляков смелые вылазки. Однажды среди белого дня шесть человек русских подъехали на лошадях к стану маршала Дорогостайского, схватили на глазах у всех литовское знамя и благополучно вернулись в крепость.

При этих условиях наступила зима с 1609 на 1610 год.

Весть о прибытии Сигизмунда к Смоленску произвела сильное впечатление не только на В.И. Шуйского и Тушинского вора, но и на поляков, бывших с последним. Эти поляки отнюдь не желали делить с королем добычи, которую им сулила смута в Московском государстве. «„Чего хочет Сигизмунд“, говорили тушинские и сапегины ляхи с негодованием, – рассказывает Карамзин, – лишить нас славы и возмездия за труды; взять даром, что мы в два года приобрели своею кровью и победами!» Особенно негодовал на Сигизмунда Рожинский, первое лицо в Тушинском стане. Он

созвал поляков в коло и заключил с ними конфедерацию, или союз, члены которого поклялись посадить Вора на царство, вступив, если нужно, в открытую борьбу с королем, и послали пана Мархоцкого к Сигизмунду со следующим словом: «Если сила и беззаконие готовы исхитить из наших рук достояние меча и геройства, то не признаем ни короля королем, ни отечества отечеством, ни братьев братьями...»

Рожинский уговаривал и Сапегу примкнуть к конфедерации и лично ездил для этого под Троицу, но последний не решился открыто восстать против короля.

Появление Сигизмунда у стен Смоленска вызвало, как мы говорили, большую тревогу и в Москве. Вся надежда царя и граждан была возложена на Скопина, но последний не мог двигаться быстро и должен был выдержать наступление Сапеги, который подступил к Александровской слободе и только после кровопролитного боя отошел опять к Троице; между тем в столице наступил снова голод, и страшно поднялась цена на хлеб; крестьянин Сальков с шайкой воров занял Коломенскую

дорогу, по которой шло продовольствие из Рязанской земли, и двое высланных против него воевод не могли совладать с ним; только когда Василий Иванович Шуйский отправил против Салькова князя Димитрия Михайловича Пожарского, то Сальков был наголову разбит и очистил Коломенскую дорогу. В самой Москве тоже завелась измена, и Красное село было сперва сдано тушинцам, а потом выжжено дотла; при этом был спален и деревянный город Скородум, выстроенный Борисом Годуновым.

Между тем Сигизмунд решил отправить пана Стадницкого в Тушино и грамоты к царю Василию Ивановичу, к патриарху Гермогену, ко всему духовенству, боярам и всем людям Московского государства.

Пан Стадницкий должен был уговорить тушинских поляков оставить Вора и перейти на службу к королю, за что им сулились великие милости не только в Московском государстве, но и в Польше. Шуйскому Сигизмунд сообщал, что пришел помочь ему успокоить его царство, а потому просит съехаться думным боярам с польскими послами для перегово-

ров. В грамоте же к патриарху, духовенству, боярам и всем людям король прямо говорил, что он, желая утишить смуту Московского государства, предлагает им быть под его рукою, за что обещает, заверяя «нашим господарским истинным словом», цело и ненарушимо поддерживать «веру вашу православную правдивую Греческую», хотя вслед за тем он тотчас же принял с великой благодарностью шпагу, освященную папою Павлом V и присланную ему с пожеланием успешного покорения «московских схизматиков».

Приезд Стадницкого в Тушино вызвал большой переполох. Рожинский уговаривал поляков не слушать увещаний короля; но среди рыцарства прошел слух, что Сигизмунд привез с собой огромную казну и хочет всем щедро заплатить. В это же время прибыли в Тушино посланные от Сапеги из-под Троицы, которые тоже стали уговаривать перейти на сторону короля. Рожинский должен был уступить и начал переговоры со Стадницким.

Положение Вора было в это время самое жалкое. Знатные поляки, еще недавно постоянно целовавшие ему руку, относились к

нему теперь с величайшим презрением. Пан Тышкевич ругал его в глаза мошенником и обманщиком. Вместе с тем поляки зорко следили за цариком, чтобы он не сбежал, и заперли всех его лошадей; тем не менее Вору удалось с четырьмя сотнями донских казаков ускользнуть из Тушина. Но за ним отправился в погоню Рожинский и быстро вернул его назад. Когда царик спросил его, о чем у них идут переговоры с королевским послом, то тот ему отвечал: «А тебе что за дело! Черт знает, кто ты таков! Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим», – после чего, будучи пьяным, Рожинский хотел еще избить названного Димитрия.

При этих обстоятельствах, видя, что дело совсем плохо, Вор в тот же вечер (кажется, 6 января 1610 года) оделся мужиком, потихоньку сел со своим приятелем, шутом Кошелевым, в навозные сани и бежал в Калугу, покинув Тушино и свою жену «государыню Марину Юрьевну» на произвол судьбы.

Это неожиданное бегство Вора окончательно побудило всех тушинских поляков перейти на сторону короля.

В другом положении очутились «государыня» и русские люди, оставшиеся в Тушине. Пан Стадницкий предложил Марине, доведшейся ему племянницей, положиться на милость короля, причем по-прежнему называл ее дочерью сендомирского воеводы, но в ней крепко засело убеждение, что она венчанная московская царица. «Кого Бог осветит раз, – писала она в ответ Стадницкому, – тот всегда будет светел... Если счастье лишило меня всего, то осталось при мне, однако, право мое на престол Московский, утвержденное моей коронацией, признанием меня истинной и законной наследницей, признанием, скрепленным двойной присягой всех сословий и провинций Московского государства...» В таком же духе написала она и Сигизмунду.

Простые русские люди и казаки, составлявшие воровские войска, были вначале крайне огорчены бегством царика и прямо обвиняли в этом поляков. «Толпы, – говорит Н.М. Карамзин, – с яростным криком приступили к гетману Рожинскому, требуя своего Димитрия и в то же время грабя обоз сего беглеца, сереб-

ряные и золотые сосуды, им оставленные». Скоро воровской атаман Беззубцев разбил в Серпухове пана Млоцкого за то, что последний «направлял дело в королевскую сторону», а через месяц все казаки, исключая отряд Заруцкого, были приведены к Вору в Калугу князем Шаховским, «всей крови заводчиком», и князьями Д.Т. Трубецким и Засецким. Рожинский погнался за ними и нанес им поражение, положив на месте около 2 тысяч человек, а затем вернулся в Тушино.

В Калуге Вор очень недурно устроился. Город этот связывал его со всем югом, охваченным мятежным движением, и с казаками. Прибыв в подгородный Калужский монастырь, он тотчас же послал объявить жителям города о своем бегстве из Тушина с целью спастись от гибели, которую ему готовил Сигизмунд за отказ отдать полякам Смоленск и Северскую землю, и клялся, что положит свою голову за православие и Отечество: «не дадим торжествовать ереси, не уступим королю ни кола, ни двора». Калужане встретили его с хлебом-солью и с царскими почестями.

Что касается тушинских бояр и служилых

людей, то через несколько дней после бегства Вора в Калугу они собрались на сходку, где имели совещание с послами Сигизмунда, и решили на ней вступить с королем в переговоры о том, чтобы посадить на московский престол его сына королевича Владислава при обязательном условии, что последний примет православие. Конечно, эти тушинские перелеты, за которыми водилось немало грехов, не могли рассчитывать ввиду бегства Вора в Калугу и успехов князя М.В. Скопина на севере на милостивый прием у царя Василия Ивановича в Москве. «В сей думе крамольников присутствовал, как пишут, – говорит Н.М. Карамзин, – и муж добродетельный, пленник Филарет, ее невольный и безгласный участник».

21 января 1610 года под Смоленском Сигизмунд принимал русских послов из Тушина; в числе их между прочими были беглый воевода из Орешка Михаил Глебович Салтыков с сыном Иваном; дьяк Грамотин, ловкий, но гнусный человек, который вместе с Михаилом Салтыковым за несколько времени до этого по просьбе Сапеги склонял к сдаче за-

щитников Троице-Сергиевой лавры; убийца семьи Годуновых и выдававший себя одно время за Лжедмитрия, битый кнутом дворянин Михаил Молчанов; старый изменник князь Василий Рубец-Мосальский, князь Юрий Хворостинин, торговый мужик-кожевник Федька Андронов и некоторые другие.

Несмотря на столь порочный состав посольства, необходимо сказать, что оно, благодаря короля за милостивый прием и прося у него на Московское государство королевича Владислава, заявило ему, что само не может решить это дело без совета всей земли и вместе с тем ставит непременным условием охранение во всей ненарушимости православия, причем Михаил Салтыков, державший королю речь, когда дошел до этого условия, не выдержал и стал плакать.

Вслед за тем 4 февраля между тушинскими послами и королем был заключен договор, который рядом условий, ограничивающих власть Владислава, стремился «охранить московскую жизнь, – как говорит С.Ф. Платонов, – от всяких воздействий со стороны польско-литовского правительства, обязывал Вла-

дислава блюсти неизменно православие, административный (правительственный) порядок и сословный строй Москвы». Сигизмунд согласился на условие, что Владислав будет венчаться на царство русским патриархом в Москве, но коварно добавил, что это произойдет, когда водворится в государстве полный порядок.

Самозванные послы пошли на эту уступку чрезвычайной важности, и каждый из них дал королю такую присягу: «Пока Бог нам даст государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотеть его государеву отцу, нынешнему наияснейшему королю Польскому и великому князю Литовскому, Жигимонту Ивановичу». Обрадованный этим поворотом дел, Сигизмунд писал польским сенаторам: «Хотя при таком усиленном желании этих людей, мы, по совету находящихся здесь панов, и не рассудили вдруг опровергнуть надежды их на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь к себе и москвитян, держащих сторону Шуйского и дать делам нашим выгоднейший оборот;

однако, имея в виду, что поход предпринят не для собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей выгоды республики, мы без согласия всех чинов ее не хотим постановить с ними ничего положительного».

Между тем доблестный защитник Смоленска М.Б. Шеин продолжал отвечать пушечными выстрелами и вылазками на все попытки короля овладеть городом, а владыка Сергей, чтобы пресечь всякие разговоры граждан о сдаче, снял однажды после службы облачение, положил посох и, выйдя к пастве, объявил ей, что готов принять какую угодно мучку, но церкви не предаст и согласен, чтобы его умертвили, но на сдачу города не согласится. Горожане, проливая слезы, надели опять на Сергия облачение и поклялись, что будут стоять против поляков до последнего издыхания.

Оставшаяся в Тушине Марина тщетно отправляла во все стороны письма с просьбой о помощи и ходила с распущенными волосами по палаткам воинов, убеждая их принять сторону Вора; наконец она решилась бежать. 11 февраля 1610 года, переодевшись гусаром, в

сопровождении служанки и нескольких сотен донцов Марина покинула Тушино, оставя письмо к войску, в котором горько жаловалась на свою судьбу, но говорила, что не отступит от своих прав на Московское государство, почему поневоле должна ехать к мужу.

Однако она попала не к мужу, а очутилась у Сапеги в Дмитрове, куда он перешел, вынужденный князем Михаилом Васильевичем Скопиным снять 12 января, после 16 месяцев, осаду Троице-Сергиевой лавры. По-видимому, Марина была не прочь соединить свою судьбу с усвятским старостой, «не забывавшим, – по словам Валишевского, – даже в пьяном виде величать «государыней» свою прекрасную подругу...». Но «при всем уважении и рыцарской вежливости, – продолжает Валишевский, – с которым он уговаривал «царицу» не покидать его, Марина почувяла, что он предлагает ей это лишь для того, чтобы предать ее королю, и она решила продолжать свой путь... „Не будет того, чтобы ты мною торговал, – сказала она Сапеге, – у меня здесь свои донцы; если будешь меня останавливать, то я дам тебе битву“». Прибыв в мужском платье в

Калугу к Вору, она не переставала рассылать в разные стороны послания, требуя помощи для водворения ее на московском престоле и жалуясь на мужа, который не оказывает ей «ни уважения, ни любви». «В головке этой женщины, честолюбивой до безумия, – говорит Валишевский, – к самым тяжелым и важным заботам постоянно примешивались пошлые мысли и хлопоты о пустяках... Она писала беспрестанно и ко всем, к папе и к нунцию, к королю и к его сенаторам, представляя им разные доводы, один другого глупее и смехотворнее...» Ответов она обыкновенно не получала. Папа Павел V, который писал ей при отправлении ее в 1606 году в Москву: «Мы оросили тебя своими благословениями как новую лозу, посаженную в винограднике Господнем, да будешь дочь Богом благословенная...» – делал теперь коротенькие пометки на ее посланиях: «Не требует ответа».

Бегство Марины в Калугу вызвало новые волнения в Тушине; часть рыцарства приняла сторону Рожинского, другие – его врага, пана Тышкевича, и дело доходило до ружейных

выстрелов. Затем поляки стали звать короля прибыть скорее в Тушино, ибо Тушину начала грозить опасность как со стороны Скопина, так и от Вора из Калуги; но король не двигался из-под Смоленска.

Тогда в первых числах марта 1610 года Рожинский зажег Тушино и направился к Иосифо-Волоколамскому монастырю, ведя с собой в качестве пленника Филарета Никитича. Воровская столица окончательно опустела через несколько дней: часть русских тушинцев пошла за Рожинским, часть последовала в Калугу к Вору, а часть явилась с повинною в Москву. Тушинские же послы во главе с Михаилом Салтыковым остались при Сигизмунде под Смоленском.

Князь М.В. Скопин тем временем успешно подвигался на освобождение столицы: 4 января 1610 года высланный им в передовом отряде дворянин Волуев для разведки расположения Сапеги вступил в Троице-Сергиев монастырь, усилился там отрядом Жеребцова и на другой день напал на поляков, после чего вернулся к Скопину, донося ему о слабости Сапеги. Последний, как мы уже говорили, вынуж-

ден был 12 января снять осаду лавры и отступил к Дмитрову.

Через несколько дней последовало торжественное вступление войск Скопина в обитель Живоначальной Троицы. Ее мужественные защитники и иноки радостно встретили прибывших и отдали все, что имели еще в ризнице, а также несколько тысяч рублей монастырской казны для уплаты шведам. Затем, несмотря на глубокий снег, отряд князя Ивана Куракина из шведов и русских двинулся от Троицы на лыжах к Дмитрову, где Сапега был наголову ими разбит. В это время как раз у него гостила Марина; видя, что испуганные поляки вяло защищают свои укрепления, она выбежала к ним и крикнула: «Что вы делаете, негодяи! Я женщина, а не потеряла духа...» От Дмитрова, бросив знамена и пушки, Сапега побежал к калужским и смоленским границам, чтобы, «смотря по обстоятельствам, – говорит Н.М. Карамзин, – присоединиться к королю или к Лжедмитрию».

Скоро мужественный Волуев разбил под Иосифо-Волоколамским монастырем и знаменитого воровского гетмана князя Рожинского,

причем был освобожден и отправлен затем в Москву его пленник, Филарет Никитич Романов. Сам же Рожинский, упав нечаянно на раненый бок, кончил через несколько дней свою молодую, но бурную жизнь в Волоколамске.

Один только Суздаль оставался до весны во вражеских руках; здесь крепко держался смелый наездник Лисовский вместе с изменником атаманом Просовецким. Весной Лисовский оставил Суздаль и отправился ко Пскову, ограбив по пути Калязинский монастырь и убив его защитника Давыда Жеребцова.

Таким образом, к весне 1610 года трудами князя М.В. Скопина Москва была освобождена от польско-воровских отрядов, ее окружавших. «До прибытия Скопина, – говорит гетман Жолкевский в своих „Записках о Московской войне“, – в Москве бочка ржи продавалась с лишком по двадцати золотых; теперь же так много оной было привезено, что бочка продавалась по три золота...»

Царь Василий Иванович и вся столица с величайшим торжеством встречали 12 марта 1610 года своего юного освободителя – 23-лет-

него князя Михаила Васильевича Скопина; народ падал перед ним ниц и называл его отцом Отечества.

Конечно, самым радушным и широким образом чествовались и его сподвижники – русские ратные люди, а также Делагарди и шведские наемники.

Имя Скопина было в это время у всех на устах, и в мечтах каждого русского человека, любящего свое Отечество, он являлся тем несравненным героем и избавителем, который должен был окончательно очистить Московское государство от поляков и воров. В Москве появились уже рассказы про каких-то гадателей, предсказывавших, что умиротворение России наступит, когда царем будет Михаил.

Но все это, разумеется, должно было сильно не нравиться Василию Ивановичу Шуйскому, особенно же его бездарному, но завистливому брату, князю Димитрию Ивановичу, который являлся его наследником, так как у престарелого царя от брака с княжной Буйносовой-Ростовской было только две дочери, вскоре же умершие, и дальнейшего потом-

ства ожидать было трудно. Князь Димитрий Иванович с ненавистью следил за успехами Скопина и во время торжественного въезда его в Москву не мог удержаться, чтобы не сказать: «Вот идет мой соперник».

Сам царь Василий Иванович хотя и проливал слезы радости при встрече племянника 12 марта, но в Москве слезам этим никто не верил, зная, во-первых, его подозрительность, а затем и ввиду событий, разыгравшихся за некоторое время до этого, когда Скопин был еще в Александровской слободе, куда к нему неожиданно прибыли посланные от страстного и нетерпеливого Прокофия Ляпунова, еще недавно принесшего повинную Василию Ивановичу за свой легкомысленный союз с Золотниковым и пожалованного за раскаяние в думные дворяне. Теперь Ляпунов, восхищенный успехами Скопина, прислал ему грамоту, где он назвал его царем, а Василия Ивановича осыпал укоризнами. Скопин в порыве негодования разорвал эту грамоту, а посланных приказал схватить и отправить в Москву. Но затем он дал себя умилоствовать и

разрешил им вернуться в Рязань. Об этом, конечно, тотчас же донесли в Москву люди, приставленные Василием Ивановичем следить за племянником, и с этого времени, говорит летописец, царь Василий и братья его начали против Скопина «держатъ мнение».

Делагарди, слыша доходившие до него слухи о недоброжелательстве царя с братьями к своему молодому другу, предостерегал его и уговаривал как можно скорее выступить из Москвы, чтобы идти против Сигизмунда к Смоленску.

Сигизмунд находился в это время, ввиду геройской защиты смолян, в очень затруднительном положении и решил вступить в сношение с Вором, засевшим в Калуге, для чего к нему должен был поехать из королевского стана брат Марины – староста Саноцкий. В то же время король пытался вновь завести переговоры и с царем Василием Ивановичем, но последний, гордясь успехами племянника, прежде всего потребовал, чтобы король вышел из пределов Московского государства.

Неожиданная смерть Скопина разом изменила все положение дел. 23 апреля он был на

крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского, после чего заболел кровотечением из носа и скончался через две недели.

«Мнози же на Москве говоряху то, – рассказывает летописец, – что испортила ево тетка, княгиня Катерина князь Дмитреева Шуйскова (она, как мы уже указывали, была дочерью Малюты Скуратова и приходилась родной сестрой задушенной Молчановым царице Марии Григорьевне Годуновой), а подлинно то единому Богу (известно)».

Действительно, улик против княгини Екатерины Григорьевны в смерти племянника, а тем более против Василия Ивановича Шуйского у современников не имелось; но во всяком случае кончина князя Михаила была роковой для нелюбимого всеми царя. «Его смертью, – говорит С. Соловьев, – порвана была связь русских людей с Шуйским».

Первым поднял против него голос тот же страстный Прокофий Ляпунов и начал громко требовать его смещения. Но кем заменить Василия Ивановича – Ляпунов еще не решил; подняв восстание в Рязани против Шуйского, он стал сноситься с Вором в Калуге и вместе с

тем вошел в переговоры с умным и честолюбивым соперником Шуйского – с князем Василием Васильевичем Голицыным. Князя Мстиславский и И.С. Куракин тоже не ладили с Шуйским и находили, что лучше всего будет свергнуть его и избрать государя из какого-нибудь иноземного владетельного рода, а не из своей среды.

При таких зловещих для себя обстоятельствах царь двинул к Смоленску против Сигизмунда 40 тысяч московского войска и 8 тысяч шведских наемников, вручив главное начальствование своему бездарному брату князю Димитрию Ивановичу, ненавидимому, кроме того, всеми ратниками за непомерную гордость. Сигизмунд же отправил ему навстречу своего искусного гетмана Жолкевского. Последний осадил частью сил Царево Займище, где заперлись князь Елецкий и храбрый Волуев, а с остальными своими войсками встретил 24 июня 1610 года Димитрия Шуйского под Клушином (недалеко от Гжатска) и наголову разбил его; один из польских отрядов напал на шведов, Делагарди и Горна и заставил их отступить, а главные силы гет-

мана обрушились на московскую конницу и смяли ее. Пехота Шуйского засела в самом Клушине и вначале наносила большой урон полякам, которых сильно задержал большой плетень, но русских предали наемные немцы; они стали покидать наши ряды сперва поодиночке, а потом все большими и большими частями. «Поляки подъезжали к их полкам, – говорит С. Соловьев, – кричали „кум-кум“ (приди-приди), и немцы прилетали, как птицы, на клич». Видя проигрыш боя, «князь Димитрий, – по словам Жолкевского, – бежал поспешно, хотя немногие его преследовали; он увязил своего коня в болоте, потерял также обувь и босой на тощей крестьянской кляче приехал под Можайск в монастырь».

Достав здесь лошадь, он немедленно отправился в Москву, откуда «изыде со множеством воин, но со срамом возвратися, – говорит летописец, – был он воевода сердца не храброго, обложенный женствующими вещами, любящий грамоту и пищу, а не луков натягивание». После Клушинского поражения шведские войска очутились отрезанными от московских; часть из них передалась Сигиз-

мунду, а другие с Делагарди отступили на север, в Новгородскую область. Московские же ратные люди разбежались по домам и не хотели возвращаться в столицу, несмотря на то что их туда усиленно звал царь Василий Иванович.

После своей победы Жолкевский, нагруженный огромной добычей, вернулся под Царево Займище и предложил Елецкому и Волуеву сдаться. Те долго на это не соглашались, но в конце концов должны были целовать крест королевичу Владиславу, заставив в свою очередь присягнуть Жолкевского о сохранении в полной неприкосновенности православия, обычаев, порядков и границ Московского государства: «...как даст Бог, добьет челом государю наияснейшему королевичу Владиславу Жигмонтовичу город Смоленск, то Жигмонту королю идти от Смоленска прочь... А городам всем порубежным быть к московскому государству по-прежнему».

Овладев Царевым Займищем, умный гетман, понимая, что дни царствования Шуйского сочтены, двинулся на Москву, отправляя туда во множестве грамоты и подметные

письма с приглашением жителей передаться королевичу; вместе с тем он приглашал прибыть к Москве и самого Сигизмунда из-под Смоленска. При наступлении Жолкевского к Москве к нему примкнуло до 10 тысяч русского войска, это были отряды из городов Можайска, Борисова, Боровска, Ржева и других, последовавших примеру Царева Займища и присягнувших Владиславу. Со своей стороны и Вор, сведав про разгром царского войска под Клушином, двинулся также из Калуги на Москву через Медынь, Боровск и Серпухов и скоро расположился в 15 верстах от нее в Николо-Угрешском монастыре, у него было до 3 тысяч русских и казаков да отряд Яна Сапеги, которого он переманил к себе за деньги. Вор рассчитывал иметь успех перед Владиславом ввиду того, что многие русские люди, сидевшие в Москве и желавшие низложения Шуйского, сомневались в том, что королевич Владислав примет православие; калужский же царик выставлял себя самым горячим и ревностным православным, хотя в действительности, как мы говорили, едва ли он не был жидом.

При движении к Москве Вору сдались Коломна, Кашира и отряд, оборонявший монастырь Пафнутия Боровского, кроме доблестного воеводы последнего, князя Михаила Волконского. Увидя, что войска царика ворвались в обитель, Волконский бросился в церковь, стал в ее дверях и со словами «Умру у гроба Пафнутия чудотворца» бился до тех пор, пока не был убит. Не сдался Вору и город Зарайск, находившийся по пути его следования к Москве. Здесь сидел воеводой уже знакомый нам князь Димитрий Михайлович Пожарский. Еще до подхода Вора он отклонил предложение Прокофия Ляпунова встать против Шуйского; когда же граждане Зарайска начали уговаривать его целовать крест царика, то он наотрез отказался и заперся с немногими людьми в кремле, приняв благословение никольского протопопа Димитрия умереть за православие и законного государя. Мужественное поведение Пожарского подействовало на жителей, и они заключили с ним такой договор: «Будет на Московском государстве по-старому царь Василий, то ему и служить, а будет кто другой, и тому тоже слу-

жить». После этого зарайцы так укрепились духом, что смело ходили побивать воровских людей и даже вернули обратно город Коломну царю Василию Ивановичу.

Между тем жители Москвы, видя, что им опять грозят осада и борьба с поляками и ворами, окончательно потеряли веру в своего нелюбимого царя, который «сидя на царстве своем, многие беды прия, и позор и лай».

Когда воровские войска подошли к столице, то его вожди стали подсылать к москвичам с такими речами: «Вы убо оставите своего царя Василия, и мы такожде своего оставим, и изберем вкупе всюю землею царя и станем обще на Литву». Москвичам понравилось это предложение, и 17 июля они подняли мятеж; вожаками его были грубый и буйный Захар Ляпунов – брат Прокофия, Феодор Хомутов и Иван Никитич Салтыков. Князья Василий Васильевич Голицын, Мстиславский, Куракин и другие в мятеже прямого участия не принимали, но ничем ему не противодействовали.

Толпа заговорщиков ворвалась во дворец, и Захар Ляпунов стал дерзко говорить Шуй-

скому, чтобы он сложил с себя царское звание, «а мы уже о себе как-нибудь промыслим». Шуйский не смутился этой речью; он грозно прикрикнул на Ляпунова и выхватил нож, чтобы защититься от мятежников. Громадный Ляпунов тоже не испугался движения царя и отвечал ему: «Не тронь меня; вот возьму тебя в руки, так и сомну всего». Но остальные заговорщики стали кричать: «Пойдем прочь отсюда» – и двинулись на Лобное место, а затем в сопровождении толпы сбегавшегося отовсюду народа направились к Серпуховским воротам, причем «взяша и патриарха Ермогена насильством... и начата вопити, чтоб царя Василья отставши. Патриарх же Ермоген укрепляше их и заклинаше. Они же отнюдь не уклоняхусь и на том положиша, что свести с царства царя Василья. Бояре ж немногие постояху за него, и те тут же уклонишась...».

С этого веча царский свояк, князь Иван Михайлович Воротынский, отправился во дворец объявить Шуйскому о решении народа и просил его оставить царство, взяв себе в удел Нижний Новгород. Василий Иванович

должен был, конечно, на это согласиться и сейчас же переехал с женой в свой прежний боярский двор.

Между тем тушинцы и не думали следовать примеру москвичей. Когда им послали объявить, что Василий уже низложен и теперь очередь за сведением Вора, то они, по словам летописца, «посмеяшеся Московским людем и позоряху их и глаголаху им: „Что вы не помните государева крестного целования, царя своего с царства ссадили; а нам-де за своего помереть“...»

Это обстоятельство дало надежду низложенному Шуйскому на возвращение к власти, и он завел пересылку со стрельцами и многими московскими людьми. Гермоген также громко требовал, чтобы Василий Иванович был опять посажен на царство. Но зачинщики заговора решили предупредить это. 19 июля тот же Захар Ляпунов с князьями Засекиным, Тюфякиным, Мерином-Волконским и другими лицами, взяв с собой монахов Чудова монастыря, явились к Шуйскому и потребовали его немедленного пострижения. Шуйский наотрез отказался. Тогда его схвати-

ли и, несмотря на отчаянное сопротивление, насильно постригли. Ляпунов с товарищами держал его в своих дюжих руках, а князь Тюфякин давал за Василия Ивановича обеты пострижения, который не переставал кричать: «Несть моево желания и обещания к постриганью».

Гермоген, всеми силами противившийся свержению Шуйского, тотчас же признал это пострижение недействительным и заявил, что монахом стал Тюфякин, а не Шуйский. Тем не менее последнего заключили в Чудовом монастыре, а затем постригли и его жену; братьев же взяли под стражу. «Свержение московского государя, – говорил С.Ф. Платонов, – было последним ударом московскому государственному порядку. На деле этого порядка уже не существовало; в лице же царя Василия исчезал и его внешний символ... Западные окраины государства были в обладании иноземцев, юг давно отпал в „воровство“; под столицей стояли два вражеских войска, готовых ее осадить. Остальные области государства не знали, кого им слушать и кому служить...»

Москва тоже совершенно растерялась и не могла решить: кто же должен быть царем. Захар Ляпунов и его рязанцы начали «в голос говорить, чтоб князя Василия Голицына на господарстве поставити». Патриарх Гермоген был тоже за избрание царя из своих русских людей: или князя Василия Васильевича Голицына, или сына Филарета Никитича – 14-летнего Михаила Феодоровича Романова. Боярин князь Ф.И. Мстиславский не хотел сам сесть на царство, так как всегда говорил, что если его выберут, то он сейчас же пострижется в монахи; но он не хотел также и выбора кого-либо из своей братьи, и его взглядов держался, по-видимому, и боярин князь И.С. Куракин. Многие русские люди, побывавшие в Тушине, а затем завязавшие сношения с королем, настаивали на избрании Владислава; чернь стояла за Вора; наконец, нашлись и такие, которые были не прочь видеть государем Яна-Петра Сапегу.

Огромная толпа народа собралась за Арбатскими воротами, и после многих прений и криков постановления этого «веча» свелись к тому, что никого из своих не выбирать. Во-

прос же об избрании Владислава оставался пока открытым до заключения с ним договора о принятии православия и прочих условий, обеспечивающих неприкосновенность старых порядков Московского государства. Во всяком случае, в это время большинство склонялось на сторону королевича, как это ясно видно из слов летописца: «На Москве же бояре и вси люди Московские не сослава с городами изобраща на Московское государство Литовского королевича Владислава... Патриарх же Ермоген им з запрещением глаголаше: „Аще будет креститься и будет в православной христианской вере и аз вас благословляю; аще не будет креститься, то нарушение будет всему Московскому государству и православной христианской вере, да не буди на вас наше благословение“. Бояре же послаша к етману (Жолкевскому) о съезде. Етман же нача с ними съезжаться говорит о королевиче Владиславе. И на том уговоришась, что им королевича на царство Московское дати и ему креститься в православную христианскую веру. Етман же Жолкевский говорил Московским людям, что „даст-де король на царство

сына своего Владислава, а о крещенье-де пошлете бити челом королю послов“. Патриарх же Гермоген укрепляше их, чтоб отнюдь без крещенья на царство его не сажали; и о том укрепишася и записи на том написаша, что дати им королевича на Московское государство, а Литве в Москву не входить: стоять етману Жолкевскому с литовскими людьми в Новом Девичьем монастыре, а иным полковником стоять в Можайску. И на том укрепишася и крест целовали им всею Москвой».

Вслед за этим Жолкевский подошел к самой Москве; власть же, до решения вопроса об избрании царя, перешла в руки Боярской думы, получившей известность под именем Семибоярщины, так как в состав ее входило семь лиц, вероятно, князя Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой и А.В. Голицын, И.Н. Романов, Ф.И. Шереметев и князь Б.М. Лыков. Кроме того, летом 1610 года в нее, говорит С.Ф. Платонов, «входил, без сомнения, и кн. В.В. Голицын. Был ли он восьмым, или же при нем не бывал в Думе кто-либо из семи прочих лиц, мы не знаем». Дума

эта, как увидим, к сожалению, не оказалась на высоте своего трудного положения: «Приша власть государства Русского, – рассказывает один современник, – семь московских бояринов, но ничто же им правльшим, точию два месяца власти насладишася».

Решению Москвы выбрать царем Владислава, конечно, сильно способствовало присутствие Вора под стенами столицы; он стал добывать ее со стороны села Коломенского, одновременно с подходом Жолкевского к Новодевичьему монастырю. «Лучше служить королевичу, – говорили московские люди, – чем быть побитыми от своих холопов и в вечной работе у них мучиться».

Вор между тем пытался войти в сношение с королем, чтобы освободиться от такого опасного соперника, как Владислав, и через Сапегу предлагал выплатить Сигизмунду, Владиславу и Речи Посполитой огромные деньги, уступить Северскую землю, а также помогать против шведов, как только он воцарится на Москве. Жолкевскому он послал подарки. Последний от них отказался, но пропустил воровских послов под Смоленск к Сигизмунду.

В первых числах августа гетман помог боярам отбить нападение Вора на столицу, после чего переговоры об избрании Владислава значительно продвинулись вперед. При этом Жолкевский решительно заявил, что принимает только те условия, на которых Михаил Салтыков с другими тушинскими послами целовали крест Сигизмунду под Смоленском об избрании королевича. Что же касается вопроса о принятии Владиславом православия, на чем настаивали бояре, то вопрос этот должен быть передан на решение короля. И бояре сдали и согласились не включать это основное требование в составленные ими условия договора об избрании Владислава, которые были, по-видимому, переданы ими на обсуждение «Земского собора случайного состава», по выражению С.Ф. Платонова, из лиц от земли, находившихся по тому или другому случаю в это время в Москве.

Главнейшие условия этого договора, заключенного 17 августа между боярами и Жолкевским, заключались в следующем: Владислав венчается на царство патриархом и православным духовенством; он обязывается

блюсти и чтить храмы, иконы и мощи святых и не вмешиваться в церковное управление, равно не отымать у монастырей и церквей их имений и доходов; в латинство никого не возвращать и католических и иных храмов не строить; въезд жидам в государство не разрешать; старых обычаев не менять; все бояре и чиновники будут одни только русские; во всех государственных делах советоваться с думой Боярской и Земской; королю Сигизмунду тотчас же снять осаду Смоленска и вывести свои войска в Польшу; Сапегу отвести от Вора; Марине Мнишек вернуться домой и вперед московской государыней не именоваться. Для представления же королю челобитья о дозволении Владиславу креститься в православную веру должны были отправиться большие послы из Москвы под Смоленск.

Заключение этого договора происходило на середине дороги между Москвой и польским станом. После присяги бояр и Жолкевского в соблюдении его условий в этот же день 17 августа присягнуло на верность Владиславу 10 тысяч человек.

На следующий день присяга происходила

в Успенском соборе в присутствии Гермогена. Сюда же прибыли из-под Смоленска и русские тушинцы во главе с Михаилом Салтыковым, князем Василием Рубцом-Мосальским и Михаилом Молчановым, которые, по благосклонному отзыву о них Сигизмунда, «почали служить прежд всех» королю.

«Патриарх же их не благословляше и начим говорить: „Будет пришли вы в соборную апостольскую церковь правдою, а не с лестью и будет в вашем умысле не будет нарушение православной христианской вере, то будет на вас благословение от всего Вселенского собору и мое грешное благословение, а будет вы пришли с лестью и нарушение будет в вашем умысле православной христианской истинной вере, то не буди на вас милость Божия и Пречистая Богородицы и бутте прокляты ото всего Вселенского собору“. Якоже тако и збыться слово его. Той же боярин Михайло Салтыков с лестью и со слезами глаголаше патриарху, что будет прямой истинный государь. Он же их благослови крестом». Но когда к кресту подошел Михайло Молчанов, то Гермоген возмутился «и повел его ис церкви вы-

бити вон безчестне».

Предчувствия Гермогена были вполне справедливы. Целуя крест боярам в соблюдении условий об избрании Владислава, Жолкевский отлично знал, что Сигизмунд сам хочет завладеть Московским государством, а Владислав был выставлен только для виду. Старый гетман ясно видел, что царем может быть только Владислав и притом лишь при условии принятия им православия; тем не менее, зная истинные намерения короля, Жолкевский тщательно скрывал их от бояр и, как увидим, действовал очень искусно в выгодах своего повелителя. Через два дня к гетману приехали из-под Смоленска Федор Андронов и Гонсевский и привезли приказ – приводить москвичей к присяге не Владиславу, а непосредственно самому королю. Но Гонсевский сам увидал, что это дело невозможное, и счел за нужное «не открывать этого, боясь, чтобы Москвитяне (коим имя его величества короля было ненавистно), – читаем мы в „Записках“ Жолкевского, – не восстали и не обратили желаний своих к самозванцу или к кому-нибудь другому».

Скрывая от бояр полученное приказание короля, Жолкевский приступил к выполнению своего обещания отвести Сапегу от Вора; вместе с тем гетман обещал Вору, если он покорится Сигизмунду, выхлопотать ему у сейма Самбор и Гродно для кормления. «Но он (Вор) не думал сим удовольствоваться, – говорит Жолкевский в своих „Записках“, – а тем более жена его (Марина), которая, будучи женщиной властолюбивой, довольно грубо отозвалась: „Пусть его величество король уступит его величеству царю Краков, и его величество царь отдаст королю Варшаву“». Марина приказала так ответить на предложение гетмана, без сомнения обнадеженная в успехе Вора тем обстоятельством, что Суздаль, Владимир, Юрьев, Галич и Ростов стали тайно пересылаться с ним, проведая, что вопрос о принятии Владиславом православия отложен.

Сапега отвечал Жолкевскому уклончиво, что сам он готов отстать от Лжедмитрия, но товарищи не хотят этого. Ввиду этого Жолкевский вместе с московским отрядом выступил против Сапеги, причем первый боярин, князь

Ф.И. Мстиславский, стоявший во главе временного правительства, не постыдился поступить под начальство гетмана. Завидя отряд Сапеги, наши хотели сейчас же на него ударить, но Жолкевский, не желая проливать крови своих же поляков, вызвал Сапегу для переговоров, и тот обещал ему покинуть Вора. Чтобы отогнать последнего от столицы, гетман, по согласию с боярами, провел ночью свое войско через Москву и, соединившись с русской ратью, появился перед воровским отрядом, в котором по-прежнему были и сапежинцы. На этот раз дело опять не дошло до боя, а ограничилось переговорами. Однако Вор, не надеясь больше на Сапегу, решил отступить в Калугу, где к нему присоединился и атаман донских казаков Заруцкий. Сапега же отошел в Северскую землю для действий будто бы против Вора, но на самом деле, с соизволения Сигизмунда, он опять завязал с цариком тайные сношения, чтобы отвлекать москвичей от замыслов короля.

При своем движении ночью через Москву против Вора Жолкевский мог, конечно, захва-

тить почти беззащитную столицу, но не сделал этого и тем приобрел большое доверие у бояр. После удаления Вора последовали взаимные угощения: Жолкевский задал пир боярам, а те отвечали ему тем же. Затем гетман начал торопить отправление большого посольства под Смоленск, согласно договору 17 августа, для избрания королевича, и очень ловко повел дело так, что удалил вместе с ним из Москвы самых опасных для короля людей: умного и деятельного князя В.В. Голицына, который сам имел виды на престол, и не менее умного и крепкого русского человека Филарета Никитича Романова. Жолкевский уговорил бояр поставить во главе посольства Голицына, а Филарет должен был ехать под Смоленск представителем всего православного духовенства.

В состав посольства входили, кроме того, окольный князь Мезецкий, думный дьяк Томила Луговской, Захар Ляпунов, троицкий келарь Авраамий Палицын и другие; всего было до 1200 человек вместе со слугами. Такое большое количество членов посольства объясняется тем обстоятельством, что вместе

с послами под Смоленск отправилась и большая часть того «случайного собора», из людей от земли, которые находились в Москве при выработке условий 17 августа об избрании Владислава. Посольство покинуло Москву 11 сентября. «Патриарх же митрополита (Филарета) и бояр благословляше и укрепляше, чтобы постояли за православную, за истинную христианскую веру, ни на какие б прелести бояре не прельстилися. Митрополит же Филарет даде ему обет, что умрет за православную за христианскую веру». Филарет должен был потребовать, чтобы королевич немедленно крестился у него и у смоленского архиепископа Сергия.

Удаливши из Москвы Голицына и Филарета Никитича, Жолкевский поспешил сделать то же самое и относительно инока поневоле, бывшего царя Василия Ивановича Шуйского; по настоянию гетмана последний был переведен в Иосифо-Волоколамский монастырь, а его братья в Белый; царицу же Марию заточили в суздальском Покровском монастыре.

Чтобы подготовить легчайший захват Москвы королем, Жолкевскому оставалось

сделать еще один шаг: занять столицу и Кремль польскими отрядами, о чем его просили сами бояре, «начата мыслити, како бы пустити Литву в город, и начата вмещати в люди, что будто черные люди хотят впустить в Москву Вора... Уведа же то Патриарх Ермоген и посла по бояр и по всех людей и нача им говорити со умилением и с великим запрещением, чтобы не пустити Литвы в город. Они же ево не послушаша и пустиша етмана с литовскими людьми в город».

Жолкевский, зная малочисленность своего отряда и хорошо помня судьбу поляков в кровавую ночь, когда был убит первый Лжедмитрий, «хотел стать по слободам около столицы». «Мне кажется, гораздо лучше разместить войско по слободам, около столицы, – говорил он представителям своего войска, – которая будет таким образом как будто в осаде». Но с ним не согласились его подчиненные, желавшие скорее добраться до царской казны и других сокровищ, хранящихся в Москве. «Напрасно ваша милость считает Москву такую могущественною, как была она во время Димитрия, а нас такими слабыми,

как были те, которые приехали к нему на свадьбу, – отвечал ему пан Мархоцкий. – Спросите у самих Москвичей, и они вам скажут, что от прихода Рожинского до настоящего времени погибло 300 тысяч детей боярских... Мы теперь приехали на войну, а не на свадьбу...»

С другой стороны, бояре, боясь черни, также не переставали просить Жолкевского ввести поляков в город; на возражения же по этому поводу Гермогена обыкновенно столь бесцветный князь Ф.И. Мстиславский отвечал ему, по некоторым сведениям, с сердцем: «Чтобы он смотрел за церковью, а в мирские дела не вмешивался». В ночь с 20 на 21 сентября была совершена крупнейшая из всех ошибок, содеянных Семибоярской думой: поляки были впущены в столицу и заняли Кремль, Китай и Белый город; кроме того, их отряды расположились в Можайске, Белом и Верее для поддержания сообщений с королем. Москвичи встретили вступление поляков в столицу совершенно спокойно, так как перед этим Салтыков, Шереметев, Андрей Голицын и дьяк Грамотин непрерывно разъезжали по городу и уговаривали жителей ничего не

предпринимать против ляхов. Заняв Москву, Жолкевский завел тотчас строгие порядки: все распри между жителями и его воинами должны были разбираться равным числом судей от поляков и русских. Когда один пьяный поляк выстрелил в надворотную икону Божией Матери, то он был приговорен к отсечению рук и сожжен. Умный гетман старался всех обворожить своей приветливостью и беспристрастием и вполне успел в этом; по его словам, даже суровый Гермоген начал с ним видеться и отзываться о нем одобрительно. Жолкевскому удалось также привлечь на свою сторону московских стрельцов, и по его предложению бояре вручили начальство над ними пану Александру Гонсевскому, на что и сами стрельцы добровольно согласились, «ибо гетман всевозможно обходительностью, – читаем мы в „Записках“ Жолкевского, – подарками и угощениями так привлек их к себе, что мужичье это готово было на всякое его мановение».

Устроив так блистательно польские дела в Москве, Жолкевский спешил ее покинуть; он

отлично понимал, что отправленное посольство под Смоленск не будет иметь успеха, и знал, что весть об этом вызовет среди жителей столицы большие волнения. Чтобы избежать столь трудного для себя положения и не омрачить своей долголетней славы неудачей, он и решил как можно скорее выехать под Смоленск, надеясь, что ему, может быть, удастся своим личным присутствием повлиять на короля и уговорить его приступить к точному выполнению договора 17 августа; советники же Сигизмунда, как об этом хорошо знал гетман, во главе с Яном Потоцким доказывали королю, что овладение всем Московским государством, с подчинением непосредственно ему, является делом весьма нетрудным. Ввиду этих причин, несмотря на усиленные просьбы бояр, Жолкевский покинул Москву во второй половине октября, сдав главное начальствование над польскими войсками Гонсевскому. По дороге он захватил пленного царя Василия Ивановича Шуйского с братьями из Иосифо-Волоколамского монастыря и Белой и с торжеством привез их в королевский стан. Патриарх Гермоген, по-види-

тому, предчувствовал своим чутким сердцем этот поступок Жолкевского, так как настаивал, чтобы Шуйские были сосланы в Соловки, но его не послушали.

«Етман же приде с царем Василием х королю под Смоленск, – говорит летописец, – и поставиша их перед королем и объявляху ему свою службу. Царь же Василий ста и не поклонися королю. Они же ему все рекоша: „Поклонися королю“. Он же крепко мужественным своим разумом напоследок живота своего даде честь Московскому государству и рече им всем: „Не довлеет московскому царю поклонится королю; то судьбами есть праведными и Божиими, что приведен я в плен; не вашими руками взят бых, но от московских изменников, от своих раб отдан бых“. Король же и вся рада паны удивишася его ответа».

Жолкевский верно оценил положение московского посольства под Смоленском.

Уже с дороги послы писали в Москву, что королевские войска разорили Ржевский и Зубцовский уезды, но не смогли овладеть Осташковом; русских же людей, приезжающих в Смоленск, заставляют присягать не

Владиславу, а королю: кто на это соглашается, тех отпускают с грамотами на вотчины и имения, а упорствующих держат под стражей. Вместе с тем послы доносили, что вопреки договору с Жолкевским Сигизмунд всячески старается овладеть Смоленском.

Посольство прибыло в распоряжение королевских войск 7 октября, причем король «начал с того, – говорит И.Е. Забелин, – что не давал послам кормов и поставил их в поле, в шатрах, как будто была летняя пора».

12 октября посольство било челом Сигизмунду, чтобы он отпустил Владислава на царство. На это им весьма уклончиво отвечал великий канцлер Лев Сапега, что король хочет водворить спокойствие в Московском государстве, а для переговоров назначит время.

Часть поляков, бывших под Смоленском, считала нужным исполнить договор, подписанный Жолкевским, и отпустить Владислава в Москву, говоря, «что раз король обещал и гетман присягнул, то нельзя сделать клятвопреступником короля, гетмана и целое войско».

Но против этого возражали другие, во гла-

ве со Львом Сапегой; они находили, что необходимо прежде всего овладеть Смоленском, а затем покорить Московское государство, и, ввиду молодости Владислава, полагали, что он не может самостоятельно управлять столь большой державою без руководителей, а подыскать таковых будет невозможно: «Если назначить поляков, москвитяне оскорбятся, ибо народ московский иностранцев не терпит... Вверить королевича московским воспитателям – трудно, во-первых, уже потому, что там нет таких людей, которые бы умели воспитывать государя как следует; если станут воспитывать его в своих обычаях, то погрузят в грубость государя, подающего такие надежды... Соединить поляков с москвитянами? Но, чтобы они ужились, потребно содействие Духа Святого, потребны люди с умереннейшими характерами... Попы имеют огромное значение; они главы народных движений; с ними и у старика голова закружится, с ними надобно покончить, в противном случае он останется без лекарства... Говорят, что королевич окрестится, хорошо же думают они о своем избраннике: что за кусок хлеба согласится

быть отступником и быть в поругании у всех народов и у них. Говорят, что это условие Патриарх внес, тем хуже... Всего бы лучше, если бы взяли в государи короля, мужа лет зрелых и опытного в управлении. Но предложить им это опасно: возбудится их подозрительность, взволнуется духовенство их, которое хорошо знает, что король ревностный католик... Итак, предложить им прямо короля нельзя: но в добром деле открытый путь не всегда приносит пользу, особенно когда имеем дело с людьми неоткровенными; если неудобно дать королю сейчас же царского титула, то по крайней мере управление государством при нас останется, а со временем откроется дорога и к тому, что нам нужно. Мы не будем им отказывать в королевиче, будем стоять при прежнем обещании, а думе Боярской покажем причины, почему мы не можем отпустить к ним сейчас же королевича, указав, что препятствия к тому не с нашей, но с их стороны... причем нужно различать знатных людей от простого народа: одним нужно говорить одно, другому – другое... Если бы они согласились отсрочить приезд королевича, то

говорить, что в это время государство не может быть без головы, а кого же ближе признать этой главою, как не короля, единственного опекуна сына своего... Говорить об этом с послами, которые теперь у нас (Филарет и Голицын), не следует: их выслали из Москвы как людей подозрительных; лучше отправить послов в Москву и там толковать с добрыми людьми; но если кто из этих послов склонится к нам, то хорошо будет также послать в Москву».

На этом и было порешено в королевском совете. Съезды послов с польскими представителями начались 15 октября, и на них послы тотчас же убедились, что Сигизмунд и не думает выполнять условий, на которых целовал крест 17 августа Жолкевский. Послы прежде всего, на основании этих условий и клятвы, данной гетманом Волуеву и Елецкому, при сдаче ими Царева Займища, просили о снятии королем осады Смоленска. Поляки же, напротив, первым делом требовали, чтобы Смоленск был уступлен Сигизмунду: «Для чего, – говорили они послам, – вы не оказали королю до сих пор никакой почести и разде-

ляете сына с отцом, за что до сих пор не отдадите королю Смоленска? Вы бы велели смолянам присягнуть королю и королевичу, вместе с тем бы оказали почесть королю... Не взяв государю нашему Смоленска, прочь не отхаживать».

На каждом последующем съезде речи поляков становились все резче и резче. 20 октября они заявили послам, что если бы король и согласился отступить от Смоленска, «то они, паны и все рыцарство, на то не согласятся и скорее помрут, а вековечную свою отчину достанут». Когда же послы стали читать в ответ на это договор, заключенный с гетманом, то поляки на них закричали: «Не раз вам говорено, что нам до гетмановской записи дела нет».

По главному делу – о том, даст ли Сигизмунд королевича на царство и примет ли последний православие, – послам было отвечено, что королевич будет отпущен не ранее созыва сейма, а что касается перехода в православие, то «в вере и женитьбе королевича волен Бог и он сам». Конечно, последний ответ никого не мог удовлетворить, и Филарет Ни-

критич завел жаркий разговор по этому поводу со Львом Сапегою. Сапега отвечал ему, по обыкновению, уклончиво, но Филарет настойчиво требовал крещения Владислава. «А тебе, Льву Ивановичу, и больше всех надо радеть, – говорил он Сапеге, – чтобы государь наш королевич Владислав Жигимонтович был в нашей Православной вере Греческого закона, потому что дед твой и отец и ты сам и иные вашего рода многие были в нашей Православной Христианской вере Греческого закона, и неведомо, каким обычаем ты с нами теперь разрознился: так тебе по нашей вере пригоже поборать».

Конечно, Сапега не внял этим словам. Поляки же начали пугать послов известиями об успехах Вора, а также и шведов на севере Московского государства. Действительно, между воровским станом в Калуге и Москвой опять завелись перелеты, а шведы, ввиду выбора королевича Владислава, сына врага их короля, превратились из наших союзников в противников, и недавнишний друг князя М.В. Скопина-Шуйского Яков Делагарди «после несчастной Клушинской битвы, – говорит

Н.М. Карамзин, – отступая к финляндским границам, уже действовал как неприятель: занял Ладугу, осадил Кексгольм и горстью воинов мыслил отнять царство у Владислава»... «Видите сами, – говорили поляки послам, – сколько на ваше государство недругов смотрят, всякий хочет что-нибудь сорвать...» – и настаивали на сдаче Смоленска: «Вы королевича называете своим государем, а короля отца его бесчестите: чего вам стоит поклониться его величеству Смоленском, которым он хочет овладеть не для себя, а для своего же сына». Но послы твердо стояли на наказе, полученном из Москвы, и говорили: «Просим позволения отписать в Москву к патриарху, боярам и ко всем людям, чтобы вперед делать нам по их приказу, а без того ни на что согласиться не можем» – и просили при этом кормов, так как сами терпели крайнюю нужду, а их лошади уже почти все пали от бескормицы. На это паны отвечали им: «Всему этому вы сами причина: если бы вы исполнили королевскую волю, то и вам и дворянам вашим было бы всего довольно» – и опять настойчиво требовали сдачи Смоленска. Послы, разу-

меется, не соглашались. Тогда взбешенные паны стали кричать им: «Когда так, то Смоленску пришел конец».

При этих обстоятельствах в королевский стан прибыл Жолкевский с царем Василием Ивановичем Шуйским и его братьями.

Послы очень обрадовались приезду гетмана, помня его крестное целование и обещания в Москве. Но, прибыв в Смоленск, Жолкевский сразу понял, что здесь царит совершенно другое настроение, и тоже стал уговаривать послов, чтобы они согласились на сдачу Смоленска: «Если же вы этого смольнянам не прикажете, то наши сенаторы говорят, что король за честь свою станет мстить, а мы за честь государя своего помереть готовы, и потому Смоленску будет худо...»

«Попомни Бога и душу свою, Станислав Станиславович, – отвечали послы, опечаленные этою переменной в гетмане, и стали припоминать ему его договор 17 августа и условия, заключенные с Волуевым и Елецким при Царевом Займище, которые начал тут же читать вслух думный дьяк Томила Луговской. Но Лев Сапега не позволил Луговскому про-

должать чтение этого договора и грубо крикнул ему: «Вам давно запрещено вспоминать про эту запись, вы хотите ею только позорить пана гетмана. Если еще раз будете говорить об этой записи, то вам будет худо». На эту выходку Сапеги Жолкевский со своей стороны прибавил: «Я готов присягнуть, что ничего не помню, что в этой записи писано; писали ее русские люди, которые были со мной, и ее мне поднесли, я, не читавши, руку свою и печать приложил, и потому лучше эту запись оставить...»

Затем Лев Сапега и Жолкевский снова приступили с настойчивыми требованиями к послам, чтобы они приказали Шеину сдать Смоленск. В свою очередь и послы опасались за участь города, где свирепствовали болезни, и просили гетмана уговорить короля снять осаду.

Хитрый Жолкевский предложил им на это впустить в Смоленск польских ратных людей, как в Москву, говоря, что тогда, может быть, король позволит смолянам не целовать ему креста. За мысль эту ухватился также Лев Сапега и паны радные и настоятельно требова-

ли немедленного впуска в осажденный город польского отряда, грозя в противном случае тотчас же взять его приступом и уверяя, что Шеин и смоляне держат сторону Вора.

Филарета не было по болезни при этих переговорах. Когда послы вернулись со съезда в свои шатры и сообщили ему об угрозах поляков – немедленно же идти на приступ города, если в него не впустят польский отряд, то доблестный Филарет Никитич отвечал: «Того никакими мерами учинить нельзя, чтобы в Смоленск королевских людей впустить; если раз и немногие королевские люди в Смоленске будут, то нам Смоленска не видать; а если король и возьмет Смоленск приступом мимо крестного целования, то положиться на судьбу Божию, только бы нам своею слабостью не отдать города».

Затем были спрошены все посольские люди: «Если Смоленск возьмут приступом, то они, послы от патриарха, бояр и всех людей Московского государства, не будут ли в проклятии и ненависти?» Посольские люди отвечали: «Хотя бы в Смоленске были наши матери, жены и дети, то пусть бы погибли. Да и са-

ми смольняне думают то же, и скорее все по-мрут, но не сдадутся».

Послы объявили это решение полякам и вместе с тем со слезами просили их не брать города. Но поляки отвечали им отказом и 21 ноября повели приступ: они зажгли порох в выкопанном ими подкопе, взорвали каменную башню и часть городской стены и затем три раза врывались в город, но все три раза были повсеместно отбиты мужественным Шеиным и защитниками города.

2 декабря Лев Сапега объявил послам, что Смоленск не взят только снисходя на просьбы гетмана и их, и добавил: «Государь вас жалует, позволил вам писать в Москву, только пишете правду, лишнего не прибавляйте».

Вследствие этого 6 декабря они послали в Москву подробную грамоту о всем происшедшем и просили решения всей земли, как быть с непомерными требованиями короля; в ожидании же ответа, несмотря на декабрьские морозы, продолжали жить в своих шатрах.

Между тем, видя, что главные послы – Филарет Никитич, князь Василий Васильевич Голицын и думный дьяк Томила Луговской –

непоколебимо стоят на полученном ими наказе, Сигизмунд стал принимать ряд мер, чтобы добыть себе Московское государство иным путем, помимо больших послов.

Мы видели, что переговоры с послами начались 15 октября, а уже на другой день Сигизмунд пожаловал первого боярина Семибоярщины Ф.И. Мстиславского «первенствующим чином государева конюшего, за верные и добрые службы к королю и королевичу», – говорит И.Е. Забелин. Князь Юрий Трубецкой был пожалован Сигизмундом боярином. Король и Лев Сапега старались всячески склонить на свою сторону возможно больше лиц из членов посольства, награждая их жалованными грамотами на поместья и щедрыми обещаниями. К стыду русских людей, весьма многие прельстились этим, причем одним из первых следует назвать знаменитого келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына, отличавшегося особым искательством перед Сигизмундом. Затем изменили члены посольства – дьяк Сыдавный-Васильев и думный дворянин Василий Сукин, которые сами вызвались привести Москву к присяге прямо

королю и сообщали ему заранее все, что собирались говорить послы на съездах с поляками. Захар Ляпунов завел тоже дружбу с рыцарством, осаждавшим город, и с пренебрежением отзывался о больших послах. Всех купленных королем посольских людей было более 40 человек. Он соблазнял их уехать из-под Смоленска домой, с целью раздробить присланное посольство и лишить его всякого значения, а потом подготовить в Москве из удобных себе людей «новый собор от всея земли», который избрал бы уже его самого на царство.

Сильно старались Сигизмунд и Сапега склонить к измене и доблестного дьяка Томилу Луговского, но это им не удалось. Когда 8 декабря Сукин, Сыдавный и другие собирались уже совсем ехать в Москву, то Сапега позвал к себе Луговского и, указывая ему на отъезжающих, одетых в богатые платья, объявил, что они едут в Москву по домам, «так как Сукин стар, а прочие, живучи здесь, проелись».

Услышав это, Луговской тотчас же понял, к чему поведет раздробление посольства, и

стал с жаром говорить Сапеге: «Лев Иванович! Не слыхано того нигде, чтобы так послы дельвали, как делают Василий и Сыдавный. Покинув государское и земское дело и товарищей своих, с кем посланы, едут к Москве. Как им посмотреть на чудотворный образ Пречистой Богородицы, от которой отпущены... Хотя бы Василия Сукина и прямо постигла болезнь, и ему бы лучше тут умереть, где послан, а от дела не отъехать. И старее его живут, а дел не мечут. Также и Сыдавному: хотя бы он и прожился, а еще можно жить... Как они к Москве приедут, я ожидаю, что во всех людях будет сумнение и скорбь. Да и в городах, как только про то услышат, и там, должно надеяться, будет большая шатость. Где это слыхано, чтобы послы так делали, как они делают! Да и митрополиту (Филарету) и князю Василию Васильевичу с товарищи вперед нельзя будет ничего делать. Послано с митрополитом духовного чину пять человек, а нас послов с князем Василием Васильевичем также пять человек: и половину отпусти, а другую оставь... И в том волен Бог да государь Жигимонт король, а нам впредь никакими

мерами нельзя ничего делать».

Сапега отвечал на это, что оставшиеся и одни посольское дело править могут... «И от приезда их в Москву, кроме добра, никакого худа быть не может... А вось, на них глядя, и из вас кто захочет также послужить верою и правдою. Государь и их также пожалует великим своим жалованием, поместьями и вотчинами...» – «Надобно, – отвечал Луговской, – Лев Иванович, просить у Бога и у короля, чтобы кровь христианская литься перестала, чтобы государство успокоилось... А присланы мы к королевскому величеству не о себе бить челом и промышлять, но обо всем Московском государстве».

Сапега долго уговаривал Томилу послужить королю «прямым сердцем» и наконец обещал от имени Сигизмунда, что он наградит его всем «чего только пожелаешь». Услышав это, Луговской вежливо поблагодарил его за королевскую ласку, а Сапега, думая, что тот уже склонился на польскую сторону, стал тотчас же предлагать ему отправиться вместе с Сукиным в Смоленск, чтобы уговорить Шейна и смолян поцеловать крест королю и впу-

стить в город польские войска. Но Луговской отвечал с негодованием: «Никакими мерами этого мне сделать нельзя. Без совету послов не только что того сделать, и помыслить о том нельзя, Лев Иванович! Как мне такое дело сделать, которым на себя вовеки проклятие навести. Не токмо Господь Бог и люди Московского государства мне не потерпят, и земля меня не понесет. Я прислан от Московского государства в челобитчиках, а мне первому же соблазн в люди положить. Нет, по Христову слову, лучше навязать на себя камень и вринуть себя в море, нежели соблазн такой учинить. Да и королевскому делу, Лев Иванович, в том прибыли не будет. Я знаю подлинно, что под Смоленск и лучше меня подъезжали и королевскую милость сказывали, а они и тех не послушали. А если мы поедем и объявимся ложью, то они вперед и крепчае того будут и никого уже не станут слушать».

«Ты только съезди и себя им покажи, а говорить с ними будет Василий Сукин. Он ждет тебя и давно готов», – настаивал Сапега. «Без митрополита и без князя мне ехать нельзя, –

повторял ему Луговской. – Да и Василью ехать непригоже, и от Бога ему не пройдет. Коли хочет, пусть едет, в том его воля».

Узнав от Томилы его разговор с Сапегой, большие послы стали всеми силами противиться коварному умыслу Сигизмунда – раздробить их посольство, так как ясно поняли, что дело сведется к его упразднению. «На другой день после разговора Сапега с Луговским прямые послы, – говорит И.Е. Забелин, – призвали своих кривых товарищей-изменников и говорили им, чтобы они помнили Бога и души свои, да и то, как они отпущены из соборного храма Пречистая Богородицы от чудотворного Ее образа... и не метали бы государственного земского дела, к Москве бы не ездили; промышляли бы о спасении родной земли, ибо обстоятельства безвыходны: сами видят, как государство разоряется, кровь льется беспрестанно и неведомо, как уймется; что, видя все это, как им ехать в Москву, покинуть такое великое дело. „А у нас, – прибавляли послы, – не то что кончается, а дело (уговор с королем) еще и не начиналось“. – „Послал нас король с грамотами, как нам не ехать“, – отве-

тили кривые, вовсе не помышляя о том, что король еще не был их государем и не мог, по правам посольства, распоряжаться чужими послами». Затем кривые, награжденные великим жалованьем короля, уехали из-под Смоленска.

Таким образом, в начале декабря последовало распадение великого посольства в королевском стане; оставшиеся в нем «прямые» послы продолжали терпеть холод и голод и были скорее на положении нищих, чем послов; тем не менее они непоколебимо оставались на страже православия и русской народности и, несмотря на бдительный надзор, умели сноситься с Шеиным и поддерживали в нем решимость продолжать защиту города до последних сил.

Одновременно с этим распалось и боярское правительство в Москве. «Оно было заменено, – говорит С.Ф. Платонов, – совершенно новым правительственным кружком», действовавшим уже всецело в угоду Сигизмунда.

Мы видели, что еще в бытность Жолкевского в Москве в столицу стали прибывать из

королевского стана под Смоленском бывшие тушинские бояре – «те враги богаотметники Михайло Салтыков да князь Василий Мосальский с товарищи». Вслед за тем приехал в Москву также верный слуга короля – торговый мужик, кожевник Федор Андронов. Сигизмунд, разумеется, всячески покровительствовал этим изменникам, прямо державшим его сторону, и приказывал Боярской думе устраивать все их частные дела.

Со своей стороны и бояре также были в высшей степени угодливы по отношению к королю. Как мы видели, Мстиславский был пожалован им в конюшие «за дружбу и радение», а Ф.И. Шереметев не стыдился писать унижительные письма к Льву Сапеге, чтобы он бил челом королю и королевичу о его вотчинных деревнишках. Били челом королю о пожаловании их землею и прочими милостями и множество других людей: бывший дьяк Василий Щелкалов, Афанасий Власьев, старица-инокиня Марфа Нагая и другие. Таким путем, часть московских правящих людей постепенно стала признавать короля властителем государства, в ожидании, пока прибудет

королевич, что, как мы видели, вполне совпало с намерениями Сигизмунда, не замедлившего необыкновенно щедро раздавать прямо от своего имени жалованные грамоты всем обращающимся к нему за милостями. Более всего был награжден его ревностный слуга Михаил Глебович Салтыков с сыном Иваном; им были пожалованы богатейшие волости: Чаранда, Тотьма, Красное, Решма и Вага, бывшие прежде в обладании семей Годуновых и Шуйских, когда те находились у власти.

Другим ревностным слугой короля был торговый мужик Федор Андронов. Сигизмунд решил приставить его к царской казне. «Федор Андронов, – писал он боярам, – нам и сыну нашему верою служил и до сих пор служит, и мы за такую службу хотим его жаловать, приказываем вам, чтобы вы ему велели быть в товарищах с казначеем нашим Василием Петровичем Головиным». Иначе выражается про Андронова летописец: «А король прислал в казначеи московского изменника, торгового мужика гостиной сотни Федьку Андронникова. Он же ноипаче московским людем пакость делаше».

Скоро Андронов с «боярином» Гонсевским стали распоряжаться царской казной как своей собственной. Лучшие вещи отправлялись королю под Смоленск, но хорошо нагрел себе руки около этой казны и Гонсевский[32].

По приезде в Москву усердный Андронов стал тотчас давать советы королю – что необходимо держать под Москвой польский отряд в полной готовности против жителей, а затем посадить во все приказы «надежных людей» из бывших тушинцев, преданных Сигизмунду. Про тех же, которые держали сторону патриарха и стояли за охрану православия и старого уклада Московского государства, Андронов писал: «А когда приберем их к рукам, тогда и штуки их эти мало помогут: надеемся на Бога, что со временем все их штуки уничтожим и умысел их на иную сторону обратим, на правдивую».

Король внял совету Андропова и отдал распоряжение, чтобы все важнейшие должности в столице были заняты вполне благонадежными людьми. «Москвой, – говорит С.Ф. Платонов, – должны были управлять именем ко-

роля тушинские воровские бояре и дьяки».

Сам Андронов сел, как мы видели, рядом с именитыми боярами в их думе, с важным званием казначея. Все же остальные «верные слуги» Сигизмунда из бывших тушинцев были распределены по московским приказам распоряжением короля от 10 января 1611 года: Михайло Молчанов – на Панский; князь Ю. Хворостинин – на Пушкарский; дьяк И. Грамотин – на Посольский, получив звание великого печатника, Иван Салтыков – в Казанском дворце и так далее.

Еще ранее этого, в середине октября 1610 года, какой-то поп, не то Харитон, не то Никон, показал на пытке Гонсевскому, что бояре сносятся с Вором и хотят сообща с ним изгнать поляков из Москвы. Дело это представляется очень темным и притом маловероятным ввиду боязни бояр влияния Вора на чернь и их угодливости по отношению к Сигизмунду, но Гонсевский поспешил воспользоваться этим оговором и с той поры перестал стесняться с боярами; он ввел в Кремль несколько немецких наемников, расставил пушки по стенам и окончательно взял управ-

ление городом в свои руки. «Он даже, – говорит С.Ф. Платонов, – арестовал князей А.В. Голицына, И.М. Воротынского и А.Ф. Засекина. Остальные же бояре хотя и не были даны «за приставов», однако чувствовали себя «все равно что в плену» и делали то, что им приказывал Гонсевский и его приятели; от имени бояр составлялись грамоты: боярам же приказывали руки прикладывать – и они прикладывали». «Гонсевский с людьми, присягнувшими королю, – читаем мы в «Истории» С. Соловьева, – управлял всем: когда он ехал в Думу, то ему подавали множество челобитных; он приносил их к боярам, но бояре их не видали, потому что подле Гонсевского садились Михаил Салтыков, князь Василий Мосальский, Федор Андронов, Иван Грамотин; бояре и не слышали, что он говорил с этими своими советниками, что приговаривал...»

Особенно оскорбляло бояр, что выше их в Думе сидит торговый мужик Федор Андронов. Но не был доволен высоким положением Федора Андропова и другой изменник – Михайло Салтыков; между обоими немедленно возникла жестокая вражда, и оба наперерыв ста-

рались писать друг на друга доносы Сапеге для доклада королю.

Так к началу 1611 года после распада великого посольства под Смоленском распалось и боярское правительство в Москве и заменилось властью польского воеводы Гонсевского и кружком русских изменников, исключительно преследовавших свои личные цели и уже продавших Родину Сигизмунду за полученные от него и обещанные в будущем выгоды.

По мнению С.Ф. Платонова, королю оставалось сделать всего один шаг, чтобы объявить себя вместо сына московским царем: надо было образовать в Москве покорный себе «совет всея Земли», который его бы и избрал на царство.

К счастью, однако, до этого дело не дошло. Жители Москвы становились все более и более недовольными поляками, которые начали держать себя вызывающе и нагло, хотя и соблюдали величайшую осторожность, причем для предупреждения возможности восстания Гонсевский вывел 18 тысяч стрельцов из Москвы под предлогом направления их

против шведов. Во многих городах тоже не хотели целовать крест Владиславу, так как польские и литовские люди везде грабили, жгли и бесчинствовали. Новгородцы отказались принять сына Михаила Салтыкова, Ивана, прибывшего к ним с войском для защиты их от шведов, у которых он отнял вскоре Ладугу, и только после полученного увещания из Москвы от бояр впустили его к себе с одними русскими людьми. Вятка и Казань прямо присягнули Вору, причем в Казани был убит сидевший там воеводой знаменитый Богдан Бельский. Наконец другие города тоже стали сноситься между собой о присяге Вору.

А между тем 11 декабря 1610 года случилось происшествие, имевшее большое значение для дальнейшего хода событий в Московском государстве. Калужский царик неожиданно окончил свою жизнь. Незадолго до этого Вор приказал умертвить бывшего у него касимовского хана Урмамета, за что крещеный татарин Петр Урусов решил ему отомстить. Урусов пригласил 11 декабря царика поохотиться за зайцами и там со своими товарищами убил его, после чего бежал в Крым.

Неизменный друг Вора, шут Кошелев, прискакал с этим известием в Калугу. Марина в отчаянии стала призывать всех к мести, но убийцы были уже далеко. Через несколько же дней Марина родила сына, получившего известность под печальным наименованием Воренок. «А Сендомирского дочь, – говорит летописец, – Маринка, которая была у Вора, родила сына Ивашка. Колужские ж люди все тому обрадовались и называху его царевичем и крестиша ево честно». Однако радость калужан была непродолжительна. Скоро к ним прибыл из Москвы князь Юрий Трубецкой с отрядом и заставил их целовать крест Владиславу, чему они нехотя подчинились. Марина же с сыном была заключена в тюрьму.

После смерти Вора «лучшие люди, которые согласились признать царем Владислава, – говорит С. Соловьев, – из страха покориться казачьему царю, теперь освобождались от этого страха и могли действовать свободнее против поляков. Как только на Москве узнали, что Вор убит, то, по словам современного известия, русские люди обрадовались и стали друг с другом говорить, как бы всей земле, всем

людям соединиться и стать против литовских людей, чтобы они из земли московской вышли все до одного, на чем крест целовали».

Патриарх Гермоген, извещенный тайной грамотой от Филарета и Голицына об истинных замыслах Сигизмунда, также начал во второй половине декабря 1610 года открыто призывать к изгнанию ляхов из пределов Московского государства, «повелевати на кровь дерзнути», и стал рассылать по городам грамоты, в которых объявлял об измене короля, разрешил всех от присяги королевичу и призывал, чтобы «собрався все в збор со всеми городаы, шли к Москве на литовских людей».

Из земских людей первым откликнулся на призыв патриарха пылкий Прокофий Ляпунов, верно служивший Владиславу до смерти Вора; уже в самом начале января 1611 года он поднял своих рязанцев. Жители Нижнего Новгорода и Ярославля встали также тотчас же по призыву «второго Златоуста», святителя Гермогена, против поляков; нижегородские ходоки, «бесстрашные люди» – боярский сын Роман (Ратман) Пахомов и посадский че-

ловек Родион Мосеев – поддерживали сношения своего городского мира с Гермогеном и успешно проникали к нему несмотря на то, что московские изменники во главе с Михаилом Салтыковым и Федором Андроновым всячески теснили святителя; изменники эти не замедлили послать Сигизмунду донос о действиях Прокофия Ляпунова и патриарха, и чтобы лишить Гермогена возможности сношения с городами, употребили против него насилие, разграбили его двор и отобрали всех дьяков, подьячих и дворовых людей. Сам же Гермоген пребывал все время под неослабным надзором в Кремле, «аки птица в заклёпе».

Но великий старец продолжал неуклонно свое святое служение Родине и мощным словом призывал всех немедля ополчаться на ляхов. Слух о чинимых ему насилиях быстро разнесся по земле и послужил к еще большему одушевлению всех крепких русских людей – встать против врагов веры и отечества.

Города опять начали деятельно пересылаться между собой, и чтение их отписок поразительно напоминает послания друг к дру-

гу христианских общин первых веков.

Смоляне из-под королевского стана писали к «Господам братьям нашим всего Московского государства. – Братия есми и сродницы, понеже от святых купели святым крещением породихомся и обещахомся веровати во святую и единосущную Троицу, Богу живу, истинну, вси православнии крестьяне... Во всех городех и в уездех, где завладели литовские люди, не поругана ли наша крестьянская вера и не разорены ли Божия церкви... Вас же всех московских людей литовские люди зовут себе противниками и врагами себе... Не будете толко ныне в соединении, обще со всею землею, горько будет плакати и рыдати неутешимым вечным плачем; переменена будет вера крестьянская в латынство и разорятся Божественныя церкви со всею лепотою... Не помните того и не смышляйте некоторыми делы, что быть у нас на Москве королевичу государем... все люди в Полше и в Литве нико-го того не поступят, что дати королевича на Московское государство, мимо своего государства; много о том было у Литвы на соймище думы со всею землею да и положено на том,

чтоб вывести лутчих людей и опустошить всю землю, и владети всею землею Московскою. Зде мы немало время живем и подлинно про то ведаем, для того и пишем к вам. Для Бога, положите о том крепкой совет меж собы: пошлите в Новгород, и на Вологду, и в Нижний нашу грамотку, списав, и свой совет к ним отпишите, чтоб всем было ведомо, всею землею обще стати за православную крестьянскую веру, покаместа еще свободны, а не в работе и в плен не розведены...».

Московские люди горячо откликнулись на призыв смолян: они стали пересылать их грамоту в другие города и сами писали, прося прийти на выручку столицы от поляков: «Пишем мы к вам, православным крестьяном, общим всем народом Московского государства, господам братьям своим, православным крестьяном... Здесь образ Божия Матере, вечныя заступницы крестьянския, Богородицы, ея же Евангелист Лука написал; и великие светилники и хранители, Петр и Алексей и Иона Чюдотворцы; или вам, православным крестьяном, то ни во что ж поставить?.. Писали к

нам истину братья наша, и нынеча мы сами видим вере крестьянской переменение в Латынство и церквам Божьим разоренье... И вам бы однолично, для всемилостивого Бога, на него ж имеем надежду, чтобы послать грамоту тое, что писана к вам от братьи нашей из-под Смоленска, и сю нашу грамоту, и свой совет отпишите во все города, чтоб было ведомо смертная наша погибель конечная. Поверте тому нашему писму: ей, поистине, немногие в след идут с предатели крестьянскими, с Михаилом Салтыковым да с Федором Ондроновым с своими советники! А у нас, православных крестьян, вначале Божия милости и Пречистая Богородицы и Московских Чюдотворцов, да первопрестолник Апостольная церкви святейший Ермоген Патриарх прям яко сам пастырь, душу свою за веру крестьянскую полагает несуменно, а ему все крестьяне православные последуют, лише неявственно стоять...»

«...И в нынешнем, господа, 7119 году (1611) февраля в 23 день, – писали вслед за тем устюжане пермичам, – приехал к нам на Устюг, с Тотмы, тотомской посылщик Олешка Добры-

шин, а привез с собою списки с отписок, с отписки из-под Смоленска, и из Нижнего Новгорода, и с Рязани, и с... (пропуск в подлиннике) цких, и с ярославских, и с суздальских: и мы с тех отписок и с списков списки списав, послали к вам в Пермь Великую, чтобы вам про то было ведомо; а мы с тех списков списав списки, разослали в Новгород Великий, и на Коломгоры, и на Вагу, и к Солео Вычегоцкой, и на Вычегду, и на Вымь, чтобы нам всем православным христьяном единодушно стояти за православную христьянскую веру и Московскому государству помогати; а мы на Устюг ратных людей собираем и, собрав, пошлем под Московское государство, в сход к бояром и к воеводом и к дворяном и к детем боярским, тотчас, вскоре, не задержав, для Московского очищенья от литовских людей. – И вам бы, господа, с нашия отписки и с списков списки списав, послати на Верхотурье и в Сибирские во все города тотчас, не задержав, с своим посылщиком, чтобы им про то было также ведомо».

В том же феврале 1611 года нижегородцы писали вологжанам: «В нынешнем 7119 году

писали мы к вам наперед сего многажды и гонцов от себя послали, чтоб вам прислати к нам, для договору и о добром совете, людей добрых изо всех чинов, сколько человек пригоже; а самим бы вам, собрався с ратными людьми и с нами с околными города сослався, стати за православную крестьянскую веру и за Московское государство, на полских и на литовских людей, заодин, чтобы полские и литовские люди Московского государства не овладели и нашия общия православныя крестьянския веры в латынство не превратили... И вам бы, господа, попамятуя Бога и Пречистую Богородицу и Московских Чюдотворцов Петра, Алексея, Иону, собрався с ратными людьми и сослався с околными города и с нами, итти к царствующему граду Москве... И вам бы, господа, однолично поспешити походом, чтоб нам московскому государству вскоре помочь учинити. А с Рязани думной дворянин Прокофей Ляпунов, а с Колуги бояре, по ссылке с сиверскими и с украинными города, ко царствующему граду Москве на полских и на литовских людей пошли».

Через несколько дней нижегородцы вновь

писали вологжанам: «Писали мы к вам прежде сего, чтобы вам на Вологде и в уезде собрати всяких ратных людей, конных и с лыжми, и велети им со всею службою готовым быти в поход к Москве; а Генваря в 27 день писали к нам с Резани воевода Прокопей Ляпунов, и дворяне, и дети боярские, и всякие люди Рязанския области, что они, по благословению святейшаго Ермогена, Патриарха Московского и всеа Руси, собрався со всеми Сиверскими и Украинными города, и с Тулою, и с колужскими со всеми людьми, идут на полских и на литовских людей к Москве... Да того ж дни прислал к нам святейший Ермоген, Патриарх Московский и всеа Руси, две грамоты: одну ото всяких московских людей, а другую, что писали из-под Смоленска московские люди к Москве, а мы те грамоты, подклея под сю грамоту, послали к вам на Вологду; да приказывал к нам святейший Ермоген патриарх, чтобы нам, собрався с околными и с поволжскими города, однолично идти на полских и на литовских людей, к Москве вскоре. И мы, по благословенью и по приказу святейшаго Ермогена, Патриарха Московского и всеа Руси,

собрался со всеми людьми от Нижнего и с околными людьми, идем к Москве... И вам бы, господа, однолично пожаловати, на Вологде и во всем уезде собрался со всякими ратными людьми, на конех и с лыгжми, итти со всею службой к нам в сход тотчас, немотчав, как из Нижнего к вам отпишем, где вам придти в сход, и однолично бы к Москве подвиг учинить вскоре, не иного чего ради, но избавы крестьянския чтоб топерво московскому государству помочь на полских и на литовских людей учинити вскоре, докаместа Московского государства и окрестных городов Литва не овладели и крестьянския веры ничем не порушили, и докаместа многие люди не прельстилися и крестьянския веры не отступили, чтобы всем нам топерво за православную крестьянскую веру и за свои души стати за один...»

К этой грамоте вологжанам нижегородцы приложили список полученной ими грамоты в «преименитый Новгород Нижней» от Прокофия Ляпунова, который, между прочим, писал:

«Генваря, господа, в 24 день, писали вы к нам с сыном боярским с Иваном Оникиевым, что Генваря ж в 12 день приехали с Москвы к вам, в Нижней, сын боярской Роман Пахомов да посадской человек Родион Мосеев, которые посланы были от вас к Москве, ко святейшему Ермогену, Патриарху московскому и всеа Руси и ко всей земли, с отписками и для подлинных вестей; а в роспросе, господа, вам сказывали, что приказывал с ними в Нижней к вам святейший Ермоген, Патриарх Московский и всеа Руси, речью; а письма, господа, к вам не привезли, что-де у него писати некому, дияки и подьячие и всякие дворовые люди пойманы, а двор его весь розграблен...

И мы, господа, про то ведаем подлинно, что на Москве святейшему Ермогену, Патриарху московскому и всеа Руси, и всему освященному собору и христоименитому народу, от богоотступников от бояр и от полских и от литовских людей гоненье и теснота велия; и мы бояром Московским давно отказали и к ним о том писали, что они, прелстяся на славу века сего, Бога отступили и приложилися к западным и к жестосердным, на своя овца об-

ратились, а по своему договорному слову и по крестному целованью, на чем им договорися корунный гетман Жолкевский королевскою душею крест целовал, ничего не совершили. И на том, господа, мы сослава с колуженскими и с тулскими и с михайловскими и всех сиверских и украйных городов со всякими людьми, давно крест целовали, что нам за Московское государство с ними и со всею землею стояти вместе, заодин, и с литовскими людьми битись до смерти...»

В том же феврале 1611 года из Ярославля «архимарит, и игумены, и протопоп, и попы, и весь освященный собор, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дети боярские, и головы и сотники стрелецкие и казачьи, и стрелцы, и казаки, и всякие служилые люди, и посадские старосты и целовалники, и все посадские и всякие жилецкие люди» били челом вологжанам о немедленной присылке ратных людей на помощь Москве и сообщали о твердости патриарха Гермогена, причем между прочим писали: «И вам бы, господа, по прежнему своему доброму совету и раденью, попомнити Бога и Пречистую Богородицу, и православную кре-

стьянскую веру... не замотчав ни часу... одно-
конечно тотчас идти к нам в сход и ратных
людей прислати не замешкав, на конех и с
лыжми, покаместа лыжная пора не минется...
И из городов, господа, к нам пишут, что они к
нам в сход тотчас будут со многими ратными
людьми, и с Романова мурзы и Татаровя в
Ярославль в тот час будут... И мы, господа, по
совету со всеми понизовскими и украинными
и резанскими и с иными города Московского
государства, целовали мы святой Животворя-
щий крест февраля в 16 день; и Романовские,
господа, мурзы и татаровя крест нам по своей
вере дали, стояти с нами заодин за православ-
ную крестиянскую веру и за святые Божия
церкви, а королю полскому и литовскому не
служите и креста не целовати и Московское
государство от полских и литовских людей
очищати...».

В марте новгородцы сообщали, что «мы и
всякие жилецкие люди Ноугородскаго госу-
дарства целовали крест на том, что нам Мос-
ковскому государству на разорителей на-
ших православных христьянских веры, на
полских и на литовских людей, помогати и

стояти нам всем за истинную православную христианскую веру единомышленно, а с полскими и с литовскими и с русскими людьми, которые радеют полскому и литовскому королю, ни о чем не ссылатся; а предателей наших истинных православных христианских веры, Ивана Салтыкова да Корнила Чоглокова, за их многия неправды и злохитрство, все люди Новгородского государства посадили в Великом Новгороде в тюрьму; а Московскому, господа, государьству на помочь посылаем мы из Великого Новгорода воеод со многими ратными людьми и с нарядом и к воеводам Прокофью Ляпунову с товарищи, которые идут на помочь Московскому государьству, мы писали, что мы Московскому государьству на помочь посылаем воевод со многими ратными людьми вскоре; да и по городом, господа, мы от себя во Псков, в Иваньгород, в Торопец, на Луки, на Невль, в Порхов, в Заволочье, в Яму, в Копорью, в Орешок, в Ладугу, в Колугу, на Кострому, на Углеч, в Ярославль, на Устюжно, во Тверь, в Торжок и в иные города о том писали, чтобы они, помня Бога и Пречистую Богородицу и великих Чю-

дотворцов, были с нами в соединенье и за дом Пречистая Богородицы и за истинную православную христьянскую нашу веру против врагов и разорителей нашия православныя христьянския веры полских и литовских людей, стали с нами вместе и ратных бы людей на помочь Московскому государству из городов прислали тотчас...».

В том же марте 1611 года настоятель Соловецкого монастыря послал шведскому королю Карлу IX лист следующего содержания:

«Божиею великою милостию великия Россия великий святитель святейший Гермоген Патриарх Московский и всеа Руси и благоверные и великие князи Владимирский и Московский и Новгородский и Казанский и Псковский, и всего Московскаго государства, и Царьскаго Величества и богомолья Соловецкого монастыря и Сумского острогу богомолец игумен Антоней с братьею тебе великому Каролусу девятому Свейскому Готскому Вендейскому Финскому Лопьскому в северной стране Каявскому Естенскому и Влифлянскому королю. Буди тебе ведомо, которые литовские люди на Москве великому святителю

святейшему Патриарху и бояром и князем и дворяном и детем боярским и гостем и всем людем всего Московскаго государства, крест целовали, и в том они изменили и во всем солгали; а который назывался в Московском государстве ложным царевичем Дмитреем Ивановичем, воровски и того ныне убили и в животе его нет; и писал с Москвы великий святитель святейший Гермоген Патриарх Московский и всеа Руси в Великий Новгород и во Псков, и в Казань, и в Нижний Новгород, и на Вологду, и в Ерославль, и в Северские города, и на Рязань, и во все города Московскаго государства, и велел съезжаться к Москве ратным воинским людем и стояти и промышлять единомышленно на литовских людеи: и Божию милостию в Московском государстве у святейшего Патриарха и у бояр и изо всех городов всего Московскаго государства ссылаются и на совет к Москве сходятся и советуют и стоят единомышленно на литовских людеи: а хотят избирати на Московское государство царя и Великаго Князя из своих прироженных бояр, кого всеилный вседержитель Бог изволит и Пречистая Богородица,

а иных земель иноверцов никого не хотят. А у нас в Соловецком монастыре и в Сумском остроге и во всей Поморской области тот же совет единомышленно не хотим никого иноверцов на Московское государство царем и Великим Князем, опроче своих прирожденных бояр Московского государства. Писан в Суматском остроге, лета 7119 марта в 12 день».

Так откликнулась земля в лице ее лучших представителей – духовенства, дворян, воевод, служилого и тяглового люда на призыв своего отца, святейшего патриарха Гермогена, встать на защиту православия и Родины.

Весной 1611 года многочисленные земские ополчения под начальством дворян, воевод и иных служилых людей двигались уже на выручку царствующего града Москвы: Прокофий Ляпунов вел ратников из Рязанской и Северской земли; князь В.Ф. Мосальский из Мурома; князь А.А. Репнин из Нижнего Новгорода; князь Ф.И. Волконский из Костромы; П.И. Мансуров из Галича; А. Измаилов из Суздаля и Владимира и так далее. Все эти рати состояли из людей, служивших прежде в войсках

В.И. Шуйского или входивших в мужицкие отряды, которые собирались на севере и с волжских мест под знамена покойного князя М.В. Скопина-Шуйского. Но, кроме этих земских ратей, к Москве же шли на ее выручку против поляков и другие сильные отряды.

Прокофий Ляпунов, подняв своих рязанцев в январе 1611 года, тотчас же вошел в сношение о совместных действиях против поляков с главным предводителем войск убитого в Калуге Вора, князем Димитрием Тимофеевичем Трубецким, а также и с предводителями отдельных казачьих отрядов, в том числе с атаманом Андреем Просовецким, занимавшим Суздаль, и с Иваном Мартыновичем Заруцким, сблизившимся одно время с поляками, но затем отставшим от них и стоявшим в это время в Туле. Таким образом, Ляпунову, по словам С.Ф. Платонова, удалось столкнуться с Калугой и Тулой... Прежние враги превращались в друзей. Тушинцы становились под одно знамя со своими противниками на «земской службе».

Ляпунов, конечно, хорошо помнил свои совместные действия с Болотниковым и от-

лично знал, что такое эти воровские войска и казачьи отряды; знал он также и их великую ненависть ко всем земским людям, владеющим имуществом или добывающим себе пропитание мирным путем. «Но, – замечает С.Ф. Платонов, – мир и союз с «воровской ратью» был необходим Ляпунову прежде всего по соображениям чисто военным. Надобно было перетянуть от короля на свою сторону ту силу, которая по смерти Вора лишилась возможности действовать самостоятельно, но не могла и оставаться нейтральной (безучастной) зрительницей начавшейся борьбы за Москву».

При этом Ляпунов рассчитывал, конечно, на подъем религиозного чувства православных людей, входивших в воровские и казачьи отряды, и полагал вознаградить их освобождением от крепостной зависимости и жалованьем. «А которые боярские люди и крепостные и старинные, – писал он в Понизовье, – и те б шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казаком...»

Главный воровской воевода, спесивый и

корыстный князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой, очевидно, примкнул к Ляпунову потому, что по смерти Вора это являлось для него самым выгодным; своего же двоюродного брата – князя Юрия Трубецкого, пожалованного в бояре Сигизмундом и прибывшего, как мы помним, в Калугу приводить калужан к присяге королевичу, – он заставил убежать «к Москве убегом». Заруцкий, как говорят, примкнул к Ляпунову потому, что последний обещал ему после очищения государства от поляков провозгласить царем Воренка, сына Марины, успевшей уже перейти в это время к Заруцкому.

Видя, что воровские и казачьи отряды примыкают к движению, поднятому Гермогеном, и чуя, что оно может иметь успех, знаменитый Ян Сапега, как его называет Валишевский – «один из самых блестящих польских аристократов того времени, воспитанник итальянских школ и ученик лучших полководцев своей страны», осаждавший с такой яростью и великим кровопролитием обитель Живоначальной Троицы, тоже решился выступить на защиту православия против поля-

ков и отправил к калужскому воеводе, князю Трубецкому, челобитную, в которой говорил: «...писали мы, господине, к вам в Колугу многажды о совете, и вы от нас бегаете за посмех: мы вам ничего зла не чинили и вперед не хотим, и хотим с вами за вашу веру крестьянскую и за свою славу и при своих заслугах горло свое дати, и вам было добро с нами советовати, что ваша дума; а про нас ведаете, что мы люди водные, королю и королевичу не служим, стоим при своих заслугах, а на вас ни которого лиха не мыслим и заслуг своих на вас не просим, а кто будет на Московском государстве царем, тот нам и заслуги наши заплатит... и стояти бы вам за православную крестьянскую веру и за святых церкви, а мы при вас и при своих заслугах горла свои дадим; а буде нам не верите и вы у нас заклад поемлите, чтобы вам вернее было, да к Прокофию Петровичу Ляпунову о том отпишите. А я пишу вам под присягою, всею правдою, не лукавством, и вы нам не верите за посмех... и будет захотите с нами быть в совете, и мы свои горла за вас дадим, покаместа вам Бог пошлет государя на Московское государство...

у вас в Колуге вмещают которые безделники, не хотячи ничего добра видети православной вере, что мы святым церквам разоренье чиним, и пети в них не велим, и лошади в них ставим: и у нас того во всем рыцарстве не наищеш, то вам безделники лгут, смущают вас с нами...»

Пылкий Ляпунов готов был заключить союз и с Сапегой; однако союз этот не состоялся; через месяц Сапега уже уговаривал жителей Костромы признать Владислава царем и писал им: «Теперь вы государю изменили и неведомо для чего, и хотите на Московское государство неведомо кого. Знаете вы сами польских и литовских людей мочь и силу: кому с ними биться?»

Поляки и русские изменники в Москве противодействовали, разумеется, как могли, сбору ополчения от земли и хотели как можно скорее овладеть Смоленском. «Литовские ж люди и московские изменники, Михайло Салтыков с товарищы, – говорит летописец, – видя московское собрание за православную христианскую веру, начаша говорити бояром, чтоб писати х королю и послати за руками

бити челом королю, чтоб дал сына своего на государство, «а мы на твою волю покладываемся», а к митрополиту Филарету писати и к бояром, чтоб били челом королю, чтоб дал сына своего на Московское государство, а им во всем покладыватца на ево королевскую волю; как ему годно, так и делати, а все на то приводя, чтобы крест целовати королю самому; а к Прокофью послати, чтобы он к Москве не збирался».

Слабодушные бояре подписали эти грамоты «и поидоша к патриарху Ермогену и возвестиша ему все, чтоб ему к той грамоте рука приложити и властем всем руки свои приложити, а к Прокофью о том послати. Он же великий государь, поборатель православной христианской вере, стояще в твердости, аки столп непоколебимый, и, отвецав, рече им: „Стану писати х королю грамоты на том и руку свою приложу и властем всем повелю руки свои приложити и вас благословляю писати; будет король даст сына своего на Московское государство и крестит в православную христианскую веру и литовских людей из Москвы выведет, и вас Бог благословляет такие

грамоты писати и х королю послати; а будет такие грамоты писати, что во всем нам положитца на королевскую волю и послом о том королю бити челом и класться на ево волю, и то ведомое стало дело, что нам целовати крест самому королю, а не королевичю, и я таких грамот не токмо что мне рука приложити, и вам не благословляю писати, но проклинаю, хто такие грамоты учнет писати; а к Прокофью Ляпунову стану писати: будет королевич на Московское государство и креститься в православную христианскую веру, благословляю ево служить, а будет королевич не крестится в православную христианскую веру и Литвы из Московского государства не выведет, и я их благословляю и разрешаю, кои крест целовали королевичю, итти под Московское государство и померети всем за православную христианскую веру“».

Взбешенный этим отказом, «той же изменник злодей Михайло Салтыков нача его праведново позорити и лаяти, и выняв на него нож, и хотяше ево резати...». Но святитель не устрасился занесенного над ним ножа. Он осенил злодея крестным знамением и громко

сказал ему: «Сии крестное знаменье против твоево окоянново ножа; да буди ты проклят в сем веце и в будущем». Затем, обратившись к стоявшему тут же первому боярину князю Мстиславскому, Гермоген сказал ему тихо: «Твое есть начало (ты самый старший), тебе за то добро пострадати за православную христианскую веру; аще и прельстишия на такую дьявольскую прелесть и преселит Бог корень твой от земля живых (прекратится род твой), да и сам какую смертью умреша...»

Бояре не послушали патриарха Гермогена и отправили без его подписи свои грамоты к королю и к послам под Смоленск, причем князя Иван Михайлович Воротынский и Андрей Васильевич Голицын были вынуждены силою приложить к ним свои руки: «Они же в те поры быша за приставы в тесноте велице».

23 декабря 1610 года «придоша ж те грамоты под Смоленск к королю и к митрополиту Филарету. Митрополит же и послы, видя такие грамоты, начата скорбите и друг друга начата укрепляти, что пострадати за православную христианскую веру. Король же повеле

послом быта на съезд и нача им говорити и грамоте те чести, что пишут все бояре за руками, что положились во всем на королевскую волю, да им велено королю бити челом и класти все на ево волю».

Филарет Никитич отвечал на это: «Видим сии грамоты за руками за боярскими, а отца нашего патриарха Ермогена руки нет, а боярские руки князь Ивана Воротынсково, да князь Ондreja Голицына приложены по неволи, что сидят в заточении; да и ныне мы на королевскую волю кладемся: будет даст на Московское государство сына своего, и крестится в православную христианскую веру, и мы ему государю ради; а будет на тое королевскую волю класться, что королю крест целовати и литовским людем быти в Москве, и тово у нас и в уме нет; ради пострадать и помереть за православную христианскую веру. Король же ноипаче веле десяти тесноту великую послом».

27 декабря послов опять позвали на съезд и опять все настояния поляков, чтобы они признали боярскую грамоту, присланную из Москвы, разбились об их несокрушимую

твердость. «Отпускали нас к великим государям бить челом, – отвечал полякам князь В.В. Голицын, – патриарх, бояре и все люди Московского государства, а не одни бояре: от одних бояр я, князь Василий, и не поехал бы, а теперь они такое великое дело пишут к нам одни, мимо патриарха, освященного собора и не по совету всех людей Московского государства...»

Так же неуклонно твердо отказывали послы полякам и в их требованиях относительно Смоленска на съезде, состоявшемся на следующий день, 28 декабря... «Я, митрополит, – говорил им Филарет Никитич, – без патриарховой грамоты на такое дело дерзнуть не смогу, чтобы приказать смольнянам целовать крест королю». Голицын же добавил на это: «А нам без митрополита такого великого дела делать нельзя». Тогда рассерженные поляки стали кричать на них: «Это не послы, а воры».

Смоляне тоже «закоснели в своем упорстве», по выражению поляков, относительно сдачи им города и постоянно вели тайную пересылку с нашими послами. Доблестный Шейн, несмотря на страшную смертность и ли-

шения в городе, всеми мерами поддерживал бодрость духа его защитников: он каждый день сидел в приказной избе, строго следил за правильным ведением всех городских дел, открыл царские погреба и по дешевым ценам продал все запасы; при надобности же против слабых духом употреблял тюремное заключение и пытки. На требования поляков о сдаче Смоленска королю, подкрепляемые извещением, что Москва уже целовала ему крест, он отвечал: «Хотя Москва королю и крест целовала, и то на Москве сделано от изменников. Изменники бояр осилили. А мне Смоленска королю не сдавывать и ему креста не целовать и биться с королем до тех мест, как воля Божья будет. И кого Бог даст государя, того и будет Смоленск!»

23 января под Смоленск приехал из Москвы Иван Никитич Салтыков и привез новые грамоты от бояр послам и жителям Смоленска, подтверждавшие прежде высланные, «чтобы во всем положиться на волю короля». В ответ на это мужественные смоляне приказали передать Салтыкову, что если к ним еще раз пришлют с такими воровскими грамота-

ми, то посланный будет застрелен.

Между тем, хорошо зная бедственное положение защитников Смоленска и опасаясь возможности взятия его поляками, к которым уже давно подошло на усиление 30 тысяч запорожских казаков, князь Василий Васильевич Голицын объявил панам, что послы согласны впустить в Смоленск 50 или 60 поляков, но с тем, чтобы король не требовал от жителей присяги на свое имя и немедленно же снял осаду. «Этим вы только бесчестите короля: стоит он под Смоленском полтора года, а тут как на смех впустить 50 человек», — отвечали рассерженные предложением Голицына паны. Тогда послы набавили еще 50 человек и объявили, что больше 100 человек впустить в Смоленск они ни под каким видом не согласятся.

30 января состоялся опять съезд послов с панами, на котором присутствовал и Иван Салтыков, сообщивший им новую грамоту, привезенную из Москвы. Послы отвечали по-прежнему, что без подписи патриарха грамота не имеет для них значения, и опять предложили впустить 100 поляков в Смоленск с

тем, чтобы немедленно была снята осада и чтобы от граждан не требовалась присяга королю, как это прежде обещал сам Сигизмунд. «Это клевета, клевета», – отвечали паны и стали уверять, что Сигизмунд никогда не давал таких обещаний.

«Если вы увидали в нас такую неправду, – сказал им на это Филарет, – то королю бы пожаловать, отпустить нас в Москву, а на наше место выбрать других; мы никогда и ни в чем не лгали, что говорим и что от вас слышим, все помним. Посольское дело – что скажется, того не переговаривать, и бывает слово посольское крепко; а если от своего слова отпираться, то чему вперед верить?»

«Вы, послы, – закричал в ответ Филарету Иван Салтыков, – должны верить панам их милости, они не солгут; огорчать вам панов радных и приводить на гнев великого государя короля непригоже; вы должны беспрекословно исполнять волю королевскую по боярскому указу, а на патриарха смотреть нечего: он ведает не государственные, а свои поповские дела; его величеству, стояв под таким лукошком два года и не взяв его, прочь отойти

стыдно; вы, послы, сами должны бы вступить за честь королевскую и велеть смолянам целовать крест королю».

Послы попросили панов приказать замолчать Салтыкову, а затем Филарет на поставленный вопрос – будет ли исполнена боярская грамота, отвечал: «Сами вы знаете, что нам духовному чину отец и начальник святейший Патриарх и кого он свяжет словом, того не только Царь, сам Бог не разрешит: и мне без патриаршей грамоты о крестном целовании на королевское имя никакими мерами не делать...» Выведенные из себя такой твердостью Филарета, паны закричали по-слам: «Ну так ехать вам к королевичу в Вильну тотчас же».

Через два дня послов опять позвали к панам. Они были по-прежнему непоколебимыми, и поляки вновь пригрозили им немедленным отправлением в Вильну.

7 февраля был еще съезд. На нем поляки объявили, что король жалует смолян, позволяет присягнуть одному королевичу и обещает снять осаду, но требует ввода в город 700

человек. Послы, однако, согласились только на впуск 200 человек.

На следующий день поляки заявили им, что согласны на это число людей и просят по слов сообщить об этом жителям города.

Но смоляне не хотели впустить к себе и 200 человек; только после долгих убеждений они согласились, но с тем, чтобы король снял осаду и отвел свои войска за границу перед впуском упомянутых 200 человек.

Между тем король и не думал, разумеется, об исполнении своего обещания и составил новое условие, по которому стража у городских ворот должна была быть наполовину русская и наполовину польская, а одни ключи от них быть в руках Шеина, а другие у польского начальника. Затем он обещал снять осаду только после того, когда ключи и ворота будут переданы на этих условиях полякам и когда смоляне принесут ему повинную и исполнят все его требования, причем они же должны были заплатить и за все убытки, которые понес король вследствие их упорного сопротивления.

Ясно было, что на эти условия не могли со-

гласиться ни послы, ни смоляне.

26 марта послов опять потребовали для переговоров; стояла оттепель, и лед на Днепре был слаб; поэтому, чтобы добраться до польского стана, расположенного на другом берегу Днепра, им пришлось идти пешком через реку. Поляки объявили послам, что они будут немедленно отправлены в Вильну, и запретили им вернуться в свои шатры, чтобы взять необходимые для дороги вещи. Затем их взяли под стражу и отвели по избам: Филарета Никитича посадили особо, а князей Голицына и Мезецкого и Томилу Луговского вместе. Так встретили они наступивший Светлый праздник.

Тем временем ополчения от земли двигались на выручку Московского государства.

«Литовские же люди на Москве, видя то, что собрание московским людям, и послаша черкас (запорожских казаков) и повеле воевати Резанския места».

С черкасами соединился и «московский изменник Исак Сунбулов», после чего они приступили к осаде Пронска, где сидел Прокофий Ляпунов. Узнав про это, к нему поспешил на

выручку доблестный зарайский воевода князь Димитрий Михайлович Пожарский. Тогда черкасы бросили осаду Пронска, и Ляпунов отправился в Рязань; Пожарский же вернулся в свой Зарайск.

Ночью к Зарайску подошли черкасы, осадили город и заняли острог; но «помощью ж и чудесы великого чудотворца Николы, – говорит летописец, – воевода князь Димитрий Михайлович Пожарской выиде из города не с великими людми и черкас из острога выбиша вон и их побита». После этого черкасы отошли к Украине, а Сунбулов побежал к Москве.

Вскоре за тем в Москве последовало событие, отмеченное в летописи выражением – «Одати за пристава Патриарха». Получая известия о приближении к столице со всех сторон ополчений, сидевшие в ней поляки потребовали от бояр, чтобы патриарх приказал вернуться этим ополчениям назад. Послушные бояре отправились к Гермогену, и Михайло Салтыков стал говорить ему, «что-де ты писал еси к ним, чтобы они шли под Москву, а ныне ты ж к ним пиши, чтобы они воротились вспять». На это Гермоген отвечал: «...будет (ес-

ли) ты, изменник Михайло Салтыков, с литовскими людьми из Москвы выдешь вон, и я им не велю ходити к Москве; а будет вам сидеть в Москве, и я их всех благословляю помереть за православную веру, что уж вижу поругание православной вере и разорение святым Божиим церквам и слышати латынсково пения не могу». «...В то бо время бысть у них костел, – поясняет летописец, – на старом царя Борисове дворе (где жил Гонсевский), в полате. Слышаху ж они такие словеса, позоряху и лаяху его и приставиша к нему приставов и не велеша к нему никово пуцати».

Между тем отношения жителей Москвы с поляками были уже сильно обострены; после отъезда строгого Жолкевского поляки перестали стесняться в своем поведении и начали, как и при первом Лжедмитрии, чинить великие обиды обывателям.

Открытые призывы Гермогена к восстанию против литовских людей и вести о сборе и приближении ополчений из городов возбуждали, разумеется, еще более москвичей против своих утеснителей. Со своей стороны

поляки принимали все меры предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплох. «Москвитяне уже скучали нами, – говорит в своих «Записках» поляк Маскевич, офицер в отряде Гонсевского, – не знали только, как сбить нас и умышляти нам ковы, часто производили тревогу, так что по 2, по 3 и 4 раза в день мы садились на коней и почти не расседывали их... Чтобы еще более удостовериться в замыслах москвитян, послан был 25 декабря Вашинский с 700 всадников добыть языка в окрестностях: он перехватил гонца с подлинными патриаршими грамотами. Узнав о грозившей опасности, мы пришли в великое беспокойство, усилили караулы, увеличили бдительность, день и ночь стояли на страже и осматривали в городских воротах все телеги, нет ли в них оружия: в столице отдан был приказ, чтобы никто из жителей под смертной казнью не скрывал в доме своем оружия и чтобы каждый отдавал оное в Царскую казну. Таким образом, случалось находить целые телеги с длинными ружьями, засыпанными сверху каким-либо хлебом; все это представляли Гонсевскому вместе с извоз-

чиками, которых он приказывал немедленно сажать под лед... Мы были осторожны; везде имели лазутчиков. Москвитяне, доброжелательные нам, часто советовали не дремать; а лазутчики извещали нас, что с трех сторон идут многочисленные войска к столице. Это было в Великий пост, в самую распутицу».

17 марта, в Вербное воскресенье, Гонсевский освободил Гермогена для совершения обычного шествия на осляти, что привлекало всегда великое множество народу. На этот раз, однако, «не поиде никто за вербою»: опасались, что польские войска, стоявшие весь день на площадях в полной готовности, собраны для того, чтобы ударить на толпу и начать ее избивать.

Москвичи были правы. Михайло Салтыков уговаривал поляков, не ожидая прибытия Ляпунова, перебить жителей столицы и в сердцах говорил им в воскресенье: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить; я этого ждять не буду: возьму жену и пойду к королю». «Ибо Ляпунов, – рассказывает Жолкевский в своих «Записках», – желая привести в действие замыс-

лы свои касательно изгнания наших из столицы, собрав ожидаемых им людей, согласясь с Заруцким и с расположенными к предприятию его москвитянами, рассылал тайно во время ночи стрельцов, которые скрывались соумышленниками в домах своих... Тогда определили наши между собой: выжечь Деревянный и Белый город и, запершись в Кремле и Китай-городе, перебить как помянутых стрельцов, так и всех кого ни попало».

Жолкевский совершенно правильно описывает события: действительно, ко вторнику 19 марта в Москве тайно собралось уже довольно много ратных людей от Ляпунова и несколько военачальников: князь Димитрий Михайлович Пожарский, Иван Матвеевич Бутурлин, Иван Колтовской.

Когда настал день, поляки начали втаскивать пушки на кремлевские стены и башни и требовали от извозчиков, чтобы те им помогали, но извозчики отказались. Начались споры, брань и крики. Заслышав шум, 8-тысячный отряд немецких наемников, изменивший нам в битве под Клушином и перешедший на службу к полякам, вышел из Кремля

и неожиданно стал бить безоружный народ. За немцами бросились на русских и поляки, и скоро в Китай-городе было иссечено до 7 тысяч человек. В Белом же городе жители успели ударить в набат и вооружиться: они перегородили улицы бревнами, столами, скамейками и стреляли из этих укреплений и их окон в поляков и немцев. Ратные люди, присланные Ляпуновым в столицу, также доблестно делали свое дело: князь Д.М. Пожарский побил поляков на Сретенке и вогнал их в Китайгород, после чего поставил себе острожок на Лубянке; И.М. Бутурлин утвердился в Яузских воротах, а Иван Колтовской в Замоскворечье.

«Враги снова возвратились к бою, – рассказывает Маскевич, – и жестоко поражали нас из пушек со всех сторон... каждому из нас было жарко. Мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: «Огня, огня! Жги дома!» «Той же зачинатель злу Михайло Салтыков, – по словам летописца, – первой нача двор жечь свой».

Благодаря ветру огонь быстро распростра-

нился по Белому городу.

Кремль и Китай-город, бывшие в руках поляков, остались целы.

На другой день, в среду, чтобы не очутиться запертыми, поляки подожгли Замоскворечье и тем получили возможность не быть отрезанными от внешнего мира. «Жечь город, – говорит Маскевич, – поручено было 2000 немцев, при отряде пеших гусар наших, с двумя хоругвями конницы... мы зажгли в разных местах деревянную стену, построенную весьма красиво из смолистого дерева и теса: она скоро занялась и обрушилась... Пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских; а мы потихоньку подвигались за ним, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость. Уже вся столица пылала; огонь был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день; а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы были тогда безопасны: огонь охранял нас».

«В чрезвычайной тесноте людей происхо-

дило великое убийство, – рассказывает Жолкевский, – плач, крики женщин и детей представляли нечто, подобное дню Страшного суда; многие из них с женами и детьми сами бросались в огонь, и много было убитых и погоревших... Таким образом, столица Московская сгорела с великим кровопролитием и убийством, которые и оценить нельзя. Изобилен и богат был этот город, занимавший обширное пространство; бывавшие в чужих краях говорят, что ни Рим, ни Париж, ни Лиссабон величиной окружности своей не могут равняться сему городу».

В среду же поляки бились целый день с отрядом князя Димитрия Михайловича Пожарского на Лубянке, который дрался до тех пор, пока не пал, получив несколько ран, после чего был отвезен своими в Троице-Сергиеву лавру.

«В четверток, – рассказывает Маскевич, – мы снова принялись жечь город, коего третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необ-

ходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться. Итак, мы снова запалили ее... Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора».

На дворе стоял жестокий мороз, и несчастные москвичи, не погибшие от пламени и меча литовских и польских людей, принуждены были расположиться в поле.

В пятницу 22 марта к Москве подошел атаман Андрей Просовецкий, ведя с собой, как свидетельствуют поляки, 15 тысяч человек. Против него Гонсевский выслал пана Струся; он встретил Просовецкого, шедшего, по словам Маскевича, «гуляй-городом, то есть подвижною оградой из огромных саней, на коих стояли ворота с несколькими отверстиями для стрельяния из самопалов. При каждых санях находилось по 10 стрельцов: они и сани двигали, и, останавливаясь, стреляли из-за них, как из-за каменной стены. Окружив войско со всех сторон, спереди, с тыла, с боков, эта ограда препятствовала нашим копейщикам добраться до русских». После незначительной стычки Струсь вернулся в Москву, а

Просовецкий стал дожидаться подхода Ляпунова и остальных отрядов.

25 марта, в понедельник на Святой, все ополчение подошло к столице и расположилось у Симонова монастыря; оно считало в своих рядах, вместе с отрядами Трубецкого и Заруцкого, до 100 тысяч человек.

Затем начались бои под самой столицей, причем наши дрались, прикрываясь гуляй-городами, и к 1 апреля поляки были вогнаны в Кремль, Китай и Белый город. Русские же расположились: Ляпунов с рязанцами у Яузских ворот, а Заруцкий и Трубецкой с казачьими и бывшими воровскими войсками против Воронцова поля, разделяя Ляпунова от остальных дружин земского ополчения, ставших у ворот Покровских, Сретенских и Тверских.

6 апреля на рассвете русские заняли большую часть Белого города, оставив в руках поляков только несколько башен на его западной стене. Так как толщина и высота московских стен, за которыми очутились теперь поляки, не сулила успеха при приступе, то наши воеводы решили прибегнуть к полному обложению противника. Это удалось им испол-

нить только к июню; однако уже в апреле у поляков стал обнаруживаться недостаток продовольствия, о чем они писали под Смоленск: «Рыцарству на Москве теснота великая, сидят в Китае и Кремле в осаде, ворота все поотняты, пить, есть нечего».

В мае к Москве подошел высокородный пан Ян Сапега и расположился на Поклонной горе. Он опять уверял русских воевод в своей дружбе, но в то же время писал Гонсевскому и полякам в Кремль и требовал денег у тех и других для уплаты жалованья его рыцарству. Скоро он окончательно разошелся с Ляпуновым, напал на него, но был отбит и всецело передался Гонсевскому. Последний, за истощением денег в царской казне, уплатил сапежинцам церковной утварью, драгоценными камнями, снятыми «с шибы, которая была на гробу царя Феодора», и другими сокровищами московских государей. Ввиду того что около столицы нечем было поживиться, Сапега отправился к Александровской слободе, которую разорил, а затем к Переславлю-Залескому; но от последнего он был отбит при-

шедшим ранее его из-под Москвы атаманом Просовецким. С Сапегой Гонсевский отправил и часть собственного войска, очевидно ввиду недостатка продовольствия, оставя при себе всего лишь около 4 тысяч человек и питая горячую надежду, что к нему прибудет скоро помощь от короля. Но король помощи ему не посылал, так как всецело был поглощен заботой о скорейшем овладении Смоленском.

8 апреля канцлер Лев Сапега объявил находившимся под стражей Филарету Никитичу и князю В.В. Голицыну о побоище и сожжении Москвы в Страстной вторник, а также о взятии Гермогена. Услышав эти вести, послы заплакали, но на все требования поляков написать смолянам о впуске в город королевского отряда непоколебимо отвечали, что без обсылки с патриархом и всеми людьми Московского государства они ничего не предпримут.

12 апреля послов силою посадили в ладью, объявив им, что они будудт отправлены водою в Польшу. Когда посольские слуги переносили вещи и запасы своих господ на судно, то поляки перебили этих слуг, лучшие вещи взя-

ли себе, а запасы выкинули. Стража с заряженными ружьями не покидала послов и на воде и заставляла их терпеть во всем крайнюю нужду.

Незадолго до этого из королевского стана под Смоленском отбыл на Литву гетман Жолкевский, ведя с собой пленных – царя Василия Ивановича и его двух братьев.

Когда послам пришлось плыть мимо земель Жолкевского, то последний послал их спросить о здоровье: те передали посланному, что они просят гетмана помнить свою душу и крестное целование.

Смоленск стойко держался до начала июня 1611 года, хотя из 70 тысяч его жителей осталось не более 8 тысяч; в городе вследствие полного отсутствия соли свирепствовала страшная цинга, от которой умерло множество народа. Судьба Смоленска решилась предательством. Изменник Андрей Дедешин перебежал из него к королю и указал на часть стены, которая была, как недавно выстроенная наспех, слабее других. Поляки тотчас же направили на нее огонь своих пушек и успели сделать в ней широкий пролом. Затем с

наступлением ночи последовал общий приступ; горсть доблестных защитников города, изнуренная 20-месячной осадой, не могла остановить натиск нахлынувшего со всех сторон врага. Часть их пала под ударами неприятеля; другие спешили в соборный храм Святой Троицы. Под ним хранился запас пороха. Кто-то зажег его... «Но кто зажег, – говорит Жолкевский, – наши ли или москвитяне – неизвестно; приписывают это последним... Огонь достиг запасов пороха, который произвел чрезвычайное действие: взорвана была половина огромной церкви с собравшимися в нее людьми, которых неизвестно даже куда девались разбросанные остатки и как бы с дымом улетели. Когда огонь распространился, многие из москвитян, подобно как и в Москве, добровольно бросались в пламя за православную, говорили они, веру. Сам Шеин, запершись в одной из башен... стреляя в немцев, так раздражил их, убив более десяти, что они непременно хотели брать его приступом; однако нелегко бы пришлось им это, ибо Шеин уже решился было погибнуть, но находившиеся при нем старались отвратить его от

этого намерения. Отвратил же его, кажется, от сего больше всех бывший с ним – еще дитя – сын его». Шеин сдался главному польскому воеводе Якову Потоцкому, объявив, что никому другому он живым в руки не отдастся.

Затем совершилось неслыханное дело. Король приказал подвергнуть Шеина пытке, чтобы допросить о разных подробностях осады Смоленска, после сего Шеин был отправлен в окопах в Литву и заключен в тесное заключение. В такое же заключение был посажен и доблестный архиепископ Смоленский Сергей, который и принял смерть в узах в Польше.

Радость Сигизмунда и поляков по случаю взятия Смоленска была чрезвычайна. Ксендз Петр Скарга сказал в Варшаве длинную проповедь, в которой громил русских за упорство в исповедании своего раскола и патриарха Гермогена, причем, по словам С. Соловьева, «знаменитый проповедник не счел нужным позаботиться о том», чтобы приводимые им сведения о событиях, имевших место в Мос-

ковском государстве, «были хотя сколько-нибудь верны».

Сигизмунд, на радостях по взятии Смоленска, вместо того, чтобы идти к Москве выручать Гонсевского, решил вернуться в Польшу.

29 октября 1611 года в Варшаве происходило великое торжество: через весь город к королевскому дворцу ехал верхом в сопровождении блестящей свиты гетман Жолкевский, а за ним везли в открытой повозке пленного царя Московского Василия Ивановича Шуйского с двумя братьями. Во дворце, насколько можно судить по дошедшей до нас черновой записке, канцлер Лев Сапега сказал похвальное слово Сигизмунду, в котором между прочим, описывая Смутное время на Руси, говорил: «...этот (Годунов), видя, что Феодор (Иоаннович) не имеет потомства от своей жены, его сестры, стлал себе дорогу к престолу. А так как помехой был тот, младший наследник Димитрий Углицкий, он отрядил тайных убийц, и они умертвили этого ребенка... За это (гордость и преступление) Бог и наказал его (Бориса Годунова), не через великих potentатов (властителей), но через его же соб-

ственного подданного, дотоле нищего и убогого человека, чернеца, который во владениях вашей королевской милости служил из хлеба и одежды... Появился Гришка, сын Богдана Отрепьева, который был чернецом, как его зовут москвитяне – расстрига, а по-нашему «апостат». Он назвался Димитрием Углицким, тем самым, коего Борис приказал убить; был он и у вашей королевской милости в Кракове, и ваша королевская милость из сострадания явила ему и даровала великую милость, а какую он вскоре потом показал неблагодарность вашей королевской милости, скажу ниже. Кратко говоря, пошел он до Москвы, с чьей помощью – всем известно (намек на Мнишека)... А князь Василий вскоре завладел государством силой и на третий день после этого убиения (Гришки) велел короновать себя. Патриарха Игнатия, родом грека, которого самозванец поставил вместо Иова, низложил; а Гермогена, человека злого, поставил патриархом...»

По словам польских летописцев, Василий Иванович и его братья били королю челом до земли и лобызали его руку. Вспоминая, одна-

ко, достойное поведение Шуйского на приеме у того же короля под Смоленском, можно думать, что и в Варшаве он держал себя иначе, чем рассказывают поляки.

В числе знатных вельмож, толпившихся в королевском замке, был и пан Сендомирский – Юрий Мнишек; он с ненавистью глядел на Шуйского и требовал мести. Король заточил бывшего царя с братьями в Гостынинском замке, где Василий Иванович через несколько месяцев скончался, после чего прах его был перевезен и похоронен в Варшаве.

О взятии Смоленска Сигизмунд послал извещение и в Москву седмочисленным боярам, сидевшим в Кремле вместе с Гонсевским. Те отвечали ему поздравлением и сообщили в свою очередь, что новгородцы, не удовольствовавшись заключением в тюрьму сына Михаила Салтыкова – Ивана, за «злохитрство», посадили его на кол по получении известия о сожжении Москвы.

Вместе с тем бояре жаловались Сигизмунду, что подошедшее к Москве ополчение Ляпунова с товарищами не слушает их увеща-

ний – разойтись и покориться на волю своих государей, Сигизмунда и Владислава: «Но те воры от воровства своего не перестают и к вашей государственной милости не обращаются, наших грамот и приказу ни в чем не слушают, нас укоряют и бесчестят всякими непригожими речами, похваляются на нас лютыми позорными смертями...»

К июню, как мы уже говорили, русским военачальникам, стоящим под Москвой, удалось овладеть последними башнями Белого города, находившимися в руках поляков, после чего те очутились совершенно запертыми в Китай-городе и Кремле, вместе с боярами и патриархом, сидевшим за приставами.

К этому времени в воинском стане, осаждавшем столицу, взамен запертого в Кремле правительства имелось уже другое, которое ведало не только управлением собранной рати, но также считало своим правом управлять и всем Московским государством впредь до избрания нового царя. Это был совет всея земли, в состав которого входили «всякие служилые люди и дворовые и казаки», находившиеся в рядах ополчения, пришедшего осво-

бодить Москву от поляков. Конечно, Совет этот хотя и состоял только из одних ратных людей, тем не менее имел полное основание считать себя представителем всей земли, так как ополчение было собрано по единодушному приговору всех сословий в городах, и кроме того в нем же участвовали как казаки, так и русские люди, служившие в Тушине. Для заведования делами были учреждены приказы, совершенно такие же, какие действовали в Москве: Поместный, Разрядный, Разбойный, Земский и другие.

30 июня этот совет всея земли – «Московского государства, разных земель царевичи, бояре, окольникы и всякие служилые люди и дворовые, которые стоят за Дом Пречистой Богородицы, за Православную Христианскую веру, против разорителей веры Христианской», составили приговор, по которому верили высшее управление всеми делами трем лицам: боярину князю Димитрию Тимофеевичу Трубецкому, боярину Ивану Мартыновичу Заруцкому и думному дворянину Прокофию Петровичу Ляпунову; последние, однако, яв-

лялись подчиненными лицами относительно «всей земли» и не имели права своевластно наказывать кого-либо смертной казнью или ссылкой: «А не объявля всей земле смертныя казни никому не делать и по городом не ссы- лать...» По этому приговору бывшие тушин- цы были совершенно уравнены с людьми земских ополчений. Но вместе с тем было указано, что кто получил, пользуясь смутой, сверх меры поместий, то он обязан их возвра- тить и довольствоваться тем, что ему бы при- читалось за службу на основании существо- вавших ранее порядков Московского государ- ства. Чтобы пресечь бесчинства казаков, в этом же приговоре постановлено: «С городов и из волостей атаманов и казаков свести и за- претить им грабежи и убийства». Крестьян же и беглых людей от помещиков велено бы- ло отыскивать и возвращать их прежним владельцам.

Конечно, этими постановлениями приго- вора не могли быть довольны казаки и быв- шие воры, причем сильное их неудовольство против себя возбуждал вождь земских опол- чений – пылкий, видный и властный Проко-

фий Ляпунов «всего Московского воинства властель, скачет по полкам всюду, как лев рыкая», который, по словам летописца, и «повеле написать приговор» – по челобитной земских людей. «Начальником же двум, Трубецкому и Заруцкому, та их челобитная не люба бысть».

Особенно ненавидел Ляпунова Заруцкий, совершеннейший изверг по природе. Он был не менее властолюбив, чем Ляпунов, и вместе с тем отличался непомерной алчностью. Заруцкий успел нахватать себе множество вотчин и поместий, с которыми после приговора 30 июня ему приходилось расстаться; вместе с тем было видно, что желание его посадить на царство сына Марины вовсе не пользовалось сочувствием ополчения от земли, начальные люди которого, по словам летописца, «начата думати, что без государя быть нельзя, чтоб им изобрати на Московское государство государя, и придумаша послати в немцы прошати на Московское государство Немецково (шведского) королевича Филиппа... У Заруцково же с казаками бысть з бояры и з дворяны непрямая мысль: хотяху на Мос-

ковское государство посадити Воренка Калужсково, Маринкина сына; а Маринка в те поры была на Коломне...».

Про взаимоотношения верховных троена-
чальников летописец говорит: «В тех же на-
чальникех бысть великая ненависть и гор-
дость: друг пред другом чести и начальство
получить желаста, ни един единого меньши
быти не хотяше, всякому хотяшеся самому
владети. Сие же Прокофей Ляпунов не по сво-
ей мере вознесся и гордость взя... Той же дру-
гой начальник Заруцкой поймав себе городы
и волости многие. Ратные же люди под Моск-
вою помираху з голоду, казаком же даша во-
лю велию; и быша по дорогам и по волостям
грабежи великие. На того же Заруцкого от
земли от всей ненависть бяше. Трубецкому ж
меж ими чести никакие от них не бе...»

Такая взаимная ненависть и рознь не мог-
ли привести, разумеется, ни к чему хороше-
му. Заруцкий и Трубецкой, вынужденные
подписать приговор «всея земли» от 30 июня,
«с тое же поры начаша над Прокофьем дума-
ти, как бы ево убить». Случай скоро предста-
вился. Один из земских военачальников, Мат-

вей Плещеев, поймал, по-видимому на разбое, 28 казаков и посадил их в воду; но на выручку им прибыли другие казаки, которые успели вытащить из воды товарищей и привезти в свой табор под Москвой, разделявший, как мы говорили, стан Ляпунова от станов остальных земских ополчений. Начался страшный шум, как смог земский человек, вопреки приговору от 30 июня, казнить кого-либо смертию без ведома «всея земли», причем все стали кричать против Ляпунова и хотели его убить. Узнав про это, Ляпунов собрался бежать, но был настигнут казаками, и их вожди уговорили его вернуться назад, на что он согласился.

А между тем против него действовал и другой враг, желавший его смерти не меньше, чем Трубецкой, Заруцкий и казаки. Это был Гонсевский. В одной из стычек поляки взяли в плен казака – побратима атамана Исидора Заварзина. Заварзин стал просить Гонсевского разрешить ему повидаться со своим названным братом. Тот разрешил свидание и воспользовался им для своих целей: Гонсевский приказал написать от имени Ляпунова грамо-

ту во все города и искусно подписаться под его руку; грамотой этой наказывалось: «Где поймают казака – бить и топить; когда Бог даст государство Московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим». Пойманный побратим отдал грамоту Заварзину со словами: «Вот, брат, смотри, какую измену над нашей братией казаками Ляпунов делает. Вот грамота, которую Литва перехватила». Заварзин вскипел гневом и отвечал: «Теперь мы его, такого-сякого сына, убьем!»

По его возвращении в таборы содержание грамоты стало тотчас же известно казакам, которые собрали круг и потребовали Ляпунова для объяснений. Тот дважды отказался ехать. Не прибыли также в круг Трубецкой и Заруцкий, хотя, по всем данным, отлично знали о его сборе. Наконец к Ляпунову пришли два не казака – Сильвестр Толстой и Юрий Потемкин – и поручились ему, «что отнюдь ничево не будет». Однако, как только он вошел в круг, атаман Карамышев стал его называть изменником и показал ему грамоту. Ляпунов, посмотрев на нее, сказал: «Рука похожа на мою, только я не писывал». «Казаки

же ему не терпяше, – говорит летописец, – по повелению своих начальников ево убиша». Вместе с Ляпуновым пал и его большой недруг, известный перелет Иван Ржевский, возмущенный поступком казаков; он стал им с гневом говорить: «За посмешно де Прокофья убили, Прокофьевы-де вины нет» – и был ими изрублен.

Так погиб 22 июля 1611 года Прокофий Ляпунов. Он первый поднялся по призыву Гермогена против поляков и стал во главе всего земского движения на защиту православия и родины от поляков, но без достаточной осторожности соединил свое дело, хотя и вынужденный к этому необходимостью, с делом казаков и воров, пришедших поживиться за счет Московского государства, и за это поплатился жизнью.

Смерть Прокофия Ляпунова была великой бедой. Вслед за ней тотчас же последовало и распадение ополчения, собранного от земли, так как «после Прокофьевой смерти стольники и дворяне, – читаем мы в современной разрядной записи, – и дети городовые из-под Москвы разъехались по городом и по домом

своим, бояся Заруцкого и от казаков убойства». Осаждать же поляков в столице остались казаки и бывшее воровское воинство; в их же руках очутились и все созданные советом всея земли приказы для управления страной: «А Розряд и Поместной приказ и Печатной и иные приказы под Москвой были и в Розряде и в Поместном приказе и в иных приказах сидели дьяки и подьячие и из городов и с волостей на казаков кормы собирали и под Москву привозили».

Создавшееся положение вещей было огромным бедствием для Московского государства. «Оно теперь имело, – говорит С.Ф. Платонов, – над собой два правительства: польско-литовское в Москве и Смоленске и казацко-воровское в таборах под Москвой». В самой же стране после смерти Ляпунова и распада земского ополчения не было никакой силы, способной противостоять им: «уездные дворяне и дети боярские, волостные и посадские мужики были разрознены и подавлены несчастным ходом событий».

Казаки и воры вновь начали предаваться неистовым грабежам по областям, а Сигиз-

мунд вызвал из Ливонии литовского гетмана Хоткевича и поручил ему собирать войска для похода к Москве, чтобы совершенно покончить с ней. В это же время, «желая утвердить вечную дружбу с нами, – говорит Н.М. Карамзин, – шведы... продолжали бессовестную войну свою в древних областях Новгородских и, тщетно хотев взять Орешек, взяли наконец Кексгольм (Корелу), где из трех тысяч Россиян, истребленных битвами и цингою, оставалось только сто человек, вышедших свободно с имением и знаменами, ибо неприятель еще страшился их отчаяния, сведав, что они готовы взорвать крепость и взлететь с нею на воздух».

Вслед за тем, в июле 1611 года, Якову Делагарди удалось овладеть и Новгородом, где между воеводами Василием Бутурлиным и князем Иваном Одоевским Большим шли великие несогласия. 8 июля Делагарди повел приступ на город, но после жестокой сечи был всюду отброшен. Это сильно ободрило защитников. Но тогда как часть из них пребывала все время в усердной молитве, другая

неистово пьянствовала, лазила на стены и бесстыдно ругалась над шведами. Наконец, среди новгородцев нашелся предатель – какой-то Иван Шваль. Зная, что сторожевая служба несется плохо, этот Шваль незаметно ввел шведов ночью в город через Чудинцовские ворота. Шведы кинулись тотчас же сечь стражу по городу и по дворам. Воевода Бутурлин оказал им очень слабое сопротивление, причем бывшие с ним стрельцы и казаки, уходя из города, ограбили лавки, говоря, что все равно их ограбили бы немцы.

Однако среди застигнутых врасплох русских людей в Новгороде нашлось и немало героев. Вот как об этом рассказывает летописец: «Едини же помроша мученическою смертию, биющиеся за православную христианскую веру, голова стрелецкой Василей Гаютин, да дьяк Онфиноген Голянищев, да Василей Орлов, да атаман казачей Тимофей Шаров, да с ним сорок человек казаков, те помроша вкупе. Многою статьею их немцы прельщали, чтобы они здались. Они же отнюдь не здашеся, вси помроша за православную веру. Протопопу же Сафейскому Амосу запер-

шусь на своем дворе со своими советники и бьющися с немцами многое время, и много немец побил. Немцы же ему многижда говорили, чтобы он здался. Он же отнюдь на их словеса не уклонися. Бывшу же ему в то время у митрополита Исидора в запрещении, митрополит же стоя на градцкой стене, поя молебны, видя ево крепкое стоятельство, прости и благослови его за очи, зря на двор его. Немцы же, видячи таковое ево жестокое стоятельство, приидоша всеми людьми и зажгоша у него двор, и згорел он совсем, ни единово не взяша живьем».

Следствием взятия Новгорода был договор, заключенный между оставшимся в городе воеводой князем Одоевским и «Яковом Пунтосовичем Делагардою». По этому договору Новгород отделялся от Московского государства и должен был целовать крест шведскому королевичу, образуя под его властью особое владение, подручное Швеции.

Еще ранее Новгорода отделился от Москвы Псков, в котором, как мы видели, шла уже несколько лет непрерывная борьба между лучшими и меньшими людьми. Весной 1611

года в Псковской области появился литовский гетман Ходкевич и шесть недель стоял под Печерским монастырем, но безуспешно: он не мог его взять.

Зато гораздо удачнее шли дела нового «царя Димитрия» – вора Сидорки, объявившегося в Ивангороде, к которому тотчас же поспешили примкнуть все казаки, бывшие в Псковской области; скоро и Псков должен был принять Сидорку и целовать ему крест, причем Сидорка не замедлил послать объявить через казаков в стан под Москву, что истинный государь Димитрий жив и здоров и имеет пребывание во Пскове.

Между тем 4 августа к Москве подошел со своим рыцарством Ян Сапега; ему удалось нанести поражение казацко-воровской рати, обложившей столицу, и снабдить продовольствием Гонсевского, причем поляки успели также захватить в свои руки и некоторые ворота. Гонсевский хотел даже овладеть обратно всеми укреплениями Белого города и, вероятно, успел бы в этом ввиду крайне вялых действий войск Трубецкого и Заруцкого. Но в самом польском стане было уже полное паде-

ние внутреннего порядка: никто не слушал приказаний Гонсевского, и большинство решило, что раз на выручку столицы идет гетман Хоткевич, то незачем отнимать у него славу и предоставлять ее Гонсевскому. Тем временем Ян Сапега разболелся и умер 4 сентября в Кремле.

Хоткевич подошел к Москве 26 сентября и тоже не имел большого успеха: он привел с собой только 2 тысячи человек, изнуренных пребыванием в Ливонии и разделенных, кроме того, на две партии: одна стояла за гетмана, а другая держала сторону врага его, воеводы смоленского Потоцкого, не желавшего, чтобы слава завоевания Москвы досталась Хоткевичу; были против литвина Хоткевича и все поляки. Поэтому он, постояв под Москвой, с наступлением холодов отошел к Рогачевскому монастырю в 20 верстах от города Ржева, уведя с собой часть сапежинцев и поляков Гонсевского из Кремля и Китай-города. Тем же полякам, которые остались в Кремле, были вместо жалованья выданы взятые сокровища из царской казны: короны Бориса Годунова и Лжедмитрия, «единороговы ро-

ги», из коих один цельный был оценен в 140 тысяч рублей, царские одеяния, церковные сосуды, оклады с образов, драгоценности с покровов, бывших на «гробах великого князя Василия и царевича Ивана», и прочее.

Пользуясь открывшимся сообщением с внешним миром, из Кремля от лица бояр было отправлено посольство к Сигизмунду; в числе его были Михаил Глебович Салтыков и князь Юрий Никитич Трубецкой. Это посольство было выслано для замены старого – Филарета и князя В.В. Голицына, которые делали будто бы «не по наказу и ссылались с Калужским вором, с Смоленскими сидельцами, с Ляпуновым и другими изменниками».

Бедствия нашей Родины увеличивались. Взявши Новгород, шведы овладели затем Ямой, Копорьем, Руссой, Ладогой, Порховом, Ивангородом, Гдовом, Тихвином и Орешком. Кроме вора Сидорки во Пскове появился и другой «истинный» государь Димитрий в Астрахани, которого признало почти все Нижнее Поволжье.

Наступило так называемое лихолетье. Казалось, пришли последние дни для Москов-

ского государства. Хищные отряды шведов, казаков, поляков, «полковника Лисовского» и других воров всюду хозяйничали самым наглым образом, встречая в эту пору противодействие только со стороны «шишей», которым именем прозывались озлобленные и разоренные крестьяне, собравшиеся в шайки и нападавшие при удобном случае на своих грабителей.

Положение дел на Руси казалось совершенно безнадежным. Никто в это время не знал, что надо делать и чего держаться. Жива была в сердцах русских людей только горячая вера в Бога, и к Нему с усердной и слезной молитвой стали всюду прибегать люди, «чтобы он пощадил останок рода христианского» и оградил миром «останок российских царств и градов и весей». Начался беспремерный общий религиозный подъем всей русской народной тверди. Пребывая неустанно в молитвенном настроении, некоторые сподобились чудесных видений.

После взятия Новгорода шведами инок Варлаам увидел во сне Божию Матерь, вокруг которой стояли новгородские святители, умо-

для ее заступиться за Новгород и не предавать его иноземцам. Царица Небесная отвечала, что Господь прогневался на беззакония русских людей, а потому пусть они покаются и готовятся к смерти.

В это же время в подмосковных таборах упорно ходили слухи о некоем свитке, в коем описывалось видение нижегородского обывателя Григория, к которому ночью явились два святых мужа, причем один из них спрашивал другого, называя его «Господи», о судьбах Московского государства, на что Господь отвечал: «Аще человецы во всей Русской Земле покаются и постятся три дня и три ночи в понедельник, вторник и среду, не только старые и юные, но и младенцы, Московское государство очистится».

Рассказ об этом видении производил сильнейшее впечатление, хотя впоследствии оказалось, что в самом Нижнем Новгороде никакого мужа Григория не было... «Нижегородцы же о том дивяхуся, откуда то взяся, – говорит летописец и добавляет, что он тем не менее заносит этот случай в летопись, – а в забвение положить не смех, видячи такую к Богу

веру и пост».

В то же время жена Бориса-мясника, простого посадского человека во Владимире, Мелания объявила воеводе, что сподобилась видеть «во сне несотворенном... пречудную жену», которая возвестила ей, чтобы люди постились и со слезами молились Спасителю и Царице Небесной.

Известия об этих видениях принимались повсюду как за откровения свыше. По поводу их города стали опять сноситься между собой и затем по всей земле был установлен строгий трехдневный пост.

«...И мы к вам списав список с тех вестей Божия откровения, – писали вычегодцы пермичам, – послали, подклея под сею отпискою. А по совету, Господа, всей земли Московского государства, во всех городех, всеми православными народы приговорили, по совету священного собора, архимаритов и игуменов и попов... поститься, а пищи и пития отнюдь воздержатися три дин, ни причаститися ни к чему и с малыми млекосущими младенцы; и по приговору, господа, во всех городех пра-

вославные христиане постились, по своему изволению, от недели и до субботы, а постились три дни в понедельник, во вторник и в среду ничего не ели, не пили, в четверг и пятницу сухо ели...»

На такой высокий подъем религиозного чувства всего народонаселения Московского государства бесспорно влиял пример большинства пастырей Русской церкви и многих Божиих угодников. Кроме патриарха Гермогена и митрополита Филарета, в эти же времена, как мы видели, жили и стяжали известность своими подвигами во имя преданности православию и любви к Родине архиепископ Феоктист Тверской, удержавший свою паству в верности присяге Василию Ивановичу Шуйскому, а затем замученный поляками, взявшими его в плен; Иосиф Коломенский, которого приковал к пушке полковник Лисовский; незабвенный Сергей, архиепископ Смоленский, принявший смерть в польских узах, и митрополит Новгородский Исидор, благословлявший с городской стены подвиг отца Амоса, оборонявшегося на своем дворе от шведов, пока он ими не был сожжен.

Среди отшельников в эти тяжкие времена подвизались преподобный Галактион Вологодский, сын боярина князя Ивана Бельского, приковавший себя к стене цепью в своем затворе, которая не позволяла ему ложиться для сна. Преподобный Галактион предсказал, что Вологда будет разорена поляками, которые нанесли и ему столько увечий, что он умер от них через три дня.

Блаженный Иоанн, псковский затворник, «что в стене жил 22 лета; ел же рыбу сырую, а хлеба не ел, а жил во граде, якоже в пустыни, в молчании великом», как говорит про него летописец.

Преподобный Ефросин Прозорливый подвизался в пустыни на берегу Синичьего озера близ Устюжны Железнопольской. Он предсказал жителям о приходе поляков и убедил их держаться против них крепко; самому же Ефросину вместе с иноком Ионою поляки разmozжили голову чеканом, допытываясь, где находятся церковные сокровища.

Жил в это время и старец Иринарх, затворник ростовского Борисоглебского монастыря, бывший в миру крестьянским сыном села

Кондакова Ильей. Уже в детстве говорил он матери, «как вырасту большой, постригусь в монахи, буду железа на себе носить, трудиться Богу». Выросши, Илья стал жить с своей матерью и заниматься торговлею, причем отлично повел дело, но затем он взял свой родительский поклонный медный крест, каковые кресты, около четверти аршина величиною, ставились в переднем углу комнаты для совершения перед ними молитв и поклонов, и ушел с ним в Борисоглебский монастырь, в котором и оставался до конца своих дней, приняв при пострижении имя Иринарх.

Пребывая однажды в жаркой молитве, Иринарх был осенен святым извещением, что ему следует жить всегда в затворе, что он и исполнил. «Первым помыслом нового затворника, – говорит И.Е. Забелин, – было создать себе особый труд, дабы не праздно и не льготно сидеть в затворе. Он сковал железное ужище, то есть цепь длиною в 3 сажени, обвился ею и прикрепил себя к большому деревянному стулу (толстый обрубок дерева), который, вероятно, служил и мебелью для преподобного, и добровольною тяжелой ношею при пере-

ходе с места на место».

Вскоре Иринарха пришел навестить его друг, известный московский юродивый Иоанн Большой Колпак, о котором мы уже говорили, и посоветовал ему сделать 100 медных крестов, чтобы каждый был весом в четверть фунта. Иринарх с радостью согласился на это, но сказал, что по бедности своей он не знает, где достать столько меди. Блаженный Иоанн успокоил его, говоря, что Бог поможет, и пророчески предсказал: «Даст тебе Господь Бог коня. Никто не сможет на том коне сесть, ни ездить, кроме одного тебя, твоему коню очень будут дивиться, даже и иноплеменные... Господь назначил тебе быть наставником и учителем. И от пьянства весь мир отводить. За это беззаконное пьянство наведет Господь на нашу землю иноплеменников, но и они прославят тебя паче верных». Через несколько дней после этого один посадский человек совершенно неожиданно принес преподобному Иринарху большой медный крест, из которого были слиты, к его большой радости, 100 крестов. Затем другой посадский при-

нес затворнику железную палицу – дубинку, около 3 фунтов веса. Он стал употреблять ее против лености тела и невидимых бесов.

Скоро число крестов увеличилось до 142, а после шестилетних трудов на трех саженьях ужища старец прибавил еще три сажени; затем, по прошествии следующих шести лет, опять три, так что к 1611 году, по мере того как внутренние дела Московского государства «стали, – говорит И.Е. Забелин, – запутываться в новые ужища и цепи, у преподобного подвижника тоже прибыло еще три сажени ужища, полученные от некоего брата, также трудившегося в железе». Таким образом, длина всего ужища стала уже в 9 саженьей. В 1611 же году, в самую трудную и бедственную пору для Московского государства, Иринарх прибавил сразу 11 саженьей ужища и постоянно пребывал обвитый 20-саженной цепью. Но это было далеко не все. «После старца, – рассказывает И.Е. Забелин, – осталось его «праведных трудов», кроме ужища, кроме 142 крестов и железной палицы, еще семеры вериги, плечные или нагрудные, путо шейное, связни поясные в пуд тяготы, восем-

надцать оковцев медных и железных для рук и перстов; камень в 11 фунтов весу, скрепленный железными обручами и с кольцом, тоже для рук; железный обруч для головы, кнут из железной цепи для тела. Во всех сохранившихся и доселе праведных трудах затворника находится весу около 10 пудов».

Преподобный старец неустанно подвизался в этих «трудах» более 30 лет, не давая покою и своим рукам: он вязал для братии одежды из волоса и делал клобуки; сам же носил сорочку из свиного волоса. Он шил также платье для нищих, помогая им чем мог и, сидя в своем крепком затворе, всеми своими помыслами и чувствами следил за грозными событиями, потрясавшими его Родину. «Мимо старца, – говорит И.Е. Забелин, – прославившегося своими подвигами-трудами, конечно, ни пеший не прохаживал, ни конный не проезживал. Все приходили к нему благословляться на путь и побеседовать об общем горе, облегчить сердце и душу упованием на Божий Промысел.

По пророческому слову старца Иринарха князь Скопин-Шуйский отбил Сапегу от Каля-

зина. Затем весь победоносный поход Скопина к Москве и его быстрые поражения польских полков совершились все благословением и укреплением преподобного затворника, причем он всегда посылал князю освященную просфору и святые слова: «Держай, не бойся, Бог тебе поможет!» Но сильнейшая благодать, укрепившая воеводу, заключалась в кресте затворника, который он послал князю еще в Переславль. С этим крестом Скопин победоносно прошел до самой Москвы, совсем тогда погибавшей». Даже поляки относились к трудам преподобного Иринарха с уважением, в том числе и Ян-Петр Сапега. «Воротись-ка и ты в свою землю, – пророчески говорил ему старец, – полно тебе воевать на Россию, не выйдешь ты из нее живой». Пораженный этим, Сапега не велел трогать Борисоглебского монастыря, оставил в нем, по преданию, русское знамя и прислал пять рублей в милостыню Иринарху.

Крепким оплотом русских людей в наступившее лихолетье являлась также обитель Живоначальной Троицы преподобного Сергия.

Ее архимандритом тогда был Дионисий, человек смиренный, глубоко верующий в Бога и беспредельно преданный своим горячим сердцем Родине. Дионисий был уроженцем города Ржева и именовался в мире Давидом. Первоначально он был священником, но скоро овдовел и постригся в старицком Богородичном монастыре. Однажды он появился в Москве на книжном рынке. Кто-то из толпы, увидя красивого молодого монаха, стал его корить, зачем он ходит по торжищам, причем поносил его бранными словами. Вместо того чтобы обидеться, Дионисий заплакал и отвечал ему: «Да, брат! Я в самом деле такой грешник, как ты обо мне подумал. Бог тебе открыл обо мне всю правду. Если бы я был настоящий монах, то не бродил бы по этому рынку, не скитался бы между людьми, а сидел бы в своей келии, прости меня грешного, ради Бога, в моем безумии». Присутствующие были тронуты его словами и обратились с укоризною к обидчику, называя его невежею, но Дионисий остановил их: «Нет, братия! Дерзкий невежа то я, а не он, все слова его обо мне справедливы; он послан от Бога на мое утвер-

ждение, чтобы мне впредь не скитаться по рынку, а сидеть в келии».

Но когда начались тяжкие времена Смуты и на площадях Москвы собирались шумные толпы народа, то Дионисий, пользовавшийся особой любовью Гермогена, появлялся на этих народных сборищах и бесстрашно увещевал толпу крепко стоять за православную веру, несмотря на оскорбления, которым он иногда подвергался.

Назначенный игуменом Троице-Сергиевой лавры после выдержавшего в ней осаду Иосафа, Дионисий вступил в управление монастырем как раз в то время, когда Москва была разорена и в ее окрестностях злодействовали сапежинцы и казаки. Все дороги были переполнены ранеными, голодными и разоренными московскими людьми; кто имел силы, тот спешил найти себе приют в лавре, но великое множество людей, с перебитыми ногами и руками, вырезанными из спины ремнями и содранной с головы кожей или обожженными боками, не могли доползти до монастыря, а валялись на пути или в окрестных рощах и селениях и тут же умирали.

Памятуя заветы святого Сергия, Дионисий обратил его обитель в странноприимный дом и больницу для ратных людей и всякого рода страдальцев. Он призвал келаря, казначея, всю братию и объявил им, что надо всеми силами помогать тем, которые ищут приюта у святого Сергия. «Дом Святой Троицы не запустеет, – говорил он со слезами, – если станем молиться Богу, чтобы дал нам разум: только положим на том, чтобы всякий промышлял чем может».

Затем началась кипучая деятельность: в обители и ее селах стали строить дома и избы для раненых и странников; больных лечили, а умирающим давали последнее напутствие; монастырские работники ездили по окрестностям и подбирали раненых и умирающих; женщины, приютившиеся в монастыре, неустанно шили и мыли белье живым и саваны покойникам. В то же время в келье архимандрита сидели борзые писцы, которые писали увещательные грамоты по городам и селам, призывая всех к очищению земли от литовских и польских людей.

Великий старец Гермоген также не молчал

в своем заточении. В то время как 4 августа 1611 года Ян Сапега подошел к Москве и, разбив казацкие отряды, открыл себе дорогу в Кремль для снабжения продовольствием Гонсевского, этим воспользовались и нижегородские «бесстрашные люди». Они проникли к патриарху в тюрьму, на Кирилловское подворье, и одному из них, Роде Мосееву, он дал свою грамоту.

Это последняя из дошедших до нас грамот святителя. Вот ее содержание: «Благословение архимаритом, и игуменом, и протопопом, и всему святому собору, и воеводам и диаком, и дворяном, и детем боярским, и всему миру: от Патриарха Ермогена Московского и всеа Руси, мир вам, и прощение, и разрешение. Да писати бы вам из Нижнего в Казань к Митрополиту Ефрему, чтоб Митрополит писал в полки к бояром учителную грамоту, да и казацкому войску, чтоб они стояли крепко в вере, и бояром бы говорили и атаманье бесстрашно, чтоб они отнюдь на царство проклятого Маринкина паньина сына (пропуск в подлиннике)... не благословляю. И на Вологду ко властем пишите ж, также бы писали в пол-

ки; да и к Рязанскому (архиепископу – Феодориту) пишете тож, чтоб уняли грабеж, корчму... (блуд), и имели б чистоту душевную и братство, и промышляли б, как реклись, души свои положить за Пречистыя дом и за Чудотворцов и за веру, так бы и совершили; да и во все города пишете, чтоб из городов писали в полки к бояром и атаманье, что отнюдь Маринкин на царство не надобен: проклят от святого собору и от нас. Да тебе бы вам грамоты с городов собрати к себе в Нижней Новгород да прислати в полки к бояром и атаманье; и прислати прежних же, коих естя присылали ко мне с советными челобитными, бесстрашных людей, Свяженина Родиона Мосеева да Ратмана Пахомова, а им бы в полках говорити бесстрашно, что проклятый (Воренок) отнюдь не надобе; а хоти буде и постражете и вас в том Бог простит и разрешит в сем веце и в будущем; а в города для грамот посылати их же, а велети им говорити моим словом. А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и в будущем, что стоите за веру неподвижно; а яз должен за вас Бога молити».

Из этой грамоты ясно видно, что Гермоген, сидя в своей тюрьме, был отлично осведомлен о раздорах, бывших между земским ополчением и казаками, завершившихся убийством Прокофия Ляпунова, и полагал все зло в том, что казаки хотели посадить на царство «Маринкина паньина сына». Видя, какую страшную опасность это представляло для государства и православия, Гермоген всеми силами высказывается против Воренка и проклинает его, причем приказывает писать казанскому митрополиту Ефрему, рязанскому архиепископу Феодориту и городам учительные грамоты, как к слабодушным седмочисленным боярам, так также в казачьи полки к атаманам, и говорить казакам бесстрашно, чтобы они отнюдь за Воренка не стояли, но имели бы чистоту душевную, братство и промышляли бы, как обещали, души свои положить за дом Пречистой, за чудотворцев и за православную веру.

По-видимому, несколько мягче относились к казакам власти Троице-Сергиевой лавры. Обитель Живоначальной Троицы была всего в 64 верстах от Москвы, под которой стояли

казацьи таборы, причем отряды этих казаков непрерывно появлялись у самого монастыря; кроме того, и приказы, основанные к лету 1611 года в стане подмосковных ополчений, оказались теперь в казацких руках. Все это заставляло Троицкую лавру жить в мире с казацким правительством. Ловкий келарь Авраамий Палицын, получив великие милости у короля под Смоленском, сумел приобрести себе сторонников и среди казацких атаманов, которые оказывали различные услуги лавре. Поэтому Дионисий с братией, зная все великие прегрешения казаков, все-таки верили в возможность их соединения с земскими людьми для общего подвига во благо Родины, и в Троицких грамотах, составляемых «борзыми писцами», они призывали всех на защиту православия против польских и литовских людей, не делая различия между земскими людьми и казаками, но, однако, упоминая: «хотя будет и есть близко в ваших пределах, которые недоволы, Бога для отложите то на время, чтоб о едином всем вам с ними (подмосковным ополчением) положити подвиг свой страдати для избавления православныя

христианския веры...»

Тем не менее после убийства Ляпунова негодование против казаков охватило весьма многих земских людей, и они решили совершенно отделить свое дело от них. Казанцы, сообщая пермичам об убиении Прокофия, писали им: «А под Москвою, господа, промышленника и поборателя по Христовой вере, которой стоял за православную крестьянскую веру и за дом Пречистая Богородицы... Прокофия Петровича Ляпунова казаки убили, преступя крестное целование... И Митрополит, и мы, и всякие люди Казанского государства... сослалися с Нижним Новым городом и со всеми городами поволскими... на том, что нам быти всем в совете и в соединенье и за Московское и за Казанское государство стояти... и казаков в город не пущати ж, и стояти на том крепко до тех мест, кого нам даст Бог на Московское государство государя; а выбрати бы нам на Московское государство государя всей землею Российския державы; а будут казаки учнут выбирати на Московское государство государя по своему изволенью, одни, не сослався со всею землею, и нам того государя на

государство не хотети».

Приведенную нами выше последнюю грамоту патриарха Гермогена «бесстрашный» Родя Мосеев доставил в Нижний Новгород 25 августа, где она, разумеется, была прочтена всеми властями и разослана по всем городам. Прочел ее и простой нижегородский посадский человек, торговец мясом – «говядарь», правивший должность земского старосты, – Кузьма Минин Сухорук, которого около этого же времени посетило видение: святой Сергей Радонежский явился ему и повелел разбудить спящих – казну собирать, ратных людей надевать ею и с ними идти на очищение Московского государства.

Горячие как огонь слова заключенного в узах патриарха и чудесное явление преподобного Сергия произвели сильнейшее впечатление на Кузьму. Сердце его загорелось рвением совершить великий подвиг во имя Родины, и к подвигу этому как нельзя более подходил весь его душевный склад. «Воздвизает Бог некоего мужа от христианского (крестьянского) благочестиваго народа, – писал про него один современник, – не славнаго родом, но

мудраго смыслом, который, видя многих насильствуемых, зело оскорбился и зоровавельски поболел душею за людей Господних: принял на себя молву безчисленных печалей, всегда носился бурями различных попечений, непрестанно о своем деле попечение имел; если и не искусен воинским стремлением, но смел дерзновением...»

Разбирая эти слова, рисующие черты душевного склада Минина, И.Е. Забелин говорит: «Первая и самая важнейшая черта – это то, что Минин способен был сильно, до глубины души, оскорбляться общественным злом, не мог он холодно и безучастно смотреть на насильство, которому подвергалась вся Земля от иноземцев, а еще более от своих воров. Душа его способна была заболеть зоровавельски, то есть заболеть чувством народной свободы, как болела душа Зоровавеля, освободившего свой народ от персидского плена, восстановившего этому народу его храм Иерусалимский. Но душа Зоровавеля высилась также чувством истины, правды... Сходство личности Минина с этой библейской личностью вспомнулось не без основания, ибо и

Минин служил правде, занимая (как земский староста) начальство «судных дел» у своей братьи».

Решившись на подвиг, Минин начал действовать прежде всего среди своих посадских, в земской избе, где он со слезами говорил, что настало время «чинить промысел» против врагов, причем рассказал о бывшем ему явлении преподобного Сергия. Присутствовавший тут же стряпчий Биркин, недоброхот Минина, человек двусмысленного поведения, служивший прежде Вору, насмешливо сказал на это: «Ну не было тебе никакого видения», – но Минин пригрозил ему и тихо ответил: «Или хочешь ты, чтобы я открыл православным, что ты замышляешь»; тогда Биркин тотчас же замолчал. Горячее слово Минина нашло отклик в сердцах его слушателей, среди которых он пользовался величайшим уважением за свою высокую честность, за что и был выбран ими в земские старосты.

По-видимому, в этой же земской избе, стоявшей близ церкви Николая Чудотворца, на торгу (близ пристаней на Нижнем базаре), и

был написан посадскими людьми первый приговор «всего града за руками» о сборе денег «на строение ратных людей», причем сбор этот был поручен Минину.

Таким образом, среди всеобщей растерянности и уныния, охвативших Московское государство после смерти Прокофия Ляпунова и распада земского ополчения, нижегородские посадские люди по призыву своего земского старосты положили начало новому духовному подъему для освобождения Родины совокупными усилиями всех ее верных сынов, ее «последних людей», как их называет летописец.

Нижегородские посадские люди «в лице своего старосты Козьмы, – говорит И.Е. Забелин, – и кликнули свой знаменитый клич, что если помогать Отечеству, то не пожалеть ни жизни и ничего; не то что думать о каком захвате или искать боярских чинов, боярских вотчин и всяких личных выгод, а отдать все свое, жен, детей, дворы, именье продавать, закладывать да бить челом, чтобы кто вступился за истинную православную веру и взял бы на себя воеводство. Этот клич знаменит и по-

истине велик, потому что он выразил нравственный, гражданский поворот общества с кривых дорог на прямой путь. Он никем другим и не мог быть сказан, как именно достаточным посадским человеком, который, конечно, не от бедной голытьбы, а от достаточных же и требовал упомянутых жертв. Он прямо ударял по кошелькам богачей. Если выбрать хорошего воеводу было делом очень важным, то еще важнее было дело собрать денег, без которых нельзя было собрать и вести войско. Вот почему посадский ум прямо и остановился на этом пункте, а главное, дал ему в высшей степени правильное устройство».

К делу, затеянному своими посадскими людьми, не замедлили примкнуть и все остальные нижегородцы. Скоро в городе была получена Троицкая грамота от 6 октября, призывавшая всех стать на защиту Родины. По этому поводу собрался на воеводском дворе совет: «Феодосий архимандрит Печерского монастыря, Савва Спасский протопоп, с братиею, да иные попы, да Биркин, да Юдин, и дворяне и дети боярские, и головы и старо-

сты, от них же и Кузьма Минин». На этом совете последний доложил, конечно, решение посадских людей, после чего было постановлено собрать всех обитателей в кремлевский Спасо-Троицкий собор и предложить им стать на помощь Московскому государству.

На другой день по звону колокола все нижегородцы собрались в своем древнем соборе. Тогда достойный и всеми уважаемый пастырь Савва Ефимиев, так же глубоко проникнутый сознанием необходимости жертв на пользу Родины, как и Минин, вышел на амвон и стал читать всему миру Троицкую грамоту, а затем произнес горячую речь, призывая граждан пожертвовать всем для спасения родной земли.

После него держал слово Минин. «Будет нам похотеть помочи Московскому государству, – говорил он, – ино нам не пожелети животов своих; да не токмо животов своих, ино не пожелеть и дворы свои продавать и жены и дети закладывать и бити челом, хто бы вступился за истинную православную веру и был бы у нас начальником».

Слова протопопа Саввы и Кузьмы Минина

произвели самое глубокое впечатление на всех нижегородцев. Начались оживленные сходы, и на них было положено, что всякий будет давать пятую или даже третью часть своего дохода. «Я убогий с товарищами своими, – объяснял Минин, – всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу; у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принес; то же и вы все сделайте». – «Буди так, буди так», – восторженно отвечали ему. Одна вдова заявила: «Осталась я после мужа бездетной, и есть у меня 12 тысяч рублей, 10 тысяч отдаю в сбор, а 2 тысячи оставляю себе».

Тогда же возник и важный вопрос: кому бить челом, чтобы принять главное начальствование над собираемой ратью. В Нижнем имелись свои добрые воеводы, князь Звенигородский и Алябьев. Но взоры всех были обращены на другое лицо. Для успеха дела надо было, чтобы во главе ополчения «последних людей» Московского государства стоял человек, известный всем своим воинским искусством и вместе с тем своей исключительной душевной чистотой. Нижегородцы за все

Смутное время ни разу не впали в измену, а потому и искали таких крепких людей. Они положили избрать «мужа честного, кому за обычно ратное дело, который таким был искусен и который в измене не явился...». Выбор пал на стольника князя Димитрия Михайловича Пожарского, потомка стародубских князей.

Князь Д.М. Пожарский, как мы видели, верно служил Василию Ивановичу Шуйскому, искусно отбивая воров и казаков от Москвы, а сидя в Москве, очень удачно действовал против тушинцев: после же свержения Шуйского с престола он признал временным главой государства, как и все лучшие люди того времени, патриарха Гермогена, затем самоотверженно ходил из Зарайска на выручку Ляпунова и один из первых пробрался в Москву перед ее сожжением Гонсевским, где доблестно дрался с поляками, пока не пал от ран и не был свезен в Троице-Сергиеву лавру; отсюда, несколько оправившись, он отбыл в свою вотчину, сельцо Мутреево Суздальского уезда. В 1611 году Пожарскому было около 35 лет от роду; глубоко веря в Бога и будучи беспре-

дельно предан Родине, он вместе с тем зорко оберегал честь своего рода и отличался большой простотой и прямоотой, за что в свое время невзлюбился царю Борису Годунову.

Послами к Пожарскому от нижегородцев отпавились печерский архимандрит Феодосий, дворянин добрый Ждан Болтин да изо всех чинов лучшие люди. Пожарский не отказался от предложенной почести, но сразу заявил, что желает отделить от себя заведование казной, к чему особенно стремились все военачальники вроде Заруцкого, Трубецкого и других воровских воевод, и прямо указал, что ею должен заведовать Минин: «Есть у вас Кузьма Минин; той бывал человек служивой, тому то дело за обычей».

Нижегородцы одобрили, конечно, этот выбор, но сам Минин вначале отказался, говоря: «Соглашусь, если напишете приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги». Те согласились и написали свой знаменитый приговор: «...стоять за истину всем безызменно, к начальникам быть во всем послушными и по-

корливыми и не противиться им ни в чем; на жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет – отбирать не только имущество, а и дворы, и жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать, чтобы ратным людям скудости не было».

Когда этот приговор был написан, то «выборный человек» Кузьма Минин вышел из числа земских старост и стал «окладчиком», то есть, по существовавшим порядкам, «нижегородских посадских торговых и всяких людей окладывал, с кого что денег взять, смотря по пожитком и по промыслом, и в города на Балахну и Гороховец послал же окладывать», причем где было нужно, он не останавливался, во имя святого дела, которому служил, и перед принуждением: «уже волю взем над ними по их приговору, с Божиею помощью и страх на ленивых налагая». «В этом отношении, – по словам С.Ф. Платонова, – он следовал обыкновенному порядку мирской раскладки, по которому окладчики могли грозить нерадивым и строптивым различными мерами взыскания и имели право брать у воеводы приставов и стрельцов для понужде-

ния ослушников». Указав, что эта сторона дела ввела в заблуждение некоторых исследователей, которые приписали Минину черты исключительной жестокости и крутости и обвиняли его даже в том, что он «пустил в торг бедняков», С.Ф. Платонов замечает: «...нечего и говорить, как далек этот взгляд от исторической правды».

Лица, взявшиеся за образование нового ополчения из «последних людей» Московского государства, отнюдь не желали повторять ошибок Ляпунова и поэтому решили совершенно отделить свое дело от казаков. Решение это, как мы видели из отписки казанцев к пермичам, пользовалось общим сочувствием всей земщины. На призыв нижегородцев о сборе ратников первыми откликнулись смоленские дворяне, лишённые своих имений Сигизмундом; они получили было земли в Арзамасском уезде, но Заруцкий изгнал их и оттуда. Нижегородцы послали смолян бить челом Пожарскому, чтобы он немедленно прибыл.

Пожарский приехал в Нижний в конце октября 1611 года, ведя с собой дорогобужских и

рязанских служилых людей, также изгнанных Заруцким из их новых поместий.

Ясное дело, что весь Нижний встретил князя Дмитрия Михайловича с великой честью, причем для ополченских дел им было составлено особое от городского управления правительство, которое должно было заменить как московское боярское правительство в осажденном Кремле, так и подмосковное казачье. Городом же по-прежнему управляли воеводы: князь В.А. Звенигородский, дворянин А.С. Алябьев и дьяк В. Семенов, действуя вполне единодушно с князем Дмитрием Михайловичем.

Прежде всего Пожарский распорядился об обеспечении ратных людей жалованьем, назначив им от 30 до 50 рублей в год, что по тем временам составляло весьма большие деньги. Затем он завел усиленную пересылку с поморскими и понизовыми городами о помощи для очищения Московского государства ратниками и казною и предлагал им прислать в Нижний выборных людей для «земского совету», причем в рассылаемых грамотах неизменно высказывалось твердое желание отде-

лить свое дело от казаков: «А однолично быть вам с нами в одном совете и ратным людям на полских и литовских людей итти вместе, чтобы казаки по-прежнему низовой рати, своим воровством, грабежи и иными воровскими заводами и Маринкиным сыном не разгонили...»

Все, кому были дороги православие и земский порядок по заветам отцов, откликнулись на призыв Пожарского: «Первое приидоша коломничи, потом резанцы, потом же из украинских городов многая люди и казаки и стрельцы, кои сидели на Москве при царе Василье. Они же им даваша жалованье. Богу же призревшу на ту рать и даст меж ими совет велий и любовь, что отнюдь меж ими не бяше вражды никакия».

Кроме Нижнего, важное значение во всем Понизовье имела также Казань, которая, как мы видели, раньше других городов после убийства Прокофия Ляпунова начала писать призывы, чтобы стать всем за Московское государство и не принимать к себе казаков. Но казанский воевода Морозов отсутствовал из города и находился с ополчением от земли под

Москвой, причем он как-то поладил с казаками и остался с ними, а городом вместо него управлял дьяк Никанор Шульгин, который, завидуя почину нижегородцев, стал теперь отводить казанцев от общего дела. Ввиду этого пожарский и земский совет снарядили в Казань целое посольство во главе с протопопом Саввою и стряпчим Биркиным; посольство это имело успех, и казанцы примкнули к нижегородцам.

Таким образом, великое дело, задуманное Кузьмой Мининым и проведенное им в жизнь при помощи нижегородского протопопа Саввы и князя Д.М. Пожарского, стало быстро приносить свои плоды.

Между тем в конце января 1612 года боярскому правительству, сидевшему в Кремле под рукой поляков, осажденных в свою очередь казаками, удалось отправить грамоту в Кострому и Ярославль, увещая жителей оставаться верными царю Владиславу и не иметь никакого общения с казаками.

«Сами видите, – писали бояре, – Божию милость над великим государем нашим, его государскую правду и счастье: самого большого

заводчика смуты, от которого христианская кровь начала литься, Прокофья Ляпунова, убили воры, которые с ним были в этом заводе, Ивашка Заруцкий с товарищами, и тело его держали собакам на съеденье на площади три дня. Теперь князь Димитрий Трубецкой да Иван Заруцкий стоят под Москвой на христианское кровопролитие и всем городам на конечное разоренье: ездят от них из табора по городам беспрестанно казаки, грабят, разбивают и невинную кровь христианскую проливают... а когда Ивашка Заруцкий с товарищами Девичий монастырь взяли, то они церковь Божию разорили, и черниц – королеву, дочь князя Владимира Андреевича и Ольгу, дочь царя Бориса, на которых прежде и взглянуть не смели, ограбили донага, а других бедных черниц и девицу грабили... А теперь вновь те же воры Ивашка Заруцкий с товарищами государей выбирают себе таких же воров казаков, называя государскими детьми: сына калужского вора, о котором и поминать непригоже; а за другим вором под Псков послали таких же воров и бездушников, Казарина Бегичева да Нехорошка Лопухина с това-

рищами, а другой вор, также Димитрий, объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который калужского убил... А великий государь Жигмонт король с большого сейма, по совету всей Польской и Литовской земли, сына своего великого государя, королевича Владислава, на Владимирское и Московское государство отпустил и сам до Смоленска его провожает со многой конной и пешей ратью, для большего успокоения Московского государства, и мы его прихода к Москве ожидаем с радостью...»

В этой постыдной грамоте седмочисленных московских бояр истина была перемешана с ложью: Сигизмунд не думал отпускать сына в Москву, но сам действительно собирался идти на нее походом; правду говорили бояре и о казачьих насильствах, а также и о том, что казаки завели сношения с псковским вором Сидоркой. Посланный к нему Бегичев не постыдился тотчас же воскликнуть, увидя его: «Вот истинный государь наш калужский», – а затем, 2 марта, весь подмосковный казачий стан с Заруцким и Трубецким во главе целовали крест Сидорке – «истинному» го-

сударю Димитрию Ивановичу.

Вместе с тем казаки, встревоженные известиями об успехах ополчения Пожарского и о рассылаемых им грамотах, в которых он не стеснялся называть их ворами, решили овладеть Ярославлем и заволжскими городами, чтобы отрезать Нижний от поморских городов, и снарядили для этого отряд атамана Просовецкого. Но ярославцы тотчас же дали знать в Нижний о приходе к ним «многих» казаков, за которыми следует и сам Просовецкий.

Сведения эти заставили поспешить Пожарского с выступлением и изменить свое первоначальное решение: идти через Суздаль прямо к Москве. Теперь, раньше чем выгнать поляков из Кремля, предстояло так или иначе покончить с казаками. Князь Димитрий Михайлович тотчас же выслал передовой отряд князя Лопаты-Пожарского к Ярославлю, которому удалось занять город до подхода Просовецкого и засадить в тюрьму найденных в нем казаков. Следом за Лопатою-Пожарским двинулись, напутствуемые благословениями духовенства и горячими пожеланиями жите-

лей, главные силы Нижегородского ополчения, под начальством самого князя Димитрия Михайловича, с которым выступил и «выборный человек» Кузьма Минин в качестве заведующего всей казной.

Пользуясь еще стоявшим зимним путем, Пожарский пошел по правому берегу Волги на Балахну, Юрьевец, Кинешму и Кострому; в последний город Пожарского не хотел впускать воевода Иван Шереметев, присягнувший королевичу Владиславу, но костромичи схватили Шереметева и хотели его убить; только заступничество князя Димитрия Михайловича спасло Шереметева от смерти.

Из Костромы Пожарский выслал отряд для занятия Суздаля, чтобы казаки «просовецкие Суздалю никакие пакости не сделали», и, усилившись прибывшими ополченцами из многих поволжских городов, подошел около 1 апреля к Ярославлю. Здесь он решил сделать продолжительную остановку: надо было окончательно образовать свою рать, определить отношения к казакам и, наконец, создать прочную правительственную власть над всем государством, начало чему, как мы

видели, было еще положено в Нижнем.

По прибытии в Ярославль Пожарский и Минин вместе с бывшими с ним воеводами тотчас же получили Троицкую грамоту, в которой Дионисий и старцы уведомляли о новом воровстве казаков под Москвой: «по злому воровскому казачью заводу затеяли под Москвой в полках крестное целование, целовали крест вору, которой во Пскове называется царем Дмитрием», причем в грамоте добавлялось, очевидно, чтобы смягчить вину Трубецкого, большого благоприятеля Авраамия Палицына, что «боярина князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого и дворян и детей боярских и стрелцов и Московских жилецких людей привели ко кресту неволею, такоже целовали крест, по их воровскому заводу, бояся от них смертного убивства; да и нам то ведомо, боярин князь Дмитрий Тимофеевич и дворяне и дети боярские целовали неволею, и нынче, он, князь Дмитрий, у тех воровских заводцов живет в великом утеснении, а радеет соединенья с вами».

Вместе с тем троицкие власти сообщали скорбную новость о кончине «твердаго ада-

манта и непоколебимого столпа», патриарха Гермогена. Летописец рассказывает, что поляки и московские изменники, услышав о сборе нижегородского ополчения, отправились в заточение к патриарху и потребовали, чтобы он послал грамоту о его роспуске. «Он же, новой великий государь исповедник, рече им: «Да будет те благословени, которые идут на очищение Московского государства; а вы, окажные московские изменники, будете прокляты». И оттоле начаша морити его голодом и умориша ево гладною смертию и предаст свою праведную душу в руне Божи в лето 7120 (1612) году, месяца февраля в 17 день, и погребен бысть на Москве в монастыре чюда архистратига Михаила». По одному же польскому известию, великий святитель земли Русской был удушен.

Получив известия о событиях под Москвой, Пожарский и состоявший при нем земский совет разослали 7 апреля грамоты «о всеобщем ополчении городов на защиту Отечества, о незаконной присяге князя Трубецкого, Заруцкого и казаков новому самозванцу и о скорейшей присылке выборных людей в

Ярославль для Земского совета и денежной казны на жалованье ратным людям». В грамоте этой сообщалось между прочим, что «старые же заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили в Тушине лжеименитому царю, умысля своим воровством с их начальником, с Иваном Заруцким... Прокофья Ляпунова убили и учили совершати вся злая по своему казацкому воровскому обычаю... Да и из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкой, и атаманы и казаки к нам и по всем городом писали, за своими руками, что они целовали крест на том, что им без совету всей земли государя не выбирать, а вору, который ныне в Пскове, и Марине и сыну ее не служить; ныне же, позабыв свое крестное целование, целовали крест вору Сидорку, имянуя его бывшим своим царем... Как сатана омрачи очи их! При них Колужской их царь убит и безглавен лежал всем на видение шесть недель, и о том они из Колуги к Москве и по всем городом писали, что их царь убит, и про то всем православным христьяном ведомо. И ныне, господа, мы все православные христьяне общим советом, сослався со всею

землею, обет Богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорку, и Марине и сыну ее не служитьи и против врагов и разорителей веры христьянской, полских и литовских людей, стояти в крепости неподвижно. – И вам, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную христьянскую веру, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным; чтобы нам, по совету всего государства, vybrати общим советом государя, кого нам милосердый Бог по праведному своему человеколюбию даст... И по всемирному своему совету пожаловати б вам прислати к нам, в Ярославль, изо всяких чинов людей человека по два, и с ними совет свой отписати, за своими руками. Да отписати б, господа, вам от себя под Москву, в полки, к бояром и ко всем служивым людям, чтоб они от вора от Сидорка отстали, и с нами и со всей землею тем розни не чинили, и крови в государьстве не всчинали и были по-прежнему в соединенье, а под Москвой стояли безотступно...».

Под приведенной грамотой подписались

все начальные люди. При этом, несмотря на то что Пожарский был вождем ополчения, он из скромности подписался только десятым, уступая место людям более сановитым; на пятнадцатом же месте начертано: «В выборного человека всею землею, в Козмино место Минино князь Дмитрий Пожарский руку приложил». Очевидно, великий нижегородский муж не был обучен грамоте.

Выборные люди по приглашению Пожарского и его товарищей прибыли из городов в Ярославль к лету и составили таким образом Совет всея Земли, причем высшая власть была вверена в руки синклита из князя Димитрия Михайловича и двух воевод ополчения, имевших боярское звание, В.П. Морозова и князя В.Т. Долгорукого; синклит этот назывался также «бояре и воеводы». Вместе с тем образовано было и церковное управление – Освященный собор, во главе которого был поставлен пребывавший на покое старый ростовский митрополит Кирилл. Затем были образованы и некоторые приказы.

Как мы видели из грамоты от 7 апреля, Пожарский с товарищами, правильно оценив

положение, занятое казаками в Московском государстве, просили города образумить их, чтобы они отстали от воровства и были бы заодно со всем земским ополчением. Но казаки от воровства не отстали, и ярославскому правительству пришлось действовать против них силою: в Углич и Пошехонье, занятые казаками, были посланы отряды князей Черкасского и Лопаты-Пожарского, которые не замедлили нанести им поражение; после этого многие из казаков тотчас же отстали от воровства и соединились с Земским ополчением. Затем были отогнаны черкасы, или запорожские казаки, от Антониева монастыря в Бежецком уезде, и один из отрядов Заруцкого от Переславля-Залесского.

В то время, когда рать Пожарского стояла в Ярославле, шведы захватили уже Тихвин. Чтобы сосредоточить все свои силы против поляков, находившихся в Москве, и удержать шведов от дальнейших действий на нашем Поморье, советом всея земли решено было занять их переговорами, для чего из Ярославля было отправлено в Новгород к Якову Делагарди посольство Степана Татищева, которое

должно было заключить со шведами мир и поднять вопрос об избрании на Московское государство шведского королевича при условии, что последний крестится в православную веру. «А писаху к ним для того и посылаху, – говорит летописец, – как пойдут под Москву на очищенья Московского государства, чтоб немцы не пошли воевати в поморские города».

Новгородский воевода князь Одоевский и Делагарди объявили Татищеву, что они сами снарядят посольство в Ярославль, и сообщили, что в Новгороде уже ожидается брат нового шведского короля, столь знаменитого впоследствии Густава-Адольфа, – королевич Карл-Филипп, изъявивший желание креститься в православную веру и сесть у них государем. Степан Татищев, вернувшись в Ярославль, объявил воеводам, что «отнюдь в нове городе добра нечево ждати».

6 июня в Ярославль прислали повинную грамоту князь Димитрий Трубецкой и Иван Заруцкий от имени всех казаков, в которой каялись, «что своровали, целовав крест Сидорке Псковскому вору, а теперь они сыскали,

что это прямой вор, отстали от него и целовали крест вперед другого вора не затевать и быть с Земским ополчением во всемирном совете». Это была, конечно, важная победа над казаками, хотя, как увидим, они далеко не искренно шли на мировую с «последними людьми» Московского государства.

Между тем в самом Земском ополчении тоже стала рознь. Знакомый нам Иван Биркин привел рать из Казани и, как человек завистливый, начал заводить ссоры между начальниками. Только престарелому митрополиту Кириллу после отъезда Биркина из-под Ярославля удалось вновь умирить всех военачальников.

В конце июля к Пожарскому и его товарищам прибыло посольство из Новгорода: «с тем, что быти Московскому государству в соединении вместе с Ноугородцким государством и быти б под одним государем, а они избрали на Новгородцкое государство Свицково королевича Филиппа». На это заявление Пожарский пристыдил прибывших словами: «При прежних великих государях послы и посланники прихаживали из иных государств, а

теперь от Великого Новгорода вы послы! Искони, как начали быть Государи на Российском государстве, Великий Новгород от Российского государства отлучен не бывал; так и теперь бы Новгород с Российским государством был по-прежнему». Затем князь Димитрий Михайлович подробно рассказал послам, какие великие неправды учинил король Сигизмунд, к которому обратились московские люди для избрания его сына, и скромно заявил, что он только потому стал во главе движения против поляков, что люди более его достойные, большие послы, отправленные под Смоленск, находятся в польском плену, где «от нужды и бесчестья, будучи в чужой земле, погибают... Надобны были такие люди в нынешнее время: если бы теперь такой столп князь Василий Васильевич (Голицын) был здесь, то за него бы все держались, и я за такое великое дело мимо его не принялся бы; а то теперь меня к такому делу бояре и вся Земля силою приневолили. И видя то, что сделалось с литовской стороны, в Швецию нам послов не посыловать и государя не нашей Православной веры Греческого закона не хо-

теть».

Горячее слово Пожарского встретило живой отклик в сердцах новгородских послов; их представитель, князь Феодор Оболенский, с чувством отвечал ему: «Мы от истинной Православной веры не отпали, королевичу Филиппу-Карлу будем бить челом, чтобы он был в нашей Православной вере Греческого закона, и за то хотим все помереть: только Карл королевич не захочет быть в Православной христианской вере Греческого закона, то не только с вами боярами и воеводами и со всем Московским государством вместе, хотя бы вы нас и покинули, мы одни за истинную нашу Православную веру хотим помереть, а не нашей, не Греческой веры государя не хотим».

После этого между вождями Нижегородского ополчения и новгородскими послами утвердилось, конечно, полное единение, добрый совет и любовь. Решено было в Швецию послов не слать, но, чтобы не разрывать с нею, написать в Новгород «к Якову Пунтусову, будет королевич креститца в православную христианскую веру Греческого закона, и

мы ему все ради». Таким образом, Нижегородское ополчение обеспечило на время северные области государства от неприязненных покушений со стороны шведов и получило возможность двинуться к Москве для очищения царствующего града от польских и литовских людей.

Но под Москвой стояли еще и казаки. Подписавшись с остальной «атаманьей» на грамоте, где казаки каялись в том, что своровали, вору Сидорке крест целовали, злодей Заруцкий стал затем думать со своими советниками, «хотяше тот збор благопоручной разорити... како бы убити в Ярославле князя Дмитрея Михайловича Пожарсково».

С этой целью в Ярославль были подсланы убийцы, казаки Обреска да Степанка, нашедшие себе сообщников и среди Нижегородского ополчения. Случай скоро представился для их замысла.

Однажды Пожарский стоял у дверей съезжей избы и смотрел пушечный наряд, отправляемый к Москве. Пользуясь теснотой, казак Степанка «хоте ударити ножом по брюху князя Дмитрея, хотя его зарезати». Но, как

примечает летописец, «котораго человека Божия десница крыет, хто ево может погубити». Пожарского поддерживал под руку казак Роман; по-видимому, князь не мог еще ходить без посторонней помощи от полученных ран во время боя с поляками при сожжении ими Москвы. «Мимо же князь Дмитреева брюха минова нож и перереза тому казаку Роману ногу». Он повалился и застонал. В тесноте Пожарский и не заметил, что на него было совершено покушение, а подумал, что Романа притиснула толпа. Но другие обратили внимание, что Степанка пытался его зарезать, крикнули: «Тебя, князь, хотят убить» – и схватили убийцу, после чего стали его пытаться. «Он же все рассказаше и товарищей своих всех сказа». Их тоже схватили и затем вывели пред всей ратью. «Они же предо всей ратью винишася, и их отпустиша. Князь Дмитрей же не дал убить их».

Так великодушно простил злодеев за свою личную обиду благородный Пожарский.

По-видимому, почти тотчас же вслед за этим случаем из-под Москвы прибыли посланные Трубецкого и Заруцкого с вестями,

что гетман Хоткевич движется к ней на выручку засевшему в Кремле польскому гарнизону. Медлить было нельзя. Но, конечно, Нижегородское ополчение двинулось к стольному граду с очень тяжелым чувством под влиянием только что совершенного покушения, памятуя также убийство Прокофия Ляпунова и другие обиды и воровские дела казаков.

Передовой отряд немедленно выступил из Ярославля под начальством Михаила Самсоновича Димитриева и Федора Левашева. Пожарский приказал им при подходе к столице в казачьи таборы отнюдь не входить, а стать отдельно у Петровских ворот, поставив здесь острожок. За ними двинулся наспех и другой отряд – князя Димитрия Петровича Лопаты-Пожарского и Семейки Самсонова; им также велено было стать отдельно от казаков – у Тверских ворот.

Отдельно же от казаков расположились под Москвой и отряды от украинских городов, выступивших на выручку царствующего града по призыву Нижегородского ополчения. Эти украинские отряды терпели великую тесноту от казаков и отправили в Ярославль сво-

их посланцев, Кондырева и Бегичева, с просьбой, чтобы Земская рать шла как можно скорее. «И вот, – говорит И.Е. Забелин, – здесь в ярком свете обнаружилось разногласие полков подмосковных (собранных без должного руководства и попечения и без всякого хозяйства) – от тех, которые шли из-под Нижнего с Козьмою Мининым. Пришли посланцы в Ярославль и увидели милость Божию: ратных людей пожалованных и во всем устроенных. Помянули свое утеснение от казаков и горько заплакали. Сквозь многих слез не могли и слова вымолвить. Воеводы и многие ратные, которым они прежде были знакомы, теперь едва их узнавали и сами плакали, видя их скорбь и нужду. Бедняков одарили жалованьем (деньгами) и сукнами на одежду и отпустили с вестью, что идут скоро».

Действительно, надо думать, что Пожарский с главной ратью выступил из Ярославля уже 27 июля, то есть на другой день после заключения договора с новгородскими посланцами.

Отойдя 29 верст от города, он отпустил рать дальше к Ростову с Кузьмой Мининым и

князем Хованским, а сам с малой дружиной направился в Суздаль, в Спасо-Ефимиевский монастырь, чтобы, по обычаю всех русских людей, готовящихся на великое и святое дело, помолиться и утвердиться у гробов своих родителей. Затем Пожарский прибыл к Ростову, где стояла уже рать, и отсюда он вместе с ней двинулся дальше по дороге к Троице-Сергиевой лавре. По всем данным, именно в это время он и Кузьма Минин получили благословение борисоглебского затворника преподобного Иринарха, вручившего им для укрепления Нижегородского ополчения и одоления врагов свой медный поклонный крест.

Движение Земской рати к столице произвело великое смущение в московских таборах под Москвой. Часть «атаманьи» прибыла в Ростов «для разведки, нет ли какого злого умысла над ними», и была, разумеется, отлично принята Пожарским и Мининым, которые одарили их «деньгами и сукнами».

Но Заруцкий не хотел вступать в какие бы то ни было соглашения с ненавистной ему земщиной. 28 июля он побежал из-под Москвы: «И пришед на Коломну, Маринку взяша и

с Воренком, с ее сыном, и Коломну град выграбиша», после чего отправился в Рязанские места «и там многу пакость делаша». Трубецкой же с товарищами остался под Москвой в ожидании подхода рати Пожарского, причем против последней в казачьих таборах продолжало господствовать далеко не дружелюбное настроение.

Тем временем, послав с пути от Ростова отряд на Белоозеро для обеспечения себя со стороны шведов, «князь Дмитрий же Михайлович Пожарской и Кузма да с ним вся рать, подоша от Переяслявля к Живоначальной Троице и приидоша к Троице». Это было 14 августа. «Власти же ево и воеводы встретиша с великой честью. И сташа у Троицы меж монастыря и слободы Клемянтьевской, а к Москве же не пошел для того, чтобы укрепиться с казаками, чтобы друг на друга никакова бы зла не умышляли».

Однако вслед за тем к Троице прибыли новые тревожные вести, «что етман Хаткеев вскоре будет под Москву». Поэтому Пожарский решил двинуться немедленно к столице, не ожидая договора с казаками, и тотчас

же выслал вперед князя Туренина, приказав стать ему у Чертольских ворот. «Сам же князь Дмитрий и Кузма и все ратные люди того же дни после отпуску князь Василья Туренина пеша молебны у Живоначальныя Троицы и у преподобных чудотворцов Сергия и Никона и взяша благословение у архимарита Деонисия и у всея братьи, поиде с монастыря. Архимарит же Деонисей со всем собором взяша икону Живоначальныя Троицы и великих чудотворцов Сергия и Никона и честный крест и святую воду, поидоша за пруды и стаща на горе Московские дороги. Начальники же и все ратные люди быша в великой ужаси, како на таковое великое дело итти». Сильный встречный ветер со стороны Москвы дул выступавшему ополчению прямо в лицо, и это принято было всеми как крайне дурная примета. Но вдруг, к великой радости ратных людей, «в мгновение же ока преврати Бог ветр, и бысть в тыл всей рати, яко едва на лошedah сидяху: таков приде вихорь велий... и отложиша страх все ратные люди и охрабришася, идяху к Москве все, радуящеся. И обещавахуся все, что помереть за дом Пречистая

Богородицы и за православную христианскую веру».

Вечером 19 августа ополчение подошло к Москве и, заночевав в пяти верстах от нее на реке Яузе, выслало разъезды к Арбатским воротам, чтобы выбрать места для стоянки. Оставшийся после ухода Заруцкого старшим среди атаманов князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой беспрестанно присылал к Пожарскому и «зваше к себе стояти в таборы». Но «князь Дмитрей же и вся рать отказаша, что отнюдь тово не быти, что нам стать вместе с казаками».

Утром 20-го числа Пожарский со своими ратными людьми подошел к стенам столицы. Трубецкой с казаками вышел ему навстречу и снова стал звать к себе в таборы к Яузским воротам, на восточной стороне города. Но Пожарский опять отказался, «что отнюдь вместе с казаками не стаивать», и расположился на западной стороне Москвы, откуда и ожидался Хоткевич; «ста у Арбацких ворот и уставишася по станом подле Каменново города, подле стены, и зделаша острог и окопаша кругом

ров и едва укрепиться успешно до етманского приходу. Князь Дмитрий же Тимофеевич Трубецкой и казаки, – говорит летописец, – начаша на князь Дмитрея Михайловича Пожарского и на Кузму и на ратных людей нелюбовь держати за то, что к ним в таборы не пошли».

«С какой целью, – спрашивает по этому поводу И.Е. Забелин, – Трубецкой звал ополчение стоять в своих таборах у Яузских ворот, с восточной стороны города, когда было всем известно, что Хоткевич идет с запасами по Можайской дороге, с запада, и, следовательно, легко может пробраться прямо в Кремль, куда назначались запасы. Явно, что здесь крылась измена, доброжелательство к полякам... Видимо, что Трубецкой все еще думал о королевиче или о короле и вовсе не думал очищать государство от поляков».

Конечно, Пожарский предвидел все трудности, какие ему предстоят под Москвой; поэтому, всячески желая избегать ссор с казаками и укрепить их на предстоящий подвиг, он еще 29 июля от имени всего ополчения просил казанского митрополита Ефрема, остав-

шегося после мученической кончины патриарха Гермогена старшим среди русских святителей, поставить как можно скорее Крутицким митрополитом (в Москве) игумена Сторожевского монастыря Исайю, который и должен был быть посредником и примирителем между земскими ратными людьми и казаками; пока же, до прибытия Исайи, таковым посредником являлся ловкий келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын, умевший, как мы говорили, снискать себе приятелей среди атаманы и особенно друживший с Трубецким.

Вечером 21 августа Хоткевич подошел к Москве и стал на Поклонной горе. Он привел с собой, вероятно, не более четырех или пяти тысяч человек поляков, венгров и черкас. Немного осталось поляков и в Кремле. Еще в конце 1611 года они послали сказать королю, что, ввиду неприсылки им жалованья, они не останутся в Москве дольше 6 января 1612 года, и действительно, большинство из них покинуло ее. В ней оставалась только часть бывших сапежинцев и отряд, присланный из Смоленска Яковом Потоцким. Старшим на-

чальником в Кремле вместо убывшего из него Гонсевского был назначен пан Николай Струсь.

В польских войсках, как обычно, шли большие нелады. Потоцкий враждовал с Хоткевичем, и Струсь, племянник Потоцкого по жене, был назначен начальником польских войск в Москве, главным образом с целью мешать гетману. Поэтому сами по себе поляки вовсе не представляли Нижегородскому ополчению большой опасности. Неизмеримо опаснее была вражда со стороны казаков, которая и не замедлила тотчас же сказаться, как только начался, на рассвете 22 августа, бой с подошедшим Хоткевичем.

По уговору с Трубецким Пожарский поставил свои войска на левом берегу Москвы-реки, у Новодевичьего монастыря, а казаки расположились на правом – у Крымского двора. Затем Трубецкой прислал сказать Пожарскому, что ему необходимо несколько конных сотен. Ввиду этого последний тотчас же выбрал пять лучших своих сотен и отправил их Трубецкому; в данном случае Пожарский поступил так, как и надлежит всегда поступать в

бою двум соседям, всячески оказывая друг другу взаимную помощь и выручку.

Но далеко не так держал себя Трубецкой. В первом часу по восходе солнца Хоткевич перешел Москву-реку у Новодевичьего монастыря и затем всеми силами завязал жаркий бой с ополчением Пожарского, продолжавшийся до восьмого часа; поляки из Кремля сделали за день тоже две вылазки в тыл русским войскам, бившимся с гетманом. При этом Хоткевич был особенно силен приведенными им с собою отлично обученными конными полками, а у Пожарского, как мы видели, пять лучших конных сотен были как раз переведены на другой берег Москвы-реки к Трубецкому. К вечеру дело стало принимать дурной оборот для Нижегородского ополчения: Хоткевич оттеснил его к Чертольским воротам, и только вылазки поляков из Кремля были отражены нашими с успехом.

«Что же в это время делал Трубецкой со своими казаками?» – вопрошает И.Е. Забелин. «А боярин князь Д.Т. Трубецкой, говорит сам Авраамий (Палицын), – продолжает он, – ...со

всеми своими полки тогда стоял за Москвою-рекою у Пречистая Богородицы Донския...» Для чего же он туда забрался, когда оттуда же должен был видеть горячую битву Пожарского с гетманскими полками и очень легко мог ударить в тыл этим полкам от Крымского брода, так как битва кипела у Пречистенских ворот. Но не у Донского монастыря, как погрешает старец (Авраамий), а именно за рекою у Крымского двора перед Крымским бродом и стоял Трубецкой... Итак, бился Пожарский одними своими конными. От Трубецкого ни один не вышел на помощь. Казаки только, как псы, лаяли и поносили нижегородцев, приговаривая: «Богаты и сыты пришли из Ярославля и одни могут отбиться от гетмана». Трубецкой не выпускал в бой даже и присланных сотен. Не ясен ли был его умысел обессилить Пожарского и именно конным войском, когда у Хоткевича только конные и были».

Однако головы тех конных сотен, которые были посланы Пожарским к Трубецкому, не смогли отнестись равнодушно к тому, чтобы поляки теснили их братьев на другом берегу

реки: «головы же те, кои посланы ко князю Дмитрею Трубецкому, видя неизможение своим полком, – говорит летописец, – а от нево (Трубецкого) некоторые помочи нету, и поидоша от нево ис полку бес повеления скорым делом. Он же не похоте их пустить. Они же ево не послушаша, поидоша в свои полки и многую помощь учиниша».

Загорелись негодованием на предательское поведение Трубецкого и русские сердца некоторых из подвластной ему «атаманьи». «Атаманы ж Трубецково полку: Филат Межаков, Офонасей Коломна, Дружина Романов, Макар Козлов поидоша самовольством на помощь, и глаголаху князю Дмитрею Трубецкому, что в вашей нелюбви Московскому государству и ратным людям пагуба становитца. И придоша на помочь ко князь Дмитрею в полки и по милости всещедрого Бога етмана отбиша и многих литовских людей побита».

Отбитый Хоткевич отступил с Поклонной горы, но ночью какой-то изменник Гриша Орлов прошел в Москву, проведя с собой 600 гайдуков.

23 августа гетман переводил свои войска

на другой берег Москвы-реки, к Донскому монастырю, чтобы вести наступление со стороны Замоскворечья. Поэтому в этот день был бой только с поляками, сидевшими в Кремле; они сделали удачную вылазку и, взяв русский острожок у церкви Святого Георгия (в Яндове), распустили на колокольне польское знамя.

Переведя свои войска на другой берег Москвы-реки, Хоткевич, вероятно, рассчитывал, что казаки не будут биться крепко, а Пожарский, в отместку за их бездействие 22 августа, помощи им не окажет и останется на левом берегу реки.

Однако сообразительный гетман ошибся. Пожарский не последовал примеру Трубецкого и, видя, что поляки перешли на правый берег Москвы-реки, сам поспешил с большею частью своего войска перейти туда же, оставив на левом берегу лишь обоз и свой казачий отряд в острожке у церкви Святого Климента на Пятницкой.

Бой в Замоскворечье закипел с рассветом 24 августа. Пожарский выдвинул против Хот-

кевича «сотни многая», а воевод, прибывших из Ярославля, поставил вдоль рва, шедшего вокруг сожженного деревянного города в Замокворечье. «Трубецкой с своей стороны, – говорит И.Е. Забелин, – вышел и стал от Москвы-реки, от Лужников, то есть у Троицы в Лужниках, где Кожевники, стало быть, на таком месте, которое оставалось вдали от дорог, где должен был идти гетман, направляясь от Донского монастыря. Трубецкому следовало встретить его от Серпуховских ворот, а он стал в версте от них».

При этих обстоятельствах главный удар Хоткевича обрушился опять на войска Пожарского; произошла жестокая сеча: «Етман же, видя против себя крепкое стояние Московских людей, и напусти на них всеми людьми, сотни и полки все смяша, и втоптал в Москву-реку. Едва сам князь Дмитрий с полком своим стоял против их. Князь Дмитрий же Трубецкой и казаки все поидоша в таборы».

Скоро был взят и острожок у Святого Климента вышедшими из Кремля и Китай-города поляками, которые тотчас же водрузили на

церкви польское знамя.

Дело Нижегородского ополчения казалось на этот раз благодаря безучастному поведению Трубецкого и казаков проигранным окончательно. «Людие же сташа, – говорит летописец, – в великой ужаси и посылаху х казаком, чтобы сопча промышляти над етманом. Они же отнюдь не помогаху...»

Тут вмешивается в дело, по собственному его рассказу, Авраамий Палицын. В своем «Сказании» он говорит, что «видев же сиа бываемаа злаа, стольник и воевода, князь Дмитрий Михайлович Пожарской, и Козма Минин, и в недоумении быша. И послаша князя Дмитрея Петровича Лопату к Троицкому келарю, старцу Авраамию, зовуще его в полки к себе», после чего, по словам Палицына, он отправился уговаривать казаков, сперва к находившимся у Клементьевского острожка, а затем и в таборы, где многие уже пили и играли в зернь, и так подействовал на них своим горячим словом, что казаки умилились душой и кликами «Сергиев, Сергиев!» бросились в битву и начали всюду избивать польских и литовских людей, чем повернули уже оконча-

тельно проигранное дело в нашу пользу. Таким образом, по словам Палицына, вся заслуга в воздействии на казаков, а стало быть, и победа над Хоткевичем принадлежала исключительно ему одному. В действительности, однако, это было, по-видимому, не так.

«Другой Троицкий келарь, – говорит И.Е. Забелин, – современник и ученик архимандрита Дионисия... Симон Азарьин, не менее, если не более, Авраамия любивший свой монастырь, но не столько, как Авраамий, любивший свою особу, рассказывает о тех же обстоятельствах гораздо правдивее. Он пишет, что воинство христианское обоих полков несогласно было, друг другу не помогали, но действовали каждый полк особо, и именно казаки не только не помогали, но и похвалялись разорить дворянские полки. Слыша это, архимандрит Дионисий и келарь Авраамий поспешили в Москву и вместе с Козьмою стали умолять казаков и многим челобитьем привели их в смирение, утешая при этом обои полки пищею и питием, и таким образом привели их в братолюбие. А главное, обещали казакам всю Сергиеву казну отдать, если

постоят, и поможет им Господь, указывая, что если не постоят и враги одолеют, то и все будет разграблено. Казаки за это с радостью обещались за веру Христову стоять и головы свои положить... Склонившись на обещания казны, казаки поднялись и, согласившись с полками Пожарского, двинулись против гетмана вместе с обеих сторон. Первым делом был взят острожок Климентовский, причем одних венгров было побито 700 человек. Потом пешие засели по рвам, ямам и крапивам, где только можно было попрятаться, чтобы не пропустить в город польских запасов. Однако большой надежды на успех не было ни в ком».

Наступил вечер. С той и другой стороны раздавались звуки выстрелов и слышалось пение молебнов, непрерывно служившихся во всех московских полках. Русские люди «всею же ратию начаша плакати и пети молебны, чтобы Московское государство Бог избавил от погибели, и обрекошася всею ратью поставити храм во имя Сретение Пречистые Богородицы и святого апостола и евангелиста Ивана Богослова, да Петра митрополита, Мос-

ковского чудотворца».

Жаркая молитва «последних людей» Московского государства была услышана, причем в неисповедимых путях Господа Ему угодно было даровать им победу – рукой того, кто, в великом возмущении своего духа от скорбей, переживаемых Родиной, первый поднял голос на всеобщее вооружение против ее врагов. Кузьма Минин неожиданно подошел к князю Пожарскому и стал просить у него ратной силы, чтобы ударить на поляков. «Берикого хочешь», – отвечал ему на это Пожарский. Тогда исполненный воинского духа Кузьма взял три дворянские сотни и перешедшего на нашу сторону поляка, «рохмистра Хмелевскаго», и во главе их смело ударил на стоявшие у Крымского брода конную и пешую сотни Хоткевича. Это решило участь дня, а вместе с тем и судьбу всех дальнейших событий. Пехота, видя блистательный успех Минина, «из ям и ис кропив поидоша тиском к таборам. Конные же все напустиша. Етман же, покинув многие коши и шатры, побежа ис табор». Воодушевленные победой, наши ратные люди рвались преследовать поляков.

«Начальники же их не пустиша за ров, глаголаху им, что не бывает в один день две радости, и то зделалось помощию Божию. И повелеша стреляти казаком и стрельцом, и бысть стрельба на два часа, яко убо не слышети, хто что говоряше. Огню же бывшу и дыму, яко от пожару велия, гетману же, бывшу в великой ужаси, и отойде к Пречистой Донской и стояше всю ночь на конех. На утрие же побегоша от Москвы. Срама же ради своего прямо на Литву поидоша». Так отразило Нижегородское ополчение гетмана, не допустив снабдить его припасами поляков, сидевших в Кремле и Китай-городе.

Но доблестные вожди этого ополчения предвидели еще немало дела и впереди.

Архимандрит Дионисий с соборными старцами Троицкой лавры во исполнение обещания, данного казакам, отправили им в заклад в тысячу рублей сокровища святого Сергия – ризы церковные, епитрахили, евангелия в окладах и церковную утварь. Когда казаки увидали эту посылку, то их православные сердца дрогнули. Они поспешили вернуть ее в монастырь и отправили в него грамоту, обе-

щая все претерпеть, но от Москвы не отходить. Труднее было уладить дело с вождями казацкого ополчения; спесивый князь Димитрий Трубецкой, как боярин, хотя и воровской, требовал, чтобы Пожарский и Минин ездили бы к нему в стан для совета. Земские же люди, памятуя судьбу Прокофия Ляпунова, отнюдь этого не хотели допустить.

Скоро Пожарский вынужден был разослать грамоту по городам, в которой он извещал об отбитии Хоткевича от Москвы и сообщал о бывших тушинских воеводах, что «начал Иван Шереметев со старыми заводчиками всякого зла, с князем Григорием Шаховским да с Иваном Плещеевым да с князем Иваном Засекиным атаманов и казаков научать на всякое зло» и подговаривать их, чтобы они шли занимать города в тылу Нижегородского ополчения и затем «всех ратных людей переграбить и от Москвы отогнать».

Однако к началу октября казачьи воеводы увидели, что земские люди сильнее их; с своей стороны Пожарский охотно уступал почет и первенство Трубецкому. Они согласились делать все дела сообща и съезжаться посреди-

не между земским и казацким станами – на Неглинной – на Трубе, где и поставить приказы для решения всех государственных дел.

В конце октября или в начале ноября по городам была разослана новая грамота, уже от обоих воевод, о прекращении между ними всех распрей и о единодушном намерении их, вместе с выборным человеком Кузьмою Мининым, освободить государство от врагов, с повелением во всем относиться к ним обоим и не верить грамотам одного из них: «Как, господа, Божию помощью и заступлением Пречистая Богородицы и умолением всех Святых, – писали Трубецкой и Пожарский, – под Москвою гетмана Хоткеева мы побили и коши многие у него взяли и запасов в Москву к московским сидельцом не пропустили, и то вам ведомо, и мы, бояре и воеводы, о том к вам писали; и были у нас посяместа под Москвой розряды розные, а ныне, по милости Божий, меж себя мы, Дмитрий Трубетцкой и Дмитрий Пожарской, по челобитью и по приговору всех чинов людей, стали во единачестве и укрепились, что нам да выборному че-

ловеку Кузме Минину Московского государства достигать и Российскому государству во всем добра хотеть без всякия хитрости, и розряд и всякие приказы поставили на Неглимне, на Трубе, и снесли в одно место и всякие дела делаем заодно, и над Московскими сидельцы промышляем: у Пушечного двора и в Егорьевском девиче монастыре и у всех Святых на Кулишках поставили туры, и из-за туров из наряду (пушек) по городу бьем беспрестани, и всякими промыслы над городом промышляем и тесноту Московским сиделцом чиним великую; и из города из Москвы выходят к нам выходцы, Русские и Литовские и Немецкие люди, а сказывают, что в городе Московских сиделцов из наряду побивает и всякия тесноты и с голоду помирают, а едят-де Литовские люди человечину, а хлеба и иных никаких запасов ни у кого ничего не осталось; и мы, уповая на Бога, начаемся Москвы достигити вскоре».

Храбрый Струсь держался, однако, в Москве до последней крайности, и на предложение о сдаче поляки прислали гордый и грубый ответ, хотя голод среди них дошел уже до

того, что один гайдук съел своего сына, а другой свою мать; судья же, назначенный судить виновных, убежал, боясь, что они его съедят.

В подмосковный стан стали поступать в это время дурные вести: запорожцы, бывшие с Хоткевичем, отделились от него и, неожиданно напав на Вологду, «бессовестно, изгном», дотла выжгли ее и разграбили. Упорно ходили также слухи, что Хоткевич хочет прислать отряд для нападения врасплох на подмосковные рати, вследствие чего наши воеводы приказали всему воинству плести плетеницы и копать большой ров на полуострове, образуемом Москвой-рекой в Замоскворечье, от одного берега до другого, причем сами день и ночь следили за работами.

Казаки были по-прежнему дурно снабжены и голодали, глядя с большой злобой на земских людей, хорошо всем снабженных заботливою рукою Кузьмы Минина.

22 октября казаки взяли приступом Китай-город. Поляки заперлись в Кремле и держались в нем еще месяц. Но ввиду крайней нужды в продовольствии они «повелеху бояром своих жен и всяким людем выпускати

из города вон». Сильно озабоченные за судьбу своих семей, бояре отправили к Пожарскому и Минину просьбу, чтобы они их приняли под свою защиту. Те, конечно, обещали. «Князь Дмитрий же повел им жен своих выпустати и пойте сам и прият жены их чесно и проводи их коюждо к своему приятелю и повеле им давати корм. Казаки же все за то князь Дмитрея хотеша убити, что грабить не дал боярынь».

Во второй половине ноября «Литовские же люди, видя свое неизможение и глад великой, и град Кремль здавати начаша». Они вступили в переговоры с Пожарским, прося о даровании им жизни, а также «полковником же и рохмистром и шляхтам, чтобы итти ко князю Дмитрею Михайловичю в полк Пожарскому, а к Трубецкому отнюдь не похотеша итти в полк». Затем последовала сдача Кремля. Сперва из него были выпущены бояре, в том числе князь Ф.И. Мстиславский и совершенно больной Иван Никитич Романов, хромой и с отнятой рукою, что с ним случилось, как мы помним, еще во времена Годунова; вместе с Иваном Никитичем вышел из Крем-

ля и его юный племянник Михаил Феодорович, сын Филарета Никитича, а также бывшая супруга последнего, инокиня Марфа Иоанновна, очевидно не пожелавшая расстаться с сыном, когда выпускали других боярынь. Мать и сын отправились тотчас же в свои Костромские вотчины. Когда казаки увидели выходящих бояр, то хотели кинуться их грабить, но были удержаны земскими ратными людьми, принявшими тех с подобающей им честью.

На следующий день сдались поляки; Струсь со своим полком достался казакам Трубецкого: они ограбили их дочиста, а многих побили. Поляки же, доставшиеся Пожарскому, не были никем тронуты.

27 ноября Нижегородское ополчение от церкви Иоанна Милостивого на Арбате и казаки от храма Казанской Богородицы за Покровскими воротами двинулись двумя крестными ходами в Китай-город в сопровождении всех московских людей. Оба крестных хода сошлись на Красной площади у Лобного места, где доблестный Троицкий архимандрит Дионисий начал служить молебен; в это вре-

мя из Кремля показался третий крестный ход, выходявший через Спасские ворота: архиепископ Архангельский Арсений с кремлевским духовенством, чтобы встретить своих освободителей, подняли икону Владимирской Божией Матери. При виде Ее чудотворного лика все присутствующие не могли удержаться от громких рыданий и радостных слез: многие потеряли уже всякую надежду когда-либо ее увидеть.

После молебна на Лобном месте все двинулись с крестами и образами в Кремль, чтобы отслужить обедню и молебен Пречистой в Успенском соборе; «...здесь, – по словам С. Соловьева, – печаль сменила радость, когда увидели, в каком положении озлобленные иноверцы оставили церкви: везде нечистота, образа рассечены, глаза вывернуты, престолы ободраны, в чанах приготовлена страшная пища – человеческие трупы». «Сидение ж их бяше в Москве таково жестоко, – говорит летописец, – не токмо что собаки и кошки ядяху, но и людей Русских побиваху. Да не токмо что Русских людей побиваху и ядяху, но и сами друг друга побиваху и едяху. Да не токмо

живых людей побиваху, но и мертвых из земли роскопываху: как убо взяли Китай, то сами видехом очима своими, что многая тчаны на-солены быша человечины».

После сдачи поляков «Трубецкой, по своему великородству», как говорит И.Е. Забелин, поселился в Кремле, в бывшем Годуновском дворе, скромный же Пожарский – на Арбате, в Воздвиженском монастыре, и усердно продолжал вместе с Мининым и земскими людьми заниматься делом дальнейшего успокоения государства.

«Когда Русские взяли Кремль, – доносил Яков Деллагарди королю Густаву-Адольфу в январе 1613 года, на основании расспросных речей некоего Богдана Дубровского, выехавшего из Москвы в половине декабря, – казаки хотели силою ворваться туда, чтобы посмотреть, что там можно найти, но военачальники и бояре не позволили им этого и потребовали от них, чтобы они представили список старых казаков, отделив крестьян и другие при-ставшие к ним беспорядочные отряды, тогда их признают за казаков и они будут награждены. Так и сделали. Лучших и старших каза-

ков было насчитано 11 000 и военачальники разделили между ними всеми доспехи, ружья, сабли и прочие вещи, а также найденные в Кремле деньги, так что каждый казак получил деньгами и ценными вещами 8 рублей».

Но казаки быстро спустили все полученное. «Казацкого же чина воинство, – говорит сам их великий приятель, Авраамий Палицын, – многочисленно тогда бысть и в прелесть велику горше прежнего впадоша, вдавшееся блуду, питию и зерни, и пропивше и проигравше вся своя имениа, насилующе многим в воинстве, паче же православному христьянству. И исходяще из царствующаго града во вся грады и села и деревни, и на путех грабяще и мучаще немилостивно сугубейши перваго десятиорицою... И бысть во всей России мятеж велик и нестроение злейши перваго (прежняго); бояре же и воеводы, не ведуще что сотворити...»

Между тем в Москву пришли тревожные сведения, что к ней идет король Сигизмунд. Действительно, часть поляков, узнав, что дела Струся пошли дурно, стали требовать на

сейме в Варшаве, чтобы король поспешил ему на выручку, однако средств ему на сбор войска не дали. Сигизмунд отправился в Вильну, набрал с большим трудом 3 тысячи немецких наемников и в октябре прибыл к Смоленску. В Смоленске «рыцарство», то есть польская конница, находившаяся здесь, несмотря на все мольбы короля, наотрез отказалась следовать с ним к Москве, и он выступил один со своими немцами на Вязьму; однако по дороге его нагнало 1200 конных из Смоленска, которые устыдились своего отказа, а в Вязьме он соединился и с Хоткевичем. Из Вязьмы Сигизмунд пошел осаждать Погорелое Городище; сидевший здесь воеводою князь Юрий Шаховской послал сказать королю: «Пойди в Москву, будет Москва за тобою, а мы тоже твои». Тогда король отошел от Погорелова и стал осаждать Волок Ламский. Изпод Волока Сигизмунд послал на Москву отряд молодого Жолкевского (сына гетмана), а с ним князя Данилу Мезецкого, бывшего с послами под Смоленском, и дьяка Ивана Грамотина «зговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на царство. Они же придоша вне-

запу под Москву. Люди же все начальники были в великой ужаси и положиша упование на бога».

Действительно, кроме описанного выше разброда казаков из-под Москвы для грабежа, многие ратные люди к этому времени также уже разъехались, а запасов продовольствия к столице, чтобы сесть в долгую осаду, свезено не было. Тем не менее когда молодой Жолкевский подошел к Москве, то вся рать мужественно вышла ему навстречу и вступила в бой, решив помереть или победить, – и победила, Жолкевский был отбит.

В этом последнем бою под Москвой поляки захватили смолянина Ивана Философова. Когда Жолкевский стал его расспрашивать: «Хотят ли взять королевича на царство, и Москва ныне людна ли, и запасы в ней есть ли», он с уверенностью отвечал, как рассказывает летописец: «„Москва людна и хлебная на то все обещахомся, что всем помереть за православную веру, а королевича на царство не имати“. Они же то слышав, ужаснулись и поидоша наспех под Волок». Волоком королю тоже не удалось овладеть благодаря доблести сидев-

ших в нем атаманов Нелюба Маркова и Ивана Епанчина, которые отбили все приступы. Тогда «король же, видя мужество и крепкое стоятельство Московских людей и срам свой и побои Литовским и Немецким людем, поиде наспех из Московского государства: многая у него люди Литовския и Немецкия помороша с мразу и з гладу».

Вскоре был разбит и другой враг – Заруцкий; он подошел к Переславлю-Залесскому, чтобы взять его приступом; но воевода Михаил Матвеевич Бутурлин вышел против него и побил наголову. «Заруцкий же, взем Маринку, з достальными людьми поиде в Украинные города».

Так постепенно очищалось Московское государство от врагов, хотя отдельные их шайки бродили еще долгое время: «...и очисти Бог Московское государство начальников радением и ратных людей службою и радением, и послаша во все города. Во всех же городех радость бысть велия. Немцом же Аглинским, кои было пошли к Архангельскому городу Московскому государству на помощь... повеле отказати: Бог очистил и русскими людьми».

Наступило, наконец, давно желанное время закончить великую смуту, охватившую Родину, – избранием всею землею государя. «Начальники ж и вси людие, – говорит летописец, – видя над собою милость Божию, начаша думати, како бы им избрати государя на Московское государство праведна, чтобы дан был от Бога, а не от человек. И послаша во все города Московского государства, чтобы ехали к Москве на избиранье государя власти и бояре и всяких чинов людие...»

Грамоты об этом стали рассылаться по городам в начале ноября 1612 года, с приглашением прибыть в Москву к 5 декабря, и 12 января 1613 года окончательно собрался вновь созванный Земский собор, заменив собой действовавший до сих пор Совет всея Земли, который был созван, как мы помним, в Ярославле, в предыдущем году, и тоже предполагал приступить к выбору царя, чего настоятельно требовал народ всюду по пути следования Нижегородского ополчения.

Точное количество участников великого Земского собора 1613 года, созванного для царского избрания, к сожалению, неизвестно,

так как «Утвержденная грамота» об этом избрании была подписана значительно позднее, летом 1613 года, когда многие из членов собора уже разъехались по домам. Во всяком случае, это был наиболее полный из всех собиравшихся до сих пор соборов от земли; на нем были представители более чем от 40 городов, «от Северного Подвинья до Оскола и Рыльска и от Осташкова до Казани и Вятки», – говорит С.Ф. Платонов, причем каждый город должен был прислать не менее 10 членов, но некоторые, как, например, Нижний Новгород, первый вставший во главе движения «последних людей» Московского государства, выслали значительно большее число[33]. Весьма деятельное участие в соборе принимали и представители казачества, собранного под Москвой. Ввиду этого он был настолько многочислен, что некоторые заседания его происходили в кремлевском храме Успения Божией Матери.

В состав избирательного собора входил прежде всего Освященный собор, из трех митрополитов (Ефрема Казанского, Кирилла Ро-

стовского и Ионы Сарского) и представителей черного духовенства: архиереев, архимандритов и игуменов. Белое же духовенство было вместе с выборными от городов: дворянами, детьми боярскими, гостями, торговыми, посадскими и уездными людьми. Не было только на соборе холопов и крепостных крестьян, а также больших бояр, членов Семибоярщины, сидевших вместе с поляками в Кремле; по приказу городов они не были допущены на него. «Бояре, – доносил Яков Делагарди своему королю Густаву-Адольфу на основании «расспросных речей» пленных, – сидевшие с Поляками в Москве, осажденной Русскими, после взятия ее выехали из Москвы под предлогом, что они хотят съездить на богомолье, согласно их вере, как они должны бы сделать еще во время осады, но больше по той причине, что к ним враждебно относятся все простые люди страны из-за Поляков, с которыми были заодно».

Прежде чем приступить к великому и святому делу, для которого был созван собор, члены его решили провести три дня в посте и молитве.

Затем начались совещания, подробностей о которых до нас, к сожалению, не дошло, и поэтому мы можем делать о них лишь кое-какие догадки. В первую голову был поставлен вопрос об избрании государя из иноземных царствующих домов. Как мы видели, чтобы не иметь лишних врагов при освобождении Москвы от поляков, летом 1612 года завязались переговоры о выборе шведского королевича Филиппа; кроме того, Пожарский сносился и с германским императором о возможности выбора его родственника, Максимилиана Габсбургского. Затем был поднят вопрос и о татарских царевичах, бывших в Московском государстве, но на самом деле было твердо решено выбрать государя только из своих прирожденных русских людей.

Весьма хорошо осведомленный и правдивый «Новый летописец» говорит, что в Москву в декабре 1612 года прибыл «из Нова города от Якова Пунтусова посланник Богдан Дубровской», сообщивший, «что королевич (Филипп) идет в Новгород. Они же ему отказаша сице: „Тово у нас и на уме нет, чтобы нам взяти иноземца на Московское государство; а что

мы с вами ссылались из Ярославля, и мы ссылались для того, чтобы нам в те поры не помешали, бояся того, чтобы не пошли в Поморские города; а ныне Бог Московское государство очистил, и мы ради с вами за помощью Божиею битца итти на очищение Новгородсково государства“».

Затем на соборном совещании было порешено: «Литовскаго и Шведскаго короля и их детей и иных Немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры Греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ея на государство не хотеть, потому что Польскаго и Немецкаго короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: Литовский король Московское государство разорил, а Шведский король Великий Новгород взял обманом».

После этого приступили к выбору из своих; в этих выборах весь январь и начало февраля 1613 года прошли в большом беспокойстве:

«...тако бысть, – по словам князя И.М. Катырева-Ростовского, – по многи дни собрание людем, дела же толикия вещи утвердити не

возмогут». «И многое было волнение всяким людем, – рассказывает «Новый летописец», – койждо хотяше по своей мысли деяти, койждо про коево говоряше: не вспомянуша бо писания, яко „Бог не токмо царство, но и власть, кому хоцет, тому дает: и кого Бог призовет, того и прославит... И кто может судьбы Божия испытати: иные убо подкупахусь и засылаху, хотяше не в свою степень, Богу же того неизволшу“».

После рассказывали, что сильно домогался царского престола князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой, а затем создалась сплетня, что даже и князь Д.М. Пожарский добивался избрания, но впоследствии сам сплетник, дворянин Сумин, торжественно отказался от нее, хотя, конечно, как вождь Нижегородского ополчения, совершивший великий подвиг очищения государства от врагов, Пожарский в умах многих и мог являться желанным избранником. Но этому прежде всего препятствовала врожденная скромность самого князя Димитрия Михайловича, что запечатлено и в современной народной песне: «Выбираем мы себе в цари, из бояр боярина славного кня-

зя Димитрия Пожарского сына», на что последний отвечает: «Недостоин я такой почести от вас».

В другом современном сказании, «Хронографе», рассказывается, что на соборе Пожарский стал говорить: «Теперь у нас в Москве благодать Божья воссияла, мир и тишину Господь Бог даровал: станем у Всецедрого Бога милости просить, дабы нам дал самодержателя всей России. Подайте нам совет благий. Есть ли у нас Царское приращение». На это все умолкли. Затем духовные власти держали такое слово: «Государь Димитрий Михайлович! Мы станем собором милости у Бога просить. Дай нам сроку до утра».

На следующий день, 7 февраля, когда собрался весь собор, какой-то дворянин из Галича выступил вперед и представил письменное мнение, что государю из племени Иоанна Калиты – Феодору Иоанновичу – ближе всех по родству приходится Михаил Феодорович Романов, почему он и является приращенным царем.

На это послышались голоса: «Кто прислал

такую грамоту, откуда?» Но в то же время вышел и донской атаман и также подал грамоту. «Что это ты подаешь, атаман?» – спросил его Пожарский. «О прирожденном Царе Михаиле Феодоровиче», – послышался ответ.

Таким образом, и земщина, и казачество, всегда между собою враждовавшие, произнесли одно имя, на котором сошлись все лучшие чувства русских людей и которое должно было их всех примирить.

«Тако благослови Бог и прослави племя и сродство царское, – говорит летописец, – достославного и святого и блаженныя памяти государя царя и великаго князя Федора Ивановича всея Русии племянника, благовернаго и Богом избраннаго и Богом соблюдаемаго от всех скорбей царя государя и великаго князя Михаила Федоровича всея Русии самодержца сына велика боярского роду боярина Федорова сына Никитича Юрьева».

Чтобы новый царь был действительно желанным избранником всей земли, решено было разослать по всем городам и уездам надежных людей и расспросить народ, как он отнесется к этому выбору.

Через две недели посланные возвратились, и 21 февраля 1613 года должно было состояться последнее заседание собора: на него были приглашены и большие бояре – князь Мстиславский с товарищами своими по Семибоярщине.

По рассказу Авраамия Палицына, накануне, 20 февраля, в субботу первой недели Великого поста, у него в Богоявленском монастыре, на бывшее в Кремле Троицкое подворье собрались «многие дворяне, и дети боярские и гости многие розных годов, и атаманы, и казаки, и открывают ему совет свой и благое изволение». Все они стояли за избрание Михаила Феодоровича. «Старец же о сем возрадовался... – рассказывает про себя Авраамий, – и от радости многих слез исполнился», а затем отправился в Патриаршие палаты читать Освященному собору и всему синклиту мнения пришедших к нему людей.

На другой день, в воскресенье, в неделю православия, «в большом Московском дворце, в присутствии, внутри и вне, всего народа от всех городов России», состоялось последнее торжественное заседание собора. Были собра-

ны мнения от каждого чина, и все они оказались одинаковы: все единогласно указывали, что царем должен быть Михаил Феодорович Романов.

Вслед за тем Феодорит, архиепископ Рязанский, Авраамий Палицын, Иосиф, новоспасский архимандрит, и боярин Василий Петрович Морозов вышли на Лобное место и обратились к собравшемуся здесь всенародному множеству с вопросом: «Михаила Феодоровича Романова в цари Московского государства хотите ли?» Восторженные клики согласия послышались на это в ответ.

«В той же день бысть радость велия на Москве, и поидоша в Соборную апостольскую церковь Пречистые Богородицы и пеша молебны з звоном и со слезами. И бяше радость велия, яко изо тьмы чловецы выидоша на свет, – говорит летописец. – Он же, благочестивый государь, того и в мысле не имяше и не хотяше: бывшу бо ему в то время у себя в вотчине, тово и не ведяше, да Богу он годен бысть. И за очи помаза его Бог елеем святым и нарече ево царем».

Так кончилось на Руси Смутное время, вы-

званное пресечением царского рода из дома Иоанна Калиты.

Собору оставалось совершить еще только одно дело: испросить согласие принять царский венец самого новоизбранного государя. «Власти же и бояре и все людие начаша избирати изо всяких чинов послати бити челом к ево матери, к великой государыне старице иноке Марфе Ивановне, чтоб всех православных хрестьян пожаловала и благословила бы сына, царя государя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, на Московское государство и на все Российские царства, и у него государя милости прощать, чтобы не презрил горьких слез Православных хрестьян. И послаша на Кострому изо властей Рязансково архиепископа Феодорита и с ним многих властей черных, а из бояр Федора Ивановича Шереметева и изо всех чинов всяких людей многих».

Посольство это, получив подробный наказ, как ему «бити челом и умолять его, государя, всякими обычаи, чтоб он, государь, милость показал, челобитья их не презрил», выступило из Москвы 2 марта, после торжественного

молебна, подняв с собой икону Божией Матери, написанную святым Петром Чудотворцем, а также и образа святителей московских – святых Петра, Алексия и Ионы.

10 марта Земский собор отправил посольство и в Польшу с предложением размена пленных, имея главным образом в виду освобождение из неволи Филарета Никитича.

Между тем юный избранник всего Московского государства чуть было не погиб от вражеской руки и был лишь спасен самоотверженной преданностью одного из своих верных слуг.

Покинув в конце 1612 года Кремль после сдачи его поляками, Михаил Феодорович с матерью отправился, как мы говорили, в свои костромские владения, причем инока Марфа Иоанновна проследовала прямо в Кострому, а сын ее остановился в вотчине своей матери – селе Домнине, управителем коей был крестьянин Иван Сусанин, уроженец близлежащего селения Деревеньки, человек, беспрельно преданный своим господам – боярам Романовым. Этот Иван Сусанин и спас жизнь вновь избранному государю.

Вполне точного и подробного описания подвига Сусанина, к величайшему сожалению, не сохранилось, и мы можем судить о нем лишь на основании некоторых царских грамот и указов, а также и рукописных сказаний.

В жалованной грамоте от 30 ноября 1619 года зятю Сусанина, Богдану Сабину, об этом говорится так: «В те поры приходили в Костромской уезд полские и литовские люди, и тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими немерными пытками. А пытали у него, где в те поры мы, Великий государь царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Руси, были, и он, Иван, ведая про нас, Великаго государя, где мы в те поры были, терпя от тех полских и литовских людей немерные пытки, про нас, Великаго государя, тем полским и литовским людем, где мы в те поры были, не сказал, и полские и литовские люди замучили его до смерти».

По-видимому, дело спасения Михаила Федоровича Сусаниным произошло следующим образом: близ села Домнина рыскала одна из

многочисленных польских шаек, которая уже проведала, что престол предназначается молодому сыну Филарета Никитича Романова, и поэтому во что бы то ни стало желала его захватить в свои руки. Шайка эта шла мимо Железоборовского монастыря, куда в это время как раз приехал из Домнина набожный Михаил Феодорович. Иноки издали увидели движение поляков и тотчас же предупредили его об этом.

Тогда Михаил Феодорович вскочил на лошадь и поскакал в Домнино. Путь его лежал мимо селения Деревеньки, где в ту пору случилось быть Сусанину, у которого накануне сгорел овин. Увидев государя, Сусанин уговорил его не ехать в Домнино, так как поляки, несомненно, отправятся искать его туда, зная, что это романовская вотчина, и затем спрятав Михаила Феодоровича в сарае, зарыв в сено.

Сам же Сусанин, сняв с Михаила Феодоровича его боярские сапожки, надел их на себя, разрезав вдоль по переду, и побежал в лес, по течению замерзшей речки Кобры. Отбежав несколько верст, Сусанин влез на дерево,

снял с себя сапожки и затем, замечая насколько возможно свои следы, вернулся назад в Деревеньки, где стал у ворот своего двора.

Скоро подъехали поляки и стали допрашивать его как старосту: «Где боярин – мы знаем, что он здесь был». На это Сусанин отвечал им, что был, да ушел на охоту, и указал на снегу следы боярских сапожек. Тогда поляки потребовали, чтобы он вел их в лес; Сусанин согласился на это и завел их в самую чащу, а взятого с собой Богдана Сабинина незаметно послал сказать Михаилу Феодоровичу, чтобы он спасался в костромской Ипатьевский монастырь. Долго шли поляки, и, когда наступила ночь, им стало ясно, что Сусанин их обманывает. Тогда они стали требовать, чтобы он их вывел на большую дорогу, но Сусанин отказался от этого, несмотря на угрозы, и даже объявил, что нарочно завел их в непроходимую чащу. Поляки должны были сами выбираться из леса; после многих плутаний и невзгод они вышли к деревне Исупово; здесь, как говорится в указе Конюшенному приказу, они его «пытали разными немерными пытками и, посадя на столб, изрубили в мелкие ча-

сти».

По преданию, изрубленное тело Сусанина было найдено только на третий день и доставлено в Деревеньки, где Михаил Феодорович оставался спрятанным. Когда государь услышал громкий плач, то, еще не зная, в чем дело, он вышел из своего убежища, затем сам обмыл останки верного слуги, положившего за него жизнь, и во время похорон рыдал над ним как над родным отцом.

После своего спасения Михаил Феодорович отправился к матери в Кострому, откуда они проследовали, несмотря на опасности от польско-литовских людей, в Макарьевский на Унже монастырь, основанный святым Макарием Желтоводским и Унженским, и провели в нем несколько дней в посте и молитве, благодаря преподобного за освобождение от врагов и дав обет вновь прибыть на богомолье в обитель, если Господу угодно будет освободить от польского плена отца Михаила Феодоровича – Филарета Никитича.

Затем сын с матерью, взяв с собой из Деревенек оставшуюся сиротою дочь Сусанина Антониду, бывшую тогда невестой Сабинина,

вернулись в Кострому и поселились в Ипатьевском монастыре – в палатах, принадлежавших боярам Романовым.

Посольство от собора, снаряженное с целью просить Михаила Феодоровича на царство, согласно полученному наказу отправилось первоначально в Ярославль, так как никто в точности не был осведомлен, где находится государь, и уже из Ярославля оно держало путь прямо на Кострому, куда и прибыло 13 марта, остановившись в пригородном селении Новоселки. Отсюда послы отправили к Михаилу Феодоровичу просьбу указать, когда ему благоугодно будет их принять. «И государь царь и великий князь Михаил Федорович всея России, – доносили послы в Москву, – нас пожаловал, велел нам бытии у себя, государя, марта в 14 день».

14 марта «архиепископ же Феодорит и боярин Федор Иванович Шереметев и все люди придоша в Соборную церковь Пречистыя Богородицы и пеша молебны и взяша чесная кресты и месной чюдотворный образ Пречистыя Богородицы Федоровския и многая ико-

ны и поидоша в Ипацкой монастырь и пеша молебны у Живоначальные Троицы и придоша к нему, государю, и к матери ево, великой государыне старице иноке Марфе Ивановне, падоша вси на землю: не токмо что плакаху, но и воплю велию бывшу. И молиша его, государя, чтобы шел на свой царский престол, на Московское государство», – рассказывает «Новый летописец». Крестный ход с посольством был встречен Михаилом Феодоровичем и инокиней Марфой у ворот Ипатьевского монастыря, в котором «быша» тогда «звон велик для пришеств чюдотворных икон».

Конечно, и сын и мать знали, для чего прибыло к ним посольство, и были этим до глубины души взволнованы. С умилением приложившись к честным иконам и выслушав челобитье архиепископа Феодорита и боярина Шереметева о призвании на царство, Михаил Феодорович не мог удержать слез, омочивших его прекрасные, всегда немного грустные очи, но затем он с великим гневом отказался принять царский венец.

Так же решительно отказала послам и инокиня Марфа, прямо высказав при этом

причины своего отказа: «И государыня, инокиня Марфа Иоанновна, – говорится в «Книге об избрании и венчании на царство Михаила Федоровича»[34], – у архиепископа Феодорита со властью, и у бояр, у Феодора Иоанновича Шереметева с товарищи, всенародного прошения и челобитья выслушав, им отказала. А говорила, что у него, государя, Михаила Федоровича, и у нея, Государыни, чтоб на таких великих преславных государствах быти государем, и в мысли нет. Потому, что он, государь, во младых летех. А Московскаго государства, всяких чинов люди, прежним государем не прямо служили, как праведными судьбами Божиими, блаженныя памяти, великаго государя царя и великаго князя, Феодора Иоанновича, всея России не стало, и после его, государя, выбрали на Московское государство царем и великим князем Бориса Федоровича Годунова и крест ему целовали, что было ему и детем его служить и прямити и опричь его и детей его на Московское государство инаго никого не хотети: а после смерти его на Московском государстве учинился государем царем и великим князем сын его, ца-

евич Феодор Борисович: и крест ему целовав, Московскаго государства, всяких чинов люди изменили, отъехали к вору Гришке, расстриге Отрепьеву. И после того вора, Гришки Отрепьева, выбрали на государство государя царя и великаго князя Василиа Иоанновича, всея России и, крест ему целовав, изменили ж, многая отъехали в Тушино к Вору, а которыя от него, государя, не отъехали, были на Москве, и они царя Василиа постригли, а постриши, его и братию его отдали в Литву. И сыну моему, виде таковое, прежним государем, Московских людей крестопреступление, и Московскому государству, от Польских и от Литовских, и от Русских людей разорение, что прежних великих государей, из давных лет, сокровища Царьския, Литовския люди вывели, а дворцовыя села, и черныя волости, и пригородки, и посады розданы в поместья дворянам и детем боярским, и всяким служилым людям, и запустошены, а всякия служилыя люди бедны, и ему, сыну моему, будучи на Московском государстве, всех служилых людей жаловать, и свои государевы обиходы полнити, и против недругов, Полскаго и

Литовскаго короля, и иных пограничных государей стояти чем будет. Да и выбрану сыну моему на Московским государстве быть государем опасно, что отец его, Государев, преосвященный митрополит Филарет Никитич Ростовский и Ярославский, ныне в Полше, в великом утеснении: а сведает то король Польский, что по прошению и по челобитью всего Московскаго государства, сын его на Московском государстве государем царем и великим князем всея России, и король тотчас велит над отцом его, государевым, какое зло учинити. Да и без благословения отца своего на Московском государстве ему, государю, быти никак не мочно».

Эти отказы повергли в величайшее уныние всех членов посольства, которые в прямодушном слове великой старицы Марфы не могли не видеть истинной правды: действительно, люди Московскаго государства сильно измалодушествовались за Смутное время и государям своим прямо не служили; Смоленск и Новгород были отторгнуты поляками и шведами; царская казна была пуста; все находилось в страшно запущенном состоянии,

разобраться в котором было чрезвычайно трудно молодому Михаилу; наконец, в глазах инокини Марфы ничто не являлось речательством, что подданные будут служить ему лучше, чем прежним государям после смерти Федора Иоанновича, а между тем согласие на избрание на царство могло немедленно отразиться на судьбе отца молодого государя, пребывавшего в плену, – Филарета Никитича.

Решительно отказав послам, инокиня Марфа и ее сын были тем не менее глубоко тронуты всенародным избранием Михаила Феодоровича. Вот почему под влиянием таких разнородных чувств, их охвативших, они и отказывали послам с «великим гневом и со многими слезами» и затем долго не хотели идти вместе с ними «за кресты в Соборную церковь».

В соборе Ипатьевского монастыря, при молебном пении, послы и всенародное множество всех православных христиан «с великим слезным рыданием и воплем» опять били челом Михаилу Феодоровичу и его матери, чтобы они согласились на их усиленную просьбу.

Наконец после нескольких отказов в продолжение шести часов старица Марфа и ее сын, видя неотступное моление приехавших послов, убедились, что сам Господь призывает Михаила на великий, но тяжкий подвиг служения измученной и вконец разоренной Родине.

Последовало умиленное зрелище: «Великая же государыня, старица инокиня Марфа Ивановна, во мнозем душевном умилении и тихости сына своего... со утешением увещевала»; затем она сквозь слезы благословила плакавшего от глубокого сердечного потрясения Михаила Феодоровича.

По одному преданию, она сказала при этом следующее прочувствованное слово: «...даю вам своего возлюбленного едиnorodного сына, света очию моею, едиnorodна ми суца Михаила Федоровича: да будет вам государем царем и великим князем, всеа Русии Самодержцем, в содержание скифетра Царствующаго града Москвы и всех великих Государств великаго Российскаго Царствия. – А вы б, богомольцы наши, митрополиты, и архиепискупы, и епискупы, и весь освященный вселен-

ский собор молили всемилостивого, в Троице славимого Бога нашего, и Пречистую Его Богоматерь, и великих Московских чудотворцов, о его государском здравии, и о вселенском устройении, и о благосостоянии святых Божи-их церквей и о утверждении святыя православныя наши хрестыянскыя веры; и отовратил бы Господь Бог от нас ото всех православных хрестыян меч ярости Своея, и государство бы устроил мирно и немятежно и ото враг непоколебимо навеки, и покорил бы под нозе наша вся враги, восстающа на ны; а святая б наша и непорочная истинная хрестыянская вера сияла на веденной, якоже под небесем пресветлое солнце, а крестыянство б было в тишине и в покое».

«Бысть же в тот день на Костроме, – говорит летописец, – радость велия, и составиша празнество чудотворной иконе Пречистые Богородицы Федоровской. К Москве же к бояром и ко всей земле послаша и возвестиша им всем. Бысть же радость на Москве велия ноипаче первыя».

Таким образом, 14 марта 1613 года 16-летний Михаил Феодорович, представитель из-

древле блиставшего своим благородством и огромными государственными заслугами боярского рода Кобылиных-Кошкиных-Захарьиных-Юрьевых-Романовых, внучатый племянник незабвенной царицы Анастасии Романовны и сын великого своей преданностью Родине и православию митрополита Филарета Никитича, по благословению родительницы своей, иноки Марфы Иоанновны, стал государем всея России.

О каком-либо ограничении его власти Боярской думой или Земским собором, как это имело место при переговорах о королевиче Владиславе, не могло быть, конечно, и речи. Народ, почти насильно умоливший Михаила Феодоровича вступить на царство, от чего последний отказывался с гневом и плачем, разумеется, полностью передал всю неограниченную власть прежних московских государей своему возлюбленному избраннику, отныне Божию милостию всем своим подданным в отцов и праотца место поставленному.

С 14 марта 1613 года Земский собор и воеводы ополчения, собранного на очищение

земли, стали лишь простыми исполнителями царской власти до полного установления всех старых порядков Московского государства, так как Пожарский и Минин, как прекрасно выяснил И.Е. Забелин, шли «с последними людьми от Земли» «не для того, чтобы перестроить государство на новый лад, а напротив, шли с одной мыслью и одним желанием восстановить прежний порядок, расшатавшийся от неправды...».

«...При этом необходимо еще запомнить, – говорит Забелин, – что с восстановлением старого порядка само собой последовало никем не провозглашенное, но всеми глубоко сознанное всепрощение для всех и всяческих воров и негодяев, которые, как скоро Смута утихла и излюбленный царь был избран, все тут же оказались людьми честными и в нравственном, и в служебном смысле. Блудные сыны, постигнутые тьмой неразумия, образумились, все люди в бедах поиску сились и в чувство и в правду пришли!.. Все смутное воровство было забыто навсегда: кривые Тушинцы смешались с прямыми Нижегородцами, и старые жернова стали молоть по-старо-

му, как было прежде, как было при прежних государях. А потому весьма понятно, когда прежние порядки установились на своих прежних местах, то и люди, восстанавлившие эти порядки, должны были остаться тоже на своих прежних местах, с прежним своим значением и положением в обществе, а особенно в службе».

Поэтому, когда вслед за избранием Михаила Феодоровича подле него образовалась Боярская дума, то первое место в ней по-прежнему занял старейший из всех по отчеству князь Феодор Иванович Мстиславский, который хотя и по принуждению Гонсевского, но все же служил в последние годы Сигизмунду. Тушинский боярин, князь Димитрий Тимофеевича Трубецкой, не раз целовавший руку Вору, тоже стал, разумеется, гораздо выше стольника князя Димитрия Михайловича Пожарского.

19 марта государь вместе с матерью выступил на свой «подвиг» – как говорили современники – из Костромы в Москву, пребывая до этого времени в посте и молитве, и 21-го числа совершил свой въезд в Ярославль. В

Ярославле ему пришлось задержаться из-за плохих дорог, а также и потому, что Москва не была готова для приема царя: казна его, после хозяйничанья поляков и Федора Андронова, была совершенно пуста, а в Кремле все здания были так повреждены, что требовалось время для их исправления. Вскоре в Ярославль начали съезжаться люди всякого звания, чтобы лично бить челом государю; выборные от Нижнего Новгорода с доблестным протопопом Саввою во главе были в числе первых явившихся.

Из Ярославля же начал отдавать свои царские распоряжения Михаил Феодорович.

23 марта государь послал Земскому собору свой первый указ; выразив в нем, что «его произволения и хотения на престол не было», он обращается затем к боярам и всяким чинам государства с требованием: «Вам бы... стоять в крепости разума своего, безо всякого позыбания нам служить, прямить, и воров никого Царским именем не называть, вора́м не служить, грабежей бы у вас и убийств в Москве и в городах и по дорогам не было, быть бы вам между собой в соединенье и

любви, на чем вы нам души свои дали и крест целовали, на том бы и стояли, а мы вас за вашу правду и службу рады жаловать».

Затем на приглашение собора поспешить государю своим приездом в Москву Михаил Феодорович отправил из Ярославля боярина князя Троекурова с запросом к членам собора: «К Царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы, и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить?.. Бьют государю челом стольники, дворяне и дети боярские, что у них дворцовые села отписаны и государю от челобитчиков доука большая: как с этим быть? Чтобы на Москве и по дорогам грабежей никаких не было! Дворяне и дети боярские и всякие люди с Москвы разъехались, или самовольством?» На эти запросы собор отвечал, что он старается делать все от него зависящее, хотя в действительности положение его было крайне затруднительным ввиду общего оскудения и безначалия, царившего в стране.

8 апреля царь, пояснив, что он медлит своим походом в Москву ввиду ее неготовности к его приему, писал между прочим собору:

«Сборщики, которые посланы вами по городам для кормов, в Москву еще не приезжали; денег ни в котором приказе в сборе нет... Атаманы и казаки беспрестанно нам бьют челом и докучают о денежном жалованье, о своих и конских кормах, а нам их пожаловать нечем, и кормов давать нечего... И вам бы богомольцам нашим, и боярам и окольниковым и приказным людям о том приговор учинить... чем нам всяких ратных людей жаловать, свои обиходы полнить, бедных служилых людей чем кормить и поить». 17 апреля государь прибыл в Ростов и писал оттуда на Москву: «...а идем медленно затем, что подвод мало и служилые люди худы: казаки и дворовые многие идут пешком». 25-го числа царь приказал сделать на походе, в селе Любимове, проверку стольникам, стряпчим и жильцам, назначенным для его охраны. Оказалось, что 42 человек нет. Это было уже недопустимое своеволие, явившееся следствием общей распущенности Смутного времени. Чтобы положить конец такому порядку вещей, государь послал в Москву приказ отобрать у нетчиков их поместья и вотчины в казну.

Тогда же, по государеву указу, бояре отправили отряд против Заруцкого, который был настигнут под Воронежем. «...Он же многих Воронежцев побил и перелезе через Дон и с Маринкою и поиде к Астрахани степью». «А под Тихвину на Немец» – царь «посла воевод своих: князя Семена Васильевича Прозоровского да Леонтья Андреевича Вельяминова со мною ратью».

Ко времени своего приезда в Москву государь приказал приготовить для себя палаты царицы Ирины Феодоровны, а для матери – хоромы жены царя Василия Ивановича Шуйского. Но бояре отвечали, что приготовили для него комнаты Иоанна Грозного и Грановитую палату, а для государевой родительницы – помещение в Вознесенском монастыре, где жила инокиня Марфа, бывшая царица Мария Нагая; «тех же хором, что государь приказал приготовить, скоро отстроить нельзя, да и нечем, денег и казны нет и плотников мало, палаты и хоромы все без кровли; мостов, лавок, дверей и окошек нет, надобно делать все новое, а лесу пригодного скоро не добыть». Михаил Феодорович был недоволен этим от-

ветом и писал боярам: «По прежнему и по этому нашему указу велите устроить нам золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марии: если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василия; вы писали нам, что для матери нашей изготовлены хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромах матери нашей жить не годится». И действительно, великой старице Марфе не годилось жить там, где помещалась слабодушная царица Мария Нагая, в то время как она выдавала себя за мать Лжедмитрия, а затем где нашла себе приют и Марина Мнишек.

Из только что приведенных нами распоряжений государя мы видим, что кроткий и набожный новоизбранный царь Михаил, не имея и 17 лет от роду, с первых же шагов стал совершенно твердо и прямо высказывать свою волю собору и боярам.

Особенно сердился государь на непрекращавшиеся грабежи и разбои. Сопровождавшие его Феодорит и Шереметев послали 28 апреля следующую грамоту собору: «Писал к вам государь много раз, чтобы у вас на

Москве, по городам и по дорогам убийств, грабежей и никакого насильства не было; а вот 23 апреля приехали к государю на стан в село Сватково дворяне и дети боярские разных городов переграблены донага и сечены... на дороге, на Мытицах и на Клязьме, казаки их перехватывали, переграбили, саблями секли и держали у себя в станах два дня, хотели побить, и они у них, ночью развязавшись, убежали... Писали к государю из Дмитрова приказные люди, что прибежали к ним из сел и деревень крестьяне жженные и мученые огнем; жгли их и мучили казаки».

За два дня до этого, 26 апреля, в обители Живоначальной Троицы государь и мать его, великая старица Марфа, призвали митрополита Казанского Ефрема и других членов собора, присоединившихся к «походу», и говорили «с великим гневом и со слезами, жалеючи о православных крестьянах, что грабежи и убивства на Москве, и по городам и по дорогам встали воры великие и православным крестьянам, своей единокровной братье, чинят нестерпимые смертные муки и убивства

и кровь крестьянскую льют беспрестани... И государь и мать его, видя такое воровство, из Троицкого монастыря идти не хотят, если всех чинов люди в соединение не придут и кровь христианская литься не перестанет».

Это крепкое слово государя, сейчас же всецело вставшего после своего избрания на защиту сирого и убогого люда, подействовало. 30 апреля собор приговорил отправить посольство с выборными из всяких чинов бить челом царю, чтобы «он умилосердился над православными христианами, походом своим в Москву не замешкал; а про воровство про всякое митрополит и бояре заказ учинили крепкий, атаманы и казаки между собой уговорились, что два атамана через день осматривают каждую станицу и чье воровство ищут, тотчас про него скажут и за воров в челобитчиках быть не хотят». Челобитье это, подкрепленное также просьбою вождей ополчения, Трубецкого и Пожарского, которые смиренно били челом государю, «чтобы им видеть твои царские очи на встрече», возымело свое действие.

1 мая Михаил Феодорович с матерью при-

были в село Тайнинское, а на следующий день последовало их торжественное вступление в столицу. «Царь же государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии приде под Москву. Людие же Московского государства встретоша ево с хлебами, а власти и бояре встретоша за городом со крестами. И приде государь к Москве на свой царский престол в лето 7121 (1613) году после Велика дни в другое воскресенье Святых жен Мироносиц. На Москве же паки бысть радость велия, и пеша молебны». «И шел великий государь и мать его, государыня, инокиня Марфа Ивановна, до соборныя церкви за кресты, и за честными иконы пеши. А пришед в соборную церковь, Успения Пречистая Богородицы, государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России, и мать его, государыня, инокиня Марфа Ивановна, соверша молебное пение, приняли благословение от митрополита и архиепископов».

В тот же день «пожаловал государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России бояр и окольных, и столников, и стряпчих, и дворян, и приказных людей, и

жильцов, и гостей, и торговых всяких чинов людей, веле быти у своей царской руки».

«Людие же увидеша себе свет, не имяху себе веры, не чаяху такие себе радости. И приидоша ко государю всею землею со слезами бити челом, чтобы государь венчался своим царским венцом. Он же не презри их моления...»

Венчание на царство было назначено на 11 июля, в канун именин Михаила Феодоровича, причем, чтобы не было никаких обид и пререканий, государь указал «для своего царского венца во всех чинах быти без мест». 10 июля по всем церквам были отслужены всеобщные.

Утром в день торжества государь послал «сказать боярство» своему двоюродному брату князю Ивану Борисовичу Черкасскому, а затем и стольнику князю Димитрию Михайловичу Пожарскому.

Венчание на царство было совершено по древнему чину и подробно описано в «Книге об избрании на Царство...».

«А венчал ево, государя, царским венцом, – рассказывает летописец, – Казанский митро-

полит Ефрем и все власти Московского государства. А в чинах были бояре: осыпал (золотыми деньгами) боярин князь Федор Иванович Мстиславской, с скифетром боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, с шапкою – Иван Никитич Романов, с яблоком – Василий Петрович Морозов. По царское платье ходил на казенный двор князь Дмитрий Михайлович Пожарской да казначей Никифор Васильевич Траханиотов. И как платье принесли в полату золотую и в Соборную церковь платье послаша з боярином Васильем Петровичем Морозовым да с казначеем с Никифором Траханиотовым, а с яблоком был боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарской».

После венчания был торжественный стол, так же как и в последующие два дня. 12 июля, в день своего ангела, государь пожаловал в думные дворяне Кузьму Минина, что давало ему в то время право, наряду с боярами, окольниковыми и именитыми людьми Строгановыми, писаться с «ичем», почему он и стал прозываться с этих пор Козьмою Миничем Сухоруким.

Таким образом, в торжественные дни венчания государя на царство оба великих мужа – Пожарский и Минин – были вознаграждены за свои необычайные подвиги на пользу Родине: первый пожалованием в боярство, а второй в думные дворяне, что по понятиям того времени являлось вполне достойной наградой за их заслуги.

«Это и было торжеством справедливости и великою почестью для пожалованных», – говорит И.Е. Забелин. Большого – при тогдашних понятиях – царь ничего сделать не мог. «Наперекор желаниям даже самого государя, – продолжает Забелин, – и Трубецкой, и очень многие другие бояре везде должны были первенствовать пред Пожарским. Однако и то было великим делом, что на коронации он держал по чину третью регалию (принадлежность торжественного царского облачения), весьма знаменательную, державу, яблоко владомое, великодержавное. Первую регалию – корону (шапку Мономаха), держал дядя царя – Иван Никитич Романов, с которым было заспорил о месте Трубецкой, но был остановлен царем, который ему сказал, что дей-

ствительно Романов меньше тебя, Трубецкого, но он мне по родству дядя, и потому быть вам без мест... Трубецкой держал вторую регалию – скипетр. Спор Трубецкого о месте очень ясно свидетельствует, что здесь люди занимали между собой свои почетные места не по личным заслугам и достоинствам, а по заслугам и достоинству своего рода. Если б Пожарский был великороднее Трубецкого, он занял бы и место почетнее. И не один Трубецкой первенствовал в это время перед Пожарским, выше его стоял и подручный его воевода по ополчению боярин Василий Петрович Морозов. Впрочем, несмотря на тесноту от этих пресловутых отеческих мест, смысл подвига Пожарского во время коронации избранного царя выдавался очень наглядно. Во время церемонии Пожарский предварительно был послан за Царским саном на Казенный Двор, откуда торжественно Благовещенский протопоп нес на блюде Крест, Диадему и Мономахову шапку; за ним Пожарский нес Скипетр, а затем дьяк, будущий казначей Траханиотов нес Яблоко – Державу. Впереди для чести сана шел боярин Василий Петрович

Морозов, что было почетнее, чем несение скипетра, но знаменательный почет оставался на стороне Пожарского. Любопытно и то, что этот Царский сан первыми выносили на торжество люди Нижегородского ополчения. Когда регалии были отнесены тем же порядком в собор и поставлены посреди храма на налое, тот же Пожарский оставался при них все время для почетного предстояния и оберегания. Таким образом, и на символическом «действе» коронования Пожарский, и он один, первый торжественно поднял давно оставленный скипетр Русского Царства, первый принес его священному торжеству Царского постановления, один оберегал Царский сан до времени коронования, а потом ему же, не без знаменательного смысла, досталось при священнодействии хранить в своих руках державу того же Царства, которая своим символом и обозначала это самое Царство. Нет сомнения, что в этом назначении для Пожарского церемониальных мест руководила Царским повелением духовная власть, собравшиеся митрополиты и архиепископы, в числе которых вторым был Ростовский свящи-

тель Кирилл, миротворец нижегородской рати от Ярославля до Москвы. Современники, стало быть, очень хорошо понимали значение заслуг Пожарского и искренно выражали ему свою признательность во всех случаях, где этому не служили помехою чины (обряды) и места (теперешние чины)».

Так же смотрели на Пожарского и поляки; ведя через два года посольские переговоры с русскими, они прямо высказывали, что московское боярство «Пожарского в больших богатырях считает».

«Вот почему и мы, потомки, – говорит И.Е. Забелин, – почитаем его главным героем и большим богатырем».

Конечно, таким же героем и большим богатырем навсегда останется в сердцах русских людей как «выборный от Земли» – нижегородский посадский человек Кузьма Минин Сухорук, так и вдохновивший его своим пастырским словом – неборимый и твердый адамант, святейший Гермоген, Патриарх всея Руси, ныне причтенный нашею церковью к лику святых.

Избранием на царство Михаила Феодоровича Романова закончилась Смута, наступившая в нашей земле с угасанием в лице Феодора Иоанновича царского рода из дома Иоанна Калиты.

Смута эта выразилась глубоким потрясением всех основ Московского государства, созданного неусыпными трудами его собирателей по заветам святого митрополита Петра-чудотворца, и разразилась многими великими бедами над землю: население от постоянных ратных дел, разбоев и грабежей, голода и мора должно было сильно уменьшиться в числе и до крайности обеднело, причем жестокая борьба бездомной голытьбы с имущим людом доходила порой до чрезвычайного озлобления.

Вмешательство Сигизмунда III в наши дела, сперва тайное, а затем и явное, вопреки голосу лучших людей Польши, привело к развитию сильнейшей вражды, и притом на весьма долгие годы, между двумя соседними славянскими государствами; при этом, пользуясь наступившей Смутой, в наши пределы вместе с поляками постоянно вторгалось

немало и чисто русских людей, уроженцев Западной Руси и запорожских казаков, совершавших братоубийственные наезды на беззащитные московские города и селения.

К концу Смутного времени Смоленская земля оказалась во власти поляков, а Новгородская область – занятой шведами. Царская казна, после хозяйничанья Александра Гонсевского и Федора Андропова, была обобрана дочиста.

Разразившись над землею великими бедами, Смута явилась вместе с тем и великим испытанием для Московского государства.

Мы видели, что она началась тотчас же после кончины Грозного в боярских верхах, и главным ее заводчиком был Борис Годунов – «муж чудный и сладкоречивый», одаренный великою мудростью мира сего, направленной исключительно к достижению своих личных честолюбивых и корыстных целей.

За Годуновым не замедлили встать и другие такие же честолюбцы и мудрецы, жестокие, алчные и хитроумные; одни из них подыскивались царства, другие боярства, третьи дворянства, четвертые свободной и при-

вольной жизни; всякий стремился захватить себе возможно более разных благ, вовсе забывая о служении родной земле.

Первая половина Смутного времени выводит наружу целые сонмы этих честолюбцев и хищников, быстро приведших своими действиями Московское государство к краю гибели, несмотря на подвиги высокого самоотвержения во имя любви к Родине некоторых отдельных светлых личностей.

После захвата поляками высшей власти в Москве и падения Смоленска Сигизмунд с торжеством возвратился в Варшаву и праздновал полную победу над недавно могущественной соседней державой, государственный порядок которой был в это время действительно окончательно разрушен.

Но Сигизмунд и поляки не обратили внимания, что Московское государство было вместе с тем и Церковью верующих, Третьим Римом, и этот Третий Рим, незримый для их очей, остался в полной неприкосновенности.

Гетман Жолкевский с недоумением рассказывает в своих «Записках», что, при сожжении поляками Москвы и Смоленска, многие

из москвитян «добровольно бросались в пламя, за Православную, говорили они, веру», очевидно считая, что они делали это под влиянием охватившего их безумия...

Старый гетман, обладавший тонким умом и огромной житейской опытностью, помогшими ему обойти седмочисленных бояр и ввести польские войска в Кремль, что привело к полному упразднению государственной власти в Москве, не понял, однако, что москвитяне, кидавшиеся в пламя, были одержимы тем безумием, про которое говорит апостол: «Будь безумным, чтобы быть мудрым, ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (Первое послание ап. Павла к коринфянам, III: 18, 19).

Это безумие привело сперва «за пристава», а затем и к голодной смерти или к удушению 80-летнего святителя Гермогена. Но православные обитатели Московского государства чутко прислушивались к глухо раздававшемуся из подземелья голосу своего духовного отца и укреплялись его пастырским словом в том же безумии.

Конечно, безумны с точки зрения мудро-

сти мира сего – беспримерная оборона обители Живоначальной Троицы преподобного Сергия, а также письмо соловецкого игумена к королю Карлу IX из сопредельного со шведскими владениями Сумского острога о нежелании видеть иноземца на царстве, написанное после того, как соловецкие иноки отправили свой последний рубль и последнюю серебряную ложку на вспоможение Московскому государству.

Отписки городов друг другу, пересылавшиеся при посредстве «бесстрашных людей» по стране, где кишели польские и воровские отряды, являются самым драгоценным для нас памятником того же безумия, охватившего обитателей Московского государства, каковое безумие, по словам апостола, есть мудрость перед Богом.

В этом безумии открывается полностью все величие «прямых» русских людей, выступивших, на смену «кривых» своих соотечественников, для спасения Родины.

«Братия есми и сродницы, понеже от святых купели святым крещением породихомся и обещахомся веровати во святую и едино-

сущную Троицу, Богу живу, истинну», – писали смоляне, «Господам братьям нашим всего Московского государства», чтобы «всею Землею обще стати за Православную крестьянскую веру».

И во множестве городов, не бывших во власти польских и воровских шаек, «архимарит, и игумены, и протопоп, и попы, и весь освященный собор, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дети боярские, и головы и сотники стрелецкие и казачьи, и стрелцы, и казаки, и всякие служилые люди, и посадские старосты и целовалники, и все посадские и всякие жилецкие люди» – единодушно, всем миром, почти в одних и тех же выражениях, несмотря на то что города эти находились в разных краях государства, постановляли приговоры, чтобы стоять всем единомышленно за истинную православную христианскую веру, за дом Пречистый, где образ Божия Матери, Ее же евангелист Лука написал, и за светильников и хранителей, митрополитов Петра, Алексия и Иону, чудотворцев московских, после чего тотчас же, на конях и на лыжах, отправляли ратных людей для очищения Московского го-

сударства от поляков и литвы.

Это очищение, как мы видели, вызвало крайне напряженную борьбу с внешними врагами и жестокие раздоры со своими же во-рами и казаками, причем после убиения Прокофия Ляпунова дело земских людей, вставших на защиту Отечества, закончилось, как казалось, совершенной неудачей.

Но незримый Третий Рим – Православная церковь, объединявшая все верующие сердца жителей Московского государства, осталась по-прежнему непоколебимой, и врата адовы не одолели ее.

Наступившее вслед за убиением Ляпунова лихолетье вызвало небывалое усиление религиозного чувства русских людей; многие из них сподобились чудесных видений; повсеместно был установлен строгий трехдневный пост, даже и для «млекосущих» младенцев. Наконец, нижегородский посадский человек, Кузьма Минин Сухорук, глубоко пораженный явлением ему преподобного Сергия и дошедшим до него последним пастырским призывом святителя Гермогена, «зело оскорбился» бедствиями Родины. Он поднял своим пла-

менным словом «последних людей» Московского государства, которые, избрав доблестного князя Димитрия Михайловича Пожарского своим вождем, успели, наконец, после многих тяжких трудов очистить Родину от польских и литовских людей и вместе с тем сумели установить во имя православной веры соглашение и с казачеством, столь враждебно разошедшимся с земщиной за Смутное время.

Затем тотчас же было приступлено к великому общему делу, к избранию царя-самодержца, во исполнение давнего горячего желания всей земли.

Не раз помянутый нами поляк Маскевич с удивлением отмечает в своем дневнике: «В беседах с Москвитянами наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом Польским и также приобрести свободу. Но Русские отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого; может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия, по вашим законам, долго, дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный

боярин не властен обидеть последнего престолоюдина: по первой жалобе царь творит суд и расправу. Если же сам государь поступит неправосудно, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от Царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света». Русские действительно уверены, что нет в мире монарха, равного Царю их, которого посему называют: Солнце праведное, Светило Русское».

21 февраля 1613 года Великий Земский собор единодушно избрал своим Солнцем праведным, Светилом Русским не кого-либо из сильных и мудрых мира сего, подыскивавшихся царства, а неизвестно где находившегося в то время 16-летнего Михаила Феодоровича Романова, который был всем дорог и близок как свойственник угасшего царского рода, «по свойству свойственному Царскому семени Богом избранный цвет», как внучатый племянник незабвенной царицы Анастасии Романовны, как сын томившегося в польском плену за православную веру Филарета Никитича и как представитель славного боярского рода, давшего целый ряд верных слуг

Московскому государству.

Единодушным избранием на царство Михаила Феодоровича был завершён подвиг русских людей для спасения своей Родины, и в этом избрании они полностью проявили все лучшие стороны своего великого сердца, для постижения которого Смутное время даёт неоцененные данные.

Ни один народ в мире не имеет таких священных памятников своего прошлого, как отписки городов друг другу, свидетельствующие об изумительном единодушии и братстве обитателей Московского государства, невзирая на различие сословий и состояния, и об их глубокой и вполне сознательной вере в Бога живого, в Бога отцов, прах которых, по Писанию, должен воскреснуть. Как только дело дошло до возможности овладения и осквернения этого священного праха иноплемениками, так тотчас же вся народная твердь Московского государства встала на его защиту, причем, за отсутствием государя, она объединялась домом Пречистой, Ее же образ святой евангелист Лука написал, светильниками и хранителями – митрополитами Пет-

ром, Алексием и Ионою, и пастырским призывом святого Гермогена, патриарха всея Руси.

Эта глубокая вера в Бога живого, в Бога отцов и была основанием того безумия, или мудрости перед Богом, которая зажгла сердца «последних людей Московского государства»; все они твердо верили в личную загробную жизнь и считали величайшей для себя наградой, приняв смерть за веру и Родину, свидетелься в будущем существовании со своими ранее умершими отцами и матерями: «...аще ли же избииени будем, – говорили доблестные сподвижники Ермака, прощаясь с Максимом Строгановым при отправлении на завоевание Сибирского царства, – да помянет нас любовь твоя в вечном успении, а чаем возвращения ко отцам своим и матерям». То же чувство глубокой веры в неразрывную связь живущих сынов с умершими отцами и матерями влекло всегда русских людей к гробам родителей, для молитвы и душевного укрепления, перед всяким важным решением или делом.

Смутное время показывает нам с необычайной яркостью, что величие русского наро-

да и его несокрушимая мощь исходят из горячего сердца русских людей, беззаветно мужественного и в то же время глубоко смиренного, великого своей беспредельной верой в Бога и способностью проникаться истинной братской любовью друг к другу, причем как именитый князь Пожарский, так и простой посадский человек Кузьма Минин Сухорук могут чувствовать, думать и действовать совершенно одинаково.

Величием сердца русских людей обуславливается искони присущая им необыкновенная простота во взаимных отношениях, а также способность проявлять родственные, братские чувства к представителям других народностей. Сподвижники Ермака, будучи глубоко православными и чисто русскими людьми, имели среди своих ратных товарищей литовцев, немцев и татар, к которым относились как к родным братьям. «...И Романовские, господа, мурзы и Татаровя крест нам по своей вере дали, стояти с нами заодин за православную крестиянскую веру и за святыя Божия церкви», – писали ярославцы вологжанам, находя вполне естественным братское

единение, для защиты Московского государства, с живущими среди них татарами.

Это чувство родственной близости ко всем людям, присущее русскому православному человеку, является важным залогом успеха в великом общем деле всего русского народа и его венценосных самодержцев по собиранию и умиротворению земель и народов.

Другим таким же залогом успеха этого великого дела служит то замечательное обстоятельство, что вопрос об умиротворении был всегда основным, семейным вопросом дома Романовых.

При произнесении одного только имени Михаила Феодоровича на Великом Земском соборе 21 февраля 1613 года сразу же утихла всякая зависть и злоба, причем враждовавшие между собой земщина и казачество, не стовариваясь друг с другом, избрали это имя как знамение всеобщего примирения, согласия и любви.

Царское самодержавие, по понятию русского народа, было всегда и прежде всего умиротворением, то есть постепенным ограничением взаимного истребления и ненависти

друг к другу путем собирания, так как самодержавие неразрывно связано с православием, а православие является печалованием о розни и вражде и имеет своей высшей целью не подчинение и не разделение, а собирание всех людей для восстановления всеобщего родства по заповедям Господним.

За годы, истекшие со времени знаменательного дня избрания на царство Михаила Феодоровича, первого царя-мироотворца из дома Романовых, государи наши, в единении со своими верными подданными, совершили немало великих подвигов в деле собирания и умиротворения земель и народов, но и в настоящее время каждый русский человек должен ясно сознавать, что, следуя по великому историческому пути, впервые начертанному святым митрополитом Петром-чудотворцем, нам предстоит впереди не меньшие подвиги для достижения той желанной поры, когда закончится полное собирание и наступит всеобщее умиротворение.

Источники первой части

На русском языке:

Полное собрание русских летописей.

Указатель к первым восьми томам полного собрания русских летописей. Отделы I и II.

Письма русских государей.

Собрание государственных грамот и договоров.

Акты императорской археографической экспедиции. Тома I и II.

«Историческое исследование Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю Западно-Русского края и его отношения к России и Польше». Издание Императорской археологической комиссии.

«Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и Польше». Издание Императорской археологической комиссии.

Русско-Ливонские акты.

«История государства Российского» Н.М. Карамзина.

«История России с древнейших времен» С.

Соловьева.

«История России с древнейших времен» князя М. Щербатова. Изд. 1794 г.

«Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии» И. Забелина.

«Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии» его же.

«История города Москвы» его же.

«Москва – государство, Москва – царство» его же.

«Москва – город» его же.

«Московский государь в своем быту» его же.

«Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы» его же.

«Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве» его же.

«История России» Д. Иловайского.

«Курс русской истории» В. Ключевского.

«Лекции по русской истории» С. Платонова.

«Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н. Костомарова.

«Северно-русские народоправства» его же.

«Русская история с древнейших времен» Н.

Павлова.

«Чтения по истории Западной России»
М.О. Кояловича.

«Русская история» К. Бестужева-Рюмина.

«Философия общего дела» Н.Ф. Федорова.

«Степенная книга царского родословия»
митрополита Макария.

«Большая государственная книга 1672 года,
или Корень российских государей, также Цар-
ский титулярник».

«Снимки древних русских печатей». Изда-
ние Комиссии печатания государственных
грамот и договоров.

«Царственный летописец», рукопись.

«Казанский летописец», рукопись, принад-
лежащая Императорской академии наук.

«Житие святого Сергия Радонежского», ру-
копись Троице-Сергиевой лавры.

«Житие преподобных Зосимы и Савватия,
соловецких чудотворцев», рукопись Москов-
ского исторического музея из бывшего собра-
ния А.А. Вархамьева.

«Толковая рукописная Палея» новгород-
ского письма 1477 года, принадлежащая Пат-
риаршей библиотеке в Москве.

«Русская военная история» князя Н. Голицына.

«Русская военная сила». Издание В. Пирогова.

«Очерк военного искусства до Петра Великого» А.Г. Елчанинова.

«Родная старина» Сиповского.

«Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровского, при участии М.Н. Никольского и В.Н. Сторожева.

«Москва», очерки А. Плечко.

«Описание Москвы и Московского государства по неизданному списку Космографии XVII века» Ю.В. Арсеньева.

«Жития святых, чтимых Православною церковью» преосвященного Филарета.

«История Русской церкви» Б. Голубинского.

«История канонизации святых Русской церкви» его же.

«Древнерусские жития святых как исторический памятник» В. Ключевского.

«Рассказы из истории Русской церкви» графа М. Толстого.

«Святыни и древности Пскова и Новгорода» его же.

«Латинская церковь в Северо-Западном крае» И. Беляева.

«История стенописи Успенского собора в Москве» А.И. Успенского.

«Монастыри на Ладожском и Кубенском озере» князя П. Вяземского.

«Достопримечательности Московского Кремля» Вельтмана.

«Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков» А.И. Соболевского.

«Исторический очерк секуляризации церковных земель в России» А.С. Павлова.

«Материалы для истории русского иконописания» Н.П. Лихачева.

«Древности Российского государства» акад. Ф.Г. Солнцева.

«Флоренция и Рим в связи с двумя событиями из русской истории XV века» графа Хреbtовича-Бутенева.

«Констанцкий собор 1414–1418 года». Издание Русского Археологического общества.

«Россия и папский престол» о. Пирлинга.

«Законы великого князя Иоанна Васильевича и внука его царя Иоанна Васильевича». Изд. 1819 г.

«Псалтырь жидовствующих в переводе Федора Еврея». Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете.

«Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих» Иосифа Волоцкого.

«Житие преподобного Иосифа Волоколамского».

«Иосифов Волоколамский монастырь».

«Волоколамский Иосифов второклассный мужской монастырь» архимандрита Геронтия.

«О ереси жидовствующих» – новые материалы, собранные С.А. Белокуровым, С.О. Долговым, И.Е. Евсеевым и М.И. Соколовым.

«Литературная деятельность жидовствующих» Л. Бедржицкого.

«Нил Сорский и Вассиан Патрикеев» проф. Архангельского.

«Князь-инок Вассиан Патрикеев» И. Хрущева.

«Старец Елизарова монастыря Филофей и его послания» В. Малинина.

«Житие и подвизи преподобных отец наших Зосимы и Савватия» А.А. Титова.

«Из истории отреченных книг» – I. Гадание по Псалтыри. II. Трепетники. III. Лопаточник. IV. Аристотелевы врата, или Тайная Тайных. M. Сперанского.

«Памятники отреченной русской литературы» Н. Тихонравова.

«Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под редакцией И. Костомарова». Выпуск первый. Изд. 1860 г.

«Древнерусская народная литература и искусство» Ф. Буслаева.

«Путешествие М.Г. Мисюря-Мунехина на восток» А.А. Шахматова.

«К портретам князя Юрия Лугвеньевича Мстиславского» П. Симанского.

«Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» проф. М.К. Любавского.

«Памятники московских древностей, собранные Иваном Снегиревым». Изд. 1842–1845 г.

«Памятники древнерусского искусства». Издание Императорской академии художеств.

«Описание путешествия в Московию» Адама Олеария.

«Записки о московитских делах» И. Герберштейна.

«Книга о Московитском посольстве» Павла Иовия Новокомского.

«Историческое описание древнего русского музея под названием Мастерской или Оружейной палаты, в Москве обретающегося» Валуева.

«Великокняжеская и царская охота на Руси» Н. Кутепова.

«Битва на Зеленом поле при Танненберге» Н.Ф. Быковского.

«Древности русского права» В. Сергеевича.

«Боярская дума Древней Руси» В. Ключевского.

«Учебный атлас по русской истории» М. Замысловского.

«Учебный атлас русской истории» барона Ф.Ф. Торнау.

«Очерк истории московского периода древнерусского зодчества» М. Красовского.

«Географическо-статистический словарь Российской империи» П. Семенова.

«Словарь географический Российского государства», собранный Афанасием Щекатовым.

«Автобиография Тамерлана». Перевод с тюркского Н. Лыкошина.

«Жизнь Тимура» Лангле.

«Самарканд во времена Тамерлана», по описанию очевидца, испанца Клавихо.

«Сказания русского народа» И. Сахарова.

«История русской словесности» П. Полевого.

«История инквизиции в Средние века» Г. Ли.

«История Византии» Г.Ф. Герцберга.

«Всемирная история» Шлоссера.

«Всеобщая история» А. Иегера.

«Русская история в картинах, или Живописный Карамзин». Издание А. Прево.

«История Русского искусства» Игоря Грабаря.

«Северное сияние», художественный альбом.

«Картины России» А. Свиньина. Изд. 1839 г.

На польском языке:

Польский гербовник «Гнездо Добродетелей», соч. Папроцкого. Изд. 1550 г.

«Хроника Польская» Марцина Бельского. Изд. 1597 г.

«Дела народа литовского» Нарбута.

«Старые польские монеты» К. Стрончинского.

«Войны и военное устройство Польши» Т. Корзона.

«Польские медали» графа Рачинского.

«Ягеллонки польские в XVI веке» графа А. Пржездецкого.

«Польское средневековое ваяние» Л. Стасяка.

«Торговля Кракова. 1257–1910 годы» С. Кутшебы.

«Вильна 100 лет тому назад, в акварелях Ф. Шмуглевича».

«Средневековые памятники Кракова» Есенвейна.

На латинском языке:

«Описание Европейской Сарматии». Изд. 1581 г. А. Гваньини.

«О военном искусстве» маркграфа Аль-

бредта Прусского.

«Статуты королевства Польского». Изд. 1506 г.

«Иконография княжеского рода Радзивиллов» Ф. Вобе.

«Космография Себастиана Мюнстера». Изд. 1550 г.

На французском языке:

«Этнографическое описание народов России» Т. Паули.

«Наука и промышленность в Средние века», соч. Поля Лакруа.

«История Польши» Иоахима Лелевеля.

«История крестовых походов» Мишо.

«Космография Бель Форэ». Изд. 1575 г.

«Иоанна д'Арк» Х. Валлона.

«Польша в истории, литературе и искусстве» Л. Хотьско.

На немецком языке:

«Очерки истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии» Арбузова.

«Лютер и лютеранство» аббата Денифле.

«Сараевская Хаггада», лицевая средневеково-

вая испано-иудейская рукопись, изданная Г.
Мюллером и Шлоссером.

«Фуггеры в Риме» А. Шульте.

«Космография Себастиана Мюнстера». Изд.
1550 и 1572 гг.

Источники второй части

На русском языке:

Полное собрание русских летописей.

Указатель к первым восьми томам полного собрания русских летописей. Отделы I и II.

Письма русских государей.

Собрание государственных грамот и договоров.

Акты императорской археографической экспедиции. Тома I и II.

Акты исторические.

Дополнение к актам историческим.

Акты, относящиеся к истории Южной и Северо-Западной России.

«Историческое исследование Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю Западно-Русского края и его отношения к России и Польше». Издание Императорской археологической комиссии.

«Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и Польше». Издание Императорской археологической комиссии.

Русско-Ливонские акты.

«Дневник Люблинского сейма».

«Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией». Том I. Памятники, относящиеся к Смутному времени. I. Отрывок дневника польского сейма 1605 года, относящийся к Смутному времени. II. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613), известный под именем истории ложного Дмитрия. III. Поход царя Димитрия (Самозванца) в Москву с Сендомирским воеводою Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства. IV. Поход Сигизмунда в Россию (1609-1610).

«Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией». Том II. Акты, относящиеся к Смутному времени.

«Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией». Том 13. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Статьи: I) Так называемое Иное Сказание, вместе с «Изветом» старца Варлаама. II) Повесть, как восхити неправдою на Москве царский престол царь Борис. III) Повесть о видении некоему

мужу духовну. IV) Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском. V) Плач о пленении и конечном разорении Московского государства. VI) Повести о чудесном видении в Нижнем Новгороде и Владимире. VII) Повесть о видении мниху Варлааму в Великом Новгороде. VIII) Повесть о некоей брани, лежащей на Великую Россию. IX) Временник дьяка Ивана Тимофеева. X) Сказание Авраамия Палицына по списку Московской духовной академии № 175. XI) Повесть князя Ивана Андреевича Хворостинина. XII) Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского по списку Императорской публичной библиотеки. Q. IV. № 154. XIII) Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского во второй редакции. XIV) Сказание о Гришке Отрепьеве. XV) Сказание о царстве царя Федора Иоанновича. XVI) Повести князя Семена Ивановича Шаховского. XVII) Житие царевича Димитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова. XVIII) Житие царевича Димитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Иоанна Милютина. XIX) История о первом патриархе Иове Мос-

ковском. XX) Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде по списку Н.П. Лихачева. XXI) Сказание Авраамия Палицына в окончательной редакции. XXII) Статьи о Смуте, извлеченные из Хронографа 1617 года, и Отповедь в защиту патриарха Гермогена. XXIII) Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. XXIV) Житие преподобного Иринарха. XXV) Сказание о Самозванце по списку Московского публичного музея № 3141.

«Сибирские летописи». Издание Императорской археографической комиссии.

«История государства Российского» Н.М. Карамзина.

«История России с древнейших времен» С. Соловьева.

«История России с древнейших времен» князя М. Щербатова. Изд. 1794 г.

«Философия общего дела» Н.Ф. Федорова.

«История России» Д. Иловайского.

«Курс русской истории» В. Ключевского.

«Боярская дума Древней Руси» его же.

«Лекции по русской истории» проф. С. Платонова.

«Очерки Смуты в Московском государстве

XVI–XVII вв.» его же.

«Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» проф. М.К. Любавского.

«История города Москвы» И. Забелина.

«Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии» его же.

«Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии» его же.

«Жития святых, чтимых Православною церковью» преосвященного Филарета.

«История Русской церкви» Б. Голубинского.

«История канонизации святых Русской церкви» его же.

«Преподобный Сергий, основатель Троице-Сергиевой лавры» его же.

«Рассказы из истории Русской церкви» графа М. Толстого.

«Святыни и древности Пскова и Новгорода» его же.

«Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н. Костомарова.

«Смутное время» его же.

«Собрание сочинений» его же.

«Русская история» К. Бестужева-Рюмина.

«Земские соборы в Древней Руси» Латкина.

Статьи, помещенные в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете»: «Литовский канцлер Лев Сапега о событиях Смутного времени» проф. М.К. Любавского. 1901 г. Книга III. «Челобитная И.С. Пересветова царю Ивану IV». 1902 г. Книга IV. «Утвержденная грамота об избрании на царство Михаила Федоровича Романова», с предисловием С.А. Белокурова. 1906 г. Книга III. «И.С. Пересветов, публицист XVI века» В.О. Ржиги. 1908 г. Книга I. «Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг.». С.Б. Веселовского. Книга IV. «Памятники обороны Смоленска 1609–1611 годов», под редакцией Ю.В. Готье. 1912 г. Книга I.

«Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством». Т. VI. 1598–1608. Издание под редакцией С.А. Белокурова в «Сборнике Императорского Русского исторического общества». Том 137.

«Степенная книга царского родословия» митрополита Макария. Издание Г. Миллера,

1775 г.

«Большая государственная книга 1672 года, или Корень российских государей, также Царский титулярник». Издание С.-Петербургского археологического института.

«Монархия Великого Российского царствия великих государей царей и великих князей Российских изиде от превысочайшего царского престола и прекрасно цветущего и пресветлого Августа Кесаря, обладающего всею вселенной», рукопись 1672 г., принадлежащая Императорской публичной библиотеке.

«Снимки древних русских печатей». Издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров.

«Царственный летописец», рукопись.

«Царственная Книга», рукопись, принадлежащая Патриаршей библиотеке в Москве.

«Алекسانдро-Невская летопись», рукопись, принадлежащая С.-Петербургской духовной академии.

«Казанский летописец», рукопись, принадлежащая Императорской академии наук.

«Житие преподобных Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев», рукопись Москов-

ского исторического музея из бывшего собрания А.А. Вархамьева.

«Житие святых Гурия и Варсонофия», написанное святым Гермогеном, патриархом всея России, рукопись, принадлежащая Императорской академии наук.

«Повесть о явлении чудотворной иконы Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии в Казани, списана смиренным Ермогеном (святым), митрополитом Казанским и Астраханским», рукопись, принадлежащая Императорской академии наук.

«Лицевая Ремезовская или Кунгурская летопись». Издание Зоста.

«Книга об избрании и венчании на царство Михаила Федоровича Романова», рукопись XVII века, составленная боярином Артамоном Сергеевичем Матвеевым и принадлежащая Московской Оружейной палате.

«Книга об избрании на царство Михаила Федоровича Романова». Издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров, 1856 г.

«Достоверные изображения московских государей» Д.А. Ровинского.

«Подробный словарь русских гравированных портретов» его же.

«Рукописный Апокалипсис XVI века», принадлежащий С.-Петербургской духовной академии.

«Рукописные Псалтыри бояр Федора и Дмитрия Ивановичей Годуновых».

«Житие святого Димитрия Царевича». Литографированное воспроизведение рукописи, изданное Императорским обществом любителей древней русской письменности.

«Сказания князя Курбского» Н. Устрялова.

«Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале» В.Т. Георгиевского.

«Древнерусская народная литература и искусство» Ф. Буслаева.

«Иконография Богоматери. Связь греческой и русской живописи с итальянской живописью раннего Возрождения» Н.П. Кондакова.

«Первые сорок лет сношений между Россией и Англией» Г.В. Толстого.

«Стефан Баторий и днепровские казаки» А.Ф. Стороженко.

«Карта военных действий между русскими

и поляками в 1579 году» Коркунова.

«Выписки о Московской войне (1578–1582)» Рейнгольда Гейденштейна.

«Храм-усыпальница великого князя Сергия Александровича во имя преподобного Сергия в Чудовом монастыре в Москве» Н.П. Степанова.

«Сочинения» Ф.Ю. Самарина.

«История русского народа» Полевого.

«Сочинения» Н.Д. Кавелина.

«Домострой» по Коншинскому списку А. Орлова.

«Археологические находки на хорах в церкви Киево-Печерской лавры» Н.И. Петрова.

«Иван Грозный» К. Валишевского.

«Смутное время» его же.

«Иоанн Грозный и его душевное состояние» проф. П.И. Ковалевского.

«Царь Иоанн Грозный» Н. Головина и Л. Вольфа.

«Записки о Московии XVI века Джерома Горсея». Издание А. Суворина.

«О государстве Русском» Флетчера. Издание А. Суворина.

«Народное воззрение на деятельность Иоанна Грозного» И. Сенигова.

«Критико-литературное обозрение путешествий по России до 1700 г.» Ф. Аделунга.

«Описание путешествия в Московию Адама Олеария». Издание А. Суворина.

«Путешествие в Персию через Московию в 1602–1603 гг. Какаша и Тектандера» в переводе А. Станкевича.

«Виды и бытовые картины России XVII века. Альбом Мейерберга». Издание А. Суворина.

Сказания современников о Димитрии Самозванце: Борова летопись Московская. Записки Георга Паэрле. Записки Маржерета и президента де Ту. Дневник Марины Мнишек и послов польских. Дневник Самуила Маскевича. Издание Н. Устрялова 1837 г.

«Брестская уния» И. Беляева.

«Латинская церковь в Северо-Западном крае» его же.

«Димитрий Самозванец» О. Пирлинга.

«Московская трагедия, или Рассказ о жизни и смерти Димитрия». Перевод с латинского А. Браудо и И. Росиуса.

Статьи о Лжедмитрии А. Суворина в журнале «Новое время» за 1894 г.

«Царь или не царь» Либровича.

«Люди Смутного времени». Сборник статей под редакцией А.С. Преснякова.

«Димитрий I». Статья проф. Е. Щепкина.

«Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России». Издание археографической комиссии.

«Исследование о личности о первого Лжедмитрия» П. Казанского. «Русский вестник», 1877 г.

«Добрые люди Древней Руси» проф. В. Ключевского.

«Начало династии Романовых» П.Г. Васенко, проф. С.Ф. Платонова и Е.Ф. Тураевой-Церетели.

«Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей» В. Берха.

«Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований» Лаппо-Данилевского.

«Древности русского права» В. Сергеевича.

«Обзор истории русского права» Влади-

мирского-Будановича.

«Царь Василий Шуйский и место его погребения в Польше» В. Цветаева.

«Князь М.В. Скопин-Шуйский» В. Иконникова в сборнике «Древняя и Новая Россия» за 1875 г.

«Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», изданные П. Мухановым.

«Минин и Пожарский. Кривые и прямые в Смутное время» И.Е. Забелина.

«Безвестный герой Смутного времени» его же в сборнике «Древняя и Новая Россия» за 1875 г.

«Арсеньевские шведские бумаги. I. 1601–1605» в сборнике Новгородского общества любителей древности. Выпуск V.

«Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича» П.Г. Васенко.

«Трехсотлетие державному Дому Романовых» Е.В. Богдановича.

«Русская военная история» князя Н. Голицына.

«Русская военная сила». Издание В. Пирогова.

«Очерк военного искусства до Петра Вели-

кого» А.Г. Елчанинова.

«Достопримечательности Московского Кремля» Вельтмана.

«Исторический очерк секуляризации церковных земель в России» А.С. Павлова.

«Российская родословная книга» князя П. Долгорукова.

«Древности Российского государства» акад. Ф.Г. Солнцева.

«Материалы для истории русского иконописания» Н.П. Лихачева.

«Законы великого князя Иоанна Васильевича и внука его царя Иоанна Васильевича». Изд. 1819 г.

«Памятники московских древностей, собранные Иваном Снегиревым». Изд. 1842–1845 гг.

«Историческое описание древнего русского музея под названием Мастерской или Оружейной палаты, в Москве обретающегося» Валуева.

«Великокняжеская и царская охота на Руси» Н. Кутепова.

«Учебный атлас по русской истории» М. Замысловского.

«Учебный атлас русской истории» барона Ф.Ф. Торнау.

«Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь» Бессонова.

«Географическо-статистический словарь Российской империи» П. Семенова.

«Словарь географический Российского государства», собранный Афанасием Щекатовым.

«История русской словесности» П. Полевого.

«Всемирная история» Шлоссера.

«Всеобщая история» А. Иегера.

«Из всемирной истории» проф. М. Петрова.

«История Русского искусства» Игоря Грабаря.

«Северное сияние», художественный альбом.

«Картины России» А. Свиньина. Изд. 1839 г.

На польском языке:

«Войны и военное устройство Польши» Т. Корзона.

«Польские медали» графа Рачинского.

«Ягеллонки польские в XVI веке» графа А. Пржездецкого.

«Источники для истории Люблинской унии» графа Дзялынского.

«Архив Яна Замойского, канцлера и гетмана велико-коронного». Части I и II. Издание графа М. Замойского.

«События царствования Сигизмунда III» Немцевича.

«Поляки и Москва». Статьи: «Дневник Вацлава Диаментовского, Дневник Яна-Петра Сапеги и Дневник Московского посольства, отправленного в Варшаву в конце 1611 года» А. Гиршберга.

«Димитрий Самозванец» его же.

«Марина Мнишек» его же.

«Записки Станислава Немоевского» его же.

«Деяния Лисовчиков» графа Дзедушинского.

«История Московской войны» Н. Мархоцкого.

«Письма гетмана Яна-Карла Хоткевича». Изд. библиотеки графов Красинских.

«Польский гербовник» Нисецкого.

На латинском языке:

«Изображения святейших пап». Изд. XVIII в.

«Описание Европейской Сарматии» А. Гваньини. Изд. 1611 г.

«О военном искусстве» маркграфа Альбрехта Прусского.

«География Себастиана Мюнстера». Изд. 1550 г.

«Иконография княжеского рода Радзивиллов» Ф. Вобе.

«Описание Московского государства» Якова Ульфельда.

«География Брауна». Изд. 1624 г.

«Жизнь и деяния турецких и персидских султанов» Бойсардуса. Изд. 1596 г.

«О войнах короля Густава Шведского» Пуффендорфа.

На французском языке:

«История Польши» Иоахима Лелевеля.

«Польша в истории, литературе и искусстве» Л. Хотьско.

На немецком языке:

«Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографической комиссией». Том I. «Московские летописи Конрада Буссова и Петра Петрея».

«Очерки истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии» Арбузова.

«Космография Себастиана Мюнстера». Изд. 1550 и 1572 гг.

«Монеты и медали герцога Магнуса Гольштейнского, епископа острова Эзеля» Б. Кене.

На голландском языке:

«Три путешествия на Новую Землю» Геритт-де-Вега. Изд. 1599 г.

Список иллюстраций

Часть первая

Глава 1

Великий князь Василий Димитриевич.
Здесь и далее иллюстрации из альбома «История государства Российского в изображениях державных его правителей с кратким пояснительным текстом» *В.П. Верещагина*

Глава 2

Великий князь Иоанн III Васильевич

Глава 3

Великий князь Василий Иоаннович

Часть вторая

Глава 1

Царь Иоанн IV Васильевич

Глава 2

Письмо Ивана Грозного Фердинанду I

Глава 3

Царь Феодор Иоаннович

Глава 4

Царь Михаил Феодорович Романов

Сноски

1

До сих пор в Западной России сохранились потомки приведенных Тохтамышем татар: это так называемые литовские татары.

[^^^]

Дворянские гербы перешли в Польшу из Западной Европы; они означали как бы знамя известного рода; все принадлежавшие к одному гербу считались между собой родственниками и должны были оказывать друг другу поддержку. При этом за известные заслуги лицам безродным разрешалось приписываться к одному из существующих гербов, после чего они входили на равных правах в круг всех лиц, ранее принадлежавших к этому гербу, хотя бы и носили другое наименование или фамилию. Поэтому разрешение литовцам приписываться к польским гербам как бы роднило их со всем польским дворянством.

[^^^]

К этому времени он уже потерял свою супругу Анну, дочь Василия Дмитриевича Московского.

[^^^]

В этом отношении, как и во многих других, московские князья составляли полную противоположность польским королям. Последние постоянно нуждались в деньгах и постепенно заложили и распродали немцам всю Силезию, составлявшую исконное их владение.

[^^^]

Исследованию вопроса о переводных сочинениях в XIV–XVII столетиях посвящен обширный труд академика А.И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков» в «Сборнике отделения русского языка и словесности Императорской академии наук» 1903 года.

[^^^]

6

Иоанн I – Калита, Иоанн II – Кроткий, или Добрый, – отец Дмитрия Донского.

[^^^]

В описываемые времена замужние женщины именовались девками при обращении к старшим в знак почтения к последним не только у нас на Руси, но, по-видимому, во многих государствах Западной Европы; так, во Франции одна только королева называлась замужней – «мадам»; остальных же женщин даже их собственные мужья именовали «мадемуазель» – то есть девицами.

[^^^]

Мы именуем иудеев жидами, а не евреями, как их часто называют многие русские писатели новейшего времени, и делаем это потому, что Евр, предок Авраама, считается родоначальником многих семитических племен, в том числе и арабов; иудеи же происходят от потомков Иуды, почему на всех европейских языках для них и имеются названия, происходящие от слова Иуда: юде (по-немецки), джю (по-английски), жюйф (по-французски), жид (по-польски) и так далее; наши летописцы, а также историки – Карамзин и Соловьев – тоже неизменно называют иудеев жидами.

[^^^]

9

В священники или дьяконы, по выбору мирян.

[^^^]

Этим внутренним значением титула православных русских государей-мироотворцев он резко разнится от титула мусульманских завоевателей, турецких султанов, в числе почетных наименований которых в их титуле имеется также и название «убийца».

[^^^]

Ныне город Волоколамск.

[^^^]

Этот князь Димитрий Бельский, родной брат изменника князя Семена и князя Ивана, убитого по приказанию Шуйского, замечателен тем, что отличался необыкновенно ровным, осторожным нравом, никогда не принимая участия ни в каких крамолах, а потому удержал свое положение при всех многочисленных переменах во время царствования Иоанна.

[^^^]

Оружейных и пушечных мастеров, литейщиков, кузнецов, рудокопов, слесарей, аптекарей, врачей и печатника, так как в Москве еще не было своей печатни.

[^^^]

Вестминстерское аббатство – местожительство лондонского архиепископа.

[^^^]

Высший знак отличия в Англии.

[^^^]

Сочинения г. Валишевского по русской истории благодаря его сравнительно большой осведомленности и живости изложения имеют у нас довольно многочисленный круг читателей; к сожалению, этот писатель делает нередко злобные выпады, направленные против самых дорогих понятий и чувств русских людей, а также и против православия. Так, про геройскую оборону русскими Смоленска во время осады его поляками он считает возможным сказать следующую нелепость: «Вместо мощей преподобного Сергия и преподобного Никона у осажденных были не менее чудотворные иконы, которые они вешали в наказание вниз головой, если счастье покидало их знамена» – и тому подобное.

[^^^]

Поставление на правеж заключалось в том, что неисправных должников ежедневно выводили на площадь и били до тех пор по ногам, пока долг не был уплачен.

[^^^]

На том же Люблинском сейме король утвердил наследственным герцогом Пруссии, бывшей, как мы помним, подручным владением Польши, соседнего немецкого владетеля – курфюрста Бранденбургского Альбрехта-Фридриха – и таким образом соединил в руках одного германского владетельного князя два смежных между собой немецких владения: Пруссию и Бранденбург. Это был важный промах относительно всего славянства.

[^^^]

На свадьбе Грозного посаженным отцом был его сын Феодор, а дружками Борис Феодорович Годунов и князь Василий Иванович Шуйский, все три, как увидим, будущие московские цари.

[^^^]

Из этих прений Грозного особенно замечательны с чехом-протестантом Иоанном Роки-тою и лютеранским священником во время Ливонской войны.

[^^^]

Здесь Иоанн высказывает мнение, господствовавшее на Руси в XVI веке.

[^^^]

По-видимому, в этом отношении Елизавета была искренна, так как в Англии нигде не сохранилось изображения Марии Гастингс.

[^^^]

Эти сибирские татары находились, по-видимому, в ближайшем родстве с ногайскими.

[^^^]

Одного шахматного короля ему никак не удалось поставить на свое место, тогда как другие шахматы были уже все расставлены.

[^^^]

Лупп-Клешнин впоследствии постригся и принял схиму, очевидно желая замолить свой великий грех.

[^^^]

Знаменитые римские писатели II века до н. э.

[^^^]

И в настоящее время существует у некоторых историков взгляд, что самозванец был выдвинут боярской партией. Но самое тщательное исследование всех дошедших до нас обстоятельств того времени не дает никаких данных, чтобы хоть чем-нибудь подтвердить это предположение; мы видели, что Григорий жил до 14 лет у бояр Романовых, а затем постригся еще при жизни царя Феодора Иоанновича, когда никто не мог знать, долго ли будет царствовать последний и кто займет после него московский престол. Затем мы видели, через какие мытарства прошел Григорий, пока он не попал наконец после долгих скитаний к Адаму Вишневецкому. Все это показывает, что он едва ли имел существенную поддержку в ком-либо среди влиятельных лиц Московского государства; вместе с тем это не исключает полной возможности предположения, что на самозванство его натолкнули разговоры, которые он с детства слышал о своем сходстве с Димитрием, а также и предположения, что он нашел усердных со-

общников среди некоторых монахов. Сам Лжедмитрий называл только одного дьяка Василия Щелкалова, который будто бы покровительствовал ему.

[^^^]

Ни о каком враче Симеоне ни в одном из современных письменных памятников не упоминается, чтобы он состоял при царевиче Дмитриии. Очевидно, если бы он был, а затем исчез, то его хватились бы и стали разыскивать.

[^^^]

Этого князя Рубца-Мосальского, также Василия, не следует смешивать с другом Лжедмитрия, посланным Шуйским воеводой в Корелу.

[^^^]

Почетная дворцовая стража.

[^^^]

Земля для раскладки разных податей делилась в Московском государстве со второй половины XVI века, кроме уже известного нам деления на сохи, также и на выти; выть была меньше сохи и заключала в себе в зависимости от дохода, приносимого землей, 12, 14 или 16 четвертей, причем четверть равнялась полудесятине.

[^^^]

В числе царских драгоценностей было литое из золота изображение Спасителя, ценой в 30 тысяч золотых. Гонсевский и Андронов разбили его на куски, чтобы продать.

[^^^]

Вот имена достойных нижегородцев, приехавших в Москву для избрания государя: спасский протопоп Савва, предотечевской поп Герасим, мироносицкий поп Марко, никольский поп Богдан; дворянин Григорий Измайлов, дьяк Василий Сомов, таможенный голова Борис Понкратов, кабацкий голова Оникей Васильев; посадские люди: Федор Марков, Софрон Васильев, Яков Шеин, Третьяк Андреев, Еким Патокин, Богдан Мурзин, Богдан Кожевник, Третьяк Ульянов, Мирослав Степанов, Алексей Маслухин, Иван Бабурин.

[^^^]

Книга эта составлена во второй половине XVII века знаменитым боярином Артамоном Сергеевичем Матвеевым и «строилась» вся по указам царя Алексея Михайловича. Писал книгу подьячий Иван Верецагин, а рисунки в красках к ней, в количестве 21, писали иконописцы Иван Максимов, Сергей Рожков, Ананий Евдокимов и Федор Юрьев. Подлинная рукописная «Книга об избрании и венчании на царство...» хранится в Московской Оружейной палате. В 1865 году, по повелению императора Александра II, книга эта была напечатана в Москве, причем рисунки к ней, кроме одного в красках, приложены черные, резанные на меди.

[^^^]